

Урсула
ЛЕ ГУИН

ЗОЛОТОЙ ФОНД
МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

ЗЕМНОМОРЬЕ

Полная летопись волшебной страны

Annotation

Первый же роман знаменитого цикла о Земноморье поставил Урсулу Ле Гуин в ряды выдающихся мастеров фэнтези, наряду с Дж. Р. Р. Толкиеном и К. Льюисом. В замысловатом лабиринте сказочной страны Земноморье не мудрено и заблудиться, но ведомому фантазией и талантом Урсулы Ле Гуин читателю не грозит столь незавидная участь. Продуманный до мелочей, раскрашенный сочными красками мир заключает в себе неповторимое обаяние, под власть которого уже попали миллионы любителей фантастики во всем мире.

- [Урсула Ле Гуин](#)
 - [Волшебник Земноморья](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [Гробницы Атуана](#)
 - [Пролог](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)

- [На последнем берегу](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)

- [Техану](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)

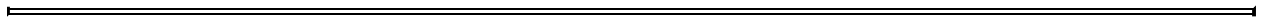
- [Сказания Земноморья](#)

- [Сказания Земноморья](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Искатель](#)
 - [I. Темные Времена](#)
 - [II. Выдра](#)
 - [III. Крачка](#)
 - [Смотри, Медра, смотри!](#)
 - [IV. Медра](#)
 - [Темная Роза и Диамант](#)

- [Кости земли](#)
- [На верхних болотах](#)
- [Стрекоза\[3\]](#)
 - [I. Ирия](#)
 - [II. Айвори](#)
 - [III. Азвер](#)
 - [IV. Ириан](#)
- [Краткое описание Земноморья](#)
 - [Народы и языки](#)
 - [Драконы](#)
 - [Языки](#)
 - [Письменность](#)
 - [Литература и исторические источники](#)
 - [История](#)
 - [Начало начал](#)
 - [История архипелага](#)
 - [Морред](#)
 - [Короли Хавнора](#)
 - [Махарион и Эррет-Акбе](#)
 - [Темные времена, «Братство Руки», Школа Волшебников](#)
 - [История каргадских земель](#)
 - [Магия](#)
 - [Школа на острове Рок](#)
 - [Волшебство и целибат](#)
- [На иных ветрах](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
- [Шкатулка, в которой была тьма](#)
- [Одержавший победу](#)
- [Правило имен](#)
- [Освобождающее заклятье](#)

- [notes](#)

- 2
- 3

Урсула Ле Гуин

Земноморье

Волшебник Земноморья

*Моим братьям — Клифтону,
Теду, Карлу*

*В молчании — слово,
А свет — лишь во тьме;
И Жизнь после смерти
Проносится быстро,
Как ястреб, что мчится
По сини небесной,
Пустынной, бескрайней...*

Создание Эа

Остров Гонт — это, по сути дела, одиноко стоящая гора, вершина которой издали видна над бурными водами Северо-восточного моря. Гонт славится своими волшебниками. Немало гонтийцев из высокогорных селений и портовых городов, вытянувшихся вдоль узких заливов, отбыло в иные государства служить властителям Архипелага: кто в качестве придворного волшебника, кто просто в поисках приключений, скитаясь по всему Земноморью от острова к острову и зарабатывая на жизнь колдовством.

Говорят, что самым великим из этих волшебников и уж, во всяком случае, величайшим из путешественников был некий гонтиец по прозвищу Ястреб-перепелятник, в конце концов ставший не только Повелителем Драконов, но и Верховным Магом Земноморья. О жизни его повествуется в эпическом сказании «Подвиг Геда» и во многих героических песнях, но эта наша история — о тех временах, когда слава еще не пришла к нему и не были еще сложены о нем песни.

Он родился в уединенной деревушке под названием Десять Ольховин, примостившейся высоко в горах прямо над Северной Долиной. От деревни террасами к морю спускались пастбища и пахотные земли, а по берегам реки Ар, извивавшейся в долине, виднелись крыши других селений; выше был только лес, к вершине он уступал место голым скалам, покрытым снегом.

Имя, которое он носил ребенком, Дьюни, было дано ему матерью; и это единственное, кроме самой жизни, что она успела ему дать, потому что умерла прежде, чем мальчику исполнился год. Его отец, деревенский кузнец, бронзовых дел мастер, был мрачным неразговорчивым человеком, и поскольку шестеро братьев Дьюни были значительно старше его и один за другим уже покинули родной дом, отправясь работать в другие селения Северной Долины — земледельцами, моряками, кузнецами, в семье не осталось души, способной дать ребенку хоть каплю тепла.

Он вырос дикарем, словно мощный сорняк, этот высокий быстрый мальчик, гордый и вспыльчивый. С другими деревенскими мальчишками он пас коз на крутых горных пастбищах у впадающих в реку Ар ручьев, а когда у него достало сил, чтобы раздувать большие кузнечные мехи, отец сделал паренька своим подмастерьем, и наградой ему служили колотушки

да розги.

Однако особого толку от Дьюни не было. Он вечно где-то пропадал, скрывался, бродил по дальним лесам, плавал в омутах реки Ар, очень быстрой и холодной, как и все речки Гонта, или забирался по скалам и утесам на такую высоту, где лес кончался и можно было увидеть море — бескрайние северные воды, посреди которых самым ближним островом был Перрегалъ.

В одной деревне с Дьюни жила сестра его покойной матери. Она присматривала за мальчиком, пока тот был совсем маленьким, однако у нее и своих дел хватало, так что, едва ребенок смог как-то обходиться без помощи взрослых, тетка и вовсе перестала обращать на него внимание. Однажды, когда Дьюни было лет семь и он не успел еще ничего узнать ни о волшебстве, ни о колдовских силах, ни о магии, он услышал, как тетка не то плачет, не то поет, уговаривая своего козла слезть с тростниковой крыши избышки, и не успела она пробормотать какой-то стишок, как упрямое животное тут же спрыгнуло на землю.

На следующий день, когда Дьюни пас коз на лугу возле Верхнего Перевала, он крикнул им те самые слова, которые услышал накануне, совсем не ведая, ни зачем они, ни что они значат:

Нот хирт мок мэн
хиолк хан мерт хан!

Он проорал стишок во все горло, и козы подошли к нему. Примчались со всех ног и беззвучно обступили, неотрывно глядя прямо в душу черными зрачками своих желтых глаз.

Дьюни засмеялся и громко повторил стишок, что давал над козами такую власть. Козы придвинулись еще ближе, толкаясь вокруг него.

И тут он почувствовал страх, так близко были их толстые острые рога, странные глаза, такая удивительная тишина висела вокруг. Мальчик попробовал убежать, вырваться из этого кольца, но козы по-прежнему держали его в плену, бежали следом, пока, наконец, все вместе они не добрались до деревни — плотное кольцо коз, словно связанных одной веревкой, а в середине этого кольца — Дьюни, зареванный и орущий что было сил. Выбежали соседи и криками попытались разогнать коз, смеясь над незадачливым пастушком. Следом прибежала и тетка Дьюни; она смеяться не стала. Только что-то шепнула козам, и животные вновь принялись как ни в чем не бывало блеять и щипать траву на лугу,

освобожденные от заклятия.

— Пойдем-ка со мной, — сказала тетка Дьюни.

И повела его к себе в избушку, где жила совершенно одна. Дети сюда обычно не допускались, да они и боялись этого места.

Избушка была низкой, темной, без окон и вся пропахла травами, которые пучками были развешаны на просушку на центральной балке под крышей: мята, волшебная трава моли,^[1] тимьян, тысячелистник, куриная слепота, водосбор, какие-то водоросли, дьявольское копытце, пижма и лавровый лист. Тетка уселась у очага, скрестив ноги и искоса поглядывая на мальчика сквозь косые пряди черных волос, спросила, что именно он сказал козам и знает ли, что это за слова. Обнаружив, что он не понимает ровным счетом ничего, хоть и сумел заколдовать коз, заставив их слушаться и следовать за ним, тетка окончательно уразумела, что в ее племяннике заключена магическая сила.

Пока он был только сыном ее сестры, она не обращала на него внимания, но теперь, сама будучи ведьмой, она смотрела на Дьюни новыми глазами. Тетка похвалила мальчика и сказала, что может научить его другим стишкам-заклинаниям — какие ему больше понравятся: например, можно заставить улитку высунуться из раковины или призвать к себе ястреба из поднебесья.

— О да, научи меня вызывать ястреба! — воскликнул Дьюни, уже совсем позабыв о том страхе, что нагнали на него козы, и с удовольствием слушающая похвалы тетки своей сообразительности.

Ведьма сказала:

— Но, если я назову тебе подлинное имя ястреба, ты никогда не должен говорить его другим детям.

— Честное слово, не скажу!

Она улыбнулась его невинной горячности:

— Что ж, будь по-твоему. Но раз ты дал мне слово, я тебя на слове и ловлю. Язык твой будет связан до тех пор, пока я не сочту нужным освободить его, но даже и тогда ты, хоть и обретешь снова дар речи, не сможешь произнести при ком-либо то слово, которому я тебя научу. Мы должны хранить тайны своего ремесла.

— Ладно, — сказал мальчик, ибо не было у него ни малейшего желания делиться какими бы то ни было тайнами с приятелями; наоборот, ему хотелось знать то, чего не знали они, и делать то, чего они сделать не могли.

Дьюни сидел спокойно, а тетка тем временем собрала свои патлы в пучок, застегнула пряжку на талии и снова уселась, скрестив ноги, бросая

горстями в очаг какие-то листья, от которых повалил густой дым, заполнивший и без того темную избушку. Потом ведьма запела каким-то странным, переменчивым голосом — то высоким, то низким, словно ее устами пел кто-то другой, и пение это все продолжалось и продолжалось, пока мальчик не перестал понимать, во сне все это происходит или наяву, а рядом с ним безотлучно сидела черная ведьмина собака с красными от дыма глазами, которая ни разу даже не тявкнула, потому что не лает никогда. И тут вдруг тетка заговорила с Дьюни на каком-то непонятном языке и заставила его повторять за ней длинные заклинания и отдельные слова, потом наконец колдовство свершилось, и он застыл в полной неподвижности.

— Говори! — приказала ведьма, проверяя силу заклатья.

Говорить он не мог, но засмеялся.

Тут уж сама тетка испугалась заключенной в мальчике магической силы: ведь это было самое сильное из ведомых ей заклятий. Она стремилась обрести власть не только над речью или молчанием Дьюни, но и связать его волю, обязать служить ей одной и помогать во всех ее колдовских деяниях. И все же, хоть заклатье подействовало, он засмеялся. Ведьма не сказала больше ни слова. Лишь обрызгала огонь в очаге чистой водой, чтобы окончательно погасить его, и разогнала дым; потом дала мальчику напиток. Когда же воздух совсем очистился от дыма и Дьюни вновь обрел способность говорить, тетка научила его тому единственно верному, подлинному имени ястреба, на которое лишь и должна отзываться эта птица.

Так Дьюни совершил свой первый шаг по очень долгому пути — длиной в целую жизнь, — которым теперь предстояло ему следовать. Путь этот привел его к погоне за страшной Тенью, и он попал в такие края, что лежат за неведомыми морями и простираются до самых границ темного царства смерти. Но пока что открывшийся перед ним путь казался ему светлой широкой дорогой.

Когда Дьюни убедился, что, стоит ему произнести подлинное имя сокола и тот камнем падает с небес к нему на плечо или садится на запястье, покачивая могучими крыльями, словно ловчая птица во время княжеской охоты, ему до смерти захотелось узнать побольше таких вот настоящих имен, и он явился к тетке и стал молить ее назвать ему имена ястреба-перепелятника, скопы, орла и других хищных птиц. Для того чтобы выучить эти дающие власть слова, он готов был делать все, что ему велела ведьма, хотя далеко не все это было ему по душе.

На острове Гонт есть поговорка «Слабый, как женские чары», но

существует и другая — «Опасный, как женские чары». Обе они справедливы, а потому, если колдунья из деревни Десять Ольховин и не обладала особой магической силой, да и вообще злой не была, но, хоть она и не знала общения с Древними Силами Земли, кое-каким колдовством все же владела и частенько использовала его для разных подозрительных дел и обмана, потому что была женщиной невежественной и жила среди темного, невежественного народа. Тетка Дьюни ничего не знала ни о Равновесии, существующем во Вселенной, ни о Великом Пути, который ведом настоящим волшебникам, преданным своему делу и никогда не произносящим без нужды ни единого слова Истинной Речи, не говоря уж о заклинаниях. У этой же непросвещенной женщины было готово заклинание на любой случай жизни, и вечно она плела какие-то козни. Колдовство ее по большей части, правда, оказывалось сущей ерундой и притворством, да она и не очень-то умела отличать настоящие заклинания от фальшивых. Зато она знала множество проклятий, и ей, например, гораздо лучше удавалось наслать на кого-то болезнь, чем вылечить ее. Как и все деревенские колдуны, она умела варить любовное зелье; впрочем, готовила она и другие, весьма, надо сказать, отвратительные напитки, разжигающие в человеке ревность и ненависть. Но об этом она предпочитала помалкивать и учила своего юного племянника честному волшебству — по мере сил, разумеется.

Сначала самым большим удовольствием для Дьюни, который был еще совсем ребенком, оказалась его магическая способность подчинять себе диких птиц и зверей. Честно говоря, этим своим умением он наслаждался всю жизнь. Деревенские дети, которые часто видели его на горных пастбищах в обществе зачарованной им птицы, прозвали его Ястребком, или, точнее, Ястребом-перепелятником; так приобрел он ту кличку, которой пользовался потом всегда, даже после того, как узнал свое подлинное имя.

Ведьма вечно твердила ему, что колдун может обрести над людьми неограниченную власть, сулящую славу и богатство, и он стал еще старательнее изучать колдовскую премудрость. И очень в этом преуспел. Тетка нахваливала его, деревенские дети стали его бояться, сам же Дьюни не сомневался, что скоро станет великим колдуном. Так, постепенно запоминая все новые и новые волшебные слова и заклинания, он выучился почти всему, что знала и сама ведьма: не так уж и много знала она, однако вполне достаточно для обыкновенной деревенской колдуньи, и более чем достаточно было этих знаний для мальчика, которому едва минуло двенадцать лет. Тетка рассказала Дьюни все, что знала о травах и траволечении, об умении отыскивать предметы, связывать живые существа

волшебным словом и сбивать с пути, научила его раскрывать многие двери и некоторые тайны. Она рассказала ему все, что помнила из легенд о Великих Подвигах, спела ему все известные ей героические песни, назвала все слова Истинной Речи, которые узнала когда-то у одного колдуна. А у предсказателей погоды и бродячих фокусников, часто посещавших селения Северной Долины и Восточного Леса, мальчик научился всяким трюкам и забавным шуткам, а также — созданию иллюзий. При помощи одного из таких несложных заклятий он в трудный для селения час и показал, сколь велика волшебная сила, заключенная в нем от рождения.

В те времена славилась своим могуществом империя Каргад. Основу ее составляли четыре больших острова, расположенных между Северным и Восточным Пределами: Карего-Ат, Атуан, Гур-ат-Гур и Атнини. Говорили там на языке, не похожем ни на один другой язык Архипелага и Пределов. Населяли Каргад белокожие и светловолосые варвары, свирепые любители кровавых битв и запаха сожженных городов. За год до описываемого времени они успешно захватили острова Ториклы и хорошо укрепленное государство на острове Торхевен, явившись туда на своих бесчисленных судах под красными парусами. Известия об этом достигли уже северного побережья Гонта, однако правители острова были заняты собственными пиратскими вылазками, так что им и дела не было до чужих бед. Вскоре под натиском каргов пал остров Спиви, выжженный и превращенный в пустыню; все его жители были увезены и проданы в рабство. Даже и теперь Спиви по-прежнему весь в руинах. Гонимые жаждой завоеваний, карги поплыли на север, к Гонту, и несметное множество их высадилось с тридцати больших галер в Восточном Порту. Сломив сопротивление горожан, они захватили порт, сожгли его, оставили свои корабли под охраной части воинов в устье реки Ар и стали подниматься вверх по течению, разрушая все на своем пути и зверски расправляясь не только со скотиной, но и с людьми. Они двигались по направлению к Северной Долине несколькими отрядами, грабя и убивая. Беженцы из разоренных каргами селений разнесли весть о грядущей беде по высокогорным деревням, и вскоре жители Десяти Ольховин тоже увидели, что горизонт на востоке тонет в черном дыму, а те, кто ночью поднялся к Верхнему Перевалу, ужаснулись: долина внизу сверкала огнями пожаров там, где еще вчера колыхались в полях созревшие хлеба и в садах на деревьях краснели плоды; все теперь пожирало ненасытное пламя, а большая часть домов и амбаров уже лежала в руинах.

Некоторые из жителей деревни поспешили укрыться в оврагах и

лесах; остальные приготовились драться не на жизнь, а на смерть, впрочем, некоторые вообще не делали ничего, лишь причитали да плакали. Ведьма была среди тех, кто бежал из деревни, и теперь скрывалась одна в пещере на крутом откосе Каппердинга, заклятьями затворив вход. Отец Дьюни, кузнец, остался; он не мог расстаться со своей плавильней и горном, со своей кузней, где трудился полсотни лет. Всю последнюю перед боем ночь он не покладая рук превращал имевшийся в запасе металл в наконечники для копий, а остальные тут же надевали эти наконечники на рукоятки от мотыг и грабель, потому что не было времени крепить их по-настоящему. В деревне не водилось иного оружия, кроме охотничьих луков да коротких ножей, ибо горные жители Гонта в общем миролюбивы; остров славился отнюдь не воинами, а козлокрадами, морскими пиратами и волшебниками.

С рассветом пришел густой белый туман, как это часто бывает осенним утром высоко в горах. Возле своих избушек и домов, беспорядочно разбросанных по склону горы, стояли жители Десяти Ольховин и ждали, держа в руках свои луки и только что изготовленные копья, не зная, далеко ли, близко ли карги; стояли в полной тишине, вглядываясь в густой туман, скрывавший от их глаз предметы, расстояния и опасности.

Там же был и Дьюни. Он всю ночь проработал в кузне, качая огромные мехи, питавшие воздухом огонь. Теперь усталые руки его так дрожали и болели, что он едва мог держать копье, которое сам себе выбрал. Он не представлял, как будет участвовать в сражении и чем вообще сможет помочь и себе, и односельчанам. Сердце его екнуло при мысли о том, что он умрет, насаженный на копье какого-нибудь карга, а ведь он еще так юн. Тогда придется ему отправиться в страну Тьмы, так и не узнав собственного настоящего имени, так и не став мужчиной. Он посмотрел на свои тонкие руки, покрытые холодными капельками осевшего на кожу тумана, и пришел в ярость от собственного бессилия, ибо знал, какое в нем таится могущество, да только не умел выпустить его наружу, не умел им воспользоваться. Дьюни старательно перебирал в памяти самые разнообразные заклинания, пытаясь найти такое, которое могло бы помочь гонтийцам победить каргов или хотя бы дать его односельчанам надежду на спасение. Но одного лишь горячего желания недостаточно, чтобы выпустить волшебную силу на свободу, для этого нужно уменье.

Туман начинал рассеиваться под лучами горячего солнца, всходившего прямо над вершиной горы, и уплывать крупными ватными облаками, обрывками дымчатой вуали, и жители деревни увидели, что вверх по склону движется отряд захватчиков. Воины были в бронзовых шлемах,

поножах и нагрудниках из толстой кожи, инкрустированных полированным деревом и бронзой. Вооружены карги были мечами и длинными копьями. Поднявшись по обрывистому берегу реки Ар, они подошли уже совсем близко; уже можно было разглядеть их белокожие лица, расслышать отдельные слова их ужасного говора. Этот отряд состоял примерно из ста каргов — не так уж и много, однако сейчас в деревне оставалось всего восемнадцать мужчин и юношей.

Острая потребность что-то немедленно предпринять наконец вызволила знания Дьюни из плена: видя, как рассеивается и тончает завеса тумана, он вспомнил вдруг заклинание, которое могло бы оказаться весьма полезным. Некий старый предсказатель погоды, пытаясь залучить мальчика себе в ученики, кое-чему обучил его. Один из этих трюков назывался «плетение тумана»; здесь применялось заклинание, которое на время как бы собирает весь туман в одно место, и человек, владеющий искусством иллюзий, может при этом придавать собранному туману самые разнообразные волшебные и загадочные формы, которые, впрочем, весьма недолговечны и почти сразу расплываются и тают. Дьюни, конечно же, таким мастерством не обладал, но у него и намерения были совсем иные. Главное — суметь использовать туман в своих целях. Быстро и громко он сказал вслух, как велика и где кончается деревня Десять Ольховин, затем произнес заклинание, в ткань которого вплел волшебные слова, помогающие скрыть предметы от глаз чужака, а под конец успел выкрикнуть волшебное слово, что связывает заклятье и заставляет волшебство продлиться как можно дольше.

Однако едва он это сделал, как отец вlepил ему такую затрещину, что мальчик упал.

— Тихо ты, дурак! Придержи свой болтливый язык да спрячься, коли не можешь драться!

Дьюни поднялся на ноги. Ему хорошо были слышны голоса каргов где-то у большого тисового дерева на противоположном конце деревни, возле дома дубильщика кож. И не только голоса, но и бряцанье доспехов и оружия, однако из-за тумана видно их не было. Туман окутывал деревню настолько плотной пеленой, что стало почти темно, словно наступил вечер; мир вокруг как бы исчез, растворился в тумане, так что с трудом можно было различить очертания собственных рук.

— Я же всех нас спрятал, — упрямо и тихо проговорил Дьюни; голова у него все еще гудела от отцовского подзатыльника, а применение двух заклятий сразу отняло все силы. — Я продержу здесь этот туман так долго, как только смогу. Собери людей и веди их к Верхнему Перевалу.

Кузнец уставился на сына так, словно тот был духом, порожденным этим таинственным сырым туманом. До него не сразу дошел смысл слов Дьюни, однако, осознав сказанное, он тут же бросился собирать остальных. Двигался кузнец совершенно бесшумно — ведь ему были знакомы каждый поворот изгороди, угол каждого дома родной деревни. Сквозь серый туман стал пробиваться красноватый отсвет: это карги подожгли тростниковую крышу одного из домов. Но в саму деревню пока не входили, а ждали на ее нижнем конце, надеясь, что туман все же рассеется и добыча сама попадет к ним в руки.

Дубильщик — это его дом подожгли карги — послал двух своих мальчишек, и те шныряли у каргов перед самыми носами, дразнили их, улюлюкали, а потом исчезли снова, растворились, как дым за стеной тумана. Между тем старшие мужчины, пробираясь за изгородями, перебегая от дома к дому, подошли к врагам совсем близко, и с тыла на каргов неожиданно посыпался град стрел и копий, поразивших многих, ибо карги стояли кучей. Один из них упал, пронзенный копьем, наконечник которого еще хранил тепло наковальни. Другие были ранены стрелами. Каргов охватила ярость. Они бросились было вперед, чтобы сровнять с землей жалких соперников, но повсюду был один лишь туман. В тумане со всех сторон слышались голоса, и карги, спотыкаясь в белесой мгле, пошли на эти голоса со своими огромными, украшенными перьями и перепачканными кровью копьями. С яростными воплями они прошли всю деревню насквозь, даже не подозревая, что она уже кончилась, потому что хотя время от времени и видели рядом дома, но дома эти тут же снова скрывались в густом сером тумане. Гонтийцы поднимались в горы поодиночке, большая их часть ушла уже довольно далеко, ведь местность была им хорошо знакома, однако некоторые, в основном дети и старики, двигались медленнее. Догоняя отставших, карги пускали в ход копья или мечи и воинственно выкликали имена своих белокожих Богов-Близнецов с острова Атуан:

— Вулуа! Атва!

Почувствовав, впрочем, что земля под ногами стала уж больно неровной и вовсе не похожа на деревенскую улицу или дорогу, некоторые из каргов начали останавливаться, но большая их часть по-прежнему стремилась вперед, отыскивая призрачную деревню, преследуя неясные, расплывчатые тени ее жителей, которые ускользали из-под самого носа. Туман вокруг, казалось, ожил, задвигался, фигуры людей в нем то возникали, то исчезали вновь. Часть отряда каргов преследовала призраков-гонтийцев до самого Верхнего Перевала, где склон круто обрывался над

одним из притоков реки Ар; там призраки вдруг как бы растаяли в тумане, а их преследователи попадали прямо в невидимую пропасть. В пронизанном солнечными лучами тумане стало видно, как они один за другим летят с тридцатиметровой высоты в мелкие заводи прямо на острые камни. А те, кто отстал и лишь потому остался в живых, остановились на самом краю обрыва и долго стояли, прислушиваясь.

И тут в сердца каргов вошел ужас, ибо они в густом тумане натыкались лишь друг на друга, не обнаруживая рядом ни одного жителя деревни. Наконец воины собрались вместе на склоне холма и стали спускаться, но откуда-то из тумана то и дело появлялись проклятые призраки и наносили каргам удары ножами и копьями. Карги бросились бежать и беспорядочной толпой, спотыкаясь и не говоря ни слова, бежали вниз до тех пор, пока не вылетели вдруг из-под густого слепящего облака и не увидели прямо перед собой реку, расположенные куда ниже деревни овраги, и все это было залито солнцем, нигде ни клочка тумана. Они остановились, собрались в кучу и дружно оглянулись назад. Стена волнистого влажного серого тумана подступала к тропе вплотную, скрывая все, что лежало за ней. Из этой стены вывалились еще двое или трое каргов, загнанных и спотыкающихся, с длинными копьями на плечах. Ни один из захватчиков в ту сторону больше даже не посмотрел. Все разом двинулись по склону горы вниз, спеша прочь от этого заколдованного места.

Однако в селениях, расположенных в самой Северной Долине, карги утолили-таки свою жажду битвы. Жители Восточного Леса, от Оварка до самого побережья, послали своих мужчин на битву с захватчиками. Отряд за отрядом спускались гонтийцы с гор, преследуя стремительно отступавших к побережью каргов. Достигнув пляжей чуть выше Восточного Порта, захватчики обнаружили, что корабли их сожжены; им пришлось биться с хозяевами Гонта у самой кромки воды, и битва шла до тех пор, пока не осталось в живых ни одного карга, а пески устья Ар не стали бурыми от крови. Потом кровь смыл прилив.

Утром, после битвы в деревне Десять Ольховин и у Верхнего Перевала, сырой серый туман еще повисел немного, потом вдруг поднялся, рассеялся, растворился и уплыл куда-то вдаль, словно его и не бывало. Люди растерянно озирались, стоя на ветерке под утренними лучами солнца. Повсюду валялись тела мертвых каргов; их длинные спутанные светлые волосы были в крови. Неподалеку лежал и деревенский дубильщик, принявший благородную смерть в бою.

В нижнем конце деревни все еще догорал дом, подожженный каргами.

Люди бросились тушить пожар, потому что сражение уже закончилось и они победили. На деревенской улице у высокого тиса они обнаружили одиноко стоявшего Дьюни, сына кузнеца; он не был ранен, но не произносил ни слова и явно был не в себе, словно его заколдовали. Односельчане прекрасно понимали, что этот мальчик сделал для них. Они отвели его домой и бросились искать ведьму, нашли ее и стали умолять выйти из пещеры и спасти парнишку, который отвел от них смертельную опасность, ведь живыми остались все, кроме четверых убитых каргами, и уцелело все имущество, если не считать все еще догоравшего дома.

Тетка не обнаружила на теле Дьюни ни одной раны, однако мальчик по-прежнему не говорил ни слова и, похоже, не слышал, когда к нему обращались; он не спал и не мог принимать пищу. И не было рядом волшебника, у которого достало бы могущества снять с него эти чары. Тетка его, ведьма, была бессильна. Она лишь сказала: «Он истратил все свои силы».

Пока Дьюни лежал вот так, в тихом беспмятстве, история о мальчике, что заколдовал туман и насмерть перепугал каргов толпой волшебных теней, стала известна по всей Северной Долине, ее слышали жители Восточного Леса и дальних горных селений, она достигла даже противоположной стороны острова — главного порта, Морских ворот Гонта. И вот на пятый день после битвы в устье реки Ар в деревню Десять Ольховин явился чужеземец, не молодой и не старый, закутанный в плащ, но с непокрытой головой. В руке он легко сжимал толстый дубовый посох ростом с него самого. Человек этот спустился не от верховий реки Ар, откуда чаще всего приходили в деревню люди, а, напротив, поднялся по крутому, поросшему лесом берегу ее откуда-то снизу. Деревенские кумушки сразу решили, что это волшебник, а когда он еще и сказал им, что умеет лечить, то они прямо-таки потащили его к дому кузнеца. Отослав прочь всех, кроме отца мальчика и его тетки, незнакомец склонился над постелью, возложил руку на лоб Дьюни, потом легонько коснулся его губ.

Дьюни медленно сел, озираясь по сторонам. Через некоторое время он заговорил, и к нему постепенно начали возвращаться силы и аппетит. Его немного покормили, напоили, и он снова лег, не сводя темных пытливых глаз с незнакомца.

— Не простой ты, видно, человек, — проговорил кузнец, обращаясь к пришельцу.

— Этот мальчик тоже будет не простым человеком, — ответил тот. — История о том, что проделал он с туманом ради спасения своей деревни, достигла Ре Альби, моей родины. И я пришел сюда для того, чтобы дать

ему настоящее имя, если верно то, что он еще не прошел обряда имяположения и посвящения в мужчины.

Ведьма шепнула кузнецу на ухо:

— Братец, так ведь это точно великий чародей из Ре Альби, Огион Молчаливый, тот самый, что остановил землетрясение!..

— Господин, — сказал кузнец, несколько этими словами не обескураженный, — моему сыну через месяц исполнится тринадцать, но мы хотели отложить его посвящение до праздника Солнцеворота.

— Пусть имя будет ему положено как можно скорее, — настаивал волшебник, — ибо оно ему необходимо. У меня пока есть здесь и другие дела, однако я вернусь к тому дню, который вы сами выберете. А захотите, я потом возьму мальчика с собой и, если он окажется достаточно смышленным, сделаю своим учеником или, по крайней мере, позабочусь о том, чтобы он получил образование, соответствующее тому дару, которым обладает. Держать в неведении душу и ум прирожденного мага очень-очень опасно.

Мягок был голос Огиона, но такая в нем чувствовалась уверенность, что даже искушенный в жизни кузнец согласился с каждым его словом.

В день, когда Дьюни исполнилось тринадцать, а случилось это ранней осенью, той чудесной порой, когда деревья еще не сбросили своего яркого лиственного наряда, в деревню из своих странствий по острову Гонт вернулся Огион и состоялась церемония имяположения. Тетка-колдунья «взяла» у Дьюни его прежнее имя, то, которым во младенчестве нарекла его мать. Безымянным и нагим вошел он в холодные струи реки Ар там, где среди валунов, под нависшими утесами кружит темный омут. В этот миг солнце закрыли облака и вода подернулась рябью. Выбравшись из омута, мальчик двинулся к противоположному берегу, дрожа от холода в ледяной воде, но ступал медленно, выпрямившись во весь рост, как подобает. Когда он вышел на берег, ждавший там Огион протянул мальчику руку, крепко сжал ее в своей и шепнул ему подлинное его имя: Гед.

Так с помощью великого волшебника Огиона свершилось имяположение Геда.

Празднество еще далеко не закончилось, и деревенские жители веселились вовсю, еще полно было всяких угощений и выпивки, а приглашенный из Долины певец распевал песнь за песней о подвигах Повелителя Драконов, когда маг Огион тихонько сказал Геду:

— Довольно, мальчик. Прощайся со своими, и пусть праздник продолжается.

Гед быстро собрался в дорогу: он взял прекрасный, выкованный отцом

специально для него бронзовый нож, кожаную куртку, которую вдова погибшего дубильщика подогнала ему по росту, и ольховый посох, заколдованный для него теткой. Это, собственно, было все, чем он владел кроме надетых на него рубашки да штанов. Простившись с отцом и теткой — единственными близкими ему на всем свете людьми, — Гед еще раз поглядел на привольно раскинувшуюся на горном склоне деревню, на берега быстрой реки и двинулся в путь со своим новым другом и Учителем, вверх по крутой тропе, по опавшей листве, среди ярких красок и теней ранней осени.

Раньше Гед думал, что, став учеником великого волшебника, он сразу же овладеет его ремеслом и тайнами магии, станет понимать язык диких зверей, лесных растений и листьев на деревьях и, произнеся одно лишь нужное слово, сможет повелевать ветрами и превращаться во что угодно. Например, они с Учителем могли бы превратиться в оленей или орлов и быстрее ветра домчаться от Десяти Ольховин до Ре Альби.

Но все оказалось совсем не так. Они с Огионом шли и шли: сначала спустились в Долину, потом двинулись на юго-запад вокруг горы, ночуя в маленьких деревушках или прямо под открытым небом, словно жалкие бродячие фокусники или какие-нибудь лудильщики посуды, а то и просто как нищие. Никаких волшебных мест они не видели, ничего особенного не происходило. Дубовый посох волшебника, на который Гед сначала взирал с ужасом и любопытством, оказался самым обыкновенным тяжелым посохом, на который Огион опирался при ходьбе. Прошло три дня, потом еще четыре, а ни одного волшебного слова так и не было произнесено, во всяком случае, Гед их от Огиона не слышал. И он пока не узнал ни одного нового имени, ни единой руны, ни одного заклинания.

Хоть Огион и был на редкость молчаливым, но он так мягко и спокойно обращался с Гедом, что тот вскоре утратил весь свой благоговейный страх перед волшебником и как-то, набравшись храбрости, дерзко спросил:

— Когда же начнется мое обучение, сударь?

— Оно уже началось, — сказал Огион.

Повисло молчание: Гед очень старался удержать в себе то, что ему хотелось выпалить немедленно. И все-таки не удержал:

— Но я же совсем ничему не выучился!

— Потому что еще не понял, чему я тебя учу, — ответил волшебник, продолжая двигаться по тропе своим спокойным размеренным шагом. Они были как раз где-то между Оварком и Уиссом.

У Огиона, как и у большинства гонтийцев, была смуглая, с медным отливом кожа, седая голова, тело сухое и поджарое, как у гончей, и он был совершенно неумолим. Он редко говорил что-нибудь, мало ел, а спал еще меньше. У него были удивительно острые зрение и слух, и часто на лице его появлялось такое выражение, словно он к чему-то прислушивается.

Гед ему не ответил. Не всегда просто ответить волшебнику.

— Ты, конечно, хочешь узнать как можно больше заклинаний, чтобы пользоваться ими, — сказал Огион, продолжая уверенно идти вперед. — Но из этого колодца ты и так вычерпал уже слишком много воды. Подожди. Хочешь стать взрослым — терпи. Хочешь стать настоящим волшебником — в десять раз больше терпи. Это что за травка у тропы?

— Земляничный лист.

— А вон то?

— Не знаю.

— Его называют острец. — Огион остановился и указал концом своего посоха на небольшое растение, чтобы Гед повнимательнее пригляделся к нему. Мальчик сорвал сухой стебелек и спросил, потому что Огион так больше ничего и не прибавил:

— Учитель, а какой в нем прок?

— Никакого, насколько я знаю.

Гед некоторое время продолжал держать растение в руке, шагая рядом с Огионом, потом отбросил его в сторону.

— Когда ты познаешь этот острец во всех его сезонных ипостасях, станешь различать его корни, листья, цветы, запах и форму семян, тогда сможешь узнать и его настоящее имя: ведь понять сущность предмета гораздо важнее, чем выяснить, какая от него польза. А какова, например, польза от тебя самого? Или от меня? Приносит ли пользу гора Гонт или Открытое Море? — Огион умолк и прошагал еще минут двадцать, пока наконец не договорил: — Чтобы слышать других, самому нужно молчать.

Мальчик нахмурился. Неприятно сознавать собственную глупость. Однако он сдержал свои чувства и решил отныне быть терпеливым и послушным, чтобы Огион в конце концов согласился научить его хоть чему-нибудь. Он жаждал знаний, жаждал обрести могущество! Порой, однако, ему начинало казаться, что он мог бы узнать куда больше у любого травника или деревенского колдуна, и, по мере того как они с Огионом все дальше и дальше уходили на запад, в дикие леса, расположенные за Уиссом, Гед все больше дивился, отчего Огиона считают таким уж великим чудаком. Ведь когда шел дождь, Огион даже не пытался произнести заклятие, известное любому предсказателю погоды, и послать тучу в другую сторону. В странах, где колдуны встречаются буквально на каждом шагу — а таковы, например, Гонт или Энлад, — можно видеть, как грозовое облако порой прямо-таки слоняется по небу с места на место из-за того, чье заклятье оказалось сильнее, пока наконец не разражается ливнем над морем, где дождь может спокойно идти себе сколько угодно. Но Огион

позволял дождю пролиться именно там, где собирались тучи. Он просто находил ель погуще и укладывался под ней на ночлег. Геду тоже ничего не оставалось, как свернуться калачиком среди веток, с которых капала вода, и, промокнув насквозь, мрачно удивляться, что за польза в необычайном могуществе Огиона, если какая-то там «высшая мудрость» не позволяет ему этим могуществом воспользоваться; он порой даже жалел, что не пошел в ученики к старому предсказателю погоды из Северной Долины; там он, по крайней мере, спал бы в сухом месте. Вслух он, разумеется, ничего этого не говорил. Ни единого слова не произнес. А Учитель его, улыбнувшись, засыпал под проливным дождем.

Приближалось зимнее солнцестояние, и в горах начались первые обильные снегопады. К этому времени Гед с Огионом добрались наконец до Ре Альби. Этот город был расположен почти у голых скал на вершине Гонта, высоко, у самого Большого Перевала. Ре Альби и значило «гнездо ястреба». Отсюда видно было далеко вокруг, не только залив и башни Главного порта острова, но и корабли, проплывающие между Сторожевыми Утесами, а еще дальше, на западе, можно было различить голубые горы Ораней, самого дальнего из островов Внутреннего Моря.

Дом волшебника, хотя и был достаточно просторным и прочным, сложенным из бревен, с настоящим очагом и каменным камином, а не какой-то ямой в земляном полу, все же очень походил на хижину в Десяти Ольховинах: в нем была одна-единственная жилая комната, к которой был пристроен хлев для коз. У западной стены имелось некое подобие алькова, где спал Гед. Над его жесткой постелью было окно, выходящее на море, но большую часть времени ставни приходилось держать закрытыми из-за свирепых северо-западных ветров, которые дули всю зиму. В теплом сумраке этого дома провел Гед долгие месяцы, слушая, как снаружи хлещет дождь, или завывает ветер, или тихо-тихо падает густой снег; он изучал знаменитые Шестьсот Ардических Рун и был очень доволен этим, ибо лишь знание рун дает настоящее владение мастерством волшебника, без них заучивание наизусть заклинаний и заговоров — пустая трата времени. Ардический язык, распространенный на Архипелаге, обладал теперь не большей магической силой, чем все остальные современные языки, но корнями своими он уходил в Истинную Речь, где все существа и предметы были названы своими подлинными именами. Понимание Истинной Речи и начинается с изучения рун, созданных еще в те времена, когда острова Земноморья только поднимались из глубин океана.

И все-таки по-прежнему не происходило вокруг ничего чудесного или колдовского. Всю зиму — только тяжелые страницы Книги Рун, стук дождя

по крыше, падающий за окном снег; Огион, вдоволь набродившись по обледенелым склонам и заснеженным лесам или навозившись в сарае, где обитали его козы, входил в дом, стучал башмаками, сбивая снег, и до вечера сидел в тишине у камина. Долгое сторожкое молчание волшебника как бы заполняло собой комнату, все пространство вокруг и внутри Геда, и порой ему казалось, что он совсем забыл, как звучат обыкновенные слова; поэтому, когда Огион наконец говорил что-нибудь, это выглядело так, словно именно он впервые изобрел человеческую речь. Хотя слова его были самыми обыкновенными и обозначали очень простые вещи — хлеб, воду, погоду, сон.

Когда наступила весна — скоротечная и солнечная, — Огион часто посылал Геда за травами с горных лугов и позволял ему гулять сколько душе угодно; Гед бродил по берегам напоенных весенними дождями ручьев, по лесам, по влажным, зеленеющим на солнце полям. Он был счастлив и возвращался домой лишь к ночи, но о травах, впрочем, не забывал. Все время высматривал нужные растения, карабкаясь по кручам, блуждая по лесам и полям, переходя вброд речки и болотца. Обследуя окрестности Ре Альби, он каждый раз приносил домой что-нибудь новое. Как-то раз он вышел на лужайку меж двух ручьев, где в изобилии росли белые цветы под названием «всесвятка», которые встречаются редко и очень ценятся лекарями. Поэтому он и на следующий день отправился туда же, но на этот раз его опередили; девочку, собиравшую цветы на лужайке, он знал: она была единственной дочерью старого Лорда Ре Альби. Он бы с ней и заговаривать не стал, но девочка сама подошла к нему и весело поздоровалась:

— А я тебя знаю! Ты — Ястребок, ученик нашего волшебника. Расскажи мне что-нибудь о колдовстве. Пожалуйста!

Он смотрел вниз, на цветы «всесвятки», которые касались подола ее белоснежной юбки; он очень смутился, нахмурился и еле слышно что-то буркнул в ответ. Но она продолжала непринужденно болтать, сама нимало не смущаясь, не таясь, и он постепенно оттаял. Девочка была высокой и хрупкой, примерно его лет, с очень светлой, почти белой кожей; в деревне говорили, что мать ее родом то ли с самого Осскила, то ли откуда-то из тех, далеких краев. Волосы девочки, длинные и прямые, падали черным водопадом ей на спину. Геду она показалась страшно некрасивой, но все же доставить ей удовольствие хотелось, хотелось вызвать ее восхищение, даже восторг. Она упросила его рассказать всю историю с туманом, заставившим отступить воинов-каргов, и слушала так, будто была потрясена до глубины души. Однако не сказала ни слова похвалы. И скоро свернула разговор на

другое.

— А ты можешь призывать к себе птиц и зверей? — спросила она.

— Могу, — ответил Гед.

Он знал, что в скалах над лугом есть гнездо сокола, и призвал птицу ее подлинным именем. Сокол прилетел, но не сел на руку Геду: девочка пугала его. Потом сокол пронзительно вскрикнул, взмахнул широкими крылами и поднялся ввысь вместе с восходящим потоком воздуха.

— Как называется колдовство, что заставляет сокола прилетать по твоему зову?

— Заклятие дружбы.

— А ты можешь призвать, например, душу умершего?

Он решил, что девчонка насмехается над ним: ведь сокол не совсем подчинился его заклятью. Смеяться над собой он ей позволить не мог.

— Смогу, если захочу, — спокойно сказал он.

— А разве не трудно и не опасно это — вызывать духа?

— Да, это, конечно, непросто, но вовсе не опасно, — он даже плечами пожал.

На этот раз он был почти уверен, что в глазах ее светится восхищение.

— А изготовить любовное зелье ты можешь?

— Для этого особого мастерства не требуется.

— Да, правда, — согласилась она. — Это любая деревенская колдунья умеет. А заклинание Превращений ты знаешь? Умеешь сам во что-нибудь превращаться? Говорят, все волшебники это могут.

И опять он не был уверен, что она над ним не издевается, а потому и на этот раз ответил:

— Сумею, если захочу.

Она тут же начала просить его превратиться во что-нибудь — в ястреба, быка, огонь, дерево. Он на какое-то время отвлек ее, сказав потихоньку тайные слова, которыми пользовался в таких случаях Огион; но потом, когда она стала прямо-таки умолять его, не сумел отказать наотрез; кроме того, ему и самому захотелось проверить, не напрасно ли он так расхвастался. В тот день он быстро ушел, сказав, что Учитель давно ждет его дома, и на следующий день на лужок не ходил. Но через день пришел снова, уговаривая себя, что совершенно необходимо собрать как можно больше колдовских белых цветов. Девочка была уже там. Они вместе бродили босиком по болотистому лугу, срывая тяжелые белые соцветия. Светило весеннее солнышко, и она щебетала так же весело, как любая девчонка-пастушка из его родной деревни. Снова расспрашивала его о колдовстве и, широко раскрыв глаза, слушала все, что бы он ни говорил, и

он, конечно, снова начал хвалиться. Когда же она опять попросила его превратиться во что-нибудь, а он снова попробовал отшутиться, она посмотрела на него, откинув черные волосы с лица, и прямо спросила:

— Ты что, боишься?

— Нет, не боюсь.

Она улыбнулась чуть презрительно и заключила:

— Ты, должно быть, просто слишком молод.

Этого он стерпеть не мог. Лишних слов говорить не стал, но решил непременно доказать девчонке, на что способен. Он пригласил ее снова прийти сюда завтра, если ей так уж хочется превращений, и, пока от нее отделившись, вернулся домой. Огиона нигде видно не было, наверно, где-то бродил. Гед прошел прямо к книжной полке и снял с нее те две волшебные Книги, которые Учитель еще никогда в его присутствии даже не открывал.

Гед искал заклинания Превращений, но он разбирал руны еще очень медленно, да и понимал из прочитанного маловато, так что найти нужного никак не мог. Это были очень древние Книги; Огион получил их от своего учителя Гелета Прозорливого, а Гелет — от Великого Мага из Перрегаля, и цепочка эта уходила к самому началу времен, когда слагались первые мифы. Письмена были странными, почерк мелкий, со многими исправлениями и вставками, сделанными разными людьми между строк, и все эти люди теперь давно уже стали прахом. Но тем не менее кое-что из прочитанного Геду все-таки удавалось понять, к тому же он ни на минуту не забывал о насмешливых вопросах той девчонки. В итоге он впился глазами в страницу, где было начертано заклинание, вызывающее мертвых из могил.

Он читал эти магические слова, выбираясь из головоломки рун и иных символов, и ужас овладевал им. Теперь глаза его были словно прикованы к тексту; он не смог бы поднять их, не произнеся заклятие целиком.

Когда же наконец он поднял голову, то увидел, что в доме совсем темно. Все это время он читал без света совершенно неразличимые теперь слова. Его все сильнее охватывал ужас, он будто прирос к стулу и страшно замерз. Потом, оглянувшись, заметил, что возле закрытой двери скорчилось нечто темное, бесформенное, похожее на обрывок чьей-то черной тени, своей чернотой выделяющейся даже в окружающей ее тьме. Казалось, что нечто тянется к нему, что-то шепчет, зовет его, но понять смысл произносимых им слов Гед не мог.

Дверь внезапно распахнулась настежь. Вошел кто-то высокий, окруженный ярким белым сиянием. Громко и яростно зазвучал его голос, и черная тень исчезла, шепот ее затих, заклятье было снято.

Темный ужас улетучился из души Геда, но новый страх охватил его, ибо это Огион, Великий Маг, стоял в распахнутых дверях, объятый светом, а на конце его дубового посоха горел белый огонь.

Волшебник молча прошел мимо Геда, зажег лампу и убрал Книги на полку. Потом обернулся к мальчику и сказал:

— Никогда не произноси больше этого заклятия — лишь в тех случаях пользуются им, если жизни твоей угрожает смертельная опасность. Ты открыл Книги, чтобы найти именно это заклинание?

— Нет, Учитель, — прошептал Гед, сгорая от стыда, и рассказал Огиону, что именно искал он там и почему.

— Разве ты забыл? Ведь я уже как-то говорил тебе: мать этой девочки, жена Лорда Ре Альби, — известная чаровница.

И правда, Огион однажды говорил об этом, но Гед пропустил его слова мимо ушей, зато теперь убедился, что его Учитель никогда и ничего не говорит ему просто так.

— Сама эта девушка уже наполовину ведьма. Возможно, именно ее мать сделала так, что вы встретились и заговорили друг с другом. Возможно, именно она раскрыла Книгу на нужной ей странице, которую ты и прочел. Она служит совсем не тем силам, которым служу я. Мне неведомы ее намерения, но я знаю, что мы с ней враги. А теперь, Гед, слушай меня внимательно. Неужели ты ни разу не задумывался о том, что всякая сила окружена опасностью точно так же, как источник света — тьмой? Колдовство — вовсе не игра, оно не предназначено для забав или удовлетворения простого тщеславия. Подумай об этом, ибо каждое слово, каждое действие, связанное с нашим искусством, с волшебством, говорится и совершается либо во имя Добра, либо во имя Зла. Прежде чем что-то сказать или совершить, ты непременно должен узнать цену, которую за это заплатишь!

Мучительный стыд заставил Геда воскликнуть:

— Но откуда же мне знать обо всем этом, Учитель, если ты ничему меня не учишь? Я уже сколько живу у тебя, а все еще ничего особенного не сделал, ничего особенного не видел...

— Зато теперь ты видел кое-что особенное, — ответил ему волшебник. — Там, в темноте возле двери. Хорошо, что я вовремя вошел.

Гед молчал.

Огион опустился на колени, положил в камин дров и разжег огонь, потому что в доме было холодно. Потом, по-прежнему стоя на коленях, спокойно проговорил:

— Гед, юный мой сокол, ты ведь здесь не на привязи и не в услужении

у меня. Не ты пришел ко мне — я к тебе. Ты еще слишком молод, чтобы сделать свой выбор, но я за тебя его сделать не могу. Если хочешь, я отправлю тебя на остров Рок, где изучают Высокие Искусства. Любым из них ты сможешь овладеть в совершенстве, ибо велика заключенная в тебе сила. Надеюсь, она сильнее твоей гордыни. Я бы, пожалуй, оставил тебя здесь, при себе, потому что обладаю именно тем, чего тебе самому недостает, но против твоей воли я не пойду. А теперь выбирай: Ре Альби или Рок.

Гед стоял молча; в душе его царило смятение. Он успел уже полюбить этого человека, который некогда излечил его одним лишь своим прикосновением и не имел в душе ни капли зла; он любил Огиона, но узнал об этом лишь сейчас. Гед взглянул на дубовый посох волшебника, прислоненный к каминной полке, и вспомнил тот светлый огонь, что выжег, изгнал зло, притаившееся во тьме, и ему страшно захотелось остаться с Огионом, бродить с ним по лесам, уходить далеко и надолго, учась быть молчаливым. Но в душе кипели иные страсти, усмирить которые было Геду не под силу, — стремление к славе, жажда деятельности. Путь Огиона к подлинному Мастерству казался ему каким-то чересчур долгим, окольным, тогда как уже сейчас можно было бы раскрыть свой парус навстречу морским ветрам и плыть прямо в Открытое Море, плыть к острову Мудрецов, где воздух пронизан волшебством, где в толпе почитателей ходит по земле сам Верховный Маг Земноморья.

— Учитель, — сказал он, — я поеду на остров Рок.

Итак, через несколько дней, солнечным весенним утром они с Огионом спустились по крутой тропе, ведущей от Перевала к главному порту Гонта, находившемуся в четырех часах ходьбы от Ре Альби. У городских ворот, украшенных резными фигурами драконов, стражники, заведя мага, преклонили пред ним колена и обнажили шпаги в почтительном приветствии. Они узнали его и оказывали ему эту честь не столько по приказу короля, сколько по собственной доброй воле, ибо десять лет назад Огион спас город от страшного землетрясения, которое до основания разрушило бы богатые, украшенные башнями дома, завалило бы камнями узкий пролив между Сторожевыми Утесами. Тогда словами Истинной Речи Огион успокоил гору, как успокаивают испуганного зверя, и дрожь в ее теле прошла. Гед уже кое-что слышал об этом и сейчас, с изумлением увидев, как вооруженная стража преклоняет колена перед его тихим Учителем, снова вспомнил эту историю с землетрясением. Он почтительно, едва ли не со страхом взглянул на Огиона, но лицо волшебника оставалось, как всегда, спокойным.

Они спустились к причалам, где начальник порта уже спешил навстречу Огиону — поздороваться и спросить, чем может ему служить. Тот ответил, что им требуется попасть на остров Рок, и тут же был назван корабль, готовый взять Геда пассажиром и направляющийся дальше, в Открытое Море.

— Они охотно наймут вашего ученика как заклинателя погоды, если он этим мастерством владеет, — предложил начальник порта. — У них на борту такого человека нет.

— Он немного умеет управляться с туманом и облаками, но только не с морскими ветрами, — сказал Огион, легко сжав рукой плечо Геда. — Не пытайся колдовать над морем и штормами, Ястребок; ты пока еще совсем к ним не привык. Господин начальник, а как называется это судно?

— «Тень». Они с Андрадских островов. Направляются в Хорт, везут меха и слоновую кость. Корабль хороший, Мастер Огион.

Лицо мага потемнело, когда он услышал название корабля.

— Что ж, так тому и быть, — сказал он. — Передай это письмо Ректору Школы, Ястребок. И попутного тебе ветра! Прощай!

И все. Огион повернулся и быстро пошел вверх по улице от причалов. Гед оторопело смотрел, как он уходит — его Учитель.

— Ну, парень, пошли, — окликнул его начальник порта и повел к дальнему пирсу, где «Тень» уже поднимала свои паруса, готовясь к отплытию.

Трудно поверить, чтобы на небольшом острове, на утесах, нависающих прямо над бескрайним морем, мог вырасти человек, который ни разу за всю жизнь не ступил в лодку и не обмакнул даже палец в соленую воду, однако на Гонте это часто случалось. Земледельцы, пастухи, охотники или ремесленники — в общем, сухопутные жители — воспринимают океан как беспокойное царство соленой воды, совершенно им чуждое. Для них деревня, расположенная в двух днях ходьбы от дома, — уже чужая земля, а остров на расстоянии одного дня плавания — вообще нечто почти нереальное, покрытое дымкой и существующее где-то за горизонтом, то есть не имеющее ничего общего с той твердой землей, по которой ступают они сами.

Вот и у Геда, который никогда раньше не спускался на побережье, порт Гонт одновременно вызывал и ужас и восхищение: большие дома и башни из камня, причалы и пирсы, волноломы и доки, и сама гавань, где толпилось не менее полусотни разных судов; где на берегу вверх килем лежали лодки и стояли галеры, ожидая ремонта; где далеко на рейде стояли, подняв весла и спустив паруса, большие корабли; где матросы

перекликались между собой на самых различных и странных наречиях, а портовые грузчики с тяжелым грузом на спине ловко лавировали между бочками, ящиками, кольцами каната и штабелями весел; где бородатые купцы в отороченных мехом одеждах тихо переговаривались друг с другом, пробираясь по скользким камням у самой воды; где рыбаки разгружали корзины с уловом, а бондари спешно обивали обручами бочки для рыбы; где корабелы, не переставая, стучали своими молотками; где нараспев предлагали свой товар продавцы моллюсков; где капитаны зычными голосами перекрывали любой шум, отдавая приказания команде, — и за всем этим просторный, молчаливый, залитый солнцем залив! Вид и звуки огромного порта ошеломили Геда; со смятенной душой шел он за своим провожатым к широкой пристани, где была пришвартована «Тень». Наконец он был представлен капитану.

Тот перебросился несколькими словами с начальником порта и согласился взять Геда пассажиром до острова Рок, ведь просил за него сам Великий Маг Огион. Начальник порта ушел, оставив мальчика на попечение капитана «Тени», высокого толстого человека в красном плаще, отороченном мехом зверька пеллави, какие обычно носят купцы с Андрадских островов. На Геда шкипер даже не взглянул, только буркнул:

— Парень, а ты заклинать погоду умеешь?

— Умею.

— И ветер вызвать можешь?

Гед вынужден был сказать «нет», поэтому шкипер велел ему пристроиться где-нибудь подальше и не путаться под ногами.

Вдоль бортов уже рассаживались гребцы; судно нужно было вывести на рейд до наступления ночи и отплыть с отливом — перед рассветом. Не путаться у других под ногами оказалось довольно-таки трудно, но Гед устроился вполне удачно, вскарабкавшись на кучу связанных вместе и прикрытых шкурами тюков на корме. Оттуда он и наблюдал за приготовлениями к отплытию. Гребцы перепрыгивали на борт судна прямо с причала — сильные, крепкие, с огромными кулаками, — а грузчики тем временем с грохотом вкатывали на судно бочки с водой и устанавливали их под скамьями для гребцов. Осанистое, хоть и тяжело груженное, судно словно пританцовывало от нетерпения на мелкой зыби у причала, и кормчий уже занял свое место справа от ахтерштевня, ожидая приказаний шкипера, стоявшего на мостике. Форштевень судна был украшен изображением Древнего Змея Андрада.

Наконец шкипер что-то рявкнул и «Тень» отошла от причала; две гребные шлюпки должны были теперь отбуксировать судно на рейд.

— Весла на воду! — снова проревел шкипер, и огромные весла взметнулись в воздух — по пятнадцать с каждой стороны. Гребцы склоняли могучие спины в такт ритму, который отбивал на барабанах парень, стоявший рядом со шкипером.

Судно понеслось по волнам легко, словно чайка, шум и суматоха большого города внезапно остались где-то позади. Они вышли в тишину залива и увидели за кормой острый пик горы Гонт, которая, казалось, нависла надо всем морем. В узком проливе под защитой южного из Сторожевых Утесов был брошен якорь. Здесь нужно было ждать рассвета.

В команде корабля было человек семьдесят, некоторые почти такие же юные, как Гед, но все уже прошедшие обряд посвящения. Молодые матросы часто звали его поест и выпить вместе с ними и, в общем, были добры к нему, хотя и грубоваты. И очень любили всякие шутки и подначки. Конечно же, они стали звать его Козьим Пастырем, потому что родом он был с Гонты, но больше никаких шуток в его адрес себе не позволяли. Он был таким же высоким и сильным, как эти пятнадцати-шестнадцатилетние подростки, за словом в карман не лез, за добро платил добром, на насмешки отвечал тем же, так что он вполне пришелся ко двору и с первого же вечера стал жить по морским законам и учиться искусству мореплавания. Капитана это вполне устраивало — для пассажиров-бездельников на борту просто не было места.

Там и для команды-то места было маловато, на этой неудобной для людей беспалубной галере, и матросы теснились вперемежку с оснасткой и грузом. Впрочем, Гед в особых удобствах не нуждался. Первую ночь он провел на принаитованных, завернутых в шкуры тюках палубного груза с северных островов, любясь весенними звездами над заливом и далекими желтоватыми огоньками далекого города за кормой; он засыпал, просыпался, и радость переполняла его. Перед рассветом начался отлив. Подняли якорь, и судно плавно вышло в открытое море меж Сторожевыми Утесами. Когда восходящее солнце окрасило пурпуром вершину горы за кормой, они подняли дополнительный верхний парус и взяли курс на юго-запад через Гонтское море.

Легкий ветерок играл в парусах, когда они прошли меж островами Барниск и Торхевен, и на второй день вдали завиднелся остров Хавнор — Великий Остров, сердце всего огромного Архипелага. Три дня они плыли вдоль его зеленых берегов, но ни разу не причаливали, и прошло еще много лет, прежде чем Геду удалось впервые ступить на эту землю, увидеть белые башни столицы Хавнора — главного порта и центрального города их мира.

Одну ночь они простояли на рейде в гавани Кембермаута, северного порта на острове Уэй, а следующую — вблизи маленького городка у самого выхода из залива Фелкуэй. Потом обогнули самый северный мыс острова О и вошли в узкие проливы Эбавнора. Здесь пришлось спустить паруса и взяться за весла; берега островов были совсем близко то с одной, то с другой стороны, и постоянно с «Тенью» обменивались приветствиями встречные суда, большие и маленькие, грузовые и торговые. Некоторые из этих судов прибыли из Дальних Пределов и везли странные товары, пробыв в плавании несколько лет; некоторые, напротив, перепархивали, словно воробьи, с одного острова на другой. Двигаясь по-прежнему к югу, «Тень» выбралась наконец из густонаселенных проливов Эбавнора, оставила далеко за кормой остров Хавнор, миновала живописные острова Арк и Илиен, чьи украшенные башнями города террасами спускались к морю, и навстречу дождю и все усиливающемуся ветру стала пробиваться через Внутреннее Море к острову Рок.

Ночью, поскольку ветер крепчал и стал почти штормовым, убрали паруса и мачту и весь следующий день шли на веслах. Длинное судно было устойчивым на волне, легко и изящно разрезая нарастающие валы, однако кормчему у длинного рулевого весла не было видно ничего, кроме сплошной стены дождя. Они шли на юг, ориентируясь лишь по компасу и совершенно не представляя себе, мимо каких земель в данный момент проплывают. Гед слышал, как матросы поговаривают о мелях к северу от Рока и об опасных Борильских Скалах к востоку от него; кое-кто вообще считал, что они уже давно отклонились от курса и вышли в Открытое Море, южнее острова Камери. А ветер все крепчал, и верхушки высоких волн под его порывами взлетали вверх пенистыми гривами, но судно упрямо держало курс на юг, по ветру. Гребцы все чаще сменяли друг друга, самые молодые садились за одно весло по двое; Гед греб с остальными на равных — он делал это с тех пор, как «Тень» покинула порт Гонта. Отдыхая от гребли, они вычерпывали воду, потому что волны постоянно захлестывали судно. Все трудились не покладая рук, пытаясь одолеть валы, в порывах ветра подобные курящимся вулканам, а дождь изо всех сил хлестал своими ледяными струями по спинам людей, и голос барабана, отбивающего ритм, доносился сквозь шум бури, словно глухие удары сердца.

Кто-то сменил Геда у весла, сказав, что его зовет шкипер. Дождь потоками стекал с капюшона капитанского плаща, но он продолжал невозмутимо стоять на своем мостике, как пузатый винный бочонок. Глядя на подошедшего Геда сверху вниз, шкипер спросил его:

— Можешь утихомирить этот ветер, парень?

— Нет, капитан.

— А в железе толк знаешь?

Шкипер имел в виду, не может ли Гед заставить стрелку компаса точно показать им путь к острову Рок, независимо от того, где в данный момент находится север. Это умение — одна из тайн морских волшебников; и снова Гед вынужден был сказать «нет».

— Что ж, — проревел, перекрывая шум бури, шкипер, — тогда придется тебе подыскать судно, которое отвезет тебя обратно на Рок из Хорта. Рок сейчас, должно быть, где-то к западу от нас, а развернуться при такой волне можно только с помощью волшебства. Так что придется идти к югу.

Геду не слишком-то все это пришлось по душе: он уже наслушался всяких историй о городе Хорте, в котором закон никому не писан и полно подозрительных кораблей, которые крадут людей и продают их в рабство где-то на островах Южного Предела. Снова сев к веслу со своим напарником, крепким паренком с Андрада, Гед едва различил в шуме ветра рокот барабана и увидел, как жалостно мотается и мигает под порывами бури фонарь на корме — жалкие вспышки света на фоне сплошной темной стены дождя. Он неотрывно смотрел на запад, напряженно работая веслом, и вдруг, когда судно в очередной раз взлетело на гребень волны, на мгновение увидел меж облаков проблеск света над темной, словно дымящейся водой. Ему показалось, что это последний луч заката, вот только свет был не красный, закатный, а светлый и яркий.

Его напарник сам света увидеть не успел, зато заорал на все судно. Кормчий тоже стал всматриваться в даль и, когда Гед увидел свет снова, тоже заметил его, однако крикнул, что это всего лишь закатный луч. Тогда Гед попросил одного из парней, черпавших воду из трюма, подменить его на минутку и пошел на нос корабля, с трудом удерживаясь на ногах и каждую минуту рискуя быть смытым за борт. Пробравшись между скамьями для гребцов и грузами, загромождавшими корабль, Гед уцепился за резную фигуру на носу и крикнул шкиперу:

— Капитан! Держите на свет! Это остров Рок!

— Никакого света я не вижу! — проревел шкипер, но не успел закрыть рот, как увидел там, куда указывал Гед, ясный спокойный свет над беснующимся морем. Свет увидели и все остальные.

Вовсе не ради своего пассажира, а единственно желая спасти судно от шторма, шкипер тут же отдал команду взять курс на свет. Однако Геду сказал:

— Ты, парень, уверенно говоришь, словно морской волшебник, но вот тебе мое слово: если ты, да еще в такой шторм, заведешь нас не туда, я тебя собственными руками в море брошу, и плыви тогда к Року сам!

Теперь они вынуждены были выгребать против волны. Это было нелегко: волны, бьющие в борт судна, упорно сталкивали его к югу, качка была ужасной, вычерпывать воду приходилось не разгибая спины, гребцы внимательно следили, чтобы весла от качки не вылетели из уключин и не посшибали их за борт. Под мчащимися по небу грозowymi тучами было темно, как ночью, но теперь все постоянно видели мелькающий на западе свет, и этого было достаточно, чтобы держать курс, пусть медленно, но все же продвигаться к цели. Наконец ветер стал понемногу слабеть, а свет впереди, напротив, все ширился. Гребцы еще сильнее налегли на весла, и судно вдруг вынырнуло из-под завесы дождя, буквально одним взмахом преодолев границу между бурей и покоем чистого неба, на котором догорал закат, отражаясь в тихой воде залива. За пеной прибоя поднимался высокий округлый зеленый холм, а у его подножия на берегу раскинулся город, где в небольшой гавани мирно покачивались суда.

Кормчий, опираясь на свое длинное весло, крикнул:

— Эй, капитан! Это настоящая земля или колдовство?

— Держись за нее покрепче да смотри не упусти, чурбан ты безмозглый! Гребите, гребите скорей, жалкие потомки рабов! Это же гавань Твила, а над ней ихний Холм — каждому дураку ясно! А ну, навались!

Под рокот барабана они, слаженно работая веслами, вошли в залив. Там вода была гладкой как зеркало и можно было услышать голоса людей наверху, в городе, звон колокола, а издалека доносились свист и шипение морской бури. Темные тучи клубились в небе на востоке, на севере и на юге километрах в полутора от острова. Но над самим Роком в ясном и тихом небе одна за другой появлялись первые звезды.

Эту ночь Гед провел на судне, а рано поутру, простившись со своими первыми среди моряков друзьями, пошел в город; вслед ему летели самые добрые пожелания. Город Твил был невелик, его высокие дома теснились вдоль нескольких круто поднимающихся в гору узеньких улиц. Геду, однако, Твил показался настоящим большим городом, и, не зная дороги, он спросил первого встречного, где можно найти Ректора Школы Волшебников. Человек искоса посмотрел на него, но ответил не сразу. Потом сказал:

— Мудрым спрашивать ни к чему, а глупцам и расспросы не помогут.

С этими словами он удалился, а Гед продолжал подниматься по одной из улочек вверх, пока не вышел на площадь, с трех сторон окруженную обычными домами с остроконечными крышами, крытыми черепицей; с четвертой стороны там была стена какого-то большого строения, и первый ряд маленьких окошечек в ней располагался выше каминных труб всех остальных домов. Это была то ли какая-то крепость, то ли замок со стенами из мощных каменных глыб. На площади расположился небольшой рынок, между прилавками ходили люди, а Гед снова задал свой вопрос, но теперь уже какой-то старухе с корзиной мидий. Та ему ответила:

— Не всегда можно обнаружить Ректора Школы там, где он есть, но иногда встречаешься с ним, где его и быть-то не может.

И пошла себе дальше, зазывая покупателей.

В углу могучей стены строения виднелась маленькая дверка. Гед подошел и громко постучался. Старику, открывшему дверь, он сказал:

— У меня письмо от волшебника Огиона с острова Гонт, мне нужно найти Ректора здешней Школы, но никаких загадок и насмешек я больше слушать не желаю!

— Это здесь, — мягко ответил старик. — А я здешний Привратник. Входи, если сможешь.

Гед шагнул, и ему показалось, что он переступил порог, однако так и остался на площади перед дверью.

Он еще раз шагнул и снова оказался стоящим снаружи. Привратник с той стороны порога наблюдал за ним добрыми глазами.

Гед не столько растерялся, сколько рассердился: ему показалось, что шутки над ним продолжают. Голосом и рукой он сотворил заклинание,

открывающее двери, которому давным-давно научила его тетка; это, можно сказать, была жемчужина в известном ей наборе заклятий, и Гед владел им хорошо. Но здесь орудие из арсенала деревенской ведьмы не действовало: слишком могущественные силы не давали ему войти.

Потерпев поражение, Гед продолжал стоять возле двери. Потом взглянул на старика, который терпеливо ждал за порогом.

— Я не могу войти, — нехотя проговорил наконец Гед. — Может быть, ты поможешь мне?

Привратник ответил:

— Назови свое имя.

И снова Гед застыл в молчании, ибо человеку не подобает просто так произносить вслух свое подлинное имя — только в случае смертельной опасности.

— Меня зовут Гед, — громко сказал он. И перешагнул через порог открытой двери. И тут ему показалось, что, хотя площадь позади вся была залита солнечным светом, некая тень скользнула оттуда следом за ним.

А еще он увидел, обернувшись, что дверь, в которую он только что вошел, сделана вовсе не из дерева, как ему показалось, а из слоновой кости, причем без единого шва или трещинки: как он узнал позже, дверь была вырезана из зуба Великого Дракона. Она была великолепно отполирована, и сквозь нее слабо просвечивал снаружи солнечный свет; на ее внутренней стороне было вырезано Древо Жизни с тысячью листьев.

— Добро пожаловать, сынок, — сказал Привратник, закрывая за ним дверь, и, не говоря больше ни слова, провел его по бесконечным залам и коридорам во внутренний дворик, где-то в глубине гигантского строения. Над двориком сияло открытое небо, по краям дворик был выложен мраморными плитами, а на маленькой зеленой лужайке под юными деревьями, в солнечном свете взлетала ввысь струйка фонтана. Здесь Геду пришлось некоторое время подождать в одиночестве. Он стоял неподвижно, и сердце его беспокойно билось: он как бы ощущал чье-то невидимое присутствие, воздействие неких неведомых сил и все глубже осознавал, что дворец этот построен не только из могучих каменных глыб, но и скреплен волшебством, куда более прочным, чем камень. Гед находился сейчас в самом сердце этого Дома Мудрецов, хотя прямо над ним было открытое небо. Вдруг он почувствовал, что рядом с ним стоит какой-то человек: незнакомец, одетый в белое, наблюдал за ним сквозь падающие струи фонтана.

Когда глаза их встретились, в ветвях дерева громко пропела какая-то птица. И в эти мгновенья Гед понимал и язык этой птицы, и слова, которые

шептала вода в фонтане, и значение меняющихся форм облаков в небесах; он знал, откуда прилетел и где уляжется ветерок, колышущий листву; ему даже показалось, что и сам он — всего лишь слово, которое обронил солнечный свет.

Миг этот пролетел, и Гед, как и мир вокруг него, стал прежним или почти прежним. Он сделал несколько шагов, преклонил колена пред Верховным Магом и протянул ему письмо, написанное Огионом.

Верховный Маг Неммерль, Хранитель острова Рок, был очень стар; говорили, что он старше всех в Земноморье. Голос его дрожал и немного напоминал птичий, во всем облике сквозила доброжелательность. Волосы, борода и одежда Неммерля — все было белым; казалось, медленное течение времени вымыло из его души и тела все темное и тяжелое и он стал похож на белый легкий кусок плавника, сотню лет носившийся по морским волнам.

— Глаза мои стары, — сказал он дрожащим своим голосом. — Прочти-ка мне это письмо, сынок.

Гед взял письмо и начал громко читать вслух. Оно было написано ардическими рунами, и в нем сообщалось немного:

Лорд Неммерль! Посылаю вам того, кто станет величайшим из волшебников Гонта, если ветер у него будет попутный.

Письмо было подписано не подлинным именем Огиона, которого Гед пока что не знал, а его собственной руной, обозначающей сомкнутые уста: Молчаливый.

— Добро пожаловать, коли тебя посылает к нам тот, кто держит на привязи землетрясения! Я всегда любил, когда молодой Огион приезжал сюда с Гонта. А теперь, сынок, расскажи мне о морях и чудесах, которые видел за время путешествия.

— Это действительно было чудесное путешествие, господин мой! Вот только вчера шторм разразился.

— Что за корабль привез тебя сюда?

— «Тень», торговое судно с Андрадских островов.

— Кто послал тебя сюда?

— Я приехал по своей воле.

Верховный Маг посмотрел на Геда, отвернулся и начал что-то приговаривать на непонятном языке себе под нос, словно дряхлый старец, погружившийся в воспоминания об иных временах и землях. Но среди этого невнятного бормотанья Геду слышались те слова, что пропела тогда на

дереве птица и прошептала вода в фонтане. Неммерль не ворожил и не произносил заклинаний, но некая сила в его голосе перевернула всю душу Геда, и он в растерянности ощутил, что как бы перенесся в таинственную бескрайнюю пустыню и стоит там один среди движущихся вокруг теней. И тем не менее он явственно сознавал, что одновременно находится посреди залитого солнцем дворика и слушает журчание воды в фонтане.

Большая черная птица подошла к ним по траве со стороны каменной террасы. Это был ворон с острова Оскил. Он почти касался края одежды Верховного Мага, остановившись с ним рядом и искоса поглядывая на Геда. Ворон был абсолютно черный, клюв как кинжал, а глаза как самоцветы. Он три раза стукнул клювом по белому посоху, на который опирался Неммерль, и старый волшебник перестал наконец бормотать и улыбнулся.

— Беги сынок, играй, — сказал он Геду, словно малому ребенку.

Гед еще раз преклонил колена, а когда поднялся, то Верховного Мага уже нигде не было. Только черный ворон стоял и смотрел на Геда, подняв клюв так, словно собирался еще раз клюнуть исчезнувший посох.

Потом он сказал на том языке, который, как полагал Гед, вполне мог быть языком острова Оскил.

— Терренон уссбук! — прокаркал ворон. — Терренон уссбук оррек! — И удалился столь же важно, как и пришел.

Гед повернулся, намереваясь покинуть дворик и размышляя, куда бы ему пойти, но тут из-под арки навстречу ему вышел высокий юноша и весьма церемонно приветствовал его, склонив перед ним голову.

— Меня зовут Джаспер, я сын Энвита, Лорда Эолга с острова Хавнор. Сегодня я в вашем полном распоряжении, готов показать Большой Дом и ответить на все вопросы, насколько смогу, разумеется. Как мне называть вас, господин мой?

Геду, жителю глухой горной деревушки, еще не бывавшему в компании сынков знатных и богатых людей, тут же показалось, что парень просто над ним издевается: все эти «в вашем полном распоряжении» и «господин мой»! Все эти поклоны и расшаркивания! Он коротко буркнул в ответ:

— Ястребом меня называют.

Незнакомец выждал какое-то время, словно полагал, что последуют более вежливые пояснения, однако, не получив таковых, выпрямился и чуть отвернулся. Он был двумя-тремя годами старше Геда, очень высокий, движения и осанка исполнены строгого изящества. Ишь, словно на танцах, воображала, подумал Гед. Джаспер, одетый в серый плащ с отброшенным

на спину капюшоном, прежде всего повел новичка в гардеробную, где тот, являясь уже учеником Школы, смог бы подобрать себе такой же плащ по росту и любую другую одежду. Гед выбрал темно-серый плащ, надел его, и Джаспер сказал:

— Ну вот, теперь ты один из нас.

У Джаспера была привычка слегка улыбаться, обращаясь к другим, и Геду казалось, что за каждым его вежливым словом кроется насмешка. А потому он мрачно возразил:

— Разве одежда делает волшебника волшебником?

— Нет, — ответил спокойно Джаспер. — Зато я слышал, что мужчину делает мужчиной умение вести себя. Ну а теперь куда?

— Куда хочешь. Я этого дома не знаю.

Джаспер провел его по коридорам, показал открытые внутренние дворики и обширные закрытые залы Большого Дома, библиотеку — комнату с тысячью полок, где хранились полные всякой премудрости книги и инкунабулы с рунической письменностью, показал Зал Большого Камина, где вся Школа отмечает обычно праздники; потом отвел наверх, в башни и мансарды, где размещались маленькие комнатки-спальни для учеников и Учителей. Комната Гед была в Южной башне, из ее окна виднелись островерхие крыши Твила, а за ними море. Как и во всех остальных комнатах, мебели в ней не было никакой, если не считать набитого соломой тюфяка в углу.

— Мы здесь живем очень просто, — сказал Джаспер. — Но, я надеюсь, ты возражать не станешь?

— Я к такому привык. — И, стараясь показать, что он не менее вежлив, чем этот заносчивый парень, Гед прибавил: — Но мне кажется, самому тебе сначала было трудновато.

Джаспер посмотрел на него, и выразительный взгляд его сказал куда больше слов: «Что, собственно, ты можешь знать о том, к чему я, княжеский сын из Хавнора, привык?» Однако вслух он всего лишь предложил:

— Ну, теперь пойдем дальше, вот сюда.

Внизу ударили в гонг, и они спустились в трапезную к обеду. За общим Длинным Столом они сидели вместе с сотней остальных мальчиков и юношей. Каждый сам приносил себе еду, обмениваясь шутками с поварами через кухонные окошки, возле которых на тарелки нагружали невероятное количество съестного, испускавшего аппетитный парок. Каждый садился за Длинный Стол где хотел.

— Говорят, — пояснил Джаспер Геду, — что не имеет значения,

сколько человек одновременно сядет за этот стол: места всегда хватит для всех.

И точно, места хватало как для многочисленных стаяк младших учеников, с веселой болтовней поглощавших огромные порции еды, так и для старших, в серых плащах, застегнутых у горла серебряными пряжками; старшие сидели значительно тише, парами или поодиночке, с мрачными сосредоточенными лицами, словно обремененные тяжелыми думами и заботами. Джаспер и Гед сели рядом с плотно сбитым парнем по имени Ветч, который в основном отмалчивался и с энтузиазмом поглощал яства. Он говорил с акцентом, свойственным жителям островов Восточного Предела, и был очень темнокожим, почти черно-коричневым, а не медно-смуглым, как Гед и Джаспер, а также большинство жителей Архипелага. Ветч был прост в обращении, и манеры его не отличались изысканностью. Покончив с обедом, он что-то проворчал по поводу его качества и, повернувшись к Геду, сказал:

— По крайней мере, это не иллюзия, которых здесь слишком много. Годится, чтобы брюхо набить.

Гед не совсем его понял, но почувствовал к новому знакомцу некоторую симпатию и был доволен, когда после обеда парень присоединился к ним.

Втроем они спустились в город, чтобы Гед хоть немного освоился. Улиц в Твиле было маловато, да и те недлинные, и юноши свернули и стали бродить прямо между островерхими домами, петляя так, что заблудиться ничего не стоило. Станный это был город, и странные люди жили в нем — рыбаки, рабочие, ремесленники, как и везде, но настолько привыкшие к колдовству, которое постоянно было в ходу на Острове Мудрецов, что и сами казались наполовину колдунами. Они разговаривали (как уже успел убедиться Гед) загадками, и ни один из них и глазом не моргнул бы, если бы у него перед носом юноша превратился, например, в рыбу или полетел по воздуху, словно птица, какой-нибудь дом; они прекрасно знали, что это всего лишь проделки учеников Школы, и продолжали тачать сапоги или разделывать очередную баранью тушу.

Выйдя через дверь в задней стене Школы, трое юношей поднялись по склону Холма, сделали круг по садам и по деревянному мосту перебрались на другой берег чистой речки Твилберн. Потом, не сговариваясь, побрели по лесам и лугам на север. Тропа, петляя, вела их вверх. Они проходили по дубовым рощам, где на земле лежали густые тени: несмотря на то что день был очень ясный, солнце сюда не проникало. Одну из этих рощ, слева от тропы, Гед все не мог как следует рассмотреть. Она неизменно оставалась

на некотором отдалении, хотя все казалось, что тропинка вот-вот нырнет туда. Гед даже не смог разобраться, что за деревья в этой роще. Ветч, поймав его недоуменный взгляд, мягко пояснил:

— Это Имманентная Роща. Мы туда пока войти не можем...

На жарких, залитых солнцем пастбищах цвели желтые цветы.

— Это горицвет, — сказал Джаспер. — Растет там, где ветер уронил золу от сожженных селений Илиена, когда Эррет-Акбе защищал Внутренние Острова от Повелителя Огня.

Он сорвал подсохшее соцветие, подул на него, и золотистые семена легко отделились и разлетелись во все стороны, сверкая, как искры, в лучах солнца.

Тропа по-прежнему шла вверх, огибая основание зеленого Холма правильной округлой формы, поросшего одной лишь травой, того самого, который Гед увидел с палубы корабля, когда «Тень» вплывала в зачарованные тихие воды залива Рок. Здесь, на склоне Холма, Джаспер остановился.

— Дома, в Хавноре, я много слышал о гонтских колдунах, которые якобы славятся своим мастерством, и мне давно уже хотелось узнать, на самом ли деле они такие замечательные мастера. Вот теперь среди нас есть настоящий гонтиец и стоим мы на волшебном Холме Рок, чьи корни уходят глубоко, к самому центру земли. Здесь обретает силу любое заклятье. Покажи нам что-нибудь, Ястребок. Как вы там делаете свои фокусы?

Гед, смущенный и застигнутый врасплох, молчал.

— Да не торопись ты, Джаспер, — сразу попытался вмешаться Ветч. — Пусть немного пообвыкнет.

— Он уже обладает либо мастерством, либо врожденной магической силой, иначе Привратник не впустил бы его. Почему бы ему не изобразить что-нибудь прямо сейчас, а не потом? А, Ястребок?

— У меня есть и мастерство, и сила, — сказал Гед. — Но объясни, чего именно хочешь ты от меня.

— Иллюзий, конечно, фокусов, миражей. Вот смотри!

Подняв палец, Джаспер произнес несколько странных слов, и там, куда он указал пальцем, среди зеленой травы заблестела тонкая струйка воды, потом стала шире, превратилась в быстрый ручей, который ринулся по склону вниз. Гед опустил в воду руку — рука стала мокрой; он выпил несколько глотков — вода была холодной. И все же ничьей жажды вода эта не утолила бы: то была всего лишь иллюзия. Еще одним словом Джаспер остановил воду, и травы под солнцем тут же высохли.

— Теперь твоя очередь, Ветч, — сказал он, как всегда холодно

улыбаясь.

Ветч угрюмо поскреб в затылке, но все же взял в руки немного земли и начал над ней напевать что-то невнятное, разминая ее своими пальцами, придавая ей какую-то форму, сжимая ее и поглаживая; и вдруг появилось маленькое существо, похожее на шмеля или мохнатую муху, которое с гудением облетело Холм, вернулось обратно и растаяло в воздухе.

Гед, глядя на это, совсем упал духом. А что умеет он, кроме самого примитивного деревенского колдовства, вроде заклинаний, сзывающих домой коз, да изготовления зелья от бородавок? Ну еще какие-то слова, передвигающие с места на место тяжелые мешки или заделывающие треснувшие горшки.

— Я таких фокусов, как вы, не делаю, — сказал он.

Для Ветча этих слов было вполне достаточно, и он хотел было уже идти дальше, но Джаспер вскинулся:

— Это почему же?

— Колдовство — не игра. Мы, гонтийцы, не развлекаемся колдовством — ни для удовольствия, ни для похвальбы, — высокомерно ответил Гед.

— А для чего же вы им пользуетесь? — продолжал мучить его Джаспер. — Для денег?

— Нет!.. — Но придумать в ответ что-то еще и скрыть собственное незнание, спасая гордость, он не сумел. Джаспер засмеялся, впрочем довольно беззлобно, и повел их дальше вокруг Холма. Гед тащился сзади, надувшись и вконец расстроившись: он понимал, что вел себя как последний дурак и винил в этом Джаспера.

Ночью, когда он, закутавшись в плащ, улегся на тюфяке в своей холодной каменной келье, среди мрачного безмолвия Большого Дома, мысли об этом загадочном месте, о бесконечных заклинаниях, о вечном колдовстве, творившемся здесь, обволокли его тяжелым облаком. Вокруг царила непроницаемая тьма, и душу Геда объял ужас. Теперь он мечтал о том, чтобы в данную минуту оказаться где угодно, только не на острове Рок. Но тут дверь его комнаты отворилась и вошел Ветч, над головой которого, покачиваясь, плыл маленький голубоватый шарик — волшебный огонек, освещавший ему путь вместо свечи. Ветч спросил, нельзя ли ему немножко поболтать с Гедом, и, получив разрешение, стал расспрашивать того о Гонте, а потом с большим воодушевлением рассказал о своих родных островах Восточного Предела. Например, о том, как тихим вечером над морем с островка на островок долетает дым от деревенских очагов, так близко эти островки находятся друг к другу. Назывались они ужасно смешно: Корп, Копп и Холп, Венвей и Вемиш, Иффиш, Коппиш и Снег.

Когда Ветч нарисовал пальцем на каменных плитах пола очертания этих островов, то линии стали слабо светиться, словно серебряные, а потом потухли. Ветч учился в Школе уже три года и скоро должен был получить звание колдуна; для него вся эта магическая чепуха, вроде светящихся линий, была столь же привычна и свойственна, как птице — умение летать. Однако самым большим его талантом, тем мастерством, которому он не смог бы научиться ни у кого, была удивительная доброта. В ту ночь он от всей души предложил Геду свою вечную дружбу, верную и честную, на что Гед, разумеется, не мог не ответить взаимностью.

И в то же время Ветч дружил также с Джаспером, который в первый же день оставил Геда в дураках. Гед этого забывать не собирался, и, похоже, Джаспер тоже — он по-прежнему разговаривал с Гедом вежливо и с той же насмешливой улыбкой. А тот не мог допустить, чтобы гордость его была задета, и поклялся доказать своему сопернику и всем остальным, среди которых Джаспер был заводилой, сколь велика на самом деле его, Геда, сила — когда-нибудь, при случае. Ведь ни один из команды Джаспера, каким бы изощренным ни было их мастерство в создании иллюзий, не смог пока спасти целую деревню силой собственного волшебства. И только о нем, о Геде, написал Огион, что он будет когда-нибудь величайшим волшебником Гонта.

Питая этими надеждами свою гордость, Гед все силы отдавал работе: урокам и ремеслам, изучению фольклора и истории — тому мастерству, которому учили его одетые в серые плащи Мастера с острова Рок, метко прозванные Великой Девяткой.

Каждый день несколько часов он проводил на уроках Мастера Регента: изучал героические песни о великих Деяниях Древних, баллады о мудрости предков, начиная с древнейшей — «Песни о создании Эа». Потом вместе с дюжиной других учеников практиковался у Мастера Ветродуя в искусстве управления погодой и ветрами. Все светлые весенние дни они проводили в заливе, на легких лодках, упражняясь в заклинании волн, усмирении штормовых валов и создании волшебного ветра. Мастерство заклинателя погоды очень сложное и запутанное, и частенько Гед чувствовал, что в голове у него полная неразбериха; лодчонка его вдруг начинала плыть задом наперед или сталкивалась с чьей-то еще лодкой, причем избежать столкновения оказывалось невозможно, хотя вокруг был совершенно пустой залив, где вполне можно было не только разминуться, но и потерять друг друга из вида; или вдруг все трое пассажиров его лодки вынуждены были заняться плаванием, потому что сама лодка неожиданно исчезала под возникшей неизвестно откуда огромной волной. В иные дни бывали куда

более спокойные путешествия по берегу с Мастером Травником, который учил их тому, ЧТО, КАК и ДЛЯ ЧЕГО растет на земле; а Мастер Ловкая Рука учил их показывать фокусы, создавать иллюзии и еще всяким несложным чудесам, самым простым в искусстве Превращений.

По всем этим предметам Гед успевал отлично и за один только месяц обогнал тех, кто уже целый год учился на острове Рок. Особенно легко давались ему всякие фокусы и иллюзии, казалось, что он умеет их делать от рождения, лишь нужно было ему об этом напомнить. Старый Мастер Ловкая Рука был человеком мягким и добросердечным, он не уставал радоваться изяществу и красоте того искусства, которым дарил своих учеников. Гед вскоре совсем перестал его стесняться и спрашивал то об одном заклинании, то о другом, и всегда Мастер улыбался и показывал, как сделать то, чего хотелось Геду. Как-то раз, задумав наконец пристыдить Джаспера, Гед спросил, когда они с Мастером были одни в Комнате Иллюзий:

— Учитель, все эти чудеса очень похожи; зная одно, ты уже знаешь и все остальные. Кроме того, едва лишь кончается действие заклятья, рассеивается и иллюзия. Вот я сейчас превращу этот камешек в бриллиант, — что он и сделал, сказав нужное слово и должным образом махнув рукой, — а как мне поступить, чтобы бриллиант продолжал оставаться бриллиантом? Как навсегда наложить Заклятье Превращения, чтобы оно не кончилось? Как закрепить его?

Мастер Ловкая Рука посмотрел на драгоценный камень, блескующий и переливавшийся на ладони Геда. Потом прошептал одно лишь слово — *ток*, — и на ладони оказался обычный серый камешек, никакой не бриллиант, а самый простой осколок горной породы. Учитель взял его и переложил на собственную ладонь.

— Это гранит; *ток* — его подлинное имя, — сказал он, взглянув своими кроткими глазами на Геда. — Это кусочек того, из чего сделан сам остров Рок, маленькая частица суши, на которой живут люди. *Ток* — это его сущность. И сам он — незаменимая частица мироздания. Путем превращений или иллюзий ты можешь заставить его выглядеть бриллиантом, или цветком, или мухой, или человеческим глазом, или языком пламени... — Он называл эти предметы, и камешек моментально превращался в каждый из них, едва успевало отзвучать сказанное слово, и тут же снова возвращался к своей исходной форме. — Все это только иллюзии. Иллюзии обманывают чувства; порой благодаря им человек видит, слышит и чувствует, что предмет выглядит иначе. Но суть предмета иллюзии изменить не способны. Чтобы превратить этот камешек в

бриллиант, нужно изменить его подлинное имя. А чтобы сделать это, сынок, даже с самой малой частичкой мироздания, нужно изменить весь мир. Сделать это можно. Это правда. Мастер Метаморфоз владеет этим искусством, и ты этому выучишься в свое время. Но никогда не совершай Превращений — ни с камешком, ни даже с песчинкой, — пока не поймешь, какие добрые и злые последствия это вызовет. Мир наш пребывает в гармонии, в Великом Равновесии. Сила волшебника, способного вызывать души мертвых и совершать Превращения, может нарушить миропорядок. Она очень опасна, эта сила. Опаснее всех других. Сила эта дается лишь вслед за Знанием, а используется лишь при необходимости. Зажженная свеча непременно порождает тени...

Он снова посмотрел на камешек.

— Гранит ведь тоже вещь хорошая, знаешь ли, — сказал он уже не столь мрачным тоном. — Если бы острова Земноморья были сделаны из бриллиантов, туго бы нам пришлось. Радуйся иллюзиям, сынок, но пусть скалы остаются скалами.

Он улыбнулся, но Гед был разочарован. Каждый раз, как он пытался вывести у любого из Магов тайну посерьезнее, те сразу начинали говорить, почти как Огион: о Равновесии, и опасности, и еще об этой Тьме... Ведь нет сомнений, что настоящий волшебник, который давно наигрался со всякими детскими забавами вроде иллюзий и перешел к настоящему искусству — к Заклинаниям душ и Превращениям, — вполне способен делать то, что ему нравится, поддерживая в мире это самое Равновесие так, как ему хочется, и отгонять прочь всякую тьму своим собственным волшебным светом.

В коридоре Гед встретил Джаспера. С тех пор как Геда стали по всей Школе хвалить за успехи, Джаспер разговаривал с ним, пожалуй, несколько дружелюбнее, однако еще более насмешливо.

— Что-то ты, Ястребок, больно мрачен, — сказал он на этот раз. — Что, чудеса-фокусы не удаются?

Как всегда, стремясь не уступить сопернику ни в чем, Гед ответил, вроде бы не замечая насмешки:

— Меня тошнит от фокусов и от иллюзий тоже. Все это годится лишь для того, чтобы развлекать лордов, изнывающих от скуки в своих замках и поместьях. Единственное настоящее волшебство, которому меня пока научили на острове Рок, это зажигать волшебные огни да немного управлять погодой. Все остальное — глупости.

— Даже глупости опасны — в руках глупца, разумеется, — сказал Джаспер.

Гед вздрогнул, словно ему дали пощечину, и угрожающе шагнул в сторону Джаспера, но тот только улыбнулся с самым невинным видом, как бы показывая, что и намерения не имел кого-либо оскорбить, как всегда, грациозно поклонился и ушел.

Гед так и остался стоять, и сердце его горело ненавистью; про себя он поклялся непременно превзойти Джаспера и не просто в искусстве создания иллюзий, а в настоящем поединке. Он больше не позволит, чтобы этот надменный княжеский сынок смотрел на него свысока.

Гед и не пытался задуматься, почему, собственно, Джаспер непременно должен так уж сильно ненавидеть его самого. Он знал только причину собственной ненависти к Джасперу. Остальные ученики весьма быстро поняли, что с Гедом им не сравниться ни в физических упражнениях, ни в прилежании, и говорили о нем — кто с восхищением, кто с завистью:

— Он ведь прирожденный волшебник, разве за ним угонишься?

Один лишь Джаспер никогда не хвалил Геда, но никогда его и не избегал; просто посматривал на него свысока и всегда чуть улыбался. А потому один лишь Джаспер был ему настоящим соперником; и его совершенно необходимо было выставить на всеобщий позор.

Он не замечал или не желал замечать, как в этом соперничестве, которое он холил и лелеял как проявление собственной гордости, растет нечто очень опасное, родственное той самой Тьме, о которой мягко предупредил его тогда Мастер Ловкая Рука.

Когда Гед не бывал охвачен одной лишь слепой яростью, то прекрасно сознавал, что на самом деле он никакой не соперник Джасперу, как и любому другому из старших учеников, и тогда он снова с прежним прилежанием и рвением брался за работу.

К концу лета, правда, занятия несколько утратили интенсивность, стало оставаться больше времени для досуга. Ученики развлекались гонками на заколдованных шлюпках в заливе, устраивали состязания иллюзионистов во внутренних дворах Большого Дома, а долгими вечерами в рощах начиналась немыслимая игра в прятки, когда невидимы были и те, кто спрятался, и те, кто искал, так что среди деревьев слышались лишь смех и чьи-то голоса да мелькали порой, словно гоняясь друг за другом, неяркие волшебные огоньки.

С наступлением осени ученики Школы с новыми силами вернулись к работе, и каждый занялся чем-то для него новым. Так что первые несколько месяцев пребывания Геда на острове Рок пролетели удивительно быстро, наполненные бурными эмоциями и всяческими чудесами.

Зимой дело обстояло по-другому. Его вместе с еще семью мальчиками отправили на дальний конец острова, на самый крайний северный его мыс, где возвышалась Одинокая Башня. Там отшельником жил Мастер Ономатет, которого звали еще очень странным именем, не имевшим значения ни на одном известном людям языке, — Курремкармеррук. Вблизи от Башни на много километров в округе не было ни единой мастерской или фермы. Мрачно высилась она над северными утесами, мрачные серые тучи плыли и плыли над зимним морем, и конца не было спискам, рядам и кругам имен, которые должны были запомнить восемь учеников Мастера Ономатета. Курремкармеррук восседал среди них на высоком стуле в самой верхней комнате Башни и писал столбцы тех имен, которые необходимо было выучить до полуночи, когда волшебные чернила вновь исчезали, не оставляя на чистом листе пергамента ни следа. В комнате вечно царил полумрак, было очень холодно и очень тихо, слышался лишь скрип пера Мастера да тяжкие вздохи учеников, которые до полуночи торопились запомнить название каждого мыса, каждой деревушки, каждой бухточки, узкого пролива, фиорда, канала, гавани, мели, рифа и каждой скалы где-нибудь близ берегов Лоссоу или другого небольшого островка в Пельнийском море. Если кто-то из учеников жаловался, Учитель мог и ничего не сказать, а просто удлинить список на сегодня или же мог, например, заявить: «Тот, кто хочет повелевать морями, обязан знать подлинное имя каждой капельки воды в них».

Гед порой тоже вздыхал, но не жаловался. Он понимал, что в этой пыльной и, казалось бы, бессмысленной куче слов, которые требуется запомнить, скрываются подлинные имена всех людей, предметов и мест на земле, то самое могущество Истинной Речи, которого он так жаждал; и знания эти лежали, подобно кладу, на самом дне сухого колодца. Магия — это и есть точное знание подлинного имени предмета. Примерно так сказал им Курремкармеррук в их первый вечер в Башне и больше никогда не повторял этого, но Гед его слов не забыл.

— Многие из могущественных магов, — сказал Мастер Ономатет, — потратили всю свою жизнь, чтобы отыскать имя всего лишь одной-единственной вещи, одно-единственное скрытое слово Истинной Речи. И все же списки имен еще не закончены. И никогда не будут закончены — до конца света. Слушайте и сами поймете, почему. В нашем мире под солнцем и в другом, где солнца нет, многое не имеет ничего общего ни с людьми, ни с человеческой речью и существуют силы куда могущественнее наших. Но настоящими волшебниками могут считаться лишь те, кто помимо ардического языка Земноморья знает Истинную Речь, от которой язык этот

произошел.

Истинной Речью и сейчас пользуются драконы, ее слова звучали в устах Сегоя, создавшего острова Земноморья, они лежат в основе нашей магии — священных песен, заклинаний и чар. Слова Истинной Речи — в искаженном, порой до неузнаваемости, виде — скрываются среди слов ардического языка. Мы называем пену морскую словом *сукиен*, оно состоит из двух корней Истинной Речи — *сук* — «перо» и *униен* — «море». Перья морские — вот что такое пена. Но повелевать пеной морской нельзя, называя ее *сукиен*; для этого нужно непременно знать ее настоящее имя, которое в Истинной Речи звучит как *Эсса*. Любой колдунье известно хотя бы несколько таких слов Истинной Речи, а уж настоящий маг знает их довольно много. Но на самом-то деле их куда больше, и смысл некоторых затерялся в веках, некоторые всегда были тайной, многие же известны лишь драконам и Древним Силам Земли, кое-какие неведомы никому; и ни один человек не может узнать их все. Ибо Истинная Речь не имеет пределов.

В этом все и дело. Ну хорошо, допустим, что море вообще называется красивым словом *униен*. Но для того, что мы называем Внутренним Морем, в Истинной Речи есть свое слово. Поскольку ничто не может обладать двумя подлинными именами, то, стало быть, слово *униен* может означать лишь «все море, за исключением Внутреннего». И, конечно же, это вовсе не настоящее его значение, ибо существует еще бесчисленное множество морей, заливов и проливов, каждый из которых имеет собственное имя. Поэтому если у какого-нибудь мага, морского волшебника, достанет спеси пытаться командовать бурей или штилем на всем пространстве океана, то он должен включить в свое заклятие не одно слово *униен*, но все слова Истинной Речи, служащие именами каждой полоске воды у берегов бесчисленных островов Архипелага и Пределов, каждой капле в тех морях, где кончаются все известные магам имена. Таким образом, то, что дает нам волшебную власть над миром, ее же и ограничивает. Во власти мага находится лишь то, что непосредственно его окружает, то, что он может назвать точным и полным именем Истинной Речи. И это хорошо. Если бы это было не так, козни злых волшебников или безрассудство добрых и мудрых уже давным-давно привели бы к попытке тех или других изменить то, что изменить нельзя, и тогда неизбежно нарушился бы закон Мирового Равновесия. Море, забыв свои границы, обрушилось бы на наши острова, где нам и так постоянно угрожает опасность, и древняя тишина океана поглотила бы все людские голоса и все подлинные имена безвозвратно.

Гед много думал над этими словами, и они глубоко запали ему в душу.

Но даже столь важные занятия не сделали этот долгий год, проведенный в Одинокой Башне, более легким, а погоду менее дождливой; правда, в конце года Курремкармеррук сказал Геду: «Ты начал хорошо!»

Но больше не прибавил ни слова. Волшебники говорят только правду, и правдой было то, что все знания в области Истинной Речи, которые тяжким трудом приобрел Гед в течение этого года, — лишь начало того, чему он должен отныне посвятить всю свою жизнь. Его отпустили из Одинокой Башни раньше остальных, ибо он преуспел в изучении курса значительно быстрее, но это была единственная награда ему за усердие.

В начале зимы он пешком отправился на юг острова в полном одиночестве и по пустынным тропам, пролежавшим в стороне от селений. Если ночью шел дождь, он не произносил ни единого заклинания, чтобы отвести непогоду, потому что этим здесь, на острове Рок, ведал Мастер Ветродуи, и шутить с ним не стоило. Как-то раз Гед спрятался от дождя под большим хвойным деревом; он улегся, завернувшись в плащ, и стал вспоминать своего старого Учителя Огиона, который, наверно, сейчас еще не вернулся из очередного осеннего похода по горам Гонта и тоже ночует под открытым небом, под голыми ветвями деревьев, сквозь которые падает холодный дождь, стеной стоящий вокруг спящего на земле волшебника. Воспоминания эти вызвали у Геда улыбку, он давно заметил, что мысли об Учителе всегда приносят ему душевный покой. С миром в душе он и уснул, а вокруг него в холодной тьме бормотал дождь. Проснувшись на рассвете, Гед поднял голову и увидел, что дождь прекратился и что в складках его плаща укрылся и спит маленький зверек. Гед очень удивился: это был отак, которого человеку увидеть очень трудно.

Отаки водятся только на четырех южных островах Архипелага — на Роке, Энсмере, Поди и Уотхорте. Это зверьки небольшие, с блестящей коричневой или полосатой шерсткой и крупными яркими глазами. Зубы у отаков крепкие и острые, а нрав довольно свирепый; приручить их почти невозможно. Они молчаливы и не издают обычно ни характерного свиста, ни крика; порой кажется, что они вообще лишены голоса. Гед погладил спящего отака, и тот проснулся, зевнул, показав маленький коричневый язычок и белые зубы, но не испугался.

— Отак, — сказал ему Гед, а потом, припомнив те тысячи слов Истинной Речи, что принадлежат миру зверей и которые он выучил в Одинокой Башне, назвал зверька его подлинным именем. — Хёг! — и спросил: — Пойдешь со мной? — Отак уселся на его раскрытой ладони и стал умываться.

Гед пристроил зверька к себе на плечо, в складки капюшона, и

двинулся в путь. Так, пассажиром у него на плече, отак и ехал дальше. Иногда он в течение дня соскакивал на землю и удирал в лес, но всегда возвращался обратно, а однажды даже принес пойманную им лесную мышь. Гед засмеялся и сказал, чтобы отак сам ел свою добычу, потому что им нужно торопиться: сегодня ночью должен состояться праздник Солнцеворота. И вот в дождливых сумерках Гед обогнул Холм Рок и увидел сквозь пелену дождя, что над крышей Большого Дома играют и кружат яркие волшебные огоньки, и вскоре его радостно встречали друзья и Учителя в залитом светом зале, где в каминах горел огонь.

Геду показалось, что он вернулся домой — ведь настоящего дома, куда он мог бы вернуться, у него не было. Он с радостью вглядывался в знакомые лица, но весь засиял, когда навстречу ему вышел Ветч с широкой улыбкой на темнокожем лице. Гед за год соскучился по другу гораздо больше, чем ему казалось. Этой осенью Ветч был посвящен в колдуны и больше уже не считался учеником, но это ничуть не смутило обоих юношей, они сразу заговорили друг с другом, и Геду показалось, что в эти первые часы их встречи он рассказал Ветчу больше, чем кому-либо за целый год, проведенный в Одинокой Башне.

Отак по-прежнему сидел у него на плече, удобно устроившись в складках капюшона, и не спрятался даже тогда, когда все уселись за Длинный Стол, накрытый по случаю праздника в Каминном зале. Ветч подивился крошечному созданию и даже протянул было руку, чтобы его погладить, но отак в ответ только злобно щелкнул своими острыми зубами. Ветч засмеялся:

— Знаешь, Ястребок, тот, к кому благоволят дикие звери, удостоится и беседы с Древними Силами Земли; камни и ручьи заговорят с ним человеческими голосами.

— Известно, что волшебники с Гонта часто приручают диких животных, похожих на себя, — сказал Джаспер, который сидел по другую руку от Ветча. — У нашего Лорда Неммерля есть ворон, а в героических песнях говорится, что Красный Маг с острова Арк водил повсюду на золотой цепочке дикого кабана. Но никогда я не слышал, чтобы кто-то из волшебников носил в капюшоне собственного плаща крысу!

При этих словах все засмеялись, и Гед засмеялся вместе со всеми. То была ночь веселья, и ему приятно было в компании друзей ощущать тепло и радость этого праздничного вечера. И все-таки шутка Джаспера, как и всегда, заставила его скрипнуть зубами.

В те дни в Школе гостил король острова О, сам весьма известный колдун. Он был когда-то учеником Верховного Мага Неммерля и приезжал

порой на Рок, чтобы принять участие в зимнем празднике Солнцеворота или в Долгом Танце — летом. С ним была его жена, юная и прекрасная, со свежим медно-смуглым лицом; на ее черных волосах поблескивала украшенная опалами корона. Редко случалось, чтобы женщине было позволено сидеть вот так в зале Большого Дома, и некоторые из старых Учителей посматривали на нее косо, неодобрительно. Зато молодежь глаз оторвать от нее не могла.

— Для такой, — сказал Ветч Геду, — я бы уж расстарался, самые лучшие чары применил... — Он вздохнул и засмеялся.

— Она всего лишь женщина, — ответил Гед.

— Принцесса Эльфарран тоже была всего лишь женщиной, — возразил Ветч, — но ради нее был опустошен весь Энлад, ради нее погиб великий герой и Великий Маг из Хавнора, а остров Солеа скрылся в глубинах морских.

— Старые сказки, — сказал Гед. Но тоже начал посматривать на королеву острова О, пытаясь понять, встречается ли в действительности у простых смертных такая красота, как о том говорится в старинных легендах.

Мастер Регент исполнил «Подвиг юного короля», и потом все вместе они спели веселую Зимнюю песню. Потом, во время небольшой паузы, как раз перед тем, как всем подняться из-за стола, Джаспер подошел к камину, где сидела королева О, и заговорил с ней. Джаспер выглядел уже вполне взрослым молодым человеком, высоким и красивым; его плащ у горла был перехвачен серебряной пряжкой — символом того, что он, как и Ветч, уже посвящен в колдуны. Дама улыбнулась его словам, и опалы на ее черных волосах засверкали еще ярче. Тогда с разрешения Учителей, кивком головы выразивших свое согласие, Джаспер сотворил для нее настоящее чудо. Из каменного пола выросло белое дерево. Ветви его коснулись потолочных балок зала, и на каждой веточке, на каждом сучке повисло по золотому яблочку, сверкавшему, как солнце, — ведь это было само Древо Жизни. Внезапно с ветвей дерева слетела совершенно белая птица с хвостом, как снежная метель, и золотые яблоки, померкнув, превратились в семена, подобные хрустальным каплям. Капли с тихим звоном, напоминающим стук дождя по стеклу, падали вниз, и зал сразу же наполнился сладостным ароматом, а дерево закачалось, на нем распустились листья, похожие на розовое пламя, и белые цветы, похожие на звезды. И тут иллюзия пропала. Королева острова О вскрикнула от удовольствия и склонила свою убранный сверкающими камнями головку к молодому колдуну, чтобы воздать ему хвалу за тонкое мастерство.

— Поедем с нами, ты будешь с нами жить на О-токне, можно ли ему поехать, мой лорд? — спросила она скороговоркой, как ребенок, одновременно у Джаспера и своего сурового супруга.

Однако Джаспер ответил быстрее:

— Когда я выучусь мастерству настолько, что стану достоин моих здешних Учителей — и твоей похвалы, о моя королева! — тогда я охотно приеду и вечно буду служить тебе.

В тот вечер Джаспер доставил удовольствие всем в зале, кроме Геда. Гед вместе с остальными хвалил Джаспера, но в душе говорил себе: «Я бы мог сделать лучше!», испытывая горькую зависть, отравившую ему весь остальной праздник.

В ту весну Гед редко видел Ветча и Джаспера: они уже стали колдунами и теперь проходили курс высшей магии под руководством Мастера Путеводителя в таинственной недоступности Имманентной Рощи. Гед оставался в Большом Доме и готовился стать колдуном, то есть волшебником, не имеющим волшебного посоха; он учился заклинать ветер и управлять погодой, отыскивать потерянные предметы и запутывать следы, а также — тонкому искусству составления заклинаний и их толкования; он изучал различные сказания и песни, медицину и знахарство, познавал секреты трав и деревьев. Оставшись ночью один в своей келье, он зажигал волшебный фонарик над книгой и разбирал Старшие Руны и Руны Эа, которыми пользуются при составлении Великих Заклятий. Знания так легко давались ему, что среди студентов пошли слухи: дескать, Мастера давно уже считают этого гонтийца самым способным из тех, кто когда-либо учился в Школе. Но еще больше слухов ходило про отака, которого считали духом, специально сменившим личину для того, чтобы нашептывать слова Мудрости прямо в ухо Геду; вспоминали и о том, что ворон Верховного Мага Неммерля некогда приветствовал только что прибывшего в Школу Геда как «грядущего Верховного Мага». Но верили ученики этим сплетням или нет, любили они Геда или недолюбливали, большая их часть все-таки восхищалась им и признавала своим вожаком, особенно когда — правда, крайне редко — на него находило безудержное веселье и он становился заводилой во всех забавах, что длились без конца весенними вечерами. Зато в остальное время он был вечно занят, держался гордо, ровно, независимо и слегка отчужденно. Среди учеников, не считая отсутствующего в данный момент Ветча, друзей у Геда не было, да он никогда и не думал, что ему кто-то нужен.

Ему было пятнадцать — слишком мало, чтобы уже овладеть Высшими Искусствами и стать настоящим магом, то есть получить волшебный посох. Однако Гед так быстро, например, усваивал все тонкости искусства иллюзий, что Мастер Метаморфоз, сам человек еще не старый, начал заниматься с ним отдельно от остальных и учить его подлинным заклетьям Воплощения. Он объяснил, как трансформировать вещь в нечто совсем иное, давая ей на все время действия заклинания новое имя. Подобное переименование неизбежно влечет за собой перемены в именах и

характерах вещей, окружающих трансформированный предмет. Метаморфоз говорил Геду и об опасности, сопряженной с подобным превращением; опаснее всего, когда волшебник перевоплощается сам и может попасть в ловушку собственного заклятья. Потихоньку-полегоньку, зачарованный легкостью, с какой его ученик впитывал знания, молодой Мастер начал не только рассказывать Геду об этих тайнах. Он обучил его сперва одной, потом другой Великой Трансформации и дал прочитать книгу об искусстве Воплощений. Сделав это без ведома Верховного Мага, он поступил легкомысленно, хоть и без злого умысла.

С Гедом занимался и Мастер Заклинатель, но это был человек суровый, старый и мрачный, умудренный тем глубинным и страшноватым волшебством, которому учил других. Здесь были отнюдь не иллюзии, а самая настоящая магия; здесь вызывались такие силы, как свет, тепло, магнитное притяжение; здесь менялась форма тел, цвет, звук, и все изменения извлекались Мастером из бездонных кладовых энергии Вселенной, запасы которой неизменны и непоколебимы, сколько бы человек ни заклинал и ни использовал их. Ученики Мастера Метаморфоза уже умели немного управлять погодой, ветрами и морем, но именно Мастер Заклинатель впервые показал им, почему настоящий волшебник пользуется такими заклинаниями только в случае крайней необходимости, ибо призывать столь могучие силы земли означает изменять и саму землю, неотъемлемой частью которой являются и все люди, в том числе и волшебники.

— Дождь, что прольется на острове Рок, обернется, возможно, засухой на Осскиле, — говаривал Мастер Заклинатель, — а штиль в Восточном Пределе обрушится штормом и страшными бедами на Западный, если не до конца представляешь себе конечную цель своих действий.

Что же касается вызывания реальных людей и предметов, а также душ мертвых и Невидимого, то об этих Высших заклинаниях — вершине возможностей человеческого воображения — он своим ученикам едва намекнул. Раз или два Гед пытался вызвать Мастера Заклинателя на более откровенный разговор об этих таинствах, но Мастер молчал и лишь смотрел на него пристально и мрачно, пока Гед, совсем смутившись, не прекращал свои вопросы.

И действительно, порой ему становилось не по себе даже при самых несложных заклинаниях, каким учил его Мастер. На отдельных страницах Книги Заклинаний ему встречались руны, которые он знал, хотя не мог вспомнить, где видел их. Иногда в заклятьях попадались слова, которые ему произносить было неприятно. Они словно на мгновение пробуждали

воспоминания о тенях в темной комнате, о запертой двери, о том, как тянулись к нему черные бесформенные призраки из угла... Он гнал эти воспоминания прочь и продолжал заниматься делом. «Эти мгновения страха и тьмы, — говорил он себе, — всего лишь тень моего собственного невежества. Чем больше я буду знать, тем меньше стану бояться, а когда достигну полной силы и получу волшебный посох, то смогу не бояться ничего в мире, абсолютно ничего».

Наступил второй месяц лета, и вся Школа вновь собралась на празднование Лунной Ночи и Долгого Танца, которые на этот раз совпали и превратились в двухдневный бал, что случается лишь раз в пятьдесят два года. В течение всей первой ночи, самой короткой в году и отмеченной полной луной, флейты играли прямо в полях, а узкие улочки Твила были заполнены грохотом барабанов, горящими факелами и пением, которое разносилось далеко над залитым лунным светом заливом. С восходом солнца певцы запели героическую песнь о деяниях Эррет-Акбе, и в ней рассказывалось, как были возведены белые башни Хавнора, о путешествиях Эррет-Акбе с самого древнего острова Эа по всем островам Архипелага и Пределов и о том, как, добравшись наконец до самого края Западного Предела, там, где начинается Открытое Море, он повстречался с драконом Ормом; и о том говорилось в сказании, как останки Эррет-Акбе в искореженных доспехах покоятся, смешавшись с костями дракона, на берегу пустынного острова Селидор, но меч героя красуется на вершине самой высокой башни Хавнора и все еще светится красным, когда закатное солнце опускается в воды Внутреннего Моря. Едва песнь была допета до конца, начался Долгий Танец. Жители Твила, Учителя и ученики Школы, крестьяне окрестных деревень — все вместе танцевали в теплой пыли на улочках и тропах, ведущих к гавани и пляжам, под гром барабанов, гудение труб и пение флейт, и сумерки медленно окутывали остров. Люди танцевали, спускаясь прямо в море, всю ночь напролет при полной луне, и музыку заглушали лишь хлопки откупориваемых бочонков с вином. Когда на востоке стало светлеть, люди двинулись, по-прежнему в танце, от берега моря вверх по улочкам к центру города; барабаны теперь смолкли, но флейты негромко играли, пронзительно взвизгивая порой. То же самое происходило в ту ночь на каждом острове Архипелага: один и тот же танец, одна и та же музыка, связывающая воедино разделенные морем земли.

Когда Долгий Танец кончался, большая часть людей заваливалась спать на весь день, вечером же все снова собирались — на пирушку по случаю праздника. Несколько юношей из Школы, младших учеников и старших, уже посвященных в колдуны, тоже собрались в одном из

двориков Большого Дома, прихватив с собой из трапезной всякой вкусной снеди, чтобы отметить этот день в более узком кругу. Там были Ветч, Джаспер и Гед, а с ними еще человек шесть или семь; к их компании присоединились также несколько учеников, которых на праздничные дни отпустили из Одинокой Башни, ибо Долгий Танец вытащил на свет даже отшельника Курремкармеррука. Юноши ели, пили, смеялись и развлекались разными трюками, которые вполне могли бы украсить двор любого короля. Один из учеников, например, осветил двор сотней волшебных звездочек, похожих на самоцветы; звездочки вспыхивали точно в промежутках между настоящими звездами на фоне темного неба, и казалось, что дворик опутала тонкая волшебная сверкающая сеть. Двое других юношей играли в кегли; шары у них были из зеленого огня, а кегли сами собой отскакивали в сторону и убегали прочь, едва светящийся шар приближался к ним. Все это время Ветч сидел, удобно скрестив ноги, прямо в воздухе и поедая жареного цыпленка. Один из учеников попытался было с помощью заклятья опустить его на землю, но Ветч только поднялся чуточку повыше, чтобы было не достать, и продолжал, улыбаясь как ни в чем не бывало, сидеть в воздухе. Время от времени он отбрасывал в сторону обсосанную косточку цыпленка, которая тут же превращалась в сову, с уханьем улетающую прочь сквозь сеть волшебных звездочек. Гед стрелял в этих сов стрелами из хлебного мякиша, сбивал их, и едва они касались земли, как иллюзия тут же исчезала и на земле оставалось лишь то, из чего все и возникло: куриная косточка да хлебный мякиш. Гед тоже попытался присоединиться к Ветчу и посидеть с ним в воздухе, но поскольку не знал ключа и не мог запереть заклинание, то, чтобы удержаться на месте, непрерывно хлопал в воздухе руками, как пытающаяся летать курица, и все до упаду хохотали над тем, насколько смешно у него это получается. Гед еще немного подурачился, чтобы доставить удовольствие зрителям, и сам посмеялся вместе с ними, потому что после двух ночей сплошных танцев, музыки, лунного света и волшебства ощущал странную обреченность и смятение и готов был к самому неожиданному повороту событий.

Наконец он легко опустился на землю и сразу встал на ноги, оказавшись рядом с Джаспером. Джаспер, который и не думал смеяться, отодвинулся от него и прошипел:

— Тоже мне, Ястреб, а сам и летать-то не умеет!..

— Никак это ты, Джаспер? Краса всей Школы! — Гед не остался в долгу и, ухмыляясь, обернулся к соседу. — О, бриллиант среди волшебников и колдунов, краса и гордость Хавнора, ослепи же нас,

смиранных, своим блеском!

Тот парень, что подвесил над двориком танцующие волшебные звездочки, послал одну из них к Джасперу, и она закружилась, сверкая, над самой его головой. Вопреки обыкновению чуть утратив хладнокровие, Джаспер раздраженно смел огонек ладонью и забросил его подальше в ночную тьму.

— Осточертели мне ваши детские выходки, глупая болтовня и шутки, — сказал он.

— Никак стареешь, парень, — заметил сверху Ветч.

— Может, тебе больше по душе тишина и полумрак? — вставил один из ребят. — Тогда лучше Одинокой Башни места не найти.

— Чего ты все-таки от нас хочешь, Джаспер? — спросил его Гед.

— Я хочу находиться в обществе равных мне! — отрезал Джаспер. — Пошли, Ветч. Пусть детишки сами забавляются своими игрушками.

Гед моментально оказался прямо у него перед носом.

— Чем уж таким особенным обладают некоторые молодые колдуны, чего не хватает нам, непосвященным? — с угрозой спросил он. Голос его звучал довольно спокойно, но все вокруг застыли как вкопанные: казалось, соперники вот-вот выхватят из ножен несуществующие мечи.

— Силой волшебства, — сказал Джаспер.

— Я готов помериться с тобой этой силой при любых условиях.

— Ты вызываешь меня на поединок?

— Да.

Ветч прямо-таки рухнул на землю и с мрачным видом встал между ними.

— Колдовские поединки в Школе запрещены, и вам это прекрасно известно. Так что немедленно прекратите!

Оба, Гед и Джаспер, стояли молча; они действительно знали, что таков закон острова Рок, как знали и то, что Ветч сейчас действует во имя любви, а сами они — во имя ненависти. Но гнев их, к сожалению, не только не улегся, но запылал еще жарче. Чуть отодвинувшись, словно для того, чтобы лишь Ветч мог его расслышать, Джаспер проговорил со своей холодной улыбкой:

— Мне кажется, тебе еще раз следует напомнить нашему приятелю-пастушку о соблюдении закона, который его же и охраняет. Он, похоже, уперся. Неужели он действительно полагает, что я намерен принять его вызов? Вызов деревенского парня, пропахшего козами, какого-то недоучки, который не знает еще и Первой Трансформации?

— Джаспер, — сказал Гед, — разве тебе что-нибудь известно о том,

что я знаю и чего нет?

И, не произнеся больше ни слова — во всяком случае, никто ничего услышать не успел, — Гед на мгновение исчез, а там, где он только что стоял, захлопал крыльями крупный сокол, в пронзительном крике разевая крючковатый клюв. Через несколько секунд Гед снова стоял на прежнем месте, освещенный пламенем факелов, и не сводил с Джаспера темных глаз.

Джаспер лишь изумленно отшатнулся, однако тут же взял себя в руки, пожал плечами и уронил:

— Иллюзия!

Остальные потрясенно бормотали что-то себе под нос.

— Нет, это не иллюзия. Это настоящее Превращение. И довольно. Послушай, Джаспер... — попытался урезонить его Ветч.

— Да, этого, конечно, вполне довольно, чтобы доказать, что он тайком из-за спины Мастера Метаморфоза успел кое-что прочитать в Книге Воплощений. Ну и что? Нет, пастушок, давай-ка покажи нам что-нибудь еще. Мне, например, приятно смотреть, как ты сам себе роешь яму. Чем сильнее ты стараешься доказать, что не лыком шит, тем лучше видно, каков ты на самом деле!

Ветч отвернулся от Джаспера и мягко попросил Геда:

— Ястребок, будь мужчиной, прекрати это и пойдем со мной...

Гед улыбнулся другу, но ответил лишь:

— Подержи, пожалуйста, Хёга немножко, ладно?

И сунул в руки Ветчу отака, как всегда сидевшего у него на плече. Зверек никогда никому не позволял, кроме Геда, разумеется, даже прикасаться к себе, но тут охотно пошел к Ветчу, взобрался по его рукаву и устроился на плече, свернувшись клубком и не сводя больших блестящих глаз с хозяина.

— А теперь, — сказал Гед своему сопернику по-прежнему спокойным тоном, — докажи, если сможешь, свое превосходство, Джаспер.

— Ничего доказывать я не намерен, пастушок. Но тебе я все-таки дам урок. А заодно смотри, не упusti и свой единственный шанс. Зависть гложет тебя, как червь яблоко. Так давай выпустим червя на волю. Однажды, помнится, на вершине Холма ты хвастал, что волшебники с Гонта в детские игры не играют. Давай прямо сейчас отправимся туда, и ты покажешь нам, на что же они, эти волшебники с Гонта, способны. А потом, может быть, я тебе немножко поколдую.

— Да, очень хотелось бы посмотреть, — ответил Гед.

Младшие ученики, привыкшие к тому, что он вспыхивает при

малейшей насмешке или оскорблении, изумленно смотрели на него: Гед был на редкость спокоен. Ветч тоже смотрел на него, но во взгляде его читалось отнюдь не изумление, а растущий страх. Он вновь попытался вмешаться, но Джаспер сказал:

— Хватит, не вмешивайся, Ветч. Так как? Используешь ли ты тот единственный шанс, что я предоставлю тебе, пастушок? Может быть, ты покажешь нам фокус? Например, огненный шар? А может, произнесешь заклинание, излечивающее коз от чесотки?

— А тебе от меня чего хотелось бы, Джаспер?

Джаспер лишь пожал плечами.

— С меня вполне хватит, если ты сумеешь вызвать душу умершего.

— Смогу.

— Не сможешь! — Джаспер смотрел ему прямо в глаза, из-под его вечной равнодушно-презрительной маски словно внезапно вырвались языки гневного пламени. — Не сможешь. Нет! Ты только хвастаешься...

— Клянусь своим подлинным именем, я это сделаю!

На мгновение все в ужасе застыли.

Вырвавшись из объятий Ветча, который из всех сил старался удержать его, Гед бросился со двора, не оглядываясь назад. Танцующие над головами юношей волшебные огоньки погасли, умерли. Джаспер, секунду поколебавшись, последовал за Гедом. Остальные беспорядочной толпой тоже двинулись на Холм, молчаливые, заинтригованные, испуганные.

Вершина Холма черной громадой высилась во мраке летней ночи — в той непроглядной тьме, какая бывает перед восходом луны. Уже сама эта гора, где свершилось столько чудес, действовала подавляюще, словно в воздухе вокруг них повисла некая тяжесть. Когда они поднялись по склону, то явственно почувствовали, сколь глубоки корни Холма Рок, глубже, чем море, и уходят они в само древнее огненное чрево земли, в самые ее сокровенные недра. Они остановились на восточном склоне. Над округлой вершиной, над черной травой у них под ногами висели неподвижные звезды. Царило полное безветрие.

Гед чуть отошел в сторону от остальных и поднялся выше по склону, потом обернулся и ясным голосом спросил:

— Джаспер! Чей дух мне вызвать?

— Вызови любой. Ни один тебя не послушается, — голос Джаспера слегка дрожал, возможно от гнева.

Гед сказал мягко и чуть насмешливо:

— Ты что, боишься?

Даже если Джаспер что-то и ответил ему, Гед дожидаться не стал. Теперь соперник был ему безразличен. Теперь, на вершине Холма, в душе его исчезли ненависть и гнев, сменившись полной уверенностью в себе. Завидовать больше никому не стоило. Гед и сам знал, как велика его сила этой ночью, на темном склоне зачарованного Холма: сейчас он был куда могущественнее, чем когда-либо. Сила заполнила его существо до краев, он даже дрожал, едва сдерживая ее, рвущуюся наружу. Теперь он знал, что на самом деле Джаспер куда слабее его и послан Судьбой лишь для того, чтобы именно в эту ночь привести его, Геда, сюда; что он ему никакой не соперник, а просто слуга Судьбы. Под ногами Гед чувствовал корни горы, уходящие глубоко вниз, во тьму, а над головой видел сухие далекие огни звезд. Все в пространстве между этими звездами и тьмой под его ногами сейчас подчинялось ему, готово было ему служить. Сейчас он стоял в самом центре мира.

— Не бойся, — сказал он, улыбаясь. — Я вызову дух женщины. А женщины не стоит бояться. Я вызову прекрасную Эльфарран, о которой поется в «Подвиге Энлада».

— Она умерла тысячу лет назад, кости ее покоятся далеко, на дне моря Эа, а может быть, на свете и не было никогда такой женщины...

— Разве годы и расстояния что-нибудь значат для мертвых? Разве наши песни лгут? — спросил Гед с той же мягкой насмешливостью и прибавил: — Смотри сюда, в пространство между моими руками. — Потом отвернулся и неподвижно застыл.

И вот торжественным медлительным жестом простер он руки свои как бы в приветствии — так начинают Великое Заклинание, вызывая души мертвых. И начал говорить.

Он прочитал это, записанное с помощью рун, заклинание по крайней мере два года назад, еще в книге Огиона, но с тех пор ни разу этих рун не видел. Тогда он прочитал их во тьме. И во тьме он теперь словно бы снова читал их, перед ним как бы открылась в ночи нужная страница. Однако сейчас он хорошо понимал, что именно читает, и выговаривал заклинание громко, слово за словом, и ясно видел перед собой рунические символы, сплетающиеся в слова Истинной Речи, и помогал волшебству звуком собственного голоса, движениями тела и рук.

Все остальные молча стояли и смотрели, словно оцепенев; потом понемногу юношей начала сотрясать дрожь — это вступало в силу Великое Заклинание. Голос Геда звучал по-прежнему негромко, но как-то изменился, словно в глубине его таилась неведомая музыка, да и слова, что произносил он, тоже были его друзьям неведомы. Гед умолк. Внезапно

откуда-то из травы с ревом взвился вихрь. Гед упал на колени и громко позвал кого-то, а потом распростерся на земле, словно желая обнять ее. Когда же он снова с трудом приподнялся, то в напряженных вытянутых руках будто держал нечто темное и настолько тяжелое, что дрожал от усилия, пытаясь встать с этим грузом на ноги. В лабиринте спутанных трав на склоне Холма застонал горячий ветер. Даже если звезды и светили по-прежнему в небесах, то теперь никто уже их не видел.

Слова заклятья с шипеньем и страшным бульканьем срывались с губ Геда, а потом он вдруг ясным и громким голосом выкрикнул:

— Эльфарран!

И снова позвал он ее по имени:

— О, Эльфарран!

И в третий раз:

— Эльфарран!

Бесформенная темная масса, которую он только что поднял с земли, вдруг распалась. В образовавшуюся щель вырвался бледный луч, между землей и поднятыми руками Геда образовался слабо светящийся овал. В нем на мгновение шевельнулась некая человеческая фигура: это была высокая женщина, оглядывающаяся назад через плечо. Лицо ее было прекрасно, печально и исполнено страха.

Лишь на секунду сверкнул перед ними дух Эльфарран. Затем желтоватый овал света меж поднятых рук Геда стал ярче, расширился, разросся — сверкающая брешь в черноте земли и ночи, прореха в ткани мироздания. Сквозь нее вырвался нестерпимо яркий огонь, и по неровному краю быстро и осторожно скользнуло нечто, похожее на сгусток черной тени. И с яростью бросилось Геду прямо в лицо.

Отпрянув назад и шатаясь под тяжестью этой твари, Гед крикнул коротко и хрипло. Маленький молчаливый отак, с плеча Ветча наблюдавший за происходящим, тоже вдруг громко заверещал и бросился в атаку на врага.

Гед, извиваясь, упал на землю, борясь с напавшей на него тварью, а яркая щель во вселенской тьме над ним все ширилась и расползалась. Наблюдавшие за происходящим ученики не выдержали и сбежали, а Джаспер низко склонился к земле, пряча глаза от ужасного света. Один лишь Ветч бросился вперед к другу на помощь. И только он один сумел как следует разглядеть этот сгусток тьмы, ужасное существо, вцепившееся в Геда и терзавшее его плоть. Оно было похоже на черного зверя размером с ребенка, хотя все время то увеличивалось, то уменьшалось; оно было лишено головы, а стало быть, лица или морды; зато Ветч различил четыре

когтистые лапы, которыми тварь душила свою жертву и рвала ее плоть. Юноша взвыл от ужаса, но все же попытался голыми руками оттащить чудовище от Геда. Однако не успел он его коснуться, как застыл словно камень, не в силах двинуться с места.

Непереносимо яркий свет чуть померк, и края прорехи медленно сомкнулись. Рядом послышался чей-то голос, звучавший так тихо, как шепчутся листья на дереве или журчит вода в маленьком фонтане.

Снова засияли звезды, а трава на склоне Холма засеребрилась в лунном свете — как раз всходила луна. Ночь была спасена, излечена от смертельного недуга. Вновь восстановилось равновесие между светом и тьмой. Черная тварь исчезла. Гед, раскинувшись, лежал на спине, руки его по-прежнему были судорожно воздеты к небесам, словно он все еще приветствовал кого-то, вызванного заклинанием из могилы. Лицо юноши было покрыто запекшейся кровью, и на рубашке виднелись большие черные пятна. Маленький отак, дрожа, прятался за его плечом, а над юношей стоял старик, чьи белые одежды слабо мерцали в лунном свете: Верховный Маг Неммерль.

Конец волшебного посоха Неммерля серебристо поблескивал у самой груди Геда. Шепча что-то, Маг коснулся посохом сердца юноши, потом его губ. Гед вздрогнул, разлепил губы и стал жадно хватать воздух ртом. Тогда старый Неммерль отвел посох и оперся им о землю; голова его была опущена, он едва стоял на ногах, утратив последние силы.

Ветч обнаружил, что снова может двигаться. Он огляделся и увидел, что вокруг много народу, в том числе и Мастер Заклинатель, и Мастер Метаморфоз. Серьезное волшебство не обходится без их помощи, и они умеют при надобности моментально оказаться там, где эта помощь требуется. Однако ни один из них не оказался так быстр, как Верховный Маг Неммерль. Прибывшие чуть позже помощники обступили Верховного Мага; остальные, в том числе и Ветч, поспешили отнести Геда к Мастеру Травнику.

Всю оставшуюся ночь Мастер Заклинатель провел на вершине Холма Рок — на страже. Ничто не шелохнулось там, где прорвана была ткань мироздания. Ни одна тень не проползла тайком по склону Холма при свете луны, выискивая щель, чтобы попасть обратно в царство смерти. Видимо, той твари удалось бежать от Неммерля, удалось преодолеть невидимые волшебные стены, охраняющие остров Рок, и теперь она вышла в широкий мир и где-то там спряталась. Если бы Гед в ту ночь умер, черная тварь могла бы попытаться последовать за ним в обитель смерти или в иное царство, из которого явилась сюда; этого-то и ждал Мастер Заклинатель, но

Гед остался жив.

Его уложили в постель, и Мастер Травник обработал рваные раны у него на лице, на шее и на плечах. Раны были страшные, глубокие. Черная кровь не свертывалась в них, а продолжала течь, несмотря на все заговоры и повязку из паутины и волшебной травы перриот. Гед лежал, ничего не видя и не слыша, и лихорадка пожирала его, как огонь — сухое дерево, и не находилось заклинания, способного погасить этот огонь.

Неподалеку, во внутреннем дворике у фонтана, лежал Верховный Маг Неммерль, столь же недвижимый, но совсем холодный: на его застывшем лице жили одни глаза, неотрывно следившие, как падает просвеченная лунным светом струя воды в фонтане да подрагивают залитые серебром листья деревьев. Те, кто был подле него, не пытались произносить заклинания или применять какое-то лечение. Порой Мастера тихонько переговаривались между собой, а затем снова обращали внимательные взоры на своего повелителя. Он лежал неподвижно, его ястребиный нос, высокий лоб и седые волосы казались добела вымытыми струями лунного света. Для того чтобы овладеть неуправляемым заклятьем и отогнать страшную тень от Геда, Неммерль отдал всю свою волшебную силу, вместе с которой покинули его тело и силы физические. Теперь он умирал. Но смерть для Великого Мага, не раз бродившего по сухим осыпающимся кручам ее царства, — дело необычное: умирающий Маг уходит не вслепую, а, напротив, твердо зная свой путь. И когда Неммерль смотрел куда-то вверх, сквозь листву, его друзья не знали, видит ли он земные звезды, блекнувшие на исходе ночи, или звезды иного мира, которые никогда не появляются и не исчезают, но вечно светят над холмами царства мертвых.

Исчез куда-то ворон с Оскила, бывший любимцем Мага Неммерля целых тридцать лет. Никто не видел, куда и как он исчез.

— Он летит впереди, — сказал Мастер Путеводитель, не отходивший от ложа умирающего.

Наступил день, теплый и ясный. Тихи были улицы Твила и сам Большой Дом. Никто не осмеливался говорить в полный голос, лишь ближе к полудню в башне Мастера Регента громко заговорили, будто прощаясь с кем-то, колокола.

На следующий день Девять Мастеров Школы собрались в Имманентной Роще под темными деревьями. Но даже там они дополнительно окружили себя девятью непроницаемыми стенами тишины, чтобы ни единая живая душа, ни одна враждебная сила не узнала о том, что они говорят, чтобы никто и ничто не смогло повлиять на них во время

выборов нового Верховного Мага Земноморья. Избран был Геншер с острова Уэй. Незамедлительно снарядили корабль, который должен был пересечь Внутреннее Море и привезти в Школу нового Ректора. Мастер Ветродуи стоял на корме, повелевая волшебным ветром в парусах; корабль быстро вышел из гавани и скрылся вдали.

Но ничего этого Гед не знал. Почти целый месяц жаркого лета провел он в забытии, ничего не видя и не слыша, только временами громко и жалобно стонал, будто раненый зверь. Наконец терпенье и умелые руки Мастера Травника сделали свое дело, и раны на теле Геда стали затягиваться, лихорадка оставила его. Понемножку он, похоже, начинал и слышать, хотя так ни разу и не заговорил. В ясный осенний день Мастер Травник отворил ставни в комнате Геда. С той темной ночи на Холме перед глазами у него была лишь тьма. Теперь Гед увидел дневной свет и солнце в небе. Он спрятал изуродованное свое лицо в ладони и заплакал.

Но даже к началу зимы говорил он все еще с трудом, заикаясь на каждом слове, и Мастер Травник держал его при себе, надеясь постепенно вернуть ему душевные и физические силы. Была ранняя весна, когда Травник наконец выпустил Геда на волю, для начала послав его присягнуть на верность Верховному Магу Геншеру, поскольку Гед не мог присутствовать на общей церемонии.

Никому из учеников не разрешалось в течение долгого времени навещать Геда, так что теперь, когда он проходил мимо, некоторые удивленно спрашивали: «А кто это?» Раньше он был гибким, сильным, ясноглазым юношей. Теперь — хромал, двигался неуверенно, опустив голову; левая сторона его лица была исполосована белыми шрамами. Гед равно избегал знакомых и незнакомых людей и, выйдя от Травника, сразу пошел в тот внутренний дворик с фонтаном, где некогда ожидал появления Верховного Мага Неммерля; теперь здесь же его поджидал Геншер.

Верховный Маг, как и подобает, был в белом плаще и, будучи уроженцем острова Уэй, отличался очень темной кожей. Черные глаза его прятались под густыми бровями.

Гед преклонил колена и присягнул новому Верховному Магу. Геншер некоторое время хранил молчание.

— Я знаю, ЧТО ты совершил, — сказал он наконец. — Но мне неизвестно, КЕМ ты стал теперь. Я не могу принять твоей присяги.

Гед поднялся с колен и вцепился рукой в ствол молодого деревца, росшего рядом с фонтаном, чтобы успокоиться. Он по-прежнему с трудом подбирал слова, обращаясь к Геншеру:

— Я должен покинуть остров Рок, господин мой?

— А ты этого хочешь?

— Нет.

— Чего же ты хочешь?

— Остаться. Учиться. Уничтожить... зло...

— Сам Неммерль не смог этого сделать. Нет, на мой взгляд, тебе уезжать с Рока не стоит. Только здесь ты под защитой Мастеров и созданных ими волшебных стен, которые непреодолимы для сил зла. Если же сейчас ты покинешь Рок, то высвобожденное тобой зло незамедлительно отыщет тебя и проникнет в твою душу; оно подчинит тебя себе, и ты превратишься в оборотня, управляемого той тварью, которую выпустил в наш солнечный мир. Тебе следует оставаться здесь до тех пор, пока у тебя не достанет сил и мудрости, чтобы защитить себя от этого детища тьмы — если когда-либо это вообще станет возможным. Теперь же черная Тень, несомненно, поджидает тебя. Видел ли ты ее с тех пор?

— Во сне, господин мой. — Гед помолчал и вдруг заговорил с болью и стыдом: — Лорд Геншер, я не знаю, что это было — то, что вызвал я заклинанием, то, что бросилось на меня тогда...

— Я тоже не знаю. У этой Тени нет имени. Ты от рождения наделен волшебной силой, но неправильно использовал ее, произнеся заклятье, с которым справиться не сумел, не ведая, что заклятье это способно нарушить Равновесие, гармонию света и тьмы, жизни и смерти, добра и зла. И руководили тобой гордыня и ненависть. Так удивительно ли, что случилась такая беда? Ты вызвал дух умершей, но вместе с ним в наш мир пробралась нежить. Незваной явилась она сюда оттуда, где ничто не имеет подлинных имен. Порожденная злом, сила эта жаждет творить зло и постарается использовать для своих целей тебя. Неумелым колдовством ты лишь придал ей сил, она обрела власть над тобой, и теперь вы с ней связаны. Это тень твоего невежества и самонадеянности, твоя собственная тень. А есть ли имя у твоей тени?

Гед, потрясенный до глубины души, еле стоял на ногах. Наконец он вымолвил:

— Лучше бы я умер...

— Кто ты такой, чтобы решать, что лучше! Ты, за которого Неммерль отдал собственную жизнь?.. Здесь ты, по крайней мере, в безопасности. Будешь жить здесь и учиться дальше. Говорят, ты был способным учеником. Так что продолжай заниматься своим делом. И приложи максимум усилий. Это все, что ты теперь можешь.

Так Геншер завершил свою речь и сразу же исчез, как это делают все Маги. Фонтан по-прежнему искрился в солнечных лучах, и Гед некоторое

время любовался его струями, слушая пение воды и думая о Неммерле. Когда-то именно здесь, в этом дворике, он почувствовал себя словом, произнесенным солнцем. Теперь свое слово сказала тьма: одно лишь слово, но нельзя было удержать его.

Гед покинул дворик и направился в свою прежнюю комнату в Южной Башне, которую оставили за ним. Там он и сидел в одиночестве, пока гонг не позвал учеников на ужин. В трапезной Гед ни с кем из сидящих за Длинным Столом и словом не обмолвился и почти не поднимал головы, стараясь не замечать даже тех, кто вполне дружески приветствовал его. Поэтому через день-другой все оставили его в покое. И сам он постоянно стремился к одиночеству, страшаясь невольно словом или делом сотворить зло.

В Школе не было видно ни Ветча, ни Джаспера, и он даже не спрашивал о них. Ученики, среди которых он когда-то считался заводилой и лучшим из лучших, давно обогнали его, так что всю весну и лето он занимался с младшими. Да и среди них не блистал: слова любого заклятья, даже самого простого, он произносил запинаясь, руки не слушались его, и он постоянно ошибался.

Осенью Геду предстояло вновь отправиться в Одинокую Башню, чтобы пройти очередной курс у Мастера Ономатета. Уроки эти, которых он некогда так страшился, теперь доставляли ему удовольствие, потому что искал он тишины и покоя, когда нет надобности произносить заклинания или пользоваться магической силой, которая — он это знал — все еще была заключена в нем самом.

Накануне вечером в комнату Геда зашел некто в коричневом дорожном плаще, держа в руке дубовый посох с железным наконечником. Завидев посох волшебника, Гед поднялся.

— Ястребок!..

Гед вскинул глаза: голос был знакомый. Перед ним стоял Ветч, как всегда спокойный, плотный, широкоплечий. Его темнокожее грубоватое лицо стало более мужественным, взрослым, однако улыбка была все та же. На плече у Ветча свернулся маленький полосатый зверек с блестящими глазами.

— Он жил у меня, пока ты болел, и теперь даже жалко с ним расставаться. А уж до чего мне жаль расставаться с тобой, Ястребок! Но я уезжаю домой. Эй, Хёг! Ну-ка ступай к своему настоящему хозяину!

Ветч погладил отака, снял с плеча и опустил на пол. Зверек подбежал к жалкому ложу Геда, уселся там и принялся умываться; сухой коричневый язычок, похожий на сухой листик, так и мелькал. Ветч засмеялся, но Гед не

смог выдавить даже улыбки. Он низко склонился, спрятав лицо, и только поглаживал отака.

— Я думал, ты ко мне больше не придешь, Ветч, — с трудом выговорил он, вовсе не думая никого упрекать.

Однако Ветч ответил:

— Я просто не мог! Мастер Травник запретил мне навешать тебя; а с самого начала зимы я все время был заперт в Имманентной Роще, пока не получил волшебный посох. Послушай: когда тоже получишь свой посох, приезжай ко мне, в Восточный Предел. Я буду ждать. Там у нас города маленькие, и живут в них веселые и добрые люди, а волшебников всегда принимают очень хорошо.

— ...получу посох... — еле слышно пробормотал Гед, слегка пожал плечами и попытался улыбнуться.

Ветч посмотрел на него, и взгляд его был не таким, как всегда: в нем, пожалуй, любви меньше не стало, но то был уже взгляд настоящего и мудрого волшебника. Он мягко подбодрил друга:

— Ты же не навечно привязан к острову Рок.

— Ну... я, например, мог бы и впредь помогать Мастеру Ономатету в Одинокой Башне; мог бы стать одним из тех, что всю жизнь разыскивает среди древних книг и звезд забытые слова Истинной Речи... Может быть... Может быть, так я смогу больше никому никогда не вредить, даже если и пользы особой от меня не будет...

— Может быть, и так, — сказал Ветч. — Но хоть я и неважный провидец, все же вижу дальше тебя, и видятся мне вовсе не запертые комнаты с книгами, а далекие моря, драконы, изрыгающие пламя, башни больших городов и многое другое из того, что видит в поднебесье летящий ястреб.

— А что... что ты видишь в моей прежней жизни? — спросил Гед и резко вскочил; тень его метнулась при этом с пола на стену. Потом он отвернулся и медленно проговорил, заикаясь: — Однако куда ты сам держишь путь и чем намерен заниматься?

— Отправляюсь домой, повидая братьев и сестренку. Я тебе о ней много рассказывал. Когда я уезжал, она была совсем крошкой, а теперь скоро пройдет обряд имяположения. Странно даже подумать об этом! Потом, наверно, стану волшебником на одном из наших островов. Ах, с каким удовольствием я еще поговорил бы с тобой, но корабль мой отплывает сегодня ночью и отлив уже начался. Ястребок, если когда-либо путь твой пройдет близ Восточного Предела, заезжай ко мне непременно. Если же я понадоблюсь тебе, призови меня именем моим: Эстарриол.

Тут Гед впервые поднял свое покрытое шрамами лицо и встретился взглядом с другом.

— Эстарриол, — сказал он, — мое имя Гед.

Они тихо простились. Ветч повернулся, прошел по каменным плитам дворика и навсегда покинул остров Рок.

Некоторое время Гед стоял, не в силах двинуться с места, потрясенный до глубины души, оглушенный тем великим даром, который только что получил. Ибо это был поистине великий дар: Ветч открыл ему свое подлинное имя.

Никто не знает подлинного имени человека, кроме него самого и его имядателя. С течением времени можно доверить эту тайну близкому человеку — брату, жене или другу, — но и они никогда не должны произносить это имя, если его может услышать кто-то третий. В присутствии других людей они, как и все остальные, должны называть человека обычным именем или прозвищем: Ястребок, Ветч, Огион, что, кстати, значит «еловая шишка». Если даже простые люди скрывают свои подлинные имена, доверяя их лишь самым близким, то уж, конечно, волшебники, тая в себе опасность для других и в то же время постоянно подвергаясь угрозе со стороны темных сил, должны проявлять в отношении своего подлинного имени особую осторожность. Тот, кому известно подлинное имя человека, держит в руках и всю его жизнь. Потому-то для Геда, утратившего веру в себя, дар Ветча был свидетельством непоколебимой веры друга, то есть самым драгоценным из даров.

Гед присел на свою лежанку и погасил волшебный огонек; исчезая, тот издал слабый запах болотного газа. Юноша погладил отака, уютно свернувшегося клубочком у него на коленях и так крепко спящего, словно никогда с этих колен и не слезал. В Большом Доме царила полная тишина. Гед вспомнил, что сегодня канун дня его имяположения, совершенного Огионом. С тех пор прошло уже четыре года. Он вспомнил холод горной реки Ар, которую переходил вброд нагим и безымянным. Потом стал вспоминать светлые заводы, где любил плавать; деревню Десять Ольховин на лесистом склоне горы Гонт; утренние тени на пыльной деревенской улице, огонь в горне деревенской кузни, раздуваемый мехами; зимние дни, хижину ведьмы, пропитанную загадочными ароматами, с тяжелым от курений воздухом. Он давно уже не думал об этом. Но сегодня, когда ему исполнилось семнадцать, все как бы вернулось вновь: события всех прошлых лет, все те места, где он побывал за свою короткую, но уже поломанную жизнь, в одно мгновение всплыли в его памяти и легко

сложились в целостную картину. Он снова наконец понял — после этих долгих, горьких, бессмысленно прошедших лет, — кто он такой и где находится.

Но куда дальше поведет его жизненный путь, Гед не ведал и страшился узнать.

На следующее утро он отправился через весь остров к Одинокой Башне; отак, как всегда, уютно устроился у него на плече. В этот раз Геду понадобилось не два, а целых три дня, чтобы добраться туда, и он устал, едва держался на ногах, когда наконец впереди над шипящим, плюющим пеной морем, на самом северном мысу завиднелась Башня. Внутри все было как прежде — темно и холодно; и Курремкармеррук восседал на своем высоком стуле и составлял длинные списки имен. Он глянул на Геда и, не поздоровавшись, буркнул, словно тот никуда отсюда не уходил:

— Отправляйся-ка спать: усталая голова плохо варит. Завтра можешь взять книгу о Деяниях и учить оттуда имена Создателей.

К концу зимы Гед вернулся в Большой Дом и был посвящен в колдуны. На этот раз Верховный Маг Геншер принял его присягу. С тех пор Гед начал заниматься Высшими Искусствами и куда более сложными заклинаниями. Это были уже не просто иллюзии, а настоящая магия; Гед готовился получить посох волшебника. Болезни и несчастья, постигшие его в тот злополучный день, с течением времени как бы отступили; руки обрели былую ловкость, и все же он уже не был так сметлив, как раньше, получив слишком долгий и тяжелый урок — урок страха. Но даже когда он произносил самые опасные заклинанья Созидания и Воплощения, это никаких вредных последствий не вызывало. В конце концов Геду даже стало казаться, что Тень, которую он выпустил в этот мир, возможно, утратила свою силу или же просто удалилась в иные миры: она больше не являлась ему во снах. Однако в глубине души он понимал, что все эти надежды тщетны.

От Мастеров Школы и из древних мудрых книг Гед узнал все, что мог, о существах, подобных той твари, которую упустил тогда; впрочем, известно о них было немного. Ни одно из них не было описано или упомянуто прямо. В лучшем случае встречались отдельные и не совсем внятные намеки на нечто, столь же чудовищное. Тень явно не была ни призраком, ни творением Древних Сил Земли, и все же казалось, что она имеет и к тому и к другому определенное отношение. Вот только какое? В книге «О естестве драконов», которую Гед штудировал с особым вниманием, ему попала одна история о давным-давно умершем Повелителе Драконов, который попал во власть одной из Древних Сил

некоего Говорящего Камня, который и теперь лежит на прежнем месте в одной из северных стран. «По велению Камня, — говорилось в книге, — человек тот воззвал душу из могилы, и она явилась из царства мертвых, но заклятье было искажено по воле Камня, и на этот свет вместе с душой покойника явилось нечто незваное, и оно пожрало душу вызывавшего, проникло в его плоть и в обличье его ходило по земле меж людей, уничтожая их». Но в книге той не говорилось ничего об облике чудовища и о том, чем же вся эта история закончилась. Мастера ничего определенного по этому вопросу сказать не могли. Нежитью назвал его когда-то Верховный Маг; «Это существо с того света», — сказал Метаморфоз; а Мастер Заклинатель просто ответил: «Не знаю».

Мастер Заклинатель часто приходил и сидел возле Геда, пока тот болел. Он, как всегда, был мрачен и суров, но теперь Гед понял, какая самоотверженная у него душа, и очень его любил.

— Не знаю, — сказал Мастер Заклинатель. — Об этой вещи я могу предположить только одно: вызвать ее в наш мир смогла лишь очень могущественная сила, возможно, единственная в мире и обладающая неповторимым голосом — твоим голосом, Гед. Но почему это так и что это значит, я тоже не знаю. Ты все узнаешь сам. Должен узнать. Или умереть. Или хуже, чем умереть... — Голос Мастера звучал тихо, он мрачно смотрел на юношу. — Ты, мальчишка, решил, что волшебник — это тот, кто может все на свете. Когда-то и я так думал. И все мы. А правда на самом деле в том, что чем человек сильнее душой, чем больше он знает, какой бы жизненный путь он ни избрал, путь этот кажется ему все уже и уже, пока в конце концов он не перестает видеть его перед собой, а только делает то единственное, что должен делать...

Когда Геду исполнилось восемнадцать, Верховный Маг послал его к Мастеру Путеводителю. То, что изучают в Имманентной Роще, не принято особенно обсуждать за ее пределами. Говорят, что там никогда не звучит ни одно заклинание, и все же Роща эта — место совершенно волшебное. Иногда деревья в ней видимы, иногда нет, и сама Роща не всегда находится на одном и том же месте, и даже не в одной и той же части острова Рок. Говорят, что сами деревья из Рощи разумны и мудры. Говорят, что Мастер Путеводитель постигает свою изысканную магию именно от деревьев, и если когда-либо деревьям этим суждено умереть, то вместе с ними исчезнет и его мудрость; тогда же поднимутся волны морские и затопят острова Земноморья, которые Сегой поднял из глубин океана задолго до того, как были сложены самые первые мифы, и все те земли, где живут теперь и люди и драконы, исчезнут.

Но это лишь слухи; волшебники об этом говорить не любят.

Прошло несколько месяцев, и однажды, весенним днем, Гед вернулся в Большой Дом, не имея ни малейшего представления о том, чем будет заниматься дальше. У ворот Школы, там, где начинается тропа, что ведет через поля к вершине Холма, его поджидал старик, которого Гед вначале не узнал. Потом он пораскинул мозгами и понял, что это Привратник, впустивший его в школу, когда он впервые, пять лет назад, пришел сюда.

Старик поздоровался с ним, назвав его подлинным именем, и спросил:

— Знаешь, кто я такой?

Теперь Гед вспомнил, что всегда говорилось раньше о Девяти Мастерах с острова Рок, хотя сам он знал лишь восьмерых: Ветродуя, Ловкая Рука, Травник, Регент, Метаморфоз, Заклинатель, Ономатет и Путеводитель. Вроде бы девятым считали Верховного Мага. С другой стороны, когда выбирали Геншера, то для этого встречалась вся Девятка.

— Я думаю, что ты Мастер Привратник, — сказал Гед.

— Да. Гед, ты завоевал право войти в Школу, назвав свое имя. Теперь же назови мое и обрешь свободу и постоянную возможность выйти отсюда. — Старик улыбнулся и стал ждать.

Гед молчал. Конечно же, он знал тысячу способов и приемов, позволявших установить подлинные имена вещей и людей; это умение было частью той науки, которую он превзошел на острове Рок и без которой всякая магия была бы практически бесполезной. Но узнать подлинное имя волшебника, Мастера, — совсем другое дело. Имя Мага спрятано очень тщательно, и его труднее отличить от прочих слов, чем одну сельдь от другой среди огромного косяка в водах океана; и охраняется это имя лучше, чем логово дракона. Колдовство, направленное на то, чтобы вывести эту тайну, непременно столкнется с еще более могущественным колдовством; любые хитроумные изобретения потерпят крах; попытки разведать что-то окольным путем будут исподволь пресечены, а попытка узнать что-нибудь силой неизбежно и самым губительным образом обернется против предпринявшего ее.

— Уж больно маленькую щель оставляешь ты в своих воротах, Мастер Привратник, — сказал наконец Гед. — Придется, видно, мне посидеть здесь до тех пор, пока я достаточно не похудею, чтобы пролезть в эту щель.

— Сиди, пожалуйста, сколько хочешь, — сказал, улыбаясь, Привратник.

Гед чуть отошел и уселся под ольхой на берегу речки, отпустив отака поиграть и поохотиться близ илистых берегов на раков. Солнце садилось, но, несмотря на позднее время, закат сиял яркими красками — ведь весна

была в разгаре. В окнах Большого Дома зажигали лампы и светились волшебные огоньки, а внизу у подножия Холма улицы Твила уже заволокла тьма. Над крышами домов ухали совы, над темной водой реки бесшумно носились летучие мыши, а Гед все сидел и думал, как бы ему — силой, хитростью или колдовством — узнать имя Привратника. И чем больше он думал, тем меньше видел для того возможностей, несмотря на все приемы ведовства, которым обучился на Роке за пять лет.

Он улегся прямо на землю и проспал всю ночь под открытым небом, а отак устроился на ночлег у него в кармане. Когда же взошло солнце, Гед быстро подошел к воротам Школы и постучался. Мастер Привратник открыл ему.

— Учитель, — сказал Гед, — я недостаточно силен и не могу силой вызвать твоё имя; у меня не хватает также ни мудрости, ни хитрости, чтобы вывести его обманом. Так что я готов стать либо твоим учеником, либо слугой — как ты сам пожелаешь — до тех пор, пока удача не улыбнется мне и ты не ответишь на один лишь мой вопрос.

— Что это за вопрос? Задай его.

— Как твоё имя?

Привратник улыбнулся и назвал ему своё подлинное имя; и Гед, повторив его, в последний раз вошел в Большой Дом.

Когда же он снова покинул его, то одет был в темно-синий плащ, дар жителей Лоу-Торнинга, куда теперь направлялся в качестве волшебника. В руках он держал волшебный посох ростом с него самого, сделанный из тиса и с бронзовым наконечником. Мастер Привратник простился с ним и специально для него отпер заднюю дверцу Большого Дома, сделанную из резной кости; и Гед пошел вниз по улицам Твила к пристани, где ждал его корабль, покачиваясь на воде, ярко блестящей в утренних лучах солнца.

Дракон с острова Пендор

К западу от острова Рок меж двух крупных островов, Хоск и Энсмер, разбросано множество мелких островков. Их так и называют: Девяноста Островов. Из них ближе всех к Року расположен Серд, а дальше всего — Сеппиш, который омывают воды Пельнийского Моря. Впрочем, толком никогда так и не было известно, сколько этих островов в действительности, потому что если считать только те, где есть пресная вода, то получается не больше семидесяти, а если учитывать каждую скалу или риф, то количество их переваливает за сотню, а может, и гораздо больше. Многое зависит и от приливов. Островки расположены порой совсем близко друг к другу, и, когда даже спокойные воды Внутреннего Моря во время прилива начинают бурлить и пениться меж тесных берегов, там, где во время отлива можно насчитать целых три острова, над приливной волной едва виднеется один. И все же, несмотря на бурные волны приливов и отливов, любой ребенок на Девяноста Островах, едва научившись ходить, уже умеет и грести, и владеет собственной маленькой лодочкой; женщины частенько перебираются с островка на островок попить с соседкой чайку; корабейники прямо с воды зазывают купить у них товар, ритмично работая при этом веслами. Все в этом краю передвигаются по соленым водам морским, словно по дорогам, и мешают им разве что сети, натянутые прямо через проливы от одного дома до другого для ловли мелкой рыбешки под названием «турбис», жир которой составляет основу благополучия Девяноста Островов. В этом краю всего несколько мостов, ни одного крупного города, зато множество крестьянских и рыбацких селений. Каждые десять-двадцать островков объединяются в некие подобия округов; один из них, самый западный, и назывался Лоу-Торнинг. Острова, входившие в Лоу-Торнинг, были обращены не к Внутреннему Моря, а к безбрежным водам Великого Океана, к самому отдаленному острову Архипелага — Пендору, захваченному драконами. Дальше острова Пендор располагался за широкой безлюдной полосой моря Западный Предел.

Для нового волшебника жители островов приготовили дом на холме, среди зеленых ячменных полей. От западных ветров дом укрывала целая роща деревьев, сейчас сплошь покрытых красными цветами. С порога виднелись соломенные крыши других домов, окруженных такими же рощицами и садами, а дальше — многочисленные островки и на них очень

похожие друг на друга дома, поля и холмы; между островами синели яркие извивающиеся ленты проливов. Жилище Геда, хоть и убогое — с земляным полом, без окон, — все же было лучше той хижины, где он появился на свет. Жители Лоу-Торнинга, со священным трепетом взиравшие на молодого волшебника с острова Рок, все просили прощения за столь скромное помещение.

— У нас совсем нет строительного камня, — оправдывался один.

— У нас тут богачей нет, зато хоть не голодает никто, — прибавил другой.

А третий сказал:

— По крайней мере, в этом доме всегда будет сухо: я сам позаботился о том, чтобы кровля была сделана на совесть.

Что же касается Геда, то этот домик ему казался настоящим дворцом. Он от всей души поблагодарил старейшин общины, после чего они — все восемнадцать — довольные отправились по домам: каждый на собственной лодке к собственному островку. Теперь им предстояло рассказать соседям-рыбакам и их женам, что новый волшебник — парень странный и вида мрачного, говорит мало, но справедлив и совсем не гордый.

Впрочем, Геду на первых порах и гордиться-то было особенно нечем. Волшебники, обучавшиеся в Школе на острове Рок, обычно уезжали в большие города или в замки богатых лордов. Простые же рыбаки, вроде жителей Лоу-Торнинга, чаще всего могли позволить себе содержать разве что ведьму или в лучшем случае колдуна, способного заговаривать рыбацьи сети и лодки да немного лечить животных и людей. Но в последние годы старый дракон с острова Пендор дал потомство: говорили, что в разрушенных башнях замка свили гнезда целых девять драконов и волочат теперь свои покрытые чешуей туши по мраморным лестницам и галереям. Когда-нибудь, гонимые особенно жестоким голодом, и без того достаточно сильным на их мертвом острове, они неизбежно должны были добраться до соседних островов. Уже не раз видели, как четверо из них кружили над юго-западным побережьем Хоска, однако пока не спускались, а сверху высматривали стада овец, амбары и жилые дома. Голод у драконов пробуждается медленно, но удовлетворить его трудно. Потому-то жители Лоу-Торнинга и отправили на остров Рок нижайшую просьбу прислать к ним настоящего волшебника, который смог бы защитить их и все западные земли от страшной угрозы, и Верховный Маг счел их страхи обоснованными.

— В этих местах ты не обретишь ни покоя, ни славы, ни богатства; возможно даже, что тебе и рисковать не придется ни разу, — сказал

Верховный Маг в тот день, когда Гед получал свой волшебный посох. — Поедешь?

— Поеду, — ответил Гед, и не только из одного послушания.

С той ночи на вершине Холма его желание бежать славы и всего показного стало столь же сильным, каким было когда-то желание этой славы добиться. Теперь он постоянно сомневался в себе и страшился любых грядущих испытаний себя в качестве волшебника. Но тем не менее одно лишь упоминание о драконах вызвало в нем жгучее любопытство. На Гонте уже многие столетия драконов не видывали, и ни один из них даже не приближался к острову Рок — во всяком случае, настолько, чтобы его можно было почуять, увидеть или определить в пространстве волшебным зрением. Чаще всего они служили темой сказок, легенд, героических песен — то есть были героями преданий, а не реальной жизни. В Школе Гед прочитал о драконах все, что можно было найти в древних книгах, но одно дело читать о них и совсем другое — встретиться лицом к лицу. И вот перед ним открылась такая великолепная возможность, и он совершенно искренне ответил Геншеру: «Поеду».

Верховный Маг кивнул головой в знак согласия, но глядел мрачно. Помолчав, он спросил:

— Скажи мне, боишься ли ты покидать остров Рок? Или, напротив, стремишься его покинуть?

— И то и другое, господин мой!

Геншер снова кивнул.

— Я не уверен, что поступаю правильно, отпуская тебя, ибо только здесь ты в безопасности, — медленно роняя слова, проговорил он. — Я не вижу, что ждет тебя впереди. Путь твой скрывается во мгле. А там, в северных краях, тебя поджидают порождение Зла и, может быть, сама смерть. Впрочем, что это за сила и где именно ты встретишься с ней, я сказать не могу: все твоё прошлое, настоящее и будущее как бы в тумане. Когда сюда прибыли гонцы из Лоу-Торнинга, я сразу подумал именно о тебе, потому что это место кажется мне относительно безопасным, да и находится оно далеко на западе — там со временем ты мог бы набраться сил. Но я не уверен, существует ли такое место на земле, где ты действительно был бы в безопасности, и не знаю, куда ведет твой путь. Мне очень не хочется посылать тебя в неизвестность, во тьму...

Первое время дом среди цветущих деревьев и сам островок внушали Геду покой и светлую радость. Он частенько посматривал на запад, в небеса, настроив свой волшебный слух на неуловимый, далекий шорох

чешуйчатых крыл. Но ни один дракон так и не появился вблизи острова. Гед ловил с причала рыбу и ухаживал за садом. Порой он целыми днями, сидя под цветущим деревом, обдумывал одну-единственную страницу, строку или даже слово из тех мудрых книг, что привез с собой. Отак же спал рядом с ним или охотился на мышей в гуще трав и цветов. А еще Гед лечил жителей Лоу-Торнинга, предсказывал погоду и заклинал ветры, если его об этом просили. Ему, могущественному волшебнику, и в голову не приходило стыдиться столь примитивных просьб — ведь и в его роду были простые ведьмы, а вырос он среди еще больших бедняков, чем эти люди. Однако местные жители редко обращались к Геду с просьбами и отчасти побаивались его: и потому, что он настоящий волшебник с Острова Мудрецов, а также — из-за неразговорчивого характера и покрытого шрамами лица. Было в нем что-то такое, хоть он и выглядел совсем молодым, что держало людей на расстоянии.

И все же Гед нашел себе друга по имени Печварри — лодочника с соседнего островка. Они познакомились у причала, когда Гед, проходя мимо, остановился и стал смотреть, как лодочник прилаживает к ботику мачту. Заметив это, тот глянул на волшебника, ухмыльнулся и сказал:

— Ну вот, почти месяц возился. Небось ты-то в минуту все сделал бы, только слово нужное сказать надо, да, господин мой?

— Сделал бы, наверно, — откликнулся Гед, — может, и быстрее, да только ботик скорее всего уже через минуту затонул бы или пришлось бы все время шептать заклятья. Но, если хочешь... — он вдруг запнулся.

— Что хочу, господин?

— Вообще-то ботик у тебя прекрасный! И никаких заклятий ему не требуется. Но, если хочешь, я могу сделать так, чтобы лодка эта никогда не давала течи и, что бы ни случилось, всегда возвращалась домой с моря.

Он говорил не очень уверенно, боясь своим предложением обидеть умелого лодочника, но лицо Печварри просияло.

— Этот ботик делал я для сына, и если ты, господин волшебник, еще поколдуешь над ним, будешь так милостив, я тебе век от всего сердца служить стану.

Лодочник выбрался на причал и горячо пожал Геду руку, снова и снова выражая ему свою благодарность.

Потом они часто работали вместе — мастерили новые лодки или чинили старые, и Гед своими заклинаниями делал замечательную работу Печварри еще лучше, а взамен учился у лодочника его мастерству и искусству править лодкой на море без помощи магии: искусство это держалось в тайне от учеников Школы на острове Рок. Гед, Печварри и его

маленький сын Айоэт нередко уплывали далеко в море по проливам на самых различных судах, под парусом или на веслах, пока Гед в полной мере не овладел ремеслом моряка, и к этому времени дружба между ним и Печварри стала уже делом решенным.

Но как-то поздней осенью сынишка лодочника сильно заболел. Мать его привезла с острова Теск колдунью, известную травницу, и день или два все шло, казалось бы, на поправку. Как вдруг ночью, когда на море бушевал жестокий шторм, в дверь Гед загрохотал кулаками Печварри. Он умолял спасти сына, и Гед со всех ног бросился за ним; они вскочили в лодку, навалились на весла и помчались по бурным волнам к дому лодочника. Мальчик был распростерт на лежанке; его молчаливая мать сгорбилась у изголовья, а колдунья не переставая жгла корень корли и повторяла нараспев заклинание Нагиана — с ее точки зрения, это были лучшие средства от данной болезни. Однако она шепнула Геду:

— Господин волшебник, мне кажется, что у мальчика красная лихорадка; он не переживет этой ночи...

Когда Гед склонился над ребенком и коснулся его лба, он понял, что колдунья права, и на мгновение отшатнулся. За долгие месяцы его собственной тяжелой болезни Мастер Травник открыл ему немало секретов врачевания, и самым главным из них был следующий: умерь боль раненого тела, лечи его болезни, но, если умирает душа, отпусти ее.

Мать мальчика, заметив его резкое движение, поняла все и в отчаянии громко заплакала. Печварри топтался возле нее, приговаривая:

— Господин Ястреб непременно спасет нашего мальчика. Нечего плакать, жена! Он теперь здесь, наш волшебник, и он спасет малыша.

Услышав жалобный плач женщины и чувствуя, как сильно Печварри верит в него, Гед растерялся: он не знал, что ему предпринять, боясь разочаровать этих несчастных людей. Решив, что ошибся в диагнозе, он попытался спасти мальчика, сбивая жар, и пообещал другу:

— Я сделаю все, что в моих силах.

Гед обмывал мальчика холодной дождевой водой, которую родители непрерывно меняли, благо лило как из ведра, произносил различные заклинания, но ничто не помогало, никакие слова не имели силы, и вдруг Гед понял, что ребенок умирает у него на руках.

И тогда, призвав на помощь все свои магические силы и совершенно позабыв об угрожающей ему самому опасности, Гед послал свою душу вслед за душой ребенка, пытаясь вернуть его в этот мир. Он позвал мальчика по имени: «Айоэт!» — и ему показалось, что внутренним слухом своим уловил слабый отклик. Тогда Гед продолжил погоню, время от

времени называя имя ребенка. Вскоре он увидел и его самого: мальчик быстро бежал далеко впереди Геда вниз по склону какой-то мрачной горы или холма. Не было слышно ни звука. Над головой висели совсем иные, чем здесь, звезды, но Гед почему-то знал названия чужих созвездий: Сноп, Ворота, Рулевой, Дерево... Созвездия эти в черных небесах не двигались и не гасли: солнце никогда не восходило в этом мире. Пытаясь догнать умирающего мальчика, Гед зашел слишком далеко в царство смерти.

Осознав это, он увидел, что остался на склоне темного холма один. Повернуть назад оказалось трудно, очень трудно. Но он все-таки повернул. С огромным усилием сделал шаг вверх по склону холма, потом еще один. Так, благодаря лишь чудовищным усилиям воли, шаг за шагом продвигался он к вершине. И каждый следующий шаг был тяжелее предыдущего.

Звезды в небе не двигались. Ни разу не вздохнул ветерок над покрытым густым слоем пыли склоном. Во всем этом бескрайнем царстве тьмы двигался лишь он один, медленно взбираясь вверх. Поднявшись на вершину холма, Гед увидел невысокую каменную стену. Перелезть через нее было бы нетрудно, но прямо за ней лицом к нему стояла Тень.

Она не напоминала обличьем своим ни человека, ни зверя. У нее как бы вообще не было формы, очертания ее расплывались, и все же Тень что-то сердито шептала, обращаясь к нему, Геду, хотя слов было не разобрать.

И она стояла по ту сторону стены, где была жизнь, а он — там, где смерть.

И теперь ему либо нужно было спускаться назад, в пустынные земли, в лишенные света города мертвых, либо перешагнуть через стену, к жизни, туда, где поджидала его бесформенная тварь, порождение Зла.

Он высоко поднял свой волшебный посох, зажав его в руке. И тут силы словно вернулись к нему. Когда он изготовился прыгнуть через невысокую стену прямо на Тень, посох внезапно вспыхнул белым, ослепительным в этой сумеречной стране светом. Гед прыгнул, почувствовал, что падает, и свет померк в его глазах.

Вот что в этот момент увидели Печварри, его жена и колдунья: молодой волшебник запнулся посреди заклинания, какое-то время стоял неподвижно, держа ребенка на руках, потом бережно опустил маленького Айюэта на постель, распрямился и стоял молча, зажав свой посох в руке. Внезапно он высоко поднял посох, и на конце его сверкнул белый огонь, похожий на шаровую молнию, и тут все вещи в доме как бы ожили, задвигались сами собой. Когда же наблюдавшие это пришли в себя от изумления, то увидели, что молодой волшебник лежит ничком на земляном полу рядом с постелью, где покоится мертвое дитя.

Печварри решил было, что и Гед тоже умер. Жена его тихо плакала, сам же он был потрясен до глубины души. Однако колдунья, кое-что понимавшая в магии и слышавшая о тех краях, куда может попасть настоящий волшебник, позаботилась, чтобы Геда, совершенно безжизненного и холодного, все же не считали покойником, объяснив, что юноша как бы болен или скорее зачарован. Его отнесли домой, и старая ведьма осталась, чтобы присмотреть за ним, а заодно и выяснить, уснул ли он навсегда или все же очнется.

Маленький отак спрятался где-то на чердаке, как всегда, когда в дом приходили чужие, и оставался там, а дождь все хлестал и хлестал по стенам, и огонь в очаге погас, в дом тихонько прокралась ночь, заставив старуху клевать носом. Тогда из своего убежища вылез отак, забрался на постель, где неподвижно и почти не дыша лежал его хозяин, и своим сухим, похожим на коричневый листок язычком начал вылизывать его пальцы и ладони; лизал долго, заботливо, потом, пристроившись поближе к подушке, стал лизать виски Геда, покрытую шрамами щеку и, особенно нежно, закрытые глаза. Очень медленно, постепенно нежные эти прикосновения привели Геда в сознание. Он открыл глаза, не понимая, где побывал, где находится теперь и что это за слабый серый свет вокруг. За окном разливалась заря. И отак, засыпая, привычно свернулся у плеча своего хозяина.

Позже, когда Гед вспоминал и обдумывал события той ночи, он понял, что, если бы кто-то живой не коснулся его, утратившего душу, и не позвал обратно в этот мир, он вполне мог бы остаться в стране мертвых навсегда. Лишь слепая инстинктивная мудрость зверей, которые вылизывают своих раненых сородичей, желая утешить их и успокоить, спасла его, но в этой мудрости отака Гед видел нечто родственное собственной своей волшебной силе, нечто глубинное, как и чародейство, связанное с Древними Силами Земли. С этого времени он навсегда уверовал в единство по-настоящему мудрых людей со всеми прочими живыми существами, люди это или бессловесные твари, и в последовавшие годы скитаний немало усилий приложил к тому, чтобы научиться понимать тех, кто погружен в безмолвие, — глаза животных, полет птиц, величественные медлительные жесты деревьев.

Теперь он впервые совершил невредимым тот переход через Порог и обратно, который с открытыми глазами может совершить лишь настоящий волшебник и который даже самому великому магу всегда грозит страшной опасностью. Но в этот мир вернулся он навстречу горю и страху. Он горевал из-за своего друга Печварри, а страх испытывал из-за себя самого.

Он до сих пор так и не смог узнать, почему тогда Верховный Маг боялся отсылать его далеко от Рока и что именно застило пеленой его, Геда, путь так, что даже сам Геншер не смог разглядеть его будущее. А путь его застила сама Тьма, и поджидала его на этом пути та безымянная тварь, что этой Тьмой была порождена и не принадлежала к миру живых. Та Тень, которую он сам выпустил из небытия или невольно создал. В стране мертвых, у самой границы между жизнью и смертью, она ждала его долгие годы. И дождалась. Теперь она будет следовать за ним по пятам, выискивая момент, чтобы подобраться поближе, отнять у него силы, высосать из него жизнь и завладеть его личиной.

В первое время во сне тварь виделась Геду в облике странного медведя, лишенного головы и глаз. Он думал, как она бродит вокруг, ощупывая стены его дома и пытаясь проникнуть внутрь. Эти сны не снились ему с тех пор, как зажили рубцы, нанесенные когтистыми лапами. Теперь Гед просыпался в поту, его бил озноб, а старые шрамы на лице и плече воспалялись и болели.

С тех пор начались плохие времена. Когда Тень снилась ему или когда он слишком много думал о ней, его всегда охватывал леденящий ужас; разум и силы покидали его, он казался себе глупым и каким-то растерянным. Страх перед Тенью безумно злил его, но он ничего не мог с собой поделать. Ему очень нужна была поддержка, вот только чья и против кого? Ведь тварь эта была лишена плоти и не принадлежала ни к миру живых, ни к миру мертвых; она не имела имени и вообще была как бы Ничем, и обладала лишь одним: страшным могуществом, не подчиняющимся законам земной живой жизни, которое он сам некогда дал ей. Единственное, что он о ней теперь знал точно, — это то, что Тень связана именно с ним и через него постарается осуществлять свои планы, будучи его творением, плодом его непросвещенной деятельности. Но в каком обличье явится она в этот мир, сама не имея плоти и формы, каким способом найдет его и когда — этого Гед не знал.

Свой дом и весь островок он окружил самыми разнообразными волшебными преградами. Однако все это требовало так много сил, что Гед понял, что скоро израсходует их все только на эту защиту, и жителям Лоу-Торнинга не будет от него никакого проку, особенно если с острова Пендор все-таки прилетит хоть один дракон.

И снова ему приснился сон; но на этот раз ему снилось, что Тень проникла внутрь дома, шевелится возле двери во тьме и старается до него дотянуться. Она снова шептала слова, которых он не понимал. Гед в ужасе проснулся и зажег волшебный огонь; он осветил каждый уголок, чтобы

убедиться, что в доме никого нет. Потом подкинул дров в очаг и уселся там, освещаемый языками пламени и слушая, как осенний ветер шуршит в соломенной кровле и свистит в высоких голых деревьях вокруг дома. Долго сидел он в задумчивости. В сердце проснулся былой гнев. Не станет он беспомощно ждать, сидя словно в ловушке на этом островке и бормоча бесполезные заклятья! Но сразу решиться вылезти из своей норы он не мог: если он просто уедет отсюда, то нарушит договор с жителями островов, беззащитными перед ужасной угрозой. Оставался только один путь.

На следующее утро Гед отправился на лодке к главной пристани Лоу-Торнинга, отыскал вождя общины и сказал ему:

— Я вынужден буду покинуть эти края: мне грозит опасность, а стало быть, и вам тоже. А потому прошу вас разрешить мне отправиться на остров Пендор и там попробовать сразиться с драконами или еще каким-либо образом решить эту задачу и выполнить вашу главную просьбу. Только тогда я с чистой совестью смогу уехать отсюда. Если же мне суждено погибнуть, то это может случиться и здесь, особенно если сюда пожалуют драконы. Так что давайте решим все заранее и не откладывая в долгий ящик.

Вождь был настолько потрясен, что у него отвисла челюсть. Он долго смотрел на Геда и наконец сказал:

— Господин Ястреб, а ты знаешь, что там девять драконов?

— Говорят, что восемь из них еще молодые.

— Зато старый...

— Говорю тебе, я должен уехать отсюда. И прошу сперва разрешить мне попытаться избавить вас от страшной угрозы.

— Ну, как хочешь, господин мой, — мрачно сказал вождь.

Все, кто слышал этот разговор, сочли, что молодой волшебник сошел с ума или просто лезет на рожон. С мрачными лицами провожали Геда островитяне, не надеясь увидеть его снова. Некоторые намекали, что парень просто хочет сбежать и, обогнув Хоск, укрыться во Внутреннем Море, бросив их в беде; другие же, в том числе и Печварри, были уверены, что волшебником овладело безумие и он ищет смерти.

По крайней мере четыре поколения островитян прокладывали курс своих кораблей так, чтобы держаться как можно дальше от острова Пендор. Ни один маг не являлся сюда, чтобы открыто вступить в бой с драконом, к тому же Пендор лежал вдали от населенных земель и основных морских путей, и правили островом и морями вокруг пираты и работорговцы, злобные воинственные люди, которых ненавидели все обитатели юго-

запада Земноморья. Именно поэтому никто даже и не пытался отомстить за погибшего правителя острова Пендор, когда дракон внезапно напал на него — он со свитой как раз пировал в одной из башен замка — и мигом превратил в пепел всех, кто там был, а остальных жителей, оставшихся в живых после побоища, загнал в море и утопил, несмотря на их жалобные стоны и плач. Заваленный трупами, неотмщенный Пендор остался в полной власти дракона, и он правил там, поселившись в развалинах замка и охраняя свою сокровищницу, полную награбленного добра, принадлежавшего ранее не одному поколению прежних правителей не только Пендора, но также Пална и Хоска.

Все это Геду было прекрасно известно, не говоря уже о том, что со дня прибытия в Лоу-Торнинг он постоянно вспоминал все когда-либо слышанное или читанное о драконах и строил различные планы. Взяв курс на запад и впусив в паруса волшебный ветер — то есть без помощи весел или ветра, не пользуясь тем ремеслом, которому его обучил Печварри, — Гед наложил заклятье, державшее судно по курсу, и неотрывно смотрел вперед. Вскоре он увидел, как на горизонте, между небом и морем, медленно поднимается мертвый остров Пендор. Гед жаждал, чтобы встреча его с драконами произошла как можно скорее (потому он и прибегнул к помощи волшебного ветра), ибо страшился оставшегося позади больше, чем того, что ждало его впереди. Но уже к концу первого дня путешествия страх в нем сменился какой-то веселой яростью. Наконец-то он по собственному желанию шел навстречу опасности, и чем ближе была эта опасность, тем сильнее росло в нем ощущение полной, абсолютной свободы. Возможно, он и находился на краю смерти, но проклятая Тень явно не осмелилась последовать за ним — дракону в пасть. По серому морю катились белые барашки волн, и серые тучи неслись над головой, подгоняемые северным ветром. Гед мчался на запад, и волшебный ветер наполнял паруса его лодки, и вскоре завиднелись скалы Пендора, пустынные улицы городов и полуразрушенные башни дворцов.

При входе в неглубокую, полумесяцем выгнутую бухту Гед снял заклятие и остановил суденышко, которое теперь тихонько покачивалось на волнах. Громким голосом он воскликнул:

— Выходи, властелин Пендора! Гнездо твоё в опасности!

Волны тяжело бились о берега, словно посыпанные пеплом, и голос Геда в шуме прибоя звучал едва слышно, но у драконов слух тонкий. И вот уже один взлетел со стены разрушенного городского дома, повиснув в воздухе как огромная летучая мышь. Потом, шурша перепончатыми крыльями и чешуйчатым телом, он кругами в потоках северного ветра стал

спускаться к тому месту, где находился его противник. У Геда екнуло сердце при виде этого существа, как бы явившегося из сказок Земноморья, но он засмеялся и снова крикнул:

— Эй ты, ветряной червяк! Ступай, позови Старого Дракона!

Ему было ясно, что при всей своей величине это всего лишь детеныш, отпрыск Старого Дракона и драконихи из Западного Предела. Некогда она сделала кладку яиц в одной из залитых солнцем разрушенных башен Пендора и улетела прочь, как это делают все драконихи, оставив папашу следить за потомством, которое, подобно обычным, но только ужасного вида ящерицам, постепенно выползло из скорлупы.

Молодой дракон отвечать не стал. Он был, собственно, не так уж и велик, длиной, пожалуй, не больше сорокавесельной галеры; огромного размаха кожистые крылья только подчеркивали, какое тощее и слабое пока у него тело. Молодой дракон не достиг еще должных размеров и не способен был ни на устрашающий чудовищный рев, ни на подлинную драконью хитрость. Он спикировал прямо на Геда, стоявшего в покачивавшейся на волнах лодчонке, разинул длинную зубастую пасть, так что Геду оставалось только связать юному ящеру крылья одним коротко произнесенным заклятьем, и тот, подобно каменной глыбе, со страшным шумом рухнул в море. Серые волны сомкнулись над ним.

За первым драконом последовали еще два, поднявшиеся от подножия самой высокой башни города. В точности, как и первый, они спикировали на Геда, и в точности, как и первого, он обоих связал заклятьем и утопил в море; пока еще ему ни разу не пришлось даже поднять свой волшебный посох.

Еще через некоторое время с острова вылетело сразу три дракона. Один из них был гораздо крупнее остальных, и из пасти его вырывались языки пламени. Двое меньших летели, гремя крыльями, прямо на Геда, зато большой весьма ловко, сделав круг, зашел сзади, стремясь сжечь и Геда, и его лодку своим огненным дыханием. Ни одно заклятие не смогло бы подействовать на троих сразу, потому что нападали они с разных сторон — двое с севера, один с юга. Успев осознать это, Гед произнес заклятье Превращения и тут же взмыл в небеса в обличье дракона.

Расправив широкие крылья и выставив когти, он атаковал тех, что летели к нему с севера, обжег их пламенем, а потом повернулся к третьему, более крупному и тоже изрыгавшему пламя. В потоках ветра над серыми волнами оба дракона сжимались пружиной, щелкали челюстями и стремительно бросались в атаку, окруженные дымом и пламенем. Изменив маневр, Гед резко взмыл вверх; противник, последовавший за ним, немного

отстал. И тут Гед-дракон сложил крылья и камнем бросился вниз, подобно ястребу, выставив страшные когти, вонзил их в шею и бок врага, увлекая вниз и его. Черные крылья дракона с Пендора дрогнули, и черная драконья кровь крупными каплями закапала в море. Он вырвался из когтей Геда и полетел низко над водой, припадая на одно крыло, обратно к острову, где, видно, и спрятался в каком-нибудь колодце или разрушенной башне.

Гед немедленно принял свой прежний вид и спустился в лодку, ибо страшной опасностью грозит длительное пребывание в обличье дракона. Руки юноши были покрыты ожогами от ядовитой драконьей крови, а волосы на голове опалены огнем из страшной пасти, но Гед этого даже не замечал. Он выждал лишь несколько секунд, чтобы перевести дыхание, и снова воззвал:

— Шестерых видел я, пятеро убиты, говорят, что всего вас десять. Так выходите же, червяки!

Ничто не шелохнулось на острове, не прозвучало ни звука в затянувшейся тишине, лишь волны с грохотом обрушивались на скалы. Потом Гед заметил, что самая высокая башня будто бы медленно меняет свои очертания, вытягиваясь то в одну сторону, то в другую, словно расправляя огромные руки. Он опасался древнейшей магии, которой владеют лишь драконы, волшебники весьма могущественные и коварные, волшебство которых не похоже на людское; но уже через мгновение понял, что это не иллюзия и не магия, а реальность. То, что он принял за странный выступ на башне, — оказалось плечом Старого Дракона, который медленно расправил чудовищные крылья и взлетел.

Когда он выпрямился во весь рост, его чешуйчатая, увенчанная острыми шипами голова с тремя языками вознеслась выше самой высокой башни, а передние лапы опирались на развалины старинных домов, как на осколки камней. Чешуя темно-стального цвета словно полированная отражала свет солнца. Дракон был жилистый и поджарый, словно гончий пес, и огромный, как гора. Гед в ужасе смотрел на него. Никакая героическая песня или легенда не смогла бы подготовить человека к восприятию подобного. Юноша уже видел перед собой глаза дракона, и это едва не погубило его, потому что в глаза эти смотреть нельзя. Гед с трудом отвел взгляд от маслянистых зеленых глаз, что следили за ним, и поднял перед собой волшебный посох, казавшийся теперь тонким прутиком, хворостинкой.

— Восемь сыновей было у меня, маленький волшебник, — сказал Старый Дракон иссушающим душу могучим голосом. — Пятеро погибли, один умирает — довольно. Логово мое тебе не захватить, хоть ты и убил их.

— Мне не нужно твое логово и твои сокровища тоже.

Желтый дымок с шипением вырвался из ноздрей дракона: так он смеялся.

— Может, высадишься на берег и посмотришь на него, маленький волшебник? На мои сокровища стоит посмотреть.

— Нет, дракон.

Драконы в родстве с ветром и огнем и неохотно вступают в бой над морем. Пока что это было единственным преимуществом Геда, и он не желал его терять; но узкая полоска морской воды, отделявшая его лодчонку от гигантских серых когтистых лап, не внушала ему уверенности.

Особенно трудно было не смотреть в зеленые сторожкие глаза.

— Ты еще очень молодой, волшебник, — сказал дракон. — Я не знал, что люди вступают в силу такими молодыми.

Он, как и Гед, пользовался Истинной Речью, потому что драконы до сих пор говорят только на этом языке.

Кроме того, Истинная Речь обязывает людей говорить только правду; а драконов — нет. Это их родной язык, и они могут лгать на нем, выворачивая его слова наизнанку, так что почти невозможно порой догадаться, каков их смысл; драконы как бы загоняют неосторожного слушателя в лабиринт этих слов-зеркал, каждое из которых вроде бы отражает правду, но не дает ее понимания и не ведет ровным счетом никуда. Во всяком случае, Гед об этом давно уже был предупрежден, и слова дракона слушал недоверчиво, каждое подвергая сомнению, хотя все они казались простыми и ясными.

— Ты пришел сюда, чтобы просить моей помощи, маленький волшебник?

— Нет, дракон.

— И все же я мог бы помочь тебе. Вскоре тебе понадобится помощь — против того, кто охотится за тобой в темноте.

Гед онемел.

— Кто же этот охотник? Назови мне его имя!

— Если бы я мог назвать его имя... — Гед заставил себя замолчать.

Желтый дымок поднялся над длинной головой дракона, вырвавшись из ноздрей, похожих на круглые огненные печи.

— Если бы ты мог назвать его имя, то мог бы, наверно, и повелевать им, маленький волшебник. Возможно, его имя тебе мог бы назвать я, если бы как следует его разглядел. А для этого нужно, чтобы оно подошло поближе к тебе. И оно непременно подойдет, если ты подождешь его тут. Оно догонит тебя повсюду, где бы ты ни был. Так что если не хочешь,

чтобы оно приближалось к тебе, ты должен неустанно бежать, бежать и бежать от него. А оно будет следовать за тобой по пятам. Хочешь ли ты узнать его имя?

Гед снова застыл в молчании. Откуда дракону известно, что он выпустил Тень? Не мог же он просто догадаться, как не мог и знать имя Тени. Ведь Верховный Маг сказал, что имени у нее нет. Однако драконы обладают особой мудростью; род их куда старше человеческого. Лишь очень немногие из людей способны догадаться, что именно в том или ином случае дракону известно и откуда. Таких людей называют Повелителями Драконов. Геду пока что ясно было только одно: если этот дракон, что вполне возможно, говорит правду, то он действительно способен рассказать Геду об этой Тени и назвать ее имя, тем самым дав ему власть над ней. Но даже если все это так, даже если он говорит правду, то делает это лишь только в своих собственных интересах.

— Не часто, — проговорил наконец Гед, — драконы предлагают человеку свои услуги.

— Зато кошка почти всегда играет с мышью, — сказал дракон, — прежде чем съесть ее.

— Но я явился сюда вовсе не за тем, чтобы играть с тобой в кошки-мышки, дракон. Я пришел, чтобы заключить с тобой сделку.

Острый как меч, но, по крайней мере, раз в пять длиннее самого длинного из мечей хвост дракона метнулся, словно ядовитое жало гигантского скорпиона, над чешуйчатой спиной ящера, над башнями города. Сухо прошелестел его голос:

— Я не заключаю сделок ни с кем. Я просто беру то, что мне нужно. Что ты можешь предложить мне из того, что я не смог бы взять сам?

— Безопасность. Твою безопасность. Поклянись, что никогда не станешь летать над островами, лежащими к востоку от Пендора, и в ответ я дам тебе клятву, что никогда не причиню тебе никакого зла.

Жуткий звук, похожий на шум далекого горного обвала, вырвался из глотки дракона. Пламя заплесало в его пасти и на конце похожего на трезубец языка. Он распрямился во весь рост, громоздясь над руинами городских башен.

— Ты осмеливаешься предлагать это мне? Ты мне угрожаешь? Чем же это?

— Твоим именем, Йевод!

Голос Геда чуть дрогнул, когда он произносил это имя, но он выговорил его громко и ясно. И Старый Дракон застыл, словно каменное изваяние. Прошла минута, другая, и Гед, по-прежнему стоявший в своей

жалкой, раскачивающейся на волнах скорлупке, широко улыбнулся. Он играл в опаснейшую игру, поставив на кон собственную жизнь против всего лишь догадки, не слишком точной информации, выуженной из старинных преданий о жизни драконов, которые он столь внимательно изучал на острове Рок. Еще тогда Гед предположил, что это, возможно, и есть тот самый дракон, что испоганил западное побережье острова Осскил во времена прекрасной Эльфарран и Морреда, а потом был изгнан с Осскила неким волшебником по имени Эльт, великим знатоком подлинных имен. И эта догадка оказалась верной!

— Мы с тобой равны, Йевод. Ты владеешь могучей силой, а я — твоим именем. Так станешь заключать со мной сделку?

Но дракон медлил с ответом.

Многие годы этот дракон властвовал на острове, где всюду среди побелевших костей и поломанных доспехов валялись покрытые пылью золотые нагрудные пластины, украшенные изумрудами; здесь он любовался играми своих сыновей, похожих на больших черных ящериц; здесь его дети учились летать, прыгая с полуразрушенных башен и утесов вниз; здесь он подолгу спал на солнце, и сон его не тревожил ни звук человеческого голоса, ни парус в морской дали. Он был уже очень стар, и тяжело было отряхнуть груз лет и встретиться лицом к лицу с этим молодым волшебником, его хрупким противником, чей волшебный посох заставил Йевода, Старого Дракона, содрогнуться от страха.

— В моей сокровищнице ты можешь выбрать любые девять камней, — прошипел он наконец, выпуская клубы дыма. — Самые лучшие. Так что воспользуйся этой удачей. Потом уходи!

— Мне не нужны твои камни, Йевод.

— Куда же подевалась людская алчность? В прежние времена на севере люди очень любили блестящие камушки... Но я знаю, что тебе действительно нужно, волшебник. Я ведь тоже могу обеспечить тебе безопасность, ибо знаю единственное средство, которое могло бы спасти тебя. За тобой по пятам следует Ужас. Я назову тебе его имя.

У Геда екнуло сердце, и он стиснул свой посох, застыв в неподвижности, как и дракон. Мгновение он боролся с неожиданно возникшей надеждой на спасение.

Но он заключал сделку с драконом не ради собственной жизни. Только один-единственный раз мог он одержать верх над этим чудовищем. И он подавил страстное желание спасти себя, сделав то, что должен был сделать.

— Я не об этом прошу тебя, Йевод.

Произнося имя дракона, он чувствовал, что как бы держит это

огромное существо на крепком тонком поводке, петлей стянувшем чудовищу шею. В неподвижном, устремленном на Геда взгляде дракона сосредоточилось, казалось, все древнее зло и бесконечно глубокое понимание людской натуры; Гед видел чудовищные стальные когти, каждый длиной с руку мужчины, твердую как камень чешую и языки пламени, пляшущие в полуоткрытой пасти. Но тонкий поводок вокруг шеи исполина стягивал ее все теснее и теснее. И Гед потребовал снова:

— Йевод! Поклянись именем своим, что ни ты, ни твои сыновья никогда не появитесь больше близ островов Архипелага.

Внезапно выдохнув целый сноп пламени и искр, дракон проревел:

— Клянусь! Клянусь своим именем!

Воцарилась полная тишина, и Йевод склонил огромную свою голову.

Когда же он снова поднял ее и глянул в морскую даль, волшебника уже не было; парус его суденышка белым лоскутком летел по волнам куда-то к востоку, к богатым сокровищами островам Внутреннего Моря. И тогда в гнев Старый Дракон Пендора поднялся и тяжестью своей сокрушил ближайшую башню до основания и огромными крыльями разметал ее обломки по всей округе. Но данная клятва связывала его, он остался на острове и никогда не летал больше в сторону Архипелага.

Едва остров Пендор скрылся из вида, Гед, все время смотревший на восток, снова ощутил, как страх закрался ему в сердце: страх перед Тенью. Опасность, которую представлял собой дракон, была совершенно ясной, очевидной; теперь же возвращался тот прежний, безнадежный и бесформенный ужас, и плыть навстречу этой неведомой опасности оказалось очень трудно. Гед остановил волшебный ветерок и поплыл дальше, подгоняемый лишь обычным ветром, не спеша: спешить ему больше не хотелось. К тому же он не совсем ясно представлял, что делать дальше. Он должен бежать — так сказал дракон; но куда? На остров Рок, подумал он; там, по крайней мере, он окажется под защитой и всегда сможет воспользоваться советом Мудрых.

Однако сначала все равно нужно было попасть в Лоу-Торнинг и рассказать островитянам о сделке с драконом. Едва пролетел слух, что волшебник вернулся — на пятый день своего отсутствия! — по крайней мере половина жителей Лоу-Торнинга и соседних островов явилась, кто пешком, кто на веслах, к его дому. Люди окружили Геда, жадно глядели на него и, раскрыв рот, слушали. Он честно рассказал, как было дело, и тут же послышался чей-то голос:

— А кто это видел? Всех этих убитых и заколдованных Драконов? Чудеса да и только! А что, если он...

— Умолкни! — грубо оборвал сомневавшегося вождь общины, который, как, впрочем, и большинство островитян, знал, что волшебники, конечно, обладают особой манерой рассказывать истории, они могут и не говорить порой всей правды, держа ее при себе, но если уж волшебник сам о чем-то рассказывает, то так оно точно и было. И в этом суть его мастерства. А потому островитяне подивились, пораспрашивали и вскоре почувствовали, что страх перед драконами с Пендора улетучивается, исчезает, и радость охватила их души. Они толпились вокруг своего молодого волшебника и без конца просили его снова и снова рассказывать обо всем. С каждым часом людей становилось все больше, и каждый хотел услышать историю о драконе из собственных уст Геда. Впрочем, к вечеру соседи знали ее лучше него самого. Уже и местные певцы подобрали подходящую старинную мелодию и всюю распевали «Песнь о Ястребе». Костры разожгли не только на островах Лоу-Торнинга, но и на более

далеких, расположенных к югу и востоку от него. Рыбаки громко перекликались на своих лодках, передавая друг другу радостную весть, которая птицей перелетала с островка на островок: зло побеждено, драконы из Пендора не прилетят сюда никогда!

Эта ночь, единственная за последнее время, принесла Геду радость. Ни одна тень не смогла бы подобраться к нему при свете всех этих факелов и костров, которые в честь праздника сияли на каждом холме, на каждом пляже; хоровод смеющихся танцоров постоянно окружал Геда, ему пели хвалебные песни, в воздухе туманной осенней ночи раскачивались факелы, разрезая тьму яркими лучами, как ни старался ветер погасить их.

На следующий день Гед повстречался с Печварри, который сказал:

— Я и не знал, что ты так силен, господин мой.

И в голосе его звучал страх — ведь когда-то он осмеливался считать Геда своим другом, но слышен в нем был и упрек: Гед не смог спасти от смерти маленького мальчика, хоть и сумел победить драконов. После слов Печварри стыд и нетерпение вновь ожили в душе Геда; только в первый раз чувства эти погнали его к Пендору, а теперь из-за них ему приходилось покидать Лоу-Торнинг. И хотя островитяне с радостью оставили бы его у себя навсегда — они по-прежнему неустанно прославляли его и буквально носили на руках, — Гед на следующий же день покинул домик на холме, не взяв с собой ничего, кроме книг и посоха; отак, как всегда, сидел у него на плече.

Геда повезли из Лоу-Торнинга двое молодых парней, которые, сидя на веслах, очень гордились столь важной миссией. Они плыли меж судов, толпящихся в узких проливах, под самыми балконами и эркерами домов, нависших прямо над водой, мимо причалов Неша, влажных пастбищ Дромгана, мимо дурно пахнущих маслодавилен Гита — и всюду слава о подвиге молодого волшебника летела впереди него. Всюду люди насвистывали «Песнь о Ястребе», стоило лодке Геда показаться вблизи; всюду Геда упрашивали погостить хотя бы ночку и рассказать о битве с драконом. Когда же наконец они добрались до Серда, капитан корабля, которого Гед попросил довести его до Рока, лишь поклонился в ответ и сказал:

— Это великая честь для меня и моей команды, господин волшебник!

Итак, Гед покинул Девяносто Островов, но едва корабль вышел из гавани Серда и поднял паруса, как с востока налетел сильнейший ветер, не дававший судну двигаться вперед. Это было очень странно: холодное ясное небо, казалось, не предвещало бури. От Серда до Рока было всего несколько часов пути, так что судно продолжало плыть, несмотря на то что

ветер усилился. Как и большинство торговых судов Внутреннего Моря, корабль этот имел один большой косой парус, который легко было повернуть, чтобы поймать нужный ветер, а капитан, бывалый моряк, не без оснований гордился своим искусством. Так что, меняя галс то к югу, то к северу, они все же продвигались к востоку. Встречный ветер принес тучи, дождь, разразилась настоящая буря, и возникла опасность, что корабль вот-вот опрокинется.

— Господин Ястреб, — сказал шкипер молодому волшебнику, стоявшему рядом, как и подобает почетному гостю — хотя какие уж тут почести: ливень промочил всех до нитки и люди выглядели жалкими в облепившей их одежде, — господин Ястреб, не могли бы вы сказать словечко этому ветерку?

— Как близко мы теперь от Рока?

— Осталось меньше половины пути. Но за этот час мы вовсе не сдвинулись с места.

Гед произнес заклятье, ветер стал дуть потише, и какое-то время судно довольно хорошо шло на восток. Потом вдруг откуда-то с юга со свистом принеслись новые сильные ветры, и корабль опять стало сносить к западу. Облака кипели и клубились в небе; в гневе капитан проревел:

— Этот чертов ветер дует сразу со всех сторон! Только волшебство сможет помочь нам в такой шторм, господин мой.

Гед был мрачен, он не очень-то верил, что заклятье поможет, но корабль и команда оказались в опасности из-за него, а потому он все-таки поднял свой посох и коснулся им паруса. И тут же корабль, рассекая волны, понесся прямо на восток, а шкипер мгновенно повеселел. Но понемногу, хоть Гед и не снимал заклятия, волшебный ветер начал терять свою силу, потом и вовсе ослабел, и корабль, на мгновение застыв в неподвижности, сник совсем, паруса его обвисли, а беснующиеся волны швыряли судно, как скорлупку. Потом загрохотал гром, сверкнула молния, корабль завертелся, подпрыгнул, словно испуганная кошка, и лег носом на север.

Гед что было силы уперся плечом в мачту, которая почти завалилась набок, и прокричал:

— Поворачивай к Серду, шкипер!

Шкипер пожал плечами и прокричал в ответ:

— Ни за что! У меня на борту могущественный волшебник, а я сам — лучший здешний моряк, да и корабль этот прочнее любого из многих — и чтобы мне повернуть назад?!

Но, когда судно вновь повернулось вокруг своей оси, словно килем попав в водоворот, а самому шкиперу пришлось ухватиться за

ахтерштевень, чтобы не смыло за борт, Гед повторил:

— Оставь меня в Серде, капитан, и плыви куда хочешь. Это не просто буря, с которой твой корабль справился бы шутя. Этот ветер выпущен против меня.

— Против тебя, одного из волшебников Школы?

— А ты, капитан, разве никогда не слышал о Ветре Рока?

— О да, слышал; он не пускает злые силы на Остров Мудрых. Но какое это имеет отношение к тебе, Повелитель Драконов?

— Дело тут не во мне, а в моей Тени, — кратко и непонятно ответил Гед, как и подобает волшебнику; и больше не прибавил ни слова.

Все то время, что они на большой скорости с надутыми парусами под ясным небом мчались по морю к порту Серд, Гед молчал. Тяжело было у него на душе, страх леденил сердце, когда он побрел вверх по улочкам Серда прочь от гавани. Приближалась зима, дни становились короче, и скоро сгустились сумерки. С наступлением темноты постоянная тревога Гедов возросла, как всегда; теперь ему казалось, что каждый поворот таит угрозу, и он лишь усилием воли заставлял себя не оглядываться каждую минуту, словно опасаясь, что кто-то неожиданно нападет на него сзади. Вскоре он вошел в гостиницу, принадлежавшую морской общине Серда, где за одним столом и почти бесплатно с удовольствием пировали путешественники и купцы, которые могли потом и переночевать все вместе в том же длинном зале с балками под потолком. Такие гостиницы есть на всех процветающих островах Внутреннего Морья.

За обедом Гед отложил кусочек мяса для отака, а потом, сидя у камина, вытащил зверька из складок своего капюшона, где тот прятался весь день, и попытался накормить его, поглаживая по спинке и нашептывая:

— Хёг, Хёг, малыш ты мой бессловесный...

Но зверек есть не стал и снова забрался в карман Гедов — спрятался. Его поведение и ощущение тупого страха при одном только виде черной тьмы, сгустившейся по углам огромной комнаты, говорили Геду, что ужасная Тень совсем близко.

Никто здесь его не знал: все гости приплыли с других островов и еще не слышали «Песни о Ястребе». Ни один из них с Гедом даже не заговорил. Он выбрал себе местечко, улегся, но глаз не сомкнул всю ночь. Глядя на балки над головой и слушая дыхание незнакомых спящих людей, он пытался определить свой дальнейший путь, решить, куда идти теперь и что предпринять, но тут же отбрасывал любой вариант, любой план, словно приговоренный к нерешительности. Страшная Тень, казалось, поджидала его на любом из всех возможных путей. Только Рок был от нее свободен, но

на Рок попасть он не мог: ему мешали высшие, древнейшие заклатья, что хранили остров от злых сил. И раз Ветер Рока поднялся против него, значит, Тень совсем рядом.

Тварь эта не имела тела, не могла видеть солнечный свет и явилась из царства Тьмы, где нет ни солнца, ни времени, ни направления. И вот она тащилась за Гедом сквозь череду дней, через все моря нашего солнечного мира, но увидеть ее можно было лишь во сне или во тьме. До поры до времени она лишена была плоти или, по крайней мере, оболочки, видимой при свете солнца; ведь почти так и говорится в «Подвиге Хоуда»:

Небо светлеет. Кончается ночь,
Из тени выходит земля,
Виденья снов уносятся прочь
В обитель Тьмы короля...

Но, если Тени удастся проникнуть в Геда, она вытянет из него все силы, отберет плоть, теплое и живое его тело, и лишит воли — главного, чем он жив пока.

Вот что в итоге сулила Геду судьба, и он понимал: существует множество хитрых уловок, чтобы отправить его навстречу смертельной опасности, ведь Тень каждый раз, приблизившись к нему, становилась сильнее, и, вполне возможно, она и сейчас уже достаточно сильна, чтобы использовать в своих целях злые силы или злых людей; она могла, например, дать Геду ложный знак в пути или заговорить с ним голосом кого-то из незнакомцев. Он ясно ощущал сейчас, что в ком-то из этих людей, спящих в обширном зале с балками под потолком, таится, найдя убежище в чьей-то подлой душонке и выжидая, темная тварь, которая наблюдает за Гедом и по-прежнему питает свои силы его слабостью, его неуверенностью, его страхом.

Вынести это было невозможно. Он должен довериться судьбе, и пусть она ведет его сама. С первыми же холодными проблесками зари Гед поднялся и пошел под блекнувшими в небесах звездами к гавани, решив сесть на первый попавшийся корабль, который согласится взять его на борт. Какая-то галера у причала грузила на борт бочки с рыбьим жиром. Она отплывала с восходом в главный порт Хавнора. Гед попросил шкипера взять его пассажиром. Посох волшебника обычно служит на судах и пропуском и платой. Геда взяли охотно, и уже через час корабль вышел из гавани. Юноша приободрился, увидев, как сорок мощных весел разом

поднялись в воздух и зарокотал барабан, задавая гребцам бодрый ритм.

И все же он пока совершенно не представлял себе, что будет делать в Хавноре и куда направится дальше. Можно дальше, на север — не все ли равно? Тем более что он сам северянин. Может, отыщется корабль, который довезет его от Хавнора до Гонта; тогда ему, возможно, снова удастся увидеть Огиона. Или лучше найти корабль, плывущий в Дальние Пределы, где Тень потеряет его след и прекратит преследование. Кроме этих, весьма смутных идей, у Гедда не было никакого конкретного плана, и ни одного пути, ведущего к ясной цели, он перед собой не видел. Пока он должен лишь бежать, спастись...

На второй день пути благодаря сорока мощным веслам они еще до заката вошли в холодные воды гавани порта Оррими, что на восточном берегу острова Хоск. Торговые галеры во Внутреннем Море предпочитают каботажное плавание и на ночь стараются по возможности укрыться в каком-нибудь порту. Гедд сошел на берег, потому что было еще совсем светло, и побрел наобум по крутым улочкам портового городка, погруженный в свои мысли.

Оррими — город старый; прочные его здания из камня обнесены высокими стенами — на случай нападения не признающих законов диких племен центральной части острова Хоск; пакгаузы в порту напоминают крепости, а дома купцов, украшенные башнями, прячутся за каменными оградами. И все же Геду, бродившему в тот вечер по улицам, все эти могучие укрепления казались чем-то призрачным, бесплотным, скрывавшим лишь черную пустоту; а прохожие, спешившие по своим делам, представлялись не настоящими людьми, а немymi тенями. На закате он снова вернулся в порт, и даже там, в широкой полосе солнечного света на вечернем ветру море и земля показались ему одинаково мрачными и молчаливыми.

— Куда спешите, господин волшебник?

Кто-то неожиданно окликнул его из-за спины. Обернувшись, он увидел мужчину, одетого в серое, с тяжелым деревянным посохом, но только не волшебным. Лицо незнакомца было скрыто капюшоном плаща, и красные лучи закатного солнца на него не попадали, но Гедд почувствовал, что невидимые глаза прямо-таки впились в него. Отшатнувшись, он поднял руку, и его волшебный посох оказался между ним и незнакомцем. Тот вкрадчиво спросил:

— Вы чего-то боитесь?

— Того, что вечно следует за мной по пятам.

— Ах так? Но я же не ваша тень.

Гед стоял молча. Он понимал, что этот человек, кто бы он ни был, вовсе не то, чего он боится: он был вполне живой и не походил ни на Тень, ни на оборотня. Вокруг царила какая-то странная, колючая тишина, вечер окутал все загадочной дымкой, но голос незнакомца звучал вполне по-человечески, а под плащом явственно ощущалось довольно-таки плотное тело. Теперь он откинул капюшон и обнажил странно приплюснутую, лысую голову. Лицо его было покрыто морщинами, выглядел он стариком, хотя по голосу об этом трудно было бы догадаться.

— Я вас не знаю, — сказал человек в сером, — но все же думаю, что встреча наша не случайна. Мне приходилось слышать историю о юноше, покрытом шрамами, который пробился сквозь Тьму и стал великим властелином, чуть ли не королем. Не знаю, имеет ли эта история отношение к вам. Но вот что я вам скажу: ступайте ко двору Терренона, если вам нужна шпага для поединка с Тенью. Волшебного посоха для такого поединка недостаточно.

Надежда и недоверие боролись в душе Геда, порожденные этими словами. Постигший мудрость подлинного волшебства скоро начинает понимать, что лишь очень и очень немногие из его встреч действительно назначены судьбой, злой или доброй.

— А в каких краях находится дворец Терренона?

— На острове Осскил.

Слово «Терренон» на мгновение вызвало в памяти Геда яркую картину: черный ворон на зеленой траве, искоса поглядывающий на него блестящими, как самоцветы, глазами и говорящий странные слова; однако слова те забылись.

— Остров этот, кажется, пользуется дурной славой, — сказал Гед, не сводя глаз с человека в сером и пытаясь определить, кто же он такой. Что-то в нем было от колдуна, даже от волшебника; и в то же время, хотя речь его и была исполнена достоинства, в его облике проскальзывало нечто жалкое, какая-то униженность чувствовалась в нем, и взгляд его походил на взгляд больного, или узника, или раба.

— Вы же с Рока, господин мой, — ответил он Геду. — Волшебники с Рока считают, что иное, чем у них, волшебство всегда дурно.

— Но что вы за человек?

— Просто путешественник, торговый агент из Осскила; здесь я по делу, — сказал человек в сером.

Гед решил прекратить свои расспросы, и старик, смиренно пожелав ему спокойной ночи, двинулся по узенькой извилистой улочке вверх, прочь от порта.

Гед вернулся к причалам, не решив еще, стоит ли ему принимать во внимание советы незнакомца, и посмотрел на север. Красный отсвет заката быстро меркнул, исчезая с холмов, окружающих гавань, и с поверхности беспокойного моря. Спустились серые сумерки, за ними по пятам пришла ночь.

Внезапно решившись, Гед торопливо подошел к какому-то рыбаку, укладывавшему свои сети в плоскодонку, и окликнул его:

— Не знаешь ли, идет сегодня какой-нибудь корабль к северу — на Семел или на Энлад?

— Вон тот длинный корабль из Осскила; он, наверно, остановится на Энладе.

Гед, по-прежнему торопливо, направился к указанному судну — шестидесятивесельному, длинному, как змея, с высоким, украшенным резьбой и мозаикой из раковин-лото носом, с красными уключинами для весел; на каждом его борту черной краской была написана руна Сифл. Судно выглядело на редкость мрачно, но казалось быстрым и было полностью готово к отплытию. Вся команда была на борту. Гед отыскал капитана и попросил взять его пассажиром до Осскила.

— Заплатить можешь?

— Я умею заклинать ветер и еще кое-что...

— Это я и сам умею. А что, больше тебе заплатить нечем? Ни гроша, что ли?

В Лоу-Торнинге островитяне заплатили Геду, как смогли, — пластинками из слоновой кости, которые используются на Архипелаге в качестве денег; он ни за что не хотел брать больше десяти, хотя они настаивали, чтобы он взял больше. Гед предложил слоновую кость шкиперу, но тот только головой покачал.

— Нет, это у нас за деньги не считают. Так что если тебе платить нечем, то у меня на борту для тебя места нет.

— Может, нужен гребец? Я служил когда-то на галере.

— Да, у нас двоих не хватает. Что ж, раз так, занимай свое место, — согласился шкипер и перестал обращать на Геда внимание.

Итак, сунув свой посох и сумку с книгами под скамью, Гед на десять тяжелых дней превратился в гребца на осскильской галере. С рассветом они вышли из Оррими, и весь первый день Гед думал только о том, как бы справиться с веслом. Левая рука у него двигалась не очень хорошо, изуродованная старыми шрамами, а его умение ловко орудовать легкими веслами, плавая по бесчисленным проливам Лоу-Торнинга, для галеры годилось мало, не хватало и тренировки, приходилось без конца налегать,

налегать и налегать на длинное весло под неумолчный рокот барабана. Смена гребцов происходила каждые два-три часа, но передышки хватало Геду лишь для того, чтобы все его мускулы окончательно задеревенели; тут как раз приходило время возвращаться к веслу. На второй день стало еще хуже; но потом он как-то притерпелся, и дело пошло на лад.

Между членами этой команды не было той теплоты, как на борту «Тени», которая впервые привезла его с Гонта на остров Рок. Моряки с Андрадских островов и с Гонта являются еще и торговыми партнерами, тогда как торговцы с Осскила на своих судах используют либо рабов, либо наемных гребцов, которым платят маленькими золотыми монетками. Золото очень ценится на Осскиле. Но отнюдь не служит источником добрых отношений между людьми, как, впрочем, и между драконами, которые тоже очень любят золото. Поскольку половина гребцов на этом судне были рабы, трудившиеся даром, то офицеры превращались скорее в надсмотрщиков, причем довольно жестоких. Никогда, разумеется, кнут их не касался спин тех гребцов, что работали за плату или за проезд; но о какой дружбе могла идти речь, если твоего соседа постоянно могут избивать кнутом? Напарники Геда и между собой-то говорили мало, а с ним — еще меньше. Все они в основном были с Осскила и говорили не на ардическом языке Архипелага, а на одном из северных диалектов. Это были люди суровые, светлокожие, с черными длинными усами и гладкими прямыми волосами. Геда они прозвали между собой Келуб, что означало «краснолицый», но особого уважения к нему не выказывали, скорее — какую-то осторожную недоброжелательность. Да и Геду тоже что-то не хотелось заводить среди них друзей. Даже в общем могучем ритме гребли, будучи одним из таких же шести десятков гребцов, он на этом судне, мчащемся по серым водам океана, чувствовал себя беззащитным изгоем. Когда судно останавливалось на ночлег в очередном порту, он, усталый, заворачивался в свой плащ и засыпал, но без конца просыпался: его мучили дурные сны, которых он не мог припомнить проснувшись. Беспокойство, казалось, висело над этим кораблем и его командой, опутав его словно паутиной, и ни одному человеку на судне Гед не доверял.

Все гребцы, свободные граждане Осскила, носили на бедре длинный нож, и однажды, когда их смена гребцов сошлась за полуденной трапезой, один из напарников спросил Геда:

— Ты что же, раб или клятвопреступник, Келуб?

— Ни то, ни другое.

— Тогда чего ж ты без ножа? Драться боишься? — продолжал, усмехаясь, этот человек по имени Скиорх.

— Нет.

— Думаешь, твоя собачонка за тебя заступится?

— Это отак, — заметил другой гребец, прислушивавшийся к ехидным вопросам Скиорха, и что-то еще прибавил по-осскильски, от чего Скиорх нахмурился и отвернулся. Но, прежде чем он успел отвернуться, Гед заметил, как странно вдруг изменилось его лицо: оно будто вдруг расплылось, черты его смазались, словно что-то подействовало на него изнутри, украдкой выглянуло из его глаз, чтобы увидеть Геда. Однако уже через минуту Скиорх снова выглядел как обычно, и Гед, специально посмотревший на него еще раз, решил, что все это — лишь его собственный страх, отразившийся в чужих глазах. Но в ту ночь, когда они бросили якорь в порту Исен, его мучили страшные сны, и во снах к нему приходил Скиорх. Гед при любой возможности стал избегать встреч с ним, и ему показалось, что Скиорх тоже его избегает. Больше они не сказали друг другу ни слова.

Проплыли мимо и скрылись за горизонтом снежные вершины гор Хавнора; они остались южнее, окутанные туманами приближающейся зимы. Потом на веслах они прошли по узкому проливу, ведущему в море Эа, где некогда утонула Эльфарран, миновали остров Энлад и два дня простояли на рейде близ города Берила — воспетой в легендах белоснежной столицы острова Энлад. Во всех портах, куда бы они ни заходили, команду держали на борту и на берег никого не пускали. Наконец, освещенные лучами утренней зари, они вышли на веслах в Осскильское море, навстречу северо-западным ветрам, которые вольно дули здесь, не встречая препятствий, из пустынного Северного Предела. И за два дня пройдя это жестокое море, они в сохранности доставили свой груз в порт Нешам, торговый центр Восточного Оскила.

Гед увидел низкий берег, иссеченный дождем и ветром, серый город, будто скорчившийся за длинными волноломами, защищавшими пристань, а над городом — безлесые вершины и мрачные снеговые тучи. Далеко позади остались пронизанные солнцем воды Внутреннего Моря.

Портовые грузчики поднялись на борт, чтобы освободить трюмы от дорогих товаров — изделий из золота и серебра, драгоценных камней, тончайших шелков и ярких южных гобеленов, до которых столь охочи правители Оскила. Наемные гребцы получили расчет и собирались уходить. Гед остановил одного из них, чтобы узнать, как найти Терренон; до сих пор недоверие удерживало его от рассказов, кто он, откуда и что ищет на Оскиле, но теперь он оказался один в совершенно чужом краю, и нужно было хотя бы спросить дорогу. Человек, которого он остановил,

отмахнулся, говоря, что понятия не имеет о таком замке, и ушел, но Скиорх, слышавший их разговор, вдруг вмешался:

— Замок Терренон? Это на вересковой пустоши. Мне как раз в ту сторону.

Такого попутчика Гед никогда бы не выбрал, однако делать было нечего: сам он не знал ни языка, ни дороги. «К тому же, — подумал он, — все мои предосторожности тщетны: я ведь и сюда дороги не выбирал. Сюда меня приплыть *заставили*, как теперь заставляют идти дальше». Он накинул капюшон, взял в руку посох, в другую — сумку с книгами и двинулся следом за осскильцем по улицам города и дальше, куда-то в горы, покрытые снегом. Маленький отак не пожелал ехать на плече, а спрятался в кармане его куртки из овечьего меха, под плащом, как обычно делал, когда наступали холода. Холмы перемежались открытыми всем ветрам бескрайними вересковыми пустошами. Скиорх и Гед шли молча, словно зима все вокруг сковала заклятьем тишины.

— Далеко нам? — спросил Гед через час-полтора, когда вокруг давно уже не осталось ни одного деревенского селения, ни одной уединенной фермы, и вдруг вспомнил, что у них с собой совсем нет еды. Скиорх на минутку повернулся к нему, поправил капюшон и сказал:

— Нет, недалеко.

Лицо его было ужасно — бледное, жестокое, грубое, — но Гед не боялся никого из людей, хотя мог бы, наверно, испугаться того, куда человек с таким вот лицом может его завести. Он согласно кивнул, и они пошли дальше. Дорога казалась шрамом на покрытой первым снегом поверхности земли, среди голых кустов. Иногда в сторону отходили другие тропки. Теперь, когда в воздухе больше не чувствовалось запаха дыма от каминов Нешама, в сгущающихся ранних сумерках, казалось, не было больше ни единого знака, указывающего какой-либо путь, а следы их уже успели скрыться под снежной пеленой. Ветер неизменно дул с востока. Они провели в пути уже несколько часов, и Геду показалось, что вдали, за холмами на северо-западе, на фоне темного неба мелькнула тонкая светлая черточка, нечто похожее на маленький зуб. Но свет короткого дня стремительно угасал, и на следующем витке дороги он не смог лучше рассмотреть эту светлую черточку — башню или дерево?

— Мы идем вон туда? — спросил он, указывая пальцем.

Скиорх ничего не ответил, но продолжал брести тяжелой походкой, закутавшись в свой грубый плащ с островерхим, отороченным мехом капюшоном, какие носят на Осскиле. Гед размашистой походкой поспевал следом. Они зашли очень далеко, Гед совсем отупел после долгого

плавания, тяжких дней и ночей, проведенных на судне, и сейчас буквально спал на ходу. Ему начинало казаться, что он всю жизнь бредет и будет вот так брести рядом со своим молчаливым спутником через погруженную в молчание сумеречную страну. Настороженность и воля притупились в нем. Он шел, словно в бесконечно долгом сне, шел никуда.

Отак проснулся и завожился у него в кармане, и вместе с ним проснулся слабый неясный страх в душе Геда. Юноша заставил себя выговорить:

— Ночь приближается, снег идет. Далеко еще, Скиорх?

Тот даже не обернулся и ответил не сразу:

— Недалеко.

Но голос его звучал странно — не как голос человека, а будто зверь хрипло пытается что-то выговорить неумелой пастью.

Гед остановился. Вокруг расстилались пустые, окутанные сумраком холмы. Перепархивали редкие снежинки.

— Скиорх! — позвал Гед, тот остановился и обернулся. Под островерхим капюшоном лица не было.

Прежде чем Гед успел произнести заклятье Превращения или призвать на помощь иную магическую силу, оборотень невнятно проскрипел его имя:

— Гед.

Теперь не подействовало бы ни одно заклятье: Гед был заперт собственным именем в своем настоящем обличье. Теперь ему предстояло биться с врагом без всякой магической защиты. И никого из волшебников он тоже не мог призвать: в этом чужом краю вряд ли кто-нибудь пришел бы к нему на помощь. Он стоял один перед смертельным врагом, и единственным оружием его был тисовый посох, зажатый в правой руке.

Тварь, пожравшая душу Скиорха и его плоть, использовала лишь его оболочку. Скиорх-оборотень шагнул к Геду, и руки его, будто руки слепого, ощупью потянулись к нему. Ярость и ужас затмили сознание Геда, он с размаху опустил посох, просвистевший в воздухе, на капюшон, под которым скрывался лик твари. Капюшон и плащ бессильно свалились на землю, словно внутри была пустота, ничто, потом, странно извиваясь и хлопая, снова распрямились и встали во весь рост бывшего Скиорха. Тело оборотня лишено подлинной плоти и использует, словно призрачную скорлупу, форму человеческого тела, и эта нереальная плоть облекает вполне реальное зло. Подергиваясь и извиваясь, словно под порывами ветра, Тень, простирая руки, приблизилась к Геду и попыталась схватить его, как это было тогда, на Холме Рок: если бы это ей удалось, она покинула

бы тело Скиорха и проникла бы внутрь Геда, захватила бы его душу и стала бы повелевать им — таково было ее главное желание. Гед снова ударил Тень своим тяжелым посохом, который уже дымился, сбил ее с ног, но она поднялась снова, и он снова ударил, а потом вдруг выронил посох — тот вспыхнул ярким пламенем и обжег ему руку. Гед отступил, потом вдруг резко повернулся и побежал.

Он бежал, и, наступая ему на пятки, за ним мчался оборотень; оборотень пока не мог обогнать свою жертву, но и не отставал ни на пядь. Гед не оглядывался. Он бежал, бежал, бежал по бесконечной сумеречной равнине, и спрятаться было негде. Еще раз оборотень хриплым свистящим голосом окликнул его по имени, но это, хоть и лишало Геда волшебной силы, не могло все же отнять у него силу физическую, не могло заставить его остановиться. И Гед бежал.

Ночная тьма окутала охотника и преследуемого, легкий снежок скрыл тропу, и Гед больше не мог различить ее. В голове у него молотом стучала кровь, горло горело, как обожженное, он, пожалуй, больше уже и не бежал, а, спотыкаясь на каждом шагу, брел вперед, но все же неутомимый преследователь, казалось, не в состоянии был схватить его, хотя почти касался его плеча. Он что-то шептал, бормотал, звал Геда по имени, и Гед понимал, что всю жизнь слышал этот шепот где-то там, у самого порога слышимости, но лишь теперь смог как следует расслышать его, и он должен, должен был завопить от ужаса, сдаться, остановиться... Но упрямо, хоть и с трудом, двигался вперед, боролся изо всех сил, брел и брел вверх по склону холма, бесконечному и едва различимому в темноте. Ему казалось, что где-то впереди должен быть свет и слышался голос, вроде бы звавший его с высоты: «Иди! Иди!»

Он хотел было откликнуться на зов, но голос у него пропал. Слабый свет стал ярче, он как бы просачивался из-под ворот прямо перед ним; стен он видеть не мог, зато ворота видел отчетливо. Гед остановился, и тут оборотень ухватил его за плащ, скользя по нему руками, пытаясь покрепче обхватить его. Собрав последние силы, Гед рванулся в эти светящиеся ворота, хотел было обернуться и закрыть их перед оборотнем, но ноги уже не держали его. Он споткнулся, ища в воздухе опоры, какие-то огни вспыхнули и поплыли у него перед глазами. Он почувствовал, что падает, что кто-то подхватил его, но совершенно истерзанная душа его не выдержала, и он провалился в темноту.

Гед очнулся и в течение долгого времени чувствовал одну лишь радость: он все-таки остался жив. Еще очень приятно было снова увидеть свет, самый обычный яркий свет солнца, заливавший все вокруг. Ему казалось, что он плывет по волнам этого света, как на лодке по дивным тихим водам. Потом наконец он осознал, что лежит в роскошной постели, в какой ему еще ни разу в жизни не доводилось спать. Рама кровати покоилась на четырех резных высоких ножках, перины были огромные, шелковые, воздушные; именно они давали ощущение дивного плавания по спокойной воде; над постелью висел малиновый полог, защищавший от сквозняков. С двух сторон полог был приподнят, и Гед стал разглядывать незнакомую комнату с каменными стенами и полом, с тремя высокими окнами, за которыми виднелись вересковые пустоши, голые, бурые, покрытые пятнами снега и освещенные неярким зимним солнцем. Комната, должно быть, находилась высоко от земли, потому что вид из окон открывался широкий.

Пуховое одеяло из нежного сатина соскользнуло на пол, когда Гед сел, и тут он обнаружил, что одет в некое подобие туники из шелка и серебряной парчи, будто лорд. На стуле рядом с постелью для него были приготовлены сапоги из мягчайшей, словно перчатка, кожи и отороченный мехом пеллави плащ. Гед еще немножко посидел, тихо и тупо покачиваясь, как под воздействием неких чар, потом встал и поискал свой посох. Но посоха нигде не было.

Вся ладонь и пальцы его правой руки были обожжены, рана смазана целебной мазью и перевязана. Только теперь он почувствовал боль от страшного ожога и ощутил, как ноет все его тело.

Некоторое время Гед стоял не двигаясь. Потом прошептал:

— Хёг... Хёг... — негромко, без особой надежды, потому что свирепый и преданный ему зверек тоже куда-то исчез. Маленькое бессловесное существо, верный друг, что некогда вернул его к жизни, позвав его душу из царства смерти.

Был ли отак, как всегда, с ним рядом, когда прошлой ночью они спасались бегством? Случилось ли это вчера или много ночей назад? Он ничего не знал. Все было темно и неясно в его душе: оборотень, горящий посох, бегство, невнятный шепот, ворота... Ничего не помнил он

достаточно ясно. Ничто даже теперь не было понятно до конца. Гед еще раз прошептал настоящее имя своего любимца, но ответ услышать уже не надеялся, и на глазах его показались слезы.

Где-то далеко прозвонил маленький колокольчик. Ему нежно откликнулся другой, совсем рядом с его комнатой. Дверь у него за спиной отворилась, и вошла какая-то женщина.

— Ну, здравствуй, Ястребок! — сказала она с улыбкой.

Молодая и стройная, она была одета в белое с серебром платье; волосы, прижатые серебряной сеткой к голове, падали вдоль спины темным водопадом.

Гед неуклюже поклонился.

— Мне кажется, ты не помнишь меня.

— Не помню вас, госпожа?

Он никогда раньше не видел столь прекрасной женщины, да еще одетой так, чтобы красота ее засияла еще ярче. Разве что однажды, когда королева острова О со своим супругом приезжала к ним в Школу на праздник Солнцеворота. Только та была подобна яркому пламени свечи, а эта походила на холодный ясный свет месяца.

— Я так и думала, что ты меня не узнаешь, — сказала женщина и снова улыбнулась. — Но хоть ты и забывчив, здесь тебя рады видеть как старого друга.

— Где это здесь? Где я? — спросил Гед, все еще скованный в движениях и едва ворочая языком. Он чувствовал, что ему не только трудно говорить с ней, но трудно отвести от нее глаза. Княжеские одежды на нем были ему непривычны; каменные плиты, на которых он стоял, казались чужими, враждебными, да и сам воздух вокруг — тоже: и он, Гед, тоже как бы не был самым собою — или тем, кем был прежде.

— Этот замок называется Терренон. Мой муж и повелитель, которого зовут Бендереск, правит этими землями — от вересковых пустошей Кексемта на севере до горного хребта Ос; в его доме также хранится самый драгоценный камень в мире по имени Терренон. Ну а меня здесь, на Осскиле, все зовут Серрет, что значит на их языке «серебро». А тебя, как я знаю, иногда называют Ястребом, и ты получил звание волшебника на Острове Мудрых.

Гед посмотрел на свою обожженную руку и, чуть помолчав, сказал:

— Не знаю, кто я теперь. Когда-то я действительно обладал магической силой. Но, наверно, утратил ее навсегда.

— Нет! Ты ее не утратил, а даже если это и так, то стократ обретишь ее здесь. Здесь ты в безопасности, ты недосыгаем для того, что гналось за

тобой, друг мой. У этого замка мощные стены, и сделаны они не только из камня. Здесь ты сможешь отдохнуть и набраться сил. А также обрести великое могущество и новый волшебный посох, который никогда не обратится в золу, обжигая твои ладони. Случается, что путь зла порой имеет и хороший конец. А теперь идем со мной, позволь мне показать тебе наши владения.

Она была так мила и нежна, что Гед едва слышал, что именно она говорит, до глубины души тронутый уже одним только обещанием покоя и счастья, которое звучало в ее голосе. Он последовал за хозяйкой замка.

Его комната и в самом деле находилась высоко над землей — в башне, что острым зубом торчала на вершине холма. Он шел за Серрет по мраморным лестницам, веером спускавшимся в богато убранные залы, мимо высоких окон, смотревших то на север, то на запад, то на юг, то на восток, — и повсюду замок окружали невысокие коричневые холмы до самого горизонта, безлюдные, лишенные деревьев, неподвижные, сливающиеся вдаль с блеклым зимним небом. Лишь далеко на севере виднелись на фоне синего неба остроконечные белые вершины гор, а на юге можно было угадать яркий блеск морской воды.

Слуги отворяли перед ними двери и отступали в сторону, пропуская свою госпожу и Геда; все они были белокожими суровыми уроженцами Оскила. У Серрет тоже кожа была светлой, но она, в отличие от слуг, хорошо знала ардический язык и даже, как показалось Геду, говорила на нем с гонтским акцентом. Вечером Серрет представила Геда своему мужу Бендереску, хозяину замка Терренон. Он был раза в три старше своей жены — старик с белоснежными сединами и печальными глазами, худой как щепка. Лорд Бендереск приветствовал Геда с мрачноватой холодной любезностью и просил его оставаться в замке так долго, как он пожелает. Оказалось, что говорить им в общем-то не о чем: Бендереск не спросил Геда ни о его путешествиях, ни о враге, что преследовал юношу до самых ворот замка; ничего об этом не спросила и Леди Серрет.

Если это и было странно, то лишь отчасти — столь странным и необычным было это место и те обстоятельства, при которых он попал сюда. Геду казалось, что сознание его так ни разу до конца и не прояснилось. Он словно не мог видеть вещи такими, какие они есть. Случайно оказался он в этом замке с мощными стенами, и все же случайность эта была, безусловно, predetermined. А может быть, это вовсе и не было случайностью. Так или иначе, но все линии его пути сошлись именно здесь. Он ведь направлялся куда-то на север, потом незнакомец в Оррими посоветовал ему искать помощи в замке Терренон;

корабль из Оскила будто специально ожидал его, а Скиорх привел его прямо сюда. Что из этого было подстроено охотящейся за ним Тенью? А может быть, ничего? Может, он, как и его преследователь, был завлечен сюда некоей иной силой: Гед под воздействием ее чар, а Тень — за ним следом. Просто она при первой же возможности завладела душой Скиорха в своих собственных целях. Наверно, так оно и есть, ибо Тень, по словам Серрет, не смела войти в замок, и Гед не ощущал никаких признаков ее тайного присутствия — с тех пор как очнулся в башне. Но тогда что же привело его сюда? Сюда вряд ли можно попасть случайно; даже его пока неповоротливый разум признавал это. Ни один чужестранец не приближался к этим воротам. Башня стояла в стороне, повернувшись спиной к дороге, ведущей в Нешам, ближайший к замку город. Ни один человек не входил в замок, ни один не покидал его. За окнами Террена расстилались безлюдные вересковые пустоши.

Из окон этих без конца смотрел Гед, оставшись в одиночестве. День проходил за днем, но в душе его по-прежнему царил смятение, сердце болело и он все время мерз. В башне всегда было холодно, несмотря на роскошные ковры и шпалеры, скрывающие камень пола и стен, несмотря на богатые одежды на меху, несмотря на отделанные мрамором каминны. Этот вечный холод пробирал до костей, заползал в самую их сердцевину, и казалось, что спастись от него невозможно. А сердце Геда к тому же леденил неизбывный стыд, когда он вспоминал, как встретился с врагом лицом к лицу, был повержен и спасался бегством. Мысленно он встречался со всеми Мастерами Школы. Среди них были и хмурый Геншер, Верховный Маг Земноморья, и Неммерль, и Огион, и даже тетка-колдунья, что научила его первому заклинанию: все они неотрывно смотрели на Геда, и он понимал, что не оправдал их веры в него. Ему хотелось попросить у них прощения, воскликнуть: «Если бы я не убежал, Тень завладела бы мной: она ведь уже забрала всю силу у Скиорха и часть моей силы тоже — я не справился бы с ней. И она знала мое имя! Я был вынужден бежать. Ибо волшебник, ставший оборотнем, — ужасное орудие Зла и разрушения. Я был вынужден...» Но они не желали ему отвечать. Видение исчезало, и он вновь смотрел на падающий снег, мелкий и бесконечный, на пустынные земли за окном, ощущая оцепеняющий и все усиливающийся холод, пока ему не начинало казаться, что душа его мертва и никаких ощущений, кроме бесконечной усталости, в нем больше не осталось.

Подвергая себя бесконечному самоуничтожению, он подолгу оставался один в своей комнате. А когда выходил оттуда, был молчалив и скован. Душу его смущала красота хозяйки замка; в этом богатом, изысканном,

благонравном и чужом доме он чувствовал себя обыкновенным козлопасом, никогда не покидавшим родную деревню.

Он оставался в одиночестве, сколько и когда хотел, а если тяжкие мысли совсем уж одолевали его и он не мог больше смотреть на падающий снег за окном, то встречался с Серрет в одной из боковых комнат нижнего этажа башни, украшенных шпалерами, и они беседовали у горящего камина. Душе хозяйки замка, казалось, не хватало веселья, она никогда не смеялась, хотя улыбалась часто. От одной-единственной ее улыбки у Геда становилось легче на душе. С ней он начинал забывать и свою скованность, и свой позор. Вскоре они почти каждый день сходились для беседы — долгой, спокойной, ленивой — подальше от прислуги, вечно вертевшейся возле Серрет, у камина или у окна в одном из высоких залов старинной башни.

Лорд Бендереск большую часть времени проводил в своих покоях, выходя лишь по утрам на прогулку по засыпанному снегом внутреннему двору замка, и был при этом похож на старого волшебника, который всю ночь напролет варил волшебный напиток. Когда он за ужином встречался с Гедом и Серрет, то сидел молча, поглядывая на свою молодую жену тяжелым, алчным взглядом. И Геду становилось жаль ее. Она казалась ему белой козочкой в клетке, белой птицей с обрезанными крыльями, прикованной к обручальному серебряному кольцу на пальце старика. Она была украшением сокровищницы Бендереска — тщательно охраняемым. Когда Гед оставался с ней наедине, то всегда старался развеселить ее, развлечь, впрочем, как и она его.

— А каков он, тот драгоценный камень, что дал имя вашему замку? — спросил он ее как-то раз, когда они вдвоем остались за столом и сидели над пустыми уже тарелками из золота и пустыми золотыми кубками при неверном свете свечей.

— Ты разве никогда не слышал о нем? Это ведь очень знаменитый камень.

— Нет. Мне известно лишь, что лорды Осскила славятся своими сокровищницами.

— Ах, что все сокровища по сравнению с ним! Хочешь на него посмотреть?

Она улыбнулась, одновременно ободряюще и чуть насмешливо, словно сама чуточку боялась того, что предложила, и повела Геда из столовой по узким коридорам куда-то вниз, в подземелье, потом остановилась у запертой двери, которой он никогда раньше не замечал. Её-то и отперла Серрет серебряным ключом, глядя на Геда снизу вверх с той

же ободряющей улыбкой. За первой дверью был небольшой коридор, потом вторая дверь, которую она отперла уже золотым ключом; а за второй дверью — третья, которую могли отворить лишь слова Великого Заклятия. За этой последней дверью открылась маленькая комнатка, похожая на камеру в донжоне: пол, стены, потолок — все из грубого камня; никакой мебели; комната была совершенно пуста.

— Ты его видишь? — спросила Серрет.

Гед огляделся и в свете свечи своим острым глазом волшебника отметил один из камней в полу. Такая же грубая влажная плита, как и все, но он чувствовал исходящую от этого камня таинственную силу, которая как бы в голос заявляла о себе. Дыхание замерло у него в груди, он ощутил слабость. Это было само основание башни, главный камень ее фундамента, и он был холодный, мертвяще ледяной; в комнате тоже царил могильный холод, и ничто никогда не смогло бы согреть ее. Камень этот принадлежал к миру Древних Вещей: могущественная и ужасная сила, заключенная внутри каменной глыбы. Гед не ответил Серрет — просто застыл в молчании, и она, бросив на него быстрый любопытный взгляд, указала на камень сама.

— Вот. Это Терренон. Тебе, наверно, интересно знать, зачем мы такую драгоценность храним в самом глубоком и дальнем подземелье?

Гед по-прежнему не отвечал, молчаливый и настороженный. Возможно, она задала этот вопрос нарочно, однако Геду все же казалось, что Серрет не очень-то хорошо осведомлена об истинной природе Камня, раз говорит о нем столь легкомысленным тоном: слишком мало знает о нем, чтобы его бояться.

— Скажи мне, в чем его сила? — спросил он наконец.

— Терренон появился на свет еще до того, как Сегой поднял острова Земноморья со дна морского. Он был рожден одновременно с нашим миром и умрет вместе с ним. Время для него — ничто. Возложи на него руку, задай любой вопрос — он ответит, но в соответствии с твоей собственной магической силой. Он может говорить — если сумеешь услышать. Он может рассказать о том, что было, есть и будет. Он предсказал твое появление здесь задолго до того, как ты попал на этот остров. Будешь сейчас что-нибудь спрашивать у него?

— Нет.

— Тебе он ответит.

— У меня пока нет такого вопроса, который хотелось бы задать ему.

— Он мог бы рассказать, — продолжала Серрет вкрадчиво, — как тебе одержать победу над врагом.

Гед стоял, будто проглотив язык.

— Ты боишься его? — недоверчиво спросила она.

Он ответил:

— Да.

В мертвенном хладе подземелья, отгороженного от мира каменными стенами и заклетьями, тускло светила единственная свеча в руке Серрет. Помолчав, она снова глянула на Геда, глаза ее сверкнули.

— Ястреб, — сказала она, — ты его не боишься!

— Но с этим духом я говорить не стану, — ответил Гед, глядя ей прямо в лицо. И продолжал с мрачной серьезностью:

— Госпожа моя, дух, что заключен в этом камне, заперт затворяющим заклетьем, и заклетьем ослепляющим, и волшебными силами замка, но это не потому, что ему нет цены, но потому, что он может служить источником великого зла. Не знаю, что тебе сказали о нем, когда ты приехала в этот замок. Но ты так молода и добра душой, ты никогда не должна не только касаться этого Камня, но даже смотреть на него. Ибо он опутает тебя злыми чарами.

— Но я возлагала на него руку и не раз говорила с ним и слышала его речь. Никакого зла он мне не причиняет.

Она повернулась, и они пошли назад, заперев за собой все три двери, по бесконечным коридорам вверх, где на широкой лестнице горели факелы, и она наконец смогла погасить свою свечу. Они тут же расстались, едва сказав друг другу несколько слов на прощание.

В ту ночь Гед почти не спал. Но отнюдь не мысли о Тени не давали ему покоя — они почти оставили его; их затмили воспоминания о том страшном Камне, что служит опорой замку Терренон. И еще Гед все время вспоминал обращенное к нему лицо Серрет, в свете свечи ясное и загадочное одновременно. Снова и снова чувствовал он на себе тот ее взгляд и пытался понять, что скрывалось за ним, когда он отказался дотронуться до Камня; чего в ее глазах было больше тогда — разочарования или боли. Когда Гед наконец лег в постель, шелковые простыни были холодны как лед; сон его был тревожен, он все время думал о Камне и о странном выражении глаз Серрет.

На следующий день он отыскал ее в полукруглом зале с серыми мраморными стенами, залитом лучами закатного солнца. Здесь она часто проводила послеобеденные часы, забавляясь со своими служанками или занятая плетением кружев. Гед сказал ей:

— Леди Серрет, я был дерзок с вами. Прошу простить меня.

— Дерзок? Нет, несколько, — ответила она задумчиво и снова

повторила: — Нет-нет...

Потом отослала служанок и, оставшись с ним наедине, посмотрела ему в лицо.

— Гость мой и друг, — сказала она, — ты видишь очень ясно, но все же недостаточно глубоко. На Гонте и Роке учат высокой магии. Но не всей. Здесь Осскил, Страна Ворона. Здесь не говорят на ардическом языке Архипелага, здесь маги не имеют особой власти, да они и маловато знают об Осскиле. Здесь встречаются вещи, неведомые мудрецам с южных островов, и некоторые из этих вещей не числятся ни в одном из списков слов Истинной Речи. Человек всегда страшится неведомого. Но тебе здесь бояться нечего. Более слабому — да, конечно. Но не тебе. В тебе от рождения заключена такая сила, которая способна управлять Камнем в потайном подземелье. Это я знаю. И именно поэтому ты находишься здесь.

— Я не понимаю...

— Это потому, что супруг мой Бендереск не был до конца откровенен с тобой. Я же буду откровенна. Подойди, сядь рядом.

Он присел рядом с ней на широкий, покрытый ковром подоконник. Закатное солнце светило теперь прямо в окно, заливая их своим лишенным тепла светом; внизу на вересковых пустошах — там, где вчерашний снег, ковром укрывший землю, так и не растаял, пролегли длинные тени.

Теперь она говорила почти нежно:

— Бендереск, лорд и хозяин замка Терренон, не может использовать то, что хранит в своем подземелье, не может заставить Камень исполнять его приказы. Не могу этого и я — ни одна, ни с мужем вместе. Ни у него, ни у меня нет для этого ни должного мастерства, ни могущества. У тебя есть и то и другое.

— Откуда тебе это известно?

— От самого Камня! Я же говорила: это он предупредил о твоём появлении. Он знает, кто его хозяин. Он давно ждал тебя. Еще до того, как ты родился. Ждал того, кто сможет повелевать им. Того, кто сможет заставить Камень Терренона отвечать на любые вопросы и выполнять все, что ему прикажут. Того, кто обладает властью над собственной судьбой, а это уже — достаточная сила, чтобы сокрушить любого врага, человека или существо из иного мира. Сила предвидения, могущество, богатство и волшебное мастерство с помощью Камня смогут подчинить даже самого Верховного Мага Земноморья! Спрашивай — много ли, мало ли захочешь узнать — все в руках твоих! Проси.

Снова она вскинула на него свои странные ясные глаза, и взгляд ее был так пронзителен, что он вздрогнул, будто от холода. И еще в лице ее был

страх, словно она нуждалась в его помощи, но была слишком горда, чтобы просить о ней. Гед растерялся. Рука ее лежала поверх его руки; прикосновение это было легким, тонкая рука Серрет казалась очень светлой на фоне его смуглой кожи. Он сказал умоляюще:

— Серрет! Но у меня нет уже бывшего могущества, тебе это лишь кажется... Я погубил, истратил те силы, какими некогда обладал. Я не могу помочь тебе. Ничем. Но вот что я знаю твердо: Древние Силы Земли — не для людей! Они никогда не принадлежали им и в руках людей могут лишь разрушать. Зло всегда кончается злом. Меня сюда не заманили, меня сюда привели, и та сила, за которой я следовал, постепенно разрушает меня. Я ничем, ничем не могу помочь тебе.

— Когда волшебник считает, что его силы на исходе, порой оказывается, что он наполнен иной, куда более могущественной силой, — сказала Серрет, улыбаясь так, будто все его сомнения были не более чем детскими страхами. — Возможно, мне больше известно о том, что именно привело тебя сюда. Разве не заговаривал с тобой некто на улицах Оррими? Это был наш посланник, один из слуг Терренона. Когда-то он и сам был волшебником, но распростился с волшебным посохом, чтобы служить силе, куда более могущественной. И вот ты приехал на Оскил, потом на вересковой пустоши пытался сражаться с Тенью, используя свой деревянный посох. Нам едва удалось спасти тебя — тварь, следовавшая за тобой, оказалась куда хитрее, чем мы думали, и успела уже высосать достаточно твоих сил... Только тень может одержать верх над тенью. Только тьма может победить тьму. Послушай, Ястребок! Что нужно тебе, чтобы победить ту, что караулит за стенами замка?

— Мне нужно то, чего я узнать не могу. Ее подлинное имя.

— Камень Терренон, которому ведомы рождения и смерти всех существ, а также имена всех нерожденных и бессмертных — все, что существует в мире света и в мире тьмы, назовет тебе ее имя.

— А какова цена?

— Платить вовсе не нужно. Я же сказала: он подчинится тебе, станет твоим рабом.

Потрясенный, в полном смятении, Гед не отвечал. Теперь она обеими руками сжимала его руку, заглядывая ему в лицо. Солнце скрылось в туманной дымке на горизонте, даже воздух вокруг них, казалось, замутнился, но лицо Серрет при этом стало как бы еще ярче и прекраснее, озаренное гордостью и торжеством: она понимала, наблюдая за Гедом, что воля его поколеблена. И прошептала тихонько:

— Ты будешь могущественнее всех людей, станешь королем среди

них. Будешь править ими, а я буду править вместе с тобой...

Гед резко вскочил на ноги, сделал всего лишь один шаг, и пелена как бы спала у него с глаз: за углом у самого окна стоял и, слегка улыбаясь, внимательно слушал их Лорд Бендереск.

Все стало на свои места. Гед посмотрел на Серрет, все еще сидевшую на подоконнике:

— Тьму побеждает свет, — заикаясь сказал он, — только свет!..

И, сказав это, он ясно увидел, будто слова эти и были тем светом, что разогнал мрак в его душе, как на самом деле его завлекли, заманили в этот замок, как использовали его страх, заставляя плыть на север, и как эти люди, добившись своего, держали бы его в своих руках. Да, конечно, благодаря им он спасся от Тени, но только потому, что они не желали отдавать его ей, пока он не станет рабом Камня. Но едва лишь это свершилось бы, они тотчас впустили бы Тень в замок: ведь оборотень — куда лучший раб, чем живой человек. Единожды дотронувшись до Камня или заговорив с ним, он безвозвратно пропал бы. И все же Тень не смогла тогда захватить его целиком, и даже Камень этого не сумел — во всяком случае, пока. Он ведь тогда, в подземелье, почти поддался его могуществу. Почти. Но внутреннего согласия не дал. А злу почти невозможно овладеть непокорной, не поддающейся ему человеческой душой.

Он стоял между этими людьми, которые поддались воле Камня, которые согласились, предались ему, и смотрел то на одного, то на другого. Бендереск подошел ближе.

— Я же говорил тебе, — сухо начал он, — что этот человек ускользнет прямо у тебя из рук, Серрет. Колдуны с твоего Гонта — далеко не такие дураки. Зато сама ты вела себя глупо, женщина, хотя ты и с Гонта: рассчитывая обмануть одновременно и его и меня, пытаясь нас обоих заморозить своей красотой и использовать Терренон в собственных целях, ты просчиталась. Я — хозяин Камня, один лишь я! И вот что сделаю я с неверною женою: *Екаврое аи ёльвантар...*

Это было Заклятье Превращений, и длинные руки Бендереска уже поднялись, чтобы во мгновение ока женщина, в ужасе закрывшая руками лицо, стала отвратительной тварью — свиньей, собакой или безумной уродливой каргой. Но Гед шагнул вперед и ударил по воздетым рукам Лорда, произнеся одно лишь слово. И хотя волшебного посоха у него больше не было, да и находился он в чужой стране, в обители зла и темных сил, все же воля его оказалась сильнее. Бендереск застыл как изваяние; его затуманенный, исполненный ненависти взгляд Уперся в Серрет.

— Скорей, — проговорила та дрожащим голосом. — Скорей, Ястреб,

бежим отсюда, пока он не вызвал слуг Камня!..

И тут словно эхо разнеслось по всей башне, по каменным плитам пола, по стенам — странный сухой дрожащий шепот. Казалось, заговорила сама земля.

Схватив Геда за руку, Серрет повлекла его за собой по коридорам и залам, вниз по длинной винтовой лестнице. Они выбежали во двор замка, где все еще не угас последний голубоватый луч дневного света над грязным затоптанным снегом. Трое суровых слуг преградили им путь, словно подозревая, что Гед и Серрет совершили преступление против хозяина замка.

— Становится темно, хозяйка, — сказал один, а другой прибавил: — Сейчас вы все равно выехать не сможете.

— Прочь с дороги, мразь! — крикнула Серрет и что-то прибавила на шипящем диалекте Оскила.

Слуги отшатнулись, потом, скрючившись, повалились наземь, извиваясь от боли. Один из них громко стонал и кричал.

— Мы должны выйти через ворота, другого выхода отсюда нет. Ты видишь их? Ты можешь найти их, Ястреб?

Она тянула его за руку, но он все же медлил:

— Что за заклятье ты применила против них?

— Я пустила им в кости расплавленного свинца; они умрут. Скорей, говорю тебе, иначе он освободит слуг Камня, а я не могу сама найти ворота — на них страшные чары! Скорей!

Гед не понимал, что она имеет в виду: сам он видел заколдованные ворота так же ясно, как и арки-проходы в стене внутреннего двора, через которые можно было попасть к внешней стене. Они прошли в одну из арок, потом по нетронутomu снегу — к воротам; он произнес заклятье, открывающее двери, и провел Серрет в ворота замка Терренон.

Серрет сильно изменилась, пока они шли по залитому вечерним голубым светом двору и проходили в ворота: и в мрачном свете вересковых пустошей она оставалась красивой, но теперь от красоты ее веяло чем-то яростным, колдовским, и Гед наконец вспомнил, кто она: дочь Лорда Ре Альби и колдуньи из Оскила. Это она насмеялась над ним в зеленых лугах близ дома Огиона много-много лет назад; это она заставила его найти и прочесть заклинание, которое выпустило на волю Тень. Но Гед недолго думал об этом; сейчас все его мысли были заняты главным врагом, который, должно быть, поджидал его где-то неподалеку, возле стен замка. Тень вполне могла по-прежнему иметь облик Скиорха или просто прятаться во тьме, сливаясь с ней, чтобы исподтишка напасть на Геда,

захватить его живую плоть и душу, поработить их. Он чувствовал ее близость, но пока не видел. Однако, оглядываясь вокруг, заметил вдруг в нескольких шагах от ворот что-то темное, наполовину засыпанное снегом. Он наклонился и бережно поднял его с земли. Это был мертвый отак; нежная короткая шерстка покрыта запекшейся кровью, маленькое легкое тельце окоченело.

— Превращайся же во что-нибудь! Превращайся скорее, они идут! — пронзительно крикнула Серрет, сжимая его руку и указывая на башню, которая в сумерках казалась огромным белым зубом. Из узких щелевидных окон ее нижнего этажа выбирались наружу и устремлялись к ним какие-то черные твари с широкими длинными крыльями; они медленно кружили над стенами замка, над склоном холма, где, совершенно беззащитные, стояли Гед и Серрет. Чудовищный шепот, который они слышали в замке, стал громче, сама земля стонала и дрожала у них под ногами.

Сердце Геда захлестнула волна гнева, горячей ярости, ненависти к этим жестоким смертоносным тварям, к людям-предателям, что заманили его в ловушку и теперь вели на него загонную охоту.

— Превращайся! — пронзительно вскрикнула Серрет и, выдохнув заклинание, обернулась серой чайкой, взмывшей в небеса. Но Гед медлил; он сорвал какую-то былинку, сухую и хрупкую, сиротливо торчавшую из-под снега там, где упал мертвым его отак. Он поднял ее и заговорил с ней словами Истинной Речи, и растение стало наливаться соками, расти, а когда Гед умолк, в руке у него оказался настоящий волшебный посох. Он не вспыхивал смертоносным огнем, когда крылатые черные твари из замка Терренон камнем падали на Геда с небес, но лишь начинал светиться ясным белым волшебным светом, что не дает жара, но гонит прочь тьму.

Слуги Камня вновь изготовились к атаке, неуклюжие громоздкие твари из такого далекого прошлого земли, когда в помине не было ни человека, ни птиц, ни драконов; давным-давно уже свет не видывал таких существ, лишь злобное могущество Камня способно было вызвать их к жизни — ведь в памяти его хранились образы всех тварей и вещей, когда-либо существовавших в этом мире. Бесконечные атаки слуг Камня еще более участились. Гед видел, каких острые, похожие на лезвие косы когти рассекают над ним воздух, его тошнило от исходившего от них могильного смрада. Он яростно направо и налево раздавал удары своим посохом, горем и гневом его созданным из стебелька пожухлой травы. И вдруг все чудовища разом поднялись в воздух, словно стая ворон с трупа, и молча, крылатой тучей понеслись в том направлении, куда улетела в обличье серой чайки Серрет. Страшные широкие крылья, казалось, едва шевелились,

однако каждый их взмах намного сокращал расстояние до невидимой пока цели, и вряд ли чайка могла уйти от столь неумолимой и стремительной погони...

Оставшись один, Гед в то же мгновение превратился в хищную птицу, но не в ястреба-перепелятника, как тогда на Роке, а в настоящего сокола-сапсана, что может лететь быстрее стрелы, быстрее мысли. На своих гладких мощных крыльях полетел он вслед за своими преследователями. Сгущались сумерки, среди туч проглядывали яркие звезды. Впереди Гед увидел черное косматое пятно — крылатые твари разом устремились вниз, к какой-то одной точке, ясно видимой на фоне бледного золотистого неба. Гед-сокол пулей влетел прямо в середину черной стаи, и стая распалась, черные твари отлетали от него, словно брызги воды от брошенного с силой камешка. Но жертву свою они уже настигли. У одного чудовища пасть была вымазана кровью, белые перья пристали к когтям другого, а над бескрайними равнодушными водами океана нигде не было видно серой маленькой чайки.

Тем временем слуги Камня изготовились к новой атаке на Гед, угрожающе выставив железные свои клювы и разинув страшные пасти. Он стрелой взмыл в небо и, оказавшись над ними, издал клич сокола, клич ярости и победы, и стрелой полетел вдоль низких берегов Оскила, мимо его бесконечных волнорезов, далеко вытянувшихся в море, — прочь отсюда.

Крылатые слуги Камня с каким-то хриплым карканьем еще некоторое время покружились на одном месте, потом один за другим медленно потянулись назад, к расположенным в срединной части острова вересковым пустошам. Древние Силы Земли не смеют преодолевать морские пространства, они привязаны к определенному острову, к определенному месту на нем, к определенной пещере, камню или роднику. Назад, назад неслись черные тени, в свое убежище, в замок Терренон, где хозяин его Бендереск, видя их возвращение, то ли плакал, то ли смеялся. А Гед летел дальше и дальше на мощных своих крыльях, опьяненный скоростью, летел, как не ведающая цели стрела, как вечная мысль, летел над морем Оскила к востоку, туда, где дуют зимние ветра, где господствует ночь.

Огион Молчаливый в ту осень особенно поздно вернулся в Ре Альби из своих странствий. Еще менее разговорчивым и более замкнутым стал он с возрастом. Новый правитель Гонта, живущий на побережье, так и не услышал от него ни слова, хотя сам поднимался в Ре Альби, надеясь получить у старого волшебника помощь и совет для одной из своих

пиратских экспедиций на Андрадские острова. Огион, который не раз беседовал с пауками, покачивающимися в своей паутине, и вежливо раскланивался с деревьями, не удостоил лорда своим вниманием, и тот удалился из Ре Альби несолоно хлебавши. Возможно, у Огиона было беспокойно на душе, ибо он все лето и осень провел в одиночестве высоко в горах и лишь теперь, незадолго до зимнего Солнцеворота, вернулся к родному очагу.

Наутро после своего возвращения Огион встал поздно, ему захотелось чаю, и он отправился за водой к роднику, бившему чуть ниже по склону. Кромку озерца, наполненного живой родниковой водой, сковал ледок, а сухие травы меж скал белыми узорами разрисовал иней. Было уже довольно позднее утро, однако солнце еще по крайней мере с час не должно было появляться из-за могучего плеча горы: весь западный Гонт, от прибрежных пляжей до горной вершины, спал в тени; здесь царила тишина, и чистый воздух позванивал от морозца. Огион смотрел на лесистые склоны, на бухту внизу, на серую безбрежность моря; вдруг над ним забила крыльями крупная птица. Он прикрыл глаза рукой, глянул вверх, и тут сокол-сапсан упал с небес и преспокойно уселся к нему на запястье подобно обученной ловчей птице. Сокол тут же нахохлился и затих, хотя на нем не было ни ремешка, ни какой-либо ленты на шее, ни колокольчика. Когти его крепко сжимали запястье Огиона; гладкие крылья подрагивали; круглый золотистый глаз смотрел равнодушно. Это был совершенно дикий сокол.

— Ты что же, сам посланник или чье-то послание принес? — ласково спросил у птицы Огион. — Ну ладно, пойдем...

Заслышав его голос, сокол встрепнулся и посмотрел на него. Огион на минуту остановился, помолчал и сказал:

— Когда-то, кажется, именно я дал тебе имя... — И быстро прошел к себе в дом, неся вновь застывшую в неподвижности птицу на запястье.

Дома он пересадил сокола на каминную полку и дал ему напиться. Но тот пить не пожелал. Тогда Огион начал творить заклятье, очень медленно, осторожно плетя магическую паутину больше руками, чем словами. Закончив заклятие и закрепив его, он мягко позвал:

— Гед...

На сидевшего на каминной полке сокола он при этом не смотрел, но специально выждал немного и лишь потом обернулся и пошел навстречу юноше, который с бессмысленным выражением лица стоял, дрожа, у камина, где пылал огонь.

Гед был в богатых чужеземных одеждах — меха, шелка, серебряное

шитье, — только вот одежды эти висели клочьями и задубели от морской соли. Сам же юноша пребывал в каком-то мрачном отупении; волосы космами свисали прямо ему на лицо, покрытое страшными шрамами.

Огион снял с юноши нарядный, как у принца, плащ, отвел его в альков, где тот когда-то спал, будучи учеником в этом доме, и заставил лечь; потом прошептал сонное заклятие и вышел из дому, оставив его в покое. Он ни слова спрашивать не стал, сознавая, что сейчас Гед совершенно не понимает человеческой речи.

В детстве Огион, как и все мальчишки, считал, что нет ничего интересней игры в превращения, когда с помощью волшебства можно принять любое обличье — человека или зверя, дерева или облака — и притворяться кем угодно. Но, став настоящим волшебником, он познал цену такой игры, ибо в ней таится опасность утратить собственное «я», заиграться и забыть, кто ты в действительности, променяв игру на реальность. И чем дольше человек остается в чужом обличье, тем сильнее эта опасность. Любому ученику Школы известна история волшебника Борджера с острова Уэя, который очень любил превращаться в медведя и превращался в него все чаще и чаще, пока медвежья сущность не подменила в нем человеческую и он не стал настоящим медведем, а став им, разорвал в лесу собственного маленького сына, и тогда на него была объявлена охота, окончившаяся гибелью Борджера. Никто даже не представляет, сколько из дельфинов, что резвятся в водах Внутреннего Моря, некогда были людьми, и людьми мудрыми, но в какой-то момент забывшими и о мудрости, и о собственном имени, променяв их на веселые игры в морских волнах.

Гед принял обличье сокола в ярости и отчаянье. Покидая Осскил, он думал лишь о том, чтобы лететь быстрее слуг Камня, быстрее ужасной Тени, чтобы спастись, бежать с этого холодного гиблого острова, попасть домой. Жестокость и бесстрашие, свойственные соколам, были сродни его собственным и легко проникли ему в душу; а стремительность соколиного полета давала юноше ощущение радости и свободы. Так миновал он остров Энлад, опустившись на землю лишь для того, чтобы напиться из дикого лесного озера, гонимый страхом перед Тенью, что следовала за ним по пятам. Миновал и большой морской пролив под названием Челюсти Энлада, летел все дальше и дальше на юго-восток. Справа остались холмистые берега Ораней, слева — горы острова Андрад, а впереди было одно лишь море; и, наконец, из волн морских встала неколебимо одна застывшая волна с белой шапкой, которая все росла и росла, постепенно приобретая знакомые очертания острова Гонт. В течение всего долгого

полета, не прекращавшегося ни днем, ни ночью, Гед не расставался с крыльями и опереньем сокола, видел все его глазами и, отринув собственные мысли, воспринимал лишь то, что требуется соколу: необходимость утолить голод, направление ветра, конечную цель полета.

Цель была выбрана верно. Таких мест, где он снова мог бы превратиться в человека, на Роке было несколько, но на Гонте — только одно.

Снова став собой, Гед был очень молчалив и казался диковатым. Огион по-прежнему ни слова у него не спрашивал, только дал ему мяса и воды, позволив сколько угодно сидеть у огня. Нахохлившийся Гед мрачно сидел у камина, очень похожий на крупного, усталого и сердитого сокола. Наступила ночь, и он уснул. Пришел еще день, и, наконец, на третье утро он вошел в комнату, где сидел волшебник, приблизился к камину, в котором плясало пламя, и вымолвил:

— Учитель...

— Здравствуй, сынок, — откликнулся Огион.

— Я вернулся к тебе, Учитель, таким же, каким ушел отсюда. Глупцом. — Юноша говорил хриплым баском. Волшебник чуть улыбнулся и усадил Геду напротив, поближе к огню, потом начал готовить чай.

Падая снег, первый снег на Гонте в ту зиму. Окна в доме Огиона были плотно закрыты ставнями, но мокрый снег стучал по крыше, застилая все вокруг тяжелым плотным мягким белым одеялом. Многие часы провели они у огня, и Гед рассказал своему старому Учителю обо всем, что произошло с тех пор, как он уплыл с Гонта на судне под названием «Тень». Огион не задал ни одного вопроса и, когда Гед кончил рассказывать, еще долгое время сидел молча, спокойно размышляя о чем-то. Потом поднялся, принес хлеб, сыр и вино, поставил на стол, и они вместе поужинали. Покончив с едой, они прибрали за собой, и Огион наконец заговорил:

— Да, шрамы у тебя страшные, парень.

— У меня больше нет сил бороться с этой тварью, — ответил Гед.

Огион только покачал головой. Потом продолжал:

— Странно... У тебя ведь хватило сил, чтобы победить колдуна в его собственном доме, там, на Осскиле. И у тебя хватило сил, чтобы не попасть в ловушку Древних Сил и отбиться от слуг Камня. А на Пендоре у тебя хватило сил победить дракона...

— На Осскиле мне просто повезло, сила тут ни при чем, — ответил Гед и содрогнулся, вспомнив, как кошмарный сон, мертвящий холод замка Терренон. — Что же касается дракона, то я знал его подлинное имя. А у той твари, что охотится за мной, никакого имени нет.

— У всех вещей есть имена, — сказал Огион так уверенно, что Гед не решился повторить слова Верховного Мага Геншера о том, что силы тьмы, подобные этой, имен не имеют. Дракон на острове Пендор ведь тоже предлагал тогда назвать ему имя Тени, но Гед не слишком полагался на честность и искренность дракона, как не поверил и обещаниям Серрет насчет того, что Камень расскажет ему все, что он пожелает узнать.

— Если у этой Тени и есть имя, — сказал он наконец, — то, по-моему, она его мне не скажет...

— Нет, конечно, — сказал Огион. — Но ведь и ты не собирался говорить ей свое имя. Тем не менее оно стало ей известно. На вересковых пустошах Оскила она назвала тебя подлинным именем, которое дал тебе я. Это очень, очень странно...

Он снова впал в задумчивость. И в конце концов Гед не выдержал:

— Я пришел к тебе за советом, я не намерен прятаться здесь, Учитель. Не желаю я, чтобы эта тварь явилась и сюда, а она скоро это сделает, если я тут останусь. Однажды ты уже выгонял ее — из этой самой комнаты...

— Нет, то было всего лишь предвестие беды, тень Тени. Я не смог бы прогнать настоящую — теперь нет. Это сделать смог бы только ты сам.

— Но я перед ней бессилен. Неужели нет такого места... — И Гед умолк, так и не закончив своего вопроса.

— Такого места нет, — мягко сказал Огион. — Только больше не занимайся превращениями, Гед. Этой твари только того и нужно: разрушить твое «я». И ей, надо сказать, это почти удалось, когда ты слишком долго пробыл в обличье сокола. Нет, я не знаю, куда следует тебе идти, но одна мысль относительно того, что тебе следует делать, у меня есть. Хоть и трудно сказать тебе такое.

Гед напряженно молчал, он жаждал услышать любую правду, и Огион наконец вымолвил:

— Ты должен идти в другую сторону.

— В другую?

— Если пойдешь в прежнем направлении, то так или иначе продолжишь свое бегство, и куда бы ты ни попал, везде встретишь опасности и зло, ибо это зло направляет тебя и само следует за тобой по пятам. Свой путь избирать должен ты сам. Ты сам должен начать поиски того, кто тебя ищет. Должен начать охоту на собственного преследователя.

Гед молчал, слушал.

— Когда-то на берегу реки Ар я дал тебе имя, — сказал старый волшебник, — на берегу той реки, что рождается высоко в горах и впадает в море. Человеку хотелось бы увидеть цель, к которой он движется, но

увидеть ее он не может, пока не повернет назад, пока не вернется к своим истокам, не сохранит память о них в душе своей. Если он не хочет стать щепкой, бессильной в водах несущего ее ручья, то должен сам стать ручьем, стать сильнее влекущего его течения — и пройти путь от истоков до устья на берегу моря. Ты вернулся на Гонт, ты вернулся ко мне, Гед. Так заверши же круг, найди сокровенный источник и то, откуда он черпает свои силы. Там — твоя надежда и твое могущество.

— Там, Учитель? — в ужасе спросил Гед. — Но где?

Огион не ответил.

— Если я поверну назад, — помолчав, сказал Гед, — если я, как ты говоришь, начну охоту на своего же преследователя, то охота эта, по-моему, будет недолгой. Ведь главное желание Тени — встретиться со мной лицом к лицу. И она дважды уже делала это и дважды одерживала надо мной верх.

— Третий раз — волшебный, — заметил Огион.

Гед медленно обвел глазами знакомую комнату.

— Но если она полностью подчинит меня себе, — сказал он, споря то ли с Огионом, то ли с самим собой, — то овладеет и моими знаниями, и моей силой. Она воспользуется ими. Пока что она угрожает мне одному, но тогда моими руками она станет вершить страшное зло.

— Это так. Но только если она победит тебя.

— ...А если я снова стану спастись бегством, она, конечно же, отыщет меня снова... К тому же силы мои истощены... — Гед задумался; потом вдруг резко повернулся и встал перед Магом на колени. — Я встречался с великими волшебниками, я достаточно долго прожил на Острове Мудрых, но только ты — мой настоящий Учитель, Огион. — В голосе его звучала любовь и какая-то мрачная радость.

— Хорошо, — сказал Огион, — что ты это понял. Лучше поздно, чем никогда. Но придет еще время, и ты сам станешь моим учителем... — Он встал, подкинул в камин дров и, когда пламя разгорелось, повесил над огнем чайник; потом накинул куртку из овчины и сказал: — Пойду посмотрю, как там мои козы. А ты пока последи за чайником, парень.

Он вернулся, весь занесенный снегом, и долго отряхивал свои меховые сапоги. С собой он принес длинную тисовую дубинку и всю вторую половину короткого зимнего дня и еще после ужина старательно строгал ее ножом, при свете лампы отделявал шлифовальным камнем, нашептывал какие-то заклятия и бесконечное число раз проводил рукой по гладкой деревяшке, нащупывая невидимые глазу огрехи. За работой Огион несколько раз принимался что-то напевать. Гед, еще не совсем окрепший, начинал дремать под эти песни, и ему казалось, что он снова стал ребенком,

снова живет в хижине тетки-ведьмы в Десяти Ольховинах, а ночь кругом снежная, в темноте виден лишь огонь в камине, воздух в теткинском доме пропитан запахами трав и дыма... Гед далеко-далеко уносился на крыльях сна под те протяжные волшебные песни, что пел Огион, а пел он о героях древности, что боролись с темными силами и побеждали или погибали со славой в бою.

— Ну вот, — сказал наконец Огион и протянул Геду готовый посох. — Верховный Маг после окончания Школы дал тебе тисовый посох. Хороший выбор. Я с ним согласен. Сначала я хотел сделать из этой дубинки стрелу для большого лука, но так, пожалуй, будет лучше. Спокойной ночи, сынок.

У Геда не хватило слов, чтобы выразить Учителю свою благодарность. Он повернулся и пошел в свой альков. Огион, глядя ему вслед, сказал — но так тихо, что Гед услышать не мог:

— Удачного тебе полета, о юный мой сокол!

Наступил холодный рассвет, Огион проснулся и обнаружил, что Геда в доме уже нет. Он лишь оставил весточку, по волшебной традиции сделанную серебряными буквами на каминной доске. Буквы уже начинали тускнеть и расплываться; Огион едва успел прочесть: «Учитель, я вышел на охоту».

Гед вышел из дому еще затемно и по дороге, ведущей из Ре Альби вниз, успел к полудню добраться до побережья. Огион заранее приготовил ему отличную гонтскую обувь, рубашку, кожаную куртку и запас белья вместо роскошных одежд Осскила, но на случай зимних холодов Гед все же прихватил с собой великолепный теплый плащ, отороченный мехом пеллави. В этом самом плаще, держа в руках лишь высокий посох темного дерева, подошел Гед к воротам города, и стражники, что стояли, прислонясь к столбам в виде резных драконов, с первого взгляда признали в нем волшебника. Они склонили копья, пропустили его без единого вопроса и долго смотрели ему вслед, пока он шел по улицам к гавани.

На набережной и в доме Морской Гильдии он поспрашивал насчет кораблей, что намерены плыть на север или на запад — к Энладу, Андраду, Оранее. Все отвечали, что ни одно судно не выйдет уже из гавани, поскольку близится зимний Солнцеворот, и что рыбаки почти перестали плавать даже до Сторожевых Утесов — уж больно ненадежна погода осенью.

Геду предложили пообедать чем бог послал — волшебнику редко приходится просить, чтобы его накормили. Он немного побыл в компании портовых грузчиков, корабелов и заклинателей ветра, наслаждаясь их скупороняемыми словами, их медлительно-ворчливой гонтской манерой вести беседу. Ему очень хотелось остаться здесь, на Гонте, забыть о своей магической силе и приобретенных знаниях, забыть обо всех страхах и мирно жить, как все эти люди, на родной, дорогой, до боли знакомой земле. Но то были лишь мечты. Цель же у Гедана была иная. Так что он недолго задержался в порту, узнав, что больше корабли в море не выйдут, и двинулся вдоль берега залива. Вскоре он добрался до одной из многочисленных маленьких деревушек, что разбросаны по всему северному побережью Гонта. Здесь он стал расспрашивать рыбаков, нет ли у кого продажной лодки. Лодка нашлась.

Ее хозяин был суровым старым рыбаком. Лодка — четыре метра в длину, обшитая внакрой, — была такой ветхой и так пропускала воду, что едва ли годилась для плавания по морю вообще, и все же хозяин запросил за нее высокую цену: заклятье от морской гибели на целый год для него самого и для его сына. Гонтские моряки не боятся ничего на свете, даже

волшебников — только моря.

Такие заклятия, широко распространенные в северной части Архипелага, по правде говоря, еще ни разу не спасли никого ни от штормового ветра, ни от высокой волны; однако заклятье, сплетенное тем, кто хорошо знает местные воды и понимает в морском деле, все же дает кое-какую защиту. Гед, наводя чары, постарался честь по чести; он колдовал всю ночь и весь день, не упустив ни одной мелочи, и делал все уверенно и тщательно, хотя за это время не раз, томимый страхом, он мысленно улетал далеко в страну тьмы, надеясь там отыскать поджидающую его Тень и узнать, как, когда и где в следующий раз встретится с ней. Когда морское заклинание было закреплено, Гед почувствовал, что совсем обессилел. Он переночевал в хижине рыбака, в гамаке, сплетенном из китовых кишок, и утром поднялся весь пропахший сушеной рыбой; чуть позже он направился вниз, в бухточку близ Северного Мыса, где причалена была его лодка.

Он столкнул ее на воду, и вода сразу стала заполнять дырявую посудину. Ступая мягко и легко, словно кот, Гед залез в лодку, выровнял погнутые доски, поменял сгнившие деревянные гвозди, помогая себе и плотницким инструментом, и колдовством, как когда-то вместе с Печварри в Лоу-Торнинге. Деревенские жители собрались на берегу, но слишком близко не подходили; они молча смотрели, как ловко он работает, время от времени тихо произнося какие-то непонятные слова. Эту работу Гед тоже сделал хорошо; терпеливо подогнал каждую дощечку, и теперь лодка стала вполне прочной и надежной. Потом с помощью заклятья он укрепил посох, подаренный ему Огионом, в качестве мачты и приделал к нему крепкую деревянную поперечину в метр шириной. С поперечины спускался сотканный им из ветра и волшебных слов квадратный парус, белый, как снег на вершине горы Гонт. Наблюдавшие за волшебным ткачеством женщины с завистью вздохнули.

Стоя рядом с мачтой, Гед надул парус легким волшебным ветерком, лодка вышла из бухточки и взяла курс на Сторожевые Утесы. Когда молчаливо наблюдавшие рыбаки увидели, что давно прохудившаяся шлюпка быстро скользит по волнам под белым парусом, легкая и опрятная, как птица-перевозчик, то разразились радостными криками, смехом, и Гед, на мгновение оглянувшись назад, увидел, как они приветливо машут ему вслед, стоя на холодном ветру в тени Северного Мыса, над которым виднелись заснеженные поля на склонах Гонты, чья вершина скрывалась в облаках.

Меж Сторожевых Утесов он вышел прямо в Гонтийское Море и взял

курс на северо-запад, чтобы мимо северных берегов Ораней вернуться назад тем же путем, каким прилетел сюда в обличье сокола. Иного плана у него пока не было. Пытаясь догнать сокола, мчавшегося без отдыха дни и ночи наперекор всем ветрам из Осскила, Тень вполне могла отстать и пока что скитаться в поисках его следа; впрочем, она могла и выйти прямо на него — тут ничего определенного сказать было нельзя.

Если только она навсегда не вернулась в царство смерти, то, разумеется, не упустит случая встретиться с Гедом, открыто идущим ей навстречу по волнам моря.

Он мечтал встретить ее в море, если этому все равно суждено случиться. Он и сам не понимал, почему так опасается встретить Тень снова на твердой земле. Глубины морские порождают порой бури и разных чудовищ, но силы зла рождаются не в морях: их порождает земля. И в том царстве Тьмы, куда однажды попал Гед, не было ни моря, ни быстрых рек, ни ручьев. Смерть предпочитает пустыню. И хоть море само по себе тоже было опасным в ту пору зимних штормов, но опасность эта и сам капризный нрав моря казались Геду даже какой-то защитой, предоставленной ему судьбой. В крайнем случае, если бы Тень встретилась ему здесь, над этими бурными водами, думал он, то можно было бы, крепко обхватив ее и удерживая тяжестью собственного тела и грузом смерти, рухнуть прямо в море, утопить ее в темных морских глубинах и ни за что не размыкать смертельных своих объятий, чтобы эта тварь никогда не смогла подняться вновь из океанской бездны. И тогда хотя бы смерть его искупит наконец-то зло, которое он выпустил в мир живых.

Гед плыл по волнам бурного холодного моря, а над ним плыли низкие тучи, похожие на серый огромный саван. Дул попутный северо-западный ветер, так что Геду нужно было лишь поддерживать созданный его волшебством парус, который сам поворачивался в нужную сторону, помогая могучему природному ветру нести суденышко все дальше и дальше. Без этого было бы трудновато держать утлую лодчонку прямо по курсу при такой волне. Гед зорко глядел по сторонам, высматривая врага. Жена старого рыбака дала ему с собой две буханки хлеба и кувшин с водой, так что, поравнявшись с атолом Кэмебер, единственным островком между Гонтом и Оранеей, он поел и напился воды, с благодарностью вспомнив молчаливую женщину с острова Гонт, что позаботилась о незнакомце. Все дальше и дальше уплывал он от этого крохотного островка, забирая все больше к западу и по той влаге, что висела в воздухе над морем, определяя, что над островами, вполне возможно, уже выпал снег. Кругом стояло безмолвие, разве что слегка поскрипывала лодка да слабо шлепали о борта

волны. Ему не встретилось ни одного судна, ни одна птица не пролетела у него над головой. Все было недвижимо, лишь играли волны да тучи неслись по небу, как и тогда, во время его соколиного полета, — на восток, только сам он теперь плыл на запад. Тогда он тоже видел внизу лишь серое море, как теперь — серые тучи над собой.

Горизонт впереди был пуст. Гед, измученный тщетными попытками разглядеть хоть что-нибудь сквозь дождливую дымку, встал на ноги. Он сильно продрог.

— Ну, давай же, — бормотал он, — нападай, чего же ты ждешь, проклятая тварь?

Ответа не было, и ничто темное не шевельнулось в туманном воздухе над мрачным морем. И все же Гед отчетливо сознавал, что Тень где-то совсем близко, что она, слепая, неуверенно ищет в холодных волнах его след. И, не выдержав, он закричал во весь голос:

— Я здесь! Я, Гед-Ястреб, вызываю тебя на поединок!

Скрипнула лодка, плеснула о борт волна, чуть зашипел ветер в белом парусе. Летели мгновения. Гед ждал, Держась одной рукой за мачту из тисового посоха и вглядываясь в леденящую влажную пелену, медленно, неровными клоками плывущую к северу. Прошло еще несколько минут, и сквозь завесу морозящего дождя Гед увидел, что Тень приближается.

С телом осскилианского гребца Скиорха было покончено; Тень преследовала свою жертву по всем волнам и морям уже не в обличье оборотня и не в виде немыслимого зверя, что набросился на него тогда на вершине Холма Рок и позже являлся во снах. Теперь она как бы обрела некую материальную оболочку, видимую даже при свете дня. Неотступно преследуя Геда — и особенно во время поединка на вересковой пустоши, — она вытянула из него немало сил, всосала в себя его энергию, а то, что сейчас он сам призвал ее, назвавшись своим подлинным именем при свете дня, придало ей еще большее сходство с живым существом. Она теперь определенно напоминала человека, но, сама будучи тенью, тени не отбрасывала. Она появилась со стороны пролива Челюсти Энлада и двигалась к Гонту, едва различимая в дымке дождя уродливая тварь, сгибающаяся под напором ветра. Холодный дождь хлестал сквозь нее.

Поскольку Тень слепил свет, да и не она сама нашла Геда, а он вызвал ее на поединок, то юноша заметил ее раньше, чем она его. Оба узнали друг друга сразу; они узнали бы друг друга везде — в мире живых существ или в мире теней.

Окруженный страшной пустыней зимнего моря, Гед прямо перед собой видел ту тварь, что внушала ему такой ужас. Ветер, похоже, отнес

Тень чуть в сторону от лодки, и высоко вздымавшиеся волны не давали юноше как следует разглядеть своего врага. Однако Тень по-прежнему приближалась, и было неясно, сама ли она движется или ее несет к нему ветер. Наконец она заметила Геда. И хоть сердце его застыло при воспоминании о том леденящем прикосновении, о той черной боли, что некогда пыталась прервать в нем жизнь, он все же терпеливо ждал и не двигался. А потом вдруг призвал сильный волшебный ветер, парус надулся, и лодочка стрелой понеслась по серым волнам прямо навстречу чудовищу, несущему в себе смерть.

Тень заколебалась, как бы в порывах ветра, и в полном молчании повернулась и понеслась прочь.

Она мчалась прямо на север, и так же быстро преследовала ее лодка Геда, а волны и ветер били ему в лицо, и юноша, призвав на помощь всю свою магическую силу, понукал и понукал суденышко, как подгоняет гончих псов охотник, когда выходит на загнанного зверя. Такой мощный ветер надувал теперь его парус, что никакая обычная парусина не выдержала бы. Лодка неслась по волнам, словно клочок морской пены, нагоняя спасающуюся бегством Тень.

И тут Тень сделала странный полукруг, на мгновение исчезла из виду, потом появилась вновь, став более расплывчатой и неясной; теперь она гораздо меньше походила на человека — скорее на облако, клоч темного тумана, влекомый бешеным ветром прямо к острову Гонт.

Сказав волшебное слово, Гед круто развернул лодку, которая, как дельфин подпрыгнув в воде, понеслась вдогонку за Тенью, становившейся в дождливой пелене все менее различимой. Снежная крупа, смешанная с ледяным дождем, хлестала Геда по спине, по левой щеке; вперед видно было не дальше чем метров на сто. Шторм становился все сильнее, и вскоре Тень совсем пропала вдаль, но Гед был уверен, что по-прежнему идет по ее следу, словно это был след крупного зверя, отчетливо отпечатавшийся на снегу, а не бесплотного духа, летящего над водой. И хоть теперь ветер был уже попутный, Гед все же помогал лодке двигаться быстрее, так что пена клубами вылетала из-под носа его суденышка, которое на бешеной скорости взлетало на очередную волну, а потом с размаху шлепалось днищем о воду.

Безудержная роковая погоня продолжалась долго, и день начинал меркнуть. Гед понимал, что после нескольких часов бешеной гонки должен теперь находиться где-то южнее Гонты, ближе к острову Спиви или к Торхевену. Впрочем, вполне возможно, он уже проскочил мимо обоих островов прямо в Открытое Море. Он не в силах был более точно

определить свое местонахождение, да это, впрочем, было ему безразлично. Он был занят охотой, шел по следу, и страх бежал впереди него, как гончий пес.

Вдруг совсем неподалеку он увидел Тень. Природный ветер стихал, яростный дождь со снегом уступал место влажному клочковатому густому туману. Сквозь этот туман Гед на мгновение и углядел Тень, летящую куда-то вправо от него. Он произнес заклятье, повернул румпель и бросился вдогонку, хотя плыть приходилось почти вслепую: туман быстро сгущался, кипя клубами там, где пласты его встречались с волшебным ветром, поднятым Гедом. Плотная серая пелена заполнила собой все пространство вокруг лодки, оказавшейся как бы в некоем бесформенном храме, под сводами которого умирали свет, видимость и звук. Однако Гед только еще начал произносить разгоняющее туман заклятье, как снова увидел Тень — по-прежнему справа от лодки и очень близко. Она двигалась совсем медленно; сквозь очертания ее головы, все еще напоминающие человеческую, проплывали клочья тумана. Гед еще раз повернул лодку, полагая, что теперь-то уж загонит выбившегося из сил врага на твердую землю, и в тот же миг Тень исчезла, а его лодка врезалась прямо в прибрежные скалы, скрытые густой пеленой. Гед едва не вылетел в море, но успел ухватиться за мачту-посох прежде, чем ударила очередная волна. Это была огромная волна; она подбросила лодчонку и швырнула ее о скалы так, как это делает человек, желающий разбить крепкую раковину.

Прочным и поистине волшебным был посох, сделанный Огионом. Он не только не сломался, но прекрасно поддерживал своего хозяина на воде. Не выпуская его из рук, Гед успел глубоко нырнуть под очередную нахлынувшую и очень высокую волну, вынырнул и оказался вне полосы прибоя. Ослепнув от соленой воды, задыхаясь, он старался все же держаться на поверхности и что было сил сопротивлялся могучим толчкам моря. За скалами виднелась полоска песчаного пляжа — Гед заметил ее, в очередной раз взлетев на волне. Собрав все силы, с помощью волшебного посоха он устремился к спасительному берегу. Но приблизиться не мог: волны, разбиваясь о скалы, крутили его, точно щепку, и уносили назад в море, а холод морских глубин быстро высасывал тепло из тела. Юноша все больше слабел и вскоре уже не мог двинуть ни рукой, ни ногой. Он перестал видеть перед собой скалы и полоску песка на берегу и не сознавал более, куда несут его волны. Лишь рев их был слышен вокруг; волны ослепляли его, душили, пытались утопить...

Вдруг прямо перед ним из густого тумана как бы вспухла гигантская волна, подхватила его, перевернула и швырнула, словно обломок плавника,

на песок, оставив наконец в покое это измученное тело.

Гед по-прежнему обеими руками сжимал тисовый посох. Волны поменьше тщетно пытались стащить юношу обратно в море, чтобы растерзать там; туман над ним то рассеивался, то снова густел; потом снова пошел снег с дождем.

Много времени прошло, пока Гед наконец смог пошевелиться. Потом поднялся на четвереньки и медленно пополз вверх по берегу, подальше от полосы прибоя. Его окружала непроницаемая ночная тьма, но он что-то шепнул своему посоху, и на конце его повис маленький волшебный огонек. Так он понемногу продвигался вперед, к дюнам, но был настолько избит и обессилен и так замерз, что ползти по мокрому песку под свист штормового ветра оказалось невероятно тяжело, тяжелее всего, что когда-либо приходилось ему делать в жизни. Один или два раза ему показалось, что шум моря и ветра стих, а песок под ним превратился в пепел, и он, как когда-то, вновь почувствовал немигающий взгляд чуждых этому миру звезд у себя на затылке, однако головы так и не поднял, упрямо продолжая ползти вперед. И через некоторое время услышал и собственное запаленное дыхание, и яростный вой ветра; почувствовал, как ледяные струи дождя хлещут ему в лицо.

В конце концов движение немного согрело его, а когда он заполз в дюны, где дождь и ветер свирепствовали меньше, то даже сумел подняться на ноги. Гед произнес заклинание, и светящийся шар на конце посоха стал больше и ярче, рассеивая черную плотную тьму, обступившую его со всех сторон. Опираясь на свой посох и без конца спотыкаясь, юноша двинулся в глубь острова. Вскоре, поднявшись на гребень очередной дюны, он снова услышал море, почти затихшее у него за спиной, и понял, что практически прошел островок насквозь. Точнее, это был обычный риф, крошечный клочок суши среди безбрежного океана.

Гед был слишком измучен, чтобы предаваться отчаянию, но все же некое подобие рыдания вырвалось у него из груди, и он застыл в неподвижности, опираясь на посох. Потом, понутив голову, побрел влево, чтобы ветер дул в спину, пытаясь отыскать во впадине меж дюн хоть какое-то убежище среди обледеневшей полеглой морской травы. Когда он приподнял посох, чтобы лучше оглядеться, то вдруг заметил какой-то слабый отблеск на самом краю освещенного круга: это блестела мокрая от дождя стена какой-то хижины.

Хижина была настолько маленькой и хлипкой, словно ее построил ребенок. Гед стукнул своим посохом в низенькую дверь. Но никто не открыл. Гед толкнул дверь и вошел внутрь, для чего ему пришлось

согнуться почти пополам. Впрочем, в хижине выпрямиться в полный рост он тоже не смог. В очаге краснели угли, и в этом неясном свете Гед разглядел человека с седыми длинными волосами, скорчившегося от ужаса у противоположной стены, и еще кого-то — неясно, женщину или мужчину, — выглядывавшего из-под кучи тряпья и шкур на полу.

— Я не причиню вам зла, — прошептал Гед.

Они не ответили, Гед переводил взгляд с одного лица на другое. Глаза хозяев хижины стали бессмысленными от ужаса. Когда юноша наконец положил свой посох, тот, что лежал под грудой тряпья, захныкал и совсем спрятался. Гед снял плащ, тяжеленный, насквозь пропитанный водой и покрытый ледяной коркой, разделся догола и осторожно придвинулся к очагу.

— Дайте чем-нибудь накрыться, — попросил он. Он сильно охрип и говорил с трудом; от холода у него стучали зубы, и дрожь сотрясала все тело. Если старики и поняли его, то ни один все равно не ответил. Гед протянул руку и взял с убогой лежанки какие-то лохмотья — когда-то это скорее всего было козьей шкурой, но теперь под толстым слоем жира разобрать было невозможно. Тот, что прятался под кучей тряпья, даже застонал от страха, но Гед уже не обращал на это внимания. Он насухо вытерся и просипел:

— Дрова-то у вас есть? Разожги-ка огонь пожарче, старик. Я ведь случайно попал к вам и ничего дурного не замышляю.

Старик не пошевелился и смотрел на него как в столбняке.

— Ты не понимаешь меня? Разве ты не знаешь ардического? — Гед подумал и снова спросил: — Может, ты говоришь по-каргадски?

Старик с готовностью кивнул — как старая печальная марионетка, которую дернули за веревочку. Но это был единственный вопрос, который Гед мог задать по-каргадски, так что беседа их на том и закончилась. Юноша сам нашел сложенное у стены топливо, сам разжег огонь, потом жестами попросил напиться: он наглотался морской воды и испытывал страшную жажду. Старик с поклоном указал на огромную раковину, полную пресной воды, и подтолкнул к очагу еще одну раковину с ломтиками вяленой рыбы. Гед, скрестив ноги, уселся у огня, немного поел и напился воды. По мере того как силы и разум начали возвращаться к нему, он попробовал понять, куда попал. Даже с помощью волшебного ветра он не смог бы доплыть до островов Каргада. Этот островок явно находился в Открытом Море, восточнее Гонта, но западнее Карего-Ат. Казалось невероятным, чтобы на столь крошечном и пустынном клочке земли, по сути дела отмели вокруг рифа, могли жить люди. Может, это

изгнанники? Или потерпевшие кораблекрушение? Но он был слишком измучен, чтобы ломать над этим голову.

Гед все время переворачивал плащ, сушившийся у огня. Сначала и очень быстро высох серебристый мех пеллави, которым плащ был подбит; и как только сама шерстяная материя немного подсохла и отогрелась, Гед завернулся в плащ и растянулся прямо на полу у очага.

— Ступайте спать, бедолаги, — сказал он своим молчаливым хозяевам, уронил голову на песчаный пол хижины и тут же заснул.

Трое суток провел Гед на безымянном островке. Проснувшись на первое утро, он почувствовал, как невыносимо болит каждая мышца; его сотрясал озноб и одолевала слабость. Он валялся, как жалкий обломок плавника, в хижине у очага весь первый день и всю последующую ночь. Утром он все еще ощущал боль в одеревеневших мускулах, однако чувствовал себя почти здоровым. Он натянул высохшую и хрустящую от морской соли одежду — стирать ее было не в чем, пресной воды здесь явно не хватало — и вышел из хижины под серое небо, на продуваемый всеми ветрами берег, чтобы понять, куда обманом завлекла его проклятая Тень.

Это была скалистая отмель тысячи полторы шагов в ширину и чуть больше в длину, со всех сторон окруженная мелководьем и рифами. Здесь не росло ни единого деревца или куста, ни единой травинки, только склонялись под ветром морские водоросли. Старик со старухой жили здесь в полном одиночестве среди водной пустыни. Хижина их стояла в распадке меж дюн. Она была построена, точнее сложена, из плавника — принесенных морем кусков дерева и веток. Воду брали в маленьком примитивном колодце возле хижины; на вкус вода была солоноватой. Питались старики моллюсками и рыбой, свежей и вяленой, а также собранными у скал водорослями. В хижине имелся небольшой запас костяных иголок и рыболовных крючков, сухожилий для рыболовных снастей и топлива. Рваные шкуры оказались вовсе не козьими, как Гед решил вначале; они принадлежали пятнистым котикам. Как раз на таких островках котики и устраивают свои лежбища и выводят детенышей. Пожалуй, кроме котиков, в эти дикие края не заплывает никто. И старики боялись Гедда вовсе не потому, что приняли его за духа, и не потому, что он был волшебником, но всего лишь потому, что он оказался обычным человеком. Они давно забыли, что в мире есть другие люди, кроме них двоих.

Тупой ужас, завладевший старым мужчиной в первые же мгновенья, ни на минуту не отпускал его. Если ему казалось, что Гед подошел слишком близко и может до него дотронуться, он тут же пытался,

прихрамывая, убежать и мрачно поглядывал из-под копны спутанных грязных седых волос. Старуха сначала, стоило Геду чуть шевельнуться, со стонами скрывалась под грудой рванья; однако, лежа в полузабытии на полу у очага, он видел, как она подползала к нему поближе, всматривалась в его лицо странным, туповатым, каким-то ищущим взглядом, а через некоторое время даже принесла ему напиток. Когда же он приподнялся, чтобы принять у нее раковину, она в ужасе выронила ее и разлила всю воду. Тогда она заплакала, вытирая глаза прядями серо-седых волос.

Сейчас старушка внимательно наблюдала, как он пытается из плавника и остатков своей лодки, выброшенных на берег, создать нечто, способное плавать по морю, работая грубым каменным веслом, позаимствованным у старика, и помогая себе заклятьями. Это была не починка старой лодки и не постройка новой — здесь не хватило бы дерева ни на то, ни на другое, — так что колдовство оказалось совершенно необходимым. И все же старуха наблюдала не столько за тем, что и как он делает, сколько за ним самим; боязливое выражение не сходило с ее лица. Впрочем, через некоторое время она все-таки потихоньку приблизилась — принесла подарок: горсть мидий, которые собрала на скалах. Гед тут же при ней съел их сырыми и мокрыми от морской воды. Он горячо поблагодарил ее, после чего старушка, казалось, набралась смелости, пошла в хижину и вернулась снова, неся в руках какой-то узелок из обрывка шкуры. Застенчиво заглядывая Геду в лицо, она развернула узелок и показала ему то, что там хранилось.

Это было маленькое детское платьице, вышитое шелком и жемчугом, все в пятнах соли, пожелтевшее от времени. На крошечном лифе жемчужинами был вышит знакомый Геду знак: двойная стрела Богов-Близнецов Империи Каргад; над этим символом красовалась королевская корона.

Старуха, морщинистая, грязная, в уродливой одежде из котиковых шкур, показала пальцем сначала на шелковое платьице, потом на себя и улыбнулась — нежной, бесхитростной улыбкой маленькой девочки. Из крохотного потайного кармашка на юбочке она достала и протянула Геду небольшой кусочек темного металла — то ли часть какого-то сломанного браслета, то ли половинку кольца. Гед смотрел на загадочный обломок, лежавший у нее на ладони, но она знаками показала, чтобы юноша взял его, и не отставала до тех пор, пока он не принял подарка; тогда она удовлетворенно кивнула, улыбнулась, словно удалась какая-то давняя ее затея, и снова бережно завернула платьице в грязную шкуру. Потом поплелась обратно в хижину, чтобы спрятать там свою единственную

драгоценность.

Гед столь же бережно спрятал половинку сломанного кольца, или браслета, в карман, ибо сердце его было полно сострадания. Теперь он догадывался, что эти двое — скорее всего дети одного из лордов Каргада, которых тиран-император, опасаясь проливать невинную кровь, сослал на этот необитаемый остров, не заботясь о том, выживут ли здесь дети или умрут вдали от родины и в полном одиночестве. Один из них был тогда, наверно, мальчиком лет восьми от роду, а другая — пухленькой малышкой, принцессой в шелковом платье, расшитом жемчугом; Дети не погибли и с тех пор жили здесь совсем одни — сорок, пятьдесят, шестьдесят лет на скалистом острове в океане — принц и принцесса Страны Одиночества.

Конечно же, он не знал, справедлива ли его догадка, и не узнал об этом до тех пор, пока, много лет спустя, поиски кольца Эррет-Акбе не привели его в Империю Каргад, в священные Гробницы Атуана.

Его третья ночь на островке закончилась светлым и спокойным рассветом. Это был день зимнего солнцестояния, самый короткий день в году. Маленькая лодочка, созданная из обломков умелыми руками и волшебством, была готова. Гед попытался сказать старикам, что может отвезти их на любой из ближайших островов — на Гонт, на Спиви или на Ториклы; даже готов был оставить их где-нибудь на пустынном берегу Карего-Ат, если бы они того пожелали, хоть море у берегов Каргада всегда было опасным для жителей Архипелага. Но они ни за что не хотели покидать свой пустынный бесплодный островок. Старушка, похоже, просто не понимала, что Гед хотел выразить с помощью жестов и тихого голоса; старик все понял — и решительно отказался: его воспоминания об иных странах и людях были связаны лишь с кровавыми кошмарами, жуткими криками и воинами-гигантами. Гед прочитал все это по его лицу, когда старик несколько раз отрицательно покачал головой в ответ на все предложения юноши.

Итак, утром третьего дня Гед наполнил бурдюк из котиковой шкуры пресной водой и, поскольку не мог иначе отблагодарить стариков за кров и пищу, особенно старую женщину, которой ему очень хотелось что-нибудь подарить в ответ, сделал для них то, что мог: наложил заклятье на солоноватый ненадежный родничок. И вода струей забила из этого источника, поднявшись сквозь камни и песок, и была она вкусна и прозрачна, словно в горном ручье. Маленький колодец стариков стал неиссякаемым. Именно поэтому крошечный островок этот — всего-то песчаные дюны и острые скалы — нанесен теперь на все карты и даже получил название; моряки называют его Островом Родниковой Воды. Но

нет больше и следа жалкой хижины, а зимние шторма за многие годы уничтожили все, что оставалось на острове от тех двоих, что провели там жизнь и умерли в одиночестве.

Старики спрятались в хижине и больше не выходили — словно боялись увидеть, как Гед уплывает на своей лодке в безбрежные воды. Природный ветер с севера наполнил волшебный парус, и суденышко быстро помчалось по морю к югу.

Теперь эта погоня уже представлялась Геду довольно сомнительным предприятием: он хорошо понимал, что охотится за неведомой дичью, к тому же находящейся неизвестно где. Теперь он вынужден был полагаться лишь на собственные догадки и предчувствия, да еще — на везение, то есть охотиться так, как раньше Тень охотилась на него самого. И охотник, и дичь сбивали друг друга с толку. Гед терялся от собственной неспособности увидеть Тень при свете дня и ощутить своего врага во плоти; Тень же при свете была слепа и не способна бороться с материальным противником. Одно лишь теперь стало ясно Геду: он перестал быть жертвой и стал охотником. Хотя бы потому, что Тень, обманом заманив его на скалы, вполне могла бы разделаться с ним, когда он лежал полумертвый на берегу или полз в темноте через дюны; однако она не воспользовалась своей властью. Обманув его, она сразу же бежала и не осмеливалась теперь встретиться с ним лицом к лицу. Все это подтверждало правоту Огиона: эта тварь никогда не сможет воспользоваться силой Геда, если он сам станет преследовать ее. Значит, он должен продолжать охоту, гнаться за своим врагом, хоть след его почти утрачен и ничто не может указать ему путь в безбрежности океана, разве что поможет попутный ветер да неясная догадка или предчувствие подскажет, куда — на юг или на восток — должен он теперь плыть.

В преддверии ночи Гед заметил вдали, чуть левее курса, длинную, едва видимую полосу земли — берег какого-то большого острова, должно быть, Карего-Ат. Сейчас он как раз находился в наиболее оживленном сплетении морских путей каргов, этих белокожих варваров. Гед внимательно и неустанно оглядывал морские просторы, чтобы вовремя заметить любое крупное судно и уйти в сторону. А в воспоминаниях его вновь и вновь всплывал тот подсвеченный красным туман — утро из его детства в деревне Десять Ольховин; вновь перед ним мелькали воины с перьями на шлемах, горящий дом, запах дыма... Вспоминая это, он вдруг спокойно осознал, что на этот раз Тень ускользнула от него при помощи его же собственной уловки — загнав его в туман, который будто вытащила из прошлой жизни своего врага, а потом, лишив видимости, бросила лодку на

смертельно опасные скалы.

Гед по-прежнему плыл на юго-восток, и остров скрылся из глаз еще до наступления полной темноты. Но теперь ночь овладела этой половиной мира. Провалы между волнами казались заполненными жидкой чернотой, хотя на гребешках их еще играл красноватый отблеск заката. Гед громко спел «Зимнюю песню» и другие песни из «Сказания о подвигах Молодого Короля», какие припомнил. Ведь эти песни поют на празднествах в честь Солнцеворота. Голос его звучал ровно, однако безбрежная немота моря глушила его чистый звук. Быстро спускалась ночь, появились яркие зимние звезды.

В течение всей этой самой долгой в году ночи он не спал: смотрел, как плывут у него над головой звезды — прямо в промежутки между согнутой левой рукой и рулевым веслом — и тонут в далеких темных водах справа по борту, а непрерывно дувшие зимние ветры несли и несли его на юг по волнам невидимого во тьме океана. Он засыпал разве что урывками и сразу же просыпался, словно от толчка: ведь лодка, на которой он плыл, по-настоящему лодкой вовсе и не была и больше чем наполовину состояла из заклятий и колдовства, соединявших разрозненные доски и куски плавника, которые — если б только он позволил заклятью Воплощения чуть-чуть ослабнуть — тут же распались бы и поплыли в разные стороны. Да и парус, сотканный из магических нитей и воздуха, недолго продержался бы на таком ветру, если бы Гед заснул. Он просто исчез бы, словно вздох. Гед применил могущественные заклинания, но если цель не слишком значительна, то и сила этих заклятий недолговечна, а потому время от времени их следует укреплять, так что спать было никак нельзя. Конечно, он мог бы преодолеть этот путь куда легче и быстрее в обличье сокола или дельфина, но Огион не зря советовал избегать превращений. Гед знал цену советам Огиона, а потому и плыл к югу на утлой лодчонке под движущимися на запад звездами. Но вот долгая ночь подошла к концу, и первый день нового года засиял над морем.

Вскоре после восхода солнца Гед увидел впереди землю, но лодка едва двигалась: был почти полный штиль. Гед наполнил парус несильным волшебным ветерком и направил лодку к берегу. И тут страх вновь завладел его сердцем, тот самый леденящий душу страх, что заставил его когда-то свернуть с избранного пути, бежать, спасаться. Но теперь этот страх вел его, словно запах — охотничьего пса, словно хорошо заметный след когтистых лап огромного зверя, который в любую минуту может напасть на тебя из зарослей. Гед ясно чувствовал: враг близко.

Странный это оказался остров, и непонятными были его постепенно

вырисовывающиеся очертания. То, что издали казалось сплошной отвесной каменной стеной, распалось на несколько скал, или, точнее, скалистых островков, между которыми в узких проливах, словно в туннелях, стремительно неслась вода. Гед изучил немало лоций и карт в Одинокой Башне у Мастера Ономатета, но они в основном имели отношение к островам Архипелага и Внутренних Морей. А он теперь вышел в Открытое Море, в его восточную часть, и остров этот был ему совершенно неизвестен. Впрочем, о географии он думал недолго. Мысли его почти полностью занимала предстоящая встреча с тем ужасом, что таится среди этих покрытых лесом утесов, коварно поджидая его. Но Гед жаждал этой встречи.

Увенчанные мрачными деревьями утесы нависали прямо над его лодкой, похожие на высокие темные неприветливые башни. Сильный прибой у скал с ног до головы заплывал его пеной и брызгами; между тем парус, надутый волшебным ветром, увлекал лодку куда-то в узкий, шириной не больше двух галер, пролив, ведущий в глубь острова. Море в этом коридоре беспокойно металось и билось о крутые скалы, почти отвесно уходявшие в темную глубокую воду, на поверхности которой отражался холодный свет горных вершин. Здесь было безветрие; царила полная тишина.

Тень обманом заманила его на вересковые пустоши Осскила, обманом выбросила на скалы в тумане; может, это очередная ее уловка? Он ли загнал сюда эту тварь, или это она завлекла его в ловушку, Гед пока не понял. Он знал, что бесконечно измучен страхом, а потому должен непременно идти вперед, сделать наконец то, на что решился: довести охоту до конца, прогнать этот ужас к его истокам. Он осторожно плыл на веслах, внимательно обводя глазами каждый выступ на скалистых утесах, поднимавшихся по обе стороны. Солнечный свет остался далеко позади, в море. Здесь, в узком проливе, было почти темно. Отсюда выход на простор океана казался далекими светящимися воротами. Все выше и выше, почти смыкаясь над головой, поднимались утесы; он приближался к основанию горы, породившей эти скалы. Пролив становился все уже. Гед с трудом продвигался по темному коридору, каменные стены которого были изрыты пещерами. Путь ему преграждали огромные валуны, на которых скрючились карликовые деревья; корни их наполовину висели в воздухе. Все казалось мертвым, недвижимым. Близился конец пролива — у высокой гладкой массивной скалы, где последние морские волны слабо плескались в узеньком, шириной с небольшой ручей, пространстве. Валуны, подгнившие стволы упавших деревьев, длинные корни подмытых растений оставляли

совсем мало места для лодки. Ловушка. Темная ловушка в самом чреве безмолвной горы. А в ловушке он, Гед. Вокруг — ни впереди, ни позади — не двигалось ничто. Все замерло, оцепенело. Дальше пути не было.

Гед развернул лодку, осторожно подталкивая ее волшебными словами и веслом, чтобы не удариться о бесконечные валуны и не запутаться в заполонивших все корнях и ветвях деревьев. Он уже готов был призвать волшебный ветер, чтобы вернуться назад, в море, как вдруг слова заклятья замерли у него на устах, а сердце в груди похолодело. Гед оглянулся: прямо у него за спиной в лодке стояла Тень.

Если бы он хоть мгновение промедлил, то неминуемо пропал бы; но он был наготове и успел крепко схватить тварь, дрожавшую и извивавшуюся в его руках. Никакое волшебство теперь помочь ему не могло, лишь сила собственных рук да жажда жизни, восставшая против этой нежити. В атаку он бросился молча; от его резкого броска лодка качнулась и хлебнула воды. Нестерпимая боль хлынула по рукам прямо в грудь, в сердце, у него перехватило дыхание, ледяный холод заполнил душу, и ему показалось, что он ослеп, ибо в руках своих не видел ничего — только тьму, пустоту.

Гед, спотыкаясь, шагнул вперед и, чтобы не упасть, ухватился за мачту: внезапно глаза его вновь прозрели. Он увидел, как вырвавшаяся из его рук Тень, содрогаясь, собралась в комок и поднялась в воздух. Она распростерлась у него над головой, словно черный дым на ветру, потом свернулась в кольцо и унеслась прочь бесформенной дымкой, летя низко над водой прямо к ярко освещенному выходу из пролива в море.

Гед рухнул на колени. Маленькая, волшебством его созданная лодка сильно качнулась и с трудом сохранила равновесие на беспокойной воде. Ее хозяин свернулся на дне клубком, странно оцепенев и не в силах думать ни о чем, пытаясь лишь набрать в грудь побольше воздуха; но тут холодная вода, начавшая протекать в лодку прямо под Гедом, напомнила, что за волшебным суденышком надо следить. Юноша встал, по-прежнему держась за мачту-посох, и как можно тщательнее сотворил заклятье Воплощения снова. Он продрог до костей, был измотан до предела, руки и плечи его, покрытые ранами, болели. Ему даже показалось, что лучше, может быть, просто остаться здесь, в темноте, где море проникает в чрево горы, заснуть и долго-долго спать, покачиваясь на слабых волнах.

Он не знал, возникло ли это желание вследствие чар, навеянных Тенью перед бегством, или из-за ее ледяного смертельного прикосновения, или просто из-за того, что он давно уже не ел и не спал, израсходовав последние силы. И Гед решил в любом случае не сдаваться; он поднял волшебный ветер и двинулся по проливу туда, куда умчалась черная Тень.

Ужас исчез. Но не было и радости. Погоня кончилась. Он больше не был ни жертвой, ни охотником. В третий раз он встретился с Тенью лицом к лицу после того, как по собственной воле искал ее. Он схватил ее руками, но не удержал, хотя теперь между ними создалась необычайно прочная связь, кольцо без единой трещины. Больше не требовалось преследовать Тень, вынюхивать ее след, несмотря на стремительное бегство. Теперь их встреча неизбежна, predetermined, и произойдет она в назначенном судьбой месте; это будет их последнее свидание.

Однако до той поры не будет Геду ни сна, ни покоя; ни днем, ни ночью; ни на земле, ни на море. Теперь он знал, и невероятно тяжела была эта истина: вовсе не требовалось исправлять некогда им совершенное — требовалось лишь завершить начатое.

Гед прошел меж темными утесами, и перед ним раскинулся морской простор. На небе разливалась заря, свежий ветер дул с севера.

Он напился солоноватой воды, остававшейся еще в бурдюке из котиковой шкуры, и поплыл вдоль берега острова на запад, пока не добрался до широкого пролива. Невдалеке был виден другой остров. Теперь он узнал это место, призвав на помощь все свои знания восточной части Открытого Моря. Это были острова под названием Руки — Западная и Восточная, — вытянувшие свои узловатые скалистые «пальцы» на север, словно пытаясь дотянуться до островов Каргада. Гед поплыл дальше между островами, а когда к полудню небо заволочло штормовыми тучами, высадился на берег; это была южная оконечность западного из островов. Он издали приметил небольшую деревушку, чуть выше берега моря, откуда сбегал быстрый ручей. Геду было все равно, как его примут здесь, лишь бы удалось раздобыть воды, согреться у огня и поспать.

Жители деревни оказались грубоватыми застенчивыми людьми; они побаивались уже одного только волшебного посоха Геда и его необычного лица с темной кожей, однако встретили его приветливо, ибо он приплыл в одиночку через бурное зимнее море. Они дали ему не только достаточно пищи и воды, но и благодать живого огня, покой человеческих голосов, говорящих на знакомом языке, и, что самое главное, они дали ему много горячей воды, чтобы смыть с тела ввевшуюся морскую соль и согреться, а еще — постель, где он мог наконец выспаться всласть.

Три дня Гед провел в деревушке на острове Западная Рука. Он отдыхал и строил лодку — уже не из заклятий и кусков плавника, а из хорошего дерева. Лодка была крепко сшита, проконопачена, просмолена, с крепкой мачтой и настоящим парусом, которым легко было управлять, а при попутном ветре под ним можно было и поспать. Как и большинство лодок на Архипелаге и в Северном Пределе, лодка Гед была обшита внакрой, когда доски накладываются одна на другую и для пущей прочности еще и прибиваются. Вся она была сделана основательно и добротнo и готова к плаванию в Открытом Море. Гед с помощью особых заклятий еще усилил ее надежность, ибо путь ему предстоял неблизкий. Лодка легко несла вес троих мужчин, и старик, прежний ее владелец, сказал, что он с братьями не раз выходил на ней раньше в море даже при плохой погоде.

В отличие от скуповатых и строптивых рыбаков с Гонта, старик этот из боязни и преклонения перед настоящим волшебником отдал бы лодку и за так, но Гед хорошо расплатился с ним: волшебным способом избавил его от катаракты, из-за которой старик почти ослеп. Излечившись, обрадованный донельзя старый рыбак сказал Геду:

— Мы-то называли лодку «Зуёк-перевозчик», но ты назови ее «Зоркая» да нарисуй у нее на носу глаза: это мои благодарные глаза будут смотреть вперед из слепого дерева и хранить тебя от скал и рифов. Я ведь почти забыл, как много еще света в нашем мире, а ты вернул мне этот свет.

Гед, живя в деревне, занимался и другими делами; к нему постепенно возвращались силы. Здесь, на крутых, поросших лесом берегах острова Западная Рука жили такие же простые люди, как те, кого он знал мальчишкой в родной деревне, только, пожалуй, чуть победнее. Здесь он чувствовал себя как дома, как никогда не чувствовал себя в богатых домах; он без подсказки и лишних вопросов понимал неизбывную горькую нужду этих людей. А потому наложил заклятье на их детей, особенно на тех, что были больными или хроменькими; отныне все дети должны были оставаться здоровыми. Наложил он заклятье и на тощих деревенских овец и коз — пусть набирают вес и размножаются. Древнюю руну Симн он использовал для наложения чар на веретена и ткацкие станки, на лодочные весла и инструмент из бронзы и камня, на все, что приносили ему люди: пусть спорится у них работа. А руну Пирр Гед начертал на крышах

деревенских домов, чтобы защитить их обитателей от пожаров, ураганов и безумия.

«Зоркая» его была готова, и достаточно уже было запасено воды и вяленой рыбы, но Гед все-таки задержался еще на день в полюбившейся ему деревне, чтобы выучить с молодым регентом песнь о подвиге Морреда, а также песнь о хавнорской битве. Крайне редко суда с Архипелага бросали якорь у этих берегов, так что песни, сложенные века назад, были для здешних жителей почти новинкой. Им страшно хотелось узнать, что же случилось с героями этих песен потом. Если бы Гед не спешил, если бы необходимость завершить начатое не гнала его дальше, он с радостью остался бы еще на неделю или на месяц и спел им все известные ему героические песни, чтобы о знаменитых подвигах древних узнали еще на одном острове Земноморья. Но задерживаться Гед не мог.

С зарей поднял он свой парус и поплыл прямо на юг по морям Дальних Пределов — именно в этом направлении скрылась тогда Тень. Геду не требовалось ни колдовства, ни заклятий, чтобы выяснить, где она: он это просто знал, знал совершенно точно, как если бы тонкая неразрывная нить связывала его с Тенью, сколько бы ни было между ними морей и островов. Так что плыл он наверняка, не спеша и ни на что не надеясь, по тому единственному пути, какому должен был следовать, а зимний ветер гнал и гнал его на юг.

Сутки плыл он по пустынным водам и утром второго дня причалил к берегу небольшого островка, который, как ему сказали, назывался Вемиш. Люди в крошечной гавани поглядывали на Геда подозрительно, и вскоре не замедлил явиться местный колдун. Он пронзил Геда взором, поклонился и сказал напыщенно и льстиво:

— О великий маг! Прости мое безрассудство и соблаговоли принять от нас в дар все, что тебе потребуется для твоего дальнейшего путешествия — пищу, воду, парусину, веревки. Вот сейчас, например, к твоей лодке спешит моя дочь — несет только что зажаренных кур; я надеюсь, что она поступает благоразумно, не правда ли? Конечно же, ты продолжишь свой путь, когда сочтешь нужным, вот только люди у нас малость напуганы. Дело в том, что не далее чем позавчера был замечен странный человек, что шел пешком через наш островок с севера на юг; ни на берегу, ни на море не оставил он никакой лодки, чтобы потом продолжить свой путь, и, что самое странное, он не отбрасывал тени. Те, кто видел его, говорят, что он был в точности похож на тебя!

Услышав это, Гед лишь коротко кивнул, вернулся к причалу и быстро поплыл прочь от Вемиша, не оглядываясь назад. Ему не принесло бы

пользы то, что жители города смертельно перепугались бы, а их колдун превратился бы в его врага. Лучше еще одну ночь провести в море, а заодно и обдумать хорошенько то, что сообщил ему колдун. Душа Геда сжалась от страшного предчувствия. День отошел, постепенно стемнев; наступила ночь и принесла с собой холодный дождь, шепот которого не умолкал над морскими просторами до серого рассвета. Дождь продолжался до полудня, а северный ветер все гнал и гнал «Зоркую» вперед; потом туман рассеялся, и порою даже начало проглядывать солнце, а ближе к вечеру Гед увидел прямо по курсу голубые холмы крупного острова, освещенные бледным зимним солнцем, готовым скрыться за горизонтом. Дым от каминных труб синим облаком висел над светло-серыми крышами домов в небольших опрятных селениях, расположившихся по склонам гор, — удивительно приятное зрелище после бесконечного однообразия моря.

Гед следом за рыбацкими судами вошел в гавань, причалил в порту и поднялся по крутой улице города, залитого золотым светом зимнего вечера. Вскоре он обнаружил харчевню под названием «Харреки», где огонь камина, эль и жареные бараньи ребрышки согрели его тело и душу. В обеденном зале за столом сидели еще двое путешественников, торговцы с островов Восточного Предела, но в основном посетителями здесь были местные жители, собравшиеся, чтобы выпить доброго пивка, обменяться новостями и просто поболтать. Это были уже не грубовато-застенчивые рыбаки с острова Западная Рука, а настоящие горожане, веселые и общительные. Конечно же, они сразу признали в Геде волшебника, но об этом не было сказано ни слова, разве что хозяин харчевни мимоходом, а он явно любил поговорить, заметил, что их город, Исмей, к счастью, имеет — вкладчину с остальными городами острова — неоценимое сокровище: самого настоящего волшебника, получившего образование не где-нибудь, а в Школе на острове Рок, а волшебный посох ему вручил сам Верховный Маг Земноморья. Волшебника этого хоть в данный момент в городе и нет, но проживает он здесь, в родительском доме, а потому их городу никакого другого волшебника вроде бы больше и не требуется.

— Говорят ведь: «Два волшебных посоха в одном городе — жди несчастья!» Не правда ли, господин мой? — сказал хозяин, добродушно улыбаясь.

Этим нехитрым намеком он давал Геду понять, что должности городского волшебника здесь ему не видать, да и вообще — вряд ли он будет особо желанным гостем в Исмее. Получалось, что его сперва весьма недвусмысленно попросили убраться с Вемиша; теперь, почти по той же причине, только в более мягкой форме, его просили покинуть Исмей.

Оставалось дивиться: он так много слышал о небывалом гостеприимстве жителей Восточного Предела. К тому же это был тот самый остров Иффиш, где родился его друг Ветч. Но остров этот встречал Геда вовсе не так тепло, как можно было судить по давним рассказам Ветча.

И все же было заметно, что лица у жителей Иффиша действительно очень добрые. Одна лишь мысль не давала Геду покоя: он не такой, как все, ему нужно держаться подальше от людей, на нем — страшное проклятье, его преследует черная Тень. Он ощущал себя ледяным ветром, случайно залетевшим в согретую очагом уютную комнату, черной невиданной птицей, занесенной злым штормом из дальних стран. И чем скорее он уберется отсюда вместе со своей злой судьбой, тем будет лучше этим добрым людям.

— Я спешу на поиски, — ответил он хозяину харчевни, — и пробуду здесь всего ночь или две.

Голос его звучал холодно. Хозяин взглянул на тисовый посох в углу и решил пока промолчать, зато наполнил кружку Геда темным пивом так щедро, что пена пошла через край.

Гед понимал, что ему следует провести в Исмее лишь одну ночь. Здесь ему тоже не были рады. Он должен следовать зову своей судьбы. Однако он смертельно устал от холодного пустынного моря и безмолвия, а потому решил, что проведет в Исмее еще сутки, а утром следующего дня уедет. Он спал очень долго, а когда проснулся, то увидел, что за окном падает легкий снежок. Потом он без цели слонялся по улицам и переулкам города, наслаждаясь будничной суетой вокруг: смотрел, как ребятишки в меховых шапках играют в снежную крепость и делают снеговиков; слушал разные сплетни; ловил обрывки разговоров, доносившихся из раскрытых дверей домов; зашел в кузню, где работал мастер по бронзе, мехи ему помогал качать мальчишка с покрасневшимся потным лицом; за окнами, от которых отражался красновато-золотистый свет заката — короткий зимний день близился к концу, — он видел женщин за ткацкими станками, которые оборачивались порой, чтобы улыбнуться мужу или ребенку. От всего этого человеческого тепла Гед был как бы отделен; тяжкое одиночество охватило его, комом стояло в горле, но он ни за что не признался бы, что грустит потому, что всегда один. Настала ночь, но он продолжал слоняться по улицам, в гостиницу возвращаться не хотелось. Вдруг до него донеслись обрывки веселого разговора: разговаривали молодой мужчина и девушка, спускавшиеся мимо Геда к городской площади. Гед обернулся и застыл: он узнал голос мужчины.

Он двинулся следом и скоро нагнал их в темноте, освещаемой лишь

тусклым светом фонарей. Девушка испуганно отшатнулась, а мужчина внимательно посмотрел на него и грозно поднял свой посох предостерегающим жестом. Это было уж слишком. Голос Геда дрогнул, когда он сказал:

— Я думал, ты узнаешь меня, Ветч.

И все-таки Ветч колебался.

— Да, я узнаю тебя, — сказал он наконец и опустил посох. Потом обнял Геда за плечи и стал жать ему руку. — Я узнаю тебя! Здравствуй! Здравствуй, дружок, добро пожаловать! Ты прости меня за такую встречу... прости, что смотрел на тебя, как на злого духа... Ведь я ждал тебя, ждал, когда ты приедешь, искал тебя!..

— Значит, это ты — тот великий волшебник, которым хвастают жители Исмея? Я еще подумал...

— Ну конечно, я их волшебник. Но послушай, дай рассказать, почему я не сразу признал тебя, парень. Может, я слишком рьяно искал тебя?.. Три дня назад... а ты случайно не был на Иффифе три дня назад?

— Я приплыл сюда вчера.

— Три дня назад на улице соседней с нами деревушки Квор — она тут недалеко, в горах — я видел тебя. То есть, наверно, не тебя, а твою точную копию или просто кого-то очень похожего. Человек этот шел прямо передо мной, направляясь в Исмей, и на перекрестке я окликнул его. Но ответа не получил. Тогда я пошел за ним, но он сразу куда-то исчез, прямо как сквозь землю провалился. Только земля рядом с дорогой вдруг покрылась инеем. Все это показалось мне очень странным, и когда ты возник прямо передо мной из темноты, я решил, что это те же шутки. Ты прости меня, Гед.

Последнее слово он сказал совсем тихо, так что девушка, стоявшая поодаль, не смогла бы его расслышать.

Гед ответил, тоже тихо произнося подлинное имя своего друга:

— Ничего, Эстарриол. Но сейчас это действительно я, и я ужасно рад тебя видеть...

Возможно, Ветч услышал в его голосе нечто большее, чем просто радость. По-прежнему обнимая Геда за плечи, он сказал словами Истинной Речи:

— Пусть ты снова в беде и вышел из тьмы, но сколь радостен мне приход твой, о Гед!

И продолжал уже на ардическом со своим восточным акцентом:

— Ну, пойдем, пойдем к нам! Мы ведь как раз домой шли, поздно уже и на улице темно!.. Да, это моя сестра. Она самая младшая в нашей семье и, как видишь, гораздо красивее меня, зато куда глупее. Ярроу ее имя. А это,

сестренка, мой Ястребок, самый лучший ученик нашей Школы, мой самый дорогой друг.

— Ах, господин волшебник, — приветствовала его девушка и в знак уважения склонила голову и прикрыла глаза руками, как это полагается женщинам Восточного Предела при встрече с незнакомым мужчиной; а вообще-то ее ясные глаза глядели хоть и застенчиво, но с любопытством. Было ей, наверно, лет четырнадцать; такая же темноволосая, как брат, но очень хрупкая, тоненькая. На рукаве ее висел, зацепившись когтями, настоящий крылатый дракон размером не больше ладони.

Втроем они двинулись по темной улочке вниз, и Гед заметил:

— У нас на Гонте считают, что гонтийки — самые храбрые женщины в мире, но я никогда не встречал там ни одной, чтобы дракона носила как украшение.

Ярроу рассмеялась и тут же ответила:

— Но это же только харреки! Разве у вас на Гонте харреки не водятся? — Она внезапно смутилась и опустила глаза.

— Нет, что ты, драконов у нас нет. А разве это не настоящий дракон?

— Настоящий, только маленький. Он живет на дубах, питается осами, гусеницами да воробьиными яйцами. Он больше этого не вырастает. Ах, господин волшебник, мой братец так часто мне рассказывал о каком-то замечательном зверьке, что у вас был, дикий такой, отак, кажется?.. Он еще у вас?

— Нет. У меня его больше нет.

Ветч обернулся к нему, словно собираясь что-то спросить, но прикусил язык и ничего спрашивать не стал. Расспросы начались потом, когда они остались вдвоем у камина в гостиной.

Несмотря на то что он являлся главным волшебником целого острова, Ветч поселился со своим младшим братом и сестрой в Исмее, маленьком городке, где родился. Отец его был морским торговцем и довольно состоятельным человеком; он оставил детям просторный дом, битком набитый посудой, тканями, красивыми сосудами из бронзы и меди, расставленными на резных полках и сундучках. В одном из углов гостиной стояла большая таонийская арфа, а в другом — ткацкий станок Ярроу, высокая рама которого была украшена слоновой костью. В Исмее Ветч при всей своей скромности был не только могущественным волшебником, но и хозяином собственного дома. При доме жили слуги, муж и жена, состарившиеся здесь, а еще — брат Ветча, сообразительный веселый парнишка, и Ярроу, быстрая и молчаливая, словно рыбка. Это она прислуживала друзьям за ужином и сама поужинала вместе с ними,

тихонько слушая их беседу, а потом незаметно выскользнула из гостиной и удалилась в свою комнату. Казалось, все вещи в этом доме — на своем месте, все дышат миром и покоем. Гед, оглядывая освещенную камином комнату, сказал:

— Так вот только и должен жить человек. — И вздохнул.

— Что ж, для кого-то, может быть, и это — хороший дом, — откликнулся Ветч. — Для кого-то нет. А теперь, парень, расскажи, если можно, что все-таки с тобой приключилось, что обрел ты и что потерял со времени нашей последней с тобой беседы — два года тому назад. И скажи, куда это ты так спешишь, ведь я прекрасно вижу, что ты у нас не задержишься?

Гед рассказал ему все, а когда закончил свой рассказ, Ветч долгое время сидел задумавшись. Потом без обиняков заявил:

— Я пойду с тобой, Гед.

— Нет.

— Думаю, что так будет лучше.

— Нет, Эстарриол. Это не твой путь, и не на тебе лежит проклятье. Я один начал все это, один и должен покончить со злом. И не хочу, чтобы кто-то еще пострадал из-за меня, — меньше всего, чтобы пострадал ты, Эстарриол, ведь именно ты с самого начала пытался удержать меня от дурацкого поступка...

— Твоим умом всегда правила гордость, — сказал его друг, улыбаясь так, словно они говорили о пустяках. — Ну а теперь подумай: это, разумеется, твой враг и твой путь, но если погибнешь ты, то разве не нужно, чтобы кто-то узнал об этом и смог как можно скорее передать весть о грядущей опасности жителям Архипелага? Ведь Тень, победив тебя, обретет страшную, небывалую силу. А если ты победишь эту тварь, то разве не нужно, чтобы кто-то смог с гордостью разнести весть об этом по всему Земноморью, чтобы подвиг твой был воспет в героических песнях? Я понимаю, что пользы от меня в этом деле никакой, но все же, по-моему, нам лучше идти вместе.

Это было хорошо сказано, и Гед согласился, однако заметил:

— Мне просто не следовало задерживаться в Исмее еще на день. Я ведь знал это — и все-таки остался.

— Волшебники случайно друг с другом не встречаются, парень, — возразил Ветч. — И в конце концов, как ты сам только что сказал, это я был с тобой в самом начале твоего пути. По справедливости именно я и должен пойти с тобой до конца. — Он подбросил в камин дров, и они некоторое время сидели молча и глядели на пламя.

— Есть человек, о котором я больше ни разу не слышал с той ночи на вершине Холма; у меня, впрочем, и не возникало особого желания выяснять, куда он делся. Я имею в виду Джаспера.

— Он так и не получил посоха волшебника. Тем же летом он покинул Рок и отправился на остров О — в качестве придворного колдуна. Больше я о нем ничего не знаю.

Они снова помолчали, глядя в огонь и наслаждаясь теплом — ночь была холоднющая. Сидели они, поставив ноги прямо на край камина, чуть ли не на уголья: грелись.

Наконец Гед сказал очень тихо:

— Есть только одно существо, которого я боюсь, Эстарриол. И если ты отправишься со мной, страх этот еще возрастет. Там, на островах, что зовутся Руки, я заплыл в страшный тупик, в самое чрево горы и бросился на эту тварь — она была на расстоянии вытянутой руки; я схватил ее... попытался схватить... Но мне не за что было уцепиться, я не смог ее удержать, не смог победить. Она бежала, я последовал за ней. Но это может произойти снова, еще и еще раз... У меня нет власти над этой Тенью. Возможно, в конце пути не будет ни смерти, ни победы; нечего будет воспевать — ибо не будет самого конца. Возможно, я должен буду потратить всю свою жизнь на поиски ее по всем морям и океанам, плавая с одного острова на другой — в неведомых краях: бесконечное бессмысленное путешествие.

— Минуй нас! — быстро проговорил Ветч, особым образом выворачивая левую руку: так отводят зло, упомянутое вслух. И несмотря на мрачные свои мысли, Гед все-таки улыбнулся, заметив этот жест. Ведь слова эти — скорее детская присказка, чем хоть какое-то колдовство. В Ветче навсегда сохранилась некая деревенская наивность, но он, несомненно, мыслил четко, был упорен и сразу ухватывал самую суть дела. И теперь он сразу все понял и сказал: — Я думаю, что мрачные твои мысли не совсем верны. Мне почему-то кажется, несмотря на то, ЧТО я видел тогда на Холме Рок, что конец твоего пути близок. Как-нибудь да выясним, что такое эта Тень, чем она живет, и уж тогда ты ее непустишь. Конечно, трудно сказать, что она такое... Например, кое-чего я совсем не понимаю, и это меня беспокоит: похоже, теперь эта тварь стала твоим двойником, по крайней мере обладает твоей внешностью; такой ее видели на Вемише. Такой я видел ее и здесь, на Иффише. Как такое могло случиться и почему? И почему, в таком случае, она никогда этого не делала раньше?

— Говорят, в Дальних Пределах все правила меняются.

— Да, это верно, могу подтвердить. На Роке, например, я выучил

некоторые прекрасные заклинания, но здесь они не имеют никакой силы или действуют совсем наоборот; зато на этих островах существуют заклятья, совершенно неизвестные в Школе. Каждая страна сильна собственной силой; и чем дальше ты от Внутренних Островов, тем меньше известно тебе о природе этих сил и их действии. Но я думаю, что не только потому облик Тени так изменился.

— Мне тоже так кажется. Я почти уверен, что это произошло, когда я перестал спасаться от нее бегством и сам решил встретиться с ней лицом к лицу. Моя воля придала ей форму, а то, что я больше ее не боюсь, мешает ей высасывать из меня силы. Все мои действия эхом отзываются в ней; она создана мной.

— В Осскиле она назвала тебя по имени и пресекла всякую возможность применить против нее волшебство. Но почему она не сделала того же во второй раз?

— Не знаю. Возможно, она черпает свои силы лишь в моей слабости. Ведь она говорит голосом, очень похожим на мой — если не моим собственным... Иначе откуда ей знать мое подлинное имя? Как она узнала его? Я все время ломал над этим голову, с тех пор как покинул Гонт, плавая по морям и океанам, но так и не нашел ответа. Возможно, она вообще лишена голоса — в той своей ипостаси или, точнее, полной своей бесформенности — и говорит лишь чужими устами, как оборотень? Не знаю.

— Тогда тебе следует опасаться очередного оборотня.

— Я думаю, — ответил Гед, протягивая руки к красным угольям и чувствуя, как его охватывает озноб, — я думаю, что с оборотнем больше не встречусь. Теперь мы слишком крепко с ней связаны. Она уже не может освободиться от меня и завладеть чьей-то еще душой, опустошить ее, лишить воли и жизни, как Скиорха. Она может, однако, проникнуть в мою душу — если в минуту слабости я вновь попытаюсь бежать от нее, разорвав возникшую связь. Но, когда я хватаю ее руками, держу изо всех сил, сама она исчезает как дым, ускользает от меня... И снова, наверно, ускользнет, но все же не навсегда: я всегда могу найти ее. Я навечно связан с этим отвратительным жестоким существом и не смогу избавиться от него, пока не узнаю слово, которому проклятая тварь подчинится: ее имя.

Ветч задумчиво спросил его:

— А разве тени из царства Тьмы имеют имена?

— Верховный Маг Геншер считал, что нет. Мой Учитель Огион утверждал обратное.

— Великие Маги всегда остаются соперниками, — заключил Ветч с

мрачноватой улыбкой.

— Та, что служила Древним Силам Земли на Осскиле, поклялась, что Камень скажет мне имя Тени, но этому я почти не верю. Однако ведь и дракон предлагал мне ее имя взамен собственного — чтобы отделаться от меня... Мне кажется, что, когда маги спорят между собой из-за чего-то, драконы могут просто это знать... Они ведь куда мудрее людей.

— Мудрее, но не добрее. Постой, а что это еще за дракон? Ты как-то позабыл рассказать, что теперь запросто беседуешь с драконами.

Они проговорили в ту ночь допоздна, но все время возвращались к одному и тому же горькому вопросу: что ожидает Геда в конце пути. Но счастье оттого, что теперь они вместе, гнало прочь все страхи; дружба их прошла испытания временем и судьбой, и ничто не смогло нарушить ее.

Утром Гед проснулся в доме друга и, еще не совсем расставшись с нейгой сна, почувствовал вдруг себя таким счастливым, словно навсегда теперь был защищен от любых бед и несчастий. И весь день в душе его оставалось это утреннее ощущение, которое он счел не просто добрым предзнаменованием, а великим даром. Ему казалось, что этот дом — последний милый его сердцу уголок на земле, которого больше он никогда не увидит, а потому, пока длился этот сладостный недолговечный сон, он страстно желал быть счастливым.

Поскольку у Ветча были дела, которые срочно приходилось закончить до отъезда, он отправился по острову Иффиш со своим юным учеником и помощником. Гед остался в Исмее с Ярроу и ее средним братом по имени Мурре. Мурре казался самым обыкновенным пареньком; он не обладал ни магической силой, ни волшебным знаком на челе и нигде не бывал, кроме Иффиша и соседних островов Тока и Холпа. Жизнь его была легка и беспечальна. Гед смотрел на Мурре с изумлением и некоторой завистью, как, впрочем, и Мурре на Геда: каждому странным казалось то, что другой столь сильно отличается от него самого, хоть они и ровесники — обоим по девятнадцать. Гед дивился, как это человек, проживший целых девятнадцать лет, может оставаться таким беззаботным. Завидуя миловидности и веселому нраву Мурре, Гед чувствовал себя неуклюжим, грубоватым и не догадывался, что Мурре сгорает от зависти даже при виде одних только шрамов на лице молодого волшебника, считая их следами когтей дракона или древними рунами — в общем, знаком героя.

В итоге оба юноши немного стеснялись друг друга, что же касается Ярроу, то она скоро утратила подчеркнуто почтительный тон в обращении с Гедом, хотя вела себя достойно и сдержанно, как и подобает хозяйке большого дома. Гед был с ней очень нежен, и девочка задавала ему великое

множество вопросов, ссылаясь на то, что «Ветч никогда ничего не рассказывает». Она была страшно занята: готовила путешественникам еду в дорогу — пшеничные сухарики, вяленую рыбу, мясо и многое другое, пока Гед не запросил пощады, сказав, что не собирается плыть отсюда до самого Селидора.

— А где это — Селидор? — спросила Ярроу.

— Очень далеко, в Западном Пределе. На этом острове драконов больше, чем полевых мышей.

— Тогда у нас в Восточном Пределе лучше: наши драконы, по крайней мере, так же малы, как мыши, хотя их тоже хватает. Ну хорошо, вот вам мясо на дорогу. Ты считаешь, этого достаточно? Слушай, я не понимаю: вы с братом оба могучие волшебники, вам стоит рукой махнуть, что-то там пробормотать — и все готово. Так зачем же вам голодать? Вот на море, например, наступает время ужина, и вы просто говорите: пирог с мясом! И пожалуйста вам — пирог с мясом тут как тут!

— Что ж, можно, конечно, и так. Только что-то не хочется. Словами, как говорится, не наешься. Пирог с мясом — это ведь всего лишь слова... Мы можем снабдить их ароматом и вкусом, даже ощутить тяжесть в желудке, но все-таки слова останутся словами. Только обманывают желудок, но сил голодному человеку не дают.

— Значит, волшебники кухарить не могут, — сказал Мурре, сидевший у очага напротив Геда и вырезавший крышку красивой деревянной шкатулки; он был резчиком, хоть пока и не особенно умелым.

— Ну и повара тоже небось не волшебники, — сказала Ярроу, опустившись у печи на колени и пытаясь понять, готова ли последняя порция сухариков, которые подсушивались на кирпичках. Сухарики должны были стать золотисто-коричневыми. — Но я все-таки не понимаю, Ястребок. Я же видела, как мой брат и даже его ученик одним лишь словом своим зажигают свет в темноте; и свет этот негасим и ярок. Ведь это не слово, а именно свет разгоняет тьму!

— О да, — ответил Гед. — Свет — это энергия, благодаря которой существуем мы все, но она не зависит от наших потребностей, она вечна. Солнечный свет и свет далеких звезд измеряют время, а время само по себе — это свет. В солнечном свете, воплощенная в дни и годы, проходит жизнь. И в темноте жизнь может воззвать к свету, произнеся его имя... Впрочем, это нечто совсем иное, чем обычные заклинания волшебника, когда он подлинным именем называет тот или иной предмет. Свет сильнее любой магии. Хотя, чтобы призвать кого-то или что-то из иного мира, необходимы великое мастерство и большая магическая сила, которой без особой

причины не пользуются... Во всяком случае — не тогда, когда просто хочется есть. Ярроу, твой дракончик украл сухарик.

Ярроу вся обратилась в слух, внимая непонятым речам Гед, и не заметила, как харреки соскользнул с перекладины для чайника над очагом — самого теплого местечка в кухне — и схватил пшеничный сухарь, который был больше самого воришки. Ярроу взяла ящерку на колени и стала кормить крошками и обломками сухарей, размышляя над тем, что только что сказал ей Гед.

— Значит, вы не станете призывать настоящий пирог с мясом из боязни нарушить то, о чем вечно твердит мой брат... Я забыла, как это называется...

— Равновесие, — торжественно произнес Гед, потому что Ярроу была очень серьезна.

— Да. Но когда ты потерпел крушение на скалах, то уплыл с того островка на лодке, сделанной почти что из одних только волшебных слов. И воды она не пропускала! Разве это была иллюзия?

— Хм. Отчасти да, потому что чувствуешь себя очень неудобно, когда видишь воду прямо под собой сквозь дыры в лодке. Я поэтому и старался придать разрозненным кускам вид цельной вещи. Но прочность лодки иллюзией не была, как не была и сама лодка вызвана из другого мира. Это совсем другой вид волшебного искусства — Связующее заклятие. Им я связал все деревяшки воедино, превратив в маленькое суденышко. А что такое лодка, как не предмет, который не пропускает воду?

— Очень даже пропускает! Мне не раз приходилось из них воду вычерпывать, — вставил Мурре.

— Что ж, моя, конечно, тоже протекала, если я забывал укрепить заклятье. — Гед наклонился, схватил прямо с горячих кирпичей сухарик и жестом фокусника спрятал в руке.

— Вот, я тоже стащил сухарь, Ярроу.

— Наверно, все пальцы обжег. Вот потом, когда будешь голодать в безбрежном море, вдали от всех островов, вспомнишь еще об этом сухарике и скажешь: «Ах! Если б тогда я не крал сухаря, то сейчас мог бы съесть его! Увы!» Раз так, я тоже съем один — за моего братца, чтобы вы могли голодать вместе.

— Итак, Равновесие восстановлено, — заметил Гед, а Ярроу взяла и стала жевать горячий, еще недосохший сухарик, давась от смеха, и в конце концов поперхнулась. Потом она снова стала серьезной и сказала:

— Я бы очень хотела действительно по-настоящему понять то, что ты говорил только что. Слишком, видно, я еще глупа.

— Сестренка, — сказал Гед, — это я виноват, что не умею как следует объяснить. Если бы у нас было больше времени...

— У нас будет больше времени, — воскликнула Ярроу. — Когда мой братец вернется домой, ты вернешься с ним вместе? По крайней мере ненадолго, ладно?

— Если смогу, — мягко ответил Гед.

Немного помолчали, потом Ярроу спросила, глядя, как харреки взбирается обратно на перекладину для чайника:

— Скажи мне только одно, если это не секрет: какие еще великие силы есть в мире, кроме света?

— Это вовсе не тайна. Все силы имеют один источник и один конец. Годы и расстояния, звезды и свечи, вода и ветер, волшебство и мастерство человеческих рук, мудрость, заключенная в корнях дерева, — все это возникает одновременно. Мое имя и твое, подлинные имена солнца, ручья, не рожденного еще младенца — все это лишь звуки одного великого слова, которое очень-очень медленно выговаривает сиянием звезд Вселенная. Никакой другой энергии не существует. И другого имени у всего этого — тоже.

На мгновение перестав вырезывать свой узор, Мурре спросил, так и держа в руке нож:

— А как же смерть?

Девушка молчала, склонив головку с блестящими черными волосами.

— Чтобы слово прозвучало, — медленно ответил Гед, — должна быть тишина. До слова и после него. — Потом вдруг поднялся и сказал: — Я не имею права говорить об этих вещах. То единственное слово, которое должен был сказать я сам, я сказал неправильно. Поэтому лучше мне помолчать. Возможно, есть лишь одна по-настоящему могущественная сила — Тьма. — И Гед торопливо покинул теплую кухню: взял плащ и отправился бродить в одиночестве под дождем и снегом по улицам зимнего города.

— На нем лежит какое-то проклятье, — сказал Мурре, глядя ему вслед со страхом.

— Мне кажется, что путешествие, куда он собирается, ведет его к смерти, — откликнулась Ярроу. — Он боится, но все же отправляется в путь. — Она подняла голову, словно видела перед собой за пляшущими языками огня одинокую лодку, все дальше и дальше уплывающую по зимнему морю и скрывающуюся за горизонтом. На мгновение глаза девушки наполнились слезами, но вслух она ничего больше не сказала.

Ветч вернулся на следующий день и испросил у нотаблей Исмея

разрешение уехать на время. Те очень не хотели его отпускать среди зимы в смертельно опасное путешествие по морю, связанное к тому же не с его собственными планами; но ни мольбы их, ни упреки не могли остановить его. Наконец бесконечное ворчание старцев ему надоело, и он сказал:

— Я ваш — по рождению, по обычаям и по тому долгу, который обязан выполнить. Я ваш волшебник. Но пора и вам вспомнить, что хоть я и служу вам, но все же не ваш раб. Когда я сделаю свое дело и смогу вернуться назад, я вернусь. А до той поры — прощайте.

Когда серый рассвет забрезжил над морем, «Зоркая» вышла из гавани Исмея, раскрыв коричневый прочный парус попутному северному ветру. На причале стояла Ярроу и смотрела вслед судну, как это делают жены и дочери моряков на всех островах Земноморья, провожая своих мужчин в Открытое Море; они не машут руками на прощание и ничего не кричат вслед, только стоят, закутавшись в плащи с капюшонами, серые или коричневые, там, на родном берегу, который остается все дальше и дальше позади, пока совсем не скрывается за широким морским горизонтом.

Гавань скрылась из виду, и умытые волнами нарисованные глаза «Зоркой» смотрели теперь только вперед, в безграничный простор, становившийся все более и более пустынным. За двое суток друзья прошли от Иффиша до острова Содерс — достаточно много, если учесть, что ветер был переменчивым, а погода не слишком благоприятной. Они ненадолго остановились в тамошнем порту лишь для того, чтобы пополнить запасы воды и купить просмоленной парусины — прикрыть пожитки от морских брызг и дождя. Они не позаботились об этом раньше, потому что волшебники обычно решают подобные мелочи с помощью нехитрых заклинаний, весьма, кстати, распространенных. Действительно, нужно совсем немножко волшебства, чтобы опреснить морскую воду и не возить с собой бурдюки. Но Гед, похоже, на этот раз упорно не желал ни сам использовать свое волшебное мастерство, ни разрешать это Ветчу. Он один лишь раз сказал: «Лучше не надо», и его друг ничего больше не спрашивал и не спорил. Тем более что не успел их парус подняться, наполненный ветром, как оба одновременно ощутили тяжкое предчувствие, леденящее душу, как зимний ветер. Гавань, покой дома, безопасность — все осталось далеко позади. Теперь они плыли в такие края, где любое приключение могло стоить жизни и ничто не совершалось просто так. На том пути, каким они вынуждены были следовать, даже произнесение самого маленького заклятья могло спугнуть удачу, нарушить Мировую Гармонию, сдвинуть с места Судьбу, ибо шли они теперь к самому центру Равновесия, туда, где встречаются свет и тьма. Избравшие этот путь не произносят ни единого слова зря.

Не встретив ни одного судна, они обогнули остров Содерс, где занесенные снегом поля сливались с уходящими ввысь туманными горами, и Гед снова направил лодку к югу. В этих водах никогда не бывали вездесущие торговцы с Архипелага; это был самый юг Восточного Предела.

Ветч ничего не спрашивал, понимая, что Гед путь не выбирал и плывет туда, куда должен плыть. Когда Содерс почти скрылся из виду, а волны шипели и плескались, рассекаемые носом лодки, и, куда ни глянь, серая равнина моря сливалась с небесами, Гед спросил:

— Что за земли лежат дальше по курсу?

— Прямо к югу от Содерса островов нет. А довольно далеко, на юго-востоке, есть небольшие островки: Пелимер, Корнай, Госк и Астоуэлл. Астоуэлл называют еще Последней Землей. За ними — Открытое Море.

— А на юго-западе?

— Там Роламени, большой остров Восточного Предела, а рядом всякая мелочь; потом до самых границ Южного Предела — ничего и дальше — Руд и Тум, а также остров Большое Ухо, куда люди никогда не высаживаются.

— Мы можем, — сухо сказал Гед.

— Я бы лучше не стал, — возразил Ветч. — Это неприветливые места; говорят, там весь берег завален скелетами и вообще полно всяческих загадок. Моряки рассказывают, что в воде близ островов Большое Ухо и Фар-Сорр отражаются звезды, которых больше нигде увидеть нельзя и которые имени своего не имеют.

— Да, на том корабле, что впервые привез меня на Рок, один моряк тоже рассказывал об этом. И еще он рассказывал всякие истории о людях, постоянно живущих на плотах в морях Южного Предела; они никогда не сходят на землю, кроме одного раза в году: нарезать длинных жердей для своих плотов; все остальное время они проводят в океане, вдали от всякой земли, отдавшись на волю океанских течений. Я бы хотел посмотреть, как устроены эти селения на плотах.

— А я нет, — ухмыльнулся Ветч. — Мне подавай землю и людей, живущих на земле; пусть море остается в своей колыбели, я же предпочитаю свою, на суше...

— Еще мне бы хотелось увидеть все великие города Архипелага, — сказал Гед, по-прежнему держась за снасть и неотрывно глядя вперед, на безбрежные серые воды, — Хавнор, сердце Земноморья, и остров Эа, где зародились все наши легенды, и прекрасный город Шелитх с его фонтанами на острове Уэй — все города и все великие государства. И малые тоже, и даже самые загадочные, вроде тех, что находятся в Дальних Пределах. Хотелось бы, например, доплыть когда-нибудь до острова Драконьи Бега на самом западе. Или плыть и плыть на север, меж плавучих льдин, прямо к острову Хоген. Говорят, остров этот больше всех островов Архипелага вместе взятых. А еще говорят, это вовсе и не остров, а камни да рифы, скрепленные льдами. Никто не знает точно. И китов хочется увидеть в северных морях... Но нельзя. Я должен плыть туда, куда меня заставляют; я должен пока забыть об иных, прекрасных берегах. Слишком опрометчиво поступил я когда-то, и теперь времени у меня почти не осталось. Я сам променял этот солнечный мир, прекрасные города и

дальние страны на миг власти, обернувшийся призрачной Тенью и властью Тьмы надо мной.

И Гед, как поступил бы на его месте любой настоящий волшебник, начал изливать горечь своих сожалений в песне, недолгой и грустной, обращенной к другу, и тот ответил ему словами из «Подвига Эррет-Акбе»: «Еще хоть раз увижу ль я лес белых башен предо мной и Хавнор, Хавнор милый мой...»

Так плыли и плыли они на юг по пустынным водам морей, и самым интересным событием за весь тот долгий день была стайка серебристых рыбок панни, тоже плывущих к югу. Ни разу не вынырнул рядом дельфин, не пролетела под серыми тучами ни чайка, ни гагарка, ни крачка. Когда небо на востоке потемнело, а на западе налилось закатным багрянцем, Ветч достал еду, разделил ее поровну и сказал:

— Вот тут еще немного эля. Выпьем за ту, что догадалась поставить бочонок с ним в лодку, чтобы согреть в холодную погоду сердца путников: за мою сестру Ярроу!

Тут Гед наконец отвлекся от мрачных своих мыслей и от души осушил кружку за Ярроу — может быть, даже с большим пылом, чем Ветч. В душе его воскресла память о ее почти женской мудрости и совсем детской нежности. Она не была похожа ни на кого из тех, с кем он встречался в жизни. А знал ли он кроме нее хоть одну девушку? Впрочем, об этом Гед никогда не думал.

— Она похожа на маленькую рыбку, гольяна, что водится в чистых ручьях и проточных озерах, — сказал он. — Вроде бы беззащитная рыбка, а попробуй поймай ее.

Услышав это, Ветч посмотрел ему прямо в глаза и улыбнулся:

— Ты и впрямь прирожденный маг, ведь ее настоящее имя Кест.

В Истинной Речи слово кест означает «гольян», это Гед знал и страшно обрадовался. Однако, помолчав, все же тихонько сказал:

— Наверно, тебе не стоило называть мне ее подлинное имя.

Но Ветч, которому бессмысленные поступки были вообще не свойственны, ответил:

— Ее имени в твоей душе так же безопасно, как и в моей. Кроме того, ты ведь и сам узнал его, прежде чем я успел сказать...

На западе небо из красного стало пепельным, потом черным. Все вокруг было погружено в непроницаемую тьму. Гед вытянулся на дне лодки, завернувшись в свой теплый плащ, и попытался уснуть. Ветч, держась рукой за снасть, тихонько напевал что-то из «Подвига Энлада» — о том, как волшебник Морред из Хавнора на большом парусном судне

прибыл на остров Солеа и там увидел в весеннем саду прекрасную Эльфарран. Гед уснул еще до печального конца песни, когда Морред гибнет, Энлад разрушен и страшная морская буря уничтожает сады Солеа. К полуночи Гед проснулся и принял вахту. Лодочка легко бежала по волнам, гонимая сильным ветром, и нарисованные глаза ее ничего не могли разглядеть в кромешной тьме. Однако тучи все же понемногу рассеялись, и незадолго до рассвета тоненький месяц блеснул меж ними; слабый лучик лунного света упал на поверхность воды.

— Луна нынче ущербная, — проснувшись, прошептал Ветч, когда с рассветом ненадолго улегся холодный ветер. Гед посмотрел вверх, на белое полукольцо над почти бесцветными водами восточных морей, но промолчал. Безлунные ночи, что наступают сразу после Солнцеворота, полярны празднику Полной Луны и Долгого Танца, что бывает летом. Это самое несчастливое время для путешественников и больных; в этот период не полагается совершать обряд имяположения, петь песни о великих подвигах прошлого, нельзя точить клинки и острые инструменты, нельзя давать клятвы. Это темная часть годовой оси, когда любой поступок может обернуться злом.

Через три дня пути от Содерса в окружении морских птиц и обломков судов они подошли к Пелимеру, маленькому гористому островку, поднимающемуся над морской гладью. Жители его говорили на их родном языке, но по-своему, и ардические слова звучали странновато даже для привычного Ветча. Путники хотели пополнить запасы питьевой воды и чуть передохнуть от морской качки. Поначалу их приняли хорошо, хоть и с большим изумлением и излишней суетливостью. В столице острова вообще-то имелся колдун, но он якобы сошел с ума и не желал разговаривать ни о чем, кроме гигантского змея, который разъедает основание острова, так что в скором времени Пелимер должен неминуемо отправиться в плавание по волнам, словно оторвавшаяся от причала лодка, а потом скользнуть за край земли и пропасть навеки. Колдун, впрочем, явился и весьма почтительно приветствовал молодых волшебников, но чем больше он рассказывал им про пресловутого змея, тем подозрительнее посматривал на Геда. Потом вдруг, спустя какое-то время, набросился на молодых людей прямо на улице, обзывая их шпионами и прислужниками морского чудовища. Постепенно и остальные жители Пелимера начали сторониться чужеземцев: все-таки это был их колдун, хоть и сумасшедший. Так что Гед и Ветч не стали особенно задерживаться, а еще до вечера ушли в море, держа курс на юго-восток.

За все эти дни и ночи Гед ни разу не заговорил о Тени или о цели

своего путешествия впрямую. И когда Ветч пытался хоть как-то спросить, уверен ли его друг, что им следует продолжать идти тем же курсом, по-прежнему на юг, оставляя позади все известные острова Земноморья, Гед отвечал лишь:

— Уверен ли кусок железа, где лежит магнит?

Ветч только кивал согласно, и они плыли дальше, ничего больше на эту тему друг у друга не спрашивая. Иногда, впрочем, они подолгу разговаривали о волшебном мастерстве и различных хитрых приспособлениях, которыми волшебники в старые времена пользовались для того, чтобы отыскать тайное имя грозящего опасностью существа. Так, например, волшебник Негерер с острова Пальн узнал имя Черного Мага, подслушав разговор драконов; так Морред увидел имя своего врага, написанное каплями дождя в пыли, покрывавшей поле битвы в долине Энлада. Они разговаривали о заклятиях, способствующих отысканию вещи, и некоторых иных волшебных средствах, а также — о тех Вопросах-На-Которые-Есть-Ответ и задавать которые имеет право только Мастер Путеводитель с острова Рок. Но чаще всего разговоры кончались тем, что Гед начинал бормотать себе под нос слова, сказанные ему Огионом на склоне горы Гонт в давние времена ранней осенью: «Чтобы слышать других, самому нужно молчать». А потом умолкал, впадал в глубокую задумчивость и неотрывно, час за часом вглядывался в морскую даль. Иногда Ветчу казалось, что его друг видит за бесконечными волнами, за предстоящими еще им долгими днями пути и мрачный решающий конец их путешествия, и того, за кем они гонятся сейчас.

Они проплыли меж островами Корнай и Госк в непогоду и не увидели их берегов из-за густого тумана и дождя. Они поняли, что миновали их, лишь на следующий день, когда прямо по курсу увидели остров, окруженный острыми скалами, и огромные стаи чаек, чьи пронзительные крики слышались со всех сторон. Ветч сказал:

— Это, судя по всему, Астоуэлл. Последняя Земля. К востоку и югу от него на наших картах никакой земли больше нет.

— И все-таки жители его знают, возможно, об иных, неведомых нам землях, — возразил Гед.

— Почему ты так странно говоришь? — изумился Ветч. Гед с трудом выговаривал каждое слово, с какими-то придыханиями и остановками, и ответ его прозвучал тоже непонятно, отрывисто:

— Это не здесь, — сказал он, глядя на видневшийся впереди Астоуэлл и куда-то мимо или сквозь него. — Не здесь. Не на море. Нет, не на море, а на твердой земле. На какой земле? На той, что лежит дальше, чем истоки

рек и ручьев, впадающих в море, дальше истоков всего, там, за Воротами Света...

И умолк. А когда снова заговорил, то уже обычным своим голосом, словно освободившись от чар или наважденья, и не очень хорошо помнил, что с ним было.

Главный порт острова Астоуэлл, расположенный в устье реки, прорывшей глубокое ущелье в горном массиве, окнами всех своих домов смотрел на север или на запад, словно сам остров повернулся лицом к Земноморью, к остальным людям, хоть и находился очень далеко от них.

Жители встретили путешественников с изумлением и беспокойством: в это время года ни одно судно обычно не показывалось вблизи Астоуэлла. Все женщины попрятались в своих плетеных хижинах и выглядывали из-за дверей, закрывая детишек юбками, а когда Гед и Ветч двинулись из гавани в город, испуганно нырнули куда-то в темноту. Мужчины же, худые, плохо для столь холодной погоды одетые, мрачно окружили чужеземцев, и у каждого был при себе каменный топор или острый нож из раковины. Но, когда первый их страх улегся, они приняли молодых людей вполне радушно и вопросам их не было конца. Редко заходили к ним корабли даже с острова Содерс или с Роламени, потому что торговать здесь было нечем и не на что даже обменять бронзу или красивый фаянс, которым славились жители Содерса. Здесь даже дерева не хватало. Лодки на Астоуэлле представляли собой сплетенные из тростника скорлупки, и лишь очень храбрый человек мог решиться плыть на таком суденышке до Госка или Корная. Они жили здесь совсем одни, на самом краю обозначенного на картах мира. Здесь не было ни ведьмы, ни колдуна, и люди эти, похоже, просто не поняли, что посохи у Геда и Ветча волшебные, и восхищались ими лишь потому, что сделаны они были из драгоценного для них материала — дерева. Вождь Астоуэлла был очень стар; он единственный из всех островитян видел человека, рожденного на островах самого Архипелага. А потому Гед был для местных жителей настоящим чудом; люди приводили своих маленьких сыновей, чтобы те посмотрели на человека «с больших островов» и запомнили на всю жизнь. Они никогда раньше не слышали о Гонте и знали лишь Эа и Хавнор. Геда они приняли за правителя Хавнора. Он из всех сил старался не ударить лицом в грязь, отвечая на их вопросы о «белом городе» (которого, кстати, сам никогда не видел). Но к вечеру, как всегда, почувствовал беспокойство и, не выдержав, спросил у островитян, которые сгрудились у очага в вонючей духоте ночлежки — топили здесь сушеным козьим пометом и связками ракитника, иного топлива не было:

— А что находится к востоку от вашей земли?

Они молчали; одни ухмылялись, другие хмурились. Старый вождь ответил:

— Море.

— Там нет больше никаких островов?

— Это Последняя Земля. За ней больше ничего нет — кроме воды.

— Это мудрые люди, отец, — сказал человек помоложе, — скитальцы морей, путешественники. Может, они знают о такой земле, о которой не знаем мы?

— Нет никакой земли к востоку от этого острова! — твердо сказал старик, долгим взглядом посмотрел на Геда и больше с ним не разговаривал.

Они провели ночь в дымном тепле ночлежки. Еще до рассвета Гед разбудил друга, прошептав:

— Эстарриол, проснись. Мы не можем дольше оставаться здесь, мы должны плыть вперед.

— Ну куда ты так спешишь! — недовольно проворчал сонный Ветч.

— Не спешу, а боюсь опоздать. Я слишком медленно догонял ее. И она убежала слишком далеко. Я приговорен к вечному ее преследованию и не должен упустить последней возможности, иначе буду следовать за ней всю жизнь, а потеряв ее, потеряю и себя.

— Куда же теперь лежит наш путь?

— На восток. Вставай. Бурдюки уже полны воды.

Они покинули ночлежку еще до того, как проснулся первый житель селенья, только чей-то младенец заплакал в темноте и вскоре затих. При тусклом свете звезд они по крутой тропе спустились к гавани, отвязали «Зоркую» от причала и поплыли по темной воде — прочь от Астоуэлла, снова в Открытое Море. Это был первый день после Солнцеворота. Рассвет еще не наступил.

Небо над ними было безоблачным. Встречный ветер дул с северо-востока, холодный, порывистый, но Гед поднял волшебный ветерок, впервые применив волшебство с тех пор, как покинул острова Западная и Восточная Рука. Они быстро продвигались к востоку. Пенящиеся, залитые солнцем валы бились о борт лодки, сотрясая ее, но «Зоркая» шла уверенно, как и обещал человек, построивший ее когда-то; она точно следовала направлению волшебного ветерка, не хуже любого заколдованного судна с острова Рок.

За все утро Гед не проронил ни звука, только еще раз произнес волшебные слова, заклинаяющие ветер и усиливающие прочность паруса.

Ветч наконец совсем проснулся; до сих пор он тихо спал на дне лодки. Ближе к полудню они немного поели. Гед подчеркнуто бережно разделил еду, и оба молча жевали соленую рыбу и сухари: говорить было не о чем — все и так было понятно.

Весь день они на большой скорости шли прежним курсом. Один лишь раз Гед нарушил молчание, сказав:

— А как по-твоему, за Дальними Пределами только морская пустыня или все-таки есть там неоткрытые острова? Или целые Архипелаги?

— Пока, — ответил шутливо Ветч, — я на стороне тех, кто считает, будто мир у нас плоский, так что, если заплывать слишком далеко, непременно свалишься вниз.

Гед даже не улыбнулся; ни сил, ни радости в нем совсем не осталось.

— Кто знает, что откроется человеку там, за морями. Не нам, разумеется; мы вечно жмемся поближе к знакомым берегам и гаваням, — тихо сказал он.

— Кое-кто пытался узнать, что там, да так и не вернулся. И никогда не приплывали к нам корабли из тех неведомых стран...

Гед промолчал.

Весь день и всю ночь плыли они, влекомые силой могучего волшебного ветра, через бескрайние просторы океана, на восток. Гед стоял на вахте с вечера до рассвета, ибо в темноте сила, что влекла его к себе, все возрастала. Он неотрывно смотрел вперед, хоть глаза его в безлунные ночи могли видеть не дальше разрисованного носа их «Зоркой». К утру его смуглое лицо стало серым от усталости; он закоченел на ветру и с трудом заставил себя вытянуться на дне лодки, укладываясь спать.

— Следи, чтобы волшебный ветер все время дул с запада, Эстарриол, — невнятно прошептал он и тут же заснул.

Солнце так и не выглянуло из-за облаков, вскоре начался дождь, хлеставший прямо им в лицо с северо-востока. Вскоре все в лодке промокло насквозь, несмотря на прикрывавшую вещи просмоленную парусину. Ветч чувствовал себя так, будто до костей пропитался водой; и Гед дрожал во сне. Жалея друга и отчасти себя самого, Ветч попробовал было чуть повернуть лодку, чтобы жестокий ливень не так заливал их, однако его умения заклинать погоду в этих водах оказалось недостаточно: ветер Открытого Моря не слушался его, и он с трудом поддерживал волшебный ветер в парусах, как велел ему Гед.

В душе Ветча шевельнулся страх; ему показалось, что у них с Гедом слишком мало осталось волшебных сил для дальнейшей борьбы и оставшиеся силы могут исчезнуть совсем, если они по-прежнему будут

удаляться от тех мест, где могут и должны жить люди.

Всю ночь Гед снова стоял на вахте, всю ночь гнал лодку к востоку. С наступлением дня ветер на море немного утих, стало пригревать солнце, но гигантские валы накатывались с такой силой, что «Зоркая» сначала вставала дыбом, словно при подъеме на гору, потом повисала на пенистом гребне и резко падала носом вниз, чтобы снова и снова преодолевать волну за волной.

Вечером, после целого дня молчания, Ветч заговорил:

— Друг мой, ты все время был уверен: мы непременно должны приплыть к какой-то земле. Я не сомневаюсь в твоём ясновидении, но вдруг на этот раз нас снова заманили в ловушку, обманом загоняя все дальше и дальше в океан — дальше, чем это допустимо не только для человека, но и для волшебника. Ведь наша магическая сила может изменить нам в этих чужих морях, ослабеть, тогда как проклятая Тень не знает ни усталости, ни голода и даже утонуть не способна.

Они сидели на банке совсем рядом, но Гед смотрел на Ветча так, словно тот был где-то далеко-далеко. Тревога плескалась в его глазах, когда медленно, слишком медленно он ответил:

— Эстарриол, мы приближаемся к цели.

Услышав, как он говорит это, Ветч понял, что враг действительно близко. Ему стало страшно. Но он лишь положил руку на плечо друга и спокойно сказал:

— Ну что ж, вот и ладно, вот и хорошо.

И снова всю ночь Гед стоял на вахте: он совсем не мог спать в темноте. И на третьи сутки — тоже. Они по-прежнему мчались с неизменной легкостью и быстротой по бурному морю, и Ветчу нестерпимо хотелось узнать, какой невыносимой силой Гед сутками удерживает в парусах магический ветер, способный противостоять штормам Открытого Моря, где сам он, Ветч, чувствует себя таким беспомощным и слабым. А лодка все летела по морю, и Ветчу уже стало казаться, что, как и говорил Гед, они вскоре достигнут истока вод морских, что находится на востоке, у Ворот Света. Гед оставался у руля, как всегда глядя вперед. Но он не видел перед собой океана, точнее, это был не тот океан, который видел Ветч — огромное пространство соленой воды, сливающееся с горизонтом. Перед глазами Гед теперь нечто вроде темной пелены, заслонившей и серое небо, и серое море и становившейся все плотнее и темнее. Ветч, взглянув на лицо друга, как бы тоже на мгновение увидел эту тьму. Они плыли все дальше и дальше, но было похоже, что только Ветч по-прежнему плывет по просторам океана к востоку, а Гед уже попал туда, где нет ни востока, ни

запада, где не встает и не садится солнце, где не светит ни одна звезда, знакомая им, где незнакомые созвездия неподвижно застыли в небесах.

Внезапно Гед вскочил и что-то громко сказал. Волшебный ветер тут же улегся, и огромные волны стали швырять «Зоркую», словно щепку. Хотя природный северный ветер дул так же сильно, как и раньше, коричневый парус повис, как тряпка, и даже не шевелился. И сама лодка словно застыла, раскачиваясь в такт дыханию моря и не двигаясь с места.

Гед сказал:

— Спусти парус.

Ветч выполнил его приказание, а сам Гед вынул весла, вставил в уключины и сразу же начал грести.

Ветч, видевший вокруг лишь горы волн, меж которыми как бы проваливалась лодка, никак не мог понять, зачем Геду понадобилось идти на веслах, но терпеливо ждал. Вскоре природный ветер действительно ослабел и почти утих. Волны едва плескались у борта, лодка перестала раскачиваться, и мощные взмахи весел в руках Геда погнали ее вперед по морю, ставшему тихим, словно в укрытой от всех ветров бухте. И хотя Ветч не мог видеть того, что видел впереди Гед между взмахами весел, хотя Ветч не видел темных склонов огромной горы под неподвижными звездами, все же он понемногу разглядел с помощью волшебного зрения ту небывалую тьму, что как бы копилась во впадинах между волнами, окружая лодку со всех сторон; а еще он заметил, как слабеют и утихают волны, словно их душит невидимый песчаный берег.

Если все это и было иллюзией, то невероятно сильной: попробуй-ка заставить Открытое Море казаться землей! Пытаясь собраться с мыслями и силами, Ветч начал произносить слова волшебного Откровения, ожидая, не прекратится ли после этих долгих, медленно выговариваемых слов странная иллюзия: мель посреди океана. Но иллюзия не проходила. Возможно, заклинание, хотя оно, конечно, воздействует лишь на восприятие произносящего его человека, а не на волшебство самой иллюзии, не имело здесь силы. Или же это была вовсе не иллюзия и они действительно достигли конца света.

Все более медленно и как-то небрежно греб Гед, оглядываясь через плечо, осторожно выбирая путь в бесконечных протоках и проливах, минуя коварные отмели, видимые лишь ему одному. Лодка вздрогнула: ее киль задел дно. Там должны были быть бездонные глубины, и все же они достигли земли. Гед поднял весла, сложил их, скрипнув уключинами, и скрип этот страшно прозвучал в полном безмолвии, царившем вокруг. Все звуки — плеск воды, вой ветра, скрип дерева, хлопанье паруса — куда-то

исчезли, растворились в вечной, глубокой, никогда не нарушавшейся тишине. Лодка застыла как изваяние. Ни дыхания ветерка. Море превратилось в песок, темный, тяжелый. Все было недвижимо в темном небе и на суше, в этой нереальной бескрайней пустыне, которую у горизонта стеной окружала сгущающаяся тьма.

Гед встал, взял в руки свой посох и легко переступил через борт. Ветч решил, что сейчас его друг исчезнет в волнах, которые — Ветч это знал наверняка — скрывались под этой неясной темной дымкой, поглотившей воду, небо и дневной свет. Но моря не было. Гед удалялся от лодки, и на песке видны были следы его ног. Песок слегка шуршал.

Вдруг волшебный посох Геда начал светиться. Но это был не обычный волшебный огонек, а слепящий белый свет, и пальцы юноши там, где он сжимал ими посох, просвечивали красным.

Гед быстро шел куда-то вперед, и понять, куда он идет, было невозможно: здесь не было сторон света, существовали лишь понятия «вперед» и «назад».

Ветчу свет в руках Геда казался яркой звездой, медленно плывущей в темноте, которая постепенно как бы уплотнялась, чернела, собирала силы. Усиливающуюся тьму видел и Гед, по-прежнему смотревший вперед. Там, впереди, у самой кромки светового круга, отбрасываемого посохом, он вскоре заметил Тень. Она медленно брела по песку ему навстречу.

Вначале Тень казалась совершенно бесформенной, но по мере приближения стала напоминать человека. Потом оказалось, что это старый, седой и угрюмый мужчина идет к Геду; но, узнав в нем своего отца, кузнеца, Гед тут же понял, что это уже не старик, а юноша. Теперь это был Джаспер, Гед узнал его дерзкое, красивое юное лицо, расшитый серебром плащ, твердую легкую поступь. Ненависти был исполнен взгляд Джаспера, устремленный на Геда в густеющей тьме. Гед не остановился, но шаг замедлил и поднял свой посох чуть выше. Посох засветился ярче, и Джаспер исчез, неожиданно превратившись в Печварри, но почему-то со смертельно бледным, раздувшимся, как у утопленника, лицом. Этот Печварри странным образом протягивал к Геду руки, словно манил к себе. И снова Гед не остановился и шел вперед, хотя между ним и Тенью оставалось всего несколько шагов. Тогда Тень полностью изменила свой облик. Она растеклась по обе стороны от Геда, будто распростерла два огромных крыла. Она извивалась и раздувалась, потом снова собиралась в комок. На мгновение в этом комке мелькнуло белое лицо Скиорха, потом стали видны два сумрачных, глядящих на Геда глаза, и вдруг появился ужасный лик, доселе ему неизвестный, — то ли человека, то ли чудовища,

с судорожно кривящимся ртом и бездонными ямами глаз, в которых была черная пустота.

Гед как мог высоко поднял свой посох. Свет стал непереносимо ярким, и этот мощный поток белого света поборол, разорвал древнюю тьму. В ослепительном сиянии Тень утратила всякое сходство с человеком. Она собралась в комок, съежилась, еще больше почернела и, наконец, поползла на четырех когтистых лапах по песку, поднимая вверх слепую бесформенную морду. Когда они сошлись, в белом волшебном свете Тень стала абсолютно черной и поднялась в человеческий рост. Молча человек и Тень встретились лицом к лицу и остановились.

Громким и ясным голосом разорвав вечную тишину, Гед произнес имя Тени, и в тот же миг Тень своим лишенным губ и языка ртом произнесла то же самое слово Истинной Речи: Гед. И оба голоса слились в один.

Гед протянул к ней руки, выронил посох и крепко обхватил ее — ту черную часть собственного «я», которая тянулась ему навстречу. Свет и тьма встретились, соединились и слились воедино.

Но Ветчу, издали наблюдавшему происходящее на странном сумеречном песчаном острове, показалось, что Гед побежден: он увидел, как яркое свечение посоха померкло и стало едва заметным. Ярость и отчаяние овладели его душой, Ветч выпрыгнул из лодки на песок, чтобы спасти друга или погибнуть с ним вместе. Он хотел бежать к этому угасающему огоньку, но едва ступил на сушу, как песок провалился у него под ногами, и Ветч начал биться в его удушающем зыбучем потоке, пока с грозным ревом и победным светом дня, с обжигающим холодом зимы и горьким вкусом морской воды настоящий мир не вернулся к нему, и Ветч понял, что действительно оказался в живительных водах моря.

Рядом на волнах покачивалась лодка. Пустая. Больше ничего на поверхности моря Ветч разглядеть не мог. Пенистые волны заливали лицо, слепили, к тому же он не был хорошим пловцом, так что постарался поскорее добраться до лодки. Он перевалился через борт, откашлялся и попытался отряхнуть воду, струившуюся с его волос и одежды. Потом стал с безнадежным видом оглядываться вокруг, не зная, где искать Геда. В конце концов он заметил вдали на поверхности моря, среди волн, нечто темное — там, где раньше был песчаный остров. Тогда Ветч схватился за весла и могучими рывками погнал лодку к этому месту, успел схватить тонущего друга за руку и втащил его через борт в лодку.

Гед был в забытии; глаза его, хоть и открытые, смотрели бессмысленно, однако на теле друга Ветч не заметил никаких ран. Посох из тиса совсем перестал светиться; Гед крепко сжимал его в правой руке и не

отпускал. Он так ни слова и не произнес и лежал, обессиленный, промокший насквозь, дрожащий, у мачты, опершись о нее спиной и не глядя на Ветча, который поднял парус и развернул лодку по ветру, по-прежнему дувшему с северо-востока. Во тьме ничего вокруг не было видно, но вдруг прямо по курсу, на западе, меж перистых облаков в полосе чистого неба появился сияющий молодой месяц — тонкое полукольцо цвета слоновой кости, отраженный свет солнца.

Гед поднял лицо к яркому рогатому месяцу и снова застыл.

Потом вдруг встал во весь рост, держа обеими руками волшебный посох, как воин держит свой боевой меч, окинул взором небо, море, коричневый надутый парус над головой и лицо друга.

— Эстарриол, — сказал он, — знаешь, все кончено. Все позади. — Он засмеялся. — Рана моя зажила. Я теперь целый. Я снова стал самим собой. И я свободен. — И вдруг, склонив голову и спрятав лицо в ладонях, Гед разрыдался, как ребенок.

До этого Ветч наблюдал за другом с тревогой и ужасом: он не знал точно, что произошло там, на темном острове. Не знал даже, действительно ли это Гед был с ним в лодке сейчас. В течение нескольких часов Ветч не снимал руку с якоря и в любую минуту готов был пробить деревянную обшивку лодки и затопить ее прямо здесь, но не везти назад, к островам Земноморья, то исчадие ада, которое, как он опасался, приняло облик Геда. Теперь же, услышав, как тот говорит, он больше не сомневался и начинал понимать, что же все-таки произошло: в этом сражении Гед не проиграл и не выиграл, но, назвав Тень Смерти собственным именем, как бы соединил две половинки своей души — стал человеком, который, познав собственное «я», не может оказаться во власти иной силы и сам повелевает своей душой, а потому тратит жизнь только ради жизни и никогда — ради разрушения, боли, ненависти или воцарения тьмы. В «Создании Эа», старейшей из героических песен прошлого, говорится:

В молчании — слово,
А свет — лишь во тьме;
И жизнь после смерти
Проносится быстро,
Как ястреб, что мчится
По сини небесной,
Пустынной, бескрайней...

Эту песню пел теперь во весь голос Ветч, направляя лодку на запад, летя быстрее холодного зимнего ветра, что дул прямо им в спину из Открытого Моря.

Восемь дней плыли они и еще восемь, прежде чем впереди завиднелась земля. Не раз приходилось им пополнять запасы пресной воды с помощью колдовства. А еще они пробовали ловить рыбу, но, хоть и произносили заклятья, попадалось все равно очень мало, потому что рыбы в Открытом Море не знают своих настоящих имен, а потому на заклятья не обращают особого внимания. Когда у них совсем не осталось еды, кроме нескольких ломтиков копченого мяса, Гед вспомнил, что сказала Ярроу, когда он украл сухарик на кухне, и действительно пожалел об этой краже, потому что голод терзал их, и все же воспоминание о Ярроу было ему приятно. Ведь она тогда сказала еще, что они непременно вернутся снова домой.

Волшебный ветер всего три дня нес их по водам океана к востоку от Астоуэлла, Последней Земли, но им понадобилось целых шестнадцать дней, чтобы вернуться обратно. Ни один человек еще не возвращался из столь далекого плавания по Открытому Морю, да еще на рыбацкой лодке и в зимнее время. Однако молодые волшебники, Эстарриол и Гед, вернулись. Их миновали сильные шторма, и они довольно точно шли по курсу, указываемому компасом и звездой Толбегрен. Они прошли чуть севернее, а потому не вернулись на Астоуэлл и миновали Фар-Толи и Снег, даже не увидев их. Впервые они высадились на берег на самом южном мысу острова Коппиш. За прибоем виднелись каменные утесы, словно башни огромной крепости. Морские птицы жалобно кричали над волноломами, а над дерегушками плыл голубоватый дым от множества очагов, и дым этот уносил ветер.

Отсюда до Иффиша было совсем близко. Они вошли в гавань Исмея тихим пасмурным вечером; из темных туч падали редкие снежинки. Гед и Ветч привязали «Зоркую», что пронесла их по всем морям до самого царства смерти и обратно, и двинулись по узенькой улочке в город. Легко было у них на сердце, когда отворилась дверь дома, согретого огнем камина, и Ярроу выбежала им навстречу, плача от радости.

* * *

Если Эстарриол с острова Иффиш все же исполнил свое обещание и сложил песнь о первом великом подвиге Гед, то она была потеряна.

Впрочем, в Восточном Пределе очень распространена одна легенда о лодке, которая якобы села на мель прямо над океанской бездной, далеко-далеко от земли. На Иффише считают, что лодкой этой правил Эстарриол. На острове Ток полагают, что это были двое рыбаков, унесенных штормом далеко в Открытое Море. А на Хольпе рассказывают о каком-то местном рыбаке, который так и не смог сдвинуть лодку с неизвестно откуда взявшейся отмели в океане и остался там.

Итак, от «Песни о Тени» остались лишь разрозненные куски, которые, как плавник, носило от острова к острову долгие годы. Сказание «Подвиг Геда» даже не упоминает об этом путешествии и о встрече Геда с Тенью, происшедшей в самом начале его жизненного пути; там рассказывается о том, как он невредимым вернулся с острова Драконьи Бега, как потом вернул в Хавнор знаменитое Кольцо Эррет-Акбе, половинка которого хранилась в Гробницах Атуана, и как он возвратился на остров Рок и стал Верховным Магом Земноморья.

Гробницы Атуана

Рыжеволосой из Теллурида

Пролог

— Домой, Тенар! Домой!

В горной долине вот-вот должны были расцвести яблони; среди набухших бутонов в сумеречной тени сада неяркой звездочкой вспыхнул первый розово-белый цветок. Между деревьями по молодой густой траве, покрытой росой, бегала маленькая девочка. Бегала просто потому, что ей весело было бегать. Услышав, что ее зовут, она не сразу повернула к дому, а сделала по саду еще один большой круг и только потом побежала к матери. Та стояла на пороге со свечой в руках и смотрела, как хрупкая крошечная фигурка подскакивает и подлетает на бегу, словно пушок чертополоха над густой травой, темнеющей под деревьями.

Прислонившись к стене хижины и очищая испачканную землей мотыгу, отец девочки сказал:

— Ну зачем ты так прилепилась сердцем к этой малышке? Все равно ведь через месяц ее заберут. Навсегда. Она для нас все одно что умрет. А ты прямо-таки прикипела к ней... Да и то — пользы-то от девчонки никакой. Если б они хоть заплатили за нее, тогда еще куда ни шло, а то ведь заберут — и ни гроша! Заберут, и все тут.

Мать ничего не сказала; она любовалась дочкой, которая остановилась и смотрела сквозь ветви яблонь туда, где над высокими холмами, над садами ярко-ярко сияет в небе вечерняя звезда.

— Она же не наша! Ее у нас отняли когда еще! Явились и сказали: ваша малышка должна стать Великой Жрицей. Ну что ж ты никак этого не поймешь! — В хриплом голосе мужчины слышалась досада и горечь. — У тебя ведь еще четверо. Они-то останутся при тебе, а с этой все кончено. И незачем к ней привязываться. Пусть уходит!

— Когда придет время, — промолвила женщина, — я ее отпущу.

Она наклонилась навстречу девочке, которая спешила к ней, ступая маленькими босыми ножонками прямо по мягкой влажной земле, подхватила ее на руки и пошла в дом. Но чуть помедлила на крыльце, прижала малышку к себе и поцеловала в темноволосую головку. Светлые золотистые волосы матери как бы вспыхнули в отблесках пламени очага, освещавшего убогое жилище.

Муж остался снаружи, хотя ноги его тоже были босы и застыли от ледяной росы. Ясное весеннее небо над ним постепенно темнело. Невидимое в густых сумерках лицо мужчины было искажено горем —

неизбывным, тяжким, злым, — которое он никогда бы не сумел выразить словами. В конце концов он лишь пожал плечами и пошел следом за женой в освещенную комнату, откуда доносились звонкие голоса детей.

Один-единственный раз резко протрубил горн и смолк. Наступила тишина, прерываемая лишь шарканьем множества ног, медленно двигавшихся в такт негромкому барабанному бою. Через трещины в куполе Тронного Храма, через огромную дыру над колоннадой, где обвалилась целая секция кирпичной кладки и вся черепица, на пол падали косые неверные лучи солнца. Солнце взошло не более часа назад. Воздух был неподвижен и холоден. Сухая трава, умудрившаяся прорасти между мраморными плитами пола, серебрилась инеем, высокие былинки ломались, задетые длинными черными одеяниями жриц.

Жрицы шли по четыре в ряд длинной колонной. Барабан упрямо выстукивал одно и то же. Кроме молчаливых жриц, вокруг не было ни души. Факелы в руках облаченных в черное женщин казались бледно-красными, когда жрицы ступали в полосы солнечного света. А там, где было потемнее, — ярко вспыхивали. За дверями Храма, на крыльце, стояли мужчины — охранники, трубачи, барабанщики; внутрь могли пройти только женщины. Жрицы в черных платьях и плащах с капюшонами медленно брели к огромному пустующему трону.

Вошли еще две высокие, закутанные в черное женщины — одна гибкая и подвижная, другая медлительная, тяжеловесная, ступающая враскачку. Между ними шла девочка лет шести в прямой белой рубахе без рукавов, с непокрытой головой, босиком. Она казалась на удивление маленькой. У подножия лестницы, ведущей к трону, где уже выстроились темными рядами остальные жрицы, высокие женщины остановились и чуть подтолкнули девочку вперед.

Гигантский трон на высоком постаменте был с обеих сторон задрапирован, словно клочьями чудовищной паутины, огромными тяжелыми темными занавесями, спадавшими откуда-то из черноты, таившейся под крышей Храма. Были ли то действительно занавеси или просто невероятно глубокие тени, понять было трудно. Сам по себе трон был из черного камня: на подлокотниках и спинке неярко поблескивала инкрустация самоцветами и золотом. Трон поражал своими размерами. Любой человек на нем казался бы карликом — трон не был предназначен для людей и не соответствовал их размерам. Теперь он пустовал: там не было никого, кроме теней.

Девочка самостоятельно взобралась на четыре из семи ступеней тронной лестницы. Ступени из покрытого красными прожилками мрамора были так широки и высоки, что малышке приходилось сначала с помощью рук подтягивать одну ногу, ложиться на живот, подтягивать вторую ногу, потом вставать и только тогда начинать штурм следующей ступени. На средней, четвертой ступени возвышалась грубая деревянная колода с углублением посередине. Девочка встала на колени, уложила головку в это углубление, чуть повернув ее в сторону, и так застыла.

Вдруг откуда-то из темноты, справа от трона, вынырнула огромная человеческая фигура в длинном белом одеянии, перехваченном на талии ремнем. Лицо человека было закрыто белой маской. Он стал спускаться к девочке, держа в обеих руках огромный блестящий меч. Потом сразу, не произнеся ни слова, человек в белом взмахнул мечом прямо над тоненькой шейкой ребенка. Барабан смолк.

Когда страшное лезвие, взлетев в воздух, как бы застыло в верхней точке замаха, слева от трона появилась вторая человеческая фигура, но уже в черном, и этот человек поспешил к палачу, успел остановить его руку, перехватив ее тонкими пальцами. Острое лезвие, поблескивая, дрожало в воздухе. Белая и черная фигуры как бы балансировали некоторое время — обе одинаково безликие — над неподвижной девочкой, из-под распавшихся черных волос которой взору всех открылась белоснежная шейка.

Наконец их молчаливый танец закончился, черная и белая фигуры отодвинулись друг от друга и вновь скрылись за тронном — каждая со своей стороны. Тогда к коленопреклоненной девочке приблизилась одна из высоких жриц и полила ступени рядом с ней какой-то жидкостью. В неясном свете Храма жидкость казалась черной.

Девочка встала и начала старательно спускаться вниз по высоким ступеням. Когда она наконец ступила на пол, две высокие жрицы надели на нее черное платье и черный плащ с капюшоном, а потом снова повернули ее лицом к семи ступеням и черному подсыхающему пятну на четвертой из них.

— Пусть Безымянные владеют этим ребенком, воплощением той, что рождена вечно быть безымянной. Пусть вся ее жизнь — каждый ее год до самой смерти — принадлежит им. Так же, как и ее смерть. Пусть Безымянные поглотят ее!

И другие голоса, страшные и пронзительные, как звуки трубы, отвечали:

— Поглещена! Она поглещена!

Малышка стояла, поглядывая из-под черного капюшона на трон. Его

подлокотники в виде огромных когтистых лап, инкрустированные драгоценными камнями, были покрыты пылью, а резную спинку украшала густая паутина и белые пятна совиного помета. На последние три ступени, что вели к самому трону (и были выше той, где она преклонила колена), никогда не ступала нога смертного. Они были покрыты таким слоем пыли, что казались вылепленными из унылой серой глины, даже красноватые прожилки были совершенно незаметны под этими наслоениями, которых никто не касался бог знает сколько уже лет или веков.

— Она поглощена! Поглощена!

Внезапно раскатисто загредел барабан; ритм заметно ускорился.

В тишине раздался шорох шагов — процессия вновь построилась в том же порядке и двинулась прочь от трона, на восток, к светлому четырехугольному дверному проему в противоположной стене. Жрицы шли меж толстых, расположенных в два ряда колонн, похожих на огромные бледные ноги чудовища, скрывающегося во мраке под потолком. Среди жриц торжественно шла и девочка, теперь тоже вся в черном, как они. Девочка старательно переступала маленькими босыми ножонками по замерзшим стебелькам травы, по ледяным каменным плитам. Когда сквозь разрушенную крышу прорвался сноп солнечных лучей, преграждая ей путь, она даже глаз не подняла.

Стражники держали дверь наготове — распахнутой настежь. Черная процессия вышла на утренний ветерок под холодное солнце, которое ослепительно сияло, плывя над пустыней. На западе его желтый свет отражали горы и ворота Храма. На остальных строениях, расположенных ниже по склону холма, все еще лежали красноватые тени. И только Храм Богов-Близнецов на небольшом холме напротив был залит солнцем, его заново покрытая кровля так и сияла. Черная вереница жриц по-прежнему четверками спускалась с холма, где находились Священные Гробницы. Послышалось тихое пение. Нехитрая мелодия состояла всего из трех нот, а слово, вновь и вновь повторяемое жрицами, было настолько древним, что давно уже утратило свое первоначальное значение; так бывает с верстовыми столбами, нелепо торчащими там, где когда-то пролегалла давно исчезнувшая дорога. Жрицы продолжали монотонно повторять в такт музыке это пустое, ничего не значащее слово. И весь тот день — день Возрождения Великой Жрицы — слышалось тихое пение и непрерывное гудение волынки.

Девочку вели из комнаты в комнату, из храма в храм. В одном месте на язык ей зачем-то положили соль; в другом она долго стояла на коленях лицом к западу, а ей тем временем отрезали ее длинные волосы и умастили

голову душистым маслом и уксусом; еще в одном месте она легла на черную мраморную плиту за алтарем, а пронзительные голоса тем временем оплакивали «усопшую» в долгой литургии. Ни девочка, ни жрицы в тот день ничего не ели и не пили. Когда на небе загорелась вечерняя звезда, девочку уложили спать голышом на овечью шкуру, а сверху накрыли другой такой же шкурой. В этом доме она никогда еще не бывала. До этого дня он много лет простоял запертым. Комната ее напоминала глубокий колодец, и окон в ней не было. Там царил запах тлена, воздух был застоявшийся, несвежий. Молчаливые жрицы оставили девочку одну в темноте.

Малышка сжалась и застыла неподвижно в той самой позе, в какой они ее оставили. Глаза девочки были широко открыты. Прошло довольно много времени.

Вдруг она увидела на высокой стене дрожащее пятно света. Кто-то тихонько шел по коридору, явно прикрывая свет рукой, потому что отблеск на стене был не больше огненной мухи. Кто-то тихонько позвал шепотом:

— Эй, ты здесь, Тенар?

Девочка не ответила.

Чья-то голова просунулась в дверной проем; странная голова — безволосая, желтоватая, словно очищенная вареная картошка. Глаза, коричневые, маленькие, тоже были похожи на картофельные глазки. Нос утонул в гигантских жирных щеках, а рот казался уродливой щелью. Девочка не шевелясь смотрела на это лицо огромными темными неподвижными глазами.

— Эй, Тенар, милая ты моя, соты мои медовые! Вот ты где! — Голос был хриплый, но высокий, похожий на женский и в то же время не женский. — Мне не следует здесь появляться, я ведь не имею права входить внутрь и должен оставаться за дверью, на крыльце. Так оно и будет, но должен же я был посмотреть, как там моя девочка — после этих бесконечных церемоний, а? Как ты тут, малышка?

Он совершенно бесшумно придвинулся к ней еще ближе и ласково положил огромную руку на голову, как бы желая пригладить ее черные волосы.

— Я больше не Тенар, — сказала девочка, глядя на него в упор.

Огромная рука застыла; он так и не погладил ее по голове.

— Нет, конечно, я знаю... — откликнулся он шепотом, — знаю. Теперь ты маленькая Поглощенная. Но я...

Она не отвечала.

— Для такой малышки это был тяжелый день, — проговорил толстяк,

отдуваясь; в большой желтоватой руке его мигал крошечный светильник.

— Тебе не следует приходить в этот дом, Манан.

— Да, да. Я знаю. Мне не следует приходить в этот дом, я и не буду. Ну хорошо, спокойной ночи, малышка... Спокойной ночи.

Девочка снова ничего не ответила ему. Манан медленно повернулся и пошел прочь. Последний отблеск света угас на высоких стенах ее кельи. Девочка, которая сегодня лишилась своего прежнего имени и теперь звалась Ара, что значит «поглощенная», лежала на спине и неотрывно смотрела во тьму.

Подрастая, она утратила последние воспоминания о матери, не понимая даже, что теряет. Она принадлежала лишь этому Храму, Священным Гробницам; она принадлежала им всегда. Лишь порой, долгими июльскими вечерами, глядя на западные горы, словно покрытые сухой львиной шкурой золотистого цвета в лучах заходящего солнца, она будто бы припоминала точно такой же яркий желтый огонь в каком-то очаге — только когда-то давно-давно. И кажется, даже кто-то держал ее на руках, что вообще очень странно, потому что Ары не полагалось касаться. И еще всплывала память об аромате свежeweымытых, прополосканных в отваре шалфея волос, длинных и светлых, того же цвета, что закат и тот давнишний огонь в очаге. Вот и все, что у нее осталось от прошлого.

Она, разумеется, знала больше, чем помнила: ей уже давно рассказывали о том, как она попала в Храм. А когда ей было лет семь или восемь, она впервые по-настоящему заинтересовалась тем, кто же она на самом деле и почему ее зовут Ара. Тогда она пошла к своему телохранителю Манану и потребовала:

— Расскажи, как меня выбирали Жрицей, Манан.

— Ох, но ты же все это давно знаешь, малышка.

И она действительно знала: высокая, с бесстрастным голосом жрица по имени Тхар много раз рассказывала ей об этом, и девочка помнила всю историю почти наизусть. Теперь она с удовольствием еще раз повторила ее сама Манану:

— Да, я знаю! Когда умерла Единственная, что служит Гробницам Атуана, обряды погребения и очищения длились целый лунный месяц. После чего несколько жриц с охраной отправились в иные края через пустыню, по разным городам и селеньям Атуана. Они внимательно искали сами и спрашивали разных людей. А искали они новорожденную девочку, появившуюся на свет в ту самую ночь, когда умерла Единственная. Когда жрицы находят такого ребенка, то достаточно долго ждут, наблюдая за ним. Дитя должно быть здорово телом и крепко рассудком, не должно болеть ни рахитом, ни оспой, не должно страдать слепотой или уродствами. Если девочка до пяти лет не бывает поражена никаким духовным или физическим недугом, это значит, что именно ее тело избрала душа покойной Великой Жрицы Гробниц. Ее отвозят в Авабатх и показывают

Королю-Богу, а потом возвращают в Храм и обучают в течение года, в конце которого новая Ара проходит обряд посвящения, когда прежнее ее имя передается тем, кто теперь стал ее Хозяевами, то есть Безымянным. И с этого момента она сама становится безымянной, Единственной Вечно Возрождающейся Жрицей.

Девочка почти слово в слово повторила то, что ей рассказывала Тхар, у которой она никогда не осмеливалась спросить хоть что-то еще. Высокая тощая жрица вовсе не была жестокой, но с окружающими держалась холодно и жила в соответствии с железными законами Святого Места. Ара перед ней трепетала. Зато нисколько не боялась Манана, даже, пожалуй, с удовольствием им командовала.

— А теперь расскажи, как меня выбрали Жрицей!

И он снова и снова готов был рассказывать своей любимице:

— Сначала мы двинулись на северо-запад — это было на третий день после того, как народилась луна, и точно в этот самый день, месяц назад умерла та Ара, что была прежде. Первым был город Тенакбах, довольно-таки большой, хотя те, кто видел Авабатх, считают, что он в сравнении со столицей все равно что блоха рядом с коровой. Но для меня-то и Тенакбах был достаточно велик; там небось не меньше десяти тысяч домов! Потом мы пошли в Гар, но и в этом городе тоже не родилось ни одной девочки на третий день новолуния в прошлом месяце. Были, правда, мальчики, да только мальчики не годятся... Тогда мы углубились в холмистую местность к северу от Гара, там много мелких селений. Это моя родина. Там, среди холмов, я когда-то родился; там множество рек и земля словно покрыта зеленым ковром... Не то что в этой пустыне! — Голос Манана в этом месте всегда начинал дрожать, а маленькие глазки совсем скрывались в глубоких складках на щеках; он даже умолкал ненадолго от волнения. Потом продолжал свое повествование: — И вот мы выяснили, у кого из здешних месяц назад родились девочки, и стали по очереди посещать каждый дом. Некоторые, конечно, пытались соврать: «О да, наша девочка родилась как раз на третий день новолуния!» Ведь бедняки, знаешь ли, часто даже рады избавиться от новорожденных дочерей. А еще встречались такие, что в своих жалких уединенных хижинах среди холмов совсем не вели счета дням и с трудом могли объяснить даже смену времен года, так что и сказать-то точно не могли, сколько дней их младенцу. Но всегда ведь можно докопаться до истины, если быть достаточно упорным. Впрочем, дело продвигалось медленно. Наконец в маленькой деревушке из десятка домов, утонувшей в яблоневых садах, которыми славятся долины к западу от Энтата, мы нашли маленькую девочку. Ей было уже восемь месяцев — вот

как долго мы искали! — но она родилась именно в ту ночь, когда умерла Великая Жрица Гробниц, и в тот же час. До чего же славный был ребенок! Она сидела на коленях у матери и сияющими глазенками посматривала на всех, кто толпился вокруг, набившись в единственную комнату домика, словно летучие мыши в пещеру. Отец-то ее был бедняк. Садовник у какого-то богача и своего не имел ничего, кроме пятерых детей да козы. Даже домишко ему не принадлежал. И так, все мы столпились там, и уже по тому, как жрицы, тихо переговариваясь, смотрели на младенца, можно было понять, что они нашли наконец Вечно Возрождающуюся. И мать девочки тоже это поняла. Она прижимала ребенка к себе, но не произносила ни слова. Ну ладно. На следующий день приходим мы снова — глядь, а ясноглазая малышка лежит, укрытая тряпьем, и вовсю плачет, кричит, тело у нее все красное, как при лихорадке, и покрыто сыпью. Еще громче плачет ее мать: «Ай-яй-яй! Это ведь следы Ведьминых Пальцев! Вон, все тело испятнала, проклятая!» Это она оспу имела в виду. У нас в деревне оспу тоже называли Ведьмиными Пальцами. Но Коссил, та, что теперь Верховная Жрица Короля-Бога, подошла к колыбельке да и взяла ребенка на руки. Все так и отпрянули, ну и я, конечно, тоже: не так уж я за свою жизнь цепляюсь, да только кто же входит в дом, где оспа? Но Коссил почему-то совсем не боялась. Взяла она ребенка и говорит: «У нее же никакого жара нет!» Да как плюнет на палец и давай тереть одну из красных отметин. Пятно и исчезло! Оказалось, это всего лишь ягодный сок. Бедная глупая мать надеялась, видно, обмануть нас и оставить дочку при себе! — Манан от всей души рассмеялся. Желтое лицо его осталось почти неподвижным, зато бурно заколыхались бока. — Ну, муж-то, конечно, побил ее, потому что боялся гнева жриц. И вскоре мы вернулись обратно в нашу пустыню, но каждый год кто-нибудь один отправлялся в деревню среди яблоневых садов, чтобы узнать, как растет девочка. Так прошло пять лет. Наконец Тхар и Коссил в сопровождении стражи — солдат в красных шлемах, специально присланных Королем-Богом, — отправились за девочкой. И привезли ее сюда, ибо она оказалась Возродившейся Единственной. Отныне она принадлежала Святому Месту. А ну-ка, скажи, кто была та девочка?

— Я, — отвечала Ара, глядя вдаль, словно пыталась разглядеть нечто, постоянно ускользавшее от нее.

Однажды она спросила:

— А что сделала та женщина... мать, когда жрицы пришли, чтобы увести девочку?

Но этого Манан не знал: он не был в том последнем путешествии.

А она никак не могла вспомнить. Да и что вообще хорошего в воспоминаниях? Все прошло, давно прошло. Она явилась туда, где должна быть. Во всем мире она знала одно лишь подобающее ей место: Гробницы Атуана.

Весь первый год Ара спала в большой спальней с другими новенькими — девочками от четырех до четырнадцати лет. Но уже тогда Манан специально был выделен ей в телохранители; и кровать ее тоже стояла отдельно, в маленьком алькове, а не в общей длинной и плохо освещенной комнате Большого Дома, где девчонки пересмеивались и перешептывались, прежде чем уснуть, а утром, зевая, заплетали друг другу косы. Когда у нее отняли прежнее имя и назвали Арой, она стала спать одна в Малом Доме, в постели с одеялами из овечьих шкур, в той самой комнате без окон, которая теперь принадлежала только ей до конца жизни. Малый Дом всегда принадлежал Единственной, и никто не смел войти туда без ее разрешения. В детстве Аре очень нравилось отвечать тому, кто стучался в ее дверь: «Можешь войти!», и ее злило, когда обе Верховные Жрицы, Тхар и Коссил, не обращали должного внимания на ее разрешение и чаще всего входили без стука.

Пролетали дни, проходили годы — похожие один на другой. Девочки, что воспитывались при храмах, много времени уделяли различным полезным занятиям. Ни в какие игры они никогда не играли. Времени для игр просто не было. Они разучивали священные песни и танцы, предания о землях Каргада, сакральные мифы, посвященные различным богам, но чаще всего — либо Королю-Богу, чей дворец находился в Авабатхе, либо Богам-Близнецам, Атва и Вулуа. Из всех девочек только Ара изучала обряды, связанные с Безымянными, и учила ее Тхар, Верховная Жрица Богов-Близнецов. Каждый день, по крайней мере час, она занималась с Арой наедине. Но большую часть своего дня Ара, как и другие ученицы, проводила за работой. Девочки учились прясть и ткать шерсть для жреческих одеяний, сажали и сеяли различные растения и злаки, убирали урожай, учились готовить пищу на каждый день: чечевицу, кашу из зерна грубого помола или пресные лепешки. Все это во время трапез разнообразилось луком, капустой, овечьим сыром, яблоками и медом.

Самой лучшей наградой для учениц было разрешение пойти на рыбную ловлю к реке с темно-зеленой водой, что протекала недалеко от храмов. Можно было, прихватив с собой яблоко или холодную лепешку, весь день просидеть на берегу среди тростников в сухом солнечном тепле, любуясь медлительной зеленой водой и меняющимися очертаниями облаков над холмами. Однако если кто-то не выдерживал и взвизгивал от

возбуждения, когда леса натягивалась и на берег вылетала плоская блестящая рыбка, начинавшая тут же задыхаться на песке, Меббет шипела ужом: «Сиди спокойно, дура визгливая!»

Миббет, жрица из Храма Короля-Бога, была еще молодой темнокожей женщиной, но с ужасным характером — твердым и острым, как обсидиановый нож. Рыбная ловля была ее страстью. К ней непременно требовалось подлизываться и стараться вообще не раскрывать рта, чтобы она не рассердилась и снова взяла с собой на рыбалку. Из-за Миббет вполне можно было ни разу в жизни больше не попасть на реку, разве что летом, когда воду для хозяйства таскали оттуда: колодец в жару совсем иссякал. Это было ужасно — тащить два полных ведра на коромысле по изнуряющей жаре, белым маревом висящей над пустыней, да еще поторапливаться. Первые сто шагов вверх по склону холма к Большому Дому давались относительно легко, но постепенно ведра становились все тяжелее и тяжелее, коромысло жгло плечи, как раскаленное железо, а песок блестел так, что больно было на него смотреть, и каждый следующий шаг был труднее предыдущего. Наконец, добравшись до прохладной тени на заднем дворе Большого Дома, нужно было опорожнить ведра в огромную бочку у овощного амбара и немедленно возвращаться назад, снова и снова проделывая все сначала.

На огороженной территории Святого Места — так назывались все здешние храмы и строения, — считавшегося самой древней святыней на всех четырех островах Империи Каргад, проживало около двух сотен человек. Здесь было три храма; Большой Дом и Малый; кельи евнухов-телохранителей и прилепившиеся к внешней стене хижины рабов, различные кладовые и овчарни, а также сарай для инвентаря. Издали все вместе это выглядело как маленький городок, окруженный голыми сухими холмами, где рос только шалфей, какая-то жестяная трава, торчавшая колючими кустиками, и прочая пустынная мелочь. С запада храмы закрывали холмы, зато с востока, из долин, даже издалека видна была золоченая крыша Храма Богов-Близнецов, сверкавшая и переливавшаяся в небе чуть ниже далеких горных вершин, подобно блестке слюды на каменистом откосе.

Сам по себе Храм Богов-Близнецов был похож на громоздкий каменный куб, облицованный белой плиткой, без окон, с низенькой дверью и крыльцом. Гораздо более красивым и юным — на целые века моложе — был Храм Короля-Бога, расположенный чуть ниже по склону. Его высокий портик украшали толстые белые колонны с разноцветными капителями; каждая из колонн была сделана из целого ствола огромного кедра,

привезенного на корабле с острова Гур-ат-Гур, богатого кедровыми лесами. Каждый из таких стволов втаскивали к Святому Месту на веревках не менее двадцати рабов.

Разглядывая Святое Место из восточных долин, человек наконец замечал выше всех остальных построек, выше золотой крыши одного храма и белоснежных колонн другого, самый старый из них — огромный приземистый Тронный Храм с разрисованными стенами и плоским, как бы расплзшимся куполом.

За этим храмом, окружая все Святое Место, тянулась толстенная каменная стена сухой кладки, во многих местах разрушенная. Стена петель огибала отдельный участок за Тронным Храмом, где, подобно гигантским пальцам, из земли торчало несколько черных камней в три человеческих роста высотой. Они постоянно притягивали к себе взор и были исполнены некоего глубинного значения. Однако никому не было известно, что же в действительности они означают. Камней было девять. Один стоял совершенно прямо, остальные — более или менее наклонно; два камня упали. Камни были покрыты серыми и оранжевыми пятнами мхов, словно испачканы краской, — все, кроме одного: этот был совершенно гладкий, черный и будто лоснящийся. Поверхность его была скользкой как шелк. Под коркой мхов на других камнях прощупывалось или даже виднелось нечто вроде резьбы — какие-то рисунки, знаки. Этот огороженный участок с Девятью Камнями и назывался Гробницами Атуана. По слухам, Камни появились здесь еще до рождения самого первого человека, в те времена, когда только создавались острова Земноморья и на земле царил тьма. Камни были куда древнее Короля-Бога, правившего Империей Каргад; они были старше Богов-Близнецов; старше всего этого мира. Это были гробницы тех, кто правил землей прежде, чем возник мир людей; тех, кто не имеет имени; и жрица их имени тоже не имела.

Ара не слишком часто общалась с Камнями; остальные же и ногой не ступали внутрь каменной ограды на самой вершине холма. Два раза в год, в полнолуние близ весеннего и осеннего Солнцеворота, перед Троном совершалось жертвоприношение. Ара выносила из низкой двери в задней стене большой медный таз, полный дымящейся крови только что убитого козла; кровь она должна была разлить так: половину у гладкого черного Камня, остальное — вокруг тех Камней, что лежали на земле, среди мелких камешков, запятнанных кровавыми приношениями, свершавшимися в течение многих столетий.

Иногда Ара в полном одиночестве бродила ранним утром среди Камней, пытаясь разгадать смысл резных знаков на их поверхности, в

косых утренних лучах видимых особенно ясно; или же садилась возле Камней и смотрела вверх, на западные горы, или вниз, на крыши и стены строений. Она видела, как пробуждается с приходом утра жизнь у Большого Дома, и возле хижин стражников и пастухов, и в стадах овец и коз, которых гнали на скромные пастбища по берегам реки. Больше среди Камней делать было совсем нечего. Она ходила туда только потому, что лишь ей одной позволено было туда ходить. А еще потому — что там могла побыть в одиночестве. Но это было страшное место. Даже в жаркий летний полдень, особенно жаркий в пустыне, возле Камней царил холод. Порой между двумя камнями, стоявшими близко друг к другу, слышался как бы свист ветра, и Камни эти склонялись друг к другу, словно беседуя о чем-то тайном. Но ни одна их тайная беседа так и не была ею услышана.

От каменной ограды, охранявшей территорию Гробниц, отходила другая каменная стена, пониже, образуя длинную, неправильной формы петлю вокруг Святого Места, чуть вытягиваясь к северу, к реке. Стена эта не столько защищала храмы, сколько делила их территорию на части: в одной — сами святыни, Большой Дом и жилища жриц и телохранителей, в другой — хижины стражников и рабов, которые возделывали землю и пасли скот, обеспечивая Святое Место провиантом. Слуги всегда оставались на своей половине; только по самым большим праздникам стражники, барабанщики и горнисты сопровождали процессию жриц; но в ворота храмов они никогда не входили. Прочие же люди вообще не смели ступить на территорию храмов. Некогда, правда, сюда совершались настоящие паломничества, приезжали короли и важные вельможи со всех четырех островов, чтобы поклониться святыням. Сам первый Король-Бог полтора столетия назад приезжал сюда — устанавливать порядок богослужения в собственном храме. И все-таки даже он не смог подойти к Камням; даже он вынужден был принимать пищу и спать за пределами стены, окружавшей Тронный Храм и Гробницы.

Взобраться на стену, окружавшую Святое Место, было довольно легко: она вся была покрыта трещинами и выбоинами, как ступеньками. Ара и еще одна девочка по имени Пенте как-то раз в полдень сидели на стене. Был конец весны. Общим исполнилось по двенадцать лет. По правде говоря, они должны были находиться в Большом Доме за ткацкими станками, в огромном каменном зале, где из бесконечных клубков черной шерсти ткот унылую материю для жреческих одеяний. Девочки выскользнули наружу якобы для того, чтобы напиться во дворе у колодца, и тут Ара сказала: «Пошли скорей!» — и повела подружку вниз по склону холма кружным путем — чтобы не заметили из Большого Дома — к каменной стене. И вот

теперь они сидели там, высоко над землей, свесив босые ноги по ту сторону стены и глядя на плоские равнины, уходящие далеко-далеко на восток и на север.

— Ой, как мне хочется море повидать! — сказала вдруг Пенте.

— А зачем? — спросила Ара, жуя какой-то горьковатый стебелек, сорванный прямо на стене. Пустыня вокруг только что отцвела. Ее некрупные цветы — желтые, розовые, белые — роняли на землю лепестки, повсюду посылали с ветром крошечные серо-белые перышки и зонтики семян. Белая пена опавших лепестков скрыла землю под яблонями в саду. Ветви окутала густая листва. Яблони были единственными зелеными деревьями в округе. Остальная растительность, куда ни глянь, имела сейчас один и тот же серо-коричневый пустынный оттенок, и только на западе горы отливали серебристо-голубым: там как раз зацвел шалфей.

— Ну... я не знаю зачем. Просто хочется увидеть хоть что-нибудь еще. Здесь все всегда одинаковое. И ничего никогда не случается.

— Все, что случается где-то еще, начинается здесь, — сказала Ара.

— Да-да, я знаю... Но вот бы посмотреть, как это там происходит! — Пенте улыбнулась. Она была вся какая-то мягкая, уютная. Она потерла свои босые ступни о нагретые солнцем камни и, немного помолчав, продолжала: — Знаешь, я ведь раньше жила у моря — когда была маленькой. Наша деревня начиналась сразу за дюнами, и мы часто играли на берегу. Однажды, помнится, мы видели целую флотилию кораблей, проплывавших мимо и довольно далеко от нашего берега. Мы сбегали в деревню, позвали всех, и все пришли тоже смотреть на них. Корабли эти были похожи на драконов с красными крыльями. У некоторых были настоящие драконьи головы. Они плыли со стороны Атуана, но не принадлежали каргам. Наш староста сказал, что они с запада, с Внутренних Островов. Тогда вся деревня высыпала на берег. Я думаю, люди боялись, что чужеземцы высадутся на остров. Но они только проплыли мимо, и никто не знал куда. Может быть, воевать с жителями Карего-Ат? Ты только подумай: они ведь явились оттуда, где живут настоящие волшебники! Где у всех людей кожа цвета красной глины, где любой может наложить на тебя заклятье, а ты и глазом моргнуть не успеешь.

— Ну уж нет! — с яростью сказала Ара. — Я-то на них и смотреть бы не стала. Эти колдуны служат злым силам. И как только они осмеливаются плавать так близко от Святой Земли!

— Ой, ну, надо думать, наш Король-Бог в один прекрасный день все-таки всех их завоюет и сделает своими рабами. Но мне ужасно хочется еще хоть разок повидать море! В оставленных отливом лужицах нам часто

попадались маленькие осьминоги, и, если крикнуть «бу-у!», они сразу же становились белыми. Вон идет твой старый Манан, это он тебя ищет.

Телохранитель и верный слуга Ары медленно брел вдоль внутренней стороны стены. Время от времени он останавливался, чтобы выкопать дикий лук, которого у него собралась уже большая связка, потом снова распрямлялся и оглядывался вокруг своими равнодушными карими глазками. С возрастом Манан еще больше растолстел, и его безволосая желтая кожа лоснилась на солнце.

— Давай быстро вниз, на ту сторону, где живут рабы, — и тихо! — прошипела Ара, и обе девочки соскользнули, гибкие, как ящерицы, за стену и присели там, невидимые с внутренней стороны. Они слышали, как Манан подошел ближе.

— У-гу-гу! Картофельная башка! — прогудела Ара, подражая вою ветра в траве.

Тяжелые шаги стихли.

— Эй, кто там? — неуверенно проговорил Манан. — Это ты, малышка? Ара?

Молчание.

Манан двинулся дальше.

— У-гу-гу! Картофельное брюхо! — подражая подруге, прошипела было Пенте, но тут же зажала рот, чтобы не прыснуть со смеху.

— Есть здесь кто-нибудь?

Молчание.

— Ах так? Ну хорошо, хорошо, — вздохнул евнух и медленно пошел дальше. Когда он скрылся за выступом холма, девочки снова вскарабкались на стену и уселись на ней. Пенте вся порозовела от жары и сдерживаемого смеха, но Ара выглядела свирепо.

— Старый глупый баран с бубенчиком! Что он за мной повсюду таскается?!

— Он же обязан, — разумно возразила ей Пенте. — Это его работа — присматривать за тобой.

— За мной присматривают те, кому я служу. Они мной довольны. И совершенно не требуется, чтобы кто-то еще был доволен мной. Все эти старухи и полумужики должны оставить меня и покое. Я здесь Единственная!

Пенте смотрела на нее во все глаза.

— Ох, — еле слышно проговорила она, — ох, я-то знаю, что ты Единственная, Ара...

— Тогда пусть они оставят меня в покое! И перестанут вечно

приказывать мне!

Пенте ненадолго замолкла; только вздыхала, болтала в воздухе своими пухлыми ножками да смотрела вдаль, на широкие бледные равнины, постепенно сливающиеся с бесконечной линией горизонта.

— Ты скоро будешь сама приказывать им, очень скоро, ты ведь знаешь, — спокойно сказала наконец Пенте. — Еще два года, и мы пройдем обряд посвящения, перестанем быть детьми. Нам исполнится четырнадцать. Меня пошлют в Храм Короля-Бога — там все будет по-прежнему. Зато ты на самом деле станешь Единственной. Даже Коссил и Тхар обязаны будут тебе повиноваться.

Ара молчала. Лицо ее было печально, глаза под темными ресницами блестели, отражая бледный свет полуденного неба.

— Нам, наверно, пора возвращаться, — сказала Пенте.

— Нет.

— Но Главная Ткачиха может рассказать Тхар... Да и Девять Песнопений уже скоро.

— Я останусь здесь. Ты — тоже.

— Тебя-то они не накажут, а меня уж точно, — мягко попыталась возразить Пенте. Ара не ответила. Пенте вздохнула и осталась. Солнце затягивало дымкой, повисшей высоко в небе над равнинами. Где-то далеко разносился перезвон овечьих колокольчиков, блеяли ягнята. Сухой весенний ветерок налетал слабыми волнами, навевая сладкие ароматы трав.

Девять Песнопений уже почти закончились, когда Ара и Пенте подошли к Большому Дому. Меббет видела, как девочки сидели на «людской стене», и донесла об этом своей начальнице Коссил.

Тяжело ступая, Коссил подошла к ним и вперила в девочек неподвижный взгляд. С каменным лицом, ровным голосом она велела им следовать за ней и повела с крыльца Большого Дома на холм, к Храму Богов-Близнецов, Атва и Вулуа. Там она что-то сказала Верховной Жрице Храма — высокой сухопарой Тхар — и обратилась к Пенте:

— Снимай-ка платье.

И выпорола девочку пучком тростниковых стеблей, которые, ломаясь, оставляли неглубокие, но болезненные царапины. Пенте терпеливо перенесла наказание, молча глотая слезы. Потом ее отослали к ткацкому станку и оставили без ужина. Ведь следующий день она также должна была обходиться без еды.

— Если тебя еще раз увидят на «людской стене», — сказала Коссил, — наказание будет куда более суровым. Ты поняла, Пенте? — Голос Коссил звучал недобро.

Пенте ответила едва слышно и скользнула прочь, ежась и вздрагивая, потому что грубая шерсть платья касалась свежих царапин на спине.

Ара все время стояла рядом с Тхар и смотрела, как наказывают ее подругу. Теперь она молча следила за тем, как Коссил смывает с истрепанных тростниковых стеблей кровь.

— Не годится, чтобы ты бегала повсюду с остальными девчонками и забиралась куда не положено. Ты — Ара! — строго сказала ей Тхар.

Девочка мрачно молчала.

— Будет лучше, если ты не станешь нарушать правила Святого Места, ты все-таки будущая жрица. Ты — Ара!

На мгновение девочка подняла глаза и глянула в лицо Тхар, потом в лицо Коссил, и такая ненависть, такой гнев были в ее глазах, что обеим стало страшно. И все же тощая жрица ничуть не смутилась; она, пожалуй, была даже довольна и, наклонившись ближе к своей воспитаннице, почти прошептала:

— Да, ты действительно Ара. Ты — Единственная. И прошлое твое поглощено целиком.

— Прошлое поглощено целиком, — эхом повторила за ней Ара, как делала это каждый раз с шести лет.

Тхар слегка кивнула ей, удовлетворенная; Коссил тоже ей кивнула и убрала прочь розги. Но Ара на поклон не ответила, а просто повернулась и пошла прочь.

После ужина — картошки с зеленым луком, — съеденного в тишине узкой темной трапезной, после вечернего богослужения, после наложения священных заклятий на двери и короткого ритуала, Невыразимого Словами, дневным заботам пришел конец. Теперь девочки могли отправляться к себе и играть с яблочными косточками и палочками, пока не догорит единственная на всю спальню свеча, а потом, в лучшем случае, пошептаться в темноте с соседкой по кровати. Ара же, как всегда, направилась через всю обширную территорию Святого Места к Малому Дому, ибо спала там в одиночестве.

Ночной ветерок приносил сладостный аромат трав. Весенние звезды светили ярко и были похожи на пушистые маргаритки на весеннем лугу или на мелких животных в теплой апрельской воде. Но Ара никогда не видела ни лугов, ни моря в апреле. Да и в небо она сейчас не смотрела.

— Эй, как ты там, малышка?

— Манан, это ты? — равнодушно спросила она. Огромная тень зашевелилась, и Манан воздвигся с ней рядом; его лысая голова, казалось, отражает свет звезд.

— Тебя наказали?

— Меня нельзя наказывать.

— Да... это так...

— Они не могут наказать меня. Не посмеют!

Манан стоял с ней рядом, большие руки его свисали вдоль туловища; он напоминал бесформенную глыбу. Ара чувствовала острый запах лука и сладкий запах шалфея, исходившие от его старой черной хламиды, обтрепанной по краям и коротковатой.

— Они даже пальцем не могут меня тронуть. Я — Ара, — сказала она пронзительным, яростным голосом и расплакалась.

Огромные, ждавшие своего времени руки приблизились, обняли, нежно погладили по спутанным волосам.

— Ну-ну, маленькая моя пчелка, малышка моя...

Она слышала хриплый шепот, исходивший из самых глубин его необъятной груди, и прижалась к нему. Слезы скоро кончились, но Ара продолжала прижиматься к Манану, словно ноги не держали ее.

— Бедная ты моя малышка, — прошептал он, поднял девочку на руки и понес ко входу в ее одинокое жилище. На крыльце он поставил ее на ноги.

— Ну? Все в порядке, малышка?

Она кивнула, отвернулась и вошла в темный дом.

На крыльце Малого Дома слышались шаги Коссил, ровные и неторопливые. Высокая грузная фигура закрыла дверной проем, потом резко уменьшилась, когда жрица преклонила перед Арой одно колено, и снова невероятно увеличилась, когда Коссил снова выпрямилась в полный рост.

— Госпожа моя.

— В чем дело, Коссил?

— Мне было дозволено взять на себя некоторые заботы, связанные с владениями Безымянных, — до поры до времени. Однако теперь пришла пора и тебе, госпожа, кое-чему научиться, кое-что увидеть самой и взять в собственные руки то, что в новой своей жизни ты до сих пор еще не вспомнила.

Ара сидела в своей комнате без окон, якобы погружившись в медитацию, а на самом деле не занятая ничем и ни о чем не думая. Лишь спустя некоторое время застывшее, тупое, но и высокомерное выражение на ее лице чуть изменилось, хотя она и пыталась это скрыть. С затаенным лукавством она спросила:

— Ты имеешь в виду Лабиринт?

— В Лабиринт мы ходить не будем. Однако в Священное Подземелье спуститься необходимо.

В голосе Коссил, пожалуй, даже звучало подобие страха. Или она притворялась? Может, чтобы запугать Ару? Девушка неторопливо встала и сказала спокойно:

— Что ж, прекрасно.

Однако, следуя за грузной фигурой Верховной Жрицы, она в душе ликовала: «Наконец-то! Наконец-то я увижу собственное царство!»

Ей исполнилось пятнадцать. Больше года назад она прошла обряд посвящения и стала полновластной и Единственной Жрицей Гробниц Атуана. Это был высший пост среди Верховных Жриц государства Каргад. Единственная не подчинялась даже Королю-Богу. Теперь все жрицы, встречаясь с ней, преклоняли одно колено, даже мрачная Тхар, даже Коссил; и все обращались к ней осторожно и почтительно. Но, в общем-то, ничто особенно не изменилось. Ничего так и не произошло. После торжественной церемонии посвящения дни Ары потекли точно так же, как

и раньше. Нужно было прясть шерсть, ткать черную ткань, молотить зерно, соблюдать одни и те же обряды, по-прежнему каждый вечер исполнять Девять Песнопений и накладывать заклятье на двери храмов и дважды в год поить кровью священные Камни, а в безлунные ночи танцевать сакральные танцы перед Незанятым Троном. Так прошел еще один год, подобный всем предыдущим; неужели точно так же пройдут и все остальные годы ее жизни?

Тоска порой подступала под самое горло, превращаясь почти в ужас. Этот ужас начинал душить ее. И однажды, не так давно, ужас этот просто заставил ее выговориться, иначе она боялась сойти с ума. Разумеется, говорила она с Мананом. Кому-то из девушек довериться ей не позволяла гордость, а старшим жрицам — осторожность. Манан был ни то ни другое, старый верный баран с колокольчиком на шее; ему совсем не важно, что именно она скажет. Но, к ее удивлению, у старика уже был готов ответ ей.

— Давным-давно, — сказал Манан, — знаешь, малышка, еще до того, как наши четыре острова объединились в Империю, и до того, как Империей стал править Король-Бог, в Каргаде существовало много мелких властителей и князей. Они вечно ссорились друг с другом. И, чтобы разрешить свои споры, приходили сюда. Вот как это тогда было. Князья являлись сюда со своей челядью и охраной не только с нашего острова, но и с Карего-Ат, Атнини и даже с Гур-ат-Гура. И все спрашивали тебя, Единственную, как им поступить. И ты должна была пойти к Незанятому Трону и спросить совета у Безымянных. Но так было давно. А потом к власти пришли Короли-Боги, сначала на Карего-Ат, затем вскоре и на Атуане; и теперь они уже четыре или пять человеческих жизней правят всеми четырьмя островами, создав единую Империю. И все изменилось. Король-Бог может самостоятельно и свергнуть строптивого князя, и разрешить любой спор между соперниками. Сам будучи божеством, он, как ты понимаешь, не обязан слишком часто советоваться с Безымянными.

Аре требовалось как следует все это обдумать. Здесь, в пустыне, близ вечных, неменяющихся Камней, время значило не слишком-то много, здесь с начала мира жизнь шла своим чередом, монотонная, неизменная. И Ара не привыкла задумываться о том, что все вещи имеют свойство меняться, а старые отношения между людьми отмирают, уступая место новым. И поверить в то, что это действительно так, ей было нелегко.

— Но могущество Короля-Бога куда меньше могущества Безымянных, которым служу я, — сказала она напряженно.

— Конечно... конечно... Но никто ведь не скажет об этом Короллю-Богу прямо в глаза, медовая моя. Или его жрице. — И Манан подмигнул ей.

Поймав взгляд его маленьких карих глазок, Ара подумала о Коссил, Верховной Жрице Короля-Бога, которой боялась с самого первого своего дня здесь, и поняла, что именно хотел сказать Манан.

— Но ведь Король-Бог и его люди совсем перестали поклоняться Гробницам. Никто из них здесь больше не бывает.

— Ну, Король присылает сюда узников для жертвоприношений — об этом он не забывает. Да и дары, что он приносит Безымянным...

— Дары! Его собственный храм каждый год красят заново, у него алтарь из чистого золота — мер сто ушло, наверно! И лампы в его храме заправляют розовым маслом! А посмотри на Тронный Храм — кровля вся в дырах, купол вот-вот рухнет, в трещинах живут мыши, совы, упыри... Но он переживет и Короля-Бога, и все его храмы, и всех новых Королей Империи! Мой Храм существовал задолго до появления первого Короля-Бога и будет стоять здесь, когда даже память об этих божествах исчезнет, ибо он — центр мироздания.

— Да, малышка, это центр мироздания.

— Храм этот обладает несметными сокровищами. Иногда мне о них рассказывает Тхар. Их там столько, что можно доверху набить десять храмов Короля-Бога и еще останется. Золотые монеты, разные военные трофеи, скопившиеся за сотни поколений. Сокровища эти заперты в колодцах и подвалах глубоко под землей. Жрицы пока не спешат показывать их мне, заставляют меня все ждать и ждать... Но я-то знаю, что там, под самым Тронным Храмом, подо всем Святым Местом, под нами, вот здесь, где мы с тобой стоим, — огромный Лабиринт, невероятное сплетение темных коридоров и тупиков. Лабиринт подобен гигантскому, погруженному во тьму городу во чреве горы. Он полон золота, драгоценного оружия, принадлежавшего героям древности, старинных королевских корон, человеческих костей, прошедших лет и тишины.

Ара была словно в трансе и говорила с необычайным воодушевлением. Манан наблюдал за ней. Его заплывшее жиром лицо никогда не отличалось выразительностью, на нем навсегда застыла равнодушная и слегка настороженная печаль; однако теперь лицо его изменилось: стало значительно печальнее, чем обычно.

— Что ж, хорошо. И ты — хозяйка всего этого, — сказал он. — Хозяйка этой тишины... и этой тьмы.

— Да, хозяйка! Но они же мне ничего не показывают — только те помещения, что находятся над землей, к примеру комнаты за Троном. Они даже до сих пор не показали мне, где вход в Подземелье; только все что-то бормочут себе под нос. Они не пускают меня в мои собственные владения!

Почему, ну почему они заставляют меня без конца ждать?

— Ты еще так молода... И, может быть... — сказал Манан своим сиплым женоподобным голосом, — может быть, они просто боятся, малышка. Они там не властны, в конце концов. Это твои владения. Им опасно даже входить туда. Нет такого человека, что не боялся бы Безымянных.

Ара промолчала, однако глаза ее сверкнули. Манан снова дал ей урок, научив видеть вещи иначе. Ах, какими недосыгаемыми, холодными и уверенными в себе казались ей всегда Тхар и Коссил! Она и представить себе не могла, что Верховные Жрицы способны чего-то бояться. И все же Манан прав. Они боятся Подземелья, боятся тех могущественных сил, частью которых является Ара и которым принадлежит. Они боятся, что темнота подземных туннелей поглотит их.

И вот теперь, спускаясь впереди Коссил с крыльца Малого Дома, а потом поднимаясь на вершину холма по извилистой тропинке, ведущей к Тронному Храму, она вспоминала тот свой разговор с Мананом и торжествовала. Неважно, куда именно ее отведут и что ей покажут: бояться она все равно не станет. Она знает свой путь.

Следуя за ней по тропе, Коссил заговорила:

— Одной из твоих обязанностей, госпожа, как известно, является принесение в жертву узников, преступников из благородных семей, святотатством или предательством оскорбивших Господа нашего Короля.

— Или Безымянных, — сказала Ара.

— Верно. Пока Поглощенная не достигнет зрелости, не годится ей самой исполнять этот долг. Но ты, моя госпожа, больше не дитя. В Комнате Узников есть несколько человек, которых прислали сюда месяц назад милостью Короля-Бога из Авабатха.

— Я не знала, что узники уже доставлены. Почему мне не сообщили об этом?

— Узников привозят по ночам, тайно, в согласии с обрядом, установленным древними служительницами Гробниц. Моя госпожа, тебе следует идти вдоль этой стены, чтобы попасть к тайной двери.

Ара свернула со знакомой тропы и пошла вдоль могучей каменной стены, отделявшей тот участок, где возвышались черные Камни. Глыбы, из которых была сложена стена, поражали своей массивностью: самая маленькая весила куда больше взрослого человека, а самые большие размером превосходили карету. Казалось бы, совершенно бесформенные, они тем не менее были тщательно подогнаны, притерты друг к другу и скреплены раствором. Но все же верхняя часть стены кое-где успела

разрушиться, и там огромные куски скалы лежали как придется. Такое могли сотворить лишь безжалостное время, долгие века, бесконечная череда сменяющих друг друга жарких дней и ледяных ночей пустыни, тысячелетия, в течение которых неощутимо изменились даже сами эти холмы.

— На эту стену очень легко взобраться, — заметила Ара.

— У нас здесь не хватает мужчин, чтобы восстановить ее, — ответила Коссил.

— Зато у нас хватает мужчин, чтобы ее охранять.

— Но это всего лишь рабы. Им доверять нельзя.

— Им можно было бы доверять, если как следует запугать их. Пусть наказание для них, как и для любого осквернителя Святой Земли, будет одинаковым.

— Каким же? — Коссил спрашивала не для того, чтобы узнать ответ. Она давно уже сама научила Ару, что в этом случае следует отвечать.

— Пусть все они будут обезглавлены перед Троном.

— Неужели моя госпожа хочет, чтобы какие-то рабы влезли на священную стену, окружающую Гробницы Атуана?

— Да, я так хочу, — ответила девушка. От напряжения она стиснула пальцы, скрытые длинными рукавами черного платья. Она знала, что Коссил не желает отпускать рабов ни охранять эту стену, ни чинить ее. Впрочем, это действительно было никчемное занятие, но тогда для чего же вообще эти люди присланы сюда? Вряд ли кто-то случайно или намеренно станет бродить в окрестностях Святого Места. Да его же сразу заметят! Он просто не сможет подобраться к Гробницам. И все же охрана Гробниц — дело чести. У Коссил не хватило доводов, чтобы возразить Аре, и она вынуждена была подчиниться.

— Здесь, — произнесла Коссил ледяным тоном.

Ара остановилась. Она и прежде часто ходила по этой тропе вдоль стены и хорошо ее знала, как, впрочем, почти каждый клочок земли вокруг храмов, каждую колючку, каждый кустик чертополоха. Каменная стена в три человеческих роста высотой была слева; справа склон холма постепенно спускался в сухую лощину, за которой вскоре снова начинался подъем — первые отроги западных гор. Ара внимательно осмотрелась, но нового так ничего и не увидела.

— Под красными камнями, госпожа.

Чуть ниже по склону выход красной лавы на поверхность образовал нечто вроде маленького утеса или уступа. Когда Ара спустилась туда и встала лицом к красному уступу, то заметила наконец нечто, похожее на

грубо вырубленную низенькую дверцу; войти в нее можно было лишь согнувшись.

— Что нужно сделать?

Она уже давно усвоила, что в священных местах не стоит и пытаться открыть, скажем, потайную дверцу, если не знаешь, как это сделать.

— У моей госпожи есть ключи от всего Лабиринта.

С момента своей инициации Ара стала носить на поясе железное кольцо, где висел маленький кинжал и тринадцать ключей; одни — длинные и тяжелые, другие — совсем маленькие, не больше рыболовного крючка. Она перебирала ключи.

— Вот этот, — указала пальцем Коссил и ткнула этим же пальцем в маленькую трещинку меж двумя камнями, покрытыми мхом.

Ключ — длинный железный стержень с двумя бороздками, украшенный резьбой, — легко вошел в отверстие. Ара обеими руками с трудом повернула его, и он не сразу, но неожиданно легко повернулся.

— А теперь?

— Нужно вместе...

Вместе они налегли на скалу и стали толкать ее куда-то влево. Тяжело, но без малейшей заминки и почти совсем бесшумно скала подалась, и приоткрылась узкая щель, за которой было совершенно темно.

Ара шагнула и вошла внутрь.

Коссил, женщина грузная, в тяжелых одеждах, с трудом протиснулась в узкую щель за ней следом. Оказавшись внутри, она сразу же налегла на дверцу спиной и с явным напряжением ее захлопнула.

Их окружала чернота. Ни огонька. Казалось, тьма лежит на открытых глазах подобно влажному войлоку.

Они совсем скрючились, согнулись чуть ли не вдвое под давящими низкими сводами, где выпрямиться было невозможно. И коридор был так узок, что Ара, шаря в темноте руками, тут же наткнулась на влажные каменные стены справа и слева от себя.

— Ты захватила свечу, Коссил?

Она прошептала это — в темноте люди почему-то всегда понижают голос.

— Нет, — ответила Коссил у нее за спиной. Она тоже говорила шепотом, и все же в голосе ее Ара уловила какую-то странную насмешку. Коссил никогда не улыбалась при свете. У Ары екнуло сердце, кровь застучала у самого горла. Она яростно сказала себе: «Это мое место. Я принадлежу Им. Я не боюсь». Вслух же она не сказала ничего. И двинулась вперед.

Идти можно было только в одном направлении — внутрь и вниз. Коссил, тяжело дыша, следовала за ней; одежда ее шуршала и цеплялась за неровные каменные стены и выбоины в полу.

Внезапно стало гораздо просторнее: Ара смогла выпрямиться во весь рост и, раскинув руки в стороны, стен не коснулась. Тяжелый, пахнущий землей воздух показался ей более холодным и влажным; в нем ощущалось некое слабое движение, какой-то сквозняк, словно в обширном, неправильной формы помещении. Ара сделала несколько осторожных шажков вперед, в черноту, плотной стеной окружавшую их. Какой-то камешек со стуком выскользнул из-под ее сандалии, породив многократное эхо, не умолкавшее несколько минут и удаляющееся вглубь по невидимым коридорам. Подземелье, видно, было поистине огромным, но не пустым: что-то там, в темноте, разбивало эхо на тысячу отзвуков.

— Здесь мы, должно быть, прямо под Камнями, — сказала Ара шепотом, и шепот ее полетел во тьму и расслоился на множество звуковых нитей, тонких, как паутина, которые довольно долго еще липли к слуху.

— Да. Это храмовое Подземелье. Идем дальше. Я не могу оставаться здесь. Следуй вдоль этой стены налево. Пропусти три прохода.

Шепот Коссил звучал как шипение змеи, ему маленькими змейками вторило неумолчное эхо. Коссил боялась. Ей по-настоящему было очень страшно здесь, в царстве Безымянных, спящих в своих гробницах, в темноте Священного Лабиринта. Она была здесь чужой, она не смела распоряжаться здесь.

— В следующий раз я приду сюда с факелом, — сказала Ара, на ощупь продвигаясь вдоль стены подземного коридора и дивясь странной формы каменным выступам и впадинкам — какой-то удивительной резьбе, то кружевной с острыми краями, то довольно грубой, а кое-где идеально гладкой, словно художественное литье: это, конечно же, старинные скульптуры, решила она. Возможно, все Подземелье — плод работы древних мастеров, живших в незапамятные времена.

— Свет здесь запрещен! — Шепот Коссил прозвучал резко.

Даже не дослушав ее, Ара поняла, что так оно и должно быть. Здесь было самое сокровенное убежище Тьмы, самое средоточие Ночи.

Три раза пальцы ее нащупывали провалы в стене — куда-то в непроницаемую тьму. На четвертый раз она, ощупав руками высоту и ширину коридора, свернула в него. Коссил шла следом.

Туннель вел снова чуть вверх; они миновали один проход слева и затем у развилки пошли направо, ощупывая стены и полагаясь лишь на интуицию и память в ослепляющей темноте и оглушающей тишине. Этот

коридор был достаточно узок, чтобы все время касаться обеими руками стен и не пропустить ни одного проема, которые здесь необходимо было считать, чтобы не сбиться с пути. Осязание служило здесь зрением; дорогу нельзя было увидеть, но можно было нащупать.

— Это уже Лабиринт?

— Нет. Пока все еще Священное Подземелье, то, что под Храмом.

— А где вход в Большой Лабиринт?

Аре нравилась эта игра в темноте; ей хотелось разгадывать все более и более трудные загадки.

— Второй проем в стене, вдоль которой мы шли, когда были под Камнями. Теперь справа должна быть дверца, деревянная, возможно, впрочем, что мы ее уже пропустили...

Ара слышала, как Коссил неловко шарит руками по стене, задевая ногтями грубый камень. Девушка легко скользнула кончиками пальцев по холодным плитам и через мгновение ощутила гладкую деревянную поверхность. Она нажала на нее, и дверь, скрипнув, легко отворилась. На мгновение Ара застыла, совершенно ослепнув от света.

Они вошли в большую низкую комнату со стенами из отесанных каменных плит, освещенную одним-единственным факелом, свисающим с цепи. Комната была заполнена факельным дымом, который не находил выхода. У Ары защипало глаза и потекли слезы.

— Где же узники?

— Там.

Наконец она осознала, что три непонятные кучи на полу в дальнем конце комнаты и есть люди.

— Эта дверь не заперта. Разве здесь нет стражи?

— Стражи не требуется.

Ара сделала несколько шагов, неуверенно вглядываясь в дымную мглу. Каждый из узников был прикован за обе лодыжки и за одно запястье к большому кольцу, вделанному в стену. Если ему хотелось прилечь, то прикованная рука все равно оставалась задранной кверху. Волосы и бороды узников превратились в сплошной колтун и так отросли, что совершенно скрывали их лица, и без того плохо различимые в темноте. Один из этих людей полулежал, двое других то ли сидели, то ли просто присели на корточки. Все были совершенно нагими. Запах от них исходил такой, что перешибал даже факельную гарь.

Один из узников, похоже, наблюдал за Арой: ей показалось, что глаза его как-то особенно блеснули. Остальные даже не пошевелились и голов не подняли. Ара отвернулась.

— Это больше не люди, — сказала она.

— Они ими никогда и не были. Это демоны, чудовища, вступившие в сговор против Короля-Бога! — В блестящих глазах Коссил отражался красноватый факельный свет.

Ара снова посмотрела на узников — со страхом и любопытством одновременно. Разве может человек осмелиться пойти против божества?

— Как это ты, к примеру, смог поднять руку на живого Бога?

Тот, что наблюдал за ней исподтишка, только глянул сквозь спутанную копну волос и ничего не сказал.

— Языки у них отрезаны еще до того, как их отослали сюда из Авабатха, — пояснила Коссил. — Не говори с ними, госпожа. Они сеют вокруг себя скверну. Ты можешь как угодно распоряжаться узниками, но ни разговаривать с ними, ни смотреть на них, ни думать о них не надо. Ты должна отдать их Безымянным.

— Каким способом следует принести их в жертву?

Ара на узников больше не смотрела. Она повернулась к Коссил, черпая силы в ее массивной фигуре, в холодном, спокойном голосе. У нее кружилась голова, ее тошнило от факельного угара и чудовищной вони, но со стороны казалось, что Ара думает и говорит совершенно спокойно. Разве в своей прежней жизни не совершила она множества жертвоприношений?

— Жрица Гробниц лучше остальных знает, как умертвить жертву, чтобы доставить удовольствие своим Хозяевам. Так что право выбора за тобой. Существует множество способов...

— Пусть Гобар, капитан стражи, отсечет им головы. А кровь будет пролита на пол перед Троном.

— Как если бы приносили в жертву козу? — Коссил, казалось, насмехается над недостатком ее воображения. Ара тупо молчала. Коссил продолжала: — Кроме того, Гобар — мужчина. Ни один мужчина не смеет входить в Священное Подземелье, и, разумеется, моя госпожа помнит об этом? Если мужчина войдет сюда, то никогда не выйдет...

— Кто доставил узников сюда? Кто их кормит?

— Мои телохранители, Дьюби и Уахто: они евнухи и могут совершать здесь жертвоприношения в честь Безымянных, как могу это и я. Солдаты Короля-Бога оставили узников привязанными с внешней стороны стены, а я с телохранителями провела их сюда через Дверь Узников, что посреди Красных Камней. Так делалось всегда. Пищу и воду для них спускают через дверь-ловушку, что находится за Троном.

Ара посмотрела вверх и увидела, что цепь, на которой висит факел,

прикреплена к деревянной квадратной раме, вделанной в каменный потолок. Отверстие было слишком мало, чтобы через него мог пролезть человек, но веревка с корзиной должна была опуститься как раз рядом со средним узником.

— Пусть им больше не приносят ни еды, ни питья. Пусть уберут факел.

Коссил поклонилась.

— А куда девать их тела, когда они умрут, госпожа моя?

— Пусть Дьюби и Уахто похоронят их в том большом подземелье, через которое мы проходили, — в том, что под Камнями, — быстро сказала девушка странным звенящим голосом. — Пусть сделают это в темноте. Мои Хозяева поглотят тела жертв.

— Все будет исполнено.

— Теперь хорошо, Коссил?

— Хорошо, госпожа.

— Тогда давай уйдем отсюда, — сказала Ара совсем тоненьким голоском. Повернувшись, она поспешила назад к деревянной двери, прочь из Комнаты Узников, во тьму туннеля, который принес ее душе тишину и отраду и был похож на беззвездную ночь, когда не слышно ни единого вздоха, не видно ни единого огонька, не чувствуется ни малейших проявлений жизни. Она погрузилась в чистую темноту, как в воду, и двинулась вперед, разрезая ее, словно пловец. Коссил, задыхаясь, поспешала сзади, все больше отставая, все чаще спотыкаясь. Без малейших колебаний Ара повторила весь путь в обратном направлении, точно запомнив все пропуски и повороты; прошла вдоль стены наполненного гулким эхом Подземелья под Гробницами, согнувшись в три погибели, преодолела последний коридор и вышла к закрытой двери. Там, совсем скрючившись, она отыскала длинный ключ у себя на поясе. В сплошной непроницаемой стене перед ней не было ни малейшего просвета. Пальцы ее скользнули по поверхности двери, отыскивая скважину или хоть какой-нибудь болт или ручку, но ничего не нашли. Куда же вставляется ключ? Как им выбраться наружу?

— Госпожа! — Голос Коссил, размноженный эхом, шипел и гулко разносился далеко позади.

— Госпожа, дверь нельзя открыть изнутри. Здесь нет выхода наружу. Этим путем вернуться нельзя.

Ара прижалась к скале. Говорить она не могла.

— Ара!

— Я здесь.

— Иди за мной.

Она пошла. Поползла на четвереньках, словно собака, и уцепилась за юбку Коссил.

— Направо. Скорее! Я не должна здесь задерживаться. Мне здесь не место. Следуй за мной.

Ара поднялась на ноги, по-прежнему держась за платье Коссил. Они пошли вперед вдоль покрытой странными резными изображениями стены подземелья, потом направо и — довольно не скоро — свернули в черный коридор, ведущий во тьму. Теперь они все время поднимались куда-то по коридорам, по лестницам, и Ара так и не выпускала платье Коссил из рук. Глаза ее были закрыты.

Наконец она почувствовала свет, казавшийся красным из-за плотно сжатых век. Ара подумала было, что это снова Комната Узников, и никак не хотела открывать глаза. Но тут в лицо ей сладостно пахнул сухой воздух Храма, знакомый, чуть приправленный плесенью; ноги ее ступили на крутую, почти отвесную лесенку. Она наконец отпустила платье Коссил и огляделась. Над ее головой была открыта очередная дверь-ловушка. Она вслед за Коссил протиснулась в нее. Дверка вела в знакомую ей комнату, маленькую каменную келью позади Трона, где хранились какие-то ящики и железные сундуки. За дверями Храма мерцал дневной свет, серый и тусклый.

— Через ту дверь, что ведет в Комнату Узников, можно только войти. Выйти нельзя. Единственный выход здесь. Если из Лабиринта и есть еще какой-нибудь выход, то ни мне, ни Тхар ничего о нем не известно. Ты должна его непременно запомнить — если отыщешь случайно. Но я не думаю, что есть еще хоть один.

Коссил говорила по-прежнему еле слышно и с нескрываемой враждебностью. Ее обрюзгшее лицо под черным капюшоном было бледным и мокрым от пота.

— Я не помню, сколько поворотов и где нужно сделать, чтобы выйти из Лабиринта.

— Я их тебе назову. Но только один раз. И ты должна запомнить. Впредь я с тобой не пойду. Мне не годится бывать здесь. Ты должна ходить сюда одна.

Девушка кивнула. Она посмотрела на Коссил и подумала: как странно она выглядит — белая от ужаса, но все же торжествующая, словно тайно радуется ее слабости.

— В следующий раз я пойду одна, — сказала девушка и, отворачиваясь от Коссил, вдруг поняла, что ноги больше не держат ее,

почувствовала, как комната поплыла и перевернулась вверх дном, а потом черной бесформенной массой рухнула без чувств прямо к ногам старой жрицы.

— Ничего, научишься, — сказала Коссил, все еще тяжело дыша и не двигаясь с места. — Научишься.

Несколько дней Ара была нездорова. Ее лечили якобы от лихорадки. Она большей частью лежала в постели или сидела на крыльце, греясь в лучах нежаркого осеннего солнышка и глядя на западные горы. Она чувствовала себя слабой и глупой, в голове крутились одни и те же мысли. Ей было нестерпимо стыдно, что она тогда упала в обморок. Ни одного охранника так и не появилось на стене у Гробниц, однако теперь она бы ни за что не осмелилась спрашивать Коссил, почему та не выполнила приказа. Она вообще не хотела больше видеть Коссил — никогда! И все потому, что тогда так позорно лишилась чувств.

Часто, сидя на солнышке, она обдумывала, как станет вести себя в следующий раз в Священном Подземелье и какой смертью прикажет умертвить следующую партию узников. Она постарается выбрать более изощренную казнь, соответствующую тем мрачным обрядам, что вершатся у Незанятого Трона.

Каждую ночь в темноте она просыпалась от собственного крика: «Они ведь до сих пор не умерли! Они все еще умирают!»

Ей снилось множество разных снов. Ей снилось, что она должна готовить еду — огромные котлы, полные вкусной каши, — и выливать ее в дыру в полу. Ей снилось, что она в полной темноте должна отнести огромный медный кувшин, полный воды, кому-то, умирающему от жажды. Но так и не могла добраться до этого человека. Она просыпалась и сама мучилась жаждой, но не вставала, чтобы напиться. Так и лежала без сна, с открытыми глазами в своей лишенной окон келье.

Однажды утром ее пришла навестить Пенте. Ара с крыльца увидела, как Пенте идет к Малому Дому с беззаботно-рассеянным видом, будто забрела сюда случайно. Если бы Ара не окликнула ее, Пенте сама ни за что не поднялась бы на крыльцо. Но Ара измучилась в одиночестве и заговорила первой.

Пенте низко поклонилась ей — как и все, кто приближался к Единственной Жрице Гробниц, — и тут же как ни в чем не бывало шлепнулась на ступеньку чуть ниже Ары и шумно выдохнула воздух: «Уфф!» Она выросла и пополнела; от любого усилия щеки ее тут же покрывались темно-вишневым румянцем, и теперь, после быстрой ходьбы, они прямо-таки пылали.

— Ты, я слышала, болеешь. Я тут тебе яблочек приберегла, — она быстрым жестом извлекла откуда-то из-под своей необъятной черной хламиды грубую плетенку с несколькими отличными желтыми яблоками. Пенте теперь была посвящена Королю-Богу и состояла в команде Коссил; но жрицей пока еще не стала и по-прежнему посещала уроки и разучивала священные гимны вместе с новичками. — В этом году нам с Поппе выпало яблоки перебирать, а самые лучшие я отложила для тебя. Здесь вечно самые лучшие высушивают. Конечно, так хранить их удобнее, но все равно ужасно жалко... Правда, они красивые?..

Ара пощупала бледно-золотистую матовую шкурку яблока с неотломанным сучком, на котором сохранились скрученные в трубочку коричневые листики.

— Да, очень.

— Съешь яблочко, — предложила Пенте.

— Не сейчас. Съешь ты.

Пенте из вежливости выбрала самое маленькое и моментально съела, с упоением похрустывая сочной мякотью.

— Я целыми днями могу есть, — сказала она. — Мне все мало. Мне бы поварихой быть, а не жрицей. Уж я бы готовила получше, чем скряга Натхабба; а еще можно было бы горшки вылизывать... Ой, ты слышала о Мунитх? Ей было велено отполировать бронзовые кувшины с пробками, в которых хранят розовое масло, — знаешь, такие длиннгорлые. А Мунитх решила, что изнутри тоже нужно все протереть, и сунула руку с тряпкой внутрь, представляешь? И не могла вытащить обратно. Она и так и сяк старалась, рука у нее вся раздулась и в запястье опухла, так что стало еще хуже. Она прямо-таки в ловушку попала. Испугалась и давай бегать по всему дому с криками: «Не могу вытащить! Не могу вытащить!» А Пунти теперь стал совсем глухим и решил, что начался пожар. Тут он разошелся и погнал телохранителей спасать новичков! А Уахто в это время доил коз и на минутку выбежал из сарая посмотреть, в чем дело; ну а дверь-то оставил открытой, и все молочные козы разбежались по двору и стали носиться, бодать Пунти, евнухов и малышню. Тут Мунитх наконец содрала этот дурацкий кувшин с руки и разревелась, как дура, и вся эта кутерьма продолжалась до тех пор, пока из Храма не пришла Коссил. И говорит: «В чем дело? Что здесь происходит?»

Пенте тщетно пыталась сопротивляться рвущемуся наружу смеху и сохранять мрачно-серьезную мину на своем милом круглом личике, пытаясь подражать Коссил, но все равно у нее получалось ужасно похоже, так что даже Ара рассмеялась — только каким-то испуганным, нервным

смехом.

— «В чем дело? Что здесь происходит?» — говорит Коссил, и тут... тут бурый козел как боднет ее!.. — Пенте прямо-таки зашлась от смеха, на глазах у нее выступили слезы. — А М-м-Мунитх как стукнет... как стукнет козла своим кувшином!..

Обе подруги повалились на спину, потом от смеха согнулись пополам, задыхаясь и обхватив колени руками.

— И тут Коссил оборачивается и снова говорит: «В чем дело? Это еще что такое?», а перед ней... козел!.. козел!.. — Конец истории потонул в раскатах смеха. Наконец Пенте вытерла глаза и нос и рассеянно уставилась на одно из яблок.

От хохота Ару начало немножко знобить. Она постаралась успокоиться и, немного помолчав, спросила:

— Как ты оказалась здесь, Пенте?

— О, я была шестой дочкой в семье, так что родителям моим просто не под силу было бы вырастить стольких девиц и выдать их потом замуж. А потому, когда мне исполнилось семь лет, меня привели в Храм и посвятили Королю-Богу. Это было в Оссаве. Но, по-моему, там в тот год новичков оказалось слишком много, и довольно скоро я попала сюда. А может, они считали, что я стану особенно хорошей жрицей или кем-нибудь в этом роде? Только тут они ошибались! — Пенте все-таки надкусила яблоко с веселым и одновременно печальным выражением лица.

— А ты не хотела становиться жрицей?

— Не хотела? Конечно! Я бы лучше замуж за свинопаса вышла и жила бы с ним в канаве. Я бы лучше что угодно сделала, лишь бы не помирать с тоски в этой пустыне проклятой, среди сплошных женщин. Сюда ведь никто даже не заходит! Да чего там — только хуже от этих мечтаний! Я ведь уже и обряд посвящения прошла, и клятвой связана... Но я все-таки надеюсь — правда-правда! — что в следующей своей жизни непременно стану танцовщицей в Авабатхе! Уж к этому времени я такую участь заслужу!

Ара смотрела на Пенте мрачно и спокойно. Она ее не понимала. Ей казалось, что она никогда раньше по-настоящему Пенте не видела, просто никогда по-настоящему на нее не смотрела — вот и не видела, какая она кругленькая, полная жизненных соков, как похожа на одно из этих замечательных золотистых яблок.

— А Святое Место хоть что-нибудь значит для тебя? — спросила Ара довольно резко.

Пенте, которую обычно легко было подчинить, сбить с толку, на этот

раз не проявила ни малейшего волнения.

— О, я понимаю, что для тебя твои Хозяева очень важны, — сказала она, но столь равнодушно, что Ара вздрогнула. — По крайней мере, в этом хоть есть какой-то смысл: ведь ты их Единственная Жрица. Тебя не просто отдали кому-то в услужение, ты именно для этого родилась. А посмотри на меня? Разве от меня можно ожидать священного трепета и тому подобной ерунды? В конце концов, Король-Бог — всего лишь человек, и пусть даже он живет в Авабатхе в огромнейшем дворце под золотой крышей. Ему не меньше пятидесяти, и он совсем лысый. Это даже на всех его статуях видно. И, клянусь, ему приходится стричь ногти на ногах, как и всем прочим смертным. Да, я знаю, что он одновременно еще и Бог. Но вот что я думаю: он будет куда божественнее, когда умрет.

Ара была согласна с Пенте, потому что втайне уже и сама пришла к выводу, что все эти самозванцы, Божественные Императоры Каргада, — просто выскочки, фальшивые боги, пытающиеся присвоить славу и достоинство подлинных и вечных: Правителей Мира. Но с чем-то, стоящим за словами подруги, она согласиться не могла — с чем-то совершенно для нее новым, пугающим. Она еще не осознала, насколько разнятся между собой люди, сколь по-разному воспринимают они жизнь. Она чувствовала себя так, как если бы вдруг, подняв глаза, увидела прямо перед собой новую планету, огромную и густонаселенную; прямо за привычным окном — совершенно новый мир, такой, где боги не имеют никакого значения. Она была до глубины души уязвлена стойким неверием Пенте. И, уязвленная, нанесла ответный удар:

— Это все верно. Мои Хозяева умерли много-много лет тому назад, и Они никогда не были людьми... А ты знаешь, Пенте, я ведь могу и тебя призвать на службу Гробницам. — Она говорила миролюбиво, словно предлагая подруге нечто лучшее, чем теперь.

Вишневый румянец тут же исчез со щек Пенте.

— Да, — сказала она, — это ты можешь. Но я не... я не гожусь для службы Гробницам.

— Почему?

— Я боюсь темноты, — тихонько проговорила Пенте.

Ара слегка фыркнула: она была довольна. Она оказалась права: Пенте может не верить в своих богов, но она боится не имеющих имени сил Тьмы — как и каждый смертный.

— Ты ведь знаешь, что я не стану этого делать, если ты сама не захочешь, — сказала Ара.

Повисло длительное молчание.

— Ты становишься все больше и больше похожа на Тхар, — сказала Пенте, как всегда мягко и спокойно-мечтательно. — Слава Богу, что еще не на Коссил!.. Но ты все-таки очень сильная! Я бы тоже хотела быть сильной. Но я так люблю покушать...

— Ну так вперед! — весело сказала Ара, чувствуя себя значительно старше и умнее, и Пенте медленно съела третье яблоко, вместе с семечками.

Необходимость исполнять бесконечные обряды в Храме уже через несколько дней заставила Ару покинуть свое уединенное жилище. К тому же у одной из коз не ко времени родилась двойня, и козлят следовало непременно принести в жертву Богам-Близнецам: это был очень важный ритуал, требовавший присутствия Единственной. Ночи были безлунными, и перед Незанятым Троном также должна была состояться церемония почитания Тьмы. Ара дышала опьяняющими благовониями и танцевала перед Троном — одна и в полной темноте. Она танцевала для невидимых мертвых и нерожденных душ, и во время танца души собирались в воздухе вокруг нее, следуя кружению ее тела, медленным и уверенным движениям рук. Она пела священные песни, которых не понимал никто и которые она выучила давным-давно звук за звуком от Тхар. Хор жриц, спрятанный во тьме за двойным рядом колонн, вторил ей, произнося те же странные слова, и воздух в огромном полуразрушенном Храме гудел от непривычных звуков, словно собравшиеся там духи снова и снова повторяли слова священного песнопения.

Король-Бог из Авабатха больше не присылал узников в Святое Место, и постепенно Аре перестали сниться те трое, которых давно уже погребли в неглубоких могилах огромного Лабиринта.

Она призвала все свое мужество, чтобы снова пойти туда. Она должна была сделать это: Жрица Гробниц обязана входить в свое царство без страха; обязана знать там каждый поворот, каждый камень.

Когда Ара в первый раз одна вошла в дверь-ловушку, ей было очень страшно, но все же не так, как она думала.

Ей удалось приучить себя к мысли, что войти одной в Лабиринт необходимо, и спуск туда даже немного ее разочаровал: бояться оказалось нечего. Там могли встретиться могилы, но она их не видела во тьме. Тьма царила здесь, тьма и тишина. И больше никого.

Каждый день Ара спускалась в Священное Подземелье через дверь-ловушку, находившуюся за Троном. Она старательно изучала Малый Лабиринт, пока не запомнила всю систему его коридоров со странными,

покрытыми барельефами стенами настолько хорошо, насколько вообще можно запомнить то, чего не видишь. Она передвигалась только вдоль стен, чтобы не утратить чувства направления в темноте и не потерять путь. Ибо — это она усвоила еще в тот, самый первый раз — очень важным здесь было знать, сколько поворотов ты совершил, сколько миновал и сколько еще осталось. Главное — не сбиться со счета, потому что на ощупь все коридоры кажутся одинаковыми. У Ары была хорошо тренированная память, ей было не так уж трудно запомнить нужное число поворотов и пропусков, причем на ощупь, а не с помощью зрения и логики. Вскоре она прекрасно ориентировалась в Малом Лабиринте — той части подземелья, которая располагалась под Гробницами и Храмом. Но был один коридор, куда она не сворачивала никогда: второй налево от двери в Красной скале; он вел туда, откуда она могла бы никогда не найти выхода, — в Большой Лабиринт. Ее бесконечно тянуло войти в этот коридор, идти дальше и дальше, и желание это день ото дня все росло, но она сдерживала его до тех пор, пока не выпросила все, что могла, о Большом Лабиринте у Тхар.

Тхар знала немного; разве что названия отдельных комнат и перечень пропусков и поворотов, которые нужно было запомнить, чтобы попасть в известные ей помещения. Она рассказывала все это Аре, но никогда не рисовала путь — ни на земле, ни в воздухе; и сама никогда по этим коридорам не ходила, никогда в Большой Лабиринт не спускалась. Но если Ара спрашивала ее, например: «Как пройти от железной двери в Расписную Комнату?» или «Как попасть из Зала Скелетов в туннель вдоль реки?», Тхар, помолчав, начинала на память перечислять нужное количество поворотов и пропусков, которые когда-то давным-давно узнала от той Ары-Что-Была: столько-то перекрестков пройти, столько-то раз повернуть налево и так далее, и тому подобное. И все это Ара запоминала на слух, и притом обычно с первого раза. Лежа по ночам в постели, она без конца повторяла и повторяла про себя эти маршруты, представляя, что движется из зала в зал по коридорам, совершает один поворот за другим.

Тхар показала Аре множество смотровых глазков, через которые видны были отдельные части Лабиринта; глазки имелись во всех строениях и храмах Святого Места, они были даже за стеной, среди камней и скал. Паутина каменных туннелей распространялась далеко за пределы Святого Места; там, во тьме, можно было бродить месяцами. Никто, кроме Ары, двух Верховных Жриц и их личных телохранителей, евнухов Манана, Уахто и Дьюби, не знал о том, что повсюду, подо всей территорией самого Святого Места и вокруг, протянулись под землей мрачные туннели Лабиринта. Среди людей, правда, ходили смутные слухи о расположенных

под Гробницами подземных пещерах или залах. Но никто не проявлял особого любопытства в том, что как-либо касалось Безымянных, их Храма и Гробниц. Возможно, людям казалось, что, чем меньше они знают об этом, тем безопаснее. Ара же не могла сдерживать любопытства и, зная, что везде существуют наблюдательные глазки, давно уже искала их; однако они были настолько хорошо замаскированы, что она так ни одного и не нашла, даже того единственного, что находился в Малом Доме, пока его ей не показала Тхар.

Однажды ночью ранней весной Ара взяла фонарь и, не зажигая его, спустилась в Подземелье, прошла под Гробницами к заповедному второму повороту налево, что находился в коридоре недалеко от входа у Красной скалы.

В темноте она сделала еще шагов тридцать и нащупала что-то вроде дверного проема — железную раму, вделанную в камень: до сих пор это был предел ее путешествий. Но теперь, миновав Железную Дверь, Ара долго шла по туннелю, а у первого поворота вправо зажгла фонарь и осмотрелась. Свет в Большом Лабиринте был разрешен; это было не настолько священное место, как Подземелье под Гробницами. Впрочем, место это было еще страшнее: чудовищная паутина Большого Лабиринта раскрылась перед ней. Стены, своды, пол — все было из грубого камня; ее, стоявшую в крошечном кружке света, со всех сторон окружал камень. Воздух был мертвым. Перед ней и позади — чернота бесконечного туннеля.

Коридоры казались одинаковыми; они пересекались, сливались, расходились в разные стороны. Ара, как всегда старательно, считала вслух повороты и пропуски, сопоставляя с тем, что рассказывала ей Тхар, наставления которой помнила великолепно. Заблудиться в Большом Лабиринте было равносильно смерти. В Священном Подземелье и коротких ближних коридорах Лабиринта Коссил и Тхар еще могли бы ее отыскать; Манан тоже знал путь, потому что Ара несколько раз брала его туда с собой. Здесь же никто из них никогда не бывал: только она одна. И мало ей будет проку, даже если они спустятся в Малый Лабиринт и станут там звать ее во весь голос; она все равно будет блуждать по головоломным сплетениям туннелей где-нибудь совсем рядом, но выйти к ним не сможет. Она представила, что уже слышит эхо зовущих ее голосов в каждом коридоре и пытается выбраться к людям, но только запутывается еще больше. И так живо представила она себе эту картину, что даже остановилась: ей показалось, что она слышит далекий, зовущий ее голос. Ничего! Она не заблудится! Она очень осторожна; все это — ее владения.

Силы Тьмы, Безымянные, станут руководить здесь каждым ее шагом точно так же, как не допустят вторжения кого-либо еще из смертных в свою обитель.

В тот первый раз она не пошла далеко, но все-таки прошла достаточно, чтобы в душе возникла странная, горьковатая, но все же приятная уверенность в своем полном одиночестве; именно эта уверенность приводила ее сюда снова и снова, и каждый раз она заходила все дальше и дальше. Наконец она добралась до Расписной Комнаты, до Перекрестка Шести Путей, потом по длинному туннелю внешнего круга попала в странный извилистый коридор, который выводил в Зал Скелетов.

— А когда был создан Лабиринт? — спросила она как-то Тхар.

И сухопарая жрица ответила ей:

— Госпожа, я не знаю. Никто этого не знает.

— Для чего же он создан?

— Чтобы спрятать сокровища, принадлежащие Гробницам, а также для наказания тех, кто попытается их похитить.

— Но все сокровища, что я видела, находятся в комнатах за Троном и в Подземелье под Камнями. Что же скрывается в Большом Лабиринте?

— Там несметные и гораздо более древние богатства. Ты хочешь на них посмотреть?

— Да.

— Лишь ты одна можешь войти в Сокровищницу Гробниц. Ты можешь брать с собой телохранителей даже в Большой Лабиринт, но не в Сокровищницу. Если твой Манан только войдет туда, сразу проснется гнев Тьмы; живым из Лабиринта он уже не выйдет. Туда ты должна ходить только одна, всегда одна. Я знаю, где находится Великое Сокровище. Ты рассказала мне, как туда попасть, еще пятнадцать лет назад, перед тем как умерла, чтобы я запомнила и рассказала тебе, когда ты вернешься в этот мир. Я могу напомнить тебе дорогу туда после Расписной Комнаты; а вот этот серебряный ключик с изображением дракона, что висит на твоём кольце, и есть ключ от Сокровищницы. Но ты должна идти непременно одна.

— Расскажи мне, как туда идти.

Тхар рассказала, и Ара запомнила, как запоминала все, что ей говорили. Но почему-то не пошла смотреть на Великое Сокровище Гробниц. Странное чувство незавершенности собственных намерений, или скорее знаний, удерживало ее. А может быть, ей просто хотелось что-то оставить про запас, на потом, чтобы впереди всегда была манящая цель, как бы отбрасывающая свет на стены бесконечных коридоров, то заводящих в

тупики, то в пыльные и пустые камеры для несуществующих узников. Нет, она еще немного подождет, она еще успеет увидеть свои сокровища.

В конце концов, разве она не видела их раньше?

Ей все еще порой было немного странно, когда Тхар и Коссил говорили с ней о вещах, которые она якобы видела или говорила до того, как умерла. Она знала, что действительно умерла и потом снова возродилась в новом теле в тот самый час, когда старое ее тело прекратило жить: и возродилась не единожды, пятнадцать лет назад, а возрождалась и пятьдесят лет назад, и еще раньше, и еще много-много раз за многие сотни лет, прожитые многими сотнями поколений людей. Она родилась почти в самом начале времен, когда еще только был создан этот Лабиринт, когда были установлены Камни, когда Самая Первая Жрица Безымянных танцевала в Храме перед Незанятым Троном. Все они были одной Арой; все их жизни слились с ее собственной. Теперешняя Ара была и той Первой Жрицей. Все живые существа способны возрождаться в одном и том же обличье. Так, сотни раз повторяя про себя пути и этого Лабиринта, она наконец добралась до потайной комнаты, дававшей знание.

Порой она думала, что действительно помнит все это. Темное Подземелье под Храмом было так знакомо ей, словно было ее родным домом. Когда она, надышавшись дурманящих благовоний, танцевала в безлунные ночи перед Незанятым Троном, голова ее становилась совсем легкой, а тело больше ей не принадлежало; и она танцевала как бы сквозь века, вечно босая, вечно в черных одеждах, и знала, что танец этот никогда не кончается.

И все-таки всегда было немного странно, когда звучали слова Тхар: «Ты рассказывала мне об этом, прежде чем умерла...»

Однажды Ара спросила:

— Кто были те люди, что пытались ограбить сокровищницу? И удавалось ли это кому-нибудь?

Мысль о таком ограблении казалась ей невероятной, неправдоподобной. Как могли воры тайком пробраться в Святое Место? Пилигримы здесь бывали очень редко, еще реже, чем узники. Порой присылали новых стражников или рабов; иногда группа паломников желала принести святые дары — золото или драгоценный ладан — одному из храмов. И все. Случайно сюда никто не приходил. Или просто из любопытства. Здесь ничем не торговали и ничего не покупали. Даже стащить что-то никто не пробовал. Без веления сверху никто сюда не являлся. Ара даже не знала, далеко ли ближайший город, сколько до него

часов или дней пути. Впрочем, городок этот был невелик. Святое Место со всех сторон охраняла и защищала безлюдная пустыня. Любой, кто попытается пройти через нее незамеченным, думала Ара, имеет не больше шансов, чем черная овца на заснеженном поле.

Ара проводила большую часть своего времени в обществе Тхар и Коссил — когда не оставалась одна в Малом Доме или не бродила по Подземелью. Однажды ветреной холодной апрельской ночью они сидели в комнате Коссил с задней стороны Храма Короля-Бога у маленького очага, над которым висел котелок с отваром шалфея. За дверью Манан и Дьюби играли в азартную детскую игру с палочками и фишками: подбрасывали пучок палочек и старались как можно больше поймать тыльной стороной ладони. Ара и до сих пор иногда играла в нее с Мананом — тайком, во внутреннем дворике Малого Дома. Шуршание палочек, невнятное бормотание, приглушенные возгласы восторга или огорчения, слабое потрескивание дров в очаге — только эти звуки окружали трех безмолвных жриц. Вокруг, за стенами, стояла полная тишина, глубокое молчание ночной пустыни. Лишь порой налетал порыв ветра да тяжелые капли дождя стучали по кровле.

— Когда-то давно многие пытались похитить сокровища Гробниц, только никому это не удавалось, — сказала вдруг Тхар. Она хоть и была неразговорчива, однако теперь довольно часто рассказывала всякие интересные истории — под видом наставлений Аре. Сегодня, похоже, из нее вполне можно было вытянуть еще одну.

— Но как могли люди осмелиться?..

— Такие вполне могут, — сказала Коссил. — Это ведь все колдуны были, волшебники с Внутренних Островов. И первые из них являлись сюда еще до того, как Короли-Боги стали править Империей Каргад; мы тогда еще не были так сильны. Волшебники приплывали сюда с запада, высаживались на Карего-Ат и Атуан, грабили города на побережье, грабили фермы, посягали даже на священный город Авабатх. Говорили, что спешат на битву с драконами, а сами занимались грабежом.

— А их «великие герои» даже специально оставались здесь, чтобы орудовать своими мечами, — подхватила Тхар, — и произносить богомерзкие заклятья. Один из них, волшебник и Повелитель Драконов, самый могущественный из всех, попал здесь в беду. Это случилось давно, очень давно, но историю эту помнят хорошо не только у нас. Колдуна этого звали Эррет-Акбе. Он считался королем западных островов и великим мудрецом. Дело было так: он явился в Авабатх и вступил в сговор с некоторыми из не покорившихся Королю правителей. Он сражался на их

стороне против самого Верховного Жреца Богов-Близнецов. Долго длилась эта битва у стен столицы — человеческое волшебство против божественных молний, — и храм вокруг них превратился в руины. Наконец Верховный Жрец сломал колдовской посох волшебника и разбил его могущественный амулет, одержав победу. Волшебник спасся бегством, и с островов каргов он бежал через все Земноморье на дальний запад, где был убит впоследствии драконом, ибо волшебной силы своей лишился. С тех пор сила и могущество Внутренних Островов стали слабеть. А Верховный Жрец был назван Интатином, что значит «непобедимый», и стал основоположником рода Тарба, от которого тянется длинная родословная священников Жрецов Карего-Ат, а от них — Королей-Богов Империи Каргад. После битвы Интатина с волшебником могущество нашего государства неустанно росло. Те же, кто пытался потом выкрасть из Сокровищницы половинку амулета Эррет-Акбе, все были колдунами. Они проникли в Лабиринт, но амулет по-прежнему там, куда положил его на хранение Верховный Жрец. Там же лежат и кости грабителей... — Тхар указала себе под ноги. — А другая половина амулета пропала навсегда.

— Как пропала? — изумилась Ара.

— Одна его половина — та, что осталась в руке Интатина, — была передана им в Сокровищницу, где и лежит до сих пор. Другая же осталась у волшебника в руке, и тот, перед своим бегством с Каргадских островов, передал ее одному из бунтовщиков по имени Торег из Гупуна. Не знаю, почему он это сделал.

— Чтобы посеять смуту, чтобы Торег возгордился, — сказала Коссил. — Собственно, так оно и произошло. Потомки Тореге вскоре снова восстали против воцарившегося рода Тарба, против нашего первого Короля-Бога, отказываясь признать в нем верховного правителя и божество. Это был проклятый род, околдованный — род Тореге. Теперь никого из них в живых не осталось.

Тхар кивнула и прибавила:

— Отец нынешнего Короля-Бога, Тот-Что-Воскрес-Из-Мертвых, искоренил этот род, уничтожив все их владения и замки. И половинка волшебного амулета, хранившаяся у них со времен Эррет-Акбе и Интатина, была утрачена навсегда. Никто не знает, что с ней случилось. Давно это было, очень давно.

— Ее, конечно же, просто выбросили — с виду в ней ничего ценного или особенного не было! Да будет оно проклято, это кольцо Эррет-Акбе! Да будут прокляты все волшебники! — Коссил плюнула в огонь.

— А ты видела ту половину кольца, что хранится в Сокровищнице? —

спросила Ара у Тхар.

Тощая жрица покачала головой.

— Она хранится в той части Лабиринта, куда не может попасть никто, кроме Единственной. Возможно, это самое главное сокровище Храма. Не знаю. Но думаю, что так. Ибо многие сотни лет сюда пробираются воры-волшебники с Внутренних Островов, вновь и вновь пытаюсь выкрасть его, и воры те проходят мимо открытых сундуков с золотом: им нужна только эта, одна-единственная вещь. Давно жили на свете Эррет-Акбе и Интатин, но все осталось по-прежнему; старую историю по-прежнему помнят и рассказывают по всему Земноморью. Большой частью вещи стареют и утрачивают свой смысл, за долгие века исчезая с лица земли. Очень редко встречается то, что не теряет своей ценности никогда. И очень редки те легенды, которые помнят вечно.

Ара какое-то время размышляла над этими словами.

— Они, должно быть, очень храбрые или слишком глупые, раз осмеливались осквернить святыню. Разве им не ведомо, сколь могущественны Безымянные? — сказала она наконец.

— Нет, — холодно ответила ей Коссил. — Просто у них нет богов. Они умеют колдовать, а потому считают богами самих себя. Но они не боги. И когда умирают, то не возрождаются вновь. И души их, покинув тело, недолго плачут на ветру, пока ветер не развеет прах, ибо души их не бессмертны.

— Но что это за волшебство? — спросила Ара, совершенно очарованная рассказом. Она уже совсем забыла, как однажды заявила Пенте, что и смотреть бы не стала, если бы к берегу их плыли суда волшебников с Внутренних Островов. — Как они все это делают? Как действует их магия?

— Трюки, обман, фокусы, — сказала Коссил.

— И кое-что еще, — добавила Тхар. — Конечно, если в сказках об этом есть хоть доля истины. Волшебники с запада могут поднять ветер и заставить его улечься, а могут заставить его дуть в нужном им направлении. Это-то всем известно; все легенды об этом рассказывают одинаково. Именно благодаря своему умению все они великие мореплаватели. Они могут даже бури морские умирять. А еще говорят, что они способны вызывать по собственному желанию свет и тьму; умеют превращать простые камни в алмазы, а свинец — в золото; они в мгновение ока могут построить огромный дворец или целый город — по крайней мере, иллюзия будет полной; и еще они умеют превращаться в медведей, рыб или даже драконов, если захотят...

— Не верю я всему этому! — сказала Коссил. — То, что они опасны, знают всякие фокусы и скользкие, как угри, — это точно. Зато говорят, что если у волшебника отнять его посох, то и силы в нем никакой не останется. Возможно, на этих посохах пишутся их проклятые колдовские руны.

Тхар, не согласная с этим, покачала головой.

— У каждого из них действительно в руках волшебный посох, но это лишь инструмент, с помощью которого проявляется та сила, что заключена в самих этих людях.

— Но откуда она в них? — спросила Ара. — Откуда они черпают ее?

— Все это ложь, — сказала Коссил.

— Они знают нужные слова, — сказала Тхар. — Так мне объяснил один человек, который видел великого колдуна с Внутренних Островов, мага, как их там называют. Карги захватили его в плен. Он показал им сухую палку и что-то сказал ей. И... ах! Палка расцвела! Тогда он сказал что-то еще, и... ах! На палке появились красные яблочки. И тут он произнес еще одно слово, и палка, и цветы, и яблоки — все исчезло, а вместе с ними и сам колдун. С помощью одного лишь слова он исчез, как исчезает радуга в небе, — в мгновение ока, без следа. Они так и не нашли его потом. Разве это простые фокусы?

— Дурацкое дело нехитрое, — пробурчала Коссил.

Тхар умолкла, избегая ссоры, но Аре вовсе не хотелось прекращать разговор на столь увлекательную тему.

— А как выглядят эти волшебники? — спросила она. — Правда ли, что они совсем черные и с белыми глазами?

— Они черные и отвратительные. Я никогда ни одного не видела! — с удовлетворением заявила Коссил, поудобнее умачивая свой обширный зад на низенькой табуретке и протягивая руки к огню.

— Да хранят нас от них Боги-Близнецы, — прошептала Тхар.

— Да они больше сюда и не явятся, — откликнулась Коссил.

Дрова в очаге затрещали, дождь застучал по крыше, а за мрачными закрытыми дверями пронзительно взвизгнул Манан: «Ага! Половина моя! Половина моя!»

Близились зима. Умерла Тхар. Еще летом странная изнуряющая хворь напала на нее; она, и без того худая, стала совсем похожа на скелет; без того молчаливая, совсем почти умолкла. Разве что с Арой говорила она порой, но лишь с глазу на глаз; потом и эти беседы прекратились, и Тхар тихо покинула этот мир. Ара горевала от всей души. Суровая Тхар никогда не была жестокой. И учила Ару ничего не бояться, всегда блюсти собственное достоинство.

Теперь из Верховных Жриц осталась одна Коссил.

Новую жрицу для Храма Богов-Близнецов обещали прислать из Авабатха только весной. До тех пор все обряды там должны были отправлять Ара и Коссил. Пожилая жрица называла девушку «госпожа» и обязана была во всем ей подчиняться. Но Ара уже давно научилась ничего не приказывать Коссил. Она имела на это полное право, но у нее не хватало сил держать в узде ревнивую зависть Коссил, находившейся на более низкой ступени жреческой иерархии, чем Ара, и ее ненависть ко всему и всем, что ей не подчинялось.

Поскольку Ара теперь уже знала (от добросердечной Пенте) о существовании тех, кто не верит в ее богов, среди обитателей Святого Места и принимала это как данность, хоть и пугающую, она научилась смотреть на Коссил более или менее спокойно и даже отчасти понимать ее. В сердце Коссил не было настоящей веры ни в Безымянных, ни в других богов. Кроме власти, для нее не было ничего святого. В данный момент власть находилась в руках Императора Каргада, так что пока в ее глазах он действительно являлся Королем-Богом, и она верно ему служила. Но сами храмы были для Коссил всего лишь декорацией, Священные Камни — просто кусками скалы, Лабиринт — темными норами под землей, страшными, но пустыми. Она бы и Незанятому Трону перестала поклоняться, если б осмелилась. И Единственную уничтожила бы — но пока не решалась.

Ара даже это научилась принимать довольно спокойно. Возможно, понять это помогла ей Тхар, хотя ничего никогда прямо и не говорила. Сначала, еще не погрузившись в полное молчание, она просила Ару приходить каждые несколько дней и подолгу разговаривала с ней, много рассказывала о деяниях Короля-Бога, о его предшественнике, о

королевском дворе в Авабатхе — это все Тхар как Высшая Жрица знала достаточно хорошо, однако многие ее рассказы свидетельствовали не в пользу Короля и его придворных. А еще Тхар рассказывала о своей жизни: описывала, как выглядела Ара до того, как умерла; как она вела себя. Иногда, но нечасто, старая жрица говорила о том, какие опасности и трудности могут грозить Аре в ее теперешней жизни. Ни разу не назвала она Коссил по имени. Но Ара была достойной ученицей все эти одиннадцать лет, и легкого намека или чуть измененной интонации ей было вполне достаточно, чтобы все понять и запомнить.

После бесконечных мрачных Погребальных Церемоний Ара начала избегать Коссил. Когда заканчивались утомительные ежедневные хлопоты, она спешила в свое уединенное жилище; едва выдавалась свободная минутка, открывала дверь-ловушку за Троном и спускалась во тьму Подземелья. Днем ли, ночью ли — тьма там оставалась неизменной. Ара продолжала тщательно обследовать свои владения. Подземелье под Камнями было заповедно для всех, кроме Верховных Жриц и их телохранителей-евнухов. Любой другой человек, мужчина или женщина, попытавшийся проникнуть туда, непременно был бы покаран Безымянными. Но среди множества правил, которые Ара знала наизусть, не было такого, которое запрещало бы обычным людям входить в Большой Лабиринт. В том просто не было нужды: туда путь лежал через Священное Подземелье. Да и нужны ли мухам правила, чтобы попасть в сети паука?

Так что Ара довольно часто брала с собой Манана в ближнюю часть Лабиринта, чтобы он научился там немного ориентироваться. Ему туда вовсе не хотелось, но он, как всегда, подчинялся. Она убедилась в том, что Дьюби и Уахто, евнухи Коссил, прекрасно знают дорогу в Комнату Узников и обратно. Но ничего больше. Их она никогда не брала с собой в Лабиринт: не хотела, чтобы кто-то, кроме Манана, преданного ей всей душой, знал эти тайные пути. Лабиринт принадлежал лишь ей, ей одной. Она все глубже заходила в его коридоры. Всю осень бродила она там, но было еще огромное количество отсеков, в которые она никогда не сворачивала. Бесконечная, кажущаяся бессмысленной паутина коридоров ужасно утомляла; уставали ноги, мозг тупел в вечном запоминании поворотов и пропусков. Лабиринт — удивительно сложная система туннелей — был сделан в сплошной скальной породе и походил на огромный подземный город; только улицы этого города были созданы специально затем, чтобы до смерти измотать того, кто осмелится ступить на них, и смутить его душу. Даже Жрица его должна была все время помнить, что в конце концов Лабиринт и ее приведет к пустоте, к чудовищной ловушке.

Тянулись зимние месяцы, наступили холода, и Ара почти прекратила свои исследования, проводя время в основном в Тронном Храме, изучая его алтари, альковы, кладовки, заставленные сундуками и шкафами, рассматривая содержимое этих сундуков и шкафов, отыскивая потайные дверцы в стенах Храма, где под обвалившимся куполом гнездились сотни летучих мышей. Это была как бы обветшавшая прихожая Ее Величества Тьмы.

Кожа и одежда Ары пропахли сладким мускусом, превратившимся в порошок за восемь веков хранения в металлических коробках; на лбу, бровях и ресницах налипла черная паутина; она могла час простоять на коленях, изучая резьбу на крышке красивого, рассохшегося от времени сундука из кедрового дерева — дара Храму от одного из королей, живших столетия тому назад. На крышке был изображен сам этот король, маленький человечек в напряженной позе и с большим носом, и Тронный Храм с его плоским куполом и двойным рядом колонн. Каждая колонна была выполнена в мельчайших подробностях. Все это сделал неизвестный художник, давным-давно превратившийся в прах. И Единственная, вдыхающая курения, поднимавшиеся с бронзовых подносов, тоже была там; она давала советы королю с длинным носом, впрочем, на этом изображении нос короля был отломан, а лицо Жрицы слишком мало, чтобы различить ее черты. И все же Ара считала, что это ее собственное лицо. Ей ужасно хотелось узнать, что же она говорила тогда длинноносому королю и был ли он ей благодарен за советы.

В Храме у нее были свои любимые места — как у всякого человека в родном доме. Прежде всего те уголки, куда заглядывает солнышко. Так, Ара часто поднималась в маленькую кладовку на чердаке, где хранились старинные платья и костюмы еще с тех пор, когда великие правители Каргада часто приезжали поклониться Святому Месту и Гробницам Атуана, признавая, что здесь обитают властелины куда более могущественные, чем любой из смертных. Иногда юные принцессы, надев платья из мягкого белого шелка, украшенные топазами и фиолетовыми аметистами, танцевали вместе со Жрицей Гробниц у Трона. В кладовой сохранились маленькие инкрустированные слоновой костью столики, на их столешницах был изображен и один из таких танцев, и то, как сами правители, будучи мужчинами, ожидают за дверьми Храма. Их дочерям было позволено не только входить туда, но и танцевать вместе с Единственной, тогда, как и сейчас, одетой в грубую домотканую шерстяную хламиду черного — всегда только черного — цвета. Аре нравилось перебирать прелестные нежные полуистлевшие одеяния из

белого шелка и рассматривать не поддающиеся времени драгоценные камни, которые под собственным весом потихоньку отрывались от одряхлевших одежд. В этих сундуках пахло совсем иначе, чем в Храме, пропитанном запахами мускуса и благовоний: запах шелковых белых платьев, казалось, был более свежим, легким и молодым.

В задних комнатах Храма она порой проводила всю ночь, исследуя содержимое всего лишь какого-нибудь одного небольшого сундука, рассматривая один драгоценный камешек за другим, вынимая покрытое ржавчиной оружие, шлемы с поломанными перьями, перебирая застёжки, заколки, брошки, бронзовые статуэтки, серебряные и золотые слитки.

Совы, которых ничуть не смущало ее присутствие, спокойно сидели на балках и хлопали своими желтыми глазищами. Сквозь дыры в кровле были иногда видны звезды; порой на руки Аре падали снежинки, легкие и холодные, как эти древние шелка, и тут же превращались в ничто.

Однажды ночью, глубокой зимой, совсем замерзнув в Храме, она подошла к двери-ловушке, подняла ее и скользнула по ступеням вниз, плотно закрыв за собой дверь. Ара наизусть знала этот путь, ведущий прямо в Священное Подземелье. Здесь она, разумеется, огня никогда не зажигала, даже если у нее был с собой фонарь, припасенный для Большого Лабиринта или для того, чтобы увереннее ступать, когда поднимется на поверхность. Она гасила свечу, еще только приближаясь к Подземелью, и никогда не видела, как оно выглядит, — ни разу за всю бесконечно долгую жизнь Единственной Жрицы Гробниц. Вот и теперь, в первом же коридоре, она потушила фонарь, взятый с собой, и, не замедляя шага, скользнула в непроницаемую тьму, легкая, словно рыбка в темной воде. Здесь, независимо от времени года, всегда царила одинаково промозглая сырость, чувствовался запах плесени и температура оставалась неизменной. Там, над головой, трещали морозы и яростные зимние ветры разносили по пустыне клоки снежного покрывала. Здесь не существовало ни ветров, ни времен года; здесь было тесно, тихо, безопасно.

Она шла в Расписную Комнату. Она иногда любила ходить туда и рассматривать странные рисунки на стенах. Из темноты в мерцающем свете свечи на нее смотрели люди с длинными крыльями и огромными глазами, спокойными и мрачными. Никто не мог сказать ей, кто эти люди. Нигде в Святом Месте больше не было таких изображений. Аре казалось, что это души проклятых, тех, что неспособны возрождаться. Расписная Комната находилась в Большом Лабиринте, так что все равно путь лежал сначала через Подземелье под Камнями. Она почти вошла туда по наклонному коридору, как вдруг заметила слабый серый свет, какое-то едва

различимое мерцание, отдаленное световое эхо. А может, ей просто привиделось?

Она решила, что это так и есть: свет часто мерещится в непроницаемой тьме подземелий. Она закрыла глаза — мерцание исчезло. Открыла их — и снова увидела свет.

Тогда она остановилась и замерла. Вокруг все было серое. Не черное! Едва видимое свечение нарушало ту грань, за которой все должно быть черно.

Она сделала несколько шагов вперед и коснулась рукой стены там, где туннель сворачивал в сторону, и... разглядела свою собственную руку.

Она пошла дальше, не в силах ни думать ни о чем, ни даже бояться — таким странным был этот слабый отблеск света там, где никакого света быть не могло, в самом сердце обители Тьмы. Ара, одетая в черное, словно черная тень, бесшумно ступала босыми ногами. У последнего поворота она остановилась; потом очень медленно сделала еще один шаг и увидела...

...Увидела то, чего никогда не видела раньше, хоть и прожила не меньше ста человеческих жизней. Перед ней была огромная сводчатая пещера, находившаяся прямо под Священными Камнями и вырытая не руками человеческими, а Древними Силами Земли. Стены ее были разукрашены драгоценными камнями, всюду висели резные башенки, прекрасные изваяния из белого известняка — здесь многие тысячелетия работали подземные воды. Это походило на огромный алмазный дворец, стены и кровля которого струились водопадом, сверкали искрами драгоценных камней самой причудливой формы — аметистов, горного хрусталя, — и древняя Тьма была изгнана из этих сияющих чертогов.

Свет, сотворивший это чудо, не был ярким, но все же раздражал глаза, привыкшие к темноте. Он был похож на мерцающий болотный огонек, который неторопливо плыл через Подземелье, и тысячи отблесков вспыхивали на кровле, тысячи причудливых теней плясали на стенах.

Огонек горел на конце деревянного посоха, не давая ни дыма, ни запаха. Посох держала человеческая рука. Потом Ара увидела и лицо — оно было освещено достаточно хорошо. Это было лицо мужчины.

Она не пошевелилась.

Долгое время человек просто медленно бродил по пещере, будто что-то искал. Заглядывал за кружевные известковые наросты, подходил к темным пастям туннелей, но туда войти не пытался. Ара, по-прежнему недвижимая, стояла в своем убежище и ждала.

Для нее труднее всего было осознать, что она видит проникшего в Священное Подземелье человека. Она и раньше-то редко видела

посторонних. Наверно, это один из евнухов-телохранителей... нет, скорее один из тех, что живут за стеной — пастух или стражник. Какой-то презренный раб забрался сюда, чтобы выведать тайны Безымянных или, может быть, даже что-то украсть...

Украсть! Ограбить Сокровищницу Темных Сил. *Святотатство*. Это слово медленно возникло в мозгу Ары. Какой-то мужчина — а ни один мужчина не смеет ступить на территорию Священных Гробниц Атуана! — здесь, в самом сердце ее Храма! Он проник сюда, зажег огонь там, где это запрещено, где никогда не было света. Почему же Безымянные не покарали его?

Теперь он стоял и рассматривал каменные плиты под ногами, потрескавшиеся от времени. Было заметно, что в этом месте пол вскрывали и снова клали плиты на место. Мокрые безжизненные комья земли, оставшиеся после погребения узников, до сих пор не были убраны.

Тех троих ее Хозяева проглотили. Почему же этот до сих пор жив? Чего они ждут?

Пусть сделают что-то, пусть заговорят...

— Уходи! Уходи! Убирайся! — пронзительно вскрикнула Ара. Сильное эхо зазвенело по всему Подземелью; оно, казалось, рассеяло даже тьму, и встревоженное лицо чужака в изумлении повернулось в ее сторону. Свет метнулся к ней, нарушая очарование пещеры; мужчина успел ее увидеть. Потом свет погас. Все исчезло. Все поглотила слепящая тьма и тишина.

Освободившись от чар света, Ара вновь обрела способность думать.

Мужчина скорее всего пробрался в Подземелье через дверцу в Красной скале, через которую сюда приводят узников, и наверняка попытается через нее же выйти наружу. Легкая, неслышная, как мягкокрылые совы в ее Храме, Ара стремительно сделала полукруг по знакомым коридорам и оказалась у низенькой двери, что открывалась лишь вовнутрь. Воздух снаружи в Подземелье не поступал: мужчина не закрепил дверь, не оставил ни малейшей щели; он просто захлопнул ее за собой — и попался в ловушку. Если он все еще в Лабиринте, конечно.

Впрочем, в ближних коридорах его не было. Она была в этом уверена. В тесноте прохода она бы услышала его дыхание, почувствовала тепло, само биение жизни в нем. Рядом с ней не было никого. Она стояла, напряженно прислушиваясь. Где же он?

Тьма давила ей на глаза, как повязка. Душа ее пребывала в смятении: она видела Священное Подземелье! Она хорошо знала его — но лишь потому, с какой силой отдавались звуки от его стен; знала на ощупь каждый

выступ; по сквознякам, разгуливающим в таинственной темноте, знала, где начинается какой коридор. Это была великая тайна, недоступная взору. Она же увидела все, и тайна стала совсем иной: ужас уступил место красоте, еще более таинственной, чем Тьма.

Ара неуверенно двинулась вперед. Она нащупала второй проход налево: отсюда начинался путь в Большой Лабиринт. Здесь она остановилась и прислушалась.

Уши во тьме сказали ей не больше, чем глаза. Но она все стояла и стояла, опершись обеими руками о стену туннеля и ощущая слабое, неясное дрожание каменных сводов, движение сырого воздуха, сохранившего запах, не принадлежавший Лабиринту: запах шалфея, что растет на холмах в пустыне, там, над головой, под открытым небом.

Медленно и уверенно двинулась она дальше по коридору, следуя за этим запахом.

Примерно через сотню шагов она услышала: мужчина двигался в темноте почти так же бесшумно, как и она, но не так уверенно. Вот он слегка споткнулся, но сразу выровнял шаг. Снова наступила тишина. Ара подождала и пошла медленно дальше, едва касаясь стены кончиками пальцев правой руки. Наконец пальцы ее ощутили знакомую железную раму. Ара остановилась, встав на цыпочки, дотянулась до мощной грубой рукоятки. И резко, изо всех сил рванула ее вниз.

Раздался ужасный скрип и грохот. Голубые искры водопадом посыпались вниз. Эхо заполнило туннели, и отзвуки его, сплетаясь и разлетаясь по всему Лабиринту, замерли где-то у нее за спиной. Она снова вытянула руки, еще раз нащупала совсем рядом с собственным лицом покрытую оспинами поверхность Железной Двери и с облегчением глубоко вздохнула.

Медленно возвращаясь назад и стараясь держаться правой стены, Ара добралась до двери-ловушки за Троном. Она не спешила, ступая совсем неслышно, хотя в соблюдении особой тишины уже не было необходимости. Вора она поймала. Дверь, через которую он пробрался внутрь, была единственным входом в Большой Лабиринт, и открыть ее можно было только снаружи.

Теперь он там, внизу, во тьме подземелий, и никогда больше оттуда не выйдет.

Она по-прежнему двигалась медленно, с достоинством. Высоко подняв голову, прошла мимо Незанятого Трона по длинному, украшенному колоннами залу и приблизилась к бронзовой чаше на треножнике, наполненной красноватыми раскаленными угольями, потом повернула

назад и подошла к лестнице из семи ступеней, что вела к Трону.

На самой нижней ступени она опустилась на колени и низко склонила голову, коснувшись лбом холодных камней, покрытых пылью и мелкими мышинными костями, которые роняли хищные совы.

— О Безымянные, простите меня! Я видела, как нарушили Вашу Тьму, — молилась она про себя. — Простите, что я видела, как осквернили Ваши Гробницы. Но Вы будете отомщены! Смерть станет его стражником и палачом. Никогда не суждено будет осквернителю родиться вновь!

И все-таки даже сейчас, молясь Безымянным, видела она дрожащие блики света на стенах пещеры, жизнь там — где царит смерть; и почему-то не ужас свершенного святотатства и не гнев терзали ее; нет, она думала лишь, как это было прекрасно, как странно...

«Но что я скажу Коссил? — задумалась Ара, выйдя навстречу порывам зимнего ветра и плотнее кутаясь в плащ. — Да ничего. Я — хозяйка Лабиринта. И Король-Бог не имеет к нему никакого отношения. Впрочем, может быть, я все-таки скажу ей — когда вор будет мертв. Как же мне умертвить его? Пусть бы Коссил смотрела, как он умирает. Она это обожает. Однако что он там искал? Он, должно быть, сумасшедший. И как он попал внутрь? Только у меня да у Коссил есть ключ от дверцы в Красной скале и от двери-ловушки. Нет, он, конечно же, прошел через дверь в Красной скале. Но ее может открыть только колдун... Колдун!»

Она резко остановилась, хотя ветер буквально сбивал с ног.

Так это колдун! Волшебник с Внутренних Островов, который ищет здесь амулет Эррет-Акбе.

И происшедшее вдруг окрасилось таким немыслимым очарованием древних легенд, что Аре стало жарко на пронизывающем ветру, и она громко рассмеялась. Все вокруг — храмы, пустыня — было темным и безмолвным; в Большом Доме ни огонька; мелкий, почти невидимый снежок несло сильным ледяным ветром.

Если он сумел открыть с помощью волшебства ту дверь, то может открыть и другие. Он может спастись, уйти от расплаты.

От этой мысли она вздрогнула, но почти тут же успокоилась. Безымянные позволили ему войти? Почему бы и нет? Он не может причинить им ущерба, этот вор, которому не выйти из обворованной Сокровищницы. Возможно, у него в запасе достаточно заклятий и всяких магических штучек, и он, наверно, достаточно могущественный волшебник, раз сумел забраться так далеко. Но дальше-то что? Все его заклинания окажутся бессильны там, где властвуют Безымянные, те великие Короли, чей Трон пустует в ее Храме.

Чтобы убедиться в своей правоте, она поспешила по тропе вниз, к Малому Дому. Манан спал в дверях, завернувшись в плащ и драное меховое одеяло — как всегда зимой. Она тихонько скользнула внутрь, стараясь не разбудить его, и свет зажигать не стала. Прошла в маленькую комнатку, больше похожую на шкаф, высекла кремнем искру, которой ей достало, чтобы найти нужную плитку в полу, которую она и приподняла, встав на колени. Отверстие было еще прикрыто грязной тряпицей, которую она отшвырнула, и... отшатнулась. Прямо ей в лицо снизу ударил луч света.

Через мгновение очень осторожно она снова заглянула в глазок. Она просто забыла, что у волшебника на конце посоха горит загадочный огонек, и ожидала самое большее послушать, как он бродит там, в темноте. О том, что он везде зажигает свет, она не подумала. Зато, как она и ожидала, он оказался прямо под глазком, у Железной Двери, преграждавшей ему выход из Лабиринта.

Он стоял, задумчиво подбоченясь и склонив набок голову. В другой руке он держал свой посох, на конце которого висел огонек. Она видела его с высоты чуть больше человеческого роста. Одет он был точно так же, как и все путешественники или пилигримы зимой: короткий теплый плащ, кожаный жилет, шерстяные чулки и башмаки с ремешками; за спиной — небольшой легкий мешок с привязанной к нему флягой с водой; на бедре — кинжал в ножнах. Он стоял неподвижно, как статуя, но был очень спокоен и о чем-то думал.

Потом медленно поднял свой посох и поднес его освещенный конец к двери, которую Аре в глазок видно не было. Огонек на конце посоха уменьшился, но стал ярче, светил, как фонарь. Волшебник что-то громко сказал. Язык этот был Аре незнаком, но еще более странным, чем слова неведомого языка, был голос мужчины, глубокий и звучный.

Свет на конце посоха стал еще ярче, потом вдруг мигнул и пропал совсем. Какое-то время она не видела ничего.

Потом снова появился бледный ровный свет, похожий на болотные огни; она увидела, что теперь он стоит к двери спиной: заклинание не действовало. Силы, накрепко запершие эту дверь, оказались сильнее всей его магии.

Он огляделся, словно раздумывая: а что же теперь?

Коридор, в котором он стоял, был узкий и очень высокий. Грубый каменный пол, зато стены довольно гладкие, сухой кладки. Впрочем, каменные плиты лежали плотно, впритирку, так что между ними вряд ли можно было просунуть даже лезвие ножа. Стены туннеля слегка

наклонялись внутрь, образуя подобие свода.

Вокруг волшебника была пустота.

Он пошел было вперед и с первого шага исчез из поля зрения Ары. Свет почти померк, и она уже намеревалась положить обратно тряпку и плиту, но тут снова легкий отблеск мелькнул на стенах — волшебник возвращался. Наверно, понял, что если уйдет от двери и заберется глубже в Лабиринт, то вряд ли сможет снова найти выход.

Он что-то сказал тихим голосом. Собственно, одно лишь слово: «Эменн!» Потом еще раз громче: «Эменн!» Железная дверь содрогнулась, и негромкое эхо прокатилось по сводчатым туннелям. Аре даже показалось, что пол у нее под ногами заколыхался.

Но дверь была прочна и выстояла.

Тогда он рассмеялся — тем коротким смешком, каким смеется человек, думая: ну до чего же глупо я себя вел! Он еще раз окинул взглядом окружающие его стены, и, когда смотрел вверх, Ара заметила, как его темное лицо осветила улыбка. Потом он сел, развязал свой узелок, достал оттуда кусок черствого хлеба и стал есть. Потом отвернул пробку кожаной фляги, встряхнул ее; фляга выглядела в его руках маленькой и легкой, похоже, она была наполовину пуста. Он снова закрыл флягу, пить так и не стал. Потом положил мешок себе под голову, как подушку, завернулся в плащ и лег, держа посох в правой руке. Когда он улегся, маленький светящийся шарик оторвался от конца посоха, взлетел и повис в воздухе у него над головой. Левая рука волшебника лежала у него на груди, придерживая что-то, висевшее на тяжелой цепи. Он лежал будто в собственной постели — удобно устроившись, чуть согнув ноги в коленях. Взгляд его скользнул по глазку, в который смотрела Ара, и двинулся дальше. Волшебник вздохнул и смежил веки. Свет потихоньку стал меркнуть. Он спал.

Стиснутая рука у него на груди разжалась, соскользнула вбок, и Ара сверху разглядела тот талисман, что носил он на цепи: странное металлическое полукружие или полумесяц. Так ей, во всяком случае, показалось.

Последний слабый отблеск волшебного света исчез. Теперь человека окружала тишина и темнота.

Ара положила тряпицу и каменную плиту на место, бесшумно встала и скользнула в свою комнату. Там она долго лежала во тьме без сна, слушая вой ветра и все время видя перед собой хрустальное сияние на стенах обители смерти, легкий холодный огонек на конце волшебного посоха, каменные стены туннелей, спокойное лицо спящего мужчины.

Ловушка для людей

На следующий день, после свершения всех обрядов, закончив разучивать с новенькими сакральные танцы, Ара ускользнула к себе, в Малый Дом, и, погасив свет, приоткрыла наблюдательный глазок. В Лабиринте было темно. Она и не надеялась, что он надолго останется у запертой двери, но искать его сверху она могла только через этот глазок. Как же теперь найти его, если он заблудился?

Тхар считала, что туннели Лабиринта — собственно, и сама Ара уже убедилась в этом — это несколько дней пути, особенно если считать боковые коридоры, ответвления, спиралевидные проходы и тупики. Слепая Аллея, проходящая почти по периметру Лабиринта, казалось бы, находилась совсем недалеко от Храма — если смотреть сверху. Но там, внизу, под землей, нигде нельзя было пройти по прямой. Все туннели без конца сворачивали куда-то, сливались, разъединялись, расходились лучами в разные стороны, переплетались между собой, образуя петли и столь изощренный рисунок, что, казалось, там вообще нет ни начала, ни конца. Можно было идти и идти, но не прийти никуда, ибо там не было точки отсчета, не было центра, не было сердца. Как только дверь-ловушка захлопывалась за твоей спиной, Лабиринту уже не было конца. Ни одно избранное направление не оказывалось верным, если не помнить пути наизусть.

И хотя расположение комнат и пути к ним были навечно запечатлены в памяти Ары, даже она порой брала в наиболее дальние походы клубок тонкой бечевы, благодаря которому потом находила обратный путь. Ведь если пропустить хотя бы один из бесконечных поворотов или боковых коридоров, которые следует миновать, легко можно заблудиться даже ей, Единственной. Все коридоры и все проходы были похожи друг на друга как две капли воды.

Тот мужчина вполне мог уже много часов бродить по бесконечным туннелям Лабиринта, а на самом деле быть в какой-то сотне шагов от той же самой двери.

Ара сходила в свой Храм, потом в Храм Богов-Близнецов, потом в погреб под кухней Большого Дома. Всюду, улучив момент, когда никого не было рядом, она заглянула в смотровые глазки — в леденящую плотную тьму. Когда наступила ночь, морозная и звездная, она обежала все

потайные места на склоне холма, где, подняв соответствующие камни, тоже можно было заглянуть в Лабиринт. Везде было темно.

Он, конечно же, был там. Должен был там быть. И все-таки от нее он сбежал. И теперь, наверно, умрет от жажды раньше, чем она разыщет его. Может, лучше послать в Лабиринт Манана, чтобы тот отыскал тело, когда пройдет достаточно времени? Нет, об этом даже думать было невыносимо. При мысли об очередной жертве она без сил опускалась на мерзлую землю, над которой горели зимние звезды, и в глазах ее закипали слезы ярости.

Ара вернулась по тропе, что вела прямо к Храму Короля-Бога. Колонны с резными капителями были покрыты сверкающим белым инеем — казалось, это тонкая резьба по кости. Девушка постучала в заднюю дверь Храма, и Коссил открыла ей.

— Что привело сюда мою госпожу? — Голос могучей жрицы звучал холодно и настороженно.

— Жрица, там, в Большом Лабиринте, мужчина.

Сообщение застигло Коссил врасплох. Этого она никак не ожидала и стояла, уставившись на Ару так, что глаза ее, казалось, вот-вот вылезут из орбит. Ара почему-то вдруг подумала, что сейчас Коссил ужасно похожа на ту, какой ее изображала Пенте, и с трудом подавила желание расхохотаться ей в лицо.

— Мужчина? В Лабиринте?

— Мужчина, чужеземец. — Потом, поскольку Коссил продолжала смотреть недоверчиво, Ара прибавила: — Я вообще-то знаю, как выглядят мужчины, хоть и не много их видела.

Коссил на шутку не отреагировала.

— Как он попал туда?

— С помощью колдовства, я думаю. Он темнокожий — наверно, с Внутренних Островов. Вор, конечно. Сначала я его обнаружила в Подземелье под Храмом, под самыми Камнями. Он поспешил ко входу в Лабиринт, когда почуял меня, словно знал, куда бежит. Я заперла Железную Дверь прямо у него за спиной. Он произносил разные заклинания, но дверь так и не открылась. А утром он ушел глубоко в Лабиринт, и теперь я не могу его отыскать.

— Свет у него был?

— Да.

— А вода?

— Маленькая фляжка, неполная.

— Его свеча теперь уже совсем догорела, — Коссил размышляла вслух. — Еще четыре или пять дней. Может быть, шесть. Потом можешь

послать моих телохранителей — пусть извлекут тело. Кровь будет принесена в жертву Трону, а...

— Нет! — сказала вдруг Ара с неожиданной вспышкой ярости. — Я хотела бы найти его живым.

Коссил посмотрела на девушку сверху вниз, громоздясь над ней своей тушей.

— Почему?

— Пусть он... Пусть он умирает дольше. Он осквернил обитель Безымянных, зажег в Священном Подземелье свет... И он вор! А потому заслуживает наказания более жестокого, чем просто смерть от жажды в тиши и одиночестве.

— Да, — сказала Коссил задумчиво. — Но как ты поймаешь его, госпожа? Только если повезет... Ему-то самому на везение рассчитывать нечего! В Лабиринте хватает костей тех, кто без спросу вошел в его коридоры... Пусть Темные Силы накажут его по-своему — как обычно наказывает Лабиринт. Смерть от жажды — жестокая смерть.

— Я знаю, — сказала девушка, повернулась и вышла в ночь, набросив на голову капюшон, защищавший от пронзительного ледяного ветра. Это-то она знала хорошо!

До чего же по-детски, до чего же глупо она поступила, явившись за советом к Коссил! Она все равно бы не получила здесь никакой помощи. Коссил ничего не понимает. Ей доступно лишь холодное ожидание — и смерть жертвы в итоге. Она не понимает, не видит смысла в том, чтобы искать совершившего святотатство. Но с ним не должно быть так, как с теми, предыдущими. Она, Ара, больше этого не вынесет. Если еще кто-то должен умереть, пусть умрет быстро и при свете дня. Конечно же, лучше бы этот вор, первый человек за многие столетия, решившийся ограбить Сокровищницу, умер от удара меча. Он ведь не бессмертен и не сможет возродиться вновь. Так что душа его будет вечно слоняться со стонами по Лабиринту... Нет! Нельзя допустить, чтобы он умер там от жажды в темноте и одиночестве.

В ту ночь Ара спала плохо. Следующий день был до краев наполнен заботами, совершением обрядов и прочей суетой. Ночью же она спать не легла, а бесшумно переходя от одного наблюдательного глазка к другому и не зажигая огня, обошла их все — и в помещениях, и на продуваемых ветром склонах холма. Когда до рассвета оставалось всего два или три часа, она наконец отправилась к себе и легла, но так и не смогла заснуть. На третий день уже ближе к вечеру она тайком отправилась через пустыню к реке, теперь засыпанной снегом. Тростники вдоль берегов вмерзли в лед.

Ара вдруг вспомнила, что как-то осенью прошла по Лабиринту очень далеко; после того места, где в разные стороны расходилось сразу шесть коридоров, она долго-долго шла по одному и тому же извилистому туннелю и там за каменной стеной слышала журчание воды. Наверно, ведь человек, испытывающий жажду, если он добрался туда, там и останется? Там, где слышна вода? Возле реки, разумеется, тоже были наблюдательные глазки; нужно было только их разыскать под снегом; Тхар в прошлом году показала ей их все до одного. Особого труда не потребовалось: ее память о форме отдельных камней и скал была схожа с памятью слепого — на ощупь все помнилось ей куда лучше, чем зрительно. Отыскав на плоской поверхности одного из камней глазок, самый дальний от ее Храма, она прикрыла голову капюшоном, заслоняя дневной свет, и заглянула вниз: в туннеле под собой она заметила слабое мерцание волшебного фонарика.

Он был там, в самом конце Слепой Аллеи. Ара могла видеть лишь его согнутую напряженную спину и правую руку. Он сидел на полу у сходящихся углом стен и пытался проковырять отверстие в камне своим кинжалом, коротким стальным клинком с инкрустированной самоцветами ручкой. Конец лезвия был уже отломан. Отломанный кусок валялся прямо под наблюдательным глазком. Он сломал кинжал, пытаясь раздвинуть камни и добраться до воды, журчание которой слышал в мертвой неподвижности подземелья за стеной, — до чистой живой воды, что текла по другую сторону этой непреодолимой стены.

Он двигался вяло и выглядел иначе: трое суток в Лабиринте сильно изменили облик этого спокойного, ловкого и уверенного в себе человека, который смеялся тогда над собственной слабостью, стоя перед запертой Железной Дверью. В нем все еще жило упрямство, но силы уже иссякли. И не было заклятья, способного раздвинуть эти камни; был только бесполезный нож. Даже волшебный огонек над ним светился совсем слабо. Ара видела, что огонек этот все время мигает, словно собираясь погаснуть. Вдруг волшебник уронил голову, и кинжал выпал у него из рук. Однако уже через мгновение он поспешно подобрал нож и снова попытался прорунуть сломанное лезвие между камнями стены.

Лежа на льду в тростниках и не сознавая, что делает и где находится, Ара вдруг приблизила губы к отверстию в скале, сложила рупором ладони, чтобы усилить звук, и сказала туда:

— Волшебник!

Голос ее, скользя по каменному горлу, ледяным шепотом разнесся по подземным коридорам.

Мужчина вздрогнул и с трудом поднялся на ноги. И тут же пропал из

ее поля зрения. Она снова приложила губы к отверстию и сказала:

— Иди назад, вдоль той стены, что выходит к реке, до второго поворота. Потом первый поворот налево. Пропусти справа два прохода, в третий сверни. Пропусти один справа, сверни во второй. Потом налево, потом направо. Жди в Расписной Комнате.

Когда она заглянула в глазок снова, то поняла, что неосторожно позволила лучику дневного света скользнуть туда: волшебник снова был виден весь, стоял и смотрел вверх, прямо на глазок. Его лицо — теперь она рассмотрела хорошо — было покрыто какими-то шрамами, напряженное и нетерпеливое. Губы пересохли и почернели, но глаза горели ярко. Он поднял свой посох, поднося волшебный огонек ближе, ближе к ее лицу... Испуганная, она отпрянула, прикрыла отверстие плотно подогнанным камнем, потом встала и быстро пошла обратно в Храм. Руки у нее дрожали, порой начинала сильно кружиться голова. И она совершенно не представляла, как ей быть дальше.

Если он все-таки пошел тем путем, который она ему подсказала, то должен непременно пройти мимо Железной Двери и попасть в Расписную Комнату. Там для него не было ничего хорошего, и идти ему туда, в общем-то, было незачем. Но в потолке Расписной Комнаты был наблюдательный глазок, удобный и хороший, который выходил в Сокровищницу Храма Богов-Близнецов; может быть, она именно поэтому и подумала об этой комнате. Она и сама этого не знала. Все-таки почему же она с ним заговорила?

Она может спустить немного воды через наблюдательное отверстие. Вода позволит ему прожить чуть дольше. Так долго, как захочется ей, Аре. Если она время от времени будет спускать вниз воду и пищу, он продержится еще долго — дни, месяцы, скитаясь по Лабиринту. А она будет наблюдать за ним и говорить, где в этот раз его поджидает вода, чтобы он пошел туда и зря искал там воду — все равно ведь пойдет и будет искать! Хороший урок тому, кто пытался обмануть Безымянных, кто своим поганым мужским естеством осквернил Гробницы!

Но пока в Лабиринте будет находиться он, она туда войти не сможет. Почему же нет? — спрашивала она себя, и сама же отвечала: потому что ей придется оставить открытой Железную Дверь, через которую он уже пытался бежать... С другой стороны, дальше Священного Подземелья не убежит... На самом же деле Ара просто боялась встретиться с волшебником лицом к лицу. Она боялась его магической силы, мастерства, которое помогло ему проникнуть в Лабиринт, того колдовства, что поддерживало живым его волшебный огонек. И все же разве он так уж

страшен? Силы Тьмы на ее стороне! Вряд ли он способен так уж проявить свои магические способности в царстве Безымянных. Он же не смог открыть тогда Железную Дверь; и не добыл ни еды, ни воды, хотя вода-то была совсем рядом, за стеной; и не призвал на помощь никакого чудовища, чтобы сломать стену. А она ведь на самом деле боялась, что он сделает что-нибудь такое. Но он даже выхода из Лабиринта не нашел, трое суток прослонявшись совсем рядом с дверью в Сокровищницу, ради которой, собственно, и залез под землю. Сама Ара еще ни разу в Сокровищнице не была, хотя хорошо запомнила все наставления Тхар; она все откладывала и откладывала путешествие туда из-за непонятного страха, сомнений и странного ощущения, что время для этого еще не пришло.

Теперь она решила заставить его пройти этот путь прежде нее. Пусть ищет там что хочет! Очень это ему поможет! Она вдоволь посмеется над волшебником и предложит ему вместо еды золото, а вместо воды — алмазы.

С той же нервной, лихорадочной поспешностью, что владела ею последние три дня, Ара бросилась к Храму Богов-Близнецов, отперла его маленькую сводчатую сокровищницу и приоткрыла отлично замаскированный глазок в полу.

Расписная Комната находилась прямо под ней, но там было темно, как в колоде. Путь сюда по Лабиринту был куда длиннее и сложнее, чем по земле; как она об этом забыла. Мужчина, конечно, сильно ослабел и шел небыстро. Кроме того, он, возможно, перепутал ее наставления и свернул не туда. Очень немногие способны запомнить все повороты и пропуски с одного раза — как она, Ара. Возможно, он просто не понимает ее языка. Если это так, то пусть и скитается во тьме, пока не упадет мертвым, глупец, чужак, осквернитель! А душа его так и будет со стонами бродить по каменным тропам Гробниц Атуана, пока Тьма не поглотит и ее...

На следующее утро, едва рассвело, после короткого ночного отдыха, полного дурных сновидений, Ара вернулась к глазку в маленьком храме. Заглянула вниз и ничего не увидела: сплошная чернота. Тогда она опустила в отверстие маленький зажженный фонарь на цепочке. Волшебник был там, в Расписной Комнате. Фонарь выхватил из тьмы его ноги и одну безвольно упавшую руку. Она прошептала в отверстие, которое здесь было довольно большим — в целую плиту, какими был вымощен пол:

— Волшебник!

Он не пошевелился. Может, умер? Неужели сил его хватило так ненадолго? Ара презрительно фыркнула, но сердце у нее упало.

— Волшебник! — крикнула она, и голос ее зазвенел в пустой комнате

с расписными стенами. Человек вздрогнул и медленно сел, изумленно озираясь. Потом посмотрел вверх и долго глядел, щурясь, на свисающий с потолка фонарь. Лицо его было страшно: распухшее, черное, как у мумии.

Он протянул руку к посоху, что лежал рядом на полу, но волшебный огонек не зажегся: у человека совсем не осталось сил.

— Хочешь посмотреть сокровища Гробниц Атуана, волшебник?

Он снова устало поднял глаза к потолку. Хотя свет слепил его, он смотрел и смотрел, ибо это было единственное, что он мог видеть. Потом со странной гримасой, которая, по всей вероятности, должна была изображать улыбку, один раз кивнул.

— Выйди из этой комнаты и сверни налево по первому коридору... — Она выпалила длинную череду указаний без единой паузы и в самом конце прибавила: — Там ты найдешь то, за чем сюда явился. А еще, возможно, найдешь воду. Чего тебе больше хочется сейчас, волшебник?

Он встал на ноги, помогая себе посохом. Глядя вверх невидящими глазами, он попытался сказать что-то, но в его пересохшей глотке не осталось голоса. Он слегка пожал плечами и вышел из Расписной Комнаты.

Никакой воды она ему не даст. Он все равно никогда не найдет пути в Сокровищницу. Слишком длинными были ее указания, чтобы он успел их запомнить; и еще там Колодец — если он вообще до него доберется. Теперь его фонарик погас, и он идет в темноте, и в конце концов непременно сойдет с пути, упадет и умрет в одном из узких низеньких боковых проходов. Потом Манан отыщет его труп и вытащит наружу. И тогда все. Ара придавила обеими руками плитку, прикрывавшую наблюдательный глазок, и стала раскачиваться всем телом — туда-сюда, туда-сюда, кусая губы, словно пытаясь перетерпеть какую-то ужасную боль. Нет, воды она ему не даст. Не даст. Не даст. Она даст ему смерть, смерть, смерть, смерть, смерть!..

В тот черный час к ней и подкралась Коссил — Ара не заметила, как жрица вошла в Сокровищницу своей тяжелой походкой, огромная в черных зимних одеждах.

— Этот мужчина уже мертв?

Ара вскинула голову. В глазах ее не было слез, ей нечего было скрывать.

— Думаю, да, — сказала она, поднимаясь и отряхивая юбку. — Его огонек больше не светится.

— Он, возможно, хитрит. Эти смертные очень хитры.

— Я подожду еще один день, чтобы знать наверняка.

— Да. Или, лучше, два дня. Тогда Дьюби может спуститься вниз и

вытащить его тело. Он сильнее, чем старый Манан.

— Но Манан состоит на службе у Безымянных, а Дьюби нет. Есть такие места в Лабиринте, куда Дьюби ходить не должен, и проклятый вор как раз находится в таком месте.

— Но раз этот мужчина уже осквернил священные места...

— Его смерть снова очистит их! — сказала Ара. Она видела по удивленному лицу Коссил, что на ее собственном лице написано нечто странное, непривычное. — Это мои владения, жрица. Я должна заботиться о них, как это велено мне моими Хозяевами. Меня больше не требуется учить, как следует умерщвлять жертвы.

Лицо Коссил, казалось, нырнуло в глубину капюшона, как голова пустынной черепахи — в панцирь. Мрачное, неподвижное, холодное лицо.

— Прекрасно, госпожа.

Они расстались перед алтарем Богов-Близнецов. Ара неторопливо дошла до Малого Дома и позвала Манана. После разговора с Коссил она не сомневалась в том, что должна сделать.

Вместе с Мананом они поднялись по склону, вошли в Тронный Храм, спустились в Подземелье. Вдвоем налегли на длинный рычаг, отворили Железную Дверь и пошли в глубь Лабиринта уже с зажженными фонарями. Путь их лежал в Расписную Комнату, а оттуда — в Сокровищницу Гробниц.

Вор не успел уйти слишком далеко. Они с Мананом прошли всего шагов пятьсот по извилистым коридорам Лабиринта, когда наткнулись на него, бесформенной грудой тряпья лежащего в одном из боковых коридоров. Прежде чем упасть, он, видимо, выронил посох, и тот лежал несколько в стороне. Рот мужчины представлял собой сплошную кровавую корку, глаза были полузакрыты.

— Он еще жив, — сказал Манан, опускаясь на колени и нащупывая своей огромной желтой рукой пульс на темной шее волшебника. — Может, мне задушить его, госпожа?

— Нет. Мне он нужен живым. Подними его и неси за мной.

— Живым? — встревоженно переспросил Манан. — Но зачем, маленькая госпожа?

— Чтобы сделать его рабом Гробниц! Не распускай язык и делай как я говорю.

С еще более меланхоличным, чем всегда, выражением лица Манан подчинился и, без малейшего усилия, словно длинный тюк, взвалив молодого человека себе на плечо, поплелся следом за Арой. Но груз все-таки был достаточно велик, и они по крайней мере раз десять

останавливались, чтобы Манан мог перевести дыхание. Коридоры везде выглядели совершенно одинаково: серовато-желтые, плотно пригнанные друг к другу камни, сводчатые стены, неровный каменный пол, застойный, мертвый воздух. Манан постанывал и задыхался, чужеземец выглядел совершеннейшим трупом. Оба фонаря неярко светили, образуя два светлых конуса, которые сужались, уходя во тьму коридора в обоих направлениях. На каждой остановке Ара чуть смачивала водой, принесенной с собой во фляге, пересохший рот мужчины — совсем понемножку, чтобы жизнь, вернувшись разом, не убила его совсем.

— В Комнату Узников? — спросил Манан, когда они вышли в тот коридор, что вел к Железной Двери; и тут Ара впервые задумалась по-настоящему, куда же ей девать своего пленника. Пока она еще не решила.

— Нет, только не туда, — сказала она, как всегда почувствовав слабость при одном воспоминании о факельной гари, ужасающей вони и о тех безъязыких, не способных ничего воспринимать существах, лица которых были скрыты колтунами волос. И потом, в Комнату Узников может прийти Коссил... — Он... он должен оставаться в Лабиринте, чтобы вновь не обрести свою колдовскую силу. Где бы нам найти место...

— В Расписной Комнате есть дверь, она запирается; а наверху есть глазок, госпожа. Если ты, конечно, этому волшебнику доверяешь насчет дверей.

— Здесь, в Лабиринте, он лишен волшебной силы. Неси его туда, Манан.

Манану пришлось тащить свою ношу обратно, почти половину того пути, который они только что проделали, но он слишком устал и запыхался, чтобы протестовать. Когда они наконец добрались до Расписной Комнаты, Ара сняла свой длинный тяжелый зимний плащ из черной шерсти и расстелила его на пыльном полу.

— Положи его сюда, — сказала она.

На меланхолическом лице Манана отразилось недоумение, он даже задохнулся.

— Но, маленькая госпожа!..

— Я хочу, чтобы этот человек жил, Манан. Иначе он быстро умрет от холода: посмотри, как он дрожит.

— Но твоя одежда будет осквернена. Плащ жрицы! Он же неверующий, он мужчина! — негодовал Манан, зажмурившись, словно от боли.

— Я потом сожгу этот плащ, и мне соткут новый. Давай, Манан.

Манан не нашел больше возражений и послушно свалил узника со

спины прямо на черный плащ жрицы. Волшебник лежал неподвижно, словно мертвый, но пульс у него на шее бился сильно и частые судороги сотрясали распростертое тело.

— Узника следует заковать в цепи, — сказал Манан.

— Разве он так опасен? — усмехнулась Ара, но Манан только показал ей на железную скобу, вделанную в стену. Именно здесь следовало приковать узника, и она позволила своему телохранителю принести из Комнаты Узников цепь и замок. Манан поплелся по коридорам, шепотом повторяя повороты; ему уже не раз приходилось ходить в Расписную Комнату и обратно, но еще ни разу — в одиночку.

В слабом свете единственного фонаря казалось, что картины на стенах комнаты движутся, существа на них обретают формы, явно человеческие, только с огромными ниспадающими крыльями; они вытягиваются, приседают, не в силах сдвинуться с места в бесконечной тоске.

Ара опустила на колени и стала по капле лить воду в запекшийся рот узника. Наконец он закашлялся и потянулся слабыми руками к фляжке. Она позволила ему напиться вдоволь. Он лег на спину, все лицо его было мокро, испачкано пылью и кровью; он что-то пробормотал — какое-то слово или два на неведомом ей языке.

Наконец вернулся Манан, таща за собой изрядный кусок цепи, огромный замок с ключом и какой-то железный обруч, который он надел мужчине на пояс и запер.

— Свободновато, пожалуй, выскользнуть может, — бормотал Манан, прикрепляя другой конец цепи к кольцу в стене.

— Нет, что ты, посмотри. — Теперь она гораздо меньше боялась своего узника и показала Манану, что не может просунуть ладонь между железным обручем и ребрами человека. — Если только заставить его поголодать дня четыре...

— Маленькая госпожа, — пласиво сказал Манан, — я не смею спрашивать, но... какой в нем прок Безымянным? Он ведь мужчина, маленькая госпожа, как он может быть их рабом?

— Да, он мужчина, а ты просто старый дурак, Манан. Ну ладно, пошли, хватит тебе возиться.

Узник наблюдал за ними измученными, но ясными глазами.

— Где его посох, Манан? А, вот он! Я его возьму с собой: в нем заключено волшебство. О, и вот это тоже возьму, — быстрым движением она сдернула с шеи мужчины серебряную цепь, видневшуюся в вырезе кожаного жилета, хотя тот и пытался поймать ее за руку. Манан пнул узника в спину. Ара покачала цепью у мужчины над головой, не давая ему

дотянуться. — Это твой талисман, волшебник? Он очень тебе дорог? Вообще-то дорогим он не выглядит. Разве ты не в состоянии позволить себе что-нибудь получше? Ладно, я сберегу его для тебя. — И она надела цепь себе на шею, опустив подвеску в вырез тяжелого шерстяного платья.

— Ты не знаешь, что с ним делать, — хрипло сказал он, не совсем верно, но достаточно внятно произнося слова каргадского языка.

Манан снова ударил его, и узник со слабым стоном зажмурился.

— Перестань, Манан. Пошли.

Она выскользнула из комнаты. Манан, ворча, последовал за ней.

В ту ночь, когда погасли все огни на холме, Ара снова, уже одна, поднялась к своему Храму. Она набрала полную флягу воды из колодца, а еще прихватила с собой большую пресную лепешку из гречневой муки. Потом прошла в Расписную Комнату и положила все это возле двери так, чтобы узник мог дотянуться. Он спал и даже ни разу не пошевелился. Потом Ара вернулась в Малый Дом и в ту ночь наконец спала долго и крепко.

Днем она, снова в одиночестве, вернулась в Лабиринт. Хлеб исчез, фляга была пуста, а незнакомец сидел, прислонившись спиной к стене. Его лицо все еще выглядело ужасно — в грязи и крови, — но выражение глаз было вполне живым и осмысленным.

Ара остановилось у противоположной стены, где волшебник мог бы даже и не пробовать достать ее. Она долго смотрела на него, потом отвернулась. Смотреть было, собственно, не на что. Но заговорить Ара никак не могла. Сердце билось, как испуганная птица. Хотя бояться было абсолютно нечего: он был полностью в ее власти.

— Приятно, когда светло, — сказал он мягким глубоким голосом. Она еще больше смутилась.

— Как тебя зовут? — спросила она повелительным тоном. Но голос ее, похоже, прозвучал неожиданно пискляво.

— Ну, чаще всего меня называют Ястребом.

— Ястреб? Это у тебя имя такое?

— Нет.

— Каково же твое настоящее имя?

— Этого я тебе сказать не могу. Это ты — Единственная Жрица Гробниц?

— Да.

— Как тебя здесь называют?

— Меня называют Ара.

— «Та, которую поглотили» — так, кажется? — Его темные глаза

внимательно наблюдали за ней. Он слегка улыбнулся. — А как твое настоящее имя?

— У меня нет имени. И больше не задавай мне вопросов. Откуда ты явился?

— С Внутренних Островов, с запада.

— Из Хавнора?

Это было единственное название то ли города, то ли острова во Внутреннем Море, которое она знала.

— Да, из Хавнора.

— Зачем ты пришел сюда?

— Гробницы Атуана славятся среди моего народа.

— Но ты ведь не веришь в наших богов!

Он покачал головой:

— О нет, жрица, я верю в Силы Тьмы! Я уже встречался с Безымянными в иных местах.

— В каких иных местах?

— На Архипелаге, на Внутренних Островах — там есть такие места, которые принадлежат Древним Силам, как и Гробницы Атуана. Но ни в одном из тех мест, что я видел, Древние Силы не обладают таким могуществом, как здесь. Нигде больше не имеют они своего храма, жриц и такого поклонения, как здесь.

— Значит, ты пришел, чтобы поклониться Святому Храму? — издевательским тоном спросила Ара.

— Я пришел, чтобы его ограбить, — ответил он.

Она уставилась на его мрачное лицо.

— Хвастун!

— Я знал, что это будет нелегко.

— Нелегко? Да это невозможно! Если бы ты действительно верил в Них, ты бы это знал. Безымянные заботятся о том, что им принадлежит.

— То, что ищу я, не принадлежит им.

— Может быть, это твое?

— Мое — по праву.

— В таком случае, кто же ты? Божество? Король? — Она окинула его презрительным взглядом: на цепи, весь грязный, измученный. — Ты никто, ты жалкий вор! — в гневе бросила Ара.

Он ничего не сказал, но глаз не отвел и смотрел прямо на нее.

— Нечего так на меня смотреть! — пронзительно выкрикнула она.

— Госпожа моя, — сказал он, — я ведь не хотел никого обидеть. Я здесь чужой, я здесь случайно. Я не знаю ваших обычаев, не знаю правил,

которым обязаны подчиняться жрицы Гробниц. Я весь в твоей власти, и прости, если я тебя обидел.

Она стояла и молчала, почувствовав, как к щекам ее приливает кровь — глупая горячая волна. Но он на нее не смотрел и не видел, как она покраснела. Он уже подчинился ей и опустил свои темные глаза.

Некоторое время оба молчали. Нарисованные на стенах фигуры отовсюду смотрели на них своими печальными невидящими глазами.

Ара принесла каменный кувшин с водой, и он не сводил с кувшина глаз. Чуть погодя она сказала:

— Пей, если хочешь.

Он рванулся к кувшину, подняв его так легко, словно это был кубок с вином, и пил долгими длинными глотками. Потом смочил краешек одежды и тщательно стал стирать грязь, запекшуюся кровь и липкую паутину со своего лица и рук. Девушка наблюдала за ним. Он умывался, как кошка, и в итоге стал выглядеть явно лучше, однако умывание обнажило шрамы у него на щеке — старые, давно зажившие, белыми полосами сверкавшие на темной коже. Четыре параллельных следа от глаза до подбородка, словно отметины чьей-то когтистой огромной лапы.

— Что это? — спросила она. — Такие шрамы...

Он не сразу ответил.

— Это, наверно, дракон? — не унималась она, однако старалась, чтобы голос ее звучал по-прежнему насмешливо. Ведь она же спустилась сюда специально для того, чтобы поиздеваться над своей жертвой, помучить волшебника его же беспомощностью.

— Нет, это не дракон.

— Ну так ты, по крайней мере, хоть не Повелитель Драконов? И то хорошо!

— Нет, к сожалению, — как-то неохотно сказал он, — как раз я и есть Повелитель Драконов. Вот только шрамы эти заработал гораздо раньше, чем стал им. Я уже говорил тебе, что мне приходилось встречаться с Темными Силами... Так вот: это отметины одного из Безымянных. Впрочем, имя этой твари я в конце концов узнал.

— Что ты имеешь в виду? Какое имя?

— Этого я сказать тебе не могу, — ответил он и улыбнулся, но лицо его оставалось мрачным.

— Неправда, дурацкая болтовня, кощунство! Это же Безымянные! Ты просто не понимаешь...

— Понимаю, и гораздо лучше, чем ты, жрица, — тихо сказал он. — Посмотри еще раз! — И повернулся так, чтобы Ара могла получше

разглядеть четыре ужасные отметины у него на щеке.

— Я не верю тебе! — упрямо сказала она, но голос ее дрогнул.

— Жрица, — мягко возразил он, — ты еще слишком молода, ты еще не успела прослужить достаточно долго Темным Силам.

— Нет, я служу им давно, очень давно! Я — Первая Жрица, Возрождаемая Вечно. Я служила моим Хозяевам тысячу лет и еще тысячу. Я Их Единственная служанка, Их голос, Их руки. Я — орудие Их мести, а Они мстят тем, кто оскверняет Их Гробницы и пытается увидеть то, чего видеть нельзя! Прекрати же, наконец, лгать и хвастать! Разве тебе не ясно, что стоит мне произнести лишь слово, и мой телохранитель войдет и отрубит тебе голову? А если я просто уйду и запру эту дверь, то никто никогда не придет сюда, и ты умрешь здесь, в темноте, и Те, кому я служу, поглотят твою плоть и душу, и лишь твои пустые кости останутся лежать здесь в пыли...

Он тихонько кивнул.

От волнения она начала заикаться, она не находила слов и выбежала прочь из комнаты, с лязгом задвинув засов. Пусть думает, что она больше не вернется! Пусть покрывается потом там, в темноте, пусть извивается и дрожит от страха! Пусть произносит свои дурацкие, бесполезные здесь заклинанья!

Но почему-то вдруг Ара подумала, что он наверняка ведет себя точно так же, как тогда, перед запертой Железной Дверью: вытянулся себе и преспокойно спит, безмятежный, как овечка на залитом солнцем лугу.

Она плюнула на запертую дверь и легким жестом отогнала скверну, а потом почти бегом бросилась по коридорам в сторону Священного Подземелья.

Когда она ощупью пробиралась к двери-ловушке, то пальцами вновь ощутила те гладкие поверхности и ажурные каменные узоры, похожие на замерзшие кружева. Ей нестерпимо захотелось зажечь фонарь, еще раз увидеть — хоть на мгновение! — изрезанные временем камни, очарование мерцающих огней. Ара плотнее зажмурилась и поспешила прочь.

Никогда еще ежедневные заботы не казались ей столь многочисленными, столь маловажными и столь долгими. Все эти бледные беспокойные девочки-ученицы со своими тайными делишками, все эти важные жрицы, на вид суровые и холодные, а на самом деле опутанные тайными сетями зависти, несчастий, мелких амбиций и нерастраченных страстей, — все эти женщины, среди которых она жила всегда, которые составляли для нее мир людей, теперь казались ей просто жалкими и надоедливymi.

Но сама она служит Великим Силам; она жрица мрачной Ночи и свободна от мелочной суеты. Она не обязана заботиться об однообразном убожестве их быта, когда единственная отрада — более густой слой жира на чечевице в твоей тарелке, а не в тарелке соседки... Она свободна ото всех этих забот, связанных с дневной жизнью. Там, под землей, дня не существует, там всегда ночь, только ночь.

И в этой бесконечной ночи — ее узник: темнокожий человек, владеющий тайным мастерством колдуна; на нем железные оковы, он заперт среди каменных стен и ждет, что принесет она ему на этот раз: воду, хлеб и жизнь или мясницкий нож, чашу для жертвенной крови и смерть.

Она никому, кроме Коссил, не говорила о проникшем в Лабиринт мужчине, ну а Коссил, разумеется, тоже. Теперь узник уже три дня и три ночи находился в Расписной Комнате, но Коссил так и не задала Аре ни одного вопроса. Может, она считает, что мужчина умер и Ара велела Манану оттащить его труп в Комнату Скелетов? Что-то не похоже на Коссил. Слишком редко она принимает что-нибудь на веру. Но Ара решила, что ничего страшного в молчании Коссил нет: она ведь сама хотела, чтобы вся эта история оставалась в тайне, а кроме того, ненавидела, когда ее, Верховную Жрицу, вынуждали задавать вопросы. Да еще после того, как Ара сказала, чтобы она не лезла не в свое дело. Коссил просто подчинилась приказанию Единственной.

Но если считается, что этот человек в Лабиринте умер, то Ара не может больше просить для него еду. Что ж, придется обойтись без еды самой, время от времени воруя в кладовой яблоки и лук. Завтрак и ужин ей в Малый Дом приносили, поскольку она заявила, что предпочитает есть в одиночестве. И каждую ночь она относилa всю свою еду в Расписную

Комнату, оставляя себе лишь суп. Она привыкла к постам, дня по четыре легко могла обойтись совсем без еды, так что пока не придавала этому особого значения. Пленник заглатывал приносимую ею жалкую порцию хлеба, сыра и фасоли, как жаба муху: хоп — и готово! Совершенно очевидно, что он мог бы съесть и раз в пять-шесть больше; но каждый день он так торжественно благодарил ее, словно она задала ему настоящий пир. О пирах во дворце Короля-Бога она слыхала; во всех этих историях рассказывалось об оковалках жареного мяса, толстых, намазанных маслом ломтях хлеба, о вине в хрустальных бокалах... Все-таки этот волшебник был очень странным!

— А как живут люди на Внутренних Островах?

Она принесла из Храма маленький складной стульчик из слоновой кости, так что теперь у нее не было необходимости стоять, задавая ему вопросы, и не нужно было садиться на пол, оказываясь при этом на одном уровне с ним, узником.

— Ну, на каждом острове по-разному, там ведь очень много разных островов. Четыре раза по сорок — так говорят. И это только острова Архипелага, а есть еще и Пределы. Никому еще не удавалось проплыть по всем Пределам из конца в конец, никто еще не сосчитал всех тамошних островов. Каждый из них чем-то отличается от других. Но самый красивый, пожалуй, все-таки Хавнор, великий остров в самом сердце нашего мира. Там, на берегу широкого залива, где всегда полно разных кораблей, расположена его столица, город Хавнор. С башнями из белого мрамора. Над каждым достаточно богатым домом возвышается такая башня — целый лес белых башен... Дома крыты красной черепицей, а мосты над каналами и проливами украшены мозаикой — красной, синей и зеленой. И флаги у каждого княжеского рода тоже разноцветные; они гордо реют над белыми башнями. На самой высокой башне города укреплен меч великого Эррет-Акбе — острым концом в небо. Когда над Хавнором встает солнце, то самые первые его лучи попадают как раз на этот клинок и он весь сверкает, а на закате становится совсем золотым и с наступлением сумерек некоторое время еще светится в темном небе.

— А кто такой Эррет-Акбе? — хитро притворилась Ара.

Он поднял на нее глаза и сначала не сказал ничего, только слегка усмехнулся. Потом, словно передумав, заговорил:

— Правда, ты ведь, наверно, знаешь о нем совсем мало. Вряд ли намного больше, чем то, что он некогда бывал на земле каргов. Так что же все-таки ты сама знаешь о нем?

— Что он потерял свой амулет и свой колдовской посох и утратил

свою волшебную, силу, как и ты, и... — начала она, — ...и что он бежал от нашего Верховного Жреца и скрылся где-то на западе, и драконы убили его... Впрочем, если бы он тогда попал сюда, в Лабиринт, драконам нечего было бы делать!

— Это верно, — откликнулся узник.

Ей вдруг расхотелось продолжать разговор об Эррет-Акбе: она словно почувствовала здесь некую опасность.

— Говорят, что он был Повелителем Драконов. И ты вроде бы тоже. Ну-ка Расскажи мне, что это такое?

Она все время старалась говорить насмешливо, однако он отвечал ей прямо и просто, принимая все вопросы как должное.

— Это тот, с кем драконы станут разговаривать, — сказал он. — Только такой человек может называться Повелителем Драконов; во всяком случае, суть в этом. Ни трюком, ни обманом нельзя заставить дракона слушаться человека, хотя большинство людей считают, что это возможно. У драконов хозяев нет. И вопрос всегда лишь в том, будет ли дракон говорить с тобой или просто тебя съест. Если можно рассчитывать, что все-таки он соизволит с тобой заговорить, вот тогда ты и можешь считаться Повелителем Драконов.

— Разве драконы умеют говорить?

— Разумеется! На самом древнем языке, что называется Истинной Речью; мы, люди, учимся ей с большим трудом и используем лишь отдельные слова для своих магических заклинаний и прочего волшебства. Ни один человек не знает всех слов Истинной Речи — даже десятой их части. Человечество для этого слишком молодо. Драконы же существуют многие тысячелетия... Так что с ними поговорить стоит, как ты можешь догадаться.

— А здесь, в Атуане, драконы есть?

— Нет, и уже много столетий. Мне кажется, на острове Карего-Ат их тоже нет. А вот на самом вашем северном острове, Гур-ат-Гур, говорят, все еще живут в горах крупные драконы. С Внутренних Островов все они теперь убрались далеко на запад, на самый край Предела. Никто из людей не живет там, и очень редко проплывают мимо тех островов суда. Проголодавшись, драконы порой летают на острова, расположенные восточнее, но это случается редко. Я видел остров, куда они прилетали специально на свои драконьи балы. Мощные крылья поднимают их все выше и выше над Западным Морем, и они кружат, словно подхваченные ветром золотые и осенние листья... — Это воспоминание захватило его, и он остановившимся взором уставился в разрисованные стены своей

темницы, словно видел сквозь них, сквозь толщу земли, сквозь тьму, Открытое Море, тихие воды на закате и в вышине — золотистых драконов, кружащих в порывах теплого ветра.

— Ты лжешь! — яростно сказала Ара. — Ты все это выдумал!

Он озадаченно посмотрел на нее.

— Зачем же мне лгать, Ара?

— Чтобы сделать из меня дурочку, чтобы показать, какая я глупая и трусливая, чтобы самому казаться мудрым, храбрым и могущественным, и Повелителем Драконов, и так далее и тому подобное... Ты видел, как танцуют драконы, и видел башни Хавнора, и ты знаешь обо всем. А я не знаю совсем ничего и нигде никогда не была. Но все, что ты якобы знаешь, — ложь! Ты ничтожество, ты просто вор и мой пленник, и у тебя нет бессмертной души, и ты никогда не выйдешь отсюда! Даже если и существуют океаны, и драконы, и белые башни, и все прочее — ты никогда больше не увидишь их, ты никогда больше не увидишь даже солнечного луча. Да, мне ведомы лишь тьма, ночь, Подземелье. Это все, что здесь действительно есть. И это все, что мне, в конце концов, нужно знать. Молчание и темнота. Ты, волшебник, знаешь все. А я — одну лишь вещь, зато подлинную!

Он опустил голову. Его руки с длинными пальцами, золотисто-коричневые, покоились на коленях. Она видела четыре белых страшных полосы у него на щеке. Да, он бывал в более далеких и темных местах, чем ее Лабиринт; он лучше нее знал, что такое смерть, даже это... Волна ненависти поднялась у нее в груди, ненависть душила ее. Ну почему, почему он сидит вот так — беззащитный и одновременно такой сильный? Почему она не может одержать над ним верх?

— Я ведь почему оставила тебя в живых? — неожиданно сказала она, не думая, что говорит. — Я хочу, чтобы ты показал мне всякие колдовские трюки. Пока у тебя хватит умения показывать мне что-то новое, будешь жив. Если же все это окажется враньем, тогда что ж, придется с тобой покончить. Это ты понимаешь?

— Да.

— Прекрасно. Тогда давай начинай.

На мгновение он уронил голову на руки, пытаясь как-то переменить позу. Железный обруч вокруг талии не давал ему возможности сесть поудобнее; относительно спокойно можно было лишь лежать, вытянувшись на полу.

Наконец он поднял к ней лицо и заговорил очень серьезно:

— Слушай, Ара. Я действительно маг, хоть ты и называешь меня

колдуном. Я обладаю знанием некоторых Высших Искусств и Сил. Правда также и то, что здесь, где властвуют Древние Силы, мое могущество крайне мало, а мастерство и знания перестают мне подчиняться. Я, конечно же, и сейчас способен создать для тебя иллюзию, или «чудо», как ты это называешь, но это самая примитивная часть волшебства. Я мог создавать иллюзии еще совсем ребенком; это у меня получится даже здесь. Но, если ты поверишь в иллюзии, они в конце концов могут и напугать тебя; тогда ты разгневаешься и захочешь меня убить. А если ты в эти чудеса не поверишь, то сама увидишь, что любая иллюзия — всего лишь обман, фокус, как ты правильно сказала. Так что в любом случае за иллюзии мне придется заплатить жизнью. А мне пока что — и это моя основная цель — хочется остаться в живых.

Ей почему-то стало весело, и она ответила:

— О, ты некоторое время в любом случае еще останешься в живых. Разве ты этого не понял? Глупец! Хорошо, покажи мне свои иллюзии. Я знаю, что все это ненастоящее, и бояться не стану. Я бы не испугалась, даже если бы все это было на самом деле, кстати сказать. Но давай, начинай. Твоя драгоценная шкура в безопасности, по крайней мере до сегодняшнего вечера.

Теперь рассмеялся уже он — ее неумелой грубости. Они играли сейчас его жизнью, словно мячом.

— Что бы ты хотела увидеть?

— А что ты можешь мне показать?

— Что угодно.

— Ох, ну почему ты все время хвастаешь!

— Нет, — сказал он, явно обиженный. — Я не хвастаюсь. Что-что, а хвастаться я не собирался.

— Покажи мне что-нибудь на свой вкус. Чтобы стоило посмотреть. Что угодно!

Он опустил голову и какое-то время внимательно смотрел на свои руки. Ничего не происходило. Сальная свеча в ее фонаре горела неярко и ровно. Темные существа на стенах, крылатые, словно птицы, но не способные улететь, смотрели на них своими мутно-красными и белыми глазами, склонялись ближе в полной тишине. Ара вздохнула, разочарованная и немного огорченная. Он был слишком слаб; говорил о великом, а сам даже самой малости сделать не способен. Врать он горазд и больше ничего! Даже вора и то из него хорошего не получилось.

— Ну хорошо, хватит, — сказала она, потеряв терпение, и подобрала свои юбки, намереваясь встать. Материя как-то странно зашуршала. Ара

посмотрела вниз и застыла в изумлении.

Тяжелое черное одеяние, которое она носила много лет, исчезло. Ара была в платье из бирюзового шелка ясного мягкого оттенка, напоминающего вечернее небо. Платье широкими фалдами ниспадало до полу, красиво облекая бедра; юбка была расшита тонкими серебряными нитями, мелким жемчугом и каплями горного хрусталя; все это нежно переливалось, светило и играло, словно легкий апрельский дождь.

Она глянула на волшебника, не в силах произнести ни слова.

— Нравится тебе?

— Где же...

— Это похоже на то платье, что я видел однажды на принцессе в Хавноре, во время празднования Солнцеворота, — сказал он, удовлетворенно глядя на созданное им чудо. — Ты сказала «чтобы стоило посмотреть»... Мне захотелось показать тебе — тебя.

— Сделай так... сделай так, чтобы это исчезло.

— Ты отдала мне свой плащ, — сказал он как бы с упреком. — Разве не могу я дать тебе хоть что-нибудь взамен? Ну хорошо, не беспокойся. Это ведь только иллюзия. Смотри.

Он, казалось, и пальцем не пошевелил и явно не сказал ни единого слова, но голубое чудо шелков исчезло. Ара снова стояла перед ним в грубом своем черном одеянии.

Некоторое время она не двигалась и молчала.

— А как мне узнать, — спросила она наконец, — что ты на самом деле такой, каким кажешься?

— Ты и не сможешь, — ответил он. — Я же не знаю, каким кажусь тебе.

Она снова задумалась.

— Ты можешь обмануть меня, и я стану видеть в тебе... — Она внезапно умолкла, потому что он едва заметным жестом указал наверх. Она решила было, что он наводит чары, и быстро отпрянула к двери; но, проследив, куда он показывает, обнаружила на темном фоне сводчатого потолка комнаты маленький, чуть более светлый квадратик: открытый наблюдательный глазок!

Из глазка не проникало яркого света, и Ара ничего не успела заметить, ничего особенного не услышала оттуда, сверху, но волшебник снова незаметно показал туда и посмотрел на девушку вопросительно. Оба на какое-то время замерли.

— Твое волшебство — просто забава для детей, — ясным голосом громко сказала Ара. — Все это фокусы и обман. Я видела достаточно. Тебя

скормят Безымянным. Я больше сюда не приду.

Взяла фонарь и вышла, закрыв дверь со страшным лязгом и до отказа задвинув засов. За дверью она остановилась в полном смятении. Что же ей теперь делать?

Как много видела и слышала Коссил? О чем они говорили? Она уже не могла припомнить. Похоже, она не сказала узнику ничего из того, что намеревалась сказать. Он все время сбивал ее с толку своими рассказами о драконах, о белых башнях, о том, как узнал имя одного из Безымянных, о том, что хочет жить, о том, как благодарен ей за теплый плащ, на котором лежит... И ни разу не сказал он о том, о чем вроде бы должен был просить ее. Она и сама не спросила его о том талисмане, что прятала на груди.

В любом случае ужасно, что Коссил давно их подслушивала.

Впрочем, пусть ее! Что плохого может сделать ей, Единственной, какая-то Коссил! Но она уже знала ответ: нет ничего проще, чем убить ястреба, посаженного в клетку. Этот узник совершенно беспомощен в своей каменной темнице; к тому же он закован в цепи. Жрице Короля-Бога нужно лишь послать своего телохранителя Дьюби, и тот задушит пленника ночью; или, если они с Дьюби не решатся так далеко заходить в Лабиринт, Коссил может просто насыпать в Расписную Комнату через глазок какого-нибудь ядовитого порошка. У нее ведь целые короба, полные сосуды всяких гнусных снадобий; некоторыми из них можно отравить воду или еду; некоторыми — воздух. Вдыхая этот воздух, человек неизбежно умирает. И волшебник уже к утру был бы мертв, и все кончилось бы. И там, в Священном Подземелье, никогда больше не было бы света.

Ара спешила по узким каменным коридорам к входу со стороны Священного Подземелья, где ждал ее Манан, терпеливо сидя на корточках в темноте, словно старая жаба. Он очень волновался во время ее визитов к узнику. Ара не позволяла ему провожать ее. Но разрешила ждать у выхода из Подземелья. Теперь она обрадовалась, что он здесь, под рукой. Ему, по крайней мере, она доверяла полностью.

— Манан, послушай. Ты прямо сейчас должен пойти в Расписную Комнату. Скажи этому человеку, что тебе велено его заживо похоронить в Священном Подземелье под Гробницами. — Маленькие глазки Манана загорелись. — Скажи это очень громко. Отопри замок на оковах и отведи его... — она запнулась, потому что еще не решила, где лучше спрятать узника.

— В Священное Подземелье, — с готовностью подсказал Манан.

— Нет, глупец. Я велела тебе это сказать, а не сделать. Погоди...

Какое же место недосыгаемо для Коссил и ее шпионов? Лишь самое

сердце Лабиринта, священное, потаенное, куда, боясь Безымянных, Коссил ходить не осмеливается. Но ведь Коссил способна на все! Возможно, она и боится Темных Сил, но вполне может подчинить свой страх намеченному плану. Совершенно неизвестно к тому же, какую часть Лабиринта она знает — возможно, ей все рассказала Тхар или сама Ара в своей предыдущей жизни, а может, она самостоятельно исследовала подземные коридоры с давних пор. Ара подозревала, что Коссил в любом случае знает куда больше, чем хочет показать. Но существовал один путь, о котором она не знала наверняка. Самый тайный.

— Ты поведешь этого человека следом за мной. Причем в полной темноте. Затем я приведу тебя обратно, ты выроешь здесь яму и опустишь туда пустой гроб, а сверху снова забросаешь землей, так, чтобы было заметно, что могила свежая — если кто-то вздумает искать ее. Могила должна быть глубокой. Ты понял?

— Нет, — ответил Манан мрачно и испуганно. — Малышка, этот обман... лишен мудрости. Это нехорошо. Мужчины не должны быть среди Безымянных! Неизбежно наказание...

— Одному старому дураку в наказание отрежут язык, о да! Ты еще осмеливаешься говорить мне, что я делаю мудро, а что нет! Я следую приказаниям Темных Сил! Иди за мной!

— Прости, маленькая госпожа, прости меня.

Они вернулись в Расписную Комнату. Там Ара подождала за дверью, пока Манан отпирал оковы. Она слышала, как низкий голос волшебника спросил: «А теперь куда, Манан?», и хриплый альтист евнуха ответил сердито: «Моя госпожа говорит, что тебя похоронят заживо. Под Гробницами. Вставай!» Она слышала, как брякнули тяжелые цепи — ее словно ударили хлыстом.

Узник вышел из Расписной Комнаты со связанными кожаным ремнем Манана руками. Сам Манан подгонял его сзади, ведя, словно собаку, на короткой сворке, только железный ошейник был у пленника не на шее, а на талии. Глаза волшебника метнулись было к девушке, но она быстро задула свечу и беззвучно скользнула в темноту. Она шла впереди той слегка замедленной походкой, какой обычно ходила здесь, не зажигая света, легко и почти постоянно касаясь стен кончиками пальцев обеих рук. Манан и узник неуклюже тащились сзади; из-за короткой цепи они постоянно натывались друг на друга. Но она не желала, чтобы тот или другой запомнил этот путь, а потому заставляла их идти в темноте.

Поворот налево от Расписной Комнаты, пропуск, поворот в коридор направо, пропуск справа, потом длинный извилистый коридор и черед

ступеней, ведущих вниз, много-много ступеней, скользких и чересчур узких для нормальной человеческой ступни. Дальше этой лестницы она не ходила никогда.

Здесь еще больше пахло могилой; воздух был совершенно неподвижен, в нем чувствовался какой-то еще странный запах. Она ясно помнила всю схему пути, даже слышала интонации Тхар, с которыми та перечисляла ей когда-то повороты и пропуски. Вниз по ступеням (у Ары за спиной узник споткнулся в непроницаемой тьме, и она услышала, как он охнул, когда Манан резким рывком цепи поставил его на ноги) и в конце лестницы свернуть налево. Держаться левой стороны, сделать три пропуска, потом свернуть в первый коридор направо. Туннели изгибались, образовывали углы, ни один из них не был достаточно прямым. «Теперь ты должна обойти по краю Колодец, — прозвучал в ее памяти голос Тхар. — Там очень узко».

Она замедлила шаг, ощупала вокруг себя стены и — одной рукой — пол перед собой. Довольно большой участок туннеля здесь был прямым и широким, создавая обманчивое ощущение безопасности. Внезапно ее рука, ни на мгновение не перестававшая ощупывать каменный пол, ощутила пустоту. Сначала край Колодца и дальше — Ничто. Справа стена коридора отвесно уходила в Колодец. Слева по самому краю был узенький выступ, вряд ли намного шире человеческой ладони.

— Здесь Колодец. Встаньте лицом к левой стене, прижмитесь как можно ближе и идите боком. Нащупывайте путь ногами. Держись за цепь, Манан... Ты уже встал на выступ? Он постепенно становится уже. Не опирайся на пятки. Вот, я уже прошла. Давай руку. Ну вот...

Дальше туннель шел короткими изгибами со множеством боковых проходов. Из некоторых странным образом, как бы стелясь по полу, доносилось эхо их шагов; еще более странным было здесь едва заметное движение воздуха, как бы всасываемого куда-то внутрь. Эти боковые коридоры, должно быть, все оканчивались колодцами, подобными тому, который они только что миновали. Возможно, под этой, самой нижней частью Лабиринта, было некое пустое пространство, гигантская пещера, настолько глубокая, что сам Лабиринт не шел с ней ни в какое сравнение. Необъятная черная пустота.

Над этой пустотой, там, где они шли и шли по темным туннелям, подземелье постепенно становилось все уже и ниже, пока Аре не пришлось замедлить шаг. Неужели этому пути нет конца?

Конец наступил неожиданно: они уперлись в запертую дверь. Согнувшись, Ара бросилась к ней, протягивая вперед руки, и нащупала

замочную скважину; потом нашла у себя на поясе, в общем кольце, маленький ключик, которым никогда еще не пользовалась: серебряный, с головкой в виде дракона. Ключ легко вошел в скважину и повернулся. Она открыла дверь в Великую Сокровищницу Гробниц Атуана. Сухой кисловатый застойный воздух пахнул из темноты им навстречу.

— Манан, ты не можешь входить туда. Подожди за дверью.

— Ему можно, а мне нет?

— Если ты войдешь туда, Манан, обратно не выйдешь. Это закон для всех, кроме меня. Ни одна живая душа, кроме Единственной, ни разу не вышла из Сокровищницы назад. Ну что, пойдешь?

— Я лучше подожду снаружи, — меланхолично ответил Манан в темноте. — Госпожа, госпожа, не закрывай дверь...

Его страх так подействовал на нее, что она оставила дверь распахнутой настежь. Это место внушало ей какой-то тупой ужас, она даже стала опасаться за своего пленника, хотя тот и был крепко связан. Внутри она зажгла свет. Руки ее дрожали. Свеча в фонаре разгоралась неохотно; воздух был спертым и мертвящим. В желтоватых отблесках света, который казался ярким после долгого пути по темным коридорам, стены Сокровищницы как бы нависали над людьми. По стенам плясали тени.

Там стояло шесть огромных сундуков, целиком вытесанных из камня и покрытых толстенным слоем пыли, серой, словно плесень на засохшей хлебной корке. Больше там не было ничего. Стены из грубых каменных глыб, потолок низкий. И холод. Тот глубинный, могильный холод, который, казалось, останавливал в жилах кровь. Там даже паутины не было, только серая пыль. Ничего живого, даже тех редких маленьких белесых паучков, что жили в Лабиринте. Пыль лежала плотным слоем, и каждая пылинка, возможно, равнялась прошедшему здесь дню. Здесь не было ни времени, ни света: дни, месяцы, годы, века — все стало прахом, серой пылью.

— Вот место, которое ты искал, — сказала Ара ровным голосом. — Это Великая Сокровищница. Ты пришел сюда. И никогда не сможешь отсюда уйти.

Он не сказал ничего, и лицо его было спокойно, но в глазах мелькнуло нечто, тронувшее Ару: отчаяние, чувство преданного человека...

— Ты сказал, что хочешь жить. Это единственное место, известное мне в Лабиринте, где ты можешь остаться в живых. В любом другом Коссил убьет тебя сама или заставит меня сделать это, Ястребок. Но сюда ей не добраться.

Он по-прежнему молчал.

— Ты все равно никогда не смог бы выйти из Подземелья, разве тебе

это не понятно? Так что терять нечего. Зато ты все-таки добрался до... до конца своего путешествия. То, что ты искал, находится здесь.

Он сел на один из огромных сундуков; казалось, он измучен до предела. Тянувшаяся за ним цепь резко звякнула о камень. Он посмотрел вокруг — на серые стены, на пляшущие тени, потом на нее, Ару.

Она отвернулась и стала разглядывать каменные сундуки. Не было ни малейшего желания открывать их. Ей было все равно, какие бы богатства ни гнили там.

— Здесь тебе не нужны цепи, — она подошла к нему и отперла замок на железном обруче, потом развязала Мананов кожаный ремень, стягивавший его запястья. — Я должна буду запереть дверь, но когда я приду снова, то оставлю ее открытой; я верю тебе. Ты понимаешь, что не можешь уйти, что не должен даже пытаться сделать это? Я — оружие Их мести, я выполню Их волю; но если я обману Их — если ты обманешь меня! — то Они станут мстить сами. Не пробуй уйти отсюда, не старайся навредить мне или обмануть меня, когда я приду в следующий раз. Ты должен мне верить.

— Я сделаю, как ты говоришь, — мягко сказал он.

— Когда смогу, я принесу еду и воду. Немного, правда. Воды, наверно, достаточно, а еды пока маловато. Я ведь голодаю, ты разве не заметил? Впрочем, еды тоже будет вполне достаточно, чтобы не умереть с голоду. Может быть, мне не удастся прийти день или два; может быть, даже дольше. Мне нужно сбить Коссил со следа. Но я непременно приду. Обещаю. Вот фляжка. Экономь воду, я не смогу скоро вернуться. Но я приду.

Он поднял к ней лицо. Выражение его было странным.

— Осторожней, Тенар, — сказал он.

Ара отвела Манана обратно по узкому извилистому коридору и оставила его в Священном Подземелье, чтобы он немедленно выкопал могилу — доказательство для Коссил, что вор наказан по заслугам. Было уже поздно, и она сразу прошла к себе, в Малый Дом, легла в постель, но среди ночи вдруг проснулась. Она вспомнила, что забыла свой плащ в Расписной Комнате. У него нет ни одной теплой вещи в этом сыром подвале, только его собственный плащ, короткий и слишком легкий; ему не на что будет лечь — только на холодные пыльные камни... Ледяная могила, ледяная могила, в отчаянии думала она. Однако слишком устала, чтобы проснуться окончательно, и вскоре снова скользнула в сон. Ей снилось, что фигуры, изображенные на стенах Расписной Комнаты, — это души умерших. Они были похожи на потрепанных птиц с человеческими руками, ногами и лицами. Они сидели на корточках в пыли темного подземелья; летать они не могли. Пищей им служила глина, питьем — пыль. Это были души тех, кто не возродился, тех древних людей, тех неверующих, кого поглотили Безымянные. Они так и сидели вокруг нее на корточках, погруженные в тень, и время от времени издавали какое-то странное поскрипывание или попискивание. Вдруг один из них подошел к ней совсем близко. Она сначала испугалась и хотела отбежать, но не могла даже пошевелиться. У крылатого существа было какое-то птичье, нечеловеческое лицо, а волосы очень красивые, золотистые, и нежный, тихий женский голос.

— Тенар, — сказала существо, — Тенар.

Ара как бы проснулась. Но рот ее оказался залепленным глиной, и лежала она в каменной гробнице глубоко под землей. Руки и ноги были крепко связаны. Ни шевелиться, ни говорить она не могла.

И тут отчаяние ее достигло такого предела, что грудь разорвалась и душа, словно огненная птица, вылетела оттуда, сотрясла, разрушила каменные стены темницы и вырвалась к свету дня — настоящему, только очень слабому: она проснулась в своей лишенной окон комнатке Малого Дома.

На этот раз проснувшись по-настоящему, Ара села в постели, совершенно измученная ночными кошмарами; голова была как в тумане. Девушка натянула платье и пошла к бочке с водой, стоявшей во внутреннем

дворике Малого Дома. Она опустила сперва руки, потом лицо, потом всю голову в ледяную воду, пока ее не начало трясти от холода, буквально останавливавшего кровь. Потом, откинув назад мокрые волосы, по которым ручьями стекала вода, Ара долго стояла, выпрямившись и глядя в утреннее небо.

Солнце взошло совсем недавно, был ясный зимний день. Прозрачная голубизна небес чуть отливала желтым. Высоко-высоко в небе, отражая солнечные лучи и вспыхивая золотом, кружила какая-то крупная птица, то ли сокол, то ли орел.

— Я — Тенар, — сказала она про себя и содрогнулась от холода, ужаса и возбуждения, по-прежнему стоя под чистым утренним небом. — Я вновь обрела свое имя. Я — Тенар!

Золотистая птица в небе полетела на запад, к горам, и скрылась из виду. Солнечные лучи позолотили крышу Малого Дома. Зазвенели овечьи колокольчики в хлеву. Запах дыма и гречневой каши из кухни распространился в прозрачном свежем воздухе.

— Ох, до чего же я голодна!.. Но как он узнал? Как он узнал мое имя? Ох, мне просто необходимо немедленно поесть, как ужасно я голодна...

Она надвинула на голову капюшон и побежала завтракать.

После трех дней полуголодного существования она ощутила приятную тяжесть в желудке и уверенность в собственных силах; она уже не чувствовала себя маленькой дикаркой, беззаботной и пугливой одновременно. Теперь она знала, что у нее достанет сил, чтобы справиться с Коссил.

Она сама подошла к величественной жрице на пути из трапезной и тихо сказала:

— Я покончила с вором... Что за чудесный сегодня день!

Холодные серые глаза искося глянули на нее из-под черного капюшона.

— Я полагала, что Единственная должна воздерживаться от пищи после принесения человеческой жертвы в течение трех дней?

Коссил сказала правду. Ара совсем забыла об этом, и на лице ее появилось растерянное выражение.

— Он скорее всего еще не умер, — сказала она наконец, овладев собой и стараясь сохранить тот же легкий равнодушный тон, что и в начале разговора. — Он похоронен заживо. Под Камнями. В гробу. Там еще осталось сколько-то воздуха — ведь это не железный, а деревянный гроб. Это будет довольно медленная смерть. Как только я узнаю, что он умер, тут

же начну пост.

— А как ты узнаешь?

Сбитая с толку, Ара снова заколебалась.

— Узнаю. Безы... Мои Хозяева сообщат мне.

— Понятно. Где же могила?

— В Священном Подземелье. Я велела Манану выкопать ее прямо под гладким Камнем. — Она не должна была отвечать торопливо, дурацким извиняющимся тоном! Перед Коссил ей нужно держаться в высшей степени достойно.

— Живым? В деревянном гробу? Дело рискованное, если учесть, что он волшебник, госпожа моя. Ты проверила, заткнут ли его рот, чтобы он не мог произнести заклятье? И связаны ли его руки? Они умеют плести колдовство едва заметным движением пальцев, даже если у них отрезан язык.

— Ничего особенного в его волшебстве нет, все это просто фокусы! — заявила Ара громко. — Он похоронен, и мои Хозяева ждут его душу. А остальное тебя не касается, жрица!

На этот раз она явно переборщила. Их могли услышать: совсем рядом шла Пенте с двумя подружками; Дьюби и жрица Меббет тоже находились неподалеку. Девушки, естественно, тут же наострили уши, и Коссил это заметила.

— Меня касается все, что здесь происходит, госпожа. Все, что происходит в его королевстве, касается нашего Короля-Бога, которому я верно служу. Он может заглянуть в любое подземелье, даже в сердце любого человека может он заглянуть — и никто не смеет запретить ему это!

— Я могу. В Гробницы никто войти не смеет, это запрещено Безымянными. Безымянные существовали задолго до появления твоего Короля-Бога, они будут существовать и после него. Говори о Них тихим голосом, жрица. Опасайся их гнева. Они могут явиться в твои сны, проникнуть в самые темные, потайные закоулки твоей души, и безумие охватит тебя.

Глаза Ары сверкали. Лицо Коссил было скрыто, как бы втянуто внутрь черного капюшона. Пенте и остальные наблюдали за ними с ужасом и восторгом.

— Они слишком стары, — голос Коссил звучал негромко, это был скорее какой-то свистящий шепот, доносившийся из глубин капюшона. — Они стары. Им уже забывают поклоняться всюду, разве что только здесь о них еще помнят. Ушла их сила. Теперь они лишь тени былого. Они

бессильны, и не пытайся запугать меня, Ара. Ты — Первая Жрица, но разве не может статься, что и Последняя?.. Ты меня не обманешь. Я вижу тебя насквозь. Тьма ничего не может от меня скрыть. Берегись, Ара!

Коссил повернулась и двинулась дальше своим широким размашистым шагом, круша замерзшие комья земли тяжелыми башмаками с ремешками и пряжками. Она шла к храму с белыми колоннами, принадлежащему Королю-Богу.

Девушка осталась стоять посреди двора, тонкая, темноволосая, словно примерзнув к земле. Все остальные вокруг тоже как бы застыли. Во всем огромном пространстве Святого Места только Коссил упорно двигалась к своей цели на фоне мертвой пустыни и неподвижных гор на горизонте.

— Да поглотят Безымянные твою душу, Коссил! — крикнула вдруг Ара странным голосом, похожим на пронзительный крик ястреба, и, подняв руку с вытянутыми пальцами, застыла, произнося свое проклятье прямо в спину толстой жрицы. Коссил в этот миг уже ступила на первую ступеньку лестницы, ведущей в храм; она вздрогнула, но не остановилась и не обернулась. Медленно поднялась по ступеням и вошла в открытую дверь.

Весь тот день Ара провела на нижней ступени Незанятого Трона. Она не осмеливалась пойти в Лабиринт; не хотела появляться и среди других жриц. Тяжесть, лежавшая на душе, заставила ее много часов просидеть в одиночестве в холодном полумраке Храма. Она тупо смотрела на двойной ряд толстых бледных колонн, уходящих во мрак в дальнем конце зала, на пятна солнечного света, проникавшего сюда сквозь дыры в кровле, на плотные клубы дыма, поднимающегося с бронзового блюда на треножнике возле Трона. Тоненькой мышинной косточкой она что-то рисовала в пыли, покрывавшей мраморные ступени. Голова опущена, ум лихорадочно работает, но словно вхолостую. Кто же я? — спрашивала она себя. И не находила ответа.

Пришел Манан. Отдуваясь, протащился через весь зал с двойным рядом колонн. Дневной свет совсем перестал пробиваться сквозь дыры в крыше, а холод усилился. Тестообразное лицо Манана было очень печально. Он остановился на некотором расстоянии от Ары, бессильно свесив огромные свои руки. Обтрепанная кромка его грязного одеяния была сзади вся затоптана каблуками.

— Маленькая госпожа...

— В чем дело, Манан? — Она посмотрела на него с какой-то туповатой нежностью.

— Малышка, позволь мне сделать то, что ты велела... что ты велела мне якобы сделать. Он должен умереть, малышка! Он просто заколдовал

тебя. И Коссил тебе непременно отомстит. Она старая и жестокая, а ты еще слишком молода. У тебя не хватит сил...

— Она ничем не может мне повредить.

— Если бы она даже убила тебя при всех, в открытую, то все равно во всей Империи никто не осмелился бы ее наказать. Она Верховная Жрица Короля-Бога, а Король-Бог правит нашей страной. Но в открытую она тебя не убьет. Она сделает это тайком, с помощью яда, в ночи.

— Тогда я снова воскресну.

Манан стиснул свои громадные руки.

— Может быть, она и не станет убивать тебя, — прошептал он.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Она может запереть тебя в какой-нибудь комнате в... там, внизу...

Как ты сделала это с ним. И ты проживешь, может быть, еще годы и годы. Годы... И не сможет родиться новая Единственная, ибо ты не будешь мертва. И в Храме не будут больше исполнять священные танцы в безлунные ночи, не будут совершать жертвоприношения, не станут разливать кровь у Трона, и само поклонение Темным Силам может быть предано забвению — навсегда. Она и ее Король-Бог хотели бы, чтобы это произошло.

— Но Они освободят меня, Манан.

— Только не тогда, когда Они исполнены гнева, маленькая госпожа, — прошептал он.

— Гнева?

— Из-за него!.. Это неотомщенное святотатство! О, малышка, малышка! Такого Они не прощают!

Ара по-прежнему сидела в пыли на нижней ступеньке лестницы, низко склонив голову. Она внимательно изучала крошечную косточку на своей ладони; это был мышинный череп. Совы на балках под куполом слегка завопили; приближалась ночь.

— Не ходи сегодня ночью в Лабиринт, — очень тихо проговорил Манан. — Ступай в свой дом и ложись спать. А утром сходи к Коссил и скажи, что сняла с нее проклятие. И все. Тебе больше не нужно будет тревожиться. Я представлю ей доказательство.

— Доказательство?

— Мертвого колдуна.

Ара не пошевелилась. Только медленно сжала руку, и крошечный череп хрустнул и сломался. Когда она вновь раскрыла ладонь, там не было ничего, кроме мелких осколков и пыли.

— Нет, — сказала она. И отряхнула пыль с ладони.

— Он должен умереть. Он наложил на тебя заклятье, опутал чарами. Ты погибла, Ара!

— Никакого заклятья он на меня не накладывал. Ты стар и труслив, Манан; старуха напугала тебя. Как ты намерен добраться до него, войти, убить и получить свое «доказательство»? Разве ты знаешь путь к Великой Сокровищнице? Неужели, пройдя по темным туннелям прошлой ночью, ты запомнил все повороты? И можешь добраться до лестницы? До Колодца? До той двери? А как ты откроешь эту дверь?.. О, бедный старый Манан, твои мозги совсем заплыли жиром. Она просто напугала тебя. Ты ступай себе в Малый Дом, ложись спать и забудь обо всем этом. И никогда не тревожь меня больше разговорами о смерти... Я приду позже. Иди, иди, старый глупец, старый чурбан. — Она уже встала на ноги и мягко подталкивала Манана в широкую грудь, будто гладила и прогоняла одновременно. — Доброй ночи, Манан! Доброй ночи!

Он неуклюже повернулся — не хотел уходить, мучимый предчувствиями, — но все-таки покорно потащился прочь через длинный зал вдоль ряда колонн под провалившейся крышей. Она смотрела ему вслед.

После того как он скрылся за дверьми, Ара подождала еще немного, повернулась, обошла Трон и исчезла за ним во тьме.

В Великой Сокровищнице Гробниц Атуана время не двигалось. Ни лучика света, ни малейшего движения паука в пыли или червя в холодной земле. Камень, тьма и неподвижное время.

На каменной крышке одного из сундуков лежал, распростершись, вор, что прибыл сюда с Внутренних Островов, — лежал, словно резное надгробие. Пыль, потревоженная движениями человека, осела теперь на его одежду. Он не шевелился.

Скрипнул дверной замок. Дверь отворилась. Свет нарушил мертвящую тьму, чуть более свежий воздух потревожил застойный дух Сокровищницы. Мужчина по-прежнему лежал недвижимый, обессиленный.

Ара закрыла дверь и заперла ее изнутри; потом поставила фонарь на один из сундуков и медленно, осторожно подошла к неподвижной фигуре. Глаза девушки были широко распахнуты, зрачки до предела расширены после длительного путешествия сквозь тьму.

— Ястреб!

Она коснулась плеча мужчины, снова и снова повторила его имя. Наконец он шевельнулся и застонал. Потом сел. Лицо у него было измученным, глаза пустыми. Он смотрел на Ару и не узнавал ее.

— Это я, Ара... Тенар. Я принесла тебе воды. Вот, пей.

Он рванулся к фляге, но взял ее неуверенно, словно руки его не слушались, и пил, но маленькими глотками.

— Как долго это продолжалось? — спросил он, с трудом выговаривая слова.

— Два дня прошло, как ты здесь. Сейчас третья ночь. Я не могла прийти раньше. Нужно было украсть еду... вот... — Она достала из сумки, которую принесла с собой, плоскую большую лепешку из серой муки, но он только головой покачал.

— Я не хочу есть. Это... это гиблое место. — Он уронил голову на руки и застыл.

— Ты, наверно, замерз. Я принесла тот плащ из Расписной Комнаты.

Он не ответил.

Она положила плащ и стояла рядом, глядя на узника. Ее слегка знобило, а зрачки все еще были расширены.

Вдруг она перегнулась пополам, упала на колени, скрючилась на полу,

и глубокие рыдания сотрясли все ее тело, не вызывая слез.

Он неловко сполз с сундука и склонился над ней.

— Тенар...

— Я не Тенар. Я не Ара. Боги мертвы, мои боги мертвы...

Он тронул ее рукой, откинул с головы капюшон. Начал что-то говорить. Голос его звучал мягко, но слова эти были ей неведомы. Звук их проникал прямо в душу, словно шум несильного дождя. Она утихла и стала слушать.

Когда девушка успокоилась, он поднял ее и посадил, как ребенка, на крышку того самого сундука, на котором лежал. Своей рукой накрыл ее руку.

— Почему ты плакала, Тенар?

— Сейчас скажу. Неважно, что я скажу тебе. Ты все равно не сможешь ничего сделать. Ты не сможешь помочь. Ты ведь тоже умираешь, разве не так? Так что это неважно. Все неважно. Коссил, Верховная Жрица Короля-Бога, — она всегда была жестокой — все старалась заставить меня принести тебя в жертву. Убить точно так же, как тех, других. Я не хотела. Разве она имела право заставлять меня? И она богохульствовала! Насмехалась над Безымянными! Я ее прокляла. И с тех пор боялась ее, потому что Манан прав: она не верит в моих богов. Она хочет, чтобы о Них забыли. Она бы, конечно, убила меня во сне. Так что я совсем не спала. Я вообще не вернулась в Малый Дом. И всю ночь оставалась в одной из кладовых Храма — там, где белые платья для ритуальных танцев. Еще до рассвета я пробралась в Большой Дом и стащила на кухне кое-что из еды; потом вернулась в Тронный Храм и пробыла там весь день. Я пыталась решить, что же мне делать теперь. А сегодня вечером... вечером я уже слишком устала и решила, что могу пойти в Священное Подземелье и немного поспать там, потому что она скорее всего не решится туда спуститься. Я так и сделала, отправилась в ту большую пещеру, где впервые увидела тебя. И... и она была там! Она, должно быть, вошла через дверцу в Красной скале. Она была там с фонарем! Ковырялась в той могиле, которую для тебя вырыл Манан, — проверяла, на месте ли труп. Как крыса на кладбище, как огромная толстая черная крыса, копалась она в яме. И в Священном Подземелье горел свет! Там, где должна быть вечная тьма. И Безымянные не сделали ей ничего. Не убили ее, не свели с ума. Они слишком стары — она сказала правду. Они уже мертвы. Их больше нет. И я больше никакая не Жрица.

Мужчина стоял и слушал, не снимая своей руки с ее, чуть склонив голову. В лице его и взгляде вновь засквозила былая энергия, хотя шрамы

на лице были по-прежнему серыми от пыли, пыль покрывала его одежду и волосы.

— Я прошла мимо нее в Лабиринт. От ее фонаря больше было теней, чем света, а шагов моих она не слышала. Мне хотелось уйти от нее как можно дальше и все время казалось, что она меня преследует. Во всех коридорах, везде я слышала у себя за спиной чьи-то шаги. И я не знала, куда мне идти. Я думала, что здесь буду в безопасности, я думала, что мои Хозяева защитят меня, заступятся... Но Они не заступились, Они ушли отсюда, Они мертвы...

— Ты из-за Них плакала — из-за Их гибели? Но Они здесь, Тенар, здесь!

— Откуда тебе-то знать? — спросила она почти равнодушно.

— Каждый миг с тех пор, как я оказался в Подземелье под Священными Камнями, мне приходилось тратить силы на то, чтобы сдерживать Их, чтобы Они не шли по моему следу. Все мои силы и умения я растратил на это. Я заполнил темные коридоры Лабиринта бесконечной паутиной заклятий — заклятий сна, неподвижности, покоя, — но Они все же чувствовали мое присутствие, правда, наполовину бодрствуя, наполовину усыпленные мной. Но только наполовину! И тем не менее я остался совсем без сил после тщетных попыток бороться с Ними. Человек, попав сюда в одиночку, лишен даже самой малой надежды на спасение. Я уже умирал от жажды, когда ты дала мне воды; но не только вода спасла мне жизнь. Меня спасла сила рук, что дали мне напиться. — И он перевернул ее руку в своей ладонь вверх и минуту смотрел на нее; потом отпустил ее руку, отвернулся и сделал несколько шагов по комнате; и снова остановился возле Тенар. Она ничего не говорила.

— Неужели ты действительно думаешь, что Они умерли? Душа твоя знает лучше. Они темны и бессмертны, и Они ненавидят свет, тот краткий яркий проблеск нашей жизни от рождения до смерти. Они бессмертны, но Они не боги. И никогда ими не были. Они не заслуживают поклонения ни единой человеческой души.

Она слушала, тяжелым взглядом уставившись на мерцающий свет фонаря.

— Они хоть что-нибудь дали тебе, Тенар?

— Ничего, — прошептала она.

— Им нечего дать человеку. Они лишены созидательной силы. Они способны лишь разрушать во тьме. Отсюда Они уйти не могут: Святое Место — это Они сами; пусть оно Им и остается. Их не следует ни отрицать, ни забывать, но и поклоняться Им не стоит. Земля прекрасна; она

яркая, добрая — но не только: она еще и ужасна, темна, жестока. Умирая на своем зеленом лугу, кролик пронзительно кричит от боли. В прекрасных морях водятся акулы, а в глазах людей живет жестокость. И там, где люди поклоняются злу, где они позволяют злым силам уничтожать их, там зло крепнет, там собирается Тьма, там властвуют безраздельно те, кого мы называем Безымянными — Древние Силы Земли, возникшие задолго до рождения нашего мира, Силы Тьмы, хаоса, безумия... Я думаю, Они давно уже свели с ума твою Коссил; наверно, она когда-то слишком долго бродила по Лабиринту, как теперь бродит по коридорам собственной души, не находя выхода, и больше уже не видит по-настоящему свет дня. Она сказала тебе, что Безымянные мертвы; только потерянная душа, та, которой истина недоступна, может верить этому. Они действительно существуют. Но это не твои Хозяева. И никогда не были ими. Ты свободна, Тенар. Тебя просто научили быть рабыней, но теперь ты вырвалась на свободу.

Она слушала его с тем же выражением лица. Он умолк, и теперь молчали оба. Но это была совсем не та тишина, что царила здесь, когда девушка вошла. Теперь здесь слышалось дыхание двоих, ощущалось движение жизни в их кровеносных сосудах, и здесь горела свеча в жестяном фонаре — слабый живой свет.

— Как случилось, что ты знаешь мое имя?

Он прошелся по комнате, смахнул пыль с одежды, растер руки, подвигал плечами, словно пытался стряхнуть с себя оцепенение.

— Знать имена — моя профессия, мое искусство, мое ремесло. Понимаешь ли, чтобы соткать магическое заклятье, сначала необходимо узнать подлинное имя предмета. У меня на родине люди всю жизнь скрывают свои подлинные имена ото всех, кроме немногих близких, кому доверяют без оглядки. Ибо в подлинном имени заключена огромная сила и огромная опасность. Некогда, в начале времен, когда Сегой поднял острова Земноморья из океанских глубин, все вокруг имело подлинные имена. И теперь вся магия, все волшебство зависят от знания именно этого — подлинных имен, слов Истинной Речи, возникшей вместе с нашим миром. Их необходимо вновь и вновь изучать и запоминать. Есть, конечно, такие заклятия, которые запоминаются как простой набор непонятных слов; но и в этом случае необходимо знать о возможных последствиях. Настоящий же волшебник всю свою жизнь тратит именно на выяснение подлинных имен людей и вещей.

— А как ты узнал мое?

Он пристально посмотрел на нее, ярко блеснув глазами в полутьме; мгновение он колебался.

— Я не могу открыть тебе эту тайну. Ты похожа на фонарь, который то вспыхивает, то гаснет в темноте. И все-таки свет исходит от тебя постоянно; даже Они не могут погасить этот свет, не могут навсегда спрятать тебя от людей в своих подземельях. Узнав природу этого света, я узнал тебя, узнал твое имя, Тенар. Это мой дар, моя волшебная сила. Большого я сказать тебе не могу. Но ответь мне, что ты будешь делать теперь?

— Не знаю.

— Итак, Коссил уже обнаружила пустую могилу. Что дальше?

— Не знаю. Если я вернусь, она может сделать так, что меня казнят. За ложь Жрице Гробниц полагается смерть. Она может принести меня в жертву на ступенях, ведущих к Трону, — если захочет. Тогда уж Манану придется по-настоящему отрубить мне голову и не ждать, подняв меч, пока Посланец Тьмы остановит его. Теперь-то уж его никто не остановит. И меч опустится, и голова моя покатится по ступеням.

Она говорила равнодушно, медленно роняя слова. Он весь напрягся.

— Если мы задержимся здесь, — сказал он, — ты сойдешь с ума, Тенар. Гнев Безымянных тяжким бременем давит на твою душу. И на мою. Правда, мне теперь, когда ты здесь, лучше, гораздо лучше. Но ты так долго не приходила, что я почти полностью израсходовал свои силы. Никто не способен долго сопротивляться Безымянным в одиночку. Они слишком сильны... — Он умолк; голос его звучал глухо, порой превращаясь в шепот; он, казалось, утратил нить собственных рассуждений. Он потер лоб рукой и начал жадно пить из фляжки. Потом отломил кусок хлеба, сел на сундук напротив и стал есть.

Он сказал правду. На душе у Тенар было тяжело; казалось, что-то давит на сердце, путает, затемняет мысли и ощущения. И все-таки здесь ей было уже не так страшно, как когда она шла по коридорам одна. Сейчас пугала только эта абсолютная тишина, что царила за стенами комнаты. Почему это так? Раньше она никогда не боялась тишины Лабиринта. Но раньше у нее и в мыслях не было послушаться Безымянных, она не смела бунтовать против них. С коротким жалобным смешком она наконец сказала:

— И вот мы сидим на величайшем сокровище Империи! За один лишь этот сундук Король-Бог отдал бы всех своих жен. А мы даже крышки ни одной не открыли, даже не заглянули ни в один.

— Я открывал, — сказал Ястреб, по-прежнему жуя хлеб.

— В темноте?

— Я зажег маленький огонь. Волшебный. Здесь это трудно даже с

помощью моего посоха, а уж без него — все равно что пытаться разжечь костер под проливным дождем. Но в конце концов все получилось. И я нашел то, что искал.

Она медленно подняла голову и посмотрела на него.

— То кольцо?

— Половинку кольца. Вторая у тебя.

— У меня? Но вторая половина потеряна...

— И найдена. Я носил ее на цепи на шее. Ты отобрала ее. Ты тогда еще спросила, неужели я не мог выбрать себе талисман получше. Единственный талисман, который лучше того, что у меня был, — это целое Кольцо Эррет-Акбе. Но лучше, как говорится, все-таки пол-лепешки, чем ни одной. Так что теперь моя половина у тебя, а твоя у меня. — Он улыбнулся ей в полумраке.

— Ты сказал, когда я взяла ее, что я не знаю, что с ней делать.

— Это правда.

— А ты знаешь?

Он кивнул.

— Скажи мне, зачем оно. Расскажи, что это за кольцо, и как ты нашел его потерянную половинку, и как ты попал сюда, и зачем. Мне это знать необходимо: может быть, тогда я пойму, что мне делать дальше.

— Может быть. Ну что ж. Значит, во-первых, что представляет собой Кольцо Эррет-Акбе? Ты и сама видишь, что драгоценным оно не выглядит, и вообще это даже и не кольцо — уж слишком большое. Скорее браслет, хоть и очень маленький. Никто из людей не знает, для кого точно оно было сделано. Говорят, некогда его носила прекрасная Эльфарран — еще до того, как остров Солеа исчез в пучине морской; но и тогда Кольцо это уже было достаточно старым. Потом оно попало в руки Эррет-Акбе... Кольцо было из литого серебра, и в нем проделаны девять отверстий. А еще его украшал рисунок в виде волн — насечка на внешней поверхности, а на внутренней были написаны девять могущественных рун. На той половинке, что у тебя, написаны четыре руны и часть еще одной; на моей половинке столько же. Трещина прошла как раз посередине одного из символов и нарушила его. Этот символ с тех пор так и назывался: Утраченная Руна. Остальные восемь известны магам: Пирр, защищающая от безумия, от ветра и от пожара; Гес, дающая стойкость, и так далее. Но Утраченная Руна соединяла людей и земли. Это была знаменитая Связующая Руна, знак мира. Ни один король не сможет править своей страной хорошо, если правит не под этим знаком. Никто не знает, как пишется эта руна. И после того как она была утрачена, в Хавноре больше не рождались великие правители. Там были

благородные принцы, были и тираны и много споров и войн, в которых участвовали все острова Земноморья.

Ну и, конечно, наиболее мудрые из правителей и магов Архипелага всегда хотели вернуть Кольцо Эррет-Акбе и восстановить Утраченную Руну. Но в конце концов сдались и перестали посылать людей на поиски Кольца, потому что ни один из них так и не смог добыть его вторую половину из Гробниц Атуана. Первая же, которую Эррет-Акбе некогда отдал какому-то каргадскому королю, была неизвестно где. Итак, много веков назад было решено, что всякие поиски Кольца бессмысленны.

А теперь о том, как я сам занялся этими поисками. Когда я был лишь немногим старше тебя, мне пришлось... много охотиться за одной тварью по всем морям и океанам. И тварь эта долго водила меня за нос, и однажды из-за нее я попал на пустынный островок недалеко от берегов Карего-Ат и Атуана, к юго-западу от них. Это была крошечная песчаная отмель, намытая вокруг рифа; там росла на дюнах морская трава, да в самом центре островка был слабенький источник с солоноватой водой — и ничего больше.

Но там жили два человека. Старик и старушка; брат и сестра, по моему. Когда я появился там, они пришли в ужас. Они бог знает сколько лет не видели лица человеческого. Но я был в беде, и они проявили доброту. У них была жалкая хижина из плавника и очаг. Старушка кормила меня ракушками, которые собирала на скалах во время отлива, вяленным мясом морских птиц, которых они сбивали камнями... Она боялась меня, но кормила. Потом, когда я оказался не таким уж страшным, она понемножку привыкла и даже показала мне свое сокровище. У нее тоже было сокровище. Маленькое детское платьице. Все расшитое шелком и жемчугами. Платьице маленькой принцессы. Сама же старуха была одета в грубые тюленьи шкуры.

Разговаривать мы не могли. Я тогда еще не знал языка каргов, а они не знали ни одного из известных мне языков и даже свой собственный — довольно плохо. Их, должно быть, привезли на этот островок совсем малышами и оставили — умирать. Они вообще ничего не знали, кроме этого островка, ветра и моря. Но, когда я уезжал, старушка сделала мне подарок. Она отдала мне потерянную половинку Кольца Эррет-Акбе. — Он мгновение помолчал. — Я тогда и понятия не имел, что это такое. А она и подавно. Величайший дар нашего времени был сделан несчастной глупой старухой в тюленьих шкурах невежественному деревенскому парню, который просто сунул его в карман и сказал «спасибо». А потом уплыл прочь... Ну ладно, тогда я все-таки поплыл дальше и сделал то, что должен

был сделать. А потом... подросли другие заботы. Мне пришлось побывать на острове Драконьи Бега в Западном Пределе и даже дальше. Но я всегда носил с собой подарок старой женщины, потому что был глубоко благодарен ей за столь щедрый дар. Я продел в одно из сквозных отверстий цепь и носил половинку сломанного Кольца на шее, никогда не задумываясь о его предназначении. А потом однажды на Селидоре, на самом дальнем из островов Западного Предела, на том самом, где погиб Эррет-Акбе в битве с драконом по имени Орм, — так вот, на Селидоре мне довелось поговорить с одним из потомков Орма. И он объяснил мне, что я ношу на груди.

Ему показалось очень смешным, что я этого не знал. Драконы вообще находят нас забавными. Но о них помнят и Эррет-Акбе; о нем они говорят так, как если бы он был драконом, а не человеком.

Когда я наконец вернулся на острова Внутреннего Моря, то сразу отправился в Хавнор. Я родился на острове Гонт, что лежит не так уж далеко от ваших каргадских земель, к западу от них; и я достаточно много скитался по разным морям, но на Хавноре никогда раньше не бывал. Настала пора побывать там. Я увидел белые башни, я говорил с великими правителями, богатыми купцами, с князьями и лордами, потомками старинных родов. Я рассказал им, чем владею. А еще я сказал им, что, если они того хотят, я попробую отыскать вторую половинку Кольца в Гробницах Атуана, чтобы восстановить Утраченную Руну, ключ к миру на земле. Ибо Земноморью мир необходим. Жители Хавнора расточали мне похвалы; а один даже дал денег на покупку лодки и всего необходимого для путешествия. Потом я выучил ваш язык и приплыл сюда.

Он умолк, глядя перед собой на движущиеся тени.

— Разве люди в городах Каргада не признавали в тебе чужеземца, пришельца с запада — по твоему цвету кожи, по тому, как странно ты говоришь?

— О, обмануть людей очень легко, — сказал он как-то рассеянно, — для этого есть много разных фокусов. Благодаря иллюзии так меняешься, что порой только другой маг и способен разобраться, что там на самом деле было когда-то. А у вас на островах почему-то нет ни волшебников, ни магов. Странно. Вы сами давным-давно уничтожили их и строго-настрого запретили заниматься магией, а теперь с трудом даже верите в то, что волшебники все-таки существуют.

— Меня учили не верить им. Они противоречат всей нашей религии. Но я знаю, что только колдовство могло помочь тебе проникнуть в Лабиринт через дверь в Красной скале.

— Не только. Еще и добрый совет. Мы записываем множество различных советов, гораздо больше, чем вы, по-моему. Ты читать-то умеешь?

— Нет. Это одно из запретных искусств.

Он кивнул.

— Но очень полезное искусство. В давние времена один такой же вор, как я, кое-что написал о Гробницах Атуана и дал кое-какие наставления по поводу того, как туда войти. Конечно, записями этими могли воспользоваться только те, кому ведомо хотя бы одно из Великих Заклинаний, открывающих двери. Эти записи я нашел в одной из книг во дворце правителя Хавнора. Он позволил мне читать их. Таким вот образом я и отыскал дорогу в ту большую пещеру...

— Священное Подземелье.

— Тот вор, что описал, как туда добраться, считал, видно, что сокровище хранится именно там. Там я и искал его, но мне все же казалось, что оно должно быть спрятано лучше, где-то глубоко в Лабиринте. Я знал, где находится вход в Лабиринт, и, увидев тебя в Подземелье, двинулся в глубь туннелей, надеясь там спрятаться и поискать Кольцо. Разумеется, я совершил ошибку. Безымянные уже овладели мной, смутив мой разум. И с тех пор я становился все слабее и глупее. Нельзя подчиняться им, нужно изо всех сил сопротивляться, верить в себя... Это я понял уже давно. Но сделать это необычайно трудно, особенно здесь, где они обладают такой силой. Они не боги, Тенар. Но они сильнее любого из смертных.

Долгое время оба молчали.

— А что еще ты нашел в сундуках? — равнодушно спросила она.

— Ерунду всякую. Золото, драгоценные камни, короны, шпаги... Ничего, что было бы очень уж нужно для жизни. Скажи мне вот что, Тенар: как тебя избрали Жрицей Гробниц?

— Когда умирает Единственная, жрицы ищут по всему Атуану девочку, родившуюся в час ее смерти. И всегда находят. Ибо Единственная всегда возрождается. В пять лет девочку привозят сюда, в Святое Место. А в шесть — отдают Темным Силам, и те поглощают ее душу. С этого момента она принадлежит им, как принадлежала с начала времен. И она лишается прежнего имени.

— Ты веришь в это?

— Раньше всегда верила.

— А сейчас?

Она ничего не сказала.

И снова наступила тишина; по стенам скользили тени. Прошло

довольно много времени, прежде чем Ара снова заговорила:

— Скажи мне... Расскажи мне о тех драконах с запада.

— Тенар, что все-таки ты собираешься делать теперь? Мы же не можем вечно сидеть здесь и рассказывать друг другу истории; свеча скоро догорит, и снова наступит тьма.

— Я не знаю, что мне делать. Я боюсь. — Она сидела на каменном сундуке, выпрямившись, руки стиснуты, голос звенит напряженно, словно от боли. — Я боюсь темноты.

Он мягко ответил:

— Тебе придется выбирать. Или ты оставишь меня, запрешь дверь, отправишься в свой Храм и предашь меня своим Хозяевам, а потом пойдешь к жрице Коссил и помиришься с ней. И это положит конец всей истории. Или ты отопрешь дверь, и мы уйдем отсюда вместе. Ты покинешь Гробницы, покинешь сам Атуан и отправишься со мной за дальние моря. Ты должна остаться Арой или вновь стать Тенар. Обеими одновременно ты быть не можешь.

Глубокий голос его звучал мягко, но уверенно. Она видела в полумраке его лицо, суровое, покрытое шрамами, но лишенное жестокости и лукавства.

— Если я перестану служить Темным Силам, они убьют меня. Если я покину Святое Место, то умру.

— Ты не умрешь. Умрет Ара.

— Я не могу...

— Чтобы возродиться, сначала нужно умереть, Тенар. Это вовсе не так трудно, как кажется.

— Они не выпустят нас отсюда. Никогда.

— Может быть, и нет. И все-таки попробовать стоит. Ты много знаешь, я многое умею, и у нас есть еще... — Он замолчал.

— У нас есть Кольцо Эррет-Акбе.

— Да, оно. Но я думал о другом, что между нами возникло. Можешь назвать это доверием... Таково одно из слов Истинной Речи. Это величайший дар. Хоть каждый из нас поодиночке и слаб, но, обладая доверием, мы становимся сильнее, чем Тьма... — Его глаза на покрытом шрамами лице светились чистым ясным огнем. — Послушай, Тенар! — сказал он. — Я пришел сюда как вор, как вооруженный враг, как твой противник; ты показала мне, что значит быть милосердной, ты мне поверила. И я поверил тебе — с первого раза, едва увидев твое лицо тогда в пещере, в Священном Подземелье — ах, какая там красота!.. Ты доказала, что веришь мне. Но я все еще в долгу перед тобой. И долг этот непременно

верну. Запомни, мое подлинное имя Гед. А это — тебе; сохрани его. — Он встал, протягивая ей серебряный полукруг с загадочными отверстиями. — Пусть Кольцо станет целым.

Она взяла половинку Кольца с его ладони. Легким движением сняла с шеи серебряную цепь и отсоединила вторую половинку. Потом сложила их обе на ладонке так, что сломанные края в точности совпали. Глаз она по-прежнему не поднимала.

— Я пойду с тобой, — сказала она, помолчав.

После этих слов Гед взял руку девушки со сломанным кольцом в свою. Она в изумлении вскинула на него глаза и увидела, что лицо его горит от радости. Жизнь возвращалась к нему. Он улыбался. Она растерялась, ей даже стало страшно.

— Ты освободила нас обоих, — сказал он. — Никто не выигрывает свободу в одиночку. Пошли! Не будем терять времени — если оно у нас еще есть! Только покажи мне его снова, на минутку.

Она разжала пальцы: сломанные края кольца плотно сомкнулись.

Он не тронул его, только коснулся пальцами и что-то сказал. Лицо его вдруг покрылось крупными каплями пота. Она ощутила странное, едва заметное дрожание у себя на ладони — словно чуть шевельнулось маленькое животное, спавшее там. Гед вздохнул, его напряжение прошло, он утер пот со лба.

— Ну вот, — сказал он и, взяв Кольцо Эррет-Акбе, надел его ей на правую руку; пальцы ее легко скользнули в него, но ладонь прошла с трудом. Кольцо свободно охватило запястье. — Ну вот! — Гед удовлетворенно смотрел на дело своих рук. — Подходит. Это, должно быть, женский браслет. Или детский.

— А оно больше не сломается? — нервно прошептала она, ощущая холодок легкого серебряного кольца у себя на запястье.

— Нет. Здесь не годилось простое заклятье, какими пользуются, скажем, деревенские колдуньи, чтобы починить прохудившийся чайник. Для соединения Кольца я должен был применить Заклятье Созидания, Великое Заклятье. Теперь Кольцо вновь стало целым, словно никогда и не было сломано. Тенар, мы должны идти, пора. Я принесу сумку и флагу. Надень свой плащ. Мы ничего больше не забыли?

Когда она надавила на дверь, отпирая ее, он сказал:

— Как бы мне хотелось, чтобы посох мой был тут!

И она ответила:

— Он за дверью. Я взяла его с собой.

— Почему ты это сделала? — с любопытством спросил он.

— Я подумала... решила, что все равно отведу тебя к двери. Отпущу тебя.

— Этого как раз тебе сделать бы не удалось. Ты могла либо держать

меня в качестве раба и сама оставаться рабой, либо выпустить меня и сама уйти вместе со мной — на волю. Пойдем, малышка, смелей, поверни же ключ.

Она повернула ключ с изображением дракона и открыла дверь в низкий черный коридор. Вместе с мужчиной она вышла из Великой Сокровищницы, и на руке у нее было Кольцо Эррет-Акбе.

Слабая, почти бесшумная дрожь прошла по каменным стенам и полу коридоров. Это было похоже на далекий гром, словно где-то далеко-далеко упало что-то огромное.

От ужаса у нее зашевелились волосы, и, даже не зная почему, она поспешно задула свечу в жестяном фонаре. Она слышала, как Гед идет за ней следом; его спокойный голос слышался совсем близко — дыхание коснулось волос Тенар.

— Не зажигай фонарь. Я могу вызвать свет, если понадобится. Сколько там сейчас времени снаружи?

— Было далеко за полночь, когда я пришла сюда.

— Тогда нам нужно идти быстрее, — сказал он, но не двинулся с места. Она поняла, что должна вести его сама. Только она знала, где выход из Лабиринта.

Она двинулась вперед согнувшись, потому что туннель здесь был очень низким, но шла довольно быстро. Из невидимых перекрестков доносилось ледяное дыхание и острый могильный запах — безжизненный аромат беспредельной пустоты, что лежала у них под ногами. Когда своды стали чуть повыше и она смогла выпрямиться, то пошла медленнее, считая шаги: они приближались к Колодцу. Легконогий, повторяющий каждое ее движение, Гед следовал за ней на расстоянии шага. Едва она остановилась, он тоже застыл на месте.

— Здесь Колодец, — прошептала она. — Я не могу найти кромку. Нет, вот она. Осторожней, мне кажется, камни расшатались... Нет, нет, погоди... они и правда расшатались... — Она скользнула назад в безопасное место, когда камни качнулись у нее под ногой. Он поймал ее за руку и крепко сжал. Сердце у нее упало. — Там опасно, камни шатаются.

— Сейчас зажгу маленький огонек, и мы посмотрим. Может быть, мне удастся немножко их укрепить. Не волнуйся, малышка.

Она подумала, как это странно: он называет ее так, как всегда называл Манан. А когда слабый огонек засветился на конце волшебного посоха — не ярче гнилушки или далекой звездочки в туманном небе, — на узенькой кромке, на самом краю черной бездны она увидела огромную темную фигуру и узнала в ней Манана. Но слова застряли у нее в горле, голос будто

попал в ловушку, и она не смогла окликнуть его.

Когда Манан попытался столкнуть Геда, ступившего на ненадежную тропу, то Гед, увидев его, с возгласом то ли изумления, то ли гнева ударил евнуха посохом. Сверкнул огонь, белое, нестерпимо яркое пламя. Манан резко поднял громадную ручищу, защищая лицо от огня, отчаянно дернулся, пытаясь схватить Геда, промахнулся и упал в Колодец.

Он даже не крикнул. Ни единого звука не донеслось из черной пасти, не слышно было и стука ударившегося о дно тела — вообще ничего. Сжавшись в комок, застыв на коленях у самого края бездны, Гед и Тенар напряженно вслушивались, но ничего не слышали.

Свет стал сероватым, едва заметным.

— Пошли! — решительно сказал Гед, протягивая ей руку; она крепко за нее ухватилась, и в три прыжка они перемахнули через опасное место. Он погасил свет, и Тенар снова пошла впереди, прокладывая путь. Голова была пустой, движения вялыми. Лишь спустя некоторое время она вдруг подумала: а теперь направо или налево? И остановилась.

Тоже остановившись в нескольких шагах от нее, Гед мягко спросил:

— Что случилось?

— Я заблудилась. Зажги свет.

— Заблудилась?

— Я... я потеряла счет поворотам.

— Я считал, — сказал он, подходя чуть ближе. — Мы свернули налево после Колодца; потом направо, потом снова направо.

— Тогда надо снова направо, — автоматически произнесла девушка, но не двинулась с места. — Зажги свет.

— Свет не покажет, куда нам идти, Тенар.

— Никто нам этого не покажет. Путь утрачен. Мы заблудились.

Шепот ее утонул в мертвой тишине, подземелье поглотило его.

В холодной темноте она чувствовала тепло своего спутника: он стоял совсем близко теперь. Взял ее руку в свои.

— Пойдем дальше, Тенар. Следующий поворот направо.

— Зажги огонь, — молила она. — Туннели порой так изгибаются...

— Я не могу. У меня не осталось сил. Тенар, они... Они ведь знают, что мы вышли из Сокровищницы. Они знают, что мы миновали Колодец. Они ищут нас, стремятся завладеть нашей волей, нашими душами. Чтобы погасить в нас жизнь, чтобы поглотить нас самих. Я должен был осветить тропу над Колодцем. На это ушла вся моя сила. И еще — я должен сопротивляться им, вместе с тобой. Ты помогаешь мне. Но мы должны идти вперед.

— Отсюда нет выхода, — сказала она, но один шаг вперед все-таки сделала. Потом другой, нерешительно, словно каждый раз у нее под ногами открывалась черная бездна, пустота. Ее руку сильно сжимала его теплая рука.

Они шли вперед, прошло, как им показалось, довольно много времени, и они наконец приблизились к череде ступеней. Никогда они не казались ей такими крутыми и узкими. Теперь это были едва ощутимые выбоины в каменной стене. Но они преодолели и это препятствие и пошли дальше чуть быстрее, потому что Тенар помнила: после подъема по крутой лестнице извилистый коридор идет довольно долго без единого поворота. Наконец ее пальцы, постоянно касавшиеся левой стены, ощутили провал.

— Здесь, — прошептала она; но Гед почему-то не двигался с места, словно сомневался в правильности ее решения.

— Нет, — пробормотала она смущенно, — не этот. Следующий налево. Не знаю. Не помню... Я больше не могу! Мы не выйдем отсюда.

— Мы сейчас идем к Расписной Комнате, — прозвучал в темноте его спокойный голос. — Как нам отсюда туда попасть?

— Левый поворот после пропуска.

Она снова пошла впереди по длинной дуге коридора, мимо последнего тупика к повороту направо и прямо к Расписной Комнате.

— Дальше я помню, — прошептала она, и все страхи остались позади. Теперь ей были хорошо знакомы все эти коридоры, ведущие к Железной Двери, она сотни раз считала здешние повороты и пропуски. Даже странная тяжесть, что по-прежнему смущала душу девушки, не могла уже сбить ее с толку. Она старалась ни о чем не думать, но ей все время казалось, что они приближаются к той невидимой угрозе, что нависала со всех сторон, давила, окружала; ноги почему-то вдруг стали усталыми, тяжелыми, и она даже раз или два споткнулась, стараясь заставить их двигаться. И спутник ее тоже глубоко вздыхал, словно с трудом переводил дыхание после невероятно тяжелой работы, измотавшей его до предела. Порой он глухо и отрывисто произносил то ли слово, то ли несколько слогов. Наконец они достигли Железной Двери. Протянув к рычагу руку, девушка с внезапным ужасом отдернула ее.

Дверь была открыта.

— Быстрее! — сказала она и протолкнула своего спутника в кем-то оставленную щель. Там, по другую сторону двери, она замерла.

— Почему Железная Дверь была открыта? — спросила она.

— Потому что твои Хозяева хотели, чтобы закрыли ее твои руки.

— Мы приближаемся к... — Голос у нее сорвался.

— К самому сердцу Тьмы. Я знаю. И все-таки мы вышли из Лабиринта. Сколько выходов из Священного Подземелья?

— Только один. Войти можно через ту дверь, которой воспользовался ты, но она изнутри не открывается. Нам теперь нужно идти через все Подземелье, потом вверх по коридорам до двери-ловушки, что находится за Троном, в Храме.

— Хорошо. Так мы и пойдем.

— Но там ОНА, — прошептала девушка. — В Подземелье. В пещере. Роемся в пустой могиле... Я не могу снова пройти мимо нее, о нет!

— Она наверняка уже ушла.

— Я не могу пройти там!

— Тенар, сейчас я пока еще держу крышу над нашими головами. Я сдерживаю стены, грозящие сомкнуться и раздавить нас. Я с трудом удерживаю землю у нас под ногами, чтобы она не разверзлась. Я делал это весь тот путь, что мы прошли от Колодца, где ждал Их слуга. Если я в силах сдержать землетрясение, то тебе не стоит бояться встречи с жалкой и злобной человеческой душонкой, пока мы вместе! Верь мне так, как я верю тебе. Пойдем же, скорей.

И они двинулись дальше.

Бесконечный туннель вывел их туда, где даже во тьме возникало ощущение большого простора, — в Священное Подземелье.

Они двинулись по дуге вдоль правой стены этой огромной пещеры. Тенар сделала лишь несколько шагов и тут же остановилась.

— Что это? — прошептала она, едва шевеля губами.

Внутри огромного черного пузыря мертвого воздуха слышалось странное гуденье: отзвук далекой лавины или взрыва, от которого стыла в жилах кровь, холодели конечности. Изрезанные временем каменные стены под ее пальцами едва заметно дрожали, вибрировали.

— Иди вперед! — сухо и напряженно велел Гед. — Скорее, Тенар.

Она, споткнувшись, двинулась вперед, подавив в себе крик ужаса; в душе ее царил такой же мрак и такое же смятение, как под этими сотрясаемыми изнутри сводами. «Простите меня, о мои Хозяева, о Безымянные! Простите меня, Древние Силы, простите, простите меня!..» — молила она. Ответа не было. Они никогда не отвечали ей.

Тенар и Гед прошли по последнему коридору, поднялись по лестнице до самой двери-ловушки. Девушка нажала на пружину замка, но дверь не открывалась.

— Она сломалась! Теперь она никогда не откроется!

Гед протиснулся мимо нее и налег спиной на дверь. Это не помогло.

— Дверь не заперта, — сказал Гед. — Просто приперта чем-то снаружи. Очень тяжелым.

— Можешь ли ты открыть ее?

— Попробую. Но, мне кажется, ОНА будет там ждать. У Коссил есть помощники? Мужчины, я имею в виду?

— Дьуби и Уахто, ее евнухи; может быть, она позвала и кого-то еще из телохранителей... Мужчины туда приходить не могут...

— Я не смогу одновременно отпирать дверь с помощью заклятья, сдерживать банду Коссил и пытаться противостоять воле Тьмы, — проговорил Гед ровным голосом, будто размышляя. — Нам остается только поискать другой выход... Может быть, попробовать выйти через ту дверь, что в скалах? Через которую я вошел. Она знает, что ее изнутри отворить нельзя?

— Знает. Она как-то дала мне попробовать...

— Тогда она наверняка за ней не следит. Пошли. Пошли скорей, Тенар!

Она сползла вниз по каменным ступеням; лестница дрожала и качалась, словно гигантская тетива лука, туго натянутая над бездной и готовая выстрелить.

— Что это? Почему все дрожит?

— Пойдем, — сказал он таким ровным и уверенным голосом, что она подчинилась и поползла обратно по коридорам и лестницам в кошмар Подземелья.

Они вошли туда, и тут слепая чудовищная и невидимая ненависть обрушилась на Тенар с такой силой, словно гневалась сама земля. Девушка в ужасе, не сознавая, что делает, громко вскрикнула:

— Они здесь! Здесь!

— Тогда пусть знают, что и мы... здесь, — сказал Гед, и от его посоха и рук разлилось белое сияние; свет переливался, словно волны морские под солнцем, отражаясь от тысяч блестящих самоцветов на сводах пещеры: торжество света, оберегавшего двоих, что бежали напрямик по обители Тьмы; темные тени людей металась по белому кружеву стен, по сверкающим сводам, по пустой разверстой могиле... Они бежали к низенькой дверце, вниз по туннелю — она, спотыкаясь, впереди, он за ней. Там, в туннеле камни гудели и двигались у них под ногами. Но волшебный ослепительный свет по-прежнему был с ними. И в этом свете она увидела перед собой чье-то мертвое каменное лицо на стене, услышала наверху, где-то над головой, гром небесный, перекрываемый голосом Геда, упорно произносившего одно и то же слово, и когда она упала на колени, его посох с силой ударил прямо у нее над головой в красный камень запертой двери.

Скалы раскалились добела, словно охваченные пламенем, и раскололись.

За дверью было бледное предутреннее небо, чуть желтоватое на востоке. На нем высоко и холодно светилось несколько белых звезд.

Тенар увидела звезды и на лице ощутила сладостное дыхание ветра; но встать не смогла, а поползла на четвереньках — как бы между небом и землей.

Мужчина — странная темная фигура в предрассветных сумерках — повернулся и потянул ее за руку, заставляя встать. Лицо его, казавшееся черным, было искажено страшной гримасой, как у демона. Она отшатнулась и хрипло забормотала; одеревеневший язык словно чужой двигался у нее во рту:

— Нет, нет! Не прикасайся ко мне... оставь меня... Уходи!

Извиваясь, она поползла прочь от него в содрогающиеся, будто что-то жующие безгубые уста Гробниц.

Он слегка ослабил тиски своих рук и тихим голосом сказал:

— Ради того, что связывает нас, и того, что носишь ты на руке, заклинаю тебя, Тенар: пойдём.

Она заметила вдруг, как свет звезд играет на серебряном Кольце у нее на запястье. Не сводя с браслета глаз, она поднялась, вложила свою руку в его ладонь и, спотыкаясь, пошла за ним. Идти быстрее она не могла. Когда они спускались с холма, из черной пасти в скалах у них за спиной исторгся долгий стонущий вопль — вопль ненависти и тоски. Вокруг скатывались камни. Земля колыхалась. Они шли вперед, и девушка по-прежнему не сводила глаз с браслета, на серебре которого отражались звезды.

Теперь они уже спустились в туманную долину к западу от Святого Места и начали снова подниматься. Неожиданно Гед остановил ее:

— Смотри!

И оба увидели. Они стояли как раз на одном уровне со Священными Камнями, только на противоположном конце долины. Девять огромных монолитов, что раньше стояли или лежали на земле, скрывавшей пещеру с кружевными стенами и черными могилами в полу, теперь двигались: вздрагивали, слегка наклонялись, словно мачты корабля. Один из них, казалось, пытается вылезти из земли, все больше и больше возвышаясь над ней; потом по нему прошла дрожь и он упал. Упал и второй; упав, он ударился о первый и раскололся. За Камнями виден был низкий купол Тронного Храма — черный на фоне желтого рассветного неба; Храм содрогался. Стены его рушились на глазах, сплетение камня и деревянных балок превращалось в некую аморфную массу, которая меняла форму, словно комок мягкой глины, брошенной в реку, с ревом проваливалась сама

в себя и внезапно взрывалась осколками камня и пылью, разлеталась в стороны, рушилась. Сама земля в долине шла волнами, складывалась в складки, становилась на дыбы; между Священными Камнями вдруг разверзлась огромная щель, как бы выпустив наружу часть подземной тьмы в виде облака черной пыли, похожего на дым. Камни, которые все еще стояли более или менее вертикально, опрокинулись прямо в эту дыру и были поглощены разверстым зевом земли. Потом с грохотом, эхо которого разнеслось, кажется, до самого неба, неровные черные губы сомкнулись, холмы вокруг содрогнулись еще раз и замерли.

Она отвела глаза от ужасного зрелища и посмотрела на стоящего рядом мужчину, чье лицо она еще никогда не видела при дневном свете.

— Ты задержал его! — сказала она, и голос ее был тонок, как свист ветра в тростниках; он казался детским и слабым по сравнению с могучими воплями и стонами земли. — Ты задержал землетрясение, ты смог противостоять гневу Тьмы...

— Мы должны идти дальше, — сказал Гед, отворачиваясь от восходящего солнца и разрушенных Гробниц. — Я устал, замерз...

Он все время спотыкался, когда они снова пошли, и она взяла его за руку. У обоих не было сил идти быстрее, они едва тащились, похожие на двух маленьких паучков, ползущих по огромной стене. С трудом преодолели они невероятно длинный подъем и остановились на вершине холма, где сухая земля была окрашена желтым светом восходящего солнца и словно полосками покрыта длинными редкими тенями от стеблей шалфея. Пред ними высились западные горы; подножия их казались красными, а вершины и склоны сияли золотом. Оба на мгновение задержались, любуясь этим зрелищем, потом начали спускаться по другому склону холма, откуда Гробницы уже не были видны, и исчезли из виду.

Тенар проснулась, пытаясь стряхнуть оцепенение ночного кошмара: во сне она долго-долго шла по какой-то странной местности, так долго, что плоть ее, источенная временем, обвалилась с костей и она могла видеть сами кости — локтевые и лучевые, слабо поблескивающие во тьме. Открыв глаза навстречу золотистому свету солнца, она почувствовала запах шалфея и ощутила, как в нее входит благодать. Счастье медленно заполняло ее, пока не заполнило до краев, и тогда она села, выпростав руки из-под черного плаща, и с беспечной радостью осмотрелась.

Был вечер. Солнце садилось за горы, которые были совсем близко и казались очень высокими. Из-за них исходило закатное сияние, наполнявшее воздух и небо вокруг — бескрайнее, ясное, зимнее небо — золотом. Беспредельная пустынная золотая страна гор и широких долин. Ветер улегся, было холодно, стояла абсолютная тишина. Все было недвижимо. Листья густых зарослей шалфея были серыми и сухими, невысокая пустынная трава колола руки. Безбрежное молчаливое великолепие света горело в каждой былинке, в каждом свернувшемся листке, в каждом стебле, на холмах вокруг, в самом воздухе.

Она посмотрела налево и увидела Геда, лежащего на земле. Он плотно завернулся в плащ, подложил руку под голову и крепко спал. Лицо его и во сне было суровым, напряженным; однако сильная левая рука его, безвольно откинута, лежала в пыли рядом с маленьким кустиком чертополоха, который все еще был одет в свои рваные лохмотья из сероватого пуха и слабые доспехи из колючек. Мужчина и маленький пустынный кустик чертополоха; кустик чертополоха и спящий мужчина...

Он из тех, чья сила столь же могущественна, как Древние Силы Земли, и сродни им; он из тех, кто беседует с драконами, сдерживает землетрясение одним лишь словом. И вот он лежит на пыльной земле и спит, а рядом с его рукой мирно растет маленький кустик чертополоха. Это было так странно. Жить, быть в этом мире оказалось куда значительнее и загадочнее, чем все то, о чем она когда-либо мечтала. Сияние небес коснулось запыленных волос Геда и на какое-то мгновение сделало кустик чертополоха совсем золотым.

Свет медленно гас. А холод становился все более жестоким, усиливаясь буквально каждую минуту. Тенар встала и начала собирать

сухие стебли шалфея, отламывая мелкие веточки от мощных стеблей, которые порой достигали здесь толщины дубовой ветви. Они остановились на отдых примерно в полдень, когда еще было тепло. Они устали настолько, что больше не могли сделать ни шагу. Парочка низкорослых кустов можжевельника и сам западный склон холма, через гребень которого они только что перевалили, обеспечивали сносное убежище; они попили воды из фляжки и заснули мертвым сном.

Под можжевельником она нашла несколько довольно крупных веток и подложила их в самый низ, сверху забросав всякой мелочью. Потом разожгла огонь с помощью своего кремня и кресала. Охапка сухих стеблей и листьев шалфея вспыхнула сразу. Сухие можжевельниковые ветки загорелись розовым пламенем, пахнувшим смолой. Теперь костер со всех сторон окружала темнота; на небе стали появляться первые звезды — снова звезды и это потрясающее огромное небо.

Потрескивание костра разбудило спящего. Он сел, потер руками свое мрачное лицо, неловко встал на ноги и подошел поближе к огню.

— Интересно знать... — начал он сонным голосом.

— Я понимаю, но мы все же не можем просидеть здесь всю ночь без огня: становится слишком холодно. — Через минуту она добавила: — Разве что у тебя найдется какая-нибудь хитрость, которая поможет нам согреться или сделает невидимым этот огонь...

Он уселся у костра, почти сунув туда ноги, обхватив колени руками.

— Брр! — сказал он. — Настоящий костер все-таки значительно лучше любого волшебства. Я тут немножко поколдовал вокруг нас — на всякий случай. Если кто-нибудь будет проходить мимо, пусть ему покажется, что мы просто камни. Ты как думаешь? Станут они нас преследовать?

— Я очень этого боюсь, но все-таки думаю, что не будут. Никто, кроме Коссил, не знал, что ты в Лабиринте. Кроме Коссил и Манана. А они мертвы. Она ведь наверняка была в Тронном Храме, когда он обрушился. Ждала у двери-ловушки. А все остальные, должно быть, думают, что это я была в Храме и погибла во время землетрясения. — Тенар тоже обхватила руками колени и передернулась. — Надеюсь, что остальные здания не пострадали. Трудно было разглядеть с холма в такой туче пыли. Наверно, все храмы и дома разрушиться не могли? Например, Большой Дом, где спят девочки?..

— Думаю, что нет. Просто Гробницы поглотили сами себя. Я видел золотую крышу какого-то храма, когда мы уходили. Он по-прежнему стоял. И там везде были видны человеческие фигурки; люди бежали куда-то...

— Что-то они скажут, что подумают?.. Бедная Пенте! Она могла бы стать теперь Высшей Жрицей. И ведь именно она всегда мечтала убежать оттуда! Не я. Впрочем, теперь она, возможно, тоже убежит. — Тенар улыбнулась. В ее душе светилась такая радость, которую не могли затмить никакие страшные мысли, никакой ужас; это была та самая уверенная радость, которая возникла в ней, когда она проснулась навстречу золотистому свету. Она раскрыла свой мешок и вытащила оттуда две маленькие плоские лепешки; одну она протянула над костром Геду, а сама вцепилась зубами во вторую. Лепешки были черствыми, кисловатыми и замечательно вкусными.

Некоторое время оба жевали в полном молчании.

— Как далеко мы находимся от моря?

— У меня путь от побережья сюда занял два дня и две ночи. Сейчас нам потребуется больше времени.

— Я сильная, — сказала она.

— Да, сильная. И храбрая. Но спутник твой очень устал, — сказал он с улыбкой. — И хлеба у нас с тобой маловато.

— А воду мы найдем?

— Завтра, в горах.

— А еду для нас ты не мог бы отыскать? — спросила она еле слышно, смущаясь.

— Охота требует много времени и оружие.

— Я имела в виду... Ну, ты же понимаешь, всякие заклинания.

— Я могу позвать кролика, — сказал он, подбрасывая в огонь кривую ветку можжевельника. — Сейчас кролики как раз выходят из норок. Вокруг их полно. Вечер — они охотятся. Я могу назвать кролика по имени, и он тогда непременно придет. Но сможешь ли ты поймать, освежевать и поджарить кролика, которого так подозвала к себе? Может быть, если будешь совсем умирать с голоду. Мне кажется, это значит нарушить доверие.

— Конечно. Я думала, что ты, может быть, просто...

— Вызвать нам ужин заклинанием? — договорил он. — О, это я могу. На золотых тарелках, если угодно. Но это только иллюзия, а когда ешь иллюзии, то в итоге только больше хочется есть. Это примерно то же самое, что питаться собственными словами. — Она заметила, как его белые зубы блеснули в свете костра.

— Странная у тебя магия, — сказала она с едва заметным высокомерием. Как Великая Жрица могущественному волшебнику. — Похоже, что она годится лишь для великих дел.

Он еще подбросил в огонь топлива, и костер вспыхнул, распространяя запах можжевельной смолы; снопы искр с треском взлетали вверх.

— А ты действительно можешь позвать кролика? — вдруг спросила Тенар снова.

— Тебе этого хочется?

Она кивнула.

Он отвернулся от костра и ласково позвал, обращаясь к необъятной, заполненной светом звезд ночи:

— *Кеббо... О, кеббо...*

Тишина. Ни звука. Ни одного движения. Но вскоре на самом краешке освещенного костром круга блеснул круглый глазок — словно камешек гагат, совсем рядом с землей. Изгиб пушистой спинки, ухо, длинное, настороженное, приподнятое...

Гед снова что-то сказал. Ухо дернулось, и неожиданно из тени возник пушистый кролик, он повернулся, и Тенар ненадолго увидела его целиком — маленького, мягкого, легкого прыгуна, тут же бессознательно вернувшегося к своим ночным заботам.

— Ой! — выдохнула она восторженно. — Как замечательно! — И тут же спросила: — А я могу это сделать?

— Ну...

— Это тайна? — Она тут же приняла надменный вид.

— Тайна — только имя кролика. Во всяком случае, нельзя просто так звать его по имени. А сама способность призывать живые существа вовсе тайной не является.

— О! — сказала она. — Этим-то даром ты обладаешь сполна. Я знаю! — Волнения, слышавшегося в ее голосе, не могла скрыть даже притворная насмешка. Он посмотрел на нее и не ответил.

Он действительно еще не пришел в себя и был совсем без сил после сражения с Безымянными. Свое волшебное могущество он израсходовал в содрогавшихся от землетрясения туннелях. Он одержал победу, но устал настолько, что не мог ликовать по этому поводу. Вскоре он снова свернулся калачиком на земле, как можно ближе к огню, и уснул.

Тенар сидела, подбрасывала в костер топливо, смотрела на сияние зимних созвездий, раскинувшихся от одного края неба до другого, пока голова ее не закружилась от этого великолепия и тишины: тогда заснула и она.

Проснулись оба одновременно. Костер потух. Звезды, которыми любовалась Тенар, теперь ушли далеко за горы, и на востоке появились новые. Обоих разбудил холод, сухой холод пустынной ночи,

пронзительный, как ледяной нож, ветер. С юго-запада наплзала вуалью череда облаков. Собранное топливо почти кончилось.

— Давай пойдем, — сказал Гед, — скоро рассветет.

Зубы у него стучали так, что Тенар с трудом понимала его. Они двинулись в путь, поднимаясь по длинному пологому склону. Кустарники и камни казались при свете звезд черными, но видно было хорошо, как днем. Сначала они очень замерзли, но потом при быстрой ходьбе согрелись и, задохнувшись на подъеме, остановились, переводя дыхание и дрожа; потом сбавили темп. К восходу они уже добрались до подножия западных гор, всю жизнь ограничивавших видимое Тенар пространство.

Они устроили привал в роще, где золотистые дрожащие, листья все еще жались к ветвям деревьев. Он объяснил ей, что это осины; она не знала других деревьев, кроме можжевельника и низкорослых тополей, росших по берегам впадающих в реку ручейков; да еще в саду при храмах было около сорока яблонь. Маленькая птичка тоненьким голоском проговорила на ветке осины: «Пинь-пинь». Под деревьями бежал ручей, узкий, но быстрый, громкоголосый, мускулистый; он пробивался среди валунов решительно и торопливо, чтобы не замерзнуть. Тенар почти боялась его шумливости. Она привыкла к пустыне, где вещи были молчаливы и медлительны: вялая река, тени облаков, кружащие в небесах стервятники...

На завтрак они поделили последнюю лепешку и последний крошащийся кусочек сыра, немного передохнули и двинулись в путь.

К вечеру они поднялись уже довольно высоко в горы. Подмораживало, дул сильный ветер — настоящая зима. Они заночевали в лощине, тоже у ручья. Здесь было полно валежника, и на этот раз они разожгли настоящий костер из больших ветвей, так что вполне согрелись.

Тенар была счастлива. Она нашла полную орехов беличью кладовую, обнаружившуюся при падении невысокого дерева. Там оказалось два кармана прекрасного фундука и еще каких-то незнакомых орехов с гладкой скорлупой, которые Гед, не зная каргадского их названия, называл по-своему: *убир*. Тенар один за другим колола их с помощью двух плоских камней и каждый второй отдавала Геду.

— Мне бы так хотелось навсегда остаться здесь, — сказала она, глядя на расстилавшуюся внизу меж холмами сумеречную равнину, продуваемую всеми ветрами. — Мне очень нравится это место.

— Хорошее место, — согласился Гед.

— Люди никогда не придут сюда...

— Во всяком случае, вряд ли... Я сам родился в горах, — сказал он, — на острове Гонт. Мы проплывем мимо него на пути в Хавнор; он чуть

севернее. Гонт очень красив зимой — весь белый и поднимается из волн морских, словно шапка самой высокой волны. Около моей деревни протекал как раз такой вот ручей... А ты где родилась, Тенар?

— На севере Атуана, в Энтате, по-моему. Я ведь совсем не помню дома.

— Тебя так рано забрали?

— Мне было пять лет. Я помню огонь в очаге и... больше ничего.

Гед задумался, потер подбородок, который хоть и зарос уже редкой щетиной, но, по крайней мере, наконец-то был чистым: несмотря на холод, оба тщательно вымылись в горном ручье. Смотрел он сурово. Тенар наблюдала за ним и ни за что не смогла бы прямо определить то, что было у нее на душе, когда она смотрела на него, особенно здесь, среди гор, в отблесках костра.

— Что бы ты хотела делать в Хавноре? — спросил Гед, словно обращаясь не к ней, а к огню. — Я и не ожидал, что ты сможешь настолько — действительно по-настоящему! — возродиться.

Тенар кивнула, чуть улыбнувшись. Она поистине чувствовала себя новорожденной.

— Для начала тебе следовало бы выучить их язык.

— Твой язык?

— Да.

— С удовольствием!

— Ну хорошо. Вот это кабат. — Он бросил маленький камешек в подол ее черного платья.

— Кабат. Это на языке драконов?

— Нет, нет. Ты ведь не собираешься колдовать, я надеюсь; ты, наверно, хочешь просто разговаривать с другими людьми?

— А как будет «камешек» на языке драконов?

— Ток, — сказал он. — Но я вовсе не собираюсь брать тебя в ученицы и делать колдуньей. Сейчас мы с тобой будем учить тот язык, которым люди пользуются по всему Архипелагу, по крайней мере, на всех Внутренних Островах. Я вот должен был выучить твой язык, прежде чем явился сюда.

— Ну, ты говоришь на нем довольно-таки странно.

— Несомненно. Итак, *аркемми кабат*, — и он протянул к ней руку, чтобы она отдала камешек ему.

— А я обязательно должна ехать в Хавнор?

— А куда же еще ты хотела бы поехать, Тенар?

Она колебалась.

— Хавнор — прекрасный город, — сказал он. — И ты привезешь туда Кольцо, символ мира, утраченное сокровище. Тебя будут встречать в Хавноре как принцессу. Будут носить на руках, каждый будет счастлив приветствовать тебя... В этом городе живут благородные и великодушные люди. Тебя наверняка станут называть Белой Дамой — из-за светлой кожи; а то, что ты так молода, вызовет к тебе всеобщую любовь. И еще ты красива. Там у тебя будет сотня таких платьев, как то, что я создал для тебя с помощью иллюзии, но только настоящих. Со всех сторон ты будешь чувствовать всеобщую любовь и восхищение. Ты, которая раньше знала лишь одиночество, зависть и тьму.

— Там был еще Манан, — сказала Тенар, словно защищаясь; губы ее слегка дрожали. — Он любил меня и был ко мне добр — всегда. Он охранял меня, оберегал, не жалея жизни, а я его за это убила; он упал в черный Колодец... Не хочу я ехать в Хавнор. Не хочу. Я хочу остаться здесь.

— Здесь? В Атуане?

— В горах. Вот здесь, где мы сейчас.

— Хорошо, Тенар, — сказал Гед мрачно и спокойно, — тогда мы останемся. У меня, правда, нет с собой ножа, так что если пойдет снег, будет трудновато. Но до тех пор, пока мы сможем находить пищу...

— Нет. Я понимаю: мы не можем здесь остаться... Я веду себя просто глупо! — сказала Тенар, встала, стряхнула ореховые скорлупки и подбросила в костер топлива. Она стояла, освещенная пламенем, тоненькая и очень прямая в своем изодранном, перепачканном землей платье и черном плаще. — Все, что я знала раньше, теперь не имеет ни малейшего смысла, — сказала она, — а пока что я не знаю больше ничего. Но я постараюсь научиться.

Гед отвернулся и стал смотреть в сторону, сморщившись, как от боли.

На следующий день они прошли перевал и по поросшему лесом склону стали спускаться вниз. На перевале дул сильный ветер, сбивал с ног, нес колющий слепящий снег. И пока они не вышли из-под снеговых туч, нависших над вершинами, Тенар не могла как следует разглядеть земли, что лежали за первой горой. Все вокруг там оказалось зелено-зелено от сосен, от покрытых травой лугов, от юных всходов на полях. Даже среди зимы, когда кустарник по ту сторону горы был нагим и серым, как и лес, здесь зеленели свежие и юные всходы. Они смотрели на эту красоту со скалистого утеса. Потом Гед молча указал на запад, где солнце тонуло в пенистой воздушной гряде облаков. Собственно, самого солнца уже не

было видно, но на горизонте разливалось сияние, похожее на хрустальные сверкающие стены Священного Подземелья, на дивный райский храм...

— Что это? — спросила девушка.

— Море, — ответил ее спутник.

Вскоре она увидела куда менее значительную, но все же достаточно удивительную картину. Они вышли на дорогу и шли по ней; и уже в сумерках дорога привела их в какую-то деревню: дюжина домиков, приткнувшихся к дороге. Тенар с тревогой посмотрела на своего спутника, ведь сейчас они должны были оказаться среди чужих людей, каргов. Посмотрела — но Геда не увидела! Рядом с ней в одежде Геда и в его башмаках шел его же походкой совсем другой человек. Светлокожий, безбородый. Он взглянул на нее — глаза оказались голубыми. Человек подмигнул ей.

— Обману я их, как ты думаешь? — сказал он голосом Геда. — Как тебе твоя одежда?

Она глянула вниз, на свое платье. На ней оказалась коричневая крестьянская юбка, кофта и большая красная шерстяная шаль.

— О! — сказала она, от неожиданности останавливаясь. — О, ты действительно — действительно Гед! — И едва она произнесла его имя, как тут же увидела совершенно отчетливо знакомое темнокожее, покрытое шрамами лицо, темные глаза... И все-таки рядом с ней шагал совершенно незнакомый человек с молочно-белой кожей!

— Не произноси моего подлинного имени в присутствии других людей. Как и я не произнесу твоего. Мы с тобой брат и сестра, пришли сюда из Тенакбаха. И если я увижу сколько-нибудь доброе лицо, то сразу же попрошу о самом скромном ужине для нас. — Он взял ее за руку, и они вошли в деревню.

Утром, наевшись до отвала, они двинулись дальше, отлично выспавшись на сеновале.

— Разве у магов принято просить милостыню? — спросила Тенар. Они шли по дороге, которая вилась меж зеленых полей, где паслись козы и мелкие пятнистые коровенки.

— А почему ты спрашиваешь?

— Похоже, тебе это не впервой. Во всяком случае, это у тебя хорошо получается.

— Ну что ж, в общем, да. Я всю свою жизнь только и делал, что милостыню просил — если посмотреть с твоей точки зрения. Волшебники ведь не богаты, знаешь ли. У них, в общем-то, и нет ничего, кроме посоха да одежды, особенно во время странствий. Но их принимают обычно как

дорогих гостей, дают им пищу и кров. Они ведь кое-чем гостеприимство оплачивают.

— Как оплачивают?

— Ну, к примеру, у этой женщины в деревне я вылечил коз.

— А что с ними случилось?

— У обеих было воспаление вымени. Я ведь пас коз, когда был мальчишкой.

— А ты сказал ей, что вылечил их?

— Нет. Как я мог? Да и зачем?

Она помолчала и сказала:

— Я вижу, твое волшебство все-таки годится не только для великих подвигов.

— Гостеприимство, — сказал он, — доброе отношение к чужому человеку — тоже великое дело, иногда даже подвиг. Конечно, вполне достаточно и благодарных слов. Но мне стало жаль коз.

В полдень они подошли к большому городу, выстроенному в основном из необожженного кирпича и обнесенному по периметру, как обычно в Каргаде, стеной с зубчатым верхом; со сторожевыми башнями по четырем углам и единственными воротами, перед которыми погонщики пасли большое стадо овец. Крытые красной черепицей крыши по крайней мере сотни домов возвышались над стенами из желтоватого кирпича. У ворот стояли два стражника в шлемах с красными перьями — солдаты Короля-Бога. Тенар раньше видела солдат в таких шлемах: раз или два в году они привозили в Святое Место жертвоприношения — рабов или деньги — в основном для Храма Короля-Бога. Она рассказала об этом Геду, пока они шли вдоль городской стены, и он ответил:

— Я тоже видел их раньше, когда был совсем мальчишкой. В тот раз они напали на остров Гонт. И в конце концов добрались до моей деревни, намереваясь ее разграбить. Но их оттуда погнало. И состоялась битва в устье реки Ар, на самом ее берегу. Много тогда погибло людей, говорят, сотни. Что ж, может быть, теперь, когда Кольцо вновь соединено и восстановлена Утраченная Руна, больше не будет ни грабительских войн, ни смертельных схваток между жителями Империи Каргад и Внутренних Островов.

— Было бы глупо продолжать их, — откликнулась Тенар. — Да и что, в конце концов, Королю-Богу делать с таким количеством рабов?

Ее спутника, похоже, это даже позабавило. Он немного подумал.

— Это если Каргад победит все страны Архипелага, ты хочешь сказать?

Она кивнула.

— Не думаю, чтобы это могло произойти.

— Но посмотри, как сильна Империя, какие в ней большие города, вот, скажем, этот — с толстыми стенами и таким множеством людей! Как могут ваши острова противостоять каргам, если те на них нападут?

— Это вовсе не такой уж большой город, — осторожно и мягко сказал Гед. — Я бы тоже, наверно, решил, что он огромен, когда впервые попал в иные края, оставив Гонт... Но в Земноморье есть много, очень много городов, по сравнению с которыми этот — всего лишь деревня. Существует ведь очень много разных стран... И ты непременно увидишь их, Тенар!

Она ничего не ответила. Тащиась по дороге, и лицо ее было печально.

— Пойми, это удивительно и прекрасно — видеть новые земли, когда они поднимаются навстречу твоему судну из океана. Поля и леса, города с гаванями, дворцами, рыночными площадями, где продается все, что только есть в мире...

Она кивнула. Она понимала, что Гед пытается подбодрить ее, и все же радость ее осталась там, высоко в горах, в залитой закатным солнцем долине у ручья. Теперь в ней проснулся и с каждой минутой рос ужас. Все, что впереди, было ей неизвестно. Она не знала в жизни ничего, кроме пустыни и Гробниц. Но что они дали ей? Да, она знала каждый поворот в древнем Лабиринте, она выучила множество сакральных танцев, которые исполнялись у Незанятого Трона, у поверженного алтаря. Но ничего, совсем ничего не знала она ни о лесах, ни о городах, ни о душах людей.

Вдруг Тенар спросила:

— А ты останешься со мной — там?

На него она при этом не смотрела: он по-прежнему был в своем колдовском отвратительном обличье белокожего каргадского крестьянина, и ей неприятно было смотреть на него, когда он такой. Но голос его не изменился, это был тот же голос, что говорил с ней в темноте Лабиринта.

Он помедлил с ответом.

— Тенар, я иду туда, куда меня посылают, куда зовет меня душа. Она еще никогда не позволяла мне долго засиживаться на одном месте. Понимаешь? Я делаю то, что должен делать. И туда, куда я иду, я должен идти один. Пока я буду нужен тебе, я останусь с тобой в Хавноре. И если когда-нибудь еще я понадобится тебе, позови меня. Я приду. На твой зов я пришел бы даже из собственной могилы, Тенар! Я не могу остаться с тобой навсегда.

Она промолчала. Через некоторое время он пояснил:

— Там я буду недолго нужен тебе. Ты и без меня будешь счастлива.

Она молча кивнула, соглашаясь.
Рядом шли они по направлению к морю.

Он спрятал свою лодку в одной из пещер мощного скалистого утеса, сильно выдающегося в море. Облачный Мыс — так называли его жители близлежащих деревень. В одной из них Геда и Тенар накормили ужином, дав целый горшок рыбного рагу.

Они спустились к морю, когда серый день уже совсем померк. Пещера была похожа на узкую и глубокую трещину в сплошной скале; песчаный пол в ней был пропитан водой, потому что был лишь чуть выше линии прилива. Вход в пещеру был виден с моря, и Гед сказал, огня зажигать не стоит, чтобы рыбаки, что вышли на ночную ловлю и плавают в своих суденышках вдоль берега, не проявляли излишнего любопытства. Так что, к сожалению, они улеглись прямо на влажный песок, который кажется таким мягким, когда его пропускаешь между пальцами, но оказывается твердым как камень, когда ложишься на него усталым телом. Тенар слушала море, плескавшееся в двух шагах от входа в пещеру. Оно обрушивалось на скалы, с чмоканьем и гулом вливалось в узкие проливы, а дальше, на песчаных пляжах, протянувшихся далеко к востоку, прибой грохотал как гром. Снова, снова и снова бросалось море на берег, и голос его каждый раз звучал чуточку иначе. Море никогда не отдыхало. У всех берегов и всех островов волны его продолжали свой бег, неутомимые, неумолчные, беспокойные. Пустыня, горы — о, те хранили покой и молчание. Но море вечно говорило что-то громким, чуть глуховатым голосом. Вот только язык его не был Тенар известен, она его не понимала.

С первыми серыми проблесками рассвета начался отлив; Тенар очнулась от нескончаемого полусна и увидела, что волшебник выбрался из пещеры и ходит босиком в подпоясанном ремнем плаще по покрытым черными волосами водорослей мокрому скалам. Он явно что-то искал. Потом вдруг на мгновение в пещере стало темно — Гед, вернувшись, заслонил собой вход в нее.

— Вот, — сказал он, протягивая девушке горсть мокрых забавных штучек, похожих на красные камешки с оранжевыми губами.

— Что это такое?

— Мидии, ракушки такие, я их собрал на скалах. А вот это две устрицы, они еще лучше — вкуснее. Смотри, вот как нужно.

С помощью маленького кинжала, что когда-то висел у нее на поясе

вместе с ключами от Лабиринта (она отдала ему нож еще в горах), Гед открыл раковину и съел оранжевого моллюска, окропив его в качестве приправы морской водой.

— Ты даже не варишь их? Ты ешь их живыми!

Она не стала смотреть на него, когда он хоть и с пристыженным, но упрямым выражением лица продолжал открывать раковины и поедать моллюсков.

Когда с мидиями было покончено, Гед прошел в глубь пещеры к лодке, которая лежала кормой к входу на подложенных под нее стволах плавника. Тенар уже рассмотрела лодку вчера вечером — недоверчиво и непонимающе. Лодка оказалась значительно больше, чем она себе представляла, — в три человеческих роста длиной. Там было множество предметов, предназначения которых Тенар не знала, и выглядели они какими-то опасными. На лице лодки (так Тенар называла ее нос) были глаза, и сквозь дрему девушка постоянно чувствовала, что лодка на нее смотрит.

Гед повозился где-то в глубине пещеры и через некоторое время вернулся со свертком в руках. Это оказались сухари, плотно и тщательно завернутые, чтобы уберечь от сырости. Он протянул девушке большой сухарь.

— Я не хочу есть. — Лицо у Тенар было сердитым.

Он посмотрел на нее, убрал сухарь, снова тщательно все завернул и уселся у входа в пещеру.

— До прилива еще часа два, — сказал он. — Тогда можно выходить в море. Ты плохо спала ночью, может, поспишь сейчас?

— Я не хочу спать.

Он отвечать не стал. Сидел себе, скрестив ноги и повернувшись к ней боком в темной каменной арке; сверкающая, переливающаяся полоса морской воды была прямо за ним; его профиль четко вырисовывался на светлом фоне моря. Гед был неподвижен, как скалы вокруг. Неподвижность распространялась вокруг него, словно круги от брошенного в воду камня. Его молчание было не просто отсутствием разговора, но обладало собственным значением, подобно молчанию пустыни.

Молчание это длилось долго. Наконец Тенар встала и подошла к входу в пещеру. Гед не пошевелился. Она посмотрела вниз, на его лицо. Это было лицо бронзовой статуи — застывшее, темное, глаза открыты и смотрят в землю, рот сурово сжат.

Он сейчас был так же недоступен и непонятен ей, как море. Где же он сейчас? По каким неведомым тропам бродит его душа? Она, Тенар, никогда

не сможет последовать за ним в те края...

Он просто заставил ее пойти за ним. Назвал подлинным именем, приманил — вот она и потянулась робко к его руке, как тот дикий кролик ночью в пустыне. И теперь, когда он получил Кольцо, когда Гробницы разрушены, а Жрица их стала клятвопреступницей, теперь она больше не нужна ему, он просто ушел от нее в такие края, где ей его не догнать. Нет, он никогда бы не остался с ней! Он обманул ее и теперь, конечно же, бросит ее одну.

Она нагнулась и быстрым движением отцепила от его пояса маленький стальной кинжал, который сама дала ему. Он по-прежнему не шевелился, так что она словно статую ограбила.

Нож был совсем маленький, не длиннее пальца, и заточен только с одной стороны; это была миниатюрная копия жертвенного ножа, часть облачения Жрицы Гробниц; кинжал всегда висел у нее на кольце вместе с ключами, но она никогда им не пользовалась, разве что во время одного из танцев перед Троном в безлунные ночи, когда она должна была подбрасывать нож в воздух и ловить его. Ей нравился этот танец; он был какой-то дикий, первобытный, без музыки, ритм отбивали лишь ее собственные босые ноги. Она много раз успела обрезать, разучивая этот танец, пока не научилась ловить ножик точно за рукоятку. Маленькое лезвие было достаточно острым, чтобы рассечь палец до кости или перерезать вену на шее. Она все-таки еще послужит своим Хозяевам, пусть сами они и предали ее, отреклись от своей Жрицы. Они направят ее руку в этом последнем жертвоприношении Тьме. Они примут эту жертву.

Она, прижав руку с зажатым в ней ножом к бедру, склонилась над Гедом. Вдруг он медленно поднял к ней лицо и посмотрел так, словно только что вернулся из далеких краев, где встретился с чем-то ужасным и теперь испытывал облегчение. Лицо его было спокойно, но глаза полны боли. Он внимательно смотрел на Тенар; казалось, он впервые начинает видеть ее по-настоящему. Выражение его лица прояснилось. Наконец он сказал:

— Тенар! — словно поздоровался с ней после долгой разлуки и доверчиво протянул руку к резному с дырочками серебряному браслету у нее на запястье, как бы черпая в нем силы и веру. Ножа в ее руке он не заметил. Смотрел вдаль, на волны, высоко вздымавшиеся у скал внизу; потом, словно совершив над собой усилие, сказал: — Пора!.. Пора нам отправляться в путь.

И тут ярость в ее душе погасла, сменившись страхом.

— Ты оставишь Их позади, Тенар. Теперь ты от Них уходишь,

уходишь свободной, — неожиданно энергично сказал Гед и вскочил на ноги. Он расправил плечи, туго обернулся в плащ и застегнул потуже пряжку ремня. — Помоги-ка мне с лодкой. Под нее специально подложен плавник, чтобы легче было столкнуть ее в воду. Вот так, толкай еще... еще... Ну хватит, хватит, довольно. Теперь будь готова прыгнуть в нее, когда я скажу... Прыгай!.. Это ничего, что сразу не получилось, прыгни еще разок. Вот так! И сразу проходи на середину! — И, прыгнув в лодку за ней следом, он поймал девушку, когда та чуть не вывалилась за борт.

Гед усадил Тенар на дно, сам встал, широко расставив ноги, и заработал веслами, направляя лодку по уходящей от берега воде меж скал в Открытое Море, мимо ревущей, покрытой пеной полосы прибоя у выдающейся вперед оконечности мыса, все дальше и дальше от берега.

Потом, когда кипящая полоса воды осталась позади, он положил весла, укрепил мачту и поднял парус. Теперь, когда бескрайнее море расстилось вокруг, лодка показалась Тенар очень маленькой.

Парус наполнился ветром. Все снасти казались старыми, испытанными; неяркий красный парус был бережно залатан, а сама лодка чисто и аккуратно прибрана. Суденышко было похоже на своего хозяина: побывало в дальних краях и вернулось домой, хотя пережить там пришлось немало.

— Теперь, — сказал Гед, — мы от Них уже далеко, теперь мы совсем свободны, и руки наши остались чисты, Тенар. Чувствуешь ли ты это?

Она действительно это чувствовала. Темная рука отпустила наконец ее сердце, которое держала в плену всю жизнь. Но радости — той, что возникла тогда в горах, — не было. Уронив голову на руки, Тенар горько заплакала, слезы лились ручьем. Она оплакивала свою даром прожитую жизнь, потраченную на служение злу. Неожиданно обретенная свобода причиняла ей боль.

Она уже начала понемногу понимать, что свобода — это тяжелый груз, великое, загадочное бремя для души. Нелегко нести его. Это не подарок, но сделанный тобой выбор; и выбор этот может иметь самые неожиданные последствия. Путь свободы ведет вверх, к свету, но, если бремя ее слишком тяжело, можно никогда не достигнуть конца пути.

Гед дал девушке выплакаться, не сказав ни слова утешения; он молчал и тогда, когда Тенар, уже перестав плакать, еще долго сидела, глядя на тающий в голубой дали низкий берег Атуана. Лицо его было суровым и решительным; он, казалось, не замечал присутствия своей спутницы, его больше волновали парус и рулевое весло; быстрый в движениях и молчаливый, он все время смотрел только вперед.

В полдень он показал Тенар вправо — теперь они шли прямо на юг.

— Это Карего-Ат, — сказал он, и Тенар, проследив за взмахом его руки, увидела далекие, затянутые дымкой холмы, похожие на облака, — великий остров Короля-Бога. — Атуан у них за спиной совсем исчез из виду. На сердце у Тенар было тяжело. Солнце било ей в глаза золотым молотом.

На ужин были сухари и вяленая рыба, которая показалась Тенар удивительно противной. Да еще вода из бочонка, который Гед наполнил из ручья на Облачном Мысу. Зимняя ночь спустилась быстро, на море особенно холодная. Далеко на севере они какое-то время видели мерцание огоньков — желтых костров на берегу Карего-Ат. Потом огоньки исчезли в дымке, что повисла над океаном, и лодка оказалась совсем одна среди беззвездной ночи над бездонными глубинами.

Тенар клубочком свернулась на корме; Гед устроился на носу, подложив под голову вместо подушки бочонок с водой. Лодка размеренно двигалась дальше, невысокие волны бились о ее борта, хотя южный ветер скорее напоминал едва ощутимое дыхание. Здесь, вдали от скалистых берегов, море казалось даже излишне молчаливым; лишь касаясь бортов лодки, оно что-то шептало чуть слышно.

— Если ветер дует с юга, — спросила Тенар шепотом, как и море, — то разве лодка плывет не на север?

— Да, на север, если не поменять галс. Но я поднял волшебный ветер, так что сейчас мы плывем на запад. К завтрашнему утру выйдем из каргадских вод. Тогда пусть наши паруса надует настоящий ветерок.

— А что, наша лодка сама собой управляет?

— Да, в общем-то, — мрачно ответил Гед, — если ей приказать. Впрочем, ей много объяснять не нужно. Она уже бывала в Открытом Море, дальше самого далекого из островов Восточного Предела; и на Селидоре она тоже бывала — это тот остров, где погиб Эррет-Акбе, самый дальний в Западном Пределе. Моя «Зоркая» — мудрая, умелая лодка. Можешь ей доверять.

Лодка благодаря силе магического ветра легко скользила над бездной моря; на корме лежала девушка, запрокинув лицо и глядя вверх, во тьму. Всю свою жизнь Тенар видела тьму, но эта ночь над океаном была поистине беспредельна. Она плыла над морем и, казалось, не кончится никогда. От края до края над головой было лишь звездное небо. Вечные силы двигали их суденышко. Силы эти возникли раньше света и будут существовать после него. Раньше жизни, раньше зла возникли они, они сильнее всего, они будут всегда...

В темноте Тенар снова заговорила:

— Тот маленький островок, где тебе подарили половинку Кольца, ведь где-то здесь, в этом море?

— Да, — откликнулся Гед, — где-то здесь, наверно, чуть южнее. Я уж, пожалуй, и не смогу его отыскать.

— Я знаю, кто была она, та старая женщина, что дала тебе Кольцо.

— Знаешь?

— Мне рассказывала эту легенду Тхар. Это обязательно для Первой Жрицы — знать такие легенды. Сначала она мне рассказывала ее в присутствии Коссил, потом, гораздо подробнее, когда мы были одни — она тогда в последний раз разговаривала со мной перед смертью. В Гупуне существовал один благородный каргадский род, вместе с другими восставший против власти Верховных Жрецов в Авабатхе. Основателем этого рода был король Торег, и среди сокровищ, которые оставил он своим потомкам, была половинка Кольца, некогда подаренного ему Эррет-Акбе.

— Да, так говорится и в наших сказаниях об Эррет-Акбе. На твоём языке это звучит примерно так: «Когда Кольцо было сломано, половинка его осталась в руках Верховного Жреца Интатина, а вторая половинка — в руках героя. И Верховный Жрец отослал свою половину Безымянным в Атуан, и она попала во Тьму, в неведомые места. А Эррет-Акбе отдал половинку сломанного Кольца прямо в руки девицы Тиаратх, дочери того мудрого короля, и сказал: „Пусть это будет приданое девушки, пусть половинка Кольца остается в этой земле, пока не соединится со второй своей половинкой“. Так сказал герой, прежде чем отправился на запад...»

— Правильно, и она, должно быть, передавалась от матери к дочери в этом роду в течение долгих лет. Она не была потеряна, как думали ваши люди. А Верховные Жрецы постепенно превратились в Жрецов-Правителей, а потом, создав Империю, стали называть себя Королями-Богам. Род Торега к этому времени совсем обеднел и ослабел. И, наконец, так рассказывала мне Тхар, из всего рода остались лишь двое — маленькие дети, мальчик и девочка. В Авабатхе тогда правил отец нынешнего Короля-Бога, и он приказал выкрасть детей из дворца в Гупуне, ибо, согласно предсказанию, один из потомков Торега непременно должен был привести Империю к краху, и это пугало Короля-Бога. Он приказал выкрасть детей и увезти прочь, а потом оставить их на одиноком островке посреди океана совсем без ничего — без одежды и без пищи.

Он опасался убивать их с помощью ножа, петли или яда; все-таки они были королевской крови, а убийство королей навлекает проклятие даже на богов. Звали детей Энзар и Антиль. Это Антиль дала тебе половинку

Кольца.

Гед долго молчал.

— Ну вот и конец этой давней истории, — сказал он, — и Кольцо тоже обрело целостность. Ах, какая жестокая легенда, Тенар!.. Маленькие дети, необитаемый островок, старик и старуха, встретившиеся мне... Они ведь едва умели говорить по-человечески...

— Можно я попрошу тебя о чем-то?

— Проси.

— Я не хочу ехать в Хавнор. Я вообще не хочу на Внутренние Острова — я там чужая и останусь чужой в этих больших городах, среди незнакомых людей... Я на любой земле останусь чужой: я предала свой народ, у меня больше нет родины. И я совершила преступление. Высади меня одну на какой-нибудь остров, как высадили тех королевских детей. И пусть этот остров будет необитаемым, пусть не будет там ни единого человека. Оставь меня там и отвези Кольцо в Хавнор. Оно твое, а не мое. Ко мне оно не имеет ни малейшего отношения. Как и весь твой народ. Дай мне наконец остаться одной!

Медленно, но все же успев удивить ее, перед ней подобно тонкому месяцу на черном небе зажегся волшебный свет, вызванный его волей. Огонек прилепился к концу посоха Геда, который тот держал вертикально, сидя на носу лодки. Волшебный полумесяц освещал своим серебряным сиянием нижнюю часть паруса, оснастку и лицо Геда, который смотрел прямо на девушку.

— Какое преступление совершила ты, Тенар?

— Я приказала запереть тех троих в Комнате Узников, чтобы они умерли там с голоду. И они умерли и похоронены в Подземелье. Священные Камни упали на их могилы... — она запнулась.

— Что-нибудь еще?

— Манан.

— Эта смерть на моей совести.

— Нет. Он умер, потому что любил меня и был мне предан. Он думал, что защищает меня. Ведь это он держал меч над моей головой, когда я была совсем маленькой. Он был ко мне добр... когда я плакала... — она снова запнулась, с трудом сдерживая слезы, но больше плакать не стала. Только стиснула руки, лежавшие на коленях поверх ее черного платья. — Я никогда не была к нему добра. Я не поеду в Хавнор. Я не поеду с тобой. Найди такой остров, где не бывает никто, и оставь меня там. За зло надо платить злом! Я еще не свободна.

Нежный свет волшебного полумесяца, кажущийся жемчужным из-за

повисшей над морем дымки, мерцал между ними.

— Послушай, Тенар, послушай меня внимательно. Ты была сосудом зла, но зло вылито наружу. С ним теперь покончено. Зло похоронено в своей гробнице. Ты никогда не предназначалась для того, чтобы хранить зло, для жестокости и тьмы; ты создана, чтобы хранить свет — так хранит и отдает свет зажженный светильник. Просто я нашел этот светильник незажженным. Я никогда не оставлю тебя на необитаемом острове; никогда не отброшу, словно ненужную вещь, этот не зажженный пока светильник. Я привезу тебя в Хавнор, я скажу правителям Земноморья: «В самой обители Тьмы нашел я свет: душу этой девушки! Благодаря ей древнее зло обратилось в прах. Благодаря ей я выбрался на свет из могилы. Благодаря ей сломанное вновь стало целым. Там, где царила ненависть, благодаря ей воцарился мир».

— Я не поеду! — с отчаянием сказала Тенар. — Я не могу. Это несправедливо!

— ...А после этого, — продолжал Гед спокойно, — я увезу тебя прочь от этих правителей и богатых лордов, ибо это верно: ты среди них чужая. Ты слишком молода и слишком мудра. Я отвезу тебя к себе на родину, на остров Гонт, к моему старому Учителю. Его зовут Огион Молчаливый. Он величайший маг, и душа его пребывает в покое. Живет он в маленьком домике на утесах Ре Альби, высоко над морем. У него есть несколько коз и небольшой сад. Осенью он обычно странствует по острову в полном одиночестве. Бродит по лесам, горным склонам, речным долинам... Я когда-то жил у него — в детстве. Но недолго оставался там: на это у меня не хватило мудрости. Я уехал — в поисках зла, и, разумеется, нашел его... Но ты придешь туда, чтобы от зла спастись, придешь в поисках свободы и тишины, пока не обретишь свой собственный путь. Там ты найдешь и доброту, и тишину, Тенар. Никакой ветер не сможет задуть горящий в тебе свет. Поедешь?

Между их лицами проплывали серые волны морского тумана. Лодка чуть приподнималась на широкой волне. Вокруг расстилалась ночь, под ними — море.

— Поеду, — сказала Тенар, глубоко вздохнув. Потом помолчала и добавила: — Ах, как бы я хотела, чтобы это случилось скоро... чтобы мы могли поехать туда прямо сейчас...

— Но это будет очень скоро, малышка.

— А ты когда-нибудь приедешь туда?

— Как только смогу — приеду.

Волшебный огонек давно погас; вокруг них царила полная темнота.

Еще много было восходов и закатов над морем, были тихие дни и дули ледяные ветры, но наконец они приплыли к Внутренним Островам. Непрерывно встречаясь то с огромными кораблями, то с маленькими суденышками, они приближались теперь к острову Хавнор, прямо через залив — к его главному порту. Пред ними вставали белые башни и весь город, усыпанный белым сверкающим снегом. Снегом были покрыты красные черепичные крыши, и украшенные разноцветной мозаикой мосты, и мачты судов в гавани, что сверкала тонким ледком под зимним солнцем. Весть об их прибытии опередила «Зоркую», ибо ее залатанный красный парус хорошо известен был в этих местах. Огромная толпа собралась у заснеженных причалов, и разноцветные флаги хлопали на холодном ветру под ясным солнцем.

Тенар сидела на носу, прямая, в своем черном потрепанном плаще. Она посмотрела на серебряное Кольцо у себя на запястье, потом — на разноцветную толпу на берегу, обвела взглядом дворцы и белые башни. Потом высоко подняла правую руку, и солнце сверкнуло на серебре. Радостный гул пронесся над беспокойной водой. Гед причалил лодку, и сотня рук протянулась ему на помощь. Он выпрыгнул на пирс и обернулся, протягивая руку своей спутнице.

— Иди сюда! — сказал он, улыбаясь, и Тенар встала и пошла к нему.

Мрачным было ее лицо, когда она шла рядом с Гедом по белым улицам Хавнора; она крепко держала его за руку — словно ребенок, которого ведут домой.

На последнем берегу

Во дворике у фонтана яркое мартовское солнце просвечивало сквозь юную листву ясеней и вязов; в полосах света и тени журчала и переливалась струя воды. Дворик с четырех сторон был замкнут высокими каменными стенами Большого Дома, где, помимо жилых помещений для учеников и Мастеров, было множество залов, загадочных коридоров и переходов, лестниц и башен. Сам Большой Дом окружали мощные крепостные стены, которые способны были выдержать любую осаду неприятеля, любое землетрясение, любую, самую страшную морскую бурю, ибо стены Школы Волшебников на острове Рок были не только сложены из массивных каменных глыб, но и скреплены нерушимым заклятьем, самой надежной магией. Ведь остров Рок — это Остров Мудрецов, и учат в Школе Волшебников тонкому искусству Высшей Магии; а Большой Дом — самое сердце Школы и средоточие всякого чародейства и волшебства. А посреди Большого Дома, в глубине его, есть маленький внутренний дворик под открытым небом, где струя воды играет в фонтане да шелестят листвою деревья — под дождем, под солнцем ли, или при свете звезд.

Ближайшее к фонтану дерево — рослый ясень — взломало своими корнями мраморные плиты, устилавшие дворик. Трещины разбежались во все стороны и проросли ярко-зеленым мхом, которого было много на небольшой лужайке; посреди лужайки находился бассейн с фонтаном. Мох забрался и на мраморные плиты, которыми был выложен бортик бассейна; на этих плитах сидел юноша, внимательно следивший за тем, как взлетает и падает струя воды в фонтане. Он был почти уже взрослым, но все-таки еще мальчик, стройный, в богатых одеждах. Его лицо было словно отлито из золотистой бронзы — столь четкими и правильными были его черты, столь неподвижно-застывшим было оно само.

В нескольких шагах за спиной юноши, по другую сторону зеленой лужайки, в центре дворика стоял под деревьями мужчина — впрочем, кажется, стоял: трудно было утверждать это, так прихотливо переплетались тени и играли теплые солнечные блики. Нет, он все-таки точно был там — мужчина в белом, стоявший совершенно неподвижно. Юноша смотрел на струю воды в фонтане, мужчина — на юношу. Ни единого звука, ни одного движения, только шелест листьев да журчание воды, вечное пение струй.

Мужчина сделал несколько шагов вперед. Ветерок коснулся ветвей ясеня, шевельнул его нежную листву. Юноша гибким движением вскочил мужчине навстречу и, смутившись, склонился перед ним в почтительном приветствии.

— Господин мой Верховный Маг...

Мужчина остановился прямо перед ним; невысокий, с гордой осанкой, энергичный, в белом шерстяном плаще с капюшоном. На фоне белых складок откинутого на спину капюшона лицо его казалось красновато-коричневым, очень темным; у Мага был ястребиный нос, на одной щеке — старые шрамы; ясный пронзительный взгляд горячих глаз. Впрочем, голос его звучал мягко.

— Здесь приятно посидеть у фонтана, — сказал он, жестом останавливая готового извиняться юношу. — Ты приехал издалека и еще не успел отдохнуть. Так что сиди.

Сам Верховный Маг опустил на колени у края бассейна и подставил руку под сверкающий водопад; вода текла между его пальцами. Юноша вновь присел на разорванные корнями ясеня мраморные плиты, и с минуту оба молчали.

— Итак, ты сын правителя Энлада и Энладских островов, — сказал Верховный Маг, — наследник княжеского рода Морреда. Во всем Земноморье нет более древней и чистой родословной. Я видывал сады Энлада весной, и золотые крыши Берилы... Как звать тебя?

— Меня зовут Аррен.

— Это, должно быть, слово из энладского диалекта. Что оно значит на языке Архипелага?

— Меч, — ответил юноша.

Верховный Маг кивнул. Снова воцарилась тишина. Чуть погода Аррен промолвил не то чтобы с вызовом, но и ничуть не смущаясь:

— Я думал, что Верховный Маг знает все языки.

Мужчина, не отрывая взгляда от фонтана, покачал головой.

— И все имена...

— Все имена? Только Сегой, что произнес Первое Слово, поднимая острова Земноморья из глубин морских, знал все имена. Впрочем, — и быстрый неистовый взгляд скользнул по лицу Аррена, — если мне нужно будет узнать твое подлинное имя, я его узнаю. Пока в этом нет необходимости. Я буду звать тебя Аррен, а меня зовут Ястреб. Расскажи-ка мне о своем путешествии сюда.

— Слишком длинное.

— Ветер не был попутным?

— Да нет, попутный был ветер, просто вести, что я привез сюда, дурные, господин мой.

— Ну так говори, в чем дело, — мрачно сказал Верховный Маг, словно уступая нетерпеливому ребенку, и, пока Аррен рассказывал, не сводил глаз с прозрачного занавеса из водяных струй, что падали сверху в нижнюю часть бассейна; лицо у него при этом было такое, словно он не то чтобы не слушал юношу, но просто слышал значительно больше того, чем тот рассказывал.

— Ты знаешь, господин Ястреб, что отец мой, правитель Энлада, сам имеет отношение к магии, будучи в родстве с Морредом; кроме того, в юности он целый год провел в Школе на острове Рок и приобрел кое-какие знания в этом искусстве. Однако и знаниями этими, и волшебной силой, данной ему от рождения, он пользуется очень редко; все его время поглощают государственные заботы, управление городами, торговля и дипломатия. Суда с Энладских островов плавают главным образом на запад, до самого Западного Предела, где покупают сапфиры, олово и бычьи шкуры. И вот в начале этой зимы один из шкиперов привез в Берилу, столицу нашего государства, такие вести, узнав о которых мой отец тут же послал за этим человеком, чтобы самому послушать его рассказ. — Юноша говорил быстро, он явно учился у образованных, светских людей и, к счастью, был лишен самонадеянности, столь свойственной юнцам из богатых фамилий. — Шкипер сообщил, что на острове Нарведен, что на западе от нас в двух-трех днях пути и посещается различными судами очень часто, больше нет волшебства. Заклятия не имеют там силы, сказал он, и забыты все волшебные слова. Отец мой спросил его, не потому ли это, что все ведьмы и колдуны, по слухам, покинули этот остров, и шкипер ответил: нет, там еще остались те, кто когда-то мог колдовать, только заклятья им больше не подвластны, даже такие, что помогают починить прохудившийся чайник или отыскать потерянную иголку. И мой отец спросил: огорчены ли жители Нарведена этим? И снова капитан ответил: нет; им, похоже, все равно. И еще, сказал он, они как будто чем-то больны; урожай у них этой осенью был бедным, но им безразлично и это. И еще он сказал — я собственными ушами слышал этот его разговор с моим отцом, повелителем Энлада, — что жители Нарведена похожи на того смертельно больного человека, которому говорят, что жить ему осталось не больше года, а он не верит и продолжает считать, что будет жить вечно. Они ходят, не глядя по сторонам, так сказал шкипер, и живут, не видя, что происходит вокруг них. Когда вернулись другие торговые суда, то их команды рассказывали то же самое: что Нарведен страшно обеднел, что там

позабыто магическое искусство. Но все эти истории, однако, касались лишь жизни далекого от Энлада Западного Предела, а истории о дальних землях всегда немножко странные и кажутся выдумкой, так что один только мой отец всерьез задумался над этими вестями. Потом, перед Новым годом, на празднике Ягнят, во время которого жены гуртовщиков приносят в город первых новорожденных ягнят, отец мой призвал волшебника по имени Рут, чтобы тот произнес традиционное заклятье процветания над ягнятами. Но Рут вернулся к нам во дворец совершенно убитый, положил свой посох и сказал: «Мой повелитель, я не могу произнести ни одного заклинания». Отец мой все расспрашивал его, но он лишь отвечал: «Я забыл слова заклятий и правила их сотворения». Тогда отец сам отправился на рыночную площадь, сам сотворил заклятье, и праздник был благополучно завершен. Но я видел, каким он вернулся во дворец в тот вечер — мрачным как туча и страшно усталым; он тогда сказал мне: «Я произнес нужные слова, но не знаю, имели ли они смысл». И действительно, этой весной стада овец бедствуют, ярко умирают родами, много мертворожденных ягнят, а некоторые из них... уроды. — Бойкая речь юноши как бы утратила связность, голос дрогнул; он поморщился, произнося последнее слово, и судорожно сглотнул. — Я некоторых видел... — прибавил он и замолчал. Потом, справившись с собой, продолжал: — Отец мой полагает, что и этот случай с ягнятами, и рассказы об острове Нарведен свидетельствуют о власти злых сил в нашей части Земноморья. И он жаждет совета Мудрых.

— То, что он послал сюда тебя, уже доказывает серьезность его опасений, — сказал Верховный Маг. — Ты его единственный сын, а путь от Энлада до Рока неблизкий. Ты хочешь еще что-то рассказать?

— Только то, о чем болтают кумушки в горных деревнях Энлада.

— Так о чем же они болтают?

— Что все колдуньи-предсказательницы, гадая по дыму и воде, прочли, что пришла беда; а еще говорят, что ни один любовный напиток не имеет больше силы. Но ведь деревенские колдуньи не обучены настоящему волшебству...

— Предсказание судьбы и изготовление любовного напитка действительно к Высшей Магии не относятся, но старых колдуний стоит послушать. Ну хорошо, вести, которые ты принес, Мастера непременно обсудят. Но я не знаю, Аррен, какой совет они смогут дать твоему отцу. Ибо Энлад — не первый остров, с которого приходят подобные вести.

Путешествие Аррена с северного Энлада на юг, мимо великого острова Хавнор к острову Рок, через все Внутреннее Море, было его первым настоящим путешествием. Лишь за эти последние недели он воочию

убедился в существовании иных земель, узнал, что значит расстояние и разнообразие, увидел, что за прекрасными холмами Энлада раскинулся огромный мир, где живет множество различных народов. Он еще не привык мыслить достаточно широко и не сразу понял суть сказанного Верховным Магом.

— Откуда же еще? — спросил он наконец немного растерянно. Ведь он надеялся незамедлительно доставить домой, в Энлад, рецепт избавления от страшной напасти.

— Во-первых, из Южного Предела. А недавно даже с юга самого Архипелага, с острова Уотхорт. Люди говорят, что волшебство на Уотхорте совсем утратило силу. Вряд ли это так. Эти земли с давних пор славились своей непокорностью и пиратскими нравами, и, как говорится, слушать торговца с юга — все равно что слушать очередного лжеца. И все-таки суть всех историй одна и та же: источники волшебства пересохли.

— Но здесь, на острове Рок...

— Здесь, на острове Рок, мы до сих пор ничего подобного не замечали. Мы здесь защищены от всех бурь, напастей и перемен. Может быть, слишком хорошо защищены. Что ты намерен предпринять?

— Я вернусь на Энлад, когда смогу представить отцу своему хоть какие-то сведения о природе этого несчастья и о том, как от него излечиться.

Верховный Маг снова прямо посмотрел в глаза юноше, и на этот раз Аррен, несмотря на всю свою воспитанность и выучку, не выдержал и отвернулся. Он не знал, почему так происходит: ничего недоброго не было в темных глазах, что смотрели на него. Взгляд волшебника был беспристрастным, спокойным, сочувственным.

В Энладе все смотрели на отца Аррена снизу вверх, а он был настоящим сыном своего отца. Еще никто и никогда не смотрел на него так, видя в нем не принца, сына правителя Энлада, а просто Аррена самого по себе. Не хотелось думать, что он страшится взгляда Верховного Мага, но посмотреть ему прямо в глаза он не мог. Взгляд волшебника, казалось, раздвигал границы окружавшего Аррена мира, на просторах которого не только Энлад становился не слишком значительной величиной, но и сам он, Аррен, невероятно уменьшался, становился крошечной, почти незаметной фигуркой на фоне бесчисленных островных государств, над которыми сгущалась тьма.

Аррен сидел, выщипывая по былинке живой мох, проросший сквозь трещины в мраморных плитах, и вдруг услышал свой собственный голос, который только в последние года два стал похож на голос взрослого

мужчины, а сейчас снова звучал ломко и хрипло:

— И я сделаю так, как ты велишь мне.

— Ты подчиняешься своему отцу, а не мне, — возразил Верховный Маг.

Он по-прежнему смотрел прямо на Аррена, и теперь юноша осмелился поднять глаза. Он уже подчинился этому человеку, забыл о собственной гордости и только теперь по-настоящему увидел Верховного Мага: величайшего из волшебников, который заткнул пасть Черного Колодца Фундаура; завоевал Кольцо Эррет-Акбе, сокрытое в Гробницах Атуана, построил глубоко уходящую в землю могучую дамбу близ Неппа; величайшего из мореплавателей, который бороздил моря от Астоуэлла до Селидора; единственного из ныне живущих Повелителей Драконов. И этот человек стоял на коленях у фонтана, невысокий и немолодой, с тихим голосом, с глубокими, словно вечернее небо, глазами.

Аррен поспешно и неловко вскочил на ноги и тут же в полном соответствии с этикетом преклонил перед Магом колена.

— Господин мой, — сказал он, слегка заикаясь, — позволь мне быть твоим слугой!

Вся его самоуверенность улетучилась без следа, лицо вспыхнуло румянцем, голос дрожал.

На бедре у Аррена висел меч в новеньких ножнах из кожи, инкрустированной золотом и красными самоцветами; однако сам меч был очень скромн, с потертой рукоятью и гардой из посеребренной бронзы. Юноша торопливо выдернул меч из ножен и протянул рукоятью к Верховному Магу — как вассал своему сеньору.

Верховный Маг даже не коснулся старинной рукояти. Только посмотрел на нее, потом на самого Аррена.

— Это твой меч, не мой, — сказал он. — И ты никому не слуга.

— Но мой отец сказал, что я, вполне возможно, задержусь на Роке, чтобы научиться понимать природу этого зла и еще, наверно, чтобы познать хоть что-то из Высшего Искусства — я ведь ничего не умею и не думаю, чтобы во мне от природы была какая-то волшебная сила, хотя среди моих далеких предков и были настоящие маги... Если бы я чему-то мог научиться и был бы тебе полезен...

— Твои предки прежде всего были королями, а не волшебниками, — сказал Верховный Маг.

Он встал и молча, решительным шагом приблизился к Аррену, взял его за руку и поднял с колен.

— Благодарю тебя за предложение служить мне, и хоть сейчас я его не

принимаю, но все же могу принять — впрочем, лишь после того, как состоится Совет. Предложение, сделанное от чистого сердца, не годится отвергать с легкостью. Как не следует и отвергать предложенный тебе потомком Морреда меч!.. А теперь ступай. Парень, что проводил тебя сюда, позаботится и о том, чтобы ты смог умыться, поесть и отдохнуть. Иди, иди... — И он слегка подтолкнул Аррена в спину между лопатками — фамильярный жест, которого никто до сих пор себе не позволял и которого юный принц никому бы не простил; однако сейчас чувствовал себя так, будто Верховный Маг посвятил его в рыцари.

Аррен всегда был очень живым, любил всяческие игры и развлечения, с удовольствием развивая свое тело и ум; он умело справлялся и с придворными обязанностями и церемониями, хотя ни те, ни другие особой легкостью и простотой не отличались. Но ничему он никогда не предавался всей душой. Все давалось ему легко, и он ко всему относился легко, поверхностно; дела представлялись ему игрой, в которую он с удовольствием играл. Но теперь были потревожены самые глубины его души, и разбужены они были не игрой и не мечтой, но мыслями о чести и опасности, человеческой мудростью, покрытым шрамами лицом, тихим голосом и той темнокожей рукой, что сжимала, нисколько не заботясь о заключенной в нем силе, тисовый посох, на самом верху которого серебром по черному дереву была начертана Утраченная Руна Королей.

Вот так, неожиданно, и делаешь ты первый шаг из своего детства, делаешь его без оглядки, без излишних размышлений, ничего не храня про запас.

Позабыв о придворном этикете, Аррен коротко простился с Верховным Магом и поспешил прочь, неуклюжий, сияющий, покорный. А Гед, Верховный Маг Земноморья, стоял и смотрел ему вслед.

Он некоторое время постоял под ясенем у фонтана, потом поднял лицо к залитому солнцем небу.

— Добрый посланник, да вести дурные, — пробормотал он себе под нос, обращаясь как бы к фонтану. Фонтан, впрочем, его не слушал, а серебряным голосом продолжал напевать что-то свое, и Гед еще немного внимал его песне. Потом подошел к дверце, которую Аррен не заметил и которую, по правде сказать, заметили бы очень и очень немногие, если бы даже очень близко подошли к ней, и окликнул:

— Мастер Привратник!

Появился человек без возраста. Молод он не был, так что его, пожалуй, следовало бы назвать пожилым, однако слово это ему не шло. У него было сухое, цвета слоновой кости лицо и приятная улыбка, от которой

на щеках пролегли две длинные складки.

— В чем дело, Гед? — спросил он, назвав Верховного Мага его подлинным именем, поскольку они были одни. Привратник был одним из тех семи человек, что знали это имя. Известно оно было также Мастеру Ономатету с острова Рок; Огиону Молчаливому, волшебнику из Ре Альби, который много лет тому назад на горе Гонт дал Верховному Магу его подлинное имя; Белой Даме с острова Гонт — Тенар Владеющей Кольцом; самому обыкновенному волшебнику с острова Иффиш по прозвищу Ветч и еще одной женщине с того же острова — Ярроу, жене плотника и матери трех дочерей, что понятия не имела о магии, но владела иной мудростью. Кроме того, на противоположном конце Земноморья, на самом краю дальнего Западного Предела знали это имя два дракона: Орм Эмбар и Калессин.

— Сегодня вечером нам следует всем собраться на Совет, — сказал Гед. — Я схожу к Мастеру Путеводителю. И пошлю кого-нибудь к Курремкармерруку, чтобы он на время отложил свои бесконечные списки и дал ученикам отдохнуть вечером, а сам поприсутствовал на Большом Совете — хотя бы и не во плоти. Может быть, ты позаботишься о том, чтобы пришли остальные?

— Непременно, — сказал, улыбаясь, Привратник и тут же исчез; исчез и сам Верховный Маг; и фонтан продолжал напевать что-то уже только для себя — свежая, чистая, неиссякающая струя в золотистом свете ранней весны.

Чаще всего Имманентную Рощу можно было увидеть с запада или с юга от Большого Дома. На картах она не отмечена, и пути к ней не существует ни для кого, за исключением тех немногих, кому открыт этот путь. Но видеть ее могут даже новички из Школы, и простые горожане, и фермеры, однако всегда как бы в отдалении — небольшой лесок, где листья высоких деревьев отсвечивают золотом даже среди буйной весенней зелени. И еще людям — ученикам Школы, горожанам и фермерам — кажется, что Роща каким-то загадочным образом движется по кругу. Однако это ошибка: движется не Роща, ибо корни ее — это корни самого бытия, а как раз все то, что Рощу окружает.

Гед шел от Большого Дома прямо через поля. Он скинул свой белый плащ, потому что полуденное солнце палило вовсю. Какой-то крестьянин, пахавший поле на коричневом склоне Холма Рок, поднял руку, приветствуя Верховного Мага, и тот махнул ему в ответ. Из-под ног с писком и щебетом вспархивали маленькие птички. Всюду зацветал горицвет, особенно в

канавах и по краю дороги. В вышине чертил дугу по сини небес ястреб. Гед взглянул вверх и снова приветственно поднял руку. Камнем, стрелой, шелестя перьями на ветру, ястреб упал с неба и уселся точно на подставленное запястье, сжав его желтоватыми когтями. Это был не ястреб даже, а крупный сапсан, что водится на острове Рок, с бело-коричневым оперением, большой любитель рыбной ловли. Он искоса посматривал на Геда круглым золотисто-коричневым глазом, потом щелкнул клювом и уставился прямо в глаза человеку обоими своими глазищами.

— Бесстрашный, — сказал ему человек на Языке Созидания, — бесстрашный.

Птица захлопала огромными крыльями и еще плотнее сжала когти на запястье Геда, глядя ему в глаза.

— Ну ладно, ступай, брат мой бесстрашный.

Тот фермер, что пахал на склоне Холма, остановился и смотрел на них. Однажды прошлой осенью он видел, как Верховный Маг точно так же посадил дикую птицу себе на запястье, а уже через мгновение не было ни птицы, ни человека — только в вышине в потоках ветра кружили два сокола.

На этот раз, однако, они расстались: птица взлетела в небесную высь, а человек пошел дальше по не просохшим еще полям.

Гед вышел точно на ту тропу, что вела в Имманентную Рощу, — тропа эта всегда была абсолютно прямой вне зависимости от того, по какой кривой обращалось вокруг нее время и сам мир, — и вскоре вошел под сень волшебных деревьев.

Некоторые стволы были поистине огромны. Глядя на них, действительно можно было предположить, что Роща оставалась неизменной со дня сотворения мира: стволы напоминали древние памятники, старинные башни, седые от старости; корни этих деревьев были столь же глубоки, как корни гор. И все же огромные деревья не были бессмертны; самые старые из них почти совсем лишились листьев и были украшены мертвыми, сухими ветвями. Меж этих гигантов росла молодь — высокие, полные сил деревья с пышными кронами и множеством стручков с семенами; стручки были длиной с ребенка.

Земля под деревьями была мягкой, плодородной — на нее многие годы падала слоями и перепревала листва. На этой благодатной почве росли папоротники и разные лесные травы, однако деревьев других пород в Роще не было — только эти, старинные, не имеющие названия на современном ардическом языке Земноморья. Под кронами их воздух был свеж и пахнул землей, оставляя во рту вкус родниковой воды.

На поляне, образовавшейся много лет тому назад, когда упало одно из деревьев-великанов, Гед встретил Мастера Путеводителя, который жил прямо в Роце и очень редко, почти никогда не выходил за ее пределы. Волосы его были желты, как масло; он не был уроженцем Архипелага. После того как Кольцо Эррет-Акбе вновь стало целым, варвары с Каргадских островов прекратили свои грабительские войны и принялись заключать сделки и договоры с торговцами Внутренних Земель. Они по натуре не были миролюбивы и по-прежнему держались замкнуто, но время от времени то молодой каргадский воин, то сын каргадского купца по собственной воле являлся на один из западных островов, влекомый любовью к приключениям или мечтая выучиться волшебству. Таким был и Мастер Путеводитель лет десять тому назад — молодой дикарь родом с Карего-Ат с мечом на поясе и красными перьями на шлеме; он прибыл на Рок дождливым утром и без лишних слов заявил Привратнику, ужасно коверкая здешний язык: «Я пришел учиться!» И вот теперь он стоял в золотисто-зеленом свете под деревьями Роци, высокий мужчина с длинными светлыми волосами и странными ясными зелеными глазами — Мастер Путеводитель Земноморья.

Возможно, он тоже знал подлинное имя Геда, но даже если это было и так, ни разу не произнес его. Они лишь кивнули друг другу в знак приветствия.

— За кем это ты наблюдаешь? — поинтересовался Верховный Маг, и Мастер Путеводитель ответил:

— За пауком.

На поляне между двумя высокими стеблями осоки паук сплел свою паутину — изящную кружевную сеть округлой формы. Серебряные нити переливались в солнечном свете. В самом центре паутины поместился ткач — серо-черное существо не больше зрачка.

— Тоже ведь настоящий мастер — хорошо знает свой путь, — сказал Гед, изучая искусно сплетенную сеть.

— А в чем здесь зло? — спросил более молодой Маг.

Круглая сеть с черной точкой в сердцевине, казалось, наблюдала за ними обоими.

— Зло в тех сетях, что плетем мы, люди, — ответил Гед.

В этом лесу не пели птицы. В полуденные эти часы он был полон молчания, пронизанного солнцем и зноем. Вокруг высились деревья и лежали полосы теней.

— Пришло известие с Нарведена и Энлада: то же самое.

— Сначала юг и юго-запад. Теперь север и северо-запад, —

пробормотал Путеводитель, не отрывая глаз от округлой паутины.

— Сегодня вечером мы придем сюда. Это самое лучшее место для Совета.

— Что до меня, то мне посоветовать нечего. — Теперь Путеводитель смотрел прямо на Геда, и его зеленые глаза были холодны. — Я боюсь, — прибавил он. — Кругом страх. Страх поселился даже в корнях.

— О да, — согласился Гед. — По-моему, нам придется добираться до самых истоков. Мы слишком долго позволяли себе греться на солнышке, слишком долго наслаждались покоем после восстановления Кольца, занимаясь мелочами, ловя рыбку на мелководье. Сегодня мы должны заглянуть в глубины. — Сказав это, он оставил Путеводителя одного; тот по-прежнему не сводил глаз с паутины в весенней траве.

На опушке Рощи, где листья волшебных деревьев-великанов касались уже самой обыкновенной травы, Гед сел на землю, прислонившись спиной к могучему корню и положив посох на колени. Он закрыл глаза, словно отдыхая, и послал свою душу в полет над холмами и полями к северной оконечности острова Рок, на исхлестанный морскими валами мыс, где высилась Одинокая Башня.

— Курремкармеррук, — окликнул Гед Мастера Ономатета, и тот, подняв голову от толстенной книги с именами корней, стеблей, листьев, семян и лепестков, которые перечислял своим ученикам, отозвался:

— Я здесь, господин мой.

Потом он стоял и слушал кого-то невидимого, высокий худой старик, с наброшенным на седые волосы капюшоном, а студенты за столами во все глаза смотрели на него и изумленно переглядывались.

— Я приду, — сказал наконец Курремкармеррук и снова склонил голову к своей книге, забормотав: — Теперь пойдем дальше. Этот лепесток травы моли носит имя Йебера, а чашелистик ее — имя Партонатх, а стебель, листья и корень имеют свои собственные имена, каждый в отдельности...

Но тут сидевший под деревом Имманентной Рощи Гед призвал свою душу обратно — он и так знал все имена, принадлежащие траве моли. Поудобнее вытянув ноги и плотно закрыв глаза, он быстро уснул в пятнистой тени волшебных деревьев.

На острове Рок существует Школа Волшебников, куда со всех островов Внутреннего Моря посылают мальчиков, проявивших способности к занятиям магией, чтобы там они познали Высшие Искусства. В Школе они овладевают различными уровнями мастерства, изучая подлинные имена, старинные руны, всяческие науки и разные способы наложения заклятий, а также то, что следует и чего не следует делать магу и почему. После долгих лет ученья, если руки их, ум и душа начинают наконец действовать во взаимосвязи друг с другом, они могут получить звание волшебника и обрести могущественный посох. Настоящими волшебниками становятся только на острове Рок; но поскольку обычные колдуны и ведьмы есть на всех островах Земноморья, а колдовство порой не менее полезно людям, чем хлеб насущный, и не менее приятно, чем звуки музыки, то Школа Волшебников жителями Земноморья почитается особо. Девять Магов, Мастеров Школы, считаются равными великим правителям Архипелага. Хранитель острова Рок, глава Мастеров и Верховный Маг Земноморья не обязан отчитываться ни перед кем, за исключением Короля Всех Островов, но и это лишь проявление уважения к своему правителю, скорее веление сердца, ибо даже Король не может заставить столь великого Мага подчиняться обычным законам. Но даже в те давние времена, когда не существовало еще подлинных Королей, Верховные Маги подчинялись правителям и соблюдали общепринятые законы, как и все остальные жители Земноморья. На острове Рок всегда все оставалось так, как было устроено много-много столетий тому назад; остров этот казался местом, хранимым от любых бед, и всегда в гулких коридорах Большого Дома слышался смех мальчиков-учеников.

Провожатый Аррена, плотно сбитый юноша в плаще, перехваченном у горла серебряной пряжкой в знак того, что он прошел обряд посвящения, получил звание колдуна и теперь учится дальше, чтобы стать настоящим волшебником и обрести свой посох, сказал, что его зовут Гэмбл, что значит «риск».

— Это потому, — пояснил он, — что мои родители, у которых уже было шесть дочерей, родили седьмого ребенка, чтобы, как сказал отец, рискнуть и испытать судьбу еще разок.

Это был приятный спутник, сообразительный и скорый на язык. В

иное время Аррен наслаждался бы его шутками, но сегодня душа его была слишком переполнена впечатлениями, и он почти не обращал на своего нового приятеля внимания. Гэмбл, чувствуя себя уязвленным, заливался соловьем: сначала рассказывал рассеянно слушавшему его Аррену о странных происшествиях в Школе Волшебников, потом перешел к откровенным небылицам, однако на все Аррен отвечал одинаково: «Да-да, понятно», так что в конце концов Гэмбл решил, что этот княжеский сынок — полный идиот.

— Разумеется, еду здесь никто не готовит, — вещал Гэмбл, показывая Аррену огромную каменную кухню, сверкающую блеском медных котлов и кастрюль, наполненную стуком огромных кухонных ножей и пропахшую едким запахом лука. — Это все просто для видимости. Мы приходим в трапезную, и каждый наколдовывает себе то, что ему больше нравится. К тому же и посуду мыть не надо.

— Да-да, понятно, — вежливо откликнулся Аррен.

— Ну и, конечно, новички, которым заклятия пока не даются, на первых порах сильно худеют; они стараются учиться побыстрее, чтобы не голодать. Тут есть один парень из Хавнора, так он все пробует себе жареного цыпленка наколдовать, а получается одна просяная каша. Не выходит — и все тут. Каша да каша. Правда, вчера он в придачу к ней получил еще вяленую треску.

Гэмбл совсем уж заврался, пытаясь привлечь внимание гостя или хотя бы вызвать его недоверие. Однако в конце концов сдался и умолк.

— А откуда... с какого острова прибыл сюда Верховный Маг? — спросил его Аррен, даже внимания не обратив на великолепную резьбу, покрывавшую стены и сводчатый потолок величественной галереи, по которой они шли. Там изображено было Древо Жизни с тысячью листьев.

— Он с Гонта, — сказал Гэмбл. — Коз в деревне пас.

— Он пас коз?

— Ну да, в основном все гонтийцы этим занимаются, если не становятся колдунами или пиратами. Я же не говорю, что он каким был, таким и остался, знаешь ли!

— Но каким же образом пастух может стать Верховным Магом?

— Точно так же, как и князь или княжеский сынок! Приехал на Рок, превзошел в науках всех Мастеров, потом выкрал Кольцо с острова Атуан, побывал на островах Драконьи Бега, а со временем стал величайшим магом Земноморья со времен Эррет-Акбе. А ты что думал?

Они вышли с галереи через северные ворота. Над словно зеленым мхом покрытыми холмами, над крышами города Твил, над заливом плыл

теплый летний полдень. Юноши остановились и наконец поговорили как следует.

— Конечно, все это случилось уже давно, — сказал Гэмбл. — Он ничего особенного не совершил с тех пор, как стал Верховным Магом. Все они так. По-моему, Верховные Маги просто должны все время находиться на острове Рок и следить за Мировым Равновесием. Да ведь он уже и старый к тому же.

— Старый? Сколько же ему лет?

— Ну, там сорок или пятьдесят.

— А ты его видел?

— Конечно, видел! — резко ответил Гэмбл. Этот княжеский сыночек оказался не только идиотом, но и порядочным задавалой.

— Часто?

— Нет. Он сторонится людей. Но когда я в первый раз прибыл на Рок, то видел его во дворе у фонтана.

— Я с ним говорил там сегодня, — промолвил Аррен. Тон, каким он произнес эти слова, заставил Гэмбла внимательно посмотреть на собеседника и ответить более полно.

— С тех пор три года прошло. Я, конечно, тогда совсем мальчишкой был и так испугался, что как следует его и не рассмотрел. Там ведь, у фонтана, и не поймешь сразу, кто какой на самом деле. Лучше всего я помню его голос и еще журчание воды. — Он помолчал минутку и добавил: — А еще поговору сразу ясно, что он с Гонта.

— Если бы я мог разговаривать с драконами на их языке, — сказал Аррен, — мне было бы все равно, какой у меня говор.

Тут Гэмбл глянул на него весьма одобрительно и спросил:

— А ты, принц, что, приехал в Школу поступать?

— Нет. Я привез послание Верховному Магу.

— Энлад ведь когда-то входил в состав Королевства, да?

— Да. Энлад, Илиен и Уэй. И когда-то еще Хавнор и Эа, но потомки Великих Королей на этих островах вымерли. На Илиене, например, их родословная восходит к Гемалю Морем Рожденному и Махариону. На Уэе — к Акамбару и Шелитху. На Энладе самый древний королевский род, основанный Морредом и его сыном Сериадхом. Ими построен Дворец Энлада.

Аррен рассказывал это с мечтательным видом школьника, который знает урок назубок, но думает совсем о другом.

— Как, по-твоему, успеем ли хоть мы увидеть на своем веку нового Короля в Хавноре?

— Я никогда об этом не думал.

— А у нас, на острове Арк, частенько об этом думают. Сейчас мы входим в состав княжества Илиен — с тех пор, как был восстановлен мир. Не помнишь, когда это случилось? Где-то лет семнадцать-восемнадцать назад, когда Кольцо с Королевской Руной было возвращено в Башню Королей на Хавноре. Тогда некоторое время дела всюду пошли хорошо, зато теперь — хуже некуда. Пора, пора уже настоящему Королю воцариться на троне Земноморья и править под Знаком Мира. Люди устали от войн, от пиратских налетов, от жадных купцов, от князей, что дерут с подданных по три шкуры, от раздоров между правителями. Здешние Мудрецы могут наставить на путь истинный, но править миром они не могут. Их забота — Мировое Равновесие, а власть должна стать заботой истинного Короля.

Гэмбл говорил искренне, с воодушевлением, забыв все свои шуточки и вранье, и в конце концов воодушевился и Аррен.

— Энлад страна богатая и миролюбивая, — медленно проговорил он. — Мы никогда не участвовали в междуусобицах. Однако знаем о бедах, постигших иные земли. Впрочем, на троне Хавнора вот уже восемьсот лет — со дня смерти Махариона — не было ни одного Короля. Примут ли государства нового Правителя, подчинятся ли ему?

— Если он будет достаточно силен и взойдет на трон с мирными намерениями, если Рок и Хавнор признают его притязания справедливыми.

— А ведь было еще пророчество, которое непременно должно свершиться, не правда ли? Махарион сказал, что следующий Король должен быть магом.

— Наш Мастер Регент сам родом с Хавнора и очень этим пророчеством интересуется. Он вот уже три года вдалбливает в наши головы слова Махариона: «Тот унаследует мой трон, кто живым пройдет по темному царству смерти и выйдет к дальнему берегу дня».

— Вот потому-то он и должен быть магом.

— Да, ибо только волшебнику или великому магу дано побывать в стране мертвых и вернуться обратно. Но всю ее из конца в конец даже они пройти не могут. Во всяком случае, они всегда говорят о ней так, словно граница у нее только с одной стороны, а конца вообще нет. Что же в таком случае значат эти слова: «дальний берег дня»? Однако таково пророчество Последнего Короля, и непременно когда-нибудь родится тот, кто выполнит его завет. И тогда остров Рок признает его, и все флоты, армии и все народы станут ему служить. И снова в Башне на острове Хавнор — в самом сердце нашего мира — воцарится настоящий Король. Я бы и сам преклонил перед ним колена и служил бы ему верой и правдой, — сказал Гэмбл, пожал

плечами и засмеялся, чтобы Аррен не подумал, что он слишком расчувствовался. Но Аррен смотрел на него дружелюбно и думал: «Он был бы так же предан настоящему Королю, как я Верховному Магу». Вслух же он сказал:

— Любому королю понадобятся такие верные помощники, как ты.

Так они и стояли, каждый думая о своем, но чувствуя дружеское расположение друг к другу, когда у них за спиной в Большом Доме прозвучал колокол.

— Ага! — сказал Гэмбл. — Сегодня на ужин чечевица и луковый суп. Пошли!

— Я думал... ты же говорил, что здесь никто еду не готовит, — растерянно сказал Аррен, следуя за ним.

— А, ну иногда бывает... по ошибке...

Никакого волшебства на ужин не было, зато было много вкусной еды. Наевшись, они снова отправились бродить по холмам, где над полями уже повисли мягкие вечерние сумерки.

— Вот это знаменитый Холм острова Рок, — сказал Гэмбл, когда они начали взбираться на округлую гору. По ногам хлестала покрытая росой трава, внизу на болотистых берегах речки Твилберн хором заливались лягушки, приветствуя первые теплые деньки и все более короткие звездные ночи.

Здесь все, казалось, было окутано тайной. Гэмбл сказал тихонько:

— Этот Холм первым поднялся из вод морских, когда было произнесено Слово Созидания.

— И он последним скроется в них, когда придет всеобщее разрушение, — сказал Аррен.

— Значит, это самое безопасное место в мире, — сказал Гэмбл, стараясь избавиться от неожиданно овладевшей им робости, и тут же, вновь оробев, воскликнул: — Смотри! Роща!

К югу от Холма среди полей что-то ярко светилося, словно там всходила полная луна. Однако настоящий тонкий месяц давно уже висел на западном краю небосклона, а в том сиянии, что разливалось на юге, было что-то неверное, странное, свет мерцал и трепетал, словно листва деревьев под ветром.

— Что это?

— Это светится Имманентная Роща; там, должно быть, собрались Мастера. Говорят, она светится вот так, словно луна, когда они собираются на Большой Совет, скажем, чтобы выбрать Верховного Мага — как пять лет назад. Но зачем они собрались сегодня? Не ради ли новостей, которые ты

привез?

— Возможно, — ответил Аррен.

Гэмбл страшно разволновался, забеспокоился и решил вернуться в Большой Дом, чтобы узнать, какие слухи ходят там насчет сегодняшнего Совета Мастеров. Аррен пошел за ним следом, постоянно оглядываясь и не в силах оторвать взгляд от волшебного сияния, пока оно не скрылось за склоном Холма и на небе не остался один лишь настоящий месяц да весенние звезды.

Спать его уложили в отдельной комнатке-келье с каменными стенами. Аррен лежал в полной темноте с открытыми глазами без сна. Всю свою жизнь он спал на роскошной постели, под мягкими шерстяными одеялами; даже на той двадцативесельной галере, что привезла его сюда с Энлада, удобств было куда больше, чем здесь, где ему полагался лишь соломенный тюфяк на голом каменном полу да рваное войлочное одеяло. Но ничего этого он, похоже, не замечал. «Я нахожусь в самом центре нашего мира, — думал он. — Великие Мастера сейчас советуются в том священном месте. Что-то они предпримут? Соткут новое волшебство, способное спасти древнее искусство магии? Может ли стать, что волшебство в нашем мире погибнет? Существует ли опасность, способная угрожать даже острову Рок? Я непременно останусь здесь. Не поеду домой. Я скорее попрошусь в подметальщики в Школе Волшебников, чем снова стану лишь наследником Энлада. Позволит ли ОН мне остаться в качестве ученика? Но, может быть, никого больше уже и не будут учить искусству магии? Не станут изучать подлинные имена вещей? У моего отца врожденный волшебный дар, а у меня его нет; может быть, это потому, что волшебство в нашем мире действительно вымирает? И все-таки я останусь с НИМ рядом, даже если ОН утратит все свое могущество и искусство. Даже если я никогда больше ЕГО не увижу. Даже если ОН никогда больше не скажет мне ни слова...» Такое даже представить себе было слишком тяжело, и Аррен постарался как бы проскочить в мыслях мимо столь неприятной темы; уже через минуту он снова увидел себя в том самом дворике, под ясенем, лицом к лицу с Верховным Магом, и небеса над головой были черны, и на дереве не было ни листочка, и молчал фонтан, а сам Аррен говорил: «Господин мой, буря прямо над нами, но я останусь с тобой и буду верно тебе служить» — и Верховный Маг улыбался ему... Но тут юноше не хватило воображения, ибо он пока еще не видел улыбки на этом темнокожем лице.

Утром Аррен встал с ощущением, что со вчерашнего вечера успел превратиться из мальчишки в мужчину. Он был готов ко всему. Однако уже утренние новости застали его врасплох.

— Верховный Маг хочет поговорить с тобой, принц Аррен, — сообщил ему, приоткрыв дверь, мальчишка-новичок, подождал чуть-чуть и умчался, прежде чем Аррен успел собраться с мыслями и ответить.

Юноша спустился по винтовой лестнице в нижние этажи башни, не представляя, как ему попасть по бесконечным каменным коридорам к дворику с фонтаном. Однако в коридоре его поджидал тот пожилой человек с широкой улыбкой, от которой две глубокие складки пролегли на его щеках от крыльев носа до подбородка. Это он встретил его вчера у ворот Большого Дома, когда Аррен поднялся от гавани по улочкам Твила; тот самый, что потребовал, чтобы юноша назвал свое подлинное имя, прежде чем впустил его.

— Пойдем-ка со мной, — сказал Аррену Мастер Привратник.

Залы и переходы в этой части здания были тихи и пустынные, сюда не долетал вечный шум и гам, оживлявший остальную часть Большого Дома, где царили юные ученики. Здесь явственно ощущался возраст старинных каменных стен. Волшебство, которым скреплены были эти древние камни, которое защищало здешних обитателей от любых бед, казалось, можно было пощупать. На каменных плитах через определенные промежутки были вырезаны руны. Резьба была очень глубокой. Некоторые знаки написаны серебром. Ардические руны Аррен научился различать благодаря урокам отца, однако ни одной из этих древних рун он не знал, хотя смысл некоторых, казалось, почти угадывал или, может быть, когда-то знал, только сейчас никак не мог вспомнить.

— Вот, парень, ты и пришел, — сказал ему Привратник, которому любые титулы были глубоко безразличны. Аррен следом за ним вошел в длинную с низким сводчатым потолком комнату, где на одном конце в камине горел огонь и языки пламени играли на блестящем дубовом полу, а на противоположной стене стрельчатые окна пропускали совсем немного света, занавешенные серым утренним туманом. Перед камином стояла группа людей. Все посмотрели на Аррена, едва тот вошел, однако сам он видел одного лишь Верховного Мага. Юноша остановился, поклонился и застыл в молчании.

— Это Мастера нашей Школы, Аррен, — сказал Верховный Маг, — здесь семеро из девяти. Мастер Путеводитель никогда не покидает свою Рощу, а Мастер Ономатет уже отбыл в Одинокую Башню, что в двух днях пути отсюда к северу. Все они знают, зачем ты прибыл сюда. Друзья, это потомок Морреда.

При этих словах ни капли гордости не почувствовал Аррен в душе своей — скорее ужас. Он гордился своими предками, но думал о себе

только как о наследнике княжеского рода, одном из разветвленного клана. Морред, основатель клана правителей Энлада, умер две тысячи лет тому назад. Деяния его были воспеты в легендах и не принадлежали миру сегодняшнему. С тем же успехом Верховный Маг мог назвать его потомком героя мифа, сыном мечты.

Юноша не осмеливался поднять глаза на восьмерых волшебников. Он уставился в окованный железом конец волшебного посоха Верховного Мага и слушал, как в ушах звенит кровь.

— Пойдем, позавтракаешь вместе с нами, — сказал ему Верховный Маг и пригласил всех к столу, накрытому у окна. На столе было молоко и горькое пиво, хлеб, свежее масло и сыр. Аррен сел вместе со всеми и принялся за еду.

Ему много раз с самого детства приходилось бывать в обществе знатнейших людей, правителей государств, богатых купцов. Дворец его отца в Бериле был полон ими — этими людьми, которые, и без того много имея, все время что-то покупали и продавали, прибирая к рукам все, до чего могли дотянуться. Все они много ели, и пили много вина, и много говорили, добываясь чего-то для себя самих. Несмотря на юный возраст, Аррен научился кое-что понимать в поведении людей, в их пороках и пристрастиях. Но никогда не приходилось ему бывать в обществе таких людей, как эти Мастера. Они ели простой хлеб, говорили мало, лица их были спокойны. Если же они чего-то и добивались, то не для себя. И тем не менее то были люди, обладавшие огромным могуществом: это Аррен тоже почувствовал сразу.

Ястреб, Верховный Маг Земноморья, сидел во главе стола и, казалось, внимательно слушал то, что говорили другие, однако вокруг него как бы висело непроницаемое облако тишины и прямо к нему не обращался никто. Аррен также был предоставлен самому себе, так что у него хватило времени, чтобы прийти в себя. Слева от него сидел Мастер Привратник, а справа — седовласый человек с очень добрым лицом, который наконец обратился к нему:

— Мы ведь земляки, принц Аррен. Я родился в восточном Энладе, близ леса Аол.

— Мне приходилось охотиться в этом лесу, — ответил Аррен, и они немножко поговорили о лесах и городах Энлада, Острова Легенд. Вспомнив родной дом, Аррен немного успокоился.

Когда трапеза была закончена, они перешли к камину; одни сели, другие остались стоять, и все молчали.

— Вчера вечером, — сказал Верховный Маг, — мы собирались на

Совет. Долго говорили, но так и не пришли ни к какому решению. Я бы хотел сегодня, при свете дня, услышать, поддерживаете ли вы вчерашний план или отвергаете его.

— То, что мы не пришли ни к какому решению, — сказал Мастер Травник, плотный темнокожий человек со спокойными глазами, — уже само по себе что-то значит. Путь открывается всегда в Роще, однако мы его не нашли, нам помешали разногласия.

— Только потому, что об этом пути мы не имеем ясного представления, — уточнил седовласый уроженец Энлада, Мастер Метаморфоз. — Мы просто знаем слишком мало. Слухи с острова Уотхорт, вести из Энлада... Станные вести, которые заслуживают большего внимания... Однако для серьезных опасностей пока оснований мало. Во всяком случае, нашему могуществу ничто не угрожает из-за того лишь, что несколько колдунов позабыли слова заклинаний.

— Вот и я то же самое говорю, — подхватил худой востроглазый Мастер Ветродуи. — Разве не сильны мы по-прежнему? Разве перестали расти в Роще деревья? Разве не распускаются на них новые листья? Так стоит ли бояться того, что может быть утрачено искусство магии — самое древнее из известных человеку искусств?

— Ни один человек, — басом сказал Мастер Заклинатель, высокий, моложавый, с темнокожим благородным лицом, — ни один человек и никакая сила не могут остановить действие волшебства или произнесенного заклятья. Ибо слова наших заклятий принадлежат Истинной Речи, и тот, кто заставит их молчать, сумеет разрушить весь мир.

— О да, и тот, кто способен сделать такое, вряд ли находится на острове Нарведен или Уотхорт, — сказал Метаморфоз. — Скорее он поспешил бы сюда, на остров Рок, к воротам Школы: тогда конец света не заставил бы себя долго ждать! Однако пока положение дел иное.

— И все-таки неладно что-то в нашем мире, — вступил в разговор еще один из Мастеров, и все обернулись к нему. С широкой грудью, крепкий как дубовый бочонок, сидел он у огня, и голос его звучал спокойно и уверенно, подобный звону большого колокола. Это был Мастер Регент. — Где тот Король, что должен править в Хавноре? Остров Рок — отнюдь не центр Вселенной. А центр Земноморья — та белая башня, где вместо шпиля меч Эррет-Акбе. В ней возвышается трон Серриадха, Акамбара, Махариона. Восемь веков пустует сердце нашего мира! Есть у нас королевская корона, да нет Короля, что надел бы ее. Есть у нас Утраченная Руна, Королевская Руна, Знак Мира, возвращенный нам, да только есть ли у нас мир? Пусть на своем троне воцарится настоящий Король, тогда

воцарится и мир в Земноморье, тогда даже в самых дальних Пределах колдуны спокойно вернутся к своим занятиям, тогда восстановится порядок, тогда всему будет свое время.

— Да, верно, — сказал Мастер Ловкая Рука, стройный быстрый человек, сдержанный, с ясными внимательными глазами. — Я согласен с тобой, Регент. Разве удивительно, что волшебство теряет силу, когда порядок нарушен повсеместно? Если разбродилось все стадо, то что же нашей черной овечке оставаться на привязи?

При этих словах Привратник рассмеялся, но ничего не сказал.

— Значит, — начал Верховный Маг, — всем вам кажется, что ничего особенно страшного в мире не происходит; а если что-то и происходит, то причина лишь в том, что земли наши не имеют достойного правителя, а при имеющихся негодных правителях все искусства и тонкие ремесла гибнут в небрежении. С этим я в известной степени согласен. Действительно, на юге Земноморья нормальной торговли практически не существует, суда плавают туда все реже, и мы вынуждены питаться лишь слухами об этих краях. А что нам известно о западе — за исключением вестей с острова Нарведен? Если бы суда спокойно пускались в далекое плавание и возвращались без опаски обратно, как бывало раньше, и если бы острова Земноморья были постоянно и прочно связаны между собой, мы, разумеется, знали бы, что происходит в самых дальних уголках нашего мира, и могли бы действовать по обстоятельствам. И, по-моему, нам уже пора начинать действовать! Ибо, друзья мои, если правитель Энлада сообщает нам, что, творя заклятье, произнес вслух слова Истинной Речи, не понимая их смысла, если Мастер Путеводитель говорит, что страх таится в самых корнях, и не прибавляет больше ни слова, то разве это не достаточные поводы для беспокойства? Буря всегда начинается с небольшого облачка на горизонте.

— Ты всегда зло за версту чуешь, Ястребок. С самого детства, — сказал Мастер Привратник. — Скажи, что, по-твоему, в нашем мире неладно?

— Не знаю. Иссякают запасы энергии. Словно все стремительно распадается и нужно срочно что-то менять... Солнце уже не светит так ярко, как прежде. Я чувствую, друзья мои... что мы сидим здесь и разговариваем, не замечая, что смертельно ранены, и пока длится наша бесконечная беседа, кровь потихоньку вытекает из ран, и мы слабеем, слабеем...

— И ты, конечно, готов немедленно вскочить и начать действовать?

— Конечно.

— Что ж, — сказал Привратник, — разве могут совы помешать ястребу летать?

— Но куда бы хотел ты направиться? — спросил Метаморфоз, и ему ответил Регент:

— На поиски настоящего Короля, разумеется, чтобы вернуть его на наш трон.

Верховный Маг остро глянул на Регента, но сказал лишь:

— Я пойду туда, где кроется несчастье.

— То есть на юг или на запад, — уточнил Мастер Ветродуи.

— А также — на север или на восток, если понадобится, — прибавил Мастер Привратник.

— Но ты нужен здесь, господин мой, — сказал Метаморфоз. — Может быть, вместо того, чтобы бродить в поисках неведомого по неведомым путям среди недружелюбных народов, мудрее было бы остаться здесь, где магия обладает прежней силой, и с помощью нашего искусства понять природу этого зла, разрушающего Мировопорядок?

— Искусство мое останется при мне, — сказал Верховный Маг. Что-то в его голосе было такое, что заставило всех посмотреть на него трезво и печально. — Я — Хранитель острова Рок. Мне нелегко его покинуть. Я бы очень хотел, чтобы мы были единокорны на нашем последнем Совете, но, видно, не суждено. Вот мое окончательное решение: я должен отправляться в путь.

— И твоему решению мы, конечно, уступаем, — сказал Мастер Заклинатель.

— Но я пойду один. Вы составляете Совет Мудрецов, он не должен быть нарушен. Впрочем, одного человека я возьму с собой. Если он согласится. — Маг посмотрел на Аррена. — Вчера ты предложил мне свою службу. И вчера вечером Мастер Путеводитель сказал: «Никогда никто не приплывает к берегам острова Рок случайно. Не случайно гонцом сюда явился потомок Морреда». И больше за всю ночь не сказал он нам ни слова. А потому я спрашиваю тебя, Аррен: пойдешь ли ты со мной?

— Да, господин мой, — ответил Аррен пересохшим ртом.

— Князь, отец твой, разумеется, никогда не разрешил бы тебе отправиться в столь опасное путешествие, — сказал ему Метаморфоз, пожалуй, резковато, потом обернулся к Верховному Магу. — Этот мальчик еще слишком юн и совсем не обучен волшебству.

— Моих лет и ведомых мне заклинаний хватит на нас обоих, — сухо откликнулся Ястреб. — Аррен, что скажет твой отец?

— Отец, конечно, отпустил бы меня.

— Как можешь ты это знать? — спросил Заклинатель.

Аррен не понимал, ни куда требовалось ехать, ни когда, ни зачем. Он был совершенно сбит с толку, подавлен присутствием этих мрачных, благородных, невыносимых людей. Если бы у него хватило времени подумать, он, по всей вероятности, вообще ничего не смог бы ответить. Но времени подумать у него не было, а Верховный Маг спрашивал: «Пойдешь ли ты со мной?»

— Посылая меня сюда, мой отец сказал мне: «Боюсь, наш мир накрывает черная страшная туча. А потому моим гонцом будешь именно ты: ты сам сможешь разобраться, просить ли нам помощи у Острова Мудрых в эту тяжелую пору, или самим предложить им помощь Энлада». Так что если кому-то здесь нужна моя помощь, то я для того сюда и приехал.

И тут он увидел, как Верховный Маг улыбнулся. И мимолетная эта улыбка была удивительно хорошей, доброй!

— Вы видите? — спросил Ястреб. — Так может ли почтенный возраст или искусство магии что-либо прибавить к этому?

Аррен почувствовал, что теперь все Мастера смотрят на него одобрительно, однако все еще с некоторым удивлением и как бы в замешательстве. Первым заговорил Заклинатель, насупившись так, что густые дуги его бровей слились в сплошную линию.

— Этого я не понимаю, господин мой! Ну хорошо, ты решил непременно ехать сам. Ты томишься здесь, как зверь в клетке, целых пять лет. Но раньше ты всегда отправлялся в путь один; отсюда ты всегда уходил в одиночку. Почему же на этот раз ты берешь кого-то с собой?

— Раньше я никогда в помощи не нуждался, — сказал Ястреб, и в голосе его прозвучала не то едва ощутимая угроза, не то насмешка. — К тому же я отыскал подходящего спутника. — Теперь Верховный Маг как бы излучал опасность, и долговязый Мастер Заклинатель не стал задавать ему лишних вопросов.

Но тут поднялся со своего места и встал подобно статуе Мастер Травник, человек со спокойными глазами и темной кожей, похожий на мудрого и терпеливого вола.

— Иди, господин мой, — сказал он, — иди и бери с собой мальчика. И да пребудет с тобой наша вера.

И, единодушно подтвердив свое согласие с этими словами, поодиночке и парами Мастера стали покидать зал. Один лишь Заклинатель чуть задержался.

— Ястреб, — сказал он, — я не пытаюсь выведать, что ты решил на

самом деле. Я только хочу сказать: если ты прав, если действительно нарушено Равновесие и существует опасность воцарения зла, то любого путешествия — на Уотхорт, или в Западный Предел, или даже на край света — недостаточно. Разве справедливо брать с собой мальчика туда, где можешь ты в результате поисков оказаться? Разве может он вернуться оттуда?

Аррен стоял чуть поодаль от них, а говорил Заклинатель чуть слышно, но Верховный Маг ответил ему в полный голос:

— Да, может, и это справедливо.

— Ты говоришь мне не все, что тебе известно, — упрекнул его Мастер Заклинатель.

— Если бы я что-то знал, то сказал бы. Но я ничего не знаю. Хотя догадываюсь о многом.

— Позволь мне пойти с тобой.

— Кто-то должен стеречь ворота.

— Этим ведь занимается Привратник...

— Не только ворота Рока. Оставайся здесь и следи за восходом — будет ли он ясным; а еще следи за каменной стеной, чтобы вовремя заметить, кто перебирается через нее и куда обернуто его лицо. В ткани мироздания есть какая-то брешь, Торион, да, брешь, дыра, рана, и вот ее-то я и отправляюсь искать. Если я не вернусь, может быть, повезет тебе... Но подожди. Умоляю тебя, дождись меня. — Верховный Маг использовал слова Истинной Речи, с помощью которых создаются все заклинания, любое волшебство; редко, очень редко Истинной Речью пользуются при простом разговоре, разве что драконы, у которых нет иного языка. Мастер Заклинатель больше не спорил и не протестовал; он только тихо поклонился обоим — Верховному Магу и Аррену — и удалился.

В камине потрескивал огонь. Вокруг стояла полная тишина. За окнами сгустился туман; мутные клубы его были похожи на дым.

Верховный Маг смотрел на пламя, словно не замечая присутствия юноши. Тот стоял в отдалении, не зная, то ли ему уйти, то ли подождать, пока его отпустят, нерешительный и как будто забытый. Он снова чувствовал себя крошечной фигуркой в темном, бескрайнем, ошеломляющем пространстве.

— Сначала наш путь лежит в город Хорт, — сказал Ястреб, отворачиваясь от камина. — Там собираются новости со всего Южного Предела, так что мы, возможно, обнаружим хоть какую-то ниточку. Энладский корабль все еще ожидает тебя в порту. Попроси шкипера передать весточку твоему отцу. Я полагаю, что нам нужно отправляться в

путь как можно скорее. Завтра на рассвете. Я буду ждать тебя у лодочного причала, приходи.

— Господин мой, что... — он запнулся, — но что именно ты ищешь?

— Не знаю, Аррен.

— Но тогда...

— Тогда как же я буду искать? И этого я тоже не знаю. Может быть, оно само попытается отыскать меня. — Он слегка улыбнулся Аррену, но лицо его в сером свете, просачивающемся из-за затянутого туманом окна, было твердым, словно отлитым из металла.

— Господин мой, — сказал Аррен, и теперь голос его звучал твердо, — я действительно потомок Морреда, насколько вообще можно установить, кто чей потомок в столь невероятно древнем роду. И если я смогу оказаться тебе полезным, то сочту это за величайшую честь и самую большую удачу в своей жизни. Я хотел бы служить только тебе. Но, боюсь, ты по ошибке принимаешь меня за более сильного человека, чем я есть на самом деле.

— Возможно, — сказал Верховный Маг.

— У меня нет особых талантов, и умею я немного. Владею как коротким мечом, так и двуручным. Умею управляться с лодкой. Хорошо танцую. Могу погасить любую свару среди придворных. Люблю борьбу, но довольно плохо стреляю из лука. Зато хорошо играю в лапту. Умею петь, играю на арфе и лютне. И это все. Больше ничего не умею. Так какая от меня тебе польза? Мастер Заклинатель прав...

— А, так ты все понял? Он просто ревнует. Взывает к старой дружбе и верности. Считает, что для меня это важнее.

— Как и большее мастерство, господин мой.

— Может быть, ты предпочтешь, чтобы со мной отправился он, а ты остался?

— Нет! Но я боюсь...

— Боишься чего?

На глазах у юноши сверкнули слезы.

— Боюсь подвести тебя, — сказал он.

Верховный Маг снова отвернулся и стал смотреть на огонь.

— Садись, Аррен, — сказал он, и юноша присел на каменный выступ у очага. — Я вовсе не заблуждаюсь относительно твоих магических или воинских доблестей. Я вообще не считаю тебя уже сложившимся, взрослым человеком. И почти совсем не знаю, что ты из себя представляешь. Зато мне приятно было узнать, что ты умеешь управляться с лодкой... Кем ты станешь, не знает никто. Но вот то небольшое, что знаю о

тебе я: ты потомок Морреда и Серриадха.

Аррен молчал.

— Это правда, господин мой, — с трудом заговорил он, — но... — Верховный Маг молча ждал, и юноше пришлось закончить начатую фразу: — Но я не Морред. Я — это всего лишь я сам.

— И ты не гордишься своими предками?

— Нет, я ими горжусь, благодаря им я наследник Энлада; это большая честь, недоступная вершина, к которой нужно стремиться...

Верховный Маг утвердительно, хотя и резковато, кивнул.

— Именно это я и имел в виду. Пренебрегать прошлым — значит пренебрегать и будущим. Человек не сам строит свою судьбу: он ее либо принимает, либо отвергает. Если у ясеня слишком слабые корни, то и крона его не будет пышной. — При этих словах Аррен изумленно взглянул на волшебника, ибо его подлинное имя — Лебаннен — означало «яшень». Но Верховный Маг так и не произнес этого имени вслух. — Корни твои глубоки, — продолжал он. — И сила в тебе есть, так что необходим лишь простор для роста. Этот простор я и предлагаю тебе вместо спокойного путешествия обратно домой — простор и путь с опасной и неведомой целью. Ты волен не участвовать в этом путешествии. Право выбора остается за тобой. Но я предлагаю тебе: выбирай. Устал я от безопасности, от стен и крыш, что окружают и охраняют меня. — Ястреб вдруг резко оборвал себя, пронзительный взгляд его ясных глаз стал каким-то странно невидящим: он словно ничего больше не замечал вокруг. И Аррен понял, сколь глубока тревога этого человека, и испытал страх перед его неукротимостью. Однако страх лишь усиливает возбуждение, и ответ юноши прозвучал от всего сердца:

— Господин мой, я выбрал: мы пойдем вместе.

Аррен вышел из Большого Дома глубоко потрясенный. Он решил было, что это и есть счастье, однако слово как-то не очень годилось. Тогда он подумал, что в нем поет гордость: ведь сам Верховный Маг назвал его сильным, способным выбрать свою судьбу человеком. Однако и гордости он не испытывал. Почему же? Самый могущественный волшебник Земноморья сказал ему: «Завтра мы с тобой уплывем на край света», а он лишь согласно кивнул головой, готовый к опасному путешествию; разве не стоит этим гордиться? И все-таки гордости не было — было лишь изумление.

Аррен спустился по крутым извилистым улочкам Твила к гавани, отыскал у причала своего шкипера и сказал ему:

— Завтра поутру мы с Верховным Магом отплываем в Южный Предел, на остров Уотхорт. Передай князю, отцу моему, что я вернусь в Берилу, как только закончу службу.

Шкипер при этих словах помрачнел. Он знал, как будет принят, явившись с подобным известием во дворец правителя Энлада.

— Мне нужна бумага, написанная твоей рукой, принц, — сказал он.

Аррен нашел это требование справедливым и поспешил — ему казалось, что теперь он все время должен поторапливаться, — в первую же лавчонку, впрочем, странноватую на вид, где купил чернильный камень, кисточку и лист хорошей мягкой бумаги, плотной как войлок; потом быстро вернулся в гавань и устроился на краю причала, чтобы написать родителям письмо. Когда он подумал о матери, о том, как она возьмет вот этот лист бумаги и станет читать послание сына, душу его охватила грусть. Мать была веселой и кроткой, но он прекрасно знал, что ее радость и спокойствие зависят от него одного; знал, как страстно ждет эта терпеливая женщина его скорейшего возвращения. И не было никакой возможности успокоить ее и хоть как-то утешить во время его долгого отсутствия. Письмо получалось сухим и коротким. Он подписал его руной Меча — «Аррен» — и заклеил каплей смолы из котла на пристани. Потом протянул шкиперу, но вдруг крикнул: «Погоди!» — словно корабль уже отчаливал — и помчался вновь в ту же странную лавчонку, которую отыскал не без труда, ибо в припортовых улочках было нечто непостоянное, как и во всем городе Твиле; казалось порой, что даже повороты улиц постоянно меняются. В конце концов Аррен выбрался на нужную улицу и ворвался в лавку, загремев длинными нитями красных глиняных бус, украшавших вход. Еще покупая чернила и бумагу, он приметил на блюде среди разнообразных застежек и украшений серебряную брошь в форме дикой розы. Имя его матери было Роза.

— Я ее покупаю, — торопливо бросил он с подобающим настоящему принцу высокомерию.

— Это старинная работа ювелиров с острова О. Похоже, вы ценитель древностей, — сказал хозяин лавки, внимательно разглядывая меч Аррена — но отнюдь не новенькие ножны, а потертую рукоять. — Брошь стоит четыре пластины.

Аррен без возражений заплатил эту довольно-таки большую цену: в кошельке у него было достаточно пластинок из слоновой кости, что заменяют на Внутренних Островах деньги. Мысль о том, что он пошлет матери достойный подарок, радовала душу. Выйдя из лавчонки, Аррен щегольским жестом положил руку на эфес меча.

Меч этот преподнес ему отец накануне отплытия с Энлада. Аррен торжественно принял дар и носил меч так, словно это было почетной обязанностью; даже на борту корабля он его не снимал. Он гордился, ощущая на бедре его тяжесть — тяжесть долгих веков, бременем ответственности ложившуюся на его душу. Ведь то был меч Серриадха, сына Морреда и Эльфарран, и не было в мире более древнего меча, кроме того, что принадлежал когда-то Эррет-Акбе, а теперь красовался на Королевской Башне в Хавноре. Меч Серриадха никогда не откладывали на время, никогда не хранили в сокровищнице; он всегда сопровождал своих хозяев, однако со временем ничуть не постарел и даже за много столетий не утратил ни на гран своей волшебной силы, ибо выкован был с помощью величайшего заклятия. Согласно преданиям, обнажать этот меч можно было лишь тогда, когда он служил жизни. Правило это должно было соблюдаться вечно. Никогда не позволил бы меч Серриадха, чтобы им воспользовались в кровожадных целях, из мести или из зависти, а также для захвата чужих земель. От этого меча, самого большого сокровища их семьи, и получил Аррен домашнее прозвище; ребенком его звали Аррендек, что значит «маленький меч».

Ему до сих пор еще ни разу не пришлось воспользоваться старинным мечом, как, впрочем, и его отцу, а также деду. Давно уже в Энладе царил мир.

Но теперь, на улице загадочного города, на Острове Мудрецов, рукоять меча вдруг показалась ему чужой, неудобной и страшно холодной. Меч почему-то стал слишком тяжелым и мешал при ходьбе. И чудесное возбуждение, что владело им, хоть и не прошло совсем, но как бы остыло. Аррен вернулся на пристань, попросил шкипера передать брошь матери и пожелал судну счастливого плавания и успешного возвращения на родину. Бредя назад, к Школе, юноша набросил на плечи плащ, прикрыв им ножны с древним непокорным и смертельно опасным мечом, что достался ему в наследство. Красоваться ему расхотелось. «Что я делаю? — спрашивал он себя, медленно поднимаясь по узким улочкам к похожему на крепость Большому Дому, возвышавшемуся над Твилом. — Как случилось, что я не еду назад, домой? Почему ищу то, чего вовсе не понимаю, с человеком, которого не знаю совсем?»

И ответа на эти вопросы он не находил.

В предрассветной тьме Аррен, облачившись в подаренную ему матросскую робу, довольно поношенную, но чистую, торопливо прошел по молчаливым залам Большого Дома к восточной его стене, к дверце, вырезанной из драконьего зуба. Там его выпустил наружу Мастер Привратник, указав, как ему лучше пройти к лодочной пристани, и чуть улыбнувшись при этом. По самой верхней улице Твила Аррен добрался до тропы, которая спускалась прямо к лодочным сараям, принадлежавшим Школе, — чуть южнее основной гавани Твила. Тропа в сумерках была едва различима. Деревья, крыши домов, холмы казались неясными, расплывчатыми формами, огромными сгустками не рассеявшейся еще ночной тьмы; воздух был недвижим и холоден, все вокруг казалось отрешенным, загадочным, и только на востоке, на самом горизонте, слабо светилась полоска пробуждающейся зари.

У лестницы, ведущей к причалам, не было ни души. В толстой матросской робе и шерстяной шапке Аррен не чувствовал особого холода, но все же его била дрожь, когда он стоял в полном одиночестве на каменных ступенях в темноте и ждал.

Лодочные сараи мрачно возвышались над черной водой; вдруг где-то внутри одного из них раздался негромкий глуховатый стук, повторившийся три раза. У Аррена волосы зашевелились на голове. На воду совершенно бесшумно скользнула длинная темная тень. Это была лодка, которая тихонько подошла к причалу. Аррен сбежал по ступенькам и прыгнул через борт.

— Берись за румпель, — сказал Верховный Маг, чья невысокая худощавая фигура виднелась на носу, — держи ровней, а я пока парус поставлю.

Они уже вышли в залив; парус, словно белое крыло, затрепетал над лодкой, отражая разгорающийся свет зари.

— Ветер западный, так что за весла браться не придется: прощальный подарок Мастера Ветродуя, конечно. Следи за рулем, парень, эта лодка очень послушная! Вот так. Ну что ж, западный ветер и ясная зоря — подходящая погода для весеннего равноденствия.

— А это и есть «Зоркая»? — Аррен знал о лодке Верховного Мага из песен и легенд.

— Конечно, — ответил тот, занятый снастями. Ветер свежел, и лодка то ныряла вниз, то взлетала на гребень волны. Аррен, сжав зубы, старался держать суденышко строго по курсу.

— Ею очень легко управлять, но вообще-то она с норовом, господин мой.

Верховный Маг засмеялся.

— Пусть делает что хочет. Можешь не беспокоиться: она достаточно умна. Послушай, Аррен, — он чуть помедлил, стоя на коленях на банке и глядя юноше в лицо, — я теперь больше не «твой господин» и ты для меня не принц. Меня зовут Хок, что значит «коршун», я торговец, а ты мой племянник и ученик, и зовут тебя просто Аррен; родом мы оба из Энлада. Вот только из какого города? Да из любого большого — а то как бы «земляка» не встретить!

— Темере на южном побережье подойдет? Тамошние суда плавают во все Пределы.

Верховный Маг кивнул.

— Вот только, — осторожно начал Аррен, — у тебя, господин мой, не совсем энладский выговор...

— Знаю. Выговор у меня гонтский, — засмеялся его спутник и посмотрел на разгорающуюся зарю. — Но я полагаю, что смогу еще кое-чему научиться у тебя. Итак, мы с тобой родом из Темере, а лодка наша называется «Дельфин», и я никакой не маг, не твой господин, не Ястреб, а... как меня теперь зовут?

— Хок, господин мой.

И Аррен прикусил язык.

— Тренируйся, племянничек, — сказал Верховный Маг, — нужно просто немного потренироваться. Ты ведь никогда никем, кроме наследного принца, не был, а уж мне-то кем только не приходилось становиться, и, надо сказать, меньше всего времени я пробыл действительно Верховным Магом... Мы с тобой плывем на юг в поисках лазурита — знаешь, таких голубых камешков, на которых всякие заклятья пишут? По-моему, в Энладе они весьма ценятся. С их помощью заговаривают ревматизм, растяжение связок, прострелы, а также когда шею надует или язык прикусишь...

Аррен уже буквально с ног валился от смеха. Отсмеявшись, он поднял голову, и как раз в этот миг лодка взлетела на волне и впереди над горизонтом блеснул краешек поднимающегося из моря золотого солнца.

Ястреб стоял, одной рукой держась за мачту, потому что лодку изрядно болтало, и, глядя на восходящее солнце переломного дня весны, вдруг запел. Аррен не понимал Истинной Речи — языка волшебников и

драконов, — но в песне он слышал хвалу и радость и ощущал четкий ритм, схожий с плавным набегом волн, с неизменной сменой дня и ночи. Чайки кричали на ветру; берега Твила уплывали назад и в стороны: лодка вышла из залива в бурные воды Внутреннего Моря, залитого солнечным светом.

От Рока до Хорта не так уж далеко, однако они провели в море целых три ночи. Верховный Маг очень торопился с отплытием, однако, едва покинув Рок, стал куда более спокойным, нетерпение его ушло. Ветер сменился на восточный, как только они вышли из зачарованных прибрежных вод, но Ястреб не воспользовался волшебством, как это сделал бы любой заклинатель погоды; вместо этого он часами обучал Аррена управлять лодкой при постоянном встречном ветре в скалистой бухточке у восточного побережья острова Иссел. На второй день с самого утра не переставая лил дождь, холодный, с сильным ветром — настоящая мартовская погода, но Ястреб ни слова не вымолвил, чтобы остановить дождь и ветер. Третью ночь они дрейфовали у входа в гавань Хорта при полном штиле в холодной туманной мгле, и Аррен все время с удивлением думал, почему это за весь недолгий период их знакомства Верховный Маг ни разу не воспользовался магией.

Впрочем, моряком он оказался несравненным. Аррен за три дня узнал от него куда больше, чем за десять лет занятий шлюпочным спортом в заливе порта Берила. А ведь волшебное и морское искусство весьма схожи: и маги, и моряки имеют дело с силами неба и земли, используют могучие ветры для того, чтобы приблизиться к бесконечно далекой цели. Впрочем, у Верховного Мага, или торговца Хока, цель была одна.

Волшебник был молчалив, но обладал редкостным добродушием. Его совершенно не раздражала неловкость Аррена; он держался просто и дружелюбно; для плавания по морю лучшего спутника нечего было и желать. Однако порой он настолько уходил в себя, погрузившись в молчание на долгие часы, что если в период такой задумчивости Аррен о чем-то спрашивал его, то голос волшебника звучал непривычно резко, а глаза смотрели как бы сквозь собеседника. От этого, Впрочем, любовь юноши к Верховному Магу не ослабевала, хотя первоначальная его восторженность несколько поостыла и волшебник иногда внушал ему даже некоторый страх. Возможно, Ястреб это почувствовал, потому что в туманную ночь, когда они дрейфовали близ Уотхорта, он долго, с паузами и остановками, рассказывал Аррену о себе и о том, что его тревожит.

— Мне так не хочется завтра вновь оказаться среди людей, — сказал он. — Я все старался представить себе, будто снова стал свободен... Что ничто не нарушено в мире. Что я не Верховный Маг и даже не

обыкновенный колдун. Что я всего лишь Хок, торговец из Темере, что я никому ничего не должен и никакими привилегиями не пользуюсь... — Он помолчал и заговорил снова: — Старайся осторожно делать свой выбор, Аррен, когда придет время. Когда я был молод, мне пришлось выбирать между спокойной созерцательностью бытия и вечной деятельностью. Жажда деятельности влекла меня несказанно, я вцепился в эту возможность, как форель в наживку. Однако каждое твое деяние, даже самый маленький поступок, связывают тебя последствиями, заставляя действовать снова и снова. Передышки случаются редко — такие, как сейчас у меня, — и только во время передышек можно позволить себе просто жить, просто подумать, кто же ты, в конце концов, такой.

Как может такой человек, думал Аррен, еще сомневаться в себе и собственном предназначении? Он всегда считал, что подобные сомнения — удел юнцов, еще ничего в своей жизни не совершивших.

Лодка покачивалась в серой холодной мгле.

— Вот за это я и люблю море, — неожиданно прозвучал во тьме голос Ястреба.

Аррен понимал его; однако собственные мысли юноши стремились вперед, в течение этих трех долгих дней и ночей — только вперед, к цели их поисков. И поскольку волшебник явно пребывал в разговорчивом настроении, Аррен наконец решился спросить:

— Ты думаешь, мы найдем то, что ищем, в порту острова Уотхорт?

Ястреб только головой покачал: то ли не был уверен, то ли просто не знал.

— Может быть, это какое-то поветрие, вроде чумы, что ползет с острова на остров, пожирая урожай, скот и даже человеческие души?

— Всякое поветрие или мор — это, в общем-то, обычное колебание маятника в часах Великого Равновесия. Теперь же происходит нечто иное. Здесь явно попахивает вмешательством злых сил. Мы порой испытываем страдания, когда Миропорядок стремится обрести утраченное на миг равновесие, однако не теряем надежды, даже если приостанавливается развитие искусств и люди ненадолго забывают слова Созидания. Это ведь тоже естественное состояние Природы. Однако сейчас происходит отнюдь не восстановление утраченного Равновесия, а все большее его нарушение. И только одно существо способно полностью нарушить баланс.

— Человек? — напряженно спросил Аррен.

— Да, люди.

— Но почему?

— Из-за своей неумной жажды жизни.

— Жизни? Но разве это плохо — желать жить?

— Нет, это не плохо. Но когда мы силой заставляем природу выполнять наши желания, когда мы требуем, требуем, требуем — несокрушимого здоровья, абсолютной безопасности, бессмертия, — тогда естественное желание превращается в алчность. А когда алчность подкреплена Знанием, она открывает ворота Злу. И тогда Великое Равновесие нарушается, и Зло тяжким бременем тянет чашу мировых весов вниз.

Аррен некоторое время размышлял над услышанным, потом спросил:

— Значит, мы ищем все-таки человека?

— О да, человека и мага. Мне думается, это так.

— Но я всегда считал — так объясняли мне отец и учителя, — что искусство Высшей Магии пребывает в зависимости от Великого Равновесия, от существующего Миропорядка и именно поэтому не может быть использовано во зло.

— Это, — сухо откликнулся Ястреб, — давний спорный вопрос. Бесконечны споры магов между собой. На любом острове Земноморья найдутся ведьмы, что творят злые заклятья, и колдуны, использующие свое ремесло, чтобы разбогатеть. Но есть и другие. Например, великий маг, Повелитель Огня, который пытался уничтожить Тьму и остановить полуденное солнце в зените. Даже Эррет-Акбе вряд ли смог бы одержать над ним победу. А вот другой пример: тот, кто погубил Морреда. На его сторону переходили целые армии. Заклятье, которое он сотворил против Морреда, было столь сильно, что даже когда проклятый волшебник погиб, действие этого заклятья приостановить было нельзя, и остров Солеа со всеми жителями исчез в пучине морской. То были люди, своим великим могуществом и знаниями служившие Злу и питаемые Злом. Всегда ли может волшебство, служащее Добру, оказаться сильнее? Неизвестно. Мы можем на это только надеяться.

Всегда испытываешь некоторое разочарование, когда вместо твердой уверенности обретаешь всего лишь надежду. И Аррен вдруг почувствовал себя неуютно на холодных вершинах столь высоких материй.

— Мне кажется, — сказал он, — я теперь понимаю, почему зло творит лишь человек. Ведь по сравнению с людьми даже акулы невинны: они убивают потому, что должны это делать.

— Именно поэтому ничто в мире не способно противостоять людям. Одно лишь может служить препятствием человеку с исполненным зла сердцем: другой человек. В позоре нашем кроется и наша слава. Лишь человеческий дух, способный вершить зло, способен и одержать над ним

победу.

— Ну а драконы? — спросил Аррен. — Разве не творят они зла? Разве они так уж невинны?

— Драконы! Драконы кровожадны, ненасытны, коварны; они не знают жалости или угрызений совести. Но являются ли драконы носителями зла? Кто я такой, чтобы судить о деяниях драконов?.. Они значительно мудрее людей. С ними, Аррен, как со снами. Нам, людям, снятся сны, мы занимаемся магией, творим добро и зло. Драконы не видят снов. Они сами — сон, мечта; волшебство — это их сущность, а потому они не занимаются магией как наукой. Магия — основа их бытия. Они не совершают поступков: они просто существуют.

— В Серилуне, — сказал Аррен, — есть шкура дракона Бар Отха, убитого Кеором, князем Энлада, триста лет тому назад. С того дня ни один дракон больше не пролетел над Энладом. Я видел шкуру Бар Отха. Она тяжела, как железные доспехи, и так велика, что, как говорят, могла бы закрыть всю рыночную площадь в Серилуне. Зубы у него не меньше моей руки. И все-таки Бар Отх считался молодым драконом, не достигшим полной зрелости и величины.

— Тебе страшно хочется увидеть драконов, — сказал Ястреб.

— Да.

— Кровь их холодна и ядовита. Нельзя смотреть им в глаза. Они гораздо старше людей... — На некоторое время волшебник погрузился в молчание, потом продолжил: — И все же, хоть порой я и начинаю забывать или сожалеть о содеянном когда-то, я всегда буду помнить, как однажды на закате видел парящих в потоках ветра драконов над далекими западными островами. И каждый раз воспоминание это дарит мне радость.

Теперь замолчали оба. Ничто не нарушало тишины, кроме шепота волн, бьющихся о лодку в кромешной тьме. Потом путешественники наконец уснули, а лодка мирно покачивалась над темной морской бездной.

Утренняя дымка была просвечена ярким солнцем, когда они входили в бухту Хорта. На рейде стояла добрая сотня судов; некоторые быстро шли к причалам. Там были лодки рыбаков и краболовов, траулеры, торговые суда, две двадцативесельные галеры и одна огромная, шестидесятивесельная, требовавшая значительного ремонта; несколько легких парусников с треугольными парусами, предназначенными для того, чтобы ловить высокий ветер в теплых и тихих морях Южного Предела.

— Это военное судно? — спросил Аррен, когда они проплывали мимо одной из двадцативесельных галер, и спутник его ответил:

— Скорее рабовладельческое, раз там на скамьях для гребцов крепеж

для цепей. Здесь, в Южном Пределе, людьми тоже торгуют.

Аррен с минуту обдумывал это сообщение, потом вытащил из рундука свой меч, бережно завернутый в кусок ткани еще при отплытии с Рока. Он развернул тряпицу и застыл в нерешительности, держа обеими руками меч и не вынимая его из ножен. Перевязь свисала до земли.

— Для ученика морского торговца этот меч не подходит, — сказал он. — Ножны слишком хороши.

Ястреб, правивший лодкой, бросил в его сторону быстрый взгляд.

— Если хочешь, возьми его с собой.

— Я подумал, что он, возможно, весьма пригодится там...

— Если меч сам просится в дело, мешать ему не следует, — сказал волшебник, внимательно следя, чтобы не столкнуться с кем-нибудь в забитом судами заливе. — Этого меча надо слушаться.

Аррен кивнул.

— Да, так мне говорили. Но он все-таки убивал. Людей. — Юноша посмотрел на изящную, чуть потертую рукоять. — Он уже убивал, а я еще нет. И в его присутствии чувствую себя дураком. Ведь он настолько старше меня... Возьму-ка я лучше нож, — заключил он, снова заботливо заворачивая меч и поглубже засовывая его в ящик. Лицо его было озабочено и сердито. Ястреб ничего на это не сказал и, помолчав немного, предложил:

— Может, сядешь теперь на весла, парень? Нам нужно причалить вон там, у лестницы.

Город Хорт, один из семи крупнейших портов Архипелага, покоился на трех высоких холмах, поражая многоцветьем своих улиц и шумной портовой жизнью. Дома, в основном глинобитные, были раскрашены в красные, оранжевые, желтые и белые цвета; крыши из пурпурно-красной черепицы; красные купы цветущих деревьев виднелись повсюду. Разноцветные полосатые тенты были натянуты от крыши до крыши, затеняя маленькие рыночные площади. Причалы были залиты солнцем; улочки, отходящие от них в глубь города, казались темными щелями, полными теней, людей и шума.

Когда они причалили и как следует привязали «Зоркую», Аррен уже хотел было выпрыгнуть на пирс, но Ястреб чуть помешкал, якобы проверяя прочность узла, и сказал юноше в спину:

— Сынок, здесь, в Хорте, есть люди, которые знают меня слишком хорошо. Так что смотри внимательно, чтобы в случае чего сразу отличить меня в толпе.

Когда он выпрямился, то шрамы на лице его совсем исчезли, волосы

побелели, а нос стал курносый и похожим на грушу. Вместо высокого тисового посоха в руке у него появилась палочка из слоновой кости, а может и хлыст, который он сунул за пазуху.

— Что, парень, не узнаешь? — сказал он, широко улыбаясь и с чисто энладским выговором. — Неужто никогда раньше не видел? Что ж ты дядюшку своего не признал!

Аррену приходилось видеть, как волшебники при дворе в Бериле до неузнаваемости меняли свой облик, представляя в лицах сказание о подвигах Морреда, так что поняв, что это всего лишь иллюзия, быстро справился с собой и даже оказался в силах ответить:

— О, ну как же, конечно узнаю, дядюшка Хок!

Но пока волшебник торговался с портовой стражей по поводу слишком высокой платы за стоянку и охрану лодки, Аррен не сводил с него глаз: хотел быть уверенным, что сможет узнать повсюду. И чем дальше, тем больше почему-то тревожило его это превращение. Слишком сложным оно оказалось, и теперь это был уже вовсе не Верховный Маг, не мудрый наставник... Плата за стоянку и впрямь была высокой, и Ястреб ворчал, расплачиваясь с охраной, и продолжал ворчать, когда они с Арреном двинулись в город.

— Того гляди, лопнет мое терпение! — приговаривал он. — Надо же, еще и плати этому толстопузому за то, чтоб он за лодкой присматривал, когда и половинки заклятья хватит, чтобы сохранить ее в два раза лучше! Вот она, плата за маскарад... я ведь и нормальный-то язык совсем позабыл, так-то, племянничек!

Они шли по забитой народом вонючей пестрой улочке, по обеим сторонам которой тянулись лавчонки, чуть больше будки сторожа, так что владельцы их стояли в дверях, выложив наружу гору товаров, и во весь голос зазывали покупателей. Там продавались глиняные горшки и кувшины, чулки и шляпы, лопаты и заколки для волос, сумки, чайники, корзины, ножи, веревки, судовые снасти, гвозди и болты всех размеров, постельное белье — любая хозяйственная утварь, инструмент и снесь.

— Это ярмарка?

— А? — Незнакомый курносый тип рядом склонил к нему свою грязноватую голову.

— Это ярмарка, дядюшка?

— Ярмарка? Нет, что ты. Тут у них целый год такая ярмарка. Да не надо нам ваших пирожков с рыбой, сударыня! Я уже позавтракал!

Аррен тем временем пытался отделаться от сомнительного типа с подносом, уставленным какими-то маленькими бронзовыми

кувшинчиками. Торговец тащился за ним по пятам и ныл:

— Купи, посмотри, красавчик, они тебе понравятся и не подведут, а уж аромат! — в точности розы Нумимы: ни одна женщина не устоит. Попробуй-ка, юный повелитель морей, принц-красавчик...

В мгновение ока Ястреб оказался между Арреном и торговцем, грозно вопрошая:

— Что за снадобья?

— Это не снадобья! — скривился человек, пытаясь удрать. — Я снадобьями не торгую, шкипер! Только сиропы, чтобы усластить дыхание после выпивки или хази, только сиропы, мой повелитель! — Торговец шлепнулся прямо на камни мостовой; сосуды на его подносе зазвенели и загремели, а некоторые так качнулись, что капли вязкой густой жидкости, розовой или ярко-красной, выплеснулись наружу.

Ястреб отвернулся и, не говоря больше ни слова, повел Аррена дальше. Вскоре толпа поредела, а лавчонки стали на удивление жалкими. Оборванные хозяева их продавали то горсть погнутых гвоздей, то сломанный пестик, то старый чесальный гребень. Но эта нищета, как ни странно, угнетала Аррена меньше: раньше, на богатом конце улицы, он чувствовал, что вот-вот задохнется от невероятного, невысказанного количества товаров, от бесконечных воплей — купи! купи! Сильно подействовали на него и приставания продавца благовоний. Он вспоминал холодные чистые улицы своего родного северного города. «Никто в Бериле не стал бы так приставать к незнакомцу», — подумал он.

— Это какие-то сумасшедшие! — сказал он вслух.

— Сюда, племянничек, — сказал его спутник, не обратив на его слова ни малейшего внимания.

Они свернули в проход между двумя высокими красными глухими стенами каких-то домов, уступами поднимавшихся вверх по склону холма, прошли в какую-то арку, украшенную обвисшими драными флагами, и оказались на залитой солнцем площади — там был еще один рынок с точно такими же лавчонками и навесами, точно так же кишачий людьми и мухами.

По краям рыночной площади совершенно неподвижно сидели или лежали люди, мужчины и женщины. Рты у них были какие-то странные: черные, будто засохшие раны; и на губах кишели мухи, собираясь в грозди, похожие на засохший виноград.

— Как же их много! — тихо и торопливо проговорил Ястреб своим собственным голосом: видно, и он тоже был потрясен до глубины души. Но когда Аррен взглянул на него, то увидел лишь равнодушно-туповатое лицо

торговца Хока, которому на все это было наплевать.

— А что с этими людьми? Они больны?

— Это все хазия. Она утешает и дарит забвение, отпуская тело на волю из-под власти разума. Впрочем, и разум тоже обретает свободу... Вот только возвратившись в прежнее тело, требует все больше и больше хазии... И жажда эта становится все сильнее, а жизнь — все короче, ибо дрянь эта, хазия, — сущий яд. Сначала у человека начинают дрожать руки и ноги, потом наступает паралич, а вслед за ним — смерть.

Аррен посмотрел на одну из женщин, привалившуюся спиной к теплой стенке; женщина подняла было руку, чтобы отогнать мух, но рука вдруг описала в воздухе странный неровный круг, словно ее хозяйка совсем забыла о прежнем намерении, и непроизвольно задергалась, будто в судорогах наступающего паралича. Это чуть-чуть напоминало некоторые магические жесты, которыми сопровождается наложение заклятий, однако было совершенно лишено какого бы то ни было смысла.

Торговец Хок тоже смотрел на женщину, однако без особого волнения.

— Пошли! — сказал он.

И повел Аррена дальше через рыночную площадь к небольшой лавочке. Солнце просвечивало сквозь полосатую ткань натянутой над ее входом маркизы, и разложенные на продажу товары — одежда, шали, плетеные пояса — были покрыты разноцветными полосами, зелеными, оранжевыми, алыми, лазурными. Разноцветные солнечные зайчики плясали по стенам, ибо прическу дамы, вероятно хозяйки магазина, украшали многочисленные зеркала и высокий плюмаж. Дама была поистине гигантских размеров и густым голосом пела, зазывая покупателей:

— Шелка, сатины, холстины, меха, войлок, любая пряжа, шерстяные ткани с Гонта, тончайший газ с Соула, шелка Лорбанери! Эй, северяне, снимайте свои суконные кафтаны, вы что ж, не видите: солнце на небе! Гляньте-ка — разве не стоит такое отвезти домой в Хавнор да подарить своей девчонке? Вы посмотрите — вот южные шелка, тонкие, легкие, словно крылья бабочки!

И она ловкими своими руками раскинула перед путешественниками рулон воздушного шелка, нежно-розового с серебряной ниткой.

— Ой нет, госпожа, мы ведь женаты не на королевнах, — сказал торговец Хок, и голос женщины тут же сорвался на визг:

— Так во что ж вы там своих женщин одеваете, а? В мешковину, что ли? А может, в парусину? Жалкие вы людишки! Даже кусочка шелка не хотите купить своим бедняжкам, что вечно мерзнут в ваших северных

снегах! А вот как раз для них: прекрасная гонтийская шерсть, она их согреет в холодные зимние ночи! — И тетка швырнула на прилавок целую штуку шерстяной материи в кремово-коричневую клетку из той шелковистой козьей шерсти, которой славятся северо-восточные острова Земноморья. Фальшивый торговец Хок протянул руку, пощупал материю и улыбнулся:

— Ну конечно, ведь ты и сама небось с Гонта, а? — спросил он неожиданно глубоким голосом, голосом волшебника Ястреба, и голова женщины в гигантском уборе, качнувшись в знак согласия, послала тысячу разноцветных пятнышек на прилавок с раскинутой на нем тканью.

— Это андрадская работа, ясно? Здесь всего четыре нити основы на ширину пальца укладываются. А на Гонте — не меньше шести. Но лучше скажи-ка мне, что это ты вдруг свое колдовство забросила? Всякой ерундой торгуешь. Еще несколько лет назад, когда я прошлый раз заезжал сюда, то сам видел, как ты вызывала пламя, которое вырывалось у людей из ушей и превращалось потом то в птичек, то в золотые колокольчики. То была куда лучшая торговля, чем теперь.

— Никакая то была не торговля! — сердито сказала огромная женщина, и на мгновение Аррен перехватил ее взгляд — тяжелый и неподвижный. Глаза ее, напоминавшие темные агаты, внимательно следили за ним и Хоком из-под копны волос, качающихся перьев и путаницы сверкающих зеркал.

— Это было красиво — когда из ушей вылетало пламя, — грустновато, но совсем простодушно сказал торговец Хок. — Я-то надеялся племяннику своему показать...

— Ну вот что! Слушайте меня внимательно, — сказала женщина уже не так сердито, опираясь своими коричневыми ручищами и могучей грудью о прилавок. — Мы здесь больше такими штуками не занимаемся. Людям они не нравятся. Приелись. Теперь вот эти зеркала — мне кажется, ты и мои зеркала запомнил, — и она поправила свой головной убор так, что разноцветные солнечные зайчики стремительно заматались вокруг них, — ну, ими еще можно кого-то удивить, так они сверкают, да еще кое-какими словами и другими штуками, о которых я тебе не скажу. И человек в конце концов решает, что видит нечто такое, чего никогда еще не видывал, чего и на свете-то быть не может. Да и на самом деле нет, как не было и того пламени, и золотых колокольчиков или роскошных костюмов, в которые я любила наряжать моряков, — из золотой парчи, бриллианты величиной с абрикос... А они расхаживали в них, словно короли... Но то все были фокусы, обман. Людей обмануть ничего не стоит. Они как цыплята,

зачарованные змеей: их пальцем помани, они и подойдут. Да, в общем-то люди глупы, как куры. До них только потом доходит, что их просто-напросто обманули, и они начинают страшно злиться, вот подобные развлечения и перестают им нравиться. Я потому торговлей и занялась. Конечно, не все шелка здесь настоящие, не вся шерсть привезена с Гонга, да только они все равно будут это носить. Будут! Все это настоящее, не обман и не иллюзия, как те мои одежды из золотой парчи.

— Ну-ну, — сказал торговец Хок, — значит, во всем Хорте больше никого не осталось, кто сумел бы из чужих ушей пламя извлечь или еще какое чудо сотворить, как бывало?

При слове «чудо» женщина насторожилась, выпрямилась и начала аккуратно складывать шерстяную материю.

— Те, кому нужны лживые виденья, жуют хазию, — сказала она презрительно. — Вот с ними и говорите, если хотите! — И мотнула головой в сторону неподвижных фигур по краям площади.

— Но здесь ведь были и настоящие колдуны, из тех, что могли наполнить ветром парус или наложить охраняющее заклятье на грузы. Что же, и они все тоже в торговлю ударились?

Сильно разгневанная этими словами, толстая торговка заорала:

— Остался еще один, если вам так уж нужно; великий колдун, с волшебным посохом и все такое!.. Может, заметили его там, на площади? Когда-то он с самим Эгре плавал, заклинал для него ветры и отыскивал самые богатые галеры. Да только все это ложь, и капитан Эгре в конце концов наградил его по заслугам: оттяпал ему напрочь правую руку! Вот он и сидит там — поглядите-ка! — с полным ртом хазии и пустым брюхом. И все кругом ложь! Одна ложь! Вот тебе и вся магия, капитан Козел!

— Ну-ну, госпожа, — сказал торговец Хок мягко и терпеливо, — я ведь только спросил.

Но хозяйка лавки вдруг резко повернулась к нему спиной, так что кругом замелькала прямо-таки бешеная карусель из солнечных зайчиков, и Хок бочком, бочком выбрался на улицу. Аррен за ним.

Ястреб вовсе не испугался: совсем рядом с дверью лавчонки сидел, привалившись к стене и глядя в никуда, тот человек, на которого указала торговка. Когда-то темнокожее бородатое лицо его было, видимо, очень красивым. А теперь сморщенная безобразная культя правой руки была бесстыдно обнажена и лежала на камнях тротуара под ярким жарким солнцем юга.

Позади них в лавчонках возникла странная суматоха. Однако Аррену было не под силу отвести глаза от этого человека: мучительное очарование

охватило его.

— А он действительно был волшебником? — спросил он очень тихо.

— Вполне возможно, и он скорее всего тот, кого раньше звали Харе: он служил заклинателем погоды у знаменитого пирата Эгре... Ага, осторожней, Аррен! — Какой-то человек, на полной скорости вынырнувший откуда-то из гущи лавок, врезался в них и чуть не сбил с ног. Потом появился другой, тоже куда-то страшно спешивший, сгибаясь под тяжестью подноса на голове, где грудой были навалены всякие кружева, галуны и мотки тесьмы. Одна из будок вдруг с треском развалилась, и толпа бросилась расхватывать оказавшийся на улице товар. На рыночной площади уже образовались целые небольшие смерчи из людей, где-то дрались, кто-то отчаянно кричал, однако вопли и шум перекрывал пронзительный голос толстой торговли в шляпе с зеркалами; Аррен успел заметить, как она ловко отбивается чем-то вроде палки или хлыста от группы мужчин, нанося удары с уверенностью опытного фехтовальщика. Была ли это одна из обычных рыночных свар, переросшая во всеобщую потасовку, или организованное нападение воровской банды, или вспышка постоянной вражды между соперничающими кланами торговцев, сказать было трудно; люди мчались куда-то с полными руками чужого добра, а может, и собственного, которое они, хотя бы частично, пытались спасти. В ход шли не только кулаки, но и ножи; гвалт стоял невероятный.

— Вон туда, — сказал Аррен, указав на ближайшую боковую улочку, и поспешил к ней, ибо было совершенно ясно, что чем скорее они уберутся с площади, тем лучше. Однако волшебник схватил его за руку. Аррен оглянулся и увидел, что тот человек, Харе, пытается встать на ноги. Когда это ему наконец удалось, он немного постоял, покачиваясь, и, даже не посмотрев вокруг, двинулся по краю площади, здоровой рукой касаясь стен домов — словно надеясь на их поддержку.

— Следи за ним, — сказал Ястреб, и они пошли следом за Харе. Не встретив никаких препятствий, они уже через минуту благополучно выбрались с рыночной площади и стали спускаться по тихой узкой и извилистой улочке.

Крыши домов почти смыкались у них над головами, закрывая свет; камни под ногами были скользкими от помоев и отбросов. Харе довольно быстро шел все дальше и дальше, по-прежнему касаясь рукой стены, словно слепой. Они вынуждены были следовать за ним буквально по пятам, иначе вполне могли бы потерять его из виду на любом перекрестке. Арреном вдруг овладел азарт погони; все его чувства были обострены, словно во время охоты на оленей в лесах Энлада; он четко видел каждое

лицо, мелькавшее мимо, и явственно различал в сладковатой вони городских отбросов запахи пищи, горьковатый запах дыма и даже аромат цветов. Когда они пересекали одну из широких, заполненных народом улиц, он услышал барабанный бой и краем глаза успел заметить вереницу обнаженных мужчин и женщин, цепями прикованных друг к другу за руки и за талии; их спутанные волосы свисали клочьями. В следующее мгновение процессия уже скрылась из виду, а они, по-прежнему следуя за Харе, спустились по лестнице на небольшую площадь, совершенно безлюдную. Лишь несколько женщин судачили, стоя у фонтана.

Здесь Ястреб догнал Харе и положил руку ему на плечо. Харе съежился, будто ожидая удара, и отшатнулся; потом вдруг попятился к массивной двери одного из зданий, утопленной в стене. Там он остановился, весь дрожа и глядя на них невидящими глазами загнанной жертвы.

— Тебя, кажется, зовут Харе? — спросил Ястреб. Говорил он своим собственным голосом, по природе суховатым и резким, но сейчас звучащим почти нежно. Человек не отвечал, то ли не воспринимая, то ли просто не слыша вопроса. — Мне кое-что от тебя нужно, — сказал Ястреб. И снова не получил ответа. — Я тебе заплачу.

— Слоновой костью или золотом? — Реакция, впрочем, была довольно вялой.

— Золотом.

— Сколько?

— Настоящий волшебник знает цену своего заклятья.

Лицо Харе исказилось и на какое-то мгновение стало живым, но почти тут же его снова заволокло пеленой безразличия.

— Это все в прошлом, — сказал он. — В прошлом.

Приступ кашля согнул его пополам; он сплюнул черным. Потом наконец распрямился и стоял, весь обмякший, дрожащий, казалось, совсем забыв, о чем они только что говорили.

И снова Аррен, зачарованно наблюдая за ним, во всем видел какой-то особый смысл. Угол, куда забился Харе, был образован двумя выступающими из стены человеческими фигурами с согбенными под тяжестью фронтона плечами; их мускулистые тела выпирали из стены, словно гиганты пытались вырваться из этих каменных объятий, вернуться к жизни, но на середине пути потерпели неудачу. Дверь, охраняемая статуями, прогнила, петли были ржавыми, и весь дом, или скорее бывший дворец, буквально на глазах превращался в руины. Мрачные тяжеловесные лица гигантов были покрыты выбоинами и мхом. Между этими

невероятными громадами человек по имени Харе казался тощим и хрупким, и глаза его были так же темны, как окна опустелого дворца. Он протянул изуродованную руку к Ястребу и проныл:

— Подайте что-нибудь бедному калеке, господин...

Волшебник съежился, словно от боли или стыда; Аррен заметил, что на мгновение перед ним предстало подлинное лицо Ястреба, искаженное маской отвращения. Потом Верховный Маг снова положил руку на плечо Харе и что-то тихонько сказал на том самом волшебном языке, которого Аррен не понимал.

Зато понимал Харе. Он вцепился в Ястреба своей единственной рукой и, заикаясь, забормотал:

— Ты все еще можешь говорить на... на... Пойдем же со мной, пойдем...

Маг кивнул ему в ответ, глянув при этом на Аррена.

По крутым улочкам они спустились в одну из долин между тремя холмами, на которых раскинулся город Хорт. Улочки становились все уже, темнее, безлюднее. Светлая полоска неба казалась зажатой над головой крышами и стенами тесно стоящих домов, стены которых были почему-то сырыми... Это узкое каменное ущелье вывело их к небольшой речке или ручью, от которого воняло, как от сточной канавы. Через речку были перекинуты арки мостиков, по берегам беспорядочно толпились дома. В темную дверь одного из этих домов и нырнул Харе, вдруг пропав из виду, словно задутая в темноте свеча. Они последовали за ним.

Ступени неосвещенной лестницы скрипели и качались под ногами. На самом верху Харе толчком отворил какую-то дверь, и они смогли наконец оглядеться: пустая комната, в углу соломенный тюфяк, в стене единственное незастекленное окошко, закрытое ставнями и едва пропускавшее в комнату немного света.

Харе обернулся к Ястребу и снова схватил его за руку. Он шевелил губами, тщетно пытаясь что-то выговорить. Наконец, заикаясь, он произнес:

— Дракон... дракон...

Ястреб спокойно смотрел ему в глаза, не говоря ни слова.

— Не могу сказать! — Харе с отчаянием отпустил руку Ястреба и заплакал, скорчившись на полу.

Маг опустился рядом с ним на колени и о чем-то тихо заговорил словами Истинной Речи. Аррен стоял у закрытой двери, держа руку на рукояти ножа. Серый свет, грязная комната и двое мужчин, стоящих на коленях прямо на полу. И еще — странная тихая музыка слов того языка, на

котором говорят драконы. Все это вместе напоминало сон и, казалось, не имело ни малейшего отношения ни к тому, что происходит вне этих стен, ни к настоящему времени вообще.

Харе медленно поднялся. Единственной рукой отряхнул пыль с колен. Изуродованную руку он прятал за спину. Потом огляделся, внимательно посмотрел на Аррена: теперь он уже ясно видел то, что было вокруг. Потом быстро отвернулся и уселся на свой тюфяк. Аррен остался на страже, однако Ястреб с простотой, свойственной тем, чье детство протекало в такой же бедности, спокойно сел, скрестив ноги, прямо на голый пол.

— Расскажи мне, как ты утратил свое мастерство и позабыл Язык Созидания, — сказал он.

Некоторое время Харе не отвечал. Он начал беспокойно постукивать своей изуродованной рукой по бедру, все больше приходя в волнение, и, наконец, выговорил, как бы с трудом выталкивая слова наружу:

— Они отрезали мне руку. Я не могу больше плести заклятья. Они отрезали мне руку. Кровь вытекала, пока не иссякла...

— Но это было уже после того, как ты утратил свое могущество, Харе, иначе они просто не смогли бы этого сделать.

— Могущество...

— Могущество, которое позволяло тебе командовать ветрами и волнами морскими. И людьми. Ты называл их подлинными именами, и они подчинялись тебе.

— Да, я помню, что когда-то был жив, — сказал Харе тихим хриплым голосом. — И я знал нужные слова и подлинные имена...

— Разве теперь ты мертв?

— Нет. Жив. Жив. Только однажды я был драконом... Я не умер. Иногда я сплю. Сон ведь очень похож на смерть, всем это известно. Как и то, что мертвые во сне оживают, ходят... Они приходят к тебе, как живые, и говорят с тобой. Они приходят из царства смерти прямо в твои сны. Есть такой путь. И даже если пройти по нему очень далеко, все равно всегда можно вернуться назад. Можно вернуться. Ты тоже сможешь найти этот путь, если будешь знать, где искать его. И если захочешь уплатить цену.

— А какова цена? — Голос Ястреба проплыл в сумрачном свете, словно тень упавшего с дерева листа.

— Жизнь — что же еще? За счет чего же еще можно выкупить жизнь, кроме самой жизни? — Харе качался взад-вперед на своем тюфяке; в глазах его горел какой-то жуткий хитроватый огонек. — Видишь, — сказал он, — они могут отрезать мне руку. Могут отсечь мне голову. Но это неважно. Я все равно смогу найти путь назад. Я знаю, где искать. Только очень

могущественные люди могут пойти этим путем.

— Ты имеешь в виду волшебников?

— Да. — Харе заколебался, как бы пробуя несколько раз произнести нужное слово, но сделать этого не смог. — Могущественные люди, — повторил он. — И они должны... они должны отдать свое могущество. Уплатить цену.

Потом он погрузился в молчание, словно выражение «уплатить цену» наконец пробудило в нем цепь воспоминаний и способность соображать, и до него дошло, что он просто проболтался, вместо того чтобы продать свою тайну. Больше от него ничего добиться было нельзя, даже прежних невнятных намеков на «возвращение назад», в которых Ястреб почему-то усматривал некий смысл. Вскоре Верховный Маг решительно поднялся с пола.

— Ну что ж, половина ответа — все же лучше, чем ничего, — сказал он. — Впрочем, и плата тоже будет соответствующей. — Ловким жестом фокусника он извлек откуда-то золотой и бросил его на тюфяк рядом с Харе.

Харе схватил монету. Он смотрел то на нее, то на Ястреба, то на Аррена, и голова его странно подергивалась.

— Погодите, — заикаясь, проговорил он. Увидев золото, он утратил всякий контроль над собой и теперь снова самым жалким образом тщетно старался выговорить то, что хотел раньше. — Сегодня ночью, — сказал он наконец. — Ждите. Сегодня ночью. Хазия у меня есть.

— Мне она не нужна.

— Чтобы показать тебе... Чтобы показать путь. Сегодня ночью. Я возьму тебя с собой. Ты сможешь пройти туда, потому что ты... ты... — Он мучительно пытался выговорить нужное слово, пока Ястреб не договорил за него:

— Потому что я волшебник.

— Да! Так что мы можем... мы сможем попасть туда. На тот путь. Когда я сплю. Во сне. Понимаешь? Я возьму тебя с собой. Ты пойдешь со мной в... по тому пути.

Ястреб стоял, спокойно размышляя о чем-то, посреди этой мрачной мерзкой комнаты.

— Может быть, я и приду, — сказал он наконец. — Если мы придем, то жди нас ближе к полуночи. — Потом он повернулся к Аррену, и юноша тут же распахнул дверь, готовый побыстрее уйти.

После жилища Харе вонючая темная улочка казалась светлым садом. Они двинулись в верхний город самым коротким путем, по крутой

каменной лестнице, поднимавшейся меж поросших плющом стен. Аррен отдувался и фыркал, как морской лев.

— Уф! Неужели мы снова пойдем туда?

— Ну, если я не смогу добыть нужных сведений из менее опасного источника, то пойду. Похоже, нам готовят засаду.

— Но разве ты, господин мой, не защищен от воров и тому подобного?

— Защищен? — удивился Ястреб. — Что ты имеешь в виду? Ты что же, думаешь, что я хожу, весь опутанный заклетьями, как старуха, опасаясь ревматизма? У меня и времени-то на это не было. Я скрыл свое лицо, чтобы скрыть цель нашего путешествия; и это все. Мы и так можем позаботиться друг о друге. Но дело в том, что нам и впредь не удастся избегать опасных случайностей.

— Естественно, — сухо сказал Аррен, уязвленный и рассерженный. — Я к этому и не стремлюсь.

— Ну и очень хорошо, — невозмутимо и добродушно, хотя и чуточку насмешливо заключил волшебник, слегка охладив пыл своего юного спутника.

Аррен и сам удивился своей вспышке гнева; ему и в голову не приходило, что когда-нибудь он станет таким тоном разговаривать с Верховным Магом. С другой стороны, это вроде бы был и не совсем Верховный Маг, а какой-то торговец Хок: курносый нос, квадратные, плохо выбритые щеки... И голос какой-то странный — то так звучит, то этак; в общем, совсем непонятный человек, на которого и положиться-то нельзя.

— Разве есть какой-нибудь смысл в том, что наболтал этот Харе? — спросил Аррен. Ему ужасно не хотелось снова возвращаться в темную комнату на берегу вонючей речки. — Насчет того, что он и жив, и умер, и может вернуться, даже если ему отрежут голову?

— Не знаю, есть ли в этом смысл. Я хотел поговорить с волшебником, который утратил свое могущество. Он считает, что не утратил его, а отдал в уплату — в обмен. На что? Жизнь на жизнь, так он сказал. Могущество на могущество. Нет, я его не понимаю, но послушать его стоит.

Спокойная рассудительность Ястреба пробудила в душе Аррена стыд за самого себя. Ведь он вел себя капризно и нетерпеливо, как малый ребенок. Харе сначала заинтересовал его, но теперь, когда интерес к нему почти пропал, Аррен чувствовал лишь какое-то липкое отвращение, словно съел какую-то гадость. Он решил больше не заговаривать на эту тему, пока не возьмет себя в руки. И тут неожиданно поскользнулся на сбитых скользких ступенях и, чтобы не скатиться вниз, ухватился за камни руками.

— Да будь он проклят, этот вонючий город! — гневно воскликнул он.

И Верховный Маг ответил ему сухо:

— По-моему, это уже случилось.

И правда, в Хорте было неладно. Что-то дурное, болезненное чувствовалось даже в самом его воздухе, так что всерьез можно было предположить, что на городе лежит проклятье. Причем Хорт не то чтобы приобрел какое-то новое отвратительное качество, а скорее утратил что-то важное и ослабел, как от болезни, как от таинственной заразы, что проникает в душу каждого, кто сюда попадает. Даже тепло весеннего полуденного солнца было каким-то нездоровым — слишком сильной для марта была эта жара. Жизнь и суета кипели на площадях и улицах города, но в нем не чувствовалось ни порядка, ни процветания. Выбор товаров был беден, цены высоки, а рынки небезопасны как для продавцов, так и для покупателей: они прямо-таки кишели разнокалиберными ворами и бандитами. Женщины на улицах встречались редко, да и то больше группками. В городе как бы не существовало ни законов, ни правительства. Из бесед с самыми разными людьми Аррен и Ястреб скоро поняли, что здесь больше не существует ни городского совета, ни мэра. Одни представители прежних властей умерли, другие подали в отставку, кое-кого убили; город поделили между собой главари различных банд; портовая стража набивала себе карманы, терроризируя прибывающие в Хорт суда. В городе не осталось не только центральной власти, но — во всяком случае, так казалось — и самого центра, средоточия культурной и торговой жизни. И люди в нем, несмотря на неугомонную деятельность, суетились как-то бессмысленно. Ремесленники, похоже, совсем утратили желание работать как следует, и даже воры воровали только потому, что это было единственное, чему они были обучены. Все кипение жизни и яркая пестрота огромного портового города оказались как бы поверхностной пленкой, и стоило лишь приподнять ее за краешек, как становились видны многочисленные пожиратели хази, неподвижно сидящие вдоль улиц. Да и самая обычная, будничная жизнь тоже казалась ненастоящей — даже сами лица людей, даже звуки, даже запахи. Все это как бы исчезало порой — за тот долгий жаркий день, пока Ястреб и Аррен слонялись по городу, беседуя с его жителями; это случалось несколько раз: пропадали и краски, и звуки, исчезали полосатые маркизы, грязные прилавки, разноцветные стены, вся пестрота и живость портовой суеты как бы растворялась в невидимой дымке, и город превращался в призрак, в сон, пустой и ужасный в солнечном мареве.

Только ближе к вечеру, когда они забрались на самую вершину одного из холмов, чтобы передохнуть, этот мертвящий сон-кошмар отпустил их.

— В этом городе не будет удачи, — сказал Ястреб еще несколько часов назад, и теперь после долгих и бесплодных блужданий и разговоров с незнакомыми людьми он выглядел усталым и мрачным. Даже волшебная маска его как бы истончилась, и под внешностью грубовато-добродушного морского торговца стало проглядывать суровое темнокожее лицо совсем другого человека. Аррен так и не смог избавиться от раздражения, охватившего его еще утром. И сердито плюхнулся рядом с Ястребом на жесткую короткую траву на опушке небольшой рощицы. Деревья с темно-зелеными листьями были густо усыпаны бутонами красных цветов; некоторые цветы уже распустились. Отсюда видны были лишь черепичные крыши города, которые, громоздясь друг над другом, неровными ступенями спускались к морю. Широко раскинувшийся залив слабо голубел под весенним, подернутым дымкой небом, на горизонте сливаясь с ним. Все вокруг было расплывчатым, нечетким. Они сидели и смотрели на этот необъятный голубой простор. И душа Аррена постепенно как бы очистилась и вновь открылась навстречу окружающему миру, готовая славить его красоту.

Чуть поодаль они напились из небольшого ручейка; чистая родниковая вода струилась по коричневым валунам, сбегая сверху из чьего-то богатого сада. Аррен пил долгими глотками, потом сунул голову прямо под холодные струи. Наконец, утолив жажду, он выпрямился и продекламировал несколько строк из «Подвига Морреда»:

Восславьтесь, фонтаны Шелитха,
Вы, арфы серебряной струны.
Но именем я заклинаю:
Пусть славится вечно источник,
Что жажду мою утолил!..

Ястреб чуть посмеялся над ним, и самому Аррену тоже вдруг стало смешно. Он встряхнул головой, как собака, и брызги воды ярко вспыхнули в последних золотых лучах заходящего солнца.

Однако пора было уходить, покинуть этот благословенный уголок и снова спускаться на улицы города. Когда они поужинали в мерзкой забегаловке жареными в сале пирожками с рыбой, в воздухе уже сгущалась ночная тьма, быстро заполняя узкие улочки.

— Нам, пожалуй, надо идти, парень, — сказал Ястреб, и Аррен с надеждой спросил:

— К лодке?

Хотя знал, что вовсе не к лодке, а к тому дому над грязной рекой, в ту пустую, вонючую, отвратительную комнатенку.

Харе ждал их у входа.

Он зажег масляную лампу, чтобы осветить им путь, пока они поднимались по темной лестнице. Слабенькое пламя мигало и колебалось, и на стенах плясали огромные, быстро исчезающие тени.

Харе успел даже где-то раздобыть охапку соломы, чтобы гостям было на что сесть, однако Аррен все-таки уселся на голом полу возле двери. Дверь открывалась вовне, так что в принципе ему как сторожу лучше было бы усестся снаружи; но остаться на темной — хоть глаз выколи — лестничной площадке было выше его сил, а кроме того, ему хотелось заодно присматривать и за Харе. Внимание Ястреба, а также, возможно, и его силы будут отвлечены тем, что Харе расскажет или покажет ему; поэтому именно Аррену предстояло позаботиться о безопасности и вовремя распознать любой подвох.

Теперь Харе держался спокойнее и меньше дрожал; он вычистил зубы, умылся и поначалу разговаривал вполне здраво, хотя и возбужденно. Его глаза при свете лампы казались абсолютно темными и непроницаемыми, как у дикого зверя; белки почти не были видны. Он на полном серьезе уговаривал Ястреба непременно пожевать хазию.

— Я хочу взять тебя... взять тебя с собой. Мы должны пойти одним и тем же путем. И скоро я уже уйду, и неважно, готов ли ты. Так что хазия тебе надобна, если хочешь успеть за мной.

— Я думаю, что смогу пойти с тобой и без хази.

— Только не туда, куда я сейчас направляюсь. Это... не сделаешь с помощью заклятья. — Казалось, он не в состоянии произнести слово «волшебник» или «волшебство». — Я знаю, что ты можешь попасть в... в то... место, ты знаешь, за стеной... Но это не там. В то место ведет другая дорога.

— Если ты пойдешь первым, я смогу последовать за тобой.

Харе покачал головой. Его когда-то красивое лицо, теперь изъеденное хазией и временем, покраснело; он часто через плечо посматривал на Аррена, как бы включая его в общий разговор, хотя обращался только к Ястребу.

— Смотри: существуют ведь два типа людей, разве не так? Такие, как мы, и все остальные. Или... драконы и все остальные. Люди, не обладающие могуществом, живут только наполовину. Их вообще можно не принимать в расчет. Они не понимают того, что им снится, они боятся

темноты. Но другие, повелители людей, не боятся посещать владения тьмы. У нас есть для этого сила.

— До тех пор, пока мы помним подлинные имена вещей.

— Но имена не значат там ничего — вот ведь в чем самое главное, вот в чем! Дело вовсе не в том, что ты делаешь именно то, что тебе нужно, и понимаешь, что именно ты делаешь. Заклятья не помогут. Ты должен все это забыть, выбросить из головы. Тут-то и помогает хазия: ты забываешь имена вещей, предметы утрачивают для тебя свою форму, и ты попадаешь прямо в тот мир. Я намерен отправиться туда очень скоро, с минуты на минуту, так что если хочешь узнать путь, делай так, как я говорю. А я говорю, как Он. Ты должен властвовать над людьми, чтобы получить власть над жизнью. Ты должен решить загадку. Я мог бы назвать тебе имя... название... но что такое имя? Имя вообще нереально, не настолько реально, не навсегда... Драконы туда пойти не могут. Драконы смертны. И все тоже смертны. Я сегодня принял так много хазии, что тебе меня не догнать. Впрочем, это ерунда. Там, где я собьюсь с пути, меня поведешь ты. Помнишь, в чем секрет? Помнишь? Смерти нет. Нет смерти, нет! Нет потной постели и разваливающегося гроба, и не будет никогда. Никогда! И кровь высыхает, словно река, и исчезает. Нет страха. Нет смерти. Все имена исчезли, исчезли все слова, исчез страх. Покажи мне такое место, где я мог бы заблудиться, покажи мне, господин мой...

И этот задыхающийся горячечный бред все продолжался и продолжался; Харе словно распевал слова заклинания, только это было не заклинание, а нечто невнятное, лишенное смысла. Аррен слушал, вслушивался, изо всех сил старался понять. Ах, если бы только он мог понять! Ястребу придется поступить так, как говорит Харе, и на этот раз принять зелье, чтобы последовать за ним и выяснить, что это за тайна, о которой он не желает или не может сказать. Иначе зачем еще они здесь? Но тут Аррен перевел взгляд с искаженного дурманом лица Харе на профиль волшебника и понял, что тот, возможно, уже догадался, о какой тайне идет речь... Профиль его был тверд, словно выточенный из камня. Куда девался бесформенный курносый нос и добродушно-глуповатый вид? Торговец Хок исчез. На полу сидел великий волшебник, Верховный Маг Земноморья.

Голос Харе превратился в едва слышное бормотание; он сидел, скрестив ноги, и раскачивался. Лицо его выглядело совсем измученным, губы вяло обвисли. Сидя лицом к нему в слабом ровном свете масляной лампы, стоявшей на полу между ними, волшебник не произнес ни слова, просто взял Харе за руку и крепко держал ее в своих руках. Аррен даже не заметил, когда это произошло. В последовательности событий были как бы

некие провалы, провалы в небытие, какие-то временные пустоты. Прошло, по крайней мере, несколько часов, теперь скорее всего уже за полночь. А если он, Аррен, уснет, то не сможет ли и он последовать за Харе в тот его сон? И попасть в неведомое место по таинственному пути? А вдруг может? Теперь это казалось ему вполне возможным. Но он обязан охранять вход. Они с Ястребом почти не говорили об этом, но оба прекрасно понимали, что, заставив их вернуться сюда ночью, Харе явно задумал заманить их в западню: он ведь и сам когда-то был разбойником. Так что Аррен чувствовал, что обязан быть на страже, ибо пока душа волшебника совершает свое загадочное путешествие, тело его совершенно незащищено. Надо было быть последним дураком, чтобы оставить свой меч в лодке! Какой прок от его ножа, если дверь вдруг распахнется у него за спиной? Нет, он приготовится заранее: он будет очень внимательно слушать и непременно услышит любые шаги. Харе совсем умолк, оба они теперь погрузились в молчание, и весь дом был объят тишиной. В такой тишине никто не сможет подняться по шаткой скрипучей лестнице совершенно бесшумно. Аррен ведь может и на помощь позвать, если услышит какой-то подозрительный шум; он громко закричит, и тогда транс прервется. Ястреб вернется в этот мир и защитит себя и его, ударит волшебной молнией во врага... Когда Аррен садился у двери, Ястреб посмотрел на него; один лишь взгляд — но в нем было и одобрение, и доверие. И вот Аррен на страже. И никакая опасность не угрожает Ястребу, пока он на страже. Но так трудно, ужасно утомительно все время видеть лишь эти два застывших лица да крошечный жемчужный огонек лампы между ними на полу. Волшебник и Харе сидели совершенно неподвижно, в полном молчании, глаза их были открыты, но ничего не видели — ни тусклого света, ни грязной комнаты, ни этого мира. Перед ними был сейчас какой-то совсем иной мир — то ли страна снов, то ли царство смерти... Трудно было только смотреть на них и не попытаться пойти следом...

Там, в бескрайней темной пустыне, стоял некто и звал его, Аррена. «Иди», — говорил он, этот высокий повелитель теней, и в руке его горел крошечный огонек, не больше жемчужины, и он протягивал огонек Аррену, предлагая ему жизнь. Аррен медленно сделал один шаг и пошел к нему.

Рот у него совершенно пересох. В нем чувствовался вкус пыли. Губы были покрыты грязной коркой.

Не поднимая головы, он следил за игрой теней на полу. Тени были большие, они двигались и останавливались, раздувались и съеживались, а более мелкие и слабые метались по стенам вокруг и по потолку, словно передразнивая большие. Одна из теней застыла в углу, другая неподвижно лежала на полу. Обе ни разу не пошевелились.

В затылке возникла острая боль. И сразу, как бы озаренное внезапной вспышкой, в мозгу пронеслось воспоминание: Харе, скрючившийся в углу; Ястреб, распростертый на полу, и человек, склонившийся над ним; другой человек собирал золотые монеты, а третий стоял на страже. У этого третьего в руках была лампа и кинжал — кинжал Аррена.

Если они и говорили что-то, то он их не слушал. Он слушал лишь собственные мысли, которые сразу и весьма решительно подсказали ему, как поступить. Он тут же послушался. Очень медленно прополз вперед шага на два, дотянулся левой рукой до мешка с награбленным, потом вскочил на ноги и с диким воплем ссыпался вниз по шатким ступеням, ни разу даже не оступившись в кромешной тьме, даже не чувствуя лестницы под ногами, словно не бежал, а летел по воздуху. Вырвался на улицу, что было сил рванулся вперед и исчез в ночи.

Дома темными громадами высились на фоне неба. Звездный свет слабо поблескивал на речной воде справа от него, и хотя он не мог разобрать, куда ведут улицы, но вполне различал перекрестки, сворачивал там и путал след. Они упорно преследовали его; он слышал их сзади, даже довольно близко. Они были босиком, так что их тяжелое дыхание он слышал более отчетливо, чем шаги. Он бы, пожалуй, засмеялся, только времени не было. Теперь он наконец узнал, каково это — быть загнанной жертвой, а не охотником во главе забавляющейся оравы. Чтобы уйти, нужно было остаться в одиночестве и на свободе. Он резко свернул вправо и, чуть помедлив, перемахнул через бортик очередного моста, потом скользнул на боковую улочку, за угол, назад к реке и какое-то время бежал вдоль берега, а потом по следующему мосту перебрался на другой берег. Башмаки его громко стучали по мостовой — единственный звук во всем спящем городе; он немного задержался на мосту, пытаясь расшнуровать и

снять ботинки, но шнурки затянулись в узел, а преследователи по-прежнему шли по пятам. Фонарь на мгновение мелькнул на противоположном берегу, и тихие тяжелые шаги бандитов снова стали приближаться. Он не мог совсем оторваться от них, он мог лишь бежать все дальше и дальше, заставляя их догонять себя, уводя их подальше от той пыльной комнаты, уводя их от нее далеко-далеко... Они успели снять с него куртку, ремень вместе с кинжалом, и он остался в одной рубашке, ему было легко и жарко, голова кружилась, и боль в затылке резко вспыхивала при каждом шаге, но он бежал, бежал, бежал... Тяжелый мешок мешал ему. Он резко отшвырнул его в сторону: один золотой с чистым звоном покатился по камням мостовой. «Вот ваши деньги!» — крикнул он хрипло, задыхаясь. И побежал дальше. И тут вдруг улица кончилась. Не было ни перекрестка, ни звезд впереди — глухой тупик. Не останавливаясь, он развернулся и помчался прямо на своих преследователей. Фонарь у него перед глазами метался как бешеный, и Аррен что-то вызывающе орал, когда столкнулся с ними лицом к лицу.

Перед ним туда-сюда качался фонарь, слабое пятно света в огромном море шевелящейся серости. Он долго смотрел на него. Потом свет стал слабеть: чья-то тень закрыла его, а когда тень исчезла, фонарь больше уже не горел. Ему было немного жаль, что фонарь потух; а может быть, жаль самого себя, потому что теперь пора было просыпаться.

Фонарь, уже потушенный, по-прежнему свисал с мачты. Вокруг был только океан, освещенный восходящим солнцем. Бил барабан. В такт ему тяжело скрипели весла; деревянная обшивка судна плакала и стонала на тысячу ладов; какой-то человек на носу, обернувшись, отдал приказание матросам. Все те, кто был скован одной цепью с Арреном, молчали. У каждого железный обруч на талии и наручники на запястьях были с помощью короткой тяжелой цепи соединены с оковами соседа; железный пояс к тому же был дополнительно прикреплен цепью к скобе в палубе, так что можно было только сидеть или лежать скрючившись, но не стоять. Впрочем, они сидели так тесно, что лечь тоже было невозможно. Небольшой трюм судна был прямо-таки забит рабами. Аррен оказался в переднем углу, у самого выхода. Если он чуть выше приподнимал голову, то видел поручни, трап и край палубы шага в два шириной.

Он не слишком хорошо помнил, что произошло прошлой ночью после погони и ее бесславного конца в уличном тупике. Он дрался, его сбили с ног, превратили в отбивную, а потом куда-то долго тащили. Он запомнил голос одного из бандитов, вернее, какой-то странный шепот. Потом они

оказались в помещении, напоминавшем маленькую кузницу, в горне ярко горел огонь... Вот, пожалуй, и все, что он мог вспомнить. Однако понимал, что находится на рабовладельческом судне, что его везут на продажу.

Ему, в общем-то, было все равно. Слишком мучила жажда. Все тело болело, а голова просто раскалывалась. Когда взошло солнце, яркие лучи, словно стрелы, вонзились ему в глаза, причиняя нестерпимую боль.

Где-то ближе к полудню им дали по куску хлеба и напиток — по одному глотку из огромного кожаного бурдюка, который по очереди подносил к их губам человек с тяжелым резким лицом. Шея его была перехвачена широким позолоченным ремнем, напоминавшим собачий ошейник, и когда Аррен услышал, как он говорит, то узнал странный шепчущий голос ночного налетчика.

Питие и еда принесли некоторое облегчение; в голове прояснилось. Аррен впервые осмотрелся, разглядел лица своих товарищей по несчастью — троих в его ряду, четверых сзади. Они большей частью сидели, положив голову на согнутые колени; один совсем скрючился: то ли был болен, то ли наелся хазии. Ближайший сосед Аррена оказался парнем лет двадцати с широким плоским лицом.

— Куда они везут нас? — спросил его Аррен.

Парень посмотрел на него — лица их почти соприкасались — и ухмыльнулся, пожав плечами. Аррен подумал, что он, наверно, тоже этого не знает, но парень качнул скованной рукой, как бы подзывая поближе, и, разинув все еще ухмыляющийся рот, показал туда, где должен был быть язык: там зияла пустота и виден был только черный корень.

— Наверно, в Шоул, — сказал один из пленников позади Аррена, а другой подхватил:

— Или на рынок в Амруне.

И тут же вездесущий человек в ошейнике свесился в трюм и прошипел:

— А ну тихо, не то акулам на обед пойдете!

И все тут же умолкли.

Аррен попытался вообразить себе эти города — Шоул, Амрун. Там на рынках продают и покупают рабов. Их, наверно, выстраивают перед покупателями, как волов или баранов у них в Бериле. И он тоже будет стоять там, закованный в цепи. Кто-то купит его, отведет к себе домой, ему будут отдавать приказания, и он, конечно, откажется подчиняться. Или подчинится, но попытается бежать. И тогда его убьют. Убьют, впрочем, в любом случае. И даже не то чтобы он всем сердцем заранее возмущался при мысли о предстоящем рабстве — нет, он был для этого слишком слаб и

растерян; просто он знал, что не сможет быть рабом, а потому в течение одной-двух недель все равно умрет или будет убит. Он воспринимал это как реальность, и все-таки ему стало страшно, так страшно, что он решил больше не думать о будущем. И уставился в пол, разглядывая черные подгнившие доски; а жаркие солнечные лучи жгли его обнаженные плечи, и нестерпимая жажда иссушала рот и горло.

Село солнце. Спустилась ночь, ясная и холодная. С небес смотрели пронзительные глаза звезд. Стоял полный штиль, и барабанный бой, словно медленные удары сердца, задавал ритм гребцам. Ночью страшнее всего оказался холод. Лишь спине Аррена доставалось чуточку тепла из-за уткнувшихся в нее ног соседа сзади, а левому боку — от немного парня, который сидел сгорбившись и мычал на одной ноте какую-то странную мелодию. Сменились команды гребцов, снова начал бить барабан. Аррен мечтал о темноте, но уснуть никак не мог: все тело болело, а сменить позу было невозможно. Он сидел, страдая от боли и дрожа от холода, с опухшей пересохшей глоткой, уставившись на звезды, что покачивались на небе в такт усилиям гребцов, на мгновение замирали, и снова начинали покачиваться, и снова замирали...

Возле трюма у мачты остановились двое — человек в ошейнике и еще кто-то; маленький фонарь, висевший над ними, отбрасывал на палубу их тени.

— Туман, будь он неладен! — послышался ненавистный свистящий шепот человека в ошейнике. — Откуда, скажи мне, туман в Южном Пределе в такое время года? Ах, чертово невезенье!

Барабан продолжал отбивать ритм. Звезды покачивались, скользили, останавливались. Рядом с Арреном человек с вырванным языком вдруг резко вздрогнул и, подняв голову, испустил леденящий душу нутряной вопль: ему, видно, приснилось нечто ужасное.

— Эй, тихо там! — проревел второй человек из тех, что стояли у мачты.

Немой еще раз вздрогнул и затих, только жевал во сне деснами. Звезды, как бы украдкой, соскользнули с небес вперед, в пустоту. Мачта странно заколебалась и скрылась из виду. На спину Аррену, казалось, уронили ледяное серое одеяло. Барабанщик сбился, потом восстановил ритм, но более медленный.

— Плотный, как пахта! — сказал кто-то грубым голосом прямо над головой Аррена. — Эй, там, гребите как следует! Здесь никаких мелей нет! — Мозолистая, покрытая шрамами нога появилась из тумана, какое-то время повисела в воздухе перед носом у Аррена и исчезла.

В таком тумане двигаться вперед не имело смысла, надо было только удерживаться на месте, едва шевеля веслами. Рыдания барабана чуть стихли. Было сыро, промозгло. Влага от оседавшего на волосах Аррена тумана стекала ему в глаза; он пытался поймать капли языком, разинутым ртом хватая влажный воздух и стараясь хоть как-то утолить нестерпимую жажду. Зубы у него стучали от холода. Ледяная цепь касалась бедра, обжигая, как огонь. Барабан тихо бормотал, пока не смолк совсем.

— Эй, барабанщик! В чем дело? — просвистел в наступившей тишине знакомый сиплый шепот. Ответа не последовало.

Судно слегка покачивалось на спокойной воде. За едва различимыми перилами трапа не было видно ничего: пустота. Что-то стукнулось в темноте о борт корабля. В мертвой тишине стук этот показался довольно громким.

— На мель сели, — сказал кто-то из пленников шепотом, и шепот его растворился в тумане.

Потом туман вдруг начал светиться, словно где-то внутри его расцветал невиданный яркий цветок. Теперь Аррен отчетливо различал головы скованных с ним одной цепью людей и даже мелкие капельки влаги, осевшие на их волосах. Снова судно качнулось, и он настолько, насколько позволяли оковы, вытянул шею, пытаясь разглядеть, что происходит на палубе. Туман светился над судном, как полная луна, чуть прикрытая легким облачком. Свет был такой же — холодный и ясный. Гребцы застыли, как каменные изваяния. Члены команды собрались на корме, чуть поблескивая глазами. У левого борта в полном одиночестве стоял человек, от которого исходило это загадочное свечение — светились его руки, лицо, а посох сверкал, словно расплавленное серебро.

У ног светящегося человека скрючилась какая-то странная темная фигура.

Аррен попытался заговорить и не смог. Окутанный великолепием света, Верховный Маг подошел к нему и опустил на колени. Аррен ощутил прикосновение его рук, услышал его голос, почувствовал, как пали оковы. По всему трюму слышался звон падающих цепей. Но ни один человек не двинулся с места; Аррен хотел было встать и не смог: он совершенно заковенел, руки и ноги одеревенели и отказывались слушаться. Верховный Маг крепко сжал его руку, и, чувствуя эту помощь, Аррен кое-как выполз из трюма и рухнул на палубу.

Верховный Маг отошел чуть в сторону; туманное великолепие света коснулось лиц неподвижных гребцов. Он остановился возле той черной фигуры, что скрючилась у самого входа в трюм.

— Я никогда никого не наказываю, — тяжело прозвучал его ясный и холодный голос, похожий на этот волшебный светящийся туман. — Но во имя справедливости, Эгре, я возьму на себя этот грех: да будет язык твой нем, пока ты не отыщешь такое слово, которое стоило бы произнести вслух!

Волшебник повернулся к Аррену и помог ему встать на ноги.

— Пойдем-ка, сынок, — сказал он, и Аррен с его помощью как-то двинулся вперед и полупрополз-полуперевалился в лодку, что покачивалась на воде у борта корабля: это была их «Зоркая», и парус ее белел в тумане, как крыло бабочки.

По-прежнему стояла полная тишина и безветрие; свет погас, лодка повернулась и скользнула в сторону. Почти сразу же сама галера, неяркий фонарь на ее мачте, неподвижные гребцы, высокий темный борт скрылись из виду. Аррену показалось, что он слышит позади крики, но звуки были настолько слабыми, что вскоре потонули во тьме. Чуть позже туман начал рассеиваться, расползаться. Его разносил ночной ветерок. Над ними вновь было чистое ночное небо, а «Зоркая» бесшумно, словно летящая бабочка, понесла их по морю под яркими звездами.

Ястреб укутал Аррена в одеяла, дал ему воды и сел рядом, положив руку на плечо юноши; и тут вдруг Аррену страшно захотелось плакать. Волшебник не говорил ни слова, но такая нежность и спокойствие исходили от него, таким теплым было прикосновение его руки, что постепенно Аррена охватил покой. Ему было тепло, лодка мягко покачивалась, на сердце становилось легче.

Он взглянул вверх, на своего спутника. Его темнокожее лицо больше не светилось неземным светом и на фоне звездного неба было едва различимо.

Лодка плыла и плыла, гонимая волшебным ветром. Волны, словно чем-то удивленные, перешептывались у ее бортов.

— Кто этот человек в ошейнике?

— Лежи спокойно. Морской разбойник, Эгре. Он носит этот ремень, чтобы скрыть шрам на глотке, которую ему однажды перерезали. Похоже, он пал так низко, что из пирата превратился в работоторговца. Но на этот раз он остался в дураках. — В спокойном суховатом голосе послышались удовлетворенные нотки.

— Как ты нашел меня?

— Волшебство, еще кое-что... Я слишком много потерял времени. Мне не хотелось, чтобы все видели, как Верховный Маг и Хранитель острова Рок таскается по трюцобам Хорта. И я все еще жалею, что не

удалось до конца сохранить то мое обличье. Мне пришлось сначала выследить одного, потом другого, и когда, наконец, я обнаружил, что корабль работорговцев отплыл еще до рассвета, то попросту вышел из себя. Взял «Зоркую», поднял ветер, поскольку стоял полный штиль, и покрепче замкнул весла всех судов в заливе — ненадолго! Пусть-ка теперь попробуют объяснить, что с ними произошло, если все волшебство, с их точки зрения, сплошная ложь! Но я был зол и слишком спешил, а потому проскочил мимо корабля Эгре, который двигался не прямо на юг, а чуть восточнее обычного курса — чтобы обойти отмели. Все, что делал я в тот день, получалось отвратительно. Нет в городе Хорте удачи... Ну ладно, в конце концов я сотворил заклятье, помогающее найти утерянное, и в темноте настиг судно Эгре. Может, все-таки теперь поспишь?

— Нет, мне хорошо, я и чувствую себя куда лучше! — Озноб у Аррена сменился легким жаром, и он действительно почувствовал себя значительно лучше; несмотря на общую слабость, голова работала хорошо, мысли легко перескакивали с одного предмета на другой. — А как ты очнулся ото сна? И что случилось с Харе?

— Меня разбудил утренний свет; и, к счастью, — всего лишь с тяжелой головой: у меня за ухом здоровенная опухоль длиной с огурец и приличная дырка. Харе по-прежнему был в забытии.

— Я плохо стерег...

— Но не потому, что уснул.

— Нет, — Аррен колебался, — я был... это было...

— Ты был там впереди меня; я тебя видел, — сказал Ястреб странным тоном. — Именно поэтому им и удалось застать нас врасплох и порубить, словно ягнят на бойне, да еще золото прихватить, одежду и раба, за которого можно было взять высокую цену. Это они за тобой охотились, парень. За тебя на рынке рабов в Амруне можно получить столько, сколько стоит хорошая ферма.

— Они не очень сильно стукнули меня. Я успел очнуться. Уж они у меня побегали! Я рассыпал украденное ими золото по всей улице, прежде чем они загнали меня в угол. — Глаза у Аррена сверкали.

— Так ты очнулся еще там... и побежал? Но почему?

— Чтобы увести их от тебя. — Изумленный тон Ястреба больно задел его, и он сердито добавил: — Я думал, они охотятся за тобой. Боялся, что тебя могут убить. Я сперва дотянулся до мешка с награбленным, а потом заорал изо всех сил, чтобы они заметили, и бросился бежать. И они, конечно, вдогонку.

— О да... еще бы им не побегать! — Вот и все, что сказал в ответ

Ястреб. Ни словечка похвалы. Впрочем, некоторое время волшебник сидел, задумавшись, а потом вдруг спросил: — А тебе не приходило в голову, что я, возможно, был в тот момент уже мертв?

— Нет.

— Сначала убей, потом ограбь — так ведь безопаснее.

— Я об этом не думал. Я думал только о том, как увести их от тебя.

— Почему?

— Потому что ты, наверно, смог бы защитить нас, вытащить нас обоих из этой истории, если бы успел прийти в себя. Или, по крайней мере, сам бы смог как-нибудь выпутаться из этого. Я стоял на страже и недоглядел. Вот и надо было исправить свою оплошность. Ведь это тебя я охранял, сидя у двери. И во всем этом деле ты главный, а я — всего лишь подручный; я нужен, например, для того, чтобы стоять на страже или для чего-нибудь еще в этом роде — в общем, что ты прикажешь; в конце концов, именно ты поведешь нас к цели, именно ты сможешь попасть туда, куда мы должны попасть — где бы это место ни находилось, — и только ты сможешь исправить то, что было нарушено.

— Да? — спросил волшебник. — Впрочем, и я так думал до прошлой ночи. Я считал, что у меня есть послушный спутник, который пойдет за мной куда угодно. Однако это я последовал за тобой, сынок. — Голос его звучал холодно и, пожалуй, чуть иронично. Аррен не знал, что сказать. Он совсем растерялся. Он полагал, что его оплошность — то, что на посту он то ли заснул, то ли впал в какой-то транс, — вряд ли можно искупить отчаянной попыткой отвести разбойников от Верховного Мага, едва не стоившей ему, Аррену, жизни. Однако теперь оказывалось, что попытка эта как раз и была глупостью, тогда как впадение в транс в самый неподходящий момент оказалось на удивление мудрым.

— Прости меня, господин мой, — сказал он наконец непослушными губами, снова с трудом сдерживая слезы, — прости, что я подвел тебя. А ты еще спас мне жизнь...

— А ты, возможно, мне! — резко возразил волшебник. — Кто знает? Они вполне могли бы перерезать мне горло, если бы... И давай больше не говорить об этом, Аррен. Я рад, что ты снова со мной.

Он вытащил из рундука маленькую походную жаровню, раздул угли и стал что-то готовить. Аррен лежал и смотрел на звезды, постепенно успокаиваясь. Мысли переставали метаться как бешеные. И понемногу он начал понимать, что сделанное им или, наоборот, несделанное не получит никакого осуждения. Он что-то сделал, и Ястреб принял это как свершившийся факт. «Я никого никогда не наказываю», — холодно бросил

он этому Эгре. Он ни кого и не награждал. Но бросился что было мочи вдогонку за Арреном по ночному морю, отдав ради него всю силу своего волшебства; и снова поступит так, если понадобится. Он из тех, на кого можно положиться всегда, из тех, от кого зависит твоя жизнь.

И он стоял той великой любви, которую испытывал к нему Аррен, и великой его веры. И прежде всего именно потому, что сам доверял Аррену полностью. То, что делал Аррен, и для него было правильным.

Ястреб повернулся к юноше, протягивая кружку исходящего паром горячего вина.

— Может быть, это поможет тебе уснуть. Смотри, язык не обожги.

— А откуда взялось вино? Я что-то не видел на борту бурдюка с ним...

— На «Зоркой» куда больше всего, чем кажется на первый взгляд, — сказал волшебник, присаживаясь рядом, и Аррен услышал в темноте его короткий и почти беззвучный смешок.

Он сел и стал пить вино. Оно было очень вкусным и пробуждало силы в душе и теле.

— А куда мы плывем теперь? — спросил минуту спустя Аррен.

— На запад.

— А куда ты ходил с Харе?

— Во тьму. Я не терял его из виду, но он сам заблудился. Он скитался по внешним границам в бесконечной путанице полубреда-полукошмара. Душа его плакала, словно птица, в тех ужасных местах: так далеко в море кричат чайки. Он нас никуда привести не может. Он утратил путь навсегда. Ибо, каково бы ни было когда-то его волшебное мастерство, пути перед собой он никогда не видел; он видел лишь самого себя.

Аррен не все понял из сказанного, но ему и не хотелось понимать все. Особенно теперь. Он и сам немножко зашел в эту «тьму», про которую говорил волшебник, и ему не хотелось об этом вспоминать; она не имела к нему никакого отношения. Он ведь действительно тогда не хотел спать, пока «тьма» не привиделась ему словно во сне, пока высокий человек, похожий на тень, державший в руках светящуюся жемчужину, не начал шепотом звать его: «Пойдем».

— Господин мой, — сказал Аррен, стараясь побыстрее избавиться от этих воспоминаний, — скажи...

— Спи! — ответил ему Ястреб мягко, но настойчиво.

— Я не могу спать, господин мой. Мне хотелось бы знать, почему ты не освободил остальных рабов?

— Освободил. Я никого не оставил прикованным к этому судну.

— Но люди Эгре вооружены! Вот если бы ты их связал...

— Ах так! Если бы я их связал? Их всего-то там было шестеро. Гребцы были такими же, как ты, рабами, закованными в кандалы. Эгре и его команда теперь, наверно, уже мертвы или сами закованы в цепи и будут проданы в рабство; но я предоставил им возможность драться или заключить сделку. Я пленных не беру.

— Но ты же знаешь, сколько зла они совершили...

— Что же, и мне в таком случае следовало им уподобиться? Последовать их дурному примеру? Я не стану решать за них, что им делать, но не позволю никому, и им тоже, решать это за меня.

Аррен молчал: эти слова в очередной раз поставили его в тупик. Волшебник вскоре заговорил вновь, и голос его звучал мягче:

— Видишь ли, Аррен, наши поступки вовсе не похожи — как полагает большинство молодых людей — на камень, который можно поднять с земли, бросить, и он либо попадет в цель, либо пролетит мимо. На чем его полет и закончится. Когда камень поднимают, земля становится чуть легче, рука же, что держит его, тяжелее. Брошенный кем-то камень изменяет траектории звезд, и в зависимости от того, попадет ли он в цель или пролетит мимо, соответственно изменяется Вселенная. От каждого нашего действия зависит равновесие всего сущего. Ветры и моря, сила воды, сила земли и сила света, как и все, что творят эти силы, и все, для чего существуют звери и растения, все это задумано хорошо и правильно. И все эти силы действуют как бы внутри Мироздания, все они связаны Великим Равновесием. Ураганы и фонтаны воды, которые выбрасывает плывущий кашалот, падение на землю сухого листа и полет мухи — все это тесно связано с равновесием целого мира. И постольку поскольку нам дана сила повелевать миром и друг другом, мы непременно должны научиться поступать так, как в соответствии со своей природой поступают сухой листок, кит и ветер. Мы должны научиться хранить Равновесие. Обладая разумом, мы не должны совершать неразумных поступков. Обладая выбором, мы не должны поступать безответственно. Кто я такой — хотя и обладаю вполне достаточным могуществом, — чтобы кого-то наказывать или награждать, играя судьбами людей?

— Но тогда, — сказал юноша, по-прежнему глядя на звезды, — может быть, Равновесие лучше всего сохранить, не делая ничего? Конечно же, человек должен действовать, даже не зная всех последствий своих поступков! Если вообще в этом мире что-то должно быть сделано.

— Не беспокойся об этом. Человеку значительно легче совершить поступок, чем от него удержаться. Мы будем по-прежнему совершать добрые и злые деяния... Но если бы нами всеми снова правил истинный

король, который искал бы совета у магов — как то случилось в давние времена, — и я был бы тем магом, то я сказал бы ему: «Господин мой, не делай ничего из того, что кажется тебе правильным, заслуживающим похвалы или благородным; ничего не делай из того, что считаешь полезным; делай только то, что ты должен сделать, и то, что ты не можешь сделать никак иначе».

Что-то в голосе волшебника заставило Аррена посмотреть на него. Ему показалось, что снова от лица его исходит сияние; он увидел ястребиный нос, покрытую шрамами щеку, неукротимый взгляд темных глаз... Аррен смотрел на него с любовью и страхом, думая: «Он слишком высок для меня». Однако пока он в упоении не сводил с волшебника глаз, ему стало ясно, что это вовсе не волшебный огонь, не холодный отсвет великого могущества, которое явственно ощущалось в каждой чеканной черточке этого лица, но самый настоящий рассвет: наступило утро, принесся обычный свет наступающего дня. И это была куда большая сила, чем та, которой обладал Верховный Маг. А годы оказались не более добры к нему, чем к любому другому: резкие тени на его лице оказались морщинами, и он все больше выглядел усталым в разгорающемся свете зари. Потом зевнул...

Продолжая смотреть, удивляться и раздумывать надо всем увиденным и услышанным, Аррен наконец уснул. Но Ястреб сидел возле него и смотрел, как занималась заря, как вставало солнце — так порой изучают сокровищницу, чувствуя, что в ней чего-то не хватает; так рассматривают трещину в драгоценном камешке; так смотрит отец на своего заболевшего ребенка.

Ближе к полудню Ястреб велел волшебному ветру улечься, и лодка пошла своим ходом. Природный ветер, что несильно дул в юго-западном направлении, наполнил ее паруса. Справа вдали проплыли холмы южного Уотхорта и растаяли, превратившись в невысокие голубые волны тумана среди настоящих морских волн.

Когда Аррен проснулся, море, точно в корзине из золотистых солнечных лучей, лежало под куполом горячего полуденного неба — безбрежные воды под бесконечно льющимся светом. На корме сидел Ястреб в одной короткой набедренной повязке и каком-то подобии тюрбана из парусины. Он негромко напевал что-то, отбивая ритм ладонью по скамье. Ритм был легкий, хотя и несколько монотонный. Песня его не имела ни малейшего отношения к волшебным заклятиям или сказаниям о героях древности или великих королях; это был всего лишь веселый речитатив, набор всякой чепухи — такую песенку может сочинить любой мальчишка-пастух, лениво присматривая за козами в долгий летний полдень, забравшись высоко в горы Гонта и сидя там в полном одиночестве.

Над поверхностью моря взлетела рыбка и довольно далеко пронеслась по воздуху на жестких дрожащих плавниках, раскрывшихся, словно крылья стрекозы.

— Вот мы и в Южном Пределе, — сказал Ястреб, закончив песню. — Это самая странная часть Земноморья, здесь рыбы летают, а дельфины поют — так, во всяком случае, говорят. Но вода, вообще-то, очень теплая — хорошо бы искупаться, а с акулами отношения у меня вполне добрые. Смой следы грязных рук работорговцев со своего тела, сынок!

У Аррена болела каждая мышца, и он едва двигался. К тому же плавал он плоховато, ибо море близ Энлада очень холодное, так что купание там скорее напоминает сражение, а не удовольствие. В ледяных волнах очень быстро устаешь. Здесь вода была куда более синей, чем в Энладе, и сначала она тоже показалась ему холодной, потом стало хорошо и приятно. Вода как бы вымыла боль из его тела. Он плескался у самого борта «Зоркой», ныряя, как морской змей, и поднимая фонтаны брызг. Ястреб присоединился к нему и плавал, уверенно загребая руками. Послушная и надежная, «Зоркая» ждала их, белокрылая на сверкающей воде. Какая-то

рыбка пролетела по воздуху. Аррен погнался за ней. Она нырнула, снова выпрыгнула — то ли плывя в воздухе, то ли летя в воде — позади юноши, как бы догоняя его.

Аррен, гибкий, покрытый золотистым загаром, купался и играл в море и солнечных лучах, пока солнце не спустилось за край моря. Темнокожий сухощавый Ястреб вел себя более сдержанно; он тоже много и с удовольствием плавал, однако успевал и держать лодку по курсу, и ладить навес из парусины, и с неподдельной нежностью смотрел, как плавает его юный спутник наперегонки с летучими рыбками.

— Куда мы плывем теперь? — спросил Аррен уже совсем поздним вечером, после ужина. Когда, от души наевшись солонины и сухарей, он снова начинал погружаться в сладостную дремоту.

— На Лорбанери, — ответил Ястреб, и это мягкое сплетение звуков в совершенно незнакомом слове было последним, что услышал Аррен, погружаясь в сон, так что сны его в ту ночь сначала сплетались вокруг этого «Лорбанери». Ему снилось, что он движется среди волн чего-то мягкого, нежного, окрашенного в светлые тона — это были то ли какие-то хлопья, то ли нити розового, золотого, лазоревого цвета; сам же он был охвачен каким-то глупым счастьем, и кто-то сказал ему: «Это шелковые поля Лорбанери, где никогда не бывает тьмы». Но позже, во вторую половину ночи, когда в весеннем небе почему-то выпали осенние звезды Южного Предела, ему приснилось, что он попал в какой-то разваливающийся старый дом. В доме было сухо. Все покрывал толстый слой пыли и лохмотья пропылившейся старой паутины. Ноги Аррена запутались в этой паутине, она облепила его всего, забила рот, ноздри, он задыхался. Но самым ужасным было то, что он узнал высокий обветшалый зал: это был тот самый зал, где он когда-то завтракал с Мастерами, и находился он в Большом Доме Школы Волшебников на острове Рок.

Аррен проснулся со смятенным сердцем, пытаясь унять его бешеный стук. Скрюченные ноги затекли. Он сел, стараясь прогнать воспоминания о страшном сне. Заря еще не алела на востоке, но тьма уже понемногу рассеивалась. Мачта поскрипывала, легкий парус, надутый северо-восточным ветром, сверкал белизной и трепетал у него над головой. На носу крепко и неслышно спал его товарищ. Аррен снова лег и задремал; окончательно его разбудил уже яркий свет нового дня.

Море было таким голубым и тихим, что плавание в чистой и теплой воде скорее напоминало скольжение или полет — странный, похожий на сон.

Днем он спросил:

— А к снам волшебники относятся серьезно?

Ястреб ловил рыбу, внимательно следя за лесой. Он долго молчал, потом спросил:

— А что?

— Мне хотелось знать, есть ли в снах хоть доля правды.

— Конечно.

— И они действительно говорят правду о том, что будет?

Но тут у Ястреба стало клевать, и через десять минут, когда он вытащил их будущий обед в лодку — великолепного серебристо-синего окуня, — вопрос Аррена был начисто забыт.

После обеда, когда они нежились под навесом, дающим защиту от нещадно палящего солнца, Аррен спросил:

— А что нам нужно в Лорбанери?

— То, за чем мы вообще пустились в путь, — ответил Ястреб.

— В Энладе, — чуть погодя проговорил Аррен, — есть одна история — о мальчике, чьим учителем был камень.

— Вот как?.. Ну и чему он у него учился?

— Не задавать вопросов.

Ястреб фыркнул, словно подавив приступ смеха, и сел прямо.

— Ну ладно! — сказал он. — Хотя я и предпочитаю не говорить ни о чем, пока не пойму сам, о чем говорю. Почему волшебство больше не действует в городе Хорте, и на острове Нарведен, и, возможно, во всех Пределах? Именно это мы и пытаемся узнать, разве не так?

— Так.

— Знаешь старую поговорку: *в дальних Пределах все правила меняются?* Ее очень любят моряки, но придумали волшебники, и она значит, что даже волшебство само по себе зависит от конкретного места. Настоящее заклятие, прекрасно действующее на Роке, может оказаться набором пустых слов на Иффише. Язык Созидания помнят не везде; тут одно слово, там другое. А плетение заклятий само по себе связано с землей и водой, с ветрами и солнечным светом тех мест, где оно родилось. Однажды мне пришлось заплывать так далеко на восток, что ни вода, ни ветер не слушались моих команд, поскольку сами не знали своих подлинных имен. Ибо мир очень велик. Открытое Море простирается дальше всех ведомых человеку Пределов и где-то там, далеко, существуют иные миры. Если представить себе громадное пространство Вселенной и немыслимую протяженность времен, то вряд ли найдется такое слово, которое везде и всегда будет иметь одно и то же значение, свое подлинное значение и свою силу; кроме самого Первого Слова, которое произнес

Сегой, создавая все сущее, или Последнего Слова, которое никогда еще не произносилось и не будет произнесено до Всеобщего Разрушения... Так что даже внутри нашего мира, Земноморья, на тех небольших островках, что ведомы нам, существует множество различий, загадок и разнообразных явлений. И наименее известный людям полный тайн Южный Предел. Очень немногие из волшебников с Внутренних Островов бывали в этих краях. Здешные жители не любят волшебников, поскольку обладают — так, во всяком случае, считается — некоей собственной магией. Но слухи об этом неясны, и, возможно, само искусство волшебства никогда и не было здесь достаточно хорошо известно и понято. Если это так, то искусство это легко можно было уничтожить совсем, если кто-то всерьез решил этим заняться; или, по крайней мере, ослабить его было бы куда легче, чем развитое магическое искусство Внутренних Островов. В таком случае вполне объяснимы и разные истории о том, как исчезло волшебство на юге Земноморья. Ибо любая наука или искусство — это как бы построенный людьми канал, в берегах которого все их деяния проистекают мощно и глубоко; там же, где нет такого русла, деяния людские мелки и часто ошибочны, бесцельны. Так и та толстуха с зеркалами, утратив свое волшебное мастерство, думает, что никогда им не обладала. Так и Харе жует свою хазию и думает, что с ее помощью отправляется дальше, чем самые величайшие маги, хотя на самом деле едва добирается до границы, где кончаются сны, и тут же теряет путь... Но в какую же страну, как ему кажется, он попадает? Что именно ищет? Что за сила уничтожила его мудрость и знания? По-моему, мы достаточно видели в Хорте, так что поплывем дальше на юг, в Лорбанери, и посмотрим, как там поживают волшебники, попробуем найти то, что ищем... Ты получил ответ на свои вопросы?

— Да, но...

— Тогда позволь своему «камню» некоторое время помолчать! — сказал волшебник. И уселся спиной к мачте в желтоватой тени навеса и стал смотреть куда-то в море, на запад, а лодка плыла и плыла на юг под полуденным небом. Волшебник просидел, не шелохнувшись, несколько часов. Аррен успел пару раз искупаться, осторожно соскальзывая в воду с кормы — ему не хотелось пересекать линию того мрачного взгляда, каким волшебник упорно смотрел на запад и, казалось, видел куда дальше яркой линии горизонта, дальше голубого купола неба, видел то, что находилось за пределами этого мира света.

Наконец Ястреб прервал свое мрачное молчание и снова стал откликаться на вопросы Аррена; впрочем, отвечал весьма скупо, роняя

буквально по одному слову. Должным образом воспитанный, Аррен быстро понял, что отвечает его товарищ лишь из вежливости, а природная сдержанность не позволяет ему показать, как тяжело у него на душе. Юноша умолк и больше не приставал с вопросами, а ближе к вечеру сказал:

— Если я спою, это не мешает тебе думать?

Ястреб в ответ попробовал пошутить:

— Ну, это зависит от качества пения.

Аррен сел, прислонившись спиной к мачте, и запел. Его голос уже не был столь звонким и чистым, как когда-то, несколько лет назад, когда он старательно занимался музыкой дома в Бериле и преподаватель задавал ему тон, перебирая струны арфы; теперь самые высокие ноты он брал чуть хрипловато, зато голос его стал глубже и походил на звук виолы, чистый и печальный. Он пел «Плач о Белом Чародее» — песнь, которую сложила Эльфарран, когда узнала о смерти Морреда и ждала собственной кончины. Песнь эту поют нечасто, и петь ее нелегко. Ястреб слушал, как юный голос, сильный, уверенный и печальный, летел между багровым закатным небом и морем, и внезапно слезы, туманя взор, выступили у него на глазах.

Аррен, закончив песнь, некоторое время молчал; потом снова запел, но более короткие и более простые песенки, и пел негромко, стараясь не нарушать великое однообразие недвижимого воздуха, тяжело вздыхающего моря, меркнувшего света — встречая торжественно приближающуюся ночь.

Когда он умолк совсем, все вокруг словно застыло, ветер улегся, волны едва вздымались, деревянная обшивка и снасти поскрипывали чуть слышно. Море лежало успокоенное, и над ним одна за другой загорались звезды. Вдруг на юге возник пронзительно яркий свет, отразившись на поверхности моря золотистой дорожкой сверкающих бликов.

— Смотри! Сигнальный маяк! — воскликнул Аррен и через минуту спросил: — А может, это звезда?

Ястреб некоторое время молча смотрел на юг и наконец промолвил:

— Я думаю, что это, должно быть, звезда Гобардон. Она видна только в Южном Пределе. Гобардон значит «корона». Курремкармеррук говорил, что если плыть все дальше и дальше на юг, то непременно увидишь еще восемь ярких звезд, расположенных ниже звезды Гобардон; вместе они составляют крупное созвездие. Кое-кто считает, что оно похоже на бегущего человека, другие говорят, что это руна Агнен. Руна Конца.

Они смотрели, как звезда Гобардон ясно и спокойно горит в небесах над беспокойным морем, словно зовет вперед.

— Ты так пел песнь Эльфарран, — проговорил вдруг Ястреб, —

словно сам пережил ее горе и донес эти чувства до меня... Из всех историй о Земноморье именно эта всегда была наиболее близка моему сердцу. И великое мужество Морреда в час отчаянья; и Серриадх, рожденный как бы по ту сторону горя — добрый и милосердный король. И она, Эльфарран. Даже когда я совершил величайшее в своей жизни зло, то и тогда я думал, что взываю к ее красоте; и я видел ее — да, какое-то мгновение я видел живую Эльфарран...

Ледяной озноб прошел по спине Аррена. Он судорожно сглотнул и сидел, примолкнув, глядя на великолепную, зловещую, желтую, словно золотистый топаз, звезду.

— А кто из героев древности нравится тебе больше всех? — спросил волшебник, и Аррен ответил:

— Эррет-Акбе.

— Да, он действительно был величайшим из них.

— Но чаще всего я думаю о его смерти — одинокой смерти после битвы с драконом Ормом на берегу Селидора. Он мог бы править всем Земноморьем. Но все же предпочел такую вот судьбу.

Волшебник не ответил. Оба некоторое время думали каждый о своем. Потом Аррен спросил, все еще глядя на желтую звезду Гобардон:

— Так, значит, это правда, что мертвые могут быть возвращены к жизни силой магии?

— Они могут быть возвращены к жизни, — сказал волшебник.

— Неужели это когда-либо случалось? И как это делается?

Похоже, Ястребу не очень хотелось отвечать на этот вопрос.

— С помощью Великого Заклятья, вызывающего души мертвых, — сказал он и не то поморщился, не то зажмурился. Аррен решил, что больше он ничего не скажет, однако Ястреб, помолчав, заговорил снова: — Такие заклинания особенно хорошо известны мудрецам с острова Пальн. Мастер Заклинатель не только не учил нас ему, но и сам никогда им не пользовался. Великое Заклятье вообще используется крайне редко. И никогда — мудро, по-моему. Например, Великим Заклятьем тысячу лет назад пользовался Серый Маг с острова Пальн. Он призывал души великих героев и великих волшебников, даже душу самого Эррет-Акбе на совет к правителям Пальна во время войн или для решения особенно важных государственных проблем в мирное время.

— И что происходило?

— Живым мало толку от такого Совета Великих Мертвецов. И в Пальне настали тяжелые времена. Серый Маг был изгнан и умер в неизвестности.

Волшебник говорил как-то не слишком охотно, однако продолжал рассказывать, словно сознавая право Аррена на ответ. И Аррен упорно продолжал расспрашивать его.

— Значит, теперь уже никто больше этими заклятьями не пользуется?

— Я знал только одного человека, который свободно пользовался ими.

— Кто же это?

— Он жил в Хавноре. Его считали обычным колдуном, но, от природы одаренный необычайно щедро, он на самом деле был великим магом. Он зарабатывал на жизнь своим искусством, показывая любому, кто заплатит, того, кого тот захочет видеть — умершую жену, или мужа, или ребенка; и дом его вечно заполняли тревожные тени, вызванные из седых глубин времени, — прекрасные женщины, Великие Короли. Я сам видел, как он вызвал из Страны Мертвых моего старого Учителя Неммерля, который во времена моей юности был Верховным Магом Земноморья. Вызвал просто ради забавы, развлекая праздных лентяев! И дух великого человека явился по его зову, словно собака по свистку хозяина. Я был разгневан и вызвал его на поединок. Тогда Верховным Магом я еще не стал. И я сказал ему: «Ты заставляешь их являться в свой дом, так, может, последуешь за мной в их обитель?» И я заставил его пойти туда, хотя он сопротивлялся всеми силами своей души, менял обличье и громко рыдал во тьме.

— Значит, ты убил его? — в ужасе прошептал Аррен.

— Нет! Я заставил его последовать за мной в Страну Мертвых и потом отвел обратно. Ах, как ему было страшно! Он, кто столь легко вызывал души умерших в этот мир, больше всех, кого я когда-либо знал, боялся смерти — прежде всего своей собственной. А у стены из камней... Но я рассказал тебе слишком много для неофита. А ты ведь еще даже и неофитом у нас не стал. — В сгущающихся сумерках глаза его остро блеснули: он пронзительно посмотрел прямо в глаза Аррену, смутив его. — Впрочем, это не имеет значения. Есть там каменная стена, как раз на самой границе. Через нее после смерти душа отправляется в Темную страну, а живой человек может вернуться назад, если, конечно, знает путь... Так вот У этой каменной стены тот волшебник упал на землю, скрючился, цеплялся руками за камни — по ту сторону, где жизнь, — плакал и стонал. Я заставил его пойти дальше. Мне был отвратителен его страх, и я злился. К этому времени мне уже пора было понять, что я поступаю неправильно. Но я весь был во власти гнева и тщеславия. Он был силен, а мне страшно хотелось доказать, что я сильнее.

— А что он стал делать потом... когда вы вернулись?

— Ползал по земле и поклялся больше никогда не пользоваться

древней мудростью острова Пальн; он целовал мне руки — и он убил бы меня, если б осмелился.

— Что же с ним случилось?

— Из Хавнора он уехал куда-то на запад, может быть, даже на Пальн. Я больше о нем никогда не слышал. Он уже был сед, когда я знал его, хотя был еще очень ловким и сильным длинноруким человеком, похожим на профессионального борца. Он теперь, должно быть, уже умер. Я даже имя его не могу вспомнить.

— Его подлинное имя?

— Нет! Это-то я помню... — Он запнулся и на две-три секунды как бы застыл.

— В Хавноре его звали Коб-паук, — сказал он вдруг изменившимся голосом и как-то чересчур осторожно. В полной темноте Аррен не мог разглядеть его лица, но увидел, как он обернулся и глянул на желтую звезду, поднявшуюся еще выше над морем и бросавшую на его поверхность изломанную золотую дорожку, тонкую, как паутинка. Помолчав немного, волшебник сказал: — Не только во снах, Аррен, мы сталкиваемся с грядущим лицом к лицу; это часто открывается нам в том, что давно забыто; и часто сказанное кажется нам чепухой, потому что мы не желаем понять истинного значения этих слов.

Лорбанери они увидели издалека над залитым солнцем морем. Он был зеленым, изумрудным, как тот мох, что рос в Школе Волшебников у фонтана. Когда они подплыли ближе, на общем зеленом фоне стали вырисовываться листья и стволы деревьев, темные тени под ними, дороги и дома, а потом и лица, и пестрая одежда людей, и пыль над дорогами — все, что представляет собой обычный обитаемый остров. И все-таки основным цветом Лорбанери был зеленый, ибо каждый акр его, где не ходили люди и не стояли дома, был отдан низеньким, с округлыми кронами деревьям урба, листьями которых питаются мелкие черви, вырабатывающие шелковое волокно. Потом это волокно, превращая его в шелковые нити, пряли мужчины, женщины и дети Лорбанери. В сумерки над Лорбанери снует множество маленьких серых летучих мышей, которые питаются шелковичными червями, однако им позволено поедать их; шелководы терпят их и не убивают. Они вполне серьезно считают дурным предзнаменованием убить серокрылую летучую мышь. Ибо, по их мнению, если уж люди живут за счет червей, то и серые мыши, конечно, имеют на это право.

Дома на острове были довольно странные, с маленькими окошками в почти глухих стенах; их со всех сторон окружали заросли деревьев урба, стволы которых казались совершенно зелеными от облепивших их мхов и лишайников. Когда-то это был богатый остров, как и большинство островов дальних Пределов, и былой достаток все еще ощущался в нарядно окрашенных и красиво убранных внутри жилищах, в больших, полных прялок и ткацких станков мастерских, расположенных как в жилых домах, так и в отдельных зданиях; по-прежнему красивы были отделанные камнем набережные в гавани главного порта Лорбанери Сосары, у пирсов которой могли бы одновременно пришвартоваться несколько торговых галер. Но сейчас в порту не было ни единого судна. Краска на стенах жилых домов поблекла, облупилась, а мебель в них заметно обветшала. Прялки и ткацкие станки большей частью молчали в бездействии, покрытые пылью и паутиной.

— Колдуны? — спросил мэр города Сосара, коротенький человечек с лицом таким же твердым и коричневым, как земля под его ногами. — Никаких колдунов на Лорбанери нет и быть не может.

— Да неужели? — не то восхитился, не то изумился Ястреб. Он сидел с местными жителями — их было человек восемь или девять — и потягивал здешнее вино из ягод урбы, слабенький горьковатый напиток. Ему уже пришлось рассказать им о том, что ищет он в Южном Пределе некий «лазоре́вый камень», однако внешность свою он на этот раз менять не стал, только велел Аррену спрятать меч в лодке, как обычно, ну а волшебного посоха (в его теперешнем уменьшенном виде) все равно никто бы и не заметил. Местные жители казались поначалу какими-то сердитыми, неприветливыми и, чуть что, готовы были вспылить; только предельная вежливость и природное чутье Ястреба, умело выбиравшего слова и темы для разговора, заставили их чуть более ласково смотреть на непрошенных гостей.

— Удивительные у вас тут люди, все с деревьями возятся, — сказал после долгой паузы Ястреб. — А что как заморозки ударят?

— Это ничего, — ответил тощий человек на дальнем конце завалинки. Местные все сидели в ряд, прислонясь спинами к стене гостиницы, под нависающим козырьком тростниковой крыши. Босые ноги их были выстроены в одну линию; прямо за этой линией по земле стучали теплые капли тихого апрельского дождя.

— Да, заморозки — это пустяки, — подхватил мэ́р, — дождь — вот беда. От дождя коконы гниют. И уж если он польет, то никому его не остановить. И раньше не могли! — Он самым решительным образом был настроен против колдунов и колдовства; кое-кто из остальных, похоже, думал иначе.

— Никогда раньше в это время года дождь не шел, — сказал один из них. — Впрочем, тогда еще старик жив был.

— Кто? Старый Милди? Ну так что ж, теперь-то он умер, — откликнулся мэ́р.

— Его еще Садовником звали, — сказал тот тощий, с дальнего конца.

— Да, точно. Звали его так, — подхватил другой. И тишина повисла, словно дождливое облако.

В единственной комнате для постояльцев, что имелась в местной гостинице, сидел у окна Аррен. Он снял со стены старую трехструнную лютню с длинным грифом — такие когда-то были широко распространены здесь, на Шелковом Острове, — и теперь тихонько наигрывал на ней, пытаясь настроить. Музыка его звучала не громче стука дождевых капель по тростниковой крыше.

— На рынках Хорта я видел всякие дрянные ткани, которые выдавали за шелка с Лорбанери, — сказал Ястреб. — Кое-какие из них и впрямь

напоминали ваши шелка. Но ни одной настоящей шелковой ткани с Лорбанери я там не видел.

— У нас несколько сезонов подряд неудачные, — ответил тощий. — Уж лет пять, поди.

— Пять лет и есть, как раз с Осеннего Равноденствия, — прошамкал добродушно какой-то древний старик. — В аккурат с того дня, как старый Милди помер. Да, взял вот и помер, а ведь он тогда моложе меня был. Да и помер-то прямо накануне Равноденствия.

— Ну и что ж, что шелка не хватает, зато цены на него растут, — заявил мэр. — За один рулон синего шелка-сырца мы теперь получаем столько, сколько раньше за три.

— Если бы. Где торговые корабли-то? Да и цвет синий совсем не тот, — сказал тощий, и они по крайней мере полчаса спорили по поводу качества красок, которыми пользуются теперь в общественных мастерских.

— А кто у вас тут краски делает? — спросил Ястреб, и тут же посыпались новые жалобы. Самым главным было то, что лучшими красильщиками острова издавна считались члены одной семьи, причем вроде бы семьи колдунов. Может, когда-то они и правда были колдунами, да только теперь свое мастерство утратили. Потеряли ключи к нему, а никто другой так эти ключи и не подобрал — как горько заметил все тот же тощий человек. С этим согласились все, кроме мэра. Все считали, что знаменитые синие шелка Лорбанери и несравненный алый «драконов огонь», который носили когда-то давно королевы в Хавноре, стали теперь уже не те. Что-то из них ушло. То ли беспричинные дожди были виноваты, то ли природные красители, то ли мастера.

— А может, глаза? — ехидно спросил тощий. — Глаза тех, кто не может отличить небесную лазурь от синей глины? — и глянул на мэра. Тот вызова не принял, и снова все погрузилось в молчание.

Легкое вино, казалось, сделало их настроение лишь еще более кислым. Лица помрачнели, никто не говорил ни слова, и лишь дождь стучал по листьям бесчисленных садов в долине да где-то внизу шептало море — недалеко, в конце их улицы. И в темноте за закрытыми дверями гостиницы мурлыкала что-то лютня.

— Он петь-то умеет, твой парнишка, что больше на девку смахивает? — спросил мэр.

— О да, петь он умеет. Аррен! Спой-ка нам, сынок.

— Я не могу заставить эту лютню перестать играть в миноре! — Аррен с улыбкой высунулся из окна. — Ей, видно, хочется плакать. Что вам угодно послушать, дорогие хозяева?

— Что-нибудь новенькое, — пробурчал мэр.
Лютня слегка вздрогнула, когда юноша коснулся ее струн.
— Может быть, это будет для вас новинкой, — сказал он и запел:

По белым отмелям Солеа,
Где ветви красные склонили
Деревья пышные в цвету,
Бредет в тоске невыразимой,
В тоске по милому супругу,
Склонив, подобно белой ветви,
Свою прелестную головку
И ожидая скорой смерти...

В своей печали бесконечной
Двумя вот этими ветвями —
Цветущей красною и белой —
Клянусь я, Серриадх, запомнить,
Что погубило эти жизни.
Запомнить, навсегда запомнить
Жестокою несправедливостью,
Быть Эльфарран достойным сыном
И Морреда, что славен вечно.

Они так и застыли — с горькими, упрямыми выражениями на лицах, усталые, уронив натруженные руки. Сидели не шевелясь в теплых дождливых сумерках южного вечера и слушали песню, похожую на тоскливый крик лебедя над холодными водами Эа, лебедя, потерявшего свою подругу. И еще некоторое время, когда Аррен уже кончил петь, сидели они, по-прежнему не двигаясь.

— Странная какая-то музыка, — сказал один неуверенно.

Другой, видимо полагающий, что Лорбанери — центр Вселенной, заявил:

— Иноземная музыка всегда какая-то странная да мрачная.

— А вы нам что-нибудь свое спойте, — сказал Ястреб. — Я бы и сам с удовольствием что-нибудь веселое послушал. Парень-то мой вечно поет о древних героях, что давно во славе почили.

— Ну давай, что ли, я спою, — вызвался последний из говоривших и ударил по струнам арфы. Песня его была о распрекрасном бочонке, полном

доброе винца — и «хей-хо! как мы здорово живем!». Но никто почему-то подпевать ему не стал, и он в полном одиночестве выкрикивал — все тише и тише — свое «хей-хо».

— Ну вот, уже и петь-то никто как следует не умеет! — сердито сказал он. — А все молодежь эта, все чего-то меняют да делают по-другому, а старые песни и не знают вовсе.

— Да не в этом дело, — сказал тощий, — просто теперь уж никто ничего как следует не умеет. Все кругом как-то не так.

— Да, точно, — прошамкал самый старый, — ушло счастье-то. Вот ведь какая штука. Была удача, да вся вышла.

После этих слов говорить оказалось особенно не о чем. Жители по двое — по трое разошлись по домам, и вскоре Ястреб остался в полном одиночестве на завалинке под окном их комнаты. И тут наконец волшебник рассмеялся. Но невеселый то был смех.

В комнату, где сидел с лютней Аррен, вошла застенчивая жена хозяина гостиницы и приготовила им постели на полу; потом тихонько вышла, и они улеглись спать. Однако высокие балки комнаты оказались прибежищем множества летучих мышей. Через незастекленные окна комнаты всю ночь напролет влетали и вылетали с тонким пронзительным писком мыши. Только на заре, вернувшись наконец в свои гнезда, они успокоились и аккуратными серыми кулечками свесились с балок головами вниз.

Возможно, из-за непрерывно снующих мышей Аррен спал тревожно. Он уже много дней не спал на берегу; тело отвыкло от неподвижности земли, и ему все казалось, едва он начинал засыпать, что земля под ним качается, качается, качается, будто волны... а потом начинает ускользать, проваливаться, и он в ужасе просыпался. Когда же наконец ему удалось по-настоящему заснуть, то он оказался прикованным цепью к скамье работоргового судна; рядом были еще такие же рабы, только все мертвые. Он несколько раз просыпался, пытаясь прогнать этот кошмар, однако, заснув, снова возвращался на ту же палубу. И он был там совсем один, намертво прикованный цепью. И вдруг чей-то странный тягучий голос прозвучал у него в ушах: «Освободись от оков. Пусть падут твои цепи». Он попытался встать и, как ни странно, встал. И тут же оказался на мрачной бескрайней вересковой пустоши, небо над которой было закрыто тяжелыми тучами. Что-то ужасное таилось и в самой этой местности, и в плотном воздухе над ней — ужас, ужас окружал его со всех сторон. Он находился как бы внутри этого ужаса, и не было перед ним пути, чтобы выбраться оттуда. Он должен был непременно отыскать этот путь, но не видел ни одной тропы: пути не было. А сам он был маленький, словно младенец,

словно муравей, а ужасное пространство, казалось, не имело границ, не имело пределов. Он попытался идти куда-то, споткнулся и проснулся.

Тот страх теперь, когда он проснулся, как бы притаился внутри его, но от этого не стал ни меньше, ни слабее. Аррену показалось, что черная тьма комнаты душит его, и он стал искать звезды в неясно видимом проеме окна, но, хотя дождь и прекратился, звезд на небе не было. Он лежал без сна и боялся, а летучие мыши сновали взад-вперед на своих бесшумных перепончатых крыльях. Порой Аррен различал их невероятно тонкий писк — почти на пределе возможностей человеческого слуха.

Утро было ясное, и они вышли из дому рано. Ястреб честно порасспрашивал всех о «лазоровом камне». Хотя никто из местных и не знал, что это за камень, у каждого нашлась своя теория относительно его поисков, и в итоге разгорелся спор. Ястреб внимательно слушал, стараясь уловить нечто совсем иное: камень его не интересовал. В конце концов они с Арреном пошли по той дороге, которую присоветовал мэр. Дорога вела к карьерам, где добывали синий минерал для окраски тканей. Однако вскоре Ястреб свернул куда-то в сторону.

— Должно быть, вот этот дом и есть, — сказал он. — По их словам, здесь живет семья тех потомственных красильщиков, что раньше считались колдунами, да только силы в них теперь не осталось.

— А есть ли смысл разговаривать с ними? — спросил Аррен: история с Харе была еще слишком свежа в его памяти.

— Откуда-то же началось здешнее невезение, — сказал волшебник резко. — Должна же быть точка отсчета. Словно есть какая-то прореха, в которую утекло все счастье и благополучие Лорбанери. Мне нужен проводник к этому месту! — И он двинулся дальше. Аррену оставалось только последовать за ним.

Дом красильщиков стоял на отшибе и со всех сторон был окружен зарослями урба. Когда-то это было добротное каменное строение, но теперь и сам дом, и деревья вокруг пришли в полное запустение. Выцветшие коконы шелковичных червей, которые никто так и не собрал, свисали с обглоданных червями ветвей, а земля вокруг деревьев была покрыта толстым слоем мертвых личинок и бабочек. Вокруг стоял запах гнили, и, едва они ступили под эти деревья, Аррен отчетливо вспомнил тот ужас, что окружал его ночью, во сне.

Они не успели подняться на крыльцо, как дверь резко распахнулась, оттуда высунулась седая старуха и злобно уставилась на них какими-то подозрительно красными глазами. Потом заорала:

— А ну пошли вон, черт бы вас побрал, воры, бродяги, полоумные

лжецы, недоноски паршивые! Убирайтесь вон, вон, говорю! Чтоб вам в жизни удачи не было!

Ястреб остановился, казалось, несколько озадаченный, потом быстро сотворил какой-то странный жест и пробормотал:

— Минуй нас!

Завидев это, женщина сразу перестала визжать и уставилась на него.

— Ты зачем это сделал?

— Чтобы отвести твоё проклятье.

Она еще некоторое время разглядывала его, потом хрипло спросила:

— Чужеземцы небось?

— Да. С северных островов.

Она подошла ближе. Сначала, когда старуха начала на них орать с крыльца, Аррену страшно хотелось еще поддразнить ее, но теперь, увидев ее рядом, он смутился. Она была ужасно грязная, одета в лохмотья, изо рта у нее воняло, а в глазах застыла мука мученическая.

— У меня нет больше сил, чтобы наводить порчу, — сказала она. — Нет сил. — Она повторила жест Ястреба. — Этим что же, все еще пользуются там, откуда вы приплыли?

Ястреб кивнул. Он внимательно наблюдал за ней, и она тоже не сводила с него глаз. Лицо ее понемногу ожило, выражение стало более осмысленным. Она спросила:

— А где же твой посох?

— Я его здесь не показываю, сестра.

— Что ты, нельзя! При нем тебе здесь жизни не будет. Когда у меня еще сила была, мне тоже жизни здесь не было. Вот я свою силу и потеряла. Все позабыла, что знала, все слова, все имена. Они, как тоненькие паутинки, выползали через мои глаза и рот — в никуда. Видно, в мире где-то есть дыра, и через эту дыру уходит свет. А вместе с ним — и нужные слова. Ты знаешь об этом? Мой сын сидит целыми днями и смотрит во тьму, пытаясь высмотреть, где та прореха в ткани мироздания. Он говорит, что видел бы лучше, будь он слепым. Он потерял руку, когда был красильщиком. Мы — знаменитые Красильщики с Лорбанери! Смотри! — Она потрясла перед ними своими худыми, но когда-то сильными руками, до плеч покрытыми несмывающимися тусклыми разноцветными разводами. — Это уж никогда не отойдет, — сказала она, — зато мозги отмываются начисто. Добела. Никаких следов не останется. А ты-то сам кто?

Ястреб ничего не ответил, только посмотрел женщине прямо в глаза, и даже Аррену, который наблюдал за ними со стороны, стало не по себе.

Старуха, сразу задрожав, прошептала:

— Я тебя узнаю...

— О да. Подобный всегда узнает подобного, сестра.

Странно было видеть, как она в ужасе отшатнулась от волшебника, словно пытаясь убежать прочь, и в то же время потянулась к нему, стремясь пасть перед ним на колени.

Он крепко взял ее за руку и удержал от этого.

— Ты хотела бы вернуть назад свою силу, вспомнить свое мастерство, подлинные имена? Я могу дать тебе это.

— Ты — Великий Человек, — прошептала она, — Король Теней, Правитель Темной Страны...

— Нет. Я никакой не король. Я простой человек, простой смертный, брат твой и подобен тебе.

— Но ты ведь никогда не умрешь?

— Умру.

— Но потом вернешься и будешь жить вечно?

— Нет. И никто из людей этого не может.

— Значит, ты не... не тот Великий Человек, что приходит во тьме, — сказала она как-то напряженно. И теперь смотрела на него вопрошающе, но не так испуганно. — Но ты тоже Великий Человек. Неужели их двое? Как твое имя?

На мгновение жесткое лицо Ястреба помягчело.

— Этого я тебе сказать не могу, — ласково ответил он.

— Я тебе открою одну тайну, — сказала старуха. Теперь она выпрямилась и глядела ему прямо в лицо; какое-то отдаленное эхо былого достоинства слышалось в ее голосе и повадке. — Я не хочу жить, жить и жить — бесконечно. Я бы, пожалуй, лучше вспомнила все забытые мной подлинные имена. Но это все ушло. И ничьи подлинные имена теперь значения не имеют. Никаких тайн больше не существует. Хочешь узнать мое имя? — Глаза ее сверкнули. Стиснув руки, она наклонилась вперед и прошептала: — Мое имя Акарен. — Потом вдруг громко вскрикнула: — Акарен! Акарен! Мое имя Акарен! Теперь все они знают мое тайное, мое подлинное имя, и нет больше никаких тайн, нет больше истины, нет больше смерти... смерти... смерти... смерти! — Она, рыдая, выкрикивала это слово, и брызги слюны слетали с ее губ.

— Успокойся, Акарен!

Она замерла. Слезы текли по ее грязному лицу, занавешенному прядями нечесанных седых волос.

Ястреб взял это морщинистое, залитое слезами лицо в свои ладони и

совсем легонько, нежно поцеловал закрытые глаза старой колдуньи. Она стояла неподвижно. Ястреб быстро склонился к ее уху, прошептал что-то из Истинной Речи, еще раз поцеловал старуху в глаза и отпустил.

Она открыла глаза и некоторое время смотрела на него, удивленно и довольно бессмысленно. Так новорожденный смотрит на мать; так порой и сама мать смотрит на свое дитя. Потом старая женщина медленно повернулась и побрела к дому; вошла и затворила за собой дверь. Все произошло в полном молчании; лицо старухи по-прежнему хранило изумленное выражение.

Не нарушая молчания, волшебник повернулся и пошел назад к дороге. Аррен последовал за ним. Задавать вопросы он не осмеливался. Пройдя немного, Ястреб остановился прямо в одичавшем саду и сказал:

— Я взял у нее ее прежнее имя и дал ей новое. А это отчасти новое рождение. Больше ей ничем помочь было нельзя, и никакой надежды у нее не оставалось.

Голос его звучал напряженно и глухо.

— То была настоящая волшебница. Не просто ведьма или знахарка. Она обладала подлинным мастерством и Высшим Знанием; она использовала свое искусство для создания прекрасного — гордая и достойная уважения женщина. В этом искусстве была вся ее жизнь. И вот жизнь эта потрачена зря. — Он резко повернулся и отошел прочь, куда-то в самую гущу сада; там он остановился не оборачиваясь.

Аррен ждал его на жарком, чуть смягченном жалкой тенью обглоданных деревьев солнцепеке. Он понимал, что Ястребу стыдно взваливать на него груз собственных переживаний; и действительно, юноша ничем не мог ему помочь. Однако в душе он изо всех сил сострадал своему другу, может быть, не так, как в первые дни своего романтического восхищения и обожания, но испытывая за него самую искреннюю боль, словно из сердца его теперь протянулась прочная нить, связывающая их обоих, и невозможно было порвать эту нить. Ибо в той любви, что он испытывал теперь к Верховному Магу, больше всего было сострадания, без которого не бывает ни настоящей, ни долговечной любви.

Вскоре Ястреб вновь подошел к нему. Оба молча двинулись дальше под зеленой сенью деревьев. Было уже очень жарко; земля после вчерашнего дождя успела просохнуть, и дорога пылила у них под ногами. С раннего утра день этот казался Аррену холодным и тоскливым, словно в него проник ужас из его снов; и теперь ему были даже приятны жгучие укусы солнца и благодать тени, и он с удовольствием шагал, отбросив всякие размышления относительно конечной цели их путешествия.

Такое настроение пришлось кстати, потому что как раз цели-то никакой они пока и не достигли. Весь день они провели в карьере, разговаривая с рудокопами. Потом немного поспорили с ними насчет цены тех непонятных камней, которые якобы и являлись «лазоревыми». Когда они тащились обратно в Сосару, а низкое солнце тяжело било им в затылок, Ястреб заметил:

— Это голубой малахит; но я не думаю, чтобы в Сосаре знали, что это за камень на самом деле.

— Какие-то они здесь все странные, — откликнулся Аррен. — И ведь во всем так: они будто совсем одно от другого отличить не способны. Тот тип вчера правильно сказал мэру, что они лазурь от синей глины не отличают. Они жалуются, что настали плохие времена, но не знают даже, когда эти времена начались; говорят, что работа не клеится, а сами даже не пытаются как-то поправить дела; для них даже нет разницы между простым ремесленником и волшебником. Как будто ручной труд и искусство магии — одно и то же! В головах у них, что ли, все перемешалось — все пути, рисунки, действия и цвета? Все для них одинаковое — и все серого цвета.

— Да, это верно, — задумчиво проговорил волшебник. Потом некоторое время шел молча, нахохлившись, и был очень похож на настоящего ястреба. Несмотря на невысокий рост, шагал он широко. — Но чего же все-таки им недостает? — вдруг спросил он.

— Радости в жизни, — не колеблясь ответил Аррен.

— О да! — воскликнул Ястреб и снова задумался. — Я рад, — сказал он наконец, — рад, что ты выразил мои мысли, сынок... Отчего-то я чувствую себя усталым и глупым. Что-то на душе у меня с утра было скверно — с тех пор, как мы поговорили с ней, с той, что когда-то звалась Акарен. Я терпеть не могу бессмысленных утрат и запустения. И врага я не ищу. Если я непременно должен иметь врага, то, по крайней мере, не желаю искать его сам и встречаться с ним умышленно — тоже!.. Если затеваешь поиски, то целью должно быть сокровище, а не отвратительная тварь.

— Там, в конце пути, враг, господин мой, — сказал Аррен. Ястреб кивнул.

— И когда она говорила о Великом Человеке, о Повелителе Теней...

Ястреб снова утвердительно кивнул.

— Скорее всего это именно так, — сказал он. — По-моему, в конце пути мы найдем не только место, которое ищем, но и человека. Зло, зло творится на этом острове. Мастерство утрачено, гордость потеряна, кругом

безрадостная жизнь и запустение... Это, конечно, дело рук служителей зла. Или служителя. Но только зло это не связано конкретно ни с этим островом, ни с этой Акарен, ни с шелками Лорбанери. След, по которому мы с тобой идем, напоминает след от сорвавшейся и полетевшей вниз по круче повозки, которая вызвала страшный горный обвал.

— А не могла ли она, Акарен, рассказать тебе побольше об этом враге: кто он, и где находится, и что ему надо?

— Сейчас не стоило ее спрашивать, сынок, — сказал волшебник тихо и печально. — Она, без сомнения, могла бы рассказать многое. Даже в ее безумии все еще оставалась значительная доля мудрости. Но я не мог заставлять ее отвечать. Она слишком страдала.

И он двинулся дальше, снова нахохлившись так, словно его самого мучила боль, от которой он мечтал избавиться.

Заслышав вдруг шарканье ног за спиной, Аррен обернулся. Их, пыхтя, догонял какой-то человек. Поднятая его ногами пыль, что повисла над дорогой, и рыжие волосы, похожие на проволоку и освещенные закатным солнцем, создавали вокруг его головы нечто вроде красноватого ореола, а невероятно длинная тень его фантастическим образом извивалась и подпрыгивала среди деревьев, росших вдоль дороги.

— Стойте, — кричал человек, — послушайте! Я нашел!

Он наконец нагнал их. Аррен сначала рукой похватал пустой воздух у бедра, где должна была быть рукоять меча, потом поискал на поясе украденный нож, потом рука его сама собой сложилась в кулак; все — в полсекунды. Набывчившись, он двинулся на незнакомца. Тот был на целую голову выше Ястреба и значительно шире в плечах, и вообще — как-то странно задыхался, пыхтел, глядя безумными, вылезающими из орбит глазами. Должно быть, сумасшедший, подумал Аррен. «Я нашел, нашел!» — повторял тот неустанно, пока Аррен суровым угрожающим тоном не рывкнул: «Что тебе нужно?» — и не начал теснить безумца со всей решительностью. Тот попытался обойти юношу и подобраться к Ястребу с другой стороны, но Аррен снова вырос перед ним.

— Так ты тот самый Красильщик из Лорбанери? — спросил Ястреб.

И тут Аррен понял, как глупо вел себя, пытаясь защитить своего друга. Он отступил в сторону, пропуская незнакомца, который после слов волшебника прекратил задыхаться и судорожно махать руками, огромными, покрытыми несмываемыми пятнами краски; взгляд его стал спокойней; он кивнул в ответ.

— Я был Красильщиком из Лорбанери, — сказал он, — но теперь не могу больше заниматься этим ремеслом. — Он вопросительно глянул на

Ястреба, ухмыльнулся и потрянул своей густой рыжей пропылившейся гривой. — Это ты взял имя у моей матери. Теперь я ее не узнаю, а она не узнает меня. Мать все еще сильно меня любит, но только покинула меня. Умерла.

У Аррена до боли сжалось сердце, но тут он заметил, что Ястреб слегка покачал головой.

— Нет, нет, — сказал он, — она не умерла.

— Но она умрет. Умрет!

— О да. Человек всегда сначала живет, а потом умирает, — сказал волшебник. Красильщик, казалось, некоторое время разгадывал смысл этих слов, потом подошел вплотную к Ястребу и стиснул его плечи, склонившись над ним. Двигался он так быстро, что Аррен не успел ему помешать, однако хорошо расслышал его шепот.

— Я обнаружил дыру во тьме. Там, возле нее, стоял Король. Он следит за ней, она в его власти. У него в руке маленький огонек, свеча. Он подул, и свеча погасла. Снова подул, свеча загорелась. Загорелась!

Ястреб никак не протестовал ни против того, что ему шепчут прямо в лицо, ни против того, что его мертвой хваткой держат за плечи. Он только спросил:

— Где же ты был, когда видел все это?

— В своей постели.

— Спал?

— Нет.

— Был за стеной?

— Нет, — ответил Красильщик, неожиданно посерьезнев и как будто почувствовав себя неуютно. Он отпустил волшебника и слегка попятился. — Нет, я не знаю... не знаю, где это было. Но я это место нашел бы. Хоть и не знаю где.

— Именно это-то мне и нужно знать, — сказал Ястреб.

— Я могу помочь тебе.

— Как?

— У тебя есть лодка. Ты приплыл на ней сюда и собираешься плыть дальше. На запад поплывешь? Как раз туда и нужно плыть. Там начинается путь, по которому Он приходит в наш мир. Приходит, потому что жив — не как те духи или призраки, что перебираются на эту сторону через стену, совсем не так. Он переходит сюда во плоти! Тело его бессмертно! Я видел, как один лишь его вздох зажигал во тьме потухший свет. Я сам видел это. — Лицо Красильщика исказилось; в вечернем золотисто-красном свете оно казалось диким и почти красивым. — Я знаю, что ему удалось

преодолеть смерть, ведь когда-то и я был волшебником! И ты знаешь это, и ты пойдешь туда. Так возьми меня с собой.

Тот же вечерний свет скользнул по лицу Ястреба, но оно осталось неподвижным и суровым.

— Я попытаюсь попасть туда, — сказал он.

— Позволь мне пойти с тобой!

Ястреб коротко кивнул.

— Если поспеешь к часу нашего отплытия, — сказал он прежним холодноватым тоном.

Красильщик попятился еще на шаг и застыл, внимательно наблюдая за волшебником. На возбужденное лицо его как бы постепенно напознала тень; взгляд стал странным, тяжелым; казалось, разумные мысли стараются пробиться сквозь бурю слов и чувств, смущающих его душу. Наконец он молча повернулся и побежал назад, вскоре исчезнув в висевшей над дорогой пыльной дымке, поднятой прежде им же самим. Аррен глубоко и с облегчением вздохнул.

Ястреб тоже вздохнул, но отнюдь не с облегчением.

— Что ж, — сказал он, — по странным дорогам нас водят странные провожатые. Пойдем, Аррен.

— Ты же не возьмешь его с нами? — спросил юноша, идя с ним рядом.

— Это уж как он сам захочет.

С внезапным гневом Аррен подумал: «Нет уж! Это еще и как я захочу!» Но вслух ничего не сказал, и они пошли дальше в молчании.

Встретили их в Сосаре неважно. На таком маленьком острове, как Лорбанери, все становится известно всем, едва успев случиться, и, без сомнения, кто-то видел, как они свернули с дороги к дому семьи красильщиков и как разговаривали с сумасшедшим. Хозяин гостиницы был как-то не слишком услужлив, а его жена выглядела до смерти напуганной. Вечером, когда местные пришли посидеть на завалинке у гостиницы, то вовсе старались даже не заговаривать с чужеземцами и развлекались собственными шутками-прибаутками. Однако веселья особого не получалось. Смех вскоре стих, они довольно долго сидели молча, и, наконец, мэр спросил Ястреба:

— Нашел ты свои синие камни?

— Да, кое-что нашел, — вежливо ответил тот.

— Уж это, конечно, Попли показал тебе, где их найти!

Остальные нарочито громко рассмеялись столь изысканной шутке.

— Попли — это, должно быть, тот рыжеволосый человек?

— Сумасшедший. Ты еще к его матери утром заходил.

— Я искал волшебника, — сказал волшебник.

Тощий человек, что сидел к нему ближе всех, сплюнул в темноту.

— А зачем?

— Я думал, что волшебник поможет мне найти то, что я ищу.

— Люди приезжают на Лорбанери за шелком, — сказал мэр. — А за камнями сюда ездить нечего. И за колдовством тоже. За всякими там волшебными штучками и фокусами. Здесь живут честные люди и занимаются честным трудом.

— Так, так, он правду говорит, — загомонили остальные.

— И нам никого другого здесь не надо! Ни к чему нам чужеземцы, которые все что-то вынюхивают да суют нос в чужие дела.

— Правду, правду он говорит! — раздался целый хор голосов.

— Да если б здесь хоть один нормальный колдун нашелся, мы бы и ему тут же дали честную работу в ткацкой, да только колдуны ведь и понятия не имеют — как это честным трудом заниматься!

— Они могли бы научиться у вас, если бы было чему, — ответил Ястреб. — Ваши мастерские пусты, сады запущены, запасы шелка на складах истощились уже много лет назад. Чем вы занимаетесь здесь, на Лорбанери?

— Мы занимаемся своим делом! — рявкнул мэр, но тут вдруг тощий возбужденно спросил:

— А скажи-ка, почему это к нам суда торговые не приходят? Чем эти торговцы там занимаются, в Хорте? Если у нас работа не ладится, так в том, что у них торговля не идет, тоже мы виноваты?..

Его гневно прервали. Все начали кричать друг на друга, вскочили на ноги, мэр погрозил Ястребу кулаком, его сосед вытащил нож. Казалось, все посходили с ума. Аррен напряженно смотрел на Ястреба, ожидая, что тот предстанет перед всеми в сиянии волшебного света и заставит их онеметь перед лицом возродившегося могущества магии. Но он почему-то этого не делал, а сидел и смотрел то на одного, то на другого, слушая их угрозы. И постепенно они затихли, словно на гнев, как и на веселье, сил у них тоже не хватало. Нож был спрятан, угрозы превратились в обычное ворчание. Потом они начали потихоньку разбредаться, словно псы после драки — кто бегом, а кто ползком.

Когда они остались вдвоем, Ястреб встал, вошел в их комнату и долго пил из стоявшего за дверью кувшина.

— Пошли, парень, — сказал он. — С меня на сегодня хватит.

— К лодке?

— Да. — Он положил две местные серебряные монеты на подоконник в уплату за постой и собрал легкий вещевого мешок. Аррен устал, ему хотелось спать, но он оглядел комнату гостиницы, грязноватую и неприветливую, где на балках шевелились бесчисленные летучие мыши, вспомнил прошлую ночь, проведенную здесь, и с готовностью последовал за волшебником. К тому же, подумал он, спускаясь к пристани по одной из темных улочек Сосары, если они отплывут прямо сейчас, то сумасшедший тип по имени Попли наверняка опоздает. Однако он уже ждал их на пирсе.

— А, это ты, — сказал волшебник. — Ну что ж, залезай в лодку, если хочешь.

Попли молча забрался в лодку и скрючился у мачты, словно большая неряшливая собака. У Аррена все перевернулось в душе.

— Но, господин мой! — возмутился он. Ястреб обернулся; они стояли лицом к лицу высоко над водой. — Они все здесь сумасшедшие, но я считал, что ты-то в здравом уме. Почему же ты берешь его с собой?

— Как проводника.

— Проводника?.. Куда он поведет нас — к полному безумию? К смерти? Чтобы наша лодка потонула или ты получил нож в спину?

— Да, он поведет нас к смерти, но по тому пути, которого я не знаю.

Аррен горячился. Ястреб, хотя и отвечал ему спокойно, все же с трудом сдерживал ярость: он не привык, чтобы его допрашивали, да еще таким тоном. Аррен, еще с той минуты, когда он попытался там, на пыльной дороге, защитить Ястреба от бросившегося на него безумца, понял, насколько бесполезны, бессмысленны все его старания. С горечью он ощутил, что его любовь и преданность своему господину, столь сильные еще сегодня утром, сейчас будто разбились о каменную стену: никому его преданность была не нужна. Он не в силах был защитить Ястреба; ему даже не было позволено принимать самостоятельные решения; ему не было позволено даже понять цель затеянных ими поисков, а сам он не мог догадаться об этом. Его просто вели за ручку, бесполезного и беспомощного, точно дитя. Однако ребенком он уже не был.

— Я не стану спорить с тобой, господин мой, — он старался говорить ледяным тоном. — Но это... это в высшей степени неразумно!

— Да, это в высшей степени неразумно. Мы идем туда, где разум бессилён. Ты пойдешь со мной или нет?

От гнева у Аррена на глазах выступили слезы.

— Я уже давно сказал, что пойду с тобой повсюду и буду служить тебе. Я не нарушаю данного мной слова.

— Вот это хорошо, — мрачно сказал волшебник и уже будто бы

отвернулся, но потом снова посмотрел Аррену прямо в лицо. — Ты очень нужен мне, Аррен, а я — тебе. И вот что я скажу: сейчас я уверен, что мы идем тем путем, который предназначен для тебя; и ты должен пройти его — не из покорности или верности мне, но потому, что так было предначертано судьбой еще до того, как мы с тобой впервые встретились, до того, как ты ступил на берег острова Рок, до того, как ты покинул Энлад. Ты не можешь ни сойти с этого пути, ни повернуть назад. — Голос его звучал по-прежнему сурово. И Аррен отвечал ему не менее мрачно:

— Как же могу я повернуть назад, не имея лодки? Как вернусь я назад отсюда, с самого края света?

— Это, по-твоему, край света? Нет, он гораздо дальше. Но мы вполне можем еще до него добраться.

Аррен коротко кивнул и спрыгнул в лодку. Ястреб отвязал конец от причала и поднял волшебный ветер. Едва они вышли из мрачной пустой гавани Лорбанери, стало холоднее, вольный ветер подул с чернеющего в северной стороне Открытого Моря, а луна расстелила серебряную дорожку прямо перед ними и поплыла рядом, по левому борту, когда лодка, огибая остров, двинулась к югу.

Сумасшедший красильщик по-прежнему сидел у мачты, обхватив колени руками и уронив на них голову. Спутанная копна его рыжих волос в лунном свете казалась черной. Ястреб, плотно завернувшись в одеяло, улегся спать на корме. Ни тот, ни другой не шевелились. Аррен сидел на носу: он поклялся себе, что всю ночь простоит на вахте. Если Ястребу угодно считать, что этот безумец не причинит вреда ни ему самому, ни Аррену и не нападет на них в ночи, то и ради бога; он, Аррен, тоже кое-что смыслит, и у него свои соображения на этот счет, так что он сам позаботится о безопасности.

Однако ночь оказалась слишком длинной и тихой. С неба неустанно лился лунный свет. Скрючившийся у мачты Попли похрапывал тихо и протяжно. Лодка медленно шла по курсу; незаметно и Аррен соскользнул в сон. И сразу же проснулся. И увидел, что луна едва успела сдвинуться с места. Тогда он решил отказаться от самопожертвования, устроился поудобнее и крепко заснул.

Ему тут же приснился сон, как почти во все ночи их путешествия. Сначала сны его были короткими, отрывочными, но неожиданно приятными, вселяющими надежду.

Вместо мачты на «Зоркой» выросло дерево с широкой раскидистой кроной; лебеди влекли лодку за собой, хлопая широкими крыльями; далеко впереди над сине-зеленым берилловым морем светился город с белыми башнями. Потом Аррен почему-то оказался в одной из этих башен; он поднимался по винтовой лестнице — почти бежал, легко и с удовольствием. Видения эти сменяли друг друга, повторялись, за ними следовали другие, что уносились прочь без следа. И вдруг он снова оказался в сумерках на той самой ужасной вересковой пустоши, и прежний страх вновь возник в нем и продолжал расти, пока у него не перехватило дыхание. Однако он двинулся вперед — он должен был это сделать. Он шел долго и наконец понял, что здесь идти вперед — значит идти по кругу, снова и снова возвращаясь на то же место. Нужно было как-то выбраться, бежать, желание это становилось все более жгучим, и он побежал. Он бежал, а круги все сужались и сужались, земля под ногами превратилась в склон холма. Сумерки сгущались, и он бежал все быстрее и быстрее, как бы по кромке, по самому краю огромной воронки, которая постепенно

засасывала его куда-то во тьму. Едва успев понять это, он поскользнулся и упал...

— В чем дело, Аррен? — раздался с кормы голос Ястреба.

На небе занимался серый рассвет, море было удивительно тихим.

— Да так, ничего.

— Страшный сон приснился?

— Нет, ничего.

Аррен совсем замерз, правая рука, которую он отлежал, затекла и болела. Он прикрыл глаза, чтобы не видеть светлеющего неба, и подумал: «Он все время на что-то намекает, но так и не говорит, куда мы на самом деле плывем и зачем и почему именно я должен плыть туда. А теперь еще и этого сумасшедшего с нами тащит. Впрочем, кто из нас безумнее — этот красильщик или я сам? Я-то ведь тоже продолжаю тащиться за ними следом. Эти двое, наверно, смогут друг друга понять — именно волшебники теперь утратили разум, так он сам сказал. А я сейчас мог бы быть уже дома, в Бериле, в своей комнате с украшенными резьбой стенами, с красным ковром на полу. В камине горел бы огонь, а я проснулся бы пораньше, чтобы отправиться на соколиную охоту с отцом... Почему я пошел с ним? Почему он взял с собой именно меня? Потому, что это мой путь — так он сказал; только все это пустая болтовня волшебника, пытающегося сделать свои поступки значительнее с помощью громких слов. Вот только смысл этих слов вечно ускользает. Если передо мной и лежит какой-то путь, то это путь домой; довольно скитаться безо всякого смысла по далеким Пределам. У меня хватает дел и дома, я просто пренебрегаю своими обязанностями. Если он действительно считает, что реально существует некто могущественный, вредящий всем людям и волшебникам, то почему же он взял с собой одного лишь меня? Он мог бы взять в помощники другого мага — да хоть целую сотню магов. Он мог бы взять с собой армию, флот... разве так выходят навстречу грозной опасности — старый волшебник и юноша вдвоем в жалкой лодчонке? Это же просто безумие. Он, видно, и сам сумасшедший; к тому же он говорил, что ищет смерти. Он ищет смерти и хочет взять с собой меня. Но я пока еще с ума не сошел и до старости мне далеко; я не хочу умирать, и я не пойду с ним».

Аррен приподнялся на локте, глядя вперед. Луна, которая взошла у них прямо по курсу, когда они покидали залив Лорбанери, теперь снова оказалась там же и тонула в море. Сзади, на востоке, занималась бледная заря. Небо было чистым, но затянутым какой-то неприятной дымкой. Позже, днем, когда стало по-настоящему жарко, солнце все равно

наполовину скрывалось за этой дымкой.

Целый день они плыли вдоль берегов Лорбанери; низкие, зеленые, они тянулись справа. С суши дул ветерок, наполняя их парус. К вечеру они обогнули последний, далеко выдающийся в море мыс; бриз улегся. Ястреб поднял волшебный ветерок, и, словно сокол с запястья ловчего, «Зоркая» рванулась вперед, радостно раздув паруса и оставляя Шелковый Остров позади.

Красильщик весь день проторчал на одном месте; совершенно очевидно, он боялся и моря, и лодки и к тому же страдал от морской болезни. Он был совершенно измучен и только хрипло спросил:

— Мы на запад плывем?

Закат во все небо горел прямо у него перед носом, но Ястреб, проявляя паразитическое терпение, ответил на этот глупейший вопрос кивком.

— На остров Обеголь?

— Обеголь тоже лежит к западу от Лорбанери.

— Значительно западнее. До него еще далеко. Может быть, это место там.

— А на что это место похоже?

— Откуда мне знать? Разве я мог его рассмотреть? Оно ведь не на Лорбанери! Я годами пытался найти его, целых пять лет искал во тьме, по ночам, закрывая глаза, и всегда приходил Он и звал меня: «Пойдем, пойдем!» — но я пойти с ним не мог. Я не настолько могущественный волшебник, чтобы отыскать путь в Темной Стране. Но и под солнцем есть место, куда можно прийти и тоже попасть туда. Вот этого как раз Милди и моя мать понять не желали. Они продолжали искать во тьме. Потом старый Милди умер, а моя мать сошла с ума. Она позабыла заклятья, которыми мы пользовались при крашении, и от этого заболела. Она хотела умереть, но я сказал, чтобы она пока не спешила. Подождала, пока я не найду то место. Должно же оно где-то быть. Раз мертвые могут возвращаться обратно в этот мир, значит, в нем должен существовать путь, по которому они приходят.

— А разве мертвые оживают и возвращаются в этот мир?

— Я думал, тебе-то такие вещи известны, — помолчав, ответил Попли и вопросительно посмотрел на Ястреба.

— Нет, но мне бы очень хотелось об этом узнать.

Попли ничего не сказал. Волшебник вдруг твердо посмотрел ему прямо в глаза, хотя голос его прозвучал тихо и ласково:

— Уж не ищешь ли ты способа жить вечно, Попли?

Попли с минуту тоже смотрел ему в глаза, потом уткнулся своей

лохматой темно-рыжей башкой в колени, обхватил ее руками и стал качаться взад-вперед. Очевидно, он принимал такую позу каждый раз, когда боялся чего-то, а когда он чего-то боялся, то уже не способен был ни говорить о чем-либо, ни что-либо слушать. Аррен с отвращением и отчаянием отвернулся. Как они будут плыть дальше в обществе этого Попли долгие дни и недели в лодке, длина которой едва десять шагов? Это было все равно что поселиться в одном теле с чьей-то больной душой...

Ястреб подошел к юноше и оперся коленом о распор, глядя в желтоватый вечерний туман над морем.

— У этого человека нежная душа, — сказал он.

Аррен ничего не ответил. Потом холодно спросил:

— Что такое Обеголь? Я никогда не слышал такого названия.

— Мне этот остров тоже известен только по картам, так что я о нем почти ничего не знаю... Смотри-ка: вот и подруги Гобардон!

Теперь огромная, цвета золотистого топаза звезда горела еще выше над морем, а чуть ниже ее, почти над самой поверхностью воды, сияли в дымке белая звезда слева и бело-голубая справа, образуя как бы треугольник.

— Есть ли у этих звезд имена?

— Мастер Ономатет этого не знал. Может быть, у жителей Обеголя и Уэллоджи и есть — какие-то свои. Не знаю. Мы теперь плывем по неведомым морям, Аррен, под знаком Конца.

Юноша не ответил, почти с ненавистью глядя на яркие безымянные звезды над бесконечными водами моря.

Они плыли все дальше и дальше на запад, и море постепенно окутывало тепло южной весны; над головой сияли безоблачные небеса. Но Аррену почему-то казалось, что солнечному свету здесь не хватает яркости, он словно просачивался сквозь не слишком чистое стекло. Вода в море была теплой, как парное молоко, и купание приносило очень мало облегчения. Соленая пища не вызывала аппетита и казалась безвкусной. Все вокруг, казалось, утратило свежесть и яркость красок, вот только по ночам незнакомые звезды светили так ярко, как ему никогда прежде не доводилось видеть. Он обычно лежал, глядя на них, пока не засыпал. И ему снились сны: всегда одни и те же — о вересковой пустоши, или о колодце, или о долине, окруженной неприступными утесами, или о долгой дороге, ведущей вниз по склону горы под низко висящими тучами; и всегда сны эти были наполнены тусклым светом, ледящим душу ужасом и безнадежным желанием спастись.

Он ни разу не заговаривал об этом с Ястребом. Он вообще ни о чем

сколько-нибудь важном с ним не говорил, разве что о повседневных мелочах; Ястреб, которого и раньше-то нужно было специально раскачивать для беседы, теперь большую часть времени проводил в молчании.

Аррен окончательно осознал, каким был глупцом, доверив душу и жизнь свою этому беспокойному и скрытному человеку, который позволял мгновенным желаниям властвовать над собой и не делал ни малейшего усилия, чтобы как-то обезопасить себя, спасшись от смерти. Настроение у волшебника было какое-то обреченное; а все потому, думал Аррен, что он боится признать неудачу — ведь он не смог удержать на прежней высоте силу волшебства, самую великую в мире людей силу.

Теперь стало ясно, что для тех, кто знал тайны, не так уж много и существовало настоящих тайн, связанных с искусством магии, благодаря которой и сам Ястреб, и бесконечные поколения колдунов и волшебников добились своей славы и могущества. Ничего особенного в этом не было; кое-кто, правда, умело заклинал погоду, лечил травами да еще создавал такие хитрые иллюзии, как туман, таинственное свечение и изменение внешности; все это, конечно, могло привести в священный трепет невежду, но Аррен-то знал, что все это фокусы, трюки. Действительность неизменна. И нет в волшебстве ничего такого, что давало бы настоящую власть над людьми, не могло оно защитить и от смерти. Великие маги жили не дольше, чем обычные люди. И все ведомые лишь им одним слова даже на один час не могли задержать приход их собственной смерти.

Даже при решении не столь уж важных проблем полагаться на магию не стоило. Ястреб всегда очень мало пользовался своим мастерством; естественный ветер надувал их паруса, едва это становилось возможно; они ловили рыбу, чтобы прокормиться, и аккуратно делили запасы воды, как это делают все моряки. Целых четыре дня Аррен непрерывно менял галсы, пытаясь поймать нужный ветер, очень устал и попросил волшебника хоть ненадолго помочь ему своим волшебством. Когда Ястреб в ответ лишь отрицательно покачал головой, юноша не выдержал:

— Ну почему же нет?

— Я никогда не стану просить больного человека бежать со мной наперегонки, — ответил Ястреб, — и никогда не положу еще один камень в уже переполненную корзину на спине носильщика.

Было не совсем понятно, говорил ли он о себе или о мире в целом. Он и всегда-то отвечал не слишком охотно, теперь же его ответы было и вовсе трудно понять. Вот в этом и заключается самая суть их волшебства, думал Аррен: многозначительно намекнуть, но, в общем-то, ничего не сказать, да

еще сделать так, чтобы ничегонеделание казалось вершиной мудрости.

Аррен давно уже старался не замечать Попли, но это оказалось просто невозможно; он так или иначе постоянно сталкивался с безумным красильщиком. Впрочем, Попли вовсе не был таким уж безумным или был не просто безумным, как это могло показаться при виде его всклокоченной шевелюры и безумных глаз. На самом деле безумным в нем был тот немыслимый ужас, который он испытывал перед морем. Войти впервые в лодку стоило ему такого насилия над собой, что он так и не смог до конца от этого оправиться; он сидел, скрючившись и низко опустив голову, и старался без необходимости не менять этой позы, чтобы не видеть ни воды, раскачивающей лодку и плещущейся у самого борта, ни самой лодки — этой хрупкой скорлупки в пугающей безбрежности вод. При малейшей попытке встать на ноги он испытывал сильнейшее головокружение и постоянно жался к мачте. Когда в первый раз Аррен решил поплавать и нырнул с носа лодки, Попли в ужасе заорал; когда же Аррен снова вскарабкался в лодку, бедняга прямо-таки весь позеленел от пережитого потрясения.

— Я думал, ты утопиться решил, — сказал он, и Аррен не смог сдержать смеха.

Как-то в полдень, когда Ястреб сидел, погрузившись в какие-то свои мысли и ничего вокруг не замечая и не слыша, Попли, осторожно цепляясь за снасти, подобрался к Аррену и прошептал:

— Ты ведь не хочешь умирать, да?

— Конечно, нет.

— А он — хочет! — сказал Попли, мотнув в сторону Ястреба подбородком.

— С чего ты взял?

Аррен вдруг заговорил гордо и надменно, что, по правде сказать, получалось у него вполне естественно, и Попли воспринял этот тон как должное, хоть и был лет на десять-пятнадцать старше Аррена. Он ответил с покорной готовностью, но по-прежнему отрывисто и невнятно:

— Он хочет добраться до тайного места. Но я не знаю зачем. Он не хочет... Он не верит... в обещание.

— В какое обещание?

Попли метнул на Аррена взгляд, в котором на миг ожило его утраченное достоинство; однако воля его оказалась слабее, чем у юноши, и он тихонько ответил:

— Ты сам знаешь. В жизнь. В вечную жизнь.

Аррен вздрогнул. Он вдруг вспомнил свои сны, вересковую пустошь,

ужасную воронку, утесы, сумеречный свет... то была смерть, то был ужас смерти. От смерти он должен бежать, должен найти путь, ведущий прочь из ее царства. А на пороге его стоит человек, увенчанный теньями, и держит в руке огонек не больше жемчужины — отблеск бессмертия. Аррен впервые посмотрел Попли прямо в глаза: глаза были светло-карие, очень ясные; они подтверждали, что догадка Аррена правильна и что Попли разделяет с ним это знание.

— Он, — сказал Красильщик с Лорбанери, снова мотнув подбородком в сторону Ястреба, — ни за что имени своего не отдаст. А вместе с именем его никто туда протащить не сможет. Путь слишком узок.

— А ты видел этот путь?

— Во тьме, в душе. Но этого недостаточно. Я хочу попасть туда сам, хочу этот путь увидеть по-настоящему. В этом мире. И найти здесь его начало. Что, если я... если я умру, так и не отыскав то место? Большая часть людей не способна найти этот путь, они даже не знают, что он есть. Только немногие обладают необходимым для этого могуществом... И волшебных слов там больше не существует. И никаких имен. Мысленно попасть туда очень трудно. А когда ты... умираешь, умирают... и твои мысли. — Он каждый раз спотыкался на слове «умирать». — Я хочу *твердо знать*, что могу вернуться. Я хочу там побывать. Но с той стороны, где жизнь. Я хочу жить, жить без опаски. И я ненавижу... ненавижу эту воду...

Красильщик совсем свернулся в клубок и стал похож на паука, который падает на паутинке вниз; даже всклокоченную рыжую голову свою он втянул в плечи, чтобы не видеть моря.

После этого Аррен перестал избегать разговоров с ним, понимая, что Попли ведомы не только такие же сны, но и страх; именно это, если случится самое худшее, сделает Попли союзником Аррена против Ястреба.

Они все плыли и плыли — очень медленно, потому что часто наступал штиль или попутный ветер был совсем слабым, — на запад, куда, как притворялся Ястреб, их якобы вел Попли. Но Попли никуда их не вел: ведь он совсем не знал моря, в глаза никогда не видел морской карты, ногой раньше не ступал в лодку и смертельно боялся воды. Это сам волшебник вел их, и вел намеренно по ложному курсу. Аррен давно его раскусил и ясно понимал причины этого обмана. Верховный Маг знал, что они, как и многие другие люди, жаждут бессмертия, которое было им обещано, которое вполне возможно. Но в своей немыслимой гордыне Ястреб боялся не столько того, что кто-то обретет бессмертие, сколько просто завидовал; да, завидовал и боялся, что на земле может появиться человек, более

могущественный, чем он сам. И теперь хотел одного: уплыть как можно дальше в Открытое Море, где нет больше никаких островов, окончательно затеряться в безбрежных водах и уже никогда не возвращаться назад, в мир людей. Там, в Открытом Море, они просто умрут от жажды. Потому что для Ястреба лучше умереть самому, но не дать кому-то обрести вечную жизнь.

То и дело Ястреб коротко заговаривал с Арреном о каких-то мелочах — о руле и снастях, например, или о купании в теплом море; или желал ему спокойной ночи под яркими звездами — и тогда все эти черные мысли казались Аррену сущей чепухой. Он смотрел на своего спутника, видел его спокойное твердое терпеливое лицо и думал: «Это мой господин и мой друг». И ему казалось невероятным, что он осмелился усомниться в этом. Но проходило немного времени, и Аррен опять начинал сомневаться и обмениваться с Попли многозначительными взглядами при виде их «общего врага».

Каждый день жаркое солнце по-прежнему затягивало дымкой. Его рассеянный свет глянцем ложился на медленно вздымающуюся поверхность моря. Вода была неизменно синей, чисто синей. То поднимался, то затихал ветерок, и они постоянно меняли галс, чтобы поймать его, и едва ползли на запад к неведомой цели.

Однажды днем наконец подул довольно сильный попутный ветер, и Ястреб, показав куда-то вверх, в сторону заката, сказал:

— Смотрите.

Высоко над мачтой тянулась по небу вереница диких гусей, своими очертаниями похожая на руну Конца, нанесенную черным по синей глади небес. Гуси летели на запад; следуя в том же направлении, на следующий день «Зоркая» приблизилась к берегам крупного острова.

— Вот это место, — сказал Попли. — На этом острове. Мы должны здесь высадиться.

— То место, которое ты ищешь, там?

— Да. Мы непременно должны высадиться на этот остров. Дальше нам плыть невозможно.

— Это скорее всего Обеголь. За ним в Южном Пределе есть еще один остров, Уэллоджи. А на юге Западного Предела есть и более далекие острова. Ты уверен, что это именно здесь, Попли?

Красильщик с Лорбанери просто вышел из себя; глаза его сверкали злобой, но изрекал он теперь вовсе не такую бессмыслицу, подумал Аррен, как прежде, много дней назад, когда они впервые встретились с ним.

— Да, уверен! Мы должны высадиться здесь. Мы уже достаточно

далеко заплыли, хватит! Место, которое мы ищем, здесь. Может, ты хочешь, чтобы я в этом поклялся? Хочешь, я поклянусь своим именем?

— Ты не сможешь, — тяжело уронил Ястреб и пристально посмотрел на Попли, возвышавшегося над ним: Попли намеренно встал на ноги, крепко держась за мачту, чтобы получше разглядеть, что за земля впереди. — Лучше и не пытайся, Попли.

Красильщик весь скривился — не то от гнева, не то от боли. Потом посмотрел на горы вдаль, окутанные синей дымкой, что лежали прямо по курсу, и сказал:

— Ты взял меня как проводника. Это — место, которое ты ищешь. Здесь мы должны высадиться. Высадиться на берег.

— Мы в любом случае высадимся на берег. Нам нужно пополнить запасы воды, — сказал Ястреб и взялся за руль. Попли уселся на прежнее место, что-то бурча. Аррен слышал, как он сказал: «Клянусь своим именем. Именем своим», и повторял это без конца, и каждый раз все больше мрачнел.

Они подошли к острову при северном ветре и поплыли вдоль берега, подыскивая подходящую бухту, чтобы причалить, но волны с ревом и грохотом бились о северный берег Обоюля. В глубине острова под раскаленными лучами солнца словно пеклись зеленые, до самых вершин покрытые лесом горы.

Обогнув очередной мыс, они наконец заметили довольно глубокий полумесяц залива с белой полосой песка на берегу. Волны неторопливо лизали песок; силу их ударов гасил мыс. Здесь вполне можно было причалить. Никаких следов человеческой жизни не было заметно ни на берегу, ни в лесах, покрывавших горные склоны; они не увидели ни лодки, ни крыши дома, ни столба дыма. Легкий ветерок совсем стих, едва «Зоркая» успела войти в бухту. Штиль, безмолвие, жара. Аррен сел на весла. Ястреб встал к рулю. Скрип весел в уключинах казался здесь единственным живым звуком. Зеленые вершины гор мрачно возвышались над заливом, закрывая горизонт. Солнце расстелило на воде белоснежные жаркие простыни света. Аррен чувствовал, что в ушах у него молотом стучит кровь. Попли, покинув безопасное место у мачты, выполз на нос и, вцепившись в распорки, весь вытянулся в сторону острова. Темное, покрытое шрамами лицо Ястреба блестело от пота, словно намазанное маслом; взгляд его внимательно скользил вдоль полосы прилива и по густолиственным зарослям у подножия начинавшихся прямо от берега гор.

— Давай! — крикнул он, обращаясь то ли к Аррену, то ли к лодке. Аррен сделал три мощных гребка, и «Зоркая» легко вылетела на песок.

Ястреб тут же соскочил с кормы, чтобы подтолкнуть ее, однако вдруг споткнулся и чуть не упал. И тут почему-то вместо того, чтобы толкать лодку к берегу, подальше от линии прилива, он мощным рывком потащил ее обратно, на глубину, вместе с отбегающей волной. Потом перевалился через борт, упал на дно, и лодка как бы зависла между морем и берегом.

— Гребите! — выдохнул Ястреб, стоя на четвереньках и пытаясь перевести дыхание. Вода лила с него ручьями. В руках у него откуда-то взялось короткое копье или дротик локтя два длиной с бронзовым наконечником. Где это он его взял? Потом откуда-то прилетело еще копье и воткнулось в банку у самого краешка, расщепив дерево и пронзив борт насквозь. Изумленный Аррен греб что было сил, однако успел заметить, что в невысоком кустарнике чуть выше песчаного пляжа крадутся, осторожно приседая, какие-то люди. В воздухе послышались негромкие свистящие, звенящие звуки. Аррен втянул голову в плечи и с новой силой взялся за весла: два взмаха, чтобы отойти подальше на глубину, еще три — чтобы развернуть лодку и погнать ее прочь от берега.

Попли, стоявший на носу за спиной Аррена, вдруг дико закричал, и руки юноши оказались стиснуты с такой силой, что весла вылетели из воды и ручка одного из них ударила его под ребра так, что на несколько секунд Аррен ослеп от боли и не мог ни охнуть, ни вздохнуть.

— Поворачивай назад! Назад! — орал Попли. Лодка, накренившись, зачерпнула воды и закачалась. Попли вдруг разжал судорожно сжимавшие Аррена руки. Почувствовав свободу, юноша, совершенно разъяренный, обернулся и тут же снова ухватился за весла. Попли исчез. Лишь глубокие воды залива вздыхали и переливались под солнцем.

Аррен, чувствуя себя идиотом, еще раз обернулся, потом внимательно осмотрел лодку и вопросительно уставился на Ястреба, скрючившегося на корме.

— Вон там, — сказал волшебник, указывая куда-то за борт, но там ничего не было, только солнечные блики играли на поверхности моря. Дротик, пущенный из духовой трубки, упал совсем рядом с лодкой и бесшумно скрылся под водой. Аррен сделал еще десять-двенадцать мощных гребков, потом вычерпал воду и снова посмотрел на Ястреба.

Руки волшебника и его левое плечо, к которому он прижимал кусок парусины, были в крови. Копье с бронзовым наконечником валялось на дне лодки. Он вовсе не держал его в руках, как тогда показалось Аррену: его наконечник глубоко воткнулся ему под мышку. Ястреб не сводил глаз с полосы воды между лодкой и белым песчаным берегом, по которому в солнечном мареве металось несколько маленьких фигурок, махавших

руками. Потом скомандовал:

— Давай!

— Но Попли...

— Он так и не вынырнул.

— Неужели он утонул? — спросил Аррен, не веря.

Ястреб кивнул.

Аррен греб до тех пор, пока берег не превратился в тонкую белую полоску, за которой тянулась зеленая полоса кустарников и деревьев, взбирающихся по склонам гор. Ястреб сидел у румпеля, зажимая рану на плече куском тряпки и не обращая на нее особого внимания.

— В него попал дротик?

— Нет, он прыгнул сам.

— Сам? Но он... он же не умел плавать! Он так боялся воды!

— О да. Смертельно боялся. Он хотел... Хотел попасть на землю.

— Почему они напали на нас? Кто они такие?

— Они, должно быть, думали, что мы их враги. Ты не мог бы... не мог бы немного помочь мне с этим? — И тут Аррен заметил, что тряпица, которую волшебник прижимал к ране на плече, насквозь промокла от крови.

Дротик угодил между плечевым суставом и ключицей, порвав одну из крупных артерий, так что кровотечение было очень сильным. Следуя указаниям волшебника, Аррен разорвал на бинты льняную рубашку и наложил повязку. Ястреб попросил его принести попавший в него дротик, и когда Аррен положил дротик ему на колени, он правой рукой стал ощупывать наконечник из довольно грубо обработанной бронзы, длинный и узкий, похожий на ивовый лист. Потом он открыл было рот, словно собираясь что-то сказать, но только покачал головой.

— Нет у меня сил для заклинания, — сказал он. — Позже. Все будет в порядке. Ты сможешь вывести лодку из залива, Аррен?

Юноша молча вернулся к веслам. И, согнувшись, принялся за работу. Вскоре, поскольку сил в его стройном гибком теле было предостаточно, «Зоркая» вышла в Открытое Море. Стоял глубокий полдневный штиль, обычный для морей Южного Предела. Парус висел как тряпка. Солнце светило сквозь дымку, и зеленые вершины позади, казалось, дрожат и расплываются в жарком мареве. Ястреб вытянулся на дне лодки, пристроив голову повыше; он лежал неподвижно, глаза и губы чуть приоткрыты. Аррену было неприятно смотреть на его лицо, и он отвел глаза. Дальше, за кормой, жаркое марево качалось над водой, словно густая паутина. Казалось, эта паутина затянула и весь небосклон. Руки юноши дрожали от

усталости, но он продолжал грести.

— Куда ты правишь? — раздался вдруг хриплый голос Ястреба. Волшебник чуть приподнялся на локте и вопросительно смотрел на Аррена. Тот, обернувшись, снова увидел дугу залива, будто белыми руками обнимавшую их с обеих сторон, и близкие горы, толпившиеся в вышине. Он и не заметил, как развернул лодку и поплыл в обратном направлении.

— Все. Больше я грести не могу, — сказал Аррен и осушил весла. Потом пошел и лег, свернувшись в клубок, на носу. Ему продолжало казаться, что за спиной у него, по-прежнему прижавшись к мачте, сидит Попли. Они слишком много времени провели вместе, слишком неожиданной была его смерть, слишком бессмысленной. Все вообще было слишком непонятно, бессмысленно...

Лодка словно висела, чуть покачиваясь на волне; парус был совершенно безжизненным. Начинался прилив; волны все сильнее обрушивались на берег, потихоньку разворачивали лодку боком, подталкивали ее к белой линии песка на берегу.

— «Зоркая», — нежно позвал волшебник и прибавил еще пару слов Истинной Речи. Лодка мягко качнулась, развернулась и заскользила прочь от острова по слепящей водной глади.

Впрочем, не прошло и часа, как она будто устала и парус ее снова безжизненно обвис. Аррен оглянулся и увидел, что спутник его лежит на дне лодки в прежней позе, только голова его запрокинута, глаза закрыты.

Все это время Аррен ощущал тяжкий дурнотный ужас, который становился все сильнее, сковывал движения, словно тонкими нитями опутывая тело, туманил мозг. И мужество не восставало в нем против этого страха; он чувствовал лишь что-то вроде слабого негодования и сожалений относительно собственной судьбы.

Аррен отлично понимал, что нельзя оставаться здесь и дрейфовать близ берегов острова, чьи жители нападают на чужеземцев, однако в душе ему было и это все равно. А что, собственно, оставалось делать теперь? Плыть на веслах до острова Рок? Нет, конечно же, он пропал, все кончено, он затерян в безбрежности Открытого Моря, и не осталось больше никаких надежд. Он никогда не сможет проложить обратный курс или хотя бы довести лодку до ближайшего острова, где их приняли бы дружески. Может быть, под руководством волшебника ему бы это и удалось, но Ястреб смертельно ранен и совершенно беспомощен. И все случившееся было таким же неожиданным и бессмысленным, как и смерть Попли. Лицо волшебника изменилось, расслабилось; щеки приобрели желтоватый оттенок: похоже, он уже умирал. Аррен понимал, что нужно бы перенести

раненого под навес, в тень, и дать ему напиться — человек, потерявший столько крови, должен больше пить. Но у них уже много дней не хватало воды; бочонок был почти пуст. Впрочем, и это тоже не имеет значения. Ничего хорошего все равно ждать не приходится, все утратило смысл. Удача от них отвернулась.

Так прошло несколько часов. Солнце по-прежнему жгло беспощадно; жаркое сероватое марево окутывало Аррена со всех сторон, но он продолжал сидеть неподвижно.

Вдруг лба коснулось чье-то холодное дыхание: то была вечерняя роса. Солнце село; запад горел багрянцем. Дул слабый восточный ветерок, и «Зоркая» медленно огибала крутые лесистые берега Обеголя.

Аррен пробрался на корму и занялся своим спутником: устроил ему постель под навесом и дал напиться. Он делал все торопливо, стараясь не смотреть на пропитавшуюся кровью повязку, которую давно пора было сменить. Ястреб сильно ослабел и все время молчал; пил он жадно, но даже и тогда глаза его оставались закрытыми. Потом он снова погрузился в забытие, словно сейчас сон был для него важнее и сильнее жажды. Он так и лежал, тихий и недвижимый, и, когда с наступлением ночи ветер стих, паруса вновь повисли и лодка лениво закачалась на зеркально гладкой поверхности чуть вздыхающего моря: поднять волшебный ветер Ястреб не смог. Зато горы, которые еще недавно мрачно возвышались справа, совсем рядом с ними, отодвинулись и казались лишь черной изломанной линией на фоне звездного неба. Аррен долго смотрел на звезды. И рисунки южных созвездий показались ему странно знакомыми, словно он уже раньше видел их, словно знал их с детства.

Спать он улегся, как всегда, лицом к югу: там, высоко в небе над монотонно-спокойной гладью моря горела звезда Гобардон. Чуть ниже — еще две, образующие с ней вместе как бы вершины треугольника, а еще ниже, в основании этого треугольника, выстроились по прямой еще три звезды. Потом, ближе к полуночи, выскользнули на свободу из блещущей серебром черноты моря и ярко зажглись в небесах еще две звезды. Эти были желтыми, как Гобардон, хоть и светили более слабо. Теперь, считая предыдущие звезды, на небе начал образовываться второй, более крупный треугольник: там горело восемь из девяти звезд созвездия, которое, очевидно, и должно было походить на бегущего человека или на ардическую руну Агнен. Что касается Аррена, то он никакого человека в рисунке звезд не обнаружил; если только, как это часто случается с созвездиями, изображение его не было в значительной степени условным. Зато руна Агнен виделась ему совершенно ясно — с крючкообразной

ручкой и поперечной чертой в середине, она отчетливо светилась в небе, дописанная почти до конца, ибо последняя звезда еще не взошла.

Ожидая ее появления, Аррен уснул.

Когда же на рассвете он проснулся, то оказалось, что «Зоркую» отнесло еще дальше от Обеголя. Туман совсем скрыл его берега, лишь едва виднелись вершины гор. Туманная дымка плыла над фиолетовыми водами Южного Моря, и сквозь нее едва виднелись в небесах последние звезды.

Аррен взглянул на своего спутника. Ястреб дышал неровно, словно даже в забытии чувствовал сильную боль, не дававшую ему крепко уснуть. На лице его отчетливо проступили морщины, в холодном ровном утреннем свете оно выглядело неожиданно старым. Аррен вдруг увидел перед собой человека, который до конца израсходовал свои силы, и теперь у него не осталось ни волшебства, ни могущества, ни даже молодости — ничего. Он не спас Попли, не отвернул от себя ранивший его дротик. Из-за него все они оказались в опасности, но он ничего не сделал для их спасения. Попли мертв. Ястреб умирает, и Аррен скоро тоже непременно умрет. И все — только из-за ошибки этого человека, просто так, совершенно бессмысленно.

Аррен смотрел на волшебника с полной безнадежностью, словно в пустоту.

Ни одно воспоминание о прошлом не шевельнулось в его душе: ни фонтан под ясенем, ни белый волшебный свет над рабовладельческим судном в тумане, ни обглоданные червями деревья близ дома красильщиков. Ни воля, ни упрямство, ни гордость не проснулись в его сердце. Он смотрел, как разливается восход над спокойным морем, над легкими бледно-сиреневыми волнами, и все вокруг казалось ему похожим на сон, на невнятное, неясное, безжизненное видение. И в глубинах этого сна, как и в глубинах сиреневого моря, не было ничего — провал, пропасть, пустота...

Лодка то застывала на месте, то медленно двигалась куда-то в зависимости от желаний налетающего ветерка. Вершины Обеголя, уплывая назад, становились все меньше, все чернее на фоне разгорающейся зари; ветер дул с востока, унося лодку прочь от этого острова, прочь от мира людей, все дальше и дальше в Открытое Море.

Дети Открытого Моря

Где-то в полдень Ястреб шевельнулся и попросил воды. Напившись, он спросил:

— Куда мы плывем? — Парус у него над головой был надут, и лодка ласточкой неслась по волнам.

— На запад или на северо-запад.

— Мне холодно, — сказал Ястреб.

Солнце светило вовсю, заливая лодку зноем, и Аррен промолчал.

— Постарайся держать курс на запад. На Уэллоджи — он расположен к юго-западу от Обеголя. И там причаль: нам необходима вода.

Взгляд юноши был устремлен вперед, куда-то поверх пустынных волн.

— В чем дело, Аррен?

Аррен не отвечал.

Ястреб попытался сесть, но это ему не удалось; тогда он попытался дотянуться до посоха, что лежал у рундука, и тоже не смог. Он хотел было снова что-то сказать, но слова застряли в пересохшем рту. Снова открылось кровотечение; из-под задубевшей повязки, которая вновь промокла, по темной коже поползли тонкие, как паутинки, полоски ярко-алого цвета. Волшебник со стоном вздохнул и закрыл глаза.

Аррен смотрел на него совершенно равнодушно и вскоре отвернулся. Прошел на нос и снова уселся там, скрючившись и глядя вперед. Во рту страшно пересохло. Восточный ветер, что теперь постоянно дул над Открытым Морем, напоминал иссушающий ветер пустыни. В бочонке осталось не больше двух-трех кружек воды; Аррен считал, что эта вода — только Ястребу. Ему даже в голову не приходило отпить хоть глоток. Он поставил удочки: за время их долгого путешествия он узнал, что сырая рыба утоляет не только голод, но и жажду. Но на крючок никогда ничего не попадалось. Впрочем, и это было неважно. Лодка плыла и плыла по бесконечной водной пустыне. В вышине медленно, хотя в конце концов всегда выигрывая эту гонку через пространство, плыло солнце — тоже с востока на запад.

Как-то раз Аррену показалось, что на юге он видит голубую вершину — вполне возможно, остров. А впрочем, может, и просто облако. Он даже не попытался сменить галс: просто позволил лодке плыть дальше, куда-то на северо-запад, куда она уже много-много часов неслась безостановочно.

Остров то был или нет — все равно. Нет никакой надежды; Аррену теперь даже мощное великолепие ветра, солнца и моря казалось ненадежным и фальшивым.

Наступила ночь, потом снова день; тьма и свет казались медленными ударами барабана по туго натянутой ткани небес.

Аррен опустил руку в воду у борта. На мгновение он удивительно ясно увидел под живой водой зеленоватые очертания пальцев. Он наклонился и облизал их. Вода была горькой, больно жгла губы, но он снова обмакнул пальцы и облизал их. Потом его стошнило, он, скрючившись, свесился за борт; его выворачивало наизнанку, но сплюнуть удалось лишь немного чего-то жгучего. Напоить раненого ему было нечем, воды совсем не осталось, и Аррен боялся подходить к волшебнику. Он прилег: несмотря на жару, его бил озноб. Все вокруг было безмолвным, иссушающим и нестерпимо ярким. Спасаясь от яркого света, он прикрыл глаза рукой.

Они стояли рядом с ним в лодке; их было трое; худые, стройные, с горделивой осанкой, с удлиненными серыми глазами, они были похожи на диковинных темных цапель или журавлей. Языка их он не понимал. Голоса были тонкие, птичьи. Один наклонился к нему и поднес к пересохшему рту какой-то темный пузырь. Это была вода. Аррен пил жадно, задыхался, откашливался и снова пил, пока не выпил все до последней капли. Потом наконец осмотрелся и попробовал встать, тревожно спрашивая:

— Где, где он?

В лодке с ним рядом были только эти трое — странные хрупкие существа. Они непонимающе смотрели на него.

— Другой человек, — прокаркал он; воспаленное горло и распухшие, как олады, губы не повиновались ему, — мой друг...

Один из них понял его тревогу — даже если не понял самих слов — и, положив свою легкую руку Аррену на плечо, другой рукой указал куда-то.

— Там, — сказал он, пытаясь успокоить юношу. Аррен посмотрел в указанном направлении и увидел: прямо по курсу и к северу лодку окружало множество плотов; одни собрались в плотную кучу, другие были раскиданы по морю довольно далеко друг от друга. Их было так много, что они казались осенними листьями на поверхности пруда. Плоты были невысокие, на каждом — одна или две хижины ближе к центру; на некоторых плотках были даже мачты. Подобно листьям, плоты кружились, поднимались и опускались вместе с волнами, несомые сильным западным течением. Полоски воды между ними сверкали серебром; в небесах курчавились пышные фиолетовые и золотистые дождевые облака, на западе

сгущавшиеся в темные грозовые тучи.

— Там, — повторил человек, указывая на большой плот рядом с «Зоркой».

— Жив?

Все одновременно посмотрели на Аррена. Они не понимали. Наконец один догадался:

— Жив. Он жив.

И тут Аррен заплакал; сухие, без слез рыдания разрывали грудь. Тогда один из незнакомцев взял его за руку и повел на тот плот, к которому была пришвартована «Зоркая». Этот плот был так велик и прочен, что даже не качнулся под их общим весом. Аррена провели на другой его конец, и один из незнакомцев, перевесившись через край, тяжелой острой с наконечником из зуба китовой акулы подцепил и подтащил ближе еще один, соседний плот. Они легко перебрались на него, и Аррен оказался перед навесом или примитивной хижиной, сделанной из циновок, одна стена которой была поднята.

— Ложись, — сказали ему, и больше Аррен ничего не помнил.

Потом он лежал на спине, вытянувшись, и смотрел на грубо сплетенную зеленую крышу, пронизанную маленькими пятнышками света. Он решил было, что оказался в яблоневых садах Семермина, где обычно проводят лето принцы Энлада, в холмистой местности близ Берины, и лежит в густой траве, глядя в небо сквозь просвечивающие солнцем ветви цветущих яблонь.

Потом вдруг услышал влажный шлепок и плеск воды где-то под плотом, над бездонной глубиной, и высокие голоса людей, что живут на этих плотках. Они пользовались ардическим языком, на котором говорят повсюду на Архипелаге, только произношение и интонации были у них часто совершенно иными, так что сразу понять было трудно. Теперь Аррен знал, что он очень далеко от Архипелага, дальше самых дальних Пределов, в безбрежном Открытом Море. Но он почему-то и на это реагировал на удивление спокойно и лежал себе на мягком и удобном ложе, словно в садах своей далекой родины.

Потом он решил, что пора, пожалуй, встать, и встал, обнаружив при этом, что тело стало слишком худым и как будто подсушенным на солнце; впрочем, ноги хоть и дрожали, но вполне слушались. Он отвел в сторону циновку, изображавшую стену, и вышел наружу. Был полдень. Все время, пока он спал, шли дожди. Крупные, гладкие, с квадратным сечением бревна, тесно пригнанные друг к другу и проконопаченные, были мокрыми и темными. Черные волосы хрупких полуобнаженных жителей плотов

блестели после дождя. Грозовые тучи умчались уже далеко на северо-восток, тая в серебристой дымке.

Один из черноволосых людей осторожно приблизился к Аррену и остановился шагах в двух от него. Он был стройный и гибкий, небольшого роста — не выше двенадцатилетнего мальчишки. На Аррена внимательно смотрели продолговатые большие и темные глаза. В руках незнакомец держал копье с зазубренным наконечником из кости.

— Я обязан тебе и твоему народу жизнью своей, — сказал Аррен.

Человек кивнул.

— Ты отведешь меня к моему товарищу?

Человек обернулся и крикнул что-то пронзительным, похожим на крик морской птицы голосом. Потом присел на корточки у края плота, словно чего-то ожидая; Аррен последовал его примеру.

На их плоту мачты не было, хотя на большей части плотов они имелись. К мачтам крепились паруса, довольно маленькие по сравнению с огромными плотами; паруса были изготовлены из какого-то коричневого материала — не парусины и не холста, — а скорее сплетенного или сотканного из каких-то странных волокон; причем волокна даже, пожалуй, и не ткали, а сбивали, как войлок. На одном из плотов, шагах в трехстах от них, спустили парус, и плот этот медленно двинулся к ним, лавируя между другими плотами. Когда до него оставалось не больше двух шагов, человек, сидевший рядом с Арреном, встал и, ни секунды не раздумывая, легко прыгнул. Аррен последовал за ним и весьма неуклюже приземлился на четвереньки, настолько ослабели и лишились былой упругости его ноги. Он поднялся и заметил, что маленький человечек смотрит на него вовсе не насмешливо, а с одобрением и сочувствием.

Этот плот был больше и выше остальных; сделанный из толстых бревен — шагов тридцать в длину и семь-восемь в ширину, — он почернел от дождей и старости, дерево его как бы лоснилось. Загадочные резные деревянные фигуры возвышались рядом с хижинами в центре — то ли храмами, то ли просто жилищами; в каждом из четырех углов плота был укреплен высокий шест, увенчанный пучком перьев морских птиц. Провожатый подвел Аррена к самой маленькой из хижин, и там юноша наконец увидел Ястреба, погруженного в глубокий сон.

Аррен подошел и сел рядом с ним. Провожатый вернулся на свой плот; никто Аррена не беспокоил. Незнакомая женщина принесла ему поесть: что-то похожее на холодное рыбное рагу, в котором попадались кусочки чего-то зеленого и желеобразного, солоноватого, невкусного; она дала ему также маленькую чашечку воды, несвежей, пахнувшей смолой. Аррен

заметил — по тому, как она подносила ему воду, — что это здесь драгоценность, почитаемая превыше всего. Он принял и выпил ее с должным уважением и больше не попросил, хотя мог бы выпить раз в десять больше.

На плечо Ястреба была мастерски наложена повязка; он спал глубоким сном выздоравливающего человека. Когда же проснулся, глаза его глядели ясно. Увидев Аррена, он улыбнулся доброй счастливой улыбкой — улыбка всегда поразительно меняла его суровое лицо. Аррен вдруг снова почувствовал, что к глазам у него подступают слезы. Он накрыл рукой руку волшебника и молчал, не в состоянии вымолвить ни слова.

Тут в хижину вошел один из представителей «плавучего народа» и присел на корточки неподалеку. Большая соседняя хижина представляла собой нечто вроде храма с очень сложным рисунком, выложенным с помощью мозаики над входом. Резная дверная рама изображала двух больших китов, выпускающих фонтаны воды. Пришедший был таким же хрупким и невысоким, как все люди на плотях. Он был похож на мальчика с удивительно сильным волевым лицом зрелого мужчины. На нем была лишь набедренная повязка, но достоинство окутывало его подобно королевской мантии.

— Он должен спать, — сказал он, и Аррен, оставив Ястреба, подошел к незнакомцу.

— Ты вождь этого народа, — сказал юноша, как всегда узнавая великого правителя с первого взгляда.

— Да, — ответил человек, коротко кивнув. Аррен, выпрямившись, застыл перед ним. Темные глаза человека только скользнули по его лицу. — Ты тоже вождь, — уверенно заключил он.

— Да, — ответил Аррен. Ему страшно хотелось узнать, как вождь «плавучего народа» об этом догадался, однако он и глазом не повел. — Но сейчас я служу своему господину.

Маленький вождь еще что-то проговорил, но уже совсем непонятное, столь странно звучали в устах этого народа слова ардического языка. А может быть, то были чьи-то имена, которых Аррен не знал. Потом вождь спросил:

— Зачем вы явились в Балатран?

— В поисках... — И Аррен запнулся, не зная, как выразить всю ту мешанину мыслей и чувств, что обуревала его, и неуверенный, можно ли сказать этому человеку правду. Все, что с ними произошло, как и сама суть их поисков, казалось, уплыло, затерялось в далеком прошлом. Все перепуталось в его памяти. Наконец он сказал: — Мы приплыли к острову

Обеголь. Его жители напали на нас, когда мы хотели высадиться на берег. И мой господин был ранен.

— А ты?

— Я остался цел, — спокойно сказал Аррен: холодное самообладание, воспитанное в нем с детства королевскими слугами, и на этот раз сослужило ему хорошую службу. — Но потом что-то такое произошло со мной... с нами... что-то вроде помешательства. Наш спутник утонул... Во всем таился какой-то страх... — Он умолк и застыл.

Вождь наблюдал за ним своими темными непроницаемыми глазами. Потом сказал:

— Значит, вы попали сюда случайно?

— Да. А мы все еще в Южном Пределе?

— В Пределе? О нет. Острова... — вождь изящным взмахом тонкой темнокожей руки описал в воздухе полукруг с севера на восток, — острова находятся там. Все острова. — Потом таким же изящным жестом обвел закатное море перед ними по кругу — с севера через запад на юг — и сказал: — Это все море.

— А с какого острова вы сами, господин мой?

— Мы не с острова. Мы — Дети Открытого Моря.

Аррен смотрел на его умное живое лицо, на огромный плот с храмом, окруженным высокими идолами, вырезанными из цельных стволов могучих деревьев... То были их боги — полудельфины-полурыбы-полулюди-полуптицы... Потом он обвел взглядом плоты, где люди были заняты самой обычной работой: плели корзины и циновки, вырезали что-то из дерева, ловили рыбу, готовили еду на возвышениях для очага, возились с детьми. Плотов было по меньшей мере десятков семь, они порой были разбросаны на довольно большом расстоянии друг от друга. Это был настоящий город: вдали над хижинами виднелись тонкие струйки дыма; ветер разносил звонкие голоса детей. Да, это был настоящий город, вот только под полом его жилищ была морская бездна.

— Неужели вы никогда не высаживаетесь на землю? — спросил юноша шепотом.

— Один раз в год. Тогда мы приплываем к Долгой Дюне. Там мы рубим лес и чиним плоты. Это бывает осенью. А потом мы уходим вслед за серыми китами к северу. Зимой мы расстаемся — каждый плот дрейфует сам по себе. Весной же все собираются в Балатране, в этих водах. Мы ходим друг к другу в гости, играем свадьбы, потом состоится Долгий Танец. Здесь пролегают пути Балатрана; отсюда великие течения несут нас на юг. Все лето мы плывем по их воле, пока не увидим, как Великие —

большие серые киты — поворачивают на север. Тогда мы и пускаемся следом за ними и в конце концов возвращаемся к селению Эмах, что на Долгой Дюне.

— Но это просто поразительно, господин мой! — сказал Аррен. — Никогда не слышал я о таких людях, как вы. Мой дом очень далеко отсюда. Но и там, на острове Энлад, мы тоже танцуем Долгий Танец в преддверии лета.

— Только вы утаптываете землю, делая ее более прочной, — сухо откликнулся вождь, — мы же танцуем над бездной морской. — Он помолчал немного и спросил: — Как зовут его, твоего господина?

— Ястреб, — ответил Аррен. Вождь правильно повторил это слово, однако смысла его явно не понимал. И одно это заставило Аррена безоговорочно поверить в правдивость рассказа вождя о том, как его народ всю свою жизнь, год за годом, проводит в Открытом Море, где никаких островов нет и в помине, куда даже птицы сухопутные не долетают, — в этих неведомых жителям Земноморья водах.

— Смерть стояла с ним совсем рядом, — сказал вождь. — Он должен много спать. А ты пока возвращайся на плот Стара; я потом за тобой пошлю. — Он встал. Будучи полностью уверенным в себе, вождь не до конца понял, кто такой Аррен и как с ним должно ему обращаться: как с равным или как с обычным мальчишкой. Аррену в таком положении больше по душе было бы последнее, и он даже обрадовался, что его отсылают прочь, но тут возникла проблема совсем иного рода. Плоты разнесло далеко друг от друга, по крайней мере на добрую сотню шагов, и гладкая поверхность моря блестела меж ними под солнцем.

— Плыви же, — коротко бросил ему вождь.

Аррен бросился в воду. Ее прохладные ладони ласкали обожженную солнцем кожу. Он проплыл расстояние до ближайшего плота, где его поджидала компания из пяти-шести ребятишек и несколько молодых людей, наблюдавших за незнакомцем с доброжелательным интересом. Какая-то малышка сказала:

— Ты плывешь, как рыба, попавшаяся на крючок.

— Как же мне нужно плавать? — вежливо спросил Аррен. Он, хоть и почувствовал некоторое унижение, все же ни за что не смог бы нагрубить такому невероятно крошечному человечку. Девочка была похожа на хрупкую изысканную статуэтку из полированного красного дерева.

— А вот как! — крикнула она и нырнула, словно маленький тюлень, в сверкающую воду. Только очень не скоро услышал он где-то вдали ее пронзительный голосок и увидел черную гладкую головку над

поверхностью моря.

— Давай теперь ты, — сказал Аррену юноша примерно одних с ним лет, хотя ростом и телосложением больше походил на двенадцатилетнего. Лицо у него было довольно мрачное, а во всю спину татуировка: синий краб. Юноша нырнул, и все остальные тоже, даже трехлетний малыш, так что Аррену пришлось последовать их примеру. Он плыл, изо всех сил стараясь не поднимать брызг.

— Ты плыви, как угорь, — сказал тот юноша с крабом на спине, выныривая возле его плеча.

— Или как дельфин, — предложила Аррену хорошенькая девушка с прелестной улыбкой и тут же исчезла в глубине.

— Или как я! — с удовольствием выкрикнул трехлетний малыш, бултыхаясь, как пустая бутылка.

В тот вечер до самой темноты и весь следующий золотой от солнца длинный день, и еще много-много дней Аррен плавал, беседовал и работал вместе с молодежью, жившей на плоту Стара. И из всего, что произошло за время их путешествия, с того момента, когда он в корне изменил свою жизнь, отплыв с Ястребом от берегов острова Рок, происходящее теперь казалось Аррену в известном смысле самым странным, ибо все это никак не было связано с тем, что случилось раньше — ни за время путешествия, ни за всю его жизнь; а еще меньше — с целью их поисков. Ночью, укладываясь спать вместе со всеми прямо под звездным небом, он думал: «Все так, словно я уже умер и это происходит со мной после смерти, в краю, где вечно светит солнце, за пределами нашего мира, среди сыновей и дочерей моря...» Прежде чем уснуть, он обязательно искал и всегда находил на юге желтую звезду Гобардон и руну Конца, которую вместе с Гобардон составляли ее младшие сестры. Однако теперь звезды всходили позже, и он был не в состоянии бодрствовать до тех пор, пока все созвездие не покажется над горизонтом. Днем и ночью плоты плыли на юг, но в море никогда ничего не менялось, ибо то, что меняется постоянно, всегда выглядит неизменным. Майские дожди прекратились, по ночам небо было усыпано яркими звездами, а днем всюду светило солнце.

Аррен понимал, что жизнь на плотях не всегда так легка и беспечна, словно приятный сон. Он расспрашивал своих новых друзей о зиме, и они рассказывали о долгих дождях, о мощных водяных валах, об одиноких плотях, дрейфующих меж высоких волн под серым беспросветным небом над чернотой океана — неделю за неделей, месяц за месяцем. В прошлую зиму во время шторма, который длился дней тридцать, они видели такие огромные волны, которые, по их словам, были «словно грозовые тучи»:

слова «гора» они не знали. С гребня одной такой волны можно было видеть следующую, невероятных размеров, за несколько тысяч шагов от первой, и эти громады одна за другой обрушивались на их плоты. «Выдерживают ли плоты такие бури?» — спрашивал Аррен, и они отвечали: «Да, но не всегда. Весной, когда мы собираемся на Путиях Балатрана, обычно не хватает двух, трех, шести плотов...»

Они вступали в брак совсем юными. Голубой Краб, тот самый юноша с татуировкой в честь собственного имени, и хорошенькая девушка по имени Альбатрос уже были мужем и женой, хотя ему исполнилось лишь семнадцать, а ей — на два года меньше; и подобных браков было множество. Бесчисленные младенцы ползали и спали прямо на бревнах, привязанные длинными веревками к угловым столбам хижины, стоявшей в центре; они сами заползали под навес, спасаясь от дневной жары, и спали там вповалку живыми шевелящимися грудями. Старшие дети присматривали за младшими, а мужчины и женщины любую работу делали вместе. Все без исключения по очереди занимались сбором крупных морских водорослей с коричневыми листьями, «нилгу Балатрана», немного похожих на папоротник, но очень длинных — от сорока до пятидесяти шагов в длину. Все вместе трудились, сбивая нилгу в ткань типа войлока или сплетая жесткие волокна в веревки или сети; все вместе занимались рыбной ловлей, сушили и вялили рыбу, изготавливали различные инструменты из китовой кости, и вообще — выполняли любую необходимую для жизни на плоту работу. Но всегда у них находилось время, чтобы поплавать или поговорить друг с другом, и никогда не назначался точный срок, к которому та или иная работа должна была быть выполнена. Время там измерялось не часами, а днями и ночами — целиком. После нескольких таких дней и ночей Аррену уже казалось, что он прожил на плоту невероятно долго, а Обеголь просто дурной сон, за которым маячили еще более туманные сны и — какой-то далекий, другой мир, в котором он когда-то жил — все время на суше — и был принцем Энлада.

Когда вождь наконец призвал Аррена на свой плот, Ястреб некоторое время изучал его, потом сказал:

— Ты выглядишь, как тот Аррен, которого я видел во дворике у фонтана; гладкий, как золотистый тюлень. Видно, хорошо тебе здесь, сынок.

— О да, господин мой!

— Да, но где же мы теперь? Все острова остались позади. Мы заплыли в такие края, которые не указаны ни на одной карте... Давным-давно я

слышал историю о народе, живущем на плотах, но решил тогда, что это всего лишь очередная сказка о Южном Пределе, выдумка, беспочвенная фантазия. Однако эта «фантазия» вовремя оказалась рядом и спасла нас от смерти.

Он говорил улыбаясь, словно тоже вкусил безвременно летней, легкой, полной света жизни; но исхудалое лицо его было обтянуто кожей, а в глазах затаилась беспросветная тьма. Аррен, заметив это, решился сказать все.

— Я предал... — начал он и запнулся. — Я предал твое доверие, твою веру в меня.

— Это почему же, Аррен?

— Там... в Обеголе, когда в первый и единственный раз я оказался нужен тебе. Ты был ранен, тебе нужна была моя помощь... Но я не сделал ничего! Лодка дрейфовала сама по себе, и я позволил ей это, пустил по воле волн. Ты страдал от боли, но я ничем не облегчил твоих страданий. Я видел другой остров... да, я видел его, но даже не попытался повернуть лодку...

— Спокойно, парень, — сказал волшебник твердо, и Аррен подчинился. Ястреб спросил: — Скажи, о чем ты думал тогда?

— Ни о чем, господин мой... ни о чем! Я считал, что совершенно бессмысленно предпринимать что-либо. Я думал, что все твое могущество улетучилось без следа — нет, что его никогда и не было! Что ты давно уже обвел меня вокруг пальца... — На лбу у Аррена выступили капли пота; ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы продолжать говорить, однако он превозмог себя: — Я боялся тебя. Я боялся смерти. Я так ее боялся, что мне не хотелось смотреть на тебя, потому что ты, возможно, уже умирал. Я ни о чем больше не мог думать, кроме того, что для меня существует... существует путь к бессмертию, если я смогу найти его. Но жизнь все вытекала и вытекала из меня, словно во мне была большая кровоточащая рана — такая, как у тебя. И рана эта была как бы во всем. И я не делал ничего, ничего не предпринимал, только пытался спрятаться от ужаса медленной смерти.

Аррен замолчал, потому что говорить правду вот так, ему в лицо, вслух, было непереносимо стыдно. Хотя больше юноше мешал не стыд, а страх — все тот же страх. Он понял теперь, почему эта спокойная жизнь на море, пронизанном солнечными лучами, казалась ему нереальной, похожей на жизнь в раю или на сон: в глубине души он знал, что действительность пуста — в ней нет жизни, нет тепла, нет ярких красок, радостных звуков, нет смысла. И нет в ней ни высот, ни глубин. И вся эта прелестная игра в превращения, солнечные блики на поверхности воды и солнце в глазах людей — лишь иллюзии, забавы, выдумки. А внизу — бездна.

Но очарование миновало, и в душе остались пустота и холод. Больше ничего.

Ястреб по-прежнему внимательно смотрел на него, и юноша потупился, чтобы избежать этого взгляда. Но тут в нем неожиданно и несмело заговорил голос мужества или, возможно, самоиронии. Голос этот звучал высокомерно и безжалостно: «Трус! Трус! Неужели ты и друга своего сбросишь со счетов?»

С огромным трудом Аррен заставил себя поднять глаза и посмотреть Ястребу в лицо.

Тот потянулся к нему, крепко сжал его руку, и они снова встретились — не только взглядом, но и душами.

— Лебаннен, — сказал волшебник. Он никогда еще не произносил вслух подлинного имени Аррена, и Аррен никогда его ему не называл. — Да, Лебаннен. И это твоя сущность. Спасения нет, как и нет конца. Лишь в тишине можно услышать слово. Лишь в полной тьме — увидеть звезды. И великий танец всегда танцуют на краю пропасти, над страшной бездной.

Аррену больше всего хотелось удрать, но волшебник крепко держал его за руку: не пускал.

— Я не оправдал твоих надежд, — сказал юноша. — И это случится еще не раз. У меня не хватает сил!

— Сил у тебя вполне хватает. — Голос Ястреба звучал почти нежно, но в нем звенела твердость и легкая насмешка, родственная той, что заставила Аррена только что преодолеть свой внутренний страх. — Ты не перестанешь любить то, что любишь. И доведешь до конца начатое дело. На тебя можно положиться, Аррен. Ничего удивительного, если ты сам этого до сих пор еще не понял: у тебя в распоряжении было всего семнадцать лет. Но учти, Лебаннен: отказываться от смерти значит отказываться от жизни.

— Но я же искал смерти! — Аррен поднял голову и непонимающе уставился на Ястреба. — Как Попли...

— Попли смерти не искал. Он хотел положить конец своему страху перед смертью.

— Но ведь существует какой-то путь... Тот путь, который искал Попли. И Харе. И другие тоже. Путь назад к жизни, к бесконечной жизни, к жизни без смерти... Ты... ты ведь лучше других... ты должен знать об этом пути...

— Я этого пути не знаю.

— Ну а другие волшебники?

— Мне известно, что некоторые его ищут. Но известно мне также и то,

что все они умрут. Как умер Попли. Что умру я. Что умрешь и ты.

Твердая рука его по-прежнему сжимала руку Аррена.

— И я очень ценю это знание — великий дар. Дар понимания собственной сути. Ибо принадлежит нам только то, что мы боимся потерять. Самопознание — это наш крест, наше величие, наша человечность, но оно не вечно. Самовосприятие меняется, исчезает, уходит, словно волна в море. Хотел бы ты, чтобы море навсегда стало спокойным, застыло и приливы перестали вздымать волну за волной? Разве отдашь ты умение своих рук, страсть своей души, жажду познания ради полной безопасности?

— Безопасности? — эхом повторил Аррен.

— Да, — подтвердил волшебник. — Безопасности.

И выпустил руку юноши и отвернулся от него, словно забыв вдруг о его существовании, хотя они по-прежнему сидели лицом к лицу.

— Не знаю, — сказал наконец Аррен. — Я не понимаю, что я ищу, куда иду, кто я такой.

— Зато я знаю, кто ты такой, — сказал Ястреб тем же тихим суровым голосом. — Ты мой проводник. Благодаря своей невинности и мужеству, своему неведению и верности ты стал моим проводником — дитя, которое я послал впереди себя во тьму. Это твой страх ведет меня. Ты думал, что я жесток по отношению к тебе, но никогда не подозревал, насколько жестоко я пользуюсь твоей любовью — как человек свечой, сжигая ее дотла, чтобы осветить перед собой путь. Но мы должны идти дальше. Должны. Мы должны пройти этот путь до конца. Должны добраться до пересохшего источника, до тех мест, куда влечет тебя страх смерти.

— Где же это, господин мой?

— Не знаю.

— Я не могу отвести тебя туда. Но я пойду с тобой.

Взгляд волшебника был мрачен и непостижим.

— Но если я снова подведу тебя и предам...

— Я сохраню веру в тебя, сын Морреда.

И оба погрузились в молчание.

Высокие резные идолы чуть покачивались над ними на фоне синего южного неба — слитые воедино тела дельфинов, крылья чаек, лица людей с выпученными рачьими глазами...

Ястреб медленно, с трудом поднялся: он был еще далеко не здоров и рана его еще не зарубцевалась.

— Устал я от сидения, — сказал он. — От безделья я, пожалуй, еще растолстею. — И начал мерить плот медленными шагами. Аррен

присоединился к нему. Они неспешно беседовали; Аррен рассказывал, как проводит время, с кем подружился. Однако даже неукротимая душа Ястреба вынуждена была уступить напору физической слабости: сил у него было пока маловато. Он остановился возле одной из девушек, ткавшей что-то из волокон нилгу на своем станке за Храмом Великих, и попросил ее разыскать вождя, а сам вернулся в хижину. Туда вскоре и прибыл вождь, приветствовав Ястреба с должным почтением, и волшебник ответил ему тем же. Втроем они уселись на пятнистой шкуре тюленя под навесом.

— Я долго думал, — медленно, с подобающей торжественностью начал вождь, — о том, про что ты рассказал мне. Как люди надеются вернуться из царства смерти и стать такими же людьми во плоти и крови, как прежде; как они при этом забывают своих богов, потребности своей души и тела и сходят с ума. Это все очень дурно! Видимо, все они сошли с ума. Думал я и о том, имеет ли это отношение к нам. Мы не общаемся с другими народами, не бываем на островах, где они обитают; наши пути не пересекаются, мы не ведаем, как они создавали и теперь разрушают свой мир. Мы живем в море, и жизни наши принадлежат морю. Мы не надеемся спасти их, но и не спешим до времени их потерять. То, ваше, безумие нас не затронуло. Мы не высаживаемся на землю, и жители суши не бывают у нас. Когда я был молод, нам порой случалось беседовать с людьми, которые приплывали на лодках к Долгой Дюне. Мы рубим там бревна для плотов и починки зимних жилищ. Часто осенью мы видели паруса судов с Оголя и Уэлуи (так он произносил названия островов Обеголь и Уэллоджи); эти суда охотились на серых китов. Иногда они следовали за нашими плотами на дальние расстояния, потому что мы знаем пути и места встреч Великих. Но то были мои единственные встречи с сухопутными жителями, а теперь они больше не появляются совсем. Возможно, они все уже сошли теперь с ума и вступили в войну друг с другом. Два года назад над северной оконечностью Долгой Дюны в течение трех дней был виден дым большого пожара. Но даже если это действительно был пожар, то что нам до того? Мы — Дети Открытого Моря. Мы следуем его путями.

— И все-таки, заметив принадлежащую жителям островов лодку, попавшую в беду, вы приблизились к ней, — сказал Ястреб.

— Кое-кто из наших считал, что поступать так глупо; они предлагали не трогать лодку — пусть плывет хоть за край моря, — ответил вождь высоким бесстрастным голосом.

— Ты не был одним из тех.

— Нет. Я сказал, что хоть это и люди с островов, мы все же им поможем. Так и было сделано. Но к вашим поискам мы не имеем ни

малейшего отношения. Если среди жителей островов поселилось безумие, они сами должны с этим бороться. Мы же следуем путем Великих. Мы не можем помочь вам. Но вы можете оставаться с нами так долго, как сами того пожелаете: мы будем рады. Уже совсем скоро праздник Долгого Танца; после него мы поплывем назад, на север, и восточное течение, завершив круг, к концу лета принесет нас опять к Долгой Дюне. Если вы останетесь с нами и ты излечишься от своего недуга, это будет хорошо. Если же вы сядете в свою лодку и поплывете своим путем — то и это тоже будет для нас хорошо.

Волшебник поблагодарил его, вождь встал — тонкий, напряженный, словно цапля, — и снова оставил их наедине.

— У невинности не хватает сил, чтобы бороться со злом, — холодно сказал Ястреб, — однако для добра сил у нее хватает... Мы побудем с ними еще немного; я постараюсь поскорее избавиться от этой проклятой слабости.

— Это мудрое решение, господин мой, — сказал Аррен. Физическая хрупкость Ястреба поразила и тронула его; теперь он решил защитить этого неукротимого человека от него же самого, от горевшей в нем страсти, от мучившей его необходимости решить поставленную перед собой задачу. Юноша решил настоять, чтобы они не отправлялись в путь, по крайней мере до тех пор, пока у волшебника не прекратятся боли.

Ястреб смотрел на него, как бы пораженный похвалой.

— Они все тут очень добрые, — продолжал Аррен, не замечая удивления Ястреба. — Похоже, их душ вовсе не коснулась та болезнь, что точит жителей Хорта и других мест. Возможно, больше и не осталось островов в Земноморье, где нам тогда помогли бы и так хорошо приняли бы, как здесь, на этих затерянных в просторах океана плотах.

— Очень возможно, ты прав.

— И летом жизнь у них весьма приятна...

— Да, это так. Хотя есть выловленную в холодных глубинах рыбу всю свою жизнь и так ни разу и не увидеть персикового дерева в цвету, не попробовать живой воды из родника, в конце концов, наверное, здорово поднадоест!

После этого разговора Аррен снова вернулся на плот Стара, где работал, плавал и отдыхал вместе с остальными молодыми людьми, а прохладными вечерами беседовал с Ястребом и потом ложился спать под звездами. Так проходили дни, приближался праздник Долгого Танца, отмечающий середину лета, а огромные плоты по-прежнему медленно дрейфовали к югу, влекомые течением Открытого Моря.

Всю ночь, самую короткую ночь в году, горели факелы на плотках, образовывавших огромный круг под усыпанным звездами небом; кольцо огней отражалось в движущейся воде. Жители плотов танцевали без музыкального сопровождения, не звучали ни барабаны, ни флейты, лишь босые ноги отбивали ритм на огромных бревнах да раздавались высокие голоса певцов, словно жалобные крики чаек в безбрежном морском просторе, что был для них родным домом. Луна не появлялась, и тела танцоров мелькали, словно тени, в неярком свете звезд и факелов. То и дело кто-то нырял в волны, как рыбка, и вскоре появлялся на соседнем плоту; ныряльщики описывали в воздухе изящные высокие дуги, соревнуясь друг с другом и стремясь побывать на всех плотках по очереди, потанцевать на каждом из них и успеть до рассвета замкнуть круг.

Аррен танцевал со всеми вместе, ибо Долгий Танец празднуют на каждом из островов Земноморья, хотя фигуры танца и слова песен могут немного различаться. Постепенно в течение ночи многие танцоры начали выходить из круга; они садились в сторонке, чтобы отдохнуть и посмотреть на других, а когда голоса певцов несколько охрипли, Аррен с группой наиболее упорных юношей-ныряльщиков добрался до плота вождя и остался там, а его приятели двинулись дальше.

Ястреб сидел рядом с вождем и тремя его женами возле храма. В дверном проеме между резными изображениями китов устроился певец, чей высокий голос не умолкал в течение всей ночи. Неутомимый, он пел, отбивая руками ритм по бревнам плота, просто ради собственного удовольствия.

— О чем он поет? — спросил Аррен волшебника, потому что никак не мог разобрать слов, которые певец слишком растягивал то за счет трелей, то за счет странных пауз в середине.

— О серых китах, и альбатросах, и о штормах... Им неведомы песни о героях древности. Имени Эррет-Акбе они не знают. Чуть раньше он пел о Сегое, о том, как он создал земли среди моря; вот и все, что они помнят из нашего фольклора. Но все остальное в его песнях — о море.

Аррен слушал; и слышал свист дельфина, о котором слагал свою песню певец. Видел профиль Ястреба, выхваченный из темноты светом факела, темный и твердый, точно вырезанный из камня; видел влажный

блеск глаз женщин, жен вождя, тихонько переговаривавшихся друг с другом. Он ощущал неторопливое спокойное покачивание плота на поверхности утихшего моря и, убаюканный, постепенно соскользнул в сон.

Пробуждение было резким из-за внезапно наступившей тишины. Певец умолк, и не только на их плоту; на всех плотях, дальних и ближних, затихли высокие голоса певцов, похожие на крики чаек, и веселье замерло.

Аррен глянул через плечо на восток, ожидая увидеть зарю. Однако ущербный месяц только еще вставал низко над горизонтом — золотистый серпик среди крупных летних звезд.

Потом, посмотрев на юг, Аррен увидел высоко-высоко в небе желтую звезду Гобардон и ниже — восемь ее спутниц, включая последнюю: руна Конца ясно и страшно-овато светилась над морем. И, обернувшись к Ястребу, юноша увидел, что темное лицо волшебника тоже повернуто к созвездию Гобардон.

— Почему ты перестал петь? — спросил вождь певца. — Еще не утро, зоря еще не занялась.

Тот, заикаясь, ответил:

— Не знаю.

— Пой дальше! Долгий Танец еще не окончен.

— Я не знаю слов, — сказал певец, и голос его зазвенел, словно от страха. — Я не могу петь. Я забыл песню.

— Тогда пой другую!

— Нет больше песен. Все кончено! — прокричал певец и пал ниц перед вождем. Вождь изумленно воззрился на него.

Слышно было, как шипят и плюются факелы на покачивающихся плотях. Великая тишина океана как бы поглотила этот крошечный всплеск жизни и света на своей поверхности. Не двигался ни один танцор.

Аррену в этот миг показалось, что даже великолепие звезд померкло, однако и проблесков зари не было заметно на востоке. Ужас охватил его, он подумал: «Не будет больше восхода. И дня тоже не будет».

Волшебник встал. И тут же неяркий белый огонек быстро пробежал вверх по его посоху и ярко вспыхнул на руне Мира, что была инкрустирована серебром на черном тисовом дереве.

— Долгий Танец еще не окончен, — сказал Ястреб, — и ночи еще далеко до конца. Пой, Аррен.

Аррену хотелось сказать: «Я не могу, господин мой!» — но вместо этого он еще раз посмотрел на девять звезд, ярко горевших на юге, набрал в грудь побольше воздуха и запел. Поначалу голос его был негромок и чуть хриловат, но постепенно стал громче, а пел он одну из стариннейших в

Земноморье песен о создании Эа, о том, как пришли в равновесие свет и тьма, о том, как были созданы зеленые острова Земноморья тем, кто сказал Первое Слово и был самым первым Повелителем людей — Сегоем.

Он не успел допеть до конца, а небо уже посветлело, стало сероголубым, и видны теперь были только истонченный месяц да желтая звезда Гобардон; в порывах утреннего ветерка факелы шипели особенно яростно. Когда песнь была спета, Аррен умолк, и танцоры, что со всех сторон собрались послушать его, потихоньку стали возвращаться на свои плоты, а на востоке разгорался яркий свет зари.

— Это хорошая песня, — сказал вождь. Голос его звучал неуверенно, хотя он очень старался говорить прежним бесстрастным тоном. — Было бы нехорошо завершить Долгий Танец не по правилам. Я прикажу, чтобы ленивых моих певцов высекли плетьюми из волокон нилгу.

— Лучше успокой их, — посоветовал Ястреб. Он по-прежнему стоял во весь рост; голос его звучал сухо. — Ни один певец не предпочтет песне молчание. Пойдем-ка со мной, Аррен.

И он направился к своей хижине; Аррен последовал за ним. Однако необычность этого восхода, видно, еще не была исчерпана до конца: когда восточный край моря у горизонта стал белым, с севера к плотам стала приближаться какая-то огромная птица. Так высоко летела она, что крылья ее временами закрывали свет солнца, которое едва появилось над морем. Огромные крылья, золотистые в солнечных лучах, с шумом разрезали воздух прямо над плотами. Аррен изумленно вскрикнул, указывая вверх. Волшебник тоже удивленно поднял глаза. Лицо его вдруг загорелось яростью и торжеством, и во весь голос он крикнул:

— *Нам хуетха арв Гед аркваисса!* — что на Речи Созидания значило: «Если ты ищешь Геда, то найдешь его здесь».

И тут, подобно свинцовому грузу, широко распахнув золотистые крылья, гремящие в воздухе, и выпустив когти, что способны поднять в воздух вола словно мышь, с вырывающимся из продолговатых ноздрей завитком дымного пламени упал с неба дракон и, подобно ловчей птице, застыл совершенно неподвижно на покачивающемся плоту.

Кто-то пронзительно закричал, кто-то упал ничком, кто-то нырнул в море, а кто-то так и остался стоять неподвижно, потрясенный чудом, которое превосходило страх.

Дракон возвышался над плотом. Шагов пятьдесят, по крайней мере, было в размахе его кожистых крыльев, сверкавших в лучах народившегося солнца подобно золотистому дыму, да и длина тела его была не меньше; тело у дракона было гладкое, поджарое, как у серой гончей, когтистые лапы

ящера, змеиная чешуя. Вдоль узкого хребта тянулся ряд крупных загнутых шипов, похожих по форме на колючки розы, только посередине туловища высота их достигала локтей четырех, а потом постепенно уменьшалась, так что последний, на кончике хвоста, был не длиннее лезвия перочинного ножа. Шипы эти были серого цвета, а чешуя, покрывавшая тело дракона, — стального, но в целом весь он слегка отливал золотом. Зеленые узкие глаза были полуприкрыты.

Страх за свой народ заставил вождя позабыть об опасности, грозящей ему самому, и он вышел из своего дома с гарпуном в руках; с такими обычно охотятся на китов. Гарпун был длиннее самого охотника, с большим и острым зазубренным наконечником из китовой кости. Уложив его на свое хрупкое, но довольно мускулистое плечо, вождь бросился было вперед, рассчитывая поразить дракона в наименее защищенную часть брюха, что нависала над плотом. Однако Аррен, очнувшись от столбняка, успел схватить вождя за руку и вместе с ним рухнул на плот, уронив и гарпун, приготовленный для броска.

— Ты что, хочешь разозлить его этой дурацкой булавкой? — выдохнул Аррен. — Пусть сперва свое слово скажет Повелитель Драконов!

Вождь, отчасти утративший спесь и оглушенный падением, тупо переводил взгляд с Аррена на волшебника и с волшебника на дракона. Но ничего не говорил. И тут заговорил сам дракон.

Никто на плотях, кроме Геда, к которому, собственно, он и обращался, не мог понять его, ибо драконы пользуются только Истинной Речью — родным для них языком.

Голос дракона был негромок и походил на шипение разъяренного кота, только кота огромного, мощного; в нем слышалась какая-то ужасная музыка. Каждый, услышав подобный голос, застыл бы на месте, превратившись в слух.

Волшебник ответил ему одним лишь словом: *мемеас*, что значит «приду», и поднял свой посох из тисового дерева. Дракон чуть приоткрыл челюсти, и из пасти его вырвалось изящное кольцо дыма. Золотистые крылья грохотнули, словно гром, поднялся сильный ветер, пахнувший пожаром, и огромный дракон поднялся и полетел на север.

На плотях было очень тихо, лишь порой слышались тоненькие голоса малышей, плач младенцев и бормотание успокаивающих их женщин. Мужчины с несколько пристыженными лицами взобрались обратно на плоты, а забытые факелы так и горели в ярких лучах утреннего солнца.

Волшебник повернулся к Аррену. Лицо его как-то странно светилось — то ли от радости, то ли от сильного гнева. Но говорил он спокойно.

— Теперь нам пора в путь, парень. Прощайся с друзьями и приходи.

И Ястреб повернулся к вождю «плавучего народа», чтобы поблагодарить его за все и попрощаться с ним. Потом быстро прошел по большому плоту к трем меньшим, которые были причалены к нему, туда, где крепко привязана была его «Зоркая». Лодка вместе с плотами совершила длинное неспешное путешествие на юг; пустая и легкая, покачивалась она на слабой волне. Однако Дети Открытого Моря успели наполнить пустой бочонок драгоценной дождевой водой и весьма значительно пополнили запасы продовольствия, выражая тем самым свое уважение нежданым гостям; многие из них считали волшебника одним из Великих, который на этот раз предстал перед ними в обличье человека, а не серого кита. Когда Аррен присоединился к Ястребу, тот уже поднял парус. Аррен отвязал веревку от колышка на плоту и спрыгнул в лодку. В ту же секунду «Зоркую» отнесло в сторону, парус ее надулся, как при сильном ветре, хотя веял лишь слабый утренний ветерок. Лодка резво развернулась и понеслась на север вслед за улетевшим драконом, легкая, словно сорванный ветром листок.

Оглянувшись, Аррен увидел вдали город Детей Моря, который казался теперь всего лишь скоплением кусков плавника; отсюда не видны были ни хижины, ни столбы для факелов по углам плотов. А вскоре и все остальное тоже скрылось в слепящей утренней дымке, пронизанной солнцем. «Зоркая» мчалась вперед. Когда ее нос рассекал волны, назад отлетали легкие прозрачные брызги, а ветер — так быстро шла лодка — свистел в ушах, отметая назад волосы и заставляя щуриться.

Ни один из дующих на земле ветров не мог бы заставить эту лодку двигаться с такой скоростью, разве что штормовой. Однако при штормовом ветре «Зоркую» скорее всего захлестнули бы волны. Нет, вперед гнал ее не земной ветер, но слово волшебника и его замечательная сила.

Ястреб долгое время стоял у мачты и внимательно смотрел вперед. Потом наконец уселся на свое прежнее место у румпеля и, положив на него одну руку, взглянул на Аррена.

— Это был Орм Эмбар, — сказал он, — великий дракон с Селидора, потомок того Великого Орма, что смертельно ранил Эррет-Акбе и сам был убит им.

— Он охотился, господин мой? — спросил Аррен, ибо не был уверен, разговаривал ли волшебник с драконом приветствуя его или угрожая.

— Охотился. За мной. Если драконы за чем-то охотятся, они всегда настигают свою жертву. Он прилетел просить меня о помощи. — Ястреб коротко рассмеялся. — И это как раз такой случай, в возможность которого

я бы никогда не поверил. Нет, я не поверил бы рассказам о том, как дракон обратился к человеку за помощью. И уж из всех драконов — этот в последнюю очередь! Он не самый старый из них, хотя и он, конечно же, очень стар, но в своем племени самый могущественный. Он не скрывает своего настоящего имени, как обычно должны поступать драконы и люди. Он не боится, что кто-то окажется сильнее его. Но он и не совершает предательств, как это свойственно драконам. Когда-то давно на Селидоре он не только оставил меня в живых, но и сообщил мне великую истину: рассказал, как найти Королевскую Руну, Утраченную Руну. Ему я обязан Кольцом Эррет-Акбе. Но я никогда не думал, что сумею как-то отплатить своему благодетелю за эту услугу. Такому благодетелю!

— Чего же он просит?

— Он хочет показать мне тот путь, который я ищу, — сказал волшебник, мрачней. И, помолчав, добавил: — Он сказал: «На западных островах есть еще один Повелитель Драконов; он разрушает наш мир, он сильнее нас». Я спросил: «Даже сильнее тебя, Орм Эмбар?» — и дракон ответил: «Даже сильнее меня. Ты мне нужен; следуй за мной, не мешкай». И я подчинился.

— И больше ничего ты пока не знаешь?

— Потом узнаю больше.

Аррен свернул в кольцо швартовочный конец, положил его на место, немного прибрал в лодке, и все это время в нем пело напряженное возбуждение, словно натянутая тетива лука, и это же веселое напряжение пело в его голосе, когда он наконец заговорил.

— Вот это настоящий проводник! — сказал он. — Уж получше предыдущих.

Ястреб посмотрел на него и засмеялся.

— О да! — сказал он. — Уж теперь-то, надеюсь, мы не заблудимся.

Так волшебник и юноша начали свою великую гонку через весь океан. Много дней пути было от пустынных южных морей до острова Селидора — самого западного из всех островов Земноморья. День за днем занималась ясная заря над горизонтом; вечерами солнце тонуло в красных закатных водах; и под золотой дугой солнечного света, и под серебристым сиянием, льющим с неба звездными ночами, летела лодочка к северу, одна-одинешенька во всем бескрайнем море.

Порой где-то в стороне собирались могучие грозные тучи, столь частые в середине лета, они отбрасывали на воду красноватые тени. Тогда Аррен глаз не мог отвести от волшебника: выпрямившись в полный рост, голосом и рукой Ястреб повелевал тучам приблизиться и облегчиться

дождем над их лодкой. Сверкали молнии, колокольными раскатами гудел гром, а волшебник стоял с воздетой рукой, пока дождь не проливался именно там, где он приказывал, прямо над их головами, наполняя все сосуды, которые они заранее выставляли наружу, и как бы сглаживая поверхность моря своими мощными потоками. Промокшие насквозь, волшебник и Аррен только радостно улыбались: еды у них, в общем-то, было достаточно, хоть и не в избытке, а вот воды постоянно не хватало. И яростное великолепие бури, подчинившейся слову волшебника, приносило им великую радость.

Аррена поражало то невероятное могущество, которым волшебник теперь пользовался с необычайной легкостью. Однажды юноша заметил:

— Когда мы начали свое путешествие, ты, господин мой, никаких заклятий не произносил!..

— Первая и последняя заповедь Школы Волшебников гласит: *Делай только то, что необходимо. Но не больше!*

— Значит, между первой и последней заповедью учатся как раз этому необходимому?

— Именно так. Нужно во всем соблюдать равновесие. Но если равновесие нарушено, то приходится учитывать и другие вещи. И прежде всего — поторапливаться.

— Но как же так: все волшебники Южного Предела — да теперь, наверно, и везде в Земноморье, — даже те певцы на плотях, все, как один, утратили свое мастерство, и только ты сохранил свою силу?

— Потому что мне, кроме моего мастерства, больше ничего не нужно, — отвечивал Ястреб. И, помолчав, добавил: — И если уж мне тоже вскоре суждено утратить свою силу, то я хоть напоследок попользуюсь ею всласть.

И он действительно с удовольствием и беспечно пользовался своим искусством. Аррен, видевший его всегда столь осторожным и сдержанным, даже не подозревал, что Верховный Маг может быть таким веселым и свободным. Любой чародей получает удовольствие от хорошо сработанного трюка: волшебники — прирожденные трюкачи. Когда Ястреб столь сильно изменил свою внешность в городе Хорте — что очень раздражало Аррена, — то и это тоже было в некотором роде игрой, не слишком сложным фокусом для того, кто в силах изменить не только лицо и голос, но даже и сущность свою, превратившись, скажем, в рыбу или дельфина, а может быть, и в настоящего ястреба. А однажды волшебник сказал:

— Смотри, Аррен, я покажу тебе Гонт, — и велел смотреть на

поверхность воды в котелке, налитом до краев.

Многие колдуны могут вызвать изображение на поверхности водного зеркала, но здесь было нечто большее: сперва появилась вершина высокой горы, окутанная облаками, у ее подножия плескалось серое море. Потом картина стала иной. Аррен отчетливо увидел на этом острове-горе утес, притом сам он как бы парил в воздухе над этим утесом, превратившись в какую-то птицу — чайку или сокола. Утес, словно башня, возвышался над волнами, а на одном из его выступов приютился маленький домик.

— Это Ре Альби, — сказал Ястреб. — Там живет мой Учитель, Огион. Давным-давно он остановил ужасное землетрясение. А теперь пасет своих коз, собирает травы и хранит молчание. Хотелось бы мне знать, бродит ли он все так же в полном одиночестве по горам? Он теперь, должно быть, очень стар. Но я, конечно же, сразу узнаю, если он умрет... — В голосе его не было уверенности, и на мгновение изображение покрылось волнами, словно гигантский утес начал падать в море. Потом картина снова прояснилась, а голос волшебника зазвучал более твердо: — Он обычно уходит высоко в горы, в дальние леса к концу лета и проводит там часть осени. Так и я с ним впервые встретился; я тогда был сопливым мальчишкой из горной деревни. Он дал мне мое подлинное имя. И вместе с именем — настоящую жизнь. — Изображение теперь изменилось: Аррену казалось, что он, по-прежнему будучи птицей, залетел в лес и уселся среди ветвей, глядя на залитые солнцем луга ниже по склону. А над его головой возвышалась покрытая снегом вершина, и к ней вела дорога, очень крутая, тенистая, и золотые солнечные зайчики пробиваются сквозь листву... — Нет в мире лучшей тишины, чем тишина этих лесов, — с тоской сказал Ястреб.

Изображение затуманилось и исчезло, только слепящий диск полуденного солнца отражался в воде, налитой в котелок.

— Туда, — сказал Ястреб, глядя на Аррена со странной, чуть насмешливой улыбкой, — туда — если я и сам еще смогу когда-либо вернуться — за мной не сможешь последовать даже ты.

Впереди открылся остров с низкими берегами. В полуденном мареве он казался голубым, словно облако тумана.

— Это Селидор? — спросил Аррен, и сердце его бешено забилося, но волшебник ответил:

— Обб, я думаю, или Джесседж. Мы еще и половины пути не прошли, парень.

За ночь они проплыли от одного острова до другого, но огней на

берегу не видели, зато в воздухе висел запах дыма, настолько сильный, что раздражал легкие, вызывая кашель. Когда рассвело, они посмотрели на оставшийся за кормой восточный из островов Джесседж и ужаснулись: остров был буквально сожжен дотла, до черноты; неясная синяя дымка висела над ним.

— Они сожгли свои поля, — прошептал Аррен.

— Да. И деревни. Я уже слышал когда-то такой запах.

— Разве в Западном Пределе живут дикари?

Ястреб покачал головой:

— Обычные люди. Крестьяне, горожане.

Аррен не мог оторвать глаз от черной изуродованной земли, страшных обугленных деревьев в садах — зловещих на фоне небес. Лицо юноши посуровело.

— Какое зло причинили людям эти деревья? — гневно проговорил он. — Неужели за свои ошибки человек должен наказывать траву? Нет, это дикари, раз они жгут свои поля и сады, вступив в войну с другими людьми.

— Никто не руководит ими, — сказал Ястреб. — У них нет настоящего короля; а все, кто мог бы стать королем, все мудрецы и волшебники отстранены от власти, все заняты копанием в собственных душах: ищут дверцу, которая поможет им пройти невредимыми через царство смерти и обрести бессмертие. Так было в Южном Пределе, так, по-моему, обстоят дела и здесь.

— Неужели все это плоды деятельности одного лишь человека — того, о котором говорил дракон? Но это просто невероятно!

— Почему же нет? Если бы в Земноморье правил настоящий король, то ведь и он был бы единственным. Он один правил бы всеми землями. Один человек может столь же легко совершать разрушения, как и править миром: либо быть Великим Королем, либо — Великим Разрушителем.

И снова в его голосе послышалась не то насмешка, не то вызов; почему-то Аррен рассердился:

— У любого короля есть слуги, армия, послы, советники и всякие другие помощники. Он правит благодаря им. Но где же помощники этого... антикороля?

— В наших душах, парень. В наших душах. Это там таится предатель. Это твое «я» кричит: «Я хочу жить! Пусть мир страдает, пусть даже разлагается заживо, лишь бы я оставался живым!» Маленький этот предатель — наша жалкая душонка — живет внутри нас, прячась во тьме, словно паук в углу сундука. Все мы слышим его голос. Но лишь немногие понимают его. Мудрецы, певцы — все, кто созидает душой. И еще герои.

Те, кто стремится всегда быть самим собой. А всегда оставаться собой — вещь редкостная, великий дар. Но быть самим собой вечно — это ли не подлинное величие?

Аррен посмотрел Ястребу прямо в глаза:

— Ты хочешь сказать, что вечная жизнь вовсе не важна. Но ответь мне, почему? Я был совсем ребенком, когда мы отправились в это путешествие. Я не верил в смерть. Кое-чему я за это время научился; может быть, не столь уж многому, но все же. Так, я научился верить в смерть. Но радоваться ей я так и не научился! Я не буду рад ни своей смерти, ни твоей. Если я по-настоящему люблю жизнь, то, наверно, естественно, что я ненавижу, когда она кончается?

Учителем фехтования у Аррена был в Бериле человек лет шестидесяти, невысокий, лысый и строгий. Аррен много лет с трудом терпел его, понимая, впрочем, что мастер это непревзойденный. И вот, в один прекрасный день на уроке Аррен выбрал момент, когда учитель его отвлекся, и выбил шпагу у него из рук. С тех пор он навсегда запомнил, какой невероятной, непостижимой радостью вспыхнуло вдруг лицо его холодного наставника. Искренняя надежда, счастье — вот он, соперник, наконец-то равный ему! С того дня учитель гонял его совершенно безжалостно, и когда они сходились по-настоящему, на лице старого мастера появлялась та же упрямая, безжалостная улыбка, которая все светлела по мере того, как Аррен сильнее теснил его. Похожая улыбка освещала сейчас лицо Ястреба.

— Жизнь без конца, — сказал волшебник. — Жизнь без смерти. Бессмертие. Каждая живая душа жаждет этого, и чем эта душа здоровее, тем сильнее жажда жизни. Но будь осторожен, Аррен. Ты из тех, кто может осуществить свое желание.

— И что тогда?

— А тогда — то, что уже происходит сейчас: полный упадок. Позабытые искусства. Утратившие голос певцы. Невидящие глаза. А дальше? Король-обманщик на троне Земноморья. Навечно. И навечно земли его пребудут в разрухе. Не будет рождений, не будет детей. Не начнутся новые жизни. Только те, что смертны, способны нести в себе жизнь, Аррен. Только в смерти — залог возрождения. Великое Равновесие не равно спокойствию или застою. Это вечное движение, вечное становление нового.

— Но какую опасность представляет для Великого Равновесия один лишь человек, какое значение имеет для него одна-единственная человеческая жизнь? Нет, это невозможно, этого, конечно, нельзя

допустить... — Он внезапно умолк.

— Нельзя? Но кто наложит запрет? Кто позволит?

— Не знаю.

— Я тоже.

Почти смирившись, Аррен покорно спросил:

— Но тогда почему ты так уверен в своей правоте?

— Просто я хорошо знаю, сколько зла может сотворить единственный человек, — сказал Ястреб, и его покрытое шрамами лицо помрачнело. — Я знаю это, ибо сам некогда совершил зло. Почти такое же. И тоже движимый гордыней. Я приоткрыл проход между нашими двумя мирами — жизни и смерти, света и тьмы. Всего лишь щель, маленькую и узкую, с единственной целью: доказать, что я сильнее, чем сама смерть. Я был молод и со смертью еще не встречался — как и ты пока... Потребовалось все могущество Верховного Мага Неммерля, все его мастерство и — вся его жизнь, чтобы края этой щели сомкнулись. Можешь полюбоваться, какую отметину оставила на моем лице та ночь. Такая же — в моей душе. Но его эта ночь убила. О да, дверь между царством света и царством тьмы можно открыть, Аррен! Для этого нужны немалые силы, но это вполне возможно. Однако закрыть ее снова — совсем-совсем не так просто; другое нужно для этого...

— Но то, что тогда сделал ты, конечно же, не равносильно...

— Почему же? Потому что я хороший человек? — Он холодно глянул на Аррена, и тот словно снова почувствовал укол шпаги старого мастера фехтования. — А что такое «хороший человек», Аррен? Может быть, это тот, кто ни за что не сотворит зла, кто никогда не впустит в этот мир тьму, тот, в чьей душе тьмы нет? Давай-ка сначала, парень. Заглянем теперь чуть дальше. То, что ты узнаешь сейчас, понадобится тебе для того, чтобы пойти туда, куда ты пойти должен. Загляни себе в душу! Разве ты не слышал голоса, зовущего: «Пойдем!» Разве не последовал ты этому зову ни разу?

— Последовал... Но... я думал, что это Его голос.

— Это и был его голос. Но и твой тоже. Как еще мог он заговорить с тобой и со всеми остальными, кто может его услышать, как не вашими собственными голосами?

— Но тогда почему же его не слышишь ты?

— Потому что не желаю слушать! — яростно ответил Ястреб. — Я был рожден, чтобы властвовать; точно так же, как и ты. Но ты еще молод. Ты только подошел к границе своих возможностей, а потому в стране теней, в царстве снов и мечтаний ты и слышишь его зов: «Пойдем!» Как и я когда-то слышал. Но теперь я стар. Я уже совершил свой выбор, я сделал

то, что должен был сделать. И при свете дня я не отворачиваюсь перед лицом собственной смерти. Я знаю: лишь одна сила достойна того, чтобы ею обладал человек. Это — умение не брать ничего силой, но принимать как должное. Не иметь, а давать.

Джеessedж остался далеко позади — голубое пятно на поверхности моря.

— В таком случае я тоже его слуга? — спросил Аррен.

— Да. А я твой.

— Но кто же он? Что он такое?

— По-моему, человек.

— Не тот ли человек, о котором ты мне как-то рассказывал, — колдун из Хавнора, который вызывал души умерших? Может быть, это он?

— Вполне возможно.

— Но ведь, по твоим словам, он уже был стар, когда вы встречались, много лет тому назад... Разве он уже не должен был бы умереть?

— Может быть, и умер, — согласился Ястреб.

И больше они не сказали друг другу ни слова.

В ту ночь море было полно огня. Островерхие волны, рассекаемые носом «Зоркой», движение каждой рыбы у поверхности воды были ясно видны и как бы одушевлены светом. Аррен сидел, положив руку на румпель, а голову на руку, и смотрел на бесконечные изгибы и извивы серебристых светящихся линий. Потом опустил в воду руку, а когда вытащил ее, то жидкий свет медленно стек по его пальцам.

— Смотри, — сказал он Ястребу, — я теперь тоже волшебник.

— Нет, этим даром ты не обладаешь, — ответил его товарищ.

— Много же от меня будет тебе пользы без него, — сказал Аррен, не сводя глаз с беспокойно переливающейся воды, — когда мы встретимся с врагом.

Ибо он все-таки надеялся — с самого начала надеялся! — что Верховный Маг выбрал для этого путешествия его, одного из многих, благодаря какой-то волшебной силе, полученной им в наследство от Морреда, его великого предка, и сила эта в самый трудный час, при самой черной нужде непременно проявится, и тогда он, Аррен, спасет и себя, и своего господина, и весь белый свет от страшного врага. Потом он не раз думал об этом, словно разглядывая себя издалека, со стороны; и мечта эта показалась ему похожей на то, как он совсем еще маленьким тоже мечтал — померить отцовскую корону; и как горько он плакал, когда ему это запретили. Надежда на унаследованную волшебную силу тоже оказалась совершенно детской. Не было в нем никакой волшебной силы. И никогда не

будет.

Однако действительно может наступить такое время, когда он сможет и должен будет по праву надеть отцовскую корону и станет править Энладом. Но все это теперь казалось ему малозначащим, а родной дом — крошечным и очень далеким островом. Нет, он остался верен родине, только верность эта стала шире, сильнее и покоилась на иной, серьезной основе, связанной с многообещающими надеждами. Он понял теперь, в чем его слабость, и, поняв это, научился рассчитывать свои силы. А сила в нем есть — это он знал точно. Но что толку в обычной силе, если, кроме нее, у него нет ни особого таланта, ни волшебного могущества — ничего, что мог бы он предложить своему господину? Разве что верную службу и преданность? Но будет ли этого достаточно там, куда они направляются?

Ястреб как-то сказал: «Чтобы свет свечи казался ярким, нужно, чтобы вокруг было темно». Этими словами Аррен пытался утешить себя, однако слишком утешительными их не находил.

На следующее утро, когда они проснулись, все вокруг — и воздух, и вода — было серым. Только высоко над мачтой слегка просвечивала голубизна: низко над водой стелился густой туман. Для северян Аррена и Ястреба туман этот был даже приятен, словно старый друг, заглянувший в гости с Энлада или Гонта. Он мягко обволакивал лодку со всех сторон, так что они ничего не видели впереди, и обоим казалось, что они вдруг попали в давно знакомую комнату после долгих недель плавания по слишком ярко освещенному и слишком безлюдному, продуваемому всеми ветрами морю. Они возвращались в родные широты и были теперь, по всей вероятности, уже на широте острова Рок.

Где-то днях в трех пути отсюда к востоку ясный солнечный свет играл на золотистой листве Имманентной Рощи, освещал зеленую вершину Холма Рок и высокую черепичную крышу Большого Дома.

Мастерская чародеев помещалась в Южной Башне; это была большая комната, вся заставленная ретортами и перегонными кубами, пузатыми бутылками с изогнутым горлом, толстостенными тиглями и крошечными горелками; на столах лежало множество щипцов; ручные мехи, разнообразные штативы, плоскогубцы, напильники, трубочки и трубки; везде стояли сундучки, пузырьки и кувшины, заткнутые пробками и помеченные как ардическими, так и более древними рунами; имелся здесь и прочий алхимический инструмент: стеклодувные трубки, приборы для получения драгоценных металлов высокой пробы, медицинские приборы и так далее. Среди всех этих загроможденных столов и скамей стояли Мастер Метаморфоз и Мастер Заклинатель.

Седовласый Метаморфоз держал в руках большой камень, издали похожий на необработанный алмаз. Камень был очень твердый, прозрачный, как бы изнутри светящийся аметистово-розовым светом, а на самом деле бесцветный, как вода. И все же в этой прозрачности глаз вскоре замечал как бы нечто замутненное; поверхность камня не отражала абсолютно ничего из окружающего, и человеческий глаз как бы проникал в бесконечные глубины кристалла, одна плоскость сменяла другую, человек видел все глубже и глубже, пока не погружался в сон, из которого не было пути назад. То был знаменитый Камень Шелитха. Он издавна хранился у правителей острова Уэй и служил то просто украшением их сокровищницы, то снотворным средством, а иногда использовался и для куда более опасных целей: теми, кто слишком долго и без определенной цели смотрел в бесконечные глубины кристалла, могло овладеть безумие. Но Верховный Маг Геншер был родом с острова Уэй и, прибыв на Рок, привез Камень Шелитха с собой, ибо в руках мага камень этот изрекал истину.

Однако истина эта оказалась изменчивой: она зависела от того, в чьих руках находился Камень Шелитха.

А потому Метаморфоз, держа в руках волшебный кристалл и глядя в бесконечное бледно-сиреневое глубинное колыхание граней, говорил громко и отчетливо, описывая то, что видел:

— Я вижу нашу землю как бесконечную равнину, словно нахожусь на самой Горе Онн в центре мироздания и все расстилается у ног моих... вижу Земноморье вплоть до самого дальнего островка самого дальнего предела и даже дальше. И все видно очень отчетливо. Вижу также корабли в водах Илиена, вижу дым очагов над крышами Торхевена, вижу даже крышу той башни, где мы сейчас стоим. Но дальше острова Рок теперь не видно ничего. Никаких островов на юге. Никаких островов на западе. Я не могу разглядеть Уотхорт там, где он должен быть; не вижу ни одного из островов Западного Предела, даже самого близкого к нам — Пендора. А где же Осскил и Эбосскил? Над Энладом висит туман, плотный и серый, очень похожий на паутину. Едва я пытаюсь разглядеть что-то получше, как исчезает еще несколько островов, и море в тех местах, где эти острова когда-то были, девственно и пусто, словно еще до Века Созидания... — он споткнулся на последнем слове и выговорил его с трудом.

После чего Метаморфоз поставил Камень обратно на резную подставку из слоновой кости и отошел подальше от него. Его доброе лицо казалось совершенно измученным.

— А теперь рассказывай, что видишь ты, — сказал он.

Мастер Заклинатель взял Камень в руки и медленно повернул его, словно отыскивая на сверкающей поверхности такую грань, сквозь которую ему было бы лучше видно. Долгое время с напряженным лицом он крутил Камень и так и сяк. Потом поставил на место и сказал:

— Метаморфоз, я слишком мало вижу. Какие-то фрагменты, что-то мелькает, но целостной картины нет.

Седовласый Метаморфоз в волнении стиснул руки.

— Разве само по себе это уже не странно?

— Отчего бы?

— У тебя что, так часто слепнут глаза? — гневно закричал Метаморфоз. — Неужели ты не видишь, что... что... — он запнулся и только с трудом, заикаясь, смог продолжить, — там... там словно чья-то рука прикрывает твои глаза — точно так же, как и мой рот?

— Ты, видно, перетрудился и устал, господин мой, — успокаивающе сказал Заклинатель.

— Вызови заклятием душу Камня, — потребовал Метаморфоз. Сейчас он говорил довольно спокойно, но все равно как бы с трудом.

— Зачем?

— Зачем? Ну хотя бы потому, что я прошу тебя об этом.

— Успокойся, Метаморфоз. Зачем ты подзадориваешь меня, как мальчишку перед медвежьим логовом? Разве мы с тобой дети?

— Да! Перед тем, что показал мне Камень Шелитха, я всего лишь испуганное дитя. Вызови душу Камня! Неужели я должен умолять тебя, господин мой?

— Нет, конечно, что ты, — ответил долговязый Заклинатель, однако весь напрягся и поспешно отвернулся от старшего товарища. Потом высоко и широко воздев руки в том жесте, с которого начинается Великое Заклятие, вызывающее души, он поднял голову и начал произносить слова заклинания. И по мере того, как одно за другим падали эти торжественные слова, внутри Камня Шелитха как бы разгорался свет. В мастерской вдруг стало темнеть; темные тени сгустились, стали совсем черными, зато Камень сиял, как звезда. Мастер Заклинатель соединил руки и поднял волшебный кристалл ближе к глазам, уставившись в ту точку, откуда исходило яркое свечение. Некоторое время он молчал, потом тихо заговорил:

— Я вижу фонтаны Шелитха. Озера, пруды, искусственные водоемы, водопады и пещеры, занавешенные стеной падающей воды; там по замшелым берегам растут папоротники; я вижу белые пески на берегах озер; я вижу, как сочится капля за каплей вода, вижу, как струится она в

родниках, берущих начало в потаенных недрах земли, чувствую сладость этих струй, вижу их источник... — Он внезапно снова умолк и некоторое время стоял, не говоря ни слова; лицо его было настолько бледным, что светилось как серебро в свете, излучаемом Камнем. Потом Заклинатель громко вскрикнул, ничего так и не рассказав, с грохотом уронил кристалл, упал на колени и спрятал лицо в ладони.

Черные тени исчезли. Летнее солнце светило в окна неубранной мастерской. Волшебный Камень лежал под столом в пыли, но был совершенно цел.

Мастер Заклинатель, шаря руками, словно слепой, ухватился за руку своего товарища. Он напоминал испуганного ребенка. Прошло несколько минут, прежде чем он глубоко вздохнул и с трудом встал, опираясь о плечо Метаморфоза.

— Я больше никогда не приму твоего вызова, господин мой, — выговорил он прыгающими губами, тщетно пытаясь улыбнуться.

— Что же ты видел, Торион?

— Я видел фонтаны Шелитха. И видел, как они вдруг опали, как высохли ручьи, как сомкнулись уста родников и вода из них ушла назад, в землю. И земля вокруг была черной, сухой. Ты видел в Камне пустынное море, каким оно было до Созидания, но я увидел... то, что придет после... Великое Разрушение. — Заклинатель облизнул пересохшие губы. — Мне очень хотелось бы, чтобы Верховный Маг оказался сейчас здесь, — сказал он.

— А я бы хотел, чтобы мы оказались там, с ним.

— Вот только где? Разве его теперь найдешь... — Заклинатель посмотрел вверх, на окна, за которыми сияло голубое безмятежное небо. — И весточку ему теперь не пошлешь, и ни одно заклинание не сможет вызвать его сюда. Он сейчас там, где ты видел пустое море. Он приближается к тем местам, где иссыхают источники. И там, где он сейчас, мастерство наше никуда не годится... И все-таки даже теперь можно еще отыскать заклятья, что смог ли бы призвать его, — некоторые из тех, что знавали на острове Пальн...

— Но этими заклятьями вызывают в мир живых души мертвых.

— А некоторыми отправляют живые души в мир мертвых.

— Но ты же не думаешь, что он умер?

— Я думаю, что он идет к смерти, что его влечет туда некая сила. Как и всех нас. Мы теряем свое могущество, свои надежды, свое счастье. Все источники постепенно пересыхают.

Метаморфоз некоторое время смотрел на него, очень встревоженный.

— Так не пытайся послать ему весть, Торион, — сказал он наконец. — Он знал, чего ищет, — задолго до того, как это узнали мы. Для него этот мир словно Камень Шелитха: он заглядывает в его глубины и видит, что есть и что непременно должно случиться... Мы не в силах помочь ему. Великие Заклятья стали очень опасны, но наибольшая опасность таится в тех, о которых ты упоминал только что. Мы должны стоять твердо, как он завещал нам, и охранять стены Рока, и помнить Имена.

— О да, — сказал Заклинатель. — Но мне еще нужно все это обдумать. — И он покинул мастерскую в Южной Башне, неловко переставляя длинные ноги, но высоко подняв свою благородную темноволосую голову.

Утром Метаморфоз долго искал его. Войдя в комнату Мастера Заклинателя после тщетных попыток достучаться, он нашел его лежащим на каменном полу с раскинутыми руками, словно какой-то тяжелый удар в грудь отбросил его. Руки застыли в том самом жесте, с помощью которого он произносил Великое Заклинание, и были холодны как лед, а открытые глаза ничего не видели. И хотя Метаморфоз, опустившись перед ним на колени, три раза призвал его подлинным именем, Заклинатель по-прежнему лежал неподвижно. Он еще не умер, но в нем осталось так мало жизни, что лишь едва билось сердце да слабое дыхание ощущалось на устах. Метаморфоз взял его руки в свои и прошептал:

— Ах, Торион! Это я заставил тебя заглянуть в глубины Камня. Это я во всем виноват!

Потом он быстро вышел из комнаты и громко сказал собравшимся у ее дверей Учителям и ученикам:

— Враг добрался сюда, на наш остров, преодолев все стены. Враг нанес удар в самое сердце наше! — Метаморфоз был добрый и мягкий человек, но сейчас он был так мрачен и суров, что окружающим стало страшно. — Позаботьтесь о Мастере Заклинателе, — сказал он. — Хотя кто позовет обратно его душу, если сам он, Мастер своего искусства, покинул ее?

И Метаморфоз направился к себе, и, давая ему пройти, все расступились перед ним.

Явился Мастер Травник, который велел немедленно уложить Заклинателя в постель, укрыть потеплее, но варить целебного отвара не стал, как не стал петь и тех песен, что помогают излечиться больному телу или встревоженной душе. При нем был один из его учеников, совсем юный, еще не ставший даже колдуном, но весьма способный в искусстве врачевания; и мальчик этот спросил:

— Учитель, неужели ему ничем нельзя помочь?

— По эту сторону стены — нет! — ответил Мастер Травник. Потом, вспомнив, с кем говорит, пояснил: — Это не болезнь, сынок. Но даже если бы это была лихорадка или иной физический недуг, я не уверен, что наша наука смогла бы теперь помочь ему. Кажется, травы мои утратили свои лечебные свойства, а в тех заклинаниях, что я произношу, не осталось былой целительной силы.

— Ты говоришь совсем как Мастер Регент. Вчера он вдруг остановился посреди песни, которую разучивал с нами, и сказал: «Я не понимаю значения этой песни». И вышел из комнаты. Кое-кто из мальчиков засмеялся, но мне показалось, что пол уходит у меня из-под ног.

Травник посмотрел на открытое смышенное лицо своего ученика, потом на лицо Мастера Заклинателя, холодное и застывшее.

— Он еще вернется к нам, — сказал он. — И песни наши не будут забыты.

В ту же ночь Метаморфоз покинул остров Рок. Никто не знал, как именно он это сделал. Он лег спать в своей комнате, окна которой выходили в сад. Утром окна оказались открытыми, а Мастера нигде не было. В итоге все решили, что он, совершив превращение — уж он-то хорошо умел это делать! — в новом обличье отправился на поиски Верховного Мага. В метаморфозах для него не было ничего невозможного: он мог превратиться во что угодно — в птицу, зверя, в туман или ветер. Однако более опытные из Мастеров, хорошо зная, как во время таких превращений можно оказаться во власти собственного заклятья, если допустить хоть малейший промах или чуть ослабить волю, тревожились о нем, но никому ничего о своих страхах не говорили.

Итак, с острова Рок исчезли уже трое Мастеров, входивших в знаменитый Совет Мудрецов. Дни проходили за днями, но не было никаких известий ни от Верховного Мага, ни от Метаморфоза, а Мастер Заклинатель по-прежнему лежал, словно мертвый. Холод и мрак все больше заполняли залы Большого Дома. Мальчики перешептывались между собой, и кое-кто уже поговаривал о том, чтобы покинуть Школу, потому что искусства, ради которых они приехали сюда, больше им почти не преподавались.

— Возможно, — говорил один, — все это с самого начала были враки — насчет всяких тайных искусств, магии и волшебных сил. Из всех здешних Мастеров только Мастер Ловкая Рука все еще на что-то способен. Да только всем известно, что это фокусы, иллюзии. А все остальные попрытались и носа не кажут: поняли, что их на чистую воду вывели!

— Вот именно, — откликнулся другой, — да и что такое на самом деле это волшебство? Разве это «магическое искусство» на что-то, кроме фокусов, способно? Спасло ли оно хоть раз человека от смерти? Или хоть жизнь кому-то продлило? Ведь если бы маги обладали той силой, которой похваляются, все они, конечно же, жили бы вечно!

И мальчики наперебой принимались рассказывать о том, как умирали великие маги; как Морред погиб на поле боя; как Серым Магом был убит волшебник Негерер; как дракон смертельно ранил Эррет-Акбе; как Геншер, предпоследний Верховный Маг Земноморья, заболел самой обычной болезнью и умер в своей постели. Обладавшие завистливыми сердцами слушали с удовольствием; остальные же из учеников страдали, слушая это.

Мастер Путеводитель все время проводил в Имманентной Роще и никого туда не пускал.

Однако Мастер Привратник, хоть его видели и не так часто, совсем не изменился. Печаль не таилась мрачной тенью у него в глазах. Он по-прежнему улыбался и держал двери Большого Дома крепко закрытыми до возвращения его хозяина.

В морях близ внешних границ Западного Предела хозяин Большого Дома и Хранитель Острова Мудрых холодным и ясным утром проснулся в своей лодчонке, скрюченный и зачоченевший за ночь. Он сел, во весь рот зевнул и тут же, указывая на север, сказал своему тоже зевающему спутнику:

— Вот они! Два острова, видишь? Это самые южные из тех, что относятся к гряде под названием Драконьи Бега.

— У тебя поистине глаза ястреба, господин мой, — сказал Аррен, сонно вглядываясь в морскую даль и не видя ровным счетом ничего.

— Потому у меня и прозвище такое, — откликнулся волшебник; он по-прежнему пребывал в прекрасном настроении и, похоже, старался не думать ни о грядущих планах, ни о грядущих действиях. — А ты что же, совсем ничего не видишь?

— Я вижу чаек, — тупо проговорил Аррен, протирая глаза и изо всех сил пытаясь хоть что-нибудь разглядеть в бескрайнем серо-голубом пространстве.

Волшебник засмеялся.

— Ну, знаешь, даже ястребу не под силу высмотреть чаек на расстоянии двух часов пути!

По мере того как солнце пробивалось сквозь туман, маленькие кружащие в воздухе пятнышки, которые Аррен принял за чаек, начали как-то странно посверкивать, словно брызги на гребне морской волны или пылинки в золотистых солнечных лучах. И тут юноша наконец понял, что это драконы.

Чем ближе «Зоркая» подходила к островам, тем отчетливее было видно, как драконы высоко парят и кружат в потоках утреннего бриза, и сердце Аррена тоже как бы воспарило ввысь вслед за ними, исполненное счастья, пронзительного, как боль. Все величие жизни и смерти было в этом полете. Красоту этих существ составляла невероятная сила и необузданная дикость в сочетании с благодатью разума. Ибо то были мыслящие твари, обладающие речью и древнейшей на земле мудростью. Рисунок их полета свидетельствовал о согласованности действий и неукротимой воле.

Аррен молчал и думал: «Теперь мне все равно, что бы ни случилось

потом, ведь я видел драконов, кружащих в порывах утреннего ветра!»

Порой четкий рисунок полета сбивался, круги как бы распадались, и тогда то один, то другой дракон извергал длинную струю пламени, которая, извиваясь, повисала в воздухе, на какое-то мгновение повторяя изгибы и яркий блеск стройного, изогнутого дугой драконьего тела. Заметив это, волшебник сказал:

— Они разгневаны. И танцем на ветру выражают свой гнев. — Потом прибавил: — Ну вот, теперь мы в самом осином гнезде.

И был прав, потому что драконы, заметив маленький парус «Зоркой», начали один за другим выпадать из вихревого кружения, потом вытянулись вереницей и полетели прямо к лодке, взмахивая гигантскими крыльями.

Волшебник посмотрел на Аррена, который не выпускал руля из рук, потому что волнение было довольно сильным. Юноша правил ровно и спокойно, хотя глаз не сводил с огромных, гремящих в воздухе крыльев. Удовлетворенный, Ястреб отвернулся и, встав у мачты, велел волшебному ветру улечься. Потом поднял свой посох и громко заговорил на Языке Созидания.

При звуке его голоса одни из драконов вдруг на полной скорости остановились и как бы зависли в воздухе, другие — развернулись и помчались обратно к островам. Когти оставшихся драконов, похожие на мечи, были грозно выставлены, однако нападать они как будто бы не собирались. Один из них, спустившись совсем низко, медленно двинулся над самой водой к лодке; два взмаха крыльев, и он повис прямо над ними. Покрытое чешуей брюхо его почти касалось верхушки мачты. Аррен видел морщинистую, не защищенную чешуей кожу под мышками — подмышки, а также глаза дракона считаются самыми уязвимыми его местами, если не считать тех случаев, когда копьё противника обладает особой силой, полученной благодаря могучему заклятью. Юноша едва не задохнулся от дыма, который клубами вырывался из длинной зубастой пасти, и чудовищного, нестерпимого запаха падали, какой обычно сопровождает стервятников. Вонь была такой сильной, что Аррена стошнило.

Дракон, закрывая небо, проплыл над ними и снова вернулся, летя так же низко, только на этот раз Аррен почувствовал еще и страшный жар, исходивший из его пасти вместе с клубами дыма. Потом юноша ясно услышал голос Ястреба, который что-то говорил драконам громко и гневно. Дракон снова проплыл в воздухе над лодкой, и вдруг все вместе огромные ящеры полетели назад, на острова, испуская клубы дыма и языки пламени — словно недогоревшие еще угли вспыхнули, раздуваемые порывами ветра.

Аррен перевел дыхание и вытер со лба обильный холодный пот. Посмотрев на своего спутника, он заметил, что волосы Ястреба совсем побелели, так сильно опалило их огненное дыхание дракона. И плотное полотнище паруса с одной стороны стало темно-коричневым, почти превратившись в трут.

— Э, да у тебя голова, похоже, пеплом посыпана, парень?

— Как и у тебя, господин мой.

Ястреб изумленно провел рукой по волосам.

— А ведь и правда!.. Ну это уже наглость! Однако ссориться с ними я не стану: мне кажется, они утратили разум или просто страшно растеряны. Они так и не заговорили со мной. Никогда не встречал я дракона, который не поговорил бы, прежде чем нанести удар — хотя бы только для того, чтобы помучить свою жертву... Теперь мы должны плыть только вперед. Не смотри им в глаза, Аррен. Отворачивайся, если придется столкнуться с ними лицом к лицу. Пока что ветер у нас попутный, он дует точно с юга, а силы мои нам, возможно, еще потребуются для других целей. Так что держи лодку по ветру.

«Зоркая» легко поплыла вперед, и вскоре слева от нее показались берега какого-то далекого острова; справа проплыли те два острова-близнеца, что они видели раньше. Острова эти оказались скорее нагромождением невысоких, но мощных утесов, которые сверху донизу были испещрены белым драконьим пометом и черными пятнами мхов, что бесстрашно росли на отвесных склонах.

Драконы кружили очень высоко в небе, словно стервятники, высматривающие добычу. Ни один больше не спускался к лодке. Порой они что-то кричали, будто разговаривая друг с другом пронзительными хриплыми голосами, но если это и были какие-то слова, то Аррен их различить не мог.

Лодка обогнула небольшой мыс, и юноша увидел на берегу то, что сначала принял за старую разрушенную крепость. Но это тоже оказался дракон. Одно черное крыло его было неловко подвернуто и придавлено тушей, а второе широко распласталось по песчаному берегу до самой воды, так что набегающие волны слегка шевелили его, и крыло, покачиваясь на них, как бы в насмешку совершало слабые взмахи. Длинное змеевидное тело во всю длину вытянулось на камнях. Одна передняя лапа отсутствовала, а бронированная чешуя вместе с плотью была сорвана с костей, и наружу торчали гигантские ребра. Брюхо было распорото сверху донизу, и песок кругом весь пропитался черной ядовитой драконьей кровью. И все же чудовищное создание было еще живо. В драконах столь

велика сила жизни, что лишь равная ей сила волшебства способна уничтожить ее достаточно быстро. Золотисто-зеленые глаза ящера были открыты, и когда лодка проплывала мимо, узкая огромная голова его чуть шевельнулась и пар, смешанный с кровью, с шипением вырвался из его ноздрей.

Полоска берега между умирающим драконом и кромкой воды была вся ископана, разворочена лапами и тяжелыми телами его сородичей, а внутренности его были втоптаны в песок.

Ни юноша, ни волшебник не промолвили ни слова, пока этот остров не остался далеко позади. Лодка продолжала свой бег по бурным беспокойным проливам меж островами Драконьи Бега, где полно было рифов и отмелей, держа курс к северному концу этой двойной цепи островов. Немало времени прошло, когда Ястреб наконец промолвил:

— Страшное зрелище. — Голос его звучал холодно и казался бесцветным.

— А разве они... пожирают своих сородичей?

— Нет. Не чаще, чем люди. Они словно от чего-то обезумели. У них отняли речь! Те, кому речь была дана раньше, чем кому-либо иному на земле, подлинные дети Сегоя, теперь отброшены в немой ужас существования диких тварей! Ах, Калессин! Где носят тебя твои крылья? Неужели ты дожил до того, чтобы увидеть позор своего племени?

Голос его гремел железом, как молот по наковальне; он неотрывно смотрел в небо, словно что-то искал там. Но драконы остались позади, низко кружа над тем залитым черной кровью берегом и окровавленными скалами; а над головой у путешественников было только голубое небо да полуденное солнце.

В те времена никто, кроме Верховного Мага, не бывал на этих островах и даже не видел их издали. Более двадцати лет назад проплыл он вдоль двойной гряды их с востока на запад и обратно. Для моряка это был и драгоценный опыт, и тяжкое испытание, ибо проливы меж островами Драконьи Бега представляли собой настоящий голубой лабиринт, полный зеленоватых отмелей. Сейчас с помощью твердой руки и нужного слова волшебник с Арреном с величайшей осторожностью пробирались среди разбросанных повсюду скал и рифов. Некоторые из них были почти совсем скрыты плещущимися волнами или едва заметны; покрытые анемонами, морскими уточками и ребристым морским папоротником, скалы эти напоминали водяных чудовищ, спрятавшихся в раковину или извивающихся в воде. Утесы возвышались над морем, как крепостные стены с островерхими башенками, отгораживая острова от набегающих

волн; «стены» эти были украшены резными фигурами фантастических животных: отчетливо выделялись спины чудовищных кабанов и головы гигантских змей — все, однако, какое-то деформированное, искаженное, словно и в этих скалах жизнь наполовину утратила разум. Волны бились о них со звуком, напоминающим тяжкое дыхание, и блестящая корка морской соли от многочисленных брызг ярко сверкала на солнце. Одна из скал, если смотреть на нее с юга, явственно напоминала согнутые, немного сутулые плечи и благородную голову мужчины, как бы остановившегося в глубоком раздумье над морем; однако миновав этот утес и глядя на него с севера, уже весьма трудно было предположить, что он только что походил на человека: теперь это была самая обыкновенная скала. Зато внутри ее открылась пещера, где бурно вздымались и опадали волны с приглушенным ропотом и звонкими шлепками; в этих звуках будто слышалось вполне определенное, состоящее из нескольких слогов знакомое слово. Они проплыли чуть дальше, и гулкое эхо ослабело, зато само слово стало слышаться более отчетливо, так что Аррен даже спросил:

— Там, в пещере, слышится чей-то голос?

— Голос моря.

— Но оно произносит какое-то слово!

Ястреб прислушался, потом взглянул на Аррена, потом снова посмотрел в сторону пещеры.

— Что именно ты услышал?

— Оно говорило: Ахм.

— В Истинной Речи это слово означает «начало» или «давным-давно».

Но мне сейчас слышится скорее Охб, что значит «конец»... Эй, посмотри-ка вперед, что это там? — неожиданно оборвал свои пояснения Ястреб. И в тот же миг Аррен закричал предупреждающе:

— Отмель!

И хотя «Зоркая» пробиралась среди бесконечных опасных мест осторожно, как кошка, оба они настолько оказались заняты, управляя своим судном, что вскоре и пещера, и загадочное слово, звучавшее в громоподобных вздохах моря, остались далеко позади.

Наконец в проливе стало глубже, они вышли на простор из фантазмагорического нагромождения скал. Прямо по курсу возвышался, подобно гигантской сторожевой башне, остров. Утесы вокруг него были черны и казались слепленными из многочисленных цилиндров или столбов, подогнанных плотно, как мозаика; все цилиндры были правильной геометрической формы, с ровными краями и ровными поверхностями. Эта невообразимая черная стена поднималась над морем почти до небес.

— Замок Калессина, — пояснил волшебник. — Так называли его драконы, когда я много лет тому назад встречался с ними на этих островах.

— Кто такой Калессин?

— Старейший...

— Он построил этот замок?

— Не знаю. Не знаю, было ли это кем-то построено... Не знаю даже, сколько Калессину лет. Я говорю «ему», но не уверен, что это самец... По сравнению с Калессином Орм Эмбар — годовалый младенец. А ты да я — просто весенние мошки. — Он пристально оглядывал черные, поражающие воображение стены, и Аррен тоже с тревогой поднял голову, думая о том, что будет, если с такой высоты, из-за этой вот черной кромки внезапно упадет им на голову огромный дракон и настигнет их прежде собственной тени. Однако дракона не было. Они медленно проплыли по замершей воде в тени черных скал, так ничего и не услышав. Разве что волны шептались и шлепали по уходящим в глубину базальтовым колоннам Замка Калессина. Здесь было очень глубоко; прибрежные рифы кончились. Аррен правил лодкой, а Ястреб стоял на носу, внимательно осматривая утесы и ясное небо впереди.

Наконец лодка вышла из густой тени, отбрасываемой Замком Калессина, на солнечный полуденный простор моря. Они проплыли вдоль всей цепи островов под названием Драконьи Бега. Волшебник вскинул голову так, словно наконец увидел то, что искал: через бескрайнее залитое светом пространство небес мчался к ним на своих золотых крыльях дракон Орм Эмбар.

Аррен услышал, как Ястреб крикнул: *Аро Калессин?* — и догадался, что это значит, только не понял, что ответил волшебнику дракон. Аррен, как всегда, чувствовал, что почти понимает Истинную Речь, вот-вот поймет, словно когда-то знал все эти слова, но потом забыл. Не так, как бывает с совсем неизвестным тебе языком. Когда волшебник произносил слова Истинной Речи, голос его звучал гораздо звонче и отчетливей, чем когда он говорил на ардическом, и каждое отдельное слово было как бы окружено тишиной — подобно тому, как долго звучит отдельный, даже совсем слабый удар большого колокола. Зато голос дракона был скорее похож на гонг: звучный и одновременно какой-то пронзительный. Или на чуть шипящий звон цимбал.

Аррен смотрел, как его товарищ, стоя в неглубокой лодчонке, разговаривает с повисшим над ними чудовищем, которое закрывало половину неба. И счастливая гордость наполняла сердце юноши: сейчас он видел, как мал человек, как он хрупок и как ужасен в своем могуществе.

Ибо дракон легко мог бы отсечь волшебнику голову одним ударом своей когтистой лапы; мог бы сокрушить и потопить лодку, как упавший сверху камень топит лист дерева на поверхности воды, уходя вместе с ним на дно. Однако величина не имела значения: Ястреб был настолько же опасен, как и дракон Орм Эмбар, и дракон это понимал.

Волшебник повернулся к Аррену.

— Лебаннен, — позвал он, и юноша встал и пошел к нему, хотя не имел ни малейшего желания не только делать эти три-четыре шага, но и вообще шевелиться. Слишком близко были чудовищные узкие челюсти длиной почти в три человеческих роста, а продолговатые, со щелевидным зрачком желто-зеленые внимательные глаза горели прямо над его головой.

Ястреб ничего больше ему не сказал, только слегка обнял за плечи одной рукой и снова коротко обратился к дракону.

— Лебаннен, — прогудел страшный голос, лишенный какого бы то ни было чувства. — *Агни Лебаннен!*

Юноша поднял голову, и волшебник тут же сжал его плечо, напоминая, чтобы он не смотрел в желто-зеленые кошачьи глаза.

Аррен не знал слов Истинной Речи, но и молчать не стал:

— Я приветствую тебя, Орм Эмбар, Величайший из Драконов, — сказал он отчетливо и громко, как подобает одному принцу приветствовать другого.

И тут наступила полная тишина. Сердце Аррена забилося сильно и тяжело. Но Ястреб, стоя с ним рядом, почему-то улыбался.

Потом дракон снова заговорил, а Ястреб что-то ему отвечал; разговор этот показался Аррену невыносимо длинным. Наконец их беседа закончилась, причем совершенно внезапно. Дракон только раз взмахнул крыльями, при этом чуть не перевернув лодку, и тут же исчез из виду. Аррен, взглянув на солнце, понял, что времени на самом деле прошло совсем немного. Однако он удивленно отметил, что лицо волшебника стало пепельным от покрывавшей его бледности, а глаза возбужденно сверкают. Обернувшись к Аррену, он устало плюхнулся там же, где стоял.

— Молодец, парень, — сказал он хрипло. — Нелегкое это дело — беседовать с драконами.

Аррен приготовил поесть, потому что, как оказалось, не ели они целый день. До конца трапезы волшебник не произнес ни слова. К тому времени солнце уже начало сползать к горизонту, хотя в этих северных широтах да еще в середине лета ночь обычно наступает поздно и медленно.

— Ну что ж, — заговорил наконец Ястреб, — дракон Орм Эмбар сказал мне достаточно много. С его точки зрения, разумеется. Так, он

сказал, что тот, кого мы ищем, находится на Селидоре, хотя в то же время его вроде бы там и нет. Драконам очень трудно выражать свои мысли просто и ясно. У них не бывает простых мыслей. И даже если кто-то из них говорит человеку чистую правду — что, впрочем, случается редко, — то все равно он не уверен в том, какой эта правда представляется данному человеку. А потому я спросил его: «Он находится на Селидоре так же, как твой отец, Орм?» Ибо, как ты знаешь, и Орм, и Эррет-Акбе погибли на Селидоре в поединке друг с другом. И он ответил: «Да и нет. Ты найдешь его на Селидоре, но он не на Селидоре...» — Волшебник помолчал, задумчиво собирая и отправляя в рот хлебные крошки. — Возможно, он имел в виду вот что: хоть в настоящее время этого человека и нет на Селидоре, все же я должен плыть туда, чтобы до него добраться. Возможно, это и так... Я спросил его затем, что случилось с другими драконами. Он ответил, что тот человек бывал среди них, совершенно их не боялся — ибо даже убитый, он всегда восстает из мертвых во плоти и крови, — поэтому драконы теперь боятся его, считая, что он создан неживой природой. И страх их дает ему власть над ними. Это он отнял у них речь, оставив им лишь их дикое естество. Так что теперь они пожирают друг друга или убивают сами себя, бросаясь в море, — самая ненавистная и лютая смерть для огнедышащего змея, порожденного ветром и огнем. Тогда я спросил: «Где же правитель драконов Калессин?» — и все, что он пожелал мне ответить, — это: «На западе», что, по всей видимости, означало следующее: Калессин улетел на далекие острова, которые, по словам драконов, лежат в тех морях, куда не заплывал еще ни один корабль. Впрочем, это могло значить и нечто совсем иное. Так что я перестал задавать вопросы, и тогда он задал свой. Он сказал: «Возвращаясь на север, я пролетал над островами Картуэлл и Торингейт. Там я видел, как местные жители приносили в жертву младенца: его убили на жертвенном камне. А на острове Ингат жители одного из селений до смерти забили камнями своего колдуна. Как ты думаешь, Гед, они теперь съедят этого младенца? А может быть, тот колдун вернется из царства мертвых и станет бросать камни в своих соотечественников?» Я подумал было, что он надо мной смеется, и хотел уже гневно ему ответить, но нет, он не смеялся. Он сказал: «Вещи утратили свой смысл. В мире образовалась брешь, сквозь нее в пустоту уходит море. Уходит и свет. Мы скоро останемся в мертвой пустыне. Там Истинная Речь не прозвучит больше; там больше не будет смерти». Так что в конце концов я понял, что именно он хотел мне сказать.

Аррен этого как раз не понял и, кроме того, был мучительно взволнован. Потому что Ястреб, пересказывая ему беседу с драконом,

назвал свое подлинное имя; сомнений в этом не было. Аррену стало страшно: он вспомнил ту измученную женщину с острова Лорбанери, что выкрикивала: «Мое имя Акарен!» Если силы волшебства и музыки, если даже речь и доверие друг к другу слабеют, если безумие страха надвигается на людей столь неотвратимо, что они, как и драконы, начинают убивать друг друга, если все это действительно так, то смог ли его господин уберечься? Так ли он силен, чтобы противостоять этому злу?

Сильным он никогда не выглядел; особенно сейчас, когда сидел, скрючившись, над жалким ужином, состоявшим из хлеба и вяленой рыбы. Он сильно поседел за последнее время, к тому же голова его была покрыта пеплом после встречи с драконом. У него были слабые руки и усталое лицо. И все же дракон боялся его.

— Что-то гложет твою душу, сынок?

С этим человеком Аррен мог говорить только честно.

— Господин мой, ты назвал свое подлинное имя...

— Ах да. Я и забыл, что не назвал его тебе раньше. Тебе понадобится мое подлинное имя там, куда мы должны идти. — Продолжая что-то жевать, он спокойно посмотрел на Аррена. — Ты что ж, решил, что и я из ума выжил? И теперь буду бормотать собственное имя вслух, как полоумные старики, утратившие и разум, и стыд? Пока еще рановато, парень, а?

— Да, конечно, — сказал Аррен, настолько смущенный, что больше ничего выговорить не смог. Он вдруг почувствовал себя страшно усталым: слишком долгим был день и слишком много вокруг было драконов. И путь впереди был темен.

— Аррен, — сказал волшебник, — нет, Лебаннен! Там, куда мы плывем, скрыться некуда и нечего скрывать. Там все зовутся своими подлинными именами.

— Мертвым не больно, — мрачно сказал Аррен.

— Но ведь не только там, не только в царстве смерти люди называют друг друга лишь подлинными именами. Так поступают, скажем, те, кто наиболее уязвим, кого больнее всех можно ударить; те, кто отдал свою любовь безвозвратно; у них друг для друга существуют только истинные имена. Те, у кого верные сердца; те, кто дает другим жизнь... Э, да ты совсем с ног валишься, парень. Ложись-ка спать. Делать теперь нечего, только всю ночь держать прежний курс. И к утру мы увидим последний остров Земноморья.

В голосе его звучала невыразимая нежность, и Аррен, свернувшись калачиком на носу лодки, тут же начал проваливаться в сон. Он еще

слышал, как волшебник тихонько, почти шепотом запел что-то на Языке Созидания, и вдруг начал понимать слова Истинной Речи, вспоминать их значение, но, прежде чем успел как следует во всем разобраться, крепко уснул.

В полном молчании волшебник убрал оставшуюся после ужина еду, осмотрел снасти, разложил все в лодке по своим местам, а затем, взяв в руки гайдроп, поднял парус и надул его волшебным ветром. Неутомимая «Зоркая» стрелой понеслась по волнам морским к северу.

Гед, сидя на корме, смотрел на своего юного спутника. На лице Аррена играл золотисто-красный отблеск заката; сильно отросшие волосы юноши спутал ветер. Куда делся тот нежный и легкомысленный юный принц, что сидел на краю волшебного фонтана в Большом Доме всего несколько месяцев назад? У спящего молодого человека лицо было более худым и четко очерченным, да и сам он выглядел значительно сильнее. Впрочем, от этого Аррен не стал менее красив.

— Я так и не смог найти никого, кто пошел бы моим путем, — вслух сказал Верховный Маг Гед то ли спящему юноше, то ли просто ветру морскому. — Никого, кроме тебя. А ты должен идти своим путем — не моим. И все же твоё славное воцарение отчасти станет и мне наградой. Ибо я первым распознал тебя. Первым! За это впоследствии меня станут прославлять куда больше, чем за все мои магические деяния... Если это «впоследствии» наступит. Ибо сперва мы вдвоем с тобой должны найти точку равновесия Вселенной, самый центр мироздания. И если в пропасть упаду я, то упадешь и ты, и все остальные люди... Но не навсегда, нет! Тьма никогда не длится вечно. Даже там, в царстве тьмы, есть звезды... Ах, как мне хотелось бы увидеть твоё коронование в Хавноре! Увидеть, как играет луч солнца на мече Эррет-Акбе и на том Кольце, что мы привезли для тебя из темных Гробниц Атуана — Тенар и я, до того еще, как ты появился на свет!

Тут он засмеялся и, повернувшись лицом к северу, сказал:

— Значит, козлопас посадит-таки на законный трон наследника Морреда! Неужели я никогда не привыкну?..

Текли мгновения. Гед сидел в прежней позе и держал в руке гайдроп, глядя, как надутый ветром парус багровеет в последних лучах тонущего в море солнца. Потом снова тихонько проговорил:

— Нет, больше я не вернусь ни в Хавнор, ни на Рок. Пора кончать эти игры в могущество. Пора бросить старые игрушки и идти дальше. Пора возвращаться домой. Я хотел бы увидеть Тенар. И Огиона. И успеть наговориться с ним всласть, пока он жив. И пожить в его домике на утесе

Ре Альби. Я мечтаю вновь подняться на вершину горы Гонт, войти в ее осенние леса, когда листья сияют многоцветьем. Нет иного царства, что было бы равно царству лесов. Пора мне отправляться туда. В молчании. В одиночестве. И там, может быть, я смогу наконец постигнуть то, что так и не сумел постигнуть ценой своих подвигов и могущества, чему так и не сумел за всю свою жизнь научиться.

Теперь весь запад пылал яростным великолепием красных тонов, так что даже море казалось алым, а парус над лодкой — багровым, как кровь. Потом потихоньку спустилась ночь. И всю эту ночь юноша крепко спал, а его старший друг бодрствовал, внимательно вглядываясь во тьму впереди. Звезд на небе не было.

Проснувшись утром, Аррен увидел вдали прямо по курсу на фоне синего западного неба затянутые дымкой низкие берега Селидора. В Бериле, в княжеском дворце, были старинные карты, сделанные еще во времена Великих Королей, когда путешественники и торговцы заплывали с Внутренних Островов очень далеко и Пределы были исследованы куда лучше, чем сегодня. Огромная карта Севера и Запада Земноморья была выложена мозаикой на двух стенах тронного зала, и точно над самим троном был остров Энлад, выполненный в золотых и серых тонах; Аррен совершенно отчетливо помнил эту карту, потому что мальчишкой тысячи раз рассматривал ее. К северу от Энлада находился остров Осскил, а к западу — Эбоскил, к югу же от этих островов были Симел и Пальн. Дальше Внутренние Острова кончались и начиналось море, выложенное бледной голубовато-зеленой мозаикой; в море то там, то тут встречались маленькие дельфины и киты. Затем, наконец, почти в углу, там, где северная стена встречалась с западной, был остров Нарведен, а за ним еще три островка поменьше. Затем снова голубое море, море без конца и края, и только у самого края западной стены — и края карты — вновь появлялись острова и среди них Селидор. А за Селидором — больше ничего.

Аррен легко и живо мог представить себе его округлые очертания, большой залив почти посредине береговой линии, нешироким входом своим обращенный к востоку. До этого залива нужно было еще порядочно проплыть вдоль берега на север, так что направлялись они сейчас к узкой бухте на самой южной оконечности острова. Здесь, еще до того, как солнце успело выбраться из затянувшей горизонт утренней дымки, они высадились на берег.

Так закончилось их стремительное плавание от далеких Путей Балатрана до самого западного из островов Земноморья. Покой земной тверди с непривычки показался им странным — слишком долго пробыли они в море.

Гед взобрался на невысокую дюну, поросшую по гребню травой; гребень ее нависал над крутым склоном подобно карнизу, скрепленный цепкими корнями. Оттуда Гед внимательно осмотрел западную и северную часть моря. Аррен немного задержался в лодке, во-первых, чтобы обути башмаки, которые не надевал уже много-много дней, и, во-вторых, чтобы

вынуть из рундука свой меч. На этот раз он надел перевязь, даже не задумываясь. Потом он тоже взобрался на дюну и встал рядом с Гедом, оглядывая окрестности.

Дюны уходили довольно далеко от берега, невысокие, покрытые травой — по крайней мере шагов на тысячу; за ними виднелись лагуны, густо заросшие тростником и камышом, а дальше — низкие желто-коричневые холмы, совершенно пустынные, уходящие за горизонт. Прекрасным и безлюдным был остров Селидор. Нигде не было на нем ни следа, ни жилья человека. Нигде не было ни единого животного, а в заросших тростником озерах не гнездились ни чайки, ни дикие гуси, ни какие-либо другие птицы.

Они спустились по внутреннему склону дюны, и эта песчаная стена как бы отсекла их от шума прибоя и воя ветра; вокруг стало совсем тихо.

Между этой дюной и следующей было ровное пространство, усыпанное чистым песком: тихое убежище, над которым вставало теплое утреннее солнце, освещая западный склон дюны.

— Лебаннен, — сказал волшебник, ибо теперь звал Аррена только его истинным именем, — вчера ночью я спать не мог, а теперь мне непременно нужно поспать. Останься со мной, постереги.

Гед улегся на солнышке, потому что в тени было еще холодно, прикрыл рукой глаза, вздохнул и заснул. Аррен сел на землю с ним рядом. Ему ничего не было видно, кроме белых склонов дюны, травы на ее вершине, качающейся на фоне все еще затянутого легкой дымкой голубого неба, да еще желтого Солнца. Вокруг стояла тишина, лишь едва слышно шептал прибой, да порой ветер ворошил песчинки, и они ссыпались вниз по склону со слабым шорохом.

И тут Аррен заметил в небе существо, которое вполне могло бы показаться очень высоко летящим орлом. Только это был не орел. Дракон сделал над ними круг, завис в воздухе, а потом с грохотом и пронзительным свистом ринулся вниз, сложив золотистые крылья. Он приземлился на вершину дюны, вцепившись в нее когтистыми лапами. Против солнца огромная голова его казалась черной; по ней пробегали свирепые огненные сполохи.

Дракон спустился чуть ниже по склону дюны и заговорил.

— Агни Лебаннен, — сказал он.

Стоя между ним и Гедом с обнаженным мечом в руках, Аррен ответил:

— Орм Эмбар.

Меч больше не казался ему тяжелым. Гладкая, чуть потертая рукоять была очень удобной и прекрасно подходила к руке. Клинок легко, как бы по

собственной воле вынул из ножен. Древняя сила, заключенная в мече, стала теперь союзницей Аррена, ибо он понял, как использовать это оружие во благо. Это был его меч.

Дракон снова заговорил, но Аррен понять его не смог. Он оглянулся на своего спящего товарища, которого не разбудил ни страшный грохот, ни возня дракона на дюне, и ответил:

— Хозяин мой устал. Он теперь спит.

Услышав это, Орм Эмбар сполз еще ниже и свернулся кольцом у подножия дюны. На земле он казался очень тяжелым, громоздким, вовсе не таким гибким и свободным, как в воздухе, но была какая-то дьявольская красота и даже изящество в том, как неторопливо умащивал он свои огромные когтистые лапы и извив колючего рогатого хвоста. Устроившись, он вытянул передние лапы перед собой, поднял огромную голову и замер: именно такими изображали драконов на шлемах воинов. Аррен все время ощущал на себе взгляд его желтых глаз — страшные глаза эти были совсем близко, прямо у него над головой — и слабый запах гари, что неотступно висел в воздухе. Падалью от этого дракона не пахло вовсе; его запах, сухой запах горячего металла, хорошо сочетался с более слабыми запахами моря, водорослей и просоленного песка; это был чистый, дикий, естественный запах.

Солнце, поднявшись выше, осветило бока Орм Эмбара, и дракон весь засверкал, словно был сделан из полированной стали и золота.

А Гед по-прежнему спал, обращая на дракона не больше внимания, чем спящий крестьянин на своего гончего пса.

Так прошел час; и вдруг Аррен, вздрогнув, обнаружил, что волшебник сидит рядом с ним, и, видно, довольно давно.

— Ты что ж, настолько привык к драконам, что засыпаешь прямо между их лапами? — спросил Гед, рассмеялся и сам зевнул. Потом, поднявшись на ноги, заговорил с драконом.

Прежде чем ответить, Орм Эмбар тоже зевнул — возможно, потому что и сам задремал, а возможно, из тщеславия, чтобы произвести должное впечатление. Впечатление, надо сказать, было сильным; вряд ли кому-то из людей доводилось видеть подобную картину: ряды бело-желтых зубов, длинных и острых как мечи, страшный раздвоенный язык и дымящаяся пропасть глотки.

Орм Эмбар что-то сказал, и Гед уже хотел ему ответить, как вдруг оба они обернулись и посмотрели на Аррена. Они услышали отчетливый в тишине, негромкий шелест стали вынимаемого из ножен меча. Аррен с мечом наготове неотрывно смотрел куда-то на вершину дюны.

Там стоял ярко освещенный солнцем человек, и ветер слабо шелестел в складках его одежды. Человек стоял неподвижно, словно резное изваяние, только чуть шевелилась кромка его легкого плаща да откинутый на спину капюшон. Длинные черные волосы его ниспадали на плечи густыми спутанными локонами; это был широкоплечий, высокий, сильный и довольно красивый человек. Его глаза, казалось, глядят из-под капюшона куда-то вдаль, мимо них, в море. Человек улыбнулся.

— Орм Эмбар мне известен, — сказал он. — И ты тоже, хоть ты и постарел с тех пор, как мы с тобой виделись, Ястребок. Я слышал, ты теперь Верховный Маг? Да, ты стал великим волшебником, хоть и постарел. А это твой юный слуга? Ученик Школы, конечно, один из тех, что учатся волшебству на Острове Мудрых. Что же делаете здесь вы оба, столь далеко от Рока, от его неуязвимых стен, так хорошо защищающих Мастеров от любого зла?

— Кто-то нарушил стены, что поважнее стен Школы, — сказал Гед, плотно сжимая обеими руками посох и глядя вверх, на незнакомца. — Но разве ты не сойдешь к нам во плоти, чтобы мы смогли должным образом поприветствовать того, кого так долго искали?

— Во плоти? — сказал человек и снова улыбнулся. — Разве вульгарная плоть, человеческое тело, пушечное мясо что-нибудь значит при встрече двух магов? Нет, пусть лучше встретятся наши души, Верховный Маг.

— Вот это, по-моему, вряд ли возможно... Парень, убери-ка свой меч и не волнуйся: это всего лишь его посланник, призрак, но не настоящий человек. С тем же успехом можно рубить мечом воздух... В Хавноре, когда твои волосы уже были седые, тебя прозвали Коб-паук. Но это всего лишь прозвище. Как же нам называть тебя, когда мы наконец встретимся по-настоящему?

— Вы будете называть меня своим Господином, — сказал высокий человек с вершины дюны.

— О да, а еще как?

— Королем и Великим Мастером.

И тут Орм Эмбар издал страшное шипение; его огромные глаза опасно сверкнули; однако он лишь отвернулся от высокого человека, и лапы его тяжело погрузились в песок под осевшим телом, словно дракон не мог сдвинуться с места.

— А куда мы должны прийти, чтобы свидеться с тобой, и когда?

— В мое царство и тогда, когда это будет удобно мне.

— Прекрасно, — сказал Гед и, подняв свой посох, слегка повел им в

сторону высокого человека, и тот исчез, словно пламя свечи, погашенное порывом ветра.

Аррен смотрел во все глаза. Дракон мощным рывком вдруг приподнялся на всех своих четырех кривых лапах; чешуя его позванивала, а сморщенные в гневе губы обнажили ряды страшных зубов. Но тут волшебник снова опустил свой посох и оперся о него.

— Это всего лишь его посланник. Так сказать, своеобразный способ представиться. Бесплотный призрак собственного хозяина. Он способен говорить и слышать, но силы в нем нет, разве что наши собственные страхи могут сообщить ему какую-то силу. Он даже и внешне-то не слишком похож на своего хозяина. Но может стать похожим, если тот сам захочет этого. Так что мы пока не видели, каков теперь его настоящий облик.

— Как ты думаешь, а сам он близко?

— Такие посланники не могут пересекать водные пространства. Так что он на Селидоре. Но Селидор — огромный остров: гораздо больше, чем Рок или Гонт, и почти такой же, как Энлад. Мы можем еще очень долго искать его.

И тут заговорил дракон. Гед выслушал его и повернулся к Аррену.

— Вот что говорит истинный Хозяин Селидора: «Я вернулся сюда, на родной остров, и не покину его. Я найду Разрушителя, отведу к нему вас, и вместе мы сможем уничтожить его». А ведь я говорил тебе, Аррен, что если дракон начинает охоту, то непременно настигает свою жертву.

И Гед преклонил колено пред огромным драконом, подобно тому, как вассал преклоняет колено пред своим королем, и произнес слова благодарности на Языке Созидания. Дыхание дракона, стоявшего слишком близко, жарко опаляло его склоненную голову.

Потом Орм Эмбар снова втащил свое чешуйчатое тело на вершину дюны, взмахнул крыльями и улетел.

Гед отряхнул с одежды песок и сказал Аррену:

— Теперь ты видел меня коленопреклоненным. Возможно, до конца ты успеешь еще раз увидеть это.

Аррен не спросил, что именно волшебник имеет в виду: за время их длительного знакомства он успел усвоить, что в каждом туманном слове Геда таится истина. Но на этот раз слова эти показались ему дурным пророчеством.

Они еще раз сходили к берегу и убедились, что лодка лежит достаточно далеко от полосы прилива и не достигаема даже для штормовых валов. Из лодки они прихватили с собой теплые плащи на случай ночевки под открытым небом и всю оставшуюся еду. Гед на мгновение задержался

возле своей «Зоркой», что столько лет носила его по далеким неведомым морям, ласково погладил ее, но никакого заклятия не наложил; он вообще не произнес ни слова. Потом вместе с Арреном они двинулись через дюны к возвышающимся на севере холмам.

Они шли весь день, а вечером остановились на ночлег у ручья, струившегося между двумя полузадушенными тростником, заболоченными озерами. Несмотря на середину лета, с запада из бесконечных просторов Открытого Моря дул холодный пронзительный ветер. Небо было затянуто туманной дымкой, и ни единой звезды не зажглось над холмами, которые не выдвигали ни теплого огня домашнего очага, ни света в окне человеческого жилища.

Среди ночи Аррен проснулся. Их крошечный костерок погас, однако взошедшая на западе луна заливала землю жемчужно-серым призрачным светом. В долине у ручья и на склонах холмов вокруг собралось великое множество людей; они стояли неподвижно, молча, и все как один глядели на них с Гедом. Но ни разу лунный свет не блеснул в чьих-либо очах.

Аррен не осмелился заговорить с ними, лишь коснулся рукой плеча Геда. Волшебник вздрогнул и тут же сел.

— В чем дело? — спросил он.

Потом проследил за взглядом Аррена и увидел молчащих людей.

Все они были в темных одеждах, одинаковых у мужчин и женщин. Их лица в неясном свете были едва различимы, но Аррену показалось, что среди тех, кто стоял к ним ближе, он узнал нескольких человек, хоть и не мог назвать их имен.

Гед встал; плащ упал с его плеч на землю. Лицо, волосы и рубашка его слабо светились, словно лунное серебро изливалось на него одного. В широком жесте он протянул руки к стоящим вокруг людям и громко сказал:

— О вы, кто уже **отжил** свое! Ступайте с миром и будьте свободными! Отныне я разрываю те связи, что не дают вам уйти. *Анвасса мане харв пеннодатхе!*

Еще несколько мгновений молчаливая толпа стояла не двигаясь. Потом люди медленно повернулись, побрели куда-то в серую мглу и растворились в ней.

Гед сел. Глубоко вздохнул. Потом посмотрел на Аррена и положил руку ему на плечо. Рука была теплой и твердой.

— Их не стоит бояться, Лебаннен, — мягко сказал он, хотя в голосе его слышалась едва заметная насмешка. — Это всего лишь мертвые.

Аррен кивнул, хотя зубы у него стучали и озноб пробирал до костей.

— Как же... — начал он, но губы не слушались.

Гед понял его вопрос.

— Это он вызвал их из царства мертвых. Это и есть та вечная жизнь, которую он всем обещает. Вернуться в Темное царство они могут лишь по его приказанию. И вызванные им оттуда, обречены бродить по холмам живого мира, но даже стебелек травы не согнется под их ногами.

— Тогда... тогда он, наверно, тоже мертвый?

Гед покачал головой и нахмурился.

— Мертвые не способны вызывать души мертвых в мир живых. Нет, он обладает силой и могуществом живого человека и даже больше... Но если кто-то из них и хотел последовать его примеру, то все они были им обмануты. Он бережет свое могущество для себя одного. Воображает себя Королем Мертвых; и не только мертвых... Но подданные его — лишь тени.

— Не знаю, почему я боюсь их, — со стыдом признался Аррен.

— Ты боишься их потому, что боишься смерти. И это вполне естественно: смерть ужасна и ее должно бояться, — сказал волшебник. Потом подложил в костер еще дров, подул на угольки, подернутые пеплом, и яркие огоньки побежали по хворосту. Аррен с благодарностью смотрел на этот живой свет. — Жизнь ведь тоже страшная штука, сынок, — сказал Гед, — ее тоже должно бояться — и восхвалять.

Оба уселись у костра, плотно закутавшись в плащи.

Некоторое время стояла тишина. Потом Гед вдруг заговорил странно мрачным тоном:

— Я не знаю, Лебаннен, как долго еще он будет дразнить нас своими посланниками и призраками на этом острове. Но ты знаешь, куда он непременно отправится в конце концов.

— В Темную Страну?

— О да. К ним.

— Теперь я их видел. Я пойду с тобой туда.

— Что движет тобой? Вера в меня? Ты можешь верить моей любви, но не верь моей силе. Ибо, по-моему, я наконец встретил равного себе.

— Я пойду с тобой.

— Но если он победит меня, если я израсходую до конца свою силу и жизнь, то не смогу отвести тебя назад; а один ты вернуться не сможешь.

— Я вернусь с тобой.

На это Гед сказал лишь:

— Мальчик, ты становишься мужчиной у самых ворот смерти. — И потом тихо-тихо прибавил еще какое-то слово или имя, которым дракон Орм Эмбар дважды называл Аррена. — Агни... Агни Лебаннен.

Больше они ни о чем не говорили и вскоре снова уснули, устроившись

поближе к маленькому, быстро догорающему костерку.

На следующее утро Аррен и Гед двинулись дальше, на северо-запад; так решил Аррен, потому что Гед сказал ему:

— Выбирай, куда нам теперь идти, парень; мне все равно.

Они не спешили, ибо конкретной цели не видели и ждали хоть какого-нибудь знака от дракона. Шли специально по вершинам невысоких дюн вблизи от берега, чтобы их легче было заметить с воздуха. Дюны поросли травой, сухой, короткой, которая колыхалась и шуршала на ветру. Справа от них ввысь уходили золотистые склоны холмов, а слева были соленые болота и западный берег моря. Однажды они видели летящих лебедей — далеко на юге. Но больше ни одного живого существа за весь тот день они не увидели. Какая-то странная усталость, ожидание чего-то ужасного не отпускали Аррена. И вместе с тем в нем росли нетерпение и глухой гнев. После длительного молчания он заговорил первым:

— Эта земля так же мертва, как в царстве мертвых.

— Не смей так говорить! — резко оборвал его волшебник и прибавил шагу. Потом изменившимся голосом пояснил: — Посмотри на эту землю; внимательно посмотри вокруг. Ведь все это — твое царство, царство жизни. Это — твое бессмертие. Посмотри на эти холмы: они ведь тоже смертны, не вечны. Склоны их покрыты живой травой, в ручьях звенит живая вода... Во всей Вселенной, во множестве миров и невероятной бездне времен нет и не было других, точно таких же ручьев, чьи холодные струи исходят из земных глубин, оттуда, где никто не видит их истоков. А потом родники, сливаясь в ручьи и реки, бегут под солнцем и под звездным ночным небом к морю. Глубоки источники бытия, глубже, чем жизнь, глубже, чем смерть...

Гед остановился, и в глазах его, когда он смотрел на Аррена и на залитые солнцем холмы, была лишь великая, невыразимая словами, всепоглощающая любовь. И Аррен понял это. А поняв, впервые увидел и самого волшебника как бы целиком, таким, какой он есть.

— Я не могу лучше объяснить все это, — сказал Гед с несчастным видом.

Но Аррен подумал о том первом своем часе на острове Рок, когда во дворике у фонтана он увидел этого человека стоящим на коленях перед играющей струей воды; и радость, чистая, как та вдруг вспомнившаяся струя, забурила в нем. Он посмотрел на своего друга и сказал:

— Я уже отдал свою любовь тому, что достойно любви. Разве это не мое царство, разве не в нем заключена вечная весна?

— О да, сынок, — сказал Гед с болью и нежностью.

И они двинулись дальше в молчании. Однако теперь Аррен видел мир как бы глазами своего друга, видел его живое очарование, что вдруг открылось ему в этой пустынной стране и, словно благодаря волшебству, превзошло все остальные, виденные до сих пор красоты, — очарование каждой исхлестанной ветром травинки, каждой тени, каждого камня. Так человек в последний раз смотрит на нежно любимые места, отправляясь в путешествие, из которого нет возврата. Он видит все вокруг как бы целиком, одновременно, и все кажется ему таким настоящим, таким дорогим и родным, каким никогда не казалось раньше, каким он больше никогда его не увидит.

К вечеру сильный ветер отогнал плотную гряду облаков, закрывавшую западный край неба, и закат яростно горел над морем, разливая по волнам пурпур и багрянец, пока солнце в очередной раз не нырнуло в далекие воды на горизонте. Собирая топливо для костра, Аррен вдруг увидел на берегу ручья, где они расположились на ночлег, залитого пурпурным сиянием человека, стоявшего не более чем в пяти шагах, но видимого неясно. Лицо незнакомца было каким-то странным, однако Аррен узнал его: это был красильщик Попли с острова Лорбанери, который давно умер.

За Попли стояли другие люди. У всех были печальные лица; глаза их внимательно смотрели на Аррена. Они, казалось, даже что-то говорили, но Аррен не мог расслышать слов — только невнятный шепот или шелест, тут же уносимый порывами западного ветра. Потом некоторые из людей стали медленно приближаться к нему.

Аррен распрямился и смотрел то на этих людей, то на Попли; потом повернулся к ним спиной, постоял немного и подобрал с земли еще одну валежину, хотя руки у него тряслись. Он положил валежину в общую кучу и подобрал еще одну и еще. Потом выпрямился и оглянулся. У ручья никого не было; на холмах догорал красный отблеск заката. Юноша вернулся к Геду и бросил на землю возле костра целую охапку топлива, однако ничего не сказал о своей встрече.

Всю ночь в туманной мгле острова Селидор, где никогда не жили люди, он просыпался и слышал вокруг шепот мертвых. Тогда усилием воли он заставил себя не слушать. И вскоре снова уснул.

Оба, и он и Гед, проснулись поздно, когда солнце уже на целую ширину ладони поднялось над вершинами холмов и, вырвавшись из объятий утреннего тумана, ярко освещало эту холодную землю. Пока они поглощали свой жалкий завтрак, прилетел Орм Эмбар и стал кружить над ними в воздухе. Из пасти дракона вырывалось пламя, а из красных ноздрей — искры и дым; в клубах огня и дыма зубы его сверкали, словно бритвы из

слоновой кости. Однако дракон ничего не говорил, хотя Гед и окликнул его, назвав по имени:

— Ты нашел его, Орм Эмбар?

В ответ дракон резко повернул голову и немыслимым образом изогнулся, как бы отталкиваясь от ветра своими когтистыми страшными лапами. Потом вдруг быстро развернулся и устремился на запад, все время оглядываясь на них с Гедом.

Гед крепко сжал свой посох и гневно ударил им о землю.

— Он больше не может говорить! — воскликнул он. — Он — и не может говорить!!! У него отняли эту способность, отняли Речь, и теперь он все равно что обыкновенная гадюка или безъязыкий червяк, и мудрость его лишилась языка. Однако он еще может вести нас! И мы последуем за ним.

Подхватив свои легкие заплечные мешки, они быстро пошли через холмы на запад, туда, куда улетел Орм Эмбар.

Они шли не менее двух часов одинаково ровным, быстрым шагом. Теперь море окружало их с обеих сторон: они спускались вниз по длинной пологой каменистой гряде меж сухих тростников и продуваемых всеми ветрами прогалин по берегам ручьев к изогнувшемуся широкой дугой песчаному берегу цвета слоновой кости. Это был самый северный мыс Селидора, конец последнего острова Земноморья, конец земли.

Орм Эмбар стоял на светлом песке, выгнув спину дугой и опустив голову, словно разъяренный кот; дыхание его было прерывистым, изо рта вырывались языки пламени. В некотором отдалении, между ним и полосой несильного прибоя, виднелось нечто вроде хижины или шалаша, построенного из чего-то белого, похожего на очень старый, обесцвеченный плавник. Вот только плавника на этом берегу быть не могло: дальше не было островов, только Открытое Море. Когда они подошли ближе, Аррен увидел, что ветхие стены хижины сделаны из огромных костей; сначала он подумал, что это кости кита, и только потом, заметив треугольные, острые как нож выступы вдоль хребта, понял, что это кости дракона.

Они наконец достигли цели. Солнечные блики играли на волнах, просвечивавших сквозь щели жилища из костей. Дверь заменял кусок гигантской бедренной кости. Над дверью был укреплен человеческий череп, уставившийся пустыми глазницами на холмы Селидора.

Они застыли как вкопанные, глядя на этот череп, и тут дверь под ним отворилась и вышел человек в старинных доспехах из позолоченной бронзы. Доспехи были во многих местах пробиты то ли кинжалом, то ли боевым топором. В руках он держал сломанный меч: осталась только рукоять и гарда, сам же клинок отсутствовал. Лицо человека казалось

суровым: черные дуги бровей, тонкий красивый нос, темные глаза, живые и печальные. Его тело было буквально покрыто ранами — руки, горло, бок; кровь больше не шла, но любая из этих ран казалась смертельной. Человек стоял прямо и неподвижно, глядя на них.

Гед сделал шаг к нему. Они были как-то странно похожи — вот так, лицом к лицу.

— Ты — Эррет-Акбе, — сказал Гед.

Человек, продолжая пристально смотреть на него, один раз молча кивнул.

— Даже тебя, даже тебя вынуждает он исполнять свои приказания! — В голосе Геда слышалась ярость. — О, господин мой, самый лучший, самый храбрый из людей, покойся же во славе своей — в царстве смерти! — И широким жестом подняв обе руки, Гед разом опустил их, повторив те же слова, которые произносил ночью перед толпой мертвецов. После магического жеста в воздухе на мгновение остался широкий светящийся след. Когда этот след исчез, исчез и израненный человек в латах; лишь солнце ярко освещало песок там, где он только что стоял.

Гед ударил посохом по хижине из костей дракона, и та тоже исчезла. Теперь на песке не осталось ничего — только одно гигантское ребро еще торчало вверх.

Волшебник обернулся к дракону:

— Это здесь, Орм Эмбар? Это то самое место?

Из приоткрытой пасти донеслось мощное прерывистое шипение.

— Значит, это здесь. На последнем берегу нашей земли! Что ж, хорошо. — И, держа свой черный тисовый посох в левой руке, Гед широким жестом развел руки, готовясь произнести заклятье, и заговорил на Языке Созидания. Аррен тоже понял наконец слова Истинной Речи: все, кто слышит Великое Заклятие, должны его понимать, ибо оно имеет власть надо всем. — Теперь я заклинаю тебя, враг мой! Явись и предстань передо мной во плоти. Я связываю тебя тем словом, что не будет произнесено до конца времен. Явись!

Однако вместо имени заклинаемого Гед сказал лишь: *враг мой*. Наступила такая тишина, что не слышалось даже плеска волн. Аррену на какой-то миг показалось, что солнце скрылось в загадочной дымке, хотя оно по-прежнему стояло в ясном небе прямо у него над головой. Непонятная дымка сгустилась, и тьма окутала песчаный берег, видимый теперь словно сквозь закопченное стекло; прямо перед Гедом тьма была совершенно непроницаемой. Во всяком случае, Аррен не мог рассмотреть в ней никакой ясно очерченной фигуры — так, черная пустота,

бесформенность.

И вдруг из этого сгустка тьмы возник человек. Тот самый, которого они видели на вершине дюны, — высокий, темноволосый, длиннорукий и стройный. Теперь в руках он держал нечто вроде хлыста или стального узкого и длинного лезвия, по всей длине которого были вырезаны старинные руны. Словно готовясь к атаке, он направил свое оружие в сторону Геда. Но что-то странное было в его взгляде: похоже, что глаза его, будто ослепленные солнцем, не способны были видеть как следует.

— Я прихожу, — проговорил он, — только по собственному желанию и тогда, когда захочу. Ты не можешь вызвать меня своим заклятьем, Верховный Маг, я не мертвая тень. Я живой человек. И один лишь я по-настоящему жив! Ты вот считаешь себя тоже живым, но ведь ты умираешь, медленно, постепенно. Знаешь, что держу я в руках? Посох Серого Мага; того, что заставил навсегда умолкнуть Негерера; того, кто считался лучшим мастером искусства, которым овладел и я. Впрочем, теперь я и сам Мастер не хуже. И мне надоели бесконечные игры с тобой. — С этими словами он неожиданно резко выбросил вперед руку со стальным стержнем и дотронулся им до Геда, который стоял так, словно утратил способность двигаться и говорить. Аррен всю свою волю сосредоточил на том, чтобы сделать хоть шаг, однако не смог даже пошевелиться, даже коснуться рукояти меча, и голос тоже застрял у него в глотке.

Но тут над Гедом и Арреном, прямо над их головами, взметнул свое огромное тело разъяренный дракон и одним конвульсивным рывком, всей своей тяжестью обрушился на противника, так что колдовское стальное лезвие полностью погрузилось в его покрытую чешуей грудь; но и черноволосый человек был смят чудовищным весом дракона, сокрушен и сожжен его дыханием.

С трудом приподнявшись над песчаным берегом, изогнув спину дугой и хлопая крыльями, Орм Эмбар выдохнул или, скорее, вытошнил сгусток жуткого пламени и закричал. Потом попытался взлететь, но не смог. Холодная, отравленная злым колдовством сталь попала ему прямо в сердце. Дракон забился в судорогах, и кровь, черная ядовитая драконья кровь, дымясь, хлынула у него из пасти; пламя замерло в ноздрях, и они стали похожи на подернутые пеплом угольные ямы. Огромная голова его бессильно склонилась на песок.

Так умер Орм Эмбар. Умер на том же берегу, что и его предок Орм; умер на его могиле, на зарытых в песок костях великого дракона.

Там, где Орм Эмбар, обрушившись на своего врага, пытался вбить его в землю, лежало теперь нечто безобразное и скрюченное, похожее на тело

огромного паука, запутавшегося и засохшего в собственной паутине. Существо это было сожжено огненным дыханием дракона и изломано его когтистыми лапами. Но все же — и Аррен заметил это — существо двигалось и уже немножко отползло подальше от поверженного дракона.

Существо подняло голову и повернулось к ним с Гедом лицом. Ничего от былой привлекательности не осталось в этом лице — тлен, старость, пережившая самое себя. Рот провалился. Глазницы были пусты. Наконец Гед и Аррен увидели подлинный лик своего врага.

Существо отвернулось и распростерло обожженные почерневшие руки. Висевшая вокруг темная дымка как бы собралась и втянулась в круг, образованный его руками, и вновь возникла та бесформенная тьма, что вспухала тогда перед Гедом, закрывая свет солнца. Теперь тьма изогнулась, образовав нечто вроде арки ворот, очертания которых были весьма расплывчаты, и за этими воротами не было ни светлого песка, ни океана: только длинный темный склон неведомой горы, уходящий куда-то вниз.

По этому склону и устремилось на четвереньках изуродованное драконом существо и, едва оказавшись во тьме, сразу набралось сил, встало на ноги, начало двигаться быстрее и скрылось из виду.

— Пошли, Лебаннен, — сказал Гед и положил правую руку на плечо юноши. Вместе двинулись они вперед, в глубь пустынной Страны Мертвых.

Тисовый посох в руке волшебника светился серебряным светом в мрачных сумерках, окутывавших ведущий во тьму склон горы. Потом Аррен, приглядевшись, заметил еще какое-то слабое свечение: огоньки пробегали по лезвию обнаженного меча, который он крепко сжимал в руке. Еще там, на берегу острова Селидор, когда дракон ценой своей жизни разрушил страшное Связующее Заклятье, Аррен первым делом вытащил меч из ножен. И здесь, где и сам юноша казался всего лишь тенью, но все же тенью *живой*, он нес с собой *живую* тень своего старинного меча.

Больше нигде не было ни огонька, ни просвета. Их окружали как бы поздние сумерки пасмурного ноябрьского вечера — мрачная, холодная, непрозрачная серая мгла, в которой предметы хоть и были в целом различимы, но недостаточно ясно и только вблизи. Аррен узнал это место: пустынные скалы из его прежних, лишенных надежды на спасение снов; но ему казалось, что теперь он зашел куда дальше, невероятно далеко, значительно дальше, чем когда-либо в своих снах. Он почти ничего не мог как следует разглядеть вокруг, но было ясно, что они с Гедом стоят на склоне горы, а перед ними невысокая каменная стена.

Правая рука Гед по-прежнему лежала на плече Аррена. Он первым шагнул вперед, и юноша последовал за ним; вместе они перебрались через стену из камней.

Бесконечный склон расстился перед ними, уходя куда-то вниз, во тьму.

Но над головой, где, как Аррену казалось раньше, должны были быть тяжелые серые тучи, небо было абсолютно черным и на нем светились звезды. Он внимательно посмотрел на них, и сердце у него в груди болезненно сжалось, пронзенное смертным холодом и ужасом. Это были совсем не те звезды, какие он привык видеть на небе. Они неподвижно застыли и даже не мигали. Это были те самые звезды, что никогда не зажигаются и никогда не исчезают с небес. Никогда не скрывают их облака; никогда ни один восход солнца не затмевает их свет. Неподвижные, крошечные, неустанно светят они над мертвой пустыней.

Гед начал свой спуск по обратной стороне Горы Мироздания, и шаг за шагом Аррен спускался с ним вместе. В глубине души он чувствовал страх, но сердце его все же было полно решимости и воля его была крепка, а

потому страх этот не мог одолеть его. Юноша почти не замечал, как порой сжимается сердце — будто в нем беспокойно ворочается и тихонько воет маленький зверек, запертый и посаженный на цепь.

Казалось, что спуск их продолжается уже очень долго, но на самом деле, может быть, и нет: время было неощутимо в этой стране — там не дули ветры, не двигались в небе звезды, не всходило солнце. Вскоре они пришли в один из городов царства мертвых, и Аррен увидел дома, в окнах которых никогда не зажигали свет. В открытых дверях некоторых домов стояли со спокойными лицами и пустыми руками души мертвых людей.

Рыночные площади были пусты. Здесь никто ничего не продавал и не покупал, никто не торговался и не тратил деньги. Ничем здесь не пользовались, ничего не создавали. Гед и Аррен в одиночестве прошли по узким улочкам, хотя несколько раз впереди мелькала знакомая фигура и тут же скрывалась за поворотом, едва различимая в густых сумерках. Увидев ее в первый раз, Аррен бросился было вперед с поднятым мечом, указывая им на нее, но Гед только покачал головой и спокойно продолжал свой путь. Аррен только тогда разглядел, что это фигура женщины, и движется эта женщина медленно, а вовсе не бежит от них.

Все те, кого они видели — а видели они немногих, ибо при всем великом множестве умерших страна их поистине бескрайня, — стояли неподвижно или двигались очень медленно, без какой-либо цели. Ни на ком не было заметно ни ран, в отличие от призрака Эррет-Акбе, вызванного злой волей в солнечный мир к месту своей гибели, ни следов какой-либо болезни. Их тела казались здоровыми и крепкими. Они были избавлены от страданий, избавлены от боли и — от жизни. И они отнюдь не выглядели страшными, отвратительными мертвецами, как того раньше боялся Аррен. Спокойны были их лица; они освободились от гнева и желаний, и в затененных их глазах не светилась надежда.

И тогда на смену страху безграничная жалость родилась в душе Аррена; если в основе этой жалости и лежал страх, то это был страх не за самого себя, но за всех смертных. Ибо увидел он мать и дитя, умерших одновременно; они оказались в Темной Стране вместе, но дитя не резвилось и не кричало, а мать не прижимала малыша к себе и даже не смотрела в его сторону. А те, что умерли из-за любви друг к другу, здесь, встречаясь на улице, проходили мимо, даже не повернув головы.

Неподвижно застыл гончарный круг, молчал ткацкий станок, холодна была печь хлебопека. Здесь никто никогда не пел.

Темные улицы среди темных домов вели их все дальше и дальше. Единственным живым звуком здесь был шорох их шагов. Становилось все

холоднее. Сначала Аррен как-то не заметил этого холода, но постепенно тот проник, кажется, в самую его душу, которая здесь стала как бы одновременно и его плотью. Юноша страшно устал. Они, должно быть, зашли уже очень далеко. Зачем идти дальше? — думал он, понемногу замедляя шаг.

Вдруг Гед резко остановился, заглядывая в лицо какому-то человеку, что стоял на перекрестке. Человек был худ, высок, и лицо его показалось Аррену знакомым, только он не мог вспомнить, где его видел. Гед заговорил с ним. И впервые живой голос нарушил эту тишину с тех пор, как они перешагнули через каменную стену.

— О Торион, друг мой, как же ты-то здесь оказался?

И Гед протянул руки к Мастеру Заклинателю из Школы Волшебников, что на острове Рок.

Торион не ответил даже жестом. Он стоял неподвижно, и неподвижным было его лицо. Но серебристый свет посоха Геда глубоко проник в его затененные глаза и не то зажег в них слабенький ответный огонек, не то просто отразился в темных зрачках. Гед сам взял Ториона за безжизненную руку и снова спросил:

— Что ты делаешь здесь, Торион? Это царство еще не властно над тобой. Ступай назад!

— Я последовал за бессмертным. И потерял путь. Не смог вернуться назад. — Голос Заклинателя звучал тихо и ровно, как у человека, который говорит во сне.

— Вверх: по направлению к стене, — сказал Гед, указывая туда, откуда они с Арреном только что пришли, вдоль длинной темной улицы. При этих словах лицо Ториона дрогнуло, словно в нем пробудилась слабая надежда — словно болезненный укол шпаги вошел в его плоть.

— Я не могу отыскать пути назад, — сказал он. — О, господин мой, я не могу его отыскать.

— Возможно, все-таки найдешь, — ответил Гед и крепко обнял его. Потом пошел дальше, а Торион остался стоять неподвижно на перекрестке.

Они шли и шли. Аррену уже стало казаться, что в этом темном безвременье сумерек нет таких естественных понятий, как «позади» или «впереди», как нет ни востока, ни запада, как нет цели у их пути. Существует ли выход отсюда? Он стал думать о том, как они тогда спускались по склону горы, все вниз и вниз, вне зависимости от того, куда сворачивали; и все улицы в темном мертвом городе тоже вели вниз. Так что для того, чтобы теперь вернуться к каменной стене, пришлось бы все время подниматься вверх, и тогда на вершине холма они непременно ее обнаружат. Но они так и не повернули назад. Бок о бок уходили они все

дальше и дальше. Следовал ли он послушно за Гедом? Или, может быть, сам вел его?

Они вышли из города. Страна, населенная множеством мертвецов, выглядела пустой. Ни деревца, ни колючего кустарника, ни травинки не было на каменистой земле под неподвижными звездами.

Здесь не было горизонта, ибо глаз не способен видеть так далеко во мраке; но впереди маленькие неподвижные звезды как бы скрывались за чем-то огромным, обладавшим извилистым неровным краем, подобно горной гряде. Когда они подошли ближе, горы стали видны более отчетливо: высокие вершины, которых никогда не касались ни ветер, ни дождь. На вершинах этих не лежали снега, способные блестеть в свете звезд. Вершины были совершенно черны. При виде их отчаяние одиночества вдруг охватило Аррена. Он отвернулся. Он их узнал. Вспомнил, и теперь они притягивали его взор. Каждый раз, как он смотрел на эти вершины, тяжкий холод сковывал его сердце, убивая в душе упрямство и мужество. Но он продолжал идти — по-прежнему все вниз и вниз, ибо земля как бы сама несла их, уходила из-под ног. Спуск стал круче. Наконец Аррен не выдержал.

— Господин мой, что это за... — и он указал на горы; договорить он не смог: горло совсем пересохло.

— Они стоят на самой границе мира света, — ответил Гед, — как и та каменная стена. У них нет имени; к ним подходят слова «боль», «горе», «страдание». Это Горы Горя. Через них ведет путь, запретный для мертвых. Это недолгий путь, но он исполнен горечи.

— Я хочу пить, — с трудом выговорил Аррен. И товарищ его ответил:

— Здесь пьют пыль.

И они пошли дальше.

Аррену стало казаться, что Гед идет уже не столь быстро и как-то порой не совсем уверенно. Зато сам он больше не испытывал сомнений, хотя усталость все накапливалась в его душе и теле. Они должны идти вниз, они должны идти дальше. И они шли дальше.

Порой им встречались другие мертвые города, где темные островерхие крыши домов вырисовывались на фоне звездного неба. Звезды по-прежнему не двигались. После городов вновь начиналась пустынная земля, где не росло ни былинки. Едва они успевали выйти за пределы города, как он проваливался во тьму, и уже ничего нельзя было разглядеть ни позади, ни впереди, кроме гор, которые все приближались, стеной вырастая перед путниками. Справа бесконечный склон вел вниз, как и раньше. Сколько времени тому назад начался их спуск по нему после того, как они

перебрались через каменную стену?

— Что находится в той стороне? — прошептал Аррен. Его пугал звук собственного голоса.

— Не знаю. Это, возможно, путь, не имеющий конца, — покачал головой волшебник.

В том направлении, куда они шли, склон, похоже, становился все более пологим. Земля отвратительно скрипела под ногами, словно они шли по осколкам окаменевшей лавы. Но они по-прежнему шли только вперед, и теперь уже Аррен не думал ни о возвращении, ни о том, каким путем они могли бы вернуться. Не думал он и о том, чтобы остановиться и отдохнуть, хотя страшно устал. Один раз он попытался чуточку развеять тупую тьму, ослабить усталость и таившийся в душе ужас воспоминаниями о доме; но не смог вспомнить даже лица матери, не смог вспомнить, как выглядит солнечный зайчик. Ничего иного не оставалось, как идти вперед. И он шел вперед.

Он почувствовал, что поверхность под ногами стала почти ровной. Рядом с ним остановился Гед, как бы погруженный в сомнения. Тогда Аррен тоже остановился. Спуск прекратился: это был конец, дальше пути не было, как не было и необходимости продолжать идти.

Они находились в долине у самого подножия Гор Горя. Под ногами скрипели осколки камней, над головой нависали скалы с грубой шершавой поверхностью, похожей на шлак. Видно, когда-то, давным-давно по этой узкой горловине бежала живая река, а может быть, то была река огненной лавы, что изливалась некогда из остывшего теперь жерла вулкана — одной из тех черных безжалостных вершин, что вздымались над ними.

Аррен не двигался, не шевелился, и Гед тоже стоял рядом с ним совершенно неподвижно. Они были похожи сейчас на утративших цель существования мертвецов, которые даже не пытались что-либо разглядеть вокруг и тупо молчали. Аррен подумал с невнятным страхом: «Все-таки мы слишком далеко зашли». Хотя и это теперь не имело особого значения.

Как бы вторя его мыслям, Гед сказал вслух:

— Мы зашли слишком далеко, чтобы повернуть назад. — Голос его звучал тихо, однако величественная мрачная пустота вокруг не могла полностью заглушить его, и этого живого звука оказалось достаточно, чтобы Аррен приободрился. Разве не для того они пришли сюда, чтобы встретить врага, которого искали?

Чей-то голос проговорил из темноты:

— Вы зашли слишком далеко.

Аррен громко ответил:

— Только слишком далеко и есть для нас достаточно далеко.

— Вы добрались до Сухой Реки, — сказал голос, — и теперь не сможете вернуться назад, к каменной стене. Не сможете вернуться к жизни.

— Назад — нет, — сказал волшебник куда-то во тьму.

Аррен едва различал его, хотя они почти касались друг друга: гора, в густой тени которой они стояли, закрывала по крайней мере половину звездного неба, и казалось, что по руслу Сухой Реки течет сама Тьма.

— Но мы найдем другой путь в мир света. Твой, — твердо закончил свою мысль Гед.

Ответа не последовало.

— Здесь мы встречаемся как равные. Если ты слеп, Коб-паук, то и мы пока еще только во тьме.

Ответа не последовало.

— Мы ничем не можем повредить тебе здесь; мы даже убить тебя не можем. Чего же тебе бояться?

— Я не боюсь ничего, — раздался голос во тьме. Затем медленно, слегка светясь волшебным светом, похожим на тот, что зажигался порой на конце посоха Геда, из тьмы появился человек; он стоял чуть выше Геда и Аррена, на самом берегу Сухой Реки, среди огромных, неясной формы валунов. Он был такой же высокий, широкоплечий и длиннорукий, как и тот, кто являлся им на вершине поросшей травой дюны и на песчаном берегу острова Селидор, только старше; длинные волосы его над высоким лбом были седыми и всклокоченными. Такой предстала пред ними его душа в царстве смерти; он не был сожжен огненным дыханием дракона и не был им искалечен, но и настоящим человеком он все-таки не был: глазницы его были пусты.

— Я не боюсь ничего, — повторил он. — Да и чего может бояться мертвый? — Он засмеялся, и смех этот прозвучал так неестественно и жутко здесь, в узкой каменной долине, стесненной горами, что Аррен на мгновение почувствовал удушье. Однако только крепче сжал рукоять меча и стал слушать.

— Я не знаю, чего может бояться мертвый, — ответил ему Гед. — Полагаю, что не смерти. И все-таки, кажется, ты ее боишься. Потому что нашел лазейку, через которую можешь удрать от нее.

— Нашел. Я живу! Тело мое живет!

— Ну оно-то живет не слишком хорошо, — сухо откликнулся волшебник. — С помощью иллюзии можно скрыть возраст; но Орм Эмбар не слишком бережно обошелся с твоей драгоценной плотью.

— Ничего, это можно поправить. Мне известны секреты искусного

врачевания и вечной молодости, а это не просто иллюзии. За кого ты меня принимаешь? Только потому, что сам стал Верховным Магом, ты считаешь меня простым деревенским колдуном? Меня, единственного среди магов, кто нашел Путь Бессмертия, до сих пор никем больше не найденный!

— Возможно, мы его и не искали, — сказал Гед.

— Вы искали его. Все вы. Ты искал его и не мог найти, а потому выдумал всякие заумные слова по поводу «принятия неизбежного», «сохранения равновесия» и «восстановления миропорядка», при котором жизнь якобы уравнивает смерть. Но это всего лишь слова — ложь, прикрывающая твою позорную неудачу, твой страх перед смертью! Разве откажется человек жить вечно, если получит такую возможность? А я это могу! Я бессмертен. Я совершил то, чего вы совершить не смогли, а потому теперь я ваш хозяин — и ты это понимаешь. Хочешь узнать, как я этого добился, Верховный Маг?

— Хочу.

Коб подошел чуть ближе. Аррен заметил, что, хотя у него и нет глаз, движения его не похожи на движения слепого; он, видимо, абсолютно точно представлял себе, где стоят Гед и Аррен, и остерегался их, хотя в сторону Аррена головы ни разу не повернул. Должно быть, он пользовался каким-то особым колдовским зрением, каким обладали, например, его посланники, способные видеть и слышать; во всяком случае, он прекрасно ориентировался, хотя настоящим зрением не обладал.

— Я жил на Пальне, — начал он, обращаясь к Геду, — после того, как ты, гордец, счел, что, унизив меня, заставил молчать. О да, ты действительно дал мне урок, но совсем не тот, на какой рассчитывал! Я тогда сказал себе: теперь я видел смерть, и я ее не хочу. Пусть вся эта глупая природа идет своим глупым путем, но я, человек, лучшее, что есть в природе, и я выше ее. Я этим путем не пойду и себе не изменю! И таким образом, окончательно решившись, я снова принялся штудировать труды мудрецов Пальны, но находил в книгах только поверхностные намеки да разрозненные сообщения о том, что мне требовалось. Так что я, по сути дела, расплел весь пальнский фольклор по ниточке и заново сплел, создав наконец заклятие. О, это было величайшее из заклятий, когда-либо существовавших на свете! Величайшее и последнее!

— Произнося это заклятие, ты и умер.

— Да! Я умер. У меня тогда хватило мужества умереть и найти то, что вы, трусы, никогда так найти и не смогли: путь из Страны Мертвых в мир живых. Я открыл ту дверь, что была крепко заперта с начала времен. И теперь я свободно прихожу в Темную Страну и свободно возвращаюсь в

мир света. Я, единственный из людей, когда-либо существовавших на земле, стал Властелином Двух Миров. И найденная мной дверь открывается не только отсюда; она открывается там, в душах живых людей, в самых потаенных уголках бытия, в таких глубинах, где все мы равны перед Великой Тьмой. Люди понимают это и приходят ко мне. И души мертвых — все до одной! — обязаны являться на мой зов, ибо я ничуть не утратил волшебной силы живого мага: если я прикажу, они все начинают карабкаться через каменную стену — все, души великих правителей, и магов, и гордых женщин!.. Из смерти — в жизнь; и обратно, из жизни — в смерть. По моей команде. Все обязаны подчиняться мне, живые и мертвые, мне, который умер, но остался жив!

— Где же они встречаются с тобой, Коб? Где они могут найти тебя?

— Меж двух миров.

— Но ведь это не жизнь и не смерть. Что такое жизнь, Коб?

— Власть.

— А что такое любовь?

— Власть, — вновь тяжко уронил слепой, чуть пожав плечами.

— Что такое свет?

— Тьма!

— Как твое имя?

— У меня его нет.

— Все в этой стране называются своими подлинными именами.

— Тогда назови свое!

— Мое имя Гед. А твое?

Слепой поколебался и сказал:

— Коб. Паук.

— Это только твои прозвища, а где же твое имя? Твое подлинное имя? Сама твоя суть? И в чем истина, в которую ты веришь? Не осталась ли она в Пальне, когда ты умер? Ты слишком многое забыл, Властелин Двух Миров. Ты позабыл, что такое свет, любовь, подлинное имя.

— Зато теперь я знаю твое имя, а стало быть, обладаю над тобой властью, Верховный Маг Гед! Вернее, который был Верховным Магом — пока был жив!

— Имя мое тебе не поможет, — спокойно промолвил Гед. — И нет у тебя никакой власти надо мной. Я живой человек; тело мое лежит на берегу Селидора под солнцем, на живой земле, которая по-прежнему вращается вокруг своей оси. И только когда умрет это тело, я окажусь здесь: но то будет уже одно лишь имя мое, всего лишь тень настоящего Геда. Разве ты этого не знаешь? Неужели ты никогда не понимал этого? Ты, который

вызвал из царства мертвых столько душ; который заклатьем своим принудил явиться на землю тех, кто ушел от нас навсегда; который вызвал на свет даже душу повелителя моего Эррет-Акбе, мудрейшего из людей? Разве не понял ты, что он, даже он — теперь всего лишь тень, бесплотное имя? Его смерть не умалила Жизни. Как не умалила она и славу его имени, и значение его великих деяний. Сейчас он там — *там*, не здесь! Здесь нет ничего, только пыль да тени. А там он стал землей и солнечным светом, листьями деревьев и полетом орла. Он жив. И все, кто умирает, тоже живут; они возрождаются, и нет у жизни конца и никогда не будет! Все человеческие жизни продолжаются вечно, кроме твоей. Ибо ты не желаешь собственной смерти. Ты утратил смерть, чтобы спасти себя, но ты утратил и жизнь. О да, ты спас себя! Свое бессмертное «я»! Но что оно такое? Кто такой ты сам?

— Я — это я. Моя плоть никогда не подвергнется тлению, никогда не умрет...

— Живая плоть ощущает боль, Коб; живое тело стареет и умирает. Смерть — вот та цена, которую мы платим за жизнь свою. И за Жизнь вообще.

— Я никому ни за что не плачу! Я могу умереть и в тот же миг ожить снова! Меня нельзя убить, я бессмертен, я единственный сохраняю свое «я», свою сущность вечно!

— Тогда кто же ты?

— Единственный бессмертный человек в мире. Я — бессмертный.

— Назови свое имя.

— Я — Великий Король.

— Назови мое имя. Я сказал его тебе не более минуты назад. Назови мое имя!

— Ты ненастоящий. У тебя никакого имени нет. Существую один лишь я.

— Да, ты существуешь — без имени, без плоти. Не можешь видеть свет дня; не можешь видеть тьму. Ты предал нашу зеленую землю, и ясное солнце, и звезды, чтобы спасти себя, свое «я». Ты даром отдал все и получил ничто. Так что теперь ты стремишься затянуть в свои сети весь мир, всю ту жизнь и тот свет, которые ты навсегда утратил; ты хочешь заполнить это ничто — свою собственную пустоту. Но ничто заполнить нельзя, Коб. Все песни земли и все звезды небес не заполнят твоей пустоты.

Голос Геда звенел металлом в холодном узком ущелье среди нависших гор, и слепой в ужасе отшатнулся. Он поднял голову, и слабый свет звезд

упал на его искаженное лицо. Казалось, он плакал; но слез не было, ведь не было и глаз. Он то открывал, то закрывал рот — темный провал на лице, — но слов не было, лишь слабое мычание и стон. Наконец с трудом он выговорил одно лишь слово своими искривившимися губами: «Жизнь».

— Я бы дал тебе жизнь, Коб, если б мог. Но я не могу. Ты мертв. Но я могу дать тебе смерть.

— Нет! — громко вскрикнул слепой и повторил: — Нет, нет! — Рыдания сотрясли его, но щеки остались так же сухи, как каменистое русло реки, по которой текла одна лишь ночная тьма. — Ты не можешь. Никто никогда не сможет освободить меня. Я отворил дверь между мирами и не могу закрыть ее. Никто не сможет ее закрыть. Она никогда больше не будет закрыта. И она тянет меня к себе, тянет... Я должен снова и снова возвращаться к ней. Я должен проходить в нее и снова возвращаться сюда — в пыль, холод, тишину. Она высасывает мои силы. Я не могу ни уйти от нее, ни закрыть ее. И она всосет в себя весь свет мира. Все реки станут такими, как эта Сухая Река. И нет такой силы, что могла бы закрыть ту дверь, которую отворил я!

Очень странно звучала эта смесь отчаяния и собственной вины, ужаса и тщеславия. Гед сказал лишь:

— Где она, эта дверь?

— Вон там. Недалеко. Ты можешь туда пойти. Но сделать ничего не сможешь. Не сможешь закрыть ее. Если даже все свои силы ты истратишь только на это, их все равно не хватит. Ни у кого никогда не хватит на это сил.

— Возможно, — ответил Гед. — Но хоть ты и предпочитаешь попусту предаваться отчаянию, запомни: мы пока до этого не дошли и будем действовать. Веди нас туда.

Слепой вскинул голову; на лице его отчетливо боролись страх и ненависть. Ненависть победила.

— Не поведу, — сказал он.

И тут вперед вышел Аррен и сказал:

— Поведешь.

Слепой словно окаменел. Леденящая тишина и тьма царства мертвых плотно обступала их; слова словно повисали в ней.

— Кто ты такой?

— Мое имя Лебаннен.

— Разве ты, называющий себя Великим Королем, не знаешь, кто это такой? — спросил насмешливо Гед.

И снова Коб застыл как изваяние. Потом сказал, чуть задыхаясь:

— Но он умер... И вы мертвы. Вы не можете вернуться назад. Отсюда нет выхода. Вы попали в ловушку! — Легкое свечение, которое он испускал раньше, постепенно меркло; потом он поспешно отступил назад, и тьма тут же поглотила его.

— Дай мне свет, о господин мой! — вскричал Аррен, и Гед, высоко над головой воздев свой посох, позволил яркому белому свету вспороть эту древнюю слепящую тьму, полную теней. Среди скал, спотыкаясь, спешил прочь высокий слепой человек, он падал, полз на четвереньках и вновь поднимался; не видя ничего, он тем не менее уверенно убегал от них вдоль русла Сухой Реки. Аррен с мечом в руках бросился за ним; следом поспешил Гед.

Вскоре Гед довольно сильно отстал, и свет его посоха уже не так хорошо освещал Аррену путь, к тому же мешали бесконечные валуны; однако Аррен хорошо слышал шаги Коба впереди и шел по его следу как гончая. Постепенно он стал нагонять врага, особенно когда путь стал круче. Теперь они карабкались вверх по узкой горловине бывшей реки, задохнувшейся от камней. Они поднимались к истокам Сухой Реки, русло которой напоминало здесь рану, прорубленную в каменистой породе. Камни с грохотом скатывались из-под ног, руки то и дело соскальзывали, так что приходилось почти ползти на четвереньках. Аррен, почувствовав, что русло реки снова сужается, в последнем решительном броске нагнал Коба и, схватив его за руку, заставил остановиться. Здесь было что-то вроде пустого каменного бассейна в три-четыре шага шириной, который, если когда-то здесь бежала вода, мог, вполне возможно, быть озерцом. Выше громоздились валуны и неподвижные скалы. И в этом каменном хаосе виднелась черная дыра: исток Сухой Реки.

Коб не пытался вырваться. Он стоял вполне спокойно, даже когда Гед, нагнав их, осветил его безглазое лицо. И это лицо теперь повернулось к Аррену.

— Вот это место, — выговорил Коб, и некое подобие улыбки исказило его губы. — То самое, что вы ищете. Видишь? Войдя туда, ты сможешь возродиться снова. Тебе нужно только последовать за мной, и ты будешь жить вечно. Мы будем королями оба.

Аррен смотрел на сухую темную пасть — исток Сухой Реки, пыльный зев страшной горы, то самое место, где эта мертвая душа, зарываясь в землю, во тьму, вновь рождалась на свет мертвой. Чудовищным показалось это ему, и он сказал хрипло, борясь с удушающей дурнотой:

— Пусть эта дыра закроется!

— Она непременно закроется! — откликнулся Гед. Подошел и встал с

ним рядом. Свет, исходящий от его рук и лица, потоками хлынул на землю, словно звезда упала в эту бесконечную ночь. Прямо перед ним был сухой источник — страшный, широко разверстый зев. Там не было видно ничего, кроме пустоты, и невозможно было определить, насколько велика его глубина. Там не было ничего, что мог бы выхватить из темноты свет, что мог бы увидеть человеческий глаз. Это была черная бездна, сама пустота, где не было ничего — ни света, ни тьмы, ни жизни, ни смерти. Это был путь в ничто.

Гед, вскинув в торжественном магическом жесте руки, заговорил словами Истинной Речи.

Аррен по-прежнему держал Коба за руку; слепой своей свободной рукой оперся о камень. Оба застыли в неподвижности, очарованные силой Великого Заклятия.

Все мастерство, обретенное за долгую жизнь, всю силу своей неистойвой души вкладывал Гед в это Заклятие, пытаясь закрыть брешь в ткани мироздания. И, повинаясь голосу его и жестам, скалы мучительно содрогнулись и начали сдвигаться, пытаясь вновь стать единым целым. Это почти произошло, когда исходивший от Геда свет начал вдруг меркнуть, умирать, затухать на лице его и руках, и даже посох почти перестал светиться: осталось лишь слабое мерцание волшебного огонька на самом его конце. При свете этого огонька Аррен увидел, что края страшной пасти почти сомкнулись.

Слепой руками ощутил движение камней и скал, почувствовал, что края двери смыкаются, и понял, что искусство его и сила сдают свои позиции, что он уже почти побежден... И громко вскрикнув: «Нет!» — он вырвался из рук Аррена, рванул вперёд и сжал Геда в слепых своих могучих объятьях. Повалив его на землю, Коб стиснул пальцы у него на горле.

Аррен взмахнул мечом Серриадха и сильным точным ударом отсек покрытую всклокоченными седыми волосами голову Коба.

Как живая душа обладает весом своего тела в мире мертвых, так и тень меча Серриадха обладала остротой своего клинка. Огромная рана открылась на шее врага: меч рассек ему шейные позвонки. Хлынула черная кровь, и слабый свет, исходивший от меча, поблескивал на ее маслянистой поверхности.

Но разве можно убить мертвого? Коб давно уже, долгие годы был мертв. И рана сомкнулась, как чудовищная пасть, проглотив исходивший из нее поток крови. Слепец встал. Он показался Аррену вдруг очень высоким; он шарил вокруг своими длинными руками в поисках юноши, и лицо его

подергивалось от злобы и ненависти: он как будто только сейчас понял, кто его настоящий враг и соперник.

И так страшно было видеть его живым после нанесенной ему смертельной раны — видеть эту неспособность умереть, которая оказалась ужаснее любой агонии, — что ярость, смешанная с отвращением, вскипела в Аррене, и, в неукротимом гневе вскинув меч, он снова ударил им в полную силу, нанеся врагу еще одну чудовищную рану. Коб упал с расколотым черепом, с залитым кровью лицом, но Аррен продолжал наносить удар за ударом, чтобы смертельная рана не успела закрыться, чтобы наконец добить противника до конца...

Гед, с трудом встав на колени, произнес где-то у него за спиной одно лишь слово.

При звуке голоса Геда Аррен застыл, словно чья-то рука перехватила в воздухе его руку с воздетым мечом. Слепой, который уже начал было снова подниматься на ноги, тоже застыл в абсолютной неподвижности. Гед выпрямился во весь рост; его слегка шатало, но он собрался с силами, повернулся лицом к черной дыре и ясным твердым голосом сказал:

— Да восстановится твоя целостность!

И посохом своим начертал светящимися линиями на каменных воротах в иной мир руны Агнен — Великую Руны Конца, что закрывает все пути. Эту руны изображают и на крышке гроба. И каменный бездонный зев среди скал сомкнулся. Дверь была заперта.

Мертвая пустыня содрогнулась у них под ногами, и по неизменно безоблачному небу прокатился долгий раскат грома, замерший вдали.

— Тем Словом, что не будет произнесено до конца времен, вызвал я твою душу. И тем Словом, что произнесено было в миг Созидания, я освобождаю тебя. Иди и будь свободным! — И, склонившись над слепым, что скрючился, стоя на коленях, Гед шепнул что-то ему в ухо, скрытое седыми спутанными волосами.

Коб встал. Медленно огляделся зрячими теперь глазами. Посмотрел на Аррена, потом — на Геда. Он не сказал ни слова — только посмотрел на них своими темными глазами. В лице его больше не было ни гнева, ни ненависти, ни печали. Медленно повернулся он и пошел куда-то вниз, вдоль русла Сухой Реки, а вскоре совсем исчез из виду.

Огонек на конце тисового посоха Геда погас, погасло и лицо волшебника. Он стоял совершенно неподвижно в полной темноте. Когда Аррен подошел к нему, он ухватился за плечо юноши, чтобы удержаться на ногах. На какой-то миг сухое рыдание сотрясло его тело.

— Дело сделано, — сказал он. — И все позади.

— Дело сделано, дорогой мой господин. Мы должны идти.

— О да. Мы должны идти домой.

Гед казался то ли страшно растерянным, то ли совершенно обессиленным. Он послушно двинулся следом за Арреном обратно, вдоль русла Сухой Реки, с трудом переставляя ноги и все время спотыкаясь о камни и валуны. Аррен не отходил от него ни на шаг. Когда берега реки стали более пологими, а земля — более ровной, Аррен свернул было на тот путь, по которому они пришли сюда. Путь этот по бесконечно длинному склону горы уходил куда-то вверх, во тьму. Аррен посмотрел туда и отвернулся.

Гед не сказал ни слова. Едва они остановились, он бессильно рухнул на первый же крупный камень и, измученный до предела, свесил голову на грудь.

Аррен понимал, что тот путь, по которому они пришли, для них закрыт. Они могли теперь идти только вперед. И пройти весь путь до конца. Иногда и «слишком далеко» на самом деле не так уж далеко, думал он. Он посмотрел вверх, на черные пики гор, холодные и молчаливые под вечно недвижимыми звездами, и снова тот же насмешливый голос в его душе — голос его собственной воли — безжалостно спросил: «Неужели остановишься на полпути, Лебаннен?»

Он подошел к Геду и очень нежно окликнул его:

— Мы должны идти дальше, господин мой.

Гед не ответил, однако поднялся на ноги.

— Я думаю, нам надо идти через горы.

— Веди ты, парень, — проговорил Гед хриплым шепотом. — Помоги-ка мне.

Обнявшись, они двинулись в путь — вверх по горному склону, покрытому пеплом и застывшей лавой, — поднимаясь все выше и выше в горы. Аррен помогал старшему другу как мог. В пропастях и ущельях царила непроницаемая тьма, так что юноше порой приходилось на ощупь определять путь, чтобы не свалиться в бездну. Все время поддерживать Геда было трудновато; они оба без конца спотыкались. Но скоро стало еще труднее: склоны вздымались все круче, и приходилось карабкаться на четвереньках, а шершавые камни обжигали ладони, словно раскаленное железо. Однако сами камни были холодными, и чем выше они поднимались, тем вокруг становилось холоднее. Но каждое прикосновение к самой земле превращалось в пытку. Земля жгла, как пылающие угли: внутри этих гор бушевало пламя. Но воздух оставался ледяным, а тьма вокруг ничуть не рассеивалась. В мертвой тишине ни разу не вздохнул

ветерок. Только слышался хруст острых обломков под ногами. Черные крутые выступы и мрачные провалы внезапно возникали совсем рядом и тут же снова исчезали во тьме. Где-то внизу, далеко позади, осталось царство мертвых. Впереди, в вышине, чернели закрывавшие звездное небо вершины гор. И ничто на их мертвых склонах не шевелилось, не двигалось, лишь ползли по ним вверх две смертных души.

Гед начал особенно часто спотыкаться, ноги у него подкашивались. Он задыхался и, без конца ушибая руки о камни, стонал от боли. Слышать эти жалобные стоны Аррену было невыносимо тяжело. Он пытался как-то поддерживать Геда, оберегать его, но путь слишком часто оказывался для двоих узок или Аррену приходилось идти первым, чтобы нащупать дорогу. И, наконец, на крутом обрыве, который, казалось, уходил прямо к звездам, волшебник поскользнулся, упал ничком и больше не поднялся.

— Господин мой, — позвал его Аррен, опускаясь на колени. Потом выговорил его настоящее имя: — Гед!

Но тот не пошевелился и не ответил.

Аррен поднял его на руки и понес, с трудом поднимаясь на крутизну. Потом подъем вдруг кончился и они оказались на довольно ровной площадке в несколько шагов шириной. Здесь Аррен положил Геда на землю и сам рухнул рядом, страдая от невероятной усталости и острой, как боль, безнадежности. Это была самая верхняя точка между двумя черными вершинами; это к ней он стремился, начав страшный подъем. Здесь был конец пути: ровная площадка обрывалась в вечность, во тьму. А в черном океане неба по-прежнему недвижимо висели маленькие звезды.

Однако стойкость и терпение порой оказываются сильнее безнадежности. Аррен все-таки пополз вперед, осторожно, как собака. Он заглянул за край темного обрыва и внизу, совсем недалеко, увидел вдруг песчаный берег цвета слоновой кости, белые барашки янтарных волн на закате, а за морем — солнце в золотистой вечерней дымке.

Аррен повернулся лицом к Темной Стране и пошел назад. Он очень бережно и нежно поднял Геда и из последних сил понес его вперед; он шел, пока силы его не иссякли совсем. И тут все разом кончилось, все исчезло: жажда, боль, тьма, свет солнца и шум морского прибоя.

Когда Аррен очнулся, серый туман окутывал море, дюны и холмы острова Селидор. Волны мурлыкали что-то, набегая на берег; из тумана доносился приглушенный грохот невысокого прибоя и снова сменялся нежным мурлыканьем. Был час прилива, и полоса сухого песка на берегу была сейчас значительно уже, чем когда они были здесь впервые. Волны в последнем усилии дотягивались пенными языками до откинутой в сторону руки Геда, лежавшего ничком на песке. Одежда и волосы волшебника были мокры, а свою одежду Аррен ощущал как ледяную корку, присохшую к телу. Видно, морю все-таки хоть раз, да удалось обрушиться на них со всей силой. От мертвого тела Коба не было и следа. Возможно, волны уже утащили его в море. Зато у себя за спиной Аррен увидел возвышающееся, подобно разрушенной башне, огромное и наполовину скрытое туманом серое чешуйчатое тело дракона. То был мертвый Орм Эмбар.

Аррен встал, дрожа от пронизывающих сырости и холода; он едва держался на ногах — очень замерз, все тело затекло и от слабости страшно кружилась голова. Видимо, он слишком долго лежал без движения и теперь пошатывался как пьяный. Но, едва руки и ноги стали более послушными, он первым делом подошел к Геду и постарался оттащить его как можно дальше от воды. К сожалению, это было все, что Аррен мог для него сделать. Гед показался ему очень холодным и очень тяжелым. С превеликим трудом Аррен перетащил его через ту границу, что отделяет смерть от жизни, но, вполне возможно, напрасно. Он приложил ухо к груди Геда, но все никак не мог унять собственную дрожь и стук зубов, чтобы как следует послушать, бьется ли у волшебника сердце. Потом снова встал и попытался немного походить, чтобы согреться или хотя бы ноги размять; потом, весь дрожа и шаркая ногами, как глубокий старик, принялся разыскивать их вещевые мешки. Они бросили их тогда у небольшого горного ручейка, сбегавшего на берег. Это случилось в тот день, когда они увидели хижину, построенную из костей дракона: давным-давно. Больше всего Аррена интересовал именно тот ручей, потому что он уже не мог думать ни о чем, кроме воды, свежей холодной воды.

Он вышел к ручью скорее, чем рассчитывал, в том месте, где он разливался на несколько рукавов, похожих на лабиринт или на серебристое дерево со множеством веток. Аррен упал на колени и стал пить, опустив

лицо в воду, опустив в воду и руки, жадно насыщаясь водой, впитывая ее всей своей исстрадавшейся от жажды душой.

Наконец он сел, и тут на другой стороне ручья увидел нечто невероятно огромное: то был дракон.

Его голова цвета железной окалины, красновато-ржавая вокруг ноздрей, глазниц и вдоль челюстей, висела в тумане прямо перед Арреном, почти над самой его головой. Когти ушли глубоко в мягкий влажный песок у ручья, перепончатые крылья, сложенные за спиной, были немного похожи на паруса в тумане, но остальное немыслимо длинное тело терялось в туманной мгле.

Дракон не шевелился. Он просидел, нахохлившись, согнувшись, здесь, у ручья, может быть, много часов, а может быть, и лет или веков. Он был словно выплавлен из металла, а по форме напоминал скалу — однако его глаза, те самые, в которые Аррен смотреть не осмеливался, немного похожие на разноцветные пятна нефти на воде или на желтый дым за оконным стеклом, эти непрозрачные глубокие желтые глаза внимательно следили за Арреном.

Он все равно ничего не смог бы сделать, а потому встал на ноги. Если дракону будет угодно убить его, он его убьет; а если нет, то Аррен все же попытается помочь Геду — если тому еще можно как-то помочь. И юноша двинулся вдоль по берегу ручья, разыскивая свои пожитки.

Дракон так ничего и не сделал. Он, не шевелясь, сидел в той же скрюченной позе и наблюдал. Аррен нашел мешки и наполнил обе кожаные фляги водой из ручья, а потом пошел обратно по песку к Геду. Едва он сделал несколько шагов, дракон тут же исчез за плотной завесой тумана.

Аррен напоил Геда, но поднять его не смог. Волшебник лежал недвижимый и холодный; голова его тяжело давила на подложенную под нее руку Аррена. Темнокожее лицо посерело, нос и скулы заострились, старые шрамы резко выступили на щеке. Даже тело его казалось очень худым, каким-то обугленным, как бы наполовину высохшим.

Аррен сидел на мокром песке, положив голову друга к себе на колени. Туман образовывал вокруг них некое замкнутое пространство с мягкими стенами, чуть более светлое над головой. Где-то рядом, в тумане, лежал мертвый дракон Орм Эмбар, а у ручья поджидал их живой дракон. И еще где-то на противоположном конце острова Селидор ждала их лодка по имени «Зоркая» — пустая и одинокая. А дальше на востоке было море. И там, за морем, в нескольких днях пути — ближайшие острова Западного Предела — но это если повезет; а оттуда недели две пути до Внутреннего Моря. Очень, очень далеко. «Далеко, как до Селидора» — так говаривали у

них на Энладе. Старинные легенды, которые рассказывали детям, и всякие сказки всегда начинались одинаково: «Давным-давно, неведомо в каком году и так далеко, как отсюда до Селидора, жил-был один принц...»

Он сам был тем принцем. Только в старинных легендах было начало его истории, а теперь, похоже, наступил конец.

Аррен вовсе не отчаивался. Он, хотя и очень устал и горько оплакивал своего друга, не испытывал все же ни малейших сожалений. Вот только не осталось ничего такого, что он мог бы в этих обстоятельствах сделать. Все уже было сделано.

Когда силы вернулись к нему, он решил, что стоит, наверно, попробовать поймать рыбу в приливной волне с помощью имевшейся в мешке леси, ибо, утолив жажду, он почувствовал страшные муки голода. Но сухари он хотел сохранить, потому что размоченным в воде сухарем можно было попытаться покормить Геда.

Пожалуй, ничего больше он сделать и не мог. А дальше решил не заглядывать. Туман по-прежнему окружал их со всех сторон.

Аррен пошарил в карманах в поисках чего-нибудь полезного, и в кармане жилета обнаружил что-то тяжелое и острое. Он очень удивился, вытащив на свет небольшой камень, черный, пористый, но довольно тяжелый. Он уже хотел отшвырнуть его, но, ощупав острые края рукой, узнал в нем осколок валуна с тех черных гор — Гор Горя. Видно, камень завалился ему в карман, когда они карабкались на кручу или когда он полз к краю пропасти с Гедом. Аррен подержал камень на ладони — вечный, неизменный камень из страны горя. Потом сжал пальцы и спрятал его в кулаке. И тут же улыбнулся — мрачной и одновременно радостной улыбкой: он был совсем один, и никто не сказал ему ни слова похвалы, и он был затерян на самом краю света, но он совершил настоящую победу впервые в своей жизни — и понимал это.

Туман поредел и чуть приподнялся. Вдали за проплывавшими клочьями тумана и облаками он видел на волнах Открытого Моря солнечные блики. Дюны и холмы Селидора то появлялись, то снова пропадали, почти бесцветные и как бы увеличенные благодаря туманному покрывалу. Солнечные лучи играли на чешуе мертвого Орм Эмбара, величественного даже в своей смерти.

Черно-стальной дракон на той стороне ручья так и сидел, нахохлившись и неподвижно.

После полудня солнце вырвалось наконец из тумана и поплыло по небу, ясное и теплое; постепенно оно растопило последние клочки серой

дымки над островом. Аррен, сбросив мокрую одежду, разложил ее на просушку, а сам бродил нагишом, оставив при себе только меч. Он высушил на солнце и одежду Геда; но хоть мощный поток целительного тепла и солнечного света изливался прямо на расprostертое тело волшебника, он по-прежнему не приходил в себя и оставался недвижим.

Сначала Аррен слышал скрежет — словно железо терлось о железо, потом — будто свистящий шепот скрестившихся клинков. Стальной темно-серый дракон приподнялся на своих кривоватых лапах и двинулся вперед, через ручей; легкий шипящий звук исходил от его длинного, волочащегося по песку чешуйчатого тела. Аррен видел морщинистую кожу у него под мышками и стальную чешую на боках. Чешуя во многих местах была продырявлена, как доспехи у Эррет-Акбе. Видел юноша и зубы дракона, желтые и стесанные. Во всем — в его уверенной торжественной поступи, в глубочайшем и пугающем спокойствии — Аррен видел признаки старости: это было очень древнее существо, прожившее невероятно, немыслимо долго. Когда дракон остановился в нескольких шагах от Аррена и от лежащего на песке Геда, юноша встал между ним и своим господином и другом и спросил на ардическом языке Архипелага, поскольку не знал Истинной Речи:

— Ты Калессин?

Дракон ничего не ответил, но что-то похожее на улыбку промелькнуло в его глазах. Затем, опустив громадную голову и вытянув шею, он посмотрел вниз, на Геда, и позвал его по имени.

Голос его поистине был огромен и притом нежен; вокруг разлился запах кузницы.

И снова дракон позвал волшебника, и еще раз; и на третий раз Гед открыл глаза. Он попытался было сесть, но не смог. Тогда Аррен опустился возле него на колени, поддерживая за плечи, и Гед наконец заговорил:

— *Калессин*, — сказал он, — *сенваниссаи 'н ар Рок!*

Слова эти отняли у него остаток сил, и в изнеможении он склонил голову Аррену на плечо, закрыв глаза.

Дракон не ответил. Он снова сгорбился, как раньше, и не шевелился. Снова все окутывал туман, закрывая клонившееся к западу солнце.

Аррен оделся и закутал Геда в плащ. Снова начинался прилив; далеко отошедшее за день море снова приближалось, и Аррен подумал, что пора оттащить Геда еще дальше, на сухой песок. Силы постепенно возвращались к нему.

Но, когда он уже наклонился, чтобы взять Геда на руки, дракон вытянул свою огромную когтистую лапу и почти коснулся юноши. Лапа

была украшена четырьмя когтями, а сзади торчало подобие шпоры, как у петуха, только когти и шпоры эти были из стали и длиной с лезвие косы.

— *Собриост*, — сказал дракон: будто зимний ветер просвистел в замерзших тростниках.

— Оставь жизнь моему господину. Он спас нас всех и ради этого отдал свои силы, а может быть, и жизнь. Не убивай его!

Так говорил дракону Аррен — говорил яростно и повелительно. Он был слишком потрясен и напуган, буквально переполнен страхом, и страх начинал ему надоедать, он больше не желал бояться кого бы то ни было. Он был зол на дракона, такого сильного, такого чудовищно большого и несправедливо могущественного. Аррен уже видел смерть; он попробовал ее на вкус, и никакая угроза больше не имела над ним силы.

Старый дракон Калессин искоса посмотрел на юношу одним своим длинным ужасным и прекрасным золотистым глазом. В глубине этих глаз таились века, сотни веков, а на самом дне глубоко была спрятана память об утре этого мира. И хоть Аррен дракону в глаза не смотрел, но все равно чувствовал, что тот смотрит на него с глубоко спрятанной насмешкой.

— *Арв собриост*, — сказал дракон и раздул свои ржаво-красные ноздри так, что в ямах этих стал виден безопасный до времени, усмиренный огонь.

Аррен поддерживал Геда за плечи и вдруг почувствовал, как голова волшебника чуть повернулась и слабый его голос сказал:

— Это значит «залезай сюда».

Какое-то время Аррен не в силах был пошевелиться. Это было уже полное безумие. Но огромная когтистая лапа была подставлена как лестница — перед ними ступня, чуть выше изгиб локтя, потом круглилось плечо и мощные мышцы крыла там, где оно соединялось с лопаткой: четыре ступеньки, настоящая лестница! А там, между крыльями и перед первым огромным стальным рогом на хребте, в углублении шеи было местечко для одного-двух человек, словно специально созданное, чтобы ехать на драконе верхом. Если, конечно, они с Гедом совсем сошли с ума, утратили всякую надежду и безумие овладело ими.

— Залезай! — снова повторил Калессин на Языке Созидания.

И Аррен встал, помог товарищу своему подняться, и Гед, держа голову прямо и опираясь на плечо Аррена, стал взбираться по этим четырем невиданным ступеням. Потом оба уселись на покрытую чешуей шею дракона, прямо в углубление между крыльями — Аррен сзади, чтобы поддерживать Геда, если понадобится. И оба почувствовали вдруг, как в их истерзанные тела проникает тепло, долгожданное тепло, похожее на жар

солнца. Тепло исходило от дракона, на котором они собирались ехать верхом; жизнь буквально кипела огнем под его бронированной оболочкой.

Вдруг Аррен заметил, что они забыли тисовый посох волшебника. Посох лежал, полусасыпанный песком, и море тихонько подкрадывалось к нему, словно желая его украсть. Юноша уже собрался было за ним, но Гед остановил его.

— Оставь это. Я израсходовал все свое волшебство у Сухой Реки, Лебаннен. Теперь я больше уже не маг.

Калессин обернулся и искоса глянул на них; в узких глазах его плескался древний смех. Был ли Калессин мужского или женского пола, совершенно неизвестно, а что думал Калессин, узнать невозможно. Медленно поднялись и развернулись огромные крылья. Они были не золотистыми, как у Орм Эмбара, но красными, темно-красными, с чуть ржавым оттенком, подобные цвету крови или алым шелкам Лорбанери. Дракон поднял крылья бережно, стараясь не задеть своих крошечных наездников. Потом осторожно подобрался и прыгнул на своих громадных лапах в воздух, как кошка; крылья захлопали и понесли их над туманом, что своим покрывалом вновь окутывал остров Селидор.

Распластав алые свои крылья на вечернем ветру, Калессин кругами взмыл над Открытым Морем и повернул на восток.

В середине лета жители острова Улли заметили огромного низко летящего дракона; потом его видели на островах Усидеро и над северной частью острова Онтуэго. Хотя в Западном Пределе драконов смертельно боятся, потому что люди здесь знакомы с ними слишком хорошо, но все же после того, как этот дракон спокойно пролетел себе мимо, жители повылезали из своих убежищ, и видевшие великолепный полет сказали:

— Не все, видно, драконы поумирали. Зря мы так считали. А может, и кое-кто из волшебников еще жив. Ну и красиво он летел, этот дракон! Может, это сам Старейший?

Где приземлялся Калессин, не видел никто. Среди дальних островов много таких, что богаты лесами и дикими горами; люди редко бывают в этих местах; здесь даже огромный дракон может приземлиться незамеченным.

Зато на Девяноста Островах среди людей царило настоящее безумие. Мужчины поплыли на веслах к западу, лавируя среди мелких островков с криками: «Прячьтесь! Прячьтесь! Дракон с Пендора нарушил свое слово! Верховный Маг погиб, и дракон летит сюда, чтобы пожрать нас всех!»

Не приземляясь и даже не поглядев вниз, огромный стальной змей пролетел над этими островами, над городками и фермами, не выдохнув ни

единой искорки пламени для устрашения столь жалких людишек. Так пролетел он и над Гитом, и над Сердом, потом пересек просторы Внутреннего Моря, и вскоре вдали показался остров Рок.

Никогда на памяти людей — и даже легенды не сохранили памяти об этом — ни один дракон не осмеливался штурмовать как зримые, так и невидимые стены этого острова-крепости. Но дракон Калессин, не колеблясь, тяжело полетел на своих могучих крыльях прямо над западным берегом Рока, над его деревьями и полями к зеленому волшебному Холму, что возвышается над городом Твил, и здесь наконец мягко опустился на землю. Еще раз взмахнул своими красными крыльями и сложил их за спиной, а потом привычно сгорбился, нахохлился и застыл.

Из Большого Дома к нему бегом устремились ученики Школы. Ничто на свете не могло бы сейчас остановить их. Но при всей силе и молодости бежали они куда медленнее своих Учителей и явились на Холм вторыми: там был уже и Мастер Путеводитель, вышедший ради такого случая из своей Рощи, светлые волосы его ярко блестели на солнце; был там и Мастер Метаморфоз, который всего две ночи назад вернулся на Рок в обличье морской скопы — с подбитым крылом и совершенно измученный. Метаморфоз слишком долго оставался во власти собственного заклятья и не сразу обрел свою настоящую форму; лишь в Имманентной Роще в ту ночь, когда Великое Равновесие было восстановлено Гедом и нарушенное вновь стало целым, Метаморфоз снова стал человеком. Мастер Заклинатель, тощий и хрупкий, всего лишь день назад вставший с постели, тоже успел прийти раньше своих учеников, а за его спиной стоял Мастер Привратник. И все остальные Мастера тоже были там.

Они все смотрели, как слезают со спины дракона «наездники» и один помогает другому. Они видели, как люди эти оглядываются вокруг с выражением странного мрачного удовлетворения и изумления. Дракон, сгорбившись и застыв как каменное изваяние, ожидал, пока «наездники» сползут с его спины и встанут рядом. Калессин чуть повернул голову, когда Верховный Маг заговорил с ним, и коротко ответил ему. Те, кто наблюдал эту сцену, заметили, как дракон, будто исподтишка, глянул на Верховного Мага своим желтым холодным глазом, отчего-то полным смеха. Те, кто понимал Истинную Речь, слышали, как Калессин сказал:

— Я принес молодого Короля в его королевство, а старого человека — домой.

— Мне нужно немножко дальше, Калессин, — сказал ему Гед. — Я еще не добрался туда, куда стремлюсь всей душой. — И он окинул взглядом крыши и башни Большого Дома, залитые солнцем, и легкая, едва

заметная улыбка тронула его губы. Потом он обернулся к Аррену, что стоял с ним рядом, высокий и стройный, в поношенной одежде, еще не слишком уверенно держась на ногах от усталости после всего, что с ним произошло. В присутствии всех Гед опустился перед юношей на оба колена и преклонил пред ним свою седую голову.

Потом поднялся, поцеловал своего юного друга и сказал:

— Когда взойдешь на трон в Хавноре, господин мой и дорогой друг, правь долго и справедливо.

Верховный Маг еще раз посмотрел на всех Мастеров и молодых волшебников, на юных учеников и простых жителей города, собравшихся на склонах и у подножия Холма Рок. Лицо его было спокойно, а в глазах плясал огонек улыбки, подобной той, что таилась в очах дракона Калессина. Потом, сразу отвернувшись ото всех, Гед снова взобрался по ноге дракона и по его плечу, усевшись на прежнее место. Алые крылья раскрылись с барабанным стуком, и Калессин, Старейший, как бы прыгнул в воздух. Пламя вырвалось из его пасти, дым, грохот и мгновенный вихрь, вызванный взмахами могучих крыльев, пронесли над Холмом. Дракон совершил над Роком один лишь круг и полетел прочь, на северо-восток, в ту часть Земноморья, где возвышается над морем одинокий остров-гора под названием Гонт.

Мастер Привратник сказал, улыбаясь:

— Он покончил с делами. И теперь идет домой.

И все смотрели вслед летящему между ясным небом и синим морем дракону, пока тот не скрылся из виду.

В «Подвиге Гед» говорится, что бывший Верховный Маг Земноморья посетил церемонию коронования Короля Всех Островов, состоявшуюся в Башне Меча на острове Хавнор, что лежит в самом сердце Земноморья. Там говорится также, что, когда церемония была завершена и начался веселый праздник, Гед покинул своих друзей и один тихо спустился по улицам в порт. Там на воде покачивалась его верная лодка, старая, исхлестанная всеми штормами, испытанная временем; парус ее не был поднят, и в лодке никого не было, но Гед окликнул ее по имени: «Зоркая», и без помощи ветра, паруса или весел лодка двинулась с места, выплыла из гавани и взяла курс на запад, среди мелких островков. Так на запад плыла и плыла «Зоркая», и с тех пор ничего больше не было известно о волшебнике по имени Гед.

Однако на острове Гонт рассказывают эту историю иначе. Молодой король Лебаннен якобы сам приплывал на Гонт в поисках Гед, надеясь

пригласить его на свою коронацию. Однако король не нашел волшебника ни в порту, ни в Ре Альби. Никто не мог сказать, где он; все знали только, что Гед, как всегда, ушел далеко в леса. Говорят, он часто уходил туда и не возвращался порой долгие месяцы, и никому не было известно, по каким путям бродит он в своем уединении. Кое-кто, правда, предложил его поискать, однако король запретил им это, говоря: «Он правит куда большим королевством, чем я». И с этими словами он покинул Гонт и вернулся в Хавнор, где и был коронован.

Техану

После того как Флинт из Срединной Долины умер, вдова его осталась жить на Дубовой Ферме совсем одна: их сын стал моряком, а дочь вышла замуж за купца из Вальмута. По слухам, вдова Флинта была у себя на родине весьма знатной особой, да оно и верно: Маг Огион, бывая в их краях, всегда останавливался на Дубовой Ферме. Впрочем, что касается Огиона, то он мог с тем же успехом остановиться и в любом, самом бедном доме.

Имя у нее было нездешнее, но Флинт звал ее Гоха — так на острове Гонт зовут белого паучка, замечательного ткача. Прозвище это очень ей подходило, потому что она была невысокая, белокожая и отлично умела прясть козью и овечью шерсть. И вот теперь Гоха стала вдовой Флинта — хозяйкой большого стада овец и достаточно просторных пастбищ, а еще — четырех возделанных полей, грушевого сада, двух небольших домов, где жили арендаторы, старинной каменной усадьбы, укрывшейся в тени старых дубов, и фамильного кладбища, где покоился теперь и Флинт, ставший землей в земле.

— Всю жизнь рядом со мной чьи-то могилы, — сказала она как-то своей дочери Эппл по прозвищу Яблочко.

— Мама, ну перебирайся к нам в город! — упрашивала ее дочка, но вдова почему-то не решалась покинуть уединенную свою ферму.

— Может быть, позже, когда у вас будут детки и тебе понадобится моя помощь, — сказала она, с удовольствием глядя на свою сероглазую дочку. — Но не сейчас. Сейчас я тебе не нужна. И потом, мне здесь нравится.

Отослав Яблочко к молодому мужу, вдова вошла в дом, закрыла дверь и остановилась посреди кухни, где пол был выложен из плитняка. Сгущались сумерки, но она все не зажигала огня, думая о том, как эту лампу зажигал ее муж: ловкие руки, легкая искра, сосредоточенное темнокожее лицо, освещенное вспыхнувшим огоньком... Дом был погружен в молчание. «Я ведь с детства привыкла жить в тихом доме, одна, — подумала она. — Ну и теперь проживу». И зажгла лампу.

Однажды, в самом начале жаркого лета, где-то после обеда ко вдове неожиданно заявила Ларк, ее старинная подруга. Она жила в деревне и теперь чуть ли не бегом спешила к Дубовой Ферме по пыльной дороге.

— Гоха, — задыхаясь, сказала она вдове, занятой прополкой бобов, — ох, Гоха, случилось нечто ужасное! Ужасное! Может, сходишь со мной в деревню, а?

— Конечно, схожу, — сказала вдова. — Но что такого ужасного там могло случиться?

Ларк наконец перевела дыхание. Она была простой тучной деревенской женщиной лет сорока, и детское прозвище — Жаворонок — совсем ей не подходило. Впрочем, когда-то она была стройной и легкой и очень хорошенькой. Именно Жаворонок стала подругой юной Гохе, плюнув на мнение односельчан, которые всю сплетничали по поводу белокожей уроженки Каргада, которую Флинт привел в свой дом; с тех пор они и остались лучшими подругами.

— Ребенка чуть не до смерти сожгли, — выговорила наконец Ларк.

— Господи, да чьего же?

— Да этих бродяг.

Гоха быстренько заперла дверь, и они бросились в деревню. На ходу Ларк рассказывала, все время задыхаясь и обильно потея. Крошечные семена могучих трав, что росли на обочине дороги, липли к ее щекам и ко лбу, и она нетерпеливо смахивала их, но не умолкала.

— Они весь этот месяц прожили в палатке — в лугах у реки. Мужчина-то все за медника себя выдавал, да только вор он, а не медник, ну и женщина эта — при нем. А второй мужчина, помоложе, тоже с ними вместе по здешним деревням слонялся. И непохоже, чтобы кто из них работал. Воровали понемножку да попрошайничали, а женщина эта телом своим торговала. Гонцы из нижних деревень приносили ей кой-что из еды, чтобы с ней позабавиться. Знаешь небось, как это нынче делается! Да и кругом все не так — на дорогах бандиты, дома тоже грабят... На твоём месте я бы покрепче двери запирала. Ну так вот, значит, приходит тот парень, что помоложе, в деревню и говорит: «Ребенок у нас заболел». Я-то не слишком и разглядела, что у них там еще и ребенок есть — словно хореk какой-то, мигom спрятался, я и рассмотреть толком не успела. Прямо зверек лесной. А парень мне: «Она обожглась, когда костер разжигала». И не успела я взять что нужно, как он наутек пустился. Да и исчез. А уж на лугу-то я и увидела, что и парочки той след простыл, только костер все еще дымится... И прямо в костре... на земле... — Утратив дар речи, Ларк некоторое время шла молча. Смотрела она прямо перед собой — на Гоху и не взглянула. — Они ее даже одеялом не прикрыли, — выговорила она наконец и прибавила шаг. — Прямо в горячий костер девочку толкнули! — Ларк судорожно сглотнула и принялась яростно смахивать

прилипшие к потному лицу семена трав. — Можно, конечно, подумать, что она сама туда упала, да только если б так, то уж выскочить-то постаралась бы, это уж точно. Нет, они, видно, избili ее чуть не до смерти да и решили следы замести... — Ларк снова умолкла и решительно зашагала дальше. — Может, это и не он, — снова заговорила она. — Может, он-то как раз ее и вытащил. Ведь в конце концов именно он за помощью пришел... Это, верно, сам отец. Не знаю. Да и какая разница? Кто их там разберет? Кому какое дело до этой малышки? И почему все мы делаем то, что делаем?

Гоха тихонько спросила:

— А жить она будет?

— Может быть, — ответила Ларк. — Очень даже может быть. — И через некоторое время, когда они уже шли по деревенской улице, прибавила: — Не знаю, но мне почему-то непременно нужно было пойти за тобой... Там ведь сейчас Айви... да и девочке ничем, наверно, не поможешь уже.

— Я могла бы сходить в Вальмут, за Буком.

— Так тут и он ничего поделать не сможет. Это не... этому нельзя помочь! Я ее укрыла потеплее. Айви целебный отвар сварила и сонный заговор сказала. Она сейчас дома у меня. Ей лет, может, шесть или семь, да только весит она не больше двухлетней. Она так ни разу и не пришла в себя по-настоящему. И как-то так странно задыхается... Я знаю, что и ты ничего сделать не сможешь. Но мне очень хотелось, чтобы ты пришла.

— А я рада, что ты меня позвала, — откликнулась Гоха. Но, прежде чем переступить порог дома Ларк, на минутку закрыла глаза и затаила дыхание: ей было очень страшно.

Детей давно уже отослали на улицу, и в доме царила тишина. Девочка без сознания лежала на постели Ларк. Местная ведьма Айви по прозвищу Плющ смазала менее страшные ожоги мазью из волшебных орехов и иных целебных плодов и растений, но даже не прикоснулась ни к правой щеке девочки, ни к ее правой руке: здесь обуглившаяся плоть была сожжена до кости. Над кроватью Айви начертала руну Пирр — вот и все, что было в ее силах.

— Можешь ты что-нибудь с ней сделать? — шепотом спросила Ларк.

Гоха, застыв и стиснув руки, смотрела на обожженного ребенка. Потом покачала головой.

— Ты ведь училась людей лечить, там, в Ре Альби? — В голосе Ларк слышались боль и стыд, а еще — гнев: вся ее душа, казалось, молила облегчить страдания невинного ребенка.

— Даже Огион не смог бы вылечить такое, — промолвила вдова.

Ларк, закусив губу, отвернулась и заплакала. Гоха обняла ее, поглаживая по седеющей голове. Так они и стояли, обнявшись, поддерживая друг друга.

Из кухни пришла ведьма Айви, нахмурившись при виде Гохи. Хотя вдова никогда не пользовалась ни заклятиями, ни иным волшебством, ходили слухи, что сразу после прибытия на Гонт она поселилась в Ре Альби и стала ученицей Мага Огиона; а еще говорили, что она хорошо знакома с самим Верховным Магом Земноморья, что родом с острова Гонт, а значит, наверняка обладает каким-то нездешним и непростым колдовским могуществом. Сгорая от ревности, ведьма подошла к кровати и занялась девочкой, потом смешала на плоской тарелке какие-то порошки, поднесла смесь к огню, и комната наполнилась вонючим дымом, ведьма же стала шептать исцеляющие заклятия, вновь и вновь повторяя их. Дым вызвал у девочки удушливый кашель; она приподнялась в постели, хватая ртом воздух и вся дрожа. Потом стала делать какие-то короткие странные вдохи, будто захлебывалась. Ее уцелевший глаз смотрел, казалось, прямо на Гоху.

Гоха шагнула к девочке и сжала ее левую ручонку в своих руках. Потом проговорила по-каргадски:

— Я служила им, но я их покинула. И я не отдам им тебя.

Девочка смотрела на нее, а может, и просто в никуда, пытаясь вздохнуть, потом еще раз и еще — вздохнула и задышала...

Путь, ведущий к Гнезду Ястреба

Прошло более года. Стояли жаркие солнечные дни — недавно был праздник Долгого Танца. По северной дороге в Срединную Долину пришел сверху, с гор, человек, который разыскивал вдову Гоху. Жители деревни вывели его на нужную тропу, и он объявился на Дубовой Ферме к вечеру того же дня. У него были словно ножом вырезанные черты лица, быстрые цепкие глаза. Он глянул на Гоху, на овец в загоне у нее за спиной и сказал:

— Отличный молодняк. Великий Маг из Ре Альби шлет тебе привет.

— Так ты от него? — удивилась Гоха. Огион, когда она бывала ему нужна, пользовался иными посыльными, куда лучше и быстрее: в таких случаях она слышала либо клекот орла из поднебесья, либо голос самого Огиона, который, тихонько назвав ее Подлинное Имя, спрашивал: *Придешь?*

Человек кивнул и пояснил:

— Он болен. А ты не собираешься случайно продавать приплод этого года?

— Может, и продам. Поговори с пастухом. Он там, в загоне. А может, хочешь сперва поужинать? И, если хочешь, прямо здесь и ночуй, только я уж задерживаться не стану: сразу пойду.

— Прямо сегодня?

На этот раз в ее взгляде благодушного любопытства не было и в помине — только насмешка.

— Ну а чего же мне ждать? — удивилась она. Что-то сказала старому пастуху по прозвищу Чистый Ручей и решительно двинулась к дому, построенному на склоне холма, среди дубов. Мужчина пошел за ней следом.

В кухне с полом из плитняка девочка, на которую он только раз взглянул и сразу же отвернулся, подала ему молоко, хлеб, сыр и зеленый лук, а потом вышла, не сказав ни единого слова. Потом она появилась снова вместе с Гохой; обе уже собрались в дорогу, за плечами — легкие кожаные мешки. Посыльный вызвался проводить их немного, и вдова заперла дверь дома. Все трое они вышли на дорогу; у посыльного были еще свои, весьма важные дела — покупка племенных баранов для Лорда Ре Альби, а весточку от Огиона он передал просто так, по пути, оказав старому Магу добрую услугу. Женщина и девочка с ужасным обгоревшим лицом

попрощались с ним там, где дорога сворачивала к деревне, и двинулись туда, откуда он сам только что пришел: в горы, к северу и потом — снова вниз, к западным предгорьям.

Они шли по неширокой тропе, пока долгие летние сумерки не начали густеть. На ночлег расположились в лощине у ручья, быстрого и бесшумного, в воде которого отражалось бледное вечернее небо, просвечивавшее сквозь ветви низко склонившихся ив. В самой гуще зарослей Гоха приготовила им постель из сухой травы и ивовых листьев; было очень похоже на логово зайца. Она закутала девочку в одеяло и уложила спать.

— Ну вот, — сказала она, — теперь ты у нас кокон. А утром превратишься в бабочку и снова вылетишь на простор.

Она не стала разводить костер, а просто легла рядом с девочкой, глядя на звезды и слушая то, о чем тихонько рассказывал ручей, пока не заснула.

Их разбудил предрассветный холод; женщина разожгла небольшой костерок и вскипятила в котелке воды, чтобы сварить овсяную кашу для девочки и для себя. Маленькая, изувеченная огнем «бабочка» дрожа выбралась из своего кокона, и Гоха быстро остудила горячий котелок в покрытой росой траве, чтобы девочка могла взять его в руки и есть прямо оттуда. На востоке небо уже посветлело; когда они вышли в путь, из-за высокого темного плеча горы виднелась полоса разгорающейся зари.

Они шли весь день, но очень медленно: девочка легко уставала. Душа женщины рвалась вперед, но она сдерживала себя. Долго нести девочку на руках у нее не хватало сил, поэтому, чтобы повеселить малышку и отвлечь ее от тягот пути, она рассказывала разные истории.

— Мы идем проведать одного человека, очень старого, его зовут Огион, — рассказывала она девочке, пока они плелись по узкой тропинке, подобно шраму перерезавшей поросший густым лесом склон горы. — Он настоящий мудрец и великий волшебник. Ты знаешь, что такое «волшебник», Терру?

Если у девочки когда-либо и было другое имя, она его не помнила или просто не желала сказать. Так что Гоха звала ее Терру.

Девочка покачала головой.

— Что ж, я ведь в общем-то тоже не знаю, — сказала женщина. — Зато я знаю, что волшебники умеют делать. Когда я была совсем молодой — постарше тебя, но все-таки очень юной, — Огион стал мне приемным отцом, так же как я тебе — приемной матерью. Он заботился обо мне и пытался учить меня всяким нужным вещам. Он тогда оставался со мной даже осенью, хотя осенью всегда предпочитал бродить по лесам в полном

одинокости. Он любил путешествовать в этих местах, где мы с тобой сейчас идем, и забирался порой очень далеко в лес, в самые глухие уголки. И везде ко всему присматривался, все и всех слушал. Он всегда всех слушал очень внимательно, потому его и прозвали Молчаливым. Но со мной он часто разговаривал. Рассказывал мне всякие истории. Не только о великих подвигах древних, которые всем известны, — истории о Героях и Королях и о том, что произошло неведомо когда и где, — но и такие, которые знал лишь он один. — Гюх немного помолчала. — А теперь я расскажу одну из них тебе.

Все волшебники очень хорошо умеют превращаться во что-нибудь, изменяя свое обличье. Это волшебство так и называется — Превращение. Обычный колдун тоже может стать на кого-то похожим, даже на зверя какого-нибудь — во всяком случае, некоторое время и не разберешь, кто же это перед тобой на самом деле, как если бы человек вдруг надел маску. Но настоящие волшебники и маги способны на большее. Они умеют не только маски надевать, но и по-настоящему превращаться в иное существо. Например, если волшебнику нужно переплыть море, а лодки у него нет, то он может обернуться чайкой и легко пересечь морской простор. Но ему следует быть очень осторожным. Пока он остается в обличье птицы, то и думает только о том, что важно птицам, забывая то, о чем должны думать люди. Так, может он лететь и лететь, оставаясь чайкой, и никогда больше не стать человеком. Говорят, что когда-то один великий волшебник, который очень любил превращаться в медведя, делал это слишком часто, так что в конце концов насовсем в него превратился и убил своего маленького сынишку; тогда люди были вынуждены начать на него загонную охоту и убить. Только Огион часто над этим подшучивал. Однажды, когда в его кладовую забрались мыши и перепортили ему весь сыр, он поймал одну мышку с помощью маленького заклятия, взял ее вот так, посмотрел ей в глаза и сказал: «Я же предупреждал тебя: не притворяйся мышью!» И знаешь, даже я почти поверила, что это он всерьез...

Ну хорошо, начнем. История эта немного связана с Великими Превращениями, но Огион считал, что все в ней значительно сложнее: там говорится о том, как можно одновременно быть как бы двумя разными существами и обладать двумя разными душами при одном лишь обличье. А еще он считал, что на такое не способен ни один волшебник. Однако с человеком, обладавшим этой способностью, он встретился в маленькой деревушке на северо-западном побережье Гонта; местечко это называется Кимей. Там жила тогда одна женщина, старая рыбачка, никакая не ведьма и совсем ничему не обученная; зато она слагала прекрасные песни. Благодаря

песням Огион и узнал о ней. Он в тот раз бродил, как водится, без всякой особой цели вдоль северо-западного побережья и услышал чье-то пение — так поют, занимаясь, например, починкой сети или шпаклюя лодку. Вот что пели эти люди:

На самом далеком западе,
Там, где кончаются земли,
Народ мой танцует, танцует,
Подхваченный ветром иным...

Огион хорошо расслышал и мелодию, и слова, вот только никогда раньше не знал их, а потому спросил, откуда взялась эта песня. Ему отвечали все разное, и наконец кто-то сказал: «А, так ведь это песня той Женщины из Кимея...» Так что Огион отправился прямо в Кимей, небольшой портовый городок на самом берегу моря, где живут в основном рыбаки; там жила тогда и та женщина. Огион отыскал ее дом и постучал в дверь своим волшебным посохом. Какая-то старуха открыла дверь и вышла на порог.

Теперь ты уже знаешь, Терру, — помнишь, мы говорили с тобой об этом? — что у детей должны быть разные детские имена и прозвища, как и у каждого человека есть ненастоящее имя или тоже какое-нибудь прозвище. Разные люди могут называть тебя по-разному. Для меня вот ты — Терру, но это каргадское слово, и, может быть, когда ты подрастешь, у тебя будет другое прозвище, ардическое, которым тебя будут называть все вокруг. Но в любом случае, когда ты станешь взрослой, то, если все пойдет как надо, непременно обрешь свое Подлинное Имя. Его дает человек, обладающий магической силой, — настоящий волшебник или Маг, ибо в знании Истинных Имен и заключено их могущество. Истинного, Подлинного Имени своего ты, возможно, никогда никому другому не скажешь, потому что в нем заключена будет сама твоя душа, твоя суть, вся твоя сила; ведь для кого-то другого знание чужого имени может оказаться тяжким бременем, серьезной опасностью, и подвергать человека и себя такому риску можно, только полностью ему доверяя и сознавая необходимость назвать ему свое Имя. Однако Великий Маг, которому ведомы все имена, может узнать твое имя, даже если ты ему его и не скажешь.

Итак, я остановилась на том, что Огион — а он настоящий Великий Маг — встретился на пороге маленького домишка со старой женщиной. И тут он вдруг, отступив немного назад, высоко поднял свой дубовый посох и

левую руку, словно желая защитить себя от всепожирающего огня, и, глубоко потрясенный, в страхе очень громко произнес Подлинное Имя старой женщины:

— Дракон!

И сразу, как он сам рассказывал, женщина исчезла, зато в дыму и великолепии пламени, блестя золотистой чешуей и длинными когтями, перед ним явился дракон, глядевший на него своими огромными глазами. Говорят, что ни в коем случае нельзя смотреть дракону прямо в глаза...

Потом видение исчезло, и вместо дракона он увидел перед собой женщину, стоявшую на пороге ветхого домишка, — немного сутулую высокую старую рыбачку с крупными натруженными руками. Она смотрела на него, он на нее. И вдруг она сказала:

— Входи же, Лорд Огион.

Ну он и вошел. Она угостила его ухой, они пообедали вместе, а потом стали беседовать у камина. Он думал, что старуха непременно владеет искусством Великих Превращений, однако, видишь ли, никак не мог понять, то ли это женщина, умеющая превращаться в дракона, то ли дракон, который может превращаться в женщину. Так что в конце концов он спросил ее: «Ты женщина или дракон?», и она на этот вопрос не ответила, только сказала:

— Я спою тебе одну старую песнь...

В башмак Терру попал камешек. Они остановились, вытряхнули его, а потом, очень медленно, пошли дальше, потому что дорога круто ползла вверх, зажата темными каменными стенами, с которых свешивались ветви густых кустов; в кустах и нагретой траве пели цикады.

— Ну так вот, послушай же историю, которую поведала та женщина Огиону.

Когда в самом начале времен Сегой поднял острова Земноморья из глубин морских, то драконы первыми рождены были землей и ветром, что дул над островами. Так говорится в песни о Создании. А в песни той женщины говорилось еще и о том, что тогда дракон и человек были едины, принадлежали к одному народу, одной расе и пользовались одним языком — Истинной Речью.

И были они прекрасны и сильны, мудры и свободны.

Но с течением времени все меняется. Вот и в племени драконов-людей некоторые все больше стремились к полету под небесами и дикой вольности и все меньше времени уделяли Созиданию и Познанию, все

меньше времени проводили в домах и городах. Им хотелось лишь лететь и лететь на просторе, охотиться, поедать добычу, не ведая ни забот, ни излишней премудрости, оставаясь вольными и дикими, стремясь к одной лишь свободе.

Другая часть этого племени, наоборот, все реже поднималась в поднебесье, но занята была сбором сокровищ, укреплением своего благополучия, созиданием и накоплением знаний. Они строили дома, замки и крепости, где хранили накопленные сокровища, чтобы потом передать все это своим потомкам, и стремились всемерно увеличить свое наследство. Постепенно они стали побаиваться диких своих собратьев, которые способны были внезапно прилететь и — часто просто по небрежности или в пылу яростной схватки — уничтожить, сжечь все созданное ими с таким трудом и столь дорогое их сердцу.

Дикие же драконы не ведали страха. Они так ничему и не научились, а потому не умели спастись, когда те, что уже не летали, ловили их в ловушки, словно обычных диких зверей, и убивали. Но тогда другие дикие драконы прилетали и мстили, сжигая прекрасные здания, все уничтожая и круша на своем пути... В этих схватках в первую очередь гибли наиболее сильные и бесстрашные.

Боязливые же стремились избегать подобных сражений, прятались, а если прятаться было негде, то спасались бегством. Они пользовались обретенным мастерством и умением и строили корабли, на которых уплывали все дальше и дальше к востоку, все дальше и дальше от западных островов, где огромные крылатые их собратья вели нескончаемую войну друг с другом среди разрушенных дворцов и замков.

И вот единое ранее племя драконов-людей разделилось на два — одно из них, племя драконов, становилось все малочисленнее, и его представители все больше дичали, мучимые собственной бесконечной, бессмысленной алчностью и злобой, на дальних островах Западного Предела; племя людей, напротив, все более умножалось и процветало в своих богатых городах и селениях; люди жили уже на всех Внутренних Островах Земноморья, заселяя также восточные и южные. Но среди них сохранились еще и такие, кто сберег древнюю мудрость племени драконов — Великий Язык Созидания. Именно они потом стали волшебниками.

Но еще, говорилось в той песни, есть среди людей и такие, кто понимает, что когда-то был драконом. Как и среди драконов некоторые помнят о своем родстве с людьми. И понимающие это говорят, что в те времена, когда единое племя разделилось надвое, некоторые его представители, по-прежнему остававшиеся полудраконами и полулюдьми,

улетели, но не на восток, а на запад, и летели все дальше и дальше над просторами Открытого моря, пока не достигли обратной стороны нашего мира. И там пребывают они в ладу и покое — огромные крылатые существа, дикие и мудрые одновременно, обладая человеческим умом и сердцем дракона. Вот потому-то и были в той песни слова:

На самом далеком западе,
Там, где кончаются земли,
Народ мой танцует, танцует,
Подхваченный ветром иным...

Такова прекрасная песнь, которую спела Огиону та старая рыбачка из Кимея.

Выслушав ее, Огион сказал: «Едва увидев тебя, понял я твою подлинную сущность. Та женщина, которую я вижу сейчас, не более чем обличье, платье, которое на ней надето».

Но она лишь покачала головой, засмеялась и проговорила: «Ах, если бы это было так просто!»

Спустя какое-то время Огион вернулся в Ре Альби. А потом, когда он рассказывал эту историю мне, сказал вдруг вот что: «С того дня у меня из головы не выходит: бывал ли когда-нибудь человек или дракон так далеко на западе, как о том говорится в ее песни, и кто мы такие, в чем заключается наша сущность и наша целостность?..»

Ты не проголодалась, Терру? Вот здесь как раз очень хорошее местечко. Давай-ка посидим там, над обрывом. Оттуда мы, наверное, сможем увидеть и Порт Гонт, что расположен у самой подошвы горы. Это очень большой город, больше даже, чем Вальмут. Вот дойдем до поворота и немножко отдохнем.

Дорога, которая, петляя, шла вверх, на самом верхнем своем витке действительно открывала прекрасный вид на дальние склоны горы, покрытые лесом, и каменистые пастбища, спускавшиеся почти до самой кромки залива; отсюда были видны различные суда на темной воде, издали похожие на светлые легкие древесные стружки или на темных водяных жуков. Вдали, прямо над дорогой и склоном горы, высился обрывистый утес, где и находилось селение Ре Альби, что значит Гнездо Ястреба.

Терру ни разу не пожаловалась, но, когда, немного отдохнув, Гоха спросила: «Ну как, пойдем дальше?», девочка, пристроившаяся на краешке скалы, как бы между синью небесной и синью морской, отрицательно

покачала головой. Солнце грело горячо, и они проделали слишком долгий путь с тех пор, как завтракали в ложине у ручья.

Гоха вытащила фляжку с водой, и они вдоволь напились, а потом она дала девочке мешочек с изюмом и орехами.

— Отсюда уже видно то место, куда мы с тобой идем, — сказала она, — и мне бы очень хотелось добраться туда до темноты. Здоровье Огиона сильно тревожит меня. Тебе, конечно, будет трудновато, но быстро мы не пойдем. Зато уже сегодня будем ночевать в тепле, уюте и безопасности. Привяжи-ка этот мешочек к поясу. Изюм прибавит твоим ножкам сил. Хочешь, я сделаю тебе посох — как у волшебников, — чтобы легче было идти?

Терру кивнула, не переставая жевать. Гоха вытащила нож и срезала толстую ветку орешника для девочки, потом, заметив чуть выше по дороге рухнувшую ольху, отломил одну из ее веток, очистила ее от мелких веточек и сучков и сделала себе крепкий и легкий посох.

Они снова двинулись в путь, и девочка держалась вполне бодро — видимо, изюм помог ей. Гоха запела, чтобы веселей было шагать; она пела любовные песни, пастушьи песенки и старинные баллады, которые выучила в Срединной Долине; но вдруг, резко оборвав мелодию, умолкла и остановилась, сделав предостерегающий жест.

Впрочем, четверо мужчин на дороге уже успели ее заметить, так что прятаться не имело смысла. Следовало либо идти дальше, либо свернуть на боковую тропу.

— Это просто странники, — шепнула она Терру, покрепче сжала свой ольховый посох и пошла вперед.

То, что говорила Ларк насчет засилья всяких бандитов и воров, было не просто пустой жалобой, свойственной каждому старшему поколению: дескать, все-то теперь не так, как надо, и мир проваливается в тартарары. За последние годы мирная и спокойная жизнь в городах и деревнях Гонта действительно претерпела серьезные изменения. Молодые люди вели себя среди собственных сородичей как чужие, злоупотребляли гостеприимством, воровали, продавали краденое. Нищенство пышным цветом расцвело там, где прежде попрошайничали очень редко, а если милостыня приходилась нищему не по вкусу, он еще и пускал в ход угрозы.

Женщины опасались передвигаться по дорогам в одиночку, хотя и очень страдали от этого. Зато некоторые девушки, наоборот, убегали из дома и присоединялись к бандам воров и браконьеров. И весьма часто уже через несколько месяцев возвращались — мрачные, покрытые синяками и ссадинами и к тому же беременные. А среди деревенских колдунов и ведьм

ходили слухи, что колдовству их стало чего-то не хватать: заклятия, что раньше исцеляли всегда, больше не помогали; необычайно трудно стало отыскать потерянный предмет, и порой отыскивалась совсем не та вещь, хотя все слова заклинания были произнесены правильно; любовные зелья вместо страстной любви вызывали кровожадную ревность. Но что хуже всего, те люди, которые и понятия не имели об искусстве магии, о его законах и способах применения, а также об опасности нарушения этих законов, стали называть себя могущественными волшебниками и обещали немислимое богатство и даже бессмертие своим сторонникам.

Айви, ведьма из той деревни, где жила Гоха, весьма мрачно и непонятно говорила что-то о разрушении магических сил. То же самое говорил и Бук, колдун из Вальмута. Это был замкнутый, скромный человек, который специально пришел тогда, чтобы помочь Айви, старавшейся по мере сил облегчить страдания страшно изуродованной огнем Терру. И вот что он сказал Гохе:

— Мне кажется, что раз такое происходит в нашем мире, то наступает конец света, конец времен. Сколько уж столетий прошло с тех пор, как в Хавноре на престоле был настоящий король? Так оно продолжаться не может. Мы либо снова станем единым государством, либо просто погибнем все, когда острова пойдут войной друг на друга, сосед ополчится на соседа, отец — на сына... — Бук как-то застенчиво поднял на нее глаза, которые, однако, смотрели твердо и ясно. — Кольцо Эррет-Акбе возвращено в королевскую башню, — продолжал он. — Я знаю, кто его туда привез... То был знак... да, конечно, то был знак наступления новых времен! Но мы не вняли поданному знаку. Короля у нас по-прежнему нет. И мы по-прежнему разъединены. Мы должны найти сердце Земноморья, обрести должную силу. Может быть, наконец свое слово скажет наш Верховный Маг. — И колдун прибавил доверительно: — Он ведь и сам с Гонта.

Однако Верховный Маг так ничего и не предпринял, как не появился и законный претендент на королевский престол. А жизнь меж тем становилась все хуже и страшнее.

И теперь со страхом и сдерживаемым гневом смотрела мрачная Гоха на четверых мужчин на дороге. Они стояли по двое с каждой стороны, так что им с девочкой неизбежно пришлось бы пройти меж ними.

Гоха спокойно продолжала свой путь, хотя Терру буквально наступала ей на пятки, прижавшись сзади к ее юбке и совсем низко опустив голову. И все-таки за руку ее девочка не взяла.

Один из встречающих, парень с широкой грудью и жесткими черными вислыми усами, заговорил было, чуть ухмыляясь:

— Эй, вы...

Однако Гоха тут же прервала его яростно и громко:

— Прочь с дороги! — И подняла свой ольховый посох так, словно он был волшебный. — У меня дело к Огиону!

И гордо прошла мимо растерявшихся мужчин, за ней трусцой поспешала Терру. Мужчины, видимо, приняв ее гнев за колдовство, так и застыли. Возможно, впрочем, на них просто подействовало само имя Огиона. А может быть, какие-то волшебные чары все-таки были в ней самой или девочке? Во всяком случае, когда обе скрылись из виду, один из мужчин сказал:

— Нет, вы видели? — И сплюнул, а потом особым жестом отогнал скверну.

— Настоящая ведьма со своим ведьминским отродьем! — потрясенно сказал второй. — Пусть себе идут своей дорогой!

Третий, человек в кожаной шапке и короткой кожаной куртке, даже немного задержался, молча глядя им вслед. На лице его были написаны ужас и отвращение, но все же он хотел было уже последовать за женщиной и девочкой, когда тот, с длинными черными усами, окликнул его:

— Идем, что ли, Ловкач! — И человек в кожаной куртке и шапке пошел следом за приятелями.

За поворотом, когда мужчины скрылись из виду, Гоха подхватила Терру на руки и бросилась бежать; она бежала до тех пор, пока не была вынуждена остановиться и посадить девочку прямо на землю, долго-долго хватая ртом воздух. Терру никаких вопросов не задавала, все понимала без слов. Едва Гоха отдышалась и смогла идти дальше, Терру, ни секунды не медля, двинулась за ней, не отставая ни на шаг и все время держа ее за руку.

— Ты вся красная, — сказала она. — Как огонь.

Она редко что-нибудь говорила, да и слова произносила невнятно, хриплым голосом, но Гоха хорошо ее понимала.

— Я очень злая, — проговорила Гоха с каким-то странным смешком. — А когда я злюсь, то становлюсь красной. Такой же краснокожей, как варвары с Западных островов... Посмотри-ка, вон там впереди селение — это, должно быть, Дубовые Ручьи и есть. Ничего другого на этой дороге быть не может. Там мы с тобой немного передохнем. Может быть, удастся даже раздобыть молока. А потом постараясь — это, конечно, от тебя зависит — добраться до Гнезда Ястреба; мы могли бы там оказаться еще до наступления темноты.

Девочка молча кивнула, достала из своего мешочка немножко изюма и

орехов и съела. Потом они пошли дальше.

Солнце давно уже село, когда они наконец миновали деревню и побрели к уединенному жилищу Огиона на самой вершине Большого Утеса. В небесах, над мощным валом облаков, над высоко вздымающимися волнами морскими, засверкали первые звезды. Вечерний бриз гнул к земле короткую траву. Где-то за невысоким домиком заблеяла на выгоне коза. Единственное окно светилось тусклым желтоватым светом.

Гоха прислонила оба их посоха к дверному косяку, взяла Терру за руку и один раз постучала.

Ответа не последовало.

Она резко распахнула дверь и вошла. Огонь в очаге давно погас, угли подернулись сизым пеплом, но крошечный масляный светильник на столе отбрасывал слабое пятнышко света, а с тюфяка, лежавшего на полу в дальнем углу комнаты, слышался голос Огиона:

— Входи, Тенар.

Она уложила девочку спать в алькове у западной стены. Разожгла огонь в очаге. Потом подошла и уселась прямо на пол возле Огиона.

— И никто за тобой даже не ухаживает!

— Я их всех отослал прочь, — прошептал он.

Его темнокожее, с резкими чертами лицо было таким же, как и всегда, только волосы поредели и стали совсем белыми, а неяркий свет не вызывал ответного блеска в его глазах.

— Ты ведь так и умереть мог в одиночестве, — сердито сказала Тенар.

— Умереть мне поможешь ты, ладно? — попросил старик.

— Подожди еще немножко, пожалуйста, — сказала она и, наклонившись, прижалась лбом к его ладони.

— Хорошо. Не сегодня, — согласился он. — Завтра.

И один лишь раз нежно коснулся ее волос — только на это у него сил и хватило.

Она снова выпрямилась. Огонь в очаге разгорелся. Пламя пляшущими языками освещало стены и низкий потолок домика, разгоняя мрак и заставляя темные тени прятаться по углам единственной комнаты.

— Если бы только Гед объявился... — прошептал Огион.

— А ты послал ему весточку?

— Он пропал, — сказал старик. — Пропал. Словно облако густого тумана накрыло землю. И он ушел прямо в этот туман — к западу. И унес с собой ветку ясеня. Исчез в темноте облака. Пропал, пропал мой ястреб...

— Нет, нет, нет, — шептала она. — Он вернется!

Они долго молчали. Тепло от очага начинало окутывать обоих сонной пеленой, и Огион немного успокоился, то задремывал, то снова просыпался, так что Тенар смогла наконец немного передохнуть после целого дня пути. Она растерла ноющие ступни и плечи. Часть пути, особенно когда дорога в последний раз круто пошла вверх, ей пришлось нести Терру на руках, потому что девочка стала задыхаться — она совсем выбилась из сил, пытаясь поспеть за Тенар.

Потом она встала, согрела воды и тщательно смыла с себя дорожную пыль. Потом согрела молока и съела с ним кусок черствого хлеба, найденного у Огиона в кладовой. Потом снова подошла к старику и уселась рядом. Пока он спал, она сидела, задумчиво разглядывая при свете очага

его лицо и тени на стенах.

И думала она о том, что когда-то давным-давно одна девушка часто сидела точно так же ночью в лишенном окон доме, в далекой-далекой стране. С раннего детства девушка эта считала себя «Поглощенной». Единственной жрицей и служанкой Темных Сил Земли. А потом, и это тоже было давно, жила-была на свете женщина, и она тоже любила посидеть в мирной тиши деревенского дома и подумать, пока спят муж и дети, пока можно просто побыть часок наедине с самой собой... И когда эта женщина овдовела, с ней в том доме стала жить одна страшно изуродованная огнем девочка, ее воспитанница. Теперь же вдова эта сидела возле постели умирающего старика и очень ждала одного мужчину, надеясь, что он вернется. Как ждут все женщины в мире; как ждет любая из них. В полном соответствии со своей женской долей. Но волшебник Огион призвал ее к себе не тем именем, которое носила жрица Темных Сил, и не тем, которое носила жена, а потом и вдова фермера Флинта. Иным именем называл ее Огион, как и Гед когда-то — во тьме Гробниц Атуана; как и ее мать — страшно давно, очень далеко отсюда, — давшая ей это имя и помнившаяся ей лишь теплым прикосновением и золотистым, словно львиная шкура, светом огня в очаге...

— Я — Тенар, — прошептала она. Огонь, вспыхнув, обвинил сухую сосновую ветку ярким желтым своим языком.

Огион вдруг начал задыхаться. Она старалась ему помочь, поддерживая за плечи. Потом он немного успокоился и снова уснул; задремала и Тенар, сквозь сон чувствуя, слушая странное, будто осязаемое молчание Огиона, прерываемое порой какими-то загадочными словами. Уже глубокой ночью он вдруг воскликнул, словно встретившись на дороге с хорошим другом: «Так, значит, и ты здесь! А его ты видел?» Еще как-то раз он начал говорить чистым детским голосом, когда Тенар встала, чтобы подбросить дров в очаг, и говорил с кем-то из давнего своего прошлого: «Я пробовал помочь ей, да крыша обвалилась и всех накрыла. Землетрясение же!» Тенар слушала. Она тоже когда-то видела землетрясение. «Я так хотел помочь!» — сказал старик голосом мальчика, и в голосе этом слышались страдание и боль. Потом Огион снова начал задыхаться.

С первыми проблесками зари Тенар проснулась от звуков, которые сперва приняла за удары волн о берег. Но то хлопали крыльями птицы — множество птиц, чудовищная стая, пролетающая прямо над домом. Казалось, поднялась буря, даже свет в окнах померк из-за непрерывного мелькания черных теней. Стая в полном молчании совершила над домом круг и унеслась прочь. Тенар так и не поняла, что это были за птицы.

Домик Огиона, как бы сторонясь людей, примостился к северу от селения Ре Альби. Утром из Ре Альби пришла девушка-пастушка, чтобы подоить коз Огиона, с ней — какая-то женщина и еще люди; все спрашивали, не нужна ли их помощь. Тетушка Мох, деревенская ведьма, ощупав ольховый посох Тенар и ореховую палочку, служившую посохом Терру, сунула было нос в дом, однако войти не осмелилась, тем более что Огион прорычал, не вставая:

— Отошли их всех прочь! Пусть уходят! Все!

Он выглядел так, словно сил у него значительно прибавилось. Когда проснулась маленькая Терру, он немного поговорил с ней — в точности так, как когда-то с Тенар: чуть суховато, но очень добрым и тихим голосом. Потом девочка убежала играть на солнышке, и Огион сказал Тенар:

— Что означает то имя, которым ты ее называешь?

Он хорошо понимал Истинную Речь, но никогда не знал ни слова по-каргадски.

— «Терру» значит «горящий, пылающий», — ответила она.

— Так-так, — промолвил Огион, и глаза его заблестели. Потом он нахмурился, словно пытаясь найти нужные слова. — Этой девочке... — начал он и умолк. — Эту девочку... будут бояться.

— Ее и так уже боятся, — горько сказала Тенар.

Великий Маг покачал головой.

— Ты научи ее, Тенар, — прошептал он. — Научи ее всему!.. Нет, не на Роке. Боятся... Ах, зачем я отпустил тебя? Почему ты тогда ушла? Чтобы привести сюда ее? Слишком поздно...

— Лежи, лежи спокойно, — нежно уговаривала его Тенар, потому что Огион все пытался сказать что-то еще, найти какие-то важные слова, ему не хватало воздуха, он снова начал задыхаться. В конце концов, тряхнув головой, он выговорил с трудом:

— Научи ее! — и умолк надолго.

Есть он отказывался и только понемножку пил воду. Где-то около полудня заснул, а проснувшись — ближе к вечеру, — сказал:

— Пора, дочка, — и сел.

Тенар, улыбаясь, взяла его за руку.

— Помоги-ка мне встать, — сказал ей Огион.

— Нет-нет, что ты!

— Да, — сказал он. — На волю. Я не могу умереть взаперти.

— Куда же ты хочешь пойти?

— Все равно. Но лучше бы на лесную тропу, — сказал он. — К тому буку, что растет на холме, над лугом.

Увидев, что у Огиона хватило сил самостоятельно встать и он полон решимости непременно выйти из дома, Тенар бросилась ему помогать. Вместе они добрались до двери, и он, обернувшись на пороге, окинул прощальным взглядом свое жилище. В темном углу справа от двери стоял, чуть-чуть светясь, его высокий посох. Тенар потянулась было за ним, но Огион только покачал головой.

— Нет, — сказал он, — не нужно. — И осмотрелся, словно пытаясь что-то вспомнить. — Пошли.

Когда на залитом солнцем крыльце в лицо ему ударил свежий западный ветер, он посмотрел куда-то вдаль и промолвил:

— Хорошо!

— Разреши мне позвать кого-нибудь из деревни, и мы отнесем тебя на носилках, — попросила его Тенар. — Все только и ждут случая, чтобы хоть что-нибудь для тебя сделать.

— Я хочу дойти на собственных ногах, — сказал старик.

Из-за дома выбежала Терру и с серьезным видом смотрела, как медленно, останавливаясь через каждые пять-шесть шагов, чтобы Огион мог отдышаться, идут они через поросший травами луг к лесу, снизу доверху покрывавшему крутые склоны Большого Утеса. Солнце пекло немилосердно, а ветер был почти ледяным. Им понадобилось очень много времени, чтобы пересечь луг. Лицо Огиона стало серым, ноги подгибались, словно трава под ветром, когда они наконец добрались до рослого молодого бука почти на самой опушке, в нескольких шагах от начала тропы, круто поднимающейся в гору. Там старый Маг рухнул на землю между корнями дерева, прислонившись спиной к стволу. Довольно долго он не мог ни говорить, ни двигаться, а сердце его билось такими отчаянными неровными толчками, что казалось — грудная клетка вот-вот разорвется. Наконец он успокаивающе кивнул Тенар и шепнул:

— Все в порядке.

Терру все время шла за ними следом на некотором расстоянии. Тенар подошла к девочке, обняла ее и что-то сказала. Потом вернулась к Огиону.

— Она сейчас принесет одеяло, — сказала она.

— Мне не холодно.

— Зато мне холодно, — чуть улыбнувшись, возразила Тенар.

Терру, нагруженная одеялом из козьей шерсти, вернулась очень быстро. Она что-то шепнула Тенар и снова убежала.

— Вереск позволила ей подоить козу. Заодно и присмотрит за девочкой, — сказала Тенар Огиону. — Так что я могу остаться здесь, с тобой.

— Вечные заботы и никогда ничего для себя, — сказал он хриплым свистящим шепотом: больше голоса у него не осталось.

— Да, почему-то всегда не меньше двух дел сразу, — согласилась она. — Но сейчас-то я здесь.

Он кивнул.

Довольно долго Огион молчал — просто сидел, опершись спиной о могучий ствол дерева и закрыв глаза. Глядя на его лицо, Тенар видела, как оно гаснет — так же медленно, как небо на закате.

Потом он открыл глаза, всматриваясь в видневшееся сквозь густые ветви небо. Казалось, он наблюдает, как там, в дальних далях, залитых золотистым светом, свершается нечто великое. Один раз он даже прошептал, неуверенно, словно сомневаясь:

— Дракон?..

Солнце село, улегся ветер. Огион перевел свой взгляд на Тенар.

— Кончено! — прошептал он возбужденно. — Теперь все переменялось!.. Все переменялось, Тенар! Ты жди... Жди здесь, потому что... — Тело Огиона сотрясла сильная дрожь, он, задыхаясь, затрепетал, словно ветка дерева на сильном ветру. Веки его то приподнимались, то опускались, взгляд был устремлен куда-то вдаль, поверх головы Тенар. Он накрыл ее руку своей рукой; она склонилась к нему, и он назвал ей свое Подлинное Имя, чтобы после смерти остаться в памяти людей в истинном обличье.

Потом Огион сжал руку Тенар и, плотно зажмурив глаза, снова начал мучительную схватку со смертью, пытаясь вдохнуть хотя бы глоток воздуха, пока не затих совсем. И тогда распростертый на земле Огион стал похож на один из корней могучего бука. На небе загорались первые звезды, и свет их падал сквозь листву и ветви деревьев.

Тенар сидела рядом с умершим в сгущающихся сумерках, в наступившей потом темноте... Вдруг на лугу огненной мухой мелькнул свет фонаря. Она укрыла теплым шерстяным одеялом и себя, и покойного, но рука ее, что крепко сжимала его руку, совершенно окоченела, как если бы она держала в ней ледышку. Она еще раз коснулась лбом ладони Огиона и с трудом встала. Голова у нее кружилась, тело не слушалось и казалось чужим. Тенар пошла навстречу тому, кто шел сюда по лугу сквозь ночь.

И до рассвета соседи Огиона сидели с ним рядом, и он никого не отослал прочь.

Дворец властелина Ре Альби возвышался на голой скале прямо над Большим Утесом. Рано утром, задолго до того, как солнце добралось до

западного склона горы Гонт, волшебник, что служил у Лорда, спустился по дороге, ведущей из поместья через деревню к дому Огиона. Вскоре явился и еще один волшебник, преодолевший трудный крутой подъем от Порты Гонт до Ре Альби, да еще в темноте. То ли они получили известие о скорой кончине Огиона, то ли узнали о смерти Великого Мага благодаря собственной волшебной силе — неизвестно.

В Ре Альби не было своего волшебника или колдуна — рядом жил сам Огион, да еще кое-какую помощь людям оказывала местная ведьма, тетушка Мох; она могла отыскать потерянную вещь, вылечить от хвори, вправить кости — ради таких мелочей никто не стал бы беспокоить старого Мага. Тетушка Мох обладала весьма суровым нравом, никогда не была замужем и, похоже, никогда не мылась. Ее седые волосы являли собой чудовищное переплетение замысловатых магических узелков, а веки покраснели от бесконечных курений волшебных трав. Это она первой пришла тогда с фонарем через луг, а потом вместе с Тенар и остальными всю ночь просидела у тела покойного Огиона. Во время этого бдения именно она зажгла восковую свечу под стеклянным колпаком и воскурила сладкие масла на глиняном блюде; она произнесла все необходимые в таких случаях слова и вообще сделала все, что нужно было сделать. Перед обмыванием тела она только раз глянула на Тенар, как бы испрашивая разрешения, и сразу же занялась привычным делом. Ведь именно деревенские ведьмы не только обряжают покойников, но часто и хоронят их.

Когда же в лес явился волшебник Лорда Ре Альби, высокий молодой человек с сосновым посохом, украшенным серебряным набалдашником, а потом пришел и второй, из Порты Гонт (это был полный мужчина средних лет с коротким тисовым посохом), тетушка Мох даже не подняла своих налитых кровью глаз, а продолжала кланяться и пришепetyвать и снова кланяться, собирая воедино все свои небогатые запасы волшебства.

Когда же наконец она уложила покойного так, как ему должно лежать в могиле — на левом боку, с согнутыми коленями, — то напоследок вложила в его раскрытую левую ладонь крошечный амулет, плотно завернутый в кусок мягкой козьей шкуры и перевязанный крашеной тесемкой. Волшебник из Ре Альби небрежно отшвырнул сверточек концом своего посоха.

— Выкопана ли могила? — спросил волшебник из Порты Гонт.

— Да, — ответил ему волшебник Лорда. — Она вырыта во дворе моего господина, — и он показал в сторону поместья.

— Понятно, — сказал волшебник из Порты Гонт. — Я-то думал, что

Великий Маг будет похоронен в центре нашего города, который когда-то спас от землетрясения.

— Мой господин пожелал сам удостоиться чести похоронить Лорда Огиона, — заявил тот, что из поместья Ре Альби.

— Но тогда получится... — начал было тот, что из Порта Гонт, и умолк, не желая спорить, но не смирившись со столь легковесными доводами. Потом глянул на покойного. — Придется его похоронить безымянным, — проговорил он с сожалением и горечью. — Я шел всю ночь, но все-таки опоздал. Из-за этого невосполнимая наша утрата становится еще горше.

Молодой волшебник промолчал.

— Его Подлинное Имя было Айхал, — сказала Тенар. — И согласно его воле он должен покоиться здесь, где лежит сейчас.

Оба волшебника уставились на нее одновременно. Молодой увидел всего лишь пожилую деревенскую женщину и молча отвернулся. Тот же, что пришел из Порта Гонт, долго не сводил с нее глаз, а потом спросил:

— Кто ты?

— Меня зовут Гоха, я вдова фермера Флинта, — отвечала она. — А уж кто я на самом деле — вам, по-моему, лучше знать. Да и с какой стати мне говорить вам это?

При этих словах волшебник Лорда сподобился удостоить ее взглядом.

— Эй, женщина, попридержи-ка язык! Как ты смеешь говорить так в присутствии двух волшебников! — бросил он.

— Постой, — добродушно попытался утихомирить его тот, что пришел из Порта Гонт. Он по-прежнему внимательно смотрел на Тенар. — Ты ведь была... когда-то его ученицей?

— И другом, — отрезала Тенар. Потом резко отвернулась и замерла: она услышала гнев в собственном голосе, произносящем слово «друг». И стала смотреть на своего старого друга, лежащего на земле, готового уйти в эту землю, навеки утраченного, недвижимого... А эти люди толпились вокруг, живые, полные сил, не испытывающие ни капли дружеского сочувствия — одну лишь зависть да удовлетворение при виде поверженного соперника и злобу.

— Простите, — сказала она. — Слишком долго тянется ночь. Я была с ним рядом, когда он умер.

— Но это не... — начал было молодой волшебник, но тут неожиданно его прервала тетушка Мох, яростно бросившаяся на защиту Тенар:

— Да, была! Была! Никого не было, кроме нее. Он за ней и послал. Молодого Таунсенда, торговца овцами, — чтоб весточку ей передал. И

дождался, все не умирал, пока она не пришла. И это она была с ним все время, и она знает, где он должен быть похоронен. Здесь вот!

— И он, — спросил тот волшебник, что был постарше, — он назвал тебе?..

— Назвал свое Имя. — Тенар посмотрела на них: недоверие написано было на лице старшего, удовлетворение, нескрываемое удовлетворение светилось на лице более молодого. И она не стала скрывать своего презрения. — Я ведь уже один раз произнесла его вслух. Неужели я должна повторять?

К ужасу своему, по выражению их лиц она поняла, что волшебники эти действительно не расслышали Подлинного Имени Огиона: они тогда просто не обратили на нее внимания.

— О! — воскликнула она. — Что за ужасные времена настали: даже такое имя остается неслышанным и, произнесенное в тишине, звучит не громче упавшего на землю камушка! Разве умение слушать других — не великое мастерство? Что ж, слушайте снова: Имя его было Айхал. И после смерти будет — Айхал. И в песнях, что сложат о нем, он будет Айхалом с острова Гонт. Если в теперешние времена кто-то может еще слагать настоящие песни. Он был очень молчаливым человеком. А теперь умолк совсем. И, может быть, никаких песен больше не будет, одно лишь молчание. Не знаю. Устала я очень. Я потеряла отца и дорогого друга... — Голос ее предательски дрогнул, горло сдавили рыдания. Она отвернулась и хотела уйти. Но тут заметила на тропе, ведущей в лес, тот крошечный узелок, что приготовила для покойного тетушка Мох. Она подняла узелок, опустилась возле Огиона на колени, поцеловала открытую ладонь его левой руки и вложила туда амулет. Потом, не поднимаясь с колен, еще раз взглянула на возвышавшихся над ней двух мужчин. И тихо промолвила:

— Вы позаботитесь о том, чтобы могилу ему вырыли там, где он хотел?

Первым кивнул тот, что был постарше, следом за ним — молодой.

Она встала, отряхнула юбку и пошла прочь, через луг, залитый яркими лучами утреннего солнца.

«Жди, — сказал ей Огион, который теперь стал Айхалом, за мгновение до того, как ветер смерти оторвал его от жизни. — Кончено... Теперь все перевернулось!.. — так прошептал он и прибавил: — Жди, Тенар...» Но не сказал, чего же она должна ждать. Может, тех перемен, которые он предвидел или ощущал? Но каковы эти перемены? Может быть, он имел в виду собственную смерть? То, что будет, когда окончится его жизнь? Впрочем, он говорил почти радостно, возбужденно. И как бы возложил на нее ответственность за это ожидание.

«Ну что ж, как же иначе? — сказала она себе, подметая пол в его домике. — Разве в моей жизни было еще что-то, кроме ожидания?» — А потом, словно разговаривая с незабвенным Айхалом, спросила вслух:

— Мне ждать здесь, в твоём доме?

«Да», — чуть улыбнувшись, ответил ей Айхал Молчаливый.

Так что Тенар прибрала дом, вычистила очаг, проветрила тюфяки и матрасы. Выбросила всякие завалявшиеся черепки и худую сковородку, однако и с этим старьем обращалась очень бережно. Даже прижалась на минутку щекой к безнадежно треснувшей тарелке, прежде чем вынесла ее на помойку: старая тарелка видела, каким тяжким был прошедший год для старого, больного Мага. Суровый к себе, он жил столь же просто, как самые бедные крестьяне, однако, когда зрение его было ясным, а могущество в расцвете, он никогда бы не позволил себе пользоваться треснувшей тарелкой или дырявой сковородой, не починив их. Ей было больно видеть эти признаки слабости Огиона, и она горько жалела о том, что в трудное время ее не было с ним рядом. «Мне было бы очень приятно заботиться о тебе», — сказала она тому Огиону, каким помнила его, но он не ответил. Он никогда не позволил бы кому-то утруждать себя заботами о нем. Неужели он и ей бы сказал: «У тебя найдутся дела поинтереснее»? Она не знала. А он молчал. Но то, что теперь она живет в его доме, было совершенно правильным, это она прекрасно понимала и была в этом уверена.

Шанди и ее муж Чистый Ручей, что прожили на Дубовой Ферме дольше, чем Тенар, прекрасно могут присмотреть за овцами и за садом; а другие арендаторы, Тифф и Сис, вовремя уберут урожай с поля. Остальное же пусть пока что само о себе заботится. Ее малину оборвут соседские

ребятишки. Это жаль: малину Тенар очень любила. Здесь, на Большом Утесе, где всегда дули сильные морские ветры, было слишком холодно для малины. И все-таки на маленьком персиковом деревце, которое посадил Огион в защищенном от ветра уголке, у южной стены дома, зрели восемнадцать персиков. Терру следила за ними, как кошка за мышью, с самого первого дня. И наконец заявила своим хрипловатым тихим голоском:

— Два персика совсем желтые. И с красным бочком.

— Отлично, — сказала Тенар, и они вместе с Терру сорвали два первых созревших плода и съели их прямо под деревом. Сок стекал у них по подбородкам. Они с наслаждением облизали пальцы.

— Можно я ее посажу? — спросила Терру, разглядывая морщинистую твердую поверхность косточки.

— Конечно. Вон хорошее местечко рядом со старым деревом. Только не сажай слишком близко, чтобы второму деревцу тоже хватило места для корней.

Девочка выбрала место, выкопала крошечную могилку, опустила туда косточку и засыпала землей. Тенар наблюдала за ней. За те недолгие дни, что они прожили здесь, Терру очень переменялась. Она по-прежнему отвечала с трудом, не проявляя ни гнева, ни радости, но, с тех пор как они поселились в доме Огиона, ее болезненная настороженность и неподвижность стали незаметно исчезать. Вот только что, например, ей очень захотелось съесть персик. И даже посадить косточку, чтобы персиков в этом мире стало больше. На Дубовой Ферме она не боялась только двоих: Тенар и Жаворонка; но здесь ее Подружкой сразу же стала Вереск, пастушка из Ре Альби, добросердечная простушка огромного роста, басовитая и глуповатая, лет двадцати; Вереск обращалась с девочкой почти так же, как с одной из коз, которых пасла, или скорее как с хромым, беспомощным козленком. Что было в общем-то справедливо. Тетушка Мох тоже явно пришлась ко двору, и Терру было безразлично, какие от старой ведьмы исходили ароматы.

Когда двадцать пять лет назад Тенар впервые попала в Ре Альби, тетушка Мох была еще совсем молодой. Она с ужимками и гримасами кланялась и улыбалась «Белой Даме», ученице и приемной дочери Огиона, но никогда с ней не заговаривала первой и разговор всегда вела подчеркнуто уважительно. Тенар сразу тогда почувствовала, что за фальшивыми уважительными словами спрятаны ревность, неприязнь и недоверие, слишком хорошо знакомые ей по тем временам, когда она была вознесена на пьедестал Единственной, Верховной Жрицы Гробниц теми

женщинами, которые считали себя столь же обычными, сколь необычной — ее, пользовавшуюся немислимыми привилегиями по сравнению с ними. Жрица Гробниц Атуана, приемная дочь Великого Мага, она вечно оказывалась как бы поодаль от остальных, как бы над ними. Это преимущество, разделяя свое могущество с нею, предоставляли ей мужчины. А женщинам оставалось лишь взирать на нее с почтением, с ревностью, а порой с забавным смущением.

Она рассталась с той Тенар, что вечно оказывалась в стороне ото всех, захлопнула дверь в ту свою жизнь; бежала от тех Древних Сил, что обитали в Гробницах Атуана, отвернулась и от того могущества, что было даровано ей Знанием, уроками ее приемного отца и учителя Огиона, и пошла совсем иной дорогой, в иной мир, мир женщин, желая стать одной из них, такой же, как они: женой фермера, крестьянкой, матерью, хозяйкой дома, — и пользоваться лишь теми силами, которые даны женщине от рождения, и ощущать лишь то уважение, с каким относятся к женщине-матери с начала времен.

И там, в Срединной Долине, жена Флинта Гоха была принята в общем-то очень хорошо всеми женщинами; да, конечно, она осталась «иностранкой», она была белокожей да и говорила как-то странно, однако стала отменной хозяйкой, умела отлично прясть, вырастила здоровых и вежливых детей, и ферма ее процветала — во всех отношениях женщина достойная. Мужчины тоже воспринимали ее как жену Флинта, которая делает то, что и положено каждой женщине: постель, готовка, выпечка хлеба, уборка, шитье... Хорошая женщина, одним словом. Им она нравилась. В конце-то концов этому Флинту здорово повезло, говаривали они. Только интересно было бы узнать, кожа-то у нее везде такая белая? И они смотрели на нее жадными глазами, пока молодость ее не прошла. И тогда они просто перестали ее замечать.

А теперь, здесь, в один миг все переменялось, ничего от прежней жизни и в помине не осталось. После совместного ночного бдения у тела покойного Огиона тетушка Мох ясно дала понять, что зачислила Тенар в друзья и станет теперь ее другом, последовательницей, служанкой — кем только не пожелает сделать ее ученица Огиона. Тенар вовсе не была уверена, что ей так уж хочется видеть тетушку Мох среди своих близких друзей — ведьма была слишком непредсказуема, ненадежна, невежественна, обладала замкнутой и в то же время слишком страстной душой, к тому же была чересчур хитра и... грязна. Но зато старуха прекрасно ладила с девочкой. Может быть, именно благодаря ей свершилось и едва заметное пока раскрепощение души Терру. В

присутствии тетушки Мох Терру была, как всегда, равнодушна, неразговорчива, послушна — точно кукла, неодушевленный предмет, камень. Но старуха неустанно делала ей разнообразные мелкие подарки — сладости, игрушки и прочие «сокровища», — подкупала ее, задабривала, льстила. «А теперь пойдем-ка с тетушкой Мох, милая моя! И тетушка Мох покажет тебе самую красивую на свете картинку...»

Нос тетушки Мох нависал над беззубым провалившимся ртом; на щеке красовалась бородавка размером с красную фасолину; некогда черные, а теперь с сильной проседью волосы представляли собой чудовищную путаницу из бесконечных волшебных узелков; кроме того, от нее исходил столь могучий, сложный, сшибающий с ног запах, какой исходит разве что от лисьего логова. «Пойдем-ка со мной на прогулку в лесок, милая! — так заманивали детей в сказках все ведьмы. — Я там покажу тебе одну красивенькую вещицу!» А потом, естественно, ведьма засовывала малыша в печь, славно поджаривала его до хрустящей корочки и съедала на ужин или бросала ребенка в колодец, где бедняжка мог сколько угодно карабкаться по стенам и звать на помощь. Или, например, укладывала какую-нибудь девочку спать лет на сто внутри большого камня, пока королевский сын, волшебный Принц, не раскрывал камень одним лишь волшебным словом, а потом он, конечно же, будил спящую в нем девушку поцелуем и убивал злую ведьму...

«Пойдем-ка со мной, милая!» — И тетушка Мох уводила Терру в поля, чтобы показать ей гнездо жаворонка, сплетенное из зеленых былинки, или тащила с собой на болота, собирать белую всесвятку, дикую мяту и голубику. Ей совершенно не нужно было ни совать девочку в огонь, ни превращать ее в чудовище, ни запирали внутри чего-нибудь: все это с Терру уже проделали.

Старая ведьма была очень добра к девочке, но доброта ее была все-таки какой-то льстивой. Вечно она первой заговаривала с Терру, что-то ей предлагала... Тенар не знала, что именно она рассказывает Терру, чему ее учит, и сомневалась, стоит ли позволять старухе морочить ребенку голову. *Слабый, как женские чары, опасный, как женские чары*, — это она слышала тысячу раз. И действительно не раз убеждалась, что колдовство таких ведьм, как Айви или тетушка Мох, часто бывало слабым с точки зрения волшебной силы, однако весьма зловредным — намеренно или просто из-за невежества. Деревенские ведьмы, хоть и могли порой знать довольно много заклятий, различных способов ведовства и даже некоторые из Великих Сказаний, никогда не учились Высшему Искусству или хотя бы азам Магии. Волшебство всегда было чисто мужским делом, мужским

мастерством; сама магическая наука была создана мужчинами. Никогда не существовало ни единой женщины-мага. И хоть некоторые и называли себя волшебницами или чаровницами, волшебная сила их была стихийной, необузданной, полудикой; то была сила без знаний, без мастерства, а потому — весьма опасная.

Обычно деревенская колдунья, какой была и тетушка Мох, существовала за счет знания нескольких слов Истинной Речи, которые бережно передавались в ее роду из поколения в поколение, словно великие сокровища, или за высокую плату покупались у колдунов. Им хорошо служили и самые простые заклятия, помогающие найти потерянный предмет или починить сломавшуюся вещь, а также огромное количество совершенно бессмысленных, однако весьма загадочных ритуалов. Кроме того, все они благодаря старинным традициям обладали многочисленными навыками: могли принять роды, вправить сустав, вылечить сломанную ногу, прекрасно разбирались в болезнях домашних животных и скота, знали почти все о полезных злаках и диких травах. Колдовство же их было круто замешено на суевериях, к тому же нужно было учитывать, сколь мал или велик у этих женщин тот врожденный дар, что дает возможность лечить, пользоваться заклинаниями, изменять облик людей и предметов. Все это вместе давало как хорошие, так и весьма дурные результаты. Некоторые из ведьм, например, отличались яростным, желчным нравом и всегда готовы были навредить, сами порой не зная, зачем им это. Чаще всего в деревнях они занимались тем, что принимали роды, лечили от разных хворей, готовили любовные зелья и составляли заговоры, помогавшие женщинам родить ребенка и дававшие любовную силу мужчинам. К этому, впрочем, они относились с достаточным бесстыдством. Наиболее же мудрые, даже не обладая Высшим Знанием, употребляли свою врожденную волшебную силу только во имя добра, хотя и не способны были объяснить — а это могут даже младшие из учеников Школы Волшебников, — почему они так поступают, и несли всякую чушь по поводу Равновесия и Великого Пути, чтобы хоть как-то оправдать собственные поступки и устремления. «Да делаю, как сердце велит, — сказала Тенар одна из них, когда та была еще ученицей Огиона и жила у него в доме. — Лорд Огион — Великий Маг. Большая честь для тебя — у него учиться, однако, детка, будь осторожной и осмотрительной, особенно ежели то, чему он учит тебя, окажется тебе не по душе».

Тенар даже тогда догадалась, что мудрая женщина, по всей вероятности, права; но все-таки что-то явно оставалось за пределами ее понимания. Впрочем, она и теперь думала по-прежнему.

Наблюдая за тетушкой Мох и Терру, она сказала себе: вот тетушка Мох как раз и поступает, как сердце велит, хотя, может быть, сердце у нее необузданное, дикое, подозрительное, да и вообще она похожа на хитрую ворону, которая упрямо добивается желанной цели. И еще ей подумалось, что тетушка Мох возится с Терру не из одних лишь добрых побуждений: ее притягивает к девочке то несчастье, что с ней случилось, то насилие, тот страшный костер...

Ничто, однако, ни в словах Терру, ни в ее поведении не свидетельствовало о том, что тетушка Мох чему-то учит ее — разве что отыскивать гнезда жаворонков да собирать чернику; а еще она научила девочку играть в «путанку» одной рукой. Правую руку Терру хищный огонь превратил в некое подобие большого когтя, и с помощью изуродованного большого пальца этой руки можно было лишь ухватить что-то, как крабьей клешней. Но тетушка Мох знала великое множество замечательных способов сплести «путанку». Для некоторых было вполне достаточно четырех пальцев одной руки и большого пальца другой; и каждый раз, переплетая травинку или нитку, можно было сказать какой-нибудь «волшебный» стишок вроде:

Путай, путай, цвет вишневый!
Жги, жги — пойдут дожди,
А ты дракона подожди!

...И тогда непременно получалось сразу четыре треугольника, которые легко, стоило только дернуть за конец, превращались в квадрат... Терру никогда громко не пела, но Тенар слышала, как она себе под нос нашептывает слова этой песенки, сидя в одиночестве на крылечке Огионова дома и трудясь над очередной «путанкой».

А еще Тенар думала о том, что же это за силы такие — куда более могучие, чем жалость, чем простая обязанность помочь беспомощному, — заставили ее так привязаться к этому ребенку? Девочка, конечно, осталась бы в доме Жаворонка, если бы Тенар тогда ее не забрала. Но Тенар забрала ее, даже ни на секунду не задумавшись, почему, собственно, так поступает. Следовала ли она зову своего сердца? Огион тоже ведь ничего не спросил у нее о Терру и все-таки сказал: «Ее будут бояться». А Тенар ему ответила: «Ее уже бояться», и это было действительно так. Может быть, и сама она боялась этой девочки, как боялась жестокости, насилия, пожара? Не этой ли силой — силой страха! — была она привязана к Терру?

— Гоха, — спросила Терру, сидя на корточках под персиковым деревцем и рассматривая то место, где жарким летним днем она посадила персиковую косточку, — а что такое дракон?

— Драконы — это огромные существа, похожие на ящериц, но только длиннее самого большого корабля и выше, чем дом. У них есть крылья, как у птиц. И они выдыхают пламя.

— А сюда они прилетают?

— Нет.

Больше Терру ни о чем спрашивать не стала.

— Это тетушка Мох рассказывала тебе о драконах?

Терру покачала головой:

— Нет, ты.

— Ах вот как! — удивилась Тенар. И, немножко помолчав, прибавила: — Тому персику, что ты посадила, чтобы расти, нужна вода. Обязательно поливай его хотя бы раз в день, пока дожди не начнутся.

Терру вскочила и бегом бросилась за угол дома, к колодцу. Ее прелестные стройные ножки огонь пощадил. Тенар очень любила смотреть, как она ходит или бежит, как ступают ее смуглые, изящные ступни по этой земле. Девочка вскоре вернулась, с трудом волоча за собой тот кувшин, с которым всегда ходил за водой Огион, и устроила вокруг своего саженца небольшой потоп.

— Значит, ты запомнила ту историю, когда люди и драконы считали себя одним народом... Про то, как на островах Земноморья поселились люди, в первую очередь здесь, на востоке... а драконы остались далеко-далеко на западе.

Терру кивнула. Она, казалось, не придавала своему вопросу значения, однако, когда Тенар произнесла «далеко-далеко на западе», показав куда-то в морскую даль, Терру вдруг вскинула лицо к высокому ясному небу, кусок которого виднелся между побегами фасоли и углом загона для коз.

На крыше загона показалась коза и повернулась к ним боком, надменно задрав голову. Судя по ее гордому виду, в данный момент она явно считала себя настоящей горной козой.

— Ну конечно, эта Сиппи снова удрала, — сказала Тенар.

— Эй, пошла, пошла! — закричала Терру, подражая деревенской пастушке, которая и сама вскоре появилась из-за угла и стала кричать на упрямую козу, но та не обращала на нее ни малейшего внимания, задумчиво созерцая растущую внизу фасоль.

Тенар предоставила им возможность поиграть в привычную игру под названием «поймай Сиппи» и побрела мимо грядок с фасолью к самому

краю Большого Утеса и дальше, дальше над обрывом. Дом Огиона стоял в стороне от деревни, совсем близко от того места, где крутой склон горы переходил с одной стороны в каменистые, поросшие травой террасы, пригодные для выпаса коз, а с другой — стеной нависал над морем. По самой кромке обрыва шла тропа; на ней отчетливо видна была верхняя часть рудной жилы. А примерно в миле от деревни склоны Большого Утеса становились более пологими, превращаясь в некое подобие козырька из красного песчаника, нависавшего над морем, которое уже значительно подмыло его основание.

Здесь, на самом дальнем краю Большого Утеса, не росло ничего, кроме мхов и лишайников, лишь кое-где мелькала голубая ромашка, потрепанная ветром и прибитая к земле, похожая на случайно оброненную пуговицу. Если же встать спиной к морю, а лицом — к северу и востоку, то почти сразу за узкой полоской заболоченной земли круто поднимался к небесам, скрывая горизонт, склон самой огромной горы, покрытый лесом почти до самой вершины. Большой Утес так далеко выступал над водами залива, что с его края можно было разглядеть часть береговой линии и долины Эссари вдаль, тонувшие в дымке. А дальше на юг и на запад — только небо да синее море.

Тенар часто ходила к обрыву, когда жила в Ре Альби. Огион любил леса. А она столько времени прожила в пустыне, где на расстоянии многих дней пути не было ни единого деревца, разве что в саду при храмах росли яблони и персики; садовые деревья в течение всего долгого лета приходилось поливать вручную. Вокруг же не было ничего влажного, свежего, даже зеленой травы — только округлый холм, пустынная долина да небо над ней. И Тенар очень любила стоять на самом краю утеса, где столько воздуха и простора, где леса не обступают тебя со всех сторон, где над головой нет ничего, кроме бескрайнего неба. Это было замечательно!

Мхи, серые лишайники, приземистые некрупные ромашки тоже очень нравились ей: то были ее друзья. Она уселась на выступе скалы, у самой кромки обрыва, как всегда глядя в морскую даль. Солнце пригревало сильно, но вечный здесь ветер смягчал жар его лучей, осушал разгоряченное лицо и обнаженные руки. Она, запрокинув голову, оперлась руками о землю; солнце, ветер, синь небес целиком заполнили ее душу, она как бы вся была просвечена окружающим ее простором моря и неба. Неожиданно укол в ладонку левой руки напомнил Тенар о собственной живой плоти, и она, очнувшись, посмотрела на землю. Это оказался крошечный, едва видимый стебель чертополоха, торчавший из трещины в камне; он жадно протягивал свои бесцветные колючки навстречу солнцу,

упрямо сопротивлялся порывам ветра и крепко держался корнями за скалу. Тенар долго смотрела на крохотное растение.

Когда же она вновь подняла глаза, то увидела в далекой голубой дымке на горизонте синеватые очертания острова: Оранея, самый восточный из Внутренних Островов.

Она смотрела туда, на это призрачное видение, и о чем-то грезила, пока внимание ее не привлекла какая-то необычная птица, летевшая над морем с запада к острову Гонт. То явно была не чайка, ибо летела она слишком медленно, однако и для пеликана она летела слишком высоко... Может, это дикий гусь? Или альбатрос, редкий гость, великий скиталец Открытого Моря, залетел на эти острова? Она смотрела, как медленно и плавно поднимаются и опускаются широкие крылья — где-то высоко над землей, в чуть дрожащем от жары мареве. Потом вдруг вскочила, отбежала подальше от края обрыва и застыла у скалы без движения; сердце билось так, словно вот-вот выскочит из груди, ей стало трудно дышать, ибо теперь ясно видны стали и изогнутое темно-стальное тело, и могучие перепончатые крылья, полыхающие красным заревом, и выставленные вперед когти, и вырывающиеся из чудовищной пасти клубы дыма.

Дракон летел прямо к Большому Утесу, прямо к тому месту, где стояла она. Тенар видела, как поблескивает ржаво-черная чешуя, как горят продолговатые страшные глаза. Красный язык пламени вырвался из пасти вместе с запахом гари, когда с шипением и ревом дракон развернулся и приземлился на скалистом обрыве над морем.

Когти его с металлическим скрежетом царапнули камни. Украшенный шипами хвост гремел, извиваясь, а крылья, совершенно алые там, где сквозь них просвечивало солнце, бурно хлопали и тоже гремели, пока дракон не успокоился и не сложил их за спиной. Тогда, медленно повернув голову, он посмотрел на женщину, что застыла в опасной близости от его когтей, похожих на лезвия косы. Женщина тоже посмотрела на дракона. От тела чудовища исходил нестерпимый жар.

Тенар давно знала, что нельзя смотреть дракону прямо в глаза, но сейчас ей почему-то все было нипочем. Дракон глянул из-под бронированных щитков, напоминавших черепахи и прикрывавших широко расставленные по обе стороны плоской морды глаза, прямо на нее, а в глубине его ноздрей бушевало пламя, клубился дым. Однако она тоже не отвернулась, а смело встретила его взгляд своими темными глазами.

Никто не произнес ни слова.

Дракон чуть отвернул голову, видимо, чтобы не сжечь ее, когда раскроет пасть, — а может, ему вдруг стало смешно? — и выдохнул вместе

с языком оранжевого пламени нечто вроде громоподобного «Ха!». И, почему-то совсем ссутулившись, проговорил почти нежно, но явно обращаясь не к ней:

— *Абивараибе, Гед.*

И тут же его окутали клубы дыма, в котором порой мелькал и тонкий язык пламени. Потом пламя и дым исчезли, дракон опустил голову, и Тенар впервые за все это время заметила, что на спине чудовища сидит человек, примостившись у самой шеи, у самых корней гигантских крыльев, в углублении между двумя похожими на огромные мечи шипами. Шипы эти спускались вдоль хребта дракона до самого кончика хвоста. Руки человека судорожно вцепились в ржаво-черную чешую, а голова была запрокинута и упиралась в основание мощного шипа; человек этот, похоже, спал.

— *Аби эбераибе, Гед,* — сказал дракон чуть громче, и Тенар показалось, что он все время улыбается своей длинной пастью, показывая зубы длиной с человеческую руку, желтоватые, с белыми острыми концами.

Человек у него на спине даже не пошевелился.

Дракон снова повернул голову на длинной шее и посмотрел на Тенар.

— *Собриост,* — сказал он — словно сталь прошелестела по стали.

Это слово Истинной Речи она знала. Огион называл ей все слова Истинной Речи, которые она хотела узнать. Дракон велел ей подняться наверх? И она вдруг отчетливо увидела ступени, ведущие к нему на спину: когтистая лапа, кривоватый локоть, плечевой сустав, мощное основание крыла — четыре ступени.

Она почему-то тоже выдохнула:

— Ха!

Но то был не смех — она просто пыталась перевести дыхание, исторгнуть то, что комом застряло у нее в горле. Потом на мгновение опустила голову, чтобы преодолеть дурноту — ах, как близко были огромные когти, и длинная безгубая пасть, и желтый продолговатый глаз! — и уверенно поднялась на спину дракона. Коснулась руки сидевшего там человека, но он не пошевелился. Впрочем, мертв он не был, иначе дракон не стал бы разговаривать с ним.

— Ну же! — сказала Тенар, наконец разглядев его лицо и разжав впившиеся в драконову чешую пальцы. — Ну же, Гед! Пойдем!..

Он едва заметно приподнял голову. Открытые глаза его, однако, оставались как бы незрячими. Тенар пришлось обойти его, царапая ноги о горячую чешую дракона, и долго отцеплять пальцы правой руки, которыми он продолжал крепко сжимать шипастый выступ на шее чудовища. Она позволила Геду с той же силой вцепиться в ее собственную руку и

благодаря этому сумела протащить его вниз по всем четырем «ступеням».

Он изо всех сил старался держаться за нее, однако силы совсем оставили его, и он мешком рухнул на каменистую землю.

Дракон склонил гигантскую голову и совершенно по-звериному обнюхал тело человека.

Потом встрепнулся, глухо пророкотали приподнявшиеся мощные крылья, и он чуть попятился от Геда к краю утеса. Там, повернув голову на шипастой шее, он снова посмотрел Тенар прямо в глаза и сказал — словно пламя заревело в огромном горне:

— *Тбессе Калессин.*

Морской ветер шуршал в его полураскрытых кожистых крыльях.

— *Тбессе Тенар,* — звонко ответила ему женщина, хотя голос ее чуть дрожал.

Дракон некоторое время смотрел вдаль, куда-то на запад, за море. Потом вдруг содрогнулся всем своим длинным телом, страшные когти лязгнули по камням, гигантские крылья с шелестом раскрылись, дракон подпрыгнул и будто свалился с утеса, подхваченный ветром. Только длинный хвост еще какое-то время волочился по земле. Несколько раз поднялись и опустились красные крылья, и Калессин сразу оказался очень далеко от острова, направляясь прямо на запад.

Тенар смотрела ему вслед, пока он не стал казаться диким гусем или чайкой. Сразу похолодало. Рядом с драконом ей было жарко, словно все вокруг согрел он пламенем, бушевавшим у него внутри. Тенар поежилась от холода. Потом опустилась на землю возле Геда и в полный голос заплакала, закрыв лицо руками.

— Но что же я могу сделать? — шептала она. — Что же я могу сделать теперь?

Однако плакала она недолго и вскоре вытерла глаза и нос рукавом, обеими руками откинула назад волосы и перевернула лежащего рядом Геда лицом вверх. Теперь он лежал на этих голых скалах так спокойно и естественно, что казалось, улегся там навеки.

Тенар вздохнула. Ничего поделать с этим она не могла, но всегда ведь найдется, что можно сделать еще...

У нее не хватает сил отнести его домой. Нужна помощь. Значит, придется оставить его на какое-то время одного. Ей казалось, что он лежит слишком близко к краю и если попытается встать, то вполне может упасть вниз. Он слишком слаб и вряд ли сможет удержаться на ногах. Как бы ей его передвинуть? Он даже головы не поднял, когда она попыталась с ним заговорить, коснулась его. Тогда Тенар подхватила его под мышки и

попробовала оттащить подальше от края. К ее удивлению, он оказался очень легким, несмотря на то, что лежал словно мертвый. Вдохновенная успехом, она оттащила его шагов на семь или восемь от обрыва и уложила не на голые камни, как раньше, а на тонкий слой земли, поросший пучками дикой травы, — это тоже давало ощущение безопасности. Там она его и оставила. Бежать Тенар была не в состоянии: ноги дрожали, дыхание со стоном вырывалось из груди; однако она старалась идти как можно скорее и, приближаясь к дому Огиона, громко звала на ходу тетушку Мох, Терру и пастушку Вереск.

Девочка первой выбежала на зов из-за козьего загона и, как всегда, послушно остановилась, однако навстречу Тенар не бросилась, не выразила ни малейшей радости сама и не искала встречной радости на лице своей приемной матери.

— Терру, сбегай в деревню и попроси кого-нибудь прийти сюда... кого угодно, только посильнее... Там у обрыва раненый человек...

Терру так и застыла. Она никогда еще не ходила в деревню одна. И теперь в душе ее боролись привычное послушание и страх. Заметив это, Тенар спросила:

— А тетушки Мох здесь нет? А Вереск где? Мы бы втроем и сами смогли его отнести. Скорей, скорей, Терру, позови их! — Ей представилось, что если Гед, совершенно беззащитный, еще пробудет там, на краю обрыва, то непременно умрет. А она просто не успеет вернуться. Умрет, упадет или его унесут драконы. С ним-то уж все, что угодно, может случиться. Скорее, скорее туда! Флинт умер в одиночестве. Пастух случайно нашел его у ворот. Огион тоже умер, и она не сумела, не смогла удержать его. Гед тоже вернулся домой умирать, и наступил конец всему, ничего больше у нее не оставалось, нечего ей было делать в этом мире... Но все-таки приходилось действовать. — Скорей, Терру! Приведи же кого-нибудь!

Она сама побрела было, пошатываясь, к деревне, но тут увидела, как старая ведьма спешит к ней через пастбище, опираясь на толстую палку из ствола боярышника.

— Ты звала меня, милая?

Тенар сразу же стало легче на душе. Она обрела способность вновь нормально дышать и думать. Тетушка Мох не стала тратить время на расспросы и, лишь узнав, что какой-то человек ранен и его нужно перенести сюда, прихватила плотную циновку, которую развесила на изгороди Тенар, и поспешила на край обрыва. Вместе с Тенар они уложили Гeda на эту циновку и уже тащили домой, хотя и с большим трудом, когда на помощь подоспела Вереск вместе с Терру и козой Сиппи. Девушка была

молодой и сильной, и теперь они сумели поднять циновку за четыре угла и быстро перенести Геда в дом.

Тенар и Терру спали вместе — в алькове у западной стены. У противоположной стены была лежанка Огиона, теперь застланная плотной льняной простыней. На нее они и положили раненого. Тенар укрыла его одеялом, пока тетушка Мох суежилась вокруг постели и шептала всякие заклиния, а Вереск и Терру просто стояли и смотрели.

— Ну а теперь дайте ему отдохнуть, — сказала Тенар и выпроводила всех на крыльцо.

— А он кто? — спросила Вереск.

— И что у обрыва делал? — спросила тетушка Мох.

— Ты же его знаешь, тетушка Мох. Когда-то он был учеником Огиона... Айхала.

Ведьма покачала головой.

— То был парень родом из Десяти Ольховин, милая, — сказала она. — Он потом стал Верховным Магом на острове Рок.

Тенар согласно кивнула.

— Нет, милая, это не тот, — сказала старуха. — Он только похож на того. Но это не он. Этот человек никакой не маг. Даже и не колдун.

Вереск с любопытством поглядывала то на Тенар, то на тетушку Мох. Она мало что понимала из людских разговоров, но очень любила слушать, когда люди говорили друг с другом.

— Но я же узнала его, тетушка Мох! Это Ястребок. — Произнесенное ею старое, привычное прозвище Геда вдруг пробудило в ней прежнюю нежность, и она впервые действительно поняла, почувствовала, что это Гед, что все эти долгие годы, с того дня, как тогда, давным-давно, она увидела его, связь между ними оставалась неразрывной. Тогда она увидела свет в глубоком подземелье, звезды в темной ночи и в этом свете — его лицо... — Я знаю его, тетушка Мох. — Она слабо улыбнулась, потом улыбка ее стала шире. — Он первый мужчина, которого я увидела в жизни.

Тетушка Мох что-то забормотала; она явно колебалась. Ей не хотелось перечить «госпоже Гохе», однако слова той казались ведьме совершенно неубедительными.

— Бывают всякие трюки, ловушки, превращения, подмены... — проговорила она. — Ты бы лучше поостереглась, милая. Как он попал-то туда, на самый край обрыва? Вроде бы никто не видел, как он через деревню шел?

— А разве никто... не заметил?..

Они дружно усталились на Тенар. Она попыталась выговорить «того

дракона» и не смогла. Губы и язык не слушались, слово «дракон» не выговаривалось. Зато само сложилось другое слово и заставило Тенар выдохнуть:

— ...Калессина...

Терру смотрела на нее во все глаза. Казалось, от девочки волнами исходит тепло, жар, словно она горит в лихорадке. Она ничего не сказала вслух, лишь губы ее слегка шевельнулись — она про себя повторила имя дракона, и жар вокруг нее стал еще ощутимее.

— Фокусы, — заявила тетушка Мох. — Сейчас, когда наш старый маг умер, непременно сбегутся всякие трюкачи да шутники.

— Мы вдвоем с Ястребом на маленькой открытой лодке приплыли через море с Атуана на Хавнор, а потом — на Гонт, — сухо сказала Тенар. — Ты же видела его, когда он привез меня сюда, тетушка Мох. Тогда он еще не был Верховным Магом Земноморья, но выглядел точно так же. Разве у кого-нибудь еще есть такие шрамы?

Оскорбленная старуха так и застыла, пытаясь совладать с собой. Потом глянула на Терру.

— Нет, — сказала она. — Но...

— Неужели ты думаешь, что я бы его не узнала?

Тетушка Мох поджала губы, вся напряглась и, опустив глаза, потеряла друг о друга большие пальцы рук.

— В этом мире много зла, госпожа, — сказала она. — Есть такие существа, что способны отнять у человека его тело, его обличье... даже его душу...

— Ты думаешь, он оборотень?

Тетушка Мох вздрогнула оттого, что страшное слово было произнесено вслух. И кивнула:

— Ведь и правда говорят, что однажды маг Ястреб явился сюда — это было давным-давно, еще до того, как он привез тебя, — и его преследовало одно из порождений Тьмы. Может быть, та тень по-прежнему ходит за ним по пятам. А может...

— Тот дракон, что принес Ястреба сюда, — сказала Тенар, — называл его Истинным Именем. И мне это имя известно! — В голосе ее зазвенел гнев, вызванный упрямой подозрительностью ведьмы.

Тетушка Мох стояла, не говоря ни слова. И это ее молчание было куда красноречивее любых слов.

— Возможно, тень, что витает над ним, — это тень его смерти. Возможно, он просто умирает сейчас. Не знаю. Если бы Огион...

Вспомнив Огиона, Тенар залилась слезами: Гед опоздал, дракон

принес его сюда слишком поздно. Проглотив горький комок в горле, она подошла к камину и стала разжигать огонь с помощью кремня и огнива. Потом протянула Терру пустой чайник, чуть коснувшись при этом губами ее щеки. Чудовищные уродливые шрамы были горячи на ощупь, но жара у девочки не было. Тенар опустилась перед камином на колени. Кто-то в их распрекрасном доме должен все-таки заниматься делами насущными — ведьма ли, вдова, девочка-калека или полубезумная пастушка! И нечего пугать ребенка всякими там слезами! Но тот дракон улетел, и неужели нечего больше ждать, кроме смерти?

Он лежал как мертвый, однако мертвым не был. Где же бродил он? Сквозь какие испытания прошел? Вечером при свете очага Тенар сняла с него грязную, изношенную, заскорузлую от пота одежду, вымыла его и уложила обнаженным на чистые льняные простыни, укрыв толстым теплым одеялом из козьей шерсти. Он всегда был невысоким и на вид довольно хрупким, хотя и очень стройным, однако всегда как бы источал неиссякающую жизненную силу; теперь же он так исхудал, словно вся его сила ушла, а плоть истрачена без остатка; даже шрамы, бороздившие его левое плечо и левую щеку от виска до подбородка, как бы уменьшились, подернулись патиной времени. И совсем серебряной стала его голова.

«Я безумно устала — устала хоронить, — думала Тенар. — Меня тошнит от похорон, тошнит от горя утрат. Нет уж, его мне хоронить не придется: ведь он явился ко мне верхом на драконе!»

«А когда-то я хотела убить его, — вспомнила она. — Но теперь заставлю жить — если смогу». И она посмотрела на Геда с вызовом, а не с жалостью.

Так кто же из нас кого спас тогда, в Лабиринте, Гед?

Он спал и ничего не слышал, даже не шевельнулся ни разу. Тенар чувствовала чудовищную усталость. Она вымылась остатками теплой воды и забралась в постель рядом со свернувшейся тихим теплым клубочком Терру. Тенар уснула сразу, и сон неожиданно перенес ее в непонятное, открытое всем ветрам пространство, совершенно бескрайнее и окутанное розовато-золотистой дымкой. Она летела. И звала: «Калессин!» И чей-то голос летел ей навстречу в потоках света.

Когда она проснулась, в полях и под застрехой уже всюду щебетали птицы. Сев в постели, Тенар увидела утренний свет сквозь толстое дешевое стекло в низеньком окошке, выходившем на запад. Что-то таилось в ее душе, крохотное семя, отблеск неведомого, слишком далекого, чтобы можно было понять, что же это такое, но вся душа ее была охвачена совершенно новым чувством. Терру все еще спала. Тенар сидела с ней рядом, глядя в маленькое окошко на облака, просвеченные солнцем, и вспоминая свою дочку по прозвищу Яблочко — какой та была в детстве. Мимолетный образ тут же исчез, едва она попыталась присмотреться повнимательнее — крохотное тельце, пухлые, вздрагивающие от смеха

щеки, рассыпающиеся кудряшки... А второй ее ребенок в шутку прозван был Искоркой — искру эту как бы высек Флинт Кремень. Она, мать, не знала его Подлинного Имени. Сын был в детстве настолько слабым и болезненным, насколько была здоровенькой Яблочко. Он родился до срока, совсем крошечным, да еще спустя два месяца чуть не умер от крупа, и первые два года ей все казалось, что она выхаживает едва живого воробышка — когда сегодня не знаешь, будет ли малыш жив завтра. Но ребенок выжил, крохотная искорка не потухла. И, подрастая, мальчик становился все более крепким и жилистым, совершенно неугомонным, даже настырным; проку от него на ферме не было никакого: у него не хватало терпения на животных, на растения, на людей; он и словами-то пользовался исключительно для удовлетворения собственных потребностей, но никогда — ради удовольствия беседы, для объяснения в любви, для обмена знаниями...

Однажды, как обычно скитаясь по лесам, к ним заглянул Огион — Яблочку тогда было тринадцать, а Искорке — одиннадцать. И Огион дал дочери Тенар ее Подлинное Имя, совершив обряд у истоков реки Кахеды. Она была очень красива — полуженщина-полудитя, — когда шла по зеленоватой воде. Огион назвал ее Хейохе. Он тогда прожил на Дубовой Ферме еще день или два и однажды спросил Искорку, не хочет ли тот отправиться в путешествие с ним вместе. Мальчик только головой помотал. «А чем бы ты занялся, будь твоя воля?» — спросил его Огион, и Искорка сказал Великому Магу то, чего до сих пор не решался сказать ни отцу, ни матери: «Ушел бы в море». Так что после того, как колдун по прозвищу Бук дал ему Подлинное Имя — это случилось через три года после разговора с Огионом, — сын Тенар нанялся моряком на торговое судно, ходившее из Вальмута до острова Оранея и северных берегов Хавнора. Время от времени Искорка появлялся на ферме, но не часто и никогда не задерживался надолго, хотя после смерти отца ферма переходила к нему. Белокожий, как Тенар, он вырос высоким, жилистым и узколицым, как Флинт. Он так и не назвал родителям своего Подлинного Имени. Похоже, он никому на свете его не назвал. Тенар не видела сына уже три года. Может быть, он уже узнал о смерти отца, может быть, нет. А может быть, его и самого уже не было на свете — умер, утонул... Но она считала, что этого не могло случиться. Он просто обязан был пронести ту искру, что зажгла в нем жизнь, через все моря, сквозь любые шторма.

Вот и в ней сейчас словно зажглась какая-то искра, точно все ее существо уверовало в неизбежность перемен, во что-то новое, неведомое. Что же это? Она, пожалуй, и спросить не решилась бы. О таком не

спрашивают. Как не спрашивают у человека, каково его Подлинное Имя, есть оно у него или нет.

Тенар встала, оделась. Несмотря на раннее утро, было уже совсем тепло, так что огня она разжигать не стала. Просто выпила кружку молока, сидя на крыльце и глядя, как тень горы Гонт, падавшая на море, втягивается постепенно внутрь острова. Здесь, на продуваемом всеми ветрами скалистом мысу, сейчас царило почти полное безветрие, и слабое дыхание, все-таки ощущавшееся в воздухе, пахло летом, дивными ароматами луговых трав. И что-то еще удивительно благостное разливалось вокруг — что-то непривычное, какая-то радость.

«Все переменилось!» — прошептал старый Огион, умирая, но тоже явно чувствуя радость. И накрыл ее руку своей. Он тогда принес ей в дар бесценную вещь — свое Подлинное Имя, словно отдавая его навсегда.

— Айхал! — прошептала она. Он не ответил, только проблеяли козы в загоне: они ждали, когда Вереск придет их доить. «Бе-е», — сказала одна, а другая более низким, металлическим голосом откликнулась: «Бла-а! Бла-а!» Поверь козе, говаривал Флинт, если хочешь все испортить. Флинт, хотя и сам когда-то был пастухом, коз недолюбливал. А Ястреб в детстве был как раз козопасом — здесь, на Гонте, только с другой стороны горы.

Тенар вошла в дом и обнаружила, что Терру стоит у постели Геда и внимательно смотрит на спящего. Она обняла девочку, и, хотя Терру обычно слегка отстранялась при любом, даже самом ласковом прикосновении или по крайней мере проявляла полное равнодушие, на этот раз она ласку не только приняла с благодарностью, но даже, пожалуй, сама немного прижалась к Тенар.

Гед, обессиленно распростертый на постели, был погружен все в тот же непробудный сон. Четыре страшных шрама-отметины на левой щеке были отчетливо видны.

— Это огнем? — спросила шепотом Терру.

Тенар ответила не сразу. Она и сама толком не знала, что это за шрамы. Когда-то она спрашивала его об этом — давно, в Расписной Комнате Лабиринта, на острове Атуан. «Это, наверно, дракон?» — спросила она тогда насмешливо. А он совершенно серьезно ответил: «Нет, это не дракон. Это отметины одного из Безымянных. Впрочем, имя этой твари я в конце концов узнал...» Вот и все, что ей было известно. Но она понимала, что для Терру значит слово «огонь».

— Да, — сказала она.

Терру продолжала смотреть на Геда. Она так наклонила головку, чтобы единственный ее зрячий глаз смотрел прямо на него, и от этого стала

похожа на маленькую нахохлившуюся птичку — воробышка или зяблика.

— Пойдем-ка, птенчик, зяблик ты мой! Ему сейчас особенно нужно крепко спать, а тебе пора съесть персик. Интересно, созрел ли у нас там сегодня хоть один?

Терру тут же помчалась смотреть. Тенар пошла следом.

Поглощая персик, девочка внимательно изучала то место, где вчера посадила персиковую косточку. Она явно была разочарована тем, что там до сих пор ничего не выросло, однако ничего не сказала.

— Полей получше, — посоветовала ей Тенар.

После завтрака явилась тетушка Мох. Она замечательно умела плести корзины из тростника, росшего на болотах близ Большого Утеса, и Тенар как-то попросилась к ней в ученицы. С раннего детства, проведенного на острове Атуан, она любила учиться. А оказавшись на чужом для нее острове Гонт, обнаружила, что люди страшно любят кого-нибудь учить. Она научилась с благодарностью принимать любые знания и уроки, и благодаря этому ей быстро простили, что она чужестранка.

Когда-то свои знания ей передал Огион, потом — Флинт. Для нее естественно было всю жизнь чему-то учиться. И ей казалось, что еще столь многому на свете поучиться стоит, хотя раньше, слушая наставления жриц или будучи ученицей волшебника, она так не думала.

Тростник был замочен загодя, и сегодня с утра они собирались его расщеплять — занятие, требующее известного внимания, однако в общем несложное, так что вполне можно было и думать, и говорить о чем угодно.

— Тетушка, — спросила Тенар, сидя на крыльце перед корытцем с замоченным тростником и кучкой готовой щепы на циновке, — а как ты можешь угадать, волшебник человек или нет?

— То, что скрыто в глубине, ведомо лишь тем, кто глубоко видит, — сказала тетушка Мох прочувствованно и прибавила: — То, что рождено на этот свет, непременно заговорит. — И рассказала Тенар историю о муравье, который подобрал на полу во дворце один крошечный волосок и поспешил отнести его в свой муравейник, а ночью весь подземный муравейник засиял, точно туда упала звезда, ибо волосок тот был с головы Великого Мага Бреста. Но лишь мудрые могли увидеть тот свет в муравейнике. Обычным людям он казался погруженным во тьму.

— Значит, просто нужны знания, просто нужно учиться? — спросила Тенар.

— Может быть, нужно, а может быть, и нет. — Такова была суть весьма туманного ответа ведьмы. — Этот дар бывает порой врожденным, — пояснила она. — Даже если человек о нем и не знает, дар

все равно остается при нем. И непременно засияет когда-нибудь, как тот волосок Великого Мага, что попал в муравейник.

— Да, — сказала Тенар, — такое и я видела. — Она аккуратно расщепляла стебли тростника и складывала щепу на циновку. — Тогда как же ты узнаешь, что кто-то вовсе не волшебник?

— Так ведь сразу видно! — воскликнула тетушка Мох. — У такого ничего особенного за душой нет, милая. Нет у него волшебной силы, и все. Вот посмотри. Если у меня есть глаза, так ими я могу увидеть, что и у тебя глаза тоже есть, так ведь? А если ты слепа, так я и это сразу увижу. Или если у тебя, к примеру, только один глаз зрячий, как у нашей малышки, или, скажем, три глаза — это ведь тоже сразу заметно, разве не так? Но если у меня самой ни одного зрячего глаза нет, так я ни за что не узнаю, зрячая ли ты, если ты сама мне об этом не скажешь! Но у меня-то глаза есть! Я знаю, что вижу прекрасно. Третий глаз! — Она коснулась собственного лба и разразилась смехом — громким сухим кудахтаньем, словно торжествующая наседка, которая только что снесла яйцо. Она была довольна, что отыскала нужные слова и сумела выразить именно то, что хотела. По большей части ее невнятная и довольно-таки двусмысленная манера выражать собственные мысли, как Тенар давно уже начала подозревать, была связана именно с неумением управлять словами. Никто никогда не учил ее выражать свои мысли последовательно. Никто никогда не прислушивался к тому, что она говорит. Все ждали от нее, ведьмы, именно этого невнятного, загадочного, волшебного бормотания. Она как бы не должна была иметь ничего общего с ясными значениями слов.

— Понимаю, — сказала Тенар. — Тогда... но, может быть, ты на этот вопрос и не захочешь отвечать? Скажи, вот если ты смотришь на кого-то этим своим «третьим глазом», то есть видишь его волшебным зрением, сразу ли ты понимаешь, какова его волшебная сила?

— Это скорее от знаний зависит, — сказала тетушка Мох. — Увидеть человека — это все равно что сказать: *Я его увидел*. Узнать и увидеть — не одно и то же. Я вот вижу тебя, вижу этот тростник, вижу эту гору. А с людьми знание нужно. Я, например, знаю, что есть в нашей милой малышке и нету в том мужчине... который у тебя в доме лежит. Что есть в тебе и нет в нашей пустоголовой пастушке Хетер. Я знаю... — Но дальше сопоставлять ей оказалось не под силу. Она что-то пробормотала и сплюнула. — Каждая хоть сколько-нибудь стоящая ведьма тут же другую ведьму признает! — выпалила она наконец.

— Значит, вы друг друга легко узнаете?

Тетушка Мох кивнула:

— Да, точно. Так оно и есть. Узнаем.

— И любая волшебница сразу узнает и поймет, что в тебе есть волшебная сила, что ты колдунья?..

Но тут тетушка Мох как-то странно ухмыльнулась — открылась черная пещера беззубого рта в паутине бесчисленных морщин — и посмотрела прямо на Тенар.

— Милая ты моя, ты, верно, хотела сказать «волшебник», а не «волшебница»? Разве можем мы сравниться с мужчинами-волшебниками?

— Но Огион...

— Лорд Огион был добр, — очень серьезно сказала тетушка Мох.

Некоторое время обе молчали, упорно продолжая расщеплять стебли тростника.

— Смотри не поранься, не занози руку, дорогая, — предупредила тетушка Мох.

— Но Огион же учил меня! Как если бы я вовсе не была девушкой. Как если бы я была его настоящей ученицей — как Ястреба. Он учил меня Языку Созидания. Что бы я у него ни спросила, обо всем он рассказывал мне.

— Другого такого человека на свете не было и нет.

— Это же я сама не захотела, чтобы он меня учил дальше. Я сама ушла от него. Зачем мне были бы его книги в деревне? Что хорошего они бы мне дали? Я тогда хотела жить как все, хотела иметь мужа, детей; я хотела прожить *свою собственную жизнь*.

Она аккуратно и ловко расщепляла ногтем стебли тростника.

— И все это у меня получилось, — прибавила она.

— Ты бери стебель правой рукой, а щепу откладывай левой, — посоветовала ведьма. — Что ж, дорогая моя госпожа, кто может знать заранее? Кто? Желание иметь своего мужчину не единожды приносило мне ужасные неприятности. А вот желания выйти замуж у меня особого не было. Нет-нет! Все это не для меня!

— Почему же? — спросила Тенар.

Удивленная тетушка Мох ответила просто:

— Как же, да разве мужчина станет жениться на ведьме? — И, как-то странно шевельнув челюстями, словно овца, жующая жвачку, прибавила: — Да и какая ведьма выйдет за обыкновенного мужчину?

Опять обе помолчали.

— А что плохого в обыкновенных мужчинах? — осторожно спросила Тенар.

И тетушка Мох тоже осторожно, почти шепотом, ответила:

— Не знаю, милая. Я об этом частенько думала. Да, частенько. И самое большее, что я могу о них сказать... видишь ли, мужчина заполняет собственную шкуру, словно ядрышко ореха скорлупку. — Она вытянула свои длинные крючковатые влажные пальцы так, словно обхватила ими орех. — И скорлупа эта плотная и твердая; и вся она изнутри заполнена им самим. Вся заполнена великолепной мужской плотью, мужским духом. И больше там не помещается ничего! Только он сам — и больше ничего!

Тенар немного подумала и наконец спросила:

— Ну а если это волшебник?

— Тогда там, внутри скорлупы, одна лишь его волшебная сила, видишь ли. Его могущество — это и есть он сам. Так-то оно с мужчинами. Так что коли уж его волшебная сила уходит, то и сам он исчезает вместе с ней. Только пустая скорлупа остается! — Она как бы расколола орешек и выбросила осколки скорлупы. — И ничего больше.

— Ну а что же ты о женщинах скажешь в таком случае?

— О, милая, женщина — это совсем другой разговор. Кто знает, где начинается и где кончается женщина? Послушай-ка, госпожа, вот у меня, например, есть корни — глубже, чем у этого острова. Глубже моря они и старше самых первых из островов Земноморья. Далеко во тьму уходят они. — Глаза тетушки Мох сверкнули странным огнем меж покрасневших век, а голос вдруг обрел неслыханную мелодичность. — Во тьму! Я появилась на свет раньше, чем луна. Никто, никто не знает, никто не может сказать, что я такое, что такое женщина и в чем ее могущество, и уж тем более — волшебное могущество женщины; женские корни глубже, чем корни деревьев, глубже, чем корни островов; женщина старше, чем наш Создатель Сегой, старше, чем луна в небе. Кто осмелится задавать вопросы Тьме? Кто спросит Тьму, каково ее Подлинное Имя?

Старуха говорила вдохновенно, почти пела, забыв обо всем на свете; но Тенар сидела по-прежнему прямо, упорно и спокойно расщепляя один стебель за другим.

— Я спрошу ее, — сказала она. И расщепила еще один стебель. — Я достаточно долго прожила во тьме.

Время от времени она заглядывала в дом и видела, что Ястреб по-прежнему спит. Вот и сейчас она встала и пошла посмотреть на него. Когда же она снова уселась рядом с тетушкой Мох, то ей совершенно расхотелось продолжать этот разговор, потому что вид у старухи был кислый, даже сердитый, и Тенар сменила тему.

— Сегодня утром, проснувшись, я почувствовала... ну как если бы

ветер новый подул. Какую-то перемену. Может быть, просто погода переменилась? А ты ничего такого не почувствовала?

Тетушка Мох не сказала ни да ни нет.

— У нас тут, на Большом Утесе, каких только ветров нет — и добрые, и злые... Одни ненастье приносят, другие ясную погоду, а некоторые приносят тем, кто, конечно, их услышать может, разные вести, да только тот, кто ветры слушать не желает, тот их и услышать не может. Ну а что я о ветрах знаю — старуха, которую и магии-то не учили, которая и книг-то великих не читала? Все мои знания — из земли, из темной земли. Той, что у них под ногами, у этих гордецов. У всех этих заносчивых Лордов и Великих Магов. Разве они станут с высоты своих знаний вниз смотреть? Да и что в конце концов может знать какая-то старая ведьма?

«Она была бы отличным противником, — подумала Тенар, — но дружить с ней трудно».

— Тетушка, — сказала она, снова беря в руки тростник, — я выросла среди женщин. Там, в стране каргов, далеко на востоке, на острове Атуан, меня окружали только женщины. Маленькой девочкой меня взяли из семьи и вырастили в пустыне, чтобы затем сделать Великой Жрицей. Не знаю, как по-настоящему называется та пустыня, мы ее называли просто Священным Местом. И это было единственное место, которое я знала. Храмы охраняли воины, но им было запрещено входить на территорию, ограниченную Стеной. А мы не смели покидать ее. Мы выходили за ее пределы только толпой — сплошь женщины и девочки, сопровождаемые охраной, состоявшей из евнухов, которые держали всех мужчин на недосягаемом для глаза расстоянии.

— Кто это такие — те, кого ты только что назвала?

— Евнухи? — Тенар машинально употребила каргадское слово. — Оскопленные мужчины.

Ведьма уставилась на нее, проговорила: «Тсекб!» — и особым жестом отогнала зло. Потом нервно облизала губы. Она была чрезвычайно озадачена.

— Один из них, — продолжала Тенар, — практически заменил мне мать... Но поверишь ли, тетушка, я ни разу не видела настоящего мужчины, пока не стала совсем взрослой. Одних только девочек и женщин. И все-таки я не понимала как следует, что же женщины собой представляют, именно потому, что женщины были единственными людьми, которых я знала. Это, наверно, как у тех мужчин, что подолгу лишены женского общества, — у моряков, солдат и еще Магов с острова Рок; разве понимают они по-настоящему, что такое мужчины? Как они могут знать

это, если даже никогда не говорили с женщиной?

— Они что же, поступают с ними, как с баранами да козлами? — занятая своими мыслями, спросила Мох. — Просто берут ножик и — чик?

Сейчас, вся охваченная ужасом и мрачной жадой мести, которая сильнее даже гнева, она просто не способна была рассуждать здраво и говорить на какую-либо иную тему, кроме как о евнухах.

Тенар немного могла ей рассказать. Она поняла, что никогда даже не задумывалась об этом. На Атуане было много евнухов, а один из них, Манан, нежно любил ее, и она его любила; но убила его во имя собственного спасения... А потом она попала на острова Архипелага, где никаких евнухов не было, и совсем позабыла о том, что где-то они еще существуют — они для нее словно навеки канули во тьму вместе с Мананом.

— По-моему, — сказала она, стараясь удовлетворить жадное любопытство тетушки Мох, — они выбирают маленьких мальчиков и... — Она вдруг умолкла. Даже руки перестали двигаться.

— Так было и с Терру, — снова заговорила она после долгого молчания. — Для чего еще нужен ребенок? Какой от малыша прок? Вот им и пользуются. Насилуют, уродуют... Послушай, тетушка Мох. Когда я жила в тех местах, где поклоняются Тьме, там жрицы прямо-таки горели жадой насилия. А попав сюда, я решила, что вышла из тьмы на свет. Я научилась понимать нормальные значения слов. У меня был муж, я родила от него детей, я, в общем, жила хорошо. И света мне вполне хватало. Но и при свете с нашей Терру... сотворили такое... Там, на лугу, у реки. У той самой реки, где когда-то Огион дал Подлинное Имя моей родной дочери. И солнце светило... А я все пытаюсь понять теперь, где же я могла бы жить, тетушка Мох. Ты меня понимаешь? Ты понимаешь, что я хочу сказать?

— Что ж поделаешь? — вздохнула старуха и, помолчав, прибавила: — Милая ты моя, вокруг столько горя, что его и искать-то не нужно — само придет. — И, заметив, как дрожат руки Тенар, пытающейся вновь приняться за работу, ласково предупредила ее: — Смотри не поранься, милая.

Лишь через сутки Гед пришел в себя. Тетушка Мох отлично умела выхаживать больных, несмотря на все свои причуды и грязноватую внешность. Она даже умудрилась влить раненому в рот несколько ложек мясного бульона.

— Долго голодал, — объявила она, — и прямо-таки высох от жажды. — И, внимательно осмотрев его, прибавила: — Он слишком далеко

зашел, по-моему. После таких путешествий они обычно слабеют, милая, и потом не в состоянии даже пить, хотя вода — это единственное, что им совершенно необходимо. Я знавала одного волшебника, крупного и сильного мужчину, который после этого взял да и умер. В считанные дни тенью стал, знаешь ли.

Но благодаря неустанным и терпеливым заботам тетушки Мох больной все-таки понемногу пил крепкий бульон, сдобренный целебными травами.

— Ну теперь мы посмотрим! — сказала старая ведьма. — Хотя, по-моему, все-таки слишком поздно. Он от нас ускользает. — Она говорила об этом без горечи, пожалуй, даже с облегчением. Этот незнакомый мужчина был ей безразличен; просто еще одна смерть — обычное дело. Возможно, ей удастся похоронить хоть этого Мага. Ей же не позволили похоронить старого Огиона.

Тенар как раз обмывала Геду израненные руки. Он, должно быть, слишком долго ехал на спине Калессина и слишком яростно цеплялся за железную чешую дракона: с ладоней у него была содрана вся кожа, а пальцы покрыты бесчисленными ссадинами и порезами. Даже во сне пальцы его оставались судорожно стиснутыми, словно он боялся разжать их и упасть со спины дракона. Тенар пришлось силой разжать ему руки, осторожно промыть и смазать целебной мазью раны. Однако он почти сразу же закричал и попытался покрепче ухватиться за что-то руками — во что бы то ни стало старался удержаться на Калессине. Потом глаза его вдруг открылись. Она тихонько окликнула его. Он посмотрел на нее и без улыбки сказал:

— Тенар... — всего лишь узнавая ее, но не проявляя никаких чувств. Но то, что он узнал ее, доставило ей несказанную радость — она словно увидела дивный цветок, вдохнула сладостный его аромат: остался все-таки на свете хотя бы один человек, знавший ее Подлинное Имя, и этим человеком был Гед.

Она наклонилась и поцеловала его в щеку.

— Лежи спокойно, — сказала она. — Дай мне закончить.

Он подчинился и, вновь откинувшись на подушку, погрузился в сон, однако теперь уже руки его немного расслабились и пальцы не были так судорожно сжаты.

Позже, уже ночью, засыпая рядом с Терру, она подумала: но ведь я никогда его раньше не целовала. И мысль эта потрясла ее до глубины души. Сначала она даже не поверила себе. Неужели за все эти годы?.. Нет, не в Гробницах — потом, когда они вместе брели через горы... потом на

«Зоркой» плыли в Хавнор... И позже, когда он привез ее сюда, на Гонт?..

Нет, Огион ведь тоже никогда не целовал ее, как и она — его. Огион называл ее дочкой, он очень любил ее, но, похоже, старался не прикасаться к ней; да и она, привыкшая к одиночеству, призванная исполнять роль Единственной Жрицы, святой и неприкосновенной, не искала возможности кого-то коснуться или просто не понимала, что ищет ее. Она обычно лишь на минутку прижималась лбом или щекой к руке Огиона или же он сам мог погладить ее по голове — всего лишь разок легко коснуться ее волос.

А Гед никогда даже этого не делал.

«Неужели я никогда не задумывалась об этом?» — изумленно спрашивала она себя, испытывая нечто вроде смутного страха.

Она ничего не понимала. При мысли об этом какой-то ужас, ощущение совершаемого греха охватывали ее душу и медленно отступали, так и не найдя себе объяснения. Ее губы узнали теперь обветренную, суховатую, прохладную кожу его щеки у самого уголка рта, и одно лишь это теперь имело смысл, только это было важно для нее.

Она долго не могла уснуть. Но и во сне чей-то голос все звал ее: «Тенар! Тенар!», а она отвечала странными криками, словно морская птица, что летит над океаном в потоках света, вот только не понимала, чье имя выкрикивает в ответ.

Ястреб разочаровал тетушку Мох: он выжил. Через день-два она совсем сдалась и решила, что он чудом спасся от смерти, а потому упорнее, чем раньше, поила его бульоном из козлятины, разных корешков и целебных трав, бережно поддерживая при этом за плечи, окатывая могучим запахом своего давно не мытого тела, вливая в него жизнь ложку за ложкой и при этом постоянно бормоча что-то. Хотя и сам он узнал ее и называл, как все, тетушкой Мох и ей уже трудно было бы отрицать, что это именно Ястреб, ведьма все-таки была настороже. Не нравился он ей, и точка! «Все в нем не так, как надо», — говорила она. Тенар всегда с большим уважением относилась к необычайной проницательности тетушки Мох, и подобные заявления весьма ее беспокоили, но в собственной душе она не ощущала ни малейших сомнений или подозрений — только радость от одного лишь его присутствия, от того, что он хоть и медленно, но возвращается к жизни.

— Когда он снова станет самим собой, ты увидишь! — говорила Тенар тетушке Мох.

— Самим собой! Как бы не так! — презрительно откликнулась та и снова показывала Тенар, как легко ломается в пальцах пустая ореховая скорлупка.

Довольно скоро Гед спросил об Огионе. Тенар ждала этого вопроса с ужасом. Ей уже почти удалось себя убедить, что он вообще этого вопроса не задаст, что он сам узнает об этом, как и все маги, как узнали даже самые обычные волшебники из Порта Гонт и Ре Альби. Однако на четвертое утро, проснувшись, когда Тенар подошла к нему, Гед внимательно посмотрел на нее и сказал:

— Это ведь дом Огиона.

— Да, это дом Айхала, — ответила она, стараясь казаться беззаботной; ей еще было трудно выговаривать вслух Подлинное Имя Великого Мага. Она не знала, известно ли оно Геду. Конечно же, известно. Может быть, от самого Огиона, а может быть, тому и говорить надобности не было.

— Значит, он умер.

— Десять дней назад.

Он снова умолк, глядя прямо перед собой, словно о чем-то размышляя, словно тщательно пытаясь вспомнить, отыскать что-то в своей памяти.

— Когда же я сюда попал? — еле слышно прошептал он, и ей пришлось нагнуться к нему совсем близко, чтобы разобрать, что он говорит.

— Четыре дня прошло.

— В тех горах больше никого не было, — проговорил он с трудом, и по телу его прошла судорога. Он зажмурился, словно от боли, весь напрягся и глубоко вздохнул.

Силы потихоньку возвращались к нему, однако напряжение из глаз не уходило; тяжкие вздохи, мучительно стиснутые руки — к этому Тенар почти привыкла. Силы возвращались к нему — но не душевный покой.

Как-то раз он сидел на пороге дома, греясь в лучах летнего полуденного солнца. Пока что он способен был дойти лишь от постели до крыльца. Сидя там, он любовался разгорающимся днем, и Тенар, половшая сорняки на грядках фасоли за домом, выйдя из-за угла, не смогла оторвать от него глаз. Не только серебряные волосы, но и сама словно пеплом подернутая плоть его, казалось, принадлежат человеку с того света. В глазах Гед не было прежнего огня. И все-таки этот похожий на тень, словно обугленный человек был тем Гедом, чье лицо она впервые увидела в сиянии его собственного волшебного могущества, — у него по-прежнему было сильное волевое лицо с ястребиным носом и тонко очерченным ртом; он по-прежнему был красив. Он был таким, как всегда: красивым и гордым.

Она подошла к нему ближе.

— Солнышко для тебя сейчас важнее всего, — сказала она, и он согласно кивнул, но сидел, по-прежнему обхватив Себя стиснутыми

руками, словно замерз, хотя солнце буквально заливало его жаркими лучами.

Он почему-то был настолько молчалив в ее присутствии, что она даже подумала, не в ней ли причина его беспокойства. Может быть, он просто не привык видеть ее здесь и потому чувствует себя не в своей тарелке? В конце концов теперь он стал Верховным Магом Земноморья — она все время об этом забывала. И уже целых двадцать пять лет прошло с тех пор, как они вдвоем брели по горам Атуана, а потом плыли на «Зоркой» через Восточное море.

— А где сейчас «Зоркая»? — спросила она, сама удивившись этому вопросу, и тут же спохватилась: «Ах, какая я дура! Столько лет прошло, он теперь Верховный Маг, зачем ему та лодочка?»

— На Селидоре, — ответил он, и лицо его снова подернулось непроницаемой и необъяснимой пеленой печали.

Давным-давно, неведомо в каком году, и так далеко, как отсюда до Селидора...

— Это самый далекий из островов Земноморья? — зачем-то спросила она.

— Да, самый далекий — на западе, — откликнулся он.

После ужина, когда Терру убежала играть на улицу, они остались сидеть за столом.

— Так, значит, это с Селидора ты прилетел верхом на Калессине?

На этот раз имя дракона выговорилось как бы само собой; оно само заставило ее губы произнести нужные звуки, а в горле она почувствовала слабый привкус гари.

Он коротко, но остро глянул ей прямо в глаза, и только тут она поняла, что чаще всего он избегает смотреть прямо на нее. Он кивнул в ответ и, мучительно стараясь расставить все точки над «i», уточнил:

— С Селидора мы сперва прилетели на Рок. А потом уже на Гонт.

Сколько дней они были в пути? Десять, двадцать? Она понятия не имела. На Хавноре когда-то она видела огромные карты, но никто никогда не учил ее понимать то, что на них изображено и написано. *Так далеко, как отсюда до Селидора...* А как измерить скорость полета дракона?

— Гед, — сказала она, называя его Подлинным Именем, ибо сейчас они были одни, — я понимаю, что ты пережил ужасные страдания и опасности. Если не хочешь, не можешь или не имеешь права что-то рассказывать мне... Но если бы я знала хоть что-то! Может быть, тогда от меня тоже было бы больше толку. А мне бы очень хотелось стать тебе

полезной. Наверное, с острова Рок за тобой скоро приедут или пошлют за тобой, Верховным Магом, корабль, а может быть — кто его знает! — даже дракона. Если ты снова надолго уедешь, мы так никогда как следует и не поговорим. — Она говорила и нервно ломала пальцы, чувствуя фальшь собственных интонаций и слов. Идиотская шутка насчет посланного за Гедом дракона показалась ей позаимствованной у сварливой крестьянской жены.

Он смотрел в стол — мрачный, усталый, словно крестьянин, весь день проработавший в поле и на закуску получивший дома скандал.

— По-моему, гостей с Рока здесь пока не будет, — напряженно выговорил он, некоторое время молчал и наконец закончил: — Погоди, дай мне время.

Тенар решила, что теперь он никогда уже больше говорить с ней не станет.

— Да, конечно, ты прости меня, — быстро сказала она и уже поднялась, чтобы убрать со стола и вымыть посуду, когда он вдруг тихо и по-прежнему глядя в стол заявил:

— Теперь этим буду заниматься я.

Потом встал, поставил свою тарелку в таз с грязной посудой, помог Тенар убрать со стола. Сам перемыл тарелки, пока Тенар возилась в кладовке. Интересно, думала она, все сравнивая его с Флинтсом, Флинт ни разу в жизни тарелки не вымыл. Еще бы, женская работа! Но Гед и Огион жили здесь холостяками, да и везде, где Гед жил подолгу, женщин в доме не было, так что ему доводилось делать и «женскую» работу, и он к этому относился спокойно. Было бы очень жаль, подумала она, если бы вдруг он стал относиться к такой работе иначе, испугался бы, что его достоинство повисло на конце посудного полотенца.

Никто за ним с острова Рок не приехал. В тот раз, когда они впервые заговорили об этом, было просто рановато: ни одно судно — разве что легкокрылая «Зоркая», подгоняемая волшебным ветром, — не смогло бы так быстро дойти до Гонта. Однако день шел за днем, но не было для Геда ни письма, ни гонца. Тенар казалось странным, что Верховного Мага Земноморья столь долго не решаются беспокоить. Он, должно быть, просто запретил посылать за ним корабль; а может быть, скрылся здесь ото всех с помощью своего волшебного мастерства так, чтобы никто не смог догадаться, кто он такой и откуда. Ведь и жители Ре Альби тоже почти не обращали на него внимания.

То, что никто из поместья Лорда Ре Альби так и не явился к домику Огиона, удивляло Тенар куда меньше. Здешние Лорды всегда были с

Огионом в довольно прохладных отношениях. Жены здешних правителей, если верить сплетням, всегда отличались склонностью к черной магии. Дочь одного из хозяев Ре Альби, по слухам, вышла замуж за какого-то страшного и могущественного чародея с северных островов, который заживо похоронил ее под каким-то волшебным камнем. Другая женщина из этого рода долго колдовала над своим не рожденным еще ребенком, пытаясь превратить его в могущественного волшебника, и он действительно сразу заговорил, едва успев появиться на свет, однако в теле его как бы не было ни единой косточки. «Словно пустой кожаный бурдюк! — шептала деревенская акушерка. — Словно бурдючок с глазами и человеческим голосом. И грудь не брал, только все лопотал что-то странное, а потом умер...» Что бы там ни было на самом деле, только правители Ре Альби всегда жили замкнуто. Спутница мага Ястреба, приемная дочь Огиона, Белая Дама, что доставила Кольцо Эррет-Акбе в Хавнор, возможно, со временем и удостоилась бы чести попасть в замок Ре Альби, однако такого не случилось. Тенар — к собственному большому удовольствию — предпочла поселиться в крошечном домике, принадлежавшем деревенскому ткачу Фану, жила там совершенно одна и крайне редко, да и то издали, видела людей из господского дома. Сейчас, как сказала бы тетушка Мох, дом этот лишился хозяйки: там жил один только старый Лорд, его внук да еще тот молодой волшебник Аспен, которого специально пригласили в поместье из Школы Волшебников.

После того как Огиона вместе с амулетом тетушки Мох похоронили под буком на лесной тропе, Тенар Аспена не видела ни разу. Она была поражена: неужели он не ведает о том, что Верховный Маг Земноморья живет по соседству? А если он знает об этом, то по какой причине держится в стороне? Да и волшебник из Порты Гонт тоже после похорон Огиона больше ни разу не появился. Даже если он еще не узнал, что Гед здесь, то, конечно же, должен знать, кто такая она, Белая Дама, что носила когда-то Кольцо Эррет-Акбе на своей руке и возвратила целостность Руне Мира... «А как давно это было, старая ты дура! — сердито сказала она себе. — Все пытаешься собственный затылок рассмотреть? Смотри, нос набок не сверни!»

А все-таки именно она назвала им Подлинное Имя Огиона! Это чего-то стоит!

Впрочем, разве станут эти волшебники, мужчины, проявлять к ней какое-то внимание? Они люди могущественные. И общаются только с себе подобными. А у нее-то какое могущество? Да и было ли оно у нее когда-нибудь? Девочкой, жрицей, она служила лишь сосудом, который Великая

Тьма наполняла своим могуществом, заставляя ее, Ару, исполнять свои желания, а затем опустошала, оставляя без сил, без чувств, без стремлений... Потом, еще молодой, она училась Великому Знанию у могущественного Мага и сама отказалась от этих знаний, никогда больше о них не вспоминала. Она тогда сделала свой выбор и обрела истинное женское могущество, однако и это прошло: свою роль матери и жены она сыграла, и теперь в ней не осталось никакой силы, способной добиться признания.

Но ведь дракон первым заговорил с ней! «Я Калессин», — сказал он, а она ответила: «А я Тенар».

«Что такое Повелитель Драконов?» — спрашивала она когда-то Геда в Лабиринте, во владениях Тьмы; она все пыталась унижить его, заставить признать ее могущество, а он ответил ей просто и честно (ее всегда обезоруживала эта его манера): «Это тот, с кем драконы станут разговаривать».

Значит, она та, с кем драконы разговаривать станут. Не это ли новое потаенное чувство, словно зернышко света, она ощутила в себе на следующее утро после встречи с Калессином, когда, проснувшись, глядела в маленькое окошко, выходящее на запад?

Через несколько дней после того разговора с Гедом Тенар полола сорняки вдоль дорожки, ведущей в сад и огород, спасая грядки от глушащей все на свете буйной травы. Гед, выйдя из загона для коз, тоже принялся за прополку, двигаясь ей навстречу. Некоторое время он работал споро, потом вдруг сел на землю и мрачно уставился на свои руки.

— Дай им сперва зажить как следует, — мягко сказала Тенар.

Он кивнул.

Высокие побеги фасоли цвели, распространяя сладкий аромат. Гед сидел, сложив худые руки на коленях, и смотрел, как сплетаются цветущие растения с теми, на которых уже висят молодые стручки. Трава была вся просвечена солнцем. Не прерывая работы, Тенар сказала вдруг:

— Перед самой смертью Айхал сказал: «Все переменялось...», и, хотя я по-прежнему горько оплакиваю его, что-то не дает моему горю стать слишком сильным. Словно должно родиться что-то прекрасное, словно что-то прекрасное обрело наконец свободу... И еще, во сне и потом, едва проснувшись, я уже знала: что-то тогда действительно изменилось в мире.

— Да, — сказал он. — С одним злом покончено. А еще... — Он заговорил снова только после длительного молчания. На нее он не смотрел, но впервые голос его звучал так, как помнилось ей — он говорил тихо, спокойно, с легким суховатым гонтским акцентом. — Помнишь, Тенар, как

мы впервые приплыли в Хавнор?

«Разве могу я забыть?» — откликнулось ее сердце, но она промолчала, опасаясь, что звуками речи спугнет Геда.

— Мы вошли на «Зоркой» в гавань, причалили, поднялись по ступеням из мрамора... И кругом толпился народ... а ты подняла вверх руку, чтобы все видели Кольцо...

— Да, как подняла, так и забыла опустить: меня ужасно испугали все эти бесчисленные лица, голоса, множество цветов, башен, флагов, сверкание золота и серебра, громкая музыка — а ты был единственным, кого я знала... в целом мире единственным, и это ты вел меня по улицам Хавнора...

— Сквозь толпу королевские слуги провели нас к башне Эррет-Акбе. И вдвоем с тобой мы поднялись по высокой лестнице, помнишь?

Она кивнула. И оперлась ладонями о рыхлую землю, которую полола, ощущая ее зернистую прохладную поверхность.

— Я с трудом открыл тяжелую дверь — она сперва плохо подавалась. И мы вошли. Ты помнишь?

Он спрашивал и спрашивал, словно желая получить подтверждение каждому своему слову: это действительно случилось, я правильно рассказываю?

— Мы вошли в огромный высокий зал, — сказала она. — Он был похож на мой Тронный Храм, где я когда-то была поглощена силами Тьмы. Но только потому, что был очень высоким. И свет туда проникал из-под самой крыши. Солнечные лучи, подобно лезвиям мечей, пересекали пространство...

— А трон? — спросил он.

— Трон? Да, конечно! Весь золотой и алый. Но тоже пустой. Как и тот, в моем Храме на острове Атуан.

— Теперь трон уже не пустует, — сказал он. И посмотрел на нее поверх зеленых стрелок лука. Лицо его оставалось, однако, напряженным, задумчивым, словно, говоря о радостном событии, сам он радости не испытывал: не мог. — Теперь в Хавноре есть настоящий король, — сказал он. — То, что было предсказано, осуществилось. Утраченная Руна стала целой, и мир тоже обрел целостность. Он... — Гед умолк и уставился в землю, стиснув руки, — он вынес меня из царства смерти назад, к жизни. Аррен с Энлада. Лебаннен, которого непременно еще воспоют потомки. Он теперь носит свое Подлинное Имя, Лебаннен, и это он Король Земноморья.

— Так, значит, — спросила она, опускаясь на колени и пытливо заглядывая ему в лицо, — это он принес в наш мир радость — словно люди

вышли из тьмы на свет?

Гед не ответил.

«Значит, теперь в Хавноре есть Король», — подумала она и громко сказала:

— Настоящий Король в Хавноре!

Память об этом дивном городе хранилась в ее душе — она словно видела его сейчас: широкие улицы, мраморные башни, черепичные крыши, корабли с белыми парусами в гавани, поразительной красоты тронный зал, где солнечные лучи, падающие из окон, подобны лезвиям мечей; она помнила то ощущение благополучия, достоинства, гармонии и порядка, которое вызывал этот город. И сейчас ей казалось, что из этого светлого центра гармонии и порядка, словно круги по воде, расходятся во все стороны лучи мира.

— Как хорошо, что ты это сделал, друг мой дорогой! — сказала она.

Гед легким нетерпеливым жестом попытался остановить ее и вдруг отвернулся, прикрыв ладонью лицо. Ей невыносимо было видеть его слезы. Она склонилась над грядкой, выдернула один сорняк, второй, а третий оборвался у самого корня. Она рукой разгребла землю, пытаясь извлечь упрямый корень.

— Гоха, — голосок Терру, слабый, словно надтреснутый, донесся от ворот загона, и Тенар оглянулась. Девочка обоими своими глазами — зрячим и слепым — смотрела прямо на нее. Тенар подумала: может быть, я должна сказать ей, что в Хавноре теперь есть настоящий Король? Она выпрямилась и пошла к воротам загона, чтобы Терру зря не утруждала свое сожженное огнем горло. Когда девочка без сознания лежала близ горевших поленьев, то как бы вдохнула огонь. «Голос ее сгорел», — пояснил колдун Бук.

— Я все время смотрела за Сиппи, — прошептала Терру, — но она все равно удрала. И я никак не могу отыскать ее.

Это была, пожалуй, самая длинная фраза, когда-либо произнесенная ею. Девочка вся дрожала — она слишком долго бегала в поисках козы и теперь что было сил сдерживала слезы. «Ну вот, сейчас мы все тут плакать начнем, — подумала Тенар, — нет уж, глупости!»

— Ястреб! — окликнула она волшебника. — У нас тут коза сбежала.

Он сразу же распрямился и быстро подошел к ним.

— А в летнем загоне смотрели? — спросил он, глядя на Терру так, словно не замечал ни ее ужасных шрамов, ни ее самое — девочку, которая ищет сбежавшую козу. Такое ощущение, что на месте Терру он видел эту самую козу. — А в деревенском стаде?

Терру со всех ног бросилась к летнему загону.

— Она что, дочка твоя? — обернулся он к Тенар. До этого он ни разу ни слова не спросил о девочке, и Тенар даже стала думать, что мужчины все-таки очень странные существа.

— Нет, не дочка и не внучка. Она *мое дитя*, — сказала она. Зачем же она снова поддразнивает его, подшучивает над ним?

Он быстро отошел в сторону, и Сиппи, коза с бело-коричневой шерстью, ринулась мимо него в ворота; ее по пятам преследовала Терру.

— Стой! — крикнул вдруг Гед и одним прыжком преградил козе путь, направляя ее точнехонько в руки Тенар. Та ухватила Сиппи за пышный воротник из шерсти, и коза сразу замерла как вкопанная, поглядывая одним своим желтым глазом на Тенар, а другим — на грядки с молодым луком.

— А ну пошла! — крикнула Тенар, выпроваживая ее за ворота загона на каменистое пастбище, где вредной козе, собственно, и полагалось находиться.

Гед уселся на землю там, где стоял; он, казалось, запыхался не меньше Терру, во всяком случае, хватал ртом воздух и явно чувствовал себя неважно, однако слез видно не было. Поверь козе, если хочешь все испортить.

— Вереск не должна была оставлять Сиппи на тебя, — сказала Тенар. — За этой дрянью никто углядеть не может. Если Сиппи снова сбежит, ты просто сразу скажи кому-нибудь и не волнуйся. Хорошо?

Терру кивнула. Она смотрела на Геда. Она редко смотрела на людей и еще реже — на мужчин, разве что мельком. А на него она смотрела и смотрела, не отрываясь, наклонив голову, нахохлившись, словно воробышек. Господи, что же это?

Со дня летнего Солнцеворота прошло уже больше месяца, но вечера еще были долгими, особенно на обращенном к западу Большом Утесе. Однажды Терру вернулась домой очень поздно; они с тетушкой Мох весь день бродили по горам в поисках целебных трав, и девочка настолько устала, что даже есть не могла. Тенар уложила ее в постель и села рядом, напевая песенку. Переутомившись, Терру как-то странно скрючивалась в кровати, словно парализованный зверек, и не мигая смотрела в пространство, пока у нее не начинались галлюцинации или кошмары; она и не спала, и не бодрствовала, но становилась как бы невменяемой. Тенар, правда, обнаружила, что таких приступов можно избежать, если сразу сесть рядом с девочкой, обнять ее и напевать что-нибудь негромко. Когда иссякал запас тех песен, которые Тенар выучила, будучи женой фермера Флинта из Срединной Долины, она принималась за нескончаемые каргадские гимны, оставшиеся в ее памяти со времен Гробниц Атуана, так что Терру засыпала под монотонные жалобные мольбы, обращенные к Безымянным и тому Незанятому Трону, что теперь, после землетрясения, был весь завален пылью и камнями. Она более не ощущала в этих ритуальных песнопениях никакой магической силы, лишь сама мелодия завораживала ее, да еще приятно было петь на родном языке; она, к сожалению, не знала тех песен, какие каргадские матери поют своим детям, какие пела и ей когда-то ее мать.

В конце концов Терру крепко заснула. Тенар осторожно разжала ее стиснутые пальцы, уложила девочку на подушку и еще минутку подождала, пока окончательно не убедилась, что малышка спит. Потом, быстро оглядевшись, с какой-то, пожалуй, виноватой торопливостью и одновременно с торжествующей радостью, словно предвкушая огромное удовольствие, приложила свою узкую светлую ладонь к той щеке Терру, что была сожрана огнем и покрыта безобразными шрамами. Уродство сразу исчезало. Плоть как бы вновь становилась невредимой, щека — округлой и мягкой; теперь это было самое обычное лицо милого спокойного ребенка, словно ее прикосновение каждый раз восстанавливало истину.

Неохотно отняла она свою легкую ладонь от щеки девочки, и тут же снова взору ее явилась рана, которая не заживет никогда.

Тенар наклонилась, поцеловала эти страшные рубцы и тихонько вышла из дома.

Солнце садилось в раскинувшуюся на западе жемчужную дымку. Возле дома никого не было. Ястреб, наверное, все еще бродил по лесу. Он давно уже начал один ходить на могилу Огиона, проводя там долгие часы под сенью могучего бука, а еще немного окрепнув, стал бродить по тем заповедным лесным тропам, которые так любил Огион. Он явно был равнодушен к еде, мало того, Тенар приходилось упрашивать его съесть хоть что-нибудь, и он по-прежнему сторонился людей, всему на свете предпочитая одиночество. Терру с радостью пошла бы за Гедом куда угодно; будучи чрезвычайно молчаливой, она не раздражала его, однако скоро уставала, и Гед отсылал девочку домой, уже в одиночестве забираясь все дальше и дальше, в такие края, о которых Тенар даже не слышала. Он возвращался домой к ночи, сразу ложился спать и зачастую снова исчезал еще до того, как Тенар и Терру успевали проснуться. Так что Тенар обычно оставляла ему на столе хлеб и мясо еще с вечера, чтобы он взял еду с собой.

Вдруг она увидела, как Гед идет к дому через луг по той тропе, которая казалась ужасно длинной, когда она в последний раз вела по ней Огиона. Гед, пересекая полосы закатного света, раздвигая колышущиеся под ветром травы, размеренной походкой приближался к ней, упрямо замкнувшись в своем несчастье, словно в оболочке из камня.

— Ты возле дома будешь? — окликнула она его с порога. — Просто Терру уже спит, а мне хочется немного пройтись.

— Да-да, конечно, иди, — сказал он.

На ходу она горько думала, сколь равнодушны мужчины к тем заботам, что правят жизнью любой женщины: к тому, например, что кто-то непременно должен быть неподалеку, если ребенок спит, что чья-то свобода непременно оборачивается чьей-то несвободой — ведь даже при ходьбе, чтобы сохранить равновесие, приходится опираться на одну ногу, пока второй делаешь шаг вперед... Однако мрачные мысли постепенно развеялись зрелищем гаснущего яркого заката и мягким, но довольно настойчивым ветерком. Теперь она просто шла и ни о чем не думала, пока не вышла на самый край обрыва над морем. Прямо перед нею в прозрачной розовой дымке тонуло солнце.

Тенар опустилась на колени и сперва взглядом, а потом на ощупь отыскивала длинную неровную борозду в песчанике, ведущую прямо к краю утеса: след от шипастого хвоста Калессина. Она снова и снова проводила пальцами по его краю и словно плыла в потоках сумеречного света, мечтая

о чем-то. Неожиданно губы ее сами произнесли вслух какое-то слово. На этот раз оно не жгло огнем, а медленно, с шипением выползло наружу: «Калес-с-с-син...»

Она посмотрела на восток. Склоны горы Гонт, покрытые лесом, были красны от заходящего солнца. Свет понемногу меркнул. Тенар опустила глаза, а когда снова, всего через несколько мгновений, посмотрела на гору, то склоны ее казались уже серыми, неясными, а лесистые участки были совсем черны.

Она дождалась первой звезды, вспыхнувшей над светлой дымкой заката, и медленно пошла домой.

Домой? Разве это ее дом? Почему она до сих пор здесь, в доме Огиона, а не в своем собственном? Почему она ухаживает за Огионовыми козами, за его луковыми грядками, а не за собственным стадом и садом? «Подожди», — сказал он ей тогда, она и ждала; и прилетел дракон; и теперь Гед уже почти здоров... Она свое дело сделала. До сих пор все хозяйство здесь было на ней. Но теперь она больше не нужна. И пора ей уходить отсюда.

Однако она никак не могла решиться оставить Большой Утес, это Гнездо Ястреба, и снова вернуться в долину, где жизнь на ферме куда легче, где нет таких ветров. Стоило ей подумать об этом, как сердце сразу холодело и душу заполнял мрак. А как же тот сон, что видела она здесь, под окном, выходящим на запад? И был ли дракон, прилетевший тогда именно к ней, к Тенар?

Дверь, как всегда, была распахнута настежь. Свежий вечерний воздух свободно вливался в дом. Ястреб сидел, не зажигая огня, на низенькой скамеечке у спящего очага. Это было его излюбленное место. Наверное, подумала Тенар, он и в детстве всегда сидел здесь. И сама она тоже придвигала эту скамеечку поближе к огню в ту зиму, когда жила у Огиона.

Он коротко глянул на нее, однако тут же снова уставился куда-то правее открытой двери, в темный угол. Там стоял тяжелый дубовый посох Огиона с отполированным временем набалдашником. Рядом Терру пристроила свой ореховый посошок и ольховую палку Тенар, сломанные по дороге в Ре Альби.

Тенар вдруг подумала: а где же его собственный посох, подарок Огиона? И почему я не вспомнила о нем до сих пор?

В доме было совсем темно и все-таки душновато. На сердце давила странная тяжесть. Ей так хотелось, чтобы он как-нибудь остался дома и поговорил с ней обо всем, но теперь, когда он сидел в темноте у камина, она не находила нужных слов, как, наверное, и он.

— Я тут подумала, — сказала она наконец, поправляя тарелки на дубовом столе, — и решила: пора мне собираться назад, на ферму.

Он ничего не ответил. Может быть, кивнул, но она не видела — сразу повернулась к нему спиной.

Она вдруг почувствовала страшную усталость, ей хотелось спать; но он все сидел и сидел у камина, а темно было еще недостаточно, и не могла же она раздеваться прямо у него на глазах. Она даже рассердилась. И уже хотела попросить его выйти на минутку, когда он вдруг заговорил, сперва нерешительно покашляв:

— А книги? Книги Огиона? Книга Рун и еще две. Их ты заберешь с собой?

— Я?

— Ты же была его последней ученицей.

Она подошла и тоже присела у очага на трехногую табуретку Огиона.

— Я немного училась руническому письму, но почти все уже позабыла, конечно. Огион учил меня и Языку Созидания, на котором говорят драконы. Кое-какие слова я помню. Но мало. Я не пошла по его стопам, не стала волшебницей. Я просто вышла замуж, ты ведь знаешь. Разве оставил бы Огион свои мудрые Книги какой-то фермерше?

Помолчав, Гед сказал равнодушно:

— Кому же в таком случае он их оставил?

— Тебе, разумеется.

Он не ответил.

— Ты был его настоящим учеником, его гордостью, его другом. Он никогда об этом не говорил, но книги эти, конечно же, оставлены для тебя.

— Что же мне с ними делать?

Она уставилась на него в сгущающихся сумерках. На другом конце комнаты в окошке слабо светилось закатное небо. Горечь, тревога, необъяснимая ярость, звучавшие в голосе Гед, рассердили ее.

— Ты, Верховный Маг, спрашиваешь об этом меня? Зачем тебе делать из меня дуру, Гед?

Он вдруг вскочил. Голос его дрожал, словно натянутая струна.

— Но неужели ты... не видишь... что все кончено... ушло навсегда!

Тенар сидела и напряженно пыталась разглядеть во тьме его лицо.

— У меня нет больше никакой волшебной силы! Я отдал ее... истратил... всю, что была у меня. Чтобы закрыть... Так что... Так что с магией покончено, покончено.

Она попыталась возразить, но не смогла.

— Это как вылить воду из чашки, — сказал он, — выплеснуть ее в

песок. На пересохшую землю. Я вынужден был это сделать. Мне нечем теперь напиться. Впрочем, что значит одна-единственная чашка воды в бескрайней пустыне? Разве сама пустыня исчезла?.. Послушай! Так когда-то звал меня некий голос оттуда, из-за стены: иди сюда, слушай, слушай! И я пошел в эту мертвую пустыню — совсем еще молодым. И встретил там Ее, и сам стал Ею, вступил в брак с собственной Смертью. Но это она дала мне жизнь. Воду, животворную воду. Я стал фонтаном живой воды, ручьем, быстрой рекой... Но *там* все ручьи пересыхают. И все, что у меня под конец осталось, — это одна-единственная чашка воды, и я непременно должен был вылить ее в песок, на дно пересохшей реки, на скалы, окутанные мглой. И живая вода ушла. И теперь все кончено. Дело сделано.

Она достаточно много знала от Огиона и от самого Геда, чтобы сразу понять, о какой пустынной стране идет речь, и, хотя кому-то его слова могли показаться набором невнятных метафор, загадочными символами, скрывающими суть, ей было ясно, что это-то и есть правда, истина, которую он познал там. Она понимала также, что должна непременно возражать ему, опровергать все, что бы он ни сказал, даже если его слова — непреложная истина.

— Ты просто не успел еще прийти в себя, — сказала Тенар. — Возвращение от смерти к жизни — должно быть, слишком долгое путешествие. И трудное, даже если обратно прилететь на спине дракона. Чтобы вернуться окончательно, нужно время. Время, покой, молчание. Тебе нанесли тяжелую рану. Но ты поправишься.

Он продолжал молча стоять. Она подумала уже, что ей удалось немного его успокоить. Но тут он вдруг спросил:

— Как поправилась эта девочка?

Словно острое лезвие ножа вошло в ее тело, острое настолько, что она даже не успела заметить самого удара.

— Не знаю, — сказал он уже знакомым ей, тихим, каким-то иссушенным голосом, — почему ты взяла ее к себе, понимая, что она неизлечима. Понимая, какова будет ее жизнь, изменить которую уже невозможно. Наверное, та часть жизни, которую мы только что прожили, — тьма, разруха, конец всему — затронула и ее. По-моему, ты взяла девочку по той же причине, что и я сам пошел навстречу своему смертельному врагу, потому что иначе ты поступить не могла. А теперь мы должны как-то жить дальше, вступать в новые времена искалеченными в боях со злом, хотя и одержав над ним победу, — ты со своей опаленной огнем девочкой, а я с опустошенной душой.

На пределе отчаяния чаще всего говорят именно так — ровным

спокойным голосом.

Тенар обернулась и посмотрела на волшебный посох Огиона, стоявший в темном углу справа от двери: никакого света от него не исходило. Он казался абсолютно черным. В дверном проеме виднелись две звезды. Одна из них, которой она и раньше часто любовалась по вечерам, светила белым светом и была видна на небе в летние месяцы. На Атуане ее называли Техану.

Вторая звезда, сиявшая рядом с Техану, была ей неизвестна. Не знала она и того, как называют звезду Техану на Гонте, не знала и ее Истинного Имени — того, которым называют ее драконы. Она знала лишь то название, которое слышала от матери, — Техану. Техану. Тенар, Тенар...

— Гед, — сказала она, по-прежнему глядя в дверной проем, — кто тебя воспитывал в детстве?

Он подошел, встал с ней рядом и тоже стал глядеть в подернутую дымкой морскую даль, на звезды, на темную громаду горы.

— Да никто особенно не воспитывал, — ответил он. — Мать моя умерла, когда я совсем маленьким был. Были еще старшие братья, да только я их совсем не помню. А в общем, присматривали за мной отец мой, кузнец, и тетка, материна сестра. Тетка была у нас в деревне Десять Ольховин ведьмой.

Как тетушка Мох, — сказала Тенар.

— Тетка моя была тогда помоложе. И от рождения имела волшебную силу.

— Как же ее звали?

Он помолчал.

— Не могу вспомнить, — медленно проговорил он.

Потом помолчал еще немного и сказал:

— Она учила меня Истинным Именам сокола, орла, скопы, тетеревятника, перепелятника...

— А как у вас называется вон та звезда? Белая?

— Сердце Лебеда, — сказал он, глядя в небо. — А в Десяти Ольховинах ее называли еще Стрелой.

Однако он так и не назвал Подлинного Имени звезды, как не назвал и тех Имен, которым учила его тетка-ведьма, — Подлинных Имен сокола, ястреба-перепелятника, скопы...

— То, что я говорил... там, у камина... это все неверно, — мягко сказал он. — Мне вообще не следовало ничего говорить. Ты прости меня.

— Если ты вообще ничего говорить не будешь, то мне-то как быть? Останется только уйти отсюда. — Она повернулась к нему. — Почему ты

всегда думаешь только о себе? Только о себе! Выйди на минутку, пожалуйста, — совсем рассердилась она. — Я хочу раздеться и лечь.

Растерянный, бормоча какие-то извинения, он вышел на улицу; а она, раздеваясь на ходу, сразу нырнула в постель и спрятала лицо у шелковистого плеча Терру.

Понимая, какова будет ее жизнь...

Ее гнев, ее упрямое отрицание очевидного, ее нежелание согласиться со справедливыми доводами Геда — все это было результатом испытанного ею разочарования. Несмотря на то, что Ларк по крайней мере раз десять предупреждала ее, что ничего уже не поделаешь, даже и Ларк в глубине души все-таки надеялась, что Тенар сумеет вылечить эти страшные ожоги, несмотря на то, что и сама Тенар всегда говорила, что такое даже Огиону не под силу, она все-таки надеялась: Терру сможет вылечить Гед. Просто положит руку на ужасные шрамы, и все тут же пройдет, кожа станет гладкой, в слепом глазу засверкает жизнь, скрюченная, сожженная рука оживет, а искалеченная, поруганная жизнь как бы начнется с самого начала.

Понимая, какова будет ее жизнь...

Отвращение, плевки через левое плечо, ужас, смешанный с любопытством, тошнотворная жалость и откровенные угрозы, ибо, как известно, беда притягивает беду... И никогда — мужской ласки. Никогда ни один мужчина не обнимет ее. Никогда и никто, только одна Тенар. Ах, конечно же, Гед прав, девочке тогда лучше было бы умереть. Им нужно было тогда отпустить ее душу на волю и не совать нос куда не следует — и ей самой, и Ларк, и Айви, старым теткам, чья сентиментальная доброта обернулась жестокостью. Он прав, он всегда прав. Но тогда, значит, те мужчины, что «позабавились» с Терру, и та женщина, что заставляла девочку страдать и в итоге отдала мужчинам для забавы, действовали правильно, когда, избив малышку до полусмерти, бросили ее прямо в костер? Да, видно, зло не совсем еще пожрало их души. Не выдержали, оставили в ребенке искорку жизни. И, конечно же, оказались не правы. И она, Тенар, тоже всегда и во всем была не права. Ребенком ее отдали силам Тьмы: она была ими поглощена, ее заставили служить им. Неужели она рассчитывала, уплыв за моря, выучив чужой язык и став женой и матерью — всего лишь начав жить своей собственной жизнью, — стать кем-то иным? Перестать быть Их служанкой, Их пищей, Их вещью, Их забавой? Сама покалеченная жизнью, она притягивала к себе таких же увечных, они как бы становились частью ее собственного горя, ее собственной беды — плоть от плоти заключенного в ней зла.

У Терру были прелестные, теплые, сладко пахнущие волосы. Она

лежала, свернувшись клубочком в объятиях Тенар, и спала. Какое зло может принести эта девочка? Да, ее жизнь погублена и поправить уже ничего нельзя, однако душа ее не сломлена до конца. Терру еще не потеряна для жизни, нет-нет! Прижимая девочку к себе, Тенар лежала неподвижно, надеясь, что ей приснится тот светлый сон — струи прозрачного воздуха, звук имени дракона и той звезды — Сердце Лебеда, Стрела, Техану.

Частым гребнем из толстой проволоки она чесала шерсть у черной козы, вычесывая мягкий подшерсток, — собиралась прясть. Ей хотелось попросить ткача соткать ту замечательную, теплую и мягкую материю, которой издавна славится Гонт. Старую черную козу чесали уже по крайней мере тысячу раз, ей это было приятно, и она с удовольствием подставляла Тенар то один бок, то другой. Серо-черные пучки шерсти образовали уже целое облако, мягкое и грязноватое, которое Тенар в конце концов запихала в плетеную сумку; напоследок она заботливо вытащила из длинных козьих ушей несколько засевших там колючек, ласково шлепнула черную козу по шерстистому боку и отпустила. «Ба-а!» — сказала коза и трусцой побежала прочь. Тенар вышла из загона и, обойдя дом, поднялась на крыльцо, откуда можно было увидеть, играет ли еще на лугу Терру.

Тетушка Мох научила девочку плести корзинки из травы, и, несмотря на то что управляться изуродованной рукой Терру было неловко, она уже начала входить во вкус. Сейчас она сидела посреди луга, положив на колени начатую корзинку, но как бы забыла о ней: наблюдала за Ястребом.

Он стоял довольно далеко от девочки, ближе к краю утеса, к ней спиной и не замечал, что кто-то на него смотрит: сам был поглощен наблюдением за птицей, молодой пустельгой. Пустельга же, в свою очередь, была поглощена охотой. Зависнув над самой травой и хлопая крыльями, она рассчитывала вспугнуть полевую мышь. Наблюдавший за хищницей Гед был напряжен и казался голодным, как и сама птица. Потом он медленно поднял свою правую руку, примерно до уровня плеча и вроде бы что-то сказал, хотя слышно не было: ветер отнес его слова в сторону. Пустельга резко метнулась, пронзительно крикнула и взмыла в небо, а потом скрылась в лесу на склоне горы.

Гед уронил руку да так и застыл, глядя вслед улетевшей птице. Девочка и женщина тоже застыли. И только птица осталась свободной.

«Однажды он явился ко мне в обличье сокола-сапсана, — рассказывал ей как-то зимним днем у камина Огион. В тот день они как раз говорили о Великих заклетьях и о маге Борджере, который стал медведем. — Он

примчался с северо-запада и сразу сел ко мне на запястье. Я внес его в дом и посадил вот здесь, у огня. Говорить он не мог. Поскольку я узнал его, то смог и помочь ему сбросить обличье сокола и снова стать человеком. В нем ведь всегда было что-то ястребиное. У них в деревне его с малых лет прозвали Ястребком, потому что стоило ему слово произнести, как соколы и коршуны слетались к нему со всей округи. Кто мы вообще такие? Что значит быть человеком? Задолго до того, как Гед получил свое Подлинное Имя и какие-то магические знания, настоящий ястреб уже сосуществовал в нем с человеком и Великим Магом, больше того — он уже был тем, кем является теперь и кого мы даже назвать не в силах. И с каждым так».

И девушка, глядя в огонь и слушая Огиона, видела того ястреба, того человека, к которому сами подлетают вольные птицы, стоит ему произнести лишь слово, — подлетают, хлопая крыльями, садятся ему на руку, сжимая запястье человека страшными когтями... видела и себя в обличье ястреба, дикой и вольной птицы.

Таунсенд, торговец овцами, тот самый, что принес ей тогда весточку от Огиона, однажды в полдень подошел к дому старого Мага.

— Овец продавать будешь? Ведь Лорд Огион умер.

— Возможно, и буду, — спокойно ответила Тенар. Она, кстати сказать, была весьма озабочена тем, как им прожить, если они с девочкой останутся в Ре Альби. Как и все волшебники на Гонте, Огион получал все необходимое для жизни от жителей деревни, которым верой и правдой служил с помощью своего мастерства. Ему достаточно было спросить, и все с благодарностью ему доставлялось, ибо сделка с искусным волшебником всегда выгодна; впрочем, ему и просить-то никогда ничего не приходилось. Он скорее отдавал обратно все, что считал лишним из еды, одежды и всего прочего, что ему дарили или просто оставляли у порога. «Что же мне со всем этим делать?» — частенько удивлялся он, стоя над лукошком, полным глупых пищащих цыплят, или над целой грудой тканей, или над горшками с маринованной свеклой.

Ну а Тенар давно уже покинула свою ферму в Срединной Долине, даже не подумав тогда, сколь долго задержится в доме Огиона. Она не взяла с собой даже денег — пластинки из слоновой кости, оставшиеся в наследство от Флинта. Впрочем, такие деньги в деревне были практически бесполезны: с их помощью в лучшем случае можно было бы купить землю или дом или заключить сделку на партию товара с торговцем из Порты Гонт — из тех, что продают мех пеллави или шелка Лорбанери гонтийским богатым фермерам и мелким князькам. Ферма Флинта вполне могла обеспечить их с Терру всем необходимым — едой и одеждой; однако шесть коз Огиона и его огород — несколько грядок с фасолью и луком — служили скорее для удовольствия, чем для удовлетворения насущных потребностей. До последнего времени она жила благодаря старым запасам в кладовой волшебника, кое-что в память об Огione ей дарили жители деревни, да тетушка Мох проявляла постоянную заботу и щедрость. Не далее как вчера ведьма, например, заявила: «Милая, а наседка-то моя, та, что с ожерельем вокруг шейки, цыпляток вывела, так я тебе двух-трех принесу, как только окрепнут. Огион-то всегда цыпляток держал, мелюзга бестолковая, так он говорил, да только что за дом без цыпляток?»

У самой тетушки Мох куры свободно ходили по всему дому, спали

прямо на кровати и немало способствовали поддержанию той постоянной вони, которой отличалась ее избушка.

— Есть у меня одна годовалая козочка, бело-коричневая такая; отличная молочная коза будет, — сказала Тенар Таунсенду.

— Я вообще-то намеревался, ежели покупать, так всех сразу, — ответил он. — Если ты согласишься, конечно. Их ведь и всего-то штук пять или шесть, верно?

— Шесть. Они сейчас на верхнем пастбище; можешь посмотреть, если хочешь.

— Непременно посмотрю. — Однако даже шага не сделал. Впрочем, Тенар тоже никакой радости по поводу возможной сделки не выразила. — Видела, как в гавань большой корабль входил? — вдруг спросил Таунсенд.

Из дома Огиона можно было видеть только скалы на северо-западном берегу залива и Сторожевые Утесы; зато из самой деревни Ре Альби хорошо была видна и извилистая крутая дорога в порт, и вся гавань с доками и причалами. Наблюдать за происходящим в гавани было основным развлечением деревенских жителей. На просторной скамье за кузней всегда сидело несколько стариков — отсюда гавань была видна лучше всего; зачастую старики эти ни разу в жизни не спускались в сам Порт Гонт, однако наблюдали за причаливающими и отплывающими судами с огромным интересом — словно представление смотрели, пусть довольно странное и давно знакомое, но как бы специально предназначенное для того, чтобы развлечь их.

— Сын кузнеца говорил: из Хавнора корабль-то. Он вчера в порт ходил, насчет слитков рядился. А к ночи вернулся и рассказал, что тот большой корабль приплыл из самой столицы Земноморья, — продолжал между тем Таунсенд.

Он, вполне вероятно, заговорил об этом, только чтобы отвлечь ее от мыслей о том, сколько можно запросить за коз Огиона. Хитроватые глаза его так и бегали — Впрочем, может быть, так уж они у него были устроены. Однако столица Земноморья крайне мало торговала с Гонтом, островом бедным и далеким, известным лишь благодаря своим волшебникам, пиратам да козьей шерсти. И что-то еще в словах Таунсенда насчет «большого корабля» встревожило Тенар. Она и сама не знала, что именно.

— Парень тот говорит, будто, по слухам, в Хавноре теперь есть настоящий король, — сказал торговец, искоса на нее взглянув.

— Вот это было бы очень хорошо! — откликнулась она.

Таунсенд согласно кивнул:

— Теперь-то уж каргадские налетчики будут подальше держаться.

Тенар, хоть и была родом с Каргадских островов, охотно покивала.

— Но только в порту кое-кто будет не больно-то доволен. — Таунсенд имел в виду гонтийских пиратов, чьи суда держали в страхе почти все северо-восточные моря, из-за чего в последнее время многие старинные торговые связи Гонта с центральными островами Архипелага оказались либо прерваны, либо сильно ослаблены. От этого не было выгоды никому, кроме самих пиратов, тем не менее в глазах большей части гонтийцев они выглядели настоящими героями. Кроме того, и собственный сын Тенар тоже стал матросом пиратского корабля. Что было, пожалуй, даже безопаснее, чем служба на обычном торговом судне. Ведь недаром говорится, что лучше быть акулой, чем селедкой.

— Ну, недовольные-то всегда найдутся, — ответила Тенар, привычно следуя правилам беседы, однако уже начиная терять терпение, и заявила, вставая: — Ладно, покажу тебе коз. Сам гляди. Не знаю, правда, станем ли мы кого из них продавать. — Она проводила торговца к загону на верхнем пастбище и ушла. Таунсенд был ей неприятен. Не его вина, конечно, что однажды именно он принес ей плохие вести — впрочем, кажется, уже и не однажды. А все-таки глаза у него удивительно противно бегают! Не продаст она ему Огионовых коз! Даже вредную Сиппи не продаст.

Так ни о чем с ней и не договорившись, Таунсенд наконец ушел, и она вдруг ощутила смутную тревогу. Она ведь сказала: «Не знаю, станем ли мы кого из них продавать», что было весьма глупо. Она сказала «мы», а не «я», хотя Таунсенд даже не спрашивал разрешения поговорить с Ястребом, даже не вспомнил о нем, хотя торговец, заключающий сделку с женщиной, прямо-таки обязан обратиться к кому-либо из живущих в доме мужчин, особенно если женщина ему отказывает. Она не знала, как в деревне сейчас относятся к Ястребу, к его внезапным появлениям и исчезновениям. Огион, замкнутый и молчаливый, внушавший им уважение и даже в какой-то степени страх, долгое время был здесь единственным магом. Жители Ре Альби, возможно, даже гордились Ястребом — точнее, его званием Верховного Мага Земноморья. Они знали, что он когда-то недолго прожил здесь, а потом уплыл в чужие края и совершил немало всяких чудес. Например, обманул дракона, будучи волшебником на Девяноста Островах; привез обратно в Хавнор Кольцо Эррет-Акбе и так далее. Однако его самого, человека и волшебника, они не знали, да и он их не знал. Он так ни разу и не сходил в деревню с тех пор, как снова объявился здесь, — его манили леса, дикие горы. Раньше она как-то об этом не задумывалась,

однако было совершенно очевидно, что Гед сторонится деревни, как и маленькая Терру.

Должно быть, сплетни о нем ходили. Ре Альби — самая обыкновенная деревня, и люди в ней, конечно, болтают всякое. Однако особенно болтать о волшебниках и магах как-то не принято. Слишком это серьезный предмет, да и кто ведает, каковы жизненные пути могущественных чародеев? У них ведь жизнь совсем иная, чем у простых смертных. «Да пусть его, — однажды услышала Тенар обрывок разговора крестьян из Срединной Долины не то насчет заезжего волшебника, не то насчет заклинателя погоды, не то по поводу действий их собственного колдуна Бука. — Не твое это дело. Вот и оставь его в покое. Они ведь живут по-своему, не так, как мы».

Что же касается того, что она по-прежнему живет здесь и ухаживает за могущественным волшебником, как нянька, то и это для них не являлось предметом обсуждения. «Да пусть ее», — снова сказали бы они. Она и сама-то не слишком часто появлялась в деревне; там по отношению к ней не выказывали ни особого дружелюбия, ни особой неприязни. Когда-то она даже жила в Ре Альби в домике старого ткача Фана; к тому же она считалась приемной дочерью Огиона, который перед смертью послал именно за ней торговца Таунсенда; так что в деревне к ней относились вполне нормально. Но когда она явилась сюда с девчонкой, на которую и смотреть-то было страшно, все сразу перестали появляться рядом с домом Огиона даже днем и даже ненароком. Да и то: разве ж с обычной женщиной такое может случиться? Сперва у одного волшебника учится, потом другого на ноги поднимает... Нет, тут уж точно без колдовства не обошлось! Да она еще и чужестранка к тому же. С другой стороны, Гоха считалась женой богатого фермера из Срединной Долины, хотя теперь-то фермер умер, а она стала вдовой. Да разве ж поймешь их, ведьм этих? Пусть ее живет, лучше таких не трогать...

Она столкнулась с бывшим Верховным Магом Земноморья у садовой ограды и сообщила ему:

— Говорят, в порт прибыл корабль из Хавнора.

Он застыл как вкопанный. Дернулся было, но тут же взял себя в руки и попытался скрыть, что первым его желанием было немедленно убежать, скрыться, спрятаться, зарыться в траву — как мышь от коршуна.

— Гед, — спросила она, — в чем дело? Я ничего не понимаю.

— Я не могу... — проговорил он. — Не могу встречаться с ними.

— С кем?

— С людьми, которых прислал он. Король.

Смуглое лицо его приобрело пепельный оттенок, как в тот день, когда дракон Калессин принес его сюда; он все время затравленно озирался, словно искал убежища.

Его ужас был настолько неподдельным и сам он казался таким беззащитным, что она не могла поступить иначе: нужно было пощадить его.

— Тебе и не нужно с ними встречаться. А если кто-нибудь сюда и заглянет, так я сразу прогоню. Пойдем-ка лучше в дом. У тебя ведь целый день крошки во рту не было.

— Сюда приходил кто-то? — спросил он.

— Это Таунсенд. Все к козам нашим приценивается. Ну уж от него-то я отделалась! Не стой, пойдем скорее!

Он поспешно пошел за ней следом, и она сразу заперла дверь изнутри.

— Не беспокойся, Гед, не могут они тебе ничего плохого сделать.

Он уселся за стол и тупо покачал головой:

— Им это не нужно, нет.

— А им известно, что ты здесь?

— Не знаю.

— Чего ж ты тогда боишься? — Она спрашивала спокойно и твердо, не проявляя ни малейшего нетерпения.

Он закрыл лицо руками, потом, глядя в пол, потер виски и лоб, словно вспоминая о чем-то.

— Я был... — начал он, — я не...

И умолк.

Она сама прекратила этот мучительный разговор:

— Ну ладно, неважно, хорошо, хорошо.

Она не решалась даже прикоснуться к нему, боясь, что испортит все, унизив его своей жалостью. И из-за этого сердилась на него и на всех тех, кто нанес ему такую тяжкую душевную рану.

— Никого не касается, — сердито говорила Тенар, — где ты теперь живешь и как, что ты намерен делать и чего не намерен! Если вздумают совать нос в чужие дела, то очень даже легко с носом и останутся! — Жаворонок частенько так говорила. Тенар внезапно охватило страстное желание увидеть ее, такую простую и благоразумную. — Да и вообще корабль этот, очень даже вероятно, не имеет к тебе никакого отношения. Может, они просто за пиратами охотятся — тут их не счесть. Тоже бы неплохо, коли у короля руки до этого наконец дошли... Слушай, я у Огиона в кладовой две бутылки вина отыскала — интересно, сколько времени он их там прятал? По-моему, нам обоим не повредило бы сейчас выпить по

стаканчику. А вот и хлеб с сыром. Девочку-то я уже покормила, они с этой пастушкой, Вереск, пошли лягушек ловить. Так что на ужин, вполне возможно, будут лягушачьи окорочка. А пока что перекуси тем, что есть. И вина выпьем. Интересно, откуда оно, кто его Огиону привез и сколько лет назад?

Тенар, не умолкая, несла типично женскую чушь, не давая Геду времени на ответы, не позволяя ни на секунду задуматься, пока он не взял наконец себя в руки и не начал есть, запивая еду старым, не слишком крепким красным вином.

— Мне, наверное, все-таки лучше уйти отсюда, Тенар, — сказал он. — Мне нужно время, чтобы научиться быть таким, каким я теперь стал.

— Уйти? Но куда?

— Выше, в горы.

— Станешь бродить... как Огион? — Она посмотрела на него и вспомнила, как когда-то шла с ним рядом по дорогам Атуана и насмеялась: «А что, волшебники часто милостыню просят?» И он тогда ответил: «Да, но стараются дать что-нибудь взамен». Помолчав, она осторожно спросила: — А ты не мог бы какое-то время просто погоду заклинать или потерянные вещи отыскивать? — И снова до краев наполнила его стакан вином.

Он только головой покачал в ответ. Выпил вино и молча уставился неведомо куда.

— Нет, — промолвил он. — Ничего из этого я не могу. Ничего.

Она не поверила. Ей хотелось возмущенно крикнуть ему в лицо: «Да как это может быть? Как ты можешь такое говорить? Что ж ты, забыл все, что знал, все, чему выучился у Огиона и на острове Рок, все, что постиг за время своих скитаний? Не мог же ты забыть все те имена, то мастерство, которым владел. Ты столько всего знал! Ты столько мог! Ты был таким сильным!» Однако она сдержала себя и ничего этого не сказала, только прошептала:

— Не понимаю. Как это может быть?..

— Из чашки всего лишь вылили воду, — сказал он, слегка наклоняя стакан с вином, словно намереваясь показать ей, как это делается. Потом, немного помолчав, снова заговорил: — Чего я не понимаю, так это зачем он вынес меня оттуда. Доброта молодых подчас оборачивается жестокостью... Ну вот, теперь я здесь и вынужден с этим мириться — пока не смогу вернуться назад.

Она не очень хорошо понимала, о чем он. Однако отчетливо расслышала в его словах не то обвинение, не то жалобу, и это — в нем! —

особенно поразило и рассердило ее. Она сухо сказала:

— Сюда тебя принес Калессин!

При закрытых дверях в домике было почти совсем темно, лишь единственное маленькое, выходящее на запад окошко пропускало немного закатного света. Она не смогла разобрать, что выражало его лицо. Вдруг он поднял свой стакан, чокнулся с ней со странным подобием улыбки на губах и осушил стакан до дна.

— Это прекрасное вино, — сказал он. — Должно быть, Огиону его привез какой-то богатый купец или знаменитый пират. Никогда такого пить не доводилось. Даже в Хавноре. — Он все вертел в руках небольшой стакан, рассматривая его. — Я назовусь как-нибудь иначе и уйду на другую сторону горы, куда-нибудь в Армут, в Восточные Леса, откуда я родом. Там сейчас как раз сенокос начнется. Так что пока работа будет.

Она не знала, что ему ответить. Хрупкий, нездоровый на вид, такую работу он сможет получить только из жалости или, напротив, у человека равнодушного и жестокого; а если и получит, то вряд ли с ней справится.

— Дороги теперь не те, что раньше, — сказала она. — За последние годы столько воров и бандитов развелось! Да и иноземные налетчики, как их Таунсенд называет, попадаютсЯ. В общем, ходить в одиночку опасно.

В полутьме она пристально всматривалась в его лицо, пытаясь понять, каково это — никогда в жизни никого не бояться и вдруг научиться страху.

— Огион же ходил... — начал было Гед и осекся: вспомнил, что Огион был Магом.

— В долинах, на юге, — сказала Тенар, — всегда полно работы. Пасти коз, овец, коров. Скот перегоняют на верхние пастбища незадолго до праздника Долгого Танца и пасут там до осенних дождей. В тех местах всегда пастухи нужны. — Она отпила большой глоток из своего стакана и словно снова произнесла имя дракона — так обожгло ей рот вино. — А почему бы тебе не остаться?

— В доме Огиона? Так сюда они в первую очередь заявятся.

— Ну и что? Даже если заявятся? Что им от тебя может быть нужно?

— Чтобы я снова стал тем, кем был раньше.

Ей стало холодно — так безнадежно звучал его голос.

Она молчала, пытаясь вспомнить, каково это — быть всесильной Единственной Жрицей Гробниц Атуана, поглощенной силами Тьмы, а потом вдруг сразу все это потерять; самой отбросить власть и могущество, стать самой собой, стать просто Тенар, просто женщиной, занять мужа, детей и снова в один миг все потерять, превратиться в старуху, безмужнюю, бессильную... Но, даже вспомнив все это, она не была уверена, что

понимает, насколько ему сейчас стыдно, тяжело, сколь сильна агония его теперешней униженности. Возможно, подобные переживания свойственны только мужчинам. Женщины, в общем-то, привыкли к унижениям.

А может быть, права тетушка Мох? Когда ядрышко ореха съедено, остается лишь пустая скорлупка.

Так я и сама на ведьму стану похожа, подумала Тенар. И чтобы перестать думать об этом и Геда тоже заставить думать о чем-нибудь ином, а еще потому, что вкусное, но все-таки довольно крепкое вино развязало ей язык, она снова заговорила:

— А я знаешь, о чем подумала... вспомнила, как Огион учил меня, а я все не хотела учиться дальше, а потом взяла и ушла, нашла себе подходящего фермера, вышла замуж — так вот, я тогда все время думала, даже в день свадьбы, что Гед, конечно же, очень рассердится, когда услышит об этом! — Она засмеялась.

— Я и рассердился, — сказал он.

Она промолчала.

— Я был разочарован, — пояснил он.

— Рассержен, — сказала она уверенно.

— Рассержен, — согласился он.

И снова наполнил ее стакан до краев.

— Тогда я и сам обладал могуществом и способен был различить его в других, — сказал Гед. — А ты... ты вся светила там, под землей, в этом ужасном Лабиринте, во тьме крошечной...

— Ну хорошо, тогда скажи: что мне было делать со своим могуществом, со всеми магическими знаниями, которые пытался вбить в мою голову Огион?

— Использовать их.

— Как?

— Как используется Великое Искусство Магии.

— Кем?

— Волшебниками, — ответил он с затаенной болью.

— Магия, значит, и есть всего лишь умение, мастерство магов?

— Что же еще?

— А разве это все?

Он задумался, изредка поглядывая на нее.

— Когда Огион учил меня, — сказала она, — вот здесь, у очага, словам Истинной Речи, я так же легко и твердо выговаривала их, как и он сам. Как если бы я вспомнила язык, который знала с рождения. Зато вся остальная мудрость — старинные руны, великие заклятия и правила —

казалась мне мертвой. Все это было мне совершенно чуждо. Я часто думала: все это похоже на то, как если бы меня одели в военные доспехи, дали меч и копье, шлем с перьями и все такое... насколько нелепо я бы во всем этом выглядела, разве не так? Ну зачем мне, например, меч? Что героического я могла бы совершить с его помощью? Я в этих доспехах даже и ходить-то нормально не могла бы — все равно осталась бы женщиной, осталась бы самой собой.

Она отпила немного вина.

— Так что я все эти волшебные доспехи с себя сбросила, — сказала она, — и надела привычную мне одежду.

— А что сказал Огион, когда ты собралась уходить?

— А что он мог сказать?

На его губах появилось подобие улыбки, но он промолчал.

Она утвердительно кивнула. И через некоторое время продолжала более спокойно:

— Я стала его ученицей только потому, что меня привез сюда ты. После тебя он больше учеников не брал и уж никогда не взял бы в ученицы девушку. Это ты упросил его. Зато он меня любил. И уважал. И я его тоже очень любила и уважала. Но он не сумел дать мне то, что мне было необходимо, а я не умела взять у него то, что он должен был мне дать. Он понимал это. Ах, Гед, он ведь совсем иными глазами смотрел на Терру. Он увидел ее всего за день до смерти. Вы с тетушкой Мох говорите, что могущественные волшебники сразу узнают друг друга. Не знаю, что Огион увидел в Терру, но мне он сказал: «Научи ее всему!» А еще он сказал... — Она вдруг умолкла. Гед терпеливо ждал.

— Он сказал: «Ее будут бояться». И повторил: «Научи ее всему! Не на Роке». Не знаю, что он имел в виду. Да и откуда мне знать? Если бы я тогда осталась с ним, то, возможно, и узнала бы, возможно, смогла бы чему-то научить девочку. Я считала, что, когда придет Гед, уж он-то, конечно, будет знать, чему ее учить, что ей необходимо знать, моей искалеченной малышке.

— Я этого не знаю, — проговорил Гед очень тихо. — Я увидел... В этом ребенке я увидел только одно! Ей причинили страшное зло. Зло.

Он залпом допил вино.

— Мне нечего ей дать. — И он умолк.

В дверь слегка постучали. Гед вскочил с уже знакомым Тенар выражением лица: искал, где бы спрятаться.

Она пошла к двери и не успела еще толком отворить ее, как тут же почуяла знакомый запах тетушки Мох.

— Гости в деревне, — выразительно тараща глаза, зашептала старуха. — Похоже, добрые люди. Они, по слухам, с того большого корабля, что приплыл из Хавнора. Говорят, что ищут Верховного Мага.

— Он не хочет никого видеть, — слабым голосом сказала Тенар. Она понятия не имела, что теперь делать.

— Да уж, пожалуй, не хочет, — сказала ведьма. Помолчала немного, словно ждала чего-то, и спросила: — Где ж он сам-то?

— Здесь, — ответил Ястреб, подходя к двери и пошире открывая ее. Тетушка Мох только глянула на него и ничего не сказала. — А они знают, где я? — спросил он.

— Коли и знают, то не от меня, — ответила ведьма.

— Если они заявятся сюда, — сказала Тенар, — ты, в конце концов, всегда можешь отослать их прочь — как Верховный Маг!..

Ни Гед, ни тетушка Мох не обратили на ее слова никакого внимания.

— В мой-то дом они и заглядывать не станут, — сказала ведьма. — Если хочешь, пошли со мной.

Он, не раздумывая, пошел за ведьмой, мельком взглянув на Тенар, но не сказав ей ни слова.

— А мне-то как отвечать им? — спросила она растерянно.

— А никак, милая, — ответила ведьма.

Вереск и Терру вернулись с охоты на болоте с добычей — в веревочной сетке было целых семь крупных лягушек, и Тенар занялась приготовлением лягушачьих окорочков на ужин охотницам. Она уже почти закончила сдирать шкурки, когда снаружи послышались голоса, и, глянув в открытую дверь, она увидела, что на пороге стоят незнакомые мужчины в шляпах, в отделанных золотым шитьем костюмах...

— Госпожа Гоха? — послышался чей-то вежливый вопрос.

— Входите, — пригласила она.

Они вошли. Их было пятеро, но казалось — вдвое больше: в комнатке с низким потолком все они выглядели огромными и высокими. Гости изумленно озирались, и Тенар наконец догадалась, что именно их здесь так поразило.

У кухонного стола стояла женщина с длинным и острым ножом в руках, а перед ней, на разделочной доске, лежали зеленовато-белые лягушачьи лапки и рядом кучка окровавленных останков. В темном углу за дверью прятался ребенок, чудовищно изуродованный, как бы лишенный половины лица и с какой-то клешней вместо руки, похожей на коготь. В алькове под единственным окошком сидела на кровати высокая костистая

девица, тупо уставившаяся на вошедших с разинутым ртом. Руки ее были все в грязи и крови, а мокрая юбка явственно пахла болотом. Когда девица заметила, что гости смотрят на нее, то попыталась прикрыть лицо юбкой, совершенно неприлично ее задрав.

Мужчины сразу отвернулись; теперь им оставалось только смотреть на женщину у стола, заваленногодохлыми изрезанными лягушками.

— Госпожа Гоха? — повторил свой вопрос один из них.

— Да, так меня зовут, — сказала она.

— Мы прибыли из Хавнора, нас послал король, — вежливо пояснил тот же человек. Ей плохо было видно его лицо, ибо стоял он в тени и спиной к двери. — Мы ищем нашего Верховного Мага, Ястреба с Гонта. В день осеннего Солнцеворота состоится коронация короля Лебаннена, и он очень хотел бы, чтобы Верховный Маг, его друг и учитель, помог ему подготовиться к этой церемонии и сам короновал бы его, если пожелает.

Гость говорил ровным спокойным голосом, обращаясь к Тенар словно к придворной даме. Одет он был скромно: кожаные штаны, льняная рубашка, запылившаяся за время пути из Порта Гонт, однако из очень тонкого, дорогого полотна и у ворота вышитая золотыми нитками.

— Его здесь нет, — ответила Тенар.

Парочка деревенских мальчишек сунула было носы в раскрытую дверь, тут же исчезла, снова появилась и снова исчезла. Их крики замерли в отдалении.

— А не могли бы вы сказать нам, где он, госпожа Гоха? — вежливо спросил мужчина.

— Не могу.

Она рассматривала их по очереди. Страх, который она испытала вначале и бывший результатом панического ужаса самого Ястреба или скорее просто глупой растерянностью при виде чужеземцев, постепенно уступал место уверенности. Она спокойно стояла у кухонного стола в доме Огиона и теперь прекрасно понимала, почему Огион никогда не боялся высокопоставленных людей.

— Вы, должно быть, устали после долгой дороги, — сказала она. — Не хотите ли присесть? Вино на столе. Сейчас, я только вымою и подам стаканы.

Она сдвинула разделочную доску на самый край, отнесла лягушачьи окорочка в кладовую, смела все отходы в мусорное ведро, чтобы Вереск потом отнесла их свиньям ткача Фана, тщательно вымыла руки до локтей и кухонный нож, потом налила в миску чистой воды и вымыла два стакана, из которых они с Ястребом только что пили. В шкафу был еще один чистый

стакан, а на кухне — две глиняные чашки с отбитыми ручками. Все это она поставила на стол и налила гостям вина: оставшегося в бутылке как раз хватило всем. Мужчины переглянулись и садиться не стали. Извинением этому в какой-то степени служило отсутствие нужного количества стульев. Однако правила приличия требовали принять угощение хозяйки дома. Каждый из гостей принял стакан или чашку из ее рук, каждый что-то пробормотал в знак благодарности. Они дружно выпили в ее честь.

— Вот это да! — вырвалось у одного.

— Андрады. Урожай прошлого года, — сказал другой, вытаращив от изумления глаза.

Третий покачал головой и торжественно определил:

— Точно, Андрады. Но только Год Дракона.

Четвертый молча кивнул, соглашаясь с этим, и с почтением пригубил драгоценный напиток.

Пятый же, тот, что первым заговорил с Тенар, поднял глиняную чашку, поклонился хозяйке дома и промолвил:

— Это большая честь, госпожа, пить настоящее королевское вино.

— Это вино Огиона, — сказала она. — И дом тоже Огиона. Теперь, правда, он стал домом Айхала. Вы знали об этом?

— Знали, госпожа. Король послал нас на Гонт, будучи уверенным, что Верховный Маг непременно придет именно в этот дом; когда же известие о смерти хозяина этого дома достигло островов Рок и Хавнор, уверенность короля еще более укрепилась. После того как Верховный Маг покинул остров Рок верхом на драконе, ни единой весточки не получили от него ни в Школе Волшебников, ни в королевском дворце. А король прямо-таки мечтает узнать — да и все мы тоже, — где же Верховный Маг, здоров ли он. Так его здесь не было, госпожа?

— Не могу сказать, — ответила она, тщетно пытаясь увернуться от прямого ответа; она заметила, что и гости это понимают, встала и обошла стол с другой стороны. — То есть я вам этого не скажу. По-моему, если Верховному Магу захочется повидать вас, он это сделает. Если же ему захочется, напротив, укрыться от всех, вы его никогда не найдете. Вы ведь, разумеется, не станете противиться его воле?

Самый старший и самый высокий из гостей сказал:

— Для нас закон — воля короля.

А тот, что заговорил с нею первым, примирительно пояснил:

— Мы ведь только посланники. А тайные дела короля и Верховного Мага ведомы только им одним. Нам бы лишь передать ему послание короля да ответ получить.

— Я постараюсь позаботиться о том, чтобы он получил послание короля.

— А как быть с ответом? — спросил самый старший.

Она промолчала, а тот, что заговорил с нею первым, сказал:

— Мы еще несколько дней погостим в доме Лорда Ре Альби, который, услышав о прибытии нашего корабля, великодушно пригласил нас к себе.

Она вдруг почувствовала, что вот-вот попадет в ловушку, что петля вот-вот затянется вокруг ее шеи. Хотя и не понимала, откуда это ощущение возникло. Уязвимость и слабость Ястреба и то, что он это признавал, действовали, видимо, и на нее. Растерявшись, она решила притвориться деревенской простушкой, кумушкой средних лет — да только разве она притворялась? Ведь так оно и было на самом деле; в данном случае отличить притворство от действительности было бы куда труднее, чем во время волшебных превращений и фокусов.

— Да, это вам больше подходит, господа мои. Вы ведь видите: мы здесь живем очень просто, так и старый маг жил.

— И пьете андрадское вино, — прибавил тот, что определил год изготовления вина, привлекательный мужчина с ясными глазами и победоносной улыбкой. Она, продолжая играть свою роль, снова склонила голову набок, словно не понимая. Но когда они уже один за другим вышли за дверь, поняла, что даже если они пока и не догадались, кем она притворяется и кем является на самом деле, — не догадались, что она та самая Тенар с Кольцом, — то все равно достаточно быстро узнают об этом, а стало быть, и о том, что она близко знает Верховного Мага и может стать проводником к его убежищу.

Когда дверь за ними закрылась, она глубоко вздохнула, переводя дух. Вереск последовала ее примеру и закрыла наконец свой рот, который оставался разинутым все время, пока гости были в доме.

— Я — никогда! — сказала Вереск с глубоким и полным удовлетворением и пошла посмотреть, как там козы.

Из темного уголка за дверью выбралась Терру; она забаррикадировалась там от чужих посохом Огиона, дорожной палкой Тенар и своим собственным маленьким ореховым посошком. В ней вдруг снова появилась какая-то неловкость, опасливость, хотя манеру эту она давно оставила — с тех пор как они стали жить тут; сейчас она даже головы не подняла, а изуродованную половину лица все старалась поплотнее прижать к плечу.

Тенар подошла, опустилась перед девочкой на колени и обхватила ее обеими руками.

— Терру, — сказала она, — не бойся, они не причинят тебе вреда. Они не собираются никому вредить.

Девочка на нее смотреть не желала. Совершенно застыла, и Тенар словно деревянную колоду обнимала.

— Ты только скажи, я ведь могу их больше и в дом не пускать!

Наконец девочка шевельнулась и спросила своим низким сиплым голосом:

— А что они теперь сделают с Ястребом?

— Ничего, — ответила Тенар. — Они не причинят ему зла! Они прибыли... они хотели оказать ему честь.

Но она уже начинала понимать, что такая попытка оказать ему честь могла бы натворить — они ведь не ведали о его утрате, о его тоске, о том, чего он лишился, и в неведении своем заставляли бы его играть роль в том спектакле, к которому он больше не имел никакого отношения.

Когда Тенар отпустила девочку, та подошла к шкафу и достала оттуда Огионову метелку. Затем тщательно вымела пол — особенно там, где стояли эти люди из Хавнора; вымела прочь все их следы, всю пыль с их ног вымела и выбросила за порог!

Наблюдая за ней, Тенар приняла решение.

Она подошла к полке, где стояли три Великие Книги, и, порывшись там, отыскала несколько гусиных перьев и полувысохшие чернила, однако не нашла ни клочка бумаги или пергамента. Она закусила губу: очень не хотелось портить столь священную вещь, как Книга Огиона; нахмурившись, она оторвала тонкую полоску бумаги от последней пустой страницы в Книге Рун. Потом уселась за стол, обмакнула перо и стала писать. Однако с засохшими чернилами, как и со словами, сладить было нелегко. С тех пор как четверть века назад она сидела за этим столом и писала, а Огион, заглядывая ей через плечо, обучал ее ардическим и Старшим Рунам, ей, пожалуй что, и не доводилось больше хоть что-нибудь писать. И все-таки Тенар удалось нацарапать следующее:

Ступай на Дубовую Ферму в Средин. Дол. к Чистому Ручью
скажи Гоха послала смотреть за садом и овцами.

Ей понадобилось не меньше времени, чтобы перечесть написанное. Терру, закончив уборку, внимательно наблюдала за ней. Подумав, Тенар прибавила еще два слова: сегодня ночью.

— А где Вереск? — спросила она у девочки, сложив листок пополам и еще раз пополам. — Мне нужно, чтобы она отнесла это в дом тетушки

Мох.

Ей очень хотелось пойти самой и повидать Ястреба, но она не осмеливалась: боялась, что ее заметят эти люди, особенно если они следят за ней в надежде, что она приведет их к Геду.

— Я схожу, — прошептала Терру.

Тенар остро глянула на нее:

— Тебе придется пойти одной, Терру. Через всю деревню.

Девочка кивнула.

— Отдай письмо только самому Ястребу!

Девочка снова кивнула.

Тенар засунула записку поглубже в карман ее фартучка, обняла, поцеловала и отпустила. Терру убежала и двигалась не горбясь и не кособочась, а совершенно свободно, словно летела. Летела как птица, как дракон — невинное дитя, — летела совершенно свободная, и Тенар смотрела ей вслед, пока девочка не растворилась в вечерних сумерках за распахнутой настежь дверью.

Вскоре Терру возвратилась и принесла ответ от Геда: он сказал, что сегодня же вечером уйдет.

Тенар удовлетворенно выслушала девочку; ей было приятно, что он согласился с ее планом и решил держаться подальше от королевских гонцов, вызывающих у него такой ужас. Она возилась весь вечер: накормила Терру и Вереск, устроив им настоящее пиршество из жареных лягушачьих окорочков, уложила Терру спать, спела ей на ночь и только тогда села в одиночестве у очага, не зажигая лампы. Сердце ей сжимала тоска. Он ушел. Он больше не был сильным; он растерялся, утратил уверенность в себе; ему нужны были друзья, но она отослала его прочь от тех, кто действительно был и кто хотел бы стать ему другом. Он ушел, а она должна остаться здесь, должна сбить гончих со следа; по крайней мере убедиться в том, остались ли королевские посланники на Гонте или уплыли обратно в Хавнор.

Его панический страх и то, что она сама подпала под воздействие этого страха, теперь казались ей совершенно неразумными; она даже подумала, что достаточно неразумно, даже нелепо, если он на самом деле уйдет. Мог бы пошевелить мозгами и просто спрятаться пока в домике тетушки Мох — уж туда-то король в поисках Верховного Мага заглянет в последнюю очередь. Хорошо бы он пересидел там, пока присланные королем люди не покинут остров. А потом смог бы просто вернуться сюда, в дом Огиона, в свое родное гнездо. И все бы пошло как прежде: она бы заботилась о нем, пока он не восстановит свои силы, а он просто был бы с ней рядом.

Звезды, которые были видны в открытую дверь, вдруг заслонила чья-то тень.

— Ш-ш-ш! Спит! — И вошла тетушка Мох. — Ну что ж, ушел он, — сказала она тоном торжествующего заговорщика. — Пошел по старой лесной дороге. Говорит, так он срежет большой угол и к завтрашнему утру пройдет мимо Дубовых Источников.

— Хорошо, — сказала Тенар.

Ведя себя несколько более вольно, чем обычно, тетушка Мох уселась с ней рядом без приглашения.

— Я дала ему в дорогу каравай хлеба да немного сыра.

— Спасибо тебе, тетушка Мох. Ты очень добра.

— Госпожа Гоха, — голос тетушки Мох в темноте звучал так, словно она произносила свои заклятия, — я все хотела сказать тебе одну вещь, милая, да боялась совать свой нос в такие дела, что мне знать не положено; я-то ведь знаю, что ты жила среди великих людей да и сама была одной из великих, это-то и заставило меня прикусить язык, когда мне всякие мысли в голову приходиться стали. А все ж таки есть кое-какие вещи, что мне ведомы, а у тебя и возможности узнать их не было, хоть ты и выучилась руны писать, познала Язык Древних и многое другое здесь и там, в далеких странах.

— Да, это верно, тетушка Мох.

— Ну что ж, вот и хорошо. Помнишь, мы с тобой как-то говорили, как одна ведьма может узнать другую, и о том, как один могущественный волшебник узнает другого, и я еще сказала о нем — о том, кто отсюда ушел теперь, — что теперь он больше никакой не маг, кем бы он ни был раньше, а ты все-таки отрицала это... Помнишь? Но я ведь была тогда права, разве не так?

— Да. Так.

— Ну да. Права я была.

— Он и сам то же самое говорил.

— Ну конечно, говорил. Он-то врать не станет да и выдумывать, что это, дескать, не так, а то не этак, пока совсем не запутаешься, вот что я тебе о нем скажу. К тому же он не из тех, что пробуют ехать в телеге без быка. А и правда, я рада, что он ушел! Так бы оно долго не продержалось — коли уж такое с ним случилось, переменилось все в нем и все такое прочее...

Тенар совершенно ее не понимала; понятным было разве что сравнение с попыткой ехать на незапряженной телеге.

— Я не понимаю, почему он так боится, — сказала она. — Нет, отчасти, конечно, понимаю, но до конца понять не могу, откуда у него этот стыд. Я знаю: он считает, что лучше бы ему было умереть. Но знаю и то — так я понимаю жизнь вообще, — что жизнь заключается в том, чтобы делать свое дело, и делать его как следует. Тогда получишь и удовольствие, и славу, и все остальное. А если ты этого не можешь или если у тебя твое дело отняли, тогда все теряет смысл. Непременно нужно, чтобы что-то было...

Тетушка Мох слушала и кивала, словно Тенар изрекала чрезвычайно мудрые слова, а потом, немного помолчав, сказала:

— Очень неприятно старому человеку чувствовать себя пятнадцатилетним мальчишкой, это уж точно!

У Тенар чуть не вырвалось: «О чем это ты говоришь, тетушка Мох?», но что-то помешало ей. Она поняла вдруг, что все время ждала, когда Гед наконец вернется из своих скитаний по горам и войдет в их дом; что все это время она хотела услышать его голос, что все ее тело не желало мириться с его отсутствием. Она вдруг глянула на ведьму через плечо: та бесформенной черной грудой тряпья примостилась на стульчике Огиона у незажженного очага.

— Ах! — сказала она в ответ тем бесчисленным мыслям, что вдруг сразу пришли ей на ум. — *Так вот почему, вот почему* я никогда... — Она надолго умолкла, потом наконец спросила: — А разве они... разве волшебники... это что же, заклятие?

— Конечно, конечно, милая, — сказала тетушка Мох. — Они зачаровывают сами себя. Некоторые называют это *обменом* — вроде как брачный договор наоборот, скрепленный клятвами и все такое прочее. Говорят, что благодаря такому *обмену* получили свое могущество. Но мне что-то не больно верится: все равно как мне, простой ведьме, рассказывать, что мне Древние Силы помогают... Да и старый Маг — он тоже говорил мне, что ничем таким волшебники не занимаются. Хоть я и знавала кой-кого из ведьм, что и не такое делали, и особого вреда это им не принесло.

— Те, кто воспитали меня, делали это, пообещав вечно оставаться девственницами.

— О, да-да, никаких мужчин, ты мне говорила, да и те, что есть, какие-то *юрники*. Ужасно!

— Но почему, почему... почему я никогда даже не думала...

Ведьма громко рассмеялась.

— Потому что именно в этом-то и заключено их могущество, милая. Ты не думаешь! Не можешь! И они не могут ничего, кроме как воспользоваться своим заклятием. А как же иначе? Силу-то свою они отдали! Вот и не получается, нет, не получается. Так-то оно, точно! Ты просто ничего не получишь, если не отдашь столько же. В этом-то все и дело. Так что они это понимают, ведьмы, и колдуны, и могущественные волшебники, понимают лучше, чем кто-нибудь другой. И все-таки, знаешь ли, мужчине трудно перестать быть мужчиной, даже если по его зову солнце сходит с небес. Так что они стараются задурить себе головы на этот счет с помощью своих заклятий. И правда, даже в недавние плохие времена, что тянулись так долго, когда все заклятия на свете свою силу утратили, я ни разу не слышала, чтоб какой-нибудь волшебник нарушил заклятие и использовал свое могущество ради собственных плотских радостей. Даже самые никудышные опасаются. Ну конечно, всегда

найдутся такие, что к иллюзиям привыкли, да только они ведь сами себя обманывают. А еще всякие жалкие колдунишки, ведьмы и знахари — шушера, в общем, — пытаются иногда особыми заклинаниями пользоваться, чтобы обманом деревенских женщин завлекать, но уж кто-кто, а я-то знаю: такие заклинания недорого стоят. Тут ведь в чем дело? В том, что одна сила не слабее другой и у каждой свои цели. Вот как я это понимаю.

Тенар сидела в глубокой задумчивости.

— Они сами себя от остальных отгораживают, — наконец сказала она.

— Да. Волшебник так и должен поступать.

— Но ты-то этого не делаешь.

— Я? Я всего лишь старая ведьма, милая.

— Старая?

Возникла пауза, потом тетушка Мох в темноте проговорила с едва различимой усмешкой:

— Старая *достаточно*, чтобы больше ни о чем не беспокоиться.

— Но ты сказала... Ты ведь не давала обета безбрачия?

— А что это такое, милая?

— Как все волшебники?

— О нет. Нет и нет! Сама никогда красоткой не была, и смотреть-то особенно было не на что, зато на мужчин я смотреть умела так... и знаешь ли, вовсе не колдовством пользовалась, ты ведь, милая, понимаешь, о чем я... нужно только посмотреть на него по-особому, и он тут как тут; рот разинет, как ворона, и через день, два или три — а ко мне точно придет!.. «Мне бы для собаки лекарство, чесотка у нее», «А мне — лекарственный чай для бабушки» — но я-то знала, чего им надо, так что если кто был по нраву, то частенько и получал свое. И только ради любви, ради любви — я ведь не из таких, знаешь ли, хотя, может, некоторые ведьмы этим и занимаются, да только, по-моему, колдовство позорят. За колдовство мне платят, а за удовольствие — любовь дарят, вот что я тебе скажу. Не то чтобы в этой любви одно лишь удовольствие было, правда. Я как-то долго по одному сохла, уж больно хорош собой был, да только сердце холодное, жестокое... Теперь-то он давно уж умер. Отец того Таунсенда, что недавно вернулся в наши края, ну да ты его знаешь. Ах, как я сходила с ума по тому человеку — даже колдовством раз воспользовалась. Уж сколько заклятий на него ни накладывала — все напрасно! Все ни к чему. В свекле крови не сыщешь... Да и сюда, в Ре Альби, я перебралась из-за неприятностей с одним парнем из Порта Гонт. Я тогда еще совсем молодой была. Семья у них богатая, знатная, так что я ни о чем и заикаться не смела. Будто они

волшебной силой обладали, а не я! Да и не желали они, чтобы сынок их путался с простой девчонкой, с какой-то замарашкой — они меня так и называли. Они все равно меня со своей дороги убрали бы, это им все одно что кошку убить, так что если б я тогда не убежала сюда, в горы... Но господи, как же я того парня любила! У него были такие сильные гладкие руки и ноги, глаза большие, темные — я все эти годы его перед собой так и вижу...

Они долгое время сидели в темноте молча.

— А когда у тебя появлялся мужчина, тетушка Мох, тебе с колдовством приходилось проститься?

— Ничутьточки, — заносчиво ответила ведьма.

— Но ты же сказала, что ничего нельзя получить, сперва не отдав столько же. Значит, это для женщин и для мужчин неодинаково?

— Что неодинаково, милая?

— Не знаю, — сказала Тенар. — Мне кажется, что мы сами же все эти различия создаем, а потом жалуемся. Я не понимаю, почему Высшее Искусство, почему сама волшебная сила не даются равно мужчинам и женщинам? Это понятно только тогда, когда люди по-разному одарены от рождения или по-разному — один хуже, другой лучше — изучали искусство Магии.

— Мужчина больше отдает, милая. Женщина больше принимает в себя.

Тенар молчала, не удовлетворенная таким объяснением.

— Наша, женская сила с виду вроде как слабее, меньше, чем у них, — сказала тетушка Мох. — Зато она куда глубже. Она как бы вся из одних корней. Как старый кустик черники. А сила волшебника похожа на высокую ель, самую высокую в округе, мощную — да только во время бури самые высокие деревья как раз и ломаются. А вот кустик черники сломать не так-то просто. — Она насмешливо закудаhtала, довольная таким сравнением. — Ну что ж! Теперь уж он, должно быть, далеко ушел, им его не найти. Вот только люди болтать начнут...

— О чем?

— Ты женщина уважаемая, милая, а репутация уважаемой женщины — это ее благополучие.

— Ее благополучие, — тупо повторила Тенар и, помолчав, сказала еще раз: — Ее благополучие. Ее сокровище. Ее наследство. Ее цена... — И внезапно вскочила, словно не в силах была сидеть спокойно, и потянулась всем телом. — Это как у драконов, которые подыскивают пещеры, строят крепости и хранят там свои сокровища, заботятся о своем наследстве, спят

на своем имуществе, сливаясь с ним, превращаясь в него... Все брать и брать, но никогда ничего не отдавать!

— Ты еще узнаешь цену хорошей репутации, — сухо сказала тетушка Мох, — когда утратишь ее. Это, конечно, в жизни не самое главное. Но заполнить такую брешь трудно.

— А ты бы согласилась не быть ведьмой, чтобы стать уважаемой женщиной, тетушка Мох?

— Не знаю, — задумчиво проговорила та. — Не знаю, как бы это у меня получилось. У меня один-единственный талант, наверно, другого нет.

Тенар подошла к ней и взяла ее руки в свои. Удивленная этим порывом, тетушка Мох вскочила и чуть отпрянула от нее, но Тенар притянула ее к себе и поцеловала в щеку.

Старая женщина высвободила одну руку и застенчиво коснулась волос Тенар — лишь краткое ласковое прикосновение, так когда-то гладил ее по голове Огион. Потом ведьма резко отодвинулась и забормотала что-то насчет того, что пора домой, засобиравшись, но на пороге все-таки спросила:

— А может, ты хочешь, чтобы я здесь пожила, пока всякие чужеземцы вокруг шныряют?

— Ступай, тетушка Мох, — ласково сказала Тенар, — я к чужеземцам привыкла.

В ту ночь, засыпая, она снова вдруг оказалась в просторных разливах света и ветра, но свет был почему-то затянут дымной пеленой, красен, как от пожара, потом появились оранжевые и янтарные языки пламени, словно горел сам воздух. То ли она была частью этого мира, то ли ветер увлекал ее за собой и она была частью ветра, той его силой, что не знает преград?.. И ни один голос не позвал ее...

Утром она сидела на крылечке, расчесывая волосы. Она была белокожей, но в отличие от большинства каргадцев волосы у нее падали на плечи темной волной. Только теперь в темных волосах ее мелькала порой тонкая серебряная нить. Она вымыла голову той водой, которую приготовила для стирки, решив, что стиркой займется попозже, раз уж Гед ушел и ее репутация уважаемой женщины в полной сохранности. Она сушила волосы на солнце, медленно расчесывая их. Утро было жаркое, ветреное, на волосах ее следом за гребнем вспыхивали искры и с треском сбегали вниз.

Терру подошла и остановилась у нее за спиной, внимательно наблюдая. Тенар обернулась и заметила, насколько девочка напряжена: она

почти дрожала.

— В чем дело, птичка моя?

— Из тебя огонь вылетает, — сказала Терру то ли со страхом, то ли с восхищением. — По всему небу разлетается!

— Да это просто от волос моих искры летят, — сказала Тенар, немного смутившись. Терру заулыбалась, и Тенар вдруг вспомнила, что раньше эта девочка не улыбалась никогда. А теперь она обеими руками, здоровой и обожженной, пыталась поймать искры, разлетающиеся от распущенных, развевающихся на ветру волос Тенар, и смеялась:

— Искорки, искорки!

И тут Тенар впервые спросила себя: интересно, каким видит Терру весь этот мир и ее, Тенар? И поняла, что у нее нет ответа на этот вопрос, что невозможно знать, каким видит мир тот, у кого выжгли один глаз. И снова вспомнились ей слова Огиона: «Ее будут бояться», но страха за Терру она почему-то не испытала, наоборот! И продолжала расчесывать волосы, яростно драла их гребнем, чтобы искр было как можно больше, чтобы снова и снова слышать этот тихий, хриловатый, радостный смех.

Потом она перестирала простыни, полотенца для посуды, свое белье и платье, а также вещишки Терру и разложила все на лугу для просушки, убедившись прежде, что козы надежно заперты. Вещи она прижала камнями, потому что дул сильный порывистый ветер и в нем ощущалась какая-то дикая, необузданная сила зрелого лета.

Терру росла. Она по-прежнему казалась слишком маленькой и худенькой для своих лет (ей было где-то около восьми), но за последние месяца два ее ожоги совсем поджили, перестали причинять ей страдания, и она стала значительно больше времени проводить на улице да и есть стала гораздо лучше. Платья, позаимствованные у младшей, пятилетней дочурки Ларк, стали ей малы.

Тенар подумала, что надо бы сходить в деревню, к ткачу Фану, и попросить у него кусок материи из остатков в обмен на пойло для свиней, которое она все время отсылала ему с пастушкой Вереск. Она бы с удовольствием что-нибудь сшила Терру. Да и просто повидать старого Фана ей хотелось. Смерть Огиона и болезнь Геда заставляли ее сторониться деревенских жителей. Оба эти волшебника, как всегда, насильно вытащили ее из того знакомого мира, в котором она прекрасно умела себя вести и который сама избрала для себя, — то вовсе не был мир королей и королев, могущественных волшебных сил и высших искусств, великих путешествий и приключений (обо всем этом Тенар думала, собираясь в деревню и выглядывая в окошко, чтобы видеть Терру), но мир самых обычных людей

и самых обычных дел, где люди женились, воспитывали детей, возделывали поля, пасли коз, шили, стирали... Она думала об этом с каким-то мстительным чувством — словно спорила с Гедом, который сейчас, должно быть, прошел уже больше половины пути к Срединной Долине. Она представляла, как он идет по дороге мимо того ручья, где они с Терру ночевали, стройный, седовласый, одинокий и молчаливый путник, у которого в заплечном мешке полбуханки хлеба, испеченного ведьмой, а на сердце — тяжкий груз сознания собственного ничтожества.

«Пора и тебе кое-что понять! — подумала она. — Пора понять, например, что ты вовсе не всему выучился на Роке!» И тут же вспомнила совсем иное — одного из тех мужчин, что тогда поджидали ее с Терру на дороге. Невольно Тенар вскрикнула: «Будь осторожней, Гед!», страшась за него, ведь он и обыкновенной палки с собой не взял. Но вспомнила она не того огромного парня с усами, а другого, более молодого, в кожаной шапке, что так пристально смотрел на Терру.

В деревне она специально направилась сперва к маленькому флигельку рядом с домом Фана: здесь она когда-то жила. И вдруг мимо флигеля — буквально у нее под носом — прошел человек. Это был тот самый парень в кожаной шапке, которого она только что вспоминала! Ее он не заметил, и она смотрела, как он размеренной походкой, не останавливаясь, поднимается по деревенской улице то ли к постоялому двору, то ли к перекрестку горных дорог за деревней.

Не раздумывая, Тенар пошла за ним следом, держась на некотором расстоянии, пока не увидела, как он повернул к поместью Лорда Ре Альби, а не вниз, не в ту сторону, куда ушел Гед.

Немного успокоившись, она пошла в гости к старому Фану.

Будучи почти отшельником, как большинство ткачей, Фан даже в те времена проявил доброту по отношению к каргадской девчонке, впрочем, несколько застенчивую и настороженную. Сколько же людей уже тогда защищали ее достоинство! Теперь, почти ослепнув, Фан завел ученицу, которая и делала большую часть работы. Он был очень рад госте, восседа, точно на троне, на старинном резном стуле под тем самым веером, от которого и произошло его прозвище Фан-Веер. Веер этот, огромный, искусно разрисованный, подарил деду Фана один пират в благодарность за чрезвычайно быстро сотканную парусину. Веер висел на стене в раскрытом виде. Изящные фигурки мужчин и женщин в пышных одеяниях розового, зеленого, бирюзового цвета, башни и мосты, пестрые знамена Великого Хавнора были Тенар хорошо знакомы. Гости Ре Альби непременно заходили полюбоваться веером старого ткача. Во всем селении

согласно общему мнению он был самой замечательной вещью.

Тенар с восхищением смотрела на веер, зная, что это приятно старику, а еще потому, что веер на самом деле был удивительно красив, и тут Фан сказал:

— Тебе ведь не много подобных вещей встречалось во время твоих путешествий, правда?

— Нет, совсем не встречалось. А в Срединной Долине такого и в помине нет, — ответила Тенар.

— А когда ты жила здесь, со мной рядом, разве я никогда не показывал тебе обратную его сторону?

— Нет, — ответила она, и, разумеется, пришлось снять веер со стены; она влезла на табурет и осторожно отцепила его, потому что сам Фан видел очень плохо, а уж забраться на табурет и подавно не мог. Он с беспокойством руководил ею. Спрыгнув на пол, Тенар положила веер ему на колени, и он своим затуманенным взором впился в дивные изображения, то раскрывая веер, то закрывая его, чтобы удостовериться, что все пластинки целы. Наконец Фан сложил веер, перевернул и вручил ей.

— Открывай, но медленно, — сказал он.

Она так и поступила. Дивное зрелище разворачивалось перед ней. Тонкий и бледный рисунок на пожелтевшем шелке — драконы бледно-красного, голубого, зеленого цвета — и все они двигались, собирались в стаи среди облаков и горных вершин, точно так же, как собирались вместе люди, изображенные на оборотной стороне веера.

— Подними его повыше и поднеси к свету, — сказал старый Фан.

И тут она увидела обе стороны одновременно, обе картины, как бы слившиеся воедино благодаря свету, проникавшему сквозь тонкий шелк; горные вершины и облака совпали с башнями столицы, мужчины и женщины стали крылаты, а драконы смотрели с рисунка человеческими глазами.

— Видишь?

— Вижу, — прошептала она.

— Я-то их теперь и разглядеть не могу — сердцем помню. Я мало кому это показывал.

— Просто поразительно, чудесно!

— Я все собирался показать это старому Магу, — проговорил Фан, — да то одно, то другое — вот и не показал.

Тенар еще раз перевернула веер, держа его против света, потом повесила его на прежнее место, и драконы спрятались во тьму, а женщины и мужчины шли себе, как обычно, освещенные солнцем.

Затем Фан повел Тенар на двор показать своих свиней — отличную парочку, успешно толстеющую, чтобы осенью пойти на колбасу. Они немного посетовали на безответственность Вереск, которая приносила ткачу помои для свиней не слишком регулярно. Тенар сказала, что мечтает о небольшом куске ткани — девочке на платье, и Фан с удовольствием вынул для нее из сундука нетронутую штуку тонкого полотна, а молодая женщина, бывшая у него в подмастерьях, похоже, полностью воспринявшая не только уроки его мастерства, но и его необщительность, тем временем продолжала работать, постукивая ткацким станком, совершенно невозмутимая и сосредоточенная.

Направляясь домой, Тенар думала, что и Терру могла бы сидеть за таким вот станком. Работа, конечно, довольно нудная, однообразная, зато всеми уважаемая, а порой ткачество относили даже к благородным искусствам. И люди привыкли к тому, что ткачи — обычно люди застенчивые, часто одинокие, полностью поглощенные своей работой. А то, что они работают в четырех стенах, позволило бы Терру не слишком часто показываться людям на глаза. Но как быть с изуродованной рукой? Сможет ли девочка такой рукой научиться передвигать челнок, натягивать основу? И неужели ей всю свою жизнь придется прятаться?

Но как же быть ей, Тенар? «Зная, какова будет ее жизнь...»

Она попыталась переключить свои мысли на что-нибудь другое. Стала думать, какое платье сошьет Терру. Платьица дочерей Ларк были грубоватыми, примитивными, как сама земля. А можно покрасить половину материи в желтый или красный цвет мареной с болота, а сверху будет нарядный белый передник с пелериной в оборочках... Нет, ну неужели малышке придется вечно прятаться во тьме у станка и никогда не видеть даже красивой юбки с оборкой и кружевами?.. Если кроить достаточно экономно, тогда останется еще и на блузку, и на второй фартучек...

— Терру, — окликнула она, подходя к дому. Вереск и Терру были в загоне с козами, когда она уходила. Тенар еще раз позвала девочку, желая показать ей материю и рассказать о будущем платье. И тут из-за летнего сарая появилась неуклюжая Вереск, тащившая на веревке Сиппи.

— А Терру где?

— С тобой пошла, — с искренним изумлением ответила Вереск, и Тенар даже оглянулась, словно девочка стояла у нее за спиной, прежде чем поняла, что Вереск понятия не имеет, где Терру, и просто выдает желаемое за действительность.

— Где ты ее оставила?

Вереск и об этом понятия не имела. Она никогда раньше не отпускала от себя Терру, считая, видимо, что девочку нужно все время держать на привязи, точно козу. Впрочем, возможно, это скорее понимала сама Терру и старалась быть на виду у кого-нибудь из старших. Тенар, так и не дождавшись сколько-нибудь вразумительных объяснений от пастушки, подумала немного и принялась искать и звать девочку. Однако тщетно.

Она старалась не думать об обрыве так долго, как только могла. В первый же день она объяснила Терру, чтобы та никогда не ходила одна ни по круто поднимающимся террасам полей, расположенным ниже дома Огиона, ни к обрывистому утесу, ибо единственным зрячим глазом невозможно определить ни реальную глубину, ни реальное расстояние. Тогда девочка ей подчинилась. Она вообще всегда подчинялась. Но дети склонны забывать свои обещания. Впрочем, Терру своих обещаний не забывает. Однако она могла ведь и нечаянно, даже не заметив этого, выйти на край обрыва? Нет, она, конечно же, просто отправилась к тетушке Мох! Вот именно! Она уже ходила одна в деревню вчера вечером и теперь решила повторить свой подвиг. Вот оно в чем дело!

У тетушки Мох Терру не оказалось. Ведьма ее не видела.

— Я отыщу ее, отыщу, милая, — заверила она Тенар; однако, вместо того чтобы пойти вверх по лесной тропе на поиски девочки, как надеялась Тенар, зачем-то начала вязать дурацкие узелки из собственных волос, явно намереваясь произнести заклятие.

Тенар бегом бросилась назад, к дому Огиона, снова и снова зовя девочку. И на этот раз осмелилась посмотреть вниз, на террасы полей, надеясь увидеть там среди валунов маленькую фигурку. Но за бесчисленными ступенями террас увидела одно лишь море, покрытое рябью и потемневшее, и от этого простора у нее даже закружилась голова и подогнулись колени.

Тенар пошла к могиле Огиона и чуть дальше, мимо нее, в лес, зовя Терру. Когда она возвращалась обратно, на лугу резвилась пустельга; именно здесь когда-то за этой птицей наблюдал Гед. Пустельга ринулась вниз и тут же снова взлетела, зажав в когтях какого-то маленького зверька, и понеслась к лесу. Птенцов кормит, подумалось Тенар. В мозгу ее без конца роилось множество самых разнообразных мыслей, множество живых и точных образов. Она прошла мимо выстиранного белья, разложенного на траве; теперь белье высохло, его необходимо до вечера собрать... Необходимо поискать возле дома повсюду, в сарае, в загоне — везде и более тщательно. Это ее вина. Это она виновата, потому что думала, как сделать из Терру ткачиху, как запереть ее в доме, за работой, сделать

уважаемой всеми... Хотя Огион сказал тогда: «Научи ее, научи ее всему, Тенар!» Хотя она сама понимала, что неправильное обращение с этой девочкой может иметь необратимые последствия. Хотя знала, что девочка поручена именно ей, но со своей задачей не справилась, не оправдала надежд, не оправдала доверия Терру, потеряла ее, потеряла единственный доставшийся ей великий дар...

Тенар обыскала каждый уголок в доме, обшарила все остальные постройки, снова заглянула в альков и под вторую кровать. Потом остановилась, чтобы выпить воды, ибо рот ее пересох, словно песок в пустыне.

За дверью, как всегда, стояли три деревянных посоха — Огионов и их с Терру. И вот один из них, окутанный тенью, вдруг двинулся и сказал:

— Я здесь.

Девочка совершенно скрючилась в самом темном углу, словно втянувшись внутрь собственного тельца, и казалась сейчас не больше собачонки: голова прижата к плечу, руки и ноги поджаты под горло, единственный зрячий глаз изо всех сил зажмурен.

— Птичка ты моя, воробышек, огонечек мой, что случилось? Что? Что они с тобой сделали?

Тенар прижала к себе застывшее и холодное, словно камешек, маленькое тельце, баюкая девочку.

— Разве можно так пугать меня? Разве можно так от меня прятаться? Ох, как я на тебя сердита!

Она плакала, и слезы ее капали на лицо ребенку.

— Ах, Терру, Терру! Никогда больше так не делай!

Скрюченные, застывшие руки и ноги девочки вздрогнули и понемногу расслабились. Терру шевельнулась и вдруг судорожно прильнула к Тенар, спрятав лицо в ямку между ее грудью и плечом, прижимаясь к ней все крепче, с каким-то отчаянием. Она не плакала. Она никогда не плакала; возможно, все ее слезы были выжжены тем смертоносным костром. Но она исторгла какой-то протяжный стон, а может быть, рыдание.

Тенар обнимала ее и укачивала, укачивала. Очень, очень медленно отчаянные объятия девочки чуть ослабели. Головка сонно улеглась Тенар на грудь.

— Скажи-ка мне... — прошептала женщина, и девочка сразу ответила своим слабым, хриплым шепотом:

— Он приходил сюда.

Сперва Тенар подумала о Геде, но тут же под воздействием пережитого страха догадалась, кто был этот «он» для ее девочки! Она сухо усмехнулась

про себя и, добиваясь четкого ответа, снова спросила Терру:

— Кто это «он»?

Ответа не последовало; Тенар почувствовала, как девочку стала бить с трудом сдерживаемая дрожь.

— Тот самый? — тихо спросила Тенар. — Тот, в кожаной шапке?

Терру коротко кивнула.

— Тот, кого мы видели тогда на дороге?

Девочка промолчала.

— Там было четверо мужчин — я на них еще рассердилась, помнишь? Это один из них?

И тут ей пришло в голову, что Терру тогда шла потупясь, пряча сожженную щеку, как всегда в присутствии чужих.

— Ты знаешь его, Терру?

— Да.

— С тех пор как... как вы жили в палатке у реки?

Терру снова коротко кивнула.

Тенар еще крепче прижала девочку к себе.

— Так это он приходил сюда... — проговорила она, и весь ужас, который она носила в себе, сразу превратился в гнев, в ярость, сжигающую ей нутро, сидевшую в ней словно раскаленный прут. Тенар как-то странно усмехнулась — «Ха!» — и почему-то сразу вспомнила Калессина, то, как дракон смеялся.

Но ей, человеку, женщине, оказалось вовсе не легко удержать этот огонь в себе. Да и ребенка необходимо было успокоить.

— А он тебя видел?

— Я спряталась.

Тенар быстро заговорила, поглаживая Терру по голове:

— Он никогда больше к тебе не притронется, Терру. Ты пойми меня и поверь: он больше никогда не коснется тебя. Он больше никогда тебя не увидит — во всяком случае, пока я с тобой. Ты же понимаешь это, моя дорогая, моя драгоценная, моя красавица! Ты не должна его бояться. Да и отчего тебе его бояться? Он-то хочет как раз, чтобы ты его боялась. В твоём страхе он черпает силы. А мы заставим его поголодать! Пусть голодает, пусть гложет сам себя! Пусть задохнется, кусая собственные кости... Ах, не слушай ты меня, я ужасно сердита, я чудовищно зла!.. Я очень красная? Такая же, как женщины с Гонта? Как тот дракон? Красная? — Она пыталась шутить, и Терру, подняв к ней свое изуродованное робкое личико, заглянула ей в глаза и сказала:

— Да, красная. Ты — красный дракон.

Мысль о том, что этот человек приходил в их дом, был здесь, ходил вокруг, любуясь содеянным, может быть, даже обдумывая, как довести неоконченное дело до конца, — мысль об этом, скорее даже не мысль, а дурнотное чувство, подобное тошноте, охватывая Тенар, как бы сгорало само собой во вспыхивающем тут же в ее душе гнев.

Они встали, умылись, и Тенар решила, что наиболее явственное и реальное из множества ее теперешних чувств — голод.

— У меня совершеннейшая пустота в животе, — сказала она Терру и приготовила им роскошную трапезу: сыр, хлеб, холодные бобы, приправленные маслом и специями, ломтики лука и твердой копченой колбасы. Терру ела с отменным аппетитом, а Тенар — с еще большим.

Когда они съели все до последней крошки, Тенар сказала:

— А теперь, Терру, запомни: я никогда больше тебя одну не оставлю, и ты тоже не оставляй меня. Хорошо? А сейчас мы вместе с тобой сходим к тетушке Мох. Она там сотворила заклятие, чтобы отыскать тебя, так что пусть больше не беспокоится на этот счет.

Терру так и замерла. Она только раз взглянула на открытую настежь дверь и сразу отшатнулась.

— А еще нам с тобой нужно принести высохшее белье. Захватим его на обратном пути. А когда вернемся, я покажу тебе материю, которую добыла сегодня. Платье буду шить. Новое платье для тебя. Красное.

Девочка словно не слышала.

— Если мы будем прятаться, Терру, это ему только на руку. Но мы прятаться не станем, будем сильными сами. Так что ему не понравится. А ну-ка пошли!

Преодоление порога потребовало от Терру невероятных усилий. Она отворачивалась, прятала лицо, дрожала, потом вдруг пошла, нерешительно, спотыкаясь, и казалось невыносимо жестоким заставлять ее перешагивать этот порог, чуть ли не силой тащить ее из дома, но Тенар не знала жалости.

— Пойдем же! — настойчиво повторила она, и девочка пошла с ней.

Держась за руки, они прошли через поля к домику тетушки Мох. Один или два раза Терру даже заставила себя поднять глаза от земли.

Тетушка Мох вовсе не удивилась, увидев их, однако выглядела она грустной и усталой. Она велела Терру сбегать в дом и полюбоваться юными цыплятами, которых только что вывела ее несущка с ожерельем на шейке, а потом выбрать и для себя парочку; Терру точно ветром сдуло.

— Она все время была в доме, — сказала Тенар. — Пряталась.

— Ну что ж, хорошо, что она умеет прятаться, — сказала ведьма.

— Почему? — резко спросила Тенар. Ей не хотелось сейчас скрывать

свое настроение и быть покладистой.

— Да... всякие тут ходят... — сказала ведьма, однако совсем не важничая, а скорее с неохотой.

— Негодяи всякие тут ходят! — заявила Тенар, и тетушка Мох, глянув на нее, даже немножко отодвинулась.

— Ну-ну, успокойся, — сказала она. — Успокойся, милая. Ты вся прямо-таки огнем горишь, вокруг головы свет сияет. Я сотворила заклятие, чтобы отыскать девочку, однако оно не подействовало. Почему-то все шло не так, как хотела я, и я так и не поняла, кончилось ли действие этого заклятия. Что-то я растерялась совсем. Я видела Великих. Искала нашу девочку, а видела Великих, что парили над вершинами гор, среди облаков. А теперь и ты на них похожа, и волосы твои будто пламенем охвачены. Что случилось, что не так?

— Да есть тут один, в кожаной шапке, — сказала Тенар. — Такой молодой... Ну хватит так на меня смотреть! У него, кажется, куртка на плече разорвана. Ты его случайно тут не видела?

Тетушка Мох кивнула:

— Его в усадьбе на сенокос наняли.

— Я же рассказывала тебе, что она... — Тенар глянула в сторону дома, — что она была тогда с женщиной и двумя мужчинами. Он — один из тех двоих.

— Ты хочешь сказать, один из тех, что...

— Да.

Старуха застыла, словно деревянная статуя.

— Не знаю, — проговорила она наконец. — Мне казалось, что я знаю достаточно. Но это не так. А что... Что будет... А он что же... захочет прийти и повидать ее?

— Если он ее отец, то, возможно, просто потребует вернуть ее.

— Потребует вернуть?

— Она же *его собственность*.

Тенар говорила довольно спокойно. И при этом смотрела на вершину горы Гонт.

— Но я думаю, что отец все-таки не он. Я думаю, тот, другой. Тот, что пришел тогда в деревню и сказал моей подруге, что девочка «поранилась».

Тетушка Мох еще не совсем пришла в себя, она по-прежнему была во власти собственных чар и видений, ее испугала и ярость Тенар, и то, что неизбежное зло где-то рядом. Старуха в отчаянии потрясла головой.

— Я не знаю, — повторила она. — Хотя считала, что знаю достаточно. Как же он может вернуться сюда?

— Чтобы совсем уничтожить ее, — сказала Тенар. — Уничтожить, поглотить, пожрать. Я больше ее одну не оставлю! Вот только завтра, с самого утра, я, возможно, попрошу тебя, тетушка Мох, посторожить ее. С часок примерно. Сделаешь это для меня? А я пока схожу в усадьбу Лорда.

— Конечно, милая. Конечно. Я могу наложить укрывающее от чужих глаз заклятие, если хочешь... Однако... Они-то ведь сейчас как раз там, те посланцы короля из Хавнора...

— Ну так что ж, пусть и они посмотрят, какова здесь жизнь у простых людей, — сказала Тенар так, что тетушка Мох снова отшатнулась от нее: ей показалось, что сноп искр разлетелся от Тенар — словно от костра на ветру.

Они заготавливали сено на лугу Лорда, вытянувшемся вдоль всего склона; луг перерезали четкие утренние тени. Косцов было пятеро — три женщины и двое мужчин, один совсем юный, насколько Тенар могла догадаться издали, а второй — седой и сутулый. Она поднялась к ним, ступая меж скошенных валков, и спросила одну из женщин о человеке в кожаной шапке.

— Это тот, что с Вальмута будет, иль нет? — переспросила та. — Ума не приложу, куда он подевался.

К ним подошли остальные. Ни один не знал, куда вдруг исчез человек из Срединной Долины и почему он не косит с ними вместе.

— Такие бездельники нипочем работать не станут, — сказал сутулый. — Неумеха. А ты что ж, госпожа, знаешь его?

— Случайно видела, — ответила Тенар. — Он все что-то возле нашего дома вынюхивал... девочку мою испугал. Я даже не знаю, как его зовут.

— Сам-то он себя Ловкачом называет, — удалось вставить мальчишке. Остальные смотрели на нее молча или старались не смотреть вообще. Они уже начинали догадываться, что она та самая женщина с Каргадских островов, что живет в доме старого Мага. Все они были вассалами Лорда Ре Альби, а потому подозрительно относились к тем, кто живет в деревне, не говоря уж о тех, кто имел дело с Огионом. Они поточили свои косы и пошли от нее прочь, разбрелись по лугу, вновь принявшись за работу. Тенар по краю поля, мимо посаженных там ореховых деревьев, спустилась к дороге.

Там, словно поджидая ее, стоял какой-то человек. Сердце у нее упало. Она поспешила навстречу.

То был Аспен, волшебник из усадьбы. Он стоял в тени придорожного дерева, изящно опершись о свой длинный сосновый посох. Когда Тенар наконец вышла неподалеку от него на дорогу, он сказал:

— Что, работу ищешь?

— Нет.

— Господину моему на поле нужны рабочие руки. Жара вот-вот кончится, так что сено необходимо поскорее убрать.

Для Гохи, вдовы Флинта, слова его звучали вполне нормально, так что Гоха и ответила ему тоже вежливо:

— Но ведь твое искусство, без сомнения, сможет справиться с дождевыми тучами, пока все сено не уберут.

Однако он прекрасно знал, что Тенар — та самая женщина, с которой перед смертью говорил Огион и которой старый Маг назвал свое Истинное Имя; и если учитывать, что он это знал, то слова его звучали в высшей степени оскорбительно и на редкость фальшиво — словно скрытая угроза или предупреждение. Она уже собралась спросить, не знает ли он, где теперь человек по прозвищу Ловкач. Но вместо этого сказала:

— Я просто пришла сообщить вашему управляющему, что человек, которого он нанял на сенокос, беглый вор и даже хуже. Он ведь совсем не такого хотел нанять, правда? Хотя и этот, кажется, уже куда-то исчез?

Она спокойно смотрела на Аспена, не отводя глаз до тех пор, пока он с трудом не проговорил ей в ответ:

— Я ничего не знаю об этих людях.

В ту ночь, когда умер Огион, волшебник этот показался ей высоким, молодым и даже довольно привлекательным в своем сером плаще с украшенным серебряным набалдашником посохом. Но он был совсем не так уж молод и вообще как будто высох, съежился с тех пор. Во взгляде его и голосе теперь отчетливо чувствовалось презрение, и она ответила ему так, как ответила бы Гоха:

— Да я просто так спросила. И прошу прощения. — Ей вовсе не хотелось еще и здесь неприятностей. Она уже повернула назад, когда Аспен вдруг крикнул:

— Погоди!

Она остановилась.

— Вор и даже хуже, ты говоришь, да только клевета недорого стоит, а женский язычок пострашнее иного ворюги будет. Ты ведь сюда нарочно пришла, чтобы среди косцов воду мутить, чтобы порядочных людей оговаривать да ложью опутывать — вот они, драконовы семена, что каждая колдунья сеет. Неужели думала, я не догадаюсь, что ты ведьма? Да я как только увидел это чертово отродье, что вечно к тебе липнет, так сразу и понял, где ты ее взяла и для какой надобности! И правильно сделали, что сжечь ее хотели! Только дело это надо было до конца довести. Ты уже один раз оскорбила меня у тела старого волшебника, но я тогда не стал тебя наказывать — ради покойного и в присутствии остальных. Но теперь ты зашла слишком далеко! Я предупреждаю тебя, женщина! Я не позволю тебе больше ходить по этой земле. Если же ты еще станешь мне перечить или снова осмелишься заговорить со мной, я сделаю так, что тебя вышвырнут из Ре Альби да еще и с собаками погонят. Ты меня поняла?

— Нет, — сказала Тенар. — Я никогда не понимала таких мужчин, как ты.

Она отвернулась и пошла по дороге.

Внезапно ее словно ударили чем-то острым прямо по позвоночнику, так что волосы у нее от боли встали дыбом. Она резко обернулась и увидела, что волшебник вытянул свой посох по направлению к ней, а вокруг конца посоха пляшут темные молнии. Губы Аспена уже приоткрылись для заклятия. И тут она поняла: все это потому, что Гед утратил свое могущество. Я считала дурными всех мужчин, но я ошибалась!.. Вдруг чей-то спокойный голос спросил:

— Ну-ну, что тут у нас происходит?

Двое из столичных гостей спускались на дорогу прямо из вишневого сада, что тянулся вдоль нее. Они смотрели то на Аспена, то на Тенар и явно ничего не понимали, однако держались вежливо, словно сожалея о необходимости помешать волшебнику, сознавая, что не допустят насилия.

— Госпожа Гоха, — изысканно поклонился ей человек в расшитой золотом рубахе.

Другой, с ясными глазами, тоже вежливо поздоровался с ней и улыбнулся.

— Госпожа Гоха, — проговорил он, — это женщина, которая, подобно нашему королю, открыто называет свое имя и, по-моему, ничего на свете не боится. На Гонте она, вероятно, предпочитает, чтобы ее называли простым гонтийским именем? Однако, поскольку нам известны ее великие деяния, я прошу у нее позволения оказать мне честь, ибо именно она носила на руке то Кольцо, которое не надевала больше ни одна женщина со времен прекрасной Эльфарран. — Он самым естественным движением преклонил перед Тенар одно колено, легким быстрым жестом взял ее правую руку и коснулся кисти своим лбом. Потом поднялся и улыбнулся своей добродушной и чуть таинственной улыбкой.

— Ах, — сказала Тенар, польщенная и словно согревшаяся от этих слов, — каких только могущественных сил нет на свете! Благодарю вас.

Волшебник стоял как вкопанный, глядя на нее. Он уже успел сомкнуть губы, готовые произнести злобное заклятие, и опустил свой посох, однако вокруг него и в его глазах все еще вполне отчетливо видна была некая мгла.

Она не знала, было ли ему известно раньше или он только сейчас узнал, что она Тенар, доставившая Кольцо Эррет-Акбе. Это было, впрочем, неважно. Все равно он не мог бы ненавидеть ее сильнее. Ее беда была в том, что она женщина. Ничто не могло быть хуже — в его глазах, разумеется; ничто не могло спасти ее от кары; ни одно наказание для нее не

было бы достаточно сильным, ведь он видел, что сотворили с Терру, и вполне одобрил содеянное.

— Господин мой, — сказала она тогда тому, кто был постарше, — даже что-либо чуть меньшее, чем честность и открытость, уже кажется почти бесчестьем нашему королю, от чьего лица говорите вы — и действуете так, как сейчас. Лестно, что король и его посланник оказали мне честь... Однако собственная честь моя связана данным словом, пока мой друг сам не освободит меня. Я... я уверена, господа мои, что со временем он сам пошлет вам весть о себе. Только, молю вас, дайте ему время.

— Разумеется, — откликнулись оба посланника в один голос. — Столько времени, сколько ему будет угодно. А твое доверие, госпожа, возвышает нас более всего прочего.

Она пошла по дороге дальше в Ре Альби, потрясенная случившимся — столь стремительными переменами, неприкрытой ненавистью волшебника, собственной, какой-то сердитой резкостью, собственным ужасом перед лицом неожиданной опасности, его откровенным желанием причинить ей зло и, наконец, внезапным спасением благодаря посланникам короля, явившимся сюда из благословенного рая на белом крылом корабле, из Башни Меча, средоточия правосудия и порядка. Ее сердце было исполнено благодарности. Да, теперь на троне действительно настоящий король, и главное украшение его короны отныне — Руна Мира.

Ей понравилось лицо молодого гостя, умное и доброе; и то, как он преклонил перед ней колена — словно перед королевой; и его улыбка, будто таившая некую тайну. Она оглянулась. Оба посланника шли вместе с волшебником Аспеном по направлению к поместью Лорда Ре Альби. Все трое, похоже, вполне дружески беседовали, словно ничего и не произошло.

Это немного поколебало ее веру в них. Они, разумеется, были настоящими придворными. И не их дело — впутываться в ссоры или открыто осуждать кого-то. А он ведь волшебник, да к тому же волшебник того Лорда, что оказал им гостеприимство. И все-таки, подумала она, не стоило бы им так вот прогуливаться и беспечно беседовать с ним.

Гости из Хавнора еще несколько дней прожили у Лорда Ре Альби, возможно, не теряя надежды, что Верховный Маг передумает и придет к ним; однако сами они его не искали и не приставали к Тенар с вопросами о том, где он может быть. Когда они наконец покинули Гонт, Тенар сказала себе, что должна теперь непременно решить, как же ей быть дальше. Никакой видимой причины долее оставаться в доме Огиона не было, зато покинуть Ре Альби она стремилась по крайней мере по двум весьма серьезным причинам: из-за Аспена и из-за Ловкача. И нисколько не

сомневалась, что они не оставят их с Терру в покое.

И все-таки она никак не могла окончательно решиться: ей трудно было даже думать о расставании с Огионом. Она была уверена, что, покинув Ре Альби, потеряет его навсегда, а пока она поддерживает порядок в его доме и пропалывает его грядки с луком, связь между ними, пусть не очень сильная, все-таки остается. И еще она подумала: «Там, в долине, мне никогда уже больше не приснится небо». Здесь, где побывал Калессин, она действительно была Тенар — во всяком случае, так ей казалось. А в Срединной Долине она вновь станет всего лишь Гохой. И она тянула, откладывала уход, говоря себе: «Ну неужели стоит бояться этих негодяев? Неужели я так вот просто возьму и сбегу от них? Ведь им этого и нужно: командовать мною». Она ни на шаг не отпускала от себя Терру. И день шел за днем.

Порой заходила тетушка Мох, чтобы рассказать какую-нибудь историю. Тенар уже спрашивала ее о волшебнике Аспене — разумеется, только лишь намекнув на его угрозы. Она и вообще-то уже стала думать, что Аспен хотел только припугнуть ее. Тетушка Мох обычно избегала говорить о том, что касалось Лорда Ре Альби, однако происходящее в его поместье ее живо интересовало, и она охотно болтала с тамошними своими знакомыми, с той старухой, например, у которой сама училась принимать роды, и с другими, кого считала приличными знахарями. Их-то она и заставляла выкладывать все, что происходило в господском доме. Все они Аспена ненавидели, а потому говорили о нем всегда с большой охотой, однако в их рассказах больше половины было продиктовано злословием и страхом. И все-таки среди любых вымыслов всегда можно обнаружить зерно правды. Тетушка Мох и сама утверждала, что, пока здесь три года назад не появился Аспен, юный Лорд, внук старого, пребывал в добром здравии, хотя и тогда отличался застенчивостью и мрачным нравом. «Вроде как напуганный», — говорила старая ведьма. Потом умерла мать мальчика, и старый Лорд послал на остров Рок за волшебником... «А для чего? — спрашивала тетушка Мох. — Ведь сам Огион жил от поместья в получасе ходьбы. Да и все эти лорды там, в Ре Альби, колдуны и чародеи».

Но тем не менее Аспен прибыл. Он только раз пришел к Огиону, чтобы засвидетельствовать свое почтение, и больше не появлялся. По словам тетушки Мох, он всегда предпочитал оставаться наверху, в поместье. И с тех пор внука старого Лорда стали видеть все реже и реже; поползли слухи, что мальчик теперь день и ночь проводит в постели, «точно младенец больной, и весь будто усох совсем». Зато старый Лорд, которому, по словам тетушки Мох, было «по крайней мере лет сто или около того», просто

процветал и «был полон жизненных соков». Один из слуг — ибо прислуживать в поместье нанимали только мужчин — рассказывал своей приятельнице, дружившей и с тетушкой Мох, что старый Лорд нанял волшебника Аспена для того, чтобы самому жить вечно, и что волшебник этот делает, как ему велено, а потому вроде бы как скармливает старику жизненные силы внука. И мужчина тот ничего дурного в этом не находил, говоря: «А кому ж не хочется вечно-то жить?»

— Так, — сказала возмущенная Тенар, в очередной раз выслушав тетушку Мох, — гнусная история! А разве об этом в деревне ничего не говорят?

Тетушка Мох пожала плечами. Словно, как всегда, хотела сказать: «Пусть их». Деяния власть имущих не подлежали обсуждению среди бесправных. А кроме того, мешала какая-то неясная, слепая верность Ре Альби: старик ведь всегда был их господином, и никого не касалось, чем он там занимается... Тетушка Мох, видимо, разделяла эту точку зрения. «Рискованно это, — говорила она, — ошибиться легко». Но ни разу не назвала происходящее в поместье отвратительным.

Никаких следов мужчины по имени Ловкач Тенар так и не обнаружила. Страстно желая убедиться в том, что он покинул Большой Утес, Тенар расспросила о нем своих немногочисленных приятелей из деревни, однако отвечали ей весьма неохотно и как-то двусмысленно. Им не было дела до ее тревог. «Пусть ее...» Один лишь старый Фан обращался с ней по-дружески. Однако, возможно, лишь потому, что своими почти слепыми глазами не мог как следует рассмотреть Терру.

Она теперь всегда брала девочку с собой, отправляясь в деревню или куда бы то ни было из дому.

Терру нисколько не тяготила эта нерасторжимая связь. Напротив, она жалась к Тенар, как и большинство маленьких детей к матерям, помогала ей по хозяйству, играла рядом. Основным ее развлечением стало плетение бесконечных путанок и игра с двумя костяными фигурками, которые Тенар нашла в маленькой соломенной сумке, лежавшей на полке в уголке. Одна из фигурок напоминала не то собаку, не то овцу, а вторая — определенно человека, но не поймешь, женщину или мужчину. Тенар не усматривала в этих безделушках ничего таинственного или опасного, да и тетушка Мох тоже сказала: «Это просто игрушки». Терру же фигурки казались по-настоящему волшебными. Она порой часами играла с ними, выдумывая всякие истории и не произнося вслух ни слова. Иногда она строила для человечка и его зверька дома — пирамидки из камешков, хижины из глины и соломы. Фигурки всегда были у нее под рукой, в кармане. Потихоньку

Терру училась прясть, но не могла пока держать шерсть в своей изуродованной огнем руке, а другой одновременно крутить веретено. С самого первого дня они с Тенар регулярно вычесывали Огионовых коз, и теперь набралось уже порядочно шелковистой шерсти, которую надо было спрясть.

«Но мне же нужно учить ее по-настоящему! — огорчалась Тенар. — „Научи ее всему“, — сказал Огион. А я ее чему учу? Готовить и прясть? — И сама же себе возражала, но уже как бы голосом Гохи: — А разве умение прясть не настоящее мастерство, всем нужное и всеми уважаемое? Разве мудрость заключена только в словах?»

И все-таки вопрос этот очень ее беспокоил, и однажды днем, когда Терру выбирала из козьей шерсти всякий мусор, сидя рядом с Тенар в тени персикового дерева, она сказала:

— Терру, может быть, тебе уже пора начать учить Истинные Имена вещей? Есть такой язык, на котором все вещи называются своими Настоящими Именами, а поступок и слово воспринимаются как единое целое. Слова этой речи произнес впервые Сегой, когда поднимал острова Земноморья из глубин морских. На этом языке говорят драконы.

Девочка слушала молча.

Тенар отложила чесальные гребни и подобрала с земли камешек.

— На этом языке, — сказала она, — камешек называется *ток*.

Терру смотрела внимательно; потом повторила *ток*, но совершенно беззвучно, одними губами, изуродованными ожогом справа.

Камешек как ни в чем не бывало лежал на ладони Тенар — самый обыкновенный камешек.

Обе они молчали.

— Рановато еще, — сказала Тенар. — Не этому должна я тебя учить сейчас. — Она бросила камешек на землю и снова взялась за свои гребни; к этому времени Терру приготовила уже целую гору серой, словно туча, шерсти. — Может быть, когда ты пройдешь обряд имяположения и обретешь Подлинное Имя? — снова заговорила Тенар. — Может быть, тогда будет можно? Но не сейчас. А знаешь что? Давай-ка займемся разными древними историями, пора тебе их послушать. Я могу много рассказать тебе о жизни Архипелага и Каргадских островов. Раньше я рассказывала только то, что сама узнала когда-то от Айхала Молчаливого, а теперь хочу, чтобы ты послушала одну историю, которую моя подруга Ларк рассказывала нашим с ней детям. Это история об Андауре и Аваде.

Так давно, как вечность, и так далеко отсюда, как Селидор, жил да был дровосек по имени Андаур, который часто в одиночку уходил далеко в

горы. Однажды, забравшись глубоко в лес, он срубил там огромный дуб. И, падая, дуб крикнул Андауру человеческим голосом...

Обе они весьма приятно провели тот день.

Однако ночью, лежа рядом со спящей девочкой, Тенар уснуть не могла. Беспокойство мучило ее, одна глупая мысль сменяла другую — и все какие-то мелочи: заперла ли она калитку загона, отчего болит рука — от бесконечного чесанья шерсти или это артрит начинается, и так далее и тому подобное. Потом вдруг ей стало совсем не по себе: ей показалось, что рядом с домом кто-то ходит. Что же это я до сих пор собаку не завела, подумала она. Глупо жить без собаки, когда в доме только женщина да ребенок! В такое время непременно следует завести собаку! Но ведь это же дом Огиона: ни один злоумышленник сюда никогда не проникнет. Да ведь Огион-то умер, умер и похоронен под корнями дерева на опушке леса. И никто ей на помощь не придет — Ястреб далеко, беглец. Он теперь уже и не Ястреб, так — тень Ястреба, никчемный, пустой, мертвый человек, которого силой заставляют жить. А у меня волшебной силы нет, тут от меня проку никакого. Я говорю слово Созидания, и оно у меня еще во рту умирает, теряет смысл. Камешек. А я — женщина, старая, слабая, глупая... Все, что я делаю, я делаю неправильно. Все, к чему я прикасаюсь, превращается в прах, в тени, в камень. Я создание тьмы, я переполнена тьмой. И очистить меня может только огонь. Только огонь может меня поглотить, поглотить полностью, как...

Она села и вскрикнула по-каргадски: «Да отвратится твое заклятие, да оборотится оно против тебя самого!» — и, выпростав из-под одеяла правую руку, указала ею куда-то вниз и прямо — на закрытую дверь. Потом осторожно выскользнула из кровати, подошла к двери, распахнула ее рывком и громко сказала прямо в пасмурную ночь:

— Ты пришел слишком поздно, Аспен! Я давно уже поглощена. Иди и очисти свой собственный дом от скверны!

Ответа не последовало, и вообще не слышно было ни звука, только в воздухе висел слабый, кисловатый, неприятный запах — чего-то горелого, то ли подожженного платья, то ли волос.

Она захлопнула дверь и подперла ее посохом Огиона, а потом проверила, спит ли по-прежнему Терру. Сама же она в ту ночь так и не уснула.

Утром они с Терру пошли в деревню, чтобы узнать у старого Фана, не нужна ли ему только что спряденная ими шерсть. Это был подходящий повод, чтобы уйти подальше от дома и некоторое время побыть среди

людей. Старик сказал, что с радостью возьмет их пряжу, и они еще некоторое время поговорили с ним, сидя под огромным разрисованным веером, а хмурая помощница Фана все это время безостановочно стучала и клацала ткацким станком. Когда Тенар и Терру выходили на улицу, Тенар успела заметить, как кто-то спрятался за угол того домика, где она раньше жила. То ли оводы, то ли пчелы начали вдруг жалить Тенар в шею и в голову, а с небес вдруг полил грозовой дождь, хотя на небе не было ни облачка — да не просто дождик, камни посыпались! Она видела, как они отскакивают от земли. Терру остановилась, потрясенная и ошеломленная, озираясь вокруг. Из-за домика выбежали двое мальчишек, и непонятно было, то ли они хотели спрятаться, то ли, наоборот, выставляли себя напоказ, вопя и смеясь.

— Пойдем, — спокойно сказала Тенар, и они пошли к дому Огиона.

Тенар трясло, и озноб еще усилился по дороге. Она старалась скрыть это от Терру, которая казалась очень встревоженной, но не испуганной, хотя явно не понимала, что же произошло.

Едва они вошли в дом, как Тенар поняла, что здесь кто-то побывал, пока они ходили в деревню. Пахло горелым мясом и жженым волосом. Покрывало на их кровати было все скомкано.

Еще только решая, как быть дальше, она поняла, что на ней лежит заклятие. Теперь зло поджидало ее дома. Она никак не могла унять дрожь, в голове все путалось, мысли стали неповоротливыми, медлительными, она ни на что не могла решиться. Она и думать-то толком не могла. Тогда она произнесла одно лишь слово, Истинное Имя камешка, и вот сегодня в лицо ей полетели камни — в ее лицо, в лицо зла, в лицо ужаса... Она тогда осмелилась заговорить... А теперь она не могла говорить совсем...

Она подумала по-каргадски: *Я не могу думать на ардическом языке. Я не должна этого делать.*

По-каргадски думать она могла. Хотя и не быстро, а так, словно сперва должна была просить девушку Ару, которой была когда-то давно, чтобы та вышла из тьмы и подумала за нее. Чтобы помогла ей, Тенар, как помогла вчера ночью, отвратив заклятие колдуна и оборотив его зло против него самого. Ара не знала многого из того, что знали Тенар и Гоха, однако проклинать она умела; и жить во тьме — тоже; и еще — умела молчать.

Молчать Тенар было особенно тяжело. Ей хотелось выплакаться. Ей хотелось поговорить с кем-нибудь — пойти к тетушке Мох и рассказать той, что произошло, почему она должна уходить отсюда, да, наконец, просто чтобы попрощаться. Она попыталась сказать пастушке Вереск: «Козы теперь твои», и ей даже удалось произнести это на ардическом, так

что Вереск вроде бы должна была понять, однако она не поняла. Она уставилась на Тенар, засмеялась и ответила: «Ой, так ведь это же козы Лорда Огиона!»

Тенар тщетно попыталась пояснить свою мысль, но тут смертельная слабость охватила ее, и она услышала, как выкрикивает пронзительным голосом: тупица, полудурок, скотина, глупая баба!

Вереск уставилась на нее и перестала смеяться. Тенар прикрыла рот ладошкой, взяла ее за руку и повела смотреть, как зреют сыры в молочной; она стала поочередно показывать то на них, то на Вереск, пока та не кивнула слабо и снова не засмеялась — уже от радости.

Тенар кивком подозвала Терру, а сама пошла в дом, где отвратительный запах был сильнее, и Терру уже начала от него кашлять.

Тенар выбросила на улицу их дорожные сумки и башмаки. Потом в свою суму уложила сменное платье, два стареньких платьца Терру и наполовину сшитое новое ее платье, а также смену белья и остаток материи; положила еще веретена, немного еды и глиняную фляжку с водой на дорогу. В сумку Терру были уложены лучшие ее корзиночки из травы, костяной человечек и костяной зверек, несколько ярких перышек, маленькая плетеная циновочка-головоломка, которую подарила Терру тетушка Мох, и мешочек с орехами и изюмом.

Тенар хотелось сказать: «Пойди и полей персиковое деревце», но она не осмеливалась, а просто вывела девочку на улицу и показала, что нужно сделать. Терру старательно полила крохотный росток.

Они подмели и все прибрали в доме, работая быстро, в полном молчании.

Тенар поставила кувшин обратно на полку и увидела на другом ее конце три Великие Книги, принадлежавшие Огиону.

Ара тоже увидела их, но для нее они ничего не значили — какие-то большие кожаные коробки, полные бумаги.

Но Тенар уставилась на них, прикусив костяшку пальца, напряженная, пытаясь решить, что же ей делать и как донести такую тяжесть. Она не могла одна справиться с этим, но была *должна*. Книгам было не место в доме, утратившем свою священную неприкосновенность, куда теперь проникла ненависть. Они принадлежали Огиону. Геду. Ей. То было Знание. *Научи ее всему!* Она вытащила всю шерсть и готовую пряжу из мешка, который собиралась прихватить с собой, и положила Книги туда; потом стянула мешок кожаным ремешком, закрепив петлю так, чтобы удобно было тащить мешок по земле. И наконец сказала:

— Теперь мы должны уходить, Терру.

Она сказала это по-каргадски, но ведь и имя девочки тоже было каргадским; этим словом карги обозначают пламя, горение; и девочка последовала за Тенар, не задавая никаких вопросов, с дорожной сумой за плечами, куда было сложено все ее небогатое имущество.

Они взяли в руки свои дорожные посохи — ореховую ветку и ветку ольхи. Посох Огиона они оставили за дверью, в темном углу, а дверь в дом широко распахнули, предоставив гулять там морскому ветру.

Каким-то звериным чутьем Тенар чувствовала, что нужно держаться подальше от полей и от верхней дороги, по которой они пришли сюда. Они срезали путь, спустившись по крутым ступеням уходящих вниз пастбищ. Потом, крепко держась за руки, вышли на проезжую дорогу, что, петляя, вела в Порт Гонт. Тенар понимала, что, если им сейчас встретится Аспен, она пропала; а еще она подумала, что волшебник, возможно, поджидает ее на дороге. Хотя, может быть, и не на этой.

Примерно через полчаса ходьбы она вновь обрела способность нормально рассуждать. Во-первых, до нее дошло, что дорогу она выбрала правильно: слова ардического языка постепенно возвращались к ней, а потом — и слова Истинной Речи, так что она даже остановилась на минутку, подобрала с земли камешек и подержала его в руке, повторяя про себя: *ток*. Потом опустила камешек в карман. Посмотрела в небесную высь, на быстро летящие тучи, один раз прошептала: *Калессин*, и душа ее тут же очистилась, мысли стали ясными и такими же прозрачными, как воздух вокруг.

Они миновали длинную вырубку, по краям затененную высокими травами и выступами скал; здесь Тенар чувствовала себя несколько неуверенно. Когда они добрались до поворота дороги, перед ними внизу открылся простор темно-голубого залива. Между Сторожевыми Утесами в гавань Гонта как раз входил красивый корабль с поднятыми парусами. В прошлый раз именно такой корабль испугал и встревожил Тенар, однако теперь она страха не ощутила. Ей, напротив, даже захотелось побежать по дороге навстречу этому кораблю.

Но побежать она не могла: Терру была уже на пределе. Она ходила теперь гораздо быстрее, чем два месяца назад, да и спускаться вниз было, конечно, значительно легче, чем ползти по крутой дороге в Ре Альби. Но корабль как бы сам устремился им навстречу. В его парусах был, видно, волшебный ветер; словно низко летящий лебедь, пересек он залив и причалил в порту прежде, чем Тенар и Терру преодолели половину длинного своего пути.

Все города, большие и маленькие, всегда казались Тенар немного странными. Она никогда раньше не жила в городах. Когда-то она недолго гостила, правда, в самом большом городе Земноморья, Хавноре, а потом вместе с Гедом приплыла в Порт Гонт, но улиц его почти не видела: они тогда сразу пошли по дороге вверх к Большому Утесу. Единственным городом, который она хоть как-то знала, был Вальмут; там жила ее дочь. Вальмут был сонным, залитым солнцем морским городком, раскинувшимся на берегу уютной бухточки, и в его порту даже прибытие корабля с Андрадских островов казалось значительным событием; основной темой для разговоров здесь служила вяленая рыба.

Они с девочкой спустились по улице Порта Гонт, когда солнце над западным краем моря стояло еще достаточно высоко. Терру за все это время ни разу не пожаловалась, хотя была на ногах уже больше восьми часов; она, конечно же, сильно устала, но измученной не выглядела. Тенар тоже очень устала, к тому же она совсем не спала прошлой ночью, да и беспокойство буквально снедало ее. А Книги Огиона оказались весьма тяжелой ношей. Где-то на середине пути она переложила их в заплечный мешок, а еду и одежду — в тот мешок из-под шерстяной пряжи, который несла в руке; так оказалось значительно удобнее, но все равно очень тяжело. Теперь они еле брели вдоль окраины к городским воротам, где дорога, проходя между двумя каменными изваяниями драконов, превращалась в городскую улицу. У ворот на них уставился стражник. Терру тут же опустила голову, прижав изуродованную огнем щеку к плечу, а сожженную скрюченную ручонку спрятала под фартук.

— Вы к кому идете, госпожа? — спросил стражник, всматриваясь в девочку.

Тенар не знала, что сказать. Она не знала, что у городских ворот всегда стоит стража. Ей нечем было заплатить ни подорожную пошлину, ни за постой в харчевне. Она в этом городе не знала ни души — кроме разве что того волшебника, что приходил хоронить Огиона. Как же его звали? Нет, она и этого не помнила. И стояла у ворот, открыв рот, словно придурковатая Вереск.

— Ладно, проходите уж, — раздраженно бросил стражник и отвернулся.

Ей хотелось спросить, как попасть на южную дорогу, что идет вдоль побережья через холмы в Вальмут. Но она не решилась снова привлекать к себе внимание стражника, чтобы тот не прогнал ее, как обычную бродяжку, ведьму или кого-то еще, кому он вместе с каменными драконами обязан был преградить путь в этот город. Они быстро прошли мимо драконов и

устремились дальше — Терру даже немножко приподняла голову, чтобы на ходу взглянуть на великолепные резные изваяния, и поплелась следом за Тенар, спотыкаясь о каждый камень, все больше и больше удивляясь, смущаясь и постепенно сникая. Тенар казалось, что в этом огромном городе можно найти все, что угодно, все на свете. Высокие каменные дома, различные повозки, ломовые телеги, тележки, рогатый скот, ослики, рынки, магазины, толпы людей, люди, люди, люди — чем дальше они шли, тем больше им встречалось людей. Терру жалась к руке Тенар, льнула к ней, пряча лицо под свисавшими волосами. Тенар и сама старалась держаться поближе к Терру. Она понимала, что здесь им не место, так что они сразу пошли на юг, рассчитывая двигаться до наступления темноты — а теперь темнело рано — и потом заночевать где-нибудь в лесу. Тенар высмотрела какую-то толстуху в немыслимо пышном белом фартуке, закрывавшую ставни своего магазинчика, и решила спросить у нее, как выйти из города на южную дорогу. Суровое красное лицо женщины казалось довольно располагающим, однако, пока Тенар набиралась храбрости, Терру вдруг буквально впилась ногтями в ее руку и попыталась спрятаться у нее за спиной. Подняв глаза, Тенар увидела, что по улице прямо к ним идет тот самый человек в кожаной шапке. Он тоже сразу увидел ее. И остановился.

Тенар покрепче ухватила Терру за руку и поволокла, потащила ее за собой.

— Скорей! — велела она и решительно двинулась прямо на того человека. Миновав его, она еще быстрее устремилась вниз, навстречу сиянию заката и темнеющей воде, навстречу причалам и сходням, видневшимся в конце круто спускавшейся улицы. Терру бежала следом, задыхаясь так, как задыхалась тогда, когда ее, обожженную, вытащили из костра.

Высокие мачты толпились на фоне красно-желтого закатного неба. Тот прекрасный корабль со свернутыми парусами стоял у каменного причала, скрытый гребной галерой.

Тенар оглянулась. Мужчина в кожаной шапке шел за ними, он был совсем близко. Он не спешил.

Она выбежала на причал, но через несколько шагов Терру споткнулась и не смогла идти дальше: у нее не хватало дыхания. Тенар подхватила малышку на руки, и та прильнула к ней, спрятав лицо у нее на плече. Но с такой ношей и сама Тенар едва переставляла ноги. Они у нее дрожали и подгибались. Шаг, другой, третий — и Тенар подошла к узким деревянным сходням, которые были перекинута с корабля на причал. Она положила руку на перила.

Какой-то моряк, простой жилистый парень, глянул на нее с палубы.

— В чем дело, госпожа? — спросил он.

— Это... это корабль из Хавнора?

— Из столицы, да, точно.

— Пустите меня на борт!

— Ну я-то этого разрешить не могу... — сказал парень, ухмыляясь, однако ободряюще подмигнул ей и стал смотреть на человека в кожаной шапке, остановившегося рядом с Тенар.

— Да не беги ты от меня! — сказал ей Ловкач. — Я ведь тебе зла не причиню. Никому я вредить не собираюсь. Ты же ничего не понимаешь. Я ведь и тогда пришел за помощью для нее, разве не так? Мне по-настоящему жалко было, что оно так вышло. Я вам помочь хочу... — Он протянул руку, словно его неудержимо тянуло к Терру, хотелось коснуться девочки. А Тенар не могла даже пошевелиться. Она ведь обещала Терру, что этот человек больше никогда не дотронется до нее! И беспомощно смотрела, как его пальцы скользнули по вздрогнувшей обнаженной ручке ребенка.

— Эй, чего тебе от нее надо? — послышался другой голос. На месте того жилистого парня появился другой, совсем молодой, Тенар даже подумала сперва, что это ее сын. Ловкач поспешил ответить:

— Так она... ребенка моего унесла. Племянницу. Девчонка-то моя. А она ее, понимаешь, околдовала да и убежала с ней...

Тенар по-прежнему не могла вымолвить ни слова. Все слова покинули ее, их словно у нее отобрали. Тот молодой моряк не был ее сыном. У него было тонкое и суровое лицо, ясные глаза. Глядя на него, она нашла наконец слова:

— Позвольте мне подняться на борт, пожалуйста!

Молодой человек протянул Тенар руку. Она ухватила за нее и, пошатываясь, прошла по сходням на палубу корабля.

— А ты подожди там, — сказал юноша Ловкачу и снова обернулся к Тенар: — Пойдемте со мной, госпожа.

Но ноги уже не держали ее. Грудой тряпья Тенар рухнула на палубу столичного корабля, уронив свой тяжелый мешок, но крепко прижимая к себе девочку.

— Не позволяйте ему забирать ее, ах, господин мой, умоляю, только не отдавайте ему ее снова, нет, нет, нет!..

Она ни за что не соглашалась отпустить девочку от себя. Все они на корабле были мужчинами! Лишь очень не скоро она обрела способность воспринимать то, что они говорят, что происходит вокруг. Когда она поняла, кто такой тот молодой человек, которого она сперва приняла за своего сына, то ей показалось, что она все время знала это, только не имела возможности подумать как следует. Она была не в состоянии ни о чем подумать как следует.

Юноша вернулся с причала на палубу корабля и теперь разговаривал у сходней с седовласым моряком — похоже, шкипером. Потом он через плечо посмотрел на Тенар, которая съежилась между перилами и рубкой, крепко прижимая к себе Терру. Чрезмерная усталость, тяжкие испытания этого дня одержали верх над всеми страхами: Терру глубоко спала. Тенар подложила девочке под голову ее маленький мешок и укрыла своим плащом. Потом медленно распрямила ноги и встала; молодой человек тут же бросился к ней. Она поправила юбки и пригладила откинутые на спину волосы.

— Я Тенар с Атуана, — сказала она. Он не шелохнулся. Она прибавила: — Мне кажется, ты наш король.

Он был очень молод. Моложе ее сына Искорки. Ему вряд ли исполнилось двадцать. Но что-то такое в его облике давало понять: он вовсе не так уж молод; а глаза смотрели так, словно видели все, даже адский огонь.

— Имя мое Лебаннен с Энлада, госпожа, — сказал он и уже собирался поклониться или даже преклонить перед ней колена, но она поймала его за руку, так что теперь они стояли лицом к лицу.

— Ты не должен этого делать предо мной, — сказала она, — как и я перед тобой!

Он удивленно рассмеялся и задержал ее руки в своих, с откровенным любопытством ее рассматривая.

— Откуда ты знаешь, что я искал тебя? Ты, значит, шла ко мне, когда тот человек...

— Нет-нет. Я убегала... от него... от... от бандитов... я пыталась попасть домой, вот и все.

— На Атуан?

— Ах нет! На свою ферму. В Срединную Долину. Это здесь, на

Гонте. — Она тоже засмеялась сквозь слезы. Слезы безудержно лились у нее из глаз, сейчас их можно было наконец выплакать. Она выпустила руки короля, чтобы утереть свои слезы.

— Где это, Срединная Долина? — спросил он.

— На юго-востоке острова, за холмами. Там есть еще город Вальмут.

— Мы тебя туда отвезем, — сказал он, радуясь тому, что может ей это предложить и чем-то помочь.

Она улыбнулась и кивнула.

Король обернулся к шкиперу:

— Стакан вина, немного еды, отдых, а еще постель помягче для девочки.

Шкипер внимательно слушал, отдавая соответствующие приказания. Жилистый матрос, которого она помнила, казалось бы, с незапамятных времен, вышел вперед, собираясь взять Терру на руки, но Тенар преградила ему путь. Она никому не могла позволить коснуться девочки.

— Я сама понесу ее, — сказала она звенящим, как натянутая струна, голосом.

— Там трап, госпожа. Давайте лучше я, — предложил матрос, и она поняла, что он добрый человек, но все-таки не могла позволить ему коснуться Терру.

— Можно мне? — спросил молодой король и, взглянув на Тенар, опустился на колени, взял спящую девочку на руки, понес к люку и стал очень осторожно спускаться по трапу. Тенар шла следом.

Он положил Терру на койку в тесной каюте. Неуклюжий, ласковый. Заботливо подоткнул плащ. Все это Тенар ему позволила.

На корме, в большой каюте с широким окном, обращенным в сторону окутанного сумерками залива, король попросил Тенар присесть за дубовый стол. Сам взял из рук юнги поднос, сам налил красного вина в тяжелые хрустальные кубки, сам предложил ей фрукты и печенье.

Она пригубила вино.

— Очень хорошее вино, правда, не Года Дракона, — сказала она.

Он ошарашенно посмотрел на нее, растерявшись, как мальчишка.

— Это вино с Энлада, не с Андрадских островов, — кротко пояснил он.

— Отличное вино, — заверила она его, отпив еще глоток. Потом взяла печенье. Печенье было сухое, рассыпчатое, очень сдобное и не слишком сладкое. Зато зеленый и янтарно-желтый виноград казался почти приторным и чуточку терпким. Живой вкус еды и вина был для нее точно швартовы для корабля: он вновь привязывал ее к этому миру, к ее

собственному разуму. — Я была очень напугана, — сказала она, как бы оправдываясь. — Теперь, наверное, скоро оправлюсь. Вчера... нет, сегодня, сегодня утром... случилось... на меня было наложено заклятие... — Оказалось непереносимо трудно, почти невозможно произнести это слово. Тенар стала заикаться. — П-п-проклятие... я была п-п-проклята... у меня отняли речь и разум. И тогда мы сбежали, но попали прямо в руки тому человеку, который... — Она в отчаянии подняла глаза на молодого короля, который внимательно слушал ее. Его мрачный спокойный взгляд помог ей выговорить то, что выговорить было необходимо. — Он был одним из тех, что изувечили девочку. Он и ее родители. Они изнасиловали ее, избили до полусмерти и сунули в костер; такое тоже порой случается, господин мой. Такое порой случается даже с детьми. И этот человек продолжает преследовать девочку, пытается во что бы то ни стало до нее добраться. И...

Она заставила себя передохнуть, отпила немного вина, стараясь неторопливо насладиться его вкусом и ароматом.

— И это от него я бежала к тебе. В рай. — Она огляделась, осмотрела низкие резные балки под потолком, полированный стол, серебряный поднос, тонкое спокойное молодое лицо короля. У него были темные и мягкие волосы, чистая кожа, цвета красновато-золотистой бронзы; одет он был хорошо и просто, никакой цепи или кольца, ни единого символа королевской власти. Но по его виду сразу можно было сказать, что это король.

— Мне очень жаль, что я его отпустил, — сказал Лебаннен. — Но его еще вполне можно найти. А кто проклял тебя?

— Один волшебник. — Ей не хотелось называть его имя. Не хотелось вспоминать все это. А хотелось, чтобы все поскорее осталось далеко-далеко позади. Никакой мести, никакой погони. Пусть разбираются со своей ненавистью сами, пусть остаются там, позади, пусть забудутся.

Лебаннен не настаивал, однако спросил:

— А будешь ли ты в безопасности на своей ферме?

— Надеюсь. Если бы я тогда не так устала, не растерялась бы так... если б голова у меня работала как следует — а то ведь я даже думать не могла, — я бы и Ловкача не испугалась. Да и что бы он, собственно, мог мне сделать? Когда кругом полно народу — на улицах и везде? Мне не следовало убегать от него. Но тогда я чувствовала только ЕЕ СТРАХ, и ничего больше. Она еще так мала! Пока что она умеет только бояться его. Ей нужно еще научиться его не бояться. Я должна научить ее этому... — Она размышляла вслух. Думала она по-каргадски. Неужели она и говорила

по-каргадски? Он вполне может подумать, что она сошла с ума, старая, безумная, что-то бормочущая старуха. Она остро глянула на него. Его темные глаза смотрели не на нее, а на язычок пламени за стеклом лампы, что висела низко над столом. Маленькое, спокойное, чистое пламя. Его лицо было слишком печальным для столь юного существа.

— Ты приплыл сюда, чтобы найти его, — сказала она. — Верховного Мага. Ястреба.

— Геда, — поправил он, глядя на нее с едва заметной улыбкой. — Ты, и он, и я — все мы зовемся Подлинными Именами.

— Ты и я — да. Но он — только с тобой и со мной.

Король кивнул.

— Он сейчас в опасности. Ему грозят всякие завистливые люди... злоумышленники... а у него сейчас нет... нет никакой защиты. Ты об этом знаешь?

Она не могла заставить себя выражаться яснее. Лебаннен сказал:

— Он говорил мне, что его могущество, его волшебная сила исчерпаны во время того подвига, что спас и меня, и всех нас. Но в это так трудно поверить! Мне не хотелось верить ему.

— Мне тоже. Но это так и есть. И поэтому он... — Снова Тенар колебалась. — Он хочет побыть один, пока раны его не зарубцуются, — осторожно договорила она.

— Он и я, мы вместе были в темной стране, в иссушенной пустыне, — сказал Лебаннен. — Вместе мы умирали. Вместе прошли через те горы. Сюда можно вернуться, если пройти через те горы. Там есть еще один путь. И он это знал. Но имя тех гор — Горе. Камни... Острые камни тех гор наносят такие глубокие порезы — очень долго не заживает...

Он посмотрел на свои руки. Она вспомнила руки Геда, израненные и обожженные, судорожно стиснутые, все в запекшейся крови. Он все старался зажать свои раны...

Ее собственная рука сжала в кармане тот камешек — то самое Слово, что она подобрала на крутой горной дороге.

— Почему он прячется от меня? — вскричал юноша в тоске. И тихо прибавил: — Я так хотел, так надеялся увидеть его. Но если он сам того не желает, то, разумеется, и говорить не о чем. — В этих словах она услышала ту же холодноватую вежливость, то же достоинство, что и в речах посланцев Хавнора; она высоко ценила подобную воспитанность; она хорошо знала, чего это стоит. Но юноша был дорог ей именно потому, что у него вырвались эти слова тоски.

— Он, конечно же, придет к тебе. Только дай ему время. Он получил

такой тяжкий удар — у него отнято все... все... Но когда он говорил о тебе, когда произносил твое имя — ах, в такие минуты я снова видела Геда таким, каким он был когда-то!.. каким он будет снова... Гордым!

— Гордым? — повторил Лебаннен удивленно.

— Да. Конечно, гордым. Кому и гордиться, как не ему?

— Я всегда считал его... он был так бесконечно терпелив... — Лебаннен помолчал и засмеялся собственным противоречивым словам.

— Ну а теперь терпения-то ему как раз и не хватает, — сказала Тенар, — и он беспредельно жесток по отношению к себе. Мы ничего не можем для него сейчас сделать, разве что не мешать ему следовать тем путем, который он сам для себя избрал — «чтобы на другом конце привязи обнаружить себя самого». Так здесь говорят, на Гонте... — И вдруг сама она почувствовала, будто ходит вокруг колышка на привязи, и такая предельная усталость навалилась на нее, что показалась ей болезнью. — По-моему, мне пора отдохнуть, — сказала она.

Он тут же поднялся.

— Госпожа Тенар, ты сказала, что бежала от одного врага и встретила другого; зато я явился сюда в поисках одного друга, а нашел двоих!

Она улыбнулась его сметливости и доброте. Что за чудесный мальчик, подумала она.

Корабль, казалось, весь находился в движении: слышались стон и скрежет корабельной обшивки, грохот бегущих ног над головой, стук разматываемой парусины, крики матросов. Терру разбудить было нелегко, и, проснувшись, она ничего не могла понять; возможно, у нее даже был жар, хотя она всегда была такой горячей, что Тенар даже не пыталась определять, не больна ли девочка. Терзаясь угрызениями совести из-за того, что заставила малышку прошагать больше восьми часов да еще пережить весь тот ужас вчерашнего дня, Тенар попыталась развеселить ее, рассказывая, что они плывут на корабле и эта маленькая комнатка, где они спали, принадлежит самому королю, а корабль везет их домой, на ферму, и тетушка Ларк ждет их там, а может быть, ждет и Ястреб. Но ничто не интересовало Терру. Она оставалась совершенно равнодушной, вялой, все время молчала.

На ее маленькой худенькой ручке Тенар заметила красные следы четырех пальцев — словно клеймо, словно ее коснулись раскаленные наручники. Но ведь Ловкач даже не сжимал ей руку, он только чуть дотронулся до нее? Она, Тенар, когда-то сама пообещала ей, что этот человек никогда больше ее не коснется. И обещания не сдержала. Ничего

ее слово не стоит! Да и какое слово может справиться с тупой мощью насилия?

Она наклонилась и поцеловала отметины на ручонке Терру.

— Жаль, что я не успела дошить твоё красное платьице, — сказала она. — Королю, наверно, очень приятно было бы увидеть тебя в нём. Хотя, по-моему, на кораблях люди не носят нарядное платье, даже короли.

Терру села на койке, низко склонив голову и ничего не отвечая. Тенар расчесала её волосы. Они наконец-то стали расти как следует; густые, шелковистые пряди темной волной закрывали обожженную щеку и руку.

— Хочешь есть, птенчик? Ты ведь вчера даже и не поужинала. Может быть, король даст нам позавтракать? Вчера вечером он угощал меня печеньем и виноградом.

Ответа не последовало.

Когда Тенар сказала, что им пора выйти из каюты, девочка подчинилась. Наверху, на палубе, она стояла, прижав голову к плечу. Она не смотрела ни вверх, на белоснежные паруса, наполненные сильным утренним ветром, ни на искрящуюся воду, ни на гору Гонт, вздымавшуюся у них за спиной к самым небесам, ни на великолепие лесов. Она не подняла глаз и тогда, когда с ней заговорил Лебаннен.

— Терру, — ласково сказала Тенар, опускаясь возле неё на колени, — когда с тобой говорит король, следует отвечать.

Девочка молчала.

На лице Лебаннена, не сводившего с Терру глаз, ничего прочесть было нельзя. Возможно, то была просто маска воспитанного человека, скрывающего своё отвращение и потрясение. Однако его темные глаза были спокойны. Он легонько коснулся детской ручонки и сказал:

— Тебе, должно быть, очень странно было проснуться посреди моря?

Она согласилась поест и съела немножко фруктов. Когда Тенар спросила, не хочет ли она вернуться в каюту, девочка кивнула. Тенар неохотно оставила её там, забившуюся в угол, и вернулась на палубу.

Корабль проплывал между Сторожевыми Утесами, до самого неба вздымавшимися каменными стенами, которые, казалось, вот-вот коснутся парусов. Лучники в маленьких крепостях, прилепившихся, словно гнезда стрижей, высоко на утесах, смотрели вниз, на палубу корабля, и матросы радостно вопили: «Дорогу королю!», а в ответ доносилось — куда громче крика ласточек и стрижей в небесах: «Да здравствует наш король!»

Лебаннен стоял на носу судна со шкипером и каким-то пожилым, аккуратно одетым в серый плащ мага, узкоглазым человеком с острова Рок. Гед тоже надел такой красивый серый плащ, когда они с ним привезли

Кольцо Эррет-Акбе в Башню Меча; а старый его плащ, весь в пятнах, грязный и изношенный, служил ему некогда единственным одеялом — там, в Гробницах Атуана и в пустынных горах, когда они вместе шли к побережью. Тенар думала об этом, глядя, как у бортов корабля разлетаются хлопья пены и высокие утесы пропадают вдаль за кормой.

Когда корабль миновал последние рифы и начал сворачивать к востоку, к Тенар подошли трое. Лебаннен, один из них, сказал:

— Госпожа моя, это Мастер Ветроуд с острова Рок.

Великий Маг поклонился, с восхищением глядя на нее живыми острыми глазами, в которых светилось и любопытство. Это такой человек, решила она, которому нравится знать, куда дует ветер.

— Ну, значит, теперь мне уже не нужно мечтать, чтобы хорошая погода продержалась еще немного: я просто на это рассчитываю, — сказала она Ветроуду.

— В такой день, как сегодня, я всего лишь обычный пассажир, — ответил ей Маг. — Кроме того, с таким капитаном за рулем, как Мастер Серратен, не требуется никакой заклинатель погоды.

Все мы очень вежливы, думала она, все мы — дамы и господа, изысканно кланяемся и говорим друг другу комплименты. Она быстро глянула на молодого короля. Тот смотрел на нее улыбаясь, по-прежнему сдержанный.

Она чувствовала себя примерно так же, как когда-то девочкой в Хавноре: маленькая варварка, неловкая среди всеобщей изысканной обходительности. Однако теперь уже былого священного трепета перед этим блеском Тенар не испытывала; лишь удивлялась тому, как эти мужчины подчинили свою жизнь какому-то вечному танцу масок и как легко и просто любая женщина может научиться исполнять этот танец.

Ей сказали, что понадобится один только сегодняшний день, чтобы доплыть до Вальмута при таком свежем ветре и ясной погоде. Уже после обеда они причалят в тамошней гавани.

Все еще чувствуя сильную усталость после пережитых вчера волнений, Тенар рада была присесть на «ложе», которое уже знакомый ей матрос соорудил для нее из соломенного тюфяка и куска парусины; она смотрела на бегущие волны, на чайки, на меняющиеся очертания горы Гонт, синей и сонной в полуденном свете, на крутые обрывистые берега. Потом привела наверх и Терру, чтобы та побыла на солнышке; девочка пристроилась с ней рядом, то глядя по сторонам, то снова погружаясь в дремоту.

Какой-то матрос, очень темнокожий, беззубый, босой, с подошвами

ног, твердыми, как подковы, и чудовищно искривленными, изуродованными пальцами, подошел к ним и положил что-то на тюфяк возле Терру.

— Для малышки, — хрипло сказал он и тут же снова отошел, однако потом все посматривал украдкой, занимаясь своим делом, в сторону девочки, чтобы убедиться, что ей понравился его подарок. Терру не пожелала даже коснуться маленького свертка. Развернуть его пришлось Тенар. Это было прелестное изображение дельфина, изящная вырезанная из кости статуэтка длиной не больше пальца.

— Он может жить вместе с другими твоими костяными фигурками, — посоветовала Тенар.

При этих словах Терру будто ожила, достала свою плетенную из травы сумочку и положила дельфина туда. Но пойти поблагодарить скромного дарителя пришлось тоже Тенар. Терру не желала ни смотреть на него, ни говорить с ним. Через некоторое время она снова попросилась в каюту, и Тенар оставила ее там играть с костяным человечком, зверьком и дельфином — веселой компанией.

Ах, до чего же легко, с яростью думала она, до чего легко этому Ловкачу было отнять у ее девочки солнечный свет, и этот корабль, и юного короля, и само ее детство; и как же трудно вернуть все это ей обратно! Целый год я старалась вернуть ей эту радость, а он лишь чуть прикоснулся к ней и снова все у нее отнял. Зачем? Неужели в этом предмет его гордости, его могущества? Неужели сила его оборачивается пустотой?

Она подошла к королю и Магу Ветродную, стоявшим у перил. Солнце уже сильно клонилось к западу, и корабль плыл по великолепию волн, сверкающих дивными красками. Тенар почему-то вспомнила вдруг тот свой сон, когда летала вместе с драконами в небесах.

— Госпожа Тенар, — сказал король, — я не оставлю никакого письма для нашего общего друга. Мне кажется, что этим я обременил бы тебя и посягнул бы на его свободу. Я не хочу делать ни того, ни другого. В этом месяце состоится моя коронация. Если бы это он держал корону над моей головой, правление мое началось бы так, как того желает моя душа. Но будет так или нет — а именно он возвел меня на трон. Именно он сделал меня королем. Я этого никогда не забуду.

— Знаю, что не забудешь, — ласково сказала она. Этот мальчик был так напряжен, так серьезен, словно закован в броню дворцового этикета, и тем не менее очень уязвим из-за своей честности, из-за чистоты своих побуждений. Она принимала его всем сердцем. Он думает, что познал Великое Горе, но он познает его снова и снова, и всю свою жизнь будет

познавать его, и ничего из этого горького опыта никогда не забудет.

А потому и не станет в отличие от Ловкача искать простых путей.

— Я охотно передам твое послание, — сказала она. — Мне это вовсе не трудно. А вот захочет ли он выслушать — это уж от него зависит.

Мастер Ветродуй усмехнулся.

— Так всегда было, — сказал он. — Всегда все зависело только от него самого.

— Ты давно знаешь его?

— Дольше, чем ты, госпожа моя. Я его когда-то учил, — сказал Маг. — Тому, чему мог... Он ведь явился в Школу на остров Рок, как ты знаешь, совсем мальчишкой и принес письмо от Огиона, в котором сообщалось, что в этом пастушке заключена великая сила. Но в первый же раз, когда я отправился с ним на лодке, чтобы научить его разговаривать с ветрами, он, знаешь ли, поднял водяной смерч. И тогда я понял, что всех нас ждет: мальчик либо утонет еще до того, как ему исполнится шестнадцать, либо станет Верховным Магом еще до того, как ему стукнет сорок... А может, мне просто кажется теперь, что тогда я так думал...

— Он по-прежнему Верховный Маг Земноморья? — спросила Тенар. Вопрос казался абсолютно бестактным, а ответное молчание напугало ее еще больше: значит, это не просто бестактность с ее стороны.

Наконец Ветродуй пояснил:

— В настоящее время на острове Рок нет Верховного Мага. — Голос его звучал чрезвычайно настороженно, и слова он выговаривал очень четко.

Она не осмелилась спросить, что он имел в виду.

— Я полагаю, — сказал король, — что Восстановивший Руну Мира может быть членом любого совета в Земноморье; а ты, господин мой, разве так не думаешь?

Последовала еще одна пауза — и после очевидной борьбы с собой Маг выговорил:

— Разумеется.

Лебаннен немного подождал, но больше Ветродуй не прибавил ни слова.

Молодой король окинул взором сияющие закатным светом воды и заговорил напевно, словно рассказывая сказку:

— Когда мы с ним прилетели с самого дальнего запада на спине дракона... — Он помолчал, и имя дракона прозвучало в душе Тенар словно удар колокола: *Калессин*. — Дракон оставил меня на острове Рок, а его унес прочь. И тогда Привратник Школы сказал: «Он покончил с делами. Он идет домой!» А еще раньше, на берегу Селидора, Гед бросил свой посох, сказав

мне, чтобы я о посохе не беспокоился, ибо сам он больше уже никакой не маг. Ну и потом Мастера острова Рок собрались на совет, чтобы выбрать нового Верховного Мага.

На этот совет они пригласили и меня, дабы я как будущий король смог приобщиться к их премудрости. А еще, наверное, я вошел в их число, потому что необходимо было занять пустующее место: место Ториона, Мастера Заклинателя, чье искусство обернулось против него же по умыслу тех злых сил, которые господин мой Ястреб в конце концов уничтожил. Когда мы были там, в пустынной стране, что простирается между каменной стеной и Горами Горя, я видел Мастера Ториона. Мой господин окликнул его и рассказал ему, как можно вернуться назад, к жизни. Но, по-моему, Торион не пошел по указанному пути. И к жизни не вернулся.

Сильные тонкие пальцы Лебаннена из всех сил сжали поручни. Он по-прежнему не отрывал глаз от сияющего моря. Через некоторое время он снова заговорил.

— Итак, я дополнил число «девять», необходимое для того, чтобы выбрать нового Верховного Мага. Великие Маги с острова Рок — люди очень мудрые, — сказал он, посмотрев на Тенар. — Они не только прекрасно осведомлены в своих науках и искусствах, но и обладают богатым жизненным опытом. Все они очень разные, но используют свои различия, как я это понял гораздо раньше, лишь для того, чтобы общее решение было более весомым, многогранным. Однако на этот раз...

— Дело в том, — вмешался Мастер Ветроуд, заметив, что Лебаннену, видимо, не хочется критиковать Великих Мастеров, — что на этот раз у нас были одни разногласия и никакого решения мы вынести не могли. Мы никак не могли прийти к согласию. Может быть, из-за того, что Верховный Маг по-настоящему не был мертв — он был жив, видишь ли, но уже не был Магом... и тем не менее, по всей видимости, оставался Повелителем Драконов... Да и Мастер Метаморфоз еще не совсем оправился от собственных чар, чуть его не погубивших. Метаморфоз все еще надеялся, что Заклинатель сможет побороть смерть и вернуться из ее Царства, и умолял нас подождать... А Мастер Путеводитель и вообще не желал ничего говорить. Он ведь карг, госпожа моя, как и ты; ты это знала? Он прибыл к нам с Карего-Ат. — Проницательные глаза Мастера Ветроудя наблюдали за Тенар: в какую сторону подует ветер на этот раз? — По всем этим причинам в нашей Девятке многого не хватало и все у нас не ладилось. Когда Привратник спросил, какие имена мы могли бы назвать, не было названо ни одного имени. Каждый посматривал на соседа...

— Я смотрел в землю, — вставил Лебаннен.

— И в конце концов все мы воззрились на того, кому ведомо самое большое количество имен: на Мастера Ономатета. А он, в свою очередь, не сводил глаз с Мастера Путеводителя, который так и не сказал ни слова и сидел среди своих волшебных деревьев как пенёк. Ты же знаешь, наверное, что подобные встречи происходят всегда в Имманентной Роще, среди деревьев-великанов, чьи корни глубже, чем корни островов Земноморья. Был уже поздний вечер. Порой в Роще мелькают огоньки, но тогда все окутывала тьма и небо казалось черным, беззвездным. Вдруг Путеводитель встал и заговорил — но на своем родном языке, а не на ардическом и не на Языке Созидания. Мало кто из нас владел языком каргов, и мы были в полной растерянности. Но Ономатет все разъяснил нам. Мастер Путеводитель, оказывается, сказал: *это одна женщина с Гонта*.

Ветродуи умолк. На Тенар он больше не смотрел. Помолчав, она спросила:

— И больше ни слова?

— Больше ни слова. Когда мы попросили его уточнить, он только удивленно смотрел на нас, но ответить ничего не мог: полностью был во власти видения — понимаешь, он прекрасно представлял себе форму предмета и путь к нему, но почти ничего из этого не мог выразить словами, конкретными понятиями. И то, что ему удалось произнести, Он понимал не лучше остальных. Вот и все, чего мы тогда добились.

Мастера с острова Рок все были прирожденными учителями, а Мастер Ветродуи к тому же был очень хорошим учителем и ничего не мог с собой поделаться: он и сейчас старался рассказывать Тенар обо всем предельно понятно и просто. Возможно, чересчур просто. Он умолк, осторожно глянул на нее и отвернулся.

— Итак, теперь тебе ясно, госпожа моя, — снова заговорил он, — что нам непременно нужно было побывать на Гонте. Но кого нам следовало искать здесь? «Одна женщина» — не слишком точное указание для начала поисков. Видимо, предназначение этой женщины — повести нас за собой, каким-то образом указать нам путь к нашему Верховному Магу. И сразу, как ты и сама уже догадалась, госпожа моя, речь зашла о тебе — ибо о какой еще подобной женщине с острова Гонт могли мы когда-либо слышать? Остров этот невелик, зато твоя слава велика. И тогда один из Мастеров сказал: «Она отведет нас к Огиону». Но все мы знали: Огион давным-давно отказался быть Верховным Магом Земноморья и тем более теперь, когда он стар и болен, этого предложения ни за что не примет. И, по-моему, как раз в тот вечер Огион собирался покинуть наш мир. Сразу возникло другое предположение: «Она отведет нас к Ястребу!» И тут мы

совсем запутались...

— Да, совсем, — подтвердил Лебаннен. — К тому же вдруг в Имманентной Роще пошел самый настоящий дождь! — Он улыбнулся. — Я уж думал, что больше никогда не услышу стука дождевых капель по листьям, и так обрадовался!..

— Девять человек промокли до нитки, — сказал Мастер Ветродуй, — но один из них при этом был счастлив.

Тенар засмеялась. Она ничего не могла с собой поделать: этот старый Маг ей нравился. Если он и держался с ней настороженно, так ведь и она тоже была настороже, хотя в присутствии Лебаннена, казалось, можно было говорить только откровенно.

— Ваша «одна женщина с Гонта», уж во всяком случае, не я, потому что к Ястребу я вас не поведу.

— Таково было и мое мнение, — совершенно искренне воскликнул Ветродуй. — Это не могла быть ты, госпожа моя, иначе Путеводитель непременно произнес бы твое Подлинное Имя. Ведь таких, кто открыто зовется своим Подлинным Именем, очень мало! И все-таки я уполномочен Советом Рока спросить тебя, не знаешь ли ты какой-нибудь другой женщины на этом острове, которая походила бы на ту, кого мы ищем? Может быть, это сестра или мать наделенного волшебной силой человека, а может быть, его наставница — ведь и среди простых ведьм встречаются по-своему очень и очень мудрые. Может быть, Огион знал такую женщину? Говорят, что он знал на этом острове каждого человека, хотя и жил в полном одиночестве да и бродить любил по диким местам. Мне бы так хотелось, чтобы он был сейчас жив! Уж он-то смог бы нам помочь!

Тенар тут же вспомнила ту рыбачку, о которой ей рассказывал Огион. Но женщина та уже была старой много лет назад, а теперь, конечно же, умерла. Хотя драконы, подумала вдруг Тенар, живут очень долго, во всяком случае так всегда считалось.

Она довольно долго молчала, потом сказала лишь:

— Нет, ни одной такой женщины я не знаю.

Она хорошо понимала, что Маг изо всех сил старается быть с ней терпеливым. Мало ли что у нее на уме? Да и неизвестно еще, чего она сама хочет? Он, несомненно, думает именно так. Тенар вдруг удивилась, как это она осмеливается молчать. А ведь это его глухота заставляет ее молчать! И она не может даже объяснить ему, насколько он глух.

— Значит, — медленно проговорила она наконец, — в Земноморье теперь Верховного Мага нет? Зато есть король.

— На которого возложены все наши надежды и упования, — сказал

Маг с такой теплотой, что сразу переменялся к лучшему. Лебаннен, наблюдавший за ними и прислушивавшийся к их разговору, улыбнулся.

— За последние годы, — неуверенно начала Тенар, — случилось столько всяких несчастий, столько бед. Моя... мою девочку... такое стало происходить слишком часто. И еще я слышала, как могущественные волшебники и чаровницы жаловались, что слабеют их силы, уходит мастерство.

— Это вина того, кого наш Верховный Маг и мой господин победил в Пустынной стране; он носил лишь прозвище — Коб — и вызывал никому доселе не ведомые беды и разрушения. Нам еще много-много лет придется восстанавливать наше искусство, исцелять наших мудрецов, оздоравливать наше волшебство, — решительно произнес Маг.

— А вдруг потребуется куда больше — не просто восстанавливать и лечить? — задумчиво проговорила Тенар. — Хотя лечить, конечно, тоже необходимо... Но мне хотелось бы знать вот что: не может ли... не может ли еще один такой Коб снова обрести могущество, хотя все в мире так переменялось... хотя перемены затронули наш мир сверху донизу? Хотя благодаря этим переменам у нас в Земноморье снова есть настоящий король — и, может быть, именно король нам теперь нужнее, а не Верховный Маг?

Мастер Ветродуй смотрел на нее так, словно вдруг на совершенно безоблачном небосклоне увидел очень далекую грозовую тучу. Он даже поднял было правую руку, как бы намереваясь произнести заклятие, связывающее ветер, потом опустил ее. И улыбнулся.

— Не бойся, госпожа моя, — сказал он. — Остров Рок и Высшее Искусство Магии не погибнут. Наше сокровище охраняется очень хорошо!

— Скажи это Калессину, — буркнула Тенар, не в силах более выносить его произвольное пренебрежение. Ну конечно! Он прямо-таки остолбенел, услышав имя старого дракона. Но ее-то он даже и теперь услышать не сумел! Да и где ему суметь — ведь он в последний раз слушал женщину, когда его мать пела ему колыбельную.

— А ведь и правда! — воскликнул Лебаннен. — Калессин же приземлился на острове Рок, который, как известно, совершенно недоступен для драконов, и отнюдь не благодаря каким-то заклятиям моего господина — в нем тогда уже не осталось волшебной силы... и я не думаю, Мастер Ветродуй, что леди Тенар боится за себя.

Маг предпринял отчаянную попытку загладить нанесенное Тенар оскорбление:

— Прости, госпожа моя, что я говорил с тобой как с обычной

женщиной.

Тенар едва сдержала смех. Этот смех мог бы потрясти его до глубины души. Она лишь равнодушно сказала:

— В моих опасениях и нет ничего необычного. — Но и это не помогло: он просто не способен был услышать ее. Зато молодой король молчал, чутко прислушиваясь. Юнга с верхушки мачты, явившись из мира спутанных снастей и раскачивающихся парусов, крикнул ясным и звонким голосом: «Город прямо по курсу!», и через минуту те, кто был на палубе, увидели разбросанные на берегу дома, столбы дыма над серо-голубыми сланцевыми крышами, светящиеся закатным светом стекла в окнах, а потом, совсем рядом — пирсы и причалы Вальмута, раскинувшегося у залива с шелковисто-синей водой.

— Причаливать или вы воспользуетесь заклятием, господин мой? — спокойно спросил шкипер, и Мастер Ветродух ответил:

— Причаливай сам, шкипер. Ленъ возиться с этой водоплавающей мелочью! — И он показал на несколько дюжин рыбацких лодок, что почти сплошь покрывали воды залива. Королевский корабль, точно лебедь среди утят, осторожно вошел в гавань под крики приветствий, раздававшиеся с каждой лодки.

Тенар заметила, что у причалов нет ни одного большого морского судна.

— У меня сын — моряк, — сказала она Лебаннену. — Я думала, что его корабль, может, тоже в здешнем порту...

— А как называется его корабль?

— Он был третьим помощником капитана «Чайки Эскила» — но уже больше двух лет назад. Наверно, теперь на другом корабле плавает. Он у нас непоседливый... — Она улыбнулась. — Когда я в первый раз тебя увидела, то решила, что это он. А вы с ним совсем и не похожи, только оба высокие, худые и молодые. Просто я тогда не в себе была, испугалась очень... Ничего особенного, конечно...

Старый Маг давно ушел на капитанский мостик, так что они с Лебанненом остались вдвоем.

— Слишком много страхов, в которых нет ничего особенного, — сказал он.

Это была последняя возможность поговорить с ним наедине, и слова стали срываться у нее с губ поспешно и неуверенно.

— Я хотела сказать... впрочем, это бессмысленно... но разве не может быть так, что на Гонте найдется такая женщина — не знаю, кто она, понятия не имею, но ведь может быть, что и есть такая или еще будет, а они

именно ее-то и ищут, она-то им и нужна?.. Разве это невозможно?

Он слушал. Он не был глух. Но нахмурился, насторожился, словно пытаюсь понять чужой язык. И сказал едва слышно, будто выдохнул:

— Это возможно.

Какая-то рыбачка на маленьком ялике подгребла к ним: «Откуда вы?», и мальчишка-юнга сверху возвестил, словно петушок с высокой крыши: «Из столицы, от короля!»

— Как называется этот корабль? — спросила Тенар. — Мой сын спросит, на каком корабле я приплыла сюда.

— *Дельфин*, — ответил Лебаннен, улыбаясь ей.

«Сын мой, король мой, дорогой мой мальчик, — подумала она. — Как бы мне хотелось всегда быть рядом с тобой!»

— Я должна привести малышку, — сказала она.

— Как ты доберешься домой?

— Пешком. Отсюда всего несколько часов ходьбы, это чуть выше, в горах. — Она указала ему за город, туда, где широко раскинулась между двумя отрогами горы Гонт залитая солнцем Срединная Долина. — Моя деревня на самом берегу реки, а ферма — в четверти часа ходьбы от нее. Это один из самых чудесных уголков твоего королевства.

— Но будешь ли ты там в безопасности?

— О да! Сегодня я переночую у дочери в Вальмуте. А в нашей деревне на любого можно положиться. Одна я не останусь.

На мгновение глаза их встретились, но ни один не произнес того имени, о котором подумал.

— Они снова приплывут сюда с острова Рок? — спросила она. — Станут искать «одну женщину с Гонта»... или его самого?

— Его искать не станут. Это я им делать запрещу, даже если они и вознамерятся, — сказал Лебаннен, не сознавая, сколь многое сказал ей этим. — Ну а нового Верховного Мага или ту женщину из видений Мастера Путеводителя они, конечно, будут искать и, может быть, еще не раз явятся сюда. А может, и прямо к тебе.

— Рада буду приветствовать их на Дубовой Ферме, — сказала она. — Хотя и не так рада, как если бы туда приехал ты сам.

— Я приеду, как только смогу, — сказал он, чуть посуровев, и задумчиво прибавил: — И *если* смогу.

Чуть ли не все жители Вальмута собрались на пристани, чтобы посмотреть на корабль из Хавнора, услышав, что сюда прибыл сам молодой король, о котором успели уже сложить новые песни. В Вальмуте новых песен пока не знали, зато помнили старые, и Релли под аккомпанемент своей арфы спел отрывок из «Подвига Морреда» для юного короля Земноморья, который, как известно, был потомком Морреда. Появившийся на палубе король оказался таким молодым, высоким и красивым, каким и должен быть настоящий правитель Земноморья; рядом с ним стояли старый Маг с острова Рок, какая-то женщина и маленькая девочка — обе в старых плащах и похожие на нищенок. Однако король обращался с ними так, как если бы то были королева и принцесса. Может, они ими и были, кто знает?

— Может, это мать его? — сказала молоденькая Шинни, пытаясь разглядеть короля получше, но ей мешали головы мужчин, толпившихся впереди. И тут ее подруга Эппл по прозвищу Яблочко сжала ей руку и тихонько вскрикнула — точнее, прошептала:

— Ой... это же мама!

— Чья мама? — спросила Шинни, и Эппл ответила:

— Моя. А это Терру. — Но проталкиваться вперед сквозь толпу не стала, даже когда с корабля на берег сошел офицер и пригласил старого Релли на судно, чтобы тот сыграл для короля. Яблочко ждала вместе со всеми. Она видела, как король принял нотаблей Вальмута, слышала, как Релли пел для него. Потом король стал прощаться со своими гостями: корабль уже снова готовился к отплытию, чтобы еще до наступления ночи взять курс на остров Хавнор. Наконец по сходням на пристань сошли Терру и Тенар. Король торжественно обнял их на прощание, касаясь щекой щеки, а чтобы обнять Терру, опустил на колени. «Ах!» — воскликнула толпа у причала. Солнце садилось в золотистой дымке, на поверхности залива пролегла широкая золотая дорога. В руках у Тенар был тяжелый мешок и сумка; Терру, как всегда, шла опустив голову, и лицо ее было скрыто волосами. Сходни убрали, матросы засуетились, офицеры громко раздавали приказания, и вот корабль «Дельфин» поплыл прочь от острова Гонт. Тогда Яблочко протолкалась наконец сквозь толпу.

— Здравствуй, мама, — сказала она, и Тенар откликнулась:

— Здравствуй, дочка.

Они поцеловались, и Яблочко, подхватив Терру на руки, воскликнула:

— Ну и выросла ты! В два раза больше стала! Ну пошли, пошли к нам.

В тот вечер Яблочко почему-то немножко стеснялась собственной матери, даже в своем уютном доме, будучи женой молодого вальмутского купца. Она несколько раз задумчиво, даже испуганно поднимала на Тенар глаза и снова их опускала.

— Мне вообще-то всегда это было как-то безразлично, ты же знаешь, ма, — сказала Яблочко, появляясь в дверях спальни, — и эта Руна Мира... и твоё торжественное прибытие в Хавнор с Кольцом... Для меня это все равно что какая-нибудь старинная песня... про то, что случилось тысячу лет назад! Но это ведь действительно была ты? Правда?

— Это была одна девушка с острова Атуан, — сказала Тенар. — И это случилось тысячу лет назад. А вот я сейчас, по-моему, вполне способна тысячу лет проспать.

— Ну тогда скорее ложись. — Яблочко взяла лампу и собралась уходить. — А ещё с королем целовалась! — сказала она насмешливо.

— Ступай, ступай себе, — устало откликнулась Тенар.

Яблочко с мужем упрости Тенар погостить у них пару дней, но вскоре она так решительно засобиравалась на ферму, что Яблочко решила проводить их с Терру домой, и они втроем отправились в путь по берегу тихой серебристой реки Кахеды. Лето клонилось к осени. Солнышко ещё пригревало вовсю, но ветер был уже прохладный. Листва на деревьях казалась пыльной и потрепанной; поля были уже убраны или готовы к уборке.

Яблочко без умолку говорила о том, как сильно выросла и окрепла Терру, как уверенно она ходит теперь.

— Видела бы ты её в Ре Альби, — сказала Тенар, — до того, как... — и умолкла, решив не тревожить дочь.

— А что случилось? — все-таки встревожилась Яблочко и так настойчиво принялась выяснять это, что Тенар сдалась и тихо ответила:

— Один из *тех*.

Терру бежала впереди, длинноногая, в ставшем коротким платьишке, и все высматривала чернику на опушке леса.

— Её отец? — спросила Яблочко; её тошнило при одной только мысли об этом.

— Ларк говорила, что вроде бы прозвище её отца Треска. А этот помоложе. Тот самый, что приходил тогда и сказал Ларк, что случилось с девочкой. Его зовут Ловкач. Он... все слонялся вокруг да около, а потом —

вот уж не повезло! — мы прямо на него налетели в Порту Гонт. А молодой король его прогнал. И вот нас привезли сюда, а он там остался, так что все в порядке.

— Вот Терру, должно быть, напугалась! — сказала Яблочко, мрачняя.

Тенар кивнула.

— А зачем вы пошли в порт?

— А, так получилось. Этот тип, Ловкач, работал на одного... волшебника в поместье у Лорда, и волшебнику этому я чем-то не понравилась... — Она все пыталась хотя бы прозвище этому волшебнику придумать — и не могла, ничего не могла; в голову ей лезло одно лишь слово: *туabo*. Каргадское слово, обозначающее какое-то дерево, она даже не могла вспомнить какое...

— Ну и что?

— Ну и то! В итоге пришлось мне поскорее отправляться домой.

— За что ж этот волшебник так невзлюбил тебя?

— В основном за то, что я женщина.

— Да ну! — возмутилась Яблочко. — Ах он, старая сырная корка!

— Да он молодой совсем.

— Тем хуже! Ну что ж, по крайней мере у нас здесь никто родителей девочки не видел — если их так называть можно. А вот если они все-таки по-прежнему слоняются неподалеку, тогда очень плохо, что ты на ферме одна будешь.

Вообще-то очень приятно, когда твоя собственная дочь обращается с тобой по-матерински; сразу хочется начать капризничать. А потому Тенар нетерпеливо сказала:

— Со мной все будет в полном порядке!

— Могла бы уж по крайней мере собаку завести!

— Я уже думала об этом. У кого-нибудь в деревне, наверное, найдется щенок. Мы спросим у Жаворонка, когда мимо проходить будем.

— Не щенок тебе нужен, мама. Собака. Настоящая.

— Но хотя бы молодая? Чтобы Терру могла с ней играть! — умоляюще сказала Тенар.

— Ну да, милый такой теленочек, который будет со всеми, а заодно и с бандитами, лизаться! — съязвила Яблочко, шагая рядом с матерью — хорошенькая, здоровая, сероглазая.

Они пришли в деревню где-то около полудня. Ларк обрушила на Тенар и Терру настоящий ураган поцелуев, объятий, разнообразных вопросов и лакомств. Тихий муж ее только поздоровался приветливо. Однако соседи заглядывали один за другим. Тенар наконец почувствовала, что счастлива,

что вернулась домой.

Жаворонок и двое ее младших ребятишек — их у нее было семеро, — мальчик и девочка, проводили прибывших до самой Дубовой Фермы. Дети, конечно же, знали Терру, поскольку именно в их дом она попала сперва, знали и ее повадки, хотя за два месяца порядком отвыкли от нее и сперва немного стеснялись. С ними и даже с Ларк Терру казалась замкнутой, пассивной — такой, как в давние дурные времена.

— Девочка просто вымоталась за долгую дорогу — и вообще... Ничего, она скоро придет в себя и прекрасно будет играть с ребятами, — говорила Тенар Жаворонку, но Яблочко не дала ей так просто обойти эту тему.

— Один из тех негодяев объявился! Запугивал и ее, и маму, — сказала Яблочко. И потихоньку-помаленьку дочь и подруга вытянули из Тенар всю ту историю целиком — пока открывали холодный, запущенный, пыльный дом, приводили его в порядок, проветривали постели, склоняли головы над грядками с луком, заросшими сорняками, разжигали огонь, ставили сковородку, чтобы разогреть еду, и готовили огромную кастрюлю супа на вечер. Правда, рассказывала Тенар в час по чайной ложке и, похоже, так и не смогла рассказать, что же все-таки сделал с нею волшебник. Это было какое-то проклятие, неопределенно сказала она, а еще, может быть, именно он послал Ловкача за ней следом. Зато когда она начала рассказывать про короля, слова у нее изо рта так и посыпались!

— И там был он — король! Тонкий и прекрасный, словно лезвие меча... И Ловкач этот весь съежился и прямо-таки пополз от него прочь... А я-то сперва решила, что это мой Искорка! Правда! Нет, правда, мне показалось — похож... Наверно, я была не в себе...

— Ну ладно, — сказала Яблочко. — Насчет Искорки все как раз нормально; а вот моя подружка Шинни приняла тебя за мать короля! Уж больно здорово было смотреть, как ты плывешь на королевском корабле! А знаешь, тетя Ларк, она ведь его поцеловала! Поцеловала короля! Просто так взяла и поцеловала! Я уж думала, что потом она и старого Мага поцелует. Но она почему-то не стала.

— Да уж конечно нет, что за выдумки! Какой еще маг? — спросила Ларк, ныряя под стол. — Где у тебя ларь с мукой, Гоха?

— Ты на него руками опираешься. Был там Маг, настоящий, с острова Рок; явился сюда искать нового Верховного Мага.

— Сюда?

— А почему бы и нет? — возмутилась Яблочко. — Последний небось тоже с Гонта был, разве не так? Но того-то они не больно долго искали.

Сразу уплыли назад в Хавнор, едва мама от них отделалась.

— Как ты смеешь так говорить, негодница!

— Он говорил, что Маги ищут какую-то женщину с Гонта, — не обращая на них внимания, сказала Тенар. — Но, кажется, сам старый Маг был не очень-то этому рад.

— Волшебник — и женщину искал? Это что-то новое, — заявила Ларк. — Я уж было подумала, что мука твоя вся жучком заражена, а она еще вполне хорошая, так что я, пожалуй, парочку пресных лепешек испеку, не возражаешь? Где у тебя масло?

— Нужно сперва налить в бутылку из фляги. А фляга в леднике. Ой, Шанди! Неужели это ты! Ну, как дела? Как Чистый Ручей? Продал ягнят?

Когда они все вместе сели ужинать, то за длинным деревенским столом оказалось уже девять человек. Кухню заливал желтый закатный свет; Терру уже начала понемногу снова приподнимать голову и даже несколько раз обратилась за чем-то к детям Ларк. Но страх по-прежнему таился в ее душе, и, по мере того как на улице становилось все темнее, она старалась сесть так, чтобы ее зрячий глаз мог видеть окошко.

Сгустились сумерки; Ларк с детьми отправились домой; Яблочко пела Терру песенку, укладывая ее спать; а Тенар с Шанди мыли посуду. И только сейчас она наконец спросила о Геде. Ей почему-то не хотелось говорить о нем в присутствии Ларк и дочери: потребовалось бы слишком много объяснять. Она вообще «забыла» упомянуть о том, что Гед вместе с ними жил в доме Огиона. Ей совсем не хотелось вновь вспоминать о Ре Альби. Казалось, что при этом она сразу сбивается с мысли.

— Я сюда с месяц назад человека присылала — с работой помочь, как он?

— Ох, я и забыла совсем! — воскликнула Шанди. — Хок его зовут, верно? Такой весь в шрамах — все лицо исполосовано?

— Да, — сказала Тенар. — Хок. В шрамах.

— Ой, ну конечно, а как же! Только он сейчас наверху, у Горячих Источников, — овец Серри пасет, по-моему. Явился он сюда, значит, и говорит, это ты его послала, а туточки у нас для него ну ни крошки работы, знаешь ли. Мы-то со стариком за овцами смотрим, я молочное хозяйство веду; а старые Тифф и Сис помогают мне, коли нужда случится, и уж я думала-думала, а ничего не придумала. Тут старик мой и говорит: «Пойди да спроси у Серри или у его главного пастуха, что овец на берегу Кахеды пасет, не нужен ли им пастух на верхние пастбища». Вот что он посоветовал, а Хок этот так и поступил; взяли его на работу-то, он уже на следующее утро овец на верхние пастбища погнал. «Пойди да у Серри

спроси» — так старик мой посоветовал, так Хок этот и поступил, и точно, вышло у него. Ну а теперь-то он вернется только к осени, не раньше. Там он, на Долгих Просеках, точнехонько над Лиссу-рекой. Только вот не помню точно: может, они его коз пасти наняли? Хорошо говорил этот парень... Только вот овец или коз — не помню. Небось тебе-то все одно. Конечно, Гоха, тут мы его не оставили, да только и правда ведь — ни капельки работы для него не было, мы сами с Чистым Ручьем управляемся, да еще Тифф и Сис помогают... А парень этот еще сказал, что там, откуда он родом, ему коз пасти приходилось; а родом он с той стороны, из-под Армута, так вроде; да, точно, говорил он, что овец-то ему прежде пасти не доводилось. Так что, наверно, они его коз пасти отправили, на верхние-то пастбища...

— Наверно, — сказала Тенар. Она вполне успокоилась, однако была разочарована. Ей, конечно, очень хотелось узнать, что Гед в безопасности, что у него все в порядке, но еще больше ей хотелось, чтобы он оказался здесь.

Ладно, хватит с тебя и того, что ты уже дома, сказала она себе. Может, оно даже и лучше, что его здесь нет, что никакого волшебства здесь нет, что все ужасы, мечты, надежды навсегда остались в Ре Альби. Все, все это осталось там, а она теперь здесь, и это ее дом, знакомые каменные полы и стены, маленькие застекленные окошки, за которыми темнеют в лунном свете старые дубы, и эти тихие, аккуратно прибранные комнаты... Она довольно долго лежала без сна в ту ночь. Дочь ее спала в соседней комнате — в детской, вместе с Терру, а Тенар — в своей собственной, супружеской постели, но только совсем одна.

Потом она уснула. И когда проснулась, не помнила ни одного из своих снов.

Прошло несколько дней; за это время Тенар вряд ли хоть раз задумалась о проведенном на Большом Утесе лете. Все это случилось далеко-далеко отсюда и очень давно. Несмотря на настойчивые уверения Шанди о том, что ни крошки работы на ферме нет, Тенар обнаружила ее целую пропасть, и все дела нужно было переделать как можно скорее: за лето все хозяйство оказалось запущено, да к тому же пора было убирать урожай, варить сыры и тому подобное. Тенар работала от зари до зари, и, если — совершенно случайно — у нее выдавался свободный часок, она для отдыха либо пряла, либо шила платье для Терру. Красное платье наконец было почти готово; и белый передничек для парадных случаев, а коричневато-золотистый на каждый день.

— Ну вот, теперь ты у нас красивая! — сказала Тенар, когда Терру впервые надела платье. Она очень гордилась собственным изделием.

Терру тут же отвернулась.

— Ты действительно очень красивая, — настойчиво повторила Тенар. — Послушай-ка меня, Терру. Подойди поближе. Конечно, у тебя есть шрамы, и довольно уродливые — такие же, как то зло, которое тебе причинили. Люди этих шрамов не могут не видеть. Но ведь они видят и тебя целиком, а ты не из одних только шрамов состоишь. Сама ты вовсе не безобразна. И вовсе не зла. Ты — это ты. Ты — Терру, и ты красива. Ты — Терру, которая умеет хорошо работать, красиво двигаться, легко бегать и танцевать. И особенно ты хороша в красном платье!

Девочка молча слушала; ее нежная, не тронутая огнем щека казалась застывшей и равнодушной. Она посмотрела на руки Тенар и легонько коснулась их своими тоненькими пальчиками.

— Это очень красивое платье, — сказала она своим тихим хриловатым голосом.

Когда Тенар осталась одна, складывая остатки красной материи, жгучие слезы вдруг навернулись ей на глаза. Она чувствовала себя незаслуженно обиженной. Она правильно поступила, сшив это платье, и она говорила девочке правдивые слова. Но этого было недостаточно. Между ее правильными поступками и настоящей правдой была как бы пустота, пропасть. Любовь, ее любовь к Терру и любовь Терру к ней — вот что создавало тоненький мостик над этой пропастью, тонкий как паутинка, но заполнить эту пустоту не могла даже любовь, эта трещина никогда не могла сомкнуться. Никогда. И девочка понимала это куда лучше, чем Тенар.

Наступило осеннее равноденствие; все еще яркое солнце просвечивало сквозь легкую туманную дымку. Среди дубовой листвы появились первые бронзовые пятна. Когда Тенар в молочном сарае дочиста отмывала ушаты из-под сливок, настужь распахнув окно и дверь, чтобы впустить сладковатого прохладного воздуха, она вспомнила, что сегодня в Хавноре состоится коронация ее молодого короля. Вокруг него будут князья и придворные дамы в своих прекрасных одеждах — голубых, зеленых, алых, — а сам он будет весь в белом, представилось ей. Он поднимется по лестнице на Башню Меча — по той самой лестнице, по которой они с Гедом поднимались тогда, — и на голову его будет возложена корона Морреда. Он обернется, слышав ликующие звуки труб и горнов, и воссядет на трон своего королевства, что пустовал так много лет; а потом посмотрит вокруг своими темными глазами, которые хорошо понимают, что такое боль, горе и страх. «Правь хорошо, правь долго, — подумала

она. — Бедный мальчик мой! Это Геду следовало бы возложить корону на твою голову. Он должен был непременно быть там».

Но Гед пас то ли овец, то ли коз, принадлежавших богатому хозяину, и был сейчас высоко в горах. Стояла ясная, сухая, золотая осень, так что стада пробудут на верхних пастбищах до первого снега.

Как-то раз, оказавшись в деревне, Тенар решила зайти в домик ведьмы Айви, что находился в самом конце Мельничной улицы. Она уже подружилась с тетушкой Мох в Ре Альби, и теперь ей хотелось познакомиться поближе и с Айви, если, разумеется, удастся преодолеть чудовищную подозрительность деревенской ведьмы. Тенар часто с грустью вспоминала тетушку Мох, хотя теперь рядом и была Ларк; тетушка Мох многому ее научила, и Тенар полюбила старую ведьму, которая давала им с Терру столь необходимые тепло, защиту и еще что-то очень важное. Нужно было найти кого-то, кто заменил бы ей тетушку Мох и здесь. Однако Айви, хоть и была много чище и благонадежнее с виду, чем тетушка Мох, явно не намерена была менять свое отношение к Тенар и воспринимала все ее попытки подружиться с прежней подозрительностью и высокомерным удовлетворением, которое Тенар, впрочем, считала вполне объяснимым. «Ты ступай своим путем, а я пойду своим», — каждым своим жестом, казалось, говорила эта ведьма. И Тенар смиренно продолжала при встречах выказывать Айви несколько преувеличенное уважение. Прежде я вечно держалась с ней слишком заносчиво, думала Тенар, так что за все следует платить. Явно придерживавшаяся того же мнения ведьма принимала эту дань с полной невозмутимостью.

В середине осени в долине появился колдун Бук. Его пригласил один богатый фермер, страдавший подагрой. Как обычно, Бук некоторое время пожил в деревнях Срединной Долины и однажды днем заглянул на Дубовую Ферму проведать Терру и поговорить с Тенар. Он тоже был учеником одного из учеников Огиона и всю жизнь оставался преданным старому Магу. Тенар, к изумлению своему, обнаружила, что ей гораздо легче рассказывать о смерти Огиона, чем о тех людях из Ре Альби, так что она рассказала о последних днях старого Мага все, что могла. Когда она умолкла, он осторожно спросил:

— А наш Верховный Маг — он все-таки появился?

— Да, — коротко ответила Тенар.

Бук был добродушным, чуть полноватым человеком лет сорока, с гладкой кожей и вечными темными кругами под глазами, странно противоречившими сладостному выражению самих глаз. Он только глянул на Тенар и больше вопросов задавать не стал.

— Он пришел уже после того, как Огион умер. И сразу снова ушел, — пояснила она. — Он теперь больше не Верховный Маг. Ты это знал?

Бук кивнул.

— А ты не слышал, выбрали они там нового Верховного Мага?

Колдун отрицательно покачал головой.

— Недавно к нам заходил корабль с Энладских островов, но им ничего об этом не было известно, они говорили только о предстоящей коронации. Прямо-таки лопались от гордости! И похоже, все действительно складывается к лучшему. Если расположение магов чего-то еще стоит, тогда наш молодой король — очень богатый человек... И очень деятельный. Как раз перед тем как я ушел из Вальмута, туда из Порта Гонт был прислан приказ, чтобы старейшины, купцы и мэр города с его советом собрались все вместе и решили, являются ли управляющие округами достойными и надежными людьми, ибо все они теперь находятся у короля на службе и обязаны выполнять его приказания и блюсти его законы. Представляешь, как этому был рад Лорд Гено!

Гено был предводителем всех пиратов с Гонта, и уж в южной-то части острова все чиновники были у него в кармане.

— Но теперь кое-кто решил пойти против Гено, чувствуя поддержку самого короля. По большей части управляющих сменили, назначили пятнадцать новых, вполне достойных людей, которым платить будут из казны мэра. Гено, не дождавшись конца собрания, вихрем вылетел вон, на чем свет стоит кляня короля и обещая жестоко мстить. Новые времена настали! Конечно, не все сразу, но жизнь переменится! Жаль, что Мастер Огион не дожил до этих дней.

— Он дожил, — сказала Тенар. — Перед смертью он улыбнулся и сказал: «Все переменялось...»

Бук выслушал ее со своим обычным сурово-доброжелательным видом и медленно кивнул.

— Все переменялось, — повторил он.

Немного помолчали, потом он сказал:

— Малышка растет очень хорошо!

— Да, неплохо... Хотя иногда мне кажется, что дела могли бы идти и лучше.

— Госпожа Гоха, — сказал колдун, — если бы я, или любой другой колдун, или ведьма, или, осмелюсь предположить, даже волшебник посвящали бы ей все свое время и все свои волшебные силы, чтобы излечить ее от того, что с ней сделали, она и то не могла бы стать здоровее. Может быть, даже не смогла бы поправиться хотя бы настолько, как сейчас.

Ты сделала не только *все, что можно было сделать*, госпожа моя. Ты сотворила настоящее чудо!

Она была тронута его искренней похвалой, и все-таки ей стало грустно; и она призналась ему, почему грустит.

— Этого мало, — сказала она. — Я не могу до конца исцелить ее. Она... Чем ей суждено быть в жизни? Что из нее получится? — Тенар поправила нить на кружащемся веретене — она пряла шерсть и только что сняла очередной моток. — Я боюсь, — сказала она.

— За нее? — Его вопрос прозвучал как утверждение.

— Боюсь, потому что боится она; боюсь за нее; боюсь того, чего она боится. Боюсь потому...

Но она не могла подыскать нужных слов.

— Если она будет жить в страхе, то станет творить зло, — выговорила она наконец. — Этого-то я и боюсь.

Колдун задумался.

— Я тут подумал, — сказал он наконец, как всегда несколько неуверенно, — что, если у нее есть волшебный дар — а мне кажется, он у нее есть, — ее можно было бы немного поучить магии. А если она станет ведьмой, то ее... внешность не будет так уж бросаться в глаза... возможно... — Он прокашлялся. — Ведь некоторые ведьмы делают очень важную и полезную работу, — закончил он.

Пробуя ровность и прочность только что спряденной нити, Тенар пропустила ее между пальцами.

— Огион сказал мне: «Научи ее всему». А потом прибавил, что учить ее нужно не на острове Рок. Не знаю, что он имел в виду.

Бук, однако, догадался сразу.

— Он хотел сказать, что на Роке учат Высшим Искусствам — это не подходит для девушки. Не говоря уж о том, что с этой малышкой сделали... Но если Огион сказал, что ее нужно учить всему, кроме Высших Знаний, то, похоже, и он считал, что ей подошла бы профессия ведьмы. — Бук подумал и продолжал с куда большим воодушевлением, как бы чувствуя поддержку Огиона, неожиданно оказавшегося его сторонником: — Через год-два, когда она совсем окрепнет и немного подрастет, ты могла бы попробовать поговорить с Айви: пусть та понемногу начнет учить ее, пока девочка не пройдет обряд имяположения.

Тенар почувствовала, что всей душой яростно противится этому предложению. Она промолчала, однако Бук был достаточно чутким.

— Айви, конечно, довольно неприятная особа, — сказал он. — Однако то, что ей ведомо, она применяет честно. Чего нельзя сказать о прочих

ведьмах. Слабый, как женские чары, но, как тебе известно, и опасный, как женские чары. Я знавал ведьм, обладавших истинным даром целительниц. Исцелять людей — что может быть лучше для женщины! Это для нее так естественно. Девочку вполне можно к этому приохотить — тем более она сама так сильно пострадала.

Это он по доброте душевной, подумала Тенар, от чистого сердца. Она искренне поблагодарила колдуна, пообещав, что непременно все это тщательно обдумает. И она действительно много думала об этом.

Месяц еще не кончился, а жители Срединной Долины собрались у Круглого Амбара в Содеве, чтобы выбрать своих бейлифов и офицеров и назначить налог на их содержание. Таков был приказ короля, разосланный мэрам городов и старостам деревень, и все охотно подчинились ему, ибо на дорогах развелось столько наглых нищих и воров, что крестьяне и фермеры рады были установить порядок и обрести покой. Однако в последнее время кое-какие отвратительные слухи поползли и о том, что Лорд Гено создал некий Совет Негодяев, куда записывал всех желающих собираться в банды и ломать шеи представителям королевской власти; однако по большей части люди не испугались и, повторяя «Пусть только попробует!», разошлись по домам, уверенные, что теперь-то уж честный человек может наконец спать спокойно и все безобразия, что творились раньше, король непременно устранил. Хотя налоги, конечно, оказались выше всяческих ожиданий, и многие теперь боялись разориться.

Тенар с радостью, хотя и не слишком внимательно, выслушала рассказ Жаворонка об этом собрании. Она очень много работала и с тех пор, как вернулась домой, почти не задумываясь, как-то машинально не позволяла мыслям о Ловкаче и ему подобных тревожить душу и уж тем более управлять жизнью Терру. Она не могла непрерывно держать девочку при себе, тем самым вновь пробуждая в ней старые страхи: вечно помня о том, что с ней случилось, Терру просто не могла бы нормально жить. Ребенок должен расти свободным и знать, что он свободен.

Терру понемногу переставала дичиться, начала ходить по всей ферме, и вокруг, и даже в деревню совсем одна. Тенар ни единым словечком ее не останавливала, даже если приходилось буквально затыкать себе рот. На ферме Терру была, в общем-то, в безопасности, да и в деревне тоже никто не собирался вредить ей — это необходимо было твердо усвоить. Тенар старалась не слишком часто в этом сомневаться. На ферме кроме них жили еще Шанди со своим старым мужем по прозвищу Чистый Ручей, а в дальнем коттедже еще двое стариков — Сис и Тифф; в деревне, совсем

близко, — Ларк со своим многочисленным семейством. Стояла прекрасная золотая осень — благодатное время в Срединной Долине. Какое же зло могло грозить невинному ребенку?

Тенар взяла собаку, услышав, что есть именно такая, какая ей требовалась: крупная гонтийская овчарка с умной мордой и длинной кудрявой шерстью.

Порой она вспоминала: «Я же должна учить девочку! Так велел Огион». Но как-то так получалось, что Терру ничему не выучивалась. Ей нравилась только обычная работа на ферме да всякие истории, которые Тенар рассказывала вечерами. Теперь дни стали короче, и они подолгу сидели в кухне у очага после ужина, прежде чем идти спать. Может быть, прав был Бук? И Терру следовало отдать в ученицы какой-нибудь ведьме? Это все-таки лучше, чем отдавать ее в подмастерья к ткачу, как сперва хотела поступить Тенар. Впрочем, не намного лучше. Да и Терру пока что слишком мала и слишком несведуща в жизни даже для своего возраста: ее ведь совсем ничему не учили, пока она не попала на Дубовую Ферму. Она тогда была похожа на дикого зверька, едва понимавшего человеческую речь и совсем незнакомого с человеческими привычками. Она все воспринимала очень быстро и была раза в два послушней и старательней вольнолюбивых и буйных детей Ларк — ее умненьких дочек и ленивых, вечно смеющихся сыновей. Терру умела убрать дом, подать на стол, научилась довольно прилично прясть, немножко готовить и немножко шить; могла присматривать за птицей, кормить коров и прекрасно справлялась с работой в молочной. Настоящая деревенская девчонка — так говорил старый Тифф, немного льстя Терру. Тенар не раз видела, как Тифф тайком делал жест, отгоняющий зло, когда мимо проходила Терру. Как и большинство людей, Тифф верил в то, что написано на роду: богатые и могущественные всегда процветают; те же, кому в жизни не повезло, должны по справедливости нести свой крест.

Так что Терру вряд ли помогло бы даже то, что она стала бы лучшей из лучших деревенских девчонок острова Гонт. Даже благополучная жизнь не уничтожила тех шрамов, что изуродовали ее лицо и душу. Так что Бук тогда принимал во внимание именно это клеймо, надеясь использовать его во благо, если девочка станет ведьмой. А может быть, именно это имел в виду и Огион, говоря, что учить ее нужно не на острове Рок? И еще, когда сказал: «Ее будут бояться»? Неужели же все это так просто?

Однажды, когда «счастливая случайность» вновь свела их на деревенской улице, Тенар сказала Айви:

— Мне хотелось бы задать тебе, госпожа Айви, один вопрос. Он

касается твоего ремесла.

Ведьма внимательно и довольно злобно посмотрела на нее:

— Моего ремесла? С чего бы это?

Тенар промолчала, стараясь сохранить спокойствие.

— Ну что ж, пошли, — сказала Айви, пожав плечами, и повела Тенар по Мельничной улице к своему домику.

Это была вовсе не замусоренная развалюха, полная цыплят и кур, как у тетушки Мох; это было настоящее жилище ведьмы. С балок свисали пучки сухих и сушащихся трав, огонь в очаге тлел под золой, и маленький уголек посматривал оттуда красным глазком, как бы подмигивая; толстый черный кот с одним белым усом спал на полке, свернувшись клубком; повсюду стояло множество всяких коробочек, горшочков, кувшинчиков и заткнутых пробками бутылок, источавших самые различные ароматы — зловонные, сладкие или совсем никому не ведомые.

— Чем могу служить, госпожа Гоха? — сухо спросила Айви, когда они вошли в дом.

— Скажи мне, если захочешь, конечно: кажется ли тебе, что моя воспитанница Терру обладает... какой-то... волшебной силой?

— Она? Конечно! — отрезала ведьма.

Столь решительный ответ несколько ошеломил Тенар.

— Ну хорошо, — медленно проговорила она. — Бук, похоже, тоже так думает.

— Слепая летучая мышь в своей пещере и то это заметит! — сказала Айви. — Это все?

— Нет. Мне нужен твой совет. Я уже задала один вопрос, и теперь ты можешь назвать мне цену ответа, который дала мне. Это справедливо?

— Справедливо.

— Тогда мой второй вопрос: как ты думаешь, стоит ли Терру учиться у какой-нибудь ведьмы, когда она подрастет?

Некоторое время Айви молчала, решая, как показалось Тенар, что бы ей запросить за ответ. Но она ничего не запросила, а просто сказала:

— Я ее в ученицы не возьму!

— Почему?

— Я бы побоялась это делать, — честно призналась ведьма, яростно сверкнув глазами.

— Побоялась? Чего же?

— Ее! Кто она?

— Просто ребенок. С которым очень плохо обращались!

— Это еще далеко не все.

Черный гнев охватил Тенар, и она сказала:

— Значит, в ученицы к ведьме годятся только девственницы, так, что ли?

Айви уставилась на нее. Потом промолвила:

— Я вовсе не это имела в виду.

— А что же?

— Я имела в виду только то, что я не знаю, кто она такая. Я имела в виду то, что когда она глядит на меня своим единственным зрячим глазом, то я не знаю, что именно она видит. Я вижу, как вы с ней повсюду ходите вместе, словно она самый обыкновенный ребенок, и думаю: кто же они обе такие? Что же за сила в этой женщине? Она ведь вовсе не так глупа, чтобы хватать огонь голыми руками или крутить веретено с помощью урагана? Говорят, госпожа, ты в юности жила среди Древних Сил Земли и была у этих Сил и королевой, и служанкой. Может быть, поэтому ты и не боишься ее могущества? Что в ней за сила заключена, я не скажу: не знаю. Но могущество ее куда больше того, чему я способна кого-то научить, — больше, чем у Бука, больше, чем у любого другого колдуна или ведьмы, каких я знала в жизни! Я дам тебе совет, госпожа, — просто так, бесплатно. Будь осторожна! Берегись ее — особенно в тот день, когда она откроет в себе эту силу! Вот и все, что я могу сказать тебе.

— Благодарю тебя, госпожа Айви, — вежливо поклонилась ей Тенар и с достоинством Жрицы Гробниц Атуана вышла из теплой комнатки на улицу, где дул резкий, колющий ветер — ветер поздней осени.

Гнев еще не погас в ней. Никто не хочет помочь, думала она. Она понимала, что самой ей эту задачу не решить — но неужели никто так и не захочет помочь? Огион умер, тетушка Мох болтает всякую ерунду и смеется, а Айви предупреждает о грозящей опасности; Бук ясно сказал, что положение очень серьезно, и Гед тоже — а ведь именно Гед и мог бы помочь по-настоящему. Но Гед сбежал. Удрал, словно побитая собака, и даже весточки ни разу не прислал, даже ни разу не вспомнил о ней или о Терру! Только и может теперь думать, что о своем драгоценном позоре. Словно это его дитя, его любимое чадо, которое он холит и лелеет. Это единственное, что его волнует. Он никогда и не думал о ней по-человечески. Что она ему? Его интересует только могущество — ее могущество, его собственное могущество и то, как можно стать еще могущественнее, соединив сломанное Кольцо, восстановив Руну Мира, посадив на трон короля... А теперь, когда волшебная сила его иссякла и осталось лишь его собственное «я» да его собственный позор и пустота, он и вовсе способен думать только о себе — об этом своем позоре.

«Ты несправедлива», — сказала Гоха Тенар.

«Справедливость! — возмутилась Тенар. — А он вел себя справедливо?»

«Да, — сказала Гоха. — Он был справедлив. Или пытался быть».

«Ну что ж, тогда пусть играет в свою справедливость с козами, которых пасет; мне это совершенно не интересно», — сказала Тенар, пробираясь домой под порывами ветра и колючим ледяным дождем.

— Сегодня, верно, снег ночью пойдет, — сказал Тифф, повстречавшись ей на дороге, что вилась в лугах по берегу Кахеды.

— Снег? Так рано? Может, еще нет?

— Во всяком случае, подморозит, это уж точно!

И действительно, стало подмораживать сразу после заката: дождевые лужицы и оросительные канавы покрылись сперва ледяной коркой по краям, а потом превратились в ледяные дорожки; ручьи, сбегавшие в реку, умолкли, скованные ледяным покровом, и даже ветер притих, словно тоже замерз и утратил способность двигаться.

У очага, где пахло куда приятнее, чем у Айви, потому что в нем горели яблоневые дрова, заготовленные еще весной, когда в саду спилили старую яблоню, как всегда, после ужина устроились Тенар и Терру — рассказывать истории и прясть шерсть.

— Расскажи еще раз о кошках-оборотнях, — попросила своим хрипловатым голосом Терру, запуская веретено и ловко свивая нитку из темной шелковистой козьей шерсти.

— Это летняя история.

Терру вопросительно склонила голову набок.

— Зимой рассказывают о великих деяниях, — пояснила Тенар. — Зимой учат Песнь о создании Эа, чтобы исполнять ее вместе со всеми в праздник Долгого Танца. Зимой учат Зимнюю песню и Песнь о подвиге молодого короля, чтобы спеть их в день весеннего солнцеворота, когда солнце поворачивается лицом к северу и приносит с собой весну.

— Я же не могу петь, — прошептала девочка.

Тенар сматывала готовую нить в клубок, ловкие руки ее ритмично двигались.

— Поют не только голосом, — сказала она. — Иногда поет только душа. И даже самый красивый в мире голос ничего спеть не сможет, если душе песни неведомы. — Она отцепила от веретена последний кусок нити. — В тебе есть сила, Терру, а невежественная сила опасна.

— Как в тех, кто учиться не хотел, — сказала Терру. — В диких. — Тенар не поняла, что она хочет этим сказать, и вопросительно на нее

взглянула. — В тех, что остались на западе, — пояснила Терру.

— А-а, в драконах... Это ты песнь той женщины из Кимея вспомнила... Да. Совершенно верно. Итак, с чего мы начнем? С того, как наши острова были подняты из глубин морских, или с того, как король Морред отогнал прочь Черные Корабли?

— С островов, — прошептала Терру.

Тенар надеялась, что она предпочтет «Подвиг юного короля», потому что Морред казался ей похожим на Лебаннена. Однако девочка, в общем-то, выбрала правильно.

— Хорошо, — сказала Тенар и посмотрела на полку, где стояли Книги Огиона, словно черпая в них вдохновение; если она что-то и позабыла, то всегда может заглянуть в них; потом она перевела дыхание и начала свой рассказ.

Когда пришло время ложиться спать, Терру уже знала, как Сегой поднял первые острова из глубин Времени. Вместо того чтобы спеть девочке колыбельную, Тенар присела к ней на постель, подоткнула одеяло, и они вместе тихонько повторили слова первой песни Созидания.

Потом Тенар отнесла маленький масляный светильник обратно в кухню, прислушиваясь к полнейшей тишине вокруг. Мороз сковал мир, запер все живое вокруг. На небе не было ни единой звезды. Чернота снаружи давила на окошко ее кухни. Холод полз по каменному полу.

Она снова уселась у очага, потому что спать ей еще не хотелось. Ее взволновали возвышенные слова песни, а в душе еще не совсем улеглись гнев и беспокойство, вызванные сегодняшней беседой с Айви. Тенар взяла кочергу и помешала дрова в очаге, чтоб разгорелись получше. Когда она ударила по полену, в дальнем конце дома послышался стук — словно ей откликнулось эхо.

Она выпрямилась и замерла, прислушиваясь.

И снова: то ли тупой удар, то ли толчок в окно молочного сарая.

Все еще держа в руках кочергу, Тенар прошла по темным сеням к двери, что вела в холодную кладовую. За кладовой был молочный сарай. Дом стоял на склоне холма, так что оба эти помещения упирались в холм, словно подвалы, хотя и находились на одном уровне со всеми остальными комнатами дома. В холодной кладовой были только небольшие отверстия для проветривания; зато в молочном сарае — и дверь, и окно, низкое и широкое, точно такое же, как в кухне; оно было сделано в той единственной стене, что выходила наружу. Тенар стояла у двери в кладовую и слушала, как окно сарая пытаются то ли открыть, то ли выдать; слышала она и шепот: шептались мужчины.

Флинт был хозяин рачительный. Все двери в его доме за исключением одной были с двух сторон снабжены крепкими запорами — широкой полосой толстого железа во всю ширину двери, посаженной в скобы. Все запоры содержались в порядке, всегда были смазаны, хотя в доме никогда не запирали ни одну дверь.

Тенар закрутила болты на запоре той двери, что вела из кладовой в сарай. Засов вошел в гнездо совершенно бесшумно, точно попав в щель на дверном косяке.

И тут она услышала, как отворилась дверь молочного сарая, ведущая на улицу. Один из них все-таки в конце концов решил попробовать войти через дверь, прежде чем выбьют окно, и обнаружил, что дверь не заперта. Она слышала бормотание нежданных гостей. Потом вдруг наступила тишина, достаточно долгая, чтобы услышать, как, молотом отдаваясь в ушах, стучит ее сердце; она даже испугалась, что больше ничего уже расслышать не сможет. От страха у нее подгибались колени, а холод с каменного пола пробирался под юбку, словно чья-то ледяная рука.

— Эта дверь открыта, — прошептал какой-то мужчина совсем рядом с ней, и сердце у нее болезненно сжалось. Она на всякий случай коснулась рукой запора, и оказалось, что в итоге она его не заперла, а отперла! Она стремительно задвинула его, услышав, как заскрипела дверь, ведущая из холодной кладовой в молочный сарай. Ей был хорошо знаком этот скрип верхней петли. Она узнала и голос, но не на слух, а как бы внутренним чутьем. «Это кладовая, — сказал Ловкач, и немного погодя запертая на засов дверь, возле которой она стояла, содрогнулась, а Ловкач сообщил кому-то: — А эта заперта». Дверь снова содрогнулась. Тонкий лучик света, словно лезвие ножа, мелькнул в щели между створкой двери и косяком. Луч коснулся груди Тенар, и она отпрянула так резко, словно в нее вонзился нож.

Дверь снова дрогнула, но не сильно. Она была прочной, тяжелой, да и засов был надежный.

Они что-то злобно бормотали за дверью. Тенар понимала, что теперь они обойдут дом и попытаются войти через парадную дверь. Даже не помня как, она тут же оказалась сама перед этой дверью и поспешно задвинула засов. Может быть, все это просто страшный сон? Ей и раньше снились всякие кошмары — например, как они пытаются войти в дом, как просовывают свои острые ножи между растрескавшимися плитами пола... Двери же... А нет ли в доме еще одной двери, через которую они могут войти? И окна?... Ставни на окнах спальни... Она вдруг задохнулась: ей показалось, что она не успеет добраться до комнаты Терру, но в мгновение

ока оказалась там, закрыла тяжелые деревянные ставни. Петли были тугие, так что ставни захлопнулись со стуком. Теперь они все поняли. И сразу же пошли туда. Они непременно успеют к окну соседней комнаты, ее комнаты, прежде чем она сможет закрыть ставни. Так оно и случилось.

Пытаясь поднять крюк, державший левую ставню, она увидела в темноте за окном их лица, неясные очертания их фигур. Крюк заржавел. Она никак не могла вышибить его. Чья-то рука коснулась стекла и плотно прижалась к нему, став совсем белой.

— Там она.

— Эй,пусти нас. Мы тебя не тронем.

— Нам с тобой поговорить надо.

— Он только девчонку свою повидать хочет.

Она наконец откинула крюк и закрыла ставни. Но если они выбьют стекло, то все равно легко смогут попасть в комнату: ведь ставни скреплены слабо, нужно только ударить посильнее.

— Впусти нас, мы тебя не обидим, — снова сказал один из них.

Она слышала их шаги по промерзлой земле, шорох опавших листьев у них под ногами. Проснулась ли Терру? Грохот закрываемых ставней вполне мог ее разбудить, но она не шелохнулась. Тенар стояла в дверном проеме между своей комнатой и комнатой Терру. Было темно, как в колодце, и очень тихо. Она боялась коснуться девочки, чтобы не разбудить ее. Она должна оставаться здесь, рядом с ней. Она должна сражаться. У нее ведь в руках была кочерга... интересно, где она ее оставила? Она положила ее на пол, когда закрывала ставни, и теперь не могла найти. Она шарила в непроницаемой темноте по полу, и ей казалось, что в комнате больше нет стен.

Парадная дверь затряслась, задрожала.

Надо непременно найти кочергу; она останется здесь, она будет с ними сражаться.

— Сюда! — позвал вдруг один из них, и Тенар догадалась, что именно он обнаружил: низкое кухонное окно, широкое, без ставней. Залезть в него было проще простого.

Она очень медленно, ощупью пошла к двери. Теперь это была комната Терру, а раньше — комната детей Тенар. Детская. Именно поэтому дверь в ней с внутренней стороны не запиралась. Чтобы дети, заперевшись изнутри, не могли испугаться, если запор вдруг не откроется.

Совсем недалеко, за холмом, за садом, спят Шанди и Чистый Ручей. Если она закричит, то Шанди, возможно, услышит. Если она откроет окошко в спальне и громко позовет на помощь... или если разбудит Терру,

они выберутся через окошко в сад и побегут что есть силы... но эти негодяи там, прямо под окном. Ждут.

Больше она вынести это ожидание не могла. Не могла вынести того ледящего душу и тело ужаса, который лишал ее способности двигаться. Тенар в ярости бросилась на кухню — перед глазами плыл красный туман, — схватила длинный острый мясницкий нож, с размаху отперла засов и остановилась на пороге.

— Ну, подходите! — сказала она.

Не успела она это сказать, как послышался какой-то странный вой, чье-то тяжелое дыхание и кто-то из мужчин завопил:

— Эй, смотрите, смотрите! Осторожней!

Потом крикнул второй:

— Сюда! Сюда! Ко мне!

Потом воцарилась тишина.

Свет из распахнутой двери сделал видимыми черные замерзшие лужицы, блестящие черные ветви дубов и серебристые опавшие листья. Взор Тенар прояснился, и она увидела, что по тропе прямо к ней ползет на четвереньках какое-то темное существо или привидение — ползет и то ли стонет, то ли воет. Где-то на границе света и тьмы мелькнула темная фигура, сверкнули серебром длинные лезвия ножей...

— Тенар!

— Стой там, где стоишь! — сурово сказала она, поднимая нож.

— Тенар! Это же я — Хок, Ястреб!

— Стой, где стоишь, — повторила она.

Быстрый и ловкий человек в темном одеянии застыл рядом с тем существом на тропинке, что теперь лежало без движения. Видно было все-таки плоховато, она с трудом различила вроде бы знакомое лицо, вилы с длинными зубьями, воздетые вверх... Словно посох волшебника, подумала вдруг она. И спросила:

— Это ты?

Он уже опустил на колени возле темной фигуры на тропе.

— По-моему, я его убил, — сказал он. И, оглянувшись через плечо, поднялся на ноги. Других бандитов не было ни видно, ни слышно.

— Где они?

— Убежали. Помогите мне, Тенар.

В одной руке она по-прежнему сжимала нож. Другой подхватила под мышку того человека, что лежал на тропе. Гед поддерживал его с другой стороны, и они вместе потащили его по ступенькам крыльца в дом. Положили на каменный пол в кухне. Кровь бежала у него из пробитой

груди и живота, словно вода из прохудившегося кувшина. Из-под верхней губы выглядывали оскаленные зубы, глаза закатились под лоб.

— Запри дверь, — сказал Гед, и Тенар заперла дверь.

— Простыни в шкафу, — сказала она, и он вытащил одну и разорвал на бинты, которыми она бесконечно долго обматывала грудь и живот раненого. Три зубца вил из четырех со всего размаху вошли в его плоть, и из трех дыр теперь кровь текла ручьем; бинты промокали все время, пока Тенар бинтовала его, а Гед поддерживал за плечи.

— Что ты здесь делаешь? Ты пришел вместе с ними?

— Да. Но они об этом не знали. Больше ты, пожалуй, уже ничего для него сделать не сможешь, Тенар. — Гед тяжело опустил бесчувственное тело на пол и сам сел рядом, тяжело дыша и вытирая потное лицо тыльной стороной окровавленной ладони. — Мне кажется, я его убил, — повторил он.

— Может быть, и убил. — Тенар смотрела, как на плотной ткани, которой были перебинтованы тощая волосатая грудь незнакомца и его живот, увеличиваясь, расплываются яркие красные пятна. Она встала и вдруг пошатнулась: резко закружилась голова.

— Садись поближе к огню, — сказала она Геду. — Ты, должно быть, смертельно продрог.

Она не понимала, каким образом ей все-таки удалось узнать его в темноте. Наверное, по голосу. Он был одет в неуклюжую уродливую зимнюю куртку из овчины мехом внутрь, какие носят пастухи, и в вязаную пастушью шапку, низко надвинутую на лоб; лицо его избородили морщины; оно казалось совершенно измученным; волосы отросли и были теперь стального цвета. От Геда пахло древесным дымом, морозом и овцами. Его была такая дрожь, что он не мог этого скрыть.

— Иди поближе к огню, — повторила она. — Подложи-ка побольше дров.

Он повиновался. Тенар налила в чайник воды и повесила его на железную перекладину над самым огнем.

На юбке у нее была кровь, и она стала мокрой тряпкой стирать пятно. Геду она тоже дала мокрую тряпку — вытереть кровь с рук.

— Как это ты пришел с ними вместе, но они об этом не знали?

— Я как раз шел вниз, в долину. По той дороге, что идет мимо Ручьев Кахеды. — Он говорил как-то монотонно, тихим голосом, словно ему не хватало воздуха, а дрожь делала его речь совсем невнятной. — Услышал — кто-то идет сзади, ну и отошел в сторонку, в лес. Разговаривать с ними не хотелось. Не знаю почему. Что-то в них было не то. Я их боялся.

Она нетерпеливо покивала и села напротив, у очага, чуть наклонившись вперед и внимательно слушая; стиснутые руки ее лежали на коленях. Мокрая юбка холодила ноги.

— Когда они проходили мимо, я услышал, как один из них сказал: «Дубовая Ферма». После этого я уже от них не отставал. Один все время говорил... О девочке.

— Что же он говорил?

Гед помолчал. Потом наконец выговорил:

— Что он собирается забрать ее и наказать. А потом вернуться за тобой. Потому что это ты украла ее. И еще он сказал... — Гед снова умолк.

— Что он и меня тоже накажет?

— Они все об этом говорили. Ну... *об этом*.

— Тот человек не Ловкач. — Она кивнула в сторону раненого. — Это не...

— Он говорил, что она принадлежит ему. — Гед тоже посмотрел на раненого, потом отвернулся к огню. — Он умирает. Нам нужна помощь.

— Не умрет, — сказала Тенар. — Утром я пошлю за Айви. Остальные-то по-прежнему неподалеку — сколько их там?

— Двое.

— Если он умрет, то пусть умрет; если выживет, пусть живет. Никто из нас наружу не выйдет! — Она вскочила, подавляя новый приступ страха. — Ты внес в дом эти вилы, Гед?

Он показал — четыре длинных зубца светились в углу возле двери.

Тенар снова села у очага, но теперь уже начало трясти ее; ее колотило так, что зуб на зуб не попадал — как раньше его. Гед потянулся над очагом и коснулся ее руки.

— Все теперь в порядке, — сказал он спокойно.

— А что, если они все еще там?

— Они убежали.

— Они могли вернуться.

— Двое против двоих? И к тому же у нас вилы.

От ужаса она совсем перешла на шепот:

— Крюк для подрезки веток и все косы остались в сарае, в углу!..

Он покачал головой:

— Они убежали. Они видели... его... и тебя в дверях.

— Что ты с ним сделал?

— Он бросился на меня. Так что пришлось и мне...

— А раньше, что ты сделал там, на дороге?

— Они замерзли, да еще дождь пошел, вот они и стали все больше

говорить о том, как заявятся сюда. Сперва-то один только тот говорил о девочке и о тебе — обо всяких там уроках и наказаниях... — Гед судорожно сглотнул. — Очень пить хочется.

— И мне тоже. Чайник вот-вот вскипит. Рассказывай пока.

Он перевел дыхание и попытался рассказать все как следует:

— Остальные двое не очень-то его слушали. Может, он в сотый раз им это повторял. Все они спешили поскорее добраться до Вальмута. Словно бежали от кого-то. Старались скрыться. Но тут здорово похолодало, а этот тип все продолжал долдонить о Дубовой Ферме, и один из них, в кожаной шапке, сказал: «Что ж, а почему бы нам и не переночевать там? Да заодно...»

— И вдовой попользоваться, да?

Гед закрыл лицо руками. Она молча ждала.

Глядя в огонь, он медленно начал рассказывать дальше:

— Потом я на какое-то время потерял их из виду. Дорога стала в долине ровнее и шире, и я уже не мог идти за ними по пятам, как раньше, в лесу. Пришлось красться через поля, чтобы они меня не заметили. Я здешних мест почти не знаю и боялся сбиться с пути, если срежу путь и отойду далеко от дороги. К тому же начинало темнеть, и я уж решил, что прошел мимо фермы, промахнулся в потемках. Тогда я вернулся к дороге и пропустил чуть не бегом. А на самом повороте догнал их. Они видели, как какой-то старик их нагоняет, и решили подождать. Были уверены, что больше в такой час мимо фермы никто не пройдет. Они ждали в сарае, а я — снаружи. Нас друг от друга отделяла только стенка.

— Ты, должно быть, насквозь промерз, — тупо сказала Тенар.

— Да, холодно было. — Он протянул руки к огню, словно воспоминания снова вызвали у него озноб. — Я тем временем отыскал вилы, они были прислонены к наружной стене за дверью. Когда эти типы вышли из сарая, то зашли с задней стороны дома, так что я, наверное, мог бы успеть подойти к парадной двери и предупредить тебя — именно так и нужно было поступить, — но я тогда способен был думать только о том, как бы застать их врасплох... Мне казалось, что это мое единственное преимущество, единственная надежда... Я считал, что дом заперт и им нужно будет ломать двери, чтобы войти. Но тут я услышал, что они проникли внутрь через заднюю дверь. И следом за ними тоже пробрался в молочный сарай. Я едва успел выскочить наружу, когда они выяснили, что дверь в дом заперта изнутри. — Гед как-то странно рассмеялся. — Они прошли в темноте прямо у меня под носом. Я мог бы подставить кому-нибудь ножку... Один с помощью кремня высек искру и поджег немного

трута — им нужно было разглядеть запор. Потом они пошли к парадной двери. Я слышал, как ты закрывала ставни, и понял, что ты знаешь об их присутствии. Они все собирались выбить то окно, в котором видели тебя. Потом тот, в кожаной шапке, заметил другое окно... вон то, — Гед кивком показал на широкое кухонное окно, — и сказал: «Дайте-ка мне камень, я его с одного раза высажу»; они уже собирались посадить его, когда я завопил так, что этот тип свалился на землю, а один из них — вот этот — бросился прямо на меня.

— Ах, ах! — задыхался раненый на полу, словно помогая Геду рассказывать. Гед встал и наклонился над ним.

— Мне кажется, он все-таки умирает.

— Нет, не умирает, — сказала Тенар. Она все еще не могла успокоиться, хотя озноб теперь стал как бы внутренним. Запел чайник. Она быстро заварила чай и обхватила руками толстые бока заварочного чайника. Потом налила две чашки и еще одну, третью, в которую добавила немного холодной воды. — Слишком горячий, — пояснила она Геду. — Ты осторожней пей, а я попробую что-нибудь в него влить. — Она присела на пол возле раненого, приподняла его голову и поднесла ему ко рту прохладный чай, вдвинув краешек чашки между оскаленными зубами. Теплая влага потекла ему в горло; он глотнул. — Он не умрет, — заявила Тенар. — Пол совершенно ледяной. Помоги-ка мне перенести его поближе к огню.

Гед снял было козью шкуру со скамьи, что тянулась вдоль стены до входа в гостиную, но Тенар остановила его.

— Эту не бери, это хорошая шкура. — И она принесла из кладовки старый войлочный плащ, который расстелила на полу. Они уложили на плащ безвольное тело раненого, и в свете очага стало видно, что красные пятна на бинтах пока больше не стали.

Вдруг Тенар вскочила и замерла как вкопанная.

— Терру, — только и вымолвила она.

Гед огляделся, но девочки рядом не было. Тенар бросилась вон из кухни.

В детской, где спала Терру, было абсолютно темно и тихо. Тенар ощупью пробралась к кровати и коснулась теплого плеча девочки, прикрытого одеялом.

— Терру?

Девочка дышала спокойно. Она так и не проснулась. Тенар чувствовала жар, исходящий от маленького тела: девочка словно светилась в холоде детской.

В своей комнате Тенар провела рукой по поверхности сундуков и сразу нащупала холодный металл: то была кочерга, которую она забыла именно здесь, когда закрывала ставни. Она отнесла кочергу обратно на кухню, небрежно перешагнув через тело раненого, повесила ее на крюк у очага и остановилась, глядя в огонь.

— Я же ничего не могла поделать! — проговорила она с отчаянием. — Что, я должна была на улицу выскочить?.. бежать?.. кричать?.. звать на помощь стариков-арендаторов?.. Эти негодяи не должны были добраться до девочки. Ни за что!

— Да, конечно, ты права. Они бы заперлись в доме вместе с Терру, а ты бы осталась снаружи вместе со стариками. А еще они могли бы просто прихватить девочку и сбежать. Ты сделала то, что могла и должна была сделать. Все правильно. Когда ты распахнула дверь и в ярком свете предстала с ножом в руках... да и я ведь был там, так что они смогли наконец разглядеть вилы, а потом этот упал... Вот они и сбежали.

— Такие только и могут, что сбежать, — сказала Тенар. Повернувшись и слегка пнула ногу раненого носком своего башмака — словно это был какой-то неживой предмет, вызывающий одновременно любопытство и гадливость, что-то вроде дохлой гадюки. — Это ты все сделал правильно, — прибавила она.

— Не думаю, что он эти вилы заметил. Просто налетел на них. Это было словно... — Гед так и не сказал, на что это было похоже. Только рукой махнул. — Пей чай, — и сам налил себе еще из чайника, который стоял, чтобы не остыть, на горячих кирпичях очага. — Вкусный. Сядь, — ласково и настойчиво сказал он ей, и она подчинилась. — Когда я был мальчишкой, — продолжал он, немножко помолчав, — карги напали на мою деревню и варварски разграбили ее. У них были длинные копья с перьями...

Тенар кивнула.

— Воины Богов-Близнецов, — сказала она.

— Я сотворил... заклятие тумана. Чтобы сбить их с толку. Они все-таки прошли — некоторые из них. Я видел, как один напоролся прямо на вилы. И вилы проткнули его насквозь. Чуть ниже пояса.

— Этому ты попал в ребро, — сказала Тенар.

Он кивнул.

— Это было единственной твоей ошибкой, — сказала она. Зубы у нее стучали. Она отпила горячего чая. — Гед, а что, если они вернутся назад?

— Не вернутся.

— Они могут поджечь дом...

— Этот дом? — Он оглядел каменные стены.
— Сенник...
— Они не вернутся, — упрямо повторил он.
— Нет. Наверное, нет.
Они бережно держали чашки с чаем в ладонях, постепенно согреваясь.
— Девочка все это проспала.
— Ну и молодец.
— Но она увидит его... Здесь... утром...
Они уставились друг на друга.
— Лучше бы я его убил... лучше б он умер! — с яростью сказал Гед.
— Я бы оттащил его подальше и закопал...
— Ну так сделай это.
Он только сердито помотал головой.
— Разве это имеет какое-то значение — когда? Почему, ну почему мы не можем этого сделать сейчас? — настаивала Тенар.
— Не знаю.
— Как только станет светло...
— Я увезу его из дома. На тачке, а старик мне поможет.
— Старик и поднять-то ничего не в силах. Я помогу тебе.
— Да ладно, я и сам могу все сделать. Отвезу его в деревню. Там есть какой-нибудь лекарь?
— Ведьма. Айви.
Внезапно Тенар почувствовала чудовищную, беспредельную усталость. Она едва могла держать в руках чашку.
— Там еще есть чай, — сказала она; язык едва ворочался во рту.
Он налил себе снова полную чашку.
Языки пламени плясали у нее перед глазами. Они плыли, взметались ввысь, опадали, снова разгорались, зажатые закопченными камнями, а темное небо постепенно светлело в потоках странного, словно вечернего света, лившегося из воздушных глубин, что за пределами этого мира... Языки пламени — желтые, оранжевые, оранжево-красные, красные... языки пламени, пламенные языки... сами слова она уже выговорить не могла.
— Тенар!
— Мы называем эту звезду Техану, — вдруг сказала она.
— Тенар, дорогая моя, пойдем. Пойдем со мной.
Они больше не сидели у очага. Они были в темной гостиной. В темном коридоре, в лабиринте... Они уже были там когда-то, вели друг друга, шли друг за другом — в темноте, под землей.

— Это верный путь, — сказала она.

Она просыпалась, не желая проснуться. Слабый сероватый свет просачивался снаружи сквозь щели в ставнях на окне. А почему закрыты ставни? Она поспешно вскочила и прошла через прихожую в кухню. Никто больше не сидел у огня, никто не лежал на полу. Нигде не было ничьих следов — ничего! Кроме чайника и трех чашек на буфете.

Вскоре встало солнце, а за ним — и Терру; они, как обычно, позавтракали вдвоем; убирая со стола, девочка спросила:

— Что случилось?

И приподняла за уголок разорванную простыню, замоченную в тазу. Вода была мутной, красноватой от крови.

— А, это мои женские дела слишком рано начались, — ответила Тенар, удивленная собственной ложью и тем, как легко ее выговорила.

Терру некоторое время стояла неподвижно; ноздри ее раздувались; она была напряжена, словно зверь, почуявший запах. Потом она опустила простыню в воду и вышла на двор — кормить цыплят.

Тенар чувствовала себя нездоровой: все тело ломило. Ей было по-прежнему холодно, так что она старалась не выходить из дому. Она попыталась было и Терру тоже держать при себе, но, когда порывы резкого холодного ветра совсем разогнали утренний туман и солнце засияло вовсю, Терру тут же потребовала, чтобы ее отпустили на улицу.

— Побудь с Шанди в саду, — сказала ей Тенар.

Терру ничего не ответила и выскользнула из дому.

Обожженная щека ее стала совершенно неподвижной из-за поврежденных мышц и грубых поверхностных шрамов, однако шрамы несколько поблекли, да и Тенар давно привыкла не отводить глаз при виде этого уродства, а видеть под страшными шрамами лицо хорошенькой девочки, так что для нее теперь и эта половина лица Терру имела свое определенное выражение. Когда Терру бывала встревожена, ее сожженная щека как бы «закрывалась» — так казалось Тенар; когда же девочка бывала возбуждена или сгорала от любопытства, то казалось, что даже слепой ее глаз видит, а шрамы на лице краснели и становились горячими на ощупь. Сейчас же, когда Терру выходила из дому, то выглядела и вовсе необычно: лицо ее казалось вовсе не человеческим: оно будто принадлежало какому-то дикому созданию, зверю с грубой и толстой шкурой и единственным

зрячим глазом, молчаливому и спасающемуся бегством зверю.

И Тенар прекрасно понимала: раз она сама только что впервые солгала Терру, то и Терру впервые в жизни сейчас ей не подчинится. В первый, но не в последний раз.

Она с усталым вздохом села у огня и некоторое время сидела так, в полном бездействии.

В дверь постучали: Чистый Ручей и Гед — нет, Хок, она должна называть его Хок — стояли на пороге. Старик жаждал высказаться и вид имел в высшей степени важный; Гед, темнокожий и спокойный, казался неуклюжим в своей уродливой пастушьей куртке.

— Входите, — сказала она. — Выпейте чаю. Что-нибудь случилось?

— Мерзавцы пробовали удрать в Вальмут! Да только королевские стражники из Кахеданана тут как тут — словили их, у Черри в сарае! — объявил, размахивая руками, Чистый Ручей.

— Так он жив? — Тенар охватил ужас.

— Тех двоих поймали, — ответил Гед. — Не его.

— Знаешь, тело-то крестьяне нашли на старой бойне, там, на Круглом Холме, — прямо всмятку все. Крестьян не меньше десятка было, так что кто-то за стражниками сбегал, да и пошли все вместе по следу. По всем деревням искали, а нынче утром, только-только рассвет занялся, их и нашли — в сарае у Черри. Они там закоченели совсем.

— Значит, он умер? — ошеломленно спросила Тенар.

Гед только что стряхнул с плеч свою тяжеленную куртку и, сидя на стуле возле двери, снимал кожаные гетры.

— Он-то жив, — Гед говорил совершенно спокойно. — Им Айви занимается. Я отвез его к ней утром на тележке. На дороге было полно людей, хотя еще и не рассвело как следует. Они за теми охотились. Эти негодяи там, в горах, женщину убили.

— Какую женщину? — прошептала Тенар.

Она смотрела Геду прямо в глаза. Он слегка кивнул.

Чистый Ручей намерен был во что бы то ни стало сам рассказать все и заговорил громко, перебивая Геда:

— Я-то с некоторыми тамошними говорил, так они рассказывают, что их четверо было; все слонялись без дела возле Кахеданана, палатки ставили, а женщина та часто в деревню приходила милостыню просить, вся избитая, ссадины да синяки по всему телу. Они ее такую-то специально посылали попрошайничать, мужики эти, чтобы добывала побольше; и она говорила людям, что ежели с пустыми руками вернется, так они ее еще пуще избьют. Ну так тамошние ей и говорят: чего ж назад-то

возвращаться? Но если б она не вернулась, так те бы за ней непременно сами явились — так она сказала. А она всегда при них была, вместе они бродяжничали. Ну а потом-то они ее, видно, до смерти забили: перестарались. А тело оттащили на старую бойню да там и бросили; там, знаешь, все еще тухлятиной пахивало, так они, верно, думали, что это им следы замести поможет. А сами решили удрать по дороге вниз, сюда, в аккурат прошлой ночью. А ты чего ж на помощь-то не звала, не кричала? Гоха? Хок говорит, что тут они были, возле дома шастали, когда он на них набрел. Я бы точно тебя услышал, да и Шанди тоже, у нее-то уши поострее моих будут. Ты ей ничего еще не говорила, а?

Тенар покачала головой.

— Ну так я счас ей и расскажу, — заявил старик, обрадованный тем, что первым сообщит Шанди все новости, и заковылял через двор прочь. На полпути он обернулся и крикнул Геду: — Вот уж никогда не думал, что ты так с вилами управляться умеешь! — и, смеясь, хлопнул себя по ляжкам.

Гед наконец стянул с ног тяжелые гетры, стащил грязные сапоги и выставил все это на крыльцо; потом в одних носках подошел к огню. Старые грубые штаны, рубаха из домотканой шерсти — настоящий гонтийский пастух с меднокожим лицом, ястребиным носом и ясными черными глазами.

— Скоро еще люди явятся, — сказал он. — Чтобы рассказать тебе ту историю и расспросить о том, что произошло здесь. Они поймали тех двоих в старом винном погребе, где и вина-то уже никакого нет; теперь человек пятнадцать-двадцать их сторожат, а два-три десятка мальчишек крутятся рядом и подглядывают... — Он зевнул, встряхнулся, а потом, взглянув на Тенар, попросил разрешения присесть у огня.

Она молча указала ему на стул.

— Ты, должно быть, до смерти измотался, — прошептала она.

— Я тут вчера немножко поспал. Просто не мог больше — глаза слипались. — Он снова зевнул. И пытливо посмотрел на нее, стараясь понять, о чем она думает.

— Это была мать Терру, — сказала она шепотом. Говорить громко она по-прежнему не могла.

Гед кивнул. Он сидел, чуть сгорбившись и положив руки на колени — так, бывало, сидел и Флинт, глядя в огонь. Они были очень похожи и все же совсем разные — настолько разные, как зарывшийся в землю камень и парящая в поднебесье птица. У Тенар болело сердце, все кости ломило, а душа пребывала в смятении, мучимая дурными предчувствиями, тоской, не забытым еще страхом.

— Та ведьма раненого приняла, — сказал Гед. — Перевязала. Помоему, ему уже лучше. Она ему все дырки заткнула — паутиной и заклятиями, что кровь останавливают. Говорит, вылечу его специально, чтобы потом этого мерзавца повесили.

— Повесили?

— Теперь уж это дело Королевского Суда. Либо повесят, либо на каторгу сошлют.

Она хмуро покачала головой.

— Ты же не могла просто отпустить его, Тенар, — мягко сказал он, глядя на нее.

— Нет.

— Они непременно должны быть наказаны, — сказал он, по-прежнему не сводя с нее глаз.

— «Наказаны»... Да-да, *это же его слова!* Накажем девчонку. Она плохая. Ее нужно наказать. Накажи и меня за то, что я ее взяла. За то, что... — Ей было трудно говорить. — Я не хочу больше никаких наказаний!.. Этого вообще не должно было случиться... Лучше бы ты убил его!

— Я сделал все, что мог, — сказал Гед.

Она долго молчала, потом рассмеялась каким-то дребезжащим смехом:

— Да уж, это точно.

— Подумай, как легко это было бы, — проговорил он, снова уставившись на уголья, — если бы я был волшебником. Я мог бы наложить на них связующее заклятие еще там, на верхней дороге; они бы даже понять ничего не успели. Я мог бы один отвести их всех в Вальмут, словно стадо овец. Или прошлой ночью, здесь, — подумай! Какой отличный фейерверк я мог бы для них устроить! Они бы никогда и не догадались, что же с ними происходит.

— Они и сейчас не догадываются, — сказала Тенар.

Он быстро глянул на нее. В его глазах светился слабый отблеск торжества.

— Нет, — сказал он. — Не догадываются.

— Здорово с вилами управляться умеешь, — прошептала она.

Он зевнул во весь рот.

— Может, ляжешь поспишь? Здесь есть свободная комната — из прихожей вторая дверь. Если только ты не намерен развлекать рассказами целую компанию: сюда, между прочим, идут Ларк и Дейзи, а еще целая куча детей. — Тенар поднялась, заслышав голоса.

— Пожалуй, я действительно лягу спать, — сказал Гед и тихо

скользнул прочь.

Ларк с мужем и Дейзи, жена кузнеца, а потом и другие жители деревни целый день шли и шли к ней с рассказами и расспросами. Как ни странно, именно эти бесконечные разговоры и вернули ее к жизни, отвлекли от страшных воспоминаний о прошлой ночи; постепенно ей стало легче говорить об этом: теперь она чувствовала, что все это случилось уже давно, а не происходит с ней непрерывно и никогда не оставит ее душу в покое.

Именно этому должна научиться и Терру, подумала она, но только не за одну ночь: за целую жизнь.

Когда ушли остальные, Тенар сказала Жаворонку:

— Что меня больше всего бесит в самой себе, так это собственная глупость.

— Я же предупреждала: держи двери закрытыми.

— Нет... Может быть... Да, наверное, в этом все и дело.

— Конечно.

— Нет, я хотела сказать, что, когда они были здесь... я могла бы выбежать, позвать стариков... может, даже прихватить с собой Терру... Или пойти в сарай и взять эти вилы сама... Или крюк для подрезки веток... В нем все-таки семь локтей длины, а лезвие острое как бритва, он у меня всегда в полном порядке, как у Флинта когда-то... Почему же я ничего этого не сделала? Почему?.. Почему я просто заперлась в доме — ведь в этом не было ни малейшего смысла? Если бы он... если бы Хок тут не оказался... Все, на что я была способна, — это загнать себя и Терру в ловушку. В конце-то я, правда, взяла большой нож, и вышла на крыльцо, и стала на них кричать... Я чуть с ума не сошла тогда. Но нож-то мой их бы, конечно, не отпугнул.

— Не знаю, — сказала Жаворонок. — Не уверена. Конечно, это было безумие, но, может... Не знаю. А что тебе еще оставалось? Только двери запереть. Мы, похоже, всю свою жизнь только и делаем, что двери запираем. Таков уж наш дом.

Вокруг них были каменные стены, напротив — каменный очаг; в окошко кухни ярко светило солнце; это был дом фермера Флинта.

— Та девушка, вернее, та женщина, которую они убили... — сказала Жаворонок, проницательно глянув на Тенар, — это та самая?

Тенар кивнула.

— Кто-то мне сказал, что она была беременна. Месяца четыре-пять.

Обе снова помолчали.

— Попалась в ловушку, — сказала Тенар.

Ларк сидела, откинувшись назад, положив руки поверх своих тяжелых бедер, обтянутых юбкой; спина прямая, миловидное лицо печально.

— Страх, — сказала она. — Чего мы так боимся? Почему позволяем убеждать нас в этом? И чего боятся они сами? — Она подняла с пола чулок, который вязала, повертела его в руках, помолчала и наконец спросила: — Почему они так боятся нас?

Тенар пряла шерсть и ей не ответила.

Вприпрыжку вбежала Терру.

— Вот и девочка наша! — ласково приветствовала ее Ларк. — А ну-ка, подойди, дай я тебя поцелую, золотко ты мое!

Терру бросилась ей на шею.

— Что это за людей поймали в деревне? Кто они? — требовательно спросила она своим хриплым, лишенным выражения голосом, глядя то на Ларк, то на Тенар.

Тенар остановила веретено. И медленно ответила:

— Один из них был Ловкач. Второго звали Баклан. А того, что был ранен, звали Треска. — Она не сводила глаз с лица Терру и видела, как разгорается тот внутренний огонь, как краснеют шрамы. — А женщину, которую убили, по-моему, звали Сенни.

— Сенини, — прошептала девочка.

Тенар кивнула.

— Они ее совсем убили? До смерти?

Тенар снова кивнула.

— Головастик говорит, что они и сюда приходили?

Тенар кивнула еще раз.

Девочка обвела взглядом комнату, но вид у нее при этом был такой, словно она абсолютно ничего не воспринимала и не видела перед собой даже стен.

— Ты их убьешь?

— Они, возможно, будут повешены.

— Умрут?

— Да.

Терру кивнула — как-то полубезразлично. И снова убежала на улицу — играть с детьми Ларк у колодца.

Обе женщины долго молчали. Пряли шерсть и о чем-то думали в тишине у огня. В доме фермера Флинта.

Наконец Жаворонок нарушила молчание:

— А что с тем парнем, с пастухом, что пришел сюда за ними следом? Хок вроде бы его звать?

— Он спит. Там, — сказала Тенар, кивком указав на дальнюю комнату.

— Ага, — сказала Жаворонок и снова умолкла.

Жужжало веретено.

— Я знала его и до вчерашней ночи.

— Там, в Ре Альби, да?

Тенар кивнула. Веретено продолжало жужжать.

— Чтобы одному против троих выйти в темноте, да еще с вилами, — для этого теперь немалое мужество требуется. А он ведь к тому же не молод, верно?

— Нет. Не молод. — Тенар помолчала, потом прибавила: — Он сильно болел, и ему очень нужна была работа. Вот я его и послала сюда, чтобы Чистый Ручей ему на ферме работу подыскал. Но Чистый Ручей считает, что по-прежнему может сам со всем справиться, так что Хока он в горы отослал, на летние пастбища. Он как раз оттуда и возвращался.

— Ну так, я думаю, теперь ты его здесь оставишь?

— Если он захочет, — сказала Тенар.

Потом приходили еще люди, чтобы тоже послушать, что произошло с Гохой, и рассказать, какое участие сами принимали в поимке убийц; они рассматривали вилы с четырьмя длинными зубьями, вспоминали кровавые пятна на бинтах того типа по кличке Треска, а потом все начинали перемалывать сначала. Тенар даже обрадовалась, когда наконец наступил вечер; она позвала Терру домой и заперла все двери.

Она уже подняла было руку, чтобы задвинуть последний засов. И снова опустила ее, заставив себя уйти и оставить эту дверь незапертой.

— А в твоей комнате Ястреб спит, — сообщила ей Терру, возвращаясь в кухню с лукошком яиц, взятым в холодной кладовой.

— Я и забыла предупредить тебя, что он там... Ты уж меня прости.

— Но я же его знаю, — сказала Терру, старательно умываясь. А когда в кухню вошел Гед с припухшими глазами и всклокоченной шевелюрой, девочка подошла прямо к нему и потянулась, чтобы его обнять.

— Здравствуй, Терру, — сказал он ласково, подхватил ее на руки и прижал к себе. Она легонько обняла его за шею и тут же высвободилась.

— Я знаю начало «Создания Эа», — сообщила она ему.

— Ты мне его споешь? — Снова взглядом спросив разрешения у Тенар, он сел на прежнее место у очага.

— Я могу только рассказать.

Он кивнул и приготовился слушать; вид у него при этом был довольно-таки суровый. Девочка продекламирровала:

Разрушив — создашь.
То конец ли? Начало?
Одно — из другого...
Кто знает наверно?
Одно лишь мы знаем:
Есть дверь меж мирами,
В нее мы уходим,
Навек расставаясь.
Но есть существа,
Что приходят обратно...
Среди них старейший —
Привратник Сегой...

Голос девочки напоминал шуршание металлической щетки по металлу, или шорох сухих листьев, или шипение горящих дров... Когда она закончила первый стих «...из пены морской поднимается Эа, красою сияя», Гед коротко одобрительно кивнул.

— Хорошо, — сказал он.

— Вчера вечером, — сказала Тенар. — Только вчера вечером она это впервые услышала и выучила. А кажется, будто год назад.

— Я могу еще дальше выучить, — сказала Терру.

— И выучишь, — откликнулся Гед.

— А теперь закончи чистить кабачок, пожалуйста, — велела девочке Тенар, и та послушно принялась за работу.

— А мне что делать? — спросил Гед.

Тенар озадаченно посмотрела на него:

— Нужно принести воды для чайника...

Он кивнул и отправился к колодцу.

Они приготовили ужин, с аппетитом поели и вместе убрали со стола.

— Повтори-ка мне снова «Создание Эа» до того места, до которого помнишь, — попросил Гед девочку, когда они уселись у очага, — и мы с тобой пойдем дальше.

И она тут же выучила второй стих, повторив его один раз вместе с Гедом и еще один раз вместе с Тенар, а потом — самостоятельно.

— А теперь марш в кровать, — сказала Тенар.

— А ты не рассказала Ястребу о короле?

— Лучше ты сама ему расскажи, — сказала Тенар, обрадованная поводом для того, чтобы пока не оставаться с Гедом наедине.

Терру встрепенулась. Лицо ее — обе его половины — горело воодушевлением.

— Тот король приплыл на корабле. У него был меч. А еще он дал мне дельфинчика из кости. И корабль его летел как птица, только я тогда болела, потому что до меня дотронулся Ловкач. А король взял да и тоже дотронулся, и та противная отметина исчезла. — Она показала ему свою нежную тонкую ручонку. Тенар тоже посмотрела. О следах, оставленных пальцами Ловкача, она совсем позабыла. — Когда-нибудь я хотела бы полететь туда, где он живет, — сообщила Ястребу Терру. Он кивнул. — Я непременно полечу! А ты его знаешь?

— Да. Я его знаю. Мы вместе были в одном очень долгом путешествии.

— Где это?

— Там, где солнце не встает и не загораются звезды. И мы вместе вернулись из этой страны.

— А вы с ним летели?

Гед покачал головой.

— Я умею только ходить, — сказал он спокойно.

Девочка задумалась, а потом, словно весьма удовлетворенная собственными мыслями, сказала:

— Спокойной ночи. — И пошла в свою комнату. Тенар хотела было проводить ее и спеть колыбельную, но Терру не захотела. — Я лучше расскажу «Создание» в темноте, — сказала она. — *Оба стиха.*

Тенар вернулась на кухню и села напротив Геда.

— Как быстро она меняется! Мне за ней не успеть. Слишком стара, видно, чтобы ребенка воспитывать. А она... Она меня, конечно, слушается, но только потому, что сама так хочет.

— Это единственное оправдание для послушания, — заметил Гед.

— Но если уж ей взбредет в голову меня не послушаться, то с ней не сладить! Есть в ней что-то дикое. Иногда она — моя девочка, моя Терру, иногда же — совсем иное существо, недостижимое для меня, неведомое. Я спрашивала Айви, не стоит ли отдать Терру ей в ученицы. Это Бук мне посоветовал. Но Айви сразу отказалась. «Почему же нет?» — спросила я. «Я ее боюсь!» — сказала она... Но ведь ты ее не боишься? Как и она тебя. Ты и Лебаннен — единственные мужчины, которым она позволяет себя касаться. Я не смогла помешать этому... этому Ловкачу... не могу об этом говорить! Ох как я устала! Я уже ничего не соображаю...

Гед положил в очаг толстое полено — чтобы горело потихоньку, медленно, и оба они некоторое время молча смотрели, как извиваются и

дрожат языки пламени.

— Я бы хотела, чтобы ты остался здесь, Гед, — сказала Тенар. — Если тебе это по душе, конечно.

Он ответил не сразу, и она спросила:

— Может быть, ты собираешься в Хавнор?..

— Нет, нет. Мне некуда идти. Я просто искал работу.

— Ну что ж, здесь работы полно. Старик, правда, так не считает, однако при его артрите он теперь годится разве что за садом присматривать. Мне все время очень нужен был помощник — с тех самых пор, как я вернулась. Я бы могла, разумеется, выругать этого упрямца за то, что он отослал тебя в горы, но это бесполезно. И слушать бы не стал.

— Мне это только на пользу пошло, — сказал Гед. — Больше всего мне нужно было время.

— Ты там овец пас?

— Коз. На самых верхних пастбищах, почти там, где начинаются голые скалы. Мальчишка, которого они наняли раньше, заболел, так что Серри послал меня туда в первый же день. Коз ведь держат наверху до поздней осени, до самых холодов, чтобы подшерсток гуще стал. А последний месяц я там жил практически совсем один. Серри прислал мне эту вот куртку и кое-какие припасы и просил оставаться в горах так долго, как только смогу. Вот я и остался до самых морозов. Там, в горах, замечательно было!

— Одиноко, наверно, — сказала она.

Он кивнул, чуть улыбнувшись.

— Ты всегда был одиноким.

— Да, всегда.

Она промолчала. Он посмотрел на нее.

— Я рад буду работать у тебя на ферме, — сказал он.

— Значит, решено, — сказала она. И чуть погода прибавила: — Уж по крайней мере хоть зиму-то пробудешь?

В тот вечер подморозило еще сильнее. Мир вокруг совсем затих, слышался лишь шепот огня. Молчание было ощутимым, словно присутствие рядом с ними кого-то третьего. Тенар подняла голову.

— Ну хорошо, Гед, — сказала она и посмотрела прямо на него. — А в чьей постели мне теперь спать? В постели Терру или в твоей?

Он затаил дыхание. Потом тихо сказал:

— В моей. Если захочешь.

— Захочу.

Молчание, казалось, теперь опутало его по рукам и ногам. Было

заметно, какие усилия он прилагает, чтобы высвободиться из этих пут.

— Если у тебя хватит терпения... — проговорил он.

— У меня хватило терпения на целых двадцать пять лет, — сказала она. Посмотрела на него внимательно и засмеялась. — Ну же... ну, ну, дорогой мой!.. Лучше поздно, чем никогда! Я, конечно, теперь всего лишь старуха... Ничто не проходит даром, ничто никогда не проходит даром. Ты сам учил меня этому. — Она встала. Поднялся и он. Она протянула ему руки, и он взял их в свои. Потом они обнялись — все теснее и теснее сжимая объятия. И столько в этих объятиях было страсти и нежности, что все вокруг как бы перестало для них существовать: в этом мире были сейчас только они одни. Не имело никакого значения, в какой постели они собираются спать. В ту ночь они легли прямо на каменный пол у очага, и там она открыла Геду ту тайну, которую не смог бы ему открыть даже самый мудрый волшебник.

Один раз он встал, чтобы подбросить дров в огонь, а со скамьи снял ту красивую козью шкуру и постелил им на пол. Тенар ни слова не возразила. Укрылись они ее плащом и его курткой из овчины.

Оба проснулись на рассвете. Слабый серебристый свет окутывал полуоблетевшие ветви дубов за окном. Тенар потянулась всем телом и почувствовала живое тепло лежащего рядом с ней человека. Потом прошептала:

— Он тоже лежал здесь. Тот тип по прозвищу Треска. На этом самом месте, на полу...

Гед что-то слабо негодуяще промычал в ответ.

— Вот теперь ты настоящий мужчина, — сказала Тенар. — Сперва вилами превратил в решето бандита, потом с женщиной ночь провел... Помоему, именно в таком порядке обычно и получается.

— Помолчи, — прошептал он, поворачиваясь и кладя голову ей на плечо. — Не надо.

— Буду! Ах, Гед, бедняга! Нет во мне жалости, только справедливость. Меня жалости не учили. Умение любить — вот единственная милость, которая была мне дарована. Ах, Гед, не бойся меня! Ты же был мужчиной, когда я впервые увидела тебя! Не оружие и не женщина делают мужчину мужчиной; и не магия, и не какая-нибудь иная сила — только он сам!

Они лежали в тепле и молчании, исполненном нежности.

— Расскажи мне что-нибудь.

Он в ответ сонно пробормотал что-то невнятное.

— Как тебе удалось расслышать, что они говорят? Треска, Ловкач и тот, третий? Как тебе удалось оказаться именно там и именно в нужный

момент?

Гед чуть приподнялся на локте, чтобы видеть ее лицо. Его собственное лицо казалось сейчас таким беззащитным, на нем была написана такая детская радость и такая нежность, что Тенар пришлось подтянуться и коснуться его губ там, куда она впервые его поцеловала несколько месяцев назад, и он, конечно, тут же снова обнял ее, и разговор свой дальше они продолжали уже без слов.

Были кое-какие формальности, которые необходимо было соблюсти. Во-первых, сообщить Чистому Ручью и прочим арендаторам, что она заменила «старого хозяина» новым работником. Это она проделала быстро и решительно. Они ничего не могли с этим поделать, впрочем, им в данном случае ничто и не грозило. Вдова могла владеть собственностью покойного мужа, только если у того не было ни одного наследника мужского пола. Единственным наследником Флинта был его сын, моряк, так что вдова просто как бы вела хозяйство на ферме в его отсутствие. Если бы она умерла, тогда в отсутствие наследника хозяйство вел бы Чистый Ручей; а если бы ее сын так никогда и не востребовал бы своего наследства, ферма отошла бы дальнему родственнику Флинта, жившему в Кахеданане. Так что обе пары, давно арендовавшие эти земли, могли не опасаться быть изгнанными из своих жилищ тем, кого вдова наймет на работу, даже если бы она вышла за этого человека замуж. Однако Тенар опасалась, что старики обвинят ее в недостаточной верности памяти Флинта, которого они, в общем-то, знали куда дольше, чем она. К ее радости, впрочем, они вовсе не возражали против такого решения. Хок завоевал их вечное расположение одним-единственным удачным ударом вилами. Кроме того, с точки зрения их всех, желание Гохи иметь в доме мужчину, который способен ее защитить, было вполне разумным. Если же Гоха допустит его в свою постель — что ж, аппетиты вдовушек давно вошли в пословицу. Да к тому же она ведь нездешняя...

Отношение остальных жителей деревни к случившемуся было примерно таким же. Немного пошептались, посплетничали — вот и все. Оказалось, что быть уважаемой женщиной куда легче, чем полагала тетюшка Мох. А может, старые вещи просто всегда меньше ценятся?

Она чувствовала себя настолько замаранной и униженной тем, что они так легко все это приняли, как если бы все было как раз наоборот. Одна лишь Ларк нисколько не угнетала ее — она вообще ни слова не сказала ни в похвалу, ни в осуждение; она видела, что происходит между этими двоими, наблюдала за ними с интересом, с любопытством, с завистью, но, в

общем, доброжелательно.

Ибо старинная подруга Тенар видела Хока не сквозь расхожие слова «пастух», «работник», «вдовушкин ухажер». Впрочем, она замечала многое такое, что ее озадачивало. Например, его достоинство и простота были вроде бы самыми обычными, такими же, как у многих, кого Ларк знала, но как бы отличались от них по качеству; в нем всегда чувствовалась некая значимость, некое не сразу заметное глазу величие души и ума. Она как-то сказала Айви:

— Этот человек не всю свою жизнь среди коз провел. Он о мире знает куда больше, чем о крестьянском труде.

— Я бы иначе сказала: он либо колдун, кем-то проклятый, либо волшебник, отчего-то силу свою утративший, — откликнулась ведьма. — Такое случается.

— А-а-а... — только и промолвила Ларк.

Так или иначе, но само звание Верховный Маг было слишком пышным и величественным, оно больше годилось для королевских приемов и дворцов, а не для этого темноглазого седоволосого человека с Дубовой Фермы, так что Ларк оно никогда и в голову не приходило. А если бы пришло, то она уже никогда бы не смогла чувствовать себя с ним так естественно и просто, как теперь. Даже сама мысль о том, что Хок, возможно, когда-то был колдуном, несколько встревожила ее. Слово «колдун» как бы мешало ей воспринимать его таким, какой он есть, пока она снова не увидела его совсем иными глазами. Он в тот момент сидел на одной из старых огромных яблонь, срезая высохшие сучья, и поздоровался с ней оттуда, сверху. До чего же на коршуна похож, подумала она, особенно когда сидит вот так, нахохлившись, на ветке! И она приветливо помахала ему рукой и улыбнулась.

Тенар так и не забыла того вопроса, который задала Геду, когда они лежали на каменном полу у очага, накрывшись курткой из овчины. Она снова задала его несколькими днями позже — время для них теперь пролетало легко и приятно в этом доме с мощными каменными стенами, окруженном зимними снегами.

— Ты так и не объяснил мне, — сказала она, — как же все-таки тебе удалось услышать, о чем они говорили тогда, на верхней дороге.

— По-моему, я рассказывал тебе, что шел по обочине, почти невидимый, когда эти люди нагнали меня.

— Почему по обочине?

— Потому что я был один и знал, что на дороге хозяйничают бандиты.

— Да, конечно... Но, значит, когда они поравнялись с тобой, Треска

уже говорил о Терру?

— По-моему, в этот момент он говорил о Дубовой Ферме.

— Возможно. Во всяком случае, звучит очень убедительно.

Понимая, что это не потому, что она не верит ему, он решил подождать, что она скажет еще.

— Такое порой случается — но только с волшебниками, — сказала Тенар.

— И с другими людьми тоже.

— Возможно.

— Дорогая моя, ты ведь не хочешь... убедить меня в том, что силы мои вернулись?

— Нет. Нет, совсем нет. Это было бы просто глупо с моей стороны. Ведь, если бы ты снова стал волшебником, тебя бы здесь уже не было, верно?

Они лежали на широкой кровати с дубовой рамой, тепло укрытые овечьими шкурами и пуховыми одеялами, потому что в этой комнате не было очага, а ночь стояла морозная, да и снег давно уже выпал.

— Я вот что хочу понять: нет ли чего-то еще помимо того, что вы называете волшебной силой, такого, что появляется как бы до нее? Или чего-то большего, чем волшебная сила, которая сама по себе является только частью этого большего? Ну вот, например, Огион говорил, что еще до того, как ты успел чему-то научиться, познал волшебную премудрость, ты уже был *магом*. *Прирожденным магом*, так он говорил. Так что мне всегда казалось, что для того, чтобы обладать волшебной силой, чтобы воспринять ее, нужно иметь в своей душе какое-то особое место. Некую пустоту, которую необходимо заполнить. И чем больше будет в душе этого места, тем больше поместится там волшебной силы. Но если волшебной силы вообще не дать, или если ее отобрать, или если самому ее отдать, то место-то для нее в душе все равно останется?

— Только пустота, — сказал Гед.

— «Пустота» — это всего лишь слово, одно из тех, которыми можно назвать это незаполненное место в душе. Может быть, и не самое правильное слово.

— Способность? — полувопросительно произнес он и покачал головой. — Предрасположенность?..

— Мне кажется, что ты оказался там, на верхней дороге, именно в том месте и именно в тот час, благодаря этому качеству — благодаря тому, что с тобой такое может произойти. Ты не сам заставляешь события свершаться. Ты их не вызываешь. И тот случай тоже не был связан с твоей «волшебной

силой». Это просто с тобой *случилось*. Из-за твоей способности... из-за этой «пустоты» в твоей душе.

Помолчав немного, он сказал:

— Все, что ты говоришь, очень похоже на то, чему меня в юности учили на острове Рок: настоящая Магия призывает делать только совершенно необходимое. Но этот закон имеет свое продолжение: не делать что-то самому, а быть вынужденным что-то сделать...

— Не думаю, что это так уж верно. Больше похоже на объяснение причин великих деяний. Разве ты не пришел и не спас мне жизнь? Разве не проткнул этого мерзавца вилами? Вот это и было «действием», настоящим, таким, которое ты должен был совершить...

Гед снова задумался и наконец спросил:

— Этой премудрости тебя учили, когда ты была жрицей Гробниц?

— Нет, — она потянулась, глядя в темноту, — Ару учили: для того чтобы быть могущественной, нужно приносить жертвы. Себя и других людей. Сделка такая: отдай — и получишь. И не могу сказать, что это так уж неверно. Но душе моей тесно в этих рамках — око за око, зуб за зуб, смерть за жизнь... Есть некая свобода за пределами этого порядка. За пределами неизбежной расплаты, неизбежного возмездия, неизбежного искупления — за пределами всех сделок и всякого равновесия сил — там, за пределами всего этого существует свобода...

— *Есть дверь меж мирами*, — сказал он тихонько.

В ту ночь Тенар снился сон. Ей снилось, что она видит эту дверь меж мирами из «Создания Эа». Она была похожа на небольшое окошко из толстого пузырчатого мутного стекла, прорубленное низко в западной стене какого-то старого дома, стоящего над морем. Окно было крепко заперто и закрыто прочными ставнями. Тенар хотела открыть его, но существовало какое-то слово, какой-то ключ, что-то в этом роде, что она позабыла — слово ли, ключ ли или чье-то имя, — и никак она не могла открыть окошко. Она искала и искала этот потерянный, забытый ключ в комнатах с каменными стенами, и комнат становилось все меньше, и стены все сдвигались, и со всех сторон наступала темнота... и тут она почувствовала, что Гед обнимает ее, пытаясь разбудить и успокоить, и все приговаривает:

— Все в порядке, родная моя, успокойся, все будет в порядке!

— Я не могу стать свободной! — заплакала она, прижимаясь к нему.

Он успокаивал ее, гладил по голове; потом они снова улеглись, прижавшись друг к другу, и он прошептал:

— Посмотри.

Светила полная луна. Ее сияние, отражаясь от только что выпавшего

снега, наполняло комнату холодным белым светом, потому что, несмотря на мороз, закрывать ставни Тенар не хотелось. Светился весь воздух вокруг. Изголовье кровати было в тени, но казалось, что потолок над их головами — всего лишь тонкая прозрачная вуаль, за которой открываются бесконечные серебристые спокойные глубины света.

В ту зиму на Гонте выпали глубокие снега, да и сама зима была долгой. Урожай был очень хорош. Для людей и животных еды хватало, а дел особых зимой не было, разве что готовить еду да сохранять тепло в доме.

Терру выучила «Создание Эа» до конца, а после нее — «Зимнюю Песнь» и «Подвиг юного короля». Она умела сделать аппетитно румяной корочку пирога, умела отлично прясть, знала даже, как изготовить мыло. Она знала название и применение каждой травинки, что появлялась из-под снега, и выучила много еще всего о травах и народной мудрости и о том, что Гед хранил в своей памяти с тех пор, как сам учился у Огиона и в Школе Волшебников. Но он так и не снял с полки Книгу Рун, как и ни одну другую книгу Огиона, и не научил девочку ни единому слову из Речи Созидания.

Они с Тенар часто говорили об этом. Она рассказала ему, как однажды пыталась научить Терру одному-единственному слову — «ток», — а потом вдруг бросила это занятие: что-то смущало, даже пугало ее, хотя она и не понимала, что именно.

— Я тогда решила, что, может быть, это потому, что сама я никогда по-настоящему не пользовалась Истинной Речью и никогда не занималась Магией. И, наверно, девочке лучше учиться Языку Созидания у настоящего волшебника, который им пользуется постоянно.

— Такого волшебника не существует.

— А уж волшебницы и подавно.

— Я хотел сказать, что только драконы пользуются Истинной Речью как своей родной.

— А они учат этот язык?

Застигнутый этим вопросом врасплох, он ответил не сразу, по всей очевидности припоминая все то, что ему когда-либо довелось узнать о драконах.

— Не знаю, — сказал он наконец. — Да и что мы, в сущности, знаем о них? Испытывают ли они желание передавать знания — как это делаем мы — от матери к ребенку, от старшего к младшему? Или они, подобно животным, чему-то учатся в процессе жизни, но большую часть знают от

рождения? Нам ведь неведомо даже это. Но на мой взгляд, сам дракон и речь его суть едины. Одно существо.

— И они не говорят ни на одном другом языке?

Он кивнул.

— Они ничему не учатся, — сказал он. — Они просто существуют.

В кухню вбежала Терру. Одной из ее обязанностей было постоянно пополнять короб со щепой для растопки, и она как раз была занята этим, одетая в теплую куртку из овчины, перешитую Тенар, и такую же шапку. Девочка рысцой бегала туда-сюда — из дровяного сарая в кухню и обратно. Вытряхнув очередную порцию щепок в короб, стоявший у камина в углу, она снова убегала.

— Что это она такое поет? — спросил Гед.

— Терру? Поет?

— Да, когда остается одна.

— Но она никогда не поет! Она не может петь.

— Поет по-своему. «На самом далеком западе...»

— А! — воскликнула Тенар. — Это та старая история! Неужели Огион никогда не рассказывал тебе о Женщине из Кимея?

— Нет, — сказал Гед, — расскажи мне, пожалуйста.

И Тенар рассказала ему под жужжание веретена — отличный аккомпанемент для длинного рассказа. А под конец она прибавила:

— Когда Мастер Ветродуй рассказал мне, почему он приехал искать «одну женщину с Гонта», я сразу подумала о ней, об этой Женщине из Кимея. Но она теперь, уж конечно, умерла. Да и разве может какая-то рыбачка — пусть она даже раньше и была драконом — стать Верховным Магом Земноморья?

— Ну, Путеводитель ведь не сказал, что некая женщина с острова Гонт непременно должна стать Верховным Магом, — возразил Гед. Он старательно штопал свои чудовищно изношенные штаны, сидя возле окна и пытаясь поймать остаток света уходящего серого дня. Прошло уже с полмесяца после Солнцеворота, но все еще было очень холодно.

— Но что же он в таком случае имел в виду?

— «Одну женщину с Гонта». Так и ты мне сказала.

— Но они же спрашивали: кто должен стать следующим Верховным Магом?

— И не получили ответа на этот вопрос.

— *Бесконечны споры магов между собой,* — сухо и разочарованно проговорила Тенар.

Гед перекусил нитку и аккуратно смотал оставшийся конец.

— На Роке меня немного учили играть словами, — согласился он. — Но это вовсе не словесная головоломка, так мне кажется, Тенар. «Одна женщина с Гонта» не может стать Верховным Магом. Ни одна женщина на свете не может им стать. Она разрушит само это понятие, став им. Маги острова Рок — всегда только мужчины; их волшебство — это волшебство мужчин; их знания — это знания мужчин. То, что они мужчины, как и то, что они волшебники, имеет одно основание: власть и могущество принадлежат мужчинам. Если бы у женщин была власть, то кем бы должны были считаться мужчины, как не женщинами, которые не способны вынашивать детей? И кем бы считались женщины, как не мужчинами, которые могут родить ребенка?

— Ха! — выдохнула Тенар и быстро, не без лукавства спросила: — А разве в мире никогда не было королей? Разве великие королевы не были просто женщинами, наделенными властью?

— Королева — это всего лишь женщина-король, — отрезал Гед.

Тенар презрительно фыркнула.

— Я хотел сказать, что королевскую власть ей дали мужчины. Они дали ей возможность воспользоваться их властью. Но ей самой эта власть не принадлежит, разве не так? Так. И вовсе не потому она облечена властью, что является женщиной, но вопреки этому.

Она кивнула. Она сидела очень прямо, отодвинувшись от своего веретена.

— В чем же тогда могущество женщины? — спросила она.

— Не думаю, чтобы мы это понимали.

— Когда же в таком случае женщина обретает могущество, будучи всего лишь женщиной? Родив детей, я полагаю? На какое-то время...

— В своем доме — быть может.

Она оглядела кухню.

— Но все двери закрыты, — сказала она, — все двери заперты.

— Потому что вам, женщинам, цены нет.

— О да! Мы поистине драгоценны. До тех пор, пока бессильны... Я помню, когда я впервые поняла это! Коссил запугала меня — меня, Единственную Жрицу Гробниц! И я поняла, что совершенно беспомощна. У меня были почести; но власть была у нее — она получила ее от Короля-Бога, от мужчины. Ах, как это злило меня! И пугало... Мы с Жаворонком как-то раз говорили об этом. Она сказала: «Почему все-таки мужчины так боятся женщин?»

— Если сила твоя покоится только на слабости другого, ты живешь в постоянном страхе, — промолвил Гед.

— Да, но женщины, похоже, страшатся собственной силы, боятся самих себя.

— А разве их когда-нибудь учат в себя верить? — спросил Гед, и тут как раз снова вошла занятая своими делами Терру. Гед и Тенар посмотрели друг на друга.

— Нет, — сказала Тенар. — Верить в себя нас вовсе не учат. — Она смотрела, как девочка вытряхивает щепки в короб. — Если власть — это вера в себя, — продолжала она, — то мне это слово нравится. Если же нет — то все эти бесконечные ступени... король, повелитель, маг, хозяин... Все это кажется мне таким ненужным. Настоящая власть, настоящая свобода должна была бы покоиться на вере и доверии, а не на силе и насилии.

— На вере, подобной вере детей в своих родителей, — сказал Гед.

Оба помолчали.

— При существующем порядке вещей, — сказал он, — даже вера портит человека. Мужчины на острове Рок верят и доверяют друг другу. Их власть чиста, ничто не пачкает ее чистоты, и чистоту этой власти они принимают за мудрость. Они и представить себе не могут, что это неверно.

Тенар вскинула на него глаза. Гед никогда прежде не говорил так о Мастерах острова Рок — совершенно свободно, совершенно независимо.

— Может быть, нужно, чтобы там появились женщины — просто чтобы эти мудрецы знали, что и они могут ошибаться, — сказала она, и он рассмеялся.

Тенар снова запустила веретено.

— Я по-прежнему не понимаю, почему, если могут существовать женщины-короли, то не могут существовать женщины-маги?

Терру внимательно слушала.

— Горячий снег, сухая вода! — Это была гонтийская поговорка. — Королям власть дается другими людьми. Сила же мага принадлежит только ему — она в нем самом и дается от рождения.

— И она остается чисто мужской силой — это потому, что никто из нас даже не знает, что представляет собой сила женская. Ну хорошо. Понимаю. Но в таком случае почему же они никак не могут подыскать нового Верховного Мага — мужчину?

Гед изучал обветшавший, облохматившийся шов на своих штанах.

— Что ж, — сказал он, — если тогда Путеводитель и не ответил на их вопрос, то он по крайней мере дал ответ на вопрос, которого они не задавали. Может быть, им нужно лишь задать его.

— Это что же, загадка? — спросила Терру.

— Да, — сказала Тенар. — Но самой загадки мы не знаем. Мы знаем

только отгадку. А она такова: «Одна женщина с Гонта».

— Но ведь их так много! — сказала Терру, немного подумав. И, явно довольная собой, отправилась за очередной порцией щепок.

Гед смотрел ей вслед.

— Все переменялось, — сказал он. — Все... Иногда я думаю, Тенар... мне хотелось бы знать: а вдруг правление короля Лебаннена — это только начало? Та дверь меж мирами... А сам он — Привратник у этой двери. Чтобы просто так пройти было нельзя.

— Он кажется таким юным, — нежно сказала Тенар.

— Столь же юным был и Морред, когда встретил Черные Корабли. Столь же юным был и я сам, когда... — Он умолк, глядя в окошко на серые замерзшие поля, просвечивающие сквозь оголенные ветви деревьев. — Или ты, Тенар, в той темнице... Где кончается юность, где начинается зрелость? Не знаю. Иногда мне кажется, что я прожил тысячу лет, иногда — что жизнь моя не длиннее полета ласточки, увиденной в маленькое окошко. Я уже умирал и снова возродился, и в Пустынной стране, и здесь, под живым солнцем, это происходило не один раз. А песни о Создании учат нас, что все мы лишь вернулись сюда и будем вечно возвращаться к источнику жизни, и источник этот неисчерпаем. И жизнь после смерти... Я думал об этом там, высоко в горах, когда пас коз, и день длился вечно, и все же вечер и утро почему-то мгновенно сменяли друг друга... Я учился козьей мудрости. Так мне думалось. Так о чем же я грущу? Кого из людей оплакиваю? Верховного Мага Геда? Но зачем из-за него пастуху Хоку так горевать и так стыдиться? Да и что я сделал такого, чего мне следовало бы стыдиться?

— Ничего, — сказала Тенар. — Никогда и ничего!

— О да, — сказал Гед. — Все величие человека основано на чувстве стыда, оно как бы выросло из него. Вот потому-то пастух Хок оплакивал Верховного Мага Геда. А еще — пас коз, как это мог бы делать любой мальчишка, каким и сам пастух Хок был когда-то...

Тенар немного помолчала, потом улыбнулась и чуть застенчиво сказала:

— Тетушка Мох говорила, что тебе тогда было лет пятнадцать?

— Да, почти. Огион совершил обряд и дал мне имя где-то осенью, а следующим летом я отбыл на Рок... Кто был тот мальчик? Пустота в душе... предрасположенность... свобода — за запертой дверью...

— Кто такая Терру, Гед?

Он не отвечал так долго, что она уж решила, что он и не собирается этого делать, но тут он сказал:

— Она же такая... какая свобода ей еще требуется?

— Значит, наша свобода — в нас самих?

— Думаю, что так.

— Ты, обладая своим могуществом, казался настолько свободным, насколько это вообще возможно. Но какой ценой? Что делало тебя свободным? А я... Меня сделали, вылепили, словно из глины, своей волей те женщины, что служили Древним Силам или мужчинам, которые владели всем — храмами, дорогами, площадями — не знаю уж теперь, чем еще. Потом я стала свободной — с тобой — и была какое-то время свободной с тобой и с Огионом. Но то была не моя свобода. То была свобода выбора; и я сделала выбор. Я сама вылепила из себя нечто пригодное для нужд фермы и ее хозяина и наших детей. Я превратилась в глиняный сосуд. Его форму я знаю. Но не знаю состава той глины. Жизнь была во мне ключом, это был танец жизни. Я танцевала разные танцы. Но не знаю, кто же танцор.

— А она, — проговорил Гед после долгого молчания, — если она когда-нибудь начнет свой танец...

— Ее станут бояться, — прошептала Тенар. Тут снова вошла Терру, так что разговор переключился на квашню с тестом, что подходило у печки. Разговор их лился мирно и тихо, переходя от одной темы к другой и снова возвращаясь к прежней, словно по кругу, так промелькнула незаметно половина короткого дня; они часто затевали такие разговоры, прядя, сшивая свои жизни воедино, скрепляя их словами, годами и поступками и теми мыслями, которые были у каждого из них в отдельности. Потом снова умолкали, работали, думали и мечтали, и молчаливая девочка была с ними вместе.

Так прошла зима, начался сезон скота, и какое-то время от работы было не продохнуть, тем более что дни становились все длиннее и светлее. Потом с южных солнечных островов прилетели первые ласточки — из Южного Предела, оттуда, где звезда Гобардон светит в созвездии Конца; но все ласточки говорили друг с другом только о том, что жизнь начинается снова.

С возвращением весны между островами, подобно ласточкам, начали порхать парусные суда. В деревнях судачили, перемывая слухи из Вальмута о том, что король объявил охоту на морских бандитов, на пиратов-грабителей, лишал богатства вожаков, оставляя буквально нищими, конфискуя их суда и состояния. Сам Лорд Гено выслал три своих лучших, самых быстрых корабля под командованием старого морского волка, колдуна Талли, которого боялись все торговые суда от Солеа до Андрадских островов; пиратские корабли намеревались изгнать королевский флот из Ораней и уничтожить его. Но в гавань Вальмута вскоре вошел тем не менее именно королевский корабль, и на борту его находился морской волк Талли, закованный в цепи. Корабль привез приказ: срочно доставить Лорда Гено в Порт Гонт и там подвергнуть его допросу по поводу бесконечных пиратских налетов и убийств. Гено забаррикадировался в своем каменном доме на холме, что неподалеку от Вальмута, однако забыл развести в камине огонь, поскольку стояли теплые весенние деньки, так что пятеро или шестеро молодых королевских воинов влезли в дом через каминную трубу и захватили Гено, а потом в окружении целого отряда стражников провели его по улицам Вальмута, прежде чем отправить в Порт Гонт, где он должен был предстать перед судом.

Услышав об этом, Гед сказал с любовью и гордостью:

— Все, что подвластно королю, он делает хорошо.

Ловкач и Баклан тоже вскоре отправились под конвоем по северной дороге в Порт Гонт, а вскоре и Треска, когда поджили его раны, последовал за ними. Их должны были судить королевским судом за убийство. Новость о том, что негодяев сослали на галеры, была встречена с огромным удовлетворением, и жители Срединной Долины поздравляли друг друга с таким поворотом событий, хотя Тенар и Терру, жавшаяся к ней, слушали все это молча.

Приплывали и разные другие корабли, привозившие различных королевских чиновников и офицеров; эти не так хорошо и без особой радости принимались горожанами и крестьянами — грубоватыми гонтийцами: королевские шерифы, являвшиеся с ревизией деятельности бейлифов и офицеров, призванных охранять покой и порядок, слышали немало жалоб и нареканий от простых людей; то и дело заявлялись

сборщики податей; бывали и благородные гости, которых интересовала верность вассалов — мелких князьков с острова Гонт — им самим и его величеству королю Земноморья. Заезжали и различные волшебники всех мастей; их встречали повсюду, но, похоже, проку от них было мало, да и поговорить с ними как следует не удавалось.

— Мне кажется, что в конце концов они решили учинить настоящую охоту на нового Верховного Мага, — сказала Тенар.

— Или ищут вредных колдунов, — предположил Гед, — ведь колдовство теперь как бы сбилось с пути.

Тенар хотела было сказать: «Ну, тогда они непременно должны были бы заглянуть в поместье Лорда Ре Альби!», но язык ее словно прилип к гортани. «Что же это такое я сказать собиралась? — пыталась вспомнить она. — Неужели я никогда не рассказывала Геду... ах, я становлюсь забывчивой! Что же это такое я хотела ему сказать? Ах вот что: нам бы надо починить ворота на нижнем пастбище, пока коров на поскотину не выпустили».

Всегда находилась масса неотложных дел по хозяйству, которые заслоняли собой все остальное. «Одного дела тебе всегда мало», — говаривал когда-то Огион. Даже теперь, когда ей помогал Гед, все ее мысли и время были посвящены ферме. Он делил с ней и хлопоты по дому, чего Флинт не делал никогда; но Флинт был фермером, а Гед — волшебником. Он быстро учился всему, но учиться нужно было еще многому. Они все время работали. На беседы же времени почти не оставалось. Вечером они вместе ужинали, потом вместе ложились спать и вместе просыпались на рассвете, снова принимаясь за работу, и так по кругу, по кругу — словно круги на воде, словно водяная мельница, что без конца поднимает полные ведра и опускает пустые, и дни изливались на землю, точно полные ведра прозрачной колодезной воды.

— Здравствуй, мать, — окликнул ее как-то тощий парень у ворот. Ей показалось, что это старший сын Ларк, и она приветливо спросила:

— Тебе чего, милый? — Она была занята: кормила кудахчущих кур и важных гусей. Потом взглядела в него снова и крикнула: — Искорка! — и бросилась к нему, распугав птицу.

— Ну ладно, ладно, — сказал он. — Хватит тебе.

Он позволил ей поцеловать себя и даже погладить по щеке. Потом вошел в дом и сел в кухне за стол.

— Может, поешь? А Яблочко ты не видел?

— Поесть можно.

Она опрোметью бросилась в битком набитую кладовую.

— Ты на каком корабле служишь? Все еще на «Чайке»?

— Нет. — Он помолчал. — С моим кораблем покончено.

Она в ужасе обернулась:

— Потонул?

— Нет. — Он невесело усмехнулся. — Команда разбежалась. А часть королевские офицеры арестовали.

— Но... это ведь был не пиратский корабль...

— Нет, не пиратский.

— Тогда почему же?..

— Сказали, что у капитана нашего как раз такие товары, какие им нужны, — неохотно отвечал Искорка. Он был такой же худой, как прежде, но повзрослел, загорел до черноты и стал очень похож на Флинта — прямоволосый, с длинным узким лицом. Только черты лица более жесткие. — А где отец? — спросил он.

Тенар окаменела.

— Ты у сестры так и не побывал?

— Нет, — равнодушно откликнулся он.

— Флинт умер три года назад, — сказала Тенар. — От удара. Прямо в поле — вернее, на тропинке, что ведет от загона с ягнятами. Его Чистый Ручей нашел. Три года уже прошло...

Повисло молчание. Он или не знал, что нужно говорить в таких случаях, или ему просто нечего было сказать.

Она наставила перед ним мисок и тарелок с едой. Он начал есть так жадно, что она тут же принесла еще.

— Ты когда ел-то в последний раз?

Он пожал плечами, продолжая жевать.

Тенар присела напротив него за стол. Была поздняя весна. Лучи солнца проникали в низенькое окошко и ложились полосами на стол, сверкали на бронзовой каминной решетке.

Наконец он оттолкнул от себя тарелку.

— Так кто ж фермой-то до сих пор занимался? — спросил он.

— А тебе-то что до этого, сынок? — спросила она его мягко, но довольно сухо.

— Ферма моя, — ответил он тоже довольно сухо.

Помолчав, Тенар встала и принялась убирать со стола.

— Да, это верно.

— Ты, конечно, можешь тоже тут оставаться сколько угодно, — сказал он как-то неловко; может быть, хотел пошутить? Нет, шутником он никогда не был. — А Чистый Ручей все еще здесь?

— Да, все они здесь. И еще один человек живет со мной. По имени Хок. И маленькая девочка, которую я воспитываю. Здесь. В этом доме. Тебе придется пока спать на чердаке. Я лестницу принесу. — Она снова посмотрела ему в лицо. — Так ты, значит, сюда надолго?

— Возможно.

Вот так и Флинт отвечал всегда на ее вопросы — в течение двадцати лет, как бы отрицая ее право их задавать и никогда не говоря ни «да», ни «нет», сохраняя при этом собственную свободу, основанную на ее неведении. Довольно-таки убогая, маленькая, совсем крошечная свобода, подумала Тенар.

— Бедный ты мой, — сказала она сыну, — команду твою разогнали, отец твой мертв, в доме твоём чужой — и все в один день на тебя свалилось. Тебе понадобится время, чтобы к этому привыкнуть. Прости меня, сынок. Но я рада, что ты пришел. Я о тебе часто думала: как ты там, в море, особенно во время штормов, зимой.

Он ничего не ответил. Ему нечего было предложить ей, а принять хоть что-то в дар он был не в состоянии. Он оттолкнул свой стул и уже собирался встать из-за стола, когда вдруг появилась Терру. Полупривстав, он не мигая уставился на нее.

— Что это с ней случилось? — спросил он.

— Обожглась. Это вот мой сын, Терру, о котором я тебе столько рассказывала. Моряк. Его зовут Искорка. А это Терру, твоя младшая сестренка.

— Сестренка?

— Приемная.

— Сестренка! — снова повторил он и посмотрел по сторонам, словно призывал кого-то в свидетели; потом уставился на мать.

Она тоже смотрела на него, не отводя глаз.

Он встал, старательно обошел застывшую на месте Терру и громко хлопнул дверью на прощание.

Тенар начала было что-то объяснять девочке, но не выдержала.

— Не плачь, — сказала та. Сама она не плакала и, подойдя к Тенар, погладила ее по руке. — Он тебе сделал больно?

— Ах, Терру! Дай-ка я тебя обниму! — Тенар села у стола, взяла Терру на колени и крепко прижала к себе, хотя девочка была уже слишком большой, чтобы ее баюкали, как младенца, да и всегда в таких случаях старалась отстраниться. Но Тенар все обнимала ее и плакала, и Терру наконец склонила свое изуродованное лицо к ее плечу, прижалась щекой, и вскоре та и другая промокли от слез.

Гед и Искорка вернулись домой одновременно, но с противоположных концов фермы. Искорка, по всей очевидности, успел побеседовать с Чистым Ручьем и обдумать ситуацию, а Гед, что тоже было очевидно, только теперь пытался ее оценить. За ужином разговаривали крайне мало и настороженно. Искорка не возразил против того, что его лишили собственной комнаты, но сразу после ужина взлетел по лестнице на чердак — сразу видно, моряк бывалый — и явно был доволен роскошной постелью, которую приготовила ему мать, потому что спустился к завтраку на следующий день лишь ближе к полудню.

Он сразу сел за стол, рассчитывая, что ему все будет подано. Его отцу всегда подавали еду мать, жена, дочь. Неужели он хуже? А может, мать хочет ему это доказать таким способом? Но она подала ему завтрак, потом убрала после него со стола и только тогда снова вернулась в сад, где они вместе с Терру и Шанди жгли пораженные гусеницами старые ветки, а то можно было погубить все молодые деревца.

Искорка прошел мимо них и присоединился к Чистому Ручью и Тиффу. И все последующие дни провел в основном в их компании. Всю тяжелую работу на ферме — уход за полевыми культурами и за овцами — делали Гед, Шанди и Тенар, а двое стариков, всю свою жизнь прожившие на этой ферме, приятели отца Искорки, повсюду водили парня с собой и рассказывали, как они одни справлялись со всей этой работой, и действительно начинали верить в это; и он тоже разделял с ними их ложную уверенность.

Тенар стала чувствовать себя в родном доме отвратительно. Только вне его стен, занимаясь привычной тяжелой работой, она испытывала некоторое облегчение; ее душили гнев и стыд из-за того, как вел себя Искорка, — из-за присутствия в доме собственного сына!

— Теперь мой черед! — горько сказала она Геду в их залитой лунным светом спальне. — Мой черед терять то, чем я больше всего гордилась.

— Что же ты потеряла?

— Своего сына. Которого не сумела воспитать настоящим мужчиной. Ничего у меня с ним не получилось. — Она прикусила губу, глядя во тьму сухими глазами.

Гед не стал спорить с ней или уговаривать не печалиться. Он только спросил:

— Как ты думаешь, он здесь останется?

— Да. Он боится снова идти в море. Он ведь так и не сказал мне правды, точнее, сказал правду о том, что случилось с его кораблем. Он был

помощником капитана и, как мне кажется, занимался перевозкой краденого. И перепродажей. Не в этом, в общем-то, дело. Все гонтийские моряки — наполовину пираты и воры. Но он соврал мне. И продолжает врать. И ревнует к тебе, и завидует. Бесчестный, завистливый человек.

— Просто напуганный, по-моему, — сказал Гед. — Но не злой. И не такой уж дурной. И, кроме того, это ведь его ферма.

— Ну так пусть и забирает ее! И пусть она будет столь же щедра к нему, как...

— Нет, родная, — сказал Гед, пытаясь голосом и руками удержать ее гнев, — не говори так... не говори злых слов!

Его порыв был настолько искренним и страстным, что гнев Тенар обернулся вдруг любовью, ибо именно любовь и вызвала эту яростную вспышку гнева.

— Нет, не бойся, я не стану проклинать ни сына, ни ферму его!.. Я об этом даже не думала! Но мне так больно — и так стыдно! Ах как мне жаль, Гед!

— Нет, нет, нет! Милая, мне совершенно безразлично, что этот мальчик думает обо мне. Вот только с тобой он очень груб.

— И с Терру. Он обращается с ней так, будто... Он сказал... сказал мне: «Что это она натворила, что в такую уродину превратилась?» Что она натворила!..

Гед гладил ее по голове — как всегда, легкими, медленными, нежными прикосновениями, которые обычно нагоняли на них обоих сон и любовную негу.

— Я могу снова наняться пасти коз, — сказал он наконец. — Тогда тебе тут будет полегче. Разве что с работой...

— Я уж лучше пойду с тобой.

Он продолжал гладить ее по голове и размышлял вслух:

— Наверное, мы смогли бы уйти вместе. Там, наверху, над Лиссу в прошлый сезон было две семьи. Обе пары овец пасли. Но ведь после лета приходит зима...

— Может быть, наймемся к кому-нибудь. Я работать умею... и с овцами обращаться... а ты с козами... да и вообще ты во всякой работе ловкий...

— Хорошо с вилами управляюсь, — прошептал он, и она тихонько то ли засмеялась, то ли всхлипнула.

На следующее утро Искорка встал рано и завтракал со всеми вместе: он собрался на рыбалку со старым Тиффом. Поев, он поблагодарил мать куда теплее, чем обычно, и пообещал:

— К ужину рыбы принесу.

Тенар к утру уже приняла решение и откликнулась:

— Погоди-ка, сынок. Сперва убери, пожалуйста, со стола. Грязную посуду поставь в таз и залей водой. А вечером я все вместе вымою.

Некоторое время он изумленно смотрел на нее, потом сказал:

— Это женская работа, — и надел свою шапку.

— Эту работу может делать любой человек, если он ест здесь.

— Но только не я, — равнодушно ответил сын и вышел на улицу.

Тенар пошла за ним следом. И остановилась на пороге.

— Значит, Хок может, а ты нет? — спросила она.

Он молча кивнул и пошел прочь через двор.

— Слишком поздно, — сказала она, возвращаясь в кухню. — Ничего у меня не получится. Я потерпела неудачу. — Она чувствовала, как лицо ее вдруг покрылось морщинами — вокруг рта, вокруг глаз — и застыло. — Можно сколько угодно поливать камень, — сказала она, — да только расти он не будет.

— Начинать нужно, непременно когда они молоды и нежны душой, — сказал Гед. — Как я, например.

Но на этот раз она его шутке даже не улыбнулась.

Вернувшись домой после целого дня работы, они увидели у ворот какого-то мужчину; он разговаривал с Искоркой.

— Это тот парень из Ре Альби, верно? — спросил Гед, который по-прежнему прекрасно видел.

— Пойдем, пойдем, Терру, — сказала Тенар, потому что девочка сразу же остановилась как вкопанная. — Какой еще парень? — Она была довольно близорука и щурилась, тщетно пытаясь разглядеть человека у ворот. — А, так ведь это, как его там, торговец овцами. Таунсенд! Чего это он сюда снова явился, стервятник паршивый?

Она весь день была чрезвычайно сердитой, так что Гед и Терру благоразумно промолчали.

Тенар первой обратилась к торговцу:

— Ты что, насчет ягнят выясняешь, Таунсенд? Так ты на целый год опоздал; но у нас есть еще этого года, в овчарне.

— Так мне и хозяин сказал, — ответил Таунсенд.

— Да неужели? — удивилась Тенар.

Тон у нее был такой, что у Искорки потемнело лицо.

— Ну, в таком случае не стану вам с хозяином мешать, — сказала она и уже повернулась к ним спиной, когда Таунсенд окликнул ее:

— Я ведь к тебе снова с поручением, Гоха.

— Третий раз волшебный.

— Та старая ведьма, ну, ты знаешь, тетушка Мох очень больна. Она велела, раз уж я все равно иду в Срединную Долину, зайти к тебе и сказать, что она совсем плоха. «Скажи, — говорит, — госпоже Гохе, что я хотела бы повидать ее, прежде чем умру, если у нее такая возможность будет».

Стервятник, паршивый стервятник, думала Тенар, с ненавистью глядя на Таунсенда, который снова принес ей дурные вести.

— Она так сильно больна?

— Должно, помрет скоро. — И Таунсенд как-то странно подмигнул, что, вероятно, должно было означать сожаление. — Очень сильно всю зиму проболела, и все хуже ей, все хуже, вот она и велела передать тебе, что уж больно тебя видеть хочет, пока не померла.

— Спасибо, что весточку передал, — мрачно поблагодарила его Тенар, отвернувшись и пошла к дому. А Таунсенд отправился с Искоркой к овчарням.

Пока готовили обед, Тенар сказала Геду и Терру:

— Я должна пойти.

— Конечно, — согласился Гед. — Пойдем все вместе, если хочешь.

— Правда? — Впервые за весь день лицо ее прояснилось, грозовые тучи, скрывавшие чело, чуть приподнялись. — Ах! — вырвалось у нее. — Как это... было бы хорошо!.. Я не решалась спрашивать, боялась, что может быть... Терру, а тебе не хочется вернуться назад, в тот маленький домик, где жил Огион? И, может быть, остаться там навсегда?

Терру застыла.

— Я тогда могла бы повидать свое персиковое деревце... — задумчиво произнесла она. — И еще там Вереск... и Сиппи... и тетушка Мох... Бедная тетушка Мох! Ох, мне все время хотелось, так хотелось туда вернуться! Но почему-то казалось, что это неправильно. Здесь ведь ферма, она ухода требует... и вообще...

Тенар казалось, что есть и какая-то иная причина, по которой они не могли вернуться в домик Огиона, из-за чего она даже думать себе не позволяла об этом, даже сумела почти забыть, как сильно ей хочется туда вернуться; но, в чем бы ни заключалась эта причина, вспомнить она не могла, и повод для беспокойства исчез, ускользнул, словно тень, словно забытое слово.

— Интересно, ухаживает ли кто-нибудь из деревенских за тетушкой Мох? И послали ли они за лекарем? Она ведь единственная ведьма на Большом Утесе, но ведь в Порте Гонт и другие есть; они наверняка могли бы как-то помочь ей. Ах, бедняжка! Надо поскорее пойти туда... Сейчас,

конечно, слишком поздно, но завтра прямо с утра, пораньше!.. А хозяин фермы пусть готовит себе завтрак сам!

— Он научится, — сказал Гед.

— Нет, и учиться не станет. Просто найдет себе какую-нибудь дуру, которая будет делать все для него. Ах! — Она оглядела знакомую кухню; лицо ее было светлым и одновременно каким-то свирепым. — Мне противно даже думать о том, что я оставляю ей этот стол, который скребла целых двадцать лет! Надеюсь, она это оценит!

Искорка пригласил Таунсенда к ужину, но ночевать торговец овцами отказался, хотя ему из вежливости это предложили. Его пришлось бы тогда укладывать на одну из их собственных постелей, а Тенар даже мысль об этом была неприятна. Она обрадовалась, когда он вышел за дверь, в синие весенние сумерки, и отправился ночевать к тем хозяевам, у которых обычно останавливался в деревне.

— Завтра утром мы уходим в Ре Альби, сын, — сообщила Тенар. — Хок, Терру и я.

Он взглянул на нее несколько испуганно.

— Просто так возьмете и уйдете?

— Да. Точно так же, как и ты — ушел и пришел, — ответила ему мать. — Теперь смотри, Искорка: вот шкатулка твоего отца. Там семь костяных пластинок и долговые расписки от старого Бриджмена, только он никогда не заплатит, ему и платить-то нечем. Вот эти четыре андрадские пластинки Флинт получил, когда продал овечьи шкуры торговцу из Вальмута четыре года назад — ты тогда еще совсем мальчишкой был. Эти три — с Хавнора: нам ими заплатил Толли за участок земли у Верхнего Источника. Я уговорила твоего отца купить тот участок и помогала ему расчистить его и продать. Так что эти три пластинки я возьму себе — я их заработала. Остальное, как и сама ферма, принадлежит тебе. Ты здесь хозяин.

Высокий, худой, сын стоял перед ней и не сводил глаз со шкатулки.

— Возьми все. Мне это не нужно, — сказал он тихо.

— Мне тоже. Но все равно спасибо, сынок. Оставь себе эти четыре пластинки. Когда женишься, скажи своей жене, что это мой ей подарок.

Тенар поставила шкатулку на прежнее место — за большим блюдом на верхней полке буфета, где ее всегда хранил Флинт.

— Терру, ты соберись с вечера, потому что выйдем мы очень рано.

— Когда ты намереваешься вернуться? — спросил Искорка, и тон, каким он это спросил, вдруг напомнил Тенар того беспокойного хрупкого ребенка, каким ее сын был когда-то. Но ответила она так:

— Не знаю, милый. Если буду нужна тебе, то приду.

Она занялась сборами, вытащила дорожную обувь, потом спросила:

— Искорка, ты не мог бы кое-что для меня сделать?

Он угрюмо сидел у камина и неуверенно посмотрел на мать.

— Что?

— Сходи, не откладывая, в Вальмут и повидайся с сестрой. Скажи ей, что я вернулась на Большой Утес. И еще — если я буду ей нужна, пусть пошлет весточку.

Искорка кивнул. Он смотрел на Геда, который уже сложил свой небогатый скарб с той аккуратностью и ловкостью, какая присуща бывалым путешественникам; теперь же Гед расставлял на полках вымытые тарелки, чтобы оставить кухню в полном порядке. Потом сел напротив Искорки у очага и стал вдевать в специальные отверстия своего заплечного мешка еще одну веревку, стараясь затянуть его потуже.

— Для этого специальный узел есть, — сказал вдруг Искорка. — Морской.

Гед молча передал ему свой мешок, и Искорка, тоже молча, продемонстрировал, как завязывается этот узел.

— Вот, сам соскальзывает, видишь? — спросил он, и Гед кивнул.

Они вышли в путь, когда было еще совсем темно и холодно. Солнце поздно появляется на западной стороне горы Гонт, и лишь ходьба согревала их, пока солнце во всем своем великолепии не поднялось над громадой южных отрогов.

Терру шла в два раза быстрее, чем прошлым летом, но все равно им предстояло по крайней мере два дня пути. Ближе к полудню Тенар спросила:

— Ну что, попытаемся сегодня добраться до Дубовых Ручьев? Там есть что-то вроде постоянного двора. Мы там еще молоко пили, помнишь, Терру?

Гед смотрел вдаль с каким-то отсутствующим выражением лица.

— Я знаю одно хорошее местечко...

— Прекрасно, — сказала Тенар.

Незадолго до привала на ночь они вышли на тот верхний поворот дороги, с которого был виден Порт Гонт. Здесь Гед свернул с дороги прямо в лес. Закатное солнце посылало свои красно-золотые лучи, пронизывая сумрак, густеющий, между деревьями и под густыми ветвями. Они примерно с полчаса карабкались вверх без какой бы то ни было тропинки, заметной глазу, и наконец вышли на небольшой выступ или на вершину

скалы, поросшую травой и укрытую от ветра деревьями и громоздящимися вокруг утесами. Отсюда хорошо видны были северные отроги, а между вершинами гигантских елей ясно просвечивало море. Стояла полная тишина, только порой в елях вздыхал ветер да горный жаворонок пел свою нескончаемую нежную песнь где-то в пронизанной вечерним солнцем вышине, чтобы с наступлением сумерек спуститься в свое гнездо, устроенное в никем не измятой траве.

Они поели хлеба с сыром и, отдыхая, смотрели, как из моря медленно поднимается мгла, окутывая склоны гор. Потом расстелили свои плащи и улеглись спать. Глубокой ночью Тенар проснулась. Тенар — между Терру и Гедом. Где-то рядом ухала сова, мелодичное уханье напоминало удары колокола. А где-то вдали, в горах, ей вторила другая сова — словно эхо колокольного звона. Тенар решила: «Полюбуюсь, как звезды опускаются в море», однако почти мгновенно снова уснула, словно младенец.

Открыв глаза уже серым утром, она увидела, что Гед сидит с ней рядом, накинув на плечи плащ, и смотрит в просвет между деревьями куда-то на запад. Его темнокожее лицо казалось застывшим, исполненным глубокого молчания — таким она уже видела его когда-то давно, на берегу Атуана. Только сейчас глаза его смотрели в бесконечную даль, на запад так, словно видели что-то чудесное. Она посмотрела туда же и тоже увидела: наступал новый день, великолепие розовых и золотых тонов зари дивным образом отражалось в водах моря.

Гед повернулся к ней, и она сказала:

— Я любила тебя всю жизнь, с тех пор как впервые увидела.

— О ты, жизнь дающая, — едва слышно промолвил он, наклонился и поцеловал ее в губы и в грудь. Она на мгновение прижала его голову к себе. Потом оба встали, разбудили Терру, позавтракали и продолжили свой путь; однако, уже войдя в лес, Тенар один раз все-таки оглянулась на маленький приютивший их лужок, словно заклиная его хранить то счастье, которое она там испытала.

В первый день их основной целью было пройти как можно больше. Сегодня же они должны были добраться до Ре Альби. Так что Тенар думала в основном о тетушке Мох, прикидывая, что же такое могло приключиться со старухой и действительно ли она при смерти. Но день близился к концу, а путь уже был пройден немалый, и она перестала думать о тетушке Мох да и вообще о чем бы то ни было серьезном. Она очень устала, и ей очень не хотелось снова идти этой дорогой навстречу чьей-то смерти. Они миновали Дубовые Ручьи, вошли в узкую горловину ущелья и снова начали подниматься. На последнем прямом отрезке пути Тенар уже с трудом

волочила ноги, а мысли в голове были одна глупее другой и все время путались, цепляясь то за какое-нибудь слово, то за какой-нибудь образ. То ей виделась полка с посудой в доме Огиона, то почему-то привязывались слова «костяной дельфин» (это из-за того, что она заметила травяную сумочку Терру с ее игрушками). Слова эти она повторяла про себя без конца, пока они почти не утратили всякий смысл.

Гед легко шагал по дороге походкой бывалого путника, и Терру не отставала от него — та самая Терру, которая еще в прошлом году вымоталась здесь до того, что ее пришлось нести на руках! Но тогда они тащились гораздо медленнее. И девочка еще только поправлялась после страшной своей болезни.

А она, Тенар, видно, стала слишком стара для столь долгих переходов. До чего же тяжело было подниматься вверх! Старухам следует сидеть дома, у очага. Костяной дельфин, костяной дельфин. Костяной, окостеневший, связанный, связующее заклятие... Костяной человек и костяной зверек. Вон там они — ушли вперед и ждут ее. Она идет так медленно. Она смертельно устала. Тенар с огромным трудом преодолела последний участок пути и наконец догнала их там, где дорога шла по самому краю Большого Утеса. Над морем. Слева виднелись горбатые крыши Ре Альби, справа дорога поворачивала в господскую усадьбу...

— Сюда, — сказала Тенар.

— Нет, — возразила девочка, показывая налево, в сторону деревни.

— Нет, сюда, — повторила Тенар и двинулась направо. Гед последовал за ней.

Они шли меж садами, обрамленными ореховыми деревьями, и заросшими травой лугами. Был теплый, почти летний день. Птицы повсюду распевали среди ветвей. Он вышел на дорогу из Большого Дома и двинулся им навстречу — тот, чье имя она так и не могла вспомнить.

— Добро пожаловать! — сказал он и остановился, улыбаясь.

Они тоже остановились.

— Что за великие люди оказали своим приходом честь дому Лорда Ре Альби, — сказал он. Туахо — нет, это было не его имя. Костяной дельфин, костяной зверек, костяное дитя...

— Господин мой. Верховный Маг Земноморья! — Он низко поклонился, и Гед тоже поклонился ему в ответ.

— Госпожа моя. Леди Тенар с Атуана! — Ей он поклонился еще ниже, и она вдруг опустилась на колени, прямо на дорогу, еще влажную от росы. Голова ее безвольно поникла, руки оперлись о землю, вся она скрючилась и даже лицом, даже губами коснулась той грязи, что была у него под ногами.

— Ну а теперь ползи, — сказал он, и она поползла к нему.

— Стой, — сказал он, и она остановилась.

— Говорить можешь? — спросил он.

Она ничего не сказала, у нее больше не было слов, что могли бы сорваться с губ, но тут Гед ответил своим обычным спокойным голосом: — Да.

— Где чудовище?

— Не знаю.

— А я думал, что эта ведьма и своего выкормыша с собой притащит. Но вместо той твари притащила тебя, господин Верховный Маг по прозвищу Ястреб. Замечательная замена! Все, что я могу сделать для этой ведьмы и ее чудовища, — это очистить от них мир. Но с тобой, кто все-таки был нормальным человеком, я могу и поговорить, в конце концов, ты способен вполне разумно отвечать. И понять способен, за что тебя наказывают. Ты ведь считал, что находишься в безопасности, — разве не так? — когда твой король оказался на троне, а мой повелитель — наш повелитель! — был уничтожен? Ты считал, что твоя воля одержала победу, что ты уничтожил надежду на вечную жизнь, так ведь?

— Нет, — сказал Гед.

Она не могла его видеть.

Она могла видеть лишь грязь на дороге и чувствовать во рту ее вкус. Но услышала, как Гед говорит. Он сказал:

— *Жизнь после смерти...*

— Болтай себе, болтай, старые песни ты знаешь хорошо. Мастер с острова Рок — школьный училишка! Что за дивное зрелище: Верховный Маг Земноморья, а с виду — вылитый козопас, в котором ни грамма волшебного могущества... И этот «маг» ни единого волшебного словечка не помнит!.. Может быть, заклятие произнесешь, а, Верховный Маг? Хоть малюсенькое? Самое крохотное заклятие, самую простенькую иллюзию создашь? Нет? Ни единого словечка? Мой повелитель все-таки одержал над тобой победу! Теперь-то ты это понимаешь? Ты не смог его победить. Его сила жива! Я могу на некоторое время оставить тебя в живых, чтобы ты видел, какова эта сила — моя сила! Чтобы ты видел, как я не даю смерти взять старика — и для этого могу и твою жизнь использовать, если понадобится; чтобы ты увидел, как твой настырный король сядет в лужу вместе со всеми своими лордами-приспешниками и глупцами с Рока, которые ищут какую-то женщину! Какая-то женщина! Чтобы женщина правила нами! Только править этим миром будут отсюда, хозяин Земноморья здесь, здесь, в этом доме. Весь год я собирал здесь оставшихся,

тех, кто понимает, что такое настоящая сила и власть. Некоторых из них я вытащил с острова Рок, прямо из-под носа у собственных учителей. Некоторых — с Хавнора, из-под носа этого так называемого Сына Морреда, который жаждет правления женщины в Земноморье. Я увел их у твоего короля, который считает, что вокруг стало так безопасно, что он повсюду может называться своим Истинным Именем. Знаешь ли ты мое имя, о Верховный Маг? Помнишь ли ты меня, когда четыре года назад ты был величайшим из Великих Магов, величайшим из Мастеров, а я — всего лишь смиренным учеником на острове Рок?

— Ты звался Аспен, — сказал исполненный терпения голос Геда.

— А каково мое Истинное Имя?

— Этого имени я не знаю.

— Как? Ты его не знаешь? Разве ты не можешь вспомнить? Разве Великие Маги знают не все имена?

— Я не маг.

— Ах, скажи-ка еще разок!

— Я не маг.

— Мне нравится, как ты это говоришь. Скажи снова.

— Я не маг.

— Зато я маг!

— Да.

— Скажи это!

— Ты маг.

— Ах! Получилось куда лучше, чем я надеялся! Я готовился поймать угря, а поймал кита! Ну, пошли же, познакомьтесь с моими друзьями. Ты можешь идти. А она — пусть ползет.

И они пошли вверх по дороге к дому Лорда Ре Альби. Тенар ползла на четвереньках, потом взобралась по мраморным ступеням крыльца, потащилась по мраморным полам вестибюля...

Внутри дома было темно. И тьма все плотнее окутывала душу Тенар, ибо она понимала все меньше и меньше из того, что говорилось вокруг. Лишь некоторые слова и отдельные голоса воспринимались ею отчетливо. Она, например, понимала то, что говорил Гед, и, когда он говорил, думала о его имени, всей душой своей цеплялась за это имя. Но Гед говорил что-либо очень редко и только тогда, когда отвечал на вопросы того, чье имя было не Туахо. Тот человек говорил время от времени и с ней, называл ее Сукой.

— Это моя новая собака, — пояснил он остальным мужчинам; некоторые из них все время оставались во тьме, там, где от свечей

пролегли тени. — Посмотрите, как она хорошо натаскана. Ну-ка, перевернись! — И она переворачивалась, и мужчины смеялись.

— У нее и щенок есть, — говорил он. — Которого нужно было наказать как следует, а то его бросили, зажарив только наполовину. Но собака моя принесла мне отличную птичку — взамен своего щенка. Ястребка поймала! Завтра мы поучим эту птичку летать.

Другие мужские голоса произносили какие-то слова, но она больше никаких слов не понимала.

Ее шею чем-то перевязали, а потом снова заставили ползти по ступеням бесконечных лестниц и загнали в какое-то помещение, где пахло мочой, гнилым мясом и еще чем-то сладковатым. Голоса что-то бубнили вокруг. Холодная, как камень, рука слегка стукнула ее по голове, и чей-то голос засмеялся: «Хе-хе-хе» — словно скрипнула старая дверь, болтающаяся на ржавых петлях. Потом ее пнули ногой и заставили ползти обратно в вестибюль. Она не могла уже ползти достаточно быстро, так что ее еще раз пнули в грудь и в лицо, попав по губам. Потом перед ней оказалась дверь, потом дверь захлопнулась, и она очутилась в тишине и темноте. И, услышав, как кто-то плачет, решила: это ребенок, ее ребенок. Ей очень хотелось, чтобы ребенок перестал плакать. И наконец все прекратилось.

Девочка, свернув налево, успела уже немного пройти по дороге, прежде чем оглянулась назад и спряталась за цветущей зеленой изгородью.

Человек по имени Аспен, чье Истинное Имя было Эрizen и кого она воспринимала как раздвоенную и корчащуюся темную тень, связал ее мать и отца ремнем, пропущенным сквозь язык Тенар и сквозь сердце Геда, и повел их туда, где прятался сам. Ее тошнило от запаха его логова, но она все-таки немного прошла за ними следом, чтобы посмотреть, что он будет делать дальше. Он впустил Тенар и Геда внутрь и закрыл за ними дверь. Дверь была из камня. Она не могла войти туда.

Ей совершенно необходимо было полететь, но летать она не могла: она не принадлежала к тем, кто обладал крыльями.

Тогда она побежала так быстро, как только могла, — прямо через поля, мимо дома тетушки Мох, мимо дома Огиона, мимо сарая с козами — прямо на тропу, ведущую вдоль края утеса, куда ей запрещено было ходить, потому что она могла видеть только одним глазом. Но она была очень осторожна и этим своим глазом смотрела очень внимательно. Она остановилась на самом краю обрыва. Где-то далеко внизу плескалась вода, а у линии горизонта садилось солнце. Она посмотрела в сторону далекого запада своим единственным зрячим глазом и совсем иным, чем у девочки Терру, голосом призвала Истинным Именем того, чье имя слышала во сне своей матери Тенар.

Она не стала ждать ответа, но просто пошла назад — сперва пройдя мимо дома Огиона, чтобы посмотреть, как выросло ее персиковое деревце. Старое дерево было на прежнем месте, увешанное множеством маленьких зеленых плодов, но нигде не было видно даже следов юного ростка. Его, видно, давно съели козы. Или деревце просто засохло, потому что она его не поливала. Она немного постояла, глядя в землю, на то место, где рос юный персик, глубоко вздохнула и пошла через поля к дому тетушки Мох.

Куры уже усаживались на насест; они заклохотали и зашумели, негодуя по поводу ее вторжения. Маленький домик был, как всегда, погружен в полутьму и насквозь пропитан всякими запахами.

— Тетушка Мох! — окликнула она тем своим голосом, каким пользовалась при этих людях.

— Кто там?

Старуха лежала в постели, спрятавшись под одеялом. Она была ужасно напугана и все пыталась создать вокруг себя волшебную стену, чтобы никто не мог до нее добраться, но стена не получалась: тетушке Мох не хватало сил для такого колдовства.

— Кто там? Кто пришел? Ох, это ты, моя дорогая... милая моя девочка, малышка моя поджаренная, красавица моя!.. А что ты здесь делаешь одна? Где Тенар, где твоя мать? Она тоже здесь? Она вернулась? Не входи, не входи, милая! Я проклята! Он наложил страшное заклятие на старую женщину! Не подходи ко мне близко! Не подходи!

Тетушка Мох плакала. Девочка протянула руку и коснулась ее.

— Ты совсем холодная, — сказала она.

— А ты горишь, как огонь, детка, твоя рука прямо жжется. Ох, не смотри на меня! Он сделал так, что плоть моя гниет, тело мое съезживается, но умереть он мне не дает — говорит, что я сперва должна привести к нему тебя. Я пробовала умереть, несколько раз пробовала, но он держит мою жизнь в своих руках, оставляет меня в живых против моей воли, не позволяет мне умереть! Ах, позвольте мне умереть!

— Ты вовсе не должна умирать, — сказала девочка, нахмурившись.

— Детка, — прошептала старуха, — милая моя... назови ты меня... назови меня моим подлинным Именем.

— Хатха, — сказала девочка.

— Ах! Я знала... Отпусти меня на волю, милая!

— Нужно подождать, — сказала девочка. — Пока они не придут.

Ведьма лежала, немного успокоившись, и дышала уже не так трудно.

— Кто это «они», кто это «они», милая? — прошептала она.

— Мой народ.

Длинные холодные пальцы тетушки Мох лежали, словно связка палочек, в руке девочки. Она крепко сжимала их. Теперь за стенами домика стало так же темно, как и внутри его. Хатха, которую остальные звали «тетушка Мох», уснула; и вскоре девочка, сидевшая на полу возле ее лежанки, и устроившаяся у нее под боком несущка уснули тоже.

Мужчины вошли к ней вместе со светом. ОН сказал:

— А ну-ка, вставай!

Она встала на четвереньки. ОН засмеялся, приговаривая:

— Вставай! Вставай! Ты — сука умная, можешь и на задних лапах ходить, правда? Вот так. Человеком притворяешься? А теперь нам нужно кое-куда пойти. А ну-ка, пошли!

Ошейник с поводком все еще был у нее на шее, и ОН дернул за

поводок. Она пошла за ним следом.

— Эй, а ну-ка, води ее сам! — сказал ОН, и теперь рядом оказался другой, тот, которого она любила, но больше не помнила, как его имя, и он вел ее за поводок.

Все вместе они вышли из темного дома. Камни дверей разверзлись и выпустили их, а потом снова сомкнулись у них за спиной.

ОН все время шел за ней по пятам, как и тот, что вел ее за поводок. Остальные чуть отстали — еще трое или четверо мужчин.

Поля были серыми от росы. Темный силуэт горы вырисовывался на фоне бледного неба. В садах и на зеленых изгородях начинали петь птицы. Все громче и громче.

Они подошли, казалось, к самому краю этого мира и пошли вдоль края, пока не достигли такого места, где земля превратилась в один лишь камень, а краешек, по которому они шли, стал очень узким. На скале была проведена черта, и она посмотрела на эту черту.

— Пусть столкнет ее, — сказал ОН, — а потом и сам пусть летит, если сможет, ястреб этот.

ОН отстегнул поводок.

— Иди и встань на краю, — велел ОН.

Она пошла к той черте. Внизу было море, и больше ничего. Над морем — только небо, только воздух.

— Ну а теперь Ястребок ее подтолкнет, — проговорил ОН. — Но сперва спросим: может, она захочет что-нибудь сказать? У нее ведь так много важных мыслей. У всех женщин их много. Разве вы ничего не хотите нам сказать, леди Тенар?

Говорить она не могла, но указала в небо над морем.

— Подумаешь, альбатрос, — сказал ОН.

Она громко рассмеялась.

И тут в потоках света из небесных врат вылетел огромный дракон — кольца дыма, языки пламени, броня чешуи! Тенар наконец заговорила.

— Калессин! — крикнула она и, схватив Геда за руку, быстро оттолкнула его назад, к скале, за скалу, потому что ревущее пламя пронеслось прямо у них над головой, раздался металлический шелест чешуи, зашипел ветер в распростертых крыльях, чудовищные когти кляцнули по камням, словно лезвия кос...

С моря дул ветер. Крохотный пушистый кустик чертополоха, росший в расщелине между камнями возле руки Тенар, все кивал и кивал ей под порывами ветра.

Гед был с ней рядом. Они распластались на камнях, прижавшись друг

к другу, за их спинами внизу плескалось море, а перед ними был дракон.

Дракон смотрел на них чуть искоса одним своим длинным желтым глазом.

Гед вдруг заговорил хриплым дрожащим голосом на том языке, на каком говорят все драконы, и Тенар понимала его: «Мы благодарны тебе, о Старейший».

Глядя на Тенар, Калессин заговорил — загудел, словно по огромной металлической тарелке ударили молотом:

— *Аро Техану?*

— Девочка моя, — сказала Тенар, — Терру! — и вскочила, чтобы бежать, чтобы искать свою бедную малышку. И увидела, как та спешит по самому краешку обрыва прямо к дракону.

— Не беги, Терру! Осторожней! — крикнула она, но девочка уже увидела ее и, конечно же, бросилась бежать — и угодила в объятия Тенар. Они крепко прижались друг к другу.

Дракон повернул свою немыслимо огромную, словно покрытую темной ржавчиной голову, чтобы видеть их обеих как следует. Ямы его ноздрей, огромные, точно котлы, были полны яркого жаркого пламени; время от времени оттуда вырывались клубы дыма. Жар, исходивший от тела дракона, делал почти неощутимым даже ледяной ветер, дувший с моря.

— *Техану*, — сказал дракон.

Девочка повернулась и посмотрела на него.

— *Калессин*, — сказала она.

Тогда Гед, до сих пор стоявший пред драконом на коленях, поднялся в полный рост, дрожа и пошатываясь. Чтобы удержаться на ногах, он ухватился за руку Тенар и засмеялся.

— Теперь я знаю, кто позвал тебя, о Старейший! — сказал он.

— Я позвала, — сказала девочка. — Я же не знала, как еще вам помочь, Сегой.

Она не сводила с дракона глаз и говорила на Языке Созидания, легко произнося каждое слово.

— Ты хорошо поступила, дитя мое, — сказал ей дракон. — Я долго искал тебя.

— А сейчас мы полетим туда? — спросила девочка. — Туда, где все остальные? Туда, где дуют другие ветры?

— А тебе хочется все это покинуть?

— Нет, — сказала девочка. — А разве они не могут полететь с нами?

— Нет, не могут. Их жизнь — здесь.

— Я останусь с ними, — сказала она, чуть вздохнув.

Калессин отвернулся, чтобы выдохнуть из своей чудовищной топки то ли огненный вздох удовлетворения, то ли смех, то ли гнев — «Ха!» Потом, снова посмотрев на девочку, сказал:

— Это хорошо. У тебя здесь много работы.

— Я знаю, — ответила она.

— Я прилечу за тобой, — сказал ей Калессин. — Со временем. — И обернулся к Геду и Тенар: — Я отдаю вам свое дитя, как вы отдадите мне свое.

— Со временем, — сказала Тенар.

Огромная голова Калессина едва заметно склонилась — это он кивнул — и огромная пасть раздвинулась в улыбке, обнажив немыслимые зубы величиной с меч; уголки губ чуть приподнялись.

Гед и Тенар вместе с Терру отошли как можно дальше, пока дракон разворачивался на краю утеса, волоча свои чешуйчатые доспехи по скалам и аккуратно умащивая когтистые лапы; потом он напружинил черные ляжки, словно кошка перед прыжком, и как бы сорвался с обрыва. Перепончатые крылья сверкнули алым в свете юной зари, шипастый хвост со свистом стегнул по камням, дракон взлетел и исчез — словно чайка над морем, словно ласточка в небе, словно мысль.

Там, где он только что был, лежали лишь обгорелые лохмотья, куски кожи, что-то еще...

— Пошли отсюда, — сказал Гед.

Но женщина и девочка все никак не могли оторвать глаз от страшного пятна на камнях.

— Это все каменные люди, — сказала Терру. Отвернувшись первая и двинулась прочь. Она шла по узкой тропе впереди мужчины и женщины.

— Это ее родной язык, — сказал Гед. — Язык ее матери.

— Техану, — сказала Тенар. — Ее имя Техану.

— Оно было дано ей великим Ономатетом.

— Она всегда была Техану, с самого начала! Всегда, всегда она была Техану!

— Пошли скорей, — сказала им девочка, оглядываясь. — Тетушка Мох больна.

Они успели вытащить тетушку Мох на воздух, на солнышко, промыть ее болячки и пролежни, сжечь прогнившие простыни, пока Терру бегала за чистыми простынями в дом Огиона. Заодно она привела с собой и пастушку Вереск. С помощью пастушки они удобно устроили старуху в

постели, в окружении любимых цыплят и кур; Вереск тут же ушла, пообещав принести им что-нибудь поесть.

— Кому-то нужно сходить вниз, в Порт Гонт, — сказал Гед, — за тамошним волшебником. Чтобы он позаботился о тетушке Мох; ее не так уж трудно исцелить. И еще нужно сходить в поместье Лорда. Теперь старый Лорд умрет. А его внук, напротив, будет жить, и жить нормально. Если в доме хоть немного прибрать... — Он сидел на пороге домика тетушки Мох, прислонившись виском к дверному косяку, и грелся на солнце, закрыв глаза. — Почему, ну почему мы совершаем все наши поступки? — спросил он.

Тенар долго мыла руки, лицо, плечи в тазу с чистой водой, которую только что набрала в колодце. Вымывшись, она огляделась. Совершенно выбившись из сил, Гед так и заснул на крылечке, повернув лицо навстречу солнечным лучам. Она села с ним рядом и положила голову ему на плечо. «Неужели нас помиловали? — подумала она. — Как это так получилось, что нас оставили в живых?»

Она посмотрела вниз: рука Гед, расслабленная и повернутая ладонью вверх, лежала на земляной ступеньке. Она вспомнила о крохотном пушистом кустике чертополоха, что трепетал на ветру, и о когтистой лапе золотисто-красного дракона. Она почти задремала, когда рядом с ней присела девочка.

— Техану, — прошептала Тенар.

— А мое маленькое деревце погибло, — сообщила ей девочка.

Несколько мгновений потребовалось усталому и сонному мозгу Тенар, чтобы осознать, что случилось, и она наконец достаточно проснулась, чтобы спросить девочку:

— А на старом дереве персики есть?

Они разговаривали очень тихо, чтобы не разбудить спящего Гед.

— Только очень маленькие, зеленые.

— Они созреют — после Долгого Танца. Теперь уже скоро.

— Можно нам тогда посадить еще одну косточку?

— Столько, сколько захочешь. А в доме все в порядке?

— Там очень пусто.

— Ну что, останемся тут жить? — Тенар чуть приподнялась и, обняв девочку, прижала ее к себе. — У меня есть деньги, — сказала она. — Хватит, чтобы купить стадо коз и зимнее пастбище у Турби, если он его еще продает. Гед знает, как и где нужно пасти коз в горах летом... Интересно, та шерсть, которую мы тогда собирали, сохранилась? — И она вдруг подумала: «Мы же забыли Книги! Книги Огиона! На каминной

полке. Мы оставили их Искорке на Дубовой Ферме — ах, бедный парень, он не сможет в них прочесть ни слова!»

Но это, похоже, не имело теперь такого уж значения. Теперь появились новые вещи, которым, безусловно, нужно еще учиться. А потом она кого-нибудь пошлет за Книгами, если они понадобятся Геду. И за своим веретеном. Или сама сходит туда, в долину — попозже, осенью — и повидается с сыном, зайдет к Жаворонку, немножко поживет у Яблочка. А прямо сейчас им нужно заняться садом и огородом Огиона, если они хотят, чтобы в этом году были свои овощи на зиму. Тенар вспомнила о длинных грядках бобов, о запахе цветущего сада. И еще — о маленьком окошке, выходящем на запад.

— Я думаю, мы сможем здесь жить, — твердо сказала она.

Сказания Земноморья

Сказания Земноморья

Предисловие

Завершая роман «Техану», свою четвертую книгу о Земноморье, я почувствовала, что действие ее происходит «здесь и сейчас». И, как это случается и в реальном мире, я совершенно не могла представить себе, что же будет дальше. Я могла догадываться, предполагать, опасаться, надеяться, но я НЕ ЗНАЛА.

Итак, будучи не в состоянии продолжать рассказывать историю жизни Техану (потому что эта жизнь еще не завершилась) и считая — что было довольно глупо с моей стороны, — что любовная история Геда и Тенар достигла того момента, после которого обычно живут «долго и счастливо», я и дала роману «Техану» подзаголовок: «Последнее из сказаний о Земноморье».

О, как я была глупа, как глупы порой бывают писатели! Понятие «здесь и сейчас» ведь очень подвижно. Даже в пределах одной истории, одного сна, одного «когда-то давным-давно». Это понятие никогда не имеет точного значения «тогда-то».

Лет через семь или восемь после выхода в свет «Техану» меня попросили написать еще одну историю о Земноморье. И стоило мне лишь взглянуть на знакомые некогда очертания островов и Пределов, как я поняла, что, пока я о Земноморье совершенно даже и не думала, там постоянно что-то происходило, и теперь самое время вернуться туда и выяснить, что же там творится СЕЙЧАС.

Кроме того, мне захотелось выяснить, как обстояли дела в Земноморье в иные, более давние времена, задолго до рождения Геда и Тенар. Меня давно уже озадачивали многие тамошние проблемы, касавшиеся как всего Земноморья в целом, так и деятельности волшебников с острова Рок. Интересовали меня и некоторые особенности поведения драконов, а также многое другое. И вот, чтобы разобраться в текущих событиях, мне пришлось сперва заняться историей и какое-то время провести в Центральном архиве Архипелага.

Единственный способ, с помощью которого писатель может исследовать историю несуществующего государства, — это попытаться рассказать о некоем конкретном событии и посмотреть, что из этого получится. По-моему, почти тем же способом пользуются и настоящие

историки, то есть те, которые занимаются так называемым реальным миром. Даже если мы оказываемся очевидцами того или иного события, то способны ли мы полностью оценить его, осознать его значение? Способны ли хотя бы просто вспомнить его детали — пока не расскажем о нем кому-нибудь? Расскажем свою собственную версию всей этой истории, разумеется... Ну а что касается событий, связанных с такими временами и местами, которые находятся за пределами нашего времени и нашего личного опыта, то тут нам ничего иного и не остается, кроме историй, рассказанных об этих событиях другими людьми. В конце концов, все события прошлого существуют ведь только в чьей-то памяти, а память — это всего лишь разновидность воображения. Событие может быть реальным только ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС; но как только оно переходит в категорию «былого», его реальность или нереальность полностью зависит от нас, рассказчиков; зависит от нашей памяти, нашей энергии и нашей честности. И если мы позволим тому или иному событию выпасть из нашей памяти, то лишь воображение способно оживить хотя бы последний отблеск того, что некогда было реальностью. Если же мы начнем сознательно лгать, представляя прошлое в виде таких картин и историй, какие нам самим больше нравятся, и придавая историческому событию такое значение, какое нас больше устраивает, то это будет самая обыкновенная фальсификация. Тащить прошлое за собой сквозь время в заплечных мешках мифологии и истории — занятие не из легких; но, как утверждает Лао-Цзы, мудрые люди путешествуют налегке, положив свой багаж на повозку и шагая с нею рядом.

Если вы создаете или воссоздаете некий мир, которого никогда не существовало, но который тем не менее имеет свою историю (абсолютно вымышленную, разумеется), то исследование такой истории носит несколько иной характер, хотя основной посыл и технология обработки фактов остаются примерно теми же, что и у историков, занимающихся миром реальным. То есть вы рассматриваете имеющие место факты и явления и пытаетесь понять, почему это так, а не иначе; вы слушаете рассказы аборигенов, наблюдаете за их действиями и очень серьезно думаете обо всем этом, а потом пытаетесь по возможности честно рассказать о том, что видели и слышали, стремясь, чтобы рассказанное вами имело определенный исторический смысл и вес.

Пять историй, собранных в данной книге, так или иначе продолжают исследование (или, если хотите, описание) того мира, который был создан в первых четырех романах о Земноморье. В общем, это истории совершенно

самостоятельные, но все равно их лучше читать после того, как вы прочитаете сами романы: будет больше толку.

В «Искателе», например, речь идет о временах весьма далеких; о том, что происходило лет за триста до описанных в романах о Земноморье событий; о так называемых Темных Временах. В этой же истории рассказывается и о происхождении некоторых обычаев и институтов Архипелага и Пределов. «Кости Земли» — это рассказ о тех магах, что были учителями учителей Геда; и основная мысль этой истории: одного, даже самого могущественного, мага недостаточно, чтобы остановить землетрясение. «Темная Роза и Диамант» повествует о том, что могло бы случиться на островах Земноморья в любой момент в течение последних двух-трех веков, ибо это история любви, а любовь, как известно, не знает пределов ни во времени, ни в пространстве. Рассказ «На Верхних Болотах» имеет отношение к тем кратким, но весьма богатым событиями шести годам, в течение которых Гед был Верховным Магом Земноморья. И, наконец, в последней истории, «Стрекоза»,^[2] говорится о том, что происходило через несколько лет после описанных в финале романа «Техану» событий. Это некий мостик между «Техану» и следующим романом «Иной ветер». Этаким «Драконов мост».

Чтобы памяти моей было легче перемещаться вверх и вниз по временной оси, сквозь годы и века, по возможности не нарушая порядка событий и стараясь свести противоречия и всяческие несурезицы к минимуму, я решила, работая над этой книгой, пользоваться (по мере сил, разумеется) более четкой методологией, для чего постараться систематически изложить накопленные мною знания о народах Архипелага и Пределов и их истории в очерке «Описание Земноморья». Функции этого очерка родственны функциям той самой первой большой карты Земноморья, которую я изобразила более тридцати лет назад, начиная работать над «Волшебником...», когда мне просто необходимо было понять, какой остров где находится и как отсюда попасть туда — как во времени, так и в пространстве.

Поскольку подобные вымышленные факты — например, карты воображаемых миров — представляют для некоторых читателей вполне реальный интерес, я включила этот очерк в состав данной книги и поместила его в самом конце. Заново составляя географическую карту Земноморья, я, к своему великому счастью, обнаружила в Архиве Хавнора одну очень старую карту, которую и скопировала.

Тридцать лет минуло с тех пор, как я начала писать о Земноморье, и,

разумеется, изменилась и я сама, и те люди, что читают теперь мои книги. Время всегда несет перемены, но наше время отличается особенно сильными и быстрыми моральными и ментальными трансформациями. Архетипы превращаются в безжалостные жернова, самые простые вещи невероятно усложняются, хаос почему-то становится привлекательным и даже считается «элегантным», а общепризнанные истины оказываются плодом вымысла или простой привычки отдельных людей.

Все это тревожно. Ибо, даже испытывая восторг от отсутствия застоя, от непрерывных перемен, от блеска сменяющих друг друга электронных устройств, мы все же всегда стремимся душою к некоему постоянству, к чему-то незыблемому, неизменному. Мы обожаем старинные предания именно благодаря их неизменности. Артур спит вечным сном на острове Авалон. Бильбо может совершать путешествия «туда и обратно», но и «туда» — это всегда в обожаемый знакомый мир: в графство Под Горой или страну За Холмом. Дон Кихот по-прежнему всегда готов сразиться с ветряными мельницами... Так что люди, в сущности, стремятся в царство фантазии именно в поисках стабильности, в поисках неизменных древних истин, ясности и простоты.

И капиталистические предприятия с готовностью их этим обеспечивают. Спрос, как говорится, порождает предложение. Фантазия становится товаром, отраслью промышленности.

Превращенная в товар, фантазия рисковать не желает: она более ничего не изобретает и не импровизирует, но, напротив, старательно имитирует и упрощает. И все чаще старинные сказки и легенды лишаются своей изначальной интеллектуальной и этической ценности и сложности, активные действия героев превращаются, по сути дела, в насилие, сами герои — в тупых марионеток, а изрекаемые ими истины — в сентиментальную пошловатую банальность. Герои размахивают своими мечами, лазерами, волшебными палочками совершенно механически, стремясь лишь добиться цели и получить искомую выгоду — в точности как комбайн в поле, старательно, до последнего колоска, убирающий урожай. В высшей степени странные, если не сказать тревожные, даже аморальные действия почему-то оправдываются, их всячески стараются представить понятными и безопасными. Истории, в которые рассказчики некогда вкладывали всю душу, механически копируются и оснащаются стереозвуком. Народная мудрость низводится до положения детской игрушки, сделанной из яркой пластмассы, широко разрекламированной, проданной, сломанной, починенной... Да и вообще легко заменимой на новую.

И главное, на что рассчитывают подобные упрости́тели фантазии (и нещадно эксплуатируют это) — на мощную, почти немисли́мую силу воображения читателя, ребенка или взрослого, способную вдохнуть жизнь даже в мертвые предметы «сказочной индустрии», во всяком случае, в некоторые из них и хотя бы ненадолго.

Воображение, как и все живое на свете, существует только «здесь и сейчас», только благодаря истинным переменам и только за их счет. Подобно нашим поступкам и нашему имуществу, и воображение наше тоже может быть кооптировано, извращено, испорчено, но оно умудряется выжить даже после подобной коммерческой и дидактической обработки. Земля переживает любые империи. Завоеватели способны оставить пустыню там, где были густые леса и зеленые луга, но выпадет дождь, и реки опять потекут к морю, и снова вырастет трава, и потянутся вверх деревья. Нестабильные, недостоверные, переменчивые «тридевятые царства» — это такая же часть человеческой истории и мысли, как различные и вполне реальные государства в наших атласах, хотя политические карты частей света меняются с поистине калейдоскопической быстротой, так что некоторые из «тридевятых царств» куда более долговечны.

Мы давно уже существуем в двух мирах — реальном и воображаемом. Но ни в одном из них мы не чувствуем себя так, как наши родители или тем более наши далекие предки. Способность быть очарованным меняется не только с возрастом, но и в зависимости от эпохи.

Теперь нам уже известно не менее дюжины самых различных Артуров, и все они представляются вполне достоверными. Мир Под Холмом и За Холмом невероятно изменился со времен Бильбо. Дон Кихот направил своего коня в Аргентину и повстречался там с Хорхе Луисом Борхесом. Plus c'est la même chose, plus a change. (Чем больше одно походит на другое, тем больше они отличаются (*фр.*).)

Вернувшись в Земноморье, я с необыкновенной радостью обнаружила, что оно никуда не делось, что там все мне по-прежнему знакомо, но все же изменилось и продолжает меняться. Оказывается, в некоторых случаях произошло совсем не то, что я думала, да и люди тоже немного не те или не совсем такие, какими, как мне казалось, они должны были бы стать, и, что смешнее всего, я попросту заблудилась среди островов, названия которых вроде бы знала наизусть.

Так что перед вами отчет о моих последних исследованиях и открытиях. Эти истории о Земноморье — для тех, кто когда-то

действительно любил или думает, что мог бы полюбить тамошние места; а также для тех, кто готов согласиться со следующими положениями, которые мне удалось вывести:

- все на свете меняется;
- авторам книг и волшебникам не всегда следует доверять;
- никто не может объяснить поступков и мыслей дракона.

Искатель

I. Темные Времена

Это первая страница «Книги Темного Времени», написанной шестьсот лет назад в Бериле на острове Энлад:

«После гибели Эльфарран и Морреда, когда дивный островSOLEA погрузился в пучину морскую, Земноморьем правил Совет Мудрецов, пока не был коронован и не взошел на трон малолетний Серриадх. Правление Серриадха было ярким, но недолгим. Королей, что поочередно сменили его на троне Энлада, было семь, и королевство в эти годы мирно процветало и расширяло свои границы. А потом на западные острова стали все чаще совершать свои опустошительные налеты драконы, и волшебники не раз бились с ними, тщетно пытаясь противостоять их атакам. Именно тогда король Акамбар перевел королевский двор из Берилы, что на острове Энлад, в порт Хавнор, столицу этого огромного острова. Он собрал там огромный флот и послал его против тех, кто угрожал королевству с восточной стороны — пиратов Каргада. Ему удалось отогнать их далеко на Восток, но карги продолжали свои набеги; их корабли заплывали даже во Внутреннее море. Из четырнадцати королей, сидевших на троне Хавнора, последним был Махарион, который сумел заключить мир как с драконами, так и с каргами, но за это ему пришлось уплатить очень высокую цену. Ну а когда было сломано Кольцо Рун и Эррет-Акбе погиб вместе с Великим Драконом, когда Махарион Храбрый был предан и убит, жителям Архипелага стало казаться, что ничего хорошего от жизни ждать больше не стоит.

Многие стремились тогда занять трон Махариона, да только никто не сумел на нем удержаться, и бесконечные ссоры и споры претендентов разрушили всякие понятия о верности и чести. От бывшего благополучия и столь успешно развивавшейся торговли не осталось и следа; понятие „справедливость“ было забыто; миром стали править богачи, жаждавшие

только наживы. Объявить себя лордом, правителем мог любой — и представитель благородного семейства, и купец, и пират, — лишь бы у него были деньги, чтобы нанять воинов и волшебников, готовых ему служить. Такие „правители“ без конца предъявляли свои права на острова и города, воевали между собой, а жителей захваченных земель превращали в рабов. По сути дела, их наемники тоже были рабами, жизнь и безопасность которых целиком и полностью зависит от хозяина. Соперничавшие друг с другом правители стремились только к собственному обогащению — захвату земель и уничтожению противника. А жителям островов помимо всего прочего постоянно угрожали морские пираты, которые совершали налеты на все порты Земноморья, а также большие и маленькие отряды сухопутных бандитов, не признающих никаких законов жалких людишек, которых нужда и голод заставили стать на путь грабежа и преступлений».

«Книга Темного Времени» была написана в самом конце того периода, о котором она повествует, и представляет собой компиляцию из весьма противоречивых, а то и прямо противоречащих друг другу источников: различных легенд и преданий, фрагментов жизнеописаний и искаженных сказителями исторических трактатов. Однако это самое лучшее письменное свидетельство того, что пережили обитатели Земноморья в Темные Времена. Жаждавшие славы, а не соблюдения исторической правды в летописях, воинственные «правители» сжигали те книги, в которых бедный и не имеющий ни знатности, ни власти герой оказывался способен обрести реальное могущество только благодаря собственным добродетелям.

Но если в руки таких «правителей» попадали книги из библиотеки какого-нибудь волшебника, мудрые старинные книги, то с такими книгами обращались очень осторожно; обычно их прятали куда-нибудь подальше и запирали на ключ, чтобы не нанести им вреда. А кое-кто из правителей-пиратов просто отдавал старинные книги волшебнику из собственной свиты и предоставлял тому поступать с ними по своему разумению. На полях этих книг, полных заклинаний и списков подлинных имен, а также на последних пустых листах волшебник или его ученик записывали порой сведения о чуме, голоде или налете пиратов или об очередной смене «правителей»; там же они записывали и те заклинания, которые им удалось составить во время подобных событий, а также краткие сообщения о том, насколько эти заклинания оказались успешными. Такие отрывочные записи очень важны, они как бы приоткрывают завесу времени над тем или иным конкретным моментом или событием, даже если все остальное по-прежнему кроется во мгле. Эти заметки похожи на мелькающий где-то

далеко в море освещенный корабль, едва видимый в ночи сквозь завесу дождя.

Ну и, конечно, есть еще старинные песни, лэ и баллады; лучше всего они сохранились на небольших островах, а также в тихих и малонаселенных горных районах Хавнора. Из них тоже многое можно узнать об этом мрачном периоде.

Порт Хавнор — это столица не только острова, но и всего Земноморья, самое его сердце. Белые башни этого дивного города высоко вздымаются над водами гавани; и на самой высокой башне укреплен меч Эррет-Акбе, в клинке которого отражаются как первый луч восхода, так и последний луч заката. Великий Порт представляет собой средоточие всей торговой и деловой жизни Архипелага, здесь сходятся все морские пути, здесь также расположены многочисленные центры знаний и умений жителей Земноморья — огромное богатство, добытое отнюдь не на войне и никогда не хранившееся под замком. Здесь находится и королевский трон, на котором наконец-то восседает настоящий король Земноморья, по праву занявший этот трон после воссоединения Кольца Мира и в знак этого воссоединения. И еще в этом городе совсем недавно жители островов разговаривали с драконами, что тоже, безусловно, является знаком перемен.

Хавнором называется также и самый большой остров Земноморья. Это поистине Великий остров; обширны и богаты его земли. Но, надо сказать, что во внутренних селениях страны, далеких от моря и новых веяний, где мирные земледельцы возделывают свои поля на склонах величественной горы Онн, ничто и никогда не меняется слишком быстро. Там бережно хранят любую песню, если она достойна того, чтобы ее петь, так что даже самые старые из этих песен, вполне вероятно, будут спеты еще не раз. Там старики в таверне говорят о Морреде так, словно хорошо знали его в годы своей собственной молодости; и они, похоже, уверены, что и сами тогда были настоящими героями. Там юные девушки по дороге на пастбище рассказывают истории о женщинах с островов, которые называются Руки; эти истории давным-давно забыты повсюду, даже на острове Рок, но здесь, меж тихих, залитых солнцем горных троп, их еще помнят и особенно часто рассказывают на кухне у очага, где, как и повсюду, женщины любят посидеть и поболтать за рукоделием.

Когда в Земноморье еще правили настоящие короли, маги и волшебники часто собирались во дворце Хавнора на Совет, дабы совместно с правителем страны принять то или иное решение, объединив все свои искусства и умения во имя достижения той цели, которую они сочли достойной. Но в Темные Времена волшебники стали торговать своим

искусством и продавали свои знания и умения тому, у кого толще кошелек и больше власть, а могущество свое частенько использовали в сражениях друг с другом. Они устраивали настоящие и очень жестокие поединки, которые вели как с помощью оружия, так и с помощью колдовства, совершенно не заботясь о том, какое зло этим приносят всем окружающим. Впрочем, «не заботясь» — это еще мягко сказано. Чума и прочие страшные эпидемии, голодные годы и ушедшие под землю источники воды, страшная засуха, когда за лето не выпадало ни капли дождя, и мучительные холода, когда казалось, что лето вообще никогда не наступит, рождение больных и уродливых детенышей у скота — овец, коров и лошадей — и рождение больных и уродливых детей у жителей островов — вот к чему привела «беззаботность» волшебников, и люди очень часто стали связывать все свои несчастья с деятельностью именно этих людей, обвиняя во всех напастях прежде всего обыкновенных деревенских колдунов и ведьм.

Так что в итоге колдовством стало просто опасно заниматься, особенно если не имеешь могущественного покровителя. Но даже если такой покровитель у волшебника и имелся, во время поединка, столкнувшись с более сильным противником, он мог сильно пострадать, лишиться волшебной силы или просто погибнуть. Собственно, волшебник, утративший бдительность, вполне мог погибнуть и от руки самого обычного человека, ибо простые люди именно ведьм, колдунов и волшебников считали источником тех страшных бед, что выпали на их долю в Темные Времена, порождением зла, да и всю магию без разбора воспринимали как нечто черное, злое.

Особенно туго приходилось, конечно, простым деревенским колдунам и ведьмам. Женщины, занимавшиеся ведовством, повсеместно приобрели самую дурную репутацию, от которой не сумели избавиться и до сих пор. Да уж, ведьмы сторицей заплатили за свои профессиональные знания и умения, которые, кстати, почти всегда использовали на пользу людям! Забота о беременных женщинах и домашних животных, травничество и акушерство, обучение людей, особенно детей, старинным песням и правилам общежития, забота о плодородии почвы, о порядке в поле, в саду и в огороде, основная роль в строительстве домов, забота о семье и хозяйстве, лозоходство и нахождение не только водных источников, но и месторождений различных руд и других полезных ископаемых и их добыча, а также многое другое — все это было в ведении женщин. И за долгие столетия ведуньями была собрана богатейшая сокровищница различных заклинаний и чар, которые должны были обеспечить успех во всех перечисленных выше делах. Знания эти всегда переходили от одной

ведьмы к другой и в народе пользовались заслуженным уважением. Впрочем, если что-нибудь бывало «не так» во время, скажем, родов или полевых работ, это всегда ставили в вину ведьмам. А теперь «не так» бывало гораздо чаще, чем «так», поскольку враждующие между собой волшебники использовали яды и проклятия, совершенно не считаясь с другими людьми, желая лишь одержать сиюминутную победу над соперником и совершенно не думая о ее последствиях. Они вызывали засухи, бури и пожары, губительные болезни растений и страшные эпидемии во всем Земноморье, и в итоге во всем этом оказывались виноваты деревенские ведьмы! А иная ведьма и понятия не имела, почему ее замечательное исцеляющее заклятие вдруг превращает обычную рану в страшную гангренозную язву; почему ребенок, которому она так удачно помогла появиться на свет, родился идиотом; почему ее искреннее благословение приводит к тому, что зерно гниет в борозде, а яблоки — на ветке дерева. Но ведь должен же был кто-то нести ответственность за все эти беды? Тем более, чтобы наказать ведьму или колдуна, далеко ходить было не нужно — они жили в той же деревне или в том же городе, а не где-то в замке или крепости жестокого правителя-пирата, защищенном отрядами вооруженных людей и могущественными заклятиями. Колдунов и ведьм топили в отравленных колодцах, сжигали на пустующих и не дающих урожая полях, хоронили заживо, дабы мертвая земля вновь ожила и стала плодородной...

Вот почему редко кто из ведьм или колдунов продолжал заниматься своим ремеслом и уж тем более — передавать свои знания другим. Те, кто так и не отрекся от своей профессии, чаще всего были либо изгоями, либо полусумасшедшими калеками, не имевшими семьи, старыми и одинокими — этим людям уже почти нечего было терять в жизни. По-настоящему мудрые ведьмы и колдуны, которым многие доверяли и к которым все без исключения относились с должным уважением, теперь уступили место услужливым хитрецам, вооруженным не мудростью, а лишь набором расхожих «заклятий» и жалких «фокусов»; отовсюду тут же повыползли всякие старые «знахарки» с их зельями, которые способны были разве что усилить и без того господствующие повсюду жадность, зависть и злобу. А если родители замечали, что их ребенок с детства одарен талантом волшебника, то изо всех сил старались скрыть это, ибо таких талантливых детей боялись особенно сильно, и судьба их могла стать поистине трагической.

Я расскажу вам одну из подобных историй. Частично она взята из «Книги Темных Времен»; кое-что добавлено жителями горных селений,

расположенных на склонах горы Онн и в лесах Фалиерна. Если постараться, то и из кажущихся разрозненными кусочков и фрагментов вполне можно составить достаточно достоверную историю, хотя это, конечно, будет одновременно и вымысел, основанный на слухах, домыслах и догадках. Я хочу рассказать вам, как был основан Дом Мудрецов на острове Рок, а если Великие Мастера Рока скажут, что это происходило совсем не так, то пусть сами и поведают нам, как это было в действительности. Ибо черные тучи скрывают те времена, когда остров Рок впервые стал называться Островом Мудрецов, и вполне возможно, что именно мудрецы-волшебники и приложили к этому руку.

II. Выдра

У ручья как-то выдра одна жила,
Обличье любое принять могла,
Знала заклятия все и законы,
Могла говорить с людьми и драконами.
Так вдаль бежит вода, вода,
Так вдаль бежит вода.

Выдра был сыном мастера-кораблестроителя, работавшего в порту Великого Хавнора. Но такое имя, Выдра, мальчику дала мать; она была родом из селения Эндлейн, что расположено на северо-западных отрогах горы Онн, и в столицу пришла просто в поисках работы, как и многие другие. Это было семейство в высшей степени благопристойное, занятое весьма уважаемым ремеслом, однако был у корабеля и его жены повод тревожиться, ибо с некоторых пор стало очевидно, что их сынишка обладает неким магическим даром, который отец все время старался из него выбить.

— С тем же успехом ты мог бы поколотить тучу за то, что она не вовремя дождь приносит! — упрекала его мать Выдры.

— Смотри, как бы он не озлобился из-за твоих колотушек, — предостерегала тетушка.

— Осторожней! Не то парнишка возьмет да с помощью какого-нибудь заклятия твоим же ремнем тебя и удушит! — посмеивался дядюшка.

Но родные зря беспокоились: мальчик и не думал никому делать гадости или подшучивать над отцом. Он молча сносил побои и учился

скрывать свой дар.

Впрочем, сам он этот дар ни в грош не ставил. Ему было достаточно подумать, и серебристый свет разливался в темной комнате, сама собой отыскивалась потерявшаяся заколка для волос, и распутывалась запутавшаяся шерсть, стоило ему коснуться клубка да что-то прошептать, а потому он никак не мог взять в толк, с чего это родные так волнуются, ведь все это сущие пустяки. Но отец, особенно на него злившийся из-за подобных «пустяков», как-то раз даже сильно ударил его прямо по губам, чтобы впредь за работой с шерстью не разговаривал, а работал молча и с помощью обычных инструментов.

Мать пыталась вразумить мальчика более мягко:

— Ну, представь, — говорила она, — вот нашел ты, скажем огромный бриллиант. И что таким беднякам, как мы, с ним делать прикажешь? Разве что спрятать! Ведь те, у кого денег достаточно, чтобы этот бриллиант купить, запросто могут и отнять его у тебя силой, а тебя самого убить. Так что лучше спрячь-ка свой дар подальше. И особенно остерегайся великих людей и всяких «ловкачей», что у них на службе состоят!

«Ловкачами» в те дни называли магов и волшебников.

Одно из магических умений — это умение распознавать себе подобных. Настоящий волшебник всегда узнает волшебника, если только тому не удалось скрыть свою истинную сущность уж очень изощренно и умело. А мальчик по прозвищу Выдра еще никакими такими умениями не владел, зато уже очень неплохо разбирался в строительстве лодок и прочих судов и считался весьма многообещающим учеником, хотя ему еще и двенадцати не исполнилось. И вот зашла к ним однажды та повитуха, что помогла Выдре появиться на свет, да и говорит его родителям:

— Пусть Выдра как-нибудь вечером, после работы, заглянет ко мне. Пора ему учиться петь наши священные песни и готовиться к празднику имяположения.

В этом не было ничего предосудительного, ибо именно эта знахарка недавно обучила всему необходимому старшую сестру Выдры, которая уже получила свое Истинное имя, так что родители стали вечерами посылать к ней мальчика. Однако, будучи все же ведьмой, повитуха учила Выдру не только старинным песням эпохи Созидания. Она чувствовала, хоть и довольно смутно, сколь значителен талант этого ребенка. И сама эта знахарка, и многие подобные ей люди, колдуны, целители, ведьмы, немало помогавшие людям, но зачастую имевшие весьма сомнительную репутацию, — все они, имея хоть и небольшой волшебный дар, чужили его и в других и втайне делились друг с другом теми знаниями и умениями,

какие имели, и бережно их хранили. «Магический дар без знаний — все равно что корабль без руля», — говорили они Выдре и учили его всему, что знали сами. Знания у них были небольшие, однако в них все же содержались определенные начатки великих магических искусств; и Выдра, хоть ему и было стыдно обманывать родителей, не мог не тянуться к этим знаниям, не мог не ответить на дружелюбно-восхищенное отношение своих убогих учителей. «Эти уроки не принесут тебе ни малейшего вреда, но никогда не используй полученные знания во вред кому-то другому», — говорили они ему, и он с легкостью пообещал им это.

На берегу речки Серренен у северной городской стены, в месте тихом и уединенном, повитуха шепнула Выдре его Истинное имя, осуществив обряд имяположения, и это имя до сих пор хорошо помнят волшебники даже на островах, весьма далеких от Хавнора.

Среди знакомцев деревенской знахарки был один старик, которого они промеж себя называли почему-то «Метаморфоз» и говорили, что он владеет искусством превращений. Старик действительно научил Выдру нескольким иллюзиям, а когда мальчику было лет пятнадцать, отвел его как-то в поле на берег Серренен и научил тому единственному Высшему Заклятию, которое было ему известно.

— Сперва попробуй-ка превратить этот куст в дерево, — так начал он свой урок, и, когда Выдра с легкостью создал эту иллюзию, старик отчего-то страшно встревожился. Мальчику пришлось долго просить и даже умолять его, чтобы он согласился учить его дальше. Наконец Выдра пообещал колдуну, поклявшись своим Истинным именем, что если тот научит его своему Великому Заклятию, то он, Выдра, воспользуется им только в том случае, если нужно будет спасти чью-то жизнь — свою собственную или кого-то другого.

Свое обещание старик выполнил, но Выдра решил, что и в этих знаниях особой пользы нет — ведь и магические знания, и свой талант ему приходится скрывать.

То, чему он учился, работая с отцом и дядей на верфи, он по крайней мере мог использовать открыто, и его открыто хвалили или ругали. Выдра явно обещал стать в ближайшем будущем отличным мастером, это признавал даже его отец.

В Хавноре в те годы — а также в тех местностях, что прилегали к столице с юга и востока, — правил морской пират Лозен, сам себя провозгласивший Королем Внутреннего Моря. Собирая дань с богатых земель своего «королевства», он все больше увеличивал свое войско и все больше кораблей посылал в чужие страны с самыми что ни на есть

пиратскими целями: грабить население и захватывать рабов. Как насмешливо говорил дядя Выдры, Лозен в своей алчности не давал корабелям скучать, и они были ему даже благодарны: ведь у них постоянно была работа, и жили они неплохо в такие времена, когда столько честных людей лишались заработка и могли прожить только нищенством. Во дворце Махариона шныряют полчища крыс, говорил отец Выдры, что уж там говорить об остальном; а их семейство занимается честным трудом! А уж для чего там используются результаты этого труда и мастерства — не их ума дело!

Однако те, совсем иные знания, которые получал Выдра во время своих тайных уроков, сделали его весьма чувствительным ко всякой реальной угрозе. Он понимал, например, что огромная галера, которую они строят сейчас, скорее всего, отправится завоевывать чужие земли, и на веслах в ней будут сидеть рабы Лозена, а обратно в качестве живого груза она тоже доставит рабов... Выдре было тошно даже подумать о том, что такой замечательный корабль будет служить грязным работоторговцам.

— Почему бы нам не строить обыкновенные рыбацьи суда, как раньше? — спрашивал он отца, и тот отвечал ему:

— А что могут рыбаки заплатить нам?

— Ты хочешь сказать, что они не могут заплатить нам так же хорошо, как Лозен. Но на жизнь-то хватило бы, — возразил Выдра.

— Даже если и так, неужели ты думаешь, что я могу отказаться от заказа самого правителя Хавнора? Или, может, ты хочешь, чтобы меня вместе с другими рабами приковали к веслу на той галере, которую мы строим? Пошевели-ка мозгами, парень!

Так что Выдра работал вместе с отцом и дядей, и голова его оставалась ясной, а в сердце жил гнев. Они были в западне. Какой прок в волшебном могуществе, думал он, если ты, обладая им, не можешь даже из западни выбраться?

Душа корабельного мастера никогда не позволила бы ему испортить что-то в устройстве самого корабля; но душа прирожденного волшебника твердила ему, что он может заколдовать судно, вплести заклятие прямо в его мачты и корпус. И это, безусловно, было бы использование тайных знаний в самых лучших целях! Он был уверен, что это так. Даже если при этом он кому-то и навредил бы. Но навредить тому, кто наносит всем жителям островов такой огромный ущерб, было бы только справедливо! Выдра ни с кем не стал обсуждать свои планы. Если он что-то сделает неправильно, то учителя его тут ни при чем; им даже знать о его намерениях ни к чему. Он долго обдумывал, как ему поступить,

прикидывал так и этак, очень осторожно составлял заклятие. Это было как бы отыскивающее заклятие наоборот: «заклятие утраты нужного направления», как он называл его про себя. Такой корабль будет, безусловно, отлично держаться на воде и слушаться руля, но никогда не будет слушаться руля так, как следовало бы.

Это было самое лучшее, что Выдра мог сделать, протестуя против использования таких хороших мастеров и такого хорошего корабля для грязных дел. Он был доволен собой. Когда корабль спустили на воду (и все шло прекрасно, ибо волшебство должно было сработать, только когда судно будет в открытом море), Выдра все-таки не сумел скрыть от своих учителей, что он сотворил. Разве мог он не рассказать о своей проделке этим несчастным старикам, простым повитухам, и тому молодому горбуну, который умел говорить с мертвыми, и той слепой девушке, которая знала столько подлинных имен вещей? Он рассказал им все, и слепая девушка радостно засмеялась, но старики дружно сказали: «Смотри! Будь осторожен! Не болтай лишнего и постарайся скрыться».

На службе у Лозена был один человек, который называл себя Легавым, потому что, как он говорил, у него особое чутье на всякие колдовские штучки и он всегда выйдет на след колдуна или ведьмы. Он был обязан, например, обнюхивать еду и питье Лозена, а также его одежду и одежду приходящих к нему женщин — ибо все это могли бы использовать против него враги, точнее волшебники, находившиеся на службе у его врагов; Легавый также всегда внимательно осматривал боевые корабли своего повелителя. Корабль в такой опасной стихии, как море, становится порой очень хрупким и на редкость уязвимым для всяческих заклятий и колдовства. И как только Легавый взошел на борт новой галеры, он тут же кое-что почуял.

— Так, так, — сказал он, — и кто же автор? — Он подошел к рулевому колесу и положил на него руку. — Умно, — заметил он. — Но все-таки кто же автор? Похоже, какой-то новичок. — Он еще потянул носом воздух и с удовлетворением отметил: — Очень, очень умно!

Они пришли на улицу Корабелов уже в темноте. Ногами вышибли дверь и ввалились в дом, а Легавый, за плечами которого толпились вооруженные люди в боевых доспехах, сказал:

— Его. Остальных можете оставить в покое. — И прибавил, обращаясь уже непосредственно к Выдре: — Не вздумай бежать. — Но сказал это тихо и почти дружелюбно. Он чуял в юноше великую силу,

настолько могущественную, что даже немного его опасался. Но горькая растерянность Выдры была слишком велика, а знаний и умений у него было еще слишком мало, чтобы он даже подумать мог о том, чтобы с помощью магии освободиться или хотя бы помешать этим людям проявлять такую жестокость. Он просто бросился на них и дрался, точно обезумевший зверек, до тех пор, пока они не стукнули его чем-то тяжелым по голове. Отцу Выдры они сломали челюсть, а мать и тетку избili до потери сознания, чтобы проучить и чтобы впредь не вздумали воспитывать таких «чересчур ловких» мальчишек. А потом они утащили Выдру прочь.

На узкой улочке ни одна дверь даже не приоткрылась. Никто не выглянул, чтобы посмотреть, что за шум, что происходит у соседей. И прошло немало времени после того, как вооруженные люди увели Выдру, когда кто-то из соседей все же решился выползти из своего логова и попытаться в меру своих сил утешить его родных. «Ах, какое проклятие — это волшебство!» — говорили они.

Легавый объявил своему хозяину, что человек, наложивший на корабль заклятие, находится взаперти и в надежном месте, и Лозен спросил:

— А на кого он работал?

— Он работал на вашей верфи, мой король. — Лозен любил, когда его так называли.

— Дурак, я желаю знать, кто велел ему наложить заклятие на мое судно?

— Это, похоже, была его собственная идея, мой король.

— Но откуда она взялась? Какой ему от всего этого прок?

Легавый только плечами пожал. Он не решился сообщить Лозену, как сильно ненавидят его люди.

— Так ты говоришь, он очень ловок? Можешь ли ты его как-то использовать?

— Я могу попробовать, ваше высочество.

— Ну так приручи его или уничтожь, — заявил Лозен и занялся другими делами, которые казались ему более важными.

Скромные учителя Выдры научили его быть гордым. И от всей души презирать тех волшебников, что работают на таких, как Лозен, позволяя страху или алчности превращать волшебство в злодеяние. С точки зрения Выдры, ничто не могло быть отвратительнее подобного предательства по отношению к своему искусству и мастерству. Так что его весьма беспокоило то, что презирать Легавого он не мог.

Его сунули в кладовую одного из тех старых дворцов, которые теперь считались собственностью Лозена. В кладовой не было окон, а дверь, прочная, дубовая, окованная железом и укрепленная заклинаниями, способна была помешать выбраться оттуда и гораздо более опытному волшебнику. Лозен содержал целую армию весьма искусных и могущественных магов.

Легавый, впрочем, отнюдь не считал себя волшебником. «Все, что у меня есть, это мой нос», — говорил он. Он каждый день заходил к Выдре посмотреть, как тот оправляется после удара по голове и вывиха плеча, и поговорить с ним. И был, насколько мог видеть Выдра, настроен по отношению к нему вполне дружелюбно.

— Если ты не захочешь на нас работать, тебя убьют, — сказал он. — Лозен не может держать у себя таких, как ты. Так что лучше тебе пойти к нему в услужение, если он предложит.

— Я не могу.

Выдра заявил об этом скорее с сожалением, чем с уверенностью. И Легавый посмотрел на него с уважением. Живя в доме правителя-пирата, он безумно устал от угроз, от хвастунов и грубых хамов.

— А в чем ты сильнее всего?

Выдра ответил не сразу. И, хотя Легавый ему почти нравился, он вовсе не собирался ему доверять.

— В изменении формы, — пробормотал он наконец неохотно.

— Неужели в настоящих превращениях?

— Нет, в обычных иллюзиях. Например, могу зеленый листок превратить в золотой слиток. Как будто.

В те дни еще не было определенных названий различных видов волшебства и магических искусств, да и связь между этими искусствами и умениями еще не была достаточно ясна. Еще не существовало, как говорили впоследствии мудрецы с острова Рок, никакой науки для тех знаний, которыми они обладали. Но Легавый отлично понимал, что его пленник просто скрывает свои таланты.

— Так, значит, сам ты не можешь ни во что превратиться по-настоящему? Или хоть понарошку?

Выдра пожал плечами.

Ему было очень трудно лгать. Он считал, что врет так неуклюже, потому что не имеет подобного опыта. Но Легавый был куда опытнее и умнее его. Он понимал, что магия сама по себе сопротивляется неправде. Плетение заклятий, фокусы, ловкость рук и сомнительные трюки с мертвецами — все это лишь подделка, а не настоящая магия. Это всего

лишь отражение в зеркале истинного бриллианта; бронза, которая притворяется золотом. Все они лжецы, и ложь процветает среди них. Однако искусство магии, хотя его тоже можно использовать неправильно, имеет дело с тем, что истинно, реально, и те слова, которыми пользуются настоящие маги и волшебники, являются словами Истинной Речи. Так что настоящим волшебникам обычно очень трудно соврать, особенно в том, что касается их искусства. В душе они всегда сознают, что любое сказанное ими лживое слово способно переменить мир.

Легавый даже испытывал жалость по отношению к Выдре.

— Знаешь, если бы тебя допрашивал Геллук, ему было бы достаточно произнести одно-два слова, и он вытащил бы наружу все твои знания, а заодно и твой разум. Я не раз видел, ЧТО остается после допросов нашего старого Белолицего. Послушай, а ты совсем не умеешь управлять ветрами?

Выдра, колебавшись, ответил:

— Немного умею.

— А мешок у тебя есть?

Умеющие заклинать ветер обычно носили с собой кожаный мешок, в котором, как они утверждали, они держат ветры и который демонстративно развязывали или завязывали, чтобы, например, выпустить на волю «хороший» ветер или, наоборот, загнать внутрь ветер «плохой». Возможно, этот мешок был всего лишь чисто внешним атрибутом, и все же у каждого заклинателя ветров такой мешок имелся, у кого большой и длинный, у кого совсем маленький, точно кошелек.

— Он дома, — сказал Выдра. И это не было ложью. У него действительно дома был кожаный мешок, в котором он хранил свои инструменты резчика и уровень. Да и по поводу умения заклинать ветры он также не лгал. Несколько раз ему удавалось поймать волшебный ветерок и заставить его надуть паруса, хотя он понятия не имел, как бороться с настоящей бурей или хотя бы сдерживать ее, а это, конечно же, настоящий заклинатель ветров должен уметь. Но он подумал, что лучше уж утонуть в морской пучине, чем быть убитым в этой проклятой дыре.

— Но ты ведь не захочешь использовать это умение на службе у короля?

— В Земноморье нет короля, — сурово и непреклонно заявил юноша.

— Ну, на службе у моего хозяина, — терпеливо поправился Легавый.

— Нет, — ответил Выдра и заколебался. Он чувствовал, что обязан кое-что объяснить этому человеку. — Понимаешь, здесь важнее мое «не могу», чем «не хочу». Я подумывал, не сделать ли мне затычки в обшивке корабля, поближе к килю — понимаешь, о чем я? Они бы сработали, когда

судно вышло в открытое море, да еще при приличной волне. — Легавый кивнул. — Но я не сумел сделать это. Я ведь корабел! Я не могу построить корабль только для того, чтобы он потом утонул! Да еще вместе с теми, кто будет у него на борту. Мои руки никогда не смогут сделать такое. Вот я и сделал то, что мог. Я заставил судно плыть, куда оно само захочет. Но не туда, куда захочет он.

Легавый улыбнулся.

— Они, между прочим, корабль до сих пор еще не расколдовали, — заметил он. — Старый Белолицый вчера весь день ползал вокруг него на коленях, ворча и ругаясь. Приказал, чтобы заменили руль. — Он говорил о главном маге Лозена, бледнолицем человеке с Севера по имени Геллук, которого все в Хавноре очень боялись.

— Это ничего не изменит.

— А ты можешь снять то заклятие, которое наложил на корабль?

Усталое измученное лицо юного Выдры осветила самодовольная улыбка.

— Нет, — сказал он. — И я не думаю, что кто-нибудь еще это сможет.

— А вот это уже совсем плохо. Между прочим, ты мог бы воспользоваться своим умением, чтобы поторговаться с ними.

Выдра промолчал.

— Ну вот, например, такой нос, как у меня, — вещь очень полезная при заключении сделок, — продолжал между тем Легавый. — Не то чтобы я стремился с кем-то соревноваться, но тот, кто ищет, всегда найдет, как говорится... Ты когда-нибудь в шахту спускался?

Догадки магов порой куда ближе к знанию, даже если маг и не очень ясно представляет себе, какие знания он получил. Первым признаком одаренности Выдры, проявившимся, когда ему было года два-три, была его способность идти прямо к любому предмету, который считался потерянным: оброненному случайно гвоздю, положенному не туда, куда следует, инструменту. Он находил любую вещь, как только узнавал и выучивал то слово, которым эта вещь обозначается в разговоре. И в детстве одним из самых любимых его занятий было бродить в одиночестве по лесам и полям, чувствуя босыми ногами и всем телом подземные источники, рудные жилы и скопления, каменные слои и различные вкрапления в гранитной породе. Это было похоже на прогулки по огромному зданию, где он разглядывает бесчисленные комнаты, коридоры и лестницы, ведущие в просторные подземелья, где блестят на стенах серебряные подсвечники. И чем дальше он уходил, тем больше ему начинало казаться, что тело его сливается с телом земли, что он чувствует

каждую ее жилку, каждый орган, каждый мускул — как свой собственный. Этот дар в детстве приносил ему огромную радость. Но Выдра никогда не искал ему никакого применения. Этот дар был его тайной.

И на вопрос Легавого он не ответил.

— Что там, у нас под ногами? — Легавый указал на пол, выложенный грубой сланцевой плиткой.

Выдра некоторое время молчал, потом нехотя сказал:

— Глина, гравий, а дальше скальная порода, богатая гранатами. Подо всей этой частью столицы такая порода. Я не знаю, как она называется.

— Имена можно выучить.

— Я умею строить корабли, умею на них плавать.

— Ты бы гораздо больше пользы принес, держась подальше от кораблей, ото всех этих войн и пиратских налетов. Наш правитель ведет разработку старых шахт в Самори, по ту сторону горы. Там ты не стоял бы у него на пути. А работать на него тебе все равно придется, если хочешь остаться в живых. Я позабочусь о том, чтобы тебя туда отослали. Если ты поедешь, конечно.

Выдра помолчал немного и сказал:

— Спасибо. — И посмотрел прямо на Легавого. Это был один лишь быстрый вопрошающий и оценивающий взгляд.

Ведь это именно Легавый сделал его пленником; это он стоял и смотрел, как до смерти избивают родителей Выдры и других членов его семьи, но не прекращал избиения. И все же теперь он говорил с Выдрой, как друг. Почему? — спрашивали глаза Выдры. И Легавый ответил:

— Ловким людям нужно держаться вместе. — Люди, у которых нет никакого таланта, которые не владеют никаким искусством, у которых есть только их богатство, — такие люди стравливают нас ради собственной выгоды, не ради нашей. Мы продаем им свое могущество или умение. Но почему мы это делаем? Мы ведь прекрасно могли бы обойтись и без них, если бы следовали вместе своим собственным путем, а?

Легавый имел самые лучшие намерения, желая отправить юношу в Самори; вот только он не учел силы и волевого характера Выдры. Как не понимал еще этого и сам Выдра. Он слишком привык подчиняться другим, чтобы понять, что на самом деле всегда следовал своим собственным намерениям и склонностям, и был слишком молод, чтобы поверить, что его собственные поступки порой грозят ему смертельной опасностью.

Он задумал — как только его выведут из подвала — воспользоваться старинным заклинанием Истинного Превращения и таким образом

спасти. «Жизнь моя в опасности, — думал он, — так почему бы мне не воспользоваться этим заклятьем?» Вот только он никак не мог решить, в кого ему превратиться — в птицу или в завиток дыма? Что будет наиболее безопасно? Но пока он об этом раздумывал, люди Лозена, привыкшие к разным волшебным трюкам, подмешали ему кое-что в пищу, и он перестал думать вообще о чем бы то ни было. Точно мешок с овсом его кинули в повозку, которую тащил покорный мул, а когда по дороге он стал приходить в себя, один из стражников просто стукнул его как следует по голове, заметив при этом, что теперь-то уж точно можно спокойно отдохнуть.

Когда же Выдра окончательно пришел в себя, чувствуя слабость и тошноту после подмешанной в еду отравы и сильного удара по голове, то увидел, что находится в каком-то помещении с кирпичными стенами и окнами, тоже заложёнными кирпичом. Дверь, впрочем, была обыкновенная, железом не окованная и без металлических поперечин, и в ней не было видно никакого замка. Но когда он попытался встать на ноги, то почувствовал, что колдовские путы не дают ему не только расправить конечности, но и мешают нормально мыслить, не позволяют даже пальцем пошевелить, липнут к рукам, ногам и мыслям. Он мог, например, стоять, но не мог сделать к двери ни шагу. Не мог даже руку протянуть. Это было ужасное ощущение — точно тело его ему более не принадлежит! Выдра снова сел, затих и попытался сосредоточиться. Чары, опутывавшие его, точно паутина, не давали как следует вздохнуть, и голова работала плохо, словно и ей не хватало воздуха, словно все его мысли столпились на одном крошечном пятачке, слишком для них тесном.

Прошло немало времени, прежде чем дверь наконец отворилась и вошли несколько человек. Выдра даже сопротивляться не мог, когда они засунули ему в рот кляп и связали руки у него за спиной.

— Ну, теперь-то ты никаких чар на нас точно не нашлешь, да и заклятий никаких произнести против нас не сможешь, парень, — сказал мощный широкоплечий детина с заросшей бородой физиономией. — Но головой-то ты кивать вполне можешь, верно? Тебя сюда прислали как лозоходца. Если окажешься хорошим лозоходцем, будешь и вкусно есть, и сладко спать. Кивнуть ты должен, если обнаружишь киноварь. Королевский волшебник говорит, что она все еще где-то здесь есть, в глубине старых шахт, и она очень ему нужна. Так что лучше бы нам ее отыскать. А теперь я тебя выведу наружу. И вроде бы я буду воду искать, а ты будешь моей лозой. Ты пойдешь впереди, а я за тобой. А если тебе куда повернуть надо будет, так ты в эту сторону головой мотни. А как почувешь, что киноварь у тебя под ногами, так остановись и топни ногой. Такие вот у

нас будут условия, ясно? И если сыграешь честно, так и я с тобой по-честному поступлю.

Он ждал, когда Выдра кивнет головой, но тот стоял совершенно неподвижно.

— Ну, молчи, молчи, — сказал бородатый тип. — Если тебе такая работа не нравится, так тебя всегда ведь можно и в Жаровню отправить.

Человек, которого остальные называли Лики, вывел его из темницы под слепящие лучи жаркого яркого утреннего солнца, и Выдра тут же почувствовал, что сковывавшие его магические узы ослабли, а потом и вовсе исчезли; но он все равно постоянно ощущал какие-то другие заклятья, которыми, точно колючей проволокой, опутаны были здесь все строения, особенно высокая каменная башня, от которой прямо-таки исходили некие невидимые, но вполне осязаемые волны ненависти и неприступности. Когда Выдра попытался прорваться сквозь эту паутину с гордо поднятой головой, живот его тут же сводила адская боль, и он невольно в ужасе склонял голову, пытаясь увидеть там страшную сквозную рану, но никакой раны там не было. С кляпом во рту, связанный, лишенный способности хоть что-то сказать или сотворить магическое заклятие, он ничем не мог помочь себе. Лики надел ему на шею некое подобие кожаного ошейника, прикрепил к нему один конец ремня, сплетенного из кожаных полосок, а второй конец ремня взял в руки и погнал пленника перед собой. Он не остановил Выдру, когда тот случайно ступил в зону особенно сильного воздействия охраняющих чар, и после этого Выдра сам старательно обходил такие места, если мог их различить, конечно, на пыльной тропе.

Лики уверенно вел его на поводке, точно собаку, и он шел, хмурый, покорный, дрожа от слабости и гнева. И все поглядывал на ту каменную башню, на груды дров у ее широких дверей, на покрытые какой-то странной ржавчиной колеса и ворот у колодца, на огромные кучи гравия и глины. Попытка повернуть израненную голову неизменно вызывала у него головокружение и тошноту.

— Если ты настоящий лозоходец, так ищи, показывай свое мастерство! — сказал Лики, подходя к нему ближе и искоса на него поглядывая. — А если нет — все равно лучше ищи, иначе тебе тут сразу каюк!

Из каменной башни вышел какой-то человек. Он торопливо прошел мимо них какой-то странной шаркающей походкой, глядя прямо перед собой. Из рта у него непрерывным потоком стекала слюна, подбородок отвратительно блестел, и вся грудь была мокрой.

— Это башня-жаровня, — сказал Лики. — Здесь-то как раз и извлекают ртуть из киновари. Такие рабочие, как этот, больше года-двух в Жаровне не выдерживают. Ну что, хочешь туда, лозоходец?

Чуть помедлив, Выдра мотнул головой влево, и они двинулись прочь от серой каменной башни, спускаясь в узкую и длинную долину, практически лишенную деревьев. По обе стороны от тропы виднелись лишь бесчисленные заросшие жесткой травой болотистые низины да груды отработанной руды.

— Говорят, здесь под ногами и земли-то давно не осталось, — сказал Лики, и Выдра почувствовал, что под ними действительно какой-то странный мир: пустоты, туннели, полные тьмы, — уходящий в земные глубины некий вертикальный лабиринт, самые глубокие шахты которого давно превратились в колодцы, полные гнилой, застойной воды. — Здесь и серебра-то никогда особенно много не было, а уж запасы киновари еще раньше истощились. Слушай, а ты хоть знаешь, что такое киноварь?

Выдра покачал головой.

— Ладно, я тебе покажу. Это за ней Геллук охотится. Ему нужна киноварь, чтобы делать жидкое серебро, ртуть то есть, понятно? Ртуть, она сильнее любого другого металла, она их все пожирает, даже золото, так что Геллук ее называет царем среди всех прочих подземных богатств. И если ты ему этого «царя» отыщешь, он все, что хочешь, для тебя сделает. Да ты не бойся, киноварь здесь часто попадает. Отдельными кусками, конечно. Идем, я тебе покажу. Я ведь понимаю, и собаке след не взять, пока она его не почует.

И Лики повел Выдру вниз, в шахты, чтобы показать, в какой породе киноварь встречается чаще всего. В дальнем конце одного из забоев работали несколько рудокопов. Как всегда, это были женщины.

То ли потому, что женщины меньше мужчин и им легче передвигаться в узком пространстве забоев, а может, потому, что они привыкли возиться с землей на огороде и в поле, или, может, потому, что таков был древний обычай, но на шахтах Земноморья всегда работали женщины. Это были женщины свободные, не рабыни, в отличие от тех, что работали в башне-жаровне. Геллук всегда самолично следит за работой рудокопов, пояснил Лики, но сам никогда в шахтах не работал и даже волшебство свое там применять не решается, ибо женщины-рудокопы всячески этому противятся, будучи глубоко убежденными, что нет большей опасности, чем когда мужчина, а тем более волшебник, берет в руки лопату или начинает ставить крепеж. Таким положением дел Лики, по его собственному признанию, был вполне доволен.

Коротко стриженная женщина с ясными глазами и со свечой, привязанной к каске рудокопа, положила свою кирку и показала Выдре несколько красно-коричневых зерен или комочков киновари, лежавших у нее в корзине. Тени метались по земляным стенам забоя. Потрескивал старый крепеж, сверху сыпались струйки земли. И хотя воздух в этих темных туннелях был довольно холодным, сами проходы были настолько узки и тесны, что было трудно дышать. Рудокопам приходилось то и дело останавливаться и расчищать себе путь. В некоторых старых штреках потолок совершенно обрушился. Лестницы были в ужасном состоянии — гнилые и шаткие. Это было поистине страшное место и очень опасное, но все же Выдра чувствовал себя здесь так, словно вдруг оказался в некоем убежище. Ему даже не очень-то и хотелось возвращаться на поверхность земли, к жаркому полдневному солнцу.

Затем Лики почему-то повел его не в башню, а назад, к жилым хижинам. Из запертой комнаты он вынес маленькую мягкую пухлую кожаную сумку, которая тяжело оттягивала ему руку, и открыл ее. На дне сумки Выдра увидел небольшое озерцо чего-то сверкающего и странно подвижного; блестящая поверхность озерца казалась чуть запылившейся. Когда Лики снова закрыл сумку, ртуть задвигалась, заворочалась внутри, точно зверек, пытающийся выбраться на свободу.

— Вот он, царь всех металлов! — сказал Лики таким тоном, в котором одинаково легко читались и почтение, и ненависть, и страх.

Даже не будучи колдуном, Лики показался Выдре куда более интересной личностью, чем Легавый. Впрочем, как и Легавый, он был груб, но не жесток, и требовал всего лишь беспрекословного подчинения. Выдра повидал немало рабов и рабовладельцев на верфях Хавнора и понимал, что ему повезло. По крайней мере днем, пока он находился под началом Лики.

Он смог поесть только у себя в темнице, когда у него изо рта вынули кляп. Ему дали всего лишь кусок хлеба с каплей растительного масла да лук. Он давно уже страдал от голода — в те ночи, которые он провел в темнице, связанный по рукам и ногам магическими заклятиями, он практически не способен был что-либо проглотить. Хлеб, который ему принесли, пахнул металлом и золой. Ночи были долгими и страшными, ибо заклятия давили на него всей своей тяжестью, и он без конца просыпался в ужасе, хватая ртом воздух и не в состоянии как следует собраться с мыслями. Здесь было абсолютно темно, ибо он не мог зажечь в темнице даже крошечный магический огонек. А потому каждый раз несказанно радовался наступлению дня, даже несмотря на то, что день означал, что

ему снова свяжут за спиной руки, воткнут в рот кляп, а на шею наденут собачий ошейник.

Каждое утро совсем рано Лики выводил его из темницы, и они зачастую до полудня бродили по окрестностям. Лики был молчалив и терпелив, не приставал к Выдре с вопросами, не видит ли тот каких-либо признаков месторождения киновари, не притворяется ли он, что ищет киноварь, а на самом деле ее не ищет, и так далее. Собственно, Выдра и сам не смог бы, наверное, ответить на подобные вопросы. В этих бесцельных скитаниях знания о здешнем подземном мире проникали в него сами, как и всегда прежде, и он непременно старался как можно лучше в этих самостоятельных знаниях разобраться и лишь твердил про себя: «Я ни за что не стану служить злу!»

А потом теплый летний воздух и свет размягчали его душу, и его огрубевшие босые ступни начинали чувствовать покалывание сухой травы, и Выдра понимал, что там, в глубине, где находятся корни этих трав, пробирается во тьме маленький родничок, просачивается сквозь широкий пласт сланца с вкраплениями слюды, а под этим пластом есть пещера, и стены этой пещеры все сплошь покрыты тонким слоем алых зерен киновари... Он никак этого не показывал. Он думал, что, может быть, та карта подземного мира, что складывается сейчас в его памяти, когда-нибудь пригодится и для хорошего дела, если только он, конечно, сумеет придумать, как это дело сделать.

Но дней через десять Лики сказал:

— Вскоре прибывает мастер Геллук. Если ты здесь не найдешь для него ни одного месторождения киновари, то он, скорее всего, возьмет другого лозоходца.

Выдра прошел еще примерно с милю, потом вернулся назад и привел Лики к холмику, находившемуся неподалеку от самого дальнего конца старых штолен. Здесь он кивнул утвердительно и даже топнул ногой.

Вернувшись в свою темницу, когда Лики снял с него ошейник с поводком и вынул у него изо рта кляп, он сказал:

— Там есть небольшое месторождение. Вы можете попасть туда, следуя по старому прямому туннелю; до него футов двадцать или чуть больше.

— И много там киновари?

Выдра пожал плечами и промолчал.

— Как раз хватит, чтобы все так и продолжалось, а?

Выдра опять ничего не ответил.

— Ладно, меня это устраивает, — сказал Лики.

Через два дня, когда была вскрыта старая штольня и оттуда как раз поднимали наверх первую порцию добытой киновари, прибыл волшебник. Лики разрешил Выдре посидеть в сторонке на солнышке, а не оставил взаперти в хижине, и Выдра был ему очень благодарен за это. Не то чтобы ему было очень удобно сидеть со связанными руками и с кляпом во рту, но теплое солнце и ласковый ветерок были точно благословение. И он мог дышать полной грудью и дремать, не видя снов о том, как рот и ноздри засыпает землей — ибо по ночам в темнице ему снились только такие сны.

Он дремал, сидя на земле в тени хижины, и запах дыма от дров, которые жгли в башне-жаровне, вызывал в его памяти воспоминания о доме, о работе на верфи, о шелковистом сиянии свежеструганных дубовых досок для обшивки нового корабля... Его мечты были прерваны каким-то шумом, и совсем рядом послышались чьи-то шаги. Выдра поднял глаза и увидел волшебника, который, чуть склонившись, стоял перед ним.

Геллук был одет совершенно фантастически, как и большая часть магов и волшебников той поры. В длинных алых одеждах из шелков Лорбанери с вышитыми золотыми и черными нитками рунами и всякими магическими символами и в остроконечной шляпе с широкими полями он казался значительно выше обычных людей. Выдре, впрочем, совсем не обязательно было видеть его одежды, чтобы признать в нем волшебника. Он сразу узнал ту руку, что сплела сковывавшие его узы и отравила его сны, сразу узнал едкий привкус и удушающую хватку его магического могущества.

— По-моему, я нашел своего маленького искателя, — промолвил Геллук. Голос его был звучен и одновременно мягок, точно звуки виолончели. — Спит себе на солнышке, как человек, хорошо выполнивший свою работу. Значит, ты послал их туда, потому что нашел Красную Мать, верно? А ты знал, что такое Красная Мать, до того, как попал сюда? Ты что же, придворный короля? Так, так... Не нужны нам теперь ни веревки, ни узлы. — И он, не сходя с места, одним движением пальца освободил стянутые веревкой запястья Выдры, и сунутый ему в рот в виде кляпа платок вывалился на землю сам собой.

— Я мог бы научить тебя делать все это самостоятельно, — сказал волшебник, улыбаясь и глядя, как Выдра растирает и разминает ноющие запястья и шевелит распухшими губами. — Легавый рассказал мне, что ты парнишка многообещающий и можешь далеко пойти, если тобой правильно руководить. Хочешь побывать в королевском дворце? Я могу отвезти тебя туда. Но, может быть, ты не знаешь того короля, о котором я говорю?

Выдра действительно не совсем понимал, что Геллук имеет в виду — правителя-пирата или же ртуть, — однако все же рискнул и коротко мотнул головой в сторону каменной башни.

Глаза волшебника сузились, зато улыбка стала еще шире.

— Знаешь его имя?

— Жидкий металл, — сказал Выдра.

— Так его называют в народе. А еще ртуть или тяжелая вода. Но те, кто ему служит, называют его «царем», или «королем», или «Всемогущим», а также — «Телом Луны»... — Взгляд Геллука, доброжелательный и испытующий, скользнул как бы мимо Выдры и уперся в каменную башню; потом он снова посмотрел на Выдру. Лицо у него было крупное, вытянутое и очень белое. Выдра никогда не видел такой белой кожи. А глаза светло-голубые. Подбородок и щеки волшебника были покрыты курчавой бородой, в которой смешались черные и седые волоски. Улыбка у него была спокойная; за приоткрывшимися губами видны были мелкие зубы, и нескольких зубов не хватало. — Те, кто научился видеть истинную суть вещей, способны увидеть моего короля таким, каков он на самом деле: истинный король среди всех прочих металлов и минералов. В нем самом заключен корень его могущества. Знаешь, как мы называем его в тайных чертогах его дворца? — И волшебник в своей высоченной шляпе вдруг сел прямо на грязную землю рядом с Выдрой. — Хочешь это узнать? Ты можешь узнать все, что захочешь. Мне совсем не нужно что-то таить от тебя. Как и тебе — от меня. — И Геллук рассмеялся, но не угрожающе, а, скорее, удовлетворенно. И снова внимательно посмотрел на Выдру; его крупное белое лицо было гладким и задумчивым. — У тебя действительно есть определенная сила и способности ко всяким небольшим превращениям и фокусам. Ты парень умный, но не слишком; и это хорошо. Не слишком умный, чтобы не желать учиться, как некоторые... Я стану учить тебя, если захочешь. Ты любишь учиться? Любишь знания? Хотел бы ты узнать истинное имя, которым мы называем короля, когда он совсем один в своих светлых каменных чертогах? Имя его Туррес. Знаешь ли ты это имя? Это одно из слов Истинной Речи. Его Истинное имя. А на своем родном языке мы могли бы называть его Семя. — Волшебник снова улыбнулся и похлопал Выдру по руке. — Ибо он и есть семя и оплодотворитель всего сущего. Источник могущества и создатель истинного положения вещей. Сам увидишь. Сам поймешь. Пойдем же! Пойдем! Пойдем и посмотрим, как наш король парит среди своих подданных, извлекая свою сущность — из них! — И Геллук резко и неожиданно вскочил, схватил Выдру за руку и рывком поставил его на

ноги, возбужденно смеясь.

Выдра чувствовал себя так, словно его вновь вернули к нормальной жизни, вырвав из некоего ужасного сна, точнее полусна-полубодрствования. Когда волшебник прикоснулся к нему, он почувствовал не тяжесть магических уз, а, скорее, некий заряд энергии и надежды. Он говорил себе, что нельзя доверять этому человеку, но ему страстно хотелось кому-то верить, у кого-то учиться. Геллук обладал магической силой, он был настоящим Мастером, и он был совершенно необычен. К тому же именно он освободил его, Выдру! Впервые за много недель он шел совершенно свободно, и руки его не были связаны ни путами, ни заклятиями.

— Сюда, сюда, — тихо приговаривал Геллук. — Ничего страшного с тобой не случится. — Они подошли к дверям башни-жаровни — узкому проходу в стене толщиной фута в три. Геллук взял Выдру за руку, ибо юноша, вдруг заколебавшись, замедлил свой шаг.

Лики говорил ему, что металлические пары, поднимающиеся над нагретой рудой, как раз и являются причиной болезней и смертей тех, кто работает в башне. Раньше Выдра никогда не входил туда и никогда не видел, чтобы туда входил сам Лики. Правда, они подходили к башне достаточно близко, чтобы понять, что она окружена запирающими заклятиями, которые способны причинить жгучую боль, привести в полное замешательство любого и поймать его в ловушку, если он, скажем, попытается сбежать. Сейчас Выдра ощущал присутствие этих чар, точно липкие нити чудовищной паутины, точно канаты из темного тумана, которые расступались только перед тем волшебником, который их создал.

— Дыши, дыши, дыши, — приговаривал Геллук, смеясь, и Выдра постарался не задерживать дыхание, когда они вошли в башню.

Плавильная яма была устроена в самом центре огромного куполообразного помещения. Люди, больше похожие на скелеты, торопливо бросали лопатами руду прямо на горящие дрова, и пламя, раздуваемое гигантскими мехами, ревело и ослепительно сияло. Другие рабочие постоянно подносили новые охапки дров, а также трудились у мехов. В верхней части купола сквозь дым и испарения виднелись другие помещения, к которым вела винтовая лестница, спиралью поднимавшаяся прямо по башенной стене. В этих верхних помещениях, как рассказывал Выдре Лики, осаждались и конденсировались пары ртути, которые потом снова нагревали и снова конденсировали, пока чистейшая ртуть не стекала в каменную чашу — всего-то одна-две капли в день, по словам Лики, потому что сейчас ее добывали из очень бедной руды.

— Не бойся, — сказал Геллук, и его звучный голос легко перекрыл и задыхающееся шипение огромных мехов, и ровный гул ревущего пламени. — Иди сюда, посмотри, как ОН парит в воздухе! Как ОН очищает себя и своих подданных! — Волшебник подтащил Выдру к самому краю плавильни. Глаза его в мерцающем свете ярко сверкали. — Даже злые духи, которых ОН заставляет работать на себя, в итоге становятся чистыми, — сказал Геллук, приблизив губы к самому уху Выдры. — Когда они рабски служат ему, окалина и шлаки отваливаются от них и стекают вниз. Болези и нечистота плавятся и выступают, точно пот через поры. А потом, когда огонь наконец очистит их, они обретают способность летать и взлетают прямо в чертоги короля. Пойдем же, пойдем со мной в его замок, где темная ночь порождает светлую луну!

И Выдра следом за ним стал подниматься по винтовой лестнице, сперва довольно широкой, но становившейся все́ уже и теснее. Они миновали помещения с испарителями и раскаленными красными печами, откуда специальные трубы вели в зольники, откуда полуголые рабы вручную выскребали обгорелую рудную корку и сажу, а потом лопатами сбрасывали эти отходы снова в печи, чтобы еще раз их переплавить. Наконец они поднялись в самое верхнее помещение. И Геллук сказал тому единственному рабу, что сидел здесь на корточках у края шахты:

— Покажи мне короля!

Раб, тощий безволосый подросток с незаживающими язвами на руках и плечах, поднял крышку над каменной чашей, стоявшей у края огромного сосуда, на стенках которого конденсировались ртутные пары. Геллук заглянул туда с любопытством ребенка и прошептал:

— Такой крошечный! Такой юный! Крошка-принц, мой маленький повелитель, князь Туррес. Семя мира! Драгоценная душа!

Из нагрудного кармана он извлек мягкую сумочку из тонкой кожи, расшитую серебряными нитками. К сумке была привязана изящная ложка из рога. Геллук зачерпнул ею несколько капель ртути, собранной в чашу, и перелил в сумочку, а затем тщательно затянул шнурок у горловины.

Раб стоял рядом совершенно неподвижно. Все те, кто работал в ядовитых испарениях башни-жаровни, были совершенно обнажены или одеты лишь в некое подобие набедренной повязки и башмаки. Выдра еще раз взглянул на раба и вдруг заметил маленькие женские груди. Да, это была женщина. Но только совершенно лысая! А ее суставы были похожи на страшные раздувшиеся узлы на тощих, как палки, конечностях. Она лишь один раз подняла на Выдру глаза и больше не пошевелилась, снова застыв, как изваяние.

— Это хорошо, служаночка! Ты у меня хорошо поработала, — сказал ей Геллук своим ласковым голосом. — Сбрось-ка шлак в огонь, и он превратится в живое серебро, в лунный свет. Разве это не чудо? — Он двинулся дальше, увлекая за собой Выдру, и они стали спускаться по винтовой лестнице вниз. — Скажи, разве это не чудо, когда из самых настоящих отбросов рождается то, благороднее чего нет на свете? Таков великий принцип нашего искусства! Отвратительная Красная Мать порождает прекраснейшего из королей! Из грязной руды и мерзкой слюны умирающего раба выходит серебряное Семя Власти!

Спускаясь вниз по крутой скользкой лестнице, Геллук неумолчно говорил что-то, и Выдра старался понять его, ибо это был действительно могущественный волшебник, который рассказывал ему, что такое власть над другими людьми.

Но стоило им выйти на солнечный свет, и голова у него закружилась, в глазах потемнело, и через несколько шагов он согнулся пополам, и его вырвало.

Геллук наблюдал за ним, как всегда внимательно и любовно, и когда Выдра наконец выпрямился, пошатываясь и хватая ртом воздух, волшебник мягко спросил:

— Ну что, боишься ты короля?

Выдра кивнул.

— Если ты разделишь его власть, будешь на его стороне, он не причинит тебе вреда. Бояться силы, сражаться с силой — вот что очень опасно. Но любить силу и разделять ее с кем-то — это истинно королевский путь. Смотри. Следи за тем, что я буду делать. — Геллук поднял мешочек, в который вылил те несколько капель ртути, и, не сводя глаз с Выдры, развязал горловину мешочка, поднес его к губам и выпил содержимое. Улыбаясь, он приоткрыл рот, и Выдра мог видеть у него на языке серебристые капли, прежде чем он проглотил их.

— Ну вот, теперь король у меня в гостях! О, это весьма почетный гость! И благородный. Он не заставит меня пускать слюни, не вызовет у меня рвоты, не причинит моему телу ни малейшего вреда. Нет, никогда, потому что я его не боюсь! Я сам приглашаю его войти в мой дом, и он входит, проникает в мою кровь и никакого вреда мне не причиняет. В моей крови течет серебро! Я вижу вещи, неведомые другим людям. Я вместе с моим королем храню его тайны. И когда он оставляет меня ненадолго, то скрывается в самой грязи, сохраняя всю свою блестящую сущность и целостность, и ждет, когда я приду, подниму его оттуда и очищу его, как он

очищает меня, и с каждым разом мы с ним становимся все чище и чище... — Волшебник взял Выдру за руку и сказал ему доверительно и с улыбкой: — Я тот, кто даже испражняется лунным сиянием! Другого такого ты нигде не встретишь. Больше того! Король проникает даже в мое семя! Он, собственно, и есть мое семя. Я — это Туррес, а Туррес — это я...

Выдра настолько ошалел от всего этого, что словно сквозь некую пелену видел, что они направляются ко входу в шахту. И они действительно вошли туда и стали спускаться под землю. Здесь темный лабиринт туннелей был столь же путаным, что и слова волшебника. Выдра то и дело спотыкался, пытаясь увидеть путь и хоть что-то понять. Но все время видел перед собой ту рабыню в башне, ту хрупкую лысую женщину, которая лишь один раз быстро глянула на него. Но он хорошо запомнил ее глаза.

Они шли в темноте, не зажигая света, если не считать маленького волшебного огонька, который Геллук зажег, чтобы освещать им путь. Они шли по давно заброшенным штольням, и тем не менее Геллук знал здесь каждый поворот, а может, и не знал, а просто шел, не спеша и не выбирая цели. Он все время говорил, порой поворачиваясь к Выдре, чтобы показать, куда свернуть, или предупредить об опасном месте, и снова продолжал что-то рассказывать.

Наконец они добрались до того места, где работали рудокопы, расширяя старый туннель и продлевая его. Здесь волшебник о чем-то поговорил с Лики; от горящих свечей по стенам шахты метались изломанные тени. Волшебник поднял с земли в конце туннеля несколько невзрачных комков, скатал ладонями колобок, опустился на колени, попробовал землю на вкус... Все это он делал молча, и Выдра внимательно наблюдал за ним, стараясь понять, зачем он это делает.

Лики вернулся наверх с ними вместе. Геллук своим бархатным голосом пожелал им спокойной ночи, и Лики, как всегда, запер Выдру в комнате с кирпичными стенами, дав ему каравай хлеба, луковицу и кувшин воды.

И тут же его тело стиснули путы магических заклятий. Сегодня он с особой жадностью пил воду. Острый вкус луковицы и запах земли, исходивший от нее, были ему очень приятны, и он съел ее целиком.

Когда погас дневной свет, просачивавшийся в комнату сквозь щели в тех местах, где были заложенные кирпичами окна, Выдра не впал в жалкий полусон, как обычно, а продолжал бодрствовать. Мало того, всякий сон у него как рукой сняло. Буря, поднявшаяся в его душе и мыслях за то время, которое он провел в обществе Геллука, понемногу улеглась. И после нее что-то осталось, вполне осязаемое, совсем близкое и ясное, некий образ,

который он видел то ли в шахте, то ли в башне, — немного туманный, но вполне отчетливый: да, это была та рабыня в комнате под самым куполом башни, та женщина с пустыми грудями и гноящимися глазами, которая осторожно сплевывала слюну, непрерывно текущую из ее отравленного рта, и старательно вытирала губы, стараясь и на пороге смерти выглядеть опрятной. Она тогда посмотрела на Выдру только один раз.

И теперь он видел ее более ясно, чем тогда в башне. Он отчетливо видел ее худые руки, распухшие локти и запястья, детскую ямку у нее на шее под затылком. Она словно была рядом с ним в этой комнате. Она словно вошла в его душу, стала им самим. И она смотрела на него. Он видел, как она на него смотрит. Он видел себя ее глазами!

И видел тонкие линии тех чар, что сковывали его, и тяжкие канаты тьмы, путаный лабиринт линий повсюду вокруг него. Существовал, правда, и некий выход из этого хитросплетения, если он сумеет повернуться сперва туда, потом сюда, потом еще раз туда и разведет магические пути руками, вот так... И вдруг он оказался на свободе.

Но больше он уже не мог видеть ту женщину. Он был в комнате один. Он стоял посреди комнаты и был абсолютно свободен.

И все те мысли, которые он никак не мог сформулировать в течение долгих дней и недель, прихлынули к нему разом, точно гроза. Это был настоящий вихрь мыслей и чувств, страсти и ярости, желания мстить, жалости, гордости и еще каких-то неведомых Выдре ощущений.

Сперва он был совершенно ошеломлен собственными яростными фантазиями, вызванными неожиданным приливом сил и желанием отомстить. Ему хотелось освободить разом всех рабов, хотелось заколдовать этого Геллука и швырнуть его прямо в пламя плавильни, хотелось связать его и ослепить, а потом оставить в башне — пусть всласть подышит ртутными парами на том, самом верхнем этаже, пока не умрет!.. Но когда он немного успокоился и стал мыслить трезво, то понял, что ему не победить такого умелого, опытного и могущественного волшебника, как Геллук, даже если этот волшебник и безумен. Если и есть какая-то надежда на победу, то ставку в игре нужно делать именно на его безумие, на то, чтобы заставить волшебника самого себя уничтожить.

Выдра задумался. Все то время, что он провел с Геллуком, он пытался чему-то у него научиться, проникнуть в тайный смысл его путаных речей. И все же он был уверен теперь, что идеи Геллука, то учение, которое он так стремился ему передать, не имеет ничего общего ни с его собственной силой, ни вообще с каким бы то ни было истинным волшебным могуществом. Шахтерское и плавильное ремесло были действительно

настоящими ремеслами со своими тайнами и со своими мастерами, но Геллук, похоже, ничего в этих ремеслах не смыслил. Его болтовня насчет всемогущего короля и Красной Матери — это всего лишь пустые слова. И лживые к тому же. Но как он, Выдра, узнал об этом?

Во всем том потоке слов, который изливался из уст Геллука, прозвучало лишь одно-единственное слово Истинной речи, того старинного языка, на котором волшебники составляют свои заклęcia; это было слово «туррес». Геллук сказал, что оно означает «семя». И Выдра, благодаря своему врожденному магическому таланту, чувствовал, что это действительно так. Геллук сказал еще, что это слово означает «ртуть», и Выдра понимал, что это неправда.

Его скромные учителя научили его всем словам Языка Созидания, какие знали сами. Среди этих слов не было ни слова со значением «семя», ни слова со значением «ртуть». Но губы Выдры шевельнулись сами собой, и его язык произнес: «айезур».

Но голос его почему-то был голосом той рабыни из каменной башни. Это она знала Истинное имя ртути! И это она произнесла слово Истинной Речи его устами!

Некоторое время Выдра не шевелился, тело его и мысли пребывали в полной неподвижности, ибо он впервые начинал понимать, в чем заключена его сила.

Он стоял посреди запертой комнаты в темноте и знал, что непременно выйдет на свободу, потому что уже свободен. И мысленно превозносил себя до небес.

Но через некоторое время решительно вернулся в прежнюю ловушку, сотканную магическими чарами Геллука, и снова уселся в прежней позе на тюфяк в углу, погруженный в свои думы. Запирающее заклęcie все еще действовало, но теперь оно не имело над ним никакой силы. Он мог снять его с себя или снова позволить ему действовать. Для него сейчас это были просто какие-то линии, начерченные на полу. И неистовая благодарность за обретенную свободу стучала в его душе в такт биению сердца.

Он думал о том, что должен сделать и как он должен это сделать. Он не был уверен, сам ли он вызвал из башни эту женщину, или же она явилась к нему по собственной воле. И не знал, как ей удалось сообщить ему то слово Истинной Речи. Он не знал, что делает сейчас она, но был почти уверен, что любая его попытка составить какое-нибудь заклęcie немедленно поднимет на ноги Геллука. И все же, испытывая настоящий ужас, ибо о подобных заклечениях среди тех, кто учил его колдовству, ходили лишь слухи, он решился призвать к себе ту женщину из каменной

башни.

Он впустил ее в свою душу и увидел ее такой, какой видел там. Он позвал ее, и она пришла.

Она стояла совсем рядом с начерченной на полу паутиной магических линий и смотрела на него. И она хорошо его видела, ибо неяркий голубоватый свет, не имевший конкретного источника, вдруг наполнил комнату. Ее потрескавшиеся, покрытые коркой запекшейся крови губы дрогнули, но она ничего не сказала.

Тогда заговорил он, назвав ей свое Истинное имя:

— Я — Медра.

— А я — Аниеб, — прошептала она.

— Как мы можем освободиться?

— Его именем.

— Даже если бы я его знал... В его присутствии я не могу говорить.

— Если бы я была с тобой, я могла бы воспользоваться моментом.

— Но я не могу тебя вызвать!

— Ну что ж, я могу прийти и сама, — сказала она.

Она огляделась, а он испуганно поднял глаза. Оба чувствовали, что Геллук уже что-то почуял, что он уже не спит. Связующие заклятия вновь окрепли, комнату снова окутала прежняя тьма.

— Я приду, Медра, — пообещала Аниеб и, протянув к нему свою стиснутую в кулачок худенькую руку, раскрыла ладонь, что-то ему предлагая. И исчезла.

И вместе с нею исчез последний лучик света. Выдра остался один в темноте. Холодная хватка магических уз становилась поистине удушающей; заклятие сковало ему руки, сдавило легкие, не давая вздохнуть. Он согнулся в три погибели, хватая ртом воздух. Он не мог думать, ничего не мог вспомнить. «Останься со мной», — пробормотал он и не знал даже, кому он это сказал. Он был испуган и не знал, чего боится. Волшебника, его могущества, его заклятий?.. Все было погружено во тьму. Но в его теле, в его душе горело теперь некое знание, которое он даже определить бы не смог, некая уверенность, подобная маленькому светильнику, который оказался у него в руках, когда он снова попал в темный лабиринт подземных пещер и туннелей. И он не сводил глаз с этого крошечного зернышка света.

Мучительные страшные сны о смерти от удушья вернулись к нему, но не сумели овладеть его душой. И дышал он по крайней мере глубоко, полной грудью. А потом уснул. И снились ему горные склоны и долины, укрытые пеленой дождя, и просвечивавший сквозь эту пелену солнечный

свет. Ему снились облака, проплывавшие над островами, и высокий округлый зеленый холм, вершина которого скрывалась в тумане, пронизанном солнечными лучами, по ту сторону какого-то морского залива...

Волшебник, который звался Геллук, и пират, который приказал называть себя король Лозен, трудились вместе в течение долгих лет и поддерживали друг друга, усиливая тем самым власть и силу каждого, и каждый был убежден, что второй является его слугой.

Геллук был уверен, что без него основанное на грабежах королевство Лозена вскоре потерпит крах и кто-нибудь из врагов сотрет правителя-пирата в порошок даже с помощью самого простого заклятия. Но он позволял Лозену играть роль повелителя. Этот пират был ему удобен, ибо Геллук давно привык, чтобы все его желания и потребности удовлетворялись незамедлительно, чтобы никто не спрашивал у него отчета о том, что и когда он делает, и чтобы всегда иметь достаточное количество рабов для своих нужд и опытов. Ему было нетрудно поддерживать те охраняющие чары, которые он наложил на самого Лозена, а также на его пиратские экспедиции и набеги; и так же легко постоянно сохранять в силе запирающие заклятия, наложенные на те места, где трудились рабы или хранились сокровища. Хотя впервые создать такие заклятия — было гораздо более сложным делом, потребовавшим немало сил и времени. Но теперь дело было сделано, и во всем Хавноре не нашлось бы волшебника, способного снять чары, наложенные Геллуком.

Геллук никогда еще не встречал человека, который вызвал бы у него страх. Правда, некоторые волшебники, встретившиеся ему на его долгом жизненном пути, оказывались достаточно сильны, чтобы заставить его насторожиться, но он не знал никого, кто был бы равен ему по силе и мастерству.

Уже давно, все глубже проникаясь мудростью, заключенной в той книге, которую один из бандитов Лозена привез с острова Уэй, Геллук стал совершенно равнодушен ко всем тем искусствам и умениям, которые постиг или раскрыл для себя прежде. Эта книга убедила его, что все они являются лишь бледными теньями, неясными намеками на некое более высокое мастерство. Подобно тому, как одно истинное вещество способно подчинить себе все прочие вещества, одно Истинное знание подчиняет себе и включает в себя и все прочие знания в мире. Все ближе подходя к познанию этого таинственного мастерства, Геллук понимал, что умения других волшебников столь же грубы и фальшивы, как и громкий титул

правителя Лозена. Когда он, Геллук, воссоединится наконец с тем истинным веществом, он непременно станет и единственным истинным правителем Земноморья. И единственным среди тех людей, с которыми можно говорить на Языке Созидания и Уничтожения. А в качестве цепных псов ему будут служить драконы!

А в своем молодом лозоходце Геллук чувствовал силу, необученную и наивную, которую вполне можно было бы использовать. Ему было нужно куда больше ртути, чем он имел сейчас, а потому ему нужен был Искатель. Искательство было одним из основных магических искусств, но сам Геллук никогда им не занимался, хотя вполне мог понять, что у этого парня настоящий дар. И ему, Геллуку, очень неплохо было бы узнать Истинное имя парнишки, чтобы потом с уверенностью управлять им, контролировать каждое его действие. Волшебник тяжело вздохнул при мысли о том, сколько времени ему придется потратить на обучение мальчишки. Но ничего не поделаешь. Жаль зарывать в землю такой талант, данный от природы. Ох, а ведь найденную им руду все равно придется еще извлекать из шахт, плавить, подвергать очистке!.. И Геллук, как всегда, мысленно перенесся через все препятствия и отсрочки на своем пути к его концу, к тем чудесным таинствам, что ждут его в итоге.

В той мудрой книге, привезенной с острова Уэй, которую Геллук всегда возил с собой в ларце, запечатанном особым заклятием, был описан некий истинный, очищающий огонь. Геллук, долго эти описания изучавший, знал, что как только у него будет достаточное количество чистой ртути, то следующим шагом будет ее еще более высокая очистка и превращение его собственного тела в Тело Луны. Он разобрался в зашифрованных текстах этой книги и понял, что, для того чтобы получить абсолютно чистую ртуть, необходим костер не из обычных дров, а из человеческих трупов. Перечитывая эти слова и в очередной раз обдумывая их, он той ночью сумел распознать и еще одно возможное их значение: в этих словах всегда таилось множество таких, нераскрытых, значений. Возможно, в этой книге даже прямо говорилось, что должна быть принесена особая жертва — не только в виде человеческой плоти, но и в виде живых человеческих душ! В огромном костре башни должны сгореть не мертвые тела, а живые люди! Живые и в полном сознании. Чистота — из грязи; блаженство — из боли. Все это составляющие одного великого принципа, некогда явственно увиденного автором книги. И Геллук был уверен, что прав, что он наконец понял, что именно и как нужно сделать. Но он не должен торопиться, он должен быть терпелив, должен действовать наверняка! Он прочитал еще один отрывок из книги и сравнил

его с первым, а потом глубоко задумался над прочитанным и думал до глубокой ночи. Пока на какое-то мгновение что-то не спутало его мысли, какое-то вторжение с периферии его сторожкого сознания. Ах вот как? Этот парнишка, похоже, пытается применить какой-то магический трюк! Геллук нетерпеливо произнес одно-единственное слово и вернулся к чудесам, которые способен творить его всемогущий властелин — ртуть. Он так и не заметил, что утратил власть над теми снами, что снились его пленнику.

На следующий день он велел Лики прислать мальчишку к нему. Он уже предвкушал встречу с ним. Он будет очень добр с парнишкой, начнет его учить и даже слегка баловать, как делал это вчера. Он уселся с Выдрой на солнышке. Геллук в принципе любил детей и животных. Он вообще любил все красивое. И ему было приятно иметь при себе это молодое и неопытное создание. И тот ужас и восторг, которые испытывал перед ним ничего не понимающий в магии Выдра, были Геллуку особенно приятны и дороги, как и то неосознанное могущество, которым обладал сам мальчишка. Рабы его раздражали — они были слишком немощны, лживы и безобразны. Разумеется, Выдра тоже был его рабом, но знать мальчишке об этом совсем не обязательно. Они вполне могут считаться учителем и учеником. Впрочем, ученики обычно довольно вероломны, думал Геллук, вспоминая своего ученика Эрли, который был, пожалуй, даже чересчур умен и которого ему следовало бы держать в куда более строгой узде. Отец и сын — вот кем примерно могли бы стать он и Выдра. Ничего, он еще заставит мальчишку называть его отцом. Геллук вспомнил, что вообще-то намеревался выяснить Истинное имя своего будущего «сынка». Для этого существовало несколько способов, но был и самый простой — поскольку юноша был уже в его власти: достаточно было просто спросить у него его Имя.

— Как твое имя? — спросил Геллук, внимательно глядя на Выдру.

Что-то недолго сопротивлялось в душе юноши, однако рот его открылся сам собой, и губы его прошептали:

— Медра.

— Очень хорошо, Медра, — молвил волшебник. — Ты можешь называть меня Отцом.

— Ты должен найти Красную Мать, — сказал Геллук Выдре примерно через день после этого. Они снова сидели рядышком за жилыми хижинами. Светило теплое осеннее солнце. Волшебник снял свою невероятную шляпу, и ветерок шевелил его густые седые волосы, беспорядочно падавшие ему на плечи. — Я знаю, это ты нашел то небольшое месторождение, где они сейчас так старательно роются, но киновари там совсем мало, можно

сказать, несколько зерен. Вряд ли стоит жечь столько дров ради одной-двух капель ртути. Если ты действительно хочешь помочь мне и надеешься, как мы говорили раньше, что я стану тебя учить, то должен постараться получше. Я полагаю, ты и сам это понимаешь. И хорошо знаешь, что должен делать. — Он улыбнулся Выдре. — Я прав?

Выдра кивнул.

Он все еще был потрясен, ошарашен той легкостью, с какой Геллук заставил его назвать свое Истинное имя и мгновенно обрел над ним полную власть. Теперь нечего и пробовать ему сопротивляться! В ту ночь он был в полном отчаянии. Но потом ему мысленно явилась Аниеб: явилась по своей собственной воле и с помощью своей собственной магии. Сам-то он не только вызвать ее не смог бы, он даже подумать о ней был не в силах, да и не осмелился бы сделать это, поскольку уже назвал Геллуку свое подлинное имя. Однако Аниеб могла приходить к нему даже в присутствии волшебника — не в реальном обличье, разумеется, а лишь мысленно.

Хотя Выдре было очень трудно слушать ее, когда ему что-то говорил сам Геллук и черные нити волшебных чар оплетали его с ног до головы. Но когда Выдра все-таки был способен воспринимать Аниеб, то ему казалось, что она не где-то в его мыслях, а слилась с ним, живет в его душе. А может, она и была им самим или он — ею?.. Во всяком случае, он видел все ее глазами. Ее голос звучал в его ушах и звучал сильнее и чище, чем голос Геллука. Ее глазами он видел, ее разумом постигал все вокруг. И он постепенно догадался, что волшебник, будучи абсолютно уверенным в том, что тело и душа Выдры полностью ему подвластны, оказался не только не всесилен, но и несколько небрежен в отношении тех чар, с помощью которых подчинил юношу своей воле. А ведь всякие чары — это связь душ. И душа Выдры, связанная с душой Аниеб, — или же душа Аниеб, нашедшая приют в его душе и мыслях, — оказалась способна как бы проследить линии порожденных Геллуком чар и по этим линиям пробраться в душу самого волшебника.

А Геллук, не подозревая ни о чем, все продолжал что-то говорить, точно зачарованный собственным красивым и мелодичным голосом.

— Ты должен отыскать сокровенное чрево Земли, в котором зреет лунное семя. Знаешь ли ты, что Луна — это отец Земли? Да, да! И отец овладел собственной дочерью, имея на это полное право, древнее право! Да! И дал ей свое драгоценное семя, оплодотворив ее, однако родить истинного царя она не сможет. Слишком уж она грязна, труслива и похотлива. Ее так и тянет ко всяким мерзостям. Вот она и удерживает

драгоценное семя у себя во чреве, прячет его, опасаясь, что родит того, кто будет повелевать ею. Вот почему, чтобы заставить ее все-таки родить ЕГО на свет, ее нужно сжечь заживо.

Геллук умолк и некоторое время не произносил ни слова, думая о чем-то своем, заветном; лицо его горело волнением. А Выдра, с помощью Анииб читая его мысли, созерцал страшные картины, мелькавшие перед внутренним взором волшебника: огромные жаркие костры, в которых вместо дров горели живые люди, комки страдающей корчащейся плоти с руками и ногами, и они стонали, как порой стонет в пламени сырое дерево...

— Да, — мечтательно молвил Геллук, — она должна быть сожжена заживо! Только тогда лопнет ее чрево и ОН сможет выйти на свободу — в сиянии! О, как давно пришла этому пора! Мы должны освободить нашего царя! Мы должны отыскать самое большое месторождение. Я знаю, оно здесь, в том нет сомнений! Ибо там так и сказано: «Чрево Матери ищи близ Самори».

Геллук снова умолк. И вдруг посмотрел прямо на Выдру, который похолодел при мысли о том, что волшебник догадался о его связи с Анииб и об их совместных планах. Однако Геллук, даже если он что-то и заподозрил, ничем себя не выдал, а просто еще некоторое время внимательно смотрел на Выдру своим странным, любопытным и одновременно почти невидящим взглядом, потом улыбнулся и воскликнул:

— Малыш Медра! — словно только что обнаружил, что юноша сидит с ним рядом. Он ласково похлопал Выдру по плечу и сказал: — Я знаю, что ты обладаешь даром отыскивать спрятанные предметы. Это великий дар, если его как следует развить, разумеется. Не бойся меня, сынок. Я сразу понял, почему ты привел моих слуг лишь к самому маленькому месторождению киновари. Ты играешь в свою игру, пытаешься отсрочить неизбежное. Но повторяю: теперь ты служишь мне, и тебе нечего бояться; и совершенно бессмысленно, как ты, должно быть, и сам понимаешь, что бы то ни было скрывать от меня. Не правда ли? Если дитя ведет себя мудро, любит своего отца и проявляет должное послушание, то отец всегда вознаграждает его по заслугам. — Геллук в своей обычной манере склонился совсем близко к Выдре и сказал ласково и доверительно: — Я не сомневаюсь, сынок: ты сможешь найти **ОЧЕНЬ БОЛЬШОЕ** месторождение киновари!

— Я знаю, где оно находится, — сказала Анииб устами Выдры.

Сам он говорить не мог, и голос его прозвучал хрипло и едва слышно.

Очень немногие люди когда-либо осмеливались заговорить с

Геллуком, прежде чем он сам не потребует этого. Заклятия, которыми он заставлял молчать всех, кто к нему приближался, ослабляя их волю и полностью подчиняя себе, стали для него настолько привычными, что он даже не задумывался, применяя их. Он привык, чтобы его слушали, но сам слушать совершенно не привык. До наивности уверенный в своем могуществе и одержимый своей сокровенной мечтой, он больше ни о чем думать не мог, а до чьих-то там еще мыслей ему просто не было дела. Он и Выдру-то воспринимал только как некую часть своих собственных планов, как некое продолжение себя самого.

— Да, да, и ты его найдешь! — рассеянно пробормотал он и улыбнулся.

Зато Выдра воспринимал Геллука — вполне отчетливо, физически, — как некую огромную враждебную силу, совершенно подмявшую его под себя. И сейчас ему казалось, что, заговорив его устами, Аниб отняла у Геллука значительную часть волшебной силы, дав ему, Выдре, возможность как следует стоять на ногах, отвоевав для него некое жизненное пространство, ибо даже на столь малом расстоянии от Геллука — на столь опасном от него расстоянии! — Выдра сумел заговорить без его разрешения.

— Я отведу тебя туда, — сказал Выдра по-прежнему тихо, с трудом выговаривая слова.

Геллук привык, чтобы люди говорили именно то, чего он от них требовал, или же то, что он вложил в их уста. Если им вообще разрешалось что-то говорить в его присутствии. Но Выдра сказал именно те слова, которые Геллук хотел от него услышать, и все же услышать их от него он никак не ожидал. Волшебник взял юношу за руку, повернул лицом к себе и, заглянув ему в глаза, почувствовал, что Выдра в ужасе пытается от него отстраниться, спрятать свою душу и мысли.

— Однако! — воскликнул волшебник. — Неужели ты так хорошо умеешь искать? Ты что же, действительно нашел большое месторождение? И там действительно стоит копать? И стоит жечь дрова?

— Это настоящее месторождение, — подтвердил юноша.

Он говорил медленно, скованно, и слова падали с его губ, точно тяжелые капли ртути.

— Настоящее? — Геллук смотрел прямо на него; между их лицами было сейчас не больше нескольких дюймов. Бледно-голубые глаза волшебника поблескивали тем же странноватым приглушенным блеском, что и вожделенный металл. — Это действительно Чрево Земли?

— Я не знаю... Но только настоящий Мастер может пойти туда.

— Какой Мастер?

— Хозяин Дома.

Выдре этот разговор снова напоминал хождение с крошечным светильником в непроницаемой тьме. Светильником была душа Аниеб, ее незримое присутствие. Каждый раз перед ним открывалось крошечное новое пространство для нового шага, но то место, где он находился, увидеть целиком он так и не мог. Он не знал, что произойдет в следующий момент, и не понимал, что именно он увидит. Но уверенно шел вперед, к своей цели, произнося одно слово за другим.

— Как ты узнал о Доме?

— Я его видел.

— Где? Здесь рядом?

Выдра кивнул.

— Он в земле?

«Расскажи ему о том, что видит он сам», — услышал он голос Аниеб и сказал:

— Да. Там, меж сверкающими корнями, сквозь тьму бежит ручеек. Это корни Дома. Крыша его высока, ее поддерживают высокие колонны. Пол в Доме красный. И колонны тоже красные. И на них — сверкающие Руны...

Геллук затаил дыхание. А потом спросил очень тихо:

— А можешь ты прочесть эти Руны?

— Нет. — Теперь голос Выдры звучал на удивление спокойно и монотонно. — И пойти туда я тоже не могу. Никто не может войти в Дом, кроме его Хозяина. Только он может прочесть то, что там написано.

Белое лицо Геллука еще больше побелело, подбородок у него слегка дрожал. Он вдруг резко встал — ему, впрочем, были явно свойственны неожиданные решения и поступки — и потребовал:

— Отведи меня туда! — Он еще пытался сдерживаться, но с такой силой потянул Выдру за руку и потащил за собой, что юноша, поспешно вскочив на ноги, несколько раз споткнулся и чуть не упал. Неловко и скованно ступая, он двинулся вперед, стараясь не сопротивляться страстному желанию волшебника, который, поставив его перед собой, буквально наступал ему на пятки, вынуждая идти быстрее, и без конца хватал его за руку.

— Сюда, — несколько раз говорил он. — Да, да! Именно сюда! — Но сам тем не менее следовал строго позади Выдры. Его прикосновения и чары немного мешали юноше, сбивая с толку, но шел он все равно в том направлении, которое выбирал сам.

Они миновали башню, миновали старые разработки и новые шахты и

оказались в той продолговатой долине, куда Выдра и Лики забрели в самый первый день своих поисков киновари. Теперь была уже поздняя осень. Кусты и жесткая трава, которые в тот день были совсем зелеными, пожелтели и высохли, ветер шелестел в редкой листве. Слева от них в зарослях ивняка бежал ручей. Светило нежаркое солнце. По склонам холмов скользили полосы и пятна теней от бегущих по небу облаков.

Выдра понимал, что наступает тот ответственный момент, когда он сможет освободиться от власти Геллука: в этом он был уверен еще с прошлой ночи. Он понимал также, что сможет даже одержать над волшебником полную победу, если тот, стремясь к заветной цели, хотя бы на мгновение забудет о собственной безопасности... и если... Выдра сможет узнать его имя!

Волшебные чары все еще крепко связывали их, и Выдре ничего не стоило проникнуть в душу Геллука и попытаться узнать его Истинное имя. Но он не знал, как это делается. Прирожденный Искатель, он не овладел еще всеми тонкостями этого мастерства и не имел достаточно знаний, чтобы действовать правильно. Поэтому он смог прочесть в мыслях Геллука лишь некоторые разрозненные страницы какой-то книги, содержавшей волшебную премудрость, но это не имело для него в данный момент никакого смысла; а еще он увидел в душе Геллука те самые чертоги, которые только что сам описывал Геллуку: огромный дворец с красными стенами, где на алых колоннах мерцают написанные серебром Руны. Однако Выдра не мог прочесть ни слова, не сумел разобрать ни одной Руны. Он ведь никогда не учился читать на Языке Созидания.

А между тем они с Геллуком уходили все дальше от башни, все дальше от Аниеб, и Выдра все слабее ощущал ее присутствие, однако призвать ее к себе не осмеливался.

И всего лишь в нескольких шагах от них было теперь то место, где под землей, на глубине двух-трех футов, просачивалась сквозь рыхлую землю, сквозь слюдяные пласты темная вода и падала в просторную неглубокую пещеру, все стены которой были покрыты зернами киновари.

Геллук был полностью поглощен своими мыслями, своим видением подземного царства, но, поскольку их души все еще были связаны между собой, он сумел увидеть и кое-что из того, что видел Выдра. Он остановился и судорожно стиснул руку юноши, дрожа от возбуждения и готовности немедленно действовать.

Выдра указал на длинный пологий склон, что вздымался перед ними, и твердо сказал:

— Дом твоего царя там. — И столь желанное наконец произошло:

внимание Геллука полностью сосредоточилось на том, что было в глубинах земли, под сводами той пещеры, и волшебник совершенно забыл о существовании Выдры. И тот, конечно же, воспользовался этим и мысленно призвал к себе Аниеб. Она явилась мгновенно и, мгновенно проникнув в его душу, осталась с ним.

Геллук между тем стоял совершенно неподвижно; его трясущиеся руки были стиснуты, а длинное тело так напряжено, что подрагивало, точно у гончей, которая готова броситься по следу, но никак не может его обнаружить. Геллук явно растерялся. Он чувствовал, что это действительно ТО САМОЕ МЕСТО, однако видел перед собой лишь каменистый склон холма, заросший травой и невысоким кустарником, в котором не было даже намека на вход под землю.

Хотя Выдра и не успел еще придумать, что же ему сказать Геллуку, Аниеб снова его опередила, заговорив его голосом — таким же слабым и глуховатым, как и прежде:

— Только Хозяин может открыть дверь этого Дома. Только у правителя есть ключ от нее.

— Ключ от нее? — эхом откликнулся Геллук.

Выдра замер, как изваяние; лицо его оставалось совершенно безучастным — такое же лицо было у Аниеб в тот день на верхнем этаже башни, когда она впервые посмотрела на Выдру.

— Ключ? — удивленно и требовательно повторил Геллук.

— Ну да, ключ. Назови подлинное имя твоего Царя.

Что-то сдвинулось в темноте подземелий. Кто из них двоих шевельнулся? Кто произнес эти слова?

Геллук, напряженный, дрожащий и по-прежнему страшно растерянный, почти шепотом произнес:

— Туррес.

Ветер прошелестел в сухой траве.

И вдруг волшебник не выдержал; он рванулся вперед, глаза его сверкнули безумным огнем, и он вскричал:

— Откройся же именем моего царя, именем всего сущего на земле! Это приказываю тебе я, Тинарал! — И руки его взлетели вверх властным жестом, словно раздвигая тяжелый занавес.

Склон холма перед ними задрожал, покрылся морщинами, и в нем образовался провал, который становился все глубже, все шире. Этаким зев Земли. Вода хлынула из провала и побежала по земле, заливая ноги волшебника.

Он отступил, глянул на воду и яростным взмахом руки, точно

назойливую помеху, убрал ручей, превратив его в подобие крошечного фонтана, струю которого сдувало ветром в сторону. Провал в земле стал еще глубже, внизу уже виднелись сверкающие слюдяные пласты, которые с громким треском расщепились, открывая бездонную пропасть, наполненную тьмой.

Волшебник сделал шаг вперед.

— Я иду к Тебе, — сказал он радостно своим бархатным голосом и смело устремился прямо к этой трещине, к этому жуткому провалу; его руки и голова были окутаны мерцающим белым сиянием. Но подойдя к самому краю и убедившись, что там нет ни лестницы, ни хотя бы пологого склона, волшебник заколебался, и тут Аниеб вскричала голосом Выдры:

— Туда, Тинарал, прыгай туда!

Услышав ее приказ, волшебник хотел было повернуть назад, отчаянно хватаясь руками за воздух, но не смог удержать равновесия и нырнул прямо во тьму. Его алый плащ, подсвеченный магическим сиянием, мелькнул в пропасти, точно падающая звезда, и исчез.

— Закройся! — крикнул Выдра, падая на колени и опираясь руками о рыхлую землю на краю провала. — Закрой свою рану, о Мать-земля! Исцелись! Стань опять целой! — Он умолял, просил, произнося слова Созидания, которых, как ему казалось, никогда не знал, пока не услышал, что произносит их. — О, Мать-земля, стань целой, как прежде! — И земля, точно внемля его мольбам, со стоном свела края раскрытой раны, исцеляя себя и вновь становясь целой.

На склоне холма остался лишь красноватый шрам, просвечивавший сквозь жидкую грязь, мелкие камешки и вытоптанную траву.

Ветер шуршал высохшими листьями низкорослых дубков и кустарников. Солнце уже успело скрыться за холмом; над головой неторопливо собирались низкие серые тучи.

Выдра, скорчившись, лежал у подножия холма. Рядом не было ни души.

Тучи совсем почернели. Пошел сильный дождь, обильно поливая землю и сухую траву. Но где-то высоко в небесах, выше этих дождевых туч, солнце неумолимо спускалось за море по западной лестнице своих светлых небесных чертогов.

Наконец Выдра заставил себя сесть. Он весь промок, совершенно окоченел и... ничего не понимал. Зачем он здесь? Почему он один?

Он что-то потерял и должен был найти. Он не знал, ЧТО именно потеряно, но помнил, что потеряно ОНО в той ужасной башне, в том самом месте, где винтовая лестница круто поднимается на самый верх сквозь дым

и ядовитые испарения. Он должен пойти туда! Он встал и потащился к башне, прихрамывая и пошатываясь, как пьяный.

У него и в мыслях не было прятаться или пытаться как-то защитить себя с помощью иллюзий. К счастью, навстречу ему не попалось никого из стражников; их здесь вообще было немного, и они не особенно себя утруждали, будучи абсолютно уверенными, что заклятия волшебника никого из башни не выпустят. Теперь-то заклятия были сняты, но люди в башне этого не знали и продолжали трудиться, скованные куда более могущественным заклятием: безнадежностью.

Выдра миновал плавильню со сводчатыми стенами, торопливо суетившихся вокруг ямы рабов и стал медленно подниматься по винтовой лестнице, темной и осклизлой, пока не добрался до самого верхнего этажа.

Она была там, несчастная, истерзанная недугом женщина, сумевшая исцелить и освободить его, здорового парня; нищенка, державшая в своих руках бесценное сокровище; незнакомка, ставшая его вторым «я».

Он молча стоял в дверном проеме. Она сидела на каменном полу возле тигеля. Ее хрупкая фигурка казалась серой тенью, сливавшейся с серыми каменными стенами. Ее подбородок и грудь блестели, мокрые от слюны, непрерывно стекавшей у нее изо рта, и Выдра вдруг вспомнил тот ручей, что вырвался из разверзшейся земли на склоне холма.

— Медра, — сказала она и умолкла. Ее губы потрескались настолько, что не способны были внятно выговаривать слова. Он опустился возле нее на колени, взял обе ее руки в свои, заглянул ей в лицо.

— Аниеб, милая, — прошептал он, — пойдем со мной.

— Да, я хочу домой, — сказала она.

Он помог ей встать. Он даже не пытался пользоваться заклятиями, чтобы защитить себя и ее, сделать, скажем, на время невидимыми. Силы его были сейчас полностью исчерпаны. И хотя Аниеб, безусловно, обладала невероятным волшебным могуществом, позволившим ей постоянно быть с ним рядом во время того странного похода в долину, когда он обманом заставил Геллука назвать свое Истинное имя, никакими магическими знаниями она не владела, не знала ни одного заклятия, да и сил у нее совсем не осталось.

И тем не менее, пока они спускались по лестнице, никто даже внимания на них не обратил, словно их скрывали ото всех некие защитные чары. Они вышли из башни, миновали жилые постройки и двинулись прочь от шахт Самори сквозь небольшую рощу к тем холмам, что скрывали гору Онн от обитателей низин.

Аниеб шла куда быстрее, чем можно было бы ожидать от женщины, столь истощенной и измученной болезнью. К тому же она прямо-таки посинела от холода, ибо была почти обнажена, а погода была промозглой, накрапывал дождь. Казалось, вся воля Аниеб сосредоточена на одном: идти, как можно быстрее двигаться вперед, все дальше и дальше от этих мест; больше она не думала ни о чем — ни о Выдре, ни о чем-то ином. Но физически она была рядом с ним, и он ощущал ее присутствие столь же остро и странно, как и когда она явилась на его мысленный призыв. Капли дождя стекали по ее обнаженному телу, и он буквально заставил ее остановиться и надеть его рубашку. Ему было немного стыдно предлагать ей эту рубашку, грязную и пропахшую потом, ведь он носил ее все эти долгие недели и месяцы, но она безропотно позволила ему надеть на нее эти лохмотья и тут же пошла дальше. Особенно быстро она, конечно, идти не могла, но шла упрямо, не останавливаясь, не сводя глаз с едва видимых следов телеги на дороге, по которой они шли, пока — слишком рано из-за дождливой погоды — не спустилась ночь, и они не могли уже больше видеть дорогу перед собой.

— Зажги огонек, — сказала она. Голос у нее был жалобный, тоненький. — Сможешь?

— Не знаю, — откликнулся он, но все же попытался, и через некоторое время земля у них под ногами осветилась слабым мерцанием волшебного огня.

— Нам бы лучше где-нибудь укрыться и отдохнуть, — сказал он.

— Я не могу останавливаться, — сказала она и снова пошла.

— Но не можешь же ты идти всю ночь!

— Если я лягу, то уж не встану. А я так хочу снова увидеть Гору!

Ее тоненький голосок совершенно заглушал многоголосый шум дождя, изливавшегося на холмы и безжалостно хлеставшего по голым ветвям деревьев.

Они продолжали идти сквозь ночь, видя перед собой в слабом мерцании серебристого волшебного огонька только размытую дождем колею. Когда Аниеб споткнулась, Выдра подхватил ее, взял за руку, и они пошли бок о бок, прижавшись друг к другу — так было теплее и спокойнее обоим. Правда, теперь они шли гораздо медленнее, но все же шли. Вокруг не было слышно ничего, кроме шума дождя, падавшего с черных небес, да чавканья их насквозь промокших башмаков.

— Смотри, — сказала Аниеб, неожиданно останавливаясь, — смотри, Медра, смотри!

Он встrepенулcя, хотя давно уже переставлял ноги совершенно

машинально и почти спал на ходу. Бледный свет его волшебного огонька померк, словно утонул в некоем мощном, широко разливавшемся сиянии. Небо и земля в этом сиянии казались одинаково серыми, но впереди, в вышине, почти в небесах, над легкой грядой облаков светилась красным зубчатая вершина огромной горы.

— Вот она! — воскликнула Аниеб, указывая на эту вершину, и улыбнулась. А потом медленно и тяжело сползла на землю и встала на колени. Он тоже опустился на колени возле нее, пытаясь поддержать, но она выскользнула из его рук и легла прямо в грязь. Он успел лишь подложить руки ей под голову, чтобы она не захлебнулась в луже. Руки и ноги Аниеб сводило судорогой, зубы стучали. Он крепко прижимал ее к себе, пытаясь согреть.

— Там женщины... — шептала она. — Женщины Руки. Спроси о них. В деревне. Но я все-таки видела Гору!..

Она попыталась снова сесть, но судороги не прекращались, лишая ее последних сил. Она начала задыхаться. В красноватом свете, что изливался теперь с вершины горы, окрашивая весь восточный край неба, он увидел, что на губах Аниеб показалась розовая пена, а потом из уголка ее рта потекла струйка крови. Она еще пыталась прильнуть к его груди в последнем усилии, но больше не сказала ни слова и молча сражалась со смертью, сражалась до последнего вздоха, а красный свет постепенно мерк и вскоре погас, сменившись серым: тучи вновь затянули небо, скрыв от них и вершину горы, и восход солнца. Было уже позднее утро, дождь лил вовсю, когда Аниеб в последний раз судорожно вздохнула и больше уж не дышала.

А молодой мужчина по имени Медра сидел в грязи, нежно прижимая к себе мертвую женщину по имени Аниеб, и плакал.

Какой-то человек, что вел под уздцы мула, впряженного в тяжелый воз с дубовыми дровами, набрел на них и помог добраться до ближайшей деревни, которая называлась Лесная Опушка. Но вынуть из рук молодого мужчины мертвую женщину он так и не сумел. Юноша был очень слаб и весь дрожал, однако ни за что не отдавал своей печальной ноши, пока хозяин повозки не разрешил ему сесть на краешек телеги. Он и тогда не выпустил Аниеб из рук. И весь долгий путь до деревни Выдра прижимал ее к груди. Он лишь сказал вознице: «Она меня спасла». И возница не стал приставать к нему с вопросами.

— Она меня спасла, а я ее спасти не сумел! — яростно воскликнул он и перед жителями горной деревни, собравшимися вокруг него. Он по-прежнему не выпускал мертвую девушку из рук, словно надеялся хотя бы

так защитить ее.

Понемножку им все же удалось убедить его, что одна из здешних женщин — это мать Аниеб, и он должен теперь отдать Аниеб матери. Только тогда он наконец решился опустить мертвую на землю, но ревниво следил, чтобы с нею обращались почтительно и нежно, то и дело порываясь опять защищать ее. Потом — видно, силы его совсем иссякли — он довольно покорно последовал за какой-то женщиной, покорно надел предложенную ему сухую одежду и немного поел. А потом послушно подошел к соломенному тюфяку, с ее помощью лег на него и долго плакал от горя и усталости, пока не уснул.

Через день-два в деревню явились люди, посланные Лики, и стали спрашивать, не слышал ли кто-нибудь о двух бесследно исчезнувших людях — великом волшебнике Геллуке и сопровождавшем его молодом Искателе. Перепуганные охранники говорили, что этих двоих, должно быть, поглотила сама земля. Но никто в деревушке ни слова не сказал им ни о незнакомце, спрятанном у старой Мид в чулане для яблок, ни об умершей девушке. И стражники, посланные Лики, убрались ни с чем. Возможно, поэтому тамошние жители теперь называют свою деревню не Лесная Опушка, как прежде, а Убежище Выдры.

Испытание, выпавшее на долю Выдры, оказалось для него чрезвычайно тяжким, ибо ему пришлось противостоять великой магической силе и мастерству настоящего волшебника. Впрочем, физические силы вскоре стали возвращаться к нему, ибо он был молод и силен, а вот душа его и разум выздоравливали гораздо медленнее. Он чувствовал, что утратил нечто очень важное, едва успев это найти, и утратил его навсегда.

Он искал Аниеб всюду — среди своих воспоминаний, среди теней былого, что снова и снова сгущались в его израненной душе: разгром его родного дома в Хавноре; каменная темница без окон, Легавый, подвал неподалеку от плавильни и паутина страшных связующих заклятий; «прогулки» с Лики и «задушевные» беседы с Геллуком; рабы, огонь плавильни, витки каменной лестницы, ведущей сквозь ядовитые испарения и дым в самое верхнее помещение башни... Ему необходимо было вспомнить все это, снова пройти этим путем, осуществляя свой поиск. Снова и снова он видел, как стоит в той самой верхней комнате башни и смотрит на женщину, пытаясь понять ее брошенный украдкой мимолетный взгляд. Снова и снова он мысленно проходил по той узкой долине,

покрытой сухой травой, — проходил вместе с нею, — стремясь к вожделенной цели волшебника Геллука. Снова и снова видел он, как Геллук падает в пропасть, как смыкаются разверзшиеся края подземной пещеры. Он видел светившуюся красным вершину горы и лицо Аниеб, ее истерзанное лицо, которым она так доверчиво прижималась к его плечу, пока не умерла. А он все пытался говорить с ней, все спрашивал, кто она и как им удалось все это сделать, а она не отвечала... Не могла ответить.

Ее мать, Айо, и сестра ее матери, Мид, были мудрыми женщинами. Они лечили Выдру, как умели: теплыми масляными притираниями и массажем, травами и целительными песнями. Они охотно разговаривали с ним и всегда внимательно слушали, когда он что-то им рассказывал. Обе даже не сомневались, что юноша обладает огромной магической силой. Он же упорно отрицал это.

— Я бы ничего не смог сделать без твоей дочери, — говорил он Айо.

— А что сделала она? — мягко спрашивала Айо.

И он снова и снова рассказывал — как умел:

— Мы с ней даже знакомы не были. И все-таки она сразу назвала мне свое Истинное имя. А я ей — свое. — От воспоминаний о пережитом у Выдры часто перехватывало горло, и он надолго умолкал. — Это ведь меня все время заставляли ходить вместе с волшебником, ибо я был связан его чарами, но она по собственной воле стала ходить со мной, хотя она-то была свободна! Только вместе мы сумели направить силу Геллука против него самого, и он уничтожил себя. — Выдра надолго задумался и прибавил: — Это она отдавала мне свою силу!

— Мы всегда знали, что Аниеб — очень способная девочка, — сказала Айо и тоже надолго замолчала. — Но кто взялся бы учить ее? На горе ведь совсем не осталось учителей. Волшебники правителя Лозена стремятся извести всех колдунов и ведьм в округе. Вот и не осталось никого, к кому можно было бы обратиться.

— Как-то раз я поднялась высоко в горы, — вставила молчавшая Мид, — и меня там застигла весенняя пурга. Я совершенно сбилась с пути, так наша девочка явилась туда ко мне — не в обычном своем обличе, разумеется, — и вывела меня на тропу. А ведь ей тогда было всего двенадцать!

— Иногда она встречалась с мертвыми, — об этом Айо говорила почти шепотом. — Там, в лесной низине, недалеко от леса Фалиерн. Она хорошо понимала, что такое Древние Силы Земли, о которых мне еще моя бабушка рассказывала. Она говорила, что в той низине они особенно сильны.

— А вообще-то она была такой же девочкой, как и все остальные, —

сказала Мид и закрыла лицо руками. — И очень хорошей девочкой!

Некоторое время все молчали, потом снова заговорила Айо:

— Она с другими деревенскими ребятишками спускалась до самого Фирна. Они там шерсть у пастухов покупали. А год назад, прошлой весной, туда явился этот проклятый волшебник, о котором мы уже были наслышаны, и с помощью своих заклятий стал забирать людей в рабство...

И теперь обе женщины замолчали уже надолго.

Айо и Мид были очень похожи, и Выдра видел, какой могла бы стать Аниеб в зрелые годы: маленькой, изящной, легкой на подъем женщиной с округлым лицом, ясными глазами и массой густых темных волос, не прямых, как у большей части жителей Земноморья, а вьющихся, даже курчавых. Здесь, в западной части острова Хавнор, довольно часто встречались такие курчавые волосы.

Но когда он впервые увидел Аниеб, она была совершенно лысой: все ее роскошные густые волосы «съела» проклятая башня, как и у остальных работавших там рабов.

Ее здешнее прозвище было Голубой Ирис, прелестный цветок, что расцветает весной. И мать с теткой тоже так ее называли.

— Кем бы я ни был, я никогда не смогу расплатиться за эту утрату; никакого волшебного могущества не хватит, чтобы исправить совершенное зло! — с горечью говорил Выдра.

— Это верно, — печально кивала Мид. — Да и что может любой человек сделать в одиночку?

Она подняла большой палец, потом расправила все остальные и сжала их в кулак, а потом медленно перевернула руку и раскрыла ее ладонью вверх, словно что-то предлагая. Выдра вспомнил, что Аниеб перед смертью сделала точно такой же жест. Значит, это не часть заклятия, размышлял он про себя, внимательно наблюдая за Мид; это всего лишь какой-то символ! И он заметил, что Айо буквально не сводит с него глаз.

— Это наша тайна, — сказала она в ответ на его вопросительный взгляд.

— Могу я узнать ее? — неуверенно спросил он, помолчав.

— Ты уже ее знаешь. Вы с Голубым Ирисом отдали ее друг другу. Это доверие, мальчик.

— Доверие? — растерялся Выдра. — Да, конечно... Но против них?.. Ну хорошо, Геллука больше нет. Может быть, теперь падет и Лозен. Но ведь этого мало, это, в сущности, ничего не изменит! Рабы не обретут свободу. Нищие не наедятся досыта. Справедливость не сможет восторжествовать, пока в мире правит зло. А мне кажется, это зло сидит во

всех нас, в каждом из людей. Ну а доверие... доверие как бы перекидывает мостик над этой пропастью зла. Но пропасть-то все равно существует! И все, что мы ни делаем, в итоге служит злу, ибо в нас самих живет зло — алчность, жестокость, ненависть... Я смотрю на мир вокруг, на эти леса и горы, на эти небеса, и все это прекрасно, все это таково, каким и должно быть. Но с нами, людьми, что-то не так! Мы живем не по правилам. Ни один зверь не нарушает правил своей жизни. Да звери и не могут их нарушить. А мы можем и нарушаем. И никогда этому не будет конца!

Они слушали его, не соглашаясь, но и не противореча — просто принимая его отчаяние. И его слова падали в их внимательное молчание и оставались там порой на несколько дней, словно пуская корни, а потом возвращались к нему — измененными.

— Мы ничего не можем друг без друга, — говорил Выдра. — Но спланиваются почему-то самые алчные и жестокие, тем самым укрепляя силы друг друга. А те, что не желают присоединяться к их страшному союзу, пытаются выстоять в одиночку... — Образ Аниеб — такой, какой он впервые увидел ее на верхнем этаже башни, когда она, несчастная, умирающая женщина, стояла в одиночестве посреди той пустой комнаты, отравленной парами ртути, — не покидал его ни на минуту. — Истинное могущество растрачивается попусту! Каждый маг и волшебник использует свои умения и свое искусство только для борьбы с другими волшебниками, служа пораженным алчностью властителям или же просто защищая самого себя. Разве может в таких обстоятельствах добро победить зло? Все идет неправильно, все обесценено, точно жизнь раба, каждый из которых влачит свои оковы в одиночку. Но в одиночку никто не может быть свободен! Даже настоящий маг. Ведь, по сути дела, все они плетут свои заклятия в темнице, в позлащенной клетке, во имя пустой забавы или черной корысти, не получая в итоге никакой награды, ибо использовать свои волшебные силы во имя добра им уже не дано.

Айю, не сказав ему в ответ ни слова, сжала пальцы в кулак и раскрыла руку ладонью вверх — мимолетный жест, некий таинственный знак...

Через несколько дней в деревню из долины поднялся какой-то человек, сказавший, что он угольщик из Фирна, и попросивший проводить его к дому Айю.

— Моя жена Нести велела мне кое-что передать здешним мудрым женщинам, — сказал он, и жители деревни тут же отвели его куда он просил. Едва ступив на порог, он поспешно сделал уже знакомый Выдре жест — сжал пальцы в кулак и быстро перевернул руку раскрытой ладонью кверху. — Нести велела передать вам, что вороны что-то стали летать с

самого раннего утра и что легавый пес охотится на выдру. — И гость внимательно посмотрел на обеих женщин.

Выдра, сидевший у огня и лущивший орехи, так и застыл. Мид поблагодарила гонца и предложила ему скромное угощение — кружку воды и горсть очищенных орехов. Потом сестры немного поболтали с угольщиком, расспросили, как поживает его жена, и он вскоре ушел, а Мид повернулась к Выдре.

— Легавый — это слуга Лозена, — сказал он. — Я сегодня же ухожу.

Мид вопросительно посмотрела на сестру.

— В таком случае пора тебе кое-что узнать, — сказала она, усаживаясь напротив него у очага. День был сырой, холодный, а дрова были в этой горной деревне тем единственным, чего здесь всегда хватало.

— В наших местах, а может, и не только здесь, немало таких, кто думает в точности, как и ты: никто не может быть мудрым и сильным в одиночку. И те, кто так думает, стараются держаться вместе. И именно поэтому нас и называют «Союзом Руки», или «Женщинами Руки», или просто «мудрыми женщинами», хотя среди нас не только женщины. Но это даже удобнее, что нас так называют, потому что здешним правителям, их слугам и их солдатам даже в голову не приходит, что женщины способны на что-то серьезное, и им даже могут приходить в голову мысли о том, что нашей страной правят неправильно, что порядок в ней установлен несправедливый. И уж, конечно, никто из них не верит, что какие-то деревенские старухи могут обладать хоть какой-то силой, магической и не только магической.

— Говорят, — подхватила Айо, сидевшая в темном уголке, — что есть в Земноморье такой остров, где неизменно осуществляется правый суд и торжествует справедливость, как то было при настоящих королях. Этот остров называют островом Морреда. Но это не Энлад, где жили короли, и не остров Эа, что расположен к северу от Хавнора. Этот остров, по слухам, находится на юге, и там, насколько нам известно, женщины из «Союза Руки», издавна владеющие древними магическими искусствами, обучают этим искусствам других, а не хранят свои знания в тайне друг от друга, как это делают здешние волшебники.

— Возможно, благодаря их урокам ты и сам смог бы в итоге преподать урок здешним волшебникам, — вставила Мид.

— Хорошо бы тебе удалось отыскать этот остров! — промолвила Айо.

Выдра переводил взгляд с одной женщины на другую. Они явно только что поведали ему самую главную свою тайну и теперь смотрели на него с откровенной надеждой.

— Остров Морреда... — пробормотал он.

— Ну, это только «Женщины Руки» так его называют, чтобы скрыть его истинное название от волшебников и пиратов. Без сомнения, остров этот носит совсем другое название.

— Он, должно быть, очень далеко отсюда, — промолвила Мид.

Для обеих сестер и для всех жителей деревни гора Онн была целым миром, а уж берега острова Хавнор означали, видимо, пределы Вселенной. И все, что лежало за этими пределами, принадлежало к миру слухов и снов.

— Говорят, что если идти на юг, то выйдешь к морю, — мечтательно сказала Айо.

— Он это знает, сестра, — успокоила ее Мид. — Он ведь рассказывал нам, что был плотником в порту и строил корабли. Но это действительно так ужасно далеко! Да к тому же этот Легавый висит у тебя на хвосте... Как же ты туда пойдешь?

— По воде, которая так милостива к некоторым и к тому же не передает запахи всяким легавым псам, — ответил Выдра, вставая. Ореховая скорлупа так и посыпалась на пол у него с колен, и он аккуратно замел ее веником в очаг. — Ну что ж, мне, пожалуй, пора.

— Погоди, у нас есть немного хлеба, — сказала Айо, и Мид поспешно стала укладывать в дорожный мешок черствый хлеб, жесткий овечий сыр и орехи. Они действительно были очень бедны, эти женщины, но готовы были отдать ему все, что имели. Как Аниеб тогда.

— Моя мать родом из Эндлейна, что неподалеку от леса Фалиерн, — сказал Выдра. — Знаете этот городок? Ее зовут Роза, дочь Рована.

— Летом наши мужчины со своими возами спускаются порой до самого Эндлейна.

— Если кто-нибудь передаст весточку обо мне любому из ее тамошней родни, то и она непременно вскоре все узнает. Ее брат всегда раз или два в год в столицу заглядывает.

Сестры дружно закивали.

— Просто чтобы она знала, что я жив, — прибавил Выдра.

Мать Аниеб кивнула:

— Ей непременно передадут.

— А теперь поспеши, сынок, — сказала Мид.

— Да скроет твой след вода! — сказала Айо.

Они обнялись на прощанье, и Выдра ушел.

Он сбежал вниз от стоявших кучно домишек прямо к быстрому шумливому ручью, пение которого слышал сквозь сон все те ночи, что провел в деревне. На берегу ручья он преклонил колена и попросил:

«Возьми меня с собой, пожалуйста, спаси меня!» — а потом произнес то единственное заклятие Истинного Превращения, которому когда-то давно научил его старый колдун по прозвищу Метаморфоз. И не стало человека, стоявшего на коленях у говорливого ручья, но шустрая выдра быстро скользнула в воду и исчезла.

III. Крачка

Жил да был человек у нас на холме,
И уж очень он был себе на уме:
Он обличья менял, имена он менял,
Только Имени он никому не назвал!
Так вдаль бежит вода, вода,
Так вдаль бежит вода.

Однажды зимой, еще засветло, на песчаном берегу реки Онневы, где она широкой дельтой впадает в северную часть просторной гавани порта Хавнор, стоял бедно одетый человек в рваных башмаках; и был тот человек худой, смуглый и темноглазый и с такими красивыми и густыми волосами, что дождь, не успевая их намочить, скатывался по ним, точно по шерсти выдры. А надо сказать, что в тот день на низменных берегах Онневы не переставая шел дождь, мелкий, холодный, противный — даже не дождь, а густая изморось, свойственная этому времени года. Одежда человека, видно, промокла насквозь, и он, понуриив плечи, наконец повернулся и пошел в ту сторону, где виднелся дымок над каминной трубой. Странно, но на мокром песке за ним остались следы четырех лапок выдры, словно именно здесь вылезшей из воды, а дальше следы эти неожиданно сменились обычными человеческими.

Куда Выдра отправился после того, в старинных песнях не говорится. Там говорится лишь, что «скитался долго он по островам». Если он сперва двинулся просто по берегу Великого острова, то во многих тамошних деревнях легко можно было отыскать в те времена ведьму, знахарку или колдуна, которые знали тайный знак Руки и непременно помогли бы ему; но вряд ли он поступил именно так, зная, что по его следу идет Легавый, так что он скорее всего покинул остров Хавнор, поспешив наняться матросом на какое-нибудь рыбацье судно с перешейка или же на торговый корабль с островов Внутреннего моря.

На острове Арк и на острове Хоск, в городе Оррими, а также на всех Девяноста Островах существуют легенды о человеке, который явился туда в поисках такой страны, где люди помнят о справедливости настоящих королей и о высокой чести волшебников; он называл эту неведомую страну островом Морреда. Нет также достоверных сведений о том, был ли именно Медра главным героем всех этих историй, поскольку он скитался под самыми различными именами и крайне редко называл себя Выдрой. А может, и вообще отказался от этого имени. Гибель волшебника Геллука отнюдь не привела к свержению Лозена, ибо у этого правителя-пирата было в услужении немало и других волшебников, которым он щедро платил. И одному из них по имени Эрли очень хотелось отыскать того молодого негодяя, который сумел победить такого мастера, как Геллук. И, надо сказать, что у Эрли были все возможности, чтобы выследить Выдру, ибо власть Лозена, которому Эрли служил, распространялась не только на остров Хавнор, но и на всю северную часть Внутреннего моря, да Легавый по-прежнему держал нос по ветру.

Возможно, именно для того, чтобы сбить со своего следа Легавого, Медра и отправился на остров Пендор, который находится довольно далеко от Хавнора, у самых западных границ Внутреннего моря. А может быть, какие-то слухи, ходившие среди «женщин Руки» с острова Хоск, вызвали в нем желание отправиться туда. Пендор некогда был богатым островом, пока дракон Йевод не сжег его практически дотла. Но что там ни говори, а куда бы Медра ни направился, он видел лишь, что положение дел всюду такое же, как на Хавноре, или еще хуже. Всюду в Земноморье люди вели бесконечные грабительские войны, совершали пиратские набеги, поля зарастали сорняками, а в городах кишело ворье. Может быть, думал Медра, именно далекий Пендор и есть тот самый «остров Морреда», ибо столица острова была прекрасна, жизнь здесь шла мирно, а население процветало. Во всяком случае, так ему казалось сперва.

На Пендоре он познакомился с одним старым магом по имени Хайдрейк, Истинное имя которого теперь уже никому не известно. Когда этот старик услышал историю об «острове Морреда», то улыбнулся печально и покачал головой.

— Это не здесь, — сказал он твердо. — Правители острова Пендор — хорошие люди. Они помнят Великих Королей Земноморья и их заветы. Они не стремятся к войне или грабежам. Плохо одно: они посылают своих сыновей на запад охотиться на драконов. Ради развлечения. Как будто драконы с островов Западного Предела — это обычная дичь, какие-нибудь утки или гуси! И, конечно же, ничем хорошим это кончиться не может.

Впрочем, Хайдрейк с удовольствием взял Медру в ученики.

— Моим Учителем был один маг, — сказал он юноше, — который передал мне свои знания совершенно бесплатно, и я готов был поступить так же, но так и не сумел найти подходящего ученика, так что я очень рад твоему появлению. Ко мне ведь приходит немало молодых людей, и все они говорят примерно одинаково: «А что хорошего в твоих знаниях? Ты золото отыскать можешь? А можешь ты научить нас превращать простые камни в алмазы? Или так заколдовать меч, чтобы им можно было убить дракона? Нет, твои разговоры о Великом Равновесии нам совершенно не интересны! И никакого проку в них нет!» Никакого проку! — И старик еще долго ворчал по поводу глупости молодых и того зла, что так распространилось по Земноморью в последнее время.

Знаниями своими Хайдрейк делился очень щедро, однако был весьма требовательным учителем. Впервые Медра начинал понимать магию не как набор неких талантов и загадочных действий, но как великое искусство и мастерство, которые можно познать, как познают любую профессию благодаря старательным занятиям и долгой практике. Но он чувствовал, что даже и после многолетней и успешной практики искусство это не утратит своей необычности и таинственности. На самом деле в своих умениях Хайдрейк не столь уж сильно превзошел своего ученика, однако же старик ясно сознавал и весьма разумно разъяснял Медре куда более важную вещь — идею о целостности магических знаний. Собственно, именно это и делало его настоящим магом.

Слушая его, Медра часто вспоминал о том, как они с Аниеб шли в кромешной темноте под дождем при свете всего лишь слабенького волшебного огонька, который, однако, способен был все же показать им, куда ступить в следующий раз, хотя и освещал путь всего лишь на шаг вперед, и как вдали, в вышине вдруг показалась красная в лучах зари вершина горы, и как они вместе смотрели на нее...

— Все заклинания на свете связаны между собой, и каждое из них зависит от всех предыдущих, — говорил Хайдрейк. — Как если бы движение одного-единственного листка на одном-единственном дереве заставляло шевелиться и все остальные листья на всех остальных деревьях повсюду в Земноморье! Таков Истинный Путь. Именно этим путем должен следовать ты, пытаясь решить свою задачу, и именно за соблюдением правил этого пути ты должен следить во время своих поисков. Сейчас все в нашем мире идет неправильно, но и в этом проявляется целостность Истинного Пути, ибо каждая отдельная беда является частью общей большой беды. И только в устранении всей беды в целом могут

заключаться истинное исцеление нашего мира и наша истинная свобода.

Медра прожил на Пендоре, учась у Хайдрейка, целых три года, а когда старый маг умер, правитель Пендора попросил Медру занять его место. Несмотря на то что Хайдрейк вечно ворчал да и открыто обвинял тех, кто отправляется охотиться на драконов, все на острове любили его и почитали, и то, что Медре предложено было стать его преемником, было для молодого человека весьма лестно. Возможно, соблазненный мыслью о том, что он уже приблизился к «острову Морреда» настолько, насколько это вообще возможно, Медра действительно принял предложение правителя Пендора и еще некоторое время прожил на этом острове. Он не раз плавал вместе с молодым правителем на его корабле далеко к Западному Пределу в поисках драконов, ибо втайне всегда мечтал увидеть живого дракона. Однако не ко времени рано начинавшиеся шторма и вообще сильно испортившаяся повсюду в Земноморье погода три раза служили причиной того, что их корабль возвращался к острову Ингат, и плыть дальше на запад не было никакой возможности, так высоки и опасны были волны, хотя Медра и успел многому научиться в искусстве управления погодой с тех пор, как покинул порт Хавнор.

А после Пендора Медра, как известно, вновь направился к югу и скорее всего достиг острова Энсмер. Потом он, согласно большей части версий, попал на остров Гит, входящий в число Девяноста Островов.

Жители Гита, как и теперь, были в основном китобоями. Однако Медре это занятие было совершенно не по вкусу. Здешние суда да и весь остров буквально провоняли китовым жиром. И как ни противно было Медре ступать на борт рабовладельческого судна, но это был единственный корабль, отправлявшийся с грузом китового жира в порт О, а Медре очень хотелось попасть в Закрытое море, ибо он не раз слышал всякие разговоры о расположенных к югу и востоку от острова О малоизвестных островах, не имеющих никаких торговых связей с островами Внутреннего моря. Возможно, там и находится то, что он ищет? И он поступил обыкновенным заклинателем ветров на отправлявшуюся к острову О галеру, где на веслах сидели четыре десятка рабов.

Погода наконец-то установилась вполне хорошая: дул попутный ветер, по ясному небу проплывали белые облачка, светило нежаркое еще солнце поздней весны. До вечера они прошли немалый отрезок пути, и Медра случайно услышал, как шкипер говорит рулевому: «Ночью все время правь на юг, чтобы пройти подальше от Рока».

Медра никогда не слышал об этом острове и спросил:

— А что там такое? Чем грозит нам этот остров?

— Там смерть и разорение, — грустно сказал шкипер, коротышка с маленькими умными глазками, чем-то похожими на глаза кита.

— Там идет война?

— Была и война. Давно только. Там... сущая чума, на острове этом! Там господствует черная магия. И все воды вокруг него прокляты.

— Черви! — вставил рулевой, брат шкипера, и пояснил: — Коли поймаешь рыбу неподалеку от Рока, так она непременно вся червивая окажется; и черви в ней прямо-таки кишат, точно вдохлой собаке.

— А люди там еще живут? — спросил Медра.

И шкипер сказал:

— Одни ведьмы.

А его брат прибавил:

— Пожирательницы червей.

В Архипелаг входило немало островов, ставших бесплодными и заброшенными в результате злобной борьбы волшебников друг с другом, их ненависти и бездумно наложенных заклятий. Эти места были поистине заражены злом, и было опасно не только высаживаться на берега таких островов, но и проплывать мимо них, так что Медра прекратил свои расспросы и больше не вспоминал об острове Рок, пока не наступила ночь.

Ночевал он на палубе, под звездным небом, и увидел удивительный и чрезвычайно живой сон: он видел, как в ясный день по синему небу мчатся облака, а у самого горизонта над морем виднеется залитая солнцем округлая вершина высокого зеленого холма. Медра проснулся, но сон тот оставался в памяти, и он понял, что когда-то, лет десять назад, видел тот же сон, и это было в темнице с кирпичными стенами на шахтах Самори, когда он ночами лежал без движения, скованный магическими чарами Геллука.

Медра сел и огляделся. Темное море было таким спокойным, что даже звезды были видны совершенно отчетливо то с одной, то с другой стороны слабо вздувавшихся волн. Весельные галеры редко отходили далеко от берега и по ночам тоже плавали редко, вставая на якорь в любой подходящей бухте или гавани; но на данном отрезке пути ни одной подходящей бухты не было, и, поскольку погода установилась на редкость благоприятная, они поставили мачту, укрепили большой квадратный парус, и корабль неторопливо поплыл дальше, а рабы, сидевшие на веслах, так и уснули на своих скамьях. Моряки, свободные от вахты, тоже спали; бодрствовали только рулевой и впередсмотрящий, хотя и последний тоже подремывал. Вода шептала что-то, касаясь бортов галеры, слабо поскрипывал такелаж, позвякивали цепи рабов...

«В такую тихую ночь никакой заклинатель ветров не нужен, да они,

собственно, и не заплатили мне пока ничего», — уговаривал себя Медра. В голове у него вертелось название острова: Рок. Странно, почему он никогда не слышал об этом острове, никогда не замечал его на карте? Возможно, этот остров проклят и все избегают его, но разве из-за этого его не должно быть на картах?

«Я бы мог слетать туда, скажем, в обличье крачки и успел бы вернуться на корабль еще до рассвета, — лениво размышлял он. Ему все еще очень хотелось попасть в порт О. — В общем-то, — продолжал уговаривать он себя, — все разрушенные магами земли похожи одна на другую, так что нет никакой необходимости куда-то лететь, что-то обследовать, спешить обратно на корабль...» Медра устроился поудобнее на сложенной бухте каната и стал смотреть на звезды. На западе низко над горизонтом висели четыре яркие звезды созвездия Горн; из-за повисшей над морем дымки ему казалось, что звезды по очереди подмигивают ему.

Вдруг море слабо вздохнуло, и словно легкая дрожь пробежала по округлым куполам волн.

— Эй, шкипер, — крикнул Медра, вскочив на ноги, — просыпайся!

— Ну что такое? — Шкипер был явно недоволен, что его разбудили.

— К нам приближается какой-то волшебный ветер. Мало того, он намерен преследовать нас. Прикажи спустить парус.

Шкипер ошалело посмотрел на него. Пока что не чувствовалось ни малейшего ветерка, огромный парус висел, как тряпка. Однако звезды на западе померкли, точно поглощенные некоей молчаливой чернотой, что медленно всползала все выше и выше из-за западного края моря. Шкипер, заметив это, спросил неуверенно:

— Так ты считаешь, это волшебный ветер?

Те, кого на островах в те времена называли «ловкачами», часто использовали погоду как свое оружие; они также способны были наслать какую-нибудь страшную болезнь на поля врага, и урожай погибал прямо на корню; они могли вызвать, скажем, внезапный шторм, чтобы в одну минуту потопить корабли противника, или страшную песчаную бурю, которая, обрушившись на землю далеко от тех мест, откуда была послана, вызывала смертельный ужас у земледельцев.

— Прикажи спустить парус! — повелительным тоном повторил Медра. Шкипер зевнул, выругался и принялся громко отдавать команды. Матросы, с трудом стряхивая с себя сон, стали медленно спускать бессильно повисший парус, а начальник гребцов, тоже получивший соответствующий приказ от шкипера и кое-что выяснив у Медры, принялся будить рабов, нанося направо и налево удары своей плеткой. Парус был

уже наполовину спущен, весла наполовину вставлены в уключины, Медра успел произнести половину нужного заклинания, когда волшебный ветер нанес свой первый удар.

Этот удар сопровождался одним-единственным оглушительным раскатом грома, и из нависшей над ними абсолютной черноты потоками хлынул ливень. Корабль встал на дыбы, точно испугавшаяся лошадь, а потом так сильно и резко накренился, что мачта сразу надломилась у самого своего основания, хотя канаты все еще удерживали ее. Парус коснулся воды, тут же намок и своей тяжестью перевернул галеру на правый борт. Огромные весла выскочили из уключин, прикованные цепями рабы забились и закричали на своих скамьях, бочки с китовым жиром вылетели из своих креплений и с грохотом покатались по палубе; жир разлился — так судно еще некоторое время смогло продержаться на поверхности воды, причем палуба была расположена под прямым углом к ней, — а потом невесть откуда взявшаяся высоченная штормовая волна ударила в судно и мгновенно поглотила его. И сразу же наступила полная тишина. Лишь ревела, уже стихая, буря, да стучали по воде дождевые капли. Злой магический ветер улетал все дальше на восток, и на этом ветру с черной поверхности воды взлетела лишь одна белая морская птица, которая отчаянно захлопала крыльями и помчалась куда-то к северу.

На узкой песчаной полоске прямо под прибрежными гранитными утесами в первых лучах рассвета отчетливо были видны отпечатки лап севшей здесь морской птицы крачки. Следы эти уходили от воды, сменяясь человеческими; человек довольно долго шел вдоль моря по песку, порой почти прижимаясь к гранитным утесам, а потом следы его исчезли.

Медра знал об опасности слишком частых Превращений и длительного использования при этом одного и того же обличья, однако он был настолько потрясен стремительной гибелью судна, настолько утомлен далеким перелетом, а лететь ему пришлось до самого рассвета, что у него совершенно не было сил взбираться на эти неприветливые утесы, громоздившиеся над узкой полоской серого песка. Так что он снова произнес слова заклинания, и морская крачка, взмахнув своими сильными крыльями, взлетела прямо к вершинам этих неприступных утесов. А потом, охваченный красотой зари, которая точно прибавила ему сил, Медра полетел дальше над обширной равниной, еще затянутой сумеречной рассветной пеленой. И вскоре увидел далеко впереди округлую вершину высокого зеленого холма, освещенного первыми солнечными лучами.

И он устремился к этому холму, и приземлился на его вершине, и

стоило ему коснуться земли, как он снова стал человеком.

Некоторое время он постоял там в полной растерянности, точно оглушенный. Ему казалось — он был практически в этом уверен! — что его истинное обличье вернулось к нему отнюдь не по его, Медры, воле, а только потому, что он коснулся этой земли, этого холма. Здесь правила великая магическая сила, куда более могущественная, чем его собственная.

Он огляделся — осторожно, но с огромным любопытством. По всему холму желтыми звездочками, точно искорки в зеленой траве, были рассыпаны мелкие цветы. Дети на Хавноре хорошо знали эти цветочки и называли их «искорками»; согласно древним легендам, считалось, что это искры от сожженного Повелителем Огня острова Илиен, стертого с лица земли после того, как Эррет-Акбе одержал над ним победу в бою. Бесчисленные героические песни и сказания вспомнились вдруг Медре, пока он стоял на вершине этого зеленого холма: перед его мысленным взором проходили многочисленные герои древности — Эррет-Акбе, Королева Орлов, Геру, Акамбар, изгнавший воинственных каргов далеко на восток, и Сепьяадх-миролюбец, и прекрасная Эльфарран с острова Солеа, и Морред, Белый Волшебник и Возлюбленный Король... Смелые, мужественные, мудрые, эти великие люди проходили перед ним, словно он призвал их магическим заклятием, хотя он не произнес ни слова. Он видел их совсем рядом, видел отчетливо. Они стояли среди высоких трав и золотистых цветов, похожих на искры костра и качавших своими головками на свежем утреннем ветру.

А потом все они вдруг исчезли, и Медра остался на холме один, потрясенный и недоумевающий. «Я только что видел всех великих королей и королев Земноморья, — думал он, — а теперь передо мной всего лишь трава... неужели это они стали той травой и теми цветами?..»

Он решил обойти вершину холма кругом и медленно двинулся на восток, где зеленый склон был ярко освещен теплым солнцем, край которого уже показался над горизонтом. Прикрыв глаза рукой, Медра увидел внизу крыши города, а дальше — удобную бухту, открывавшуюся к востоку, причалы у берега, а за входом в бухту — светлую линию горизонта над морем, словно делившую этот мир пополам. Он повернулся и посмотрел на запад: там были мирные поля, пастбища, дороги... На севере тянулась цепь невысоких зеленых гор. В низине, расположенной к югу от того места, где он стоял, он заметил прекрасную рощу высоких деревьев, от которой невозможно было отвести глаз. И Медра решил, что это, видимо, начало какого-то большого леса — такого, как лес Фалиерн на острове Хавнор. Он и сам не знал, что заставило его так подумать, поскольку с

вершины холма ему было видно, что дивная роща невелика и ее окружают лишь вересковые пустоши да зеленые пастбища.

Он еще долго стоял там, прежде чем спуститься к подножию холма по густой траве и зарослям цветов-искорок. Внизу он вышел на тропу, с обеих сторон заботливо обсаженную деревьями. Тропа вела его меж крестьянских полей, которые выглядели вполне ухоженными, хотя и совершенно безлюдными. Он все искал какой-нибудь перекресток, чтобы свернуть на тропку или дорогу, ведущую на восток, в город, но ни одна из тех троп, что ему попадались, не вела на восток. И в полях не было ни души, хотя некоторые из них явно были только что вспаханы. Ни одна собака не залаяла на идущего по дороге незнакомого путника, и только старый осел, пасшийся на каменистом склоне, подошел к деревянной ограде и просунул над ней голову, явно желая познакомиться с Медрой поближе. Медра остановился и погладил осла по бурой костлявой морде. Будучи человеком городским, портовым, он мало знал о труде земледельцев и о нравах скота, однако ему показалось, что этот осел смотрит на него ласково. «Где я, ослик? — спросил он. — Ты не знаешь, как мне попасть в тот город, который я видел с холма?»

Осел еще сильнее надавил ему на руку, как бы приглашая еще почесать у него над глазами и за ушами, а потом благодарно дернул своим длинным ухом вправо. И Медра, расставшись с осликом, решил, что пойдет направо, хотя ему и казалось, что эта тропа может привести его только назад, снова на холм. Однако осел оказался прав, и довольно скоро показались дома и городские улицы, и одна из этих улиц наконец-то привела его в самый центр города, одной своей стороной смотревшего на залив.

Город был столь же странно тих и безлюден, как и ухоженные крестьянские поля. Медра не услышал ни одного голоса, не встретил ни одного человека. С виду это был самый обычный и очень милый городок, сияло чудесное весеннее утро, но Медру окружала такая звенящая тишина, словно он действительно попал на остров, опустошенный эпидемией какой-то страшной болезни или же кем-то намертво заколдованный. Между тем город вовсе не казался мертвым: от стены дома к старому сливовому дереву была протянута веревка, на которой сушилось белье, хлопая на ветру; из-за угла сада вышел кот, и не какой-нибудь бездомный, а чистенький, ухоженный, сытый, с белыми лапками и пышными усами — прямо-таки процветающий кот! И наконец, спустившись по узенькой вымощенной булыжником улочке, Медра услышал голоса.

Он остановился, прислушался, но больше не услышал ни звука.

Он двинулся дальше и через некоторое время вышел на небольшую рыночную площадь. Там были люди, хотя и не очень много. И странно, они ничего не покупали и не продавали! И не было там ни прилавков, ни сараев, где хранился бы товар. И Медра догадался, что эти люди ждут его.

Еще с тех пор, как он в обличье крачки опустился на вершину зеленого холма и увидел оттуда этот город, а в траве яркие вспышки цветов, на сердце у него было удивительно легко. Он чего-то ждал, преисполненный великого изумления, но совсем не чувствовал страха. А потому стоял спокойно и смотрел на этих людей, которые собрались, чтобы встретить его.

Трое из них вышли вперед: старик, крупный, широкогрудый, с яркой седой головой, и две женщины. Волшебник всегда признает волшебника, и Медра понял, что эти женщины наделены магической силой.

Он поднял руку, сжатую в кулак, а потом, повернув ее ладонью вверх, раскрыл, словно что-то им предлагая.

— Ах! — сказала та из женщин, что была повыше, и засмеялась. Но на жест Медры таким же жестом не ответила.

— Скажи нам, кто ты? — спросил седовласый старик вежливо, но прямо, безо всяких преамбул. — Расскажи, как ты попал сюда.

— Я родился в Хавноре и получил профессию корабеля, а потом еще выучился немного и стал колдуном. Я плыл на корабле, направлявшемся с острова Гит в порт О. И только я один уцелел во время кораблекрушения прошлой ночью, когда на нас налетела кем-то насланная волшебная буря. — Он умолк, вспомнив моментально затонувший корабль и рабов, прикованных цепями к скамьям, и страшную разверзшуюся бездну, которая во мгновение ока поглотила и судно, и всех, кто был у него на борту. Медра судорожно вздохнул, словно только что с трудом вынырнул из воды.

— Ну а сюда-то как ты попал?

— Я превратился в... птицу. В крачку. Это ведь остров Рок, да?

— Так ты, значит, изменил свое обличье?

Медра кивнул.

— Кому ты служишь? — спросила та из женщин, что была поменьше ростом и помоложе. Она вообще до сих пор молчала. У нее было умное суровое лицо и черные брови вразлет.

— Никому. Хозяина у меня нет.

— А зачем ты плыл в порт О?

— На острове Хавнор несколько лет назад я попал в рабство. Те, что освободили меня, рассказывали о некоем острове, где нет правителей, где помнят и чтят законы, установленные Серриадхом, где развиваются и

совершенствуются различные мастерства и искусства. Я все время искал этот остров, все последние семь лет...

— Кто рассказал тебе о нем?

— Женщины Руки.

— Любой человек может сжать пальцы в кулак, а потом раскрыть его ладонью вверх, — заявила высокая женщина, совершенно беззлобно, впрочем. — Но не каждый может прилететь на Рок по воздуху! Или подойти к его берегам на парусном судне. Сюда вообще нелегко добраться. Так все-таки, что же привело тебя сюда?

Медра ответил не сразу.

— Случай, — сказал он наконец. — Просто удачный случай, который совпал с моим давним желанием. Но не колдовство. И не знания. Я и сейчас совсем не уверен, что пришел в то место, которое так долго искал. Хотя мне хотелось бы, чтобы вы оказались именно теми людьми, о которых мне говорили, но и в этом я совсем не уверен. Я думаю, что те деревья, которые я видел с вершины холма, хранят какую-то великую тайну, но не знаю, так ли это. Я с уверенностью могу сказать только одно: с тех пор, как я ступил на этот зеленый холм, я стал таким, как в детстве, когда впервые услышал «Подвиг Энлада». И это было так странно и так чудесно, что я совершенно голову потерял.

Седовласый старик посмотрел на обеих женщин. К ним подошли и другие люди, и все они стали тихо о чем-то переговариваться.

— Ну а если ты останешься здесь, то что хотел бы делать? — спросила его женщина с черными бровями вразлет.

— Я умею строить разные суда, ремонтировать их, управлять ими. А еще я хорошо умею находить разные вещи — как на земле, так и под землей. Я умею управлять погодой, если у вас есть такая потребность. И я готов учиться магическим искусствам у любого, кто согласится меня учить.

— А чему ты хочешь научиться? — тихо и ласково спросила его та женщина, что была повыше.

И Медра почувствовал, что от ответа на этот вопрос зависит вся его дальнейшая жизнь, посвященная служению добру или злу. А потому ответил он не сразу. Он уже начал было говорить, но передумал, еще немного помолчал и, наконец, промолвил неторопливо:

— Видишь ли, я не сумел спасти одного человека... одну женщину... ту единственную, что из последних сил спасла меня. И все мои тогдашние знания оказались непригодны. Недостаточны. Наверное, я слишком мало знаю о том, как быть свободным. Если же вам это знание дано, то, молю, научите этому и меня!

— Свобода! — с горечью воскликнула женщина, и ласковый голос ее на этот раз прозвучал, точно удар кнута. Потом она посмотрела на своих спутников и заставила себя слегка улыбнуться. Снова повернувшись к Медре, она сказала: — Все мы здесь пленники, заключенные в тюремные стены, а потому свобода — самая главная проблема для нас. Ты каким-то образом прошел сквозь стены нашей тюрьмы. Ты говоришь, что искал свободу... Но попал-то ты в тюрьму, и тебе следует знать, что покинуть Рок для тебя окажется, возможно, куда труднее, чем попасть сюда. Это настоящая тюрьма внутри еще большей тюрьмы, и некоторые ее стены мы, увы, построили сами. — Она оглянулась на остальных. — Что скажете? — спросила она их.

Много говорить они не стали: похоже, они умели советоваться друг с другом без слов. Наконец та женщина, что была пониже ростом, глянула на Медру своими огненными глазами из-под черных бровей и сказала:

— Хорошо. Оставайся. Ты этого хочешь?

— Да.

— Как нам тебя называть?

— Крачка, — сказал он; так его и стали звать на острове Рок.

На этом острове Медра нашел как значительно меньше, так и значительно больше того, что так долго искал, на что надеялся. Ему объяснили, что остров Рок — это сердце Земноморья. Первым островом, который Сегой поднял из вод морских в начале времен, был светлый остров Эа, что в северном море, вторым — остров Рок. Тот зеленый холм, что высился над островом, имел куда более глубокие корни, чем все острова Земноморья. Те деревья, которые Медра видел с вершины холма и которые странным образом впоследствии обнаруживал то в одной части острова, то в другой, были самыми древними деревьями в мире и служили источником и средоточием магических сил.

— Если Имманентную Рощу вырубить, исчезнет, рассыплется вся магическая премудрость. Корни этих деревьев — это корни Знания. Рисунок той тени, которую отбрасывают листья в Роще, — это написанные солнечным светом слова, которые произнес Сегой в момент Созидания.

Так говорила Эмбер, его чернобровая учительница с огненным взглядом.

Все те, кто занимался на острове Рок магическим искусством, были женщинами. Там не было мужчин, наделенных магической силой. На этом острове вообще было очень мало мужчин.

Тридцать лет назад пиратствующие правители острова Уотхорт

послали целый флот, чтобы завоевать Рок и подчинить его себе. Впрочем, завоевать его им хотелось не столько из-за каких-то неведомых богатств — Рок никогда не считался особенно богатым островом, — а для того, чтобы навсегда сокрушить его волшебные силы, которые были поистине велики и считались несокрушимыми. К несчастью, среди волшебников Рока нашелся предатель, который помог «ловкачам» с Уотхорта ослабить охранявшие Рок заклятья. И как только с помощью магии в невидимых стенах, охранявших Рок, удалось пробить брешь, пираты захватили остров, уничтожая его население огнем и мечом. Их большие корабли заполнили гавань города Твила, полчища жестоких воинов жгли и грабили города и деревни, работоторговцы захватывали в плен всех подряд: мужчин, мальчиков, молодых женщин. Малых детей и стариков они просто убивали. Пираты поджигали каждый попавшийся им на пути дом, каждое поле. Когда через несколько дней их корабли уплыли прочь, на острове не осталось ни одной уцелевшей деревни; все крестьянские дома были сожжены или же, полностью разоренные, лишились своих хозяев.

К счастью, город Твил, раскинувшийся на берегах залива, также обладал некими волшебными свойствами, благодаря близости Холма и Имманентной Рощи, поэтому, когда мародеры, поджигая дома, ворвались туда в поисках рабов и поживы, пожары тут же потухли сами собой, а узкие извилистые улочки Твила, превратившись в настоящий лабиринт, совершенно сбили бандитов с пути. Большую часть выживших жителей острова составляли после того страшного налета мудрые женщины, хранительницы магических искусств, и их дети, которым удалось скрыться в городе или в Имманентной Роще. Теперешнее поколение мужчин Рока было представлено, главным образом, теми самыми детьми, которые успели вырасти. В живых осталось также несколько стариков, спрятавшихся в Роще. Никакого правителя на Роке действительно не было; островом правили «Женщины Руки», и это именно их заклятия так долго и успешно защищали Рок, ибо после случившегося они еще более усилили их.

«Женщины Руки» почти не верили мужчинам. Ведь один из мужчин предал их когда-то жестоким пиратам! И пираты — тоже мужчины! — буквально уничтожили прекрасный остров, полностью разорив его, столько угнав в рабство и столько положив в несправедном бою. Здесь считалось, что именно мужские амбиции привели к тому, что магическая премудрость стала источником получения наживы. «Мы не имеем никаких дел с правителями-мужчинами с других островов», — твердо заявила Медре высокая Вейл.

Однако Эмбер прибавила: «Но причиной собственной гибели стали мы сами». И она рассказала Медре, как мужчины и женщины острова Рок объединились более ста лет назад в некое братство магов. Гордые своими достижениями и ощущавшие себя в безопасности благодаря своему объединенному волшебному могуществу, они стремились не только делиться знаниями друг с другом, но и создать тайный союз для борьбы с теми, кто развязывает войны и занимается работорговлей. В этом союзе зачинщиками и организаторами всегда были женщины, и это женщины, притворяясь торговками, продающими целебные мази, или прикрываясь тем, что плетут сети, отправлялись с Рока на другие острова Внутреннего моря и плели огромную тонкую сеть сопротивления. Даже и в наши дни в Земноморье еще остались отдельные ячейки и узелки той сети. А Медра впервые наткнулся на ее следы в родной деревне Аниб и с тех пор постоянно шел по этому следу. Однако не он привел его на остров Рок. После того как пираты разграбили и сожгли большую часть полей и селений острова, его обитатели полностью изолировали себя от остального мира; они не имели ни с кем никаких торговых сношений, даже с соседними островами, замкнув пространство вокруг острова Рок могущественными защитными заклятиями, которые были созданы и постоянно обновлялись мудрыми женщинами Рока. «Мы не можем спасти их, — говорила Эмбер, — раз не смогли спасти самих себя!»

Вейл, при всей ее мягкости, нежном голосе и приятной улыбке, была настроена еще более непримиримо. Она, например, сама сказала Медре, что хотя она и согласилась с тем, чтобы его оставили на Роке, но предупредила всех, что за ним нужен глаз да глаз.

— Ты ведь однажды уже сумел пробраться сквозь все наши волшебные стены, — честно сказала она ему. — Возможно, то, что ты рассказал о себе, и чистая правда. А вдруг нет? Можешь ли ты привести мне такое доказательство, чтобы я все-таки поверила, что ты не лжешь?

Вейл, правда, согласилась с остальными в том, что Медре нужно предоставить небольшой домик на берегу залива и работу — назначить помощником городского кораблестроителя — это была, разумеется, тоже женщина, которая самостоятельно овладела этим ремеслом и очень радовалась, что у нее теперь такой умелый помощник. Вейл ни в чем не препятствовала Медре, не строила ему никаких козней и всегда ласково здоровалась с ним, но все же он помнил, как она сказала ему тогда: «Можешь ли ты привести мне такое доказательство, чтобы я все-таки поверила, что ты не лжешь?» — и ему нечего было сказать ей в ответ на эти слова.

Эмбер обычно хмурилась, когда он ее приветствовал. Она задавала ему отрывистые неожиданные вопросы, внимательно выслушивала его ответы, но сама очень часто на его вопросы отвечать отказывалась.

Как-то раз, сильно смущаясь, он попросил ее рассказать, что, в сущности, представляет собой Имманентная Роцца, потому что, когда он спрашивал об этом других, они говорили: «Эмбер лучше тебе расскажет». Однако Эмбер отвечать на его вопрос отказалась — не то чтобы грубо, но решительно, — и заявила: «О Роцце ты можешь узнать только в Роцце и от самой Роцци!» А через несколько дней после этого разговора вдруг пришла на берег залива, где Медра на песке чинил рыбацью лодку, и старательно помогала ему, чем могла, а потом стала расспрашивать его о том, как строят суда, и он рассказал и показал ей все, что сумел. Это был удивительно мирный денек, однако впоследствии она не раз вела себя с ним недоверчиво и резко. Он даже немного ее побаивался: она была совершенно непредсказуема. Он, например, был очень удивлен, когда она вдруг сказала ему: «После Долгого танца я собираюсь в Роццу. Если хочешь, можем пойти туда вместе».

Казалось, с Холма видна вся Имманентная Роцца целиком, и все же если в нее зайти, то далеко не всегда сумеешь выйти снова в те же поля. Можно без конца идти под деревьями-великанами, и Роцце не будет конца. Деревья в самой Роцце все были одинаковыми, такие деревья не росли больше нигде, однако же никакого особого названия в ардическом языке эти деревья не имели, а назывались просто «деревья». А на древнем Языке Созидания, по словам Эмбер, у каждого из этих деревьев, конечно же, было свое собственное Имя. Бредя по Роцце, можно было и через некоторое время обнаружить, что идешь ты уже среди самых обыкновенных деревьев — дубов, берез, ясеней, каштанов, орехов, а также ив, которые весной, когда начинают зеленеть, особенно хороши, зато зимой стоят голые, узловатые, неприглядные. Были там и темные ели, и кедры, и еще какие-то вечнозеленые деревья, названий которых Медра не знал, с мягкой красноватой корой и густой листвой. И еще замечательным было то, что тропа, по которой идешь среди деревьев, никогда не бывает точно такой же, какой была как вчера; эта тропа могла вывести порой в самые неожиданные места. Жители Твила предупреждали Медру, что в Роцце лучше не заходить слишком далеко и возвращаться нужно только тем же путем, каким пришел.

— Как же далеко простирается этот лес? — спросил Медра.

И Эмбер сказала:

— Так далеко, как способны простираться твои мысли.

А еще она сказала, что листья здесь умеют говорить, а тени под деревьями можно прочесть, как письма.

— Я как раз учусь их читать, — сказала она ему очень серьезно.

Живя на острове Оррими, Медра научился разбирать старинную руническую письменность островов Архипелага. Впоследствии старый Хайдрейк с острова Пендор научил его некоторым Истинным Рунам. Это, впрочем, были достаточно распространенные знания. А то, что изучала Эмбер в полном одиночестве в тиши Имманентной Рощи, не было известно никому, кроме очень и очень немногих. Это были особые, тайные знания. Эмбер, собственно, все лето прожила в Роще, имея при себе только сундучок, в который прятала запас съестного от лесных крыс и мышей. Жила она в шалаше, еду готовила на костре у ручья, выбегавшего из чащи и впадавшего в маленькую речушку, стремившуюся к морю.

Медра устроился неподалеку. Он не знал, что Эмбер от него нужно, но надеялся, что она все же собирается его чему-то учить, а может быть, и ответит наконец на его бесконечные вопросы о Роще. Но она с ним практически не говорила, а он был слишком застенчив и осторожен, чтобы решиться нарушить ее странное уединение, которое, пожалуй, даже немного пугало его, как и сама эта древняя Роща. Однако на второй день их пребывания в лесу Эмбер вдруг сказала, чтобы Медра шел за нею, и привела его в самую чащу. Они несколько часов шли в абсолютном молчании. В летнюю полдневную жару деревья вокруг тоже стояли молча. Не пели птицы. Замерли говорящие листья. Тропы, ведущие куда-то между деревьями, были бесконечно разнообразны и одновременно удивительно похожи. Медра и не заметил, когда они повернули назад, но точно знал, что они прошли куда дальше берегов острова Рок.

Из Рощи они вышли уже теплым вечером с той стороны, где раскинулись знакомые ему пахотные поля и пастбища. Пока они шли к той речушке, где у каждого было свое место ночлега, Медра заметил в небе над западными холмами четыре звезды — созвездие Горн.

Эмбер не сказала ему на прощанье ни слова, кроме привычного «спокойной ночи».

На следующий день она заявила:

— Я собираюсь сидеть под деревьями.

Он не совсем понял, что она, собственно, имеет в виду и чего ожидает от него, но все же последовал за нею, держась, правда, на некотором расстоянии, и в итоге они пришли в самую глубинную часть Рощи, где все деревья были одинаковыми и безымянными, хотя каждое из них, как говорила Эмбер, имело свое собственное Имя. Девушка устроилась на

мягкой лиственной подстилке между могучими корнями огромного старого дерева. Медра подыскал себе местечко неподалеку и тоже уселся. Эмбер сидела совершенно неподвижно, наблюдая и слушая, и он тоже, затаив дыхание, стал наблюдать и слушать. Так они ходили «сидеть под деревьями» в течение нескольких дней. Затем однажды утром — просто из духа противоречия — Медра остался у ручья, а Эмбер снова ушла в Рощу. На него она даже не оглянулась.

В то утро из Твила к ним пришла Вейл с целой корзиной съестных припасов — она принесла хлеб, сыр, творог, первые летние фрукты.

— Ну, и что же ты здесь узнал? — спросила она Медру как всегда ласково-холодноватым тоном, и он ответил:

— Что я полный дурак!

— Это почему же, Крачка?

— Только дурак может целую вечность сидеть под этими мудрыми деревьями, не становясь от этого умнее!

Вейл слегка улыбнулась и заметила:

— Моей сестре до сих пор не доводилось учить мужчину. — Она искоса глянула на него и уставилась куда-то вдаль, в зеленые поля. — По-моему, Эмбер никогда прежде даже и не смотрела на мужчин, — прибавила Вейл и снова чуть усмехнулась.

Медра промолчал, чувствуя, как кровь приливает к щекам, а потом, не глядя на Вейл, пробормотал:

— А я думал... — И умолк.

В нескольких словах Вейл сразу объяснила ему очень многое — и странную нетерпеливость Эмбер, и ее «сердитый» нрав, и ее огненные взгляды, и ее странную молчаливость.

Медра всегда старался воспринимать Эмбер, как особу почти священную, неприкосновенную, хотя ему порой очень хотелось коснуться ее нежной смуглой кожи и черных блестящих волос. Когда же она поднимала на него глаза, в которых всегда горел какой-то непонятный вызов, ему казалось, что она на него за что-то сердится. Он очень боялся чем-нибудь обидеть ее, оскорбить. Оказывается, она тоже боялась! Но чего? Его желания? Или... своего? Но ведь она отнюдь не была неопытной девочкой, ее все называли «мудрой женщиной», она была магом, она ходила по Имманентной Роще и читала то, что написано на земле тенями волшебных листьев!

Все эти мысли разом пронеслись в его голове, точно бурный поток, прорвавшийся сквозь дамбу. Вейл по-прежнему молча стояла с ним рядом.

— Я думал, что маги всю жизнь проводят в одиночестве, не имея

семьи, — сказал он наконец. — Хайдрейк говорил мне, что заниматься любовью — значит губить свою магическую силу.

— Да, так считают некоторые... мудрецы, — спокойно подтвердила Вейл и снова улыбнулась, а потом сразу попрощалась с ним и ушла.

А он весь день пребывал в душевном смятении, сердясь на себя самого. Заметив, что Эмбер вышла наконец из Роши и направилась к своему шалашу на берегу ручья, он решительно встал и двинулся к ней, в качестве извинительного предлога прихватив с собой корзину, которую принесла Вейл.

— Можно мне поговорить с тобой? — спросил он девушку.

Она лишь коротко кивнула и нахмурила свои черные брови.

Но Медра не знал, с чего начать, и она, чтобы нарушить неловкое молчание, присела на корточки возле корзины и стала разбирать принесенные продукты.

— Ой, персики! — воскликнула она и вдруг улыбнулась.

— Мой учитель, Мастер Хайдрейк, говорил, что волшебники, которые занимаются любовью с женщинами, попусту растрачивают свои волшебные силы. Это правда? — выпалил вдруг Медра.

Эмбер ничего не ответила, выкладывая из корзины продукты и аккуратно деля их на две равные части.

— Как ты считаешь, это правда? — снова задал он свой вопрос.

Она пожала плечами и сказала:

— Нет.

Он прикусил язык. Она вздохнула, подняла голову, посмотрела на него и спокойно повторила:

— Нет, это неправда. Я, во всяком случае, так не считаю. Мне кажется, что у любого истинного могущества, как и у всех древних сил, один и тот же корень.

Он по-прежнему стоял, как вкопанный, и она снова заговорила:

— Посмотри, эти персики уже совсем спелые! Даже чересчур. Так что нам придется сразу их съесть.

— Если я скажу тебе свое имя, — заговорил он наконец, — свое Истинное имя...

— Я назову тебе свое, — просто ответила она. — Если... если именно с этого нам следует начать.

Но начали они все же с персиков.

Оба были достаточно застенчивы по характеру. Когда Медра взял ее за руку, его собственная рука так дрожала, что Эмбер отвернулась и нахмурилась, чтобы скрыть смущение. Собственно, для него она была уже

не Эмбер, а Элеаль, ибо таково было ее Истинное имя. Затем она сама легонько коснулась его руки. Но когда он наконец решился и погладил ее блестящие черные волосы, водопадом падавшие на спину, ему показалось, что она с трудом терпит его прикосновение, и он убрал руку. И вдруг она обернулась и страстно, торопливо, неловко обняла его. И далеко не в первую ночь, которую они провели вместе, испытали они истинное наслаждение или хотя бы почувствовали себя достаточно свободно. Однако они старательно учились друг у друга и наконец, оставив позади стыд и страх, достигли вершин настоящей любви и страсти. И тогда долгие дни и короткие звездные летние ночи в тиши этих волшебных лесов стали для них самыми счастливыми в жизни..

Когда Вейл в следующий раз поднялась к ним из города, чтобы угостить их последними поздними персиками, и достала эти фрукты из корзины, они дружно рассмеялись: персики стали для них настоящим символом счастья. Они попытались уговорить Вейл остаться и поужинать с ними вместе, но она ни за что не хотела.

— Живите здесь, пока есть такая возможность, — только и сказала она на прощанье.

В тот год лето закончилось слишком рано, начались дожди. А среди осени снег выпал даже на таком южном острове, как Рок. На море один шторм следовал за другим, словно ветры в гневе поднялись против несправедливой власти и пагубных деяний «ловкачей» и пиратов. В деревнях женщины собирались у кого-нибудь на кухне, у очага, чтобы не было так страшно в одиночестве. Горожане Твила тоже часто собирались у огня и слушали, как воет ветер, как стучит дождь, как бесшумно падает густой снег. А за пределами гавани море так ревело и бушевало среди рифов и прибрежных утесов, что ни один моряк не решился бы проплыть по таким волнам.

Жители острова делились друг с другом всем, что имели. В этом отношении это был действительно «остров Морреда». Никто здесь не голодал, у всех была крыша над головой, хотя вряд ли у кого-то из этих людей имущества и еды было больше самого необходимого минимума. Скрывшись от остального мира не только с помощью естественных помощников — моря и зимних бурь, — но и с помощью особых заклятий, которые настолько изменяли облик острова, что заставляли суда плыть прочь от него, эти люди дружно трудились, дружно беседовали по вечерам и пели старинные песни: «Зимнюю песнь», и «Подвиг молодого короля», и многие другие. И были у них еще книги: «Хроники Энлада», «История мудрых героев» — множество книг, и эти драгоценные книги старики и

старухи обязательно читали вслух в том просторном зале, что был расположен близ верфи и где имелся большой очаг. Слушая их чтение, рыбацки плели и чинили свои сети, и даже с дальних ферм туда приходили люди послушать, как старики читают эти мудрые прекрасные истории, и все слушали молча, внимательно. «Души наши терзает голод», — сказала как-то Эмбер.

Теперь она по большей части жила вместе с Медрой в маленьком домике неподалеку от пристани, хотя довольно часто гостила и у своей сестры Вейл. Эмбер и Вейл были еще совсем маленькими и жили в деревне недалеко от Твила, когда с острова Уотхорт на Рок приплыли пираты. Мать спрятала девочек в подвале их деревенского дома и постаралась использовать все свои магические знания, чтобы защитить мужа и братьев, ибо мужчины прятаться, конечно же, не пожелали и решили сражаться с захватчиками. Но силы были слишком неравными, и их попросту зарезали вместе со скотиной, а дом и амбары сожгли. Девочки всю ночь просидели в подвале, а потом и еще несколько ночей, пока не пришли соседи, чтобы похоронить убитых, ибо трупы уже начинали разлагаться. Люди случайно обнаружили в подвале умиравших от голода и ужаса малышей, которые сидели молча и, вооружившись мотыгой и обломком плуга, готовы были защищать не только себя, но и своих погибших родственников.

Медра уже частично знал эту страшную историю от Эмбер. Но как-то вечером Вейл, которая была на три года старше Эмбер и все это помнила более ясно, подробно рассказала ему о своем детстве и о том, что случилось с ее семьей. Эмбер молча сидел рядом и внимательно слушала.

И тогда Медра рассказал сестрам о шахтах Самори, об отвратительном волшебнике Геллуке и о рабыне Аниеб.

Когда он закончил свой рассказ, Вейл довольно долго молчала, а потом сказала:

— Так вот что ты имел в виду, когда сказал, впервые оказавшись у нас на острове: «Я не смог спасти ту, что спасла меня».

— А ты еще требовала у меня доказательств того, что я не лгу.

— Вот я их и получила, эти доказательства, — сказала Вейл.

Медра взял ее руку и, низко склонившись, коснулся этой руки лбом. Рассказывая о гибели Аниеб, он с трудом сдерживал слезы, но теперь больше не в силах был сдерживаться, и слезы все же потекли у него по щекам.

— Она подарила мне свободу, — сказал он. — И я до сих пор чувствую, что все, что я делаю, я делаю благодаря ей и для нее. Нет, не для нее. Мы ничего не можем сделать для мертвых. Но для...

— Для нас, — сказала Эмбер, — для нас, живых, которые продолжают жить, несмотря ни на что, скрываясь, но никого не убивая. Мертвые мертвы. А великие и могущественные идут своим путем, ничего не замечая, и ничто их не остановит. Так что нам, обыкновенным людям, остается надеяться только на самих себя.

— Но неужели мы должны вечно скрываться?

— Вот, это говорит мужчина! — заметила Вейл со своей ласковой и будто раненой улыбкой.

— Да, — сказала Эмбер, — мы должны скрываться и будем скрываться вечно, если в том будет необходимость. Ибо ничего другого нам не осталось, только быть убитыми или убивать самим. Ты ведь и сам говоришь, что за пределами нашего острова это так, и я тебе верю.

— Но ведь невозможно скрыть истинное могущество, — сказал Медра. — Во всяком случае — невозможно скрывать его долго. Оно ведь умирает, если его скрывать, если ни с кем своим могуществом не делиться.

— Волшебство на Роке не умирает НИКОГДА! — сказала Вейл. — На Роке все заклятия обретают особую силу. Так говорил сам Атх. Ты ведь уже немало времени провел в Роще, ходил под ее деревьями... Ты должен был почувствовать ее могущество. А нашей задачей должно стать поддержание этого могущества. Да, мы должны его скрывать, но должны и хранить и умножать его — подобно тому, как молодой дракон хранит и умножает силу своего пламени. И еще — мы непременно должны делиться друг с другом этим могуществом и своими знаниями о нем. Но только здесь, на Роке, где эти знания в безопасности и где грабители и убийцы станут искать его в последнюю очередь, поскольку уверены, что здесь живут только «простые» люди. И в один прекрасный день наше могущество — этот великий дракон — войдет в полную силу, даже если это займет целую тысячу лет...

— Но за пределами острова Рок, — заметил Медра, — тоже есть простые люди, которых превращают в рабов, которые ведут скотское существование, которые умирают от голода и болезней. Неужели они тоже должны ждать тысячу лет, не имея никакой надежды?

Он смотрел на сестер, переводя взгляд с одной на другую: одна была внешне удивительно мягка, однако душа ее словно застыла; другая, несмотря на внешнюю суровость, обладала нежной душой, вспыхивавшей легко, точно сухое топливо в очаге.

— На острове Хавнор, — сказал Медра, — далеко от Рока, в одной деревне на горе Онн, среди тех простых людей, которые почти ничего не знают о внешнем мире, также есть «Женщины Руки». И созданный некогда

союз таких людей не распался и не был уничтожен — за столько лет! Как же крепко была сплетена эта сеть!

— Скорее, умело, — обронила Эмбер.

— И ведь «Союз Руки» охватывает многих и на других островах! — Медра снова некоторое время молча смотрел на сестер. — Меня не слишком хорошо учили в Хавноре, тайком учили, — сказал он. — Однако все мои тамошние учителя твердили мне, что я никогда не должен использовать волшебство в дурных целях, а сами жили в постоянном страхе, не имея сил сопротивляться правителям и их приспешникам. Они отдали мне все, что могли, но это, к сожалению, было очень и очень немного. И лишь благодаря счастливой случайности я не оказался сейчас на неверном пути. И еще потому, что Анииб дала мне силу и надежду. Если бы не она, я сейчас был бы слугой Геллука. Однако и сама Анииб не имела необходимых знаний, хотя и обладала врожденным волшебным даром. Из-за своего незнания она и попала в рабство. Если великие маги — даже лучшие из них! — станут плохо учить своих учеников, если могущество этих магов будут использовать в своих корыстных целях правители-пираты, то разве сможет возрасти наше могущество здесь, на Роке? Чем вы станете кормить своего молодого дракона?

— Рок — это средоточие магических сил, — сказала Вейл. — Центр нашего мира. Мы должны держаться центра. И ждать.

— Нет, мы еще и непременно должны отдавать то, что имеем, — возразил Медра. — Если все в Земноморье, кроме нас, будут рабами, то какой смысл в нашей свободе?

— Истинное искусство всегда побеждает фальшь. Истинный Путь извратить невозможно, — хмурясь, промолвила Эмбер. Кочергой она подтолкнула в огонь многочисленные записки с именами тех, кто был назван в ее честь, и записки ярко вспыхнули. — Это я знаю твердо. Но жизнь наша коротка, а Путь очень долог. Если бы Рок был таким, каким был когда-то... Если бы здесь собралось побольше тех, кто владеет Истинными искусствами, кто мог бы изучать и сохранять их и дальше, обучая им и других...

— Если бы Рок стал таким, как когда-то, когда он был открыт всему миру и всему миру известен своим могуществом, то те, кто сейчас нас боится, снова явились бы, чтобы его уничтожить! — упрямо сказала Вейл.

— Значит, главное — в сохранении тайны? — спросил Медра. — Неужели это действительно самое главное?

— Нет, главная наша проблема в отсутствии мужчин, — трезво пояснила Вейл. — Ты уж прости меня, дорогой братец, но мужчины всегда

больше ценили других мужчин, чем женщин и детей. Вот, например, если бы волшебники с других островов узнали, что у нас здесь появилось пять или шесть десятков ведьм или даже настоящих чаровниц, их бы это не слишком встревожило. Но если бы они узнали, что на Роке появилось сразу пять могущественных магов, то нас всех, конечно же, снова постарались бы уничтожить.

— Так что, хотя среди нас всегда были и мужчины, нас всегда называли именно «ЖЕНЩИНАМИ Руки», — сказала Эмбер.

— Я знаю, — сказал Медра. — И Аниеб была одной из вас. Но и она, и вы, и все мы жили и живем в одной и той же тюрьме.

— Что же мы можем сделать? — спросила Вейл.

— Постараться познать собственную силу! — сказал Медра.

— Школа?.. — задумчиво проговорила Эмбер. — Куда могли бы приезжать волшебники и учиться друг у друга, изучать Путь... Имманентная Роцца, возможно, защитила бы нас.

— Все эти воинственные правители-пираты презируют ученых и учителей, — сказал Медра.

— Я думаю, они также боятся их, — заметила Вейл.

Вот какие разговоры вели они в ту долгую зиму, и постепенно в этих разговорах стали принимать участие и другие, но далеко не сразу от абстрактных рассуждений они перешли к конкретным намерениям, от страстной мечты — к определенному плану. Вейл всегда была особенно осторожна, всегда предупреждала о возможных опасностях. А вот седовласый Дьюн так размышлял о возможности создания Школы, что Эмбер сказала Медре, что старик давно готов учить колдовству любого ребенка в Твиле. Как только Эмбер уверовала, что свобода Рока зависит от того, будут ли свободны все остальные острова, она все свои помыслы направила на усиление некогда очень сильного «Союза Руки». Однако разум ее, сформировавшийся практически в полном одиночестве среди волшебных деревьев Роцци, всегда стремился к определенной форме и ясности задач, так что она спросила:

— Как же мы сможем учить нашему искусству других, если сами не знаем толком, что оно из себя представляет?

И теперь их разговоры уже превратились в настоящие дискуссии о волшебных искусствах и умениях, и в них участвовали все мудрые женщины острова. Что такое истинное искусство магии? В какой момент оно стало превращаться в подделку? Как было сохранено или утрачено равновесие в мире? Какие умения необходимы более других? Какие наиболее полезны? Какие наиболее опасны? Почему у некоторых людей

один магический дар, а не другой? Можно ли научиться некоему искусству, если у тебя нет врожденной к нему предрасположенности? Во время дискуссий по всем этим вопросам они придумывали и названия для различных магических искусств и умений, и слова эти впоследствии всегда употреблялись на Роке и на других островах, например, слово для умения отыскивать потерянные вещи или управлять погодой, слово для великого искусства Превращений и для целительства, для умения вызвать заклятием любую душу, для умения выбрать нужный Путь, для умения узнавать Истинные имена людей и вещей, для искусства создавать иллюзии, для умения исполнять древние священные песни... Таковы искусства Мастеров Рока и в наши дни, хотя место Мастера Искателя в Школе Рока теперь свободно, и в Девятке его занял мастер Регент, ибо такое умение, как Искательство, было сочтено просто одним из полезных умений, а не одним из наиважнейших искусств, которыми полагается владеть настоящему магу.

Так, во время этих дискуссий и было положено начало Школе Волшебников на острове Рок.

Некоторые говорят, что Школа эта начала действовать совсем иначе. Они утверждают, что островом всегда правила некая женщина, которую все называли Темной Женщиной и которая была в союзе с Древними Силами Земли. Говорили, что жила эта женщина в пещере под Холмом и никогда не выходила на свет, а плела там, в темноте, могущественные заклятья, опутывавшие и сам остров, и море вокруг него, и с помощью этих заклятий она якобы подчиняла людей, и в первую очередь мужчин, своей злой воле. Так продолжалось, пока на Рок не прибыл первый Верховный Маг, не распечатал вход в ту пещеру и не одержал победу над Темной Женщиной. И сам не занял ее место.

В этой истории нет ни слова правды, если не считать того, что действительно один из первых Мастеров Рока открыл некую великую пещеру и вошел в нее. Но, хотя корни острова Рок — это корни всех островов Земноморья, пещера эта, увы, находилась не на острове Рок.

Правда и то, что во времена Медры и Элеаль жители Рока, мужчины и женщины, совсем не боялись Древних Сил Земли, но почитали их и искали у них помощи и умения видеть будущее. Со временем, впрочем, это отношение переменилось.

В тот год весна опять пришла поздно и была холодной и богатой штормами. Медра увлеченно строил корабль. В тому времени, как зацвели персики, он успел построить изящное, прочное судно, способное плыть в далекие моря. Он строил его по всем правилам науки корабелов Хавнора и назвал его «Надежда». И вскоре после этого, подняв паруса, вышел на нем

из залива Твил, не взяв с собой ни одного помощника.

— Жди меня к концу лета, — сказал он Эмбер.

— Я буду в Роще, — отвечала она. — А сердце мое будет с тобой, моя темная выдра, моя белая крачка, любовь моя, мой Медра!

— А мое — с тобой, пылающие угли моего костра! Милая моя, мое цветущее деревце, любовь моя, моя Элеаль!

* * *

Во время своего первого путешествия Медра по прозвищу Крачка отправился через Внутреннее море на север, к острову Оррими, где уже побывал когда-то и знал там несколько человек из «Союза Руки», которым вполне доверял. Одного из них звали Вороном. Это был человек зажиточный, большой любитель уединения и всяких мудрых книг и историй, но, к сожалению, лишенный какого бы то ни было магического дара. Медра помнил, как этот Ворон тыкал его носом в книгу, пока он не научился читать.

— Неграмотные волшебники — вот проклятие Земноморья! — кричал Ворон. — Невежественным людям следует запретить пользоваться той магической силой, что дарована им от природы! — Ворон вообще был человек довольно странный: упрямый, своенравный, самонадеянный; но если требовалось защищать предмет его страсти — книги, письменное слово, — он готов был проявить поистине чудеса храбрости. К могущественному правителю Хавнора Лозену он относился с презрением, а за несколько лет до описываемых событий ездил тайком, старательно изменив внешность, в порт Хавнор и привез оттуда четыре замечательные книги из старинной королевской библиотеки. Ему удалось также раздобыть — чем он страшно гордился — знаменитый магический трактат о свойствах ртути, некогда созданный на острове Уэй. — И этот трактат я тоже увез у Лозена из-под носа! — весело сообщил он Крачке. — Ты заходи, посмотришь, что за книга! Замечательная! Она принадлежала одному знаменитому волшебнику.

— Ну да, Тинаралу, — кивнул головой Крачка. — Я его знал.

— Значит, ерунда? — разочарованно спросил Ворон.

— Не знаю. Думаю, что нет. Но я охочусь за более крупной добычей. — Ворон насторожился и по-птичьи склонил голову набок. — Мне нужна «Книга Имен»!

— Но ведь она была утрачена, еще когда великий Атх отправился на

запад, — сказал Ворон.

— Один старый маг по имени Хайдрейк говорил мне, что когда Атх какое-то время жил на острове Пендор, то он рассказывал одному тамошнему волшебнику, что оставил «Книгу Имен» на сохранение у некоей женщины с Девяноста островов.

— «Книгу Имен»? У женщины? На сохранение? Да еще с Девяноста островов! Да он что, спятил?

Ворон еще долго возмущенно выкрикивал что-то насчет женщин и древних книг, однако мысль о том, что «Книга Имен», возможно, все же не утрачена, пробудила в нем полнейшую готовность немедленно, или как того пожелает Крачка, плыть на ее поиски к Девяноста островам.

Так что они снарядили «Надежду» и отправились на юг, сперва причалив к весьма негостеприимным берегам острова Гит, а потом под видом мелких торговцев стали перебираться с одного острова на другой по лабиринту бесчисленных проливов и каналов. Ворон заботливо набил трюмы куда лучшим товаром, чем привыкли видеть у посещавших их торговцев жители Девяноста островов, а Крачка продавал эти вещи по весьма сходной цене, а порой и просто менял, поскольку у тамошних бедняков деньги водились нечасто. Слава об удивительных торговцах, меняющих прекрасные товары на старые книги далеко обгоняла путешественников. Всем уже было известно также, что книги им нужны только настоящие старинные, а не какая-нибудь современная подделка. Впрочем, на Девяноста островах все книги были старые и все настоящие — во всяком случае, среди тех, что там еще сохранились. Других книг там просто не было.

Ворон был счастлив, когда заполучил чуть попорченный водой «Бестиарий» времен Акамбара, отдав за него пять серебряных пуговиц, кинжал с украшенной перламутром ручкой и штуку шелка из Лорбанери. Теперь он все чаще сидел где-нибудь в укромном уголке, нахохлившись, как настоящий ворон, и вперив взгляд в древние изображения харрекки, отаков и полярных медведей. А Крачка не пропускал ни одного из самых маленьких островков и непременно высаживался на берег, демонстрируя свои товары хозяйкам на кухнях и старикам в сонных харчевнях. Иногда он как бы невзначай сжимал пальцы в кулак, а потом заветным жестом раскрывал кулак, повернув руку ладонью вверх, но никто ни разу не ответил ему тем же.

— Книги? — спросил его кровельщик на Северном Судиди. — Вот такие, что ли? — И он показал Крачке длинные полосы тонкого пергамента, большая часть которых была уже вплетена в тростниковую

крышу его дома. — А они разве и еще на что-нибудь годятся?

Ворон, глядя в слова, еще видимые кое-где на полосках пергамента, которые уже были вплетены в кровлю, прямо-таки весь затрясся от злости, и Крачка поспешил поскорее увести своего друга на судно.

— По-моему, это был всего лишь справочник ветеринара, — пробормотал Ворон, немного успокоившись, когда они уже отплыли от злополучного острова. — Я успел разобрать слова «животное, страдающее шпатом» и еще что-то о вымени ярок. Но все равно — какое невежество! Какое дикое невежество! Крышу он, видите ли, кроет пергаментом из старинных книг!

— А между тем это были очень полезные знания для скотоводов и вообще сельских жителей, — подхватил Крачка. — Как можно преодолеть невежество, если люди сами губят собственные знания, если они их не желают ни воспринимать, ни передавать друг другу? Вот если бы все старинные книги можно было собрать где-нибудь в одном месте...

— Как это было в Королевской библиотеке! — мечтательно подхватил Ворон и даже глаза закрыл, предавшись сладостным воспоминаниям о былой славе Земноморья.

— Или в твоей, — заметил Крачка, давно уже научившийся льстить этому библиоману.

— Ну, что там моя библиотека! — презрительно воскликнул Ворон, словно это не он потратил всю жизнь на любовное собирание книг. — У меня суцая ерунда, разрозненные фрагменты... Остатки!

— Начала, — возразил Крачка.

Ворон в ответ только вздохнул.

— По-моему, нам пора отправляться дальше на юг, — сказал Крачка, стоя у руля и ловко огибая очередной островок. — К острову Поди.

— А торгуешь ты здорово, прямо талант! — восхищенно заметил Ворон. — И всегда ведь знаешь, где что искать! Вот ведь привел нас прямоиком к этому «Бестиарию», который у них в амбаре валялся... Но, пожалуй, ты прав: здесь больше искать нечего. Во всяком случае, вряд ли мы найдем еще что-нибудь стоящее. Такой великий человек, как Атх, никогда не оставил бы без внимания «Книгу Имен» — особенно среди этих дикарей, которые и ее, самую мудрую книгу всех времен, вполне могли бы на полоски разрезать и крышу покрыть! Можно, конечно, и на Поди сплавать, если хочешь. А потом давай на Оррими вернемся, ладно? С меня, пожалуй, довольно.

— Да и пуговицы у нас все вышли, — кивнул Крачка. Ему отчего-то

было весело: название Поди внушало странную уверенность, что направление выбрано верно. — Может, правда, по пути удастся еще пуговицами разжиться. Ты же сам говоришь, что у меня талант к торговле.

Оба они на Поди никогда не бывали. Это был сонный южный остров, главным городом которого был старинный порт Телио, почти все дома в котором были построены из розового песчаника. Вокруг Телио раскинулись поля и сады, которые, несомненно, когда-то давали отличные урожаи. Однако правители Уотхорта, во власти которых уже лет сто находился этот остров, облагали его население такими налогами, столько людей забрали в рабство и так чудовищно эксплуатировали некогда весьма плодородные земли, что поля и сады плодоносить перестали, а жители обнищали до предела. Залитые солнцем улицы Телио были грязны и печальны. Люди жили на этом некогда таком благополучном острове, точно в диком краю: в палатках и шалашах, сделанных из каких-то обломков, а то и прямо под открытым небом.

— Нет, тут добра не жди, — проворчал Ворон, с отвращением перешагивая через кучку экскрементов. — У этих тварей никаких книг нет и быть не может!

— Погоди, погоди, — успокаивал его Крачка. — Дай мне хотя бы один день.

— Это же, наконец, просто опасно! — возражал Ворон. — И совершенно бессмысленно. — Но больше Крачку не отговаривал. Некогда такой скромный и наивный юноша, которого он учил разбирать ардические руны, непостижимым образом превратился теперь в его учителя и провожатого.

Ворон шел следом за своим молодым другом по одной из центральных улиц города; потом Крачка уверенно свернул на боковую улочку, которая в итоге привела их в старинный квартал, застроенный маленькими жалкими домишками. Здесь жили ткачи. На острове Поди издавна выращивали лен, и путешественникам на каждом шагу попадались каменные мочильни, которыми теперь практически не пользовались, а за окнами многих домов были видны прядельные и ткацкие станки. На маленькой площади, у колодца, укрывшись в тени от палящего солнца, сидели и пряли пряжу пять-шесть местных женщин. Рядом играли дети, совершенно, казалось, равнодушные к жаре и ужасно худые, кожа да кости. Дети без особого интереса взирали на чужаков, даже не прервав игры. Крачка шел уверенно, словно совершенно точно знал, куда именно ему нужно. Но у колодца он остановился и приветливо поздоровался с женщинами.

— Ох, милый человек, — сказала ему с улыбкой одна из них, — даже

и не показывай нам, что у тебя в мешке! Ведь у меня ни гроша нет! Ни одной медной монетки, ни одной пластинки из слоновой кости — мы денег уже несколько месяцев не видели.

— Но у вас, может быть, найдется льняное полотно? Или хотя бы пряжа? Льняное полотно с острова Поди, как мне говорили в Хавноре, считается в Земноморье самым лучшим. Да я и сам вижу, какую отличную нить вы прядете! — Ворон с удивлением и восторгом наблюдал за своим спутником; сам он из-за книги мог торговаться сколько угодно, с кем угодно и очень упорно, но просто так заигрывать с простыми женщинами, чтобы продать им пуговицы или купить у них льняную пряжу — нет уж, это было выше его сил! А Крачка между тем продолжал: — Вот я только чуть-чуть мешок приоткрою, а вы посмотрите! — И он принялся доставать свои товары и раскладывать их на камнях. Женщины и их грязные застенчивые дети подошли поближе: такой красоты они явно никогда в жизни не видели. — Вообще-то нас интересуют ткани, но мы покупаем также и некрашеную пряжу и прочие товары — вот только пуговиц у нас маловато. Если у вас есть пуговицы из слоновой кости или из рога, я бы купил. Готов обменять вот эту прелестную бархатную шапочку на три-четыре костяных пуговицы. Вы только посмотрите, какой цвет! И очень идет к вашим волосам, госпожа моя! А еще я могу взять в обмен старые бумаги или книги. Наши хозяева — мы ведь с острова Оррими — очень всякими старинными штуковинами интересуются, так что, может, у вас случайно что-нибудь такое и найдется, а?

— О, ты и правда очень милый! — засмеялась та, что первой заговорила с Крачкой, и он приложил к ее черной косе алую ленту. — Вот уж жаль, что у меня ничего для тебя нет!

— Я, конечно, не такой нахал, чтобы за свой скромный подарок просить поцелуя, — сказал Медра, — но, может быть, ты мне хотя бы ручку свою позволишь поцеловать?

И он сделал заветный жест. Несколько секунд она молча смотрела на него, потом сказала:

— Что ж, ручку — это можно, — и ответила тем же жестом. — Хотя и не всегда безопасно, ежели люди друг друга совсем не знают.

А он между тем, словно ничего не заметив, продолжал показывать ей и другим женщинам свои товары, шутить с ними и угощать сладостями детишек. Никто ничего не покупал и покупать явно не собирался. Они смотрели на всю эту дребедень так, словно то были настоящие сокровища. Крачка позволил им рассматривать и трогать все, что захочется; он даже сделал вид, что не заметил, как один из мальчишек стащил у него

маленькое зеркальце из полированной бронзы; он видел, как зеркальце исчезает под драной рубашкой, но не сказал ни слова. Наконец он заявил, что должен идти, и ребяташки отошли в сторону, а он собрал и завязал свой мешок.

— Знаешь, — сказала ему вдруг та женщина с черными косами, — у меня есть соседка, так вот у нее вполне могут найтись кое-какие старинные бумаги, если ты их ищешь.

— А на них хоть что-нибудь написано? — хмуро спросил у нее Ворон, до сих пор молча сидевший на краю колодца. — Знаки на них какие-нибудь нарисованы или нет?

Женщина презрительно смерила его взглядом с головы до ног и сказала:

— Есть там знаки, господин мой! — И, снова повернувшись к Крачке, предложила уже совсем другим тоном: — Если хочешь, я покажу тебе, где она живет; это недалеко. И вот что я скажу тебе, торговец: она хоть и девчонка совсем, да к тому же из бедных, но здороваться КАК НАДО умеет не хуже других! Хотя у нас здесь совсем не все этому обучены.

— Ну да, трое из троих, — проворчал Ворон, шутливо изображая заветный жест. — Ты бы лапшу-то свою нам на уши не вешала, женщина! Прибереги ее для других.

— Ты бы лучше помолчал, господин мой! — не смутилась она. — Мы тут люди невежественные, грубые... — И она грозно сверкнула в его сторону глазами.

Вскоре она привела их к дому, стоявшему в самом конце узкой улочки. Когда-то это был поистине прелестный уголок: очаровательный двухэтажный дом из камня, окруженный садом; но теперь дом был наполовину пуст, фасад его частично разрушен, во многих окнах выломаны рамы, а сад пришел в полное запустение. Они прошли по двору, в центре которого был колодец, и женщина постучала в боковую дверь. Дверь отворилась, и на порог вышла девушка.

— Тьфу, настоящее ведьмино логово! — воскликнул Ворон, ибо из дверей доносился явственный запах разнообразных курений и сушеных трав. Он даже назад чуть отступил.

— Здесь не ведьмы живут, а целители, — заявила их провожатая. — Что, ей опять хуже, Дори?

Девушка кивнула, переводя взгляд то на Крачку, то на Ворона. Ей было лет тринадцать-четырнадцать; она была невысокая, довольно коренастая, но очень худая, с насупленными бровями и неподвижным взглядом.

— Это люди Руки, Дори; вот этот, молодой и невысокий, очень милый,

а вон тот, высокий, слишком гордый. Они говорят, что ищут старые бумаги. Я знаю, у тебя что-то такое было, хотя, может, теперь уж ничего и не осталось. Товара для тебя подходящего у них нет, но, может, они согласятся заплатить хотя бы слоновой костью, если найдут то, что им нужно. Я верно говорю? — И она глянула своими ясными глазами на Крачку; тот согласно кивнул.

— Ей совсем плохо, Раш, — прошептала девушка. И снова посмотрела на Крачку. — Вы-то, похоже, не целитель? — В ее словах звучало осуждение.

— Нет.

— А вот наша Дори, — вмешалась их чернокосяя провожатая по имени Раш, — настоящая целительница! — Как и ее мать, и мать ее матери... Впустила бы ты нас в дом, Дори! Хотя бы меня одну. Мне с ней поговорить нужно. — Девушка исчезла в доме, прикрыв за собой дверь, и Раш пояснила: — Мать у нее от чахотки умирает. Никто из целителей ее вылечить не сумел. А сама она всех лечила и вылечивала, и золотуху, и любую боль одним прикосновением снимала... Она была настоящим чудом! Дори правильно сделала, что по ее стопам пошла.

Дори, выглянув на крыльцо, жестом пригласила их войти в дом. Ворон, правда, предпочел остаться снаружи. Комната оказалась продолговатая, с высоким потолком и следами былой элегантности, но сильно обветшавшая и выглядевшая теперь убого. Разнообразные причиндалы целителей и сухие травы составляли главное ее убранство и были размещены по каким-то определенным правилам. Возле красивого каменного очага, в котором дымилась горстка сладко пахнувших трав, было устроено ложе. Женщина, лежавшая на нем, была настолько бледна и худая, что в неясном свете казалась тенью. Когда Крачка подошел к ней поближе, она попыталась сесть и даже хотела что-то сказать ему, но не смогла, и дочь приподняла ей голову и подложила вторую подушку. Только тогда Крачка, наклонившись к больной совсем близко, сумел расслышать:

— Ты — волшебник, — шептала она. — И ты тут не случайно.

Будучи одарена магической силой, она сразу поняла, кто он такой. Неужели это она призвала его сюда?

— Я — Искатель. Умею искать все, что угодно. — сказал он. — И обычно нахожу.

— Девочку мою сможешь учить?

— Вряд ли. Но могу отвезти ее к тем, кто сможет.

— Отвези.

— Хорошо.

Больная совершенно без сил откинулась на подушку и закрыла глаза.

Потрясенный силой ее воли, Крачка выпрямился и судорожно вздохнул. Потом посмотрел на девушку, но Дори на его взгляд не ответила; она смотрела только на мать, и в глазах у нее была тупая, угрюмая тоска. Только когда больная погрузилась в сон, Дори наконец шевельнулась и принялась помогать Раш, которая на правах подруги и соседки уже копошилась в комнате, убирая окровавленные тряпки, разбросанные по полу вокруг постели умирающей.

— У нее только что опять было кровотечение, и я никак не могла его остановить, — сказала Дори. Слезы безостановочно текли у нее из глаз и скатывались по щекам. Но само лицо оставалось совершенно безжизненным.

— Ах, детка моя, ягненочек мой, — сказала Раш, обнимая девочку, но та не отвечала на ласку и была как каменная от сковавшего ей душу горя.

— Я вижу: она идет туда, прямо к стене, а я не могу пойти с нею!.. — промолвила Дори с отчаянием. — Она идет туда совсем одна, а я... Не мог бы ты пойти туда с нею? — Она посмотрела прямо Крачке в глаза. — Ты ведь можешь!

— Нет, — сказал он. — Я не могу. Я еще не знаю пути туда.

Но стоило Дори спросить его об этом, и он вдруг увидел то, что видела она: длинный пологий склон какого-то холма, уходящий во тьму, и пересекающую его в слабом сумеречном свете низкую каменную стену. И пока он рассматривал эту стену, ему показалось, что он видит женщину, идущую по ту сторону стены, очень худую, почти прозрачную, состоящую, похоже, из одних костей и теней. Но то была не умирающая, что лежала перед ним на постели. То была Аниеб!

Потом видение исчезло, и он, словно очнувшись от забытья, понял, что стоит и в упор смотрит на юную ведьму. Постепенно ее обвиняющий взгляд несколько смягчился, и она закрыла лицо руками.

— Мы должны отпустить их, — сказал он.

— Я знаю, — тихо промолвила она.

Раш смотрела то на одного, то на другого своими ясными умными глазами, а потом сказала:

— А ты, оказывается, не только искусный торговец, но и очень ловкий человек! Ну что ж, ты не первый.

Он вопросительно посмотрел на нее.

— Этот дом называется Дом Атха, — пояснила она.

— Он действительно некогда жил здесь, — сказала Дори, и сквозь ее беспомощную печаль и тоску пробился даже слабый лучик гордости, —

великий маг Атх. Только давно, очень давно. Еще до того, как отправился на запад. Все мои предки по женской линии были мудрыми женщинами, ведьмами и колдуньями. Вот он и останавливался у них. В этом самом доме.

— Дай-ка мне корыто, — попросила Раш. — Я это все замочу.

— А я принесу воды, — сказал Крачка. Он взял ведро и пошел во двор к колодцу. Ворон по-прежнему сидел на краешке сруба, встревоженный и насупленный.

— Зачем мы тратим здесь время? — сердито спросил он, когда Крачка опустил ведро в колодец. — Ты что же, теперь водоносом у этих ведьм заделался?

— Угу, — буркнул Крачка. — А когда эта несчастная мужественная женщина умрет, я отвезу ее дочку на Рок. А тебе, если ты все же хочешь прочитать «Книгу Имен» и поехать с нами, придется набраться терпения и подождать.

Вот так Школа на острове Рок получила своих первых заморских учеников, а также своего первого библиотекаря. «Книга Имен», что хранится теперь в Одинокой Башне, послужила фундаментом той науки и того метода обучения, которыми пользовались все мастера Ономатеты. Это лежит в основе великой магии Рока. Девушка Дори, которая, по слухам, оказалась гораздо одареннее и умнее своих учителей, стала наилучшим мастером всех целительских искусств и великим знатоком науки о травах; она же возвела эти знания и умения на пьедестал должной высоты среди прочих магических наук и умений, которыми владеют знаменитые Мастера острова Рок.

Что же касается Ворона, который оказался не в силах расстаться с «Книгой Имен» даже на месяц, то он просто послал за своими книгами и кое-каким имуществом на Оррими и, получив все это, устроился жить в Твиле. Он позволял ученикам Школы сколько угодно пользоваться его библиотекой, если те обращались с книгами бережно, а их хозяину оказывали должное уважение.

Таковы оказались несколько лет жизненного пути Крачки-Медры. Поздней весной он обычно отправлялся в путешествие на своей «Надежде», отыскивая и привозя на Рок новых учеников — главным образом, детей и совсем молодых людей, которые от рождения были наделены магической силой, а иногда и совсем взрослых мужчин или женщин. Дети, по большей части, были из очень бедных семей, и хотя он никого из них не увозил из дому силой, родители детей или их хозяева

редко интересовались по-настоящему, куда увозит ребенка этот человек: Крачка часто сказывался, например, рыбаком, которому нужен был помощник — мальчик, чтобы помогать на судне, или девочка, чтобы плести сети; или же представлялся работником, покупающим рабов для своего хозяина, живущего на другом острове. Если родители отправляли своего ребенка с ним, надеясь, что ему выпадет удача, или же отдавали его незнакомцу нехотя, только из-за горькой нужды, он платил им настоящей слоновой костью; если же они продавали ему ребенка в рабство, он всегда платил им чистым золотом, однако успевал исчезнуть уже на следующий день — до того, как это «чистое золото» превратится в коровий навоз.

Он посещал самые дальние острова Архипелага и даже острова Восточного Предела, но никогда не посещал дважды один и тот же город или островок, пока после его первого визита туда не пройдет несколько лет и не остынут некоторые неприятные воспоминания у местных жителей. И все-таки о нем пошли слухи, как о колдуне; Похититель Детей — так его называли, считая, что он уносит детей на свой обледеный остров где-то на севере и там высасывает из них кровь. В деревнях на островах Уэй и Фелкуэй до сих пор рассказывают детям об ужасном Похитителе Детей, желая внушить им недоверие ко всем чужакам.

К этому времени уже многие люди из «Союза Руки» знали, что на острове Рок создается Школа Волшебников, и посылали туда талантливую молодежь, а также мужчин и женщин, желавших учиться и учить. Для многих из этих людей путь на Рок стал тяжким испытанием, ибо заклятия, оберегавшие остров, были в те времена сильнее, чем когда-либо, и благодаря им остров казался всего лишь облачком в небесах или рифом в бушующем море; ну а знаменитый волшебный ветер Рока без разрешения Мастеров не давал войти в гавань Твила ни одному кораблю, особенно если на борту его оказывался такой колдун, который умел заклинать ветры и мог попытаться повернуть волшебный ветер вспять. И все-таки новички прибывали на Рок! И с течением лет для Школы понадобился дом побольше, причем больше любого из домов, имевшихся в Твиле.

На островах Архипелага существовал обычай: мужчины строили корабли, а женщины — дома. Но если строили какой-то уж очень большой дом, то женщины охотно позволяли мужчинам работать с ними вместе — в отличие, скажем, от женщин-рудокопов, которые, страдая неискоренимыми предрассудками, всегда стараются прогнать из шахты любого мужчину. Точно так же мужчины-кораблестроители запрещают женщинам даже смотреть на то, как корабль спускают на воду. Так что Большой Дом на острове Рок строили вместе и мужчины и женщины, и почти все они

обладали каким-то магическим даром. А краеугольный камень этого здания был возложен на вершине холма над городом Твил, неподалеку от Имманентной Рощи, и дом был построен лицом к волшебному Холму Рок. Стены Большого Дома были построены не только из камня и дерева, но и укреплены магией, самыми различными и весьма искусными заклятиями.

Как-то раз, стоя на холме посреди стройки, Медра сказал:

— Прямо под тем местом, где я стою, под землей бьет маленький родничок, который никогда не иссякнет. — И люди стали копать там, добрались до этого источника и позволили ему вырваться на волю, к солнцу, и самой главной частью Большого Дома, самым его сердцем стал знаменитый внутренний дворик с фонтаном, питаемым этим подземным источником.

И у этого фонтана по белым плитам двора часто прогуливались Медра и Элеаль, и происходило это, когда еще даже сами стены Большого Дома не были достроены.

Элеаль посадила у фонтана молодой ясень из Имманентной Рощи, и они приходили туда, чтобы посмотреть, прижилось ли деревце. Сильный весенний ветер дул с Холма Рок к морю, отклоняя струю воды в фонтане. Высоко на склоне Холма, почти на вершине, небольшая группа молодых учеников Школы училась создавать иллюзии у колдуна Хёга с острова О; ученики прозвали его Мастер Ловкая Рука. Цветы-искорки сверкали в траве, осыпая свои золотистые лепестки. А в волосах Эмбер сверкали серебряные нити.

— Значит, ты опять уплывешь, — грустно сказала она, — а мы опять начнем пререкаться по поводу Устава Школы.

— Если хочешь, я останусь.

— Я действительно очень этого хочу, но не надо! Ты ведь Искатель. Ты должен искать. И я не понимаю, почему решить вопрос о Пути — или Уставе, как больше нравится Варису, — оказалось в два раза труднее, чем построить Школу! И почему эта проблема вызывает в десять раз больше ссор? Понимаешь, мне бы тоже хотелось быть ото всего этого подальше. Мне бы, например, хотелось просто гулять с тобой, как сейчас... И еще мне бы очень хотелось, чтобы ты не уезжал на север!

— Но, интересно, почему Устав вызывает так много споров? — спросил Медра, заметно помрачнев.

— Дело в том, что нас теперь просто стало гораздо больше! Собери двадцать-тридцать магов в одной комнате, и каждый станет отстаивать свою точку зрения. А ты к тому же соединил в Школе мужчин, которые всегда жили по-своему и презирали женщин, с женщинами, которые тоже

всегда жили по-своему и презирали мужчин. Вот они и не могут примириться. И потом, между всеми нами, магами, действительно существуют некоторые настоящие и вполне реальные различия, Медра. И это очень серьезная проблема, которую так просто не решишь. Хотя, если бы каждый проявил хоть самую малую толику доброй воли, мне кажется, горы можно было бы свернуть, а не только принять Устав.

— Так что, все дело в Варисе?

— В Варисе и кое в ком еще. И все они — мужчины, и все они считают, что именно то, что они МУЖЧИНЫ, важнее всего остального на свете. Они даже к Древним Силам Земли относятся с некоторым презрением, ибо в них заключено женское начало. Ну а наличие у женщины магической силы кажется им просто подозрительным, потому что они считают, что все женщины так или иначе связаны с Древними Силами Земли. Словно не знают, что этими Силами не только невозможно управлять, но и вообще лучше не иметь с ними дела! Однако они на вершину вселенского пьедестала возводят именно мужчину и совершенно уверены, что настоящим волшебником может и должен быть только мужчина! Причем непременно давший обет безбрачия!

— А, опять они за свое, — безнадежным голосом сказал Медра.

— Вот именно! Вчера вечером сестра сказала мне, что Эннио и плотники предложили построить одну часть Дома специально для женщин! Или даже построить для них какой-нибудь отдельный дом, чтобы они жили там отдельно от мужчин и могли бы блюсти свою чистоту.

— Чистоту?

— Это не мое выражение, а Вариса. Но это предложение не прошло. Они хотят, чтобы Устав Школы отделил мужчин от женщин и чтобы все решения здесь принимали только мужчины. Разве можно с ними договориться? Зачем они вообще явились сюда, если не желают работать вместе с женщинами?

— По-моему, нам следует отсылать прочь любого, кто этого не понимает.

— Отсылать прочь? Раздосадованного? Чтобы он явился в Уотхорт или в Хавнор и гневно заявил их правителям, что ведьмы с острова Рок затевают бурю?

— Я забываю... я все время забываю... — Медра потупился. — Я забываю о стенах этой тюрьмы. Честное слово, я значительно умнее, когда оказываюсь вне ее «надежных» стен... А когда я здесь, я просто не могу поверить, что это, в общем-то, тюрьма. Пусть волшебная, но тюрьма! Однако же за ее пределами, тоскуя по тебе, я это помню... Мне тоже не

хочется уезжать сейчас, Элеаль, но я должен! Я не хочу, чтобы и здесь что-то пошло не так, как надо, но я должен ехать... Обязательно! И я непременно поплыву на север! Но зато потом, когда я вернусь, то больше уж никуда не уеду. Обещаю тебе. То, что мне нужно найти, я буду искать и найду здесь. Да я, собственно, уже и нашел, верно?

— Нет, — сказала она, — пока что ты нашел только меня. А нам с тобой еще так много нужно искать и найти в Роще! Там столько дел, что даже ты сумеешь избавиться от своей вечной непоседливости и беспокойства. Но почему на север, Медра?

— Я хочу расширить границы «Союза Руки», побывать на Энладе и Эа. Ведь мы почти ничего не знаем о тамошнем искусстве волшебства. О, Энлад, остров королей... И светлый Эа, старейший из островов! И мы, конечно же, найдем там союзников!

— Но путь туда преграждает Хавнор, — сказала она.

— А я и не собираюсь плыть близ берегов Хавнора, любовь моя. И не стану пересекать его по суше. Я намерен обогнуть этот остров по морям, по волнам. — Он был единственным, кому всегда удавалось заставить ее рассмеяться. Эмбер сильно менялась, когда его с нею не было: в эти периоды она говорила всегда тихо и спокойно, точно усмирив свой бешеный нрав и понимая бессмысленность нетерпения, когда положен определенный срок ожидания. Занимаясь той работой, которая должна была быть сделана в отсутствие Медры, она порой все же хмурила брови, иногда улыбалась, но никогда не смеялась. И при первой же возможности уходила одна в Рощу, как и прежде. Но в течение тех долгих лет, что длилось строительство Большого Дома и создавалась Школа Волшебников, Эмбер редко удавалось ходить туда. И даже в те дни, когда она могла это делать, она чаще всего прихватывала с собой одного-двух наиболее способных учеников, чтобы научить их отыскивать путь в волшебном лесу и читать слова, написанные узорчатой тенью листвы, ибо в Школе Эмбер стала Мастером Путеводителем.

В тот год Крачка собрался в свои странствия поздно. С собой он взял двоих: мальчика Моута пятнадцати лет, очень способного юного заклинателя погоды, которому просто необходимо было потренироваться в открытом море, и шестидесятилетнюю женщину по имени Сава, которая прибыла на Рок лет семь-восемь назад. Сава принадлежала к «Союзу Руки» и родом была с острова Арк. Не имея никаких магических талантов, Сава обладала таким замечательным талантом организатора, что умудрялась любую группу людей заставить отлично работать вместе, полностью доверяя друг другу. За это на Арке, а теперь и на Роке ее почитали как

очень мудрую женщину, хотя она не была даже ведьмой. Сава попросила Крачку взять ее с собой, чтобы повидаться с родными — с престарелой матерью, с сестрой и с двумя взрослыми сыновьями. Крачка намеревался оставить Моута с ней на Арке, а на обратном пути забрать их обоих с собой на Рок. Итак, судно «Надежда» вышло из гавани Твила и взяло курс на север. Стояли летние погожие деньки, и Крачка велел Моуту поднять небольшой волшебный ветерок и наполнить парус, чтобы с уверенностью добраться до Арка, прежде чем начнется Долгий Танец.

Когда они подошли совсем близко к Арку, Крачка сделал так, чтобы их «Надежда» казалась не судном, а просто бревном на волнах, обыкновенным куском плавника, ибо пираты и работорговцы Лозена в этих водах прямо-таки кишели.

От селения Сесесри на восточном берегу Арка, где Крачка оставил своих пассажиров, оттанцевав вместе с ним Долгий Танец, он направился дальше на север по Проливам Эбавнора, а затем свернул на запад вдоль южного берега острова Омер. Все это время он поддерживал ту же иллюзию, скрывая от чужих глаз свой корабль. Наконец в прозрачном и чистом воздухе середины лета при северном ветре он увидел далеко впереди голубую полосу пролива и чуть более бледные голубовато-коричневые очертания острова — длинные горные хребты и легкую, казавшуюся невесомой вершину горы Онн.

Смотри, Медра, смотри!

Это был остров Хавнор, его родная земля! Здесь жила его семья и друзья детства, а он даже не знал, живы они или умерли; здесь была могила Аниеб — вон там, на горе. Он ни разу с тех пор не возвращался сюда и никогда не подходил к этому острову так близко на судне. Сколько же лет прошло? Шестнадцать? Семнадцать? Никто, конечно же, не узнал бы его, все уже, наверное, забыли мальчика Выдру. Вряд ли кто-то, кроме отца, матери и сестры, узнает его, если, конечно, родители его еще живы... И, конечно же, здесь нашлись бы те, кто входит в «Союз Руки». В юности он, правда, никогда не слышал о таком союзе, но теперь-то он должен сразу узнать этих людей...

Медра плыл по широкому проливу до тех пор, пока гора Онн не скрылась из виду за холмами на берегу. Если он поплывет дальше на север, то больше ее не увидит, не увидит ее величественной вершины, отражающейся в спокойной воде гавани, где он пытался вызвать

магический ветер, когда ему было всего двенадцать... А если немного проплыть в другую сторону, то непременно увидишь те башни с флагами на вершинах, что, казалось, вздымаются прямо из воды и у своего основания окутаны туманом — дивный, белый город, сердце его мира!..

Это же просто трусость, решил он, столько лет держаться вдали от Хавнора! Он научился слишком дорожить собственной шкурой! Или боится узнать, что от его семьи не осталось и следа; боится того, что воспоминания об Аниеб могут оказаться слишком живыми и болезненными...

Ибо порой ему казалось, что, как и когда-то, он может призвать ее к себе, живую! И она, мертвая, может призвать к себе его, ибо та связь, что когда-то соединила их и позволила им спастись, не порвалась и до сих пор. Эта связь сохранилась! Много раз приходила Аниеб в его сны и стояла молча, как стояла тогда, когда он впервые увидел ее на шахтах Самори, в наполненной вонючими испарениями каменной башне. А несколько лет назад он снова видел ее — когда стоял возле умирающей целительницы из Телио, — и вокруг были сумерки, и она шла вдоль той странной каменной стены...

Теперь Медра уже знал от Элеаль и других волшебников с Рока, что это за стена. Она отделяет мир живых от мира мертвых. Но странно: в том видении мертвая Аниеб шла к нему ПО ЭТУ СТОРОНУ стены, а не уходила вниз по склону холма во тьму, в ту страну, откуда нет возврата...

Неужели она не умерла? Неужели он боится ее, той, что спасла его?

И Медра, борясь с сильным ветром, дувшим над Южной Косой, направил свое судно прямо в гавань Хавнора.

Над столицей Великого Острова по-прежнему реяли на ветру знамена, и король по-прежнему сидел там на троне; но знамена эти принадлежали захваченным во время пиратских налетов городам и островам, да и король был ненастоящий: это был алчный и воинственный правитель Лозен, печально знаменитый пират и работорговец. Однако Лозен теперь уже никогда не покидал своего мраморного дворца, где рабы исполняли любое его желание и где он целыми днями глядел, как тень от меча Эррет-Акбе скользит, точно стрелка огромных солнечных часов, по крышам раскинувшегося внизу города. Лозену стоило хлопнуть в ладоши, и рабы говорили: «Все исполнено, ваше величество». К Лозену, почтительно кланяясь, приходили старейшие жители острова и называли себя его «покорными слугами». Лозен призывал к себе своих волшебников, и маг Эрли склонялся перед ним в низком поклоне, выражая готовность в любую

минуту служить своему господину. «Сделай так, чтобы я мог ходить!» — кричал на него Лозен и бил по своим омертвевшим парализованным ногам слабеющими руками.

На это Эрли неизменно отвечал: «Как известно вашему величеству, моего жалкого мастерства для исцеления вашего недуга недостаточно, но я уже послал за величайшим целителем Земноморья с далекого острова Нарведен, и как только этот целитель прибудет сюда, то, я уверен, ваше величество вновь обретет способность ходить и даже танцевать Долгий Танец».

И тогда Лозен начинал выкрикивать проклятья и плакать, рабы приносили подносы с вином, сладостями и фруктами, а маг, пятясь и кланяясь до земли, спешил убраться прочь, не забывая, правда, удостовериться, что вызывающее паралич заклятие держится крепко.

Ему было гораздо удобнее, чтобы королем оставался недвижимый, хотя и невероятно капризный, Лозен, чем самому открыто править Хавнором. Военные люди не доверяли магам и волшебникам и зачастую открыто отказывались им подчиняться. И сколь бы ни была велика сила того или иного мага — если только это не был сам Враг Морреда, конечно! — он, даже захватив королевский трон, все равно не смог бы управлять ни армиями, ни флотами. Люди привыкли бояться Лозена и по-прежнему подчинялись ему, хотя теперь уже, скорее, по привычке, но это была настолько старая привычка, что въелась им в плоть и кровь. Как ни странно, но они доверяли Лозену, помня о том, какое могущество он приобрел благодаря своей смелой стратегии, твердому руководству и абсолютной жестокости; ну и, естественно, простой народ наделял своего правителя таким могуществом, какого у него никогда и в помине не было — например, способностью повелевать теми волшебниками, что жили у него при дворе.

Теперь, правда, при дворе, кроме Эрли, не осталось ни одного настоящего волшебника. Была еще, пожалуй, парочка жалких колдунов, а всех остальных Эрли изгнал или убил одного за другим — всех, кто мог бы соперничать с ним, добиваясь особого расположения Лозена, — и вот уже много лет наслаждался своей, по сути дела, безграничной властью над Хавнором.

Еще будучи учеником, а потом и помощником Геллука, он привлек внимание своего учителя к учению магов с острова Уэй и вскоре обнаружил, что совершенно свободен в своих действиях, пока Геллук колдует над своей драгоценной ртутью, которой увлекся безо всякой меры. И все же страшная гибель Геллука потрясла его. Была в ней какая-то

темная тайна, и для разгадки этой тайны Эрли явно не хватало знаний. Или какого-то конкретного человека. Призвав на помощь такого полезного сыщика, как Легавый, Эрли проделал тщательнейшее расследование случившегося. В общем, найти то место, где исчез Геллук, не составило особого труда. Легавый проследил его последний путь вплоть до загадочного шрама на склоне холма и заявил, что Геллук покоится именно там, глубоко под землей. Впрочем, Эрли не имел ни малейшего намерения откапывать его труп. А вот того мальчишку, что тогда был вместе с Геллуком, ему бы поймать очень хотелось, однако Легавый так и не смог выяснить, то ли этот парень тоже покоится под землей вместе с волшебником, то ли ему каким-то чудом удалось бежать, причем не оставив никаких следов. К тому же после исчезновения волшебника всю ночь лил сильный дождь, так что, когда Легавый, как ему казалось, напал наконец на след, следы эти в итоге оказались женскими и привели к тому месту, где эта женщина умерла.

Эрли не стал наказывать Легавого за эту неудачу, но запомнил ее. Он не привык к неудачам и терпеть их не мог. И ему очень не понравилось то, что Легавый рассказывал об этом мальчишке по имени Выдра, причем рассказывал чуть ли не с восхищением. Это Эрли тоже хорошо запомнил.

Жажда власти питает себя, пожирая все вокруг, и становится все сильнее по мере того, как разрастается, и теперь Эрли буквально «умирал от голода». То, что он фактически правил Хавнором, а этот остров превратился в последние десять лет в настоящую страну нищих, приносило ему мало удовлетворения. Какой прок в обладании тронном Махариона, если на нем сидит вечно пьяный калека? Какую славу могут принести дивные столичные дворцы, если в них никто не бывает, кроме рабов и прочих пресмыкающихся перед Эрли и Лозеном лизоблюдов? Да, Эрли мог получить любую женщину, какую хотел, но женщины высасывали из него магическую силу, и от женщин он отказался без сожалений, не подпуская к себе ни одну из них. Зато он мечтал о враге, о достойном противнике — мечтал сразиться с ним и уничтожить его.

Вот уже больше года его шпионы являлись с доносами о том, что повсюду в его королевстве ширится движение инсургентов, возглавляемых мятежными колдунами, и эти инсургенты называют себя «Союзом Руки». Мечтая отыскать долгожданного противника, Эрли однажды даже выследил группу таких мятежников. Оказалось, что она состоит в основном из старух, а также рабочего люда — плотников, канавокопателей, жестянщиков и тому подобного сброда. Там было даже несколько совсем маленьких мальчиков. Униженный и разъяренный, Эрли велел казнить всех

без разбора, включая и самого доносчика. Это была публичная казнь, совершенная именем Лозена за преступный заговор против короля. Возможно, это было даже полезно для укрепления его власти — слишком уж давно в стране не было подобных потрясений. И все же на публичную казнь Эрли согласился неохотно. Он не любил подобных спектаклей; не любил казнить тех, кому удалось заставить его бояться их. Он предпочитал расправляться с такими людьми по-своему и в более подходящее время. Чтобы служить питательной средой повиновения, страх должен быть внезапным. Эрли необходимо было видеть, как люди боятся его, нужно было слышать их ужас, обонять его, чувствовать его вкус. Но поскольку он правил именем Лозена, который держал в повиновении свою армию и флот, то ему приходилось держаться на заднем плане, а свои дела устраивать с помощью рабов, учеников и шпионов.

Вскоре после этого он послал за Легавым, чтобы дать тому некое поручение, и, когда с деловыми вопросами было покончено, старик спросил Эрли:

— Слышал ли ты когда-нибудь об острове Рок, господин мой?

— Конечно. Он на юго-западе от Камери и уже лет сорок или пятьдесят находится под протекторатом Уотхорта.

Хотя Эрли редко покидал столицу, он весьма гордился собственными знаниями об островах Архипелага, которые получал от своих мореходов, а также изучая великолепно составленные древние карты, хранившиеся в Королевской библиотеке. Карты он чаще всего изучал по ночам, в тишине и покое, подолгу обдумывая любую возможность расширить пределы своих владений.

Легавый кивнул, словно местонахождение Рока было единственным интересовавшим его вопросом, и промолчал.

— Ну так что ты хотел сообщить мне о Роке? — не выдержал Эрли.

— Видишь ли, господин мой, парень, что пытал одну из тех старух, которых ты велел потом сжечь — помнишь? — кое-что рассказал мне. Эта старуха все твердила о своем могущественном сыне, который живет на Роке, и призывала его прийти и спасти ее, понимаешь? И, похоже, у него было вполне достаточно сил, чтобы действительно сделать это...

— Ну и дальше-то что?

— Мне это показалось странным. Старуха родом из центральных земель острова, из какой-то жалкой деревушки; она и моря-то никогда не видела, но знала название острова, который находится очень далеко отсюда, да и слава о нем идет нехорошая...

— Ну, наверное, сын ее был рыбаком и много рассказывал ей о море и

о своих приключениях, — раздраженно сказал Эрли, устало махнул рукой, и Легавый, потянув носом воздух, кивнул и пошел прочь.

Однако Эрли никогда не упускал из виду ни одно из самых заурядных событий, о которых упоминал Легавый, ибо слишком многие из них в итоге оказывались отнюдь не такими уж заурядными. За это невероятное чутье Эрли терпеть не мог старика. Кроме того, его безумно раздражала невозмутимость Легавого. Эрли никогда его не хвалил и старался пользоваться его услугами как можно реже, однако же Легавый был слишком полезен, чтобы его услугами не пользоваться совсем.

Волшебник все время помнил об этом их разговоре и когда снова услышал название Рок, причем опять в связи с деятельностью инсургентов, то понял, что Легавый в очередной раз верно взял след.

Дело было в том, что одним из патрулей Лозена были задержаны трое подростков — два мальчика лет пятнадцати и двенадцатилетняя девочка. Их поймали к югу от Омера, когда они довольно успешно управляли украденной рыбацкой лодкой с помощью магического ветра. Патрульное судно остановило их только благодаря тому, что на борту был опытный заклинатель ветров, который поднял большую волну, затопившую суденышко с детьми. Их, конечно, тут же выловили из воды и отвезли обратно в Омер, и там один из мальчишек сломался и стал нести какую-то чушь насчет могущественного «Союза Руки». Услышав знакомое название, патрульные сказали мальчишке, что за причастность к этому союзу все трое будут незамедлительно подвергнуты пытке, а потом сожжены. Вконец перепуганный подросток в ответ закричал, что если его пощадят, то он расскажет им все и о «Союзе Руки», и о Великих Магах острова Рок.

— Немедленно привести всех сюда! — велел Эрли посыльному.

— Девчонка-то сбежала, господин мой, — нехотя отвечал тот, смущенно потупившись.

— Как это сбежала?

— Да она в птицу превратилась, господин мой! В скопу, говорят. Никто и не ожидал такого — она ведь совсем еще девчонка. Они даже и не заметили, как она крыльями взмахнула и улетела.

— Тогда веди сюда мальчишек, — велел Эрли мертвенно-спокойным голосом, проявляя прямо-таки поразительное терпение.

Но к нему привели только одного мальчика. Второй хотел спрыгнуть с борта судна во время перевозки из Омера в Хавнор и был убит арбалетной стрелой. Тот мальчишка, которого наконец доставили к Эрли, был настолько перепуган, что волшебник даже испытал некоторое отвращение. Сильнее испугать существо, которое и без того совершенно ошалело от

страха, было бы просто невозможно. Он наложил на мальчика связующее заклятие, заставив его стоять прямо и неподвижно, как статуя, и в таком виде оставил его примерно на сутки, время от времени разговаривая с ним и уверяя его, что если он будет вести себя достаточно умно, то вполне может стать учеником волшебника и здесь, в королевском дворце, ибо он, Эрли, готов учить его. Ну а когда-нибудь потом он, может быть, и на острове Рок побывает вместе с Эрли, потому что и сам Эрли давно подумывает о том, чтобы туда съездить и встретиться с тамошними магами и волшебниками.

Когда он освободил мальчишку от заклятия, тот еще некоторое время пытался притворяться статуей, говорить не способной. Так что Эрли пришлось просто проникнуть в его мысли тем способом, который он давным-давно узнал от Геллука, а Геллук был настоящим мастером этого дела. После того как Эрли выяснил все, что мог, мальчишка стал ему совершенно не нужен, так что пришлось с ним покончить. И это снова было очень глупо и унижительно, тем более что его, Эрли, снова перехитрили какие-то жалкие, невежественные подростки! Впрочем, он узнал, что пресловутый «Союз Руки» коренится именно на острове Рок, а также — что там находится и некая Школа, где учат магическим искусствам. И еще он узнал одно имя, имя мужчины...

Идея устройства подобной школы заставила его рассмеяться. Школа для диких кабанов, думал он, университет для драконов! Но то, что на острове Рок существует некая организация тех, кто обладает магической силой, казалось ему вполне возможным, и чем больше он думал об этом, тем больше мысль о каком бы то ни было союзе или объединении магов и волшебников тревожила его. Такой союз, разумеется, был бы совершенно неестественным и мог бы существовать только под руководством волшебника, в высшей степени могущественного, под давлением его доминирующей воли. Вот он, тот враг, тот достойный противник, о котором он так долго мечтал!

Ему сообщили, что Легавый уже дожидается у дверей, и он послал за ним, велел ему подняться.

— Кто такой Крачка? — спросил он у старика, как только тот вошел.

С возрастом Легавый стал еще больше соответствовать своей кличке — с отвислыми, покрытый морщинами щеками, длинноносый, с печальными умными глазами. Он потянул носом и, казалось, готов был уже отрицательно покачать головой, но прекрасно понимал, что лгать Эрли не стоит, а потому вздохнул и сказал:

— Это Выдра. Тот, что убил Белолицего.

— Где же он скрывается?

— А он совсем и не скрывается. Он только что в Хавноре был. Ходил себе по городу, с людьми беседовал. Побывал в гостях у своей матери в Эндлейне, что за горой. Он и сейчас там.

— Тебе следовало немедленно сообщить мне об этом, — сухо заметил Эрли.

— Так я ж не знал, что он тебе снова понадобится, господин мой! Я-то за ним долго охотился, да только он меня провел, ловко провел. — Легавый сказал это абсолютно беззлобно.

— Он обманул и убил великого мага, моего учителя! Он опасен. Я желаю ему отомстить. С кем именно он здесь беседовал? Я желаю видеть этих людей. А потом я примусь за него самого.

— Это какие-то старухи из доков. Один старый колдун. И еще его сестра.

— Доставь всех сюда. Возьми моих людей, сколько нужно.

Легавый потянул носом, вздохнул и согласно кивнул.

Ничего особенного добиться от тех людей, которых к нему привели, Эрли опять не удалось. Все твердили одно и то же: они принадлежат к «Союзу Руки», а это союз могущественных колдунов с Острова Морреда или с острова Рок, и человек по прозвищу то ли Выдра, то ли Крачка как раз оттуда и прибыл, хотя на самом-то деле он родом с Хавнора, и все они очень его уважают, хотя он всего-навсего Искатель. Сестра же этого «Искателя» куда-то исчезла, возможно, правда, она сейчас вместе с Выдрой гостит у матери в Эндлейне. Эрли порылся в их затуманенных мозгах и велел подвергнуть пытке самого молодого, но, так ничего и не добившись, сжег всех на площади перед дворцом, чтобы Лозен, сидя у своего окна, мог наблюдать за казнью. Королю иногда требовались подобные развлечения.

На все это ушло два дня, и Эрли ни на минуту не забывал о селении Эндлейн; он сразу послал туда Легавого и других своих агентов, чтобы те внимательно наблюдали за тем, что там происходит. И когда ему донесли, что нужный человек действительно находится в Эндлейне, он мгновенно перенесся туда в облике орла, ибо, надо сказать, Эрли был великим мастером превращений и решил бы, наверное, принять даже обличье дракона.

Он понимал, что с этим человеком нужно быть очень осторожным. Этот Выдра еще мальчишкой победил самого Тинарала, а потом заварил такую кашу на Роке. Он явно обладает большой магической силой, или же, возможно, ему помогает КТО-ТО ДРУГОЙ, еще более могущественный. И

все-таки Эрли трудно было заставить себя опасаться обыкновенного лозоходца; ведь не боялся же он всяких ведьм-повитух и колдунов-целителей. Нет, он не станет скрываться! И Эрли в обличье орла спустился среди бела дня прямо на пустынную площадь Эндлейна, и все видели, как его когтистые лапы превратились в обычные ноги, а огромные орлиные крылья — в руки.

К сожалению, зрителей поблизости почти не случилось, лишь какой-то малыш с испуганным плачем бросился к матери. Эрли с орлиной зоркостью огляделся. Волшебник всегда признает волшебника, и ему сразу стало ясно, в каком из домов находится сейчас та дичь, за которой он гнался. И Эрли пошел прямо туда и с силой распахнул дверь настежь.

Стройный, худощавый, смуглый человек, что сидел за столом, не вставая, посмотрел на него.

Эрли поднял было руку, чтобы опутать его связующим заклятием, но рука так и повисла, недвижимая, в воздухе.

Так это поединок! Так это, оказывается, вполне достойный соперник! Эрли быстро отступил на шаг, а потом, улыбаясь, поднял обе руки вперед и вверх, собираясь произнести заклятие; он делал это очень медленно, но очень уверенно, не сдерживаемый никакими действиями противника.

Дом исчез. Ни стен, ни крыши — ничего. Эрли стоял на пыльной деревенской площади, освещенной утренним солнцем, с поднятыми вверх руками.

Это, конечно, была всего лишь иллюзия, однако она все же смутила его, помешав вовремя произнести заклятие; к тому же пришлось эту иллюзию устранять, возвращать на прежнее место дверной косяк, стены и балки под крышей, а также отблеск солнечного света на фаянсовой посуде, каменный очаг, стол... Но за столом больше никто не сидел. Его враг исчез.

И тут Эрли рассердился, очень рассердился, точно голодный, у которого прямо из-под носа стащили еду. Он попытался призвать своего соперника с помощью Истинного Заклятия, но не знал подлинного имени этого человека, а потому не имел никакой власти ни над его душой, ни над ним самим. Так что все его усилия оказались напрасными: этот то ли Крачка, то ли Выдра не явился и не отозвался.

Эрли выбежал из дома, обернулся и в гневе осыпал его такими проклятиями, что дом тут же вспыхнул. Из дома с воплями выбежали женщины. Они, несомненно, прятались где-то в дальних комнатах; тогда Эрли даже внимания не обратил, есть ли в доме еще кто-нибудь. «Легавый нужен!» — подумал он и призвал старика его Истинным именем, и тот, конечно же, явился, хотя вид у него, надо отметить, был хмурый и

недовольный.

— Я ведь сидел в таверне, вон там, — сказал он. — Ты, господин мой, мог бы просто меня окликнуть моим обычным прозвищем, я бы сразу пришел.

Эрли молча глянул на него, но так, что рот Легавого закрылся сразу и навсегда.

— Будешь говорить, когда я тебе это позволю, — сказал ему волшебник. — Где этот человек?

Легавый мотнул головой в сторону северо-востока.

— А что там такое?

Эрли позволил Легавому открыть рот и дал ему достаточно голоса, чтобы тот смог ровным мертвым тоном произнести:

— Самори.

— В каком обличье он туда отправился?

— Выдры, — прозвучал тот же мертвый голос.

Эрли расхохотался.

— Что ж, я буду ждать его там, — сказал он, и пальцы у него на ногах превратились в желтоватые орлиные когти, а руки — в широкие мощные крылья. Орел взлетел в воздух и двинулся на северо-восток, легко преодолевая сопротивление ветра.

Легавый потянул носом, вздохнул и нехотя последовал за ним. У него за спиной в деревне догорал дом, плакали дети, а женщины выкрикивали проклятия вслед улетающему орлу.

Опасность любой попытки совершить доброе дело заключается в том, что разум путает две вещи: желание сделать что-то хорошее и желание сделать что-то хорошо.

Впрочем, отнюдь не об этом думала выдра, когда быстро плыла прочь по реке Иеннаве. Она вообще почти ни о чем не думала, кроме того, с какой скоростью и в каком направлении ей нужно плыть, и наслаждалась сладким вкусом речной воды и дивным ощущением ловкости собственных движений. Зато именно о попытках совершить добро думал сам Медра, когда сидел за столом в доме своей бабушки в Эндлейне и разговаривал с матерью и сестрой — перед тем как дверь резко распахнулась и на пороге появилась ужасная светящаяся фигура.

Медра явился на остров Хавнор, думая, что, поскольку сам он не желает никому зла, то никому никакого зла и не причинит. Он уже причинил достаточно зла: те несчастные мужчины, женщины и дети умерли из-за него. И умерли в страшных мучениях, сожженные заживо.

Явившись в гости к матери и сестре, он подверг их чудовищной опасности; опасность грозила и ему самому, а через него — и острову Рок. Если бы Эрли (Медра было известно только это его имя и его дурная репутация, но знаком он с ним не был) поймал его и ИСПОЛЬЗОВАЛ — а по слухам, он использовал других людей так, что их души превращались в пустые мешки, — то все жители Рока могли бы оказаться во власти этого волшебника, став легкой добычей флота и армии, которыми, в сущности, командовал он, а не Лозен. И получилось бы, что именно он, Медра, предал Рок, подчинил его Хавнору — в точности как тот волшебник, имени которого они никогда не произносили вслух, некогда предательски подчинил Рок Уотхорту. Возможно, впрочем, что тот волшебник тоже полагал, что не способен никому причинить никакого зла.

И Медра как раз обдумывал то, как бы ему поскорее и незаметно убраться с Хавнора, когда на пороге их дома возник Эрли.

А теперь, в обличье выдры, он думал только о том, что хотел бы выдрой и остаться, всегда быть выдрой, всегда плавать в этой сладкой коричневатой воде, в этой живой воде, в которой для выдры нет смерти, а одна лишь бесконечная жизнь и счастье. Но у этой маленькой выдры были, к сожалению, человеческая душа и человеческий разум, а потому в излучине реки близ Самори ей пришлось вылезти на скользкий глинистый берег, и через мгновение там уже сидел на корточках, дрожа от холода, самый обыкновенный человек.

Ну, и куда дальше? Зачем, собственно, он приплыл сюда?

Об этом он как-то не подумал. Он принял то обличье, которое мог принять быстрее всего, и, как всякая выдра, бросился в реку и поплыл. Но лишь в своем истинном обличье он был способен думать по-человечески, прятаться от врагов, что-то решать, действовать, как действует человек — или, точнее, как волшебник, зная, что другой могущественный волшебник на него охотится.

Он понимал, что с Эрли ему не справиться. Для того чтобы приостановить действие того первого связующего заклятия, ему пришлось использовать всю свою магическую силу без остатка. Умение создавать иллюзии и менять обличье были единственными его козырями в этой игре. Если он снова столкнется с Эрли лицом к лицу, то, вполне возможно, будет уничтожен. И вместе с ним будет уничтожен Рок. И Школа. И Элеаль, его возлюбленная. И Вейл, и Ворон, и Дори — все, все, и фонтан во внутреннем дворе, выложенном белыми плитами, и юный яшень у фонтана... И только Роцца выстоит. Да зеленый Холм, молчаливый, неколебимый. Он услышал слова Элеаль: «Вся истинная магия, все древние

силы имеют один общий корень».

Медра огляделся. Это был тот же склон холма над ручьем, куда он тогда привел Тинарала — и Аниеб, мысленно ощущая ее присутствие. Вон там, буквально в двух шагах, тот шрам на поверхности земли, та печать, которую еще не скрыли зеленые травы лета.

— О, Мать-земля, — сказал он, стоя на коленях, — откройся,пусти меня!

Он положил руки на тот шрам, но в руках его больше не было силы.

— Впусти меня, Мать-земля! — прошептал он на том языке, который был столь же древен, как сам этот Холм. И вдруг земля содрогнулась и слегка приоткрыла свою уже начавшую затягиваться рану.

Медра услышал над головой пронзительный крик орла. Вскочил на ноги и... бросился в темноту.

Орел спускался, кружа над долиной и испуская пронзительные крики; он тщетно кружил и кружил над холмом, над росшими вдоль реки ивами в поисках своей жертвы, но тщетно, и в итоге, злой и усталый, улетел в том же направлении, откуда явился.

Прошло еще какое-то время, и уже ближе к вечеру на тот же холм притащился наконец старый Легавый. Он то и дело останавливался, принимался, потом присел на землю у шрама на поверхности земли, заодно давая отдохнуть усталым ногам, и стал внимательно осматривать землю в том месте, где валялись комки свежей влажной глины и была примята трава. Легавый погладил траву, как бы выпрямляя ее, потом встал, подошел к реке и в тени под ивами с удовольствием напился чистой прохладной коричневатой воды, а потом пустился в обратный путь, к шахтам.

Медра очнулся в полной темноте, страдая от боли. Довольно долго вокруг не было видно ни зги. Боль то возникала, то проходила, а вот тьма оставалась. Однажды, правда, она чуть-чуть рассеялась, превратившись в некое подобие сумерек, так что он смог, хотя и весьма неясно, разглядеть какой-то склон, уходящий вниз от того места, где он лежал, к невысокой стене из камня, за которой снова стеной стояла непроглядная тьма. Но подняться на ноги он не мог и не мог подойти к той стене. Вскоре вернулась и боль, временами становясь очень сильной; видимо, у него были повреждены плечо и бедро, к тому же просто раскалывалась голова. А потом его снова со всех сторон обступила тьма, и он погрузился в небытие.

Очнувшись, он почувствовал нестерпимую жажду и жгучую боль. И услышал где-то рядом звук бегущей воды.

Он попытался вспомнить, как зажечь волшебный огонек. Аниеб жалобным голосом просила его тогда зажечь огонек, а он не мог... И сейчас тоже не смог и полз в темноте, пока звук бегущей воды не стал громче, пока он не почувствовал под собой влажные камни, пока не нащупал во тьме воду. Он напился и попытался отползти в сторону от подземного ручья, потому что очень замерз на мокрых камнях. Похоже, одно плечо у него было сломано и совершенно вышло из строя. Голову вдруг пронзила такая острая боль, что он застонал и, дрожа, сжался в комок, пытаясь утишить боль и согреться. Но согреться на ледяных влажных камнях было невозможно, и по-прежнему со всех сторон его обступала непроглядная тьма.

Он сел, пытаясь осмотреться, а потом снова лег, свернувшись клубком, рядом с тем местом, где из-под мощного слоя слюды просачивался крошечный родничок. Неподалеку от него лежало бесформенной кучей чье-то тело — красный шелк полусгнившего платья, длинные волосы, обнажившиеся кости черепа... А дальше был вход в какую-то просторную пещеру, и ему довольно хорошо было видно, как далеко простирается эта пещера и те пещеры и переходы, череда которых находится за нею; об этих пещерах ему когда-то кое-что было известно, но он думал об этом с тем же безразличием, с каким смотрел на истлевшее тело Тинарала и с каким только что осматривал в темноте свое собственное тело. Он ощутил лишь легкое сожаление. Будет только справедливо, если он умрет рядом с тем, кого убил. Все правильно. Но какая-то боль внутри не давала ему покоя — нет, то была не физическая боль его израненного тела, а другая, давняя, ПОЖИЗНЕННАЯ его боль...

— Аниеб? — сказал он.

И тут же в голове у него прояснилось, несмотря на отчаянную боль в плече и бедре. Его подташнивало, голова кружилась, вокруг стояла тьма. Стоило ему чуть шевельнуться, и он застонал от боли, но все же сел. «Я должен жить, — думал он. — Я должен вспомнить, КАК нужно жить. И как зажечь волшебный огонек. Я должен это вспомнить! Я должен вспомнить резные тени под деревьями в Роще...»

«Как далеко простирается этот лес»? — «Так далеко, как способно простираться твое воображение».

Медра поднял голову и всмотрелся во тьму. Потом слегка шевельнул здоровой рукой, и на конце пальцев повис слабенький огонек.

Оказалось, что верхний свод пещеры довольно высок. Звонкий ручеек, стекавший по слюдяному пласту, переливался в свете волшебного огонька.

А вот остальные помещения и переходы огромной пещеры он видеть

теперь больше не мог — так, как видел их до того своим равнодушным, незрячим «третьим» глазом. Мерцающий волшебный огонек освещал лишь незначительную часть пространства вокруг него. Как и в ту ночь, когда он шел вместе с Аниеб навстречу ее смерти и видел вперед ровно на один шаг, не больше.

Он встал на колени и, немного подумав, прошептал: «Благодарю тебя, Мать-земля!» И потом попытался встать и тут же упал, громко вскрикнув, ибо его левое бедро отозвалось пронзительной болью. Полежав некоторое время, он предпринял вторую попытку встать и встал. А потом двинулся дальше.

Ему потребовалось немало времени, чтобы пересечь эту пещеру. Он сунул сломанную руку за пазуху, а здоровой рукой придерживал бедренный сустав, благодаря чему было немного легче идти. Стены вокруг постепенно сужались, образуя некий коридор. Потолок здесь был гораздо ниже, он почти касался его головой. По одной стене стекала просачивавшаяся откуда-то вода и собиралась под ногами среди камней в маленькие лужицы. Это был отнюдь не чудесный дворец с красными стенами из грез Тинарала, и мистические серебристые руны не поблескивали вокруг на бесчисленных колоннах. Это была самая обыкновенная подземная пещера или старая штольня, и вокруг были самые обыкновенные земля, камень и вода. Воздух здесь был холодным и неподвижным. Тот родничок остался позади, и уже не слышно было даже его слабого журчания. За пределами крошечного круга света, образованного волшебным огоньком, стеной стояла тьма.

Медра опустил голову и остановился. «Аниеб, — сказал он, — не можешь ли ты вернуться ко мне? Или хотя бы показать мне путь? Я не знаю, как выбраться отсюда». Он немного подождал. Но ответа не было. Вокруг лишь тьма и тишина. И тогда медленно, то и дело останавливаясь, он вошел в подземный коридор.

Как этому человеку удалось уйти от него, Эрли так и не понял. Но две вещи он теперь знал наверняка: этот Выдра — или как его там? — был куда более могущественным магом, чем все, кого Эрли знал прежде, и он постарается как можно скорее вернуться на Рок, поскольку именно там источник его могущества. Было совершенно бессмысленно пытаться попасть туда раньше него; он уже сделал свой первый ход. Но Эрли мог за ним последовать, и если его собственной магической силы окажется недостаточно, он привлечет на помощь такую военную силу, которой не смог бы противостоять ни один маг на свете. Ведь даже сам Морред был в итоге сражен не каким-то колдовством, а просто благодаря мощи тех

вражеских армий, которые были брошены против него!

— Ваше величество, следует послать флот на юг, — сказал Эрли в ответ на вопросительный взгляд старого Лозена, как всегда сидевшего в своем кресле у окна королевского дворца. — Страшный враг идет на нас с южного берега Внутреннего моря, но мы намерены дать ему должный отпор! Сто военных кораблей следует послать одновременно из Хавнора, из Омера и из Южного порта, а также из вашего родового замка на острове Хоск. Это будет самое великое морское сражение, какое когда-либо видел мир! Я сам поведу эти корабли. А вся слава достанется вашему величеству. — И он рассмеялся Лозену в лицо, так что тот в ужасе уставился на него, в конце концов, видимо, начиная понимать, кто здесь настоящий хозяин.

И столь сильно было влияние Эрли на Лозена, что не прошло и двух дней, как огромный флот вышел из Хавнора, по дороге собирая дань с подчиненных островов. Восемьдесят кораблей проплыли мимо Арка и Илиена, и попутный магический ветер неустанно наполнял их паруса, неся их прямо к острову Рок. Иногда сам Эрли в белых шелковых одеяниях, держа в руке длинный белый посох, сделанный из рога какого-то северного морского чудовища, стоял на носу головной галеры, и сто ее весел, взлетая разом в воздух, напоминали крылья огромной морской чайки. Порою же он и сам превращался в чайку, или в орла, или даже в дракона и кружил над кораблями чуть впереди них, и люди, видя его в этом обличье, кричали: «Повелитель драконов! Повелитель драконов!»

Они причалили к острову Илиен, чтобы запастись водой и пищей. Отправка в путь сотен людей одновременно не позволила как следует пополнить имевшиеся на судах запасы воды и продовольствия. И войско Эрли совершенно опустошило города и селения на западном берегу Илиена; то же самое произошло на Виссти и Камери — они забрали все, что смогли унести, а остальное сожгли. Затем огромный флот повернул на запад, держа курс к единственной гавани острова Рок, заливу Твил. Эрли была известна эта гавань благодаря морским картам, имевшимся в Хавноре, и он знал, что над этим заливом возвышается огромный холм. Когда они подошли достаточно близко к острову, он в обличье дракона взмыл высоко в небеса и, оставив внизу свои корабли, полетел вперед, высматривая на западе вершину этого холма.

Когда же он увидел ее, подернутую дымкой и ярко-зеленую на фоне туманного моря, то громко крикнул, и люди на кораблях услышали этот пронзительный крик дракона, а он еще быстрее полетел вперед, стремясь к заветной цели.

Согласно всем известным ему слухам, остров Рок был защищен особыми заклятиями и опутан особыми чарами, скрывавшими его от глаз обычных людей. Но если и были какие-то чары, скрывавшие этот холм или этот залив, то теперь они, очевидно, рассеялись, ибо Эрли видел над островом лишь легкую осеннюю дымку, почти прозрачную. Ничто не туманило его взор, ничто, казалось, не препятствовало его намерениям, когда он летел над заливом, над маленьким городком и над недостроенным огромным зданием на склоне другого холма, несколько выше остального города. Устремившись к самой вершине того округлого зеленого холма, Эрли, выпустив драконьи когти и, хлопая ржаво-красными крыльями, наконец приземлился.

И, едва коснувшись земли, принял свое первоначальное обличье. Однако же он совершил это превращение не по своей воле, и это его встревожило, вселив в душу неуверенность.

Дул ветер, и высокая трава согласно кивала ему. Лето уже перевалило за середину, и трава успела пожухнуть, пожелтеть, в ней не было видно цветов, разве что белый пушок отцветших соцветий. Какая-то женщина поднималась прямо к нему по склону холма среди высоких трав. Шла она не по тропе, но очень легко, свободно, не спеша.

Ему казалось, что он успел поднять руку и произнести связующее заклятие, чтобы остановить ее, но почему-то рука его так и не поднялась, а женщина продолжала идти. Она остановилась, только когда была от него на расстоянии шага.

— Назови мне свое имя, — сказала она, стоя чуть ниже и подняв к нему лицо, и он ответил:

— Териэль.

— Зачем ты сюда явился, Териэль?

— Чтобы вас уничтожить.

Он не сводил с нее глаз, но видел перед собой всего лишь обыкновенную круглолицую женщину средних лет, невысокую и крепкую, с сединой в волосах; ее темные глаза смотрели из-под густых темных бровей так, что приковывали к себе его взгляд и заставляли его уста произносить только правдивые слова.

— Уничтожить нас? Уничтожить наш Холм? И эти деревья? — Она посмотрела вниз, на небольшую рощу недалеко от холма. — Возможно, Сегой, который их создал, и был бы способен их уничтожить. Возможно, сама земля тоже способна уничтожить себя. И, возможно, она, в итоге, так и сделает — благодаря нашим усилиям. Но только не твоим, фальшивый правитель, фальшивый дракон, фальшивый человек. Никогда не ступай на

Холм Рок, если не знаешь заранее, какова та земля, на которую ты ступил! — Она сделала один-единственный жест рукой, указав ему на землю, повернулась и пошла прочь — вниз по склону холма, по высокой траве, тем же путем, каким пришла сюда.

И вдруг Эрли увидел, что на холме вокруг него толпится множество людей — мужчины и женщины, старики и дети, живые и мертвые, причем души мертвых толпились среди живых. Эрли стало страшно. Он даже присел на корточки и попытался произнести заклятие, которое скрыло бы его ото всех этих людей.

Но никакого заклятия он не произнес. И понял, что у него совсем не осталось волшебной силы. Вся она куда-то исчезла, ушла из него, утекла в этот ужасный холм, в эту ужасную землю у него под ногами, покинула его! Он больше не был волшебником, он стал самым обыкновенным человеком, таким же, как все остальные, и он был бессилен.

Эрли понимал это, понимал это отлично, но все еще пытался выговорить слова заклятия, все еще вздымал руки в повелительном жесте, все еще сотрясал кулаками в бессильной ярости. А потом посмотрел на восток, напрягая зрение и надеясь разглядеть сверкающие на солнце весла боевых галер и их паруса. Они идут сюда, его корабли! Они спасут его и накажут всех этих людей и эту строптивую женщину!..

Но парусов он не увидел; он увидел только туман. Густой туман повис над водой, окутав залив и скрывая море за его пределами. И туман этот все сгущался, становился темнее, а на море неторопливо начинали вздвигаться волны, предвещая бурю.

Земля, вращаясь вокруг своей оси и поворачиваясь к солнцу той или иной стороной, заставляет ночь и день сменять друг друга, но внутри земли царит ночь. Медра шел в сплошной темноте. Он очень сильно хромал, и у него часто не хватало сил, чтобы поддерживать волшебный свет. Когда гас и этот крошечный огонек, ему приходилось просто останавливаться. Тогда он опускался на землю и засыпал. Но этот сон не был похож на смерть и ни разу не превращался в нее, как ему сперва показалось. Он просыпался от вполне живых, хотя и весьма неприятных ощущений — от холода, от боли, от невыносимой жажды. И все же, как только ему удавалось зажечь волшебный огонек, он поднимался на ноги и шел дальше. Он ни разу не видел Аниеб, но знал, что она рядом. Это она вела его. Иногда ему попадались очень большие пещеры. А иногда — настоящие озера с такой неподвижной водой, что было страшно нарушать эту неподвижность, но все же он пил из них. Ему все время казалось, что он заходит все глубже и

глубже в недра земные, но вдруг вышел на берег очередного озера, самого большого из тех, что ему до сих пор попадались, и после этого снова начался явный подъем. Теперь уже он вел Аниеб, а она лишь следовала за ним. И он уже мог произнести вслух ее имя, хотя она ему не отвечала. Но никаких других имен он вслух произнести не мог, зато мог думать о деревьях из Рощи, о корнях тех деревьев... Здесь было настоящее царство древесных корней. Как далеко простирается этот лес? Так далеко, как обычно простираются леса. И тянутся так долго, как жизни людей, корни которых так же глубоки, как корни деревьев. И все это продолжается, пока листва в Роще отбрасывает на землю резные тени... Но здесь не было ни света, ни теней, только тьма, и Медра упрямо шел вперед, пока не увидел перед собой Аниеб. Ее блестящие глаза, облако ее пышных кудрявых волос... Оглянувшись, она некоторое время смотрела на него, а потом вдруг свернула в сторону и легко побежала куда-то вниз по пологому склону — во тьму.

И он вдруг заметил, что тьма вокруг уже не такая плотная, и почувствовал на лице слабое дыхание ветра. А далеко впереди виднелся свет, неясный, слабый, но, похоже, самый настоящий, не волшебный. И Медра пошел вперед, точнее, пополз, приволакивая правую ногу, ибо она уже не выдерживала его веса. Продвигаясь все дальше вперед, он вскоре почувствовал земные вечерние запахи и увидел кусочек вечернего неба, просвечивавшего сквозь ветви и листву огромного дерева. Изогнувшийся дугой корень огромного дуба образовывал как бы арку над входом в пещеру, и этот вход был такой узкий, что крупный барсук и уж тем более человек с трудом мог бы в него протиснуться. Но Медра прополз в эту дыру и наконец оказался СНАРУЖИ. А потом он лег прямо у корней дерева и стал смотреть, как меркнет вечерний свет, как среди листвы загораются первые звезды.

Именно там и нашел его Легавый — в нескольких милях от того шрама на склоне холма, на самой опушке великого леса Фалиерн.

— Ну вот, догнал я тебя наконец! — удовлетворенно сказал старик, глядя на распростертое на земле грязное и казавшееся совершенно безжизненным тело Медры. И тут же прибавил с сожалением: — Только слишком поздно. — Он наклонился, пытаясь приподнять мертвого и опасаясь, что ему придется просто волоочь его по земле, но тут почувствовал в лежащем без чувств человеке слабое биение жизни и радостно воскликнул: — Да ты никак живой! Ну так давай, просыпайся, парень! Очнись! Эй, Выдра!

Медра открыл глаза, явно узнал Легавого, но даже сесть оказался не в

силах и едва мог говорить. Старик накиннул ему на плечи свою куртку, напоил его водой из фляжки и присел возле него на корточки, прислонившись спиной к огромному стволу дуба. Некоторое время оба молчали, глядя куда-то в лес. Близился полдень, яркие лучи летнего солнца пробивались сквозь густую зеленую листву. На вершине дуба застрекотала белка, с соседнего дерева ей откликнулась сойка. Легавый поскреб шею и вздохнул.

— Волшебник наш, как всегда, отправился по ложному следу, — сказал он наконец. — Сказал, что ты непременно на острове Рок, там он тебя и поймает. А я ничего ему не сказал.

И он посмотрел на человека, которого знал только под именем Выдра.

— Ты ведь ушел под землю через ту дыру, в которую старый Белолицый прыгнул, верно? Нашел ты его там?

Медра кивнул.

— Хм... — Легавый коротко и немного сердито усмехнулся. — Ты всегда находишь то, что ищешь, верно? Как и я. — Он видел, что его собеседник чем-то сильно опечален, и сказал: — Ты не бойся, я тебя отсюда вытащу. Схожу в деревню — она вон там, под горой, — и приведу кого-нибудь с повозкой. Вот только отдышусь немного. Послушай, ты насчет меня плохого не думай: я не для того столько лет всех с твоего следа сбивал, чтобы теперь тебя Эрли отдать, как Геллуку тогда отдал. До чего же я об этом потом жалел! И сколько передумал! А помнишь, я говорил тебе, что нам, «ловкачам», надо вместе держаться? И понимать, на кого мы работаем? Правда, у меня-то особого выбора не было. Но после истории с тобой я сильно задумался и решил, что если мне еще раз доведется с тобой встретиться, то я непременно окажу тебе настоящую услугу. Если смогу, конечно. Как один Искатель другому, ясно?

Выдра, задыхаясь, попытался что-то сказать в ответ, но Легавый ласково коснулся его руки и сказал:

— Молчи. И ни о чем не беспокойся. — Он решительно встал, собираясь идти в деревню. — Лежи, отдыхай, а я скоро вернусь.

Он действительно очень скоро вернулся с возчиком, который согласился доставить их в Эндлейн. Мать Выдры и его сестра жили теперь у родственников, надеясь впоследствии все же отстроить сгоревший дом. Они просто глазам своим не поверили, увидев Выдру живым, и страшно обрадовались. Не зная о том, что Легавый находится на службе у Лозена и Эрли, эти женщины обращались с ним, как с родным. Они были очень благодарны этому хорошему человеку, который не только нашел их бедного Выдру полумертвым в лесу, но и привез его домой. Мать Выдры без умолку

расхваливала Легавого соседям, говоря, какой он мудрый и добрый. Действительно, мудрый, но вот добрый ли? Этого и сам Выдра еще не знал.

Выдра поправлялся медленно. Целительница-костоправ долго колдовала над его сломанным плечом и вывихнутым бедром, лечила глубокие порезы на руках, на коленях и на голове, нанесенные острыми краями камней в темных подземных пещерах, а мать готовила ему вкусные кушанья и все старалась принести какое-нибудь лакомство из местных садов и ягодников. Но он лежал, почти такой же слабый и безучастный, как и когда Легавый нашел его у корней большого дуба. «У него больше не осталось сердца», — сказала знахарка, лечившая его. Она говорила правду: сердце его действительно было в другом месте, изъеденное тревогой, страхом и стыдом.

— Ну, и куда же его сердце подевалось? — сердито спрашивал знахарку Легавый.

Вдруг Выдра, до того молчавший, промолвил:

— Мое сердце на острове Рок.

— Ага! Там, значит, куда старый Эрли отправился со своим огромным флотом? Ясно... У тебя, значит, друзья там? Ну что ж, один из тех кораблей уже вернулся. Пойду-ка я в таверну да порасспрошу кое-кого из морячков. Разузнаю, как они добрались до этого острова и что там дальше случилось. Но вот одно я могу тебе и так сказать совершенно точно: старый Эрли, похоже, не скоро еще вернется домой! Хм, хм... — Легавый был страшно доволен своей шуткой и еще раз повторил: — Да, домой наш Эрли вернется еще не скоро! — Он встал и посмотрел на Выдру. Вид у того, надо сказать, был довольно жалкий. — Ничего, парень. Отдыхай и ни о чем не думай! — И Легавый удалился.

Его не было несколько дней. А вернулся он с конной повозкой и с таким победоносным видом, что сестра Выдры воскликнула:

— Легавый-то наш, верно, целое состояние выиграл! Приехал на отличной городской бричке, а в бричку отличная городская лошадка впряжена. И сам восседает на козлах, точно принц какой!

Не успела она это сказать, как вошел сам Легавый.

— Ну что ж, — сказал он, — во-первых, когда я прибыл в столицу, то сразу пошел во дворец, чтобы узнать последние новости, и что же я увидел? Я увидел нашего старого правителя Лозена, который стоял на собственных ногах и раздавал направо и налево всякие указания! СТОЯЛ! А ведь он сколько лет уже к своему креслу параличом был прикован! И как громко он командовал, ты бы слышал! Вот только некоторые его приказов слушались, а некоторые нет. Так что я поспешил оттуда убратся: когда в

королевском дворце идет раскол, там становится опасно. И я отправился к своим друзьям и спросил, где сейчас старый Эрли, добрался ли его флот до острова Рок и вернулся ли он назад? Ну и все такое. И они сказали, что об Эрли с тех пор вообще ничего не известно! Ни его самого больше не видели, ни весточки какой от него с тех пор не получали. Может быть, спросили они меня, я сумел бы его отыскать — ну, это они, конечно, шутили, поддразнивали меня, хм... Они-то знают, как я нашего Эрли люблю. А что касается кораблей, то некоторые из них вернулись вместе со всей командой, и моряки утверждают, что так и не смогли добраться до Рока, что они даже его не видели, а проплыли как бы сквозь него, прямо по тому месту, где, согласно картам, должен был быть остров, только никакого острова там не оказалось. А еще я в таверне встретил несколько человек с одной из самых крупных галер, и они мне рассказали, что когда их судно подошло совсем близко к тому месту, где должен быть остров, то вдруг поднялся такой густой туман, ну точно мокрая простыня, и море тоже стало каким-то вязким, так что гребцы едва могли шевелить веслами, и в этом киселе они проторчали, как в ловушке, целые сутки. А когда выбрались из тумана, то вокруг до самого горизонта не было видно больше ни одного корабля, и рабы чуть не взбунтовались, так что шкипер развернул судно и постарался как можно скорее вернуться домой. Другая галера, старая «Грозовая туча», которая считалась личным кораблем Лозена, как раз входила в гавань, когда я сидел в таверне. И я потом кое с кем из ее команды тоже переговорил. Они все утверждали, что в том месте, где должен быть Рок, не было ничего, кроме рифов и тумана, так что они проплыли с семью другими кораблями немного южнее и там столкнулись с боевыми судами правителя Уотхорта. Возможно, тот решил, что на их остров движется с захватническими целями огромный флот Лозена, а потому ни в какие переговоры вступать не стал, а просто велел своим волшебникам наслать на наши суда волшебный огонь. Свои же суда выстроил неподалеку, чтобы пойти на abordаж, если представится такая возможность. Те люди, с которыми я беседовал, сказали, что бой был тяжелый, им огромных усилий стоило хотя бы уйти от погони, и не всем это удалось. Однако об Эрли они ничего не слышали, а на обратном пути им даже пришлось другого колдуна-ветродуя нанять. И уцелевшие в том сражении корабли плелись обратно через все Внутреннее море, точно побитые собаки, — так мне тот моряк с «Грозовой тучи» рассказывал. Ну как? Нравятся тебе мои новости?

Выдра задыхался от слез, он даже лицо руками закрыл.

— Да, — только и смог он вымолвить, — да, спасибо!

— Я так и думал, что тебе мой рассказ по сердцу придется. А что касается Лозена, — продолжал Легавый, — то кто знает... — Он потянул воздух носом и вздохнул: — Я бы на его месте, пожалуй, ушел на покой. Думаю, что и мне самое время это сделать.

Выдре наконец удалось совладать со своим лицом и голосом, он вытер глаза, высморкался, откашлялся и сказал:

— Что ж, это, возможно, очень неплохая мысль. Приезжай к нам на Рок. Там безопаснее всего.

— Похоже, мне это место отыскать будет трудновато, — заметил Легавый.

— Ничего, зато я всегда могу его отыскать, — радостно заверил его Выдра.

IV. Медра

Двери в доме у нас человек сторожил.
И богатым, и бедным он равно служил.
И князья, и крестьяне являлись туда,
Только двери им он открывал не всегда.
Так вдаль бежит вода, вода,
Так вдаль бежит вода.

Легавый остался в Эндлейне. Он мог там зарабатывать себе на жизнь как лозоходец, а также просто отыскивая пропавшие вещи. К тому же ему очень нравилась местная таверна и гостеприимство матери Выдры.

К началу осени Лозена повесили за ноги на стене Нового Дворца, и он висел там, пока не сгнил, а шестеро воинственных правителей тем временем воевали, пытаясь поделить его королевство, и корабли некогда огромного единого флота гонялись друг за другом по всем морям и проливам, воды которых были взбаламучены бесконечными штормами, насылаемыми волшебниками.

Но «Надежда», хорошо оснащенная и управляемая двумя молодыми колдунами из «Союза Руки», спокойно вышла из Хавнора и доставила Медру целым и невредимым через все Внутреннее море на остров Рок.

Эмбер встречала его на причале. Хромой и страшно исхудавший, он подошел к ней и взял ее руки в свои, но никак не мог поднять глаза и посмотреть ей в лицо.

— У меня на сердце слишком тяжело: столько смертей на моей совести, Элеаль! — только и сказал он.

— Ну так пойдем со мной в Рощу, — просто предложила она ему.

И они вместе отправились в Имманентную Рощу и прожили там до начала зимы. А на следующий год построили себе маленький домик на берегу речки Твилберн, что берет начало в Роще, и каждое лето жили в этом домике.

Работали же они и учили учеников в Большом Доме. Они сами следили за тем, как он строился, и каждый камень в его стенах был укреплен их защитными заклетами, а также заклетами прочности и мира. Они были свидетелями того, как был принят Устав острова Рок, хотя это прошло далеко не так гладко, как им бы хотелось, и всегда на острове и в Школе шла борьба с некоей оппозицией, ибо маги и волшебники прибывали на Рок и с других островов, а также вырастали из бывших учеников — мужчин и женщин, наделенных не только магической силой и знаниями, но и непомерной гордостью. Все они клялись на Уставе трудиться вместе со всеми и во имя Добра, но каждый по-своему представлял себе, как именно это следует делать.

Старая, Элеаль все больше уставала от кипевших в Школе страстей и тамошних проблем и испытывала все большую тягу к деревьям в Роще; она часто уходила туда одна и забиралась так далеко, как только может простираться человеческий разум. Медра тоже часто уходил в Рощу, но не так далеко, как Элеаль, ибо был хром.

Когда Элеаль умерла, Медра так и остался жить один в своем маленьком домике на опушке Рощи.

Однажды осенью он вернулся в Школу. Он вошел туда через заднюю дверь, выходящую в сад и на тропу, ведущую через поля на Холм Рока. Самое любопытное в Большом Доме Рока то, что в нем нет ни парадного входа, ни красивых ворот. В Школу Волшебников можно войти только через боковую дверь, которая — хоть она и сделана из рога с рамой из драконьего зуба, хоть на ней и вырезано Древо Жизни С Тысячью Листьями, — совсем не видна снаружи, когда подходишь к ней по узкой извилистой улочке Твила. Правда, попасть в Большой Дом можно еще через сад, куда выходит простая дубовая дверь с железной задвижкой. Но все равно — парадной двери в этом доме нет вообще.

Медра прошел по залам и коридорам с мраморными стенами в самое сердце Школы — во внутренний дворик, выложенный белой плиткой, где пел фонтан и где рос посаженный Элеаль ясень, теперь ставший высоким и раскидистым.

Услышав, что он здесь, все сразу же поспешили к нему, учителя и ученики Школы, мужчины и женщины, мастера и подмастерья магических искусств и ремесел. Медра прежде был в Школе Мастером Искателем, пока не ушел жить в Роццу, и теперь одна женщина, его бывшая ученица, учила молодых его искусству.

— Я вот все думал, — сказал он. — Вас здесь восемь Мастеров. Но девять — куда лучшее число. Так что можете считать меня снова одним из вас. Если хотите, конечно.

— А что ты будешь делать, Мастер Крачка? — спросил Мастер Заклинатель, седовласый маг с острова Илиен.

— Я буду стеречь нашу дверь, — сказал Медра. — Будучи хромым, я не смогу далеко отойти от нее. Будучи старым, я сразу пойму, что сказать тому, кто к нам постучится. Будучи Искателем, я отыщу причину, приведшую сюда этого человека, и узнаю, подходит ли он нам.

— Это избавило бы нас от огромного количества хлопот и забот, а также от известной опасности, — сказала бывшая ученица Медры, молодая Искательница.

— А что ты намерен у них спрашивать? — спросил Заклинатель.

— Я стану спрашивать у каждого его Истинное имя, — сказал Медра. И улыбнулся. — Если человек назовет его мне, то сможет войти. А если он будет считать, что ему ни к чему называть свое Имя какому-то привратнику, то пусть отправляется восвояси. Те же из учеников, которые решат, что уже научились всему на свете, смогут отсюда уйти только в том случае, если назовут мое Имя.

Так все и стало происходить отныне. И всю оставшуюся жизнь Медра охранял двери Большого Дома на острове Рок. Та садовая дверь, что выходила на Холм, долго еще называлась Дверью Медры — даже после того, как очень многое переменилось в этом Доме с течением столетий. И по-прежнему девятым Мастером в Школе считается Мастер Привратник.

В селении Эндлейн и других деревнях у подножия горы Онн на острове Хавнор женщины за работой, когда ткут, прядут или вяжут, часто поют одну песенку-загадку, последний куплет которой, возможно, имеет самое непосредственное отношение к человеку, Истинное имя которого было Медра, но которого звали также Выдра и Крачка:

Три вещи в мире более неповторимы:
Солеа, светлый остров среди волн морских;
Дракон, плывущий в море, точно в облаках;
Морская птица, что и под землей — летит!

Темная Роза и Диамант

Песня лодочника с западного побережья Хавнора:

Куда устремится любовь моя,
Туда же пойду и я.
Куда повернет он лодку свою,
Туда я жизнь поверну мою.

Мы с ним смеяться вместе будем
И плакать, как одна семья.
Коль жив он будет, буду жить я,
Умрет он, так умру и я.

На Западном побережье острова Хавнор, среди холмов, заросших дубовыми и каштановыми рощами, стоит город Глейд. Сколько-то лет назад жил там очень богатый купец по имени Голден, по прозвищу Золотой. Голден владел лесопилкой, где стволы дубов превращали в доски для обшивки тех кораблей, которые строили в портах Хавнора. Был он также хозяином самых больших каштановых рощ на острове; ну и, разумеется, имелись у него всякие телеги и повозки, и он специально нанимал множество возчиков, чтобы те развозили лес и каштаны по всему холмистому побережью Хавнора на продажу. От своих лесных владений он имел немалую выгоду, и когда у него родился сын, то жена его сказала: «Может, нам стоило бы назвать мальчика Каштан или Дуб?» — но он возразил: «Нет, только Диамант!» — ибо диамант, или бриллиант, по его разумению, был единственной вещью на свете, что стоила дороже золота.

Итак, маленький Диамант рос в одном из самых богатых домов города Глейда, и был он толстеньким ясноглазым малышом, а потом стал румяным веселым мальчишкой-проказником. У него был приятный звонкий голосок и хороший слух. Музыку он очень любил, так что мать называла его Певчей Птичкой или Жаворонком, а также другими любовными прозвищами, потому что никогда особенно не любила имя Диамант. Мальчик сразу запоминал любую песню или мелодию, стоило ему ее один раз услышать, да и сам легко сочинял всякие песенки и распевал их на весь дом, если не удавалось услышать ни одной новой. Его мать, Тьюли, специально

пригласила в дом одну мудрую женщину по имени Тангле, чтобы та учила мальчика «Созданию Эа» и «Подвигу молодого короля», и к весеннему равноденствию, когда Диаманту исполнилось одиннадцать, он спел «Зимнюю песнь» для правителя Западных земель — тот как раз посещал свое поместье, расположенное в горах, над Глейдом. Этот лорд и его супруга очень хвалили мальчика за прекрасное пение и подарили ему на память маленькую золотую шкатулочку, в крышку которой был вделан крошечный бриллиант — этот подарок показался Диаманту и его матери очень красивым и щедрым. Но Голдена несколько раздражало и пение сына, и его любовь к красивым безделушкам. «Есть куда более важные вещи, сынок, и тебе вскоре предстоит ими заняться, — говорил он. — А награды, которые ты еще получишь в жизни, тоже должны быть неизмеримо выше».

Диамант считал, что отец говорит о своем деле — о лесорубах, о пильщиках, о лесопилке, о каштановых рощах, о сборщиках каштанов, о возчиках и повозках — обо всех тех сложных «взрослых» проблемах, которые, как ему казалось, пока что не имеют к нему никакого отношения, так что он просто не мог участвовать в подобных разговорах. Но Голден не терял надежды. «Возможно, — думал он, — Диамант еще слишком мал и все поймет, когда вырастет».

Но на самом-то деле Голден думал отнюдь не только о делах. Он давно уже заметил в своем сыне кое-что такое, отчего уверен был, что тому суждено заниматься чем-то большим, чем торговля лесом и каштанами, и порой он в священном ужасе закрывал глаза, представляя себе дальнейшую судьбу Диаманта.

Сперва он думал, что это просто некая случайная искорка магической силы — в Земноморье такое часто бывает у детей в раннем возрасте, а потом пропадает. Сам Голден, например, в детстве тоже умел заставить светиться собственную тень или делал так, что от него во все стороны сыпались искры. Отчасти за это он и получил свое прозвище Золотой. В семье его всегда хвалили за эти фокусы и заставляли демонстрировать их гостям; а потом, когда ему исполнилось лет семь или восемь, он эту способность утратил, причем раз и навсегда.

Когда Голден увидел, как его сынок спускается по лестнице, не касаясь ступеней, то не поверил собственным глазам; но через несколько дней он снова заметил, что Диамант буквально всплывает по лестнице на верхний этаж, лишь касаясь пальцем дубовых перил.

— А вниз ты так спуститься можешь? — спросил Голден заинтересованно, и мальчик радостно ответил:

— Ой, ну конечно! Это же еще легче. — И поплыл по лестнице вниз, точно невесомое облачко, гонимое южным ветерком.

— Как ты этому научился? — спросил отец.

— Да я просто... обнаружил вдруг, что умею это делать, — запинаясь, пояснил Диамант, явно не уверенный в том, что отцу это понравится.

Голден хвалить мальчика не стал, не желая пробуждать в нем зазнайство или тщеславие из-за того, что в итоге может оказаться просто детской особенностью развития, которая со временем пройдет — вроде его звонкого голоса. Ох уж этот голос! Слишком много из-за него было шума, да и жена все уши ему прожужжала о необычайных музыкальных способностях сынишки.

Но как-то раз, примерно через год после этого разговора, Голден заметил из окна, что Диамант играет в саду за домом вместе со своей подружкой Розой. Дети сидели на корточках, близко придвинув друг к другу головы, и чему-то смеялись. Какое-то жутковатое напряжение, царившее вокруг них, заставило Голдена замедлить шаг, остановиться у окна и понаблюдать подольше. Что-то живое прыгало в траве между детьми — вверх-вниз, вверх-вниз... лягушка? жаба? большой кузнечик? Голден спустился в сад и подошел к детям поближе, ступая так тихо и осторожно, хотя он был очень крупным мужчиной, что малыши, поглощенные своим занятием, ничего не слышали. То, что прыгало вверх-вниз на траве возле их босых ног, оказалось простым камешком. Когда Диамант поднимал руку, камешек подпрыгивал вверх. Когда он слегка поводил рукой туда-сюда, камешек тоже начинал описывать в воздухе круги и зигзаги, а стоило мальчику хотя бы палец вниз опустить, камешек падал на землю.

— А теперь ты, — сказал Димант Розе, и девочка попробовала сделать то же самое, но у нее камешек только чуть-чуть шевельнулся.

— Ой, — прошептала вдруг Роза, — тут, оказывается, твой папа!

— Как это у вас здорово получается, — сказал Голден.

— Это все Ди придумал! — сказала Роза восхищенно.

Голден терпеть эту девчонку не мог. Слишком уж она была открытой и одновременно острой на язык, всегда готовой защищаться, но, как ни странно, очень застенчивой. Она была на год моложе Диаманта, но, самое главное, она была дочерью этой ведьмы Тангле! Голден предпочел бы, чтобы его сын играл со своими сверстниками-мальчишками, и лучше бы из таких же уважаемых семей Глейда, как его семья, но Тьюли почему-то упорно привечала эту ведьму, называла ее «мудрой женщиной», хотя ведьма есть ведьма, и дочка ее — совсем не подходящая компания для

маленького Диаманта. Однако самолюбию Голдена даже отчасти польстило то, что его сын обучает магическим трюкам ведьмино отродье.

— А что еще ты умеешь, Диамант? — спросил он.

— Играть на флейте, — и мальчик тут же вытащил из кармана маленькую флейту, которую мать подарила ему в день двенадцатилетия. Он поднес флейту к губам, пальцы его заплясали на дырочках. Он играл прелестную мелодию с западного побережья «Куда устремится любовь моя».

— Очень мило, — сказал Голден. — Но вообще-то на флейте любой может научиться играть.

Диамант быстро глянул на Розу; та отвернулась и потупилась.

— Но я **ОЧЕНЬ** быстро научился! — возразил Диамант.

Голден что-то равнодушно проворчал себе под нос.

— Вообще-то моя флейта и сама может играть, — сказал Диамант и отнял флейту от губ, продолжая перебирать пальцами отверстия. И флейта действительно сыграла джигу. Правда, в нескольких местах она взяла фальшивую ноту, а закончила довольно визгливым аккордом.

— У меня пока еще не очень хорошо получается, — сказал Диамант немного смущенно.

— Да нет, почему же, очень неплохо, — похвалил его отец. — Ну ладно, продолжай упражняться. — И он пошел по своим делам, совершенно не уверенный в том, что сказал сыну правильные слова. Ему очень не хотелось поощрять эти музыкальные занятия, а также крайне не нравилось то, что мальчишка слишком много времени проводит в обществе этой девчонки и занимается всякими глупостями, а ведь ни музыка, ни ведьмина дочка не сумеют помочь ему достигнуть в жизни должных высот. Но этот магический дар, этот неоспоримый талант волшебника — скачущий камешек, играющая сама собой флейта... Ну что ж, было бы неправильно возлагать на этот дар слишком большие надежды, однако, пожалуй, расхолаживать мальчика не стоит.

В представлении Голдена, власть всегда обеспечивали деньги, но в жизни важна была не только власть. Были еще два фактора, и один из них имел примерно такой же вес, а другой был гораздо весомее. Во-первых, крайне важно, в какой семье ты родился. Когда правитель Западных земель прибыл в свое поместье близ Глейда, Голден был чрезвычайно рад присягнуть ему на верность, как сюзерену. Этот лорд был рожден, чтобы править своей страной и охранять ее мир и покой, а он, Голден, был рожден для того, чтобы заниматься торговлей и приумножать собственное богатство, и каждый был на своем месте, ведь любой человек, знатный или

самый простой, если он хорошо и честно служит своему делу и исполняет свой долг, достоин славы и уважения. Но существовали и мелкие правители, которых Голден мог купить, или продать со всеми потрохами, или, например, заставить просить милостыню; эти люди, родившись в благородных семьях, не заслужили ни денег, ни славы, ни почестей, ни уважения, и вряд ли кто-то стал бы присягать им на верность. Знатность и власть, которую эта знатность дает, а также власть, которую дает богатство, — это вещи условные, зависящие от обстоятельств, но их нужно заработать, иначе и ту, и другую власть ничего не стоит и потерять.

Но среди богатых и знатных людей были и такие, кого по совсем иной причине называли людьми могущественными, ибо они обладали особой, магической силой и были волшебниками. Власть таких людей, даже при минимальном ее применении, была абсолютной. В их руках находилось управление практически всеми островами Архипелага, давно уже не имевшими настоящего короля.

Если Диамант рожден для власти такого рода, думал Голден, если именно таков его природный дар, то все планы насчет того, чтобы обучить его торговому делу и сделать своим помощником, рассыпаются в прах, а ведь он, Голден, так мечтал, чтобы сын впоследствии расширил торговые отношения с Южным портом, сделав их регулярными, а также присовокупил к уже имеющимся каштановым рощам те рощи, что на холмах близ Рече! А что, если Диаманта отправить в Школу Волшебников на острове Рок? Некогда там учился, например, дядя Тьюли и, между прочим, впоследствии прославил свою семью, став придворным магом во дворце короля в Хавноре. Голден и сам взлетел по лестнице, почти не касаясь ступеней, настолько воодушевили его эти мечты.

Но мальчику он ничего о своих планах не сказал, как не сказал ничего и его матери. Он вполне сознательно держал рот на замке, не доверяя мечтам и иллюзиям, пока они не стали конкретными и воплощенными в жизнь фактами. А его жена Тьюли, хоть и была заботливой хозяйкой и любящей матерью, и без того уже слишком много внимания уделяла талантам Диаманта и его успехам. Кроме того, она, как и все женщины, питала склонность к пустой болтовне и сплетням, а также, по мнению Голдена, была слишком неразборчива в выборе друзей. Например, эта девчонка Роза не отходила от их мальчика ни на шаг, а все потому, что Тьюли очень подружилась с ее матерью, ведьмой Тангле, всячески ее привечала и без конца приглашала к себе — посоветоваться или просто поболтать. Стоило Диаманту содрать заусеницу, как Тьюли уже звала эту особу. Да и вообще она рассказывала ей куда больше, чем кому-либо

другому, — в том числе и о делах мужа. А он в своих делах не желал иметь ничего общего с ведьмами. С другой стороны, только Тангле могла бы сказать наверняка, обладает ли его сын каким-то особым магическим даром... Однако просить совета у ведьмы Голдену уж очень не хотелось, тем более о судьбе собственного сына.

И он решил подождать и понаблюдать. Будучи человеком терпеливым и обладая сильной волей, он ждал целых четыре года, пока Дيامанту не исполнилось шестнадцать и он не превратился в крупного, хорошо развитого юношу, делавшего успехи и в спорте, и в науках. Он был такой же румяный, ясноглазый и веселый, как в детстве, и страшно огорчился, когда у него начал ломаться голос и его замечательный звонкий дискант куда-то исчез. Голден надеялся, что тут-то его увлечение пением и закончится, но юноша продолжал ходить следом за бродячими музыкантами, всякими там исполнителями баллад и прочим подозрительным народом и мгновенно выучивал весь их репертуар, хотя заниматься подобной ерундой было, конечно, совершенно негоже для сына столь уважаемого купца. А ведь именно Дيامанту предстояло унаследовать и развить дело отца, принять во владение все его немалое имущество, все лесопильные и торговые предприятия, так что в итоге Голден сказал ему прямо:

— С пением пора кончать, сынок. Надо думать о том, как стать настоящим мужчиной!

Диама́нт уже получил свое Истинное имя у источников Амиа, что бьют в горах над Глейдом. Волшебник Хемлок, который когда-то был знаком с двоюродным дедушкой Дيامанта, известным магом (тем самым дядей его матери, который учился на Роке), специально поднялся в горы из Южного порта, чтобы осуществить обряд имяположения. А год спустя Хемлок был приглашен и на пир, устроенный по случаю именин Дيامанта. На пиру было множество вкусной еды и питья, а также каждый ребенок получил в подарок новую юбку, штаны или сорочку — этот старинный обычай всегда соблюдали на западе Хавнора. А после пира теплым осенним вечером были устроены танцы на зеленой траве. У Дيامанта было много друзей — чуть ли не все юноши и девушки в городе. Молодежь танцевала до упаду, и некоторые явно выпили чересчур много пива, но никто никаких особых выходок себе не позволял, и это был очень веселый и всем запомнившийся праздник. Но уже на следующее утро Голден снова позвал к себе сына и сказал ему, что пора становиться взрослым.

— Я уже немного подумал о том, как мне это сделать, папа, — отвечал Диама́нт своим хрипловатым ломающимся голосом.

— И что же ты придумал?

— Ну, я... — начал было Диамант и осекся.

— Я-то всегда считал, что ты займешься нашим фамильным делом, — сказал Голден. Сказал он это совершенно спокойно, почти равнодушно, и Диамант промолчал. — А ты что на этот счет думаешь? Или, может, ты чем-нибудь иным заняться хотел?

— Иногда меня посещают довольно странные мысли...

— А ты хоть раз говорил об этом с Мастером Хемлоком?

Поколебавшись, Диамант ответил:

— Нет. — И вопросительно посмотрел на отца.

— А вот я вчера говорил с ним! И он сказал, что некоторые природные таланты не только трудно, но и совершенно неправильно, даже преступно подавлять.

В темных глазах Диаманта вспыхнул огонек надежды.

— Мастер Хемлок, — продолжал между тем Голден, — сказал также, что подобные таланты, если они развиты неправильно и лишены нужных знаний, не только, по сути дела, пропадают втуне, но и могут стать очень опасными. Различным искусствам нужно обязательно учиться и практиковаться в них, вот что он сказал. — Лицо Диаманта прямо-таки светилось. — Однако, — продолжал его отец, — Хемлок предупредил, что ради развития своего таланта ты должен заниматься и упражняться постоянно. — Диамант с готовностью закивал. — Особенно если это настоящий талант. Какая-то деревенская ведьма с ее приворотным зельем особого вреда причинить не может, но даже самый обыкновенный волшебник, сказал Хемлок, должен быть очень осторожен, особенно если он использует свои знания и умения для неких коренных изменений... Кроме того, он может невольно погубить и себя самого. Или потерять свою магическую силу. Хотя, разумеется, даже колдун должен получать плату за свой труд. Ну а настоящие волшебники, как ты знаешь, живут во дворцах и имеют все, чего их душа пожелает.

Диамант внимательно слушал его, слегка нахмурившись.

— В общем, — немного помолчав, снова заговорил Голден, — если у тебя действительно есть такой дар, Диамант, то в нем для моего дела — непосредственно, конечно, — никакого проку нет. Но если его должным образом развивать и держать под контролем... Только в таком случае, по словам Хемлока, с тобой можно будет начинать разговор о том, как именно ты можешь своим талантом распорядиться и что хорошего он может дать тебе... и другим! — прибавил он, сознательно сделав паузу. Потом довольно долго молчал, но, поскольку молчал и его сын, он снова

заговорил:

— Я рассказал Хемлоку, что видел, как ты, всего лишь шевельнув рукой и произнеся одно-единственное слово, превратил деревянную резную фигурку в живую птичку, которая взлетела на ветку и запела. Я видел, как ты зажег волшебный огонь прямо в воздухе. Ты не знал, что я за тобой наблюдаю? А я наблюдал! Но долгое время никому ничего не говорил. Я не хотел, чтобы все это превратилось в детскую игру, а потом пропало втуне. Я уверен, что у тебя талант, возможно, большой талант! И после моего рассказа Мастер Хемлок со мной согласился. И сказал, что ты можешь отправиться с ним в Южный порт и стать его учеником; на это уйдет не менее года, а то и больше.

— Учиться у Мастера Хемлока? — спросил Диамант, и голос его вдруг прозвучал на целую октаву выше обычного.

— Если хочешь, конечно.

— Но я... я... я никогда даже не думал об этом! Можно я подумаю? Недолго... один день!

— Ну конечно! — воскликнул Голден, довольный тем, что его сын проявляет такую осмотрительность. Он-то думал, что Диамант сразу ухватится за столь заманчивое предложение, и это, возможно, было бы только естественно, однако ему, отцу, трудно давалось понимание того, что сын не такой, как он сам, — точно филину, который вырастил в своем гнезде орла.

Ибо Голден воспринимал магическое искусство с искренней и безнадежной покорностью, как нечто, находящееся за пределами его разума, но не как простую забаву, вроде занятий музыкой или сказительством, а как занятие вполне практическое и дающее к тому же прекрасные перспективы, какие и не снились представителям его собственной профессии. А еще Голден — хотя сам он никогда не признался бы в этом — волшебников побаивался. Немного презирал, особенно колдунов с их фокусами, иллюзиями и прочей чепухой, но все же боялся; особенно настоящих волшебников.

— А мама знает? — спросил Диамант.

— Узнает, когда время придет. Она не должна никак влиять на твое решение, Диамант. Женщины ничего в этих делах не смыслят и не должны иметь к ним никакого отношения. Ты должен сделать свой выбор сам, как настоящий мужчина. Понимаешь? — Голден говорил серьезно и горячо, видя в этом разговоре возможность наконец оторвать парня «от маминой юбки». Тьюли, конечно же, будет за него цепляться, но он должен проявить наконец мужскую твердость и выпустить из рук ее подол. И видя, что

Диамант кивнул ему достаточно уверенно и с пониманием, Голден остался доволен, а вот у его сына вид был весьма растерянный.

— Значит, Мастер Хемлок сказал, что я... — неуверенно начал Диамант, — ...что он думает... что у меня, может быть, есть какой-то... дар? Какой-то талант?

Голден еще раз заверил его, что волшебник сказал именно так, хотя, конечно, еще предстояло установить, каков именно этот дар. То, что мальчик ведет себя так скромно, вызвало у него огромное облегчение. Отчасти бессознательно, он опасался, что Диамант почувствует себя одержавшим над ним, его отцом, победу и сразу попытается утвердить свое превосходство за счет некоего таинственного, опасного и непредсказуемого могущества, по сравнению с которым все богатство, все умение и все достоинство Голдена превращаются в ничто.

— Спасибо, отец, — сказал Диамант, и Голден, обняв сына, ушел, очень им довольный.

Их встреча происходила в зарослях желтоватого ивняка на берегу реки Амии, протекавшей чуть ниже кузницы. Как только Роза добралась туда, Диамант сказал ей:

— Он хочет, чтобы я поехал учиться у Мастера Хемлока! Что же мне теперь делать?

— Учиться у этого волшебника с ядовитым именем? Ведь «хемлок» — это «ядовитый болиголов»!

— Он думает, что у меня огромный талант. К магии.

— Кто?

— Отец. Он видел кое-что из той ерунды, которой мы с тобой все время развлекаемся. Но, по его словам, Хемлок настаивает на том, что мне надо учиться, потому что, видите ли, опасно ничему не учиться, имея какой-то там особый дар! Ох! — И Диамант стукнул себя кулаком по голове.

— Но у тебя ведь действительно талант.

Диамант в ответ только застонал и попытался выдрать у себя клочок волос. Он сидел на земле рядом с тем местом, где они так любили играть в «оживление предметов»; ивы здесь росли очень густо и образовывали нечто вроде беседки, и было слышно веселое журчание бегущей по камушкам воды и перезвон-перестук, доносившийся из кузни. Роза тоже села на землю лицом к нему.

— Ты вспомни обо всех тех штуках, которые умеешь делать, — сказала она. — Ты бы ни одной сделать не смог, если бы у тебя к этому

таланта не было!

— Но это же очень маленький талант, — невнятно пробормотал Диамант. — Только для таких трюков и годится.

— Откуда тебе знать?

Роза была очень смуглой; облако сильно вьющихся волос обрамляло тонкое лицо; у нее были прелестные рот и нос, серьезные, внимательные глаза. Босые ноги и обнаженные до локтей руки были вечно перепачканы землей, юбка и кофта в полном беспорядке, зато пальцы на руках тонкие и длинные, как у аристократки, ступни маленькие и удивительно изящные, а под драной кофтенкой на шее поблескивало прекрасное ожерелье из аметистов. Ее мать, Тангле, хорошо зарабатывала своим целительством; она отлично вправляла кости, помогала детям появиться на свет, ну и, конечно, знала кое-какие заклятия, помогавшие отыскать потерянную вещь, сварить приворотное или снотворное зелье. Она запросто могла бы позволить и себе, и своей дочери носить красивые новые платья и башмаки, да и вообще — обе могли бы выглядеть более чистыми и аккуратными, только Тангле это все даже в голову не приходило. Домашнее хозяйство ее также совершенно не интересовало. Они с Розой варили на обед главным образом кур или жарили яичницу, поскольку Тангле за ее услуги платили чаще всего именно домашней птицей. У них был домишко в две комнатки, и во дворе там творилось нечто невообразимое: буквально кишели куры и кошки. Тангле очень любила кошек, а также, будучи ведьмой, любила жаб и драгоценные камни. То аметистовое ожерелье, что красовалось теперь на шее у Розы, было когда-то подарено Тангле в благодарность за благополучно принятые роды женой главного лесничего, которая наконец-то родила мальчика. Сама Тангле побрякушки обожала и чуть ли не по локоть украшала свои руки кольцами и браслетами, которые блестели и звенели, когда она торопливо и немного нетерпеливо взмахивала руками, произнося то или иное заклинание. Иногда, в виде украшения, она носила на плече одного из котят. Матерью она была не слишком внимательной, и Роза лет в семь как-то спросила ее:

— Зачем же ты меня родила, если не хотела ребеночка?

— А ты сама подумай: разве можно правильно принять роды, если сама ни разу не рожала? Во всяком деле нужен опыт, — ответила ей мать.

— Значит, ты меня родила, только чтобы опыт приобрести, — фыркнула Роза.

— Мы в жизни только и делаем, что опыт приобретаем, — сказала Тангле. Вообще-то она была совсем не злая, но ей крайне редко приходило в голову как-то побаловать свою дочь, сделать ей что-нибудь приятное.

Впрочем, она никогда ее не била и не бранила и всегда старалась дать девочке то, о чем та ее просила. Она также каждый день, хотя и неохотно, готовила для дочери обед, подарила ей свою любимую жабу и аметистовое ожерелье и с большим удовольствием учила ее своему ведьминскому мастерству. Она бы и новую одежду Розе, конечно же, купила бы, да только сама Роза никогда ее об этом не просила. Она вообще старалась никого и ни о чем не просить и сама заботилась о себе с раннего детства, и это было одной из причин того, что Диамант так любил ее. Только с ней он понимал, что такое самостоятельность и свобода. А без нее он чувствовал себя свободным, только слушая музыку или сам исполняя какую-нибудь мелодию или песню.

— У меня, пожалуй, действительно есть один талант, — сказал он, ероша свои светлые волосы и откидывая их назад.

— Оставь свою голову в покое, — заметила Роза.

— И я знаю, что Тарри тоже так считает!

— Ну конечно, есть! И какая разница, что там думает твой драгоценный Тарри? Ведь ты играешь на арфе раз... в девять лучше, чем он!

И это была вторая причина, по которой Диамант так любил Розу.

— А бывают волшебники-музыканты? — спросил он вдруг, поднимая на нее глаза.

Она задумалась:

— Не знаю.

— И я тоже. Вот Морред и Эльфарран часто пели друг другу, а ведь он был великим магом. Я знаю также, что на острове Рок есть Мастер Регент, который рассказывает своим ученикам старинные лэ и всякие истории, а также учит их старинным песням. Но я никогда не слышал о том, чтобы кто-то из волшебников был просто музыкантом.

— Не вижу в этом ничего невозможного. — Роза никогда не видела, почему что-то на свете может оказаться невозможным. И это была третья причина, по которой Диамант так любил ее.

— Мне всегда казалось, что они в чем-то похожи — магия и музыка, — сказал он. — Ведь и любое заклятие имеет свою мелодию. По крайней мере, и песня, и заклятие должны звучать абсолютно чисто.

— Во всяком деле нужен опыт, — сказала Роза наставительно, хотя вид у нее при этом был довольно кислый. — Уж я-то знаю. — Она швырнула в Диаманта камешком, который на полпути превратился в бабочку. Он тоже кинул в ее сторону такую «бабочку», и обе бабочки порхали, сверкая необычайно яркими красками, пока снова не

превратились в камешки и не упали на землю. Диамант и Роза давно уже научились подобным трюкам, кстати, очень старым, с помощью которых можно было заставить камешки прыгать или летать, как живые.

— Знаешь, тебе все-таки следует туда поехать, Ди, — сказала Роза. — Просто чтобы выяснить все окончательно.

— Я понимаю...

— А вдруг ты станешь настоящим волшебником? Ох! Ты только подумай, скольким еще штукакам ты смог бы тогда меня научить! Например, как менять свое обличье... Мы бы могли становиться кем угодно. Лошадьми! Медведями!

— Лучше уж кротами, — сказал Диамант. — Нет, честное слово, мне больше всего сейчас хочется спрятаться под землю, как крот! Я всегда думал, что отец хочет, чтобы я продолжал его дело, когда стану взрослым. Но весь последний год он молчал и от подобных разговоров воздерживался. Теперь-то я догадываюсь, что было у него на уме! Но что, если из меня никакого волшебника не выйдет? Если в изучении чародейства и волшебства я выкажу не больше успехов, чем в бухгалтерском искусстве? Ну скажи, почему я не могу заниматься тем, чего **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** хочу? Ведь это-то у меня бы получилось, я уверен!

— А почему бы тебе не заняться и магией, и музыкой одновременно? Между прочим, бухгалтера всегда ведь и нанять можно.

Когда она смеялась, ее тонкое худенькое личико начинало светиться, губы раскрывались, как лепестки цветка, а глаза исчезали в веселых морщинках.

— Ох, моя Темная Роза, — сказал Диамант, — как я люблю тебя!

— Конечно, любишь! И не вздумай разлюбить! Не то я тебя так заколдую, что не обрадуешься!

И они, стоя на коленях и упершись ладонями в землю, приблизились друг к другу настолько, что пальцы их переплелись. И под губами Розы лицо Диаманта казалось гладким и нежным, точно спелая слива, лишь пробивавшаяся над верхней губой и на подбородке борода слегка покалывала ее, потому что эти места он недавно начал брить. А под губами Диаманта лицо Розы было нежным, как шелк, лишь на щеке в одном месте к нему прилипла грязь — там, где она почесала щеку испачканной в земле рукой. Они еще теснее прижались друг к другу, но руки их по-прежнему были опущены вниз. И продолжали целоваться.

— Ты моя Темная Роза, — шептал он ей на ухо тайное прозвище, известное только им двоим.

Она молчала, но ее дыхание, касавшееся уха Диаманта, было таким

горячим, что он даже застонал. И крепче стиснул ее руки. А потом вдруг отпрянул от нее. И она тоже немного от него отодвинулась.

И оба, откинувшись на пятки, замерли, глядя друг другу в глаза.

— Ох, Ди, — сказала она, — как это будет ужасно, когда ты уедешь!

— А я не уеду, — сказал он. — Никуда. Никогда.

Но он, конечно же, уехал. В Южный порт он ехал на одной из повозок отца, и на козлах тоже сидел один из знакомых возчиков, а рядом с ним сидел Мастер Хемлок. Как правило, люди разумные поступают так, как советуют им волшебники. И, кстати, немалая честь, если волшебник сам приглашает тебя стать его учеником или помощником. Хемлок, учившийся и получивший свой посох волшебника на острове Рок, привык, чтобы многочисленные юнцы стучались в двери его дома, умоляя испытать их, а если у них обнаружится хоть какой-нибудь магический дар, то взять их в ученики. Так что он даже с некоторым любопытством посматривал на этого мальчика, который под вежливыми манерами и веселым поведением явно скрывал самые серьезные сомнения в выбранном пути, а может, даже и сопротивление чьей-то чужой воле. Впрочем, это ведь была идея его отца, считавшего, что мальчик так одарен, что ему просто необходимо учиться у настоящего волшебника. Это было не так уж и необычно среди богатых людей, но еще чаще встречалось среди людей бедных. Что ж, так или иначе, а плату за обучение этого мальчика он, Хемлок, получил очень хорошую и авансом. К тому же все золотыми монетами и пластинками из слоновой кости. Если у этого Даманта есть какой-то талант, он, конечно же, станет его учить, а если у него всего лишь, что более вероятно, дарование небольшое, этакое отклонение от нормы, свойственное многим детям в Земноморье, то он отошлет его домой вместе с теми деньгами, что останутся от полученного аванса. Хемлок был человеком честным, прямым и начисто лишенным чувства юмора; к тому же он был и в достаточной степени педантом, так что его весьма мало интересовали всякие там завиральные идеи и чувства. Его собственный талант заключался в знании имен. «Магическое искусство начинается и кончается именами», — говорил он, и это действительно так, хотя между началом и концом есть много еще чего.

Итак, Дамант вместо изучения заклятий, иллюзий, превращений и прочих «цветистых трюков», как называл их Хемлок, сидел в тесной комнатухе на задах небольшого домишки волшебника на одной из узких окраинных улочек старой столицы и запоминал длинные-предлинные списки слов, обладавших магической силой и принадлежавших Языку

Созидания. Названия растений и их частей, названия животных и их частей, названия островов и частей этих островов, частей судов, частей человеческого тела... Эти слова никогда не имели для него никакого смысла, никогда не складывались в предложения, это были всего лишь перечни отдельных слов. Длинные-предлинные перечни.

Мысли его то и дело «убегали» в сторону. Например, он узнавал, что слово «ресницы» в Истинной Речи звучит как «сиаса», и чувствовал, как знакомые темные ресницы, точно крылья бабочки, щекочут ему щеку... Он изумленно вскидывал глаза, уверенный, что нечто коснулось его щеки, но не понимал, что же это было. А когда он пытался повторить это слово по требованию Хемлока, то губы отказывались ему повиноваться, и он стоял, будто онемев.

— Память, память, — сердито бурчал Хемлок. — Талант без памяти ничто! — Волшебник был не то чтобы жесток, но неуступчив, и Диамант даже не догадывался, каково мнение Хемлока о его персоне, но полагал, что мнение это не слишком высоко. Хемлок иногда брал его с собой — посмотреть на работу настоящего волшебника. Чаще всего ему приходилось налагать охраняющие заклятия на корабли и дома и очищающие заклятия на колодцы. Иногда он также участвовал в заседаниях городского совета, во время которых обычно молчал, высказывался крайне редко, но всегда очень внимательно слушал. В Южном порту был и другой волшебник; ему не довелось учиться на Роке, но он обладал истинным талантом целителя, а потому взял на себя заботу обо всех больных и умирающих, чему Хемлок был несказанно рад. Для самого Хемлока не было большего удовольствия, чем занятия наукой, чтением какой-нибудь из древних мудрых книг, и, насколько уже успел убедиться Диамант, магией как таковой он вообще предпочитал не заниматься. «Главное — сохранять Равновесие, ибо все в Нем, — говорил Хемлок и прибавлял: — Знания, порядок и самоконтроль». Эти слова он повторял так часто, что они для Диаманта сложились в нечто вроде припева, который постоянно звучал у него в ушах.

Вообще же, когда Диаманту удавалось придумать какую-нибудь мелодию и, точно стихи, положить на нее очередной список имен, он запоминал эти имена гораздо быстрее. Но тогда эта мелодия становилась уже как бы частью этих имен, и Диамант не произносил, а выпевал их так звонко — ибо его голос восстановился, превратившись в сильный и не слишком высокий тенор, — что Хемлок даже хмурился: он любил, чтобы у него в доме всегда стояла тишина.

Предполагалось, что ученик должен всегда находиться при учителе,

или же изучать списки имен в той комнате, где стояли всякие мудрые книги, или же просто спать. Хемлок был сторонником заповеди «рано вставать — рано в кровать», и Диаманту лишь изредка удавалось выкроить часа два совершенно свободных. В таких случаях он всегда уходил на берег, к докам, сидел на пирсе или у лестницы, ведущей к причалам, и думал о Темной Розе. Стоило ему выйти из дома и оказаться подальше от Мастера Хемлока, как он начинал думать о Темной Розе, и все остальное тут же вылетало у него из головы. Это его даже немного удивляло. Он думал, что будет очень скучать по дому, по матери, и он действительно довольно часто думал о ней и действительно очень часто скучал по дому, особенно вечерами, лежа в своей узкой и почти пустой комнатке после скудного ужина, состоявшего обычно из холодной гороховой каши, — ибо Хемлок жил совсем не в такой роскоши, какая грезилась когда-то Голдену. Но в своей комнате по ночам Диамант никогда не думал о Темной Розе. Он думал о матери, или о залитых солнцем комнатах родного дома, или о вкусной горячей еде, или о той мелодии, которая только что зародилась у него в голове и которую он мысленно пытался сыграть на арфе, а потом постепенно соскальзывал в сон. Темная Роза вспоминалась ему, только когда он уходил в доки и бесцельно смотрел в морскую даль, на пирсы, на пестрые рыбацьи лодки в заливе... Только не в доме Хемлока и чем дальше от самого волшебника, тем лучше!

Так что он особенно ценил эти свободные часы: они казались ему настоящими свиданиями с Розой. Он всегда любил ее, с самого детства, только не понимал тогда, что любит ее больше всех на свете. Когда он был с нею, даже когда он всего лишь сидел в доках, думая о ней, он чувствовал себя живым, полным сил. А вот в доме Мастера Хемлока и в его присутствии он себя по-настоящему живым никогда не чувствовал! При нем он чувствовал себя как бы «немного мертвым». То есть не совсем мертвым, а чуть-чуть. Но не живым.

Частенько, сидя на лестнице у причала, он слушал плеск грязной воды внизу, пронзительные крики чаек, перестук молотков и визг пил, доносящиеся из доков, и тогда, если закрыть глаза, он видел свою любимую так ясно и так близко от себя, что, казалось, мог ее коснуться. И он мысленно протягивал руку, отчего-то в то же время мысленно играя на арфе, и действительно касался ее, своей Темной Розы. Он чувствовал ее руку в своей, и ее щеку, прохладную из-за холодного ветра и такую нежную, шелковистую, и находил губами знакомый комочек земли, присохшей к ее щеке... Мысленно он даже разговаривал с нею, и она ему отвечала, и ее знакомый, чуть хрипловатый голос произносил его имя:

«Диамант...»

Но стоило ему двинуться назад, к дому Хемлока, по улицам Южного порта, и она сразу исчезала. Он клялся себе, что будет думать о ней всю ночь, но образ ее растворялся почти мгновенно, и к тому времени, как он открывал дверь дома, он уже привычно бормотал очередной перечень имен или же сразу спрашивал, что будет на обед, потому что большую часть времени был голоден. А по собственной воле выбрать часок и сбежать в порт, чтобы иметь возможность подумать о Темной Розе, он никак не мог.

И в итоге он буквально жил ради тех недолгих часов, что казались ему настоящими свиданиями с возлюбленной; он мечтал теперь только об одном: как бы поскорее снова ощутить под ногами прибрежную гальку, увидеть гавань и далекую линию горизонта. Ведь только там он вспоминал то, что стоило вспоминать!

Прошла зима, миновала холодная ранняя весна, а уже ближе к лету, когда наконец стало совсем тепло, один из отцовских возчиков привез Диаманту письмо от матери. Диамант прочитал его и тут же пошел к Мастеру Хемлоку.

— Господин мой, я получил от матери письмо: она спрашивает, нельзя ли мне провести этим летом хотя бы месяц дома?

— Вряд ли это целесообразно, — пробормотал волшебник, а потом, словно наконец заметив Диаманта, отложил перо и сказал: — Молодой человек, я вынужден спросить тебя, хочешь ли ты продолжать занятия со мной?

Диамант был настолько ошеломлен, что не знал, как ответить. Ему даже в голову не приходило, что он может самостоятельно решать такие вопросы.

— А ты, господин мой, как думаешь? Считаешь ли ты, что мне следует их продолжать? — спросил он наконец.

— Вряд ли это целесообразно, — повторил волшебник.

Диамант ожидал, что после таких слов испытает громадное облегчение, но почувствовал лишь стыд: его сочли недостойным, отвергли!

— Прости меня, господин мой! Мне очень жаль, что так вышло, — сказал он, и в голосе его прозвучало достаточно достоинства, чтобы Хемлок поднял глаза и посмотрел на него.

— Ты мог бы отправиться на Рок, — сказал он.

— На Рок?

Диамант еще больше растерялся. Его растерянный вид явно раздражал Хемлока. Юноша не знал, что волшебники привыкли скорее к избыточной самоуверенности молодых магов, хотя и надеются всегда, что скромность к

таким гордецам придет позднее. Если вообще придет.

— Ну да, я, по-моему, ясно сказал: на Рок. — Судя по тону Хемлока, повторять он тоже не привык. А потом, поскольку этот мальчишка, этот тупоумный, испорченный, рассеянный, мечтательный мальчишка стал ему даже нравиться, особенно благодаря своему терпению и отсутствию привычки жаловаться, он сжалился над ним и сказал: — Тебе следует непременно либо отправиться на Рок, либо найти где-нибудь такого волшебника, который смог бы обучить тебя тому, что тебе действительно нужно. Разумеется, тебе, как будущему магу, необходимо и то, чему тебя могу научить я. Прежде всего знанию имен. Искусство магии начинается и кончается знанием имен. Но твое дарование лежит в иной плоскости. К тому же у тебя плохая память на слова. Ее, кстати, необходимо неустанно тренировать. Однако же мне совершенно ясно, что кое-какие — и даже весьма значительные! — способности у тебя есть, и тебе их необходимо развивать, при этом, безусловно, приучая себя к дисциплине! Однако тебе нужен другой учитель, который сможет дать тебе больше, чем я, да и научит тебя лучше, чем я. — Вот так порой скромность порождает скромность и дает столь неожиданные плоды, да еще и в такие моменты, когда этого меньше всего ожидаешь. — Если ты собираешься отправиться на Рок, — продолжал Хемлок, — я отправлю с тобой письмо с просьбой, чтобы тебе особое внимание уделил тамошний Мастер Заклинатель.

— Ага... — только и пробормотал Диамант смущенно, ибо искусство настоящего Заклинателя — это, возможно, самое таинственное и опасное из всех магических искусств.

— Возможно, впрочем, что я не прав, — продолжал Хемлок своим обычным суховатым ровным тоном. — Возможно, твой дар следует развивать Мастеру Путеводителю. А может быть, это самый обычный талант, которым вполне может заняться Мастер Метаморфоз... Я пока не уверен...

— Но ведь я же, на самом деле...

— О да! Ты необычайно медлителен! И особенно в том, что касается распознавания своих собственных возможностей. — Это было сказано довольно неприязненным тоном, и Диамант напрягся.

— Я считал, что мой талант — только в музыке, — выговорил он наконец.

Хемлок даже слушать его не стал и пренебрежительным жестом отмахнулся.

— Я толкую с тобой об Истинном Искусстве, — сказал он. — И скажу тебе совершенно откровенно: напиши-ка поскорее родителям — я тоже им

напишу — и сообщи им о своем решении отправиться в Школу Волшебников на остров Рок, если ты решишь отправиться именно туда, или же в Великий Хавнор, если Маг Рестив согласится взять тебя в ученики, а я думаю, он согласится — благодаря моим рекомендациям. Но ездить домой на каникулы я тебе не советую. Встречаться с родственниками, друзьями, радоваться, волноваться — это именно то, от чего ты должен быть отныне избавлен.

— А разве у волшебников не бывает семьи?

Хемлок даже с некоторым удовольствием заметил, как вспыхнули у юноши глаза.

— Все они единая семья, — сказал он.

— А друзья?

— Волшебники могут иногда дружить друг с другом. А что, разве я говорил тебе, что это легкая жизнь? — Хемлок помолчал, глядя Диаманту прямо в лицо. — Мне кажется, у тебя там была какая-то девушка? — спросил он.

Диамант некоторое время молча смотрел ему прямо в глаза, но так и не ответил.

— Твой отец говорил мне. Дочка ведьмы, с которой вы в детстве вместе играли. Он был уверен, что ты учил ее всяким магическим забавам.

— Это она меня учила!

Хемлок кивнул:

— Понимаю. Это вполне естественно в детском возрасте. Но практически невозможно сейчас. Ты-то сам это понимаешь?

— Нет, — сказал Диамант.

— Сядь, — велел ему Хемлок. Чуть помедлив, Диамант сел на жесткий стул с высокой спинкой лицом к волшебнику.

— Здесь я могу защитить тебя, — сказал Хемлок, — что и делал все это время. Впрочем, на острове Рок ты, разумеется, будешь в полной безопасности. Там даже сами стены... Но если ты поедешь домой, ты должен сам захотеть для себя защиты. А это очень непросто для такого молодого человека, очень непросто... Это испытание воли, а она у тебя еще недостаточно закалена, и ума, который еще не знает, в чем его истинное предназначение. Я очень, очень советую тебе не рисковать понапрасну. Напиши родителям и отправляйся в Великий Хавнор или на остров Рок. Половину той платы, что я получил за год твоего обучения, я тебе отдам; этих денег тебе на первое время должно вполне хватить.

Диамант сидел совершенно прямо и неподвижно. В последнее время он почти догнал в росте и ширине плеч отца и выглядел настоящим

мужчиной, хотя и был еще очень молод.

— А что ты, господин мой, имел в виду, говоря, что защищал меня здесь? — спросил он.

— То же самое, что я делаю, защищая себя, — сказал волшебник и прибавил чуть более раздраженно: — Это сделка, мой мальчик! Та сила, которую мы отдаем в обмен на силу магическую. Но при этом мы, конечно, отказываемся от самых примитивных чувств. Ты ведь, наверное, знаешь, что каждый настоящий волшебник дает обет безбрачия?

Повисла пауза. Потом Диамант сказал:

— Так, значит, вот о чем ты заботился, господин мой!.. Чтобы я...

— Ну разумеется! Я нес за тебя ответственность как твой учитель.

Диамант понимающе кивнул:

— Что ж, спасибо. — И вскочил. — Извини меня, господин мой. Я должен подумать.

— Куда ты собрался?

— Схожу вниз, к воде.

— Лучше останься здесь.

— Нет, здесь я не могу думать!

И Хемлок, возможно, понял, почему Диамант так спешит уйти и к чему снова стремится; но поскольку он уже сказал, что больше не будет его учить, то и приказывать ему, по совести говоря, больше не мог.

— Ты обладаешь истинным волшебным даром, Эссири, — сказал он, называя Диаманта тем именем, которое дал ему у истоков реки Амиа; это слово на Языке Созидания означает «ива». — Хотя я не совсем понимаю, в чем именно проявится этот дар. Думаю, что и ты сам этого пока не понимаешь. Так что будь очень осторожен! Неправильное использование своих магических возможностей или отказ от их использования могут привести к большим потерям, к великим несчастьям!

Диамант кивнул, страдая и каясь в душе, внешне покорившийся, но непоколебимый.

— Ступай же, — сказал волшебник, и Диамант ушел.

Позже Хемлок понял, что ему ни в коем случае не следовало отпускать мальчишку из дома. Он недооценил силу воли Диаманта, как и силу того заклятия, которое наложила на него та юная ведьма. Разговор их состоялся утром, так что Хемлок с наслаждением вернулся к своим книгам, а точнее, к сюжету одной старинной мистификации; и до ужина он даже не вспоминал о своем бывшем ученике, и только поужинав в одиночестве, он пришел наконец к выводу, что Диамант сбежал.

Хемлок очень не любил пользоваться низшими формами магических

искусств, а потому, чтобы разыскать Диаманта, не стал произносить самое простое заклинание, как это сделал бы любой колдун. Не стал он и призывать к себе Диаманта с помощью Истинного Заклятия. Он был рассержен. Возможно, он даже страдал. Он так хорошо относился к этому мальчишке! Ведь он сам предложил написать для него рекомендательное письмо Мастеру Заклинателю, а Диамант сломался при первой же попытке проверить, сколь сильна его воля. «Она разбилась — как стекло!» — шептал волшебник. Что ж, по крайней мере, эта его слабость доказывала то, что он практически не опасен. Хемлок хорошо знал, что некоторые таланты лучше сразу направлять в нужное русло благодаря знаниям и строжайшей дисциплине, но этот парень никому не мог принести ни особого зла, ни бед. Никакого честолюбия! «Совершенно бесхарактерный! — бормотал Хемлок в тишине своего дома. — Что ж, пусть спешит домой, к мамочке! И этой юной ведьме!»

А все-таки его задело то, что Диамант попросту бросил его, не сказав ни слова благодарности. Даже не извинившись! «Ничего не поделаешь, манеры у него тоже дурные», — сердито думал старый волшебник.

Когда Роза задула лампу и нырнула в постель, то почти сразу услышала крик совы — негромкое булькающее «ху-гу, ху-гу», из-за которого люди называют этих сов «смеющимися». Она слушала этот крик, и смертельная тоска терзала ее сердце. Когда-то этот крик служил им сигналом — когда летними ночами они выскальзывали из дому и встречались в зарослях ивняка на берегу Амии, а дома все мирно спали и никто ничего не замечал... По ночам она старалась не думать о Диаманте. Зимой она каждую ночь посылала ему какую-нибудь весточку — она давно научилась у матери этому несложному искусству. Призывала она его и с помощью настоящих заклятий. Она посылала ему свой голос, произносящий его имя, снова и снова пыталась пробиться к нему, но каждый раз наталкивалась на непреодолимую преграду. И молчание. Он точно оградил себя от нее стенами. Он не желал ни слышать, ни видеть ее!

Но днем, причем каждый раз совершенно неожиданно, она много раз чувствовала и знала, что душа его где-то рядом, что она может коснуться руки Диаманта или его щеки, стоит только руку протянуть. А по ночам он от нее скрывался. Может быть, его заставили все же от нее отказаться? Вот уже несколько месяцев прошло, как она совершенно оставила всякие попытки до него добраться, но боль в сердце так и не утихала.

«Ху-гу!» — крикнула сова прямо у нее под окном, а потом вдруг заговорила по-человечески и окликнула ее: «Темная Роза!» Потрясенная,

жалкая в своем горе, она вскочила с кровати и распахнула ставни.

— Выгляни-ка наружу, — прошептал ей Диамант, в лунном свете казавшийся всего лишь тенью.

— Матери нет дома. Входи скорей! — И она встретила его на пороге.

Они буквально стиснули друг друга в объятиях, не говоря ни слова, и все никак не могли разомкнуть рук. У Диаманта было такое ощущение, словно он держит в руках собственное будущее, всю свою жизнь целиком.

Наконец Роза шевельнулась, поцеловала его в щеку и прошептала:

— Я так скучала по тебе, так скучала! Ты надолго?

— На сколько захочу!

Она потащила его в комнату. Диамант всегда неохотно заходил в дом ведьмы, наполненный острыми, пряными запахами, грязноватый и полный всяких женских тайн и колдовства. Этот дом разительно отличался от его собственного дома, чистого и удобного, но еще больше отличался он от холодного и сурового дома волшебника Хемлока. И Диамант задрожал, точно конь, боясь отойти слишком далеко от порога, и наклонил голову, чтобы не задеть за увешанную пучками пахучих трав притолоку. Он был очень напряжен и совершенно измучен, пройдя сорок миль за шестнадцать часов без еды и воды.

— Где твоя мать? — спросил он шепотом.

— Сидит со старой Ферни. Старуха сегодня днем умерла, и мама пробудет там всю ночь. Но как ты попал сюда?

— Пришел пешком.

— Значит, твой волшебник все-таки разрешил тебе повидать родных?

— Нет. Я убежал.

— Убежал? Но почему?

— Чтобы сохранить тебя.

Он сказал это очень серьезно и посмотрел на нее — на ее живое, страстное, смуглое лицо в густом облаке черных кудрей. На ней была только тонкая сорочка, и он с бесконечной нежностью смотрел на округлые холмики ее груди, слегка прикрытых тканью. Потом снова прижал ее к себе, и она тоже сперва обняла его, но тут же отстранилась и нахмурилась.

— Сохранить меня? — переспросила она. — Но всю зиму ты, похоже, не очень-то беспокоился насчет того, что можешь меня потерять! Почему же теперь ты передумал и вернулся?

— Он захотел, чтобы я отправился на Рок.

— На Рок? — Роза так и уставилась на него. — На Рок, Ди? Так значит, у тебя действительно есть волшебный дар... и ты мог бы стать настоящим колдуном?

Неужели и она на стороне Хемлока? Вот это удар!

— Колдуны для него ничто. Он считал, что я мог бы стать волшебником. Заниматься магией. Магическими науками и искусствами. А не просто колдовством.

— Ах вот как... — Роза немного помолчала. — Но я не понимаю, почему же все-таки ты убежал.

Они давно уже расцепили руки и сидели, не касаясь друг друга.

— Неужели ты не понимаешь? — Он был в отчаянии от того, что она этого не понимает, что он и сам до сих пор еще этого как следует не понял. — Волшебник не может иметь ничего общего с женщинами! С ведьмами. Со всем этим.

— Да, я знаю. Это недостойно настоящего волшебника.

— Не просто недостойно...

— Но ведь я права! Спорить готова, что тебе пришлось выкинуть из головы все заклятия, которым я тебя научила. Верно?

— Но дело совсем не в этом...

— Нет. Дело в том, что это не Высокое Искусство. И не Язык Созидания. Волшебник не должен поганить свои уста обычными заклинаниями. «Слабый, как женские чары, опасный, как женские чары!» Ты думаешь, я этого не знаю? Так с какой же стати ты сюда вернулся?

— Чтобы увидеть тебя.

— Зачем?

— А ты как думаешь?

— Ты ни разу даже весточки мне не прислал, ни разу не принял моих посланий! У тебя для меня просто времени не было! Ты как стеной от меня отгородился, а я, по-твоему, должна была ждать, пока тебе не надоест играть в волшебника? Ну так вот: ждать мне надоело! — Ее всю трясло, но говорила она почти шепотом.

— Тут кто-то еще замешан, да? — спросил Диамант, не веря, что Темная Роза способна стать его врагом. — За тобой кто-то другой ухаживает?

— Не твое дело, даже если и ухаживает! Ты же ушел от меня, отвернулся! Еще бы! Волшебники же не имеют ничего общего с ведьмами, с тем, чем занимаюсь я, чем занимается моя мать. Ну так и я не желаю иметь ничего общего с волшебниками. Убирайся!

Умирая от голода, исполненный отчаяния, совершенно не понятый, Диамант попытался было снова обнять ее, заставить ее тело понять, как исстрадалось его тело; ему хотелось прижать ее к себе так же нежно и крепко, как в первое мгновение их встречи, которое, казалось, заключало в

себе суть всей их жизни и любви. Но обнаружил вдруг, что отлетел от нее шага на два, руки его будто стянуты путами, в ушах звон, а голова идет кругом. Глаза Розы метали молнии, а от пальцев полетели искры, когда она стиснула их в кулаки.

— Никогда больше этого не делай, — прошипела она.

— Не бойся, больше я никогда этого не сделаю! — сказал Диамант, резко повернулся и бросился вон. Былинка сухого шалфея запуталась у него в волосах, но он этого так и не заметил.

Он провел ночь на их старом месте в ивняке, все еще надеясь, что она придет, но она не пришла, и он уснул, сраженный чудовищной усталостью. И проснулся от холода с первыми проблесками рассвета. Он сел и крепко задумался. Вся его жизнь виделась ему теперь иначе в этом холодном утреннем свете. Потом он спустился к реке, в водах которой был наречен именем, напился, вымыл руки и лицо, привел себя по возможности в порядок и стал подниматься в город, на самый верх, где стоял красивый дом его отца.

После того как отзвучали первые радостные приветствия и разомкнулись первые горячие объятия, мать и слуги усадили его завтракать. Так что в желудке его уже было достаточно горячей еды, а в сердце — холодного мужества, когда он встретился с отцом, который с утра провожал возы с лесом в Великий порт.

— Ну что ж, сынок! — Они обнялись, коснулись друг друга щеками. — Значит, Мастер Хемлок отпустил тебя на каникулы?

— Нет, господин мой. Я ушел сам.

Голден долго смотрел на него, потом наполнил свою тарелку едой и сел за стол.

— Ушел? — переспросил он.

— Да. Я больше не хочу быть волшебником.

— Хм?.. — Голден продолжал жевать. — Так ты, значит, решил уйти от Мастера Хемлока? Бросить занятия? А разрешение у него ты получил?

— Нет, я решил уйти сам. И никакого разрешения он мне не давал.

Отец продолжал медленно-медленно жевать, не поднимая глаз от стола. Диамант уже видел однажды на его лице такое же выражение — тогда один из лесников сообщил ему о страшной болезни, поразившей каштановые рощи; и потом еще раз — когда Голден обнаружил, что продавец мулов здорово его надул.

— Хемлок хотел, чтобы я отправился в Школу Волшебников на остров Рок и учился там у Мастера Заклинателя. Он даже собирался писать

рекомендательное письмо. Но я все-таки решил не ездить.

Голден еще некоторое время молчал, по-прежнему глядя к себе в тарелку, потом спросил:

— Почему?

— Это совсем не то, чему я хотел бы посвятить свою жизнь.

Снова повисло тягостное молчание. Голден глянул на жену, которая стояла у окна, прислушиваясь к наступившей в комнате тишине, и перевел глаза на сына. Постепенно выражение лица его менялось: странная смесь гнева, разочарования, смущения и уважения уступала место пониманию, сочувствию; он чуть было не подмигнул сыну.

— Ясно, — промолвил он. — И что же, по-твоему, тебе нужно в жизни?

Диамант ответил не сразу. И голос его был ровен, когда он наконец сказал, не глядя, однако, ни на мать, ни на отца:

— Вот это все. То, что меня здесь окружает.

— Ха! — воскликнул Голден. — Ну что ж, я, честно признаться, очень этому рад, сынок! — И он в один присест проглотил пирожок со свининой. — Стать волшебником, отправиться на остров Рок — все это, конечно, заманчиво, но никогда не казалось мне настоящим занятием для взрослого мужчины. А уж если совсем начистоту, то, если бы ты там остался, у меня бы просто руки опустились. Для чего все это было бы тогда нужно? Мое дело, которому я посвятил всю жизнь? Нажитое богатство? Ведь если ты действительно останешься, наше дело будет развиваться, понимаешь? Развиваться! Да... Но, послушай, неужели ты сбежал от Хемлока? Он вообще-то знал, что ты собираешься уехать?

— Нет. Но я ему обязательно напишу. — Все это Диамант сказал своим новым, РОВНЫМ голосом.

— И он не рассердится? Говорят, волшебников ничего не стоит рассердить. Уж больно они гордые.

— Он и так уже наверняка сердится, — сказал Диамант, — но мне он ничего дурного не сделает.

Так оно и оказалось. К тому же Мастер Хемлок, страшно удивив Голдена, вернул ему ровно две пятых той суммы, которую получил в уплату за обучение Диаманта. В том же пакете — его передал Голдену один из возчиков, возивших доски для обшивки кораблей в Южный порт, — было письмо, адресованное Диаманту. В этом письме было всего несколько слов: «Истинное искусство требует честного и преданного сердца». Вместо имени адресата на конверте была изображена ардическая руна «ива», а вместо подписи — руна «хемлок», у которой два значения: «болиголов» и

«страдание».

Диамант сидел у себя в комнате наверху, на залитой солнцем мягкой постели, и слушал, как поет его мать, занимаясь какими-то своими домашними делами. Он держал в руках письмо волшебника и без конца перечитывал написанную им фразу и те две руны. Та холодная и спокойная медлительность, что охватила его ум и душу утром на берегу реки в зарослях ивняка, вполне позволяла ему принять пощечину волшебника. Хемлок прав. Никакой магии. Никогда больше. Да он, собственно, никогда особенно и не стремился к знанию магических искусств. Все это было для него лишь игрой, в которую они так весело играли вместе с Темной Розой. Даже имена Истинной Речи, которые он учил в доме волшебника, понимая всю заключенную в них силу и красоту, он запросто мог позабыть, мог позволить им стереться из памяти. Он не воспринимал этот древний язык как родной.

Слова этого языка он мог произносить легко, только общаясь с Темной Розой. Но ее он утратил. Сам отпустил ее. А двоедушные, как говорит Хемлок, не могут знать Языка Созидания. Все. Отныне он будет говорить только на языке долга и выгоды: получать и тратить, подсчитывать доходы и расходы...

И ничего другого он себе не позволит. Никаких прежних иллюзий, никаких камешков, которые превращаются в бабочек, никаких деревянных птичек, способных летать и петь по-настоящему минуты две-три. И, если честно, выбора-то у него и нет. Для него всегда существовал только один путь.

А Голден был невероятно счастлив. Это была совершенно нежданная радость. «Ну вот, наш старик заполучил-таки свое сокровище обратно, — сказал один из его возчиков леснику. — Весь так и светится! И впрямь, точно золотой!» Голден, правда, не подозревал о том, что стал «светиться», и думал лишь о том, насколько светлой стала теперь его жизнь. Он успел-таки купить ту рощу, что над селением Рече, и отдал за нее, надо сказать, немало, зато она по крайней мере досталась не старому Лоубау из Истхилла, а им с Диамантом, и ею теперь можно будет как следует заняться. В этой роще помимо каштанов росли также отличные сосны, которые можно срубить и продать на мачты, рангоутное дерево и корабельную обшивку, а вместо них посадить еще каштаны. И со временем эта роща будет не хуже его старой и знаменитой Большой Рощи, самого сердца его каштанового королевства. Со временем, конечно. Дуб и каштан не способны вырасти за две недели, как рябина или ива. Но время пока что

есть. Пока что есть. Мальчику еще только семнадцать, а ему самому всего сорок пять! Он — мужчина в самом расцвете лет. За время отсутствия сына он, правда, уже успел почувствовать себя стариком, но это все пустяки. Нет, силенки у него еще есть!..А заодно с соснами в новой роще нужно срубить и все старые каштаны, уже не способные плодоносить. У них тоже древесина неплохая, для мебельщиков, к примеру, очень даже подойдет.

— Так, так, так, — говорил он жене, потирая руки, — ты небось тоже теперь все в розовом свете видишь, а? Как же, мальчик твой драгоценный домой вернулся! Зеница твоего ока! Ну что, милая, больше хандрить не будешь?

Тьюли только улыбалась в ответ и гладила мужа по руке.

Но однажды она вдруг сказала:

— Это замечательно, что наш мальчик наконец вернулся, но... — и Голден тут же перестал ее слушать. Он считал, что матери рождены на свет, чтобы беспокоиться о своих детях, а женщины — чтобы никогда не быть довольными. С какой стати он должен слушать эти бесконечные беспокойные предположения, которыми Тьюли вечно усложняет жизнь себе и другим? Она, разумеется, считает, что судьба простого купца не достойна ее гениального сына. Может быть, она согласилась бы на королевский трон в Хавноре? Или этого тоже мало?

— Когда он заведет себе девушку, — сказал Голден, не обращая внимания на то, что говорит ему жена, — он и вовсе о нас думать перестанет. Этот год в доме у волшебника, знаешь ли, привел к тому, что Диамант насчет девушек немного отстал. Но ты за нашего парня не беспокойся. Он скоро во всем разберется и поймет, что ему действительно нужно!

— Надеюсь, что так, — промолвила Тьюли.

— По крайней мере, с дочкой той ведьмы он больше не встречается, — сказал Голден. — С этим покончено. — И ему вдруг пришло в голову, что и Тьюли тоже давно не видится со своей подружкой. Долгие годы они были практически неразлучны и виделись тайком, несмотря на то что это его всегда сердило, а теперь Тангле у них в доме и вовсе не бывает. Впрочем, женская дружба ведь недолговечна. Голден даже немного поддразнивал жену насчет этого. Однажды, заметив, как Тьюли кладет в сундуки с зимними вещами и карманы шуб мятую моли, он сказал:

— А раньше-то ты все больше к помощи своей подружки прибегала, чтобы моли не было, а? Или вы с ней больше уж не подружки?

— Нет, — сказала Тьюли тихим ровным голосом, — больше не подружки.

— Вот и прекрасно! — воскликнул Голден. — А что с ее дочерью случилось? Я слышал, она ушла с бродячими жонглерами?

— Да, ушла. Но только с музыкантом одним, — поправила его Тьюли. — Еще прошлым летом.

— Скоро твои именины, — сказал Голден сыну. — Устроим праздник! Надо же и нам немного повеселиться, послушать музыку да потанцевать. Девятнадцать лет! Этот день надо хорошенько отметить!

— Но я собираюсь в Истхилл с Сулом.

— Нет, нет, нет! Сул прекрасно справится и сам. А ты останешься дома, и мы устроим настоящий пир. Ты славно поработал, мой мальчик! Мы найдем целый оркестр. Чей оркестр самый лучший? Тарри?

— Отец, мне совсем не хочется веселиться на пиру, — сказал Диамант и встал, напряженный, точно встревоженный конь. Он уже перерос отца и стал шире его в плечах, так что когда он неожиданно выпрямлялся во весь рост, то выглядел настоящим великаном. — Я лучше в Истхилл поеду! — И он поспешил уйти.

— Что с ним такое? — спросил у жены Голден, сам, впрочем, понимая, что это вопрос скорее риторический. Тьюли только посмотрела на него и ничего не сказала в ответ.

А когда Голден ушел по каким-то своим делам, она отыскала сына в комнатке счетовода, где он просматривал grossбухи — длинные-предлинные списки наименований товаров и чисел, дебет и кредит, доходы и расходы...

— Ди, — окликнула она его, и он поднял голову. Лицо у Диаманта все еще было по-детски округлым, и нежная кожа напоминала персик, но черты стали куда более резкими, а глаза — очень грустными.

— Я совсем не хотел обижать отца, — сказал он.

— Если он хочет устроить пир, он его все равно устроит, — сказала Тьюли. Голоса у них сейчас были очень похожи: оба довольно высокие, но звучащие приглушенно и сдержанно. Она присела на табуретку рядом с его конторкой.

— Я не могу... — сказал он и вдруг замолк. Потом договорил: — Я действительно не хочу устраивать никаких танцев, мама!

— Отец устраивает не танцы, а смотрины, — сухо вато пояснила Тьюли, любовно поглядывая на сына.

— Мне нет до этого никакого дела.

— Я знаю.

— Дело в том...

— Все дело в музыке, — договорила она за него.

Диамант кивнул.

— Но, сынок, нет ни малейшей причины, — она вдруг заговорила громко и страстно, — ни малейшей, понимаешь, отказываться от того, что ты любишь!

Он взял ее руку и поцеловал.

— Нельзя смешивать такие разные вещи, — сказал он. — Надо бы, но не получается. Я сам к этому выводу пришел. Когда я ушел от Мастера Хемлока, то думал, что смогу и это, и то, и другое... Понимаешь? Смогу одновременно заниматься магией и музыкой, быть отцу хорошим подспорьем и любить Розу... Но из этого ничего не получилось. Нет, нельзя все-таки смешивать такие разные вещи.

— Можно, можно! — воскликнула Тьюли. — Все на свете связано, перемешано...

— Может быть, ты и права — но это для женщин! А я мужчина... И я не могу быть двоедушным, мама!

— Двоедушным? Ты? Ты же отказался от магии, понимая, что если не откажешься, то предашь ее!

Он слушал ее, явно потрясенный тем, как глубоко и хорошо она знает его душу, и возражать не стал.

— Но почему, — спросила его мать, — почему ты отказался от музыки? Этого я понять не могу!

— Я должен иметь только одну душу. Я не могу играть на арфе и одновременно заключать сделки или торговаться, покупая новую партию мулов. Я не могу сочинять баллады и одновременно подсчитывать, сколько мы должны заплатить сборщикам каштанов, чтобы их не переманил Лоубау! — Его голос слегка дрожал, а глаза уже не были так печальны: в них горел гнев.

— Выходит, ты сам себя околдовал, — сказала Тьюли. — В точности как тот твой волшебник, когда наложил на тебя заклятие, чтобы тебя «обезопасить», чтобы ты вечно жил среди торговцев мулами, сборщиков каштанов и тому подобных людей. — Она с такой презрительной яростью стукнула кулаком по толстому grossбуху, полному сведений о товарах и платежах, точно хотела разбить его вдребезги. — Ты наложил на себя заклятие вечного молчания, сынок, — с горечью проговорила она.

Диамант долго молчал, потом спросил:

— А как еще я мог бы поступить?

— Не знаю, дорогой. Я ведь тоже хочу, чтобы ты жил счастливо и в полном довольстве. И я очень хочу видеть твоего отца счастливым и

гордым тобой. Но я не могу спокойно смотреть в твои бесконечно тоскливые глаза! В твои покорные глаза! Ты что же, совсем лишился гордости? Не знаю... Возможно, ты и прав. Возможно, для мужчины всегда есть только один путь. Но мне так не хватает твоих песен!

И Тюли заплакала. Он обнял ее, а она гладила его по густым блестящим волосам и просила прощения за свои жестокие слова, и он еще крепче обнимал ее, целовал и все повторял, что она самая лучшая, самая добрая мать в мире. Наконец Тюли собралась уходить, но на пороге обернулась и сказала:

— Пусть уж он устроит этот пир, хорошо, Ди? И постарайся хоть немного тоже повеселиться, позволь себе это.

— Хорошо, — сказал он, желая ее утешить.

Голден заказал огромное количество пива, разных угощений, всякие фейерверки, но музыкантов Диамант решил пригласить сам.

— Ну, разумеется, мы придем! — сказал ему Тарри. — Такой отличный повод! Грех его пропустить. Да любой флейтист сразу сюда прибежит, узнав, что твой отец пир устраивает!

— Хорошо. Можешь передать всем своим музыкантам, что заплатят им, как полагается.

— Ох, да они ради одной славы на таком пиру играть готовы! — сказал арфист Тарри, аккуратный длиннолицый мужчина лет сорока с бельмом на глазу. — Может, ты и сам с нами разок сыграешь, а? У тебя здорово получалось, пока ты выколачиванием денег не занялся. И голос у тебя тоже был неплохой. Над ним бы еще немного поработать, и отлично бы вышло.

— Сомневаюсь, — сказал Диамант.

— А эта девчонка, что тебе нравилась, дочка той ведьмы, Роза, тоже ведь где-то в наших краях скитается. Я слышал, она с Лабби сбежала. Ну так Лабби, конечно, тоже заявится. И она с ним.

— Вот и увидимся, — сказал равнодушным тоном Диамант и пошел прочь, огромный, красивый и ко всему безразличный.

— Ишь ты, зазнался как! Не может просто так постоять да поговорить с человеком, — проворчал Тарри. — А ведь это я его всему учил! И на арфе играть, и вообще! Да разве старая дружба для богатых что-нибудь значит?

Подковырки Тарри сильно задели Диаманта, а мысль о грядущем пире угнетала так, что он в итоге совершенно утратил аппетит и даже обрадовался, надеясь, что заболел и не сможет присутствовать на

празднике. Но в назначенный день он все же туда явился. Не такой, правда, радостный, как его отец, но все же улыбался и даже танцевал. Там собрались многочисленные друзья его детства; половина из них уже успела пережениться, но все же хватало и милующихся парочек, флирта и всего такого прочего. Стайки хорошеньких девушек так и вились вокруг красавца Даманта, и он, выпив немало отличного пива, сваренного знаменитым Гэджем, обнаружил, что вполне способен и музыку слушать, и под эту музыку танцевать, и болтать и смеяться с хорошенькими девушками. Он танцевал с ними со всеми по очереди, а потом снова и снова — с той, которая успевала «вовремя подвернуться», и, надо сказать, каждая старалась как-нибудь невзначай это сделать.

Это был самый лучший из всех пиров, какие когда-либо давал Голден. На площадке для танцев, устроенной чуть поодаль от его дома, всюду веселилась молодежь, а на городской площади был раскинут шатер, где люди постарше могли спокойно посидеть, выпить, закусить и вдоволь посплетничать. Все дети получили в подарок новое платье и тоже были очень довольны, тем более что жонглеры и кукольники — некоторые из них были наняты специально, а некоторые пришли сами, чтобы по возможности получить и свою долю мелких монет и бесплатного угощения, — устроили отличное представление. Любой праздник всегда привлекает странствующих лицедеев и музыкантов; это их хлеб, и им, даже если никто их специально и не приглашает, всегда рады. Чуть поодаль, под большим дубом бродячий сказитель монотонно и нараспев под заунывные звуки волынки исполнял «Подвиг Повелителя Драконов» для довольно большой группы особых любителей старинных героических песен. Когда оркестр Тарри, состоявший из арфиста, флейтиста, скрипача и барабанщика, сделал перерыв, чтобы закусить и освежиться напитками, их место заняла какая-то новая группа музыкантов.

— О, да это же Лабби! — воскликнула хорошенькая девушка, стоявшая ближе всех к Даманту. — Давайте, давайте! Они тут лучше всех!

Лабби, светлокожий и фатоватый парень, играл на деревянном рожке. В его группе были также скрипач, барабанщик и... Роза, которая играла на флейте. Они блестяще сыграли первый танец, ритмичный и быстрый, но оказавшийся слишком быстрым для некоторых танцоров. Дамант и его партнерша, впрочем, остались в кругу до самого конца, и зрители хлопали и подбадривали их криками.

— Пива! — крикнул Дамант, вытирая пот со лба, и его тут же увлекли к столу и со всех сторон окружили шумные веселые юноши и девушки.

И вдруг он услышал, как позади музыканты заиграли новую мелодию. На этот раз, собственно, играла одна лишь скрипка, печальным высоким голосом выводившая: «Куда устремится любовь моя».

Диамант залпом осушил целый кувшин пива, и окружавшие его девушки с восхищением смотрели, как при глотках движутся мускулы на его сильной шее, и смеялись, и переговаривались, и подталкивали друг друга, а он, выпив, лишь отряхнулся всем телом, как лошадь, которую одолели мухи, и сказал:

— Нет, я не могу!.. — И исчез в темноте за шатром с напитками.

— Куда это он? — удивились его приятели. — Ничего, вернется! — И они продолжали болтать и смеяться.

Скрипка смолкла.

— Темная Роза, — тихо окликнул он ее, стоя совсем рядом в темноте. Она обернулась, и взгляды их встретились. Их лица, собственно, были почти на одном уровне, хотя Роза сидела, скрестив ноги, на возвышении для музыкантов, а Диамант стоял возле этого возвышения на коленях.

— Пойдем на наше место? — попросил он.

Она не ответила. Лабби, глядя на нее, поднес к губам свой рожок. Барабанщик ударил в барабан, и они заиграли моряцкую джигу.

Когда же Роза снова обернулась, ища глазами Диаманта, то его уже и след простыл.

Тарри со своим оркестром вернулся примерно через час и даже не поблагодарил за предоставленную возможность передохнуть. Напротив, он довольно сердито прервал на середине исполняемую оркестром Лабби мелодию и велел ему убираться.

— Сопли сперва подбери, щипач несчастный, — заявил ему Лабби. Тарри, разумеется, обиделся, а люди вокруг тут же разделились на два лагеря, и пока разгорался спор, Роза сунула свою флейту в карман и тихо ускользнула прочь.

В стороне от освещенной фонарями площадки было совсем темно, но она и в темноте нашла дорогу очень быстро, ибо отлично знала ее. Он, конечно, был уже там. Ивы за эти два года еще подросли, и теперь в ивняке почти не осталось свободного места, чтобы можно было присесть: всюду торчали из земли молодые побеги да покачивались длинные свисавшие почти до земли ветви взрослых деревьев.

Музыка заиграла снова, далекая, заглушаемая ветром и шепотом реки.

— Чего тебе от меня нужно, Диамант?

— Всего лишь поговорить с тобой.

В темноте они казались друг другу тенями.

— Ну, говори, — сказала она.

— Я ведь хотел попросить тебя уехать со мной отсюда, — сказал он.

— Когда?

— Тогда еще. Когда мы поссорились. Только я все неправильно сказал. Я думал... — Повисло долгое молчание. — Я думал, что просто снова смогу убежать. Вместе с тобой. Играть музыку. И как-то прожить. Вместе. Я это хотел сказать.

— Но ты этого не сказал!

— Я знаю. Я все сказал неправильно. Я все сделал неправильно. Я всех предал. Магию. Музыку. И тебя.

— Ничего. Я неплохо устроилась.

— Вот как?

— Я не бог ведь как умею играть на флейте, но, в общем, получается ничего. А то, чему ты меня так и не научил, я, в конце концов, могу восполнить и с помощью заклятий, если так уж будет нужно. И эти ребята из оркестра тоже ничего. Лабби ведь совсем не такой, каким кажется. Он хорошо ко мне относится. Никто меня не обманывает. И мы очень неплохо зарабатываем. А зимой я обычно живу у мамы и помогаю ей. Так что у меня все в порядке. А у тебя, Ди?

— А у меня все очень плохо.

Она хотела было что-то сказать, да так и не сказала.

— Я думаю, тогда мы были совсем детьми, — сказал он, — а теперь...

— Что же изменилось?

— Я сделал неправильный выбор.

— Однажды? — спросила она. — Или дважды?

— Дважды.

— Ну что ж, третий раз волшебный.

Оба некоторое время молчали. Она с трудом различала даже его громоздкий силуэт в черной тени листьев.

— Ты стал такой огромный, — сказала она вдруг, — гораздо больше, чем прежде! А ты все еще умеешь зажигать огонек, Ди? Я хочу видеть тебя.

Он покачал головой.

— Это была единственная вещь, которую ты мог делать всегда, а я так никогда и не научилась. Не смогла. Да и ты не сумел меня этому научить.

— Я не нарочно, — сказал он, — у меня ведь тоже иногда это получалось, а иногда нет.

— А тот волшебник из Южного порта не научил тебя, как сделать, чтобы всегда получалось?

— Он учил меня только именам.

— А почему ты не можешь сделать это сейчас?

— Я отказался от магии, Темная Роза. Я должен был либо заниматься только ею и больше ничем, либо оставить ее совсем. Нужно иметь только одну душу.

— Не понимаю, почему, — пожала она плечами. — Моя мать может излечить лихорадку, может помочь при родах, может отыскать потерявшееся кольцо и еще многое другое; может быть, это и не идет ни в какое сравнение с тем, что делают настоящие волшебники и повелители драконов, но все равно это кое-что. И она, чтобы заниматься всем этим, ни от чего не отказывалась. Даже то, что она меня родила, никак ей не помешало. А знаешь, она родила меня, чтобы НАУЧИТЬСЯ рожать! Неужели только потому, что я училась у тебя музыке, я должна была отказаться от умения составлять заклятия? Я, между прочим, могу и сейчас запросто наслать лихорадку. Почему же ты должен от чего-то отказываться, чтобы иметь возможность заниматься чем-то другим?

— Мой отец... — начал было он и умолк. И даже негромко рассмеялся. — Пойми, они просто не сочетаются — деньги и музыка.

— Как твой отец и дочка ведьмы, — сказала Темная Роза.

И снова повисло молчание. Чуть шелестела ивовая листва.

— Ты вернешься ко мне? — спросил он и заторопился: — Ты уедешь со мной, будешь со мной жить, выйдешь за меня замуж, Темная Роза?

— Только не в доме твоего отца, Ди?

— Где ты сама захочешь! Убежим хоть сейчас!

— Но ты же не можешь получить только меня одну, без музыки, правда?

— Или музыку без тебя.

— Я согласна, — сказала она.

— А Лабби, случайно, арфист не нужен?

Она заколебалась, потом засмеялась и сказала:

— Ну, если ему будет нужен флейтист, так и арфисту дело найдется.

— Но я не играл с тех пор, как уехал из дома, Темная Роза, — сказал он. — И все же музыка всегда звучала у меня в ушах, и твой голос... — Она протянула к нему руки. Они опустились на колени лицом друг к другу; над головами их что-то шептали листья ив. Они поцеловались. Сперва застенчиво, боясь коснуться друг друга...

Прошло несколько лет с тех пор, как Диамант покинул родной дом. За это время Голден невероятно разбогател, буквально все его предприятия оказывались выгодными. Казалось, удача навсегда прилепилось к нему и

теперь ее уже не стряхнешь, даже если захочешь. Он стал очень, очень богат.

Но сына так и не простил. Все могло бы кончиться по-хорошему, да только Диамант сам все испортил. Уехал, не сказав ни слова, в день своих же именин, прямо во время пира, сбежал с какой-то ведьмой, бросил настоящую работу, не доведя ее до конца, и стал бродячим музыкантом, жалким арфистом! И теперь поет и играет, где придется, да еще и улыбается за жалкие гроши — ничего, кроме стыда, боли и гнева в душе Голдена это не вызывало. И он упивался своими переживаниями, но сына видеть не желал.

Тьюли долгое время делила с ним его горе, но с Диамантом старалась все же видаться, что было трудновато, потому что ей приходилось обманывать мужа; и она плакала, думая, как часто ее мальчик голоден и бесприютен. А уж холодные осенние ночи стали для нее настоящим кошмаром. Но время шло, и она все чаще слышала, как люди хвалят «сладкоголосого Диаманта с Западного побережья» и рассказывают, что он играет на арфе и поет во дворцах великих правителей и даже в Башне Меча, и постепенно на сердце у Тьюли полегчало. И однажды, когда Голден уехал в Южный порт по делам, они с Тангле запрягли в повозку ослика и поехали в Истхилл, где и услышали, как Диамант исполняет, сопровождая себя на арфе, знаменитое «Лэ о пропавшей королеве». И Темная Роза сидела с ними рядом, и маленькая Тьюли забралась наконец к большой Тьюли на колени. И если это и не самый счастливый конец, то все же Тьюли испытала истинную радость и решила, что, видимо, большего у судьбы и просить-то не стоит.

Кости земли

Снова шел дождь, и старый волшебник из Ре Альби с тоской мечтал о том, чтобы заколдовать эту проклятую погоду хоть ненадолго. Взять бы да послать эту проклятую тучу вокруг горы — пусть себе тот берег Гонта поливает! У него все кости ломило. Его старые кости прямо-таки жаждали солнца, ибо только солнце могло насквозь прогреть и высушить его плоть, изгнать из него всю эту влагу и хворь. Можно, конечно, произнести заклятие, утишающее боль, да только проку от него мало: оно способно заставить боль затаиться лишь на время, а потом-то будет еще хуже. Нет, не было такого средства, чтобы избавиться от этой мучительной ломоты в костях. Старым костям нужно одно: солнце. И Далсе продолжал стоять на

пороге, как бы между темнотой комнаты и пронизанным нитями дождя серым небом, и с трудом удерживался от произнесения заклятия, злясь на себя за то, что стар и болен, и за то, что должен сдерживать себя.

Он никогда не ругался — истинно могущественные волшебники не произносят вслух бранных слов, это небезопасно, — но все же облегчил душу: откашлялся сердитым ворчливым кашлем, похожим на рычание медведя. И через мгновение страшный раскат грома сотряс вершину горы Гонт, и эхо его прокатилось по ее склонам от севера до юга и замерло в далеких, окутанных туманом лесах.

Добрый знак, подумал старик. Значит, дождь скоро прекратится. Он накинул капюшон плаща и сошел с крыльца под дождевые струи, чтобы покормить кур.

Проверив курятник, Далсе обнаружил три свежих яйца. Рыжая Бакка, его лучшая наседка, сидела на яйцах давно, и цыплята должны были вот-вот вылупиться. Наседку замучили клещи, и выглядела она какой-то запыленной и несчастной. Тут уж Далсе раздумывать не стал: он произнес несколько слов — заклинание против клещей — и решил непременно как следует вычистить курятник, как только вылупятся цыплята, а потом отправился на птичий двор, где Шоколадница, и Серая, и Пышные Штанишки, и Смелая, и даже сам петух Королек сидели, нахохлившись, под навесом и время от времени тихими голосами на своем курином языке отпускали сердитые замечания в адрес противного дождя.

— Ничего, он к полудню перестанет, — сказал курам волшебник. Он покормил их и поплелся назад, в дом, сунув в карман три еще тепленьких свежих яйца. В детстве он очень любил шлепать по грязи босиком. Он помнил то сладостное чувство, которое вызывала у него чавкавшая и вылезавшая между пальцами ног земля. Босиком он и сейчас еще ходил с удовольствием, но по грязи шлепать разлюбил совсем; уж больно она липла к ногам, а потом приходилось наклоняться и тщательно мыть ноги, прежде чем войти в дом. Пока пол в его домишке был земляной, это особого значения не имело, но потом ему сделали настоящий деревянный пол, как в доме у какого-нибудь лорда, или богатого купца, или самого Верховного Мага. Впрочем, деревянный пол был Далсе просто необходим, чтобы защитить старые простуженные кости от холода и сырости. Это ведь не сам он придумал — с полом-то. Это все Молчаливый. Прошлой весной он явился к нему в горы из порта Гонт и сделал в старом домишке новые деревянные полы. И тогда они с Молчаливым единственный раз в жизни крупно поспорили — из-за этих полов. И он, Далсе, с тех пор раз и навсегда зарекся с ним спорить.

— Я топчу землю уже семьдесят пять лет, — сказал тогда Далсе. — И не умру, если еще несколько лет по земляному полу похожу!

На что Молчаливый, разумеется, ничего не ответил, давая Далсе возможность самому прислушаться к собственным словам и хорошенько осознать всю их глупость.

— И потом, земляной пол гораздо проще содержать в чистоте, — пробормотал волшебник, сознавая, что спор уже проиграл. С другой стороны, ведь правда: при хорошо утрамбованных глиняных полах в доме для наведения чистоты достаточно слегка подмести пол да сбрызнуть его водой, чтобы улеглась пыль. И все-таки доводы его звучали на редкость глупо.

— И кто же будет мне эти деревянные полы настилать? — уже сдаваясь, проворчал он. В меру раздраженно.

Молчаливый кивнул, что означало: он сам и будет.

У этого парня, на самом деле, были прямо-таки золотые руки: он был первоклассным плотником, краснодеревщиком, каменщиком, кровельщиком; причем это свое мастерство он доказал давно, еще когда жил здесь, в горах, на правах ученика Далсе. К счастью, жизнь в богатой семье не сделала из него белоручку. Молчаливый пригнал с Шестой мельницы близ Ре Альби телегу, в которую были впряжены волы; телега была доверху нагружена первосортными досками, и он тут же сам их и разгрузил, а потом быстренько настелил полы и на следующий день не просто вымыл, а прямо-таки отполировал их, пока старый волшебник ходил к Заболоченному озеру за какими-то травами. Когда Далсе вернулся домой, полы сверкали, точно озерная гладь.

— Ну вот, теперь придется каждый раз ноги мыть, если в дом войти захочется, — проворчал старик и осторожно вошел в дом. Полы были такими гладкими и по ним было так приятно ступать босыми ногами, что они показались Далсе даже мягкими.

— Чистый атлас! — вырвалось у него. — Но ты, конечно же, не мог успеть все это сделать за один день без парочки заклинаний, верно? Признавайся! М-да, деревенская развалюха с королевскими полами! Ну что ж, зимой будет, наверное, очень красиво, когда огонь будет в этом полу отражаться! Или, может, мне теперь еще и ковер себе купить? Из чистой шерсти и расшитый золотыми нитками?

Молчаливый улыбнулся. Он был очень доволен собой.

Впервые он постучался в эту дверь довольно давно, несколько лет назад. Хотя нет, теперь-то уж, наверное, лет двадцать прошло, если не двадцать пять! В общем, много. Он был тогда еще совсем малышом,

длинноногий, взлохмаченный, с нежной детской мордашкой. Но рот у него был решительный, а глаза смотрели ясно.

— Тебе чего надо-то? — спросил у него волшебник, зная, чего ему надо и чего им всем надобно, и стараясь не смотреть в эти ясные глаза. Он был хорошим учителем, лучшим на Гонте, и знал это. Но он устал от учеников и не хотел, чтобы очередной мальчишка несколько лет путался у него под ногами. И еще он вдруг почуял опасность.

— Учиться, — прошептал мальчик.

— Вот и отправляйся на Рок, — отрезал волшебник. На мальчике были крепкие башмаки и хорошая кожаная куртка. Его родители явно могли себе позволить послать сына в Школу Волшебников. Или уж, в крайнем случае, такой крепкий парнишка вполне был способен и сам отработать свой проезд на Рок в качестве юнги.

— Я там уже был.

Далсе чуть напрягся и снова осмотрел мальчика с ног до головы. Ни плаща, ни посоха волшебника видно не было.

— И что, провалился? Тебя отослали прочь? Или ты сам сбежал?

На каждый вопрос мальчик лишь отрицательно мотал головой. Он даже зажмурился, а уж рта и вовсе ни разу не открыл. И продолжал стоять у Далсе на пороге, напряженный, собранный в тугой комок, пытаясь скрыть волнение и страдальческое выражение глаз. Потом он вдруг тяжело вздохнул, посмотрел волшебнику прямо в глаза и заявил едва слышно:

— Я хочу учиться только здесь, на Гонте. А имя моего единственного учителя — Гелет.

При этих словах волшебник, чье Истинное имя как раз и было Гелет, прямо-таки застыл, как изваяние, и так впился в мальчика глазами, что тот не выдержал и потупился.

Молча, ни о чем его не спрашивая, узнал старый Далсе имя мальчика и еще две важные вещи: увидел силуэт ели и руну Сомкнутых Уст. А потом, желая узнать больше, услышал мысленно и его Истинное имя, но вслух его не произнес.

— Я устал от учеников и бесконечных разговоров с ними, — сказал он. — Больше всего сейчас мне нужно молчание. Тебя это устраивает?

Мальчик кивнул — один раз, но очень твердо.

— Хорошо, тогда я так и буду звать тебя — Молчаливый, — сказал волшебник. — Спать ты можешь вон в том алькове у западного окошка. В сарае есть старый тюфяк, его только проветрить нужно как следует да выбить хорошенько. Смотри не притащи в дом мышей! — И волшебник, повернувшись к мальчику спиной, медленно побрел в сторону Водопада,

сердясь и на своего нового ученика за то, что явился к нему непрошенным, и на себя за то, что так быстро уступил. Однако отнюдь не гнев заставлял так быстро биться его сердце. Он шел довольно быстро — тогда он еще мог ходить относительно быстро! — и ветер все ударял его порывами слева, а утреннее солнце уже скрылось за горой, и лучи его освещали лишь далекое море у самого горизонта, и непрерывно думал о Великих Мудрецах с острова Рок, мастерах магических искусств, профессорах всяческих таинств и волшебных знаний. «Так он, значит, оказался им не по зубам, так, что ли? Впрочем, похоже, и мне он тоже не по зубам будет», — думал Далсе и улыбался. Он был человеком мирным, но иногда был очень не против небольшой порции опасности и риска.

Он остановился, почувствовав вдруг под ногами влажную землю. Он был, как всегда, бос. Когда он учился на Роке, то, конечно же, носил башмаки, однако, вернувшись на Гонт, в родной Ре Альби, с посохом волшебника, тут же разулся и больше башмаков почти не носил. Он стоял неподвижно, чувствуя под ногами не только землю и мелкие камешки, но и мощный гранитный пласт, по поверхности которого шла тропа и который подходил к самому краю утеса, и под этим гранитным пластом мысленно видел такие же мощные пласты, а гораздо ниже — корни самого острова, там, глубоко, во тьме. И во тьме, глубже, чем дно самого глубокого океана, корни всех островов соприкасались и соединялись. Примерно так когда-то рассказывал ему его учитель Ард, примерно так говорили и Мастера с острова Рок. Но Гонт был его островом, и это была его скала, и его земля была у него под ногами. Его волшебная сила выросла из этой земли. Тот мальчик сказал тогда, что хочет учиться только здесь, и назвал Истинное имя своего учителя. Его имя. Но дело было, видно, не только в том, что он хотел учиться только у Далсе. Мальчик чувствовал, что корни волшебной силы старого мага гораздо глубже его мастерства. Видимо, именно этому он и хотел научиться у Далсе: тому, у чего корни глубже корней самого высокого магического мастерства. Тому, что и сам Далсе когда-то постиг здесь, на Гонте, еще до того, как решил отправиться на Рок.

Но этот мальчик непременно должен был получить посох волшебника! Интересно, почему это Неммерль отпустил его, позволил ему покинуть Рок без посоха, точно незадачливому ученику или простому колдуну? Такую силу, какой обладает этот парнишка, нельзя оставлять без присмотра, не дав ей конкретного приложения, никак не обозначив ее присутствие!..

А ведь у моего учителя волшебного посоха тоже не было, подумал вдруг Далсе. Он прекрасно понимал: этот мальчик хочет получить свой посох из моих рук. Получить посох, сделанный из гонтийского дуба и от

гонтийского волшебника. Ну хорошо. Он этот посох получит. Если сможет держать рот на замке (а он, похоже, сможет). И тогда я оставлю ему все свои книги, а в них собрано немало всякой премудрости. Значит, условия таковы: пусть научится чистить курятник, разбираться в «Толкованиях Данемера» и, главное, держать рот на замке.

Новый ученик запросто вычистил курятник, взрыхлил и прополоснул все грядки с бобами и довольно скоро научился разбираться в «Толкованиях Данемера», а также в «Колдовском напитке Энлада», и рот свой действительно держал на замке. Он слушал. Он слышал все, что говорил ему Далсе, а иногда и гораздо больше: то, о чем Далсе думал. Он делал все, чего Далсе от него требовал, а также то, о чем Далсе даже не подозревал, но что всегда оказывалось очень даже кстати. Талант Молчаливого был куда глубже и шире того, чему мог научить его Далсе, однако же он пришел именно к нему, в Ре Альби, и оба они отлично это понимали.

В те годы Далсе частенько думал об отцах и сыновьях. Сам он когда-то поссорился с отцом, колдуном и золотоискателем, из-за того, что выбрал себе такого учителя. Его отец тогда кричал, что Ард не может быть его учителем, что он больше ему не сын, и потом долго еще носился со своим гневом, да так и умер, не простив Далсе.

Далсе не раз видел, как молодые мужчины плачут от радости, когда у них рождается первенец. Он видел, как бедняки отдают ведьмам весь свой годовой доход, лишь бы пообещали, что у них родится здоровый наследник; видел, как тот или иной богач, касаясь личика своего увешанного золотом сына-первенца, шепчет влюбленно: «Мое бессмертие!» Однако он не раз видел, как отцы до полусмерти избивают своих сыновей, оскорбляют и унижают их, без конца спорят с ними, ненавидя в них... свою собственную смерть! И он видел ответную ненависть в глазах сыновей, угрозу, безжалостное презрение к отцам. И видя все это, Далсе понимал, почему и сам он никогда не стремился примириться с отцом.

Ибо он видел, и не раз, как отец и сын молча и согласно работают в поле с восхода до заката: старик-отец ведет полуослепшего вола, а сын, мужчина средних лет, налегает на плуг с железными лопастями. Когда же они заканчивают работу и начинают собираться домой, старик лишь на мгновение кладет руку на плечо сына, и в этом прикосновении заключена вся его любовь и доверие.

Далсе всегда помнил об этом. Вот и сейчас тоже вспомнил, глядя на склонившееся над старинной книгой смуглое лицо своего ученика, который, устроившись зимним вечером напротив него у очага, был обычно

занят либо чтением, либо починкой одежды. И всегда — глаза опущены долу, уста сомкнуты, но душа внемлет.

«Примерно раз в жизни, и то если очень повезет, волшебник находит кого-то, с кем он может говорить по душам». Это сказал Неммерль за день-два до того, как Далсе навсегда покинул Рок, и за год или за два до того, как Неммерль был избран Верховным Магом Земноморья. В Школе он был тогда Мастером Путеводителем и самым добрым из учителей Далсе. «Я думаю, если бы ты остался, Гелет, — сказал он Далсе на прощанье, — мы могли бы иногда беседовать друг с другом».

Некоторое время Далсе просто не знал, что ему ответить. Потом, заикаясь и чувствуя себя виноватым, неблагодарным, но все же не желая уступать, он сказал: «Господин мой, я бы остался, но меня на Гонте работа ждет. Жаль, что мне не удастся поработать здесь, с тобой...»

«Ну что ж, это редкий дар — знать, где именно тебе следует быть, до того, как побываешь во всех прочих местах, где тебе быть вовсе и не следовало бы, — вздохнул Неммерль. — Если хочешь, можешь иногда присылать ко мне в ученики способных мальчиков. Школе нужны ребяташки с Гонта; там очень много одаренных детей. Хотя мне кажется, мы в нашей Школе все-таки что-то упускаем, что-то очень важное, что волшебникам следовало бы знать...»

И Далсе регулярно посылал в Школу учеников; троих или четверых, отличных ребят с различными талантами, он послал к самому Неммерлю; и все-таки тот единственный, которого так ждал Неммерль, пришел и ушел по своей воле, и что они подумали о нем там, на Роке, Далсе известно не было. А Молчаливый, естественно, ничего не рассказывал. Но было ясно, что за два или три года, проведенные в Школе, он узнал столько, сколько некоторые узнают, лишь проучившись лет шесть-семь, а некоторые и вовсе не узнают никогда. Для Молчаливого же обучение в Школе волшебников оказалось просто первичной подготовкой.

— Что же ты сразу ко мне не пришел? — спросил его как-то Далсе. — Поучился бы у меня немного, а уж потом мог бы и на Рок отправиться и там свои знания как следует отполировать.

— Я не хотел, чтобы ты, господин мой, зря тратил на меня свое время.

— А Неммерль знал о твоих дальнейших планах? Что ты хочешь работать со мной?

Молчаливый только головой покачал.

— Между прочим, если бы ты соблаговолил поведать ему об этом, он, возможно, прислал бы мне весточку заранее.

Молчаливый ошарашенно посмотрел на него:

— А что, разве он был твоим другом, господин мой?

Далсе ответил не сразу.

— Он был моим Учителем, — сказал он. — А, возможно, стал бы и другом, если бы я остался на Роке. Но разве у волшебников есть друзья? Не чаще, чем жены или сыновья, по-моему... Однажды, правда, он сказал мне, что волшебнику здорово везет, если он находит человека, с которым мог бы поговорить по душам... Запомни это. Если тебе повезет, то в один прекрасный день тебе придется открыть свой рот и заговорить как следует.

Молчаливый еще ниже наклонил свою кудлатую голову и задумался.

— Если только язык у тебя совсем не заржавеет от молчания, — прибавил Далсе.

— Если ты, господин мой, попросишь, чтобы я заговорил, я заговорю! — Это вырвалось у него с такой искренней готовностью в один миг отказаться от собственных наклонностей и привычек по одной лишь просьбе Далсе, что волшебник не удержался и со смехом заметил:

— Пока что я просил тебя не раскрывать рта. Я и сам говорю более чем достаточно. Можно сказать, за двоих. Ладно, не обращай внимания. Я пошутил. В свое время ты и сам будешь точно знать, что нужно сказать. Это ведь тоже искусство, верно? Что сказать и в какой момент. А остальное — молчание.

Три года юноша спал в доме Далсе на соломенном тюфяке в алькове под маленьким окошком, выходящим на запад. Он старательно учился магическим искусствам и умениям, охотно кормил кур, чистил курятник, доил корову. И однажды предложил Далсе завести коз. Перед этим он целую неделю буквально не раскрывал рта, а осенние эти дни выдались холодными, дождливыми, и он вдруг заговорил:

— Господин мой, мы могли бы держать еще и коз.

Далсе сидел за столом, и перед ним лежала толстенная книга с собранными в ней магическими премудростями, и в этот момент он как раз пытался восстановить одно из могущественных заклятий Акастана, несколько веков назад сильно поврежденное и сделавшееся почти бессильным из-за вредоносных эманаций Фундаура. Далсе уже начал было понимать значение недостающего слова, способного заполнить один из образовавшихся пробелов, и уже почти разгадал его, как вдруг прозвучало это "...мы могли бы держать еще и коз».

Далсе хорошо знал свой нрав и считал себя излишне говорливым, слишком нетерпеливым и чересчур вспыльчивым. Для него, например, запрет на произнесение вслух бранных слов был, особенно в молодые годы, поистине тяжким бременем. Кроме того, целых тридцать лет он сносил

тупость учеников, да и тупоумие коров и кур тоже изрядно его утомляло. Ученики и те, кто приходил к нему за советом и помощью, больше всего боялись его острого языка, а вот коровы и куры на его ядовитые замечания даже внимания не обращали. На Молчаливого же он вообще никогда раньше не сердился. Но на этот раз он ответил ему не сразу и довольно долго молчал, усмиряя гнев.

— Зачем? — коротко спросил он наконец.

Молчаливый явно не заметил ни этой странной паузы, ни чрезмерно нежного тона Далсе.

— Молоко, сыр, жареные козлята, просто веселая компания, — перечислил он грядущие выгоды.

— А ты когда-нибудь за козами ухаживал, милый? — спросил Далсе тем же нежным и изысканно вежливым тоном.

Молчаливый покачал головой.

Он вообще-то был парнем городским, родом из порта Гонт. Он так ничего и не рассказал ни о себе, ни о своей семье, но Далсе обиняком кое-что о нем выяснил. Его отец, портовый грузчик, погиб во время большого землетрясения, когда Молчаливому было лет семь или восемь. Мать его была поварихой в прибрежной гостинице. В двенадцать лет мальчик угодил в большую беду, возможно, что-то напутав с магическими заклятиями, и матери с трудом удалось отдать его в ученики Элассену, весьма уважаемому колдуну из Вальмута. Там Молчаливый получил свое Истинное имя и вполне профессиональные навыки в столярном деле и земледелии, хотя в области магических наук ничему особенно не научился, причем Элассен через три года настолько расщедрился, что даже оплатил ему проезд до острова Рок. Больше Далсе узнать не удалось ничего.

— Я козий сыр терпеть не могу! — только и сказал Далсе в ответ на предложение Молчаливого.

Молчаливый кивнул и больше о козах не заговаривал.

И время от времени все эти годы Далсе вспоминал, как это он умудрился не выйти из себя, когда Молчаливый спросил его насчет коз; и каждый раз память давала ему ощущение тихого удовольствия, вроде того, которое возникает, когда отправишь в рот последний кусок отличной спелой груши.

А тогда, проведя еще несколько дней в попытках снова «поймать» недостающее слово, он засадил Молчаливого за изучение «Заклятий Акастана». И через некоторое время они вместе наконец, правда, после долгих мучений, сумели-таки определить значения всех нужных слов!

— Ох, все равно что пахать на полуслепом воле! — вздохнул Далсе.

И вскоре после этого он вручил Молчаливому посох волшебника, который сделал сам из гонтийского дуба.

А потом, в который уже раз, правитель порта Гонт попытался убедить Далсе спуститься с гор и навести в порту порядок, и Далсе вместо себя послал туда Молчаливого, который там и остался.

И вот теперь Далсе стоял на пороге своего дома с тремя свежими куриными яйцами в руке, а холодный дождь все продолжал падать с небес.

Как долго он простоял там? Почему? Он же думал о деревянных полах, о том, как хорошо ходить по земле босиком, о Молчаливом. Или нет? А может, он ходил по тропе над Водопадом? Нет, в тот раз — и это, кстати, было много лет назад, — светило солнце. А сейчас давно уже идет дождь... Нет, дело было так: он накормил кур и вернулся на крыльцо, держа в руках эти три свеженьких яйца; и он сразу вспомнил тот могучий раскат грома и то, как его старые кости и босые ступни ощутили какую-то необыкновенную дрожь земли, вызванную этим раскатом. Да и гром ли это был?

Нет. Был какой-то грохот. Но не гром. У Далсе возникло какое-то смутно знакомое чувство, но он его никак не мог распознать. Такое он уже чувствовал когда-то давно... когда? Давно. Задолго до тех дней, которые он только что вспоминал. Когда же это было? До землетрясения. Да, как раз перед землетрясением! Как раз перед тем, как в море обвалился здоровенный кусок побережья близ Эссари, и люди погибли под руинами собственных домов, и огромная волна вдребезги разнесла верфи в порту...

Далсе сошел с крыльца на размокшую землю, чтобы еще раз попытаться прочесть послание земли нервными окончаниями ступней, но земля, превратившаяся в грязь, видно, спутала все слова, которые хотела ему сказать. Далсе положил яйца на ступеньку, сел рядом, вымыл ноги водой из старой миски, стоявшей у крыльца, насухо вытер их тряпицей, что лежала тут же, как следует выжал тряпицу и повесил ее на перила; потом снова бережно положил яйца в карман и медленно пошел в дом.

Бросив острый взгляд на свой посох, стоявший в углу за дверью, он отнес яйца в кладовку, быстро съел яблоко, ибо был голоден, и взял посох в руки. Посох был тисовый, нижний конец обит медью, а ручка блестела, как шелк, отполированная руками за столько-то лет. Этот посох ему вручил когда-то сам Неммерль.

— Стой! — велел он посоху на Языке Созидания и выпустил его из рук. Посох застыл посреди комнаты, словно его вставили в специальное гнездо.

— Веди меня к корням, — нетерпеливо приказал посоху Далсе на

Языке Созидания. — К корням!

И устоялся на стоявший посреди сиявшего чистотой пола посох. Через некоторое время посох слегка шевельнулся или, скорее, вздрогнул.

— Ах, вот как! — вырвалось у старого волшебника. — Но что же мне делать?

Посох качнулся, замер, и по нему снова пробежала дрожь.

— Ну, довольно, дорогой мой, — сказал Далсе, ласково поглаживая посох. — Хватит. Ничего удивительного, что я все время думаю о Молчаливом. Вообще-то следовало бы поскорее послать за ним... к нему... Нет. Что там говорил великий Ард? Ищи средоточие? Вот какой вопрос нужно задавать себе! Вот что нужно делать!.. — И Далсе, продолжая что-то бормотать про себя, расправил свой тяжелый плащ и поставил воду на горевший в очаге огонь, чтоб закипела, а потом вдруг удивился: что это с ним? Неужели он всегда вот так разговаривает с самим собой? Неужели он говорил с самим собой и в те годы, когда у него жил Молчаливый? Нет, конечно. Это стало у него привычкой только после ухода Молчаливого, когда ему невольно пришлось вернуться к прежним обыденным заботам, одновременно мысленно готовясь к неведомым еще бедам и разрушениям.

Он сварил вкрутую четыре яйца — три свеженьких и еще одно из кладовки — и положил их в заплечный мешок, сунув туда же четыре яблока и небольшой бурдюк вина, обладавшего приятным, чуть смолистым вкусом (на тот случай, если придется всю ночь провести под открытым небом). Потом, морщась от боли в суставах, накинул свой тяжелый плащ, взял в руки посох, велел огню погаснуть и вышел из дома.

Корову он давно уже не держал. Но около птичника остановился, думая, что же делать с курами. С одной стороны, в последнее время в сад частенько наведывались лисы, но с другой — курам придется самим искать корм, если он задержится. Что ж, пусть, как и все остальные, сами испытают свою судьбу. Он немного приоткрыл дверцу птичника. Хотя дождь и превратился уже в некую туманную морось, куры, нахохлившись и с самым разнесчастным видом, продолжали сидеть под навесом своего домика. А Королек даже ни разу не прокукарекал сегодня с утра.

— Может, хотите что-нибудь мне сказать на прощанье? — спросил их Далсе.

Его любимая несушка отряхнулась и несколько раз отчетливо произнесла собственное имя: Бакка. Остальные продолжали молчать.

— Ну ладно, вы тут осторожнее. В полнолуние в сад лиса заходила, я сам видел, — предупредил кур Далсе и пошел прочь.

И все думал, думал на ходу, вспоминал и вспомнил все, что мог, о том,

что когда-то давно и только один раз рассказывал ему его Учитель. Станные то были истории, настолько странные, что Далсе так тогда и не понял, то ли Учитель говорил об истинном волшебстве, то ли о простом колдовстве. На Роке Далсе ни о чем таком определенно ни разу не слышал и сам никогда об этом ни с кем не говорил — опасался, что Мастера будут презирать его за то, что он так серьезно воспринимает подобные глупости; а может, уже тогда догадывался, что Мудрецы Рока никогда «подобных глупостей» не поймут, потому что все эти истории касались исключительно Гонта; это было древнее гонтийское волшебство, и эти знания не были описаны даже в мудрых книгах Арда, которые достались ему от Великого Мага Эннаса из Перрегала. Знания эти всегда передавались только из уст в уста. Они были, так сказать, домашними истинами гонтийских мудрецов.

— Если хочешь узнать о сущности Горы, — говорил ему когда-то Ард, — ступай к Темному Пруду на верхнем конце того коровьего пастбища, что принадлежит Семерсу. И там, может быть, тебе станет ясно, как это сделать. Прежде всего необходимо отыскать центр, средоточие. А потом найти вход.

— Вход? Какой вход? — прошептал юный Далсе.

— Ну да, вход. Разве можно что-то узнать, находясь снаружи?

Далсе долго молчал, потом спросил:

— Но как это сделать?

— А вот как. — И Ард широко раскинул длинные свои руки и стал произносить слова того великого заклęcia, которое, как Далсе узнал впоследствии, было заклęтием Истинного Превращения. Ард произносил эти слова невнятно, как и обязаны делать те, кто учит волшебству, чтобы силой заклęcia случайно не воспользовались другие. Но Далсе уже знал тот прием, благодаря которому можно расслышать любые слова как следует и даже запомнить их, так что когда Ард замолк, Далсе уже повторял про себя слова только что произнесенного его Учителем заклęcia, едва заметно жестикулируя при этом, ибо движения рук тоже необходимо было запомнить. Вдруг рука его замерла сама собой.

— Но ведь это заклęcie невозможно повернуть вспять! — вдруг произнес он вслух.

Ард кивнул:

— Да, ЭТО отменить невозможно!

Далсе не знал ни одного превращения, которое нельзя было бы отменить, и ни одного заклęcia, которое нельзя было бы повернуть вспять. Исключение составляло лишь Слово, Отпускающее Душу, которое произносится лишь один раз в жизни.

— Но тогда почему?..

— Только при острой необходимости, — сказал Ард.

Далсе хорошо знал, что расспрашивать дальше не следует. Да и острая необходимость, когда произносятся подобные заклятия, возникает не слишком часто; а возможность того, что придется прибегать к таким крайним мерам, и вовсе была очень мала. Далсе как бы уронил ужасное заклятие на самое дно памяти, и оно спряталось там в залежах других знаний — полезных, прекрасных, несущих свет, самых разнообразных магических искусств и умений, строгих правил острова Рок и тех тайных сведений, которые он почерпнул в старинных книгах, завещанных ему Ардом. Недозревшее и бесполезное, страшное это заклятие лежало во тьме его души целых шестьдесят лет, точно краеугольный камень какого-то древнего, давно разрушившегося и забытого строения, который обнаруживаешь вдруг в подвале собственного дома, полного света, благополучия и детей.

Дождь давно прекратился, но туман все еще скрывал вершину горы, а над лесами, покрывавшими верхнюю часть склонов, проплывали клочья облаков. Далсе хотя и не был таким неутомимым ходоком, как Молчаливый, который готов был хоть всю жизнь скитаться по лесным тропам Гонта, но все же темп держал неплохой, ибо родился в Ре Альби и знал каждую тамошнюю тропинку так же хорошо, как самого себя. Он срезал путь у колодца Рисси и вышел на верхнее пастбище еще до полудня. Пастбище представляло собой почти ровный выступ на склоне горы; примерно милей ниже виднелись залитые солнцем хозяйственные постройки и крестьянский дом, к которому двигалось стадо овец, похожее на тень от облака, бегущую по земле. Порт и залив были скрыты от глаз узловатыми холмами с крутыми вершинами.

Далсе пришлось немного побродить по пастбищу, прежде чем он отыскал то, что решил все же считать тем самым Темным Прудом. Это был маленький, грязный, наполовину заросший тростником прудик, к которому вела одна-единственная едва заметная грязная тропинка, истоптанная козьими копытцами; больше вокруг не было ничьих следов. Вода в пруду была действительно очень темная, хотя небо над ней светилось голубизной, а торфяники остались далеко внизу. Далсе пошел по козьей тропе, ворча и оскальзываясь в грязи; он чуть не вывихнул лодыжку, стараясь не упасть. Подойдя к самой воде, он остановился, наклонился, растер ноющую лодыжку и прислушался.

Было абсолютно тихо.

Ни ветерка. Ни птичьего крика. Ни отдаленного мычания коров или

блеяния коз. Ни звука. Словно весь остров вдруг замер. Даже мухи перестали жужжать.

Далсе посмотрел на темную воду. В ней ничего не отражалось.

Он нерешительно сделал шаг вперед. Он был босиком, в закатанных до колен штанах. Плащ он снял и скатал еще час назад, когда из-за туч выглянуло солнце. Тростники щекотали босые ноги. Глинистое дно было мягким; под ногами чавкало; пальцы путались в переплетении корней тростника. Далсе медленно и практически бесшумно продвигался к середине пруда, и расходящиеся от него круги на воде были небольшие и легкие. Пруд казался совсем мелким. Вдруг его осторожно шарившая по дну нога ощутила пустоту, и он остановился.

Вода как бы вздрогнула. Сперва Далсе ощутил бедрами легкое прикосновение — его точно коснулся шерстистый бок какого-то животного; потом увидел, что вся поверхность воды в пруду дрожит и эта дрожь не похожа на легкие концентрические круги, что расходились от него при движении и давно уже замерли, нет, скорее это напоминало вздрагивание какого-то огромного живого существа и повторялось снова и снова.

— Где? — прошептал он на Языке Созидания, а потом произнес это слово громко, ибо этот язык понимают все живые твари и все вещи на свете, не обладающие собственным языком.

Ответом была тишина. А потом из черной дрожащей воды вынырнула рыба, бело-серая, длиной примерно с его руку, и эта рыба, подпрыгнув в воздух, воскликнула тоненьким чистым голоском на том же Языке Созидания:

— Йавед!

Старый волшебник стоял неподвижно, вспоминая все, что знал из Истинных имен Гонта, все названия его холмов, утесов и оврагов, и через минуту понял, где именно находится место под названием Йавед. Это был некий перекресток у вершин двух очень близко друг от друга расположенных холмов, и находился он довольно далеко от порта Гонт, в глубине острова, среди тех узловатых островерхих холмов. Это было место геологического сброса. Если центр землетрясения окажется там, гора просто стряхнет город в море, или завалит камнями, спустив на него лавину, или затопит, подняв огромную волну, и потом раздавит, сомкнув утесы у входа в гавань, как пальцы руки. Далсе вздрогнул, и дрожь тут же охватила все его тело, как только что темную воду в пруду.

Он повернулся и торопливо побрел к берегу, не заботясь о том, куда ставит ногу, и уже не думая, не нарушает ли его дыхание и плеск воды у

него под ногами здешнюю тишину. Он прочавкал по вязкому дну меж тростниками, выбрался на берег, покрытый жесткой травой, и наконец услышал гудение мошкеры и треск кузнечиков. И тогда он сел прямо на твердую землю, ибо ноги его дрожали.

— Ничего не выйдет, — сказал он сам себе на обычном языке Земноморья: — Я не смогу это сделать. Не смогу — один!

Он был так расстроен, что когда решился наконец позвать на помощь Молчаливого, то не сразу вспомнил начало того заклинания, которое было ему известно вот уже шестьдесят лет; когда же наконец ему показалось, что он его вспомнил, и он уже начал произносить слова Великого Заклинания, способного призывать человеческие души, оно сразу же начало действовать, и только тогда он понял, что поступил неправильно, и стал медленно, слово за словом отменять действие заклятия.

Потом сорвал немного травы и попытался стереть с ног липкую донную глину и ил. Грязь еще не успела засохнуть, и травой он только размазал ее по коже.

— Ненавижу грязь! — прошептал Далсе и тут же крепко стиснул зубы и даже прикрыл рот рукой, немедленно прекратив всякие попытки вытереть ноги. — Нет, не грязь — земля, земля... — приговаривал он, нежно поглаживая землю, на которой сидел. Затем, успокоившись, очень медленно, очень осторожно начал произносить слова призывающего заклятия.

* * *

На шумной улице, что ведет вниз, к верфям порта Гонт, волшебник Огион вдруг остановился, и шкипер, шедший с ним рядом, прошел еще несколько шагов, прежде чем, обернувшись, увидел, что Огион разговаривает с кем-то невидимым.

— Конечно же, я приду, Учитель! — сказал он. И спросил, немного помолчав: — Как скоро? — Потом снова довольно долго молчал, а потом заговорил с невидимым собеседником на таком языке, которого шкипер не понимал. Вдруг Огион сделал какой-то жест, и воздух вокруг него мгновенно как бы сгустился и потемнел.

— Ты, капитан, прости меня, — обратился Огион к шкиперу, — но придется тебе немного подождать. Я после заговорю твои паруса. А сейчас я должен предупредить город, ибо близится землетрясение. Ты же ступай в порт и скажи, чтобы все суда, которые способны держаться на воде,

немедленно отошли как можно дальше в открытое море. И подальше от Сторожевых утесов. Удачи вам! — И с этими словами Огион повернулся и бегом бросился назад, вверх по улице, высокий сильный человек с копной седеющих волос, и, надо сказать, бежал он, точно молодой олень.

Порт Гонт расположен в самом конце узкого и длинного залива с крутыми берегами. Войти в залив можно только между двумя отвесными Сторожевыми утесами, которые называют еще Воротами порта. Расстояние между ними не более ста футов, и за такими воротами жители порта Гонт всегда чувствовали себя в относительной безопасности от набегов морских пиратов. Однако же Сторожевые утесы, являясь гарантом их безопасности, одновременно таят в себе страшную угрозу, ибо этот длинный залив представляет собой конец огромной трещины в земной коре, и челюсти, что некогда открылись, всегда могут вновь захлопнуться.

Когда Огион сделал все, что было в его силах, чтобы предупредить город об опасности, когда он убедился, что охрана Ворот и порта делает все необходимое, чтобы предотвратить столпотворение на немногочисленных дорогах, ведущих из города, ибо туда сразу хлынули обезумевшие от страха горожане, он заперся на маяке, оградив себя еще и заклятием, потому что всем тут же понадобилось с ним посоветоваться, и мысленно послал свою душу на берег Темного Пруда.

В это время его старый учитель сидел у пруда на траве и ел яблоко. У его ног, облепленных подсыхающей грязью, валялась яичная скорлупа. Когда Далсе поднял глаза и увидел в воздухе лицо Огиона, то сразу заулыбался широкой ласковой улыбкой. Но выглядел он постаревшим. Никогда прежде не выглядел он таким старым! Огион не видел его примерно год; он всегда был очень занят в городе, к нему все время обращались с просьбами и лорды, и простые люди, и он не имел ни малейшей возможности даже немного отдохнуть. Хотя бы просто погулять в лесу на склоне горы или сходить в Ре Альби и посидеть с Далсе, Истинное имя которого было Гелет. Просто посидеть с ним рядом в его маленьком домишке, послушать и помолчать. Гелет действительно был уже стар, где-то под восемьдесят, но он всегда был бодр и крепок. А сейчас он явно был напуган, хотя и радостно улыбался Огиону.

— По-моему, — начал он без лишних предисловий, — в первую очередь нам нужно попытаться удержать этот разлом от слишком больших разрушений, а город — от сползания в море. Ты будешь удерживать эту трещину у Сторожевых утесов, а я — у ее противоположного конца, который ближе к центру Горы. Будем, как говорится, действовать общими

усилиями. Я чувствую, как его мощь нарастает, а ты?

Огион, точнее, его бесплотный двойник, покачал головой и сел на траву рядом с Далсе, и под его нематериальным телом не согнулась ни одна травинка.

— Я пока ничего особенного сделать не успел, разве что посеял в городе панику и велел судам выйти из залива, — сказал он. — А что именно ты чувствуешь? И КАК ты это чувствуешь?

Это были, можно сказать, чисто профессиональные, даже чисто технические вопросы. И Гелет, поколебавшись, ответил:

— Я научился этому у Арда. — Больше он ничего не прибавил и снова замолчал.

Он никогда прежде ничего не рассказывал Огиону о своем первом учителе, которого на Гонте считали обыкновенным колдуном и, пожалуй, даже недолюбливали. Мало того, распускали о нем весьма неприятные слухи. Огион знал только, что этот Ард никогда не был на острове Рок и знания свои получил на острове Перрегаль; слышал он также, что имя этого волшебника было опорочено чем-то таинственным или даже позорным. Гелет, который для волшебника был, пожалуй, чересчур разговорчивым, относительно этих вещей был нем, как рыба. А потому Огион, который молчание и тишину уважал более всего на свете, никогда его об Арде и не расспрашивал.

— Этой магии не учат на острове Рок, — сказал вдруг старик. Голос его звучал суховато, словно он заставлял себя говорить об этом. — Однако она никак не вредит Равновесию, и в ней нет ничего... неприемлемого.

Он всегда пользовался именно этим словом, «неприемлемый», обозначая им все подряд — дурные поступки, серьезные заклятия, которые используют просто для развлечения или, скажем, для наведения порчи — в общем, для всякой «черной магии». Он так и говорил: «Это неприемлемое колдовство!»

Помолчав немного и словно подыскивая нужные слова, он продолжил:

— Земля. Скалы. Камни. Все это — старинная магия земли, Огион. Такая же древняя, как сам остров Гонт.

— Древние Силы Земли? — прошептал Огион.

— Не уверен, — сказал Гелет.

— А способны ли эти силы управлять самой землей?

— Это сейчас не так уж и важно. Куда важнее, как мне представляется, проникнуть вместе с ними внутрь земли. — Старик аккуратно закапывал огрызок яблока и яичную скорлупу в ямку, присыпая мусор землей и старательно приминая сверху. — Конечно же, я знаю некоторые нужные

слова, но мне придется учиться на ходу и на ходу решать, что делать дальше. В этом-то и есть главная беда. А вообще с Великими Заклятиями всегда так, верно? В общем-то, учишься уже в процессе, когда все уже начинает свершаться. И решительно никакой возможности попрактиковаться заранее! — Он поднял глаза. — Ага... вон там! Чувствуешь?

Огион покачал головой.

— Напрягается, — сказал Гелет, а рука его по-прежнему рассеянно и нежно поглаживала землю, как поглаживают порой испуганную корову. — Теперь уже совсем скоро, я думаю. Сумеешь ли ты удержать Ворота открытыми, мой дорогой?

— Постараюсь, но скажи, что будешь делать ты?..

Гелет отрицательно покачал головой.

— Нет, — молвил он. — Времени не осталось. Да и все равно ты ЭТОГО не можешь... — Он все более внимательно прислушивался к тому, что чуял то ли в недрах земли, то ли в воздухе, и был совершенно этим поглощен. Огион тоже начинал чувствовать это сгущавшееся невыносимое напряжение.

Некоторое время они посидели молча, потом кризис миновал, и Гелет немного расслабился, даже улыбнулся.

— Это очень древнее волшебство, — сказал он. — То, чем я буду сейчас заниматься. Жаль, что я раньше маловато думал об этом. И жаль, что не передал это умение тебе. Впрочем, мне эта магия всегда казалась несколько грубоватой, примитивной. Жестоклой... Да и Она никогда мне не говорила, где научилась своему мастерству. Здесь, конечно, где же еще... В конце концов, на островах существуют самые разные формы знаний...

— Она?

— Ард. Моя учительница. — Гелет поднял на него глаза. По лицу его ничего прочесть было невозможно, но глаза смотрели почти лукаво. — Ты не знал, что это была женщина? Пожалуй, действительно нет. По-моему, я никогда об этом не упоминал... Интересно, то, что она была женщиной, имело какое-то значение для этой магии? Или то, что я мужчина, может повлиять на... Нет, мне кажется, важнее то, в чьем доме мы живем. И кому позволяем входить в этот дом. Все эти вещи... Вот! Вот опять!..

Его внезапно напрягшееся и застывшее в неподвижности тело, его напряженное лицо, взгляд, словно обращенный вовнутрь, вызывали мысли о женщине-роженице, которая прислушивается к усиливающимся схваткам. Именно об этом думал Огион, спросив:

— Господин мой, а что означают твои слова «внутри Горы»?

Спазм прошел; и Гелет ответил:

— То и означают. Внутри нее. Там, близ Йаведа, есть вход. — И он показал Огиону на узловатые холмы внизу. — Я войду внутрь и попытаюсь удержать берег от сползания, ясно? Но сообразить, как именно это сделать, смогу только по ходу дела. А тебе, я думаю, пора вернуться в порт. Дело принимает серьезный оборот. — Он снова умолк; казалось, его терзает невыносимая боль: он весь скорчился и стиснул зубы. Потом с огромным трудом Гелет поднялся на ноги. Не подумав, Огион протянул свою бесплотную руку, чтобы помочь ему.

— Бесполезно, — сказал старый волшебник, усмехнувшись, — ведь ты сейчас не более чем ветер и солнечный свет. А я уже начинаю превращаться в тяжелую землю и камень. И сейчас тебе лучше уйти. Прощай, мой молчаливый Айхал. И постарайся... держать рот открытым! Ясно?

Огион, послушный его воле, вернулся в собственное тело, находившееся в тесноватой комнатке на маяке, но шутку старика понял только тогда, когда, повернувшись к окну, увидел, что Сторожевые утесы готовы вот-вот сомкнуться, точно хищные челюсти.

— Хорошо, — сказал он и принялся за дело.

— Понимаешь, в первую очередь я должен... — старый волшебник по-прежнему обращался к Огиону Молчаливому, потому что это его успокаивало, хотя самого Огиона рядом уже не было, — проникнуть внутрь горы. Но не так, как это делают колдуны-золотоискатели, не просто проскользнуть в какую-нибудь трещину или старую шахту, высматривая и вынюхивая. Нет, мне нужно попасть гораздо глубже. И все время стремиться к центру земли. Не по венам ее с током крови, а прямо по костям. Примерно вот так. — И Гелет, стоя в одиночестве на верхнем пастбище под полуденным солнцем, широко раскинул руки, начиная произносить то великое заклинание, которое открывает и все остальные Великие Заклятия.

Он произнес все необходимые слова, но ничего не произошло. Хотя теперь то заклятие, которому некогда, нарочно произнося его невнятно, научила Гелета его старая учительница, колдунья с горькой складкой у рта и длинными изящными пальцами, было произнесено так, как подобает.

Время шло, но ничего по-прежнему не происходило. И у Гелета хватило времени, чтобы пожалеть о том, что он расстается с этим солнцем и с морским ветерком, и хватило времени, чтобы посомневаться и в силе произнесенного им заклятия, и в себе самом, прежде чем земля вокруг него

вдруг встала на дыбы, сухая, теплая, окружив его темной густой пеленой.

Он понимал, что теперь ему следует поспешить, ибо кости земли испытывают боль при малейшем движении, а именно ему предстояло стать ее костями, чтобы иметь возможность направлять и сдерживать подземные толчки. Но поспешить он не смог. Он был ошарашен, сбит с толку, как это всегда бывает при Истинных Превращениях. Он в свое время успел побывать и лисой, и быком, и стрекозой, и знал, каково это — переменить не только свое обличье, но и свою сущность. Но сейчас все было иначе. Больше всего это напоминало какое-то неторопливое увеличение всех частей его тела. Я расту, расширяюсь, думал он безо всякого удивления.

Он достал уже до Йаведа, до того места, где была сосредоточена боль земли, ее страдание, и, приблизившись к нему, почувствовал, как в него откуда-то с запада вливается мощный поток сил; ему даже показалось, что это Молчаливый все же пробрался к нему и взял его за руку. И теперь, благодаря установившейся связи с Огионом, Гелет мог послать всю свою силу Горе, чтобы помочь ей выстоять. «Я так и не сказал ему, что назад не вернусь», — думал он, и это были его последние слова, последние мысли на ардическом языке, последняя человеческая печаль, ибо теперь Гелет проник уже в сердцевину костей Горы. И чувствовал ее огненные артерии, биение ее огромного сердца, и хорошо знал, что ему делать дальше. И он сказал себе и Горе, но уже не на языке людей: «Успокойся, расслабься. Ну-ну, вот так! Держись! Ничего, мы с тобой выстоим!»

И он был спокоен и неподвижен и держался крепко, и один камень цеплялся за другой камень, один земляной слой ложился поверх другого — в огненном чреве Горы...

Именно своего мага Огиона увидели жители порта на крыше сигнальной башни маяка в полном одиночестве, когда крутые улицы города стали выгибаться и извиваться, как змеи, так что булыжники выскакивали из мостовой, а кирпичные стены домов превращались в клубы пыли, а Сторожевые утесы со стонами все тянулись друг к другу, все пытались сомкнуться. И Огион напряженными распростертыми руками словно что-то разводил в стороны, стоя на башне, и в конце концов утесы действительно раздвинулись, разошлись и застыли неколебимо, неподвижно на прежних своих местах. Город еще раз содрогнулся и тоже застыл, успокоился. Это Огион остановил землетрясение, говорили все. Все видели это, и все только об этом и говорили.

— Нет, я был не один, — сказал Огион, когда люди стали восторженно благодарить его. — Со мной был мой Учитель, а с ним — его Учительница.

Я смог удержать Ворота открытыми только потому, что Гелет заставил Гору стоять спокойно. — Люди похвалили его за скромность, однако особенно прислушиваться к его словам не стали. Умение слушать — редкий дар, а героев люди обычно выбирают себе сами.

Когда город снова привел себя в порядок, все суда вернулись в гавань, дома были заново отстроены, Огион, спасаясь от славы и похвал, ушел в горы, что возвышались над портом Гонт, и там отыскал маленькую долину, которая называлась Долина Наводящего Порядок (впрочем, Истинное имя этой долины на Языке Созидания было Йавед, как и Истинное имя Огиона было Айхал). Огион бродил по этой долине целый день, словно что-то разыскивая, а вечером лег на землю и заговорил с нею.

— Тебе следовало бы сказать мне. Я бы, по крайней мере, попрощался с тобой, — сказал он и заплакал, и слезы его упали на сухую землю и зеленую траву, и там, где они упали, образовались маленькие комки мокрой и липкой земли.

Он так и заснул там, на голой земле, ничем не укрывшись и ничего не подстелив под себя, и ничто не отделяло его от этой земли. А на рассвете он прошел по верхней дороге прямо в Ре Альби, даже в деревню не зашел, а сразу свернул к домику старого волшебника, что стоял в стороне от деревни, ближе к Водопаду. Дверь в доме после ухода Гелета так и осталась открытой.

В огороде последние стручки бобов стали просто огромными и жесткими, зато кочаны капусты были просто великолепны. Три несушки бродили, квохча и что-то подбирая на земле, возле запылившегося крыльца — рыжая, коричневая и белая. Серая наседка сидела в курятнике на яйцах. Цыплят видно не было, как и петуха Королька. Король умер, подумал Огион, и, может быть, какой-нибудь цыпленок сейчас уже готовится занять его место. Огиону показалось, что из садика за домом метнулась рыжая лисица.

Он старательно вымел из домика пыль и сухие листья, залетевшие в открытую дверь. Вытащил тюфяк и одеяло Гелета на солнышко, чтобы проветрились, и подумал: «Хороший дом». Потом еще немного подумал и решил: «Пожалуй, мне стоит завести еще несколько коз».

На верхних болотах

Остров Семел находится на северо-западе от Хавнора, по ту сторону Пельнийского моря и, стало быть, на юго-западе от Энлада. Это один из

крупнейших островов Земноморья, однако о нем известно очень немного, даже сказок и легенд о нем почти не рассказывают. У Энлада богатейшее историческое прошлое, все знают великих героев Энлада. Хавнор всегда славился своим богатством, и даже небольшой остров Пальн тоже имеет собственную, хоть и дурную, славу. А вот на Семеле только и есть, что стада коров и овец, бесконечные леса да крохотные городки, скорее похожие на деревни. Ну и, конечно, огромный уснувший вулкан Анданден, который высится над всем островом.

Когда этот вулкан в последний раз проснулся и заговорил, то к югу от него выпал слой пепла в сто футов толщиной. На Семеле реки и ручьи прокладывают свой путь на юг по высокогорной равнине, то без конца петляя и образуя запруды, то разливаясь и уходя в сторону от основного русла, и тогда земли вокруг превращаются в болотистые низины. Таких низин здесь много; это обширные ровные пространства, на которых полно озер со стоячей водой, деревья встречаются крайне редко и одиноко торчат на фоне далекого горизонта, а люди и вовсе почти не встречаются. Зато здесь, на удобренной пеплом земле произрастают отличные сочные травы, и жители Семела охотно скармливают их скоту, который пасется сам по себе на этих низменных лугах, где реки и речки служат естественными межами, и жиреет, а потом его отправляют на убой в значительно более людные районы южного побережья.

Как и все крупные горы, Анданден сильно влияет на климат родного острова, как бы собирая вокруг себя облака. Лето на Семеле короткое, а зима длинная, особенно на Верхних Болотах.

Однажды в рано наступающих зимой сумерках на перекрестке двух троп остановился путник, которому ни одна из этих троп не казалась, видно, достаточно надежной. Действительно, это были, скорее, протоптанные коровами проходы в тростниках. А этот человек явно искал какое-то селение, где ему могли бы подсказать, куда идти дальше.

Наконец с вершины последнего холма он увидел разбросанные среди болот дома какой-то деревеньки. Он, собственно, и раньше предполагал, что деревня должна быть недалеко, но, видно, где-то неудачно свернул. Высокие тростники так тесно обступали тропу, по которой он спускался к селению, что даже если в сумерках и мелькал вдали огонек жилья, то как следует разглядеть его сквозь заросли тростников было невозможно. Совсем рядом насмешливо болтала и пела река. Путник так долго был в пути, что вдрызг износил свои башмаки; ему пришлось обойти практически всю гору, а горные тропы здесь весьма каменистые и покрыты потрескавшейся черной лавой. Подметок на его башмаках, можно сказать,

не осталось совсем, и ноги ныли от прикосновений к ледяной и вечно влажной поверхности троп, ведущих через болота.

Быстро темнело. С юга надвигался туман, скрывая небеса, и лишь над неясно видимой вершиной темной громады Анданден звезды светили действительно ярко. В тростниках тихо и уныло посвистывал ветер.

Путник, остановившись на перекрестке, тоже свистнул ветру в ответ.

И вдруг на одной из троп шевельнулось что-то большое, черное, но, благодаря своей величине, различимое даже в темноте.

— Это ты, моя дорогая? — спросил путник. Он говорил на древнем языке, Языке Созидания. — Улла, Улла, иди ко мне! — позвал он кого-то, и молодая нетель нерешительно сделала шаг или два в его сторону, ибо он назвал ее Истинным именем. Человек тоже сделал несколько шагов ей навстречу и вскоре нащупал в темноте крупную голову коровы и погладил шелковистый лоб между глазами и возле рогов. — Красавица ты моя, красавица! — приговаривал он, вдыхая травяной запах, исходивший от нее, и прижимаясь к ее теплему крутому боку. — Ну что, ты сама поведешь меня, моя милая Улла? Поведешь меня в деревню, да?

Ему повезло: он действительно встретил одну из деревенских коров, а не бродячую, которых здесь тоже было немало и которые способны были бы только завести его еще глубже в болото. Дело в том, что молоденькая Улла просто очень любила прыгать через ограду и уходить на просторный луг. Однако, немного побродив на свободе, она всегда вспоминала о милом хлеве и о матери, от которой ей все еще перепало порой немного молока; так что теперь она охотно повела путника в деревню. Она шла медленно, но целеустремленно по одной из едва заметных тропок, и он послушно следовал за ней, время от времени обнимая ее и поглаживая по крупу — когда позволяла ширина тропы. Когда корова переходила вброд какой-нибудь ручей, он хватался за ее хвост. Вскрабкавшись на невысокий скользкий глинистый бережок, Улла встряхивалась и старалась высвободить свой хвост, но все же всегда ждала, пока человек, оказавшийся еще более неуклюжим, чем она сама, не взберется на берег. Потом она снова неторопливо пускалась в путь, а он все жался к ее теплему боку, ибо промокал насквозь почти в каждом встречном ручье и весь дрожал от холода.

— Му-у, — сказала вдруг негромко его провожатая, и путник увидел скрытый пеленой тумана небольшой желтый прямоугольник освещенного окна чуть ли не рядом с собой, слева.

— Спасибо тебе, Улла! — сказал он, открывая для нее ворота, и молодая корова пошла здороваться с матерью, а человек побрел через

темный двор к дверям дома и постучался.

Постучаться должен был Берри, однако, услышав стук в дверь, она была почти уверена, что никакой это не Берри, но все же крикнула:

— Да входи же, дурачок! — Но стук раздался снова, и она отложила свое рукоделье и подошла к двери. — Ты что, настолько пьян, что собственную дверь открыть не можешь? — проворчала она, отворила дверь и увидела незнакомца.

Сперва она решила, что это сам король, или какой-то знатный лорд, или великий Махарион из героических песен — такой он был высокий, стройный, красивый. Потом передумала: незнакомец был больше похож на нищего — жалкий, в грязной одежде, дрожащий от холода...

— Я сбился с пути, — сказал он. — Это ведь какая-то деревня, да? — Голос у него был грубый, охрипший, голос нищего бродяги, но вот выговор совсем иной.

— Деревня в полумиле отсюда, — сказала Гифт.

— А гостиница там есть?

— Нет. Гостиница есть только в Ораби, а это еще миль десять-двенадцать к югу. — И она быстро предложила: — Если тебе, господин мой, переночевать нужно, то у меня свободная комната найдется. Или еще у Сана можно, он-то как раз в деревне живет.

— Спасибо, я бы с удовольствием здесь остался, — сказал он вежливо. Ну точно, принц! А сам-то едва на ногах стоит, даже за дверной косяк цепляется, чтобы не упасть, и зубы так и стучат!

— Ты башмаки-то сними, господин мой, — сказала Гифт. — Вон они у тебя насквозь промокли, вода так и чавкает! А потом в дом проходи. — Она отступила в сторонку, давая ему пройти, и предложила: — Да ты к огню поближе устраивайся, — она буквально заставила его сесть на место Брена рядом с очагом. — Ты поленья-то кочергой повороши, огонь и разгорится. А супу не хочешь? Еще горячий.

— Спасибо, хозяйюшка, с удовольствием, — пробормотал он, скорчившись у огня. Она принесла ему чашку бульона, и он выпил его, хотя и довольно осторожно, словно давно отвык от горячего.

— Ты из-за горы, господин мой?

Он кивнул.

— А сюда зачем пришел?

— По необходимости, — туманно ответил он. Дрожь у него начинала понемногу проходить. Но на его босые ноги было жалко смотреть — все исцарапанные, изодранные, распухшие. Ей хотелось сказать, чтобы он

придвинул ноги как можно ближе к огню, но она не осмелилась. Кто бы он ни был, он явно стал нищим не по собственной воле.

— Немногие приходят сюда, на Верхние Болота, по своим-то делам, — сказала она. — Разве что коробейники забредают. Да и то в зимнее время редко.

Он допил бульон, и Гифт унесла чашку. А потом снова уселась на прежнее место, на табуретку справа от очага, поближе к масляному светильнику, и снова взяла в руки шитье.

— Ты хорошенько погрейся, господин мой, а потом я покажу тебе, где можно лечь, — сказала она. — В той комнате очага-то нет. А что за погода на перевале? Говорят, там уж и снег выпадал?

— Да так, отдельные хлопья кружились, — кивнул он. Теперь, в свете лампы и очага, Гифт хорошо его рассмотрела. Оказалось, что он не так уж и молод, худой и не очень высокий, но лицо у него было действительно красивое, тонкое, хотя, на ее взгляд, чего-то в нем не хватало. А может, взгляд у него был какой-то... неправильный? В общем, подумала она, выглядит он, пожалуй, как конченный человек. Или сломленный.

— Так все-таки, зачем ты на Верхние Болота пожаловал? — снова спросила она. Она имела право это спросить, поскольку пустила его в свой дом и оставила ночевать, и все же ей было неловко, что она так пристает к нему с этим вопросом.

— Мне сказали, что тут у скота ящур. — Теперь, когда он стряхнул с себя путы холода, голос его звучал просто изумительно: как у сказителей, когда они рассказывают всякие истории о героях древности или о повелителях драконов. Так, может, он сказитель или певец? Да нет, он же о ящуре говорил!

— Да, болеет скот, сильно болеет!

— Что ж, возможно, я сумею помочь вашим животным.

— Так ты лекарь, господин мой?

Он кивнул.

— Ой, вот уж в деревне обрадуются! Ящур-то у нас прямо-таки косит скот.

Гость промолчал, но Гифт так и чувствовала, как тепло постепенно освобождает его тело и душу.

— Ты ноги-то к огню протяни, — ласково посоветовала она ему. — У меня где-то были старые мужнины башмаки... — Ей нелегко было произнести эти слова, но когда она их произнесла, ей тоже сразу стало легче, словно и ее тоже внутренне освободили. Интересно, между прочим, для чего она так долго хранит старые башмаки Брена? Берри они оказались

чересчур малы, а ей самой слишком велики. Всю одежду Брена Гифт давно раздала, а вот башмаки почему-то оставила. Странно? Может, как раз для этого незнакомца? Все возвращается на круги своя, если терпение иметь, думала она. — Я вот их разыщу да в порядок приведу, может, они еще тебе сгодятся, — сказала она. — Твои-то совсем развалились, господин мой.

Он быстро на нее глянул. Глаза у него были большие, темные и непонятные, точно у лошади; и прочесть что-либо по ним она не смогла.

— Муж-то мой умер, — пояснила она. — Два года назад. От болотной лихорадки. Здесь этого и тебе остерегаться придется. Вода здесь гнилая. А я с братом живу. Он в деревню пошел, в таверну. Мы с ним молочных коров держим. Я сыр делаю. У нас тут трава очень хорошая, — и она особым образом сложила пальцы — от сглаза. — Я своих коров рядом с домом держу. На дальних-то пастбищах ящур прямо свирепствует. Может, как настоящие-то холода наступят, ему и конец придет?

— Вряд ли. Скорее, он успеет всех животных тут уничтожить, чем сам от холода погибнет, — сказал гость. Голос у него звучал несколько сонно.

— Меня Гифт зовут, — сказала она. — А моего брата Берри.

— Хорошие имена — Дар и Ягодка. А я — Чайка, — представился он, помолчав, и она поняла, что это имя он только что придумал, хотя оно ему совершенно не подходит. Да и вообще все в нем как-то не подходило одно к другому; как ни старайся, а целостного впечатления не получалось. И все же никакого недоверия к нему Гифт не испытывала. Ей с ним было легко и просто. Он явно не желал ей зла. И он, похоже, добрый — ведь как хорошо говорил о животных! Должно быть, запросто с ними общий язык находит. Да и сам он чем-то на зверька похож, на раненого зверька, которому нужна защита, да только он попросить об этом не может.

— Пойдем, — сказала она, — не то прямо здесь заснешь. — Он послушно пошел за нею в комнату Берри, представлявшую собой, собственно, клетушку, выгороженную в одном из углов дома. А себе Гифт устроила комнатку за печкой. Берри, конечно, явится пьяным, думала она, так что можно ему тюфяк прямо на пол у очага постелить. А этот бедолага пусть хоть одну ночь отдохнет по-человечески. Может, он еще и грош или два ей оставит. Гифт в те дни ужасно не хватало денег.

Он проснулся, как всегда в Большом Доме, и никак не мог понять, почему потолок такой низкий, а воздух, хотя и свежий, пахнет какой-то кислятиной, и почему за стеной блеют овцы и мычат коровы? Некоторое время пришлось лежать совершенно неподвижно и постепенно вернуться в эту ДРУГУЮ жизнь, в это другое место, в дом этой другой

женщины. И еще он никак не мог вспомнить свое новое имя, хотя вчера вечером назвал его — той телке, что вывела его на дорогу, или той женщине, что его приютила. Свое Истинное имя он помнил, но от этого проку не было никакого; это имя называть не стоило нигде. И еще он помнил долгий путь по черным, залитым лавой тропам, крутые склоны горы и обширную зеленую страну, раскинувшуюся вдруг перед ним, всю изрезанную речками и речными рукавами, в которых на солнце так и сверкала вода. Дул холодный ветер, свистел в тростниках, и молодая корова вела его в деревню, без конца переходя вброд холодные речки и ручьи... А потом Эмер открыла перед ним дверь своего дома. Он сразу узнал ее подлинное имя; взглянул ей в лицо и сразу понял. Однако пришлось называть ее иначе, Гифт, да и нельзя было ему, незнакомцу, сразу назвать ее Истинным именем... Вот еще хорошо бы вспомнить, каким именем он сам назвался! Называться Ириотхом он не должен, хотя он действительно Ириотх. Но, возможно, со временем станет совсем другим человеком и будет зваться иначе. Нет, это неправильно; он должен быть самим собой. Ноги у него ныли от долгой ходьбы, а израненные подошвы так болели, что к ним было не прикоснуться. Зато кровать была хороша! С периной, теплая, и не нужно было немедленно вставать и спешить куда-то, так что он еще немного подремал, забывая во сне, что он Ириотх и ему нужно от этого избавляться.

Когда пришлось все же встать, то он никак не мог вспомнить, сколько ему сейчас лет. Он долго изучал свои руки, пытаясь понять, не семьдесят ли ему, хотя выглядел он по-прежнему на сорок, зато чувствовал себя на все семьдесят пять, да и двигался, как старик, — постанывая. Оделся он с трудом; после стольких дней ходьбы одежда была ужасно грязная. Под стулом он обнаружил вполне крепкие башмаки и вязаные шерстяные носки. Он натянул носки на истерзанные стертые ноги и прохромал в кухню. Эмер стояла у большого таза и отжимала что-то тяжелое, завернутое в тряпицу.

— Спасибо большое за носки и башмаки, — сказал он и, благодаря ее за этот дар, вспомнил, что таково значение ее имени, но говорить об этом не стал, только прибавил ласково: — Хозяюшка!

— Пожалуйста, — откликнулась она, вытряхнула творог из тряпицы в просторную глиняную миску и вытерла руки о фартук. Он совсем ничего не понимал в женщинах. И не жил с ними в одном доме с десяти лет. А тогда, в детстве, он этих женщин даже боялся, потому что они вечно кричали, чтобы он убирался прочь и не крутился под ногами, — все это было когда-то давным-давно на огромной кухне... Впрочем, за время своих

странствий по Земноморью он не раз встречался с женщинами и обнаружил, что ему с ними так же легко, как с животными. Женщины обычно продолжали заниматься своими делами, не обращая на него особого внимания, если только он их не пугал. И он старался никогда этого не делать. У него не было ни желания, ни причины пугать их. Они же не были мужчинами.

— Свеженького творога не угодно? Очень хорошо на завтрак! — Она глянула на него и тут же отвела глаза, на его взгляд не ответила. Точно животное, точно кошка, присматривалась к нему осторожно, без вызова. Кстати, кот в доме был, большой, серый; сидел себе у самого очага, подобрав лапки, и смотрел на угли. Ириотх принял из рук женщины миску с творогом и ложку и сел на тот же сундучок, что и вчера. Кот тут же прыгнул к нему, замурлыкал и стал тереться о плечо.

— Нет, вы только посмотрите на этого кота! — удивилась Гифт. — Он же у нас ни к кому не подходит!

— Это он просто творогом интересуется.

— А может, своего чувствует?

Ириотх промолчал. В обществе этой женщины и этого кота ему было удивительно тепло и уютно. Он пришел в хороший дом!

— На улице холод! — сообщила ему Гифт. — С утра вся тропинка обледенела. А ты что ж, господин мой, сегодня дальше пойдешь?

Повисло неловкое молчание. Ириотх совсем забыл, что должен отвечать с помощью слов.

— Я бы остался, если можно, — неловко выговорил он. — Здесь бы остался.

Он заметил ее улыбку, но все же было видно, что она колеблется. Помолчав, она все же сказала:

— Ну что ж, пожалуйста, господин мой, но тогда мне придется спросить: ты мне хоть немного заплатить-то сможешь?

— О да, конечно! — смутился он, вскочил и прохромал в ту комнату, где спал, чтобы взять свой дорожный мешок. Оттуда он достал монетку и протянул ее хозяйке. Это была маленькая энладская золотая монетка с королевской короной.

— Мне бы только чтоб на еду да на топливо хватило... — извиняющимся тоном пояснила Гифт. — А торфяные брикеты теперь стали такими дорогими... — Она взглянула на монетку, которую он сунул ей в руку, и растерянно охнула. Он тут же понял, что совершил ошибку. — Ой, господин мой! Да ведь никто в деревне золотой и разменять-то не сможет! — Какое-то время она смотрела прямо на него. Потом вдруг

рассмеялась. — У нас хоть всех жителей вместе собери, и то они настоящий золотой не разменяют! — Значит, все-таки все было в порядке, хотя слово «разменять» упорно продолжало звучать у него в ушах.

— Так ведь и я ее ни на что не разменивал, — сказал он, но понял, что она-то имела в виду нечто совсем иное. — Прости меня, хозяйюшка, — сказал он. — Ну а если бы я, скажем, остался у тебя на месяц или на всю зиму, тогда этого было бы достаточно? Мне ведь все равно нужно где-то жить, пока я буду ваших животных лечить.

— Ну и спрячь свою монету подальше, — сказала Гифт, снова рассмеявшись, но уже совсем по-другому, и беспечно махнув рукой. — Если сможешь скотину вылечить, так тебе хозяева заплатят, тогда ты мне должок и отдашь. Можешь считать, что дал мне эту монету в залог, если хочешь, но только спрячь ее пока что, господин мой! У меня даже голова кружится, когда я на нее смотрю. Да и Берри мой... — начала было она и умолкла, потому что в дверях вместе с клубами морозного воздуха появился сухощавый, молодой еще человек, двигавшийся несколько неуверенно. — Берри, этот господин будет жить у нас и лечить здешний скот. Да пошевеливайся ты! Между прочим, он мне залог дал. Так что ты будешь спать вон там, за камином, а он — в твоей комнате. — И она повернулась к Ириотху. — Это мой брат Берри, господин мой.

Берри поклонился и пробормотал что-то невнятное. Глаза его смотрели тупо. Казалось, он чем-то одурманен или отравлен. Когда он снова вышел из комнаты, женщина подошла к Ириотху и сказала тихо, но твердо:

— Берри, он вообще-то неплохой, только пьет сильно, весь насквозь спиртным пропитался. Вينية-то ему все мозги и съело, а также — почти все наше добро в доме. Так что, господин мой, сам понимаешь: лучше тебе спрятать денежки туда, где их Берри найти не сможет! Искать-то деньги он, пожалуй, не станет, но уж если увидит, так точно пиши пропало! Да он зачастую и не соображает, что делает.

— Да, — сказал Ириотх, — я понимаю. А ты — добрая женщина. — Ему казалось, что Гифт говорит не о брате, а о нем, о том, что это он не соображает, что делает. И прощает его. — И добрая сестра. — Подобные слова были для него совершенно непривычными, он никогда раньше не произносил таких слов, они даже в голову ему не приходили. На мгновение он даже подумал, что произносит их на Языке Созидания, но это было невозможно: говорить на этом языке вслух он права не имел. А Гифт в ответ только пожала плечами и хмуро улыбнулась.

— Мне порой этому дурню просто голову оторвать хочется, — сказала

она незло и вернулась к своей работе.

Ириотх понятия не имел, насколько он измучен и устал, пока не оказался в этом доме. Весь день он просидел у очага в обществе серого кота, погрузившись в полудремоту, а Гифт сновала туда-сюда, занимаясь привычными делами, и несколько раз предлагала ему поесть — то была грубоватая и довольно убогая пища, но он съедал все, съедал медленно, наслаждаясь каждым глотком. С наступлением вечера ее братец снова ушел, и она сказала со вздохом:

— Ну вот, теперь он заново счет в таверне откроет: вся деревня уже знает, что у нас постоялец есть. Но это я не к тому, господин мой, что ты виноват в чем-то...

— Да нет, — возразил Ириотх, — я, конечно же, виноват! — Но она на него не сердилась, да и серый кот теплым боком привалился к его бедру и спал. И кошачьи сны проникли в его душу — низменные луга, где он разговаривал с той коровой, какие-то затянутые пеленой сумерек места... Кот скользнул туда, и Ириотх вдруг почувствовал запах и вкус молока, и его охватило какое-то глубокое, пронзительно нежное чувство. А вот чувство вины исчезло совсем, осталось лишь ощущение полнейшей невинности. И еще там не было никакой необходимости в словах. И уж там бы они его ни за что не нашли! Ведь отсюда-то он бы исчез, и здесь не было бы никого, кроме женщины, спящего кота и потрескивающего пламени в очаге. Он поднялся по черным тропам мертвой горы и оказался среди зеленых пастбищ, где неторопливо бежали живые ручьи...

Он, конечно же, был не в своем уме, и Гифт понять не могла, как это ей в голову пришло позволить ему остаться, и все же она не чувствовала по отношению к нему ни страха, ни недоверия. А впрочем, какая разница, даже если у него и с головой что-то не в порядке? С ней он был очень вежлив и любезен и, наверное, был когда-то настоящим волшебником, прежде чем с ним что-то там приключилось. Ну и ладно. Не сумасшедший же он, в конце концов. Он действительно бывает как бы безумен — но только изредка, в отдельные моменты. И ничего-то в нем целого, даже его безумие какое-то непостоянное! Он, например, не смог вспомнить то имя, Чайка, которым сперва назвался ей, и велел людям в деревне называть его Отаком. Он, возможно, и ее имя не сумел запомнить; во всяком случае, он всегда называл ее только «хозяйкой» или «хозяйюшкой». А может, это он просто из вежливости? Она-то ведь тоже из вежливости по-прежнему обращалась к нему «господин мой», тем более что такие имена, как Чайка или Отак, ему совершенно не подходили. Она слышала, что отак — это

такой маленький зверек с острыми зубами и очень молчаливый, но на Верхних Болотах таких зверьков не водилось.

Гифт подумала даже, что все разговоры ее постояльца о том, что он явился сюда, чтобы лечить скот от страшной болезни, — это тоже одно из свидетельств его помешательства. Он вел себя совсем не так, как прочие целители, которые всегда тащили с собой целый мешок всяких снадобий и целебных мазей для животных, а также хвалились, что знают «особые» заклятия. А этот, отдохнув пару дней, спросил ее, где ему найти хозяев скота, и ушел, надев старые башмаки Брена и прихрамывая, потому что его стертые и израненные ступни зажить еще не успели. У нее прямо сердце сжалось, когда она увидела, как сильно он хромает.

Вернулся он только вечером, хромя еще сильнее, потому что Сан, разумеется, потащил его прямо на Долгий Луг, где паслась большая часть его бычков. В деревне ни у кого не было лошадей, только у Олдера, и эти лошади были предназначены исключительно его собственным пастухам. Гифт подала своему постояльцу чистое полотенце и налила в таз горячей воды, велев ему хорошенько отмыть и отогреть израненные замерзшие ноги, а потом подумала немного и спросила, не хочет ли он и сам вымыться, и он очень даже захотел. Так что они нагрели воды и налили в старую бочку, и она ушла к себе в комнатку, пока он мылся у очага. Когда Гифт вышла оттуда, все было уже убрано, пол вытерт насухо, а полотенца аккуратно повешены над очагом. Она никогда не видела, чтобы кто-то из мужчин занимался уборкой, и тем более не ожидала этого от своего постояльца: ей все время казалось, что в прошлом он был человеком богатым и знатным. Неужели там, откуда он пришел, у него не было слуг? Да и вообще — беспокойства от него было не больше, чем от ее серого кота. Он сам стирал себе одежду и даже простыни, на которых спал, однажды выстирал и развесил на солнышке, так что она даже и заметить не успела, когда он все это сделал.

— Ну а за стирку-то ты чего принялся, господин мой? — удивилась она. — Я бы заодно со своим и твое все постирала!

— Незачем, — ответил он с тем отстраненным видом, как если бы не совсем понимал, о чем она ему толкует; но потом прибавил: — У тебя и так слишком много дел.

— А у кого их мало, господин мой? Да к тому ж мне нравится сыры делать. Интересное это дело. А я сильная! Я боюсь только одного: старости, когда уж не смогу поднимать ведра с молоком и формы для сыра. — И она показала ему свои полные крепкие руки, сжала кулак, демонстрируя мускулы, и улыбнулась. — Вон какая я сильная! А ведь мне

уже пятьдесят! — Было довольно глупо хвастаться своим возрастом, но она гордилась тем, что сохранила и силу в руках, и энергию, и мастерство.

— Вот и хорошо! — сказал он.

А уж с ее коровами как он замечательно обходился! Когда он по ее просьбе помогал ей в коровнике, заменяя Берри, то — как она, смеясь, рассказывала своей подруге Тауни — коровы слушались его лучше, чем старого пастушьего пса Брена. «Он с ними разговаривает, и, клянусь, они понимают, что он им говорит!» — восхищалась Гифт. Она не знала, как он там, на верхних пастбищах, лечит бычков, но все хозяева отзывались о нем очень хорошо. Хотя, конечно, они-то готовы были ухватиться за любое предложение о помощи. У Сана погибла уже половина стада. Олдер даже и сказать не мог, сколько голов скота он уже потерял. Туши мертвых животных валялись повсюду. Если бы не холода, все Болота давно провоняли бы тухлятиной. Воду сырой пить было невозможно, ее необходимо было кипятить в течение часа; чистой оставалась вода только в двух глубоких колодцах — в усадьбе Гифт и в том колодце, где бил родник, давший деревне ее название.

Однажды утром к ней во двор прискакал верхом один из пастухов Олдера, ведя в поводу оседланного мула.

— Господин Олдер сказал, что господин Отак может взять этого мула, потому что до Восточного Пастбища отсюда миль десять-двенадцать, — сказал молодой пастух.

Утро было ясное, но болота скрывала сияющая дымка испарений. Вершина Анданден словно плыла над этой туманной дымкой и, казалось, то и дело меняла свою форму на фоне северного края небес.

Целитель ничего не ответил пастуху, а направился напрямик к мулу или, точнее, к лошаку, поскольку это был отпрыск большой ослицы, принадлежавшей Сану, и белого жеребца из конюшни Олдера. Молоденький лошак был симпатичным белоснежным животным с приятной мордой. Отак подошел к лошаку и с минуту что-то шептал ему прямо в изящное ухо, ласково почесывая лоб животного.

— Вот он всегда так говорит с ними, — сказал пастух. Он смотрел на целителя восхищенно и в то же время чуть пренебрежительно. Гифт хорошо его знала: это был один из дружков Берри, тоже большой любитель выпить, но, в общем, парень неплохой.

— А лечит-то он как? — спросила она пастуха.

— Ну, эпидемию-то он, конечно, сразу остановить не сможет... Но, похоже, вылечивает тех, у кого еще вертячка не началась. А тех, что еще не заболели, говорит, что и вовсе уберезет. Так что хозяева-то за ним прямо

бегают; просят поехать и туда, и сюда, чтобы сделал хоть что-нибудь. Для многих, правда, уж слишком поздно оказывается.

Отак проверил стремяна, отпустил немного уздечку и вскочил в седло не то чтобы очень ловко, но так, что лошак не выказал ни малейшего нетерпения. И даже повернул к наезднику свою длинную красивую морду и ласково посмотрел на него своими прекрасными темными глазами. И Отак ему улыбнулся! Гифт еще ни разу не видела, чтобы он улыбался!

— Ну что, поехали? — сказал он пастуху, который тут же тронул свою маленькую кобылку, махнув Гифт на прощанье рукой. Кобылка фыркнула, словно тоже прощаясь. Целитель двинулся следом за пастухом. Лошак, длинноногий и изящный, шел легко, его белая шкура прямо-таки сияла в утреннем свете, и Гифт вдруг подумала, что ее постоялец сейчас очень похож на принца из сказки. Потом наездники нырнули в светящийся туман, висевший над покрытыми снегом полями, и растворились в нем.

На пастбищах работы хватало. «А у кого дел мало?» — спросила его тогда Эмер, показывая свои округлые сильные руки с натруженными, загрубелыми, покрасневшими пальцами. Олдер очень рассчитывал, что целитель останется на Верхних пастбищах до тех пор, пока не осмотрит всех бычков в его огромных стадах, и послал ему в помощь еще двух пастухов. Пастухи устроили что-то вроде шалаша — набросали на землю побольше сухой травы и тростника и над этой подстилкой сделали двускатный навес. Топлива для костра на болотах практически не было, только ветки низкорослого редкого кустарника да сухой тростник, и такого огня едва хватало на то, чтобы вскипятить воды, а уж о том, чтобы согреться, можно было только мечтать. Пастухи постарались согнать животных в стадо, чтобы Отаку легче было их осматривать и не бегать за каждым по отдельности, потому что обычно бычки разбредались по всему пастбищу в поисках корма — сухой подмерзшей травы. Но удержать животных вместе оказалось им не под силу, и они сердились и на бычков, и на целителя, который делал все слишком медленно. А он все удивлялся тому, как нетерпеливы пастухи в обращении с животными и считают их чем-то вроде неодушевленных предметов, так сплавщики леса обращаются с бревнами — просто с позиции силы.

Впрочем, у них и по отношению к нему терпения не хватало, и они все покрикивали на него, требуя, чтобы двигался быстрее и поскорее кончал бы с «этой мутотой». Они и друг на друга постоянно огрызались, и на собственную жизнь без конца злились, а если и вели друг с другом какие-то мирные разговоры, то всегда о том, как будут развлекаться в ближайшем

городе, Ораби, когда получают жалованье. Ириотх немало выслушал историй об определенных достоинствах шлюх из Ораби, Дейзи и Голди, и еще какой-то особы, которую они называли довольно странно: Купина Неопалимая. И он был вынужден слушать все это, сидя с ними рядом у костра, потому что всем им было необходимо хотя бы немного согреться, но сидеть ему рядом с ними совсем не хотелось. Он чувствовал в них некий неясный страх по отношению к нему, колдуну, а также — определенную ревность, но сильнее все же было их неосознанное презрение к нему, потому что он был гораздо старше и потому что он был иным. Совершенно не таким, как они. Со страхом и ревностью он был знаком хорошо и старался их избегать, да и презрение он помнил. И был очень рад, что не похож на этих людей, что они не воспринимают его как своего, что они даже разговаривать с ним не хотят. И он очень боялся, что как-нибудь не выдержит и согрешит против них.

Он вставал очень рано, как только занимался ледяной рассвет и пастухи еще спали, завернувшись в свои одеяла. Он знал, где пасется скот, и сразу отправлялся туда. Теперь он уже очень хорошо познакомился с особенностями проклятой болезни и чувствовал ее присутствие в животном, как легкое жжение или покалывание в руках, а иногда как дурноту, если болезнь успела зайти слишком далеко. Однажды, приблизившись к быку, который уже лежал на земле, он обнаружил, что вот-вот сам потеряет сознание, так сильно закружилась у него голова, а потом его просто вырвало. Больше он к этому животному не сделал ни шагу, но произнес слова, способные облегчить его последние часы, и перешел к осмотру других бычков.

Быки позволяли ему подходить к ним, хотя были почти дикими, а от людей не видели ничего хорошего, только процедуру кастрации и нож мясника. Ириотху было очень приятно, что они ему доверяют; он даже в какой-то степени гордился этим доверием. Гордиться, конечно, не следовало, но он все-таки гордился. Например, если ему нужно было ощупать одного из быков, то достаточно было немного поговорить с этой громадиной на том языке, которым пользуются все, даже и бессловесные твари. «Улла, — говорил Ириотх, называя быков их Истинными именами. — Эллу. Эллуа». И они стояли спокойно, огромные, ко всему равнодушные, но некоторые иногда подолгу смотрели на него. А иногда сами подходили к нему своей вольной величественной походкой и ласково дышали в его открытую ладошку. Всех тех, что подходили к нему сами, он вылечить сумел. Он прижимал ладони к их покрытым жесткой шерстью горячим бокам или шее и посылал им исцеление через свои руки вместе со

словами волшебного заклятия, которое произносил снова и снова. И через некоторое время животное вздрагивало, или наклоняло голову, или делало шаг вперед, и тогда Ириотх опускал руки и некоторое время стоял неподвижно, совершенно опустошенный и отупевший. А потом к нему подходил следующий огромный зверь, любопытный, застенчиво-храбрый, с грязной шкурой, и проклятая болезнь жила в нем и ощущалась покалыванием и жжением в ладонях, а иногда — головокружением. «Эллу», — говорил Ириотх быку и прижимал к его бокам свои ладони, и не опускал их так долго, что они леденели на холодном ветру, словно он опустил их в горный ручей, бегущий с заснеженной вершины.

А пастухи все обсуждали, можно или нет есть мясо быков, павших от ящура. Запасы пищи у них и с самого начала были не особенно велики, а теперь и вовсе подходили к концу. И вот, не желая скакать верхом двадцать или тридцать миль, чтобы пополнить запасы продовольствия, пастухи решили вырезать язык одного из только что умерших быков.

Ириотх, все время с трудом заставлявший их хотя бы кипятить воду, которую они пили, сказал:

— Если вы будете есть это мясо, то примерно через год у вас начнутся головокружения. А закончится все слепотой, как и у этих быков, и точно такой же, как у них, смертью.

Пастухи ругались и презрительно фыркали, но ему все же верили, хотя он понятия не имел, действительно ли все это будет именно так, как он им сказал. Но когда он это говорил, ему казалось, что он говорит правду. Возможно, ему хотелось их напугать. А возможно — отделаться от них.

— Слушайте, вы возвращайтесь назад, — сказал он им наконец, — а я пока здесь останусь. Для одного тут еды еще дня на три-четыре хватит. А потом лошак сам меня назад доставит.

Уговаривать их не пришлось. Они так и помчались прочь, бросив все — свои одеяла, палатку, железный горшок.

— Как же мы все это в деревню доставим, а? — спросил Ириотх у лошака. Тот с грустью посмотрел вслед двум ускакавшим лошадям и тихонько заржал, словно говоря, что ему без них будет скучно.

— Но мы должны закончить работу, — сказал лошаку Ириотх, и тот посмотрел на него ласково и понимающе. Все животные были терпеливы, но терпение лошадей и их ближайших родственников было, пожалуй, сродни покорности. Вот собаки были типичными иерархами, разделявшими мир на правителей и простых людей. Лошади же все считали себя лордами и вполне соглашались на тайный сговор с людьми. Ириотх помнил, как еще малышом ходил между мохнатыми ногами

огромных тяжеловозов и ничего не боялся. Он помнил теплое успокаивающее дыхание лошадей у себя на макушке. Это было очень, очень давно... Он обнял своего красавца-лошака и еще немного поговорил с ним, называя его «мой дорогой», нежно оглаживая и всячески давая ему почувствовать, что он не один.

Ириотху понадобилось еще шесть дней, чтобы осмотреть все стада на восточных болотах. Последние два дня он ездил верхом, высматривая разбросанные по пастбищам у подножия горы отдельные группки животных. Многие из них еще не успели подхватить заразу, и он сумел защитить их. Он ездил без седла, и белый лошак старался, чтобы езда для ездока была легкой. Однако еды у Ириотха совсем не осталось. Когда он возвращался в деревню, от голода у него кружилась голова и подгибались ноги. И он лишь с огромным трудом добрался домой от конюшни Олдера, где оставил своего лошака. Эмер очень ему обрадовалась, но сначала даже немного поругала и сразу попыталась как следует его накормить, но он объяснил ей, что много есть ему пока что нельзя.

— Пока я был там, среди больных животных, я и сам чувствовал себя больным, — пояснил он. — Через некоторое время я снова смогу нормально есть.

— Ты просто сумасшедший! — воскликнула Гифт сердито, но то был сладостный гнев. Интересно, почему другие разновидности гнева никогда не вызывают столь сладкого чувства? — подумала она и уже спокойнее предложила: — Тогда хоть вымойся, по крайней мере.

На это он охотно согласился и поблагодарил ее, понимая, что весь провонял хлевом и потом.

— А что тебе Олдер обещал заплатить за такую работу? — спросила она, пока грелась вода. Она была все еще сердита и потому вопросы задавала куда смелее, чем обычно.

— Не знаю, — ответил он.

Она так и застыла, уставившись на него.

— Так ты что ж, и плату не назначил?

— Как это — плату? — Он даже вспыхнул от возмущения. Но потом вспомнил, что больше не является тем, кем был когда-то, и смиренно пояснил: — Нет. Не назначил.

— Вот уж глупо! — окончательно рассердилась Гифт. — Он же тебя как липку обдерет! — Она вылила полный чугунок кипящей воды в бочку. — У него слоновая кость есть, — сказала она. — Скажи ему, пусть слоновой костью платит. За то, что ты там на холоде, голодный целых десять дней проторчал с его скотиной! У Сана-то ничего нет, кроме жалких

медяков, а вот Олдер тебе слоновой костью вполне заплатить может. Ты уж меня прости, что я в твои дела вмешиваюсь, господин мой! — И она хлопнула дверью, отправившись с двумя ведрами к колодцу. Водой из ручья она не пользовалась совсем, понимая, что это опасно. Она вообще была мудрой и доброй женщиной. И почему это он так долго жил среди тех людей, которые не были ни добрыми, ни по-настоящему мудрыми?

— Это еще надо посмотреть, — сказал ему на следующий день Олдер, — выздоровели ли мои животные. Если они зиму переживут, тогда и станет понятно, хорошо ли ты их лечил. И не то чтобы я тебе не верил, но ведь так будет по справедливости, верно? Ты же не станешь просить у меня плату, если лечение твое не помогло и быки все-таки помрут? Не станешь собственную удачу отпугивать? Но и я тебя не заставлю ждать так долго безо всякой платы. Так что вот тебе задаток, а остальное потом, когда все между нами решено будет.

Монеты он даже в кошелек не положил! И Ириотху пришлось стоять с протянутой рукой, в которую скотовладелец одну за другой опустил шесть медных монет.

— Ну вот! Теперь все по справедливости! — заявил он. — А может, ты завтра или послезавтра посмотришь еще и моих теляток на Долгом Лугу?

— Нет, — ответил Ириотх. — Стадо Сана, когда я уезжал, уже спускалось с верхних пастбищ. Я буду нужен там.

— А вот тут ты ошибаешься, господин Отак! Пока ты на восточных болотах был, сюда явился один колдун-целитель — он тут уже бывал раньше, он с южного побережья, — вот Сан его и нанял. А ты работай на меня, и я тебе хорошо заплачу. Впоследствии. И, возможно, не просто медными монетами! Если, конечно, животные будут чувствовать себя хорошо.

Ириотх не сказал ни да, ни нет, ни спасибо, а просто молча повернулся и пошел прочь. Скотовладелец некоторое время смотрел ему вслед, потом злобно сплюнул и пробормотал:

— Чтоб тебя!

Впервые в душе Ириотха поднялось такое беспокойство, какого он не испытывал с тех пор, как пришел на Верхние Болота. И как он ни старался, тревога не утихала. Кто-то другой, тоже обладающий магической силой, пришел лечить скот, еще один волшебник! Нет, Олдер сказал, что это всего лишь колдун. Не волшебник, не маг. Всего лишь деревенский целитель. Ветеринар. Мне нечего его бояться. И его магической силы тоже. И я не собираюсь мериться с ним силами. Но я должен его увидеть, чтобы просто удостовериться, чтобы знать наверняка. Если он будет заниматься здесь тем

же, чем занимаюсь я, то никакой опасности для меня в этом нет. Мы можем работать вместе. Если и я буду делать то, что делает он... И если он использует только обычное колдовство и никому не желает вреда... Как и я.

Ириотх спустился по извилистой улочке, ведущей к Чистому Колодцу и дому Сана. Сан, крепкий мужчина лет тридцати, стоял на крыльце и разговаривал с каким-то незнакомцем. Завидев Ириотха, оба явно почувствовали себя неловко. Сан вошел в дом, а незнакомец, помедлив немного, последовал за ним.

Ириотх подошел к дому и поднялся на крыльцо. Но в дом не вошел, а заговорил оттуда, благо дверь была открыта:

— Господин Сан, я, как мы договаривались, насчет того скота, что у вас пасется между речками. Я могу сегодня же туда отправиться и посмотреть животных. — Он и сам не знал, зачем говорит все это. Он ведь собирался совсем не это сказать.

— Ага, — откликнулся Сан, выходя на крыльцо; вид у него был смущенный. — Только ты уж извини, господин Отак, а услуги мне твои больше не нужны. Тут к нам мастер Санбрайт пожаловал, он у нас давно животных лечит. Он и раньше моих животных лечил — и от ящура, и от копытной гнили, и от всего прочего. А ты, господин мой, и так уж выложился — еще бы, в одиночку целое стадо быков вылечил! Олдер-то, поди, доволен! Вот я и решил...

У него из-за спины появился колдун. Истинное Имя его было Айетх, и сила в нем была совсем маленькая, испорченная, извращенная невежеством и неправильным использованием, а также — ложью. А вот зависть в нем пылала огнем.

— Я тут дела вот уж лет десять веду, — заявил он, меряя Ириотха взглядом, — и вдруг какой-то тип с севера нагло перехватывает у меня постоянных клиентов! За такое ведь и побить могут. А уж если два колдуна поссорятся, так это всегда плохо кончается. Если только ты колдун, конечно. То есть обладаешь хоть какой-то силой. Вот я, например, ее имею достаточно, и здесь об этом все добрые люди знают.

Ириотх хотел сказать, что ни с кем ссориться не собирается, что работы здесь вполне хватит для двоих, что он и не собирался перехватывать у этого колдуна его «клиентов», но все эти слова мгновенно сгорели, растворились, точно в кислоте, в зависти этого человека, который не пожелал их услышать и сжег их еще до того, как они были произнесены.

Взгляд Айетха становился все более дерзким, когда он увидел, как Ириотх заикается, пытаясь что-то сказать. Он уже хотел было совсем прогнать этого заику, но тут Ириотх все же совладал с собой и заговорил:

— Ты должен... — сказал он, — ...тебе придется уйти. Назад. — И когда он произнес слово «назад», его левая рука резким рубящим движением опустилась вниз, точно острие ножа, и Айетх, упав навзничь и опрокинув табурет, испуганно уставился на Ириотха.

Он казался всего лишь жалким колдуном, целителем-обманщиком, владевшим несколькими слабенькими заклятиями. Во всяком случае, выглядел он именно так. Но что, если он только притворяется, скрывает свою истинную силу? Что, если это настоящий противник? Да к тому же завистливый? Его необходимо остановить связующим заклятием, назвав Истинным именем... Ириотх уже начал произносить слова связующего заклятия, когда его соперник вдруг вскочил и буквально пополз прочь, припадая к земле, корчась от боли и громко крича тонким, пронзительным, жалобным голосом. «Все неправильно, я снова все делаю неправильно! Это во мне заключено зло!» — сердясь на самого себя, подумал Ириотх. Он остановил действие заклятия, не дав остальным словам вылететь из рта, силой загнав их обратно, а потом громко выкрикнул совсем другое слово. И этот Айетх упал на землю, трясась и корчась в собственной блевотине, а Сан в ужасе смотрел на них обоих и все пытался сказать: «Минуй, минуй нас!» — хотя ничего особенно страшного не происходило. Но Ириотх чувствовал, как огонь жжет ему руки, выжигает глаза, и все пытался закрыть лицо руками, а когда он попытался что-то сказать, огонь перекинулся ему на язык, и он упал.

Довольно долго никто не решался к нему притронуться, когда он как подкошенный рухнул на пороге дома Сана. Но Санбрайт сказал, что этот колдун вовсе не мертв, но опасен, как гадюка, а Сан тем временем уже рассказывал всем, как Отак наслал на Санбрайта какое-то ужасное проклятие, из-за которого Санбрайт сперва вдруг стал быстро уменьшаться, треща, точно охалка хвороста, брошенная в костер, а потом в один миг снова стал самим собой, только тут его начало буквально выворачивать наизнанку, а вокруг того, второго, Отака, так и разливалось сияние, колдовской такой мерцающий свет, и прыгали тени, а голос его звучал так, как людские голоса не звучат. Ужас да и только!

Санбрайт велел жителям деревни побыстрее избавиться от этого типа, но сам даже не захотел поглядеть, как они это делать будут. Он выпил в таверне пинту пива и сразу пустился в обратный путь по южной дороге, сказав на прощанье, что для двух колдунов здесь места маловато, и что он, возможно, еще вернется, но только когда этот человек или кто он там такой отсюда уберется.

В общем, к Отаку никто так и не подошел. Все издали смотрели на него, лежавшего по-прежнему без движения, а жена Сана голосила на всю улицу: «Чтоб тебе пусто было! Теперь мой ребенок небось мертвым родится, знаю я вас, колдунов проклятых!»

Берри, услышав в таверне рассказ Санбрайта, а потом и еще несколько версий случившегося — в том числе версию Сана — сходил за сестрой. Самая интересная из этих версий звучала примерно так: Отак стал ростом футов в десять и, ударив Санбрайта молнией, превратил его в кусок угля, а потом уже у него самого пошла изо рта пена, он весь посинел и упал, как подкошенный, на пороге дома.

Гифт поспешила в деревню. Она напрямик направилась к лежавшему без чувств Отаку, наклонилась и положила руку ему на лоб. Все так и ахнули и принялись бормотать: «Минуй нас!» — и только младшая дочка Тауни что-то перепутала и пропищала: «Давай-давай, тетя Гифт!»

Бесформенная грудa на крыльце зашевелилась, и Отак стал медленно подниматься на ноги. И жители деревни увидели, что он все тот же, ничуть не изменился, и никакого пламени изо рта не изрыгает, и никаких пляшущих теней вокруг него не видно, просто выглядит он совсем больным.

— Пойдем-ка, — сказала ему Гифт и повела его потихоньку по улице к своему дому.

Люди вокруг только головами качали. Гифт, конечно, женщина смелая, но, пожалуй, до безрассудства. А может, она и вовсе не в том смысле смелая, говорили за столами в таверне, это мы еще посмотрим! А все ж никому не стоит с колдунами путаться, особенно если в тебе от рождения никакого магического дара нет. Об этом, конечно, забываешь все время — они ведь, колдуны эти, с виду совсем как обычные люди. Да только они совсем другие! Кажется, к примеру, в таком целителе никакого вреда нет. Вылечит у коровы гнилое копыто или спекшееся вымя, и все хорошо. А встань такому поперек пути — и вот вам, пожалуйста: и пламя, и тени, и проклятия, и судороги всякие... Жуть одна! А этот и вообще всегда недоверие у всех вызывал. И откуда он только взялся такой? Нет, вы скажите, откуда он родом?

Она уложила его на постель, стащила с ног башмаки и велела спать. Берри явился поздно, пьяный в стельку, так что споткнулся и разбил себе лоб о подставку для дров. Весь в крови, страшно злой, он потребовал, чтобы Гифт немедленно прогнала этого колдуна. Потом его вырвало прямо в камин, он рухнул рядом на пол да там и заснул. Гифт оттащила брата в

его закуток, уложила на матрас, стащила с ног башмаки и тоже велела спать. А сама пошла посмотреть, как там Отак. Он весь горел, и она положила свою прохладную ладонь ему на лоб. Он тут же открыл глаза, тупо посмотрел на нее и сказал: «Эмер», — а потом снова закрыл глаза.

Гифт в ужасе от него отшатнулась.

А позже, уже лежа в постели, все думала: наверное, он был знаком с тем волшебником, что нарек меня Истинным именем. Или, может, я случайно произнесла свое имя во сне? Откуда же он его узнал? Ведь его никто не знает и никогда не знал, кроме того волшебника и моей матери! А они умерли, они давно умерли... Наверное, я все-таки случайно произнесла его во сне...

Но она уже знала, что это не так.

Она стояла возле него, прикрывая рукой маленький масляный светильник, и его свет просвечивал красным сквозь ее пальцы, а на лицо ее бросал золотистый отблеск. И он произнес вслух ее подлинное имя. И она подарила ему сон.

Он проспал до позднего утра и проснулся, чувствуя себя слабым и вялым, точно после болезни. Он был так жалок, что просто смешно было бы его бояться. Гифт обнаружила, что он совершенно не помнит о том, что случилось в деревне, о другом колдуне и даже о тех шести медяках, которые она собрала, когда они рассыпались по покрывалу, и которые он, должно быть, все это время сжимал в руке.

— Это небось Олдер так здорово тебя «отблагодарил»? — сказала она насмешливо. — Жадюга!

— Я сказал, что готов посмотреть животных на... на том пастбище, что между двумя речками, так? — спросил он, все больше тревожась и снова глядя на нее со знакомым ей уже затравленным видом; потом попытался встать, но она сказала:

— Сядь, — и он послушно сел, но сидел как на иголках.

— Разве можно кого-то лечить, когда сам болен? — строго сказала она.

— А что же делать? — спросил он.

Но понемногу успокоился и принялся поглаживать серого кота.

Тут как раз и вошел Берри.

— А ну-ка выйдем! — сказал он сестре, лишь глянув на целителя. Гифт следом за ним вышла на крыльцо.

— Значит, так: больше я его в своем доме терпеть не желаю! — заявил Берри с видом хозяина, грозно возвышаясь над нею. Посреди лба у него

красовался огромный синяк, а глаза, похожие на устриц, смотрели тупо; руки тряслись.

— Ну и куда ты в таком случае денешься? — спросила Гифт.

— Это не я денусь, а он!

— Ну вот что: это мой дом! Дом Брена. И целитель останется здесь. А ты можешь уходить или оставаться — как сам решишь.

— Нет, это я буду решать, останется здесь этот колдун или уйдет! Пусть уходит немедленно! И нечего тут командовать! Люди говорят, что он должен уйти. Он ничего не умеет.

— Ну да, конечно, не умеет! Вылечил тут половину всего скота, а ему за это целых шесть медяков «отвалили», Олдер расщедрился! А теперь тот же Олдер будет требовать, чтобы этот человек отсюда убирался, это на него похоже! Все, Берри, разговоры окончены. Он останется тут и будет жить в этом доме столько времени, сколько захочу я. И точка!

— Так ведь никто же не будет у нас молоко и сыр покупать! — заныл Берри.

— Кто это сказал?

— Жена Сана. И другие тоже.

— Ну и ладно. Я свои сыры в Ораби дороже продам, — заявила Гифт. — И знаешь, братец, пошел бы ты лучше да умылся, чем разговоры разговаривать! Грязный весь, в крови... И рубашку перемени, а то от тебя просто помойкой воняет! — И Гифт решительно повернулась к нему спиной и вошла в дом. Но там мужество покинуло ее, и она разразилась слезами.

— В чем дело, Эмер? — спросил целитель, поворачивая к ней свое исхудалое лицо; в его странных глазах снова плеснулась тревога.

— Ох, чует мое сердце, не кончится это добром! Да разве ж можно так пить? Все мозги уж пропил! — и она вытерла фартуком глаза. — Тебя-то небось тоже проклятая выпивка доконала?

— Нет, — изумленно ответил он, но совсем не обиделся. Похоже, он просто ее не понял.

— Да нет, конечно, господин мой, это я со зла сказала! Ты уж меня прости!

— А может быть, твой брат пьет, пытаюсь стать другим человеком? — промолвил он. — Пытаюсь как-то измениться?..

— Он пьет, потому что пьет, — отрезала Гифт. — С некоторыми людьми все дело только в этом. А теперь мне в молочный сарай нужно сходить, так я двери-то в дом запру, а то... ходят тут всякие... А ты пока отдохни. На улице-то холод, ветер... — Она хотела быть уверена, что он

никуда не выйдет из дому, будет в безопасности, потому что в ее доме никто не сможет напасть на него неожиданно. А попозже она непременно сходит в деревню и перекинется парой слов кое с кем из разумных людей, а заодно и постарается положить конец всей этой дурацкой болтовне.

Когда же Гифт пришла в деревню, то жена Олдера, Тауни, и некоторые другие жители деревни вполне согласились с ее доводами, что в ссоре двух колдунов из-за работы нет ничего абсолютно нового и необычного. А вот Сан, его жена и кое-кто из постоянных посетителей таверны, таких же пьяниц, как Берри, никак не желали эту тему оставить: еще бы, о чем же им потом говорить всю зиму? Если не считать непобежденного пока что ящюра, конечно.

— Знаешь, — сказала ей Тауни, — муженек мой всегда старается медяками расплатиться, даже если считает, что платить нужно слоновой костью.

— Так, значит, быки ваши, которых Отак лечил, здоровы?

— Вроде бы да. И больше пока ни один не заболел.

— Он настоящий волшебник, Тауни! — воскликнула Гифт. — Теперь я это точно знаю!

— В том-то все и дело! — сказала Тауни. — И ты, милая, это прекрасно понимаешь! Здесь не место для ТАКИХ людей. Кто он такой в действительности — не наше дело, но ты бы все-таки выяснила, зачем он сюда явился.

— Чтобы лечить животных, — уверенно ответила Гифт.

Не прошло и трех дней, как Санбрайт с позором бежал из деревни, а там уже снова появился какой-то чужак. Приехал он верхом по Южной дороге, и, надо сказать, конь у него был отличный. Незнакомец спросил в таверне, нельзя ли у кого-нибудь переночевать, и его, разумеется, послали к Сану, но жена Сана, как только услышала за дверью голос незнакомца, подняла крик и заявила, что если Сан впустит к ним в дом еще одного колдуна, то ее ребенок уж точно успеет дважды умереть, прежде чем родится. Ее вопли были слышны издали, и в итоге на улице между домом Сана и таверной собралось даже человек десять любопытствующих.

— Нет, так не годится, — добродушно сказал незнакомец. — Не могу я служить причиной преждевременных родов! А у вас в таверне на чердаке местечка не найдется?

— Да отошлите вы его к Гифт, — посоветовал кто-то из пастухов Олдера. — Она любому рада, кто к ней в дом ни попросится! — Послышались приглушенные смешки и шушуканье.

— Ты вон туда ступай, господин мой, — и хозяин Таверны указал незнакомцу на дом Гифт. Тот поблагодарил и развернул коня.

— Ну вот, теперь у нас все чужаки в одной корзине, — заметил хозяин таверны, и эту шутку вечером повторяли в таверне раз двадцать, и каждый раз она служила неистощимым источником восхищения и веселья. Это было самое остроумное высказывание с тех пор, как на деревню обрушилась эпидемия ящура.

Гифт была в коровнике; она только что закончила вечернюю дойку и теперь, процедив молоко, расставляла миски с будущими сырами.

— Хозяюшка! — окликнул ее кто-то от дверей, и она, решив, что это Отак, сказала:

— Минутку, я сейчас закончу, — а когда, повернувшись, увидела на пороге совершенно незнакомого мужчину, от растерянности чуть не выронила миску. — Ох, и напугал ты меня, господин мой! — воскликнула она. — Чем могу служить?

— Да вот, ищу, где бы переночевать.

— Нет, один постоялец у меня уже есть, да и мы с братом в том же доме помещаемся, так что здесь негде. Может, у Сана, в деревне, местечко найдется?

— Я у них был уже, они-то меня сюда и послали. И сказали еще: «Теперь у нас все чужаки в одной корзине». — Незнакомцу было лет тридцать; красивый, хотя черты лица, пожалуй, несколько резковаты; одет просто, зато коренастый жеребец у него явно хороших кровей. — А ты устрой меня в коровнике, хозяйюшка, мне тут вполне удобно будет. Ведь это, скорее, моему коню отдых требуется: устал он очень. А я спокойненько выплюсь тут на чердаке, а утром уеду. С коровами рядом спать — это ж одно удовольствие, да еще в холодную ночь. Я и заплатить могу, хозяйюшка. Двух медных монет за ночь достаточно? А зовут меня Хок.

— А меня — Гифт, — ответила она. Она была чуточку встревожена, но человек этот ей нравился. — Ну ладно, господин Хок. Отведи-ка своего коня на конюшню да покорми — там сена полно, а во дворе хороший колодец. А потом в дом приходи, я тебя молочным супом угощу. А что касается платы, так и одной монеты более чем достаточно, и спасибо тебе, господин мой, за щедрость. — Странно, но ей почему-то не хотелось называть этого молодого мужчину «господин мой», как она всегда называла Отака. У этого парня ни в повадках, ни во внешности не было и следа того врожденного благородства, какое всегда ощущалось у ее постояльца, в котором она буквально с первых минут почувствовала чуть ли не короля.

Быстренько прибрав в молочном сарае, Гифт прошла в дом. Этот чужак по имени Хок сидел на корточках у очага и весьма умело разжигал огонь. Отак был у себя в комнате и по-прежнему спал. Она заглянула туда и закрыла дверь.

— Постоялец-то мой нездоров, — шепнула она гостю. — Застудился, видно. Еще бы, столько дней коров лечил на восточном болоте, голодный да на таком холоде, вот силы-то у него и кончились.

Когда Гифт занялась привычными кухонными делами, Хок принялся ей помогать, да так умело, что она только диву давалась. И выходило все это у него настолько естественно, так что она даже подумала про себя: а ведь мужчины из других краев, выходит, и в домашней работе куда более ловкие и умелые, чем здешние, с Болот. И говорить с этим Хоком было легко, и она даже немножко рассказала ему о своем постояльце, поскольку о себе-то ей вроде бы и рассказывать было нечего.

— Вот так они всегда! — возмущалась она. — Используют человека, а потом его же и ославят. А ведь Отак им такую большую помощь оказал! Несправедливо это!

— Так он, может, напугал их чем-нибудь?

— Да, наверное. Тут ведь что получилось: один целитель — он у нас тут бывал и раньше, да толку от него особого не было, я так скажу, — заявил Отаку: ты, мол, у меня работу перехватил. А сам-то мою корову, у которой вымя спеклось, два года назад так вылечить и не сумел! Да и мазь, которой он ее лечил, это самый обыкновенный свиной жир, поклясться могу! Ну так вот, повздорили они, и, возможно, Отак ему что-нибудь в том же духе ответил. В общем, оба разозлились и начали какие-то нехорошие заклятия произносить. Во всяком случае, по-моему, Отак точно какое-то заклятие произнес, а потом вроде как передумал и тому, второму, никакого вреда не причинил, зато сам взял да и рухнул замертво. А теперь не помнит даже, что между ними произошло. А тот колдун сразу сбежал совершенно невредимый, хоть его и вывернуло наизнанку. В деревне-то говорят, что все животные, которых Отак лечил или хотя бы коснулся, живы и здоровы. Десять дней он на восточных болотах провел! На ветру, под дождем! И все быков лечил. А знаешь, сколько ему хозяин этих быков заплатил? Шесть медных грошей! Чего ж тут удивительного, что Отак немного рассердился? Хотя, я бы не сказала... — Она вдруг умолкла, но потом, словно решившись, продолжила: — Я бы не сказала, что и сам он вполне нормальный. Иногда он вроде как не в себе бывает. Ну, как все ведьмы и колдуны, наверное. Не знаю, может, так оно и должно быть, раз они с такими силами дело имеют. Но человек он настоящий, хороший человек. И

добрый.

— Хозяюшка, — сказал Хок, — можно я тебе историю одну расскажу?

— Ой, так ты сказитель? Что ж ты сразу-то не сказал! А я все думаю, чего это человек по дорогам скитается в холод да в непогоду? А конь у тебя знатный! Я сперва даже решила, что ты купец, а сюда просто случайно забрел. А свою историю ты мне Расскажи. Это для меня такая радость, что лучше и не придумаешь! И чем длиннее она будет, тем лучше. Но только сперва супу поешь, а я пока усядусь как следует и приготовлюсь слушать.

— По правде-то, я сказитель не настоящий, — сказал он, ласково ей улыбаясь, — но одна интересная история для тебя у меня точно найдется. — И он, покончив с супом, принялся рассказывать, а Гифт внимательно его слушала, устроившись рядом со своим вечным шитьем.

— Во Внутреннем море, на Острове Мудрых, то есть на острове Рок, где учат всем видам магии и волшебства, есть девять Мастеров... — начал Хок, и Гифт даже глаза закрыла от удовольствия.

Он перечислил их всех: Мастера Ловкая Рука и Мастера Травника, Мастера Заклинателя и Мастера Путеводителя, Мастера Ветродуя и Мастера Регента, Мастера Ономатета и Мастера Метаморфоза, а также Мастера Привратника.

— Особенно опасными могут оказаться те искусства, которым учат Метаморфоз и Заклинатель, — продолжал Хок. — Может, ты кое-что слышала об искусстве Истинных Превращений? Иногда даже самый обычный колдун умеет создать иллюзию, или ненадолго превратить одну вещь в другую, или сменить собственное обличье. Ты никогда этого не видела, хозяйюшка?

— Нет, только слышала, что такое бывает, — прошептала она.

— А некоторые ведьмы и колдуны уверяют, что способны призывать мертвых или говорить их устами. Скажут такое, например, родителям умершего ребенка, которые о нем плачут и горюют, и вот в хижине ведьмы, в полной темноте, несчастные родители вдруг слышат, как плачет или смеется их дитя...

Она кивнула.

— Но это всего лишь иллюзии, так называемые Заклятия подобия. Правда, есть и другие, Истинные заклЯтия, с помощью которых действительно можно изменять свое обличье и сущность, а также — призывать к себе и живых и мертвых. Но этими заклЯтиями может пользоваться только настоящий волшебник, и они могут порой стать для него страшным искушением. Это ведь так чудесно, парить в небесах на крыльях сокола и видеть далеко под собой землю!.. Ну а умение призывать

к себе людей и их души, основанное на знании Истинных имен, дает великую власть над людьми! Ибо знать Истинное имя человека — значит уже обладать над ним властью, как ты, наверное, и сама знаешь, хозяйюшка. Искусство Мастера Заклинателя заключается, прежде всего, именно в этом. И как это прекрасно и удивительно, когда волшебник способен вызвать образ или душу кого-то, давно умершего, например, увидеть Эльфарран в садах острова Солеа такой, какой ее некогда увидел Морред...

Голос Хока звучал совсем тихо и как-то таинственно.

— Итак, вернемся к моей истории. Более сорока лет назад на богатом острове Арк, что находится во Внутреннем море к юго-востоку от острова Семел, родился мальчик. Этот мальчик был сыном помощника управляющего в замке самого правителя Арка, и отец его бедняком, конечно, не был, но и особого богатства тоже не нажил. К сожалению, родители мальчика умерли рано, и никто на него особого внимания не обращал, пока не пришлось все же это сделать, ибо оказалось, что ребенок этот особенный и способен на многое. Во-первых, он был совершенно несносным шалуном, а во-вторых, обладал незаурядной магической силой. Он мог, например, зажечь огонь или погасить его с помощью одного лишь слова. Он мог заставить горшки и сковородки летать по кухне, как летают птицы, или превратить мышь в голубя. А если его нарочно сердили или пугали, он мог причинить обидчику и настоящее зло. Взял, например, да и заставил чайник с кипятком подпрыгнуть и опрокинуться на повара, который мальчишку недолюбливал и плохо с ним обращался.

— Минуй нас! — прошептала Гифт. Она так и не сделала ни единого стежка с тех пор, как Хок начал свой рассказ.

— Он был всего лишь непослушным и одиноким ребенком, а у волшебников, служивших тому лорду, не хватило мудрости и доброты по отношению к нему, — возразил Хок. — А может, они просто его боялись. И потому связывали ему руки и затыкали рот кляпом, чтобы он не мог произнести никаких заклинаний; они запирали его в каменном подвале и держали там, точно в тюрьме, до тех пор, пока не решили, что окончательно его приручили. Потом его сослали на конюшню и велели там жить. Дело в том, что он умел отлично ладить с любым животным и к тому же, находясь при лошадях, вел себя гораздо тише и спокойнее. Однако он все же умудрился вскоре поссориться с конюхом и превратил беднягу в кучу навоза. Когда тамошним волшебникам удалось вернуть несчастному конюху его прежнее обличье, они крепче связали мальчишку, заткнули ему рот, посадили на корабль и отправили на остров Рок, надеясь, что, может быть, тамошние Мастера сумеют его приручить.

— Бедный мальчик! — прошептала Гифт.

— Да, ты права, хозяйюшка, но моряки на корабле тоже боялись этого ребенка и до самого Рока держали связанным. Когда Мастер Привратник из Большого Дома увидел мальчика, то прежде всего развязал ему руки и вытащил изо рта кляп. И как ты думаешь, что сразу же сделал этот милый ребенок? Он перевернул знаменитый Длинный Стол в столовой вверх дном, сделал кислым пиво, а того ученика Школы, который попытался его остановить, на некоторое время превратил в свинью... Но достойного соперника он себе нашел только среди Мастеров.

Мастера его не наказывали, но старались все же связать его необузданные магические силы особыми заклятиями, пока он сам не начнет к кому-то прислушиваться и чему-то учиться. На это потребовалось немало времени. Однако ему был весьма свойствен дух соперничества, который и заставил его в итоге стремиться к знаниям и обрести все те умения и навыки, которыми он не владел, однако знания и опыт других он упорно воспринимал как некую угрозу, как вызов, как нечто такое, с чем ему обязательно нужно сражаться до тех пор, пока он не сумеет одержать верх. Там, на Роке, таких мальчиков много. Я тоже был таким. Но мне повезло. Я свой главный урок усвоил еще в ранней юности...

Итак, парнишка этот все-таки научился наконец усмирять свой гнев и как-то управлять своим, повторяю, незаурядным могуществом. Он действительно был на редкость талантлив. Какое бы магическое искусство он ни изучал, все ему давалось легко, даже слишком легко, так что он с презрением относился к «такой ерунде», как создание иллюзий или заклинание ветров; даже к целительству он не мог относиться серьезно, потому что всеми этими искусствами он овладел в два счета, они совершенно его не пугали и не бросали ему вызов. Да он, собственно, и не стремился как следует овладевать ими: они ему были не интересны. Так что, когда Верховный Маг Неммерль нарек его Истинным именем, он устремил все свои помыслы на овладение великим и опасным искусством Истинных Заклятий. И долгое время изучал это искусство с Мастером Заклинателем.

Он не стремился покинуть остров Рок, ибо именно там накапливаются и хранятся знания обо всех магических искусствах и умениях. У него даже никогда не возникало желания путешествовать или знакомиться с другими людьми. Не было у него желания и посмотреть мир — он утверждал, что может весь этот мир запросто призвать к себе! И, по правде сказать, это действительно было так. И это, возможно, одна из главных опасностей искусства Истинных Заклятий.

Теперь вот о чем: любому Заклинателю, как и любому волшебнику вообще, запрещается призывать чью-либо живую душу. Да, мы действительно способны это сделать. И нам разрешается посылать к кому-то свой голос, свой образ или даже собственную душу, но живую человеческую душу мы к себе не призываем никогда! Ни душу, ни самого этого человека во плоти. Мы можем призывать только мертвых. Только тени покойных из их сумеречной страны. Тебе и самой легко догадаться, почему так должно быть. Призвать к себе живого человека или его живую душу — значит, проявить свою полную власть над ним. Тогда как никто, каким бы могущественным, мудрым и великим человеком и волшебником он ни был, не имеет права властвовать над душой другого человека, использовать ее в своих целях.

Однако в том парнишке, по мере того как он вырослел, все сильнее становился дух соперничества. Этот дух вообще очень силен на острове Рок: молодому человеку всегда хочется быть лучше других, всегда хочется быть первым... И вот искусство превращается в соревнование, в игру, а конечный результат познания становится всего лишь средством для достижения собственной цели, как бы принижая само данное искусство. На острове Рок в те времена не было человека более одаренного, чем этот юноша, но тем не менее он всегда очень тяжело переживал, если кому-то удавалось сделать что-то лучше, чем он. И это стало постоянным источником его тревоги и раздражения.

Когда он закончил Школу, то для него не нашлось места среди ее Мастеров, поскольку новый Мастер Заклинатель к этому времени уже был избран; это был сильный человек, еще достаточно молодой, в самом расцвете сил, и не похоже было, чтобы он в ближайшем будущем собрался в отставку или умер. Среди собравшихся в Школе ученых и волшебников этот молодой человек занимал достаточно почетное место, но в знаменитую Девятку не вошел и, видимо, считал себя обойденным. Возможно, к тому же для него было не слишком полезно постоянно находиться в обществе волшебников, магов и их учеников, ибо каждый из них стремился к власти и постоянно приумножал свое могущество, желая непременно быть сильнейшим. В общем, так или иначе, а с годами он все больше отдалялся от них, не общаясь при этом и с обычными людьми, и почти постоянно жил, занимаясь какими-то своими исследованиями, в Одинокой Башне, стоявшей в отдалении от Большого Дома; он мало кого брал в ученики и в обществе других по большей части молчал. Правда, Мастер Заклинатель все же посылал к нему особо одаренных юношей, но многие ученики Школы вообще ничего или почти ничего о нем не знали. И

вот постоянное уединение привело к тому, что он начал практиковаться в некоторых магических искусствах, которыми вообще заниматься не следовало бы, ибо это почти всегда приводит к весьма печальным последствиям.

Любой настоящий заклинатель в итоге привыкает к тому, что может приказывать духам и теням являться по первому же его зову и делать то, что он скажет. Возможно, и этот молодой волшебник стал думать примерно так же, а потом решил: а почему бы мне не попробовать то же самое с живыми людьми? Зачем мне дано такое могущество, если я не имею права им воспользоваться? И он начал призывать к себе души живых людей, и в первую очередь души тех обитателей острова Рок, которых опасался, считая их своими соперниками и завидуя их силе. А призвав их души, он отнимал у них силу и присваивал ее, а их заставлял молчать. И после этого они даже сказать не могли, что же с ними случилось и куда подевалось их волшебное мастерство: они этого не помнили.

И однажды он сумел призвать даже душу своего собственного учителя, Мастера Заклинателя, застигнув его врасплох.

Но Мастер Заклинатель все же оказал ему сопротивление. Это был настоящий поединок магов, и Мастеру Заклинателю пришлось позвать на помощь меня, и я, конечно же, ему на помощь пришел, и мы вместе сражались с тем невероятно могучим проявлением воли и духа, которое грозило попросту нас уничтожить...

За окнами сгустилась ночная тьма. Светильник на столе мигнул и погас, и теперь лицо Хока освещали лишь красноватые отблески пламени очага. И лицо это сейчас показалось Гифт совсем иным, чем прежде: более старым, изможденным, а черты его стали еще более резкими; и на одной щеке она разглядела вдруг чудовищные шрамы. В эти мгновения он был удивительно похож на ястреба. Однако, глядя на него и удивляясь, она продолжала сидеть молча и совершенно неподвижно, точно замороженная, и напряженно слушала его рассказ.

— Такой истории никто из сказителей тебе не расскажет, хозяйюшка, — заметил он, мельком глянув на ее взволнованное лицо. — Да и кто-то другой вряд ли знает что-либо подобное.

— В те годы, — продолжил он свое повествование, — я только что стал Верховным Магом Земноморья и был даже моложе того волшебника, с которым мы сражались, а потому, возможно, несколько его недооценивал. И нам с Мастером Заклинателем пришлось противопоставить всю свою волю и все свое могущество его воле и могуществу — и все это происходило в тиши Одинокой Башни, в одном из самых потаенных ее уголков, и никто

даже не знал, что именно там происходит. Наше сражение с ним было долгим, очень долгим, и в итоге он не выдержал, сломался. Сломался, как ломается палка. И все же, сломленный, сумел бежать! И Мастер Заклинатель был не в силах что-либо сделать, ибо сперва попусту растратил слишком много сил, пытаясь в одиночку преодолеть воздействие на него слепой воли противника. Да и у меня в тот момент не хватило ни сил, чтобы остановить того человека, ни ума, чтобы послать кого-нибудь за ним вдогонку. И ему удалось скрыться с острова Рок. И исчезнуть.

Мы не смогли скрыть от Мастеров, что нам пришлось выдержать с этим волшебником жестокую битву, после которой ему удалось бежать. Но мы рассказали о поединке так скупно, что многие в Школе решили: ну и хорошо, что его здесь больше нет; он и так был, похоже, не в своем уме, а теперь, видно, совсем с ума сошел!

Но мы с Мастером Заклинателем, с трудом сумев залечить те раны, которые были нанесены нашим душам, и преодолеть ту непреодолимую душевную тупость и телесную слабость, которые являются неизбежным следствием подобных сражений, оба полагали, что очень опасно, когда волшебник, наделенный таким невероятным могуществом, скитается по Земноморью, утратив стыд и совесть, а возможно — и рассудок; или, может быть, сгорая от стыда, или испытывая бессильный гнев, или одержимый желанием мстить.

Мы не смогли обнаружить его следов ни на одном из островов. Он, без сомнения, покинул Рок в обличье птицы или рыбы и не менял этого обличья, пока не нашел себе подходящего убежища. А надо тебе знать, хозяйюшка, что настоящий волшебник способен к тому же скрыться от любого ищущего заклятия. Мы повсюду наводили справки о нем — мы хорошо умеем это делать, — но никто ничего о таком человеке не знал, и никаких сведений о нем мы так и не получили. Пришлось пуститься на поиски самим: Мастер Заклинатель отправился на восточные острова, а я — на западные. Ибо при мысли об этом человеке перед моим внутренним взором всегда почему-то возникала огромная гора, похожая на конус со сломанной верхушкой, и просторная зеленая долина, раскинувшаяся у ее подножия с южной стороны. Я припомнил уроки географии, которые мне еще в детстве давали в Школе Рок, припомнил расположение острова Семел и его главную гору Анданден, и вскоре оказался на вашем острове. А потом добрался и до Верхних Болот. И, по-моему, направление было выбрано мною правильно.

Он умолк. В наступившей тишине был слышен лишь шепот огня в камине.

— Мне поговорить с ним? — спросила Гифт очень спокойно.

— Нет, не нужно! — ответил он резко и каким-то пронзительным голосом, похожим на крик ястреба. — Я сам! — И он произнес одно лишь слово: «Ириотх».

Гифт посмотрела на дверь спальни и увидела, что дверь отворилась как бы сама собой и на пороге показался Отак, худой, изможденный, а в его темных глазах, еще совсем сонных, сквозят растерянность и боль.

— Это ты, Гед, — промолвил он и поклонился. А потом вдруг гордо вскинул голову и спросил: — Ты отнимешь у меня мое Имя?

— С какой стати?

— Оно всем приносит только горе и боль. В нем слишком много ненависти, гордости, алчности...

— Все это я отниму у тебя, Ириотх. Но только не твое Имя.

— Я просто не понимал тогда... — сказал Ириотх. — Я даже не задумывался — насчет остальных.... Мне и в голову не приходило, что они просто ИНЫЕ. Хотя все мы ИНЫЕ по отношению друг к другу. Собственно, люди и должны быть такими. Я был не прав, Гед.

И тот, кого он назвал Гедом, подошел к нему, взял его руки, протянутые в немой мольбе, в свои и сказал:

— Ты пошел неверным путем, Ириотх. Но ты вернулся. А сейчас ты просто очень устал. Ведь этот путь, когда идешь по нему один, страшно тяжел и труден. Хочешь, вернемся вместе домой?

Ириотх стоял, уронив голову на грудь, точно все силы разом покинули его, как только спало напряжение. Казалось, вся страстность его натуры вдруг улетучилась, и все же он вдруг поднял голову и нашел взглядом — нет, не глаза Геда, а глаза Гифт, которая молча стояла в уголке у камина.

— У меня здесь еще работа осталась несделанной, — промолвил он.

Гед тоже посмотрел на нее.

— Это правда, — подтвердила она. — Он наш скот лечит.

— Они показали мне, что я должен делать, — сказал Ириотх. — И дали понять, кто я такой. Они знают мое имя. Но никогда его не произносят.

Несколько мгновений прошли в молчании, потом Гед нежно привлек к себе Ириотха и что-то тихонько сказал ему на ухо. Когда же он выпустил его из своих объятий, Ириотх глубоко вздохнул с явным облегчением и сказал:

— Видишь ли, Гед, ТАМ я ни к чему. А здесь я очень нужен. Если, конечно, сами люди позволяют мне делать для них эту работу. — Он снова посмотрел на Гифт, и Гед тоже на нее посмотрел. Она переводила взгляд с

одного на другого.

— Ну а ты что скажешь, Эмер? — спросил у нее тот из них, что был так удивительно похож на ястреба.

— А я вот что скажу!.. — промолвила она странно тоненьким, каким-то неуверенным голосом, обращаясь к Ириотху. — Если быки Олдера эту зиму переживут и останутся здоровыми, то по всей округе хозяева скота будут просто на коленях молить тебя остаться! Хотя скорее всего любить тебя они не будут никогда.

— Колдунов никто не любит, — сказал Верховный Маг. — Ну что ж, Ириотх! Неужели я проделал столь долгий путь да еще в самую стужу, только чтобы отыскать тебя и вернуться назад в одиночестве?

— Скажи им... скажи им, что я был не прав, — промолвил Ириотх. — Скажи, что я стыжусь своих поступков. А Ториону скажи... — и он смущенно умолк.

— Я скажу ему, что превращения, которые человеческая натура испытывает в течение своей жизни, бывают порой куда сложнее всех известных нам магических превращений, ибо природа мудрее всей нашей искусственной премудрости и всех наших знаний, — сказал Верховный Маг. И снова посмотрел на Эмер. — Может он здесь остаться, хозяйюшка? Совпадает ли это его желание с твоим?

— Для меня он в десять раз лучше, чем мой родной брат! — сказала она. — И он человек добрый и честный, как я и говорила, господин мой. А уж пользы от него всем — и не перескажешь!

— Ну что ж, прекрасно. Прощай, Ириотх, дорогой мой товарищ, учитель, соперник и друг! Прощай! А тебе, Эмер, храбрая женщина, я низко кланяюсь в знак глубочайшего уважения и огромной благодарности. И пусть мир царит в твоём сердце и в твоём доме, — и он сделал рукой странный жест, после которого в воздухе над очагом возник и не сразу растаял какой-то светящийся знак. — А теперь я, пожалуй, пойду к себе в коровник и немного посплю. — И он действительно отправился напрямик в коровник.

Когда за ним закрылась дверь, снова наступила полная тишина, только по-прежнему шептал что-то огонь в камине.

— Иди-ка поближе к огню, — сказала Гифт Ириотху. Тот послушно подошел и уселся на сундук.

— Неужели это сам Верховный Маг был? Правда?

Он кивнул.

— Верховный Маг Земноморья спит на сеновале в моем коровнике!.. — ужаснулась она. — Мне бы следовало уступить ему свою

постель!

— Он бы ни за что не согласился, — сказал Ириотх.

И она поняла, что это действительно так.

— Какое у тебя имя красивое! — сказала она, немного помолдав. — Ириотх! А я вот никогда не знала, каково Истинное имя моего покойного мужа. И он моего не знал. Ты не бойся, я твое имя больше вслух произносить не стану! Но знать мне его очень приятно, тем более что и ты мое знаешь.

— У тебя очень красивое имя, Эмер, — сказал он. — И я с удовольствием стану его произносить, если ты сама этого захочешь, конечно.

Стрекоза[3]

I. Ирия

Предки ее отца владели обширными плодородными угодьями на большом и богатом острове Уэй. Не требуя ни титулов, ни придворных привилегий от тех правителей, что, сменяя друг друга, захватывали королевский трон в мрачный период, последовавший за падением Махариона, эти независимые лорды твердой рукой правили своими землями и своими людьми и полученный доход, согласно старинной традиции, снова вкладывали в землю. Они старались поддерживать в своих владениях хотя бы относительную справедливость и порядок и тем самым уже противостояли лживым тиранам, захватившим власть на островах Архипелага. Когда же Земноморьем стали править Мудрецы с острова Рок, вернувшие людям мир и покой, эта старинная семья с острова Уэй и находившиеся в ее владениях крестьянские селенья стали даже процветать. Благоденствие этого края, который назывался Ирия, а также красота тамошних полей, высокогорных пастбищ и покрытых дубовыми рощами холмов даже породили поговорки «тучный, как коровы Ирии», или «удачливый, как житель Ирии». Хозяева и многочисленные арендаторы прибавляли название этого края к своему имени, и каждый с гордостью называл себя «ириан», что значит «житель Ирии». Но хотя тамошние земледельцы и пастухи из поколения в поколение старательно передавали накопленные знания и умения и воспроизводили себе подобных сыновей и внуков с тем же постоянством, что и дубы на холмах, знатное семейство, члены которого владели этими землями, сменяя друг друга, постепенно

приходило в упадок, утрачивая былую удачливость, независимый нрав и стремление к порядку.

Однажды ссора, разгоревшаяся между двумя братьями из-за наследства, окончательно расколола семью, а потом один из братьев пустил по ветру свою долю наследства из-за собственной глупости, а второй — из-за непомерной жадности. У одного из этих братьев была дочь, которая вышла замуж за купца, переехала в столицу и попыталась оттуда управлять помещьем, что получалось у нее, разумеется, плохо. У второго же брата был сын, сыновья которого впоследствии тоже поссорились между собой, пытаясь поделить заново уже поделенные между ними земли. К тому времени, как родилась героиня этой истории, которую все звали Стрекоза, тот благодатный край, что носил название Ирия, по-прежнему оставаясь одним из самых прелестных уголков Земноморья благодаря своим холмам, полям и лугам, превратился в настоящее поле брани, где велись бесконечные междуусобицы и тяжбы. Вскоре крестьянские поля покрылись сорняками, а дома арендаторов стояли без крыш; коровники опустели, а пастухи увели свои стада далеко за гору в поисках лучших пастбищ. Старинный господский дом, некогда бывший средоточием жизни всего края, совершенно обветшал, но все еще возвышался на холме среди дубов.

Теперь его владельцем стал один из четырех братьев, которые называли себя хозяевами Ирии. Впрочем, остальные трое братьев называли четвертого — желая быть совершенно точными — «хозяином Старой Ирии». Этот человек все свои молодые годы провел в столице острова, Шелитхе — в судах и приемных правителей, истратив там большую часть полученного им наследства и пытаясь доказать законность своих прав на земли всего края. Но стать хозяином всей Ирии ему так и не удалось. Домой он вернулся, потерпев полное поражение, исполненный горечи, и оставшиеся годы жизни провел, усердно попивая крепкое красное вино со своего последнего виноградника или обходя пешком границы своих владений в сопровождении целой стаи недокормленных и неухоженных псов, которых держал для того, чтобы всегда иметь возможность прогнать непрошенных гостей, если те вольно или невольно вторглись на его земли.

Еще в Шелитхе, тщетно обивая пороги приемных и судов, он успел жениться, но о его жене в самой Ирии абсолютно ничего известно не было, ибо она была родом с другого острова, по слухам, откуда-то с дальнего запада, а в самом имении так ни разу появиться и не успела, потому что умерла при родах еще в столице.

Когда же хозяин Старой Ирии вернулся домой, с ним приехала и его трехлетняя дочка. Он поручил ее заботам своей экономки и напроць забыл

о девочке, вспоминая о ней, только изрядно напившись. Если в такой день ему удавалось разыскать малышку, то он заставлял ее часами стоять возле его кресла или сидеть у него на коленях и слушать горестные рассказы о тех несправедливостях, которые выпали на его долю по вине других людей. Он ругался, кого-то проклинал, кричал, снова пил вино и девочку тоже заставлял пить и все требовал, чтобы она поклялась беречь и чтить свое наследство. Стрекоза с отвращением глотала вино, но все эти проклятия в адрес «нечестных людей», требование «чтить наследие предков», ханжеские слезы и слюнявые нежности просто ненавидела и удирала от отца при первой же возможности. Она куда лучше чувствовала себя в обществе собак, лошадей и коров. И этим животным она клялась, что всегда будет верна памяти своей бедной мамочки, которой никто здесь не знал и которую даже отец толком не помнил.

Когда Стрекозе исполнилось тринадцать, старый виноградарь и экономка, единственные слуги, что еще остались в поместье, пришли к своему хозяину и сказали, что девочку пора наречь Истинным именем. Но когда они спросили, не послать ли за колдуном, который жил довольно далеко, за Западным Прудом, или сойдет и местная колдунья, хозяин Старой Ирии вдруг невероятно разъярился и завизжал:

— Деревенская ведьма? Эта старая карга наречет именем дочь лорда и наследницу Ирии? Или, может, сюда явится какой-то вонючий колдун-предатель, прислужник тех ворюг, что украли Западный Пруд еще у моего деда? Да если этот хорек осмелится ступить на мою землю, я на него собак спущу — пусть ему печень вырвут! Так ему можете и передать! — Он еще долго орал и кипятился, так что в итоге старая Дейзи просто вернулась к себе на кухню, а старый Кони — на виноградник. Что же касается тринадцатилетней Стрекозы, то она выбежала из дома и помчалась в деревню, раскинувшуюся у подножия холма; за нею следом, ошалев от возбуждения, лая и виляя хвостами, неслась стая собак, которых она пыталась прогнать обратно домой с помощью далеко не самых «благородных» выражений, которых набралась у отца.

— Вернись немедленно, ты, сука неблагодарная! — вопила она. — Домой, предатель ползучий! — И собаки в конце концов действительно ее послушались и побрели к дому, опустив виновато хвосты.

Стрекоза застала деревенскую ведьму за весьма неприятным занятием: та извлекала червей из загноившейся раны на овечьем огузке. Обычно эту ведьму все звали просто Роза; это было очень распространенное имя на островах Архипелага. Люди, Истинное имя которых таит в себе магическую силу, как бриллиант таит внутри себя свет, часто предпочитают

для себя в быту самые расхожие, самые заурядные имена.

Роза бормотала какое-то заклятие, способствующее заживлению гнойных ран, но основную часть работы делали все же ее умелые руки и ее острый маленький ножичек. Ярка молча терпела эти ковыряния ножом в своей ране, и ее непроницаемые янтарные глаза смотрели тупо, точно куда-то по ту сторону происходящего; она лишь временами вздыхала от боли и топала маленьким копытцем левой передней ноги.

Стрекоза долго и внимательно наблюдала за работой ведьмы. Роза извлекла червя, бросила на землю, плюнула на него и снова принялась копать в ране. Девочка обняла овцу за шею, желая ее утешить, и овца тоже благодарно прижалась к ней; обеим так было намного спокойнее. Наконец Роза вытащила последнего червяка, тоже бросила на землю, несколько раз плюнула сверху и сказала Стрекозе:

— А теперь подай-ка мне вон то ведро. — Она хорошенько промыла рану соленой водой, и овца, вздохнув еще тяжелее, пошла прочь со двора. Медицина ей явно порядком надоела. — Эй, Баки! — крикнула Роза. Какой-то чумазый малыш вынырнул из-под куста, где, видимо, сладко спал, и потащился за овцой, о которой якобы должен был заботиться, хотя овца эта была значительно старше, крупнее и, возможно, мудрее его.

— Говорят, надо, чтобы ты дала мне имя, — сказала Стрекоза. — А отец страшно разозлился. Вот я и пришла сама.

Ведьма ничего ей не ответила. Она знала, что девочка права. Но когда хозяин Старой Ирии говорил, что именно отныне он будет разрешать или запрещать, то больше уж никогда своего решения не менял, гордясь собственной твердостью, ибо, согласно его мнению, только слабые люди способны сперва что-то утверждать, а потом отказываться от своих слов.

— А почему я не могу дать себе имя сама? — спросила Стрекоза, пока Роза мыла нож и руки в соленой воде.

— Этого делать нельзя.

— Но почему? Почему имя человеку обязательно должны давать ведьмы или колдуны? Что в вас такого особенного?

— Значит, так... — начала Роза и выплеснула соленую воду на грязный двор прямо перед крыльцом. Дом ее, как и у большинства ведьм, стоял несколько в стороне от деревни. — Значит, так, — повторила она, озираясь с таким странным видом, словно что-то ищет и не находит — то ли ответ на вопрос Стрекозы, то ли потерявшуюся овцу, то ли просто полотенце, — следовало бы тебе все-таки кое-что знать о магических силах и умениях колдунов и ведьм, ты ведь уже большая! — И она наконец посмотрела прямо на Стрекозу, правда, только одним глазом, потому что

второй ее глаз смотрел куда-то в сторону, во всяком случае, не на Стрекозу. Иногда девочке казалось, что косит у Розы левый глаз, а иногда — что правый, но почему-то всегда один ее глаз смотрел прямо, а второй высматривал что-то невидимое то ли за углом, то ли вообще неизвестно где.

— О каких силах и умениях?

— О таких! — вдруг рассердилась Роза и вдруг ушла в дом — в точности как та ее овца со двора. Стрекоза последовала за ней, но остановилась на пороге: нельзя входить в дом ведьмы без приглашения.

— Ты же говорила, что сила у меня есть! — крикнула девочка куда-то в вонючую полутьму.

— Да, говорила. В тебе есть сила, и очень большая, — донеслось из глубины хижины. — И ты тоже об этом знать должна. Но того, что тебе предстоит в жизни, не знаем ни я, ни ты. Это сперва нужно выяснить. Но для этого нужна особая сила, которой в тебе нет. Только она позволяет давать людям их подлинные имена. Но ВЗЯТЬ себе имя не может никто!

— А почему? Ведь что может быть ближе человеку, чем его собственное имя?

Последовало длительное молчание. Стрекоза терпеливо ждала на крыльце.

Наконец ведьма вынырнула из своей норы с веретеном, сделанным из мыльного камня, и клубком грязноватой шерсти. Она уселась на скамеечку, стоявшую у дверей, запустила веретено и спряла довольно большой кусок серо-коричневой пряжи, прежде чем ответила:

— Твое имя — это как бы ты сама. Это твоя сущность, верно? Но раз так, то что такое имя? Это слово, которым тебя называют другие. А если бы вокруг не было никого, кроме тебя самой, то для чего тебе нужно было бы какое-то имя?

— Но ведь... — Стрекоза начала было возражать, но тут же умолкла: крыть ей было нечем. Подумав немного, она спросила: — Значит, имя — это вроде как чей-то дар?

Роза кивнула.

— Ну так подари мне мое имя, Роза, пожалуйста! — попросила девочка.

— Твой отец не разрешает.

— А я разрешаю!

— Он здесь хозяин.

— Ну и пусть! Он может лишить меня наследства и сделать меня нищей, может оставить меня глупой, необразованной и совершенно

никчемной, но он же не может оставить меня безымянной!

Ведьма тяжело вздохнула — снова в точности как та овца, вынужденная смириться.

— Сегодня ночью, — твердо сказала ей Стрекоза. — На берегу речки под горой Ирия. То, чего отец не знает, ему совершенно безразлично. А он ни о чем и не узнает. — Голос у нее звучал чуть хрипловато от волнения, но в нем чувствовалась неколебимая уверенность в своей правоте.

— Тебе бы следовало иметь настоящий День Наречения Именем, как у всех молодых! — горестно качая головой, сказала ведьма. — Настоящий праздник, с пиром и танцами. Имя дают обычно на рассвете, а потом все должны радоваться и веселиться, чтобы надолго запомнить этот день. А красться в ночи, чтобы никто ничего не знал, совершенно не годится!

— Ничего, я этот день и так навсегда запомню, — сказала Стрекоза. — А откуда ты знаешь, какое именно слово нужно произнести, Роза? Тебе что, вода нашептывает?

Ведьма резко мотнула своей седой головой.

— Этого я тебе сказать НЕ МОГУ. — Ее «не могу» прозвучало совсем не как «не хочу» или «никогда не скажу», и Стрекоза молча ждала объяснений. — Это ведь и есть та самая сила, про которую я говорила. Ты вдруг просто чувствуешь ее в себе, и все. — Роза остановила веретено и одним глазом посмотрела на облако, висевшее над западным краем земли, а второй ее глаз уставился чуть ли не на север. — Вас там будет как бы двое: ты — взрослая и ты — дитя. И ты просто сбросишь с себя свое детское имя и станешь совсем взрослой. Другие, конечно, могут продолжать звать тебя прежним именем, но на самом деле это будет не твое имя. Да и никогда им не было, как ты теперь уже знаешь. А когда ты сбросишь свое детское имя, то на время становишься как бы безымянной. Ты более не дитя, имени у тебя нет, ты стоишь в воде и ждешь. И вроде как раскрываешь свою душу. Так распахивают настежь дверь навстречу ветру, желая как следует проветрить дом. И тут оно приходит к тебе само. И твой язык сам выговаривает его. Это и есть твое настоящее имя. Ты не можешь его придумать. Ты должна позволить ему прийти к тебе. Но сперва оно должно пройти сквозь меня и сквозь воду и только потом попасть к той, кому предназначается. Вот какова эта сила, и приблизительно так она действует. Собственно, сама я тоже не делаю почти ничего. Но я должна знать, как позволить этому волшебству случиться. В этом-то и заключено мое мастерство.

— Волшебники умеют гораздо больше! — сказала девочка, помолчав.

— Никто не может сделать больше, чем назвать человека его

Истинным именем, — спокойно возразила Роза.

Стрекоза так сильно потянулась, что затрещали шейные позвонки, и, собираясь встать, снова спросила:

— Ну так дашь мне имя?

И Роза, хотя и не сразу, но все же согласно кивнула.

Они встретились глубокой ночью на тропинке под горой Ирия, когда до рассвета было еще далеко. Роза зажгла неяркий волшебный огонек, чтобы можно было пробраться к реке и не упасть в какой-нибудь заросший тростниками бочажок — местность была болотистая. В холодной ночи при свете немногочисленных звезд, ибо большую их часть скрывала темная тень горы, ведьма и девочка разделись и вошли в мелкую речку; ноги вязли в мягком иле, скопившемся на дне. Потом ведьма коснулась руки девочки и сказала:

— Дитя, я отнимаю у тебя твое имя! Ты более не дитя, и у тебя нет имени.

Некоторое время вокруг стояла мертвая тишина, затем ведьма прошептала:

— Да будешь ты наречена именем, женщина! Теперь ты — Ириан!

Еще несколько мгновений они стояли в воде совершенно неподвижно, в полной тишине, а потом вдруг вздохнул ночной ветер, коснулся их обнаженных плеч, и они, дрожа от холода, побрели обратно на берег. Там они вытерлись хорошенько и босиком, чувствуя себя бесконечно усталыми, потащились, спотыкаясь о сплетенные корни тростника, к тропинке. И там Стрекоза, уже не скрывая бешеного гнева, прошептала ведьме:

— Как ты могла наречь меня таким именем!

Ведьма ничего ей не ответила.

— Ты все сделала неправильно! Мое Истинное имя совсем не такое! Я думала, что, узнав свое имя, я сразу почувствую и свою сущность. Но то имя, которое дала мне ты, все только испортило! Ты что-то неправильно расслышала, Роза. Ты ведь всего лишь деревенская ведьма, и ты все сделала неправильно! Это ЕГО имя. Отца. Это он может иметь такое имя. Он бы так им гордился! Как гордится своим дурацким именем, своим дурацким дедом!.. А я такого имени не хочу! И не стану его носить. Это же не я! Я по-прежнему не знаю, кто я такая, но я — не Ириан! — И она вдруг умолкла, нечаянно произнеся свое имя вслух.

А ведьма по-прежнему молчала. Они шли рядом по тропинке в полной темноте. Наконец, испуганным голосом, точно пытаясь задобрить девочку, Роза сказала:

— Но оно само пришло ко мне...

— Если ты его когда-нибудь кому-нибудь скажешь, я тебя убью! — пообещала ей Стрекоза.

И тут ведьма вдруг остановилась и прошипела, точно разъяренная кошка:

— СКАЖУ кому-нибудь?

Стрекоза тоже остановилась. И сказала, помолчав:

— Прости. Но у меня такое чувство... словно ты меня предала.

— Я назвала тебе твоё Истинное имя! Оно оказалось не таким, как я думала. И мне от этого тоже не по себе. Словно я что-то не закончила, не доделала... Но это твоё Истинное имя, Стрекоза! И если оно предаст тебя — что ж, такова, значит, его сущность. — Роза поколебалась и заговорила уже не так горячо и сердито, но более холодно и спокойно: — Если же ты хочешь иметь надо мной власть, чтобы быть способной предать меня, Ириан, то я тебе эту власть дам. Знай: моё Истинное имя — Этаудис!

Снова вздохнул ветерок. Теперь обе дрожали так, что у них явственно стучали зубы. Они стояли рядом, но едва различали очертания друг друга. Стрекоза неуверенно протянула к ведьме руку, и во тьме её рука встретилась с её рукой. Они обнялись и долго не размыкали объятий. А потом поспешно двинулись дальше по тропе — ведьма в свою хижину на окраине деревни, а наследница Старой Ирии на холм, в свой запущенный полуразрушенный дом, где собаки, которые ночью выпустили её со двора безо всякого шума, сейчас встретили её таким радостным и восторженным лаем, что перебудили всех вокруг на расстоянии по крайней мере полумили, кроме самого хозяина дома, который как уснул пьяным сном у камина, так и валялся там прямо на полу.

II. Айвори

Берч, настоящий правитель области Ирия, что расположена на западном побережье острова Уэй, владельцем старинного дома и прилегающих к нему земель не являлся, зато владел центральной, самой богатой частью поместья. Его отец, который куда больше интересовался виноградниками и садами, чем бесконечными ссорами с родственниками, оставил Берчу в наследство эти прекрасные цветущие земли. Берч нанял людей, способных управлять всем этим хозяйством — фермами и виноградниками, винными бочками, перевозками и тому подобными делами, — а сам решил просто наслаждаться жизнью благодаря доставшемуся ему богатству. Он к тому же выгодно женился на

застенчивой девушке — дочери младшего брата лорда Уэйферта, правителя острова, — и ему доставляла бесконечное удовольствие мысль о том, что у его дочерей такая благородная кровь.

Согласно моде того времени представителям знати полагалось иметь среди своих слуг и настоящего мага с волшебным посохом и серым плащом, получившего образование на Острове Мудрых, и Берч, разумеется, тоже завел у себя в доме такого волшебника с острова Рок. Хотя сперва немного удивился тому, как легко оказалось это сделать, всего лишь заплатив требуемую сумму.

Молодой человек по имени Айвори на самом деле еще не успел получить свой посох и плащ; он объяснял это тем, что будет произведен в волшебники, как только вернется на Рок, а пока тамошние Мастера послали его в широкий мир для приобретения того жизненного опыта, который совершенно необходим настоящему волшебнику и которого не могут ему дать никакие занятия в Школе. Берч отнесся к этому заявлению весьма скептически, но Айвори заверил его, что за годы учения на Роке приобрел знания во всех областях магии и в доказательство создал иллюзию, будто целое стадо оленей пробегает по огромной столовой; потом прекрасные лебеди, махая великолепными крыльями, стаяй влетели в столовую сквозь южную стену, а вылетели — сквозь северную. И наконец посреди столовой возник серебряный бассейн, в центре которого бил фонтан, а когда волшебник предложил хозяину дома и членам его семейства отведать напиток, искрившийся в фонтане, и они осторожно наполнили свои кубки, то оказалось, что это какое-то дивное вино. «Это знаменитая „Андрадская лоза“,» — сказал молодой волшебник, скромно улыбаясь. К этому времени он уже успел полностью покорить жену хозяина и его дочерей, да и сам Берч тоже решил, что этот молодой человек вполне достоин столь высокого жалованья, хотя он, Берч, лично предпочитал сухое красное вино, так называемое фанийское, которое делали на его собственных виноградниках и которое, если выпить его достаточно, весьма неплохо кружило голову, тогда как желтоватый напиток в бассейне показался ему просто подслащенной медом водичкой.

Если молодой колдун Айвори и искал жизненного опыта, то ничего особенного, поселившись у Берча в Уэстпуле, он узнать о жизни не смог. Каждый раз, как у Берча бывали гости из устья реки Кембер или из соседних поместий, требовалось показать все то же стадо оленей, лебедей и фонтан с золотистым вином. Айвори, впрочем, выдумал еще несколько очень симпатичных трюков-фейерверков, которые хорошо было устраивать теплым весенним вечером в саду. Но когда управляющий садами приходил

к хозяину и спрашивал, не может ли его волшебник применить какое-нибудь заклятие, чтобы в этом году увеличить урожай груш или же с помощью своих чар приостановить развитие черной гнили, которой страдают виноградники на южном холме, Берч говорил: «Волшебник с Рока не может опускаться до таких мелочей. Ступайте к деревенскому колдуну и скажите ему, чтобы отрабатывал свой хлеб!» А когда младшая из дочерей Берча серьезно занемогла и непрерывно кашляла, ее мать не осмелилась беспокоить «мудрого Айвори» по столь незначительному поводу, а послала за целительницей Розой из Старой Ирии и попросила ее прийти к ним — хотя только через черный ход! — и сварить какое-нибудь снадобье или спеть исцеляющую песнь, чтобы девочка наконец выздоровела.

Айвори же и не заметил, что у хозяина больна дочь, что груши плохо плодоносят, что гниль губит виноградники. Он продолжал заниматься своими делами, как и должен образованный и искусный волшебник: целыми днями скакал верхом на хорошенькой вороной кобыле, которую предоставил ему Берч для необходимых разъездов, ибо он ясно дал хозяину понять, что прибыл сюда с Рока не для того, чтобы пешком месить пыль и грязь на деревенских дорогах.

Во время своих прогулок верхом он не раз проезжал мимо старого дома на холме, окруженного огромными дубами. Однажды он даже свернул было на дорогу, ведущую на холм, но целая стая тощих собак с оскаленными мордами, яростно лая и рыча, бросилась ему наперерез. Его кобыла, видно, очень боялась собак, она тут же встала на дыбы и уже готова была понести, так что Айвори поспешил прочь и после этого случая старался держаться подальше от старого дома на холме. Но все-таки в настоящей красоте он кое-что понимал, и ему очень нравился этот дом, точно уснувший в полдневной тиши раннего лета под пятнистой тенью дубовой листвы.

Айвори спросил у Берча, что это за дом, и тот ответил:

— Да это Ирия! То есть, я хотел сказать, Старая Ирия. По праву этот дом тоже принадлежит мне. Но после целого века междуусобиц и сражений мой дед, чтобы прекратить бесконечные ссоры, решил поступиться и этим домом, и прилегающими к нему землями. Хотя хозяин Старой Ирии до сих пор со мной из-за этого в ссоре. Впрочем, он чаще всего так пьян, что лыка не вяжет. Я, правда, его уже несколько лет не видел. У него, по-моему, еще дочь была.

— Ее зовут Стрекоза, и она все там сама делает, я ее сама в прошлом году один раз видела! Она высокая и очень красивая. Она похожа на большое цветущее дерево! — выпалила вдруг младшая дочь Берча, Роза,

которая была занята тем, что неустанно и весьма пристально наблюдала за всем вокруг и этими наблюдениями заполняла свою жизнь — все те четырнадцать лет, которые были отведены ей злосчастной судьбой. Сказав это, девочка закашлялась и умолкла. Ее мать бросила печальный и искательный взгляд на волшебника: ведь должен же он слышать, как ужасно кашляет дочка его хозяина? Волшебник улыбнулся юной Розе, и у матери радостно встрепенулось сердце. Конечно же, он не стал бы улыбаться так, если бы этот кашель означал что-то серьезное!

— В общем, эта старая развалюха к нам никакого отношения не имеет, — буркнул Берч с явным неудовольствием, и тактичный Айвори спрашивать больше не стал. Но ему захотелось увидеть ту девушку, что прекрасна, как «большое цветущее дерево». Он стал регулярно прогуливаться верхом мимо Старой Ирии. Несколько раз он заезжал и в деревню у подножия холма, пытался там задавать всякие вопросы, но в деревне толком и остановиться-то негде было, и никто на его вопросы отвечать не желал. Какая-то ведьма с бельмом на глазу только раз на него взглянула и тут же исчезла у себя в хижине. А подниматься наверх, к самому дому, он не решался, опасаясь этих безумных собак, а также возможной встречи с хозяином-пьяницей. Однако все же попробовать ему хотелось: во-первых, ему безумно наскучила однообразная жизнь в Уэстпуле, а во-вторых, он всегда любил риск. И однажды он все же стал подниматься к старому дому, несмотря на то что собаки, совершенно озверев, стали уже бросаться на лошадь, клацая зубами. Кобыла шарахалась, лягалась и все пыталась подняться на дыбы, так что он с трудом удерживал ее заклятиями и силой собственных рук. Наконец собаки добрались и до его ног, и он уже готов был позволить вороной кобыле делать, что ей заблагорассудится, когда кто-то вдруг стал разгонять рычащих псов, осыпая их проклятиями и ударами плетки. Когда Айвори наконец удалось заставить перепуганную кобылу стоять смирно, он увидел перед собой девушку, действительно прекрасную, как «большое цветущее дерево». Она была очень высокая, вся взмокшая от усилий, с крупными, но красивыми руками и ногами, с крупным носом и ртом, с огромными глазищами и с целой копной пышных спутанных и насквозь пропыленных волос. И она пронзительно кричала на повизгивавших собак:

— Назад! Назад в дом, сукины дети! Ах вы, падальщики проклятые!

Айвори прижал руку к правому бедру, ближе к колену, где его штаны были порваны собачьими зубами и на них расплывалось кровавое пятно.

— Она ранена? — спросила высокая девушка. — Ах, чертово отродье! — Она погладила и осторожно ощупала правую ногу кобылы; все

руки ее были покрыты кровью и лошадиным потом. — Ну, ну, — ласково приговаривала она, — ты смелая девочка, отважное сердце! — Кобыла опустила голову и вся так и вздрагивала от неожиданной ласки и облегчения. — С какой стати ты сюда поперся да еще и держал кобылу посреди собачьей своры? — рассерженно накинулась на Айвори девушка. Теперь она стояла на коленях у самых лошадиных копыт и смотрела на него снизу вверх. А он смотрел на нее сверху вниз, продолжая сидеть в седле, и все-таки чувствовал себя рядом с ней чуть ли не карликом.

Его ответа она ждать не стала.

— Я отведу ее навстречу, — сказала она, поспешно вставая, и взялась за поводья. Айвори понял, что ему предлагается с лошади слезть. Он спешился и спросил:

— А что, очень плохо? — Но сумел разглядеть на лошадиной ноге лишь ярко-красную кровавую пену.

— Ну, идем, идем, любовь моя, — сказала женщина, обращаясь явно не к нему. Кобыла доверчиво пошла за нею. Они направлялись по каменистой тропинке куда-то на дальнюю сторону холма, где, как оказалось, стояла старая конюшня со стенами из грубого камня. Лошадей в конюшне не было ни одной, зато там гнездились множество ласточек, которые без конца шныряли под крышей и щебетали, быстро обмениваясь новостями.

— Подержи-ка ее, чтобы стояла спокойно, — велела Айвори девушка, сунула ему поводья и вышла, оставив его в этой заброшенной конюшне одного. Впрочем, она вскоре вернулась, таща тяжелое ведро с водой, и принялась обмывать кобыле ногу. — Сними с нее седло! — снова приказала она ему, и в ее тоне явно слышалось нетерпение и презрение. Но Айвори повиновался; эта грубая великанша немного раздражала его, но все же вызывала жгучее любопытство. Она больше уже не казалась ему похожей на цветущее дерево, однако и в самом деле была красива, но какой-то особой, свирепой, великанской красотой. Кобыла полностью ей подчинялась. Когда она говорила, например: «Подними-ка ногу!» — кобыла тут же ее приказание исполняла. Девушка вытерла ее всю с ног до головы насухо, заботливо накинула ей на спину попону и вывела на солнышко. — Она поправится, — сказала девушка Айвори. — Рана, правда, довольно глубокая, но если ты будешь четыре-пять раз в день промывать ее теплой соленой водой, она скоро затянется. Мне очень жаль, что так получилось. — Эти слова она сказала явно от всего сердца, хотя и немного ворчливым тоном, словно так и не могла понять, как это он мог допустить, чтобы на его кобылу напали собаки. И наконец она впервые посмотрела

прямо на него. Глаза у нее оказались рыжевато-карими, очень ясными, похожими на винный топаз или янтарь. Странные глаза. И девушка эта была с ним, довольно высоким мужчиной, одного роста.

— Мне тоже очень жаль, — сказал он почти весело, чтобы она не подумала, что он сердится.

— Эта кобыла принадлежит хозяину Уэстпула. Значит, ты его волшебник?

Он поклонился.

— Айвори из великого порта Хавнор к вашим услугам. Могу я...

Она не дала ему договорить:

— Я думала, ты с Рока.

— Ну да, в общем, — подтвердил он, стараясь сохранять достоинство.

Она смотрела на него своими странными глазами, и он вдруг подумал, что по этим глазам ничего прочесть невозможно, точно по глазам животного, овцы, например. А из нее так и сыпались вопросы:

— Ты там жил? Учился? И ты знаешь Верховного Мага?

— Да, конечно, — сказал он с улыбкой. Потом впервые поморщился от боли и прижал руку к бедру.

— Ты что, тоже ранен?

— Немножко, ничего страшного, — сказал он. И в самом деле, рана уже перестала кровоточить, что его даже немного огорчило.

Девушка снова заглянула ему в глаза.

— А как... как там вообще... на Роке?

Айвори ответил не сразу; он, чуть-чуть прихрамывая, подошел к старинной каменной подставке для посадки на лошадь и уселся на нее, вытянув ногу и поглаживая больное место. Потом внимательно посмотрел на эту странную девицу и наконец промолвил:

— Много времени потребуется, чтобы рассказать, что представляет собой остров Рок. Но я с удовольствием расскажу тебе о нем.

— Этот человек — волшебник или почти волшебник, — сказала Стрекозе ведьма Роза. — Причем волшебник с Рока! Ты не должна его ни о чем спрашивать! — Роза была не просто рассержена: она была еще и напугана.

— Да он совсем не против, — заверила ее Стрекоза. — Вот только он редко когда отвечает по-настоящему.

— Ну естественно!

— Почему это «естественно»?

— Потому что он — волшебник! А ты — женщина, и к тому же

невежественная, ничему не обученная, не имеющая никаких магических знаний!

— Ты тоже могла бы меня многому научить! Только ты ни за что этого не сделаешь!

И тут Роза одним щелчком уничтожила все, чему она когда-либо учила Стрекозу.

— Ах так? Ну и ладно. Вот я и буду у него учиться и вопросы ему задавать буду! — заявила Стрекоза.

— Волшебники женщин не учат! Он тебе просто голову морочит.

— Но ведь вы же с Брумом обмениваетесь всякими рецептами и даже заклятиями, верно?

— Брум — обыкновенный деревенский колдун. А этот человек — настоящий волшебник. Он изучал Истинные Искусства на острове Рок!

— Он рассказывал мне, как попадают в эту Школу, — мечтательно проговорила Стрекоза. — Сперва ты поднимаешься на Холм Рок и проходишь через весь город, который называется Твил. И там есть одна такая дверца, которая выходит прямо на улицу... Только она всегда заперта. И выглядит, как самая обычная дверь...

Ведьма слушала, как завороченная, не в силах сопротивляться волшебству этих тайных откровений и страстному желанию девушки.

— Но стоит постучаться, и сразу выйдет человек, с виду самый обыкновенный, но только он устраивает всем, кто желает войти внутрь, испытание. Нужно знать и произнести вслух некое слово, пароль, и если ты его произнесешь, Привратник тебя впустит. Но если ты этого слова не знаешь, то никогда не сможешь туда попасть. А если все-таки попадешь, если Привратник позволит тебе войти, то сразу поймешь, что изнутри эта дверца выглядит совсем иначе — она сделана из рога и украшена дивной резьбой: на ней вырезано само Древо Жизни; а рама дверцы сделана из зуба дракона, да-да, из одного-единственного его зуба! И дракон этот жил очень давно, задолго до Эррет-Акбе, задолго до Морреда, задолго до того, как в Земноморье вообще появились люди. Там, оказывается, сперва жили только драконы. А этот зуб был найден на горе Онн, что находится на острове Хавнор, в самом сердце нашего мира — так говорит Айвори. А листья Древа Жизни, изображенного на этой дверце, вырезаны так искусно и так тонки, что солнце просвечивает сквозь них, однако сама дверь так крепка, что если Привратник запирает ее, ни одно заклятие не в силах ее отпереть. А если тебе удастся войти, то сам Привратник ведет тебя из зала в зал, и в конце концов ты совсем перестаешь соображать, где находишься, и тут вдруг ты выходишь во двор и видишь над собой небо. Это

знаменитый Двор Фонтана, самое сердце Большого Дома. И именно там тебя должен встретить Верховный Маг, если он в это время находится на острове...

— А дальше? — прошептала ведьма.

— А дальше я не знаю. Он мне пока что ничего больше не рассказывал, — сказала Стрекоза и, вздохнув, вернулась в теплый весенний день, на бесконечно знакомую тропу, ведущую к дому Розы, и увидела семь своих молочных овец, пасущихся на холме Ирия, и бронзовые от молодой листвы дубы вокруг старого дома. — Уж больно он осторожен, когда об этих Мастерах рассказывает!

Роза понимающе кивнула.

— Зато он подробно рассказывал мне о некоторых учениках.

— Ну, в этом-то, по-моему, ничего опасного нет.

— Не знаю... — сказала Стрекоза. — Но это так чудесно — слушать рассказы о Большом Доме! Хотя я думала, что тамошние... люди должны быть... ну, не знаю!.. Они, конечно, в основном еще мальчишками туда попадают... Но я думала, что они все должны быть... — Она посмотрела вдаль, на пасшихся на склоне холма овец; лицо у нее было какое-то встревоженное. — Знаешь, некоторые из них на самом-то деле глупые и плохие, — сказала она очень тихо, — и попадают в Школу только потому, что богаты. И учатся там только для того, чтобы стать еще богаче. Или — чтобы обрести власть.

— Ну да, конечно, — сказала Роза, — они ведь именно за этим туда и поступают!

— Но ведь волшебство — это совсем другая власть, ты ведь и сама мне говорила... Это ведь не та власть, которая заставляет других работать на тебя или платить тебе...

— Разве?

— Совсем не такая!

— Если словом можно исцелить, то словом можно и ранить, — молвила ведьма. — Если рука может убить, то рука может и на ноги поставить. Это телега, как известно, едет только в одну сторону.

— Но на Роке они специально учатся, как правильно использовать свою магическую силу — не для того, чтобы вредить другим, не для игры и не для наживы.

— Все на свете в той или иной степени служит для игры и для наживы, я бы так сказала. Люди должны как-то жить. Но много ли я знаю? Делаю, что умею, вот и все. Но никаких Великих Искусств я не знаю; и никакими опасными умениями, вроде умения вызывать мертвых, не

владею. — И Роза сделала жест, отгоняющий беду, ибо произнесла опасные слова.

— Все на свете опасно, — сказала Стрекоза, глядя теперь как бы сквозь этот холм с овцами и деревьями на нем — в какие-то неведомые глубины, в бесцветную бескрайнюю пустоту, в чем-то похожую на ясное небо перед восходом солнца.

Роза наблюдала за ней. Она понимала, что не знает ни кто такая Ириан, ни кем она может оказаться. Большая, сильная, неуклюжая, невежественная, невинная, сердитая молодая женщина — да, такую Ириан она видела перед собой. Но что там у нее в душе? Еще с тех пор, как Ириан, или Стрекоза, была совсем ребенком, Роза видела в ней нечто могущественное и непостижимое. А когда девушка смотрела вот так, словно отвернувшись от окружающего ее мира, казалось, что в эти мгновения она находится в ином времени, в ином царстве и там, похоже, становится чем-то большим и безусловно гораздо более сложным, чем Роза способна постичь с помощью своего разума и своих знаний. И в таких случаях Роза немного боялась Ириан. И за нее тоже боялась.

— Ты осторожнее, — мрачно сказала она девушке. — Ты права: все на свете опасно, а более всего — связываться с волшебниками.

Стрекоза всегда любила Розу и уважала ее, и она, конечно же, никогда бы не пропустила такое предостережение мимо ушей. Но Айвори она никак не могла воспринимать как человека опасного. Она его часто не понимала, однако мысль о том, что его следует опасаться, ей даже в голову не приходила. Она пыталась вести себя с ним уважительно, но это оказалось совершенно невозможно. Она считала, что он умен и весьма привлекателен, но не особенно много о нем думала, разве что в том отношении, что он еще многое мог бы ей рассказать о Роке и волшебниках. А он, понимая, ЧТО именно ей интересно, рассказывал ей об этом понемногу да и не всегда то, что она хотела бы узнать. Однако он всегда был с ней терпелив, и она была ему благодарна за это терпение, вполне отдавая себе отчет в своем невежестве и в том, что соображает гораздо медленнее, чем он. Порой он улыбался, слыша ее наивные вопросы, но ни разу не фыркнул презрительно, ни разу не упрекнул. Как и Роза, Айвори любил отвечать вопросом на вопрос; однако в ответах Розы всегда содержалось немало такого, что она, Стрекоза, и так давно уже знала, а вот ответы Айвори были порой настолько неожиданными, что она даже представить себе не могла, что подобные вещи бывают на свете, и некоторые из них оказывались удивительно ей неприятны, ибо шли вразрез со всеми ее представлениями о добре и справедливости, о том, как должна

быть устроена жизнь.

День за днем в старой конюшне усадьбы Ирия, где они постоянно назначали друг другу свидания, она задавала ему все больше и больше вопросов, а он все больше и больше рассказывал ей, хотя на те или иные вопросы отвечал не всегда охотно и далеко не всегда полно; ей казалось, что он, словно щитом, прикрывает от нее своих учителей, Мастеров с острова Рок, пытаясь во что бы то ни стало сохранить в ее душе светлый образ этого волшебного острова. И все же однажды он поддался ее настойчивым просьбам и заговорил совершенно свободно.

— Там есть очень хорошие люди! — сказал он совершенно искренне. — Великие и мудрые. Таким, безусловно, был Верховный Маг. Но он покинул Рок. А остальные Мастера... Некоторые держатся от всего в стороне, занимаясь только своими таинственными исследованиями, разыскивая новые пути и новые имена, но, в общем-то, используют свои знания впустую. Другие скрывают свое невероятное честолюбие под серым плащом мудрости. Рок более уже не является тем местом, где сосредоточена вся власть в Земноморье. Теперь вся власть у нас — в королевском дворце, в Хавноре. А Рок живет за счет своего великого прошлого, защищенный тысячью магических заклятий от любых событий сегодняшнего дня. А что там, за этими волшебными стенами? Ссоры, честолюбивые устремления, боязнь всего нового, боязнь молодых, которые бросают вызов могущественным старикам! И больше, пожалуй, ничего. Большой Дом пуст, и Верховный Маг никогда туда не вернется!

— Откуда тебе знать? — прошептала она.

Он сурово на нее глянул:

— Его унес дракон!

— Ты это видел? Видел? — Стрекоза даже кулаки стиснула, настолько ярко представила она себе этот полет, и не расслышала его ответа.

И далеко не сразу сумела вернуться к солнечному свету и знакомой конюшне, к своим мыслям и неразрешимым загадкам.

— Но даже если он умер, — промолвила она, — наверняка ведь среди Мастеров есть и такие, кто по-настоящему мудр?

Айвори долго молчал, а когда наконец поднял на нее глаза и заговорил, то слова точно не шли у него с языка, а на губах блуждала печальная усмешка.

— Вся тайна, вся мудрость Мастеров, если ее вытащить и как следует рассмотреть при свете дня, ничего особенного из себя не представляет, знаешь ли. Так, кое-какие умелые трюки... чудесные иллюзии. Но люди этого знать не желают. Они желают верить в эти иллюзии, в эти

таинственные превращения. И разве можно винить их? Ведь в жизни так мало прекрасного, стоящего внимания.

Словно желая подкрепить примером собственные слова, Айвори подобрал кусочек кирпича, которым была вымощена старая дорожка, и подбросил его вверх, произнося при этом какие-то слова, и заставил его превратиться в бабочку, которая принялась кружить над ними, трепеща голубыми крылышками. Он протянул палец, и бабочка села на него. А потом он тряхнул рукой, и бабочка упала на землю кусочком кирпича.

— В моей жизни очень мало стоящего, — сказала Стрекоза, задумчиво глядя на вымощенную кирпичом дорожку. — Я и умею немного: хозяйство вести да правду говорить, если меня спрашивают. Но если я стану теперь думать, что даже на Роке все только ложь и пустые фокусы, то, наверное, возненавижу этих мудрецов за то, что они меня так долго обманывали, за то, что они так долго обманывали нас всех. Нет, не может там все быть ложью! Во всяком случае, Верховный Маг действительно уходил в глубины подземного лабиринта и вернулся оттуда с Кольцом Мира. И он действительно побывал в стране мертвых вместе с молодым королем и победил того мага-паука, а потом вернулся в наш мир. Мы знаем все это со слов самого короля. Ведь даже сюда приходят бродячие музыканты и поют об этих подвигах песни, наигрывая на своих арфах. А как-то раз к нам приходил один сказитель и тоже поведал нам немало историй.

Айвори кивнул.

— Но ты забываешь, что Верховный Маг утратил все свое могущество в стране мертвых, — сказал он. — Возможно, из-за этого и все волшебство на земле постепенно ослабело.

— Не знаю. Я не уверена: ведь заклятия нашей ведьмы Розы действуют так же хорошо, как и прежде, — упрямо возразила Стрекоза.

Он только улыбнулся в ответ, но она видела, что подобное сравнение представляется ему просто нелепым. Какая-то деревенская ведьма и Верховный Маг! Стрекоза только вздохнула. И вдруг у нее вырвалось:

— Ах, если б только я не была женщиной!

Он снова улыбнулся.

— Ты очень красивая женщина, — сказал он. Сказал очень просто, ничуть ей не льстя, как пытался делать это вначале, до того, как она успела дать ему понять, что ей отвратительна подобная лесть. — С какой же стати тебе становиться мужчиной?

— Чтобы иметь возможность отправиться на Рок! Все увидеть, всему научиться! Почему, ну почему туда могут поехать только мужчины?

— Таково правило, установленное первым Верховным Магом

Земноморья много столетий назад, — сказал Айвори. — Хотя... мне эти мысли тоже в голову приходили.

— Правда?

— И очень часто. Поскольку день за днем я видел вокруг себя только мальчиков и мужчин — как в Большом Доме, так и во всей Школе. И знал, что местным женщинам запрещено ступать даже на поля вокруг Холма Рок. Они, кстати, защищены от женщин особыми заклетами. Раз в несколько лет, правда, какой-нибудь особенно знатной даме разрешается ненадолго зайти в один из внешних дворов Большого Дома... А почему это так? Неужели все женщины на свете лишены способности воспринимать магические науки и искусства? Или же Мастера просто боятся их, боятся стать «испорченными», утратить свою волшебную силу? Нет, скорее они боятся изменить тот «священный» Устав, которому они так строго следуют... нарушить «чистоту» своего братства...

— Женщины умеют хранить целомудрие не хуже мужчин! — пылко заявила Стрекоза. Она понимала, что ведет себя несдержанно (а ведь Айвори всегда вежлив с нею и всегда готов ей уступить!), но она совершенно не умела вести себя иначе, не умела скрывать свои чувства.

— Естественно! — И улыбка Айвори засияла еще ярче. — Но ведьмы ведь далеко не всегда целомудренны, верно?.. Может быть, Мастера боятся именно этого? Возможно, целибат отнюдь не является таким уж необходимым, как о том говорится в Уставе Рока? Возможно, это отнюдь не способ сохранения магической силы, а способ охранить эту силу ото всех остальных? Оставив за пределами своей «чистой» обители женщин и всех тех, кто не желает мириться с тем, что для того, чтобы стать волшебником, нужно обязательно превратиться в евнуха... Кто знает? Волшебница! Чаровница! Женщина-маг! Появись такие, изменились бы все правила на свете!

Стрекоза чувствовала, как далеко вперед он умчался в своих размышлениях на эту тему; видно, она давно не давала ему покоя, и он все играл с этими мыслями, с помощью слов превращая их в нечто осязаемое, как только что превратил кусок кирпича в бабочку. Конечно, Стрекоза не могла соревноваться с ним в этой игре мысли, но следила за его рассуждениями с любопытством и восхищением.

— А ты, между прочим, могла бы отправиться на Рок! — заметил он, и глаза его засверкали от возбуждения, озорства, мальчишеской смелости. Заметив, что она молчит и смотрит на него умоляюще-недоверчиво, он подтвердил: — Да, могла бы. Хоть ты и женщина, но есть способы, с помощью которых можно изменить твое обличье. У тебя сердце и

мужество мужчины, мужская воля, и ты вполне могла бы войти в Большой Дом, я в этом уверен!

— И что бы я там делала?

— То же, что и все остальные ученики. Жила бы одна в келье с каменными стенами и училась быть мудрой! Это, возможно, было бы не совсем то, что видится тебе в мечтах, но и многие свои заблуждения ты бы тоже там постигла.

— Я не смогу! Они же все равно узнают! И я не сумею даже внутрь войти. Ты же сам говорил, что там есть какой-то особый Привратник. А я не знаю, какой пароль нужно произнести...

— А, пароль! Но я ведь могу тебе его сказать.

— Можешь? Это разрешается?

— Мне все равно, разрешается это или нет! — Он сказал это с таким мрачным видом, что она удивилась. — Сам Верховный Маг говорил: «Правила создаются для того, чтобы их нарушали». А в данном случае правила создает несправедливость, а храбрость и мужество их нарушают. Если у тебя мужества хватает, так и у меня его хватит!

Некоторое время она молча смотрела на него — говорить она не могла, — потом встала и, постояв несколько секунд неподвижно, вышла из конюшни и двинулась по тропе, которая примерно на середине склона сворачивала и начинала огибать холм. Одна из собак, ее любимица, крупная, безобразная гончая с тяжелой головой, последовала за ней. Она остановилась только в том месте над рекой с болотистыми берегами, где десять лет назад Роза нарекла ее Истинным именем. Собака, усевшись у ее ног, преданно смотрела ей в лицо. В голове у Стрекозы стоял гул и была полная мешанина, но одна мысль билась там, ясная и настойчивая: я могла бы поехать на Рок и выяснить, наконец, кто я!

Поверх зарослей тростника, ивовых деревьев и дальних холмов она смотрела на запад. Весь западный край неба был абсолютно чистым и пустым. Она стояла неподвижно, и душа ее, казалось, взлетает в небеса и устремляется прочь от нее, на запад...

Сзади послышалось мягкое шлепанье копыт вороной кобылы по тропе. И Стрекоза, придя наконец в себя, окликнула Айвори и побежала ему навстречу.

— Я поеду! — крикнула она на бегу.

Вообще-то он не собирался пускаться в подобные приключения, но чем больше он думал о такой возможности, тем более привлекательной ему казалась его затея. Перспектива провести всю долгую серую зиму в Уэстпуле его совершенно не привлекала, и у него точно камень с души свалился, когда забрезжила возможность отсюда сбежать. Здесь для него не было ничего интересного, за исключением этой девушки по прозвищу Стрекоза, которая теперь полностью занимала его мысли. Он чувствовал в ней некую могущественную, но абсолютно невинную силу, и эта сила подчинила его себе, он старался угождать Стрекозе, надеясь в итоге все-таки вынудить ее сделать то, к чему он стремился сам. Это была игра, в которую, как ему казалось, сыграть стоило. Если она решится бежать с ним, можно считать, что он выиграл. Ну а что касается самой дурацкой идеи, что Стрекозе удастся пройти в Школу в обличье мужчины, то идея эта страшно ему нравилась. Было бы здорово ТАК подшутить надо всеми этими благочестивыми и важными Мастерами! Бросить такой камень в их квакающее болото!.. Только вряд ли это удастся. Но если он все же сумеет протащить эту женщину в Большой Дом — хотя бы на несколько минут, — то какая это будет сладкая месть!

Итак, теперь нужно только раздобыть денег. Девушка думает, конечно же, что ему, великому волшебнику, достаточно щелкнуть пальцами, и они тут же перенесутся через море на волшебном корабле, летящем на всех парусах. Но когда он сказал ей, что им придется заплатить за проезд, она просто ответила:

— Это ничего. У меня же есть «сырные» деньги!

Просто потрясающе она иногда умела ответить! Иногда грубоватая простота и искренность ее ответов даже пугала его, но он не желал этого признавать. Она довольно часто снилась ему, но в этих снах никогда ничего от него не требовала, зато он прямо-таки льнул к ней, еще более остро чувствуя в ее душе некую свирепую и сладостно-разрушительную силу, проваливался в ее объятия, совершенно уничтожавшие его собственное «я», и всегда в этих снах она была неким великолепным и совершенно непостижимым существом, а он — никем и ничем и просыпался после таких снов потрясенный и пристыженный. При свете дня, когда видны были ее большие грязные руки, когда она разговаривала с ним, как обыкновенная деревенская простушка, он снова обретал превосходство над нею. Ему хотелось только, чтобы еще кто-нибудь послушал, как смешно она говорит. Например, кое-кто из его старых друзей тоже нашел бы ее манеру говорить весьма забавной и посмеялся бы вместе с ним. «У меня же есть „сырные“ деньги!» — все повторял он про себя, когда ехал верхом в

Уэстпул, и смеялся.

— Надо же — «сырные»! — сказал он вслух, и вороная кобыла дернула от удивления ухом.

Итак, Айвори сообщил Берчу, что получил известие от своего учителя с Рока (он даже назвал его: Мастер Ловкая Рука) и теперь ему нужно незамедлительно отправляться туда. Он, конечно же, не может сказать, какова цель его поездки, однако дело это не потребует много времени. Так что две недели туда, две — обратно, и, самое позднее, он вернется в конце осени. Однако он вынужден просить господина Берча выдать ему авансом часть причитающейся платы, чтобы заплатить за проезд, поскольку волшебнику с острова Рок негоже рассчитывать на то, что люди сами пожелают дать ему все, что требуется. Лучше просто заплатить за проезд, проявив скромность и достоинство, как это делают все волшебники. Поскольку Берч со всеми его доводами согласился, Айвори вскоре получил от него увесистый кошель с деньгами. Это были первые настоящие деньги, которые он за последние годы держал в руках: десять пластинок из слоновой кости, на которых с одной стороны было вырезано изображение знаменитой Выдры Шелитха, а на другой красовалась Руна Мира в честь короля Лебаннена. «Привет, мои маленькие! — шепнул он им, когда остался один. — Надеюсь, вы с „сырными“ деньгами отлично поладите!»

Он очень мало рассказывал Стрекозе о своих планах, главным образом потому, что особых планов и не строил, надеясь на удачу и собственную сообразительность, которые редко его подводили. Впрочем, девушка вопросов почти не задавала.

— А что, я весь путь должна буду проделать в обличье мужчины? — Казалось, это чуть ли не единственный вопрос, который ее интересует.

— Да, — отвечал он. — Но ты просто переоденешься мужчиной. Я не стану пользоваться заклятием подобия, пока мы не прибудем на Рок, так что на меня ты похожа не будешь.

— А я думала, что это будет заклятие превращения, — сказала она чуть разочарованно.

— Это было бы неразумно, — объяснил Айвори, старательно подражая суховато-торжественному тону Мастера Метаморфоза. — Но если будет необходимо, я это сделаю, разумеется. Скоро ты и сама увидишь, что волшебники очень скупно пользуются Великими Заклятиями. И не без причины.

— Я знаю, из-за Равновесия, — кивнула она, как всегда восприняв то, что он ей рассказывал об этом, со свойственной ей простотой и наивностью.

— И еще, возможно, из-за того, что эти искусства уже не имеют той силы, какой обладали когда-то, — сказал Айвори. Он и сам не знал, почему пытается ослабить ее веру в могущество волшебства; возможно, потому, что любое ослабление ее силы, ее целостности было бы на руку ему самому. Ему давно уже хотелось просто затащить ее в постель, и эта странная игра ему сперва очень нравилась, но в итоге обернулась чем-то вроде поединка, которого он никак не ожидал и которому никак не мог положить конец. Теперь он стремился уже не развлечься с ней, а победить ее. Нельзя же было позволить какой-то деревенской девчонке одержать над ним победу! Нет, он должен доказать и ей, и самому себе, что те его сны не имеют в действительности ни малейшего смысла!

Довольно скоро, впрочем, Айвори потерял терпение, настолько она была к нему, как к мужчине, равнодушна, и воспользовался самым обычным приворотным заклятием, какими обычно пользуются колдуны. Ему было немного стыдно произносить подобное заклятие, но он знал, что действует оно весьма эффективно. Он навел на Стрекозу чары, когда она плела для своей коровы поводок с петлей на шее. Однако чары его подействовали на нее совсем не так, как он ожидал: она отнюдь не растаяла и не проявила готовности немедленно ему отдаться, как это всегда бывало с девушками в Хавноре и Твиле. Напротив, Стрекоза становилась все более молчаливой и сердитой. Она даже перестала задавать свои бесконечные вопросы о Школе Волшебников и часто не отвечала ему, когда он первым с ней заговаривал. Когда же как-то раз он очень осторожно приблизился к ней и нежно взял ее за руку, она так врезала ему по башке, что его потом еще долго пошатывало, а она молча встала и вышла из конюшни, и ее любимая собака — отвратительного вида гончая! — тут же последовала за нею. И Айвори показалось, что эта псина специально оглянулась и насмешливо на него посмотрела.

Стрекоза направлялась по тропе к старому дому, и когда в ушах у него перестало звенеть, он крадучись пошел за нею, надеясь, что чары все-таки действуют и с ее стороны это была просто неуклюжая попытка пригласить его в постель. Но, приблизившись к дому, Айвори услышал звуки бьющейся посуды, и какой-то мужчина, должно быть, ее отец, тот самый пьяница, пошатываясь, вышел на крыльцо; выглядел он испуганным и смущенным, а вслед ему неслись сердитые вопли Стрекозы: «Пошел вон из дома, пьянчуга несчастный! Проклятый предатель! Дурак! Бесстыжий развратник!»

— Она у меня стакан отняла! — поскуливая, как щенок, пожаловался незнакомцу хозяин Старой Ирии. Собаки скакали вокруг него, как

бешеные. — И разбила!

Айвори повернулся и пошел прочь. И не возвращался два дня. На третий он все-таки решил проехать мимо Старой Ирии, и Стрекоза тут же сама сбежала ему навстречу по тропинке.

— Прости меня, Айвори! — сказала она, глядя на него снизу вверх своими странными глазами, похожими на золотистый топаз. — Не знаю, что на меня тогда и нашло. Я просто ужасно рассердилась! Не на тебя, конечно. Ты уж меня прости.

И он милостиво простил ее. Но больше никогда не пытался наводить на нее любовные чары.

«А скоро, — думал он теперь, — они мне и не понадобятся. Я буду иметь над ней полную власть! И я хорошо знаю, как эту власть обрести. Она сама отдаст ее мне прямо в руки. Ее сила и воля, конечно, невероятно велики, но, к счастью, она глупа, а я умен и хитер».

Берч как раз собирался отправить вниз, в Кембермаут, повозку с шестью бочками отличного фанийского вина десятилетней выдержки, которое заказал ему один тамошний виноторговец, и с удовольствием разрешил Айвори ехать с ними вместе в качестве дополнительной охраны, потому что вино было очень дорогое, а на дорогах все еще бесчинствовали разбойники, хотя молодой король Лебаннен довольно быстро наводил в Земноморье порядок. Так что Айвори покинул Уэстпул на большой крытой повозке, которую тащили четыре могучих тяжеловоза. Повозка медленно ползла вниз по дороге, и Айвори, сидя на краю, беззаботно болтал в воздухе ногами, когда вдруг — уже где-то возле Джакасского холма — из придорожной канавы поднялась одетая в лохмотья фигура, и оборванец попросил его подвезти.

— Что-то ты мне, парень, совсем не знаком, — с сомнением в голосе заявил возница, уже поднимая свой кнут, чтобы отогнать бродягу, но тут с другой стороны воза к ним подошел Айвори.

— Да ладно, старина, пусть едет с нами, — сказал молодой волшебник. — Он нам ничего плохого не сделает — я-то ведь тут.

— Ну так сам и следи за ним хорошенько, господин мой, — смирился возница.

— Ладно, — сказал Айвори и подмигнул Стрекозе, ибо то была, конечно, она, совершенно неузнаваемая, вся перепачканная грязью, в старой драной куртке и мужских штанах. На голове у нее красовалась жуткого вида шляпа, под которой она спрятала свои роскошные волосы. Стрекоза подмигивать ему в ответ не стала. Она старательно играла свою роль, даже когда они сидели рядышком, болтая ногами, на задке телеги и их

отделяли от возницы шесть огромных бочек с вином. Погруженные в летнюю дремоту холмы и поля медленно проплывали и проплывали мимо. Айвори стало скучно, и он попытался было поддразнить свою спутницу, но она только головой покачала. Возможно, она все же немного опасалась их безумной затеи, но наверняка сказать что-либо о ее настроении было невозможно. Всю дорогу Стрекоза была погружена в это торжественное и тяжелое молчание, и Айвори думал, что если меж ними что и получится, то она наверняка ему быстро наскучит. Но сама эта мысль вдруг до такой степени его возбудила, что желание стало почти невыносимым. Он оглянулся, собираясь уже начать с нею соответствующий разговор, но как только он ее увидел, всякие «крамольные» мысли тут же испарились как бы сами собой, такой огромной и могучей она вдруг ему показалась.

На этой дороге им не попалось ни одной гостиницы, хотя она тянулась через весь западный край, некогда называвшийся Ирия. Когда солнце склонилось к западным равнинам, они остановились в самом простом крестьянском доме, где им смогли предложить сносную конюшню для лошадей, запирающийся сарай для повозки и сеновал в конюшне для путников. На сеновале было темно, душно. Никакого желания Айвори больше не испытывал, хотя девушка лежала от него на расстоянии вытянутой руки. Она так старательно весь день изображала мужчину, что даже его умудрилась наполовину убедить, что это так и есть. Возможно, ей в итоге и старого Привратника убедить удастся! — думал Айвори. И, улыбнувшись при этой мысли, заснул.

Они тащились и весь следующий день, два раза попали под грозовую дождь и к вечеру прибыли наконец в Кембермаут, процветающий портовый город, обнесенный стеной. Предоставив вознице самому выполнять поручение хозяина, они расстались с ним и отыскиали подходящую гостиницу. Стрекоза помалкивала, глядя по сторонам с таким выражением лица, которое можно было воспринимать либо как страх, смешанный с восторгом, либо как сильнейшее неодобрение, вызванное обыкновенным невежеством.

— Очень милый маленький городок! — заметил Айвори. — И все-таки единственная настоящая столица в мире — это Хавнор!

Однако все его попытки разговорить ее оказались тщетными; она промолвила лишь:

— На Рок ведь не так часто корабли отправляются, верно? Ты как думаешь, много времени нам понадобится, чтобы отыскать подходящий корабль?

— Нет, быстро найдем, если у меня в руке посох волшебника будет, —

ответил Айвори.

Она перестала смотреть по сторонам и некоторое время шла, опустив голову и погружившись в глубокую задумчивость. Он украдкой наблюдал за нею. В движении она была просто прекрасна — смелая, грациозная, с гордой осанкой.

— Ты хочешь сказать, что они обязаны взять на борт любого волшебника? Но ведь ты же пока еще не волшебник.

— Это простая формальность. Я давно уже числюсь старшим колдуном, и нам позволено брать в руки посох, когда мы отправляемся куда-нибудь по делам нашего острова. А я именно этим сейчас и занимаюсь.

— Ты же МЕНЯ туда везешь!

— Я везу туда ЕЩЕ ОДНОГО УЧЕНИКА, — наставительно произнес он. — Причем весьма одаренного!

Больше Стрекоза вопросов не задавала. Она никогда с ним не спорила; это была одна из существенных ее добродетелей.

А вечером в гостинице, стоявшей у самого причала, она за ужином вдруг спросила с неожиданной застенчивостью:

— А что, я и правда такая одаренная?

— На мой взгляд, да, — честно ответил он.

Она задумалась — разговор с ней часто получался каким-то замедленным — и наконец, точно очнувшись, сказала:

— Роза всегда говорила, что во мне есть какая-то сила. Только она не знала, какая именно. И я... я понимаю, что это так и есть, но тоже не знаю, какова она, эта моя сила.

— Вот ты и едешь на Рок, чтобы это узнать, — сказал Айвори, поднимая стакан с вином. Она чуть помедлила, потом тоже подняла стакан и улыбнулась ему. И улыбка эта была такой нежной и счастливой, что у него вдруг вырвалось: — И пусть то, что ты там обретишь, полностью соответствует всем твоим надеждам!

— Если эта моя мечта сбудется, то только благодаря тебе, — отвечала она. И в этот миг он искренне любил ее и готов был отречься ото всех своих дурных мыслей и воспринимать эту девушку только как товарища по дерзкому и опасному приключению.

Им пришлось поселиться в одной комнате, ибо гостиница была переполнена, но в этот вечер мысли Айвори были исключительно целомудренны, он даже немного посмеивался над собой за это.

Наутро он сорвал в саду при гостинице соломинку и с помощью заклинания придал ей форму отличного посоха с медным набалдашником,

точно соответствовавшего ему высотой.

— А из какого он дерева? — спросила Стрекоза, совершенно восхищенная этим превращением, а когда Айвори со смехом ответил ей: «Из розмарина!» — тоже рассмеялась.

Они шли от причала к причалу, спрашивая, не идет ли на юг какое-нибудь судно, которое могло бы взять на борт волшебника и его ученика и довезти их до Острова Мудрых, и довольно скоро они такой корабль отыскивали. Это было тяжелое грузовое судно, направлявшееся в Уотхорт; хозяин судна согласился отвезти волшебника задаром, а его ученика — за полцены. Но даже и полцены составляли почти половину «сырных» денег Стрекозы. Зато им была предоставлена каюта — настоящая роскошь на таком грузовом судне, как эта «Морская выдра».

Пока они вели переговоры с хозяином судна, на причал выехала знакомая повозка и принялась выгружать шесть не менее знакомых огромных бочек с вином.

— Это наши, из Ирии, — заметил Айвори, и владелец судна понимающе кивнул и сказал:

— Мне их в город Хорт велено отвезти.

— Из Ирии... — пробормотала Стрекоза и оглянулась, словно прощаясь с остающейся за бортом землей. Это был единственный раз, когда она оглянулась назад.

Служивший на этом судне заклинатель ветров явился перед самым отплытием; это был никакой не волшебник, а самый обыкновенный человек, исхлестанный морскими ветрами и в потрепанном морском плаще с капюшоном. Здороваясь с ним, Айвори хвастливо продемонстрировал свой посох, и колдун, смерив его взглядом, заметил:

— Ну что ж, погоду на судне должен заклинать кто-то один. Если это буду не я, то я пошел.

— Да нет, я здесь просто пассажир, господин мой, — поспешил успокоить его Айвори. Я с радостью предоставлю тебе возможность управляться с ветрами.

Колдун быстро глянул на Стрекозу, которая стояла, выпрямившись и словно одеревенев, и сперва ничего не ответил, но потом все же буркнул:

— Ладно, — и это было последнее слово, которое Айвори от него услышал.

В пути, однако, колдун не раз разговаривал со Стрекозой, что несколько тревожило Айвори. Ее невежество и доверчивость могли сослужить им обоим дурную службу. Когда же он спросил девушку, о чем это они разговаривают, она ответила спокойно:

— О том, что с нами будет.

Он, онемев от изумления, вопросительно посмотрел на нее.

— Со всеми нами. С жителями Уэя и Фелкуэя, Хавнора и Уотхорта, а также Рока. Со всеми жителями всех островов, — пояснила Стрекоза. — Он говорит, что прошлой осенью перед своей коронацией король Лебаннен специально послал на остров Гонт за старым Верховным Магом, желая, чтобы именно он совершил этот обряд, но Маг не явился. И пришлось королю самому себя короновать. И многие теперь утверждают, что все это было не по правилам и что трон Лебаннен занимает тоже не по праву. А другие говорят, что наш король теперь и есть новый Верховный Маг. Но ведь король Лебаннен — не волшебник, он всего лишь король, верно? А еще говорят, что скоро вновь наступят Темные Времена, и в мире будет править зло, а не добро и справедливость, и что волшебство опять станут использовать в дурных целях.

Айвори, помолчав, спросил:

— И что же, он сам до всего этого додумался, этот старый заклинатель ветров?

— Наверное, так многие думают сейчас, — ответила Стрекоза со свойственным ей мрачноватым простодушием.

Свое дело, впрочем, этот заклинатель ветров знал отлично, и «Морская выдра» стрелой летела на юг. Несколько раз они попадали в мимолетные летние шквалы, и море часто бывало беспокойным, но ни разу не случилось настоящего шторма или опасной бури. Они причаливали, оставляя один груз и взяв на борт новый, в самых различных портах — на северном побережье острова О, на острове Илиен, на островах Ленг и Камери, а потом в порту О, что находится на самом юге одноименного острова, — и наконец из порта О повернули на запад, чтобы отвезти пассажиров на Рок. И Айвори, глядя на запад, чувствовал холодок под ложечкой, ибо слишком хорошо понимал, КАК охраняется остров Рок и как трудно бывает порой попасть туда. Он знал, что ни сам он, ни этот заклинатель ветров ничего не смогут сделать, чтобы отвернуть волшебный ветер Рока, если его направят им навстречу. И тогда Стрекоза, конечно же, спросит: почему этот ветер не дает судну подойти к острову, если на нем плавает ученик Школы?

Айвори был даже рад, видя, что и старому колдуну тоже не по себе и тот постоянно начеку — то стоит у руля вместе с рулевым, то торчит на верхушке мачты вместе с впередсмотрящим, то бросается спускать паруса при малейшем намеке на западный ветер. Однако ветер, к счастью, постоянно дул с севера. Этот ветер часто приносил проливные дожди,

грозы с громом и молнией, и Айвори уходил в каюту, а Стрекоза оставалась на палубе. Она боялась моря, она и прежде не раз говорила ему об этом. Плавать она не умела и как-то раз сказала задумчиво:

— Должно быть, утонуть — это просто ужасно! Когда не можешь вздохнуть... — и вся передернулась при одной лишь мысли об этом. Это был единственный случай, когда она обозначила свой страх перед чем-то. Впрочем, низенькую тесную каюту она тоже не любила и старалась как можно больше находиться на палубе, а в теплые ночи даже спала там. Айвори даже не пытался уговорить ее ночевать в каюте. Он давно уже понял, что заставить ее что-либо сделать совершенно невозможно, да и бессмысленно, ибо все равно ни к чему хорошему это не приведет. Чтобы ее заполучить, он должен стать ее ХОЗЯИНОМ. И он станет им непременно, если только они сумеют добраться до Рока!

Когда Айвори снова поднялся на палубу, он увидел, что небо после очередного дождя почти совсем расчистилось, а на западном краю неба облака совершенно рассеялись, так что на фоне золотистого закатного неба отчетливо была видна округлая темная вершина Холма Рок.

Айвори смотрел на нее с какой-то странной смесью ненависти и восхищения.

— А это, парень, знаменитый Холм Рок, — сказал старый колдун Стрекозе, которая вместе с ним стояла у поручней. — Сейчас мы как раз входим в гавань города Твила. Здесь никогда никаких ветров не бывает, кроме тех, какие тамошние Мастера сами захотят.

Когда они наконец бросили якорь, уже совсем стемнело, и Айвори сказал хозяину судна:

— Мы, пожалуй, сегодня здесь переночуем.

Стрекоза тем временем сидела в их крошечной каюте, терпеливо его дожидаясь; вид у нее был торжественный, глаза блестели от возбуждения.

— На берег сойдем завтра утром, — сообщил он ей, и она только кивнула, как всегда соглашаясь с его решением.

А потом вдруг спросила:

— Я выгляжу как надо?

Он сел на низенькую койку и внимательно посмотрел на нее, сидевшую напротив, на точно такой же низенькой койке. Они сидели чуть наискосок, потому что между койками не хватало места для колен. Еще в порту О Стрекоза, по его совету, купила себе приличную рубашку и штаны, чтобы выглядеть достойным кандидатом в ученики Школы. Лицо у нее загорело на морском ветру и наконец-то было отмыто дочиста. Свои густые волосы она заплела в косу, а косу скрутила в тугой пучок и спрятала под

шапку. Руки она тоже отмыла дочиста, и теперь они спокойно лежали у нее на коленях — сильные, с красивыми длинными пальцами, почти мужские руки.

— На мужчину ты, в общем, совсем не похожа, — сказал он ей. На лице Стрекозы отразилось отчаяние. — Но это только в моих глазах, — поспешил он ее успокоить. — Потому что в моих глазах ты никогда не будешь похожа на мужчину! Но не бойся. Другим ты, конечно же, покажешься настоящим мужчиной.

Она кивнула, но в глазах ее была тревога.

— Первое испытание самое главное, Стрекоза, — сказал Айвори. Каждую ночь, лежа в одиночестве в каюте, он репетировал этот разговор. — Если ты его пройдешь, сумеешь миновать ту дверь, то проникнуть в Большой Дом не составит труда.

— Я и сама все время об этом думаю, — призналась она и торопливо прибавила: — А нельзя ли мне просто сказать им, кто я? Ты ведь будешь рядом и сможешь за меня поручиться, сказать... что, хоть я и женщина, у меня есть некоторые способности... А уж я бы поклялась соблюдать любые обеты! Я бы и целомудрие соблюдала, и жила бы отдельно от других, если надо...

Но он только головой покачал:

— Нет, нет, нет! Это совершенно безнадежно, бессмысленно и, наконец, смертельно опасно!

— Даже если ты...

— Даже если я приведу тысячу доводов в твою защиту! Они и слушать меня не станут. Устав Рока запрещает обучать женщин каким бы то ни было магическим искусствам, а также — Языку Созидания. Так было всегда. Нет, слушать меня они не станут. А значит, нужно им показать, что мы оба чего-то стоим! И мы им покажем! Мы их проучим! Смелее, Стрекоза. Ты не должна падать духом, ты не должна думать: «Ой, а может, если я попрошу их меня впустить, они мне не откажут?» Откажут. Откажут непременно! А обнаружив, что ты, женщина, хотела их обмануть, они тебя еще и накажут. И меня заодно. — И он произнес про себя: «Минуй нас!»

Стрекоза долго смотрела на него своими непонятными глазами и наконец спросила:

— Что я должна сделать?

— Ты доверяешь мне, Стрекоза?

— Да.

— Будешь ли ты доверять мне полностью и дальше? Знай, что тот риск, на который я иду ради тебя, куда больше того риска, которому

подвергаешься ты?

— Я знаю. Я буду доверять тебе.

— Тогда ты должна сказать мне то слово, которое произнесешь Мастеру Привратнику.

Она удивленно уставилась на него.

— Но я думала, это ты сперва назовешь мне... этот пароль?

— Этим паролем служит Истинное имя того, кто приходит к дверям Школы.

Он дал ей время, чтобы осознать услышанное, а потом продолжал тихо и вкрадчиво:

— А для того, чтобы на тебя подействовало мое заклятие подобия, чтобы Мастера Рока увидели в тебе только мужчину и ничто другое — чтобы сделать все как полагается, я тоже должен знать твое Имя. — Он снова помолчал. Пока он говорил, ему казалось, что говорит он сущую правду, и голос его звучал мягко и задушевно: — Я давным-давно мог бы узнать его, — сказал он. — Но я предпочел не пользоваться магическим искусством. Я хотел, чтобы ты, испытывая ко мне полное доверие, сама назвала бы свое Истинное имя, когда я тебя об этом спрошу.

Стрекоза молчала, уставившись на свои сомкнутые руки, спокойно лежавшие на коленях. В слабом красноватом свете висевшего в каюте фонаря ее длинные ресницы отбрасывали на щеки изящные зубчатые тени. Через некоторое время она вскинула глаза и посмотрела Айвори прямо в лицо.

— Мое имя Ириан, — просто сказала она.

Он молча улыбнулся. Но она на его улыбку не ответила.

На самом деле Айвори совершенно растерялся. Если бы он знал, что это будет так легко, то давно мог бы уже узнать ее подлинное имя и обрести над нею полную власть. Он мог бы заставить ее делать все, чего хочет он, еще много-много дней назад, и для этого нужно было всего лишь нагородить ей с три короба насчет этого побега, не отказываясь ни от своего жалованья у Берча, ни от своей ненадежной респектабельности, не пускаясь ни в какие путешествия и, вообще, не делая ни шагу в направлении острова Рок! Ведь не было на свете таких чар, с помощью которых он мог бы настолько изменить ее облик, чтобы обмануть Мастера Привратника — хотя бы на мгновение! И все его намерения унижить Мастеров так же, как они унизили его, выведенного яйца не стоят. Одержимый одним желанием — обмануть эту девушку, — он угодил в ловушку, которую сам же и приготовил. Он с горечью признавал теперь, что все это время верил в собственную ложь и в итоге окончательно

запутался в сетях, которые сам столь искусно сплел. Однажды на Роке он уже поставил себя в глупое положение, неужели и теперь он хочет повторить то же самое? В нем кипел отчаянный гнев на самого себя. Ничем хорошим эта затея не кончится, в этом он был теперь уверен.

— В чем дело? — спросила Стрекоза. Нежность, которую он услышал в ее глубоком, чуть хрипловатом голосе, совершенно лишила его мужества, и он закрыл лицо руками, пытаясь удержать постыдные слезы.

Она положила руку ему на колено. Впервые за все это время она к нему прикоснулась! И он с трудом сдерживался, чтобы не сбросить со своего колена эту теплую тяжелую руку, прикосновения которой так жаждал, зря потратив столько времени на это ожидание.

Ему захотелось сделать ей больно, одним ударом выбить из нее эту ужасную, невыносимую доброту, но когда он наконец снова обрел дар речи, то сказал лишь:

— Все это время я хотел лишь одного: стать твоим любовником.

— Правда?

— А ты что, думала, я один из тамошних евнухов? Думала, что я позволил им меня кастрировать с помощью всяких заклинаний, чтобы блюсти святую чистоту? Как ты думаешь, почему у меня нет волшебного посоха? Почему я не продолжаю занятия в Школе? Неужели ты верила всему, что я тебе говорил?

— Да, — сказала она. — Верила. Мне очень жаль. — Руку с его колена она почему-то так и не убрала. И, помолчав, прибавила: — Если хочешь, мы можем лечь в постель.

Он вздрогнул, выпрямился и некоторое время сидел совершенно неподвижно.

— Кто же ты все-таки такая? — промолвил он наконец.

— Не знаю. Я ведь именно поэтому и хотела попасть на Рок. Чтобы выяснить.

Он стряхнул ее руку с колена и, сгорбившись, встал; они оба не могли выпрямиться во весь рост в этой низенькой каюте. Он то и дело сжимал кулаки, тщетно пытаясь успокоиться, и старался держаться как можно дальше от нее, даже повернулся к ней спиной.

— Ты там ничего не узнаешь! — снова с яростью заговорил он. — Все это сплошная ложь, обман. Старики просто играют, забавляются с волшебными словами. Когда-то я в их игры играть не пожелал и ушел. А знаешь, что я сделал, когда еще в Школе учился? — Он повернулся к ней, оскалив рот в торжествующей усмешке. — Я завел себе девушку! Обыкновенную девушку из города. И она приходила ко мне. В мою келью.

В мою маленькую монаше-скую келью с каменными стенами, где я должен был соблюдать обет целомудрия! В этой комнатке было окошко, выходившее на неприметную улицу на задах Школы. И никаких заклятий не требовалось. Да там заклятие и применить-то невозможно, слишком много вокруг всякой магии. Эта девушка хотела приходить ко мне и приходила, а я выбрасывал из окошка веревочную лестницу, и она по ней взбиралась. И мы с ней как раз занимались любовью, когда в келью вошли наши «мудрые старцы»! Ну я им тогда показал! И, между прочим, если бы мне удалось протащить в Школу тебя, я бы снова им показал, на что способен! Теперь наступила моя очередь преподать им урок!

— Ну что ж, — сказала Стрекоза. — Но я все-таки попробую.

Он удивленно на нее уставился.

— Ведь причины у меня совсем иные, чем у тебя, — продолжала она. — И кроме того, мы проделали такой долгий путь... И ты узнал мое настоящее имя.

Это была правда. Он знал ее Истинное имя: Ириан. Оно было похоже на пылающие угли и, точно угли, жгло ему душу. И разум его не в состоянии был его постигнуть. Ему не хватало знаний, чтобы воспользоваться своим теперешним преимуществом. Отчего-то язык отказывался ему повиноваться, когда он пытался произнести это имя...

Она смотрела на него; резковатые черты ее крупного лица были смягчены тусклым светом фонаря.

— Если ты притащил меня сюда только для того, чтобы заняться со мной любовью, Айвори, — сказала она, — то этим мы можем заняться прямо сейчас. Если ты сам, конечно, еще этого хочешь.

Совершенно онемев от изумления, он лишь отрицательно покачал головой. И понадобилось немало времени, прежде чем он наконец смог рассмеяться и пробормотать:

— Мне кажется, что... эту возможность... я давно упустил...

Она смотрела на него без сожаления, без упрека, без стыда.

— Ириан, — произнес он вслух, и теперь ее имя скользнуло с его пересохших губ легко, сладкое и прохладное, точно родниковая вода. — Слушай, Ириан: вот что тебе нужно сделать, чтобы проникнуть в Большой Дом...

III. Азвер

Айвори оставил Стрекозу на углу улицы, обычной узенькой и

довольно грязной улицы, которая, извиваясь между безликими стенами, вела прямо к неприметной деревянной двери. Он воспользовался заклятием подобия, и она сейчас выглядела как настоящий мужчина, хотя женщиной себя совершенно не чувствовала. Они с Айвори обнялись на прощанье, ведь, в конце концов, они так долго были друзьями и сообщниками, и он так много для нее сделал.

— Смелей! — сказал он ей и слегка ее подтолкнул. И она, не оглядываясь, пошла вверх по улочке и остановилась перед той дверцей. А когда все-таки оглянулась, его уже не было.

Она постучалась.

И через некоторое время услышала, как в замке поворачивается ключ. Дверь открылась. На пороге стоял не молодой, но и не очень старый мужчина.

— Чем могу служить? — спросил он без улыбки, но голос у него звучал ласково.

— Можно мне войти в Большой Дом, господин мой?

— А ты знаешь путь туда? — Его миндалевидные глаза смотрели очень внимательно, и все же казалось, что он смотрит на нее как бы из дали лет, сквозь дымку времен.

— Да, господин мой. Вот через эту дверь.

— А ты знаешь, чье имя тебе нужно назвать, прежде чем я впущу тебя?

— Да, господин мой. Мое собственное. Мое имя Ириан.

— Правда?

Этот вопрос поставил ее в тупик. Некоторое время она молчала, потом нерешительно промолвила:

— Но именно это имя дала мне ведьма Роза! Она из нашей деревни и дала мне это имя весной в водах реки, что течет под холмом Ирия. Это на острове Уэй. — И это была чистая правда.

Привратник долго смотрел на нее; ей показалось — целую вечность.

— Значит, таково и есть твое имя... — задумчиво проговорил он. — Но, возможно, не все твое имя целиком. Я думаю, у тебя есть еще одно, а?

— Не знаю, господин мой. Мне оно не известно.

И снова повисло затяжное молчание. Потом Ириан робко спросила:

— Может быть, мне удастся узнать его здесь, господин мой?

И Привратник слегка склонил голову в знак согласия. Едва заметная улыбка обозначила полукружия морщин у него на щеках вокруг рта, и он отступил в сторону, пропуская ее.

— Входи же, дочь моя.

И она перешагнула порог Большого Дома.

И тут же чары, наложенные на нее Айвори, исчезли, разорвались, как тонкая паутина, и она снова стала самой собой.

Ириан последовала за Привратником по выложенной каменными плитами дорожке и только в самом ее конце вспомнила, что рассказывал ей Айвори, и оглянулась, успев увидеть, как солнечный свет просвечивает сквозь Дерево с тысячью листьями, вырезанное на волшебной дверце и заключенное в желтоватую костяную раму.

Молодой человек в сером плаще, спешивший им навстречу по дорожке, внезапно остановился и, подойдя к ним вплотную, изумленно уставился на Ириан, потом быстро кивнул в знак приветствия и пошел дальше. Она оглянулась и увидела, что он тоже оглянулся и смотрит на нее.

Какой-то шар, наполненный зеленоватым пламенем, быстро плыл над дорожкой им навстречу примерно на уровне глаз. Шар явно следовал за этим молодым человеком. Привратник махнул рукой, и шар облетел его стороной, а Ириан в ужасе отшатнулась и присела, но все равно успела почувствовать, как этот холодный зеленый огонь затрещал у нее в волосах. Мастер Привратник оглянулся на нее, и улыбка его стала шире. Он ничего ей не сказал, но она тем не менее отчего-то была уверена, что в случае чего он о ней непременно позаботится. Она решительно выпрямилась и снова пошла за ним.

Наконец Привратник остановился перед какой-то дубовой дверью. Стучаться он не стал, а просто начертал на двери какой-то знак набалдашником своего посоха. Наверное, это магическая Руна, подумала Ириан. Посох у него был очень легкий, из какого-то странного сероватого дерева. Дверь отворилась, и звучный голос из-за нее пригласил:

— Входи!

— Подожди здесь немного, пожалуйста, Ириан, — сказал Привратник и вошел в комнату, дверь, впрочем, оставив распахнутой настежь, так что Ириан были хорошо видны книжные полки, множество книг и стол, на которой также грудой были навалены книги, стояли чернильницы, лежали исписанные листы бумаги. За столом сидели два или три мальчика и седовласый плотный человек, к которому и подошел Привратник. Она увидела, как изменилось выражение лица этого седовласого, как его изумленный взгляд на мгновение остановился на ней, и он стал тихо и настойчиво расспрашивать Привратника о чем-то.

Потом оба подошли к ней.

— Это Мастер Метаморфоз с острова Рок; а это Ириан с острова Уэй, — представил их друг другу Привратник.

Метаморфоз буквально не сводил с девушки глаз, хотя для этого ему пришлось задрать голову — Ириан была гораздо выше него ростом. Потом он некоторое время вопросительно смотрел на Привратника и наконец промолвил, снова уставившись на нее:

— Прости нас, молодая госпожа, что мы будем обсуждать тебя в твоём же присутствии, но мы вынуждены это делать. — И он повернулся к Привратнику: — Ты и сам знаешь, я бы никогда не поставил под сомнение твоё решение, но Устав говорит ясно, а потому я вынужден спросить: что заставило тебя нарушить Устав и впустить сюда эту женщину?

— Она попросила об этом, — отвечал Привратник.

— Но ведь... — Метаморфоз не закончил фразу.

— Когда, скажи, в последний раз женщина просила впустить её в Большой Дом?

— Но всем женщинам известно, что Устав запрещает им входить сюда!

— Ты это знала, Ириан? — спросил Привратник, и она честно ответила:

— Да, господин мой.

— И какая же необходимость привела тебя сюда? — спросил её Метаморфоз сурово, однако с нескрываемым любопытством.

— Я хочу здесь учиться. Мастер Айвори сказал, что я вполне могу сойти за мужчину. Хотя я считала, что следует сразу сказать, кто я... Но я буду точно так же, как и мужчины, хранить обет безбрачия, господин мой!

Две длинные полукруглые морщины опять появились на щеках Мастера Привратника; они как бы замыкали другое полукружие — полукружие улыбки, которая медленно расплывалась у него на губах. Лицо Метаморфоза оставалось по-прежнему суровым, однако и он мигнул от неожиданности, услышав этот бесхитростный ответ, потом подумал немного и сказал:

— Я уверен... да... Это определенно было бы куда лучше. А о каком это Мастере Айвори ты говоришь?

— Айвори, наш бывший ученик, — сказал Привратник. — Он из порта Хавнор. Три года назад я впустил его сюда, а в прошлом году выпустил. Ты, может, даже помнишь...

— Ах, Айвори! Тот парень, что учился у Ловкой Руки? Так он тоже здесь? — сердито спросил Метаморфоз, обращаясь к Ириан. Она выпрямилась и молчала, точно воды в рот набрала.

— Здесь, но не в Школе, — с улыбкой ответил за неё Привратник.

— Так он обманул тебя, милая моя! Обвел вокруг пальца, да и нас пытался провести! — воскликнул Метаморфоз.

— Нет, он просто помог мне попасть сюда. И объяснил, что нужно сказать Привратнику, — сказала Ириан. — И я здесь не для того, чтобы кого-то обманывать! Мне просто необходимо кое-что узнать, а это я могу сделать только здесь.

— Я и раньше часто удивлялся, почему я впустил этого мальчишку, этого Айвори, — задумчиво промолвил Привратник. — Теперь я начинаю понимать, почему...

Услышав эти слова, Метаморфоз как-то странно посмотрел на него и довольно мрачным тоном спросил:

— Слушай, что у тебя на уме?

— Мне кажется, Ириан с острова Уэй явилась к нам, чтобы узнать не только то, что ей знать действительно необходимо, но также и для того, чтобы мы узнали то, что нам знать необходимо. — Тон у Привратника тоже почему-то стал теперь мрачным и торжественным; и он больше не улыбался. — И, по-моему, это следовало бы хорошенько обсудить всем нам, Девятерым.

Метаморфоз слушал его с видом глубочайшего изумления, но ни одного вопроса не задал и сказал лишь:

— Но только без учеников.

Привратник согласно кивнул.

— Но девушка могла бы остановиться и в городе! — Метаморфоз явно испытывал некоторое облегчение и снова стал наступать.

— А мы будем обсуждать ее судьбу у нее за спиной? — спросил Привратник.

— Неужели ты хочешь привести ее в Зал Совета? — Метаморфоз был потрясен.

— Между прочим, Верховный Маг приводил туда юного Аррена.

— Но ведь... Но ведь Аррен — это король Лебаннен!

— А кто такая Ириан?

Метаморфоз некоторое время молчал, а потом промолвил, тихо и с безусловным уважением:

— Друг мой, скажи, что именно ты хочешь узнать или понять? И кто она такая, что ты так просишь за нее?

— А кто мы такие, — ответил ему Привратник, — чтобы отказывать ей, не зная даже, кто такая она?

«Какая-то женщина», — сказал Мастер Заклинатель.

Ириан прождала несколько часов в комнатке у Мастера Привратника; комнатка была низенькая, но светлая и почти пустая. У окна было устроено

удобное сиденье, а само окно с частым переплетом выходило на огороды Большого Дома — очень красивые, ухоженные огороды с длинными грядками, на которых росли различные овощи, зелень и травы; дальше виднелись ягодные кустарники, окруженными круговыми подпорками, а еще дальше — фруктовые деревья. Ириан видела, как в огород вышли трое — очень смуглый мужчина плотного сложения и двое мальчиков — и принялись пропалывать одну из гряд с овощами. У нее даже на душе полегчало, пока она наблюдала за их аккуратной и сосредоточенной работой. Жаль, что она не может помочь им! Это ожидание и странная незнакомая обстановка действовали на нее подавляюще. Один раз к ней зашел Привратник и принес ей кувшин воды и тарелку с холодным мясом, хлебом и мелкими луковичками, и она поела, потому что он велел ей поесть, но с трудом заставляла себя жевать и глотать. Огородники ушли, и теперь из окна смотреть стало не на что, разве что на кочаны капусты да на шнырявших по огороду воробьев. Иногда высоко в небесах она замечала парящего ястреба да слышала, как ветерок мягко шелестит в кронах высоких деревьев, росших на некотором отдалении, за огородом и садом.

Наконец Привратник вернулся и сказал:

— Идем, Ириан, сейчас ты познакомишься с Мастерами Рока. — И сердце у нее тут же помчалось вскачь. Они долго шли по лабиринту коридоров и наконец оказались в помещении с потемневшими старинными стенами, в одной из которых был целый ряд высоких островерхих окон. В комнате стояли несколько мужчин, и, когда Ириан вошла в комнату, все они обернулись и дружно уставились на нее.

— Это Ириан с острова Уэй, господа мои! — провозгласил Привратник. Волшебники хранили молчание. Он жестом пригласил ее пройти в комнату и сказал: — Значит, так, с Мастером Метаморфозом ты уже знакома, а это... — и он назвал ей имена всех остальных, однако она не сумела ни понять, ни запомнить все эти имена, точнее прозвища, обозначавшие некие особые умения; разве что Мастер Травник оказался тем самым полным человеком, которого она видела в огороде и сочла обыкновенным садовником. И еще она запомнила, что самый молодой из Мастеров, высокий человек с очень красивым лицом, которое, казалось, было высечено из темного камня, — это Мастер Заклинатель. Это как раз он и сказал, когда Привратник кончил представлять ей своих собратьев: «Какая-то женщина!»

И Мастер Привратник утвердительно кивнул, глядя, как всегда, ласково.

— И ты только из-за нее собрал всех Девятерых?

— Только из-за нее, — снова подтвердил Привратник.

— Драконы давно уже летают над Внутренним морем, на острове Рок до сих пор нет Верховного Мага, а на троне в Хавноре — по-настоящему коронованного короля! У нас хватает и настоящей работы, — голос у этого Заклинателя тоже был, как камень: тяжелый и холодный. — Когда мы все это будем делать?

Привратник промолчал, и повисла напряженная тишина. Ее нарушил хрупкий ясноглазый волшебник в красной рубаше под серым плащом:

— Ты привел эту женщину в Школу в качестве ученицы, Мастер Привратник?

— А если и так, то всем вам предстоит либо одобрить мой поступок, либо осудить его, — ответил тот.

— Ну а все же? — снова спросил человек в красной рубаше и слегка улыбнулся.

— Слушай, Мастер Ловкая Рука, — сказал ему Привратник, — эта девушка сама попросилась войти; она хочет здесь учиться, и я не вижу причины ей отказывать.

— Да для этого сколько угодно причин! — воскликнул Заклинатель.

Кто-то из волшебников глубоким чистым голосом поддержал его:

— Это противоречит даже не какому-то нашему решению, а Уставу острова Рок, которому все мы поклялись следовать!

— Сомневаюсь, чтобы Мастер Привратник так легко решился нарушить Устав, не имея на то веских оснований, — сказал кто-то, кого Ириан до сих пор не замечала, хотя это был крупный мужчина, седоволосый и ужасно худой, даже какой-то костлявый, с лицом, словно высеченным из серого гранита. В отличие от остальных, он посмотрел прямо на нее и представился: — Меня зовут Курремкармеррук. Я здешний Мастер Ономатет и довольно хорошо знаком с именами, включая мое собственное. Кто нарек тебя таким именем, Ириан?

— Ведьма Роза из нашей деревни, господин мой, — отвечала она, держась очень прямо, хотя голос ее от волнения прозвучал пискляво и едва слышно.

— Как ты думаешь, не ошиблась ли она в выборе имени? — спросил у Ономатета Мастер Привратник.

Курремкармеррук покачал головой:

— Нет. Однако...

Мастер Заклинатель, все это время стоявший к ним спиной и изучавший камин, в котором не было огня, вдруг резко обернулся.

— Те имена, которыми ведьмы нарекают друг друга, нас здесь

совершенно не должны интересоваться! — сказал он. — Если у тебя есть какой-то интерес к этой женщине, Привратник, то его следует удовлетворить ЗА этими стенами, ЗА той дверью, которую ты поклялся охранять. Для нее нет здесь места и никогда не будет! Женщина способна только принести смуту и разлад и еще больше ослабить нас. Я более не стану говорить в ее присутствии. Единственным ответом на сознательно сделанную ошибку является молчание.

— Молчания, по-моему, недостаточно, господин мой, — возразил еще один волшебник, до сих пор рта не открывавший. С точки зрения Ириан, выглядел он очень странно: бледная, чуть розоватая кожа, длинные волосы, то ли светлые, то ли седые, и узкие глаза цвета льда. И речь его тоже была немного странной: какой-то скованной и как будто не совсем правильной. — Молчание в данном случае — это ответ на все сразу и ни на что конкретно, — прибавил он.

Заклинатель поднял свое благородное темное лицо и посмотрел через всю комнату на белокожего волшебника, но ничего не ответил. Не говоря ни слова, не сделав ни единого жеста, он повернулся и вышел из комнаты. Когда он медленно проходил мимо Ириан, та вдруг вздрогнула и отшатнулась: ей показалось, что перед ней разверзлась могила и оттуда пахнуло зимним холодом, сыростью, тьмой и смертью. У нее перехватило дыхание. Когда ей наконец удалось снова нормально вздохнуть, она заметила, что Заклинатель и тот бледный белокожий человек внимательно за ней наблюдают.

А тот волшебник, голос которого был похож на звон большого колокола, глянув на Ириан, заговорил с ней строго, но вполне доброжелательно:

— Насколько я понимаю, тот человек, что привез тебя сюда, хотел причинить нам зло, но сама ты этого не хотела. И все же, находясь здесь, Ириан, ты причиняешь зло — и нам, и самой себе. Все, что делается не по правилам и оказывается не там, где ему положено, способствует свершению зла. Даже невольной пропетая нота, как бы правильно она ни была пропета, портит мелодию, если не является ее частью. Женщинам полагается учиться у женщин. Ведьмы постигают свое мастерство, учась у других ведьм и обмениваясь знаниями с колдунами. Но не с волшебниками! Мы учим своих учеников такому языку, который не предназначен для женских уст. Я знаю, юные души часто восстают против здешних правил, называя их несправедливыми, навязанными, однако это Истинные законы Рока, и они основаны не на том, чего мы хотим, а на том, что есть на самом деле. Справедливость и несправедливость, глупость и

мудрость — все на свете должно подчиняться этим законам, иначе жизнь твоя будет потрачена зря и тебя ждет печальный конец.

Метаморфоз и худой остролицый старичок, стоявший с ним рядом, согласно кивали. А Мастер Ловкая Рука сказал девушке:

— Ты прости меня, Ириан. Айвори был моим учеником. И если я плохо учил его, то сделал еще хуже, отослав его прочь. Я думал, что в нем ничего особенного нет и поэтому он безвреден, но я ошибся. Он солгал тебе и обманом заставил тебя пробраться сюда. Но тебе самой нечего стыдиться. Вся вина лежит на нем и на мне.

— А я и не стыжусь, — сказала Ириан. И посмотрела на них. Она чувствовала, что должна поблагодарить их всех за любезность, но не находила нужных слов, да они и не желали срываться с ее губ. Поэтому она сдержанно поклонилась каждому, повернулась и быстро пошла прочь.

Привратник нагнал ее, когда она в растерянности остановилась у пересечения нескольких коридоров, не зная, который выбрать.

— Вот сюда, — подсказал он, стараясь шагать с нею рядом и не отставать. Через некоторое время он снова сказал: — А теперь сюда, — и так они довольно скоро добрались до входной двери. Но эта дверь была вовсе не из рога и не из слоновой кости, а из сплошного дуба, не украшенная никакой резьбой, черная, массивная, с железной задвижкой, несколько истончившейся от времени. — Это садовая дверь, — пояснил Мастер Привратник, отодвигая задвижку. — Или «Дверь Медры», как ее обычно здесь называют. Я охраняю обе двери. — Он распахнул дверь, и небо за нею оказалось таким ярким, что у Ириан потемнело в глазах. Когда же она немного привыкла к солнечному свету, то увидела тропинку, ведущую от двери через огороды, сады и поля куда-то вдаль, к тем высоким деревьям, шум которых она слышала в привратнической. Округлая вершина Холма Рок виднелась теперь значительно правее. А у самого начала тропы, почти у двери, стоял, словно поджидая их, тот самый волшебник с бесцветными волосами и узкими светлыми глазами.

— А, это ты, Мастер Путеводитель, — сказал Привратник, совершенно не удивленный его появлением.

— Куда ты отсылаешь эту даму? — спросил Мастер Путеводитель, по-прежнему как-то странно произнося слова.

— Никуда, — сказал Привратник. — Я выпускаю ее. Как впустил, так и выпускаю — по ее собственному желанию.

— Хочешь пойти со мной? — спросил Путеводитель у Ириан.

Она посмотрела на него, потом на Привратника и ничего не ответила.

— Я живу не в Большом Доме. Я вообще ни в каком доме не живу, —

продолжал Путеводитель. — Я живу вон там. В Роще. Ага!.. — воскликнул он вдруг, резко оборачиваясь. Тот седовласый волшебник со странным именем Курремкармеррук, он же Мастер Ономатет, стоял прямо перед ними на той же тропинке. Однако его там точно не было, пока Путеводитель не сказал свое «ага», и Ириан, совершенно ошалев, переводила взгляд с одного на другого.

— Это только мой образ, мой посланник, если угодно, имеющий мое обличье, — пояснил ей старик. — Я тоже не живу в Большом Доме. Я живу довольно далеко... — и он махнул рукой куда-то на север. — Но ты можешь, если захочешь, посетить меня, когда решишь все свои вопросы с Мастером Путеводителем. Мне бы хотелось побольше узнать о твоём Истинном имени. — Он кивнул двум другим волшебникам и исчез. На том месте, где он только что стоял, тяжело, с монотонным гудением кружил мохнатый шмель.

Ириан долго молчала, глядя в землю, потом откашлялась и сказала, не поднимая глаз:

— А это правда, что я приношу вред, находясь здесь?

— Не знаю, — сказал Мастер Привратник.

— В Роще ты в любом случае никакого вреда никому принести не сможешь, — сказал Мастер Путеводитель. — Пойдем же со мной, не бойся. Там есть один старый дом, можно сказать, хижина. Очень ветхий домишко и грязноватый, но, я думаю, это для тебя не так уж и важно, верно? Поживи там немного. И, может быть, кое-что сама увидишь и узнаешь. — И Мастер Путеводитель двинулся прямо по тропинке между грядами с кудрявой петрушкой и густо разросшимися бобами. Ириан посмотрела на Привратника: тот слегка ей улыбнулся, и она, решившись, последовала за бледнолицым волшебником.

Они прошли примерно с полмили. Справа от них высилась громада Холма Рок; его округлая вершина была освещена закатным солнцем. А за спиной у них горбатились островерхими крышами серые здания Школы, расположенной почти у подножия Холма. Те высокие деревья, которые Ириан видела из окошка комнаты Мастера Привратника, теперь вздымались в небо прямо перед ними, и она уже различала среди деревьев знакомые дубы и ивы, каштаны и ясени, а также какие-то высоченные темно-зеленые хвойные деревья. Из самой чащи, куда не проникали солнечные лучи, выбегал ручей; берега его заросли сочной зеленой травой, и в ней виднелось множество протоптанных овцами и коровами тропок — в тех местах, где животные спускались к ручью на водопой или переходили его вброд.

— Вон он, тот домишко, — сказал волшебник и показал ей на низенькую, поросшую мхом крышу, почти совсем незаметную в густой тени деревьев. — Если хочешь, можешь переночевать там сегодня, а? — Он просил ее остаться, он ей совсем НЕ ПРИКАЗЫВАЛ. И она лишь молча кивнула в ответ. — Хорошо, тогда я принесу поесть, — сказал он и быстро пошел куда-то, все ускоряя шаг, и вскоре совсем пропал из виду в полосатой тени под деревьями, хотя и не так внезапно, как этот Мастер Ономатет тогда на тропинке. Ириан долго смотрела ему вслед, а потом побрела сквозь густую траву к маленькому домику, точно прижавшемуся к лесу.

Похоже, он был построен очень давно и его не раз перестраивали и ремонтировали, но каждый раз этого хватало ненадолго. И, похоже, в нем давно уже никто не жил — во всяком случае, если судить по ощущению застоя и одиночества, которое здесь царило. Однако в доме было сухо, воздух был свежий, и казалось, что те, кто здесь когда-то жил, были очень спокойными и мирными людьми. Что же касается ветхих стен, мышей, пыли, паутины и покосившейся мебели, то все это было вполне Ириан знакомо. Она отыскала старый веник, быстренько вымела весь мусор и мышинный помет и накрыла дощатую лежанку своим дорожным одеялом. Потом, отыскав в кладовке с покосившейся дверью треснувший кувшин, принесла воды из ручья; ручей, чистый и спокойный, бежал буквально в десяти шагах от порога. Она делала все это уверенно, но словно во сне, а когда переделала все привычные дела, то села на траву, прислонившись спиной к стене дома, еще хранившей тепло солнечных лучей, и задремала.

Когда она проснулась, рядом с ней сидел Мастер Путеводитель, а между ними на траве стояла корзина.

— Есть хочешь? Поешь, — предложил он.

— Я потом поем, господин мой. Спасибо, — сказала Ириан.

— А я проголодался, — сказал волшебник. Он вытащил из корзины сваренное вкрутую яйцо, очистил его и съел.

— Люди называют эту хижину Домом Выдры, — сказал он. — Дом этот очень старый. Такой же старый, как Большой Дом. Здесь у нас все очень старое. Да и сами мы тоже старые... здешние Мастера.

— Ну, ты-то не очень! — искренне возразила Ириан. На вид она бы дала Мастеру Путеводителю лет тридцать-сорок, хотя и не была полностью в этом уверена. Ее смущало то, что волосы у него седые; а может, они вовсе и не были седыми, просто она не привыкла видеть людей с такими светлыми, даже бесцветными волосами.

— Видишь ли, я прибыл сюда издалека, а мили могут порой

превратиться в года. Я ведь карг, с островов Карего. Знаешь такое название?

— А, так ты из этих Седых Людей! — воскликнула Ириан и принялась откровенно его разглядывать. Все истории, которые рассказывала ей Дейзи о Седых Людах, живших далеко на Востоке и приплывавших оттуда, чтобы захватывать чужие земли с невиданной жестокостью, нанизывая на копья даже невинных младенцев, сразу же ожили в ее памяти. Вспомнила она и легенду о том, как Эррет-Акбе потерял Кольцо Мира, и «Королевскую сказку», в которой рассказывалось, как Верховный Маг, по прозвищу Ястреб-перепелятник, отправился в страну Седых Людей и вернул оттуда это кольцо...

— Седые? — переспросил Мастер Путеводитель.

— Ну да, беловолосые, у них волосы словно инеем покрыты, — пояснила Ириан и, смутившись, опустила глаза.

— А, понятно... — Он помолчал и сказал: — В общем, ты права: Мастер Заклинатель, например, совсем не стар... — И она заметила, что он искоса глянул на нее своими узкими глазами цвета льда.

Она ничего не ответила.

— По-моему, ты его испугалась.

Она молча кивнула.

И он, выждав несколько минут, снова заговорил:

— Не бойся. В тени этих деревьев нет места злу. Здесь царят истина и справедливость.

— Когда он проходил мимо меня, — прошептала Ириан, — мне показалось, что я гляжу в разверстую могилу...

— Понятно, — кивнул Путеводитель и принялся собирать в кучку кусочки яичной скорлупы, потом выложил из них, как из мозаики, белый кружок и старательно его замкнул. — Да, так и есть, — сказал он, внимательно глядя на этот кружок, потом выскреб в земле ямку, аккуратно собрал в нее все кусочки скорлупы, засыпал их землей и тщательно потряхнул руки. И снова Ириан обратила внимание, что он быстро и незаметно на нее поглядывает.

— Ты ведь была ведьмой, да, Ириан? — спросил он вдруг.

— Нет.

— Но ты, безусловно, обладаешь кое-какими знаниями!

— Нет. Ничем я не обладаю. Роза ни за что не соглашалась меня учить, сколько я ни просила. Она сказала, что не осмеливается, потому что во мне заключена какая-то сила, только она не знает, какая именно.

— Твоя Роза — мудрый цветок, — без улыбки заметил волшебник.

— Но я-то чувствую, что непременно должна это узнать! Что мне нужно что-то такое сделать в жизни, кем-то стать! Вот почему я так хотела попасть сюда, на Остров Мудрых. Чтобы все это выяснить.

Теперь она уже немного привыкла к странному лицу своего собеседника и начинала различать, как может меняться выражение его прозрачных светлых глаз. Сейчас, например, ей казалось, что он выглядит печальным. Да и его манера говорить перестала ее удивлять; говорил он, пожалуй, немного резковато, быстро, сухо, но вполне миролюбиво.

— Люди на этом острове совсем не всегда так уж мудры, ты, наверное, уже и сама это поняла, — сказал он. — По-настоящему мудр, возможно, только Привратник. — Теперь Мастер Путеводитель смотрел прямо на Ириан, и его глаза, казалось, стараются удержать ее взгляд, приковывают к себе. — Но там, в лесу, под деревьями — там иная, старинная мудрость. И она никогда не устаревает. Я не могу научить тебя понимать ее. Я могу только отвести тебя в Имманентную Рощу, чтобы ты училась сама. — Он помолчал с минуту, встал и спросил: — Хочешь?

— Хочу, — неуверенно сказала Ириан.

— Дом-то ничего?

— Ничего...

— Тогда до завтра, — сказал Мастер Путеводитель и быстро пошел прочь.

Так и случилось, что больше полумесяца тем жарким летом Ириан прожила в Имманентной Роще, в Доме Выдры, где все было исполнено мира и покоя. Ела она то, что приносил ей в корзине Мастер Путеводитель — яйца, сыр, зелень, фрукты, копченую баранину, — и каждый день ходила с ним в Рощу, где тропинки среди высоких деревьев никогда не начинались в том же месте, что и вчера, а исчезали и возникали совершенно произвольно и часто уводили гораздо дальше тех пределов, которые с виду казались опушкой небольшого леса. Они бродили по этим тропам почти всегда в полном молчании да и вообще разговаривали очень мало, только во время отдыха. Этот Мастер Путеводитель был человеком очень спокойным, хотя в нем явно жила некая затаенная страсть или ярость. Но своей страстной натуры он никогда при ней не проявлял, и его присутствие было для нее легким и приятным — таким же приятным, как присутствие самих этих деревьев, редких здешних птиц и четвероногих обитателей. В полном соответствии со своим предупреждением, Путеводитель и не пытался ее обучать, а когда она начинала сама расспрашивать его о Роще, он рассказывал ей, что Роща, как и Холм Рок, существовала всегда, с того самого момента, когда Сегой поднял острова Земноморья со дна морского,

и что вся магия мира заключена в корнях этих деревьев, и что корни эти переплетаются с корнями всех лесов, какие только существуют или могут существовать на свете. «Порой эту Рощу можно видеть в одном месте, а порой — совсем в другом, — сказал он также. — Но так было всегда».

Она никогда не видела, где живет он сам. Ей представлялось, что теплыми летними ночами он ночует там, где ему больше понравится, но его она об этом не спрашивала. Зато спрашивала, откуда он берет ту еду, которую приносит ей, и он ответил, что то, чем Школа не может сама себя обеспечить, ей поставляют окрестные фермеры, которые уверены, что Мастера с лихвой расплачиваются с ними за это, охраняя их стада, их поля и сады, да и весь их остров. Это показалось Ириан вполне разумным. На острове Уэй поговорка «волшебник, у которого даже миски каши не найдется», означала нечто небывалое, неслыханное. Но сама-то она волшебницей не была, а потому, желая отработать свою «миску каши», изо всех сил старалась отремонтировать Дом Выдры, взяв нужные инструменты взаймы у одного из крестьян, а гвозди и все остальное купив в городе Твиле. Деньги у нее были — примерно половина «сырных» денег осталась неистраченной.

Мастер Путеводитель никогда не приходил к ней слишком рано, обычно ближе к полудню, так что все утро у нее было свободным. Она привыкла к одиночеству, но все же немного скучала по Розе, Дейзи и Кони, а также по своим курам, коровам, овцам, шумливым глупым собакам и даже по той работе, которую ей приходилось делать в доме, пытаясь поддержать Старую Ирию и не дать ей окончательно развалиться. Ну и для того, конечно, чтобы было что подать на стол. Так что она по привычке и здесь старалась все утро занять неторопливой работой, пока не замечала вышедшего из чащи волшебника, светловолосая голова которого так и сверкала в солнечных лучах.

Но когда они уходили в Рощу, она даже не думала о том, чтобы как-то отработать свое проживание в Доме Выдры, или что-то узнать особенное, или чему-то научиться. Просто БЫТЬ там уже было ей вполне достаточно; ей казалось даже, что это вообще все, что ей нужно в жизни.

Когда Ириан спросила Путеводителя, приходят ли сюда ученики из Большого Дома, он ответил: «Иногда». А еще он обронил как-то: «Мои слова — ничто. Слушай листья!» И она, бродя по Роще, прислушивалась к шепоту листьев, когда налетевший ветерок шелестел ими или шумел в вершинах деревьев; она следила за игрой теней и думала о корнях этих немыслимых деревьев, о том, как они уходят в темные глубины земли и сплетаются там с корнями мироздания... Она была совершенно счастлива.

И все же постоянно — хотя и без малейшего неудовольствия или желания приблизить этот миг — чувствовала, что чего-то ждет. И это молчаливое ожидание становилось наиболее сильным и очевидным, когда она выходила из своего лесного убежища и видела вокруг простор и чистое небо над ним.

Однажды, когда они зашли очень далеко и деревья — какие-то темные вечнозеленые хвойные деревья, названий которых она не знала, — стали особенно высоки, почти смыкаясь у них над головой, она услышала странный зов, далекий, почти неслышимый. Может, ей показалось? Может, где-то просто горн пропел или кто-то крикнул протяжно? Она застыла, прислушиваясь и невольно обратясь лицом к западу. Волшебник, продолжавший идти по тропе, обернулся, только когда понял, что Ириан давно рядом нет.

— Я слышала... — начала было она, но так и не сумела сказать, что же именно она слышала.

Путеводитель тоже прислушался. А потом они двинулись дальше в молчании, которое, словно благодаря этому далекому неведомому зову, стало еще более глубоким, каким-то всеобъемлющим.

Ириан никогда не ходила в Рощу без Мастера Путеводителя, и прошло немало дней, прежде чем он оставил ее там одну. Однажды жарким полуднем, когда они вышли на поляну среди дубов, он вдруг сказал: «Я потом сюда вернусь, ладно?» — и быстро ушел, почти сразу исчезнув среди пятнистых движущихся теней.

До этого у нее не возникало ни малейшего желания исследовать Рощу в одиночку. Мир и покой, царившие там, призывали к неподвижности и сосредоточенному наблюдению, и она знала к тому же, как обманчивы здешние тропинки. А также Мастер Путеводитель давно уже сказал ей, что «Роща гораздо больше изнутри, чем снаружи», и она не раз имела возможность в этом убедиться. Так что после его ухода Ириан уселась на траву под раскидистым дубом и стала следить за игрой теней на земле, буквально усыпанной спелыми желудями. Она ни разу не встречала в лесу диких свиней, но следы их видела неоднократно. В какое-то мгновение она почуяла резкий лисий запах, но самой лисы видно не было. Мысли Ириан текли спокойно и легко, как тот поток воздуха, что шевелил листву у нее над головой в теплом летнем мареве.

Ей часто казалось, что она полностью свободна от всяких мыслей и наполнена лишь самим этим лесом, но в тот день к ней почему-то пришли воспоминания, и были они очень живыми и яркими. Она вспоминала Айвори и думала о том, что, наверное, никогда больше его не увидит. Интересно, нашел ли он судно, которое согласилось бы отвезти его в

Хавнор? Он говорил, что никогда больше не вернется в Уэстпул и единственное место, где он хотел бы жить, это порт Хавнор, королевская столица Земноморья, а после жизни в доме Берча он мечтает лишь о том, чтобы остров Уэй погрузился в морскую пучину так же глубоко, как некогда остров Солеа. А Ириан с любовью вспоминала Уэй, его проселочные дороги и поля, Старую Ирию и деревню у подножия холма, речку с болотистыми берегами, родной дом... Она вспоминала, как Дейзи хозяйничала на кухне и зимними вечерами пела баллады, отбивая ритм деревянными подошвами своих башмаков. Она вспоминала, как старый Кони, вооруженный своим острым, как бритва, ножом, показывал ей, как нужно подрезать лозу «до самого жизненного корня», и как Роза, ведьма и целительница, шепчет заклинания, желая облегчить боль в сломанной ручке ребенка. Я знала по-настоящему мудрых людей, думала она. А вот об отце ей думать не хотелось, однако движение листьев и теней на земле как бы направило ее мысль именно в этом направлении, и она вновь увидела отца пьяным, выкрикивающим что-то бессмысленное. Она снова почувствовала, как к ней прикасаются его дрожащие руки, и заметила, что по лицу отца катятся бессильные слезы стыда. И горькая печаль поднялась и пронизала все ее существо, а потом растворилась без следа, как растворяется боль, когда хорошенько распрямишь затекшие руки. Отец всегда значил для нее гораздо меньше, чем мать, которую она никогда даже не видела.

Ириан сладко потянулась, чувствуя, как хорошо и легко ее телу, окутанному летним теплом и лесными ароматами, и мысли ее вновь вернулись к Айвори. У нее никогда в жизни не было мужчины, которого она бы любила, которого желала бы. Когда молодой волшебник, служивший у Берча, впервые проехал мимо ее дома — он тогда показался ей удивительно хрупким и страшно высокомерным, — она стала мечтать о том, что, может быть, сумеет полюбить его. Однако этого не произошло, и Айвори не пробуждал в ней никаких «безумных желаний», так что она решила: этот волшебник защищен какими-то чарами. Роза к этому времени уже объяснила ей, как действуют подобные чары: "...чтобы ничего такого никогда даже в голову не приходило ни тебе, ни им — ясно? — потому что, по их словам, ЭТО лишает магической силы». Но Айвори, бедный Айвори оказался как раз совершенно незащищенным от ее, Ириан, «чар»! А вот она сама, видно, была заколдована, ибо, несмотря на то что молодой волшебник был хорош собой и с нею очень мил, она так никогда и не почувствовала к нему ничего большего, чем простое расположение; ее единственным страстным желанием было узнать то, чему он мог тогда ее научить.

«Кто же я такая? — думала она в лесной тиши. Действительно — не пела ни одна птица, ветерок улегся, листья повисли неподвижно... — А что, если я на самом деле заколдована? Или, может быть, я бесплодна? Не могу ни родить, ни любить мужчин? Может, во мне чего-то не хватает? Может, я вообще не женщина?» — спрашивала она себя, разглядывая свои сильные обнаженные руки и нежные округлости груди, видневшихся в вырезе рубахи.

Она подняла глаза и увидела «седого» волшебника, который как раз вышел из темного прохода между огромными дубами — точно из храма! — и направлялся к ней через поляну.

Мастер Путеводитель остановился перед нею, и она почувствовала, как вспыхнуло у нее лицо, как горят щеки и шея, как кружится голова и звенит в ушах. Она искала любые слова, чтобы хоть как-то отвлечь его внимание, чтобы он перестал так смотреть на нее, но не могла вымолвить ни слова. Волшебник сел с нею рядом, и она потупилась, делая вид, что рассматривает скелетик прошлогоднего полуистлевшего листка, случайно попавшегося ей на глаза.

«Чего я хочу?» — спрашивала она себя, и ответ являлся ей не в виде слов; ей отвечали как бы разом и ее тело, и ее душа: огня! Огня, гораздо более мощного, чем пламя желания. И полета в небесном просторе, исполненного обжигающего восторга...

Точно от толчка, Ириан вдруг вернулась в реальность; все так же тих был застывший воздух под деревьями; все так же «седой» волшебник сидел с нею рядом, низко опустив голову, и она подумала, что он выглядит странно хрупким и маленьким, а еще — очень печальным, так что бояться его нечего. Да он и не замышляет ничего дурного...

Волшебник осторожно посмотрел на нее через плечо.

— Ириан, — спросил он, — ты слышишь, что говорят тебе листья?

Легкий ветерок опять поднялся и шелестел в листве; и листья дубов действительно словно что-то шептали друг другу.

— Чуть-чуть, — сказала она.

— А ты различаешь слова?

— Нет...

Она ничего не стала у него спрашивать, и он больше ничего ей не сказал. Вскоре он поднялся, и она, как всегда, последовала за ним по тропе, которая, тоже как всегда, рано или поздно выводила их на поляну возле речки Твилберн, где стоял Дом Выдры. Когда они вышли туда, день уже клонился к вечеру, и в том месте, где ручей выбегал из леса, миновав все препятствия на своем пути, Путеводитель подошел к воде и опустил на

колени, чтобы напиться. Ириан проделала то же самое. Потом, усевшись на прохладной траве, волшебник заговорил:

— Мой народ, карги, поклоняется Богам-близнецам. И король у нас тоже считается божеством. Но и до появления тех богов, которым поклоняются, и после этого — всегда! — существовали реки и ручьи, пещеры и скалы, холмы и деревья. Земля. Темные земные недра.

— Древние Силы Земли, — сказала Ириан.

Он кивнул.

— На наших островах женщины хорошо знали, что такое Древние Силы, и поклонялись им. Здесь тоже некоторые их знают, например, некоторые ведьмы. И это знание считается здесь вредным и опасным... да?

Когда он добавлял свое коротенькое вопросительное «да?» или «нет?» к тому, что, казалось, было утверждением, то всегда заставлял Ириан врасплох. Она промолчала.

— Темное всегда кажется опасным, — сказал Путеводитель, — да?

Ириан глубоко вздохнула и посмотрела ему прямо в глаза.

— СВЕТ ЛИШЬ ВО ТЬМЕ, — промолвила она.

— Да, верно... — откликнулся он и отвернулся, чтобы она ничего не смогла прочесть по его глазам.

— Мне, видимо, следует уйти отсюда, — сказала она. — Я могу бродить в Роще, но не могу жить там. Это... место не для меня. Да и Мастер Регент говорил, что я приношу вред уже тем, что живу здесь.

— Мы все приносим чему-либо вред уже самим своим существованием.

И он сделал то, что делал очень часто: сложил некий узор из того, что было под рукой. Расчистил перед собой кусочек речного песчаного берега и выложил на нем орнамент из черенка дубового листа, стебля травы и нескольких камешков. Потом некоторое время изучал получившийся рисунок, что-то в нем то ли меняя, то ли исправляя, и сказал наконец:

— А теперь давай поговорим о наносимом нами вреде, — и снова надолго замолчал, но все же продолжил: — Как ты, должно быть, знаешь, с берегов смерти нашего лорда Ястреба вместе с молодым королем Лебанненом принес один дракон. Потом этот же дракон отнес Ястреба на остров Гонт, на родину Верховного Мага, ибо тот истратил в стране мертвых всю свою магическую силу и перестал быть волшебником. И вскоре после этого Мастера Рока собрались вместе, чтобы выбрать нового Верховного Мага. Собрались, как всегда, здесь, в Роще. Но все же это происходило не так, как всегда.

Дело в том, что еще до того, как прилетел тот дракон, из царства

смерти вернулся и наш Мастер Заклинатель. Он мог бывать там, ибо делать это позволяло ему его искусство. И он сказал, что видел там, за каменной стеной, нашего лорда Ястреба и молодого короля и что они никогда не вернутся. Он сказал также, что именно лорд Ястреб велел ему вернуться к нам и рассказать об этом. Так что мы уже оплакали нашего Верховного Мага, когда прилетел дракон Калессин и принес его живым.

Мастер Заклинатель был среди нас, когда мы стояли на Холме Рок и смотрели, как Верховный Маг преклоняет колена перед королем Лебанненом, как он вновь садится на спину дракона, как дракон уносит нашего друга прочь... И тут вдруг Мастер Заклинатель упал на землю.

Он лежал, как мертвый, тело его было совершенно холодным, сердце не билось, но он дышал, хотя и очень слабо. Мастер Травник использовал все свое искусство, но так и не смог ничего сделать. «Он мертв, — сказал Травник. — Он еще будет дышать, но он уже мертв». Так что пришлось нам оплакивать и его уход. А потом, поскольку нами владел страх, и все мои... узоры говорили о неких опасных переменах, мы снова собрались вместе, чтобы выбрать нового руководителя Школы, нового Верховного Мага. И на том совете мы посадили на место Мастера Заклинателя нашего молодого короля Лебаннена. Нам это показалось справедливым, и один лишь Мастер Метаморфоз сперва был против, но потом согласился и он.

Итак, мы собрались, расселись, но выбрать так никого и не сумели. Мы говорили о том о сем, но ни одно имя не приходило нам на ум. И тогда я... — Он немного помолчал. — В общем, ко мне пришло то, что у нас в стране называют «эдуевану», второе дыхание. Слова САМИ звучали у меня в ушах, мне оставалось только произносить их. И я сказал: ХАМА ГОНДУН! И Курремкармеррук громко перевел на ардический: «Женщина с Гонта!» Но тут я как бы очнулся и снова стал самим собой; слова перестали звучать у меня в ушах, и я не сумел объяснить, что эти слова означают. И мы разошлись в полном недоумении, так и не выбрав Верховного Мага.

Перед обрядом коронации молодой король и наш Мастер Ветродуи отправились на Гонт и долго искали там лорда Ястреба, надеясь, что он сможет объяснить им, что значит это «Женщина с Гонта». Да... Только они так с ним и не встретились. Зато встретились с Тенар Кольца, моей соотечественницей, и она уверенно сказала, что не является той женщиной, которую они ищут. А никакой другой они там и не нашли, и Лебаннен решил, что этому пророчеству еще только предстоит сбыться. А потом, вернувшись в Хавнор, он сам возложил королевскую корону себе на голову.

Мастер Травник, как и я, считал Мастера Заклинателя мертвым. Мы полагали, что то слабое дыхание, что вылетало еще из его уст, связано с

какими-то его чарами, действие которых продолжается, но сути этих чар мы не понимали; было ясно лишь, что они похожи на то волшебство, которое ведомо змеям и позволяет их сердцу биться еще долго после того, как они умрут. Хотя всем нам казалось ужасным — хоронить человека, который еще дышит... К тому же он был совершенно холодным, кровь не текла в его жилах, и душа покинула его тело. Это было еще ужаснее, и мы все же совершили необходимые приготовления к похоронам. А потом, когда Заклинатель уже лежал возле вырытой могилы, глаза его вдруг открылись. Он встал и заговорил! И вот что он сказал: «Я вновь призвал себя к жизни, чтобы сделать то, что должно быть сделано». — Голос Мастера Путеводителя стал тише, он как будто немного охрип. И вдруг одним движением ладони он смахнул тот узор из камешков и травинок, который выкладывал на песке. — В общем, когда в Школу после коронации вернулся Мастер Ветродуй, нас снова стало Девять. Однако мы разделились. Мастер Заклинатель требовал, чтобы мы снова собрались и выбрали Верховного Мага. А король, сказал он еще, вообще не имеет права присутствовать на собрании Девяти Мудрых. И эта «Женщина с Гонта», кто бы она ни была, тоже не сможет занять место Верховного Мага да и вообще среди Мудрецов Рока. А? И мастера Ветродуй, Регент, Метаморфоз и Ловкая Рука сказали, что он прав. Они утверждали, что если король Лебаннен, согласно пророчеству, вернулся из царства смерти и занял трон в Хавноре, то и Верховный Маг вполне может быть тем человеком, который сумел вернуться из царства смерти.

— Но ведь... — начала было Ириан и умолкла.

Путеводитель помолчал немного и пояснил:

— Знаешь, это искусство, которым владеют Заклинатели, это умение призывать к себе чужие души с помощью заклятий, на самом деле ужасно. И делать это всегда очень опасно. Хотя здесь, — и он поднял глаза на темно-зеленую листву деревьев, — подобные заклятия не действуют. И никакой перенос человека ОТТУДА в наш мир, через СТЕНУ невозможен. Когда ты здесь, никакой стены просто не существует...

У него было суровое лицо воина, но когда он смотрел на эти прекрасные огромные деревья, лицо его смягчалось, а взгляд становился печальным, даже тоскливым.

— Итак, — продолжал он, — теперь Заклинатель считает, что мы должны собраться из-за тебя. Но я в Большой Дом не пойду. И не позволю призывать себя заклятиями.

— А он сюда не придет?

— Я думаю, в Роцу он не пойдет. Да и на Холм Рок не станет

подниматься. Ибо и здесь, и на вершине Холма любая ложь становится явной. Там ты такой, какой есть.

Она не совсем поняла, что он имеет в виду, но спрашивать не стала, потому что мысли ее были заняты совсем другим.

— Ты говоришь, что он выставляет меня главной причиной вашего собрания и вашего спора? — спросила она.

— Да. Для того, чтобы отослать прочь одну-единственную женщину, требуется девять волшебников, а? — Мастер Путеводитель усмехнулся. Он очень редко улыбался, а когда улыбался, то мимолетная улыбка эта получалась какой-то свирепой. — По его словам, мы должны встретиться, чтобы соблюсти Устав острова Рок. И, таким образом, выбрать Верховного Мага.

— Если я уйду... — Она заметила, что он качает головой. — Я могла бы пойти к Мастеру Ономатету...

— Здесь тебе куда безопаснее.

Мысль о том, что она приносит несчастье, очень тревожила Ириан. Но ей пока что и в голову не приходило, что ей самой грозит реальная опасность. Она считала это просто невероятным.

— Ничего со мной не случится, — сказала она. — Значит, вас трое: Ономатет, ты и... и Мастер Привратник? И вы...

— ...и мы не желаем, чтобы Торион становился Верховным Магом. Только нас четверо: с нами еще Мастер Травник, хотя он больше любит копать в земле, а не спорить с другими волшебниками.

Он видел, что Ириан смотрит на него в полном изумлении.

— Я не случайно произнес его Истинное имя, — пояснил он. — Торион, Мастер Заклинатель, сам всюду произносит вслух свое Имя. Он ведь умер, а?

Ириан знала, что король Лебаннен тоже открыто пользуется своим Истинным именем, потому что тоже вернулся назад из царства смерти. И все же мысль о том, что и Заклинатель имеет право так поступать, не давала ей покоя.

— А что же ваши... ученики? — спросила она.

— Они тоже разделились.

Она подумала о Школе, где пробыла совсем недолго. Отсюда, из Роци, Школа представлялась ей чем-то вроде окруженной каменными стенами тюрьмы. Эти стены отгораживали тех, что внутри, ото всех остальных, ото всего внешнего мира, и знаменитая Школа становилась больше похожей на загон для птицы, на клетку... Как может человек сохранить душевное здоровье в таком месте?

Мастер Путеводитель выложил из четырех камешков небольшую кривую на песке и сказал:

— Жаль, что Ястреб ушел от нас. Жаль, что я не могу прочесть всего того, что пишут на земле тени деревьев. Я слышу в шепоте листьев, что грядут перемены. Деревья повторяют это снова и снова... Все переменится, кроме них. — Он снова посмотрел на кроны деревьев тем же тоскливым, ласковым и одновременно пытливым взглядом. Солнце почти уже село, и он встал, пожелал Ириан спокойной ночи и пошел прочь. И почти сразу скрылся из виду, нырнув в гущу деревьев.

Она еще немного посидела на берегу Твилберн, встревоженная его рассказом и собственными мыслями и чувствами, которые внезапно пробудились в Роце. А также ей казалось очень странным, почему что-то тревожит ее, если она в Роце? Она встала, прошла в дом, приготовила себе ужин — копченое мясо, хлеб и зеленый лук с молодыми головками — и стала есть, абсолютно не чувствуя вкуса еды. Потом снова побрела, по-прежнему испытывая странное беспокойство, на берег реки и спустилась к воде. Вода показалась ей очень теплой. В сгустившихся сумерках сквозь молочно-белую дымку, что стелилась над рекой, видны были только самые крупные звезды. Ириан скинула сандалии и вошла в воду, которая была весьма прохладной, и все же в ней словно струилась живая кровь — так ощущалось вобранное за день солнечное тепло. Она выскользнула из одежды — собственно, на ней были только мужские штаны да рубашка — и обнаженная бросилась в реку, всем телом чувствуя ее сильное течение. В Ирии она никогда не купалась в реке и ненавидела море с его серыми холодными волнами, но сегодня купание в этой речке с быстрой водой доставляло ей истинное наслаждение. Она качалась в воде, руками ощупывая скользкие подводные камни и свое собственное гладкое тело; ее ноги щекотали речные травы. Все беспокойство, все тревоги словно вымывала из нее эта быстро бегущая вода, и она радостно отдалась на волю течения, глядя в небо, на горящие белым неярким огнем далекие звезды.

Вдруг ее сковал смертный холод. Вода показалась ледяной. Все внутри сжалось в тугой комок, хотя ноги и руки все еще были расслаблены и не желали слушаться. Посмотрев вверх, Ириан увидела на берегу черный силуэт мужчины.

Она тут же встала на ноги, поднявшись из воды по пояс совершенно нагая.

— Убирайся! — крикнула она. — Убирайся отсюда, предатель! Ах ты, грязный развратник! Вот погоди, я тебе кишки выпущу! — Она рванулась к

берегу, путаясь в зарослях прибрежных трав, но на берегу никого не оказалось. Она стояла, чувствуя, что вся горит, что ее буквально трясет от ярости. Она метнулась назад по берегу, отыскивала свою одежду и быстро натянула ее, по-прежнему громко ругаясь вслух: — Ты — трус, а не волшебник! Предатель проклятый! Сукин сын!..

— Это ты, Ириан? — слышался от опушки леса голос Путеводителя.

— Он только что стоял здесь, этот проклятый Торион! — крикнула она, бросившись ему навстречу. — Ах, грязная душонка! Я разделась и купалась в реке, а он стоял там и подсматривал!

— Это был не он сам — всего лишь... его подобие, его образ. Он бесплотен и не мог причинить тебе вреда, Ириан.

— Подобие? Образ? Но у него были совершенно зрячие глаза! Разве подобие способно видеть? А может быть, он... — И она вдруг умолкла, не найдя нужного слова. Ее подташнивало. Она вся дрожала и сглатывала холодную слюну, которая то и дело скапливалась у нее во рту.

Путеводитель подошел к ней и взял ее руки в свои. Руки у него были теплые, а она чувствовала в душе и теле такой мертвящий холод, что подошла и прижалась к нему, чтобы впитать исходившее от него живительное тепло. Они стояли так довольно долго, хотя лицо она от него отвернула; но руки их были сомкнуты, а тела тесно прижаты друг к другу. Наконец она оторвалась от него, выпрямилась, отбросила назад мокрые волосы и сказала:

— Спасибо тебе. Мне было так холодно!

— Я знаю.

— Но мне никогда не бывает холодно! Это все он!

— Я же говорю тебе, Ириан: сам он не может прийти сюда. И пока ты здесь, он не может причинить тебе никакого вреда.

— Он НИГДЕ не может причинить мне вреда! — заявила она, чувствуя, как по жилам ее вновь разливается уже знакомый внутренний огонь, и прибавила грозно: — А если попробует, я его уничтожу!

— Ах... — только вздохнул Путеводитель.

Ириан посмотрела ему в лицо, залитое лунным светом, и вдруг потребовала:

— Назови мне свое имя! Не обязательно Истинное. Пусть это будет хотя бы такое имя... каким тебя могла бы называть я. Когда думаю о тебе.

Некоторое время он молчал, потом промолвил:

— На острове Карего-Ат когда-то меня звали Азвер. На ардическом это значит «боевое знамя».

— Азвер, — повторила она и сказала: — Спасибо тебе, Азвер.

Ириан долго лежала без сна в своем маленьком домике и чувствовала, как воздух становится неподвижным, а потолок будто опускается и давит на нее, а потом вдруг уснула сразу и крепко. И проснулась так же внезапно, едва начало светлеть небо на востоке. Она встала и подошла к двери: больше всего на свете она любила такое вот светлое небо перед восходом солнца. А потом, когда на востоке уже вовсю разливалась заря, она наконец отвела глаза от небес и сразу увидела Азвера, который, завернувшись в свой серый плащ, крепко спал на земле у ее порога. Ириан тут же бесшумно скользнула обратно в дом и через несколько минут заметила, как он возвращается в свой лес, двигаясь неуверенно, почесываясь и протирая глаза, как человек, который только что проснулся.

Ириан принялась было за работу: она обчищала внутреннюю стену домика, собираясь заново ее штукатурить, но стоило первым утренним лучам заглянуть в окошко, как к ней кто-то постучался, хотя дверь была открыта. На крыльце стоял тот самый человек, которого она в первый раз приняла за садовника, Мастер Травник. Вблизи он казался очень солидным и, пожалуй, чересчур флегматичным; чем-то он напоминал вола с темной шкурой. За спиной у него виднелся старый Мастер Ономатет, очень худой и мрачный.

Она растерянно пробормотала какие-то слова приветствия. Они пугали ее, эти Мудрецы с острова Рок. Кроме того, их присутствие здесь означало, что мирным временам пришел конец; конец пришел ее молчаливым прогулкам с Мастером Путеводителем по безмолвному летнему лесу. Впрочем, она поняла это еще прошлой ночью. Поняла, но не хотела принимать.

— Путеводитель послал за нами, — сказал Мастер Травник. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке. Заметив пучок какой-то сорной травы у нее под окошком, он вдруг обрадовался: — О, да это бархатцы! Видно, кто-то из Хавнора посадил их здесь. А я и не знал, что у нас на острове бархатцы растут. — Он внимательно изучил растение и сунул несколько созревших семян в мешочек на поясе.

Ириан украдкой поглядывала на Ономатета, стараясь понять, не является ли он так называемым подобием или все же пришел к ней «во плоти». Ничто в нем не говорило о его нематериальности, но ей все же казалось, что самого его здесь нет, и когда он вышел на яркий солнечный свет, совершенно не отбрасывая тени, она поняла, что была права.

— Далеко ли отсюда до того места, где вы живете, господин мой? —

спросила она его.

Ономатет кивнул.

— Да, я оставил свое тело на полпути, — сказал он и поднял голову: к ним от опушки леса шел Мастер Путеводитель, теперь уже окончательно проснувшийся.

Он поздоровался со всеми и спросил:

— А Привратник придет?

— Он сказал, что ему лучше остаться и сторожить двери, — ответил Травник. Он аккуратно завязал свою мягкую сумку со множеством кармашков, в один из которых спрятал семена бархатцев, и обвел взглядом лица остальных. — Но я не знаю, сумеет ли он накрыть крышкой весь муравейник.

— А что, собственно, происходит? — спросил Курремкармеррук. — Я все это время читал о драконах и никакого внимания не обращал на муравьев. Но вдруг обнаружил, что все ученики, которые занимались у меня, покинули Башню.

— Их призвали, — сухо пояснил Травник.

— Ну и что? — еще более сухо, даже с вызовом, спросил Ономатет.

— Я могу высказать тебе лишь свое собственное мнение... — Травник говорил неуверенно, словно нехотя.

— Ну давай, высказывай, — потребовал старый волшебник.

Но Травник еще некоторое время колебался и наконец промолвил:

— Эта женщина не входит в наш Совет.

— Зато она входит в мой, — заметил Азвер.

— Она появилась здесь именно сейчас, — сказал Ономатет, — а сейчас никто не появляется здесь случайно. Да и в любом случае — все, что знает каждый из нас, и то, как он представляет себе сложившуюся ситуацию, является лишь его собственным видением событий. За каждым из имен, как известно, толпятся и другие имена, дорогой мой целитель.

Темноглазый Травник согласно кивнул и с явным облегчением сказал:

— Ну что ж, вот и прекрасно! — как бы принимая мнение своих друзей и объединяя его с собственным. — Торион очень много времени проводит в обществе других Мастеров, а также — в обществе старших учеников. Какие-то бесконечные тайные встречи, тайные собрания, тайные организации... Школа полна слухов, все о чем-то шепчутся. Многие ученики, особенно младшие, напуганы всем этим, и некоторые из них уже спрашивали у меня или у Привратника, могут ли они уйти из Школы и навсегда покинуть Рок. И мы их отпустили. Но в порту нет ни одного корабля. Ни одно судно не вошло в гавань Твила после того, как ты

прибыла сюда, госпожа моя, а тот корабль на следующий же день отбыл на остров Уотхорт! Мастер Ветроудй поддерживает волшебный ветер Рока и никому не дает войти в гавань. И даже если сюда вздумает прибыть сам король, то и он сейчас не сможет подойти к острову.

— Пока ветер не переменится, да? — заметил Путеводитель.

— Торион говорит, что Лебаннен — не настоящий король, поскольку не был коронован Верховным Магом Земноморья, — продолжал Травник.

— Чепуха! — прервал его старый Ономатет. — На самом деле первый Верховный Маг появился в Земноморье гораздо позже королей. И островом Рок тоже прежде всегда был королевским владением.

— Понятно, — сказал Мастер Путеводитель. — Домоправителю всегда трудно расставаться с ключами от дома, когда туда возвращается настоящий хозяин, а?

— Кольцо Мира вновь стало целым, — снова заговорил Мастер Травник; в его обычно таком спокойном голосе слышалась тревога. — Пророчество осуществилось: сын Морреда коронован, и все-таки нет у нас ни мира, ни покоя, ни справедливости. Где мы свернули на ложный путь? Отчего не можем обрести равновесие?

— А каковы намерения Ториона? — спросил Ономатет.

— Он хочет заставить Лебаннена приехать сюда, — сказал Травник. — Молодежь ведет разговоры о «настоящей коронации», и эту вторую коронацию они намерены провести здесь. И осуществит ее Верховный Маг Земноморья — Торион.

— Минуй нас! — вырвалось у Ириан, и она сделала жест, который, согласно поверью, мешает дурному слову превратиться в деяние. Ни один из волшебников даже не усмехнулся, а Мастер Травник с некоторым опозданием сделал тот же охранительный жест.

— Как же ему удалось до такой степени прибрать всех к рукам? — удивился Ономатет. — Травник, ты ведь, кажется, был здесь, когда Ястреб и Торион получили вызов от Ириотха? А ведь магические способности Ириотха были, по-моему, не менее значительны, чем у Ториона, и он очень умело использовал их, чтобы полностью контролировать других людей. Так что, Торион теперь тоже этим занимается с помощью своих ужасных заклятий?

— Не знаю, — сказал Травник. — Могу лишь сказать, что когда в Большом Доме я оказываюсь с ним рядом, я чувствую свое полное бессилие, я чувствую, что ничего уже поделать нельзя, что все равно ничего не изменится, что ничего нового из всех наших стараний не произрастет... Что какие бы лекарственные средства я ни использовал, болезнь все равно

закончится смертью. — Он обвел друзей своими печальными карими глазами больного вола. — И я думаю, это правда. Нет никакой иной возможности восстановить Равновесие, кроме соблюдения полной неподвижности. Мы зашли слишком далеко. И то, что сделали Верховный Маг и Лебаннен, зайдя во плоти в царство смерти и вернувшись в мир живых, было неправильно. Они нарушили закон, который нельзя нарушать. И, возможно, Торион вернулся именно для того, чтобы восстановить этот закон.

— Так что же, отослать их назад в царство смерти? — сказал Ономатет, а Путеводитель прибавил:

— И кто скажет, каков этот закон?

— Но ведь стена-то существует! — воскликнул Травник.

— Эта стена не имеет таких глубоких корней, как мои деревья в Роще, — возразил Путеводитель.

— Я думаю, во многом ты прав, Травник: мы действительно нарушили Равновесие, — твердо и жестко сказал Курремкармеррук. — И теперь не понять, когда, в каком месте Пути мы свернули не туда и зашли слишком далеко? И что именно позабыли, к чему повернулись спиной, что просмотрели?

Ириан понимала далеко не все и молча переводила взгляд с одного волшебника на другого.

— Когда Равновесие нарушено, не стоит все же сохранять полную неподвижность, ибо это может еще больше усугубить положение, — сказал Мастер Путеводитель. — Пока все не восстановилось... — И он сделал быстрый жест, обозначающий обратное движение — точно приподнимая что-то обеими ладонями, а потом опуская.

— Что может быть отвратительнее, чем самого себя вернуть из царства смерти с помощью магии? — спросил Ономатет.

— Торион был лучшим среди нас — смелое сердце, благородная душа! — Травник говорил чуть ли не с гневом. — Ястреб любил его. Да и все мы его любили...

— Но он попал в ловушку к собственной совести, — промолвил Ономатет, — которая твердила ему, что только он один способен все устроить правильно, как надо. И ради этого он решил отказаться от смерти и вернуть себя к жизни. А теперь он отказывается и от жизни.

— Но кто выступит против него? — спросил Путеводитель. — Я могу лишь скрываться в своих лесах.

— А я — в своей Башне, — сказал Ономатет. — А Травник и Привратник — точно заложники в Большом Доме. Внутри тех самых стен,

которые мы создавали, чтобы оградить себя ото всякого зла!.. А может, чтобы оградить мир от того зла, которое зрело среди нас?

— Нас все-таки четверо, — заметил Путеводитель.

— А их пятеро! — сказал Травник.

— Неужели дошло уже до того, — ужаснулся Ономатет, — что мы стоим на опушке леса, выращенного Сегоем, и говорим о том, как нам уничтожить друг друга?!

— Да, — сказал Путеводитель, — увы, это так. То, что продолжается слишком долго, не претерпевая никаких изменений, обычно само себя изживает и разрушает. Этот лес вечен, потому что он умирает, давая жизнь новым деревьям. И я не позволю мертвой руке Ториона коснуться меня. Или короля, который принес нам надежду. Пророчество было произнесено моими устами, хотя воля моя в этом и не участвовала. Я сказал тогда: «Женщина с Гонта». И я не допущу, чтобы эти слова оказались позабыты!

— Раз так, не стоит ли нам отправиться на Гонт? — спросил Травник, которого не оставила равнодушным страстная речь Азвера. — Там все-таки Ястреб.

— Там еще и Тенар Кольца, — подхватил Азвер.

— И, может быть, там наша надежда, — сказал Ономатет.

Они постояли в молчании и неуверенности, пытаясь сохранить в своих душах только что родившуюся слабую надежду.

Ириан тоже молчала, однако теперь она испытывала, скорее, чувство стыда и собственной бесполезности и незначительности. Эти храбрые и мудрые люди стремились спасти то, что им дорого, но не знали, как это сделать, а она ничем не могла им помочь, ничего не могла им посоветовать, даже просто поучаствовать в обсуждении предстоящих действий и то не могла! Она тихонько отошла от них — они, впрочем, этого даже не заметили — и спустилась к реке в том месте, где Твилберн выбегает из леса, журча по россыпи некрупных камней. Вода в утреннем свете так и сверкала, напевая какую-то веселую песенку. Ириан хотелось плакать, хотя она никогда плакать не любила. Она стояла и смотрела на воду, и стыд в ее душе постепенно сменялся гневом.

Она решительно вернулась туда, где продолжали что-то обсуждать трое волшебников, и окликнула одного из них:

— Послушай, Азвер!

Он, изумленный, обернулся и сделал шаг по направлению к ней.

— Почему ради меня ты нарушил Устав Рока? Разве это было справедливо? Хотя бы по отношению ко мне — ведь я никогда не смогу стать здесь тем, чем являетесь вы?

Азвер нахмурился.

— Привратник пропустил тебя потому, что ты попросила, — сказал он. — А я привел тебя в Рощу, потому что листья деревьев назвали мне твое имя еще до того, как ты появилась на острове. ИРИАН, шептали они, ИРИАН. Почему ты прибыла сюда именно в этот момент, я не знаю, но это явно не случайно. И Заклинатель тоже это понимает.

— Может быть, я прибыла сюда, чтобы его уничтожить?

Азвер посмотрел на нее и ничего не сказал.

— А может быть, я явилась, чтобы уничтожить сам остров Рок?

И тут его бледные глаза сверкнули:

— Попробуй!

Мощная дрожь сотрясла все тело Ириан, но глаз от Азвера она не отвела. Она чувствовала, что стала сейчас гораздо крупнее обычного человека, гораздо больше, чем была сама; она стала невыносимо, невероятно огромной; она могла протянуть палец и раздавить этого человечка, который стоял перед нею совершенно беззащитный в своей хрупкой и недолговечной оболочке... Ириан очень сильно и глубоко вздохнула и сама на несколько шагов отступила от Азвера.

Ощущение огромной, невероятной силы потихоньку покидало ее. Она чуть повернула голову и с изумлением увидела собственную смуглую руку, закатанный рукав, буйную весеннюю траву, зеленевшую под ее сандалиями. Она посмотрела на Мастера Путеводителя, и он показался ей все таким же хрупким и маленьким. Она жалела этого человека, глубоко его уважала, и ей хотелось предостеречь его от опасности, которая ему грозила, но она не могла произнести ни слова. Резко повернувшись, она вернулась на то же место у реки, присела на корточки у весело поющей между камнями воды и закрыла лицо руками, словно отгородившись от Азвера и от всего этого мира.

Голоса магов журчали в отдалении, точно река, но река говорила одно, а они — совсем другое, хотя ни то, ни другое действительности не соответствовало.

IV. Ириан

Теперь в лице Азвера было нечто такое, что Травник спросил:

— В чем дело?

— Я и сам еще не понял... — ответил Путеводитель задумчиво. — Возможно, нам не следует покидать Рок.

— Так мы и не сможем его покинуть, — сказал Травник, — если Ветроудуй замкнет ветры и направит их против нас...

— Ну, с меня достаточно; я возвращаюсь в Башню, — сказал вдруг Курремкармеррук. — Я не желаю, чтобы меня выбросили на помойку, точно старый башмак! Впрочем, сегодня вечером мы с вами снова встретимся здесь. — И он исчез.

— А я бы с удовольствием сейчас прогулялся по Роще, послушал, что говорят деревья! — сказал Травник Азверу и тяжело вздохнул.

— Вот и ступай, Дейяла. А я останусь здесь. — Травник ушел. Азвер присел на грубую скамью, сделанную Ириан у передней стены дома, и пристально посмотрел на девушку, сидевшую с поджатыми коленями на берегу реки. С луга, отделявшего их от Большого Дома, доносилось тихое блеяние овец. Утреннее солнце припекало все жарче.

Это отец когда-то назвал его Азвером, что значит «боевое знамя», а потом он уехал на запад, оставив и отца, и все, что так хорошо знал. А свое Истинное имя он узнал от деревьев в Имманентной Роще и позже стал здесь Мастером Путеводителем. Весь последний год рисунок теней и ветвей в Роще, а также переплетение корней безмолвно твердили ему об одном: грядут страшные перемены, грозящие крушением этого мира. И теперь эта беда уже нависла над ними, он это чувствовал.

Но за Ириан он в ответе. И она, как это и должно быть, находится под его защитой — он понял это, как только ее увидел. И хотя она только что заявила, что якобы может уничтожить Рок, он должен служить ей. И до сих пор он охотно ей служил. Она бродила с ним по лесу, высокая, немного неуклюжая, но совершенно бесстрашная. Он вспомнил, как она отводила в сторону колючие ветви кустарников своими большими осторожными руками, как внимательно ее глаза, золотисто-коричневые, точно вода в тенистых местах реки Твилберн, смотрели на все вокруг; как она прислушивалась к голосу леса, замирая в полной неподвижности. Ему хотелось защищать ее, но он понимал, что сделать этого не в состоянии. Он мог дать ей только немного тепла, когда ей было холодно. А больше ему нечего было дать ей. И она непременно пойдет туда, куда должна пойти. Она не знает, что такое опасность. У нее нет иной мудрости, кроме собственной невинности, и нет иного оружия, кроме собственного гнева. «Кто ты, Ириан?» — прошептал он, глядя на нее, свернувшуюся в комок, точно зверь, запертый в своей мучительной бессловесности.

Травник, к середине дня вернувшийся из леса, немного посидел рядом с Азвером, не говоря ни слова, и пошел в Большой Дом, пообещав вернуться утром вместе с Мастером Привратником и попросить всех

остальных Мастеров также прийти в Рощу. «Но ОН не придет», — сказал Дейяла-Травник, и Азвер-Путеводитель понимающе кивнул.

Весь день Азвер провел поблизости от Дома Выдры, сторожа Ириан. В итоге ему удалось даже заставить ее поесть немного с ним вместе. Ели они в доме, но сразу после трапезы Ириан снова вернулась на прежнее место и замерла там в полной неподвижности. И Азвер тоже чувствовал, как им овладевает какое-то странное сонное оцепенение, которое он никак не мог стряхнуть с себя. Он вспомнил глаза Мастера Заклинателя и мгновенно всем телом ощутил леденящий пронзительный холод, хотя сидел на самом солнцепеке и день был жаркий. «Так нами правит мертвец!» — подумал он, и эта мысль не давала ему более покоя.

Он испытал благодарное чувство, когда увидел Курремкармеррука, неторопливо идущего к нему с севера по берегу Твилберн. Старый волшебник брел по мелководью босиком, в одной руке держа башмаки, а в другой — высокий посох, и сердито ворчал себе под нос, спотыкаясь или оскальзываясь на мокрых камнях.

— На обратном пути я лучше верхом поеду! — заявил он громко. — Или повозку найму. А может, куплю себе мула. Стар я стал, Азвер!

— Поднимайся сюда, к дому! — крикнул ему Путеводитель и поставил на стол воду и еду.

— Где эта девушка?

— Спит, по-моему. Вон там, — и Азвер мотнул головой в ту сторону, где, свернувшись клубком, на зеленой траве у речного переката лежала Ириан.

Дневная жара начинала спадать, и по траве от Рощи протянулись длинные тени, хотя сам Дом Выдры все еще был залит солнечным светом. Курремкармеррук уселся на скамью, прислонившись спиной к стене дома, а Азвер устроился на пороге.

— Ну что ж, похоже, мы подошли к самому концу, — сказал старый волшебник, прервав глубокое молчание.

Азвер молча кивнул в знак согласия.

— Что привело тебя на Рок, Азвер? — спросил Ономатет. — Я давно хотел спросить тебя об этом. Ведь твои родные острова так далеко отсюда. Да и волшебников у вас, как будто, не водится.

— Да, действительно, их там нет. Но у нас есть то, из чего соткана вся магия — вода, камни, деревья, слова...

— Но ведь это не слова Созидания?

— Нет. Там и драконов нет.

— И никогда не было?

— Не знаю, о них говорится только в старинных сказках с самого восточного из наших островов, с пустынного острова Гур-ат-Гур. В этих сказках повествуется о тех временах, когда и наших богов еще не было. И людей тоже, ибо люди до того, как стали людьми, были драконами.

— А вот это уже интересно, — прервал его старый волшебник и сел поудобнее. — Я, кажется, говорил тебе, что читаю книги о драконах? Тебе, наверное, известны слухи о том, что драконы летают над Внутренним морем и добираются до восточных берегов Гонта, так вот: это, без сомнения, Калессин! Когда он нес Геда домой, его полет над островами Внутреннего моря был тысячекратно умножен моряками, которые старались как можно лучше украсить эту и без того красивую историю. Но, с другой стороны, один из наших юных учеников поклялся мне, что и он, и все жители его деревни видели этой весной драконов, круживших над западными склонами горы Онн. Вот я и решил перечитать некоторые старинные книги и узнать, когда драконы перестали летать к востоку от острова Пендор, и в одном из древних пельнийских свитков наткнулся на такую же историю, как ты мне только что рассказал, или же на нечто подобное. О том, что люди и драконы были одним народом, однако поссорились, и в результате одни из них направились на запад, а другие — на восток, превратившись впоследствии в два различных народа и забыв, что некогда были едины.

— Карги всегда плавали очень далеко на восток, — сказал Азвер. — А ты, между прочим, знаешь, как по-каргадски будет «военачальник»?

— Эдран, — быстро сказал Ономатет и засмеялся. — Это значит «дракон». Я знаю ваши галеры с драконом на носу... — Он помолчал немного и прибавил: — Я мог бы попытаться поискать еще и иные значения понятия «на краю смерти», но мне кажется, Азвер, что мы УЖЕ на этом краю! И нашего врага нам не победить.

— Да, у него есть кое-какие преимущества, — сухо признал Азвер.

— И не только. Но если все же допустить, хотя вряд ли это возможно, что мы его победить способны... Если суметь отправить его назад, в царство смерти, а самим остаться здесь... Скажи, что нам делать после этого? Что с нами будет?

Азвер долго молчал, потом промолвил:

— Не знаю.

— А листья и тени в Роще ничего тебе не говорят?

— Они говорят о переменах, — сказал Путеводитель. — О больших переменах!

Он резко вскинул глаза: овцы, столпившиеся у перелаза, вдруг

бросились в разные стороны, явно испугавшись кого-то, идущего по тропе от Большого Дома. Как раз в эту минуту подоспел Мастер Травник.

— Сюда направляется целая толпа, — задыхаясь, сообщил он. — Передовой отряд Ториона. В основном старшие ученики. Они намерены схватить эту девушку и выслать ее с острова. — Травник запыхался и хватал воздух ртом. — Привратник пытался поговорить с ними, когда я уходил, и, по-моему, ему...

— А вот и он сам, — сказал Азвер, и Привратник действительно оказался вдруг с ними рядом; его гладкое желтовато-смуглое лицо было, как всегда, спокойным.

— Я предупредил их, — сказал Привратник, — что если они нынче выйдут из Школы через Ворота Медры, то никогда уже не смогут вернуться обратно. И сразу же некоторые из них предложили вообще никуда не ходить, но Ветроуд и Регент всячески побуждали их осуществить задуманное. Между прочим, они скоро меня догонят.

До них уже доносились голоса идущих по тропе.

Азвер, не раздумывая более, бросился к лежавшей на берегу реки Ириан. Остальные последовали за ним. Ириан вскочила; вид у нее был какой-то ошалелый. А волшебники окружили ее и как-то все ошетинились, увидев, что настоящий отряд, состоящий, по крайней мере, из трех десятков человек, миновал маленький домик и направляется к ним. Это действительно были главным образом старшие ученики, среди которых пятеро или шестеро уже получили посох волшебника. Вел их Мастер Ветроуд. На его худом, морщинистом лице были написаны крайнее напряжение и усталость, однако он вполне бодро и в высшей степени вежливо приветствовал четверых магов.

Они тоже учтиво поздоровались с ним, и слово взял Азвер:

— Мы предлагали собраться в Роще, Мастер Ветроуд. Идемте туда и там, под сенью деревьев, подождем остальных членов Девятки.

— Нет, сперва мы должны разрешить ту проблему, которая нас разделила, — сказал Ветроуд.

— Это неразрешимая проблема, — заметил Ономатет.

— Но ваша женщина своим присутствием в Роще нарушает Устав Рока! — возмутился Ветроуд. — Она ДОЛЖНА уйти! У причала ее ждет судно, и попутный ветер, смею вас заверить, будет им обеспечен до самого Уэя.

— Уж в этом-то я ни минуты не сомневался, господин мой, — сказал Азвер. — Однако я очень сомневаюсь, что она согласится уехать.

— Но неужели и ты, Мастер Путеводитель, отрицаешь теперь

правильность нашего Устава и отказываешься от нашего братства, которое всегда было таким крепким и единодушно стремилось к поддержанию порядка в мире? Неужели именно ты первым из всех Мастеров сойдешь с Пути?

— Путь — это не твердь, чтобы с него сходить, — молвил Азвер. — Путь живет в нас, как дыхание, как огонь костра...

Ему явно было трудно подобрать нужные слова на чужом, ардическом языке, и он перешел на язык каргов, не замечая, что далеко не все присутствующие его понимают.

— Пути неведома смерть! — заключил он свой страстный монолог и подошел еще ближе к Ириан, чувствуя исходящий от нее жар. Она молча смотрела на тех, кто ее окружал, и была в эти минуты похожа на крупного зверя, который совершенно не понимает человеческой речи.

— Лорд Торион вернулся из царства смерти, чтобы спасти нас! — звонящим голосом воскликнул Ветродуй. — И, когда он станет Верховным Магом, Рок наконец обретет прежнее могущество. Да и король получит королевскую корону из его рук, как это полагается по закону, и будет править под его руководством, как правил Морред. И ведьмы перестанут топтать священную землю в Роще, и драконы не будут больше угрожать островам Внутреннего моря. И наконец воцарятся порядок и мир!

Никто из четырех магов, по-прежнему окружавших Ириан, ему не ответил. И в затянувшейся тишине прозвучал чей-то молодой голос:

— Да что там говорить! Давайте схватим эту ведьму, и все!

— Нет... — начал было Азвер и больше не смог произнести ни слова, лишь поднял свой ивовый посох, но и посох лишился своей силы, превратившись в обыкновенный кусок дерева.

Из них четверых только Мастер Привратник еще способен оказался двигаться и говорить. Он сделал шаг вперед, переводя взгляд с одного ученика на другого, и спросил:

— Вы доверяли мне, называя мне свои имена, так скажите: верите ли вы мне сейчас?

— Господин мой, — ответил ему один из молодых волшебников, юноша с тонким смуглым лицом, уже получивший свой дубовый посох, — мы и сейчас тебе полностью доверяем, а потому и просим тебя: позволь нам увести эту ведьму из Рощи, и все будет по-прежнему.

Ответить Привратник не успел, ибо вперед вышла Ириан.

— Во-первых, я не ведьма, — сказала она, и высокий голос ее зазвенел металлом. — Я не владею никакими магическими искусстваами и умениями. И у меня нет ваших знаний. Я пришла сюда, чтобы получить их,

чтобы учиться!

— Мы здесь женщин не учим, — сказал Ветродуй. — И тебе прекрасно это известно!

— Ничего мне не известно! — страстно воскликнула Ириан. И сделала еще шаг вперед, остановившись прямо перед ним. — Скажи, например, кто я?

— Знай свое место, женщина! — Глаза Ветродуя смотрели на нее с холодной яростью.

— Мое место? — медленно проговорила Ириан. — Я думаю, что мое место сейчас на Холме. Там, где все предстает в своем истинном обличье. А потому будь добр, передай этому вашему МЕРТВЕЦУ, что я желаю с ним встретиться на вершине Холма Рок!

Ветродуй стоял перед ней, как вкопанный, и молчал. Среди учеников Школы послышался грозный ропот, некоторые даже сделали пару шагов по направлению к Ириан, но Азвер быстро встал между ними и Ириан; казалось, ее слова стряхнули с него тот странный паралич, что сковал его душу и тело.

— Вы слышали? Скажите Ториону, что мы будем ждать его на Холме, — сказал он. — Пусть приходит, мы будем ждать его там. Следуйте за мной! — велел он Ириан и своим друзьям.

И все они двинулись в Рощу. Прямо перед ними вдруг открылась широкая тропа, ведущая вглубь, но когда некоторые из молодых людей попытались было устремиться туда же, тропа исчезла и деревья сомкнули свои ряды.

— Вернитесь! — крикнул ученикам Мастер Ветродуй.

Они неуверенно повернули назад. Низкое солнце все еще ярко освещало дальние поля и крышу Большого Дома, но в лесу уже сгущались сумерки и плясали темные загадочные тени.

— Колдовство! — заявили ученики. — Святотатство, отступничество!

— Лучше идемте прочь, — велел им Мастер Ветродуй; лицо его было по-прежнему суровым и решительным, но взгляд умных проницательных глаз был тревожен. Он быстро пошел обратно, и молодым людям ничего не оставалось, как последовать за ним, споря и огрызаясь от растерянности и злости.

Они не успели еще отойти далеко от реки, когда Ириан вдруг остановилась, спустилась к воде и присела на корточки у огромных вылезших наружу корней старой ивы. Четверо магов остались на тропе.

— Когда она говорила, дыхание ее стало иным, — сказал Азвер.

Ономатет молча кивнул.

— Значит, мы должны следовать за ней? — спросил Травник.

На этот раз молча кивнул Привратник. И слабо улыбнулся, прибавив:

— Похоже на то.

— Ну что ж, прекрасно! — заявил Травник; на его исполненном вечного терпения лице была написана тревога, однако он более ничего не прибавил, а отошел на несколько шагов от тропы и опустился на колени, разглядывая какое-то крошечное растение или клочок мха.

Казалось, время в Роце вообще не движется, однако день все же подходил к концу, это чувствовалось в глубоких вздохах слабого ветерка, в шелесте листьев, в доносящемся с опушки призывном пении птицы, когда вторая отвечает ей откуда-то из чащи, готовясь лететь к родному гнезду... Ириан наконец медленно выпрямилась и, по-прежнему не говоря ни слова и глядя себе под ноги, вышла на тропу и присоединилась к своим спутникам. Теперь впереди шла она, а четверо мужчин следовали за нею.

Они вышли из леса на тихое, открытое к западу поле, освещенное последними лучами заката. Когда они перешли на другой берег реки Твилберн и побрели через поля к Холму Рок, на западе все еще горела широкая яркая полоса, а округлая темная вершина Холма четко выделялась на фоне светлого неба.

— Они идут! — сказал Мастер Привратник. Действительно, от Большого Дома через сады и огороды вверх по тропе двигалась большая группа людей — пятеро Мастеров и множество учеников Школы. Впереди шел сам Торион-Заклинатель, казавшийся очень высоким в своем сером плаще. В руках он держал посох из какого-то белого, точно кость, дерева, и над его посохом разливалось слабое мерцание волшебного огня.

Там, где обе тропы встретились и соединились, превратившись в ту единственную извилистую тропку, что вела на вершину Холма, Торион остановился, поджидая остальных. Ириан быстро прошла вперед и встала прямо перед ним, глядя ему в глаза.

— Ириан с острова Уэй, — медленно проговорил Мастер Заклинатель своим глубоким чистым голосом, — дабы в этом мире вновь могли установиться порядок и Равновесие, заклинаю тебя: немедленно покинь этот остров! Прости, но мы не можем дать тебе то, что ты просишь. Если же ты станешь упорствовать и попытаешься здесь остаться, то ни о каком прощении с нашей стороны речи уже не будет, а тебе придется на собственном горьком опыте познать, что полагается за нарушение закона.

Ириан стояла молча. Она была почти такой же высокой, как Торион, и держалась так же прямо. Выдержав паузу, она произнесла всего несколько

слов — каким-то странным, пронзительным и одновременно хриловатым голосом:

— Поднимемся на вершину, Торион!

И, оставив его у скрещения троп, стала подниматься на вершину Холма — в сущности, до вершины оставалось всего несколько шагов. На вершине она обернулась и посмотрела на Заклинателя.

— Что мешает тебе подняться сюда, Торион? — спросила она.

Сгущались сумерки. На западе теперь виднелась лишь поблекшая красноватая полоска, а восточный край неба черной тенью навис над морем.

Заклинатель поднял голову и тоже посмотрел на Ириан, а потом медленно воздел руки с зажатым в них белым посохом и начал произносить слова заклинания, слова того Древнего Языка, который изучают все волшебники мира, ибо это язык их профессии — Язык Созидания:

— О, Ириан! Истинным именем твоим призываю тебя и обязываю подчиняться мне!..

Казалось, она колеблется и вот-вот уступит ему, сойдет с вершины, однако она громко воскликнула:

— Мое имя — не только Ириан!

Услышав это, Заклинатель бросился к ней, широко раскинув руки, словно хотел схватить ее и удержать. Теперь они оба уже стояли на вершине, и тем, кто был внизу, показалось, что Ириан каким-то немыслимым образом возвышается над Заклинателем, становясь высокой, точно башня. А потом меж ними в сгустившихся сумерках полыхнуло яркое пламя, блеснула золотисто-красная чешуя дракона, раскрылись огромные крылья... и все исчезло. На вершине опять стояли просто высокая женщина и высокий мужчина, медленно склонявшийся перед нею, склонявшийся до самой земли и потом на эту землю упавший...

Первым обрел способность двигаться и говорить Мастер Травник, который бросился к ним и опустился перед Торионом на колени.

— Господин мой, — окликнул он его, — друг мой!

Но под серым плащом волшебника руки его нащупали лишь грудку одежды, кучку старых сухих костей и обломки белого посоха.

— Так-то оно лучше, Торион, — пробормотал Травник, но он плакал.

Старый Ономатет вышел вперед и спросил у высокой женщины, что по-прежнему молча стояла на вершине Холма:

— Кто ты?

— Своего второго имени я пока не знаю, — отвечала она ему на том языке, который должны знать волшебники и который является родным для

драконов, — на Языке Созидания. И, ничего более не прибавив, она повернулась, словно собираясь подняться еще выше, НАД вершиной Холма.

— Ириан, — окликнул ее тогда Азвер-Путеводитель, — скажи: ты к нам еще вернешься?

Она резко остановилась и позволила ему подойти к ней совсем близко.

— Вернись, если ТЫ позовешь меня, — сказала она и в прощальном жесте коснулась его руки. И он, охнув, затаил дыхание.

— Куда ты теперь отправишься? — спросил он.

— К тем, кто наречет меня Истинным именем — но в огне, а не в воде! Туда, где мой народ!

— Значит, на запад... — прошептал Азвер.

— На самый далекий запад, — поправила его она.

И, отвернувшись от него и ото всех остальных, пошла навстречу темнеющим небесам. И чем дальше, казалось, она от них отступает, тем лучше видели они бока ящера, покрытые золотистой чешуей, точно кольчугой, шипастый, свивающийся в кольца хвост, когтистые лапы, яркое пламя, вырывавшееся из пасти... Уже почти оторвавшись от земли, Ириан еще несколько мгновений помедлила, неторопливо поворачивая свою продолговатую драконью голову, и оглядела весь остров Рок, долее всего задержав свой взгляд на Имманентной Роще, во тьме казавшейся всего лишь темным пятном. Затем со звоном, точно встряхнули сразу несколько листов бронзы, раскрылись огромные крылья, и дракон взмыл в небо, сделал круг над Холмом и полетел прочь.

Завиток пламени, облачко дыма — вот и все, что осталось в вечернем небе.

Азвер-Путеводитель стоял неподвижно, зажав левой рукой правую, обожженную прощальным прикосновением Ириан, и смотрел вниз, на стоявших в молчании у подножия Холма людей, которые не сводили глаз с небес, где только что исчез дракон.

— Ну что ж, друзья мои, — промолвил он, — как нам быть теперь?

Ему сумел ответить только Мастер Привратник:

— Я думаю, для начала нам следует пойти в Большой Дом и настежь распахнуть его двери.

Краткое описание Земноморья

Народы и языки

Основные занятия жителей арджических островов Архипелага — это земледелие, скотоводство, рыболовство, торговля, а также практически все те искусства и ремесла, которые свойственны доиндустриальному обществу. Население здесь развивается стабильно и уровня перенаселенности не достигало никогда, ибо люди понимают, что жизненное пространство на островах ограничено. Настоящего голода здесь тоже не знают, да и бедность крайне редко бывает действительно устрашающей.

Маленькими островами или отдельными деревнями обычно управляют более или менее демократичные Совет или Собрание, возглавляемые выборным лицом; причем это может быть как мужчина, так и женщина. Это же лицо представляет интересы того или иного острова или селения и в случае важных торговых сделок. Что же касается Дальних Пределов, то там чаще всего и не знают иной формы правления, кроме всенародного (островного, городского или деревенского) Собрания. На островах Внутреннего моря, правда, довольно рано установилась власть определенной правящей касты, и большей частью крупных островов и городов до сих пор управляют, по крайней мере номинально, знатные лорды, передающие пост правителя, а в целом Архипелагом с давних пор правят короли. В столицах и крупных городах, однако, управление зачастую осуществляется почти исключительно Советом горожан, а также купеческими и ремесленными гильдиями. Это поистине великие гильдии, поскольку сеть их покрывает все Внутренние Земли, и ни одна из них практически не подчиняется никаким правителям, кроме самого короля Земноморья. Королевская столица — порт Хавнор.

Формы допустимых общественных свобод, а также формы вассальной (или на некоторых островах рабской) зависимости отражают признанную обществом Земноморья и довольно эффективную форму власти, которой обладают несколько десятков человек, но далеко не весь народ, и так или иначе воздействуют на все социальные институты, а потому, хотя повседневная жизнь народов Архипелага и кажется почти такой же, какой была и у других народов мира в доиндустриальную эпоху, она имеет все же и свои неповторимые характерные особенности. Одна из них, например, это отсутствие какой бы то ни было религии, возведенной в ранг социального института. А вот различные предрассудки и суеверия распространены здесь столь же широко, как и повсюду. Однако у

ардических народов никогда не существовало богов, каких-либо культов и вообще формального почитания чего бы то ни было. Ритуальные действия осуществляются только в связи с традиционными жертвоприношениями на тех островах, где издавна поклоняются Древним Силам Земли; или еще во время великих праздников, отмечаемых повсеместно, — например, праздника Весеннего Равноденствия или праздника Долгого Танца; заключаются же эти действия в основном в исполнении или пересказе популярных эпических песен и легенд, а также порой в представлениях, устраиваемых магами и волшебниками.

Обитатели всех островов Архипелага и Пределов говорят на ардическом языке и обладают сходной культурой с небольшими местными вариациями. Даже небольшой народ из дальнего юго-западного Предела, всю свою жизнь проводящий на больших плотях, сохраняет старинную традицию великих ежегодных празднеств; впрочем, культура этого народа все же значительно отличается от культуры Архипелага, поскольку люди, живущие на плотях, не занимаются ни сельским хозяйством, ни торговлей, практически не имеют связей с обитателями островов и почти ничего не знают об их жизни.

Большая часть жителей Земноморья — люди смуглые, с медно-коричневой или даже темно-коричневой кожей; у них прямые черные волосы и темные глаза. Преобладающий тип сложения таков: небольшой рост, довольно хрупкий костяк, но мускулатура хорошо развита, тело и конечности пропорциональны. В целом это люди весьма стройные и красивые. Жители Восточного и Южного Пределов несколько выше ростом, шире в плечах и более темнокожие. У многих южан кожа действительно темно-коричневая. У мужчин с островов Архипелага растительность на лице обычно весьма незначительная или же ее нет совсем.

У жителей северных островов Осскил, Рогм и Борт более светлый цвет кожи; среди них также часто встречаются русоволосые или даже совсем блондины со светлыми глазами; и тамошние мужчины гораздо чаще, чем на других островах, имеют густые бороды. Язык и культура обитателей северных островов Архипелага, пожалуй, ближе каргадским языку и культуре, чем ардическим. Возможно, их далекими предками и были древние карги, которые, заселив четыре крупных восточных острова, направили свои суда на запад и на северо-запад; случилось это примерно две тысячи лет назад. На четырех крупнейших каргадских островах, расположенных к северо-востоку от основного Архипелага, светлый цвет кожи является преобладающим — иногда они выглядят почти как

альбиносы! — а цвет волос варьируется от темных до почти абсолютно белых; глаза тоже бывают и очень темными, и очень светлыми — голубыми или зелеными.

Впрочем, случаев смешения этих двух основных типов обитателей Земноморья за весь период истории было, видимо, не так уж и много, если опять же не считать остров Оссил и соседние с ним острова. Но острова Северного Предела — территория вообще довольно изолированная и весьма слабо населенная. С другой стороны, известно, что карги всегда сторонились жителей Архипелага и враждовали с ними — во всяком случае, в течение двух или трех последних тысячелетий.

Климат на четырех главных каргадских островах весьма засушливый, но земли плодородны и при правильном поливе дают неплохие урожаи. Общество каргов является весьма замкнутым, самодостаточным и всегда испытывало крайне малое влияние, да и то скорее негативное, со стороны куда более многочисленных соседей с южных и западных островов.

Врожденные магические способности у каргов, видимо, проявляются крайне редко. Возможно, это связано с тем, что магию здесь всегда отвергали и всякое ее проявление активно подавлялось как правителями, так и простыми людьми. Так что в каргадском обществе магия не играет сколько-нибудь значительной роли — за исключением тех случаев, когда она воспринимается как непосредственное зло, которого нужно остерегаться. Эта неспособность или нежелание заниматься магией ставит каргов в менее выгодное положение по сравнению с жителями Архипелага почти в любой жизненной ситуации; этим же, возможно, объясняется и то, почему карги предпочитают обычной торговле и прочим формам взаимобмена пиратские налеты на наиболее близкие к ним острова Южного Предела и Гонтийского моря.

Драконы

Героический эпос, песни и легенды указывают на то, что драконы в Земноморье существовали задолго до появления там всех прочих живых существ. В старинных ардических «кеннингах», или поговорках, часто употребляются такие эвфемизмы слова «дракон», как Перворожденный, Старейший, Старший. (Между прочим, слово «первенец», которое на острове Оссил звучит как «акхад», а на Каргадских островах как «гадда», является производным от слова «хаатх», что на Языке Созидания значит «дракон».)

Разрозненные сказки и легенды с Гонга и из Пределов, отрывки священной истории Каргадских земель и таинственной колдовской премудрости острова Пальн, на которую долгое время не желали обращать внимания Мудрецы Рока, — все это содержит многочисленные намеки на то, что некогда драконы и люди были единым народом, но постепенно этот древний народ разделился, образовав два совершенно различных вида живых существ, несопоставимых ни по своим привычкам, ни по внешнему виду, ни по устремлениям. Возможно, продолжительное проживание в столь значительно удаленных друг от друга землях привело и к значительным видовым различиям. Пельнийский фольклор и каргадские легенды утверждают, впрочем, что это разделение было произведено осознанно, в соответствии с соглашением, известным как «верв надан» или «Ведурнан», что и означает «Разделение».

Больше всего легенд об этом сохранилось на острове Гур-ат-Гур, самом восточном из Каргадских островов, где драконы постепенно дегенерировали и превратились в животных, лишенных высшего разума. И все же именно на Гур-ат-Гур люди сохраняют наиболее живую убежденность в исходном родстве людей и драконов. Этим историям о далеком прошлом вторят истории об относительно недавних событиях, во время которых драконы принимали человеческое обличье, а люди — обличье драконов; здесь утверждается, что это были существа изначально двойственной природы, то есть являющиеся одновременно и людьми, и драконами.

И тем не менее Разделение произошло, и с начала исторической эпохи люди расселились в основном на центральных островах Архипелага и на восточных, Каргадских островах, а драконы — на самых дальних западных островах. Впоследствии люди не раз ломали голову над тем, почему драконы выбрали своими владениями пустынное море, ведь драконы — это «существа из ветра и огня», которые ненавидят воду и мгновенно тонут, стоит им случайно погрузиться в волны морские. Однако у них нет ни малейшей необходимости ни нырять в море, ни касаться земли; они живут, паря на своих могучих крыльях в безбрежном воздушном океане, купаясь в свете солнца и звезд. Единственное, для чего дракон может использовать землю, — это его гнездо. Обычно драконы выбирают для гнезда какой-нибудь скалистый остров, самка откладывает там яйца и выводит детенышей. Для таких целей более всего подходят как раз маленькие бесплодные островки на самой дальней периферии Западного Предела.

«Создание Эа» не содержит достаточно ясных сведений об исходном единстве и последующем разделении драконов и людей, но, возможно, это

связано с тем, что поэма, предположительно написанная на Языке Созидания, была создана в период, предшествовавший Разделению. Наиболее ярким свидетельством того, что люди и драконы имеют общие корни, является в этой знаменитой поэме старинное ардическое слово, понимаемое обычно как «народ/люди» или как «человеческие существа». Это слово «алатх», этимология которого связана с рунами Истинной Речи «атл» и «хтха», значение которых примерно таково: «существа, способные говорить слова» или «те, кто произносит слова», но «произносить слова», как известно, умеют и люди, и драконы. Порой в «Создании Эа» встречается также слово «альхератх», что означает «существа, произносящие Истинные слова», то есть те, кто пользуется Истинной Речью. Это слово также может обозначать людей — волшебников или магов — или драконов; или же и тех, и других. В таинственных колдовских преданиях острова Пальн об этом говорится прямо, и слово «альхератх» используется там для обозначения как волшебников, так и драконов.

Драконы владеют Истинной Речью от рождения; Гед, например, считал, что дракон и его речь суть одно и то же. И если люди и обладали некогда врожденным знанием Истинной Речи, то постепенно они это качество утратили, как утратили и часть своей природы — ее «драконью» часть.

Языки

Древний Язык, или Истинная Речь, или Язык Созидания, с помощью которого, согласно преданиям, в начале времен Сегой создал острова Земноморья — язык, видимо, бесконечный с точки зрения лексики, ибо в его функции входит наименование всего на свете.

Это язык, скорее, именно драконов, а не людей, как уже было сказано выше. Существуют, правда, некоторые исключения. Отдельные, чрезвычайно одаренные волшебники, или же люди, находящиеся в родстве с драконами, обладают неким врожденным знанием Древнего Языка. Но подавляющее большинство людей должны этому языку специально учиться. В ардических землях принято, чтобы те, кто практикует магические искусства, узнавали слова Истинной Речи от своих учителей-волшебников. Колдуны и ведьмы обычно способны запомнить лишь несколько слов Древнего Языка, волшебники же знают их довольно много, а некоторые могут говорить на Древнем Языке почти так же хорошо, как драконы, для которых этот язык является родным.

Все магические заклинания содержат по крайней мере одно слово Истинной Речи, хотя, например, деревенская ведьма или колдун могут и не знать точного значения этого слова. Великие же Заклятия целиком состояются на Древнем Языке, и смысл их постигается окончательно лишь по мере их произнесения вслух.

Ардический язык Архипелага, его диалект «осскили» (на нем говорят на острове Осскил), а также каргадский язык и его диалекты являются производными от Древнего Языка; это как бы его очень дальние родственники. Но ни один из этих современных языков не пригоден для составления магических заклятий.

Обитатели Архипелага говорят на ардическом языке. Существует практически столько же диалектов этого языка, сколько в Архипелаге островов; впрочем, эти диалекты не настолько сильно отличаются друг от друга, чтобы обитатели одного острова не понимали обитателей другого.

Только «осскили», диалект острова Осскил и двух других соседних с ним островов, имеет, пожалуй, большее сходство с каргадским языком, чем с ардическим. Каргадский язык, кстати, особенно сильно отличается от Древнего Языка как по лексическому составу, так и по синтаксическим особенностям. А потому большая часть тех, кто говорит по-каргадски (как и большая часть говорящих на ардическом языке), не сознают, что эти языки имеют один и тот же праязык. Разумеется, ученым Архипелага об этом известно, но большая часть каргов — и среди них даже многие известные ученые! — этого признавать не желают. В их восприятии ардический язык как бы навсегда смешался с Языком Созидания, на котором волшебники произносят свои заклинания, а волшебников на Каргадских островах не любят и боятся, поэтому там презирают и язык Архипелага, считая всех, говорящих на нем, злобными колдунами.

Письменность

Ардическая письменность, по всей вероятности, была создана так называемыми Мастерами Рун, первыми великими волшебниками Архипелага, для того чтобы помочь сохранить Древний Язык. У драконов письменности вообще нет.

В Земноморье же существуют два совершенно различных вида письменности: Истинные Руны и руническое письмо.

С помощью Истинных Рун записывают слова Древнего Языка. Эти Руны являются не просто символами; они способны материализовать

любой предмет или, скажем, условие; с их помощью можно предотвратить или вызвать то или иное событие. Написать такую Руну — значит, уже совершить деяние, и сила воздействия таких деяний на окружающий мир зависит от обстоятельств. В основном Истинные Руны встречаются только в древних фольклорных текстах и летописях, и пользуются ими только волшебники, прошедшие специальное обучение. Но отдельные Руны — например, та, которую обычно изображают на притолоке, чтобы защитить дом от пожара, — используются достаточно широко, в том числе и людьми, не имеющими к магии никакого отношения.

Значительно позже было создано так называемое руническое письмо, абсолютно лишенное каких бы то ни было магических свойств. Это письменность современного ардического языка, и воздействует она на окружающую действительность не больше, чем любая другая.

Говорят, что именно Сегой первым написал Истинные Руны — огнем на ветру — и они современницы Языка Созидания. Но скорее всего это не так, поскольку драконы Рунами не пользуются, а если и различают их, то в этом не признаются.

Каждая Истинная Руна имеет основное, самое главное значение и значения дополнительные (обычно их несколько). В этих вспомогательных значениях, кстати, можно с большей или меньшей точностью разобраться с помощью ардического языка. Но лучше все же говорить, что Руны — это не слова, а магические заклинания или заключенные в форму символа деяния. И все же лишь в общем контексте Истинной Речи и лишь в том случае, когда этой речью в устной или письменной форме пользуется настоящий волшебник, имеющий намерение совершить некое действие, усиленное голосом и жестом — то есть при произнесении заклинаний, — отдельные слова этого языка или отдельные Руны действительно полностью реализуют заключенное в них могущество.

Заклятия записываются исключительно с помощью Истинных Рун, хотя иногда возможны — при более «легких» формах магии — некоторые вкрапления ардической письменности. Если человек говорит на Языке Созидания или пишет с помощью Истинных Рун — это полная гарантия истинности того, что он говорит или пишет. Но только если это — человек! Люди не могут лгать, используя Древний Язык, а вот драконы вполне могут. Во всяком случае, так утверждают сами драконы, и если они лгут, то разве это не доказательство того, что сказанное выше — чистая правда?

Произнесенное вслух название одной из Истинных Рун может оказаться именно тем словом, которое обозначает данная руна в Языке Созидания, а может — и одним из вспомогательных его значений, как бы

переведенным на ардический язык. Названия таких популярных в народе Рун, как Пирр (ее используют для предохранения жилища от пожара и урагана, а себя — от безумия), Сифл (пожелание успеха) или Симн (пожелание удачи в работе), произносятся безо всяких специальных обрядов и самыми обычными людьми. Однако же те, кто практикует магические искусства и ремесла, даже эти всем известные названия Рун произносят с большой осторожностью, ибо и эти Руны на самом деле являются словами Языка Созидания и могут оказать непреднамеренное или совершенно неожиданное воздействие на то или иное событие.

Так называемые Шестьсот Рун Ардического Языка — это отнюдь не ардические руны, которые используются в обычной письменности, а Истинные Руны, которым в современном разговорном языке были приданы некие «безопасные», т. е. неактивные, значения. А истинное их значение следует запоминать молча, как и все значения Рун Древнего Языка. Целеустремленный студент, готовящийся стать волшебником, непременно пойдет дальше и выучит «Добавочные Руны», «Руны Эа» и многие другие, ибо если Язык Созидания бесконечен, то бесконечны и его Руны.

Обычно в ардических землях для таких целей, как управление островом или селением, написание деловых или личных посланий, запись исторических сведений, легенд или песен, используется письменность, которую правильно было бы называть именно ардическими рунами. Большая часть жителей Архипелага способна выучить от нескольких сотен до нескольких тысяч таких знаков за время своего обучения в школе. Но, повторяю, ардический язык, как в своей письменной, так и в устной форме, совершенно бесполезен для составления заклинаний.

Литература и исторические источники

Не менее полутора тысяч лет назад руническая письменность ардического языка достигла такого уровня развития, что позволяла вести летописи, записывать сведения о тех или иных исторических событиях, а также различные фольклорные произведения, ранее существовавшие, естественно, только в устной форме. Именно в это время появились письменные варианты «Создания Эа», «Зимней песни», рассказов о «деяниях героев», различные лэ и т. п. Все это стали тщательно записывать и хранить. Подобные произведения, впрочем, и поныне существуют в обеих формах — устной и письменной. Многочисленные письменные копии древних текстов служат как бы гарантией их сохранности от

любителей чрезмерно свободной интерпретации канонического сюжета или же от полного его забвения. Однако старинные песни и предания и поныне составляют значительную часть образования любого жителя Земноморья; многие из них люди еще в детстве заучивают наизусть, а потом пересказывают или читают их вслух уже своим детям, и, таким образом, эти фольклорные произведения передаются как бы от одного живого голоса другому.

Старый ардический язык довольно сильно отличается от современного как по словарному составу, так и по произношению, хотя упомянутое выше механическое заучивание древних текстов наизусть или регулярное чтение их вслух, безусловно, сохраняет значимость архаического языка (и, возможно, даже несколько сдерживает чересчур вольное развитие современной речи!). Что же касается ардических рун, то они, подобно китайским иероглифам, могут приспособить и впитать в себя самый широкий спектр лексических и фонетических оттенков того или иного слова или выражения.

Сказания о героических деяниях, лэ, песни и популярные баллады по-прежнему создаются как произведения, предназначенные прежде всего для устного исполнения профессиональными певцами и сказителями. Новые же сочинения, представляющие какой-то интерес для всего общества, записывают на больших листах бумаги печатными буквами или же объединяют в виде некоей обширной компиляции.

Вне зависимости от того, исполняют ли их профессиональные чтецы и артисты или же человек читает их молча, про себя, все старинные поэмы и песни ценны прежде всего своим содержанием, а не чисто литературными, формальными достоинствами. Хотя и форма этих произведений иногда бывает поистине совершенной (а порой — и совершенно жалкой!). Вольная метрика, аллитерации, стилизация, устойчивые эпитеты и выражения, структура, основанная на повторениях, — вот основные поэтические приемы, используемые в этих произведениях. Содержание включает мифический, эпический и исторический нарратив, географические описания, практические выводы относительно природы, сельского хозяйства, морской премудрости и прочих умений и ремесел, а также множество назидательных историй, притч и анекдотов, философской, фантастической и духовной поэзии и любовных песен. Эпические сказания о подвигах героев и разнообразные лэ обычно исполняют нараспев; баллады поют, причем часто под аккомпанемент ударных инструментов. Профессиональные сказители и певцы могут исполнять свои произведения также под аккомпанемент арфы, виолы, различных барабанов и других

инструментов. В песнях обычно значительно меньше нарративного содержания, и многие из них ценятся в народе главным образом благодаря красоте самой мелодии.

Книги по истории, а также книги, в которых приведены формулы различных магических заклинаний, существуют только в письменной форме, причем используется смешанная письменность — ардические руны и Истинные, — и только в единственном экземпляре. Рукописная копия такой книги, хранящаяся с особой осторожностью, обычно представляет собой некую компиляцию, составленную одним или несколькими известными волшебниками.

Часто выдвигается обязательное требование: ни одно написанное в такой книге слово НИКОГДА не должно произноситься вслух!

Диалект «осскили» также в качестве письменности использует ардические руны, поскольку жители Оскила ведут активный торговый обмен с теми островами, где говорят на ардическом языке.

А вот карги весьма упорно сопротивляются введению каких бы то ни было видов письменности, считая все руны на свете чем-то колдовским и злокозненным. Они ведут свои записи и расчеты с помощью весьма сложной системы переплетения нитей разного цвета и плотности, являясь при этом замечательными математиками (карги используют двенадцатеричную систему счета). Лишь с тех пор, как к власти пришли Боги-короли, карги стали изредка пользоваться некоторыми видами символического письма, но очень неохотно. Чиновники и торговцы Каргадской Империи довольно умело адаптировали ардические руны, приспособив их к своему родному языку в целях развития экономических и дипломатических отношений с ардическими землями, но священнослужители Каргада ардическую письменность презирают; и многие весьма образованные карги до сих пор пишут каждую ардическую руну с особым дополнительным значком — как бы прокалывая ее копьем, дабы уничтожить всякое колдовство, которое в ней скрывается.

История

Примечание относительно датировки: многие острова имеют свою собственную систему летосчисления. Наиболее распространенной на Архипелаге является система, описанная впервые в «Истории Хавнора», где год воцарения Морреда считается первым годом истории Земноморья. Согласно этой системе, события, о которых повествуется в данной книге,

относятся к 1058 году.

Начало начал

Сведения о древней истории Земноморья следует искать в эпических поэмах и героических песнях, передававшихся из уст в уста в течение многих веков задолго до того, как они были наконец записаны.

Старейшая из этих поэм — «Создание Эа»; это произведение считается поистине священным и существует на ардическом языке по меньшей мере две тысячи лет, хотя первоначальная версия поэмы могла возникнуть и на тысячу лет раньше. Поэма содержит тридцать одну строфу и повествует о том, как Сегой в самом начале времен поднял острова Земноморья со дна морского и создал на них все живое, каждому предмету и живому существу дав имя на Языке Созидания — на том самом языке, на котором якобы и была впервые исполнена эта поэма.

Море, понятно, куда старше островов, и об этом говорится во многих героических песнях.

...И до того,
Как светлый Эа возник и поднял
Остальные острова Сегой,
Дул ветер утренней зари, и волны
Катились тихо в дымке голубой...

Одновременно с самим этим миром возникли, видимо, и Древние Силы Земли, которые и до сих пор проявляют порой свое неколебимое могущество, особенно осязаемое на Холме Рок, в Имманентной Роще, в Гробницах Атуана, в замке Терренон и в некоторых других местах.

Вполне возможно, и сам Сегой — это тоже одна из Древних Сил Земли. Вполне возможно также, что «Сегой» — это Истинное имя самой Земли. Кое-кто считает даже, что драконы, или же НЕКОТОРЫЕ драконы и НЕКОТОРЫЕ люди, суть проявления Сегоя. Доподлинно известно лишь, что слово «сегой» — древнейшее уважительное обращение, образованное от старинного ардического глагола «сеоге», что значит «создавать, придавать форму, вдыхать жизнь во что-либо». От того же корня образовано и существительное «эссеге» — «созидательная сила, дыхание, поэзия».

«Создание Эа» — это основа основ того образования, которое дают детям на островах Архипелага. К шести-семи годам ребенок обычно уже несколько раз слышал эту поэму и начал сам учить ее наизусть. Взрослый человек, не знающий «Создание Эа» наизусть, а потому не способный хотя бы пересказать ее своим детям, считается абсолютно невежественным. Эту поэму учат обычно в течение зимы и весны и каждый год обязательно рассказывают или поют целиком во время Долгого Танца — праздника летнего солнцестояния.

Цитатой из этой поэмы начинается «Волшебник Земноморья»:

В молчании — слово,
А свет — лишь во тьме,
И жизнь после смерти
Проносится быстро,
Как ястреб, что мчится
По сини небесной,
Пустынной, бескрайней.

А начало ее первой строфы процитировано мною в «Техану»:

Разрушив — создашь.
То конец ли, начало?
Одно из другого...
Кто знает наверно?
Одно лишь мы знаем:

Есть дверь меж мирами,
В нее мы уходим,
Навек расставаясь.
Но есть существа,
Что приходят обратно...
Среди них Старейший —
Привратник Сегой...

В «Техану» вы встретите и последние строки первой строфы:

...из пены светлый

Остров Эа поднялся.

История архипелага Короли Энлада

Два наиболее ранних исторических трактата — это «Подвиг Энлада» и «Сказания о подвигах Молодого Короля»; последний также часто носит название «Подвиг Морреда».

«Подвиг Энлада», который, по большому счету, представляет собой просто цикл мифов, повествует о тех королях Земноморья, что правили до воцарения Морреда, и о самых первых годах правления самого Морреда. Столицей Земноморья в те времена был город Берила на острове Энлад.

Первые короли и королевы Энлада, среди которых особенно известны такие имена, как Лар Ашал, Дохун, Энашен, Тиман и Тагтар, постоянно усиливали свою власть и могущество, пока наконец не провозгласили себя правителями всего Земноморья, хотя на самом деле границы их владений на юге заканчивались островом Илиен, а на востоке не доходили и до острова Фелкуэй; острова Пальн и Семел на западе и остров Осскил на севере вообще им не подчинялись, но энладские правители упорно настаивали на своем и постоянно посылали своих разведчиков и прочих верных им людей на острова Внутреннего моря и даже в Пределы. Те старинные карты Земноморья, что ныне хранятся в архивах хавнорского дворца, были созданы в Бериле примерно двенадцать веков назад.

Надо отметить, что все первые энладские короли и королевы имели некоторое представление о Языке Созидания и о магии, а некоторые из них явно и сами были волшебниками или же имели волшебников в числе самых близких своих советников. Однако магия в «Подвиге Энлада» представляется как сила довольно странная, неустойчивая, на которую нельзя положиться. Морред был первым — и человеком, и королем, — кого открыто называли магом или волшебником.

Морред

«Сказания о подвигах Молодого Короля» исполняются ежегодно во время праздника зимнего солнцестояния, когда солнце снова поворачивает к югу. В этой поэме или, скорее, историческом трактате повествуется о

короле Морреде, которого называли также Королем-Магом, Белым Чародеем и Молодым Королем. Морред происходил из боковой ветви энладских правителей и трон унаследовал от кого-то из дальних родственников, а не от отца. Его прямыми предками были волшебники, служившие у королей советниками.

Поэма начинается с широко известной и самой любимой на Архипелаге истории любви Морреда и прекрасной Эльфарран. Молодой Король правил третий год, когда, отправившись на юг, посетил самый большой остров Архипелага, Хавнор, дабы прекратить наконец распри, без конца возникавшие между тамошними городами-государствами. Возвращаясь назад на своем «длинном безвесельном судне», он приблизился к острову Солеа и там, «в садах весенних», увидел Эльфарран (она же Островитянка и Хозяйка Солеа). Далее свой путь Морред продолжать не стал, а остался с Эльфарран, поклялся ей в вечной любви и в подтверждение своей клятвы подарил ей серебряный браслет, или наручень — драгоценную семейную реликвию, на которой была выгравирована одна-единственная, но очень могущественная Истинная Руна, Руна Мира.

Морред и Эльфарран поженились. В поэме годы их правления Земноморьем описаны, как короткий «золотой век». Именно тогда были заложены основы всей теперешней культуры и этики, а также — основы государственного управления.

Однако еще до того, как Эльфарран вышла за Морреда, некий маг, имя которого нигде не приводится (его везде называют или Врагом Морреда, или Хозяином Волшебной Палочки), всячески демонстрировал ей свои пылкие чувства и мечтал на ней жениться. Он так и не простил Эльфарран того, что она предпочла другого, и решил во что бы то ни стало завладеть ею. Этому магу действительно удалось всего за несколько лет достигнуть поистине невероятного могущества. После свадьбы Морреда и Эльфарран не прошло и пяти лет, когда Враг вновь заявил о себе и весьма грозно, пообещав:

Коли моей не станет Эльфарран,
Я уничтожу мир, построенный Сегоем!
Сотру с лица земли и этот остров,
Пусть волны белогривые его поглотят!

Этот маг действительно обладал великой силой: он способен был поднимать на море огромные волны, останавливать приливы и отливы, а

голосом своим мог зачаровать население целого острова, и под воздействием его чар люди превращались в послушных рабов, так что ему довольно легко удалось настроить подданных Морреда против него. Крича, что король их предал, жители Энлада стали крушить собственные дома и жечь урожай в полях; моряки топили свои корабли, а воины Морреда сражались друг с другом, устраивая кровавые и бессмысленные смертельные поединки.

Морред предпринимал отчаянные попытки выволить свой народ из-под власти чародея и как-то собраться с силами, а Эльфарран с годовалым первенцем вернулась на свой родной остров Солеа, зная, что там ее магические силы окрепнут. Однако Враг Морреда последовал за нею на Солеа, намереваясь взять красавицу в плен и сделать своей рабыней. Эльфарран укрылась от него близ Источников Энса, где особенно сильны были Древние Силы Земли, и она, обладая определенными знаниями, сумела не только противостоять Врагу, но и заставила его убраться с острова. «И воды сладкие Земли нахлынули и смыли в море проклятого Врага», — говорится в поэме. Но, покидая остров, «проклятый Враг» сумел взять в плен любимого брата Эльфарран, Салана, который плыл на Солеа с Энлада, чтобы помочь ей. Превратив Салана в своего «геббета», или зомби, Враг послал его к Морреду с письмом, в котором говорилось, что Эльфарран вместе с младенцем бежала на маленький островок в островной системе Челюсти Энлада.

Поверив посланнику, Морред попался в ловушку, и ему с трудом удалось спасти собственную жизнь. Он бежал, и Враг преследовал его по всему острову — с восточного берега до западного, оставляя на своем пути сплошные руины. Но на равнинах Энлада Морред встретил друзей, которые оставались ему верны — это в основном были моряки, которые привели свои суда к берегам острова, чтобы помочь королю, — и он наконец смог повернуться к противнику лицом и дать ему бой. Но Враг не пожелал встретиться с Морредом в честном поединке, а выслал сражаться с ним его же собственных воинов, зачарованных страшным заклятием. Смотреть на них не было сил: Враг так заколдовал несчастных, что тела их извивались в страшных судорогах, и они «живые, казалось, умерли от жажды и на жаре, в пустыне, почернели». И Морред, желая пощадить своих воинов, отступил.

Но, стоило ему покинуть поле боя, как начался дождь, и он прочел Истинное имя своего противника, написанное в пыли дождевыми каплями.

Теперь, зная это имя, Морред смог не только противостоять чарам Врага, но и изгнать его с Энлада. Он гнал его по бурному зимнему морю,

«скакал верхом на ветре западном, дожди несущем, на облаках он плыл тяжелых». В итоге поединок все-таки состоялся, и каждый из соперников стоил другого, и оба пропали где-то за морем Эа. Как стало известно позднее, оба погибли.

Но перед смертью в бессильной ярости Враг успел поднять гигантскую волну, которая с невероятной скоростью понеслась по морю и накрыла весь остров Солеа. Эльфарран, узнав о мчавшейся к острову волне заранее (как узнала заранее и о смерти Морреда), призвала своих подданных немедленно погрузиться на корабли и в лодки и отплыть подальше от острова, а сама, как говорится в поэме, «взяв в руки маленькую арфу» и ожидая неминуемой смерти, ибо эту волну смог бы остановить только Морред, сочинила песню «Плач о Белом Чародее» и пела ее, пока остров не скрылся в морской пучине. Эльфарран, разумеется, утонула, но колыбель из ивы, сделанная в форме лодки, легко поплыла по волнам, унося ее маленького сына Серриадха навстречу спасению. А когда ребенка нашли, на ручке у него был тот браслет с начертанной на нем Руной Мира, который Морред подарил когда-то своей жене, — этот браслет называют еще «кольцом Эльфарран», так он мал.

На картах Архипелага остров Солеа обозначается с тех пор белым пятном или знаком водоворота.

После Морреда правили еще семь королей и королев; все они были уроженцами Энлада, и при них королевство процветало, постоянно расширяя свои границы.

Короли Хавнора

Через полтора века после гибели Морреда, король Акамбар, правитель города Шелитха, что на острове Уэй, перевез свой двор в порт Хавнор и сделал этот город столицей всего королевства. Занимая в Земноморье центральное положение, более выгодное, чем у Энлада, Хавнор был лучше приспособлен как для бурно развивавшейся торговли, так и для содержания большого военного флота, ибо то и дело приходилось посылать боевые корабли на защиту ардических земель от набегов воинственных каргов.

История четырнадцати королей Хавнора (на самом деле в 150–400 гг. там правили шесть королей и восемь королев) изложена в знаменитом «Хавнорском лэ». Если проследить всю генеалогию королевского рода как по мужской, так и по женской линии, а также учитывать перекрестные браки с представителями различных знатных родов Архипелага, то

Королевский Дом включает в себя пять княжеств: Дом Энлада, старейший, ведущий свою родословную непосредственно от Морреда и Серриадха; Дом Шелитха; Дом Эа; Дом Хавнора и, наконец, Дом Илиена. Князь острова Илиен — Гемаль, Морем Рожденный — был первым в своем роду, кому удалось занять королевский трон. Внучкой Гемалья была королева Геру; а ее сын, Махарион (правивший в 430–452 гг.) стал последним настоящим королем Земноморья, и после него наступили так называемые Темные Времена.

Пока Земноморьем правили короли Хавнора, острова Архипелага процветали; это было время великих открытий и укрепления государственной власти. Но в последние сто лет их правления стали все учащаться яростные стычки с каргами на востоке и нападения драконов на западе.

Короли, князья и простые островитяне, озабоченные защитой своих земель, все больше полагались на могущественных волшебников, ибо только они способны были на какое-то время отогнать драконов и заставить суда каргов убратся восвояси. Уже в «Хавнорском лэ» и в «Подвигах Повелителей Драконов» по мере развития сюжета имена и подвиги этих волшебников как бы постепенно замещают имена королевей.

В этот период великий ученый и маг Атх составил «Книгу Имен», в которой объединил весьма разрозненные тогда магические знания, особое внимание уделив словам Истинной Речи. Его «Книга Имен» стала фундаментом ономатики как важнейшей составляющей магического искусства. Впоследствии Атх оставил эту книгу у своего друга на острове Поди, а сам по просьбе короля отправился на запад, чтобы защитить тамошние земли от целого выводка драконов, безнаказанно истреблявших скот, устраивавших пожары и погромы. Атху, однако, пришлось сразиться там не с молодыми драконами, а с великим драконом Ормом, и рассказы об этом поединке весьма отличаются друг от друга. Но точно известно, что, хотя после этого поединка драконы на некоторое время действительно прекратили свои налеты на западные острова, великий Орм остался жив, а вот Атх погиб. Его знаменитая «Книга Имен» вот уже много веков хранится в Одинокой Башне на острове Рок.

Говорят, что питаются драконы солнечным светом или огнем, а убивают, только придя в ярость или защищая свое потомство (иногда, впрочем, и просто ради развлечения!), но добычу свою никогда не съедают. С незапамятных времен, задолго до того, как на трон взошла королева Геру, драконы использовали только самые дальние островки Западного Предела — которые, возможно, были для них как раз восточной границей их

собственного королевства. Они устраивали там брачные танцы и выводили потомство. Обитатели же более крупных островов Западного Предела даже и видели-то драконов крайне редко. По природе своей раздражительные и отважные, драконы, возможно, ощущали некоторую угрозу со стороны Внутренних островов: острова эти процветали, там явно выросло население, развивались науки и ремесла, из-за чего тамошние суда стали постоянно бороздить воды Западного Предела. В общем, какова бы ни была настоящая причина этого, а в те годы драконы стали все чаще совершать неожиданные и беспорядочные налеты на стада коров и овец и нападать на жителей одиноких западных островков.

Легенда о «Ведурнани», или «Разделении», известная на острове Гур-ат-Гур, гласит:

Люди выбрали ярмо,
А драконы — крылья.
Люди — чтобы владеть,
Драконы — чтобы лететь.

То есть после Разделения люди выбрали собственное благополучие и власть на земле, а драконы предпочли не владеть ничем. Но как среди людей есть абсолютные аскеты, так и среди драконов есть необычайно жадные, большие любители всяких блестящих побрякушек — золота, драгоценных камней и т. п. Одним из таких драконов был Йевод, который любил иногда появляться среди людей в человеческом облике и который превратил некогда богатый остров Пендор в гнездилище драконов, пока Гед не отогнал его далеко на запад. Однако драконы-мародеры, описанные в лэ «Ведурнан» и различных героических песнях, были, похоже, движимы не столько алчностью, сколько гневом, ибо считали, что их самым бессовестным образом обманули и предали люди.

Эпические поэмы и лэ, в которых повествуется о нападениях драконов и о бесстрашных вылазках против них волшебников Земноморья, изображают драконов абсолютно безжалостными, похожими на диких зверей, ужасными и непредсказуемыми, но все же наделенными разумом. Драконы порой оказываются значительно хитрее волшебников, ибо они, пользуясь Истинной Речью, все же способны лгать. Некоторые из них явно наслаждаются «поединками умов», как бы «расщепляя» аргументы волшебника «своим раздвоенным языком». Как и люди, все драконы, за исключением самых великих, скрывают свои Истинные имена. В лэ

«Странствия Хазы» драконы предстают как немыслимо могучие, но наделенные тонким разумом и глубокими чувствами существа, гнев которых на вторгшиеся в их воды корабли даже оправдывается тем, что драконам очень дорога их уединенная обитель. Они так обращаются к главному герою:

Плыви назад, к родному дому,
На восток, о, Хаза!
Пусть крылья звонкие драконов
Владеют ветром Запада.
Оставь нам океан воздушный,
Неведомый, не знающий пределов.

Махарион и Эррет-Акбе

Королева Геру по прозвищу Орлица унаследовала трон от своего отца, Денгемала из княжеского рода Илиен. Ее супруг Айман был из того же рода, что и Морред. Закончив свое правление и просидев на троне тридцать лет, Геру передала королевскую корону своему сыну Махариону.

Советником Махариона, его придворным магом и неразлучным дружкой был человек простой, как говорится, «безотцовщина»: сын деревенской колдуньи из внутренних районов огромного острова Хавнор. Звали его Эррет-Акбе. Это самый любимый фольклорный герой народов Архипелага. Его история изложена в героической поэме «Подвиг Эррет-Акбе», которую всегда исполняют июньской ночью во время праздника Долгий Танец.

Магический талант Эррет-Акбе стал очевиден всем, когда он был еще ребенком, и его отослали во дворец, чтобы тамошние волшебники дали ему соответствующие знания. И он так понравился королеве, что она выбрала его в компаньоны своему сыну, Махариону.

Махарион и Эррет-Акбе стали побратимами. Они десять лет вместе сражались с каргами, которые совершали уже не отдельные набеги на своих соседей, а устроили настоящее нашествие, имевшее целью захватить богатые Внутренние острова и обратить их жителей в рабство. Острова Венвей, Торхевен, Ториклы, Спиви, Перрегаль и отчасти Гонт уже давно находились под властью каргов. Целое поколение выросло в страхе перед ними. В Шелитхе на острове Уэй Эррет-Акбе придумал знаменитое

заклинание против каргов, которые высадились с «тысячи кораблей» близ Уэймарша и упорно продвигались к центру острова. Призвав на помощь Древние Силы Земли и с помощью Великого Заклятия, называемого в народе «водяной премудростью» (возможно, это было то же самое заклятие, каким воспользовалась Эльфарран на острове Солеа, чтобы защитить его от Врага), Эррет-Акбе превратил воды Источников Шелитха — священных родников, прудов и фонтанов в садах правителей острова Уэй — в бурный поток, который буквально смыл захватчиков, вышвырнув их на самый берег моря, где на них обрушились воины Махариона. Ни один корабль каргов не вернулся на остров Карего-Ат из того похода.

Следующим соперником Эррет-Акбе оказался некий маг по прозвищу Повелитель Огня, и могущество этого волшебника было столь велико, что он сумел, например, удлинить день на пять часов, но так и не смог, хотя клятвенно обещал это, остановить солнце в зените и навсегда изгнать с островов ночную тьму. Чтобы сразиться с Эррет-Акбе, этот Повелитель Огня принял обличье дракона, но все же был побежден — правда, во время поединка он сжег все леса и города острова Илиен.

Возможно, на самом деле этот Повелитель Огня был просто драконом в человеческом обличье, ибо вскоре после его гибели Орм, Великий Дракон, который победил Атха, повел полчища своих сородичей грабить и разорять западные острова Архипелага — видимо, в порядке возмездия за гибель Повелителя Огня. Яростные атаки драконов вызывали у жителей островов настоящий ужас, и сотни кораблей пустились в путь, увозя беженцев с Пальна и Семела на острова Внутреннего моря. И все же не драконы были самой страшной бедой. Карги наносили куда больший ущерб, и Махарион правильно рассудил: самая большая опасность грозит его землям с востока. Он отправился со своим войском на запад, воевать с драконами, а Эррет-Акбе послал на восток, чтобы тот попытался установить мир с королем Каргада.

Для этого Геру, королева-мать, передала Эррет-Акбе тот самый браслет-наручень, который Морред некогда подарил Эльфарран; а сама Геру получила браслет в подарок от своего супруга Аймала в день свадьбы. Браслет бережно хранили и передавали из поколения в поколение все потомки Серриадха; он составлял главную драгоценность этого рода, ибо на нем был вырезан символ, которого больше нигде не встретишь: Связующая Руна, или Руна Мира, которая, по преданиям, должна была служить гарантией мира и справедливости в Земноморье. «Пусть король Каргада наденет это в знак мира!» — сказала Эррет-Акбе на прощанье королева-мать. И он, унося с собой самый щедрый на свете подарок и горя

искренним желанием поскорее заключить с каргами мир, один отправился в столицу каргов, на остров Карего-Ат.

Там он был принят королем Торегом, который после сокрушительного разгрома своего флота близ острова Уэй был готов заключить с ардическими островами перемирие и вывести свои войска с оккупированных земель при условии, что король Махарион не обрушит на его страну никаких репрессий.

Однако каргадским королевством уже тогда, по сути дела, управляли жрецы и жрицы, служившие Богам-Близнецам. Верховный жрец Интатин яростно сопротивлялся заключению какого бы то ни было перемирия с западными островами и вызвал Эррет-Акбе на поединок. Поскольку карги не практикуют магические искусства в том смысле, как это понимают ардические народы, Интатин обманом завлек Эррет-Акбе в такое место, где Древние Силы Земли оказались способны свести на нет все его невероятное волшебное могущество. Героическая поэма «Подвиг Эррет-Акбе» повествует о том, как боролись Эррет-Акбе и Интатин, пока в душу первого

...не проникла слабость,
Древней тьмою порожденная.
И подземелий тишина
Давить ему на разум стала,
И долго он лежал без сил,
Забыв о славе и о жизни,
К груди лишь прижимая
Кольца сломленного частицу,
На которой одна осталась
Половинка Руны Мира...

Дочь «мудрого короля Торего» спасла Эррет-Акбе, выведя его из транса и освободив от пут сковывающего заклятия. Она помогла ему восстановить силы, и он подарил ей сохранившуюся у него половинку сломанного Кольца Мира. (И эта половинка Кольца переходила из рук в руки в течение более чем пяти столетий, и потомки этой женщины бережно хранили ее, и наконец она попала к наследникам последнего правителя Карего-Ат, брату и сестре, которых еще детьми сослали на необитаемый островок в Восточном Пределе. Но дети умудрились выжить, и впоследствии дочь правителя, успевшая уже стать старухой, отдала

половинку Кольца волшебнику Геду.) Жрец Интатин тоже сохранил вторую половинку сломанного Кольца, и она «ушла во тьму» — то есть в Великую сокровищницу Гробниц Атуана. (Там Гед ее и нашел, и, соединив две половинки, а вместе с ними и утраченную Руну Мира, вместе с Тенар доставил Кольцо в Хавнор.)

Каргадская версия этой истории считается священной и звучит только из уст жрецов. Согласно ей, Интатин одержал над Эррет-Акбе победу, ибо тот «утратил свой волшебный посох, могущество волшебных амулетов», а потом «уполз» в Хавнор, сломленный физически и морально. Однако в ту пору посох еще не служил волшебникам символом магического могущества, так что у Эррет-Акбе посоха с собой не было; и он никак не мог быть человеком сломленным, ибо впоследствии успешно сражался с драконом Ормом; напротив, он был и остался весьма могущественным волшебником.

Король Махарион искал мира, но так и не обрел его. Пока Эррет-Акбе находился на острове Карего-Ат (что, возможно, заняло несколько лет), грабительские налеты драконов все учащались. Острова Внутреннего моря страдали от наплыва беженцев, переселявшихся из западных земель, а также из-за нарушенных торговых и морских связей, поскольку драконы теперь стали попросту сжигать корабли, если обнаруживали их в море западнее острова Хоск, а торговые суда грабили даже во Внутреннем море. И тогда Махарион собрал всех своих воинов и волшебников и объявил драконам беспощадную войну. Четыре раза начинал он сражение с ними, однако мечи и стрелы были бессильны против закованных в броню и изрыгающих пламя крылатых чудовищ. Остров Пальн превратился в выжженную долину, да и все селения на западном берегу Хавнора были сожжены дотла. Королевским волшебникам удалось, правда, с помощью связующих заклятий поймать и убить нескольких драконов, круживших над Пельнийским морем, но это лишь еще больше разозлило остальных. Не успел Эррет-Акбе вернуться в Хавнор, как в небе над столицей появился Великий Дракон Орм, угрожая сжечь башни королевского дворца.

И тогда Эррет-Акбе вышел в залив на своем судне, паруса которого «до дыр истрепаны восточными ветрами были». После возвращения на родину он не успел даже «ни названного брата обнять, ни поздороваться с родными». Отойдя подальше от берега, он принял обличье дракона и полетел на битву с Ормом. Их поединок состоялся над горой Онн, и «заревы пожаров во тьме полночной» хорошо было видно из королевского дворца. Потом они полетели на север, и Эррет-Акбе упорно преследовал врага. Но над морем близ острова Таон дракон Орм вдруг резко повернул

назад, и на этот раз ему удалось так сильно ранить Эррет-Акбе, что тот был вынужден спуститься на землю и принять свое собственное обличье. Так он оказался на острове Эа, самом первом из островов Земноморья, поднятых Сегоем из морской пучины. Но дракон преследовал волшебника, и на священной земле Эа они вновь сошлись, Эррет-Акбе и Орм, но сражаться более не стали, а заговорили как равные и решили навсегда покончить с враждой, разделяющей их народы.

Но, к сожалению, королевские волшебники, пришедшие в ярость после атаки дракона Орма на королевский дворец и к тому же подогретые своей победой в Пельнийском море, успели уже послать боевые корабли к самым дальним островам Западного Предела, где среди валунов и скал драконы устраивали гнезда и растили свое потомство. Воины перебили множество молодых драконов. Они также «сокрушали яйца исполинские» тяжелыми молотами, и когда Орм узнал об этом, то вновь вспылал гневом и «огненной стрелой понесся к Хавнору». (Слово «дракон» и в ардическом, и в каргадском языках обычно мужского рода, но на самом деле установить половую принадлежность того или иного дракона практически невозможно, тем более если имеешь дело со старейшим и самым крупным из них; это, собственно, одна из тайн драконьего племени.)

Эррет-Акбе, не успев еще оправиться от тяжких ранений, все же устремился вслед за разъяренным Ормом и отогнал его от Хавнора. Он преследовал дракона над островами Архипелага и Пределов, не давая ему приземлиться и стараясь все время держать его над морем, пока, совершенно обессиленные, они не пронеслись над островами Драконьи Бега и не сели на Селидоре, самом дальнем острове Западного Предела. И там, на последнем берегу Земноморья, они сошлись в смертельном поединке и бились «когтями и огнем, мечом и словом», пока:

...Потоками не потекла их кровь
И на песке смешалась.
И покраснел песок от крови,
И прервалось дыхание обоих.
У кромки шумного прибоя
Они лежали, сплетясь телами.
И в царство смерти дракон
И человек шагнули вместе.

Как гласит легенда, узнав об этом, король Махарион отправился на

Селидор, чтобы «у моря плакать». Он привез в Хавнор меч Эррет-Акбе и поместил его на самую высокую башню своего дворца.

После гибели Орма драконы продолжали угрожать западным островам, особенно когда их провоцировали пресловутые «охотники на драконов», однако нападать на густонаселенные острова Земноморья и мирные корабли они практически перестали. В этот период только дракон Йевод с острова Пендор время от времени совершал грабительские налеты на Внутренние острова. Но к тому времени, когда Калессин по прозвищу Старейший принес Геда и Лебаннена на остров Рок, драконов над Внутренним морем не видели уже несколько столетий.

Махарион пережил Эррет-Акбе всего на несколько лет, так и не установив мира в своем королевстве и сильно тревожась о его судьбе. Было широко распространено мнение, что, с тех пор как утрачено Кольцо Мира, настоящего мира в Земноморье и быть не может. Как и настоящего короля. Смертельно раненный в битве с мятежным лордом Гехисом из Хавенса, Махарион успел произнести свое знаменитое пророчество: «Тот унаследует мой трон, кто живым пройдет по темному царству смерти и выйдет к дальнему берегу дня».

Темные времена, «Братство Руки», Школа Волшебников

После смерти Махариона в 452 г. королевский трон оспаривали сразу несколько претендентов; успеха не имел ни один, но буквально за несколько лет их распри разрушили всю государственную систему управления. Острова Архипелага превратились в поля сражений для наследных феодальных князей и князьков, для правителей городов и для воинственных пиратских вожаков. Цель у всех, впрочем, была одна: умножить свое богатство и расширить или хотя бы защитить границы своих владений. Торговля и морское сообщение между островами хирели под гнетом пиратства, крупные и мелкие города, точно улитки в раковину, заползали внутрь высоких крепостных стен; искусства и ремесла, рыболовство и сельское хозяйство страдали от постоянных войн и бандитских налетов; рабство, которого при королях не было практически ни на одном из островов Архипелага, стало весьма распространенным, а магия превратилась в расхожий инструмент для плетения интриг и в грозное оружие пиратов. Волшебники нанимались в услужение к могущественным военачальникам и пиратским вожакам; они, собственно, и сами зачастую стремились стать правителями. Из-за безответственности

таких волшебников, из-за их неправильного, извращенного подхода к магическим искусствам и магия, и сами волшебники стали пользоваться дурной славой.

В этот период от драконов особой угрозы не исходило, а карги были поглощены собственными внутренними распрями, и все же распад общества на островах Архипелага с каждым годом ощущался все острее. Моральные и интеллектуальные основы островной культуры всегда были теснейшим образом связаны со знанием основных законов «Созидания», мифов и героического эпоса Земноморья и с обучением всему этому молодого поколения. Да и культура любого народа зиждется на бережном отношении к наукам и искусствам, умениям и ремеслам, а также — на правильном отношении к магии и правильном ее использовании.

«Братство Руки» (или «Союз Руки»), вольное сообщество, основной заботой которого стали проблемы магической этики и обучения магическим искусствам, было создано на острове Рок примерно через сто пятьдесят лет после смерти Махариона. Воспринимая «Союз Руки» как угрозу своей гегемонии, воинствующие маги-правители острова Уотхорт напали на остров Рок и перебили там почти всех взрослых мужчин. Однако братство уже успело дать побеги и распространиться практически по всем островам Внутреннего моря. Под названием «Женщины Руки» (поскольку после упомянутого побоища на Роке почти не осталось мужчин) это сообщество просуществовало несколько веков, создав тонкую, но весьма жизнеспособную информационную сеть, благодаря которой осуществляло связь между островами, защиту членов общества и обучение молодых.

Примерно в 650 г. сестры Элеаль и Яхан с острова Рок, а также Медра-Искатель и некоторые другие члены братства основали на Роке Школу, которая должна была стать центром сбора и распространения магических знаний. В этой Школе можно было не только оттачивать собственное мастерство и обучать других, но и осуществлять этический контроль над практической магией. Благодаря братству и его представителям на других островах, репутация Школы и ее влияние быстро росли. Однажды королевский маг Тариэль из Хавнора, справедливо воспринимая Школу как угрозу неконтролируемой власти магов, явился на Рок с огромным флотом, желая уничтожить тамошних волшебников. Однако был уничтожен сам, а его боевые корабли разбиты в щепы. Эта первая победа имела громкий результат: Школа Волшебников на острове Рок стала считаться абсолютно неуязвимой.

Благодаря все возрастающему влиянию Школы, магия постепенно сформировалась в последовательную систему знаний, и волшебники при ее

использовании все чаще руководствовались моральными и политическими целями. Ученики Школы, закончив ее, отправлялись на другие острова Архипелага, чтобы с помощью своих знаний противостоять беззаконию, царившему в Земноморье, набегам пиратов и бесконечным междоусобицам владетельных князей. Они предотвращали разбойничьи налеты и грабежи, налагали штрафы и помогали заключать экономические и военные соглашения, укрепляли границы и защищали как отдельных людей, так и целые деревни и города, особое внимание уделяя столицам и крупным портам. Мудрецы Рока, стремясь восстановить в Земноморье покой и порядок, в первое время специально посылали молодых волшебников присутствовать в качестве «подкрепления» при заключении мирных договоров; а впоследствии волшебников все чаще стали просить непосредственно участвовать в заключении таких договоров и в контроле над их соблюдением в дальнейшем. Королевский трон в Хавноре по-прежнему пустовал, и Школа Рока, взяв на себя управление островами Архипелага, более двухсот лет весьма эффективно исполняла эту роль.

Власть Верховного Мага Земноморья во многих аспектах соответствовала в этот период власти короля. Честолюбие, самонадеянность и предрассудки, владевшие сознанием Халькеля, первого Верховного Мага, особенно ярко проявились, когда он создал специально для себя этот столь авторитетный титул. И все же благодаря постоянному общению в Школе с коллегами и учениками, чувству ответственности, самоконтролю, а также бдительности других членов братства волшебников, ни сам Халькель, ни другие чародеи, сменившие его на посту Верховного Мага, никогда не пытались с помощью магии сколько-нибудь серьезно ослабить других или возвеличить себя.

Однако в Темные Времена магия обрела весьма дурную репутацию, и репутация эта продолжала «липнуть» к тем, кто обладал хотя бы какой-то волшебной силой, особенно к ведьмам и колдунам. В магические способности женщин вообще практически перестали верить, считая их к тому же зловредными, особенно если та или иная женщина обладала какими-то знаниями о Древних Силах Земли.

В Земноморье многие родники, пещеры, холмы, отдельные камни, скалы и рощи всегда считались местами концентрации магических сил Земли и почитались как священные. Хотя местные жители, чаще всего, таких мест боялись и старательно их избегали, некоторые из них стали широко известны.

Знание таких мест и связь с заключенными там силами стала сутью религиозных представлений каргов. Что же касается островов Архипелага,

то там знания о Древних Силах Земли по-прежнему являлись частью общих сведений о магии, однако весьма интересовали многих волшебников, составляя предмет их глубоких раздумий и чрезвычайного почтения. На всех островах магические искусства и умения, которыми пользовались главным образом ведьмы — например, акушерство, целительство, случка животных, лозоходство, рудокопательство, выплавка металла, забота об урожае, приготовление приворотного зелья и тому подобные вещи, — часто опирались на знания именно Древних Сил Земли. Однако образованные волшебники с острова Рок в итоге почему-то переставали доверять старинной практике и не зывали более к «силам Матери-земли». Только маги острова Пальн по-прежнему сочетали обе практические магии в своем таинственном, эзотерическом и, по слухам, весьма опасном учении.

Безусловно, любые знания могут быть извращены и использованы во имя зла, если владеющий этими знаниями человек одержим лишь стремлением к собственным честолюбивым целям (как это произошло, например, с хозяином Камня Терренон на острове Осскил). Древние Силы Земли, обладая некоей внутренней сакральностью, совершенно не знали этики, не подчинялись никому и вообще были практически неуправляемы. В течение Темного Времени, однако, некая отрицательная этика была им придана искусственно: они были феминизированы и демонизированы — в ардических землях волшебниками, а на Каргадских островах культами высших жрецов и жриц, а также Богов-королей. К VIII веку на островах Внутреннего моря лишь некоторые деревенские ведьмы еще помнили старинные ритуалы и совершали жертвоприношения на старых «святых местах», причем за это их повсеместно презирали и всячески оскорбляли. Волшебники же от таких мест старались держаться как можно дальше. На острове Рок, который сам по себе является средоточием Древних Сил Земли, самые яркие проявления их могущества — это Холм Рок и Имманентная Роцца; однако тамошние волшебники об этих силах стараются даже не упоминать. Только Мастера Путеводители, которые большую часть своей жизни проводят в Имманентной Роцце, служат неким связующим звеном между творимой человеком магией и куда более древней священной сущностью самой Земли, напоминая при этом магам и волшебникам, что их могущество им не принадлежит, что они получили его лишь во временное пользование.

История четырех Каргадских островов связана в основном с местными войнами, захватом пригодных для проживания территорий и расселением тамошних племен, при котором образовались города-государства и множество крошечных королевств, которые тысячелетиями составляли основу каргадского общества.

Для этого общества были прежде всего характерны рабовладение, строгая кастовая система и «разделение труда» по жесткому гендерному принципу, чего практически не было на Архипелаге.

Религия всегда была объединяющим элементом даже для самых воинственных каргадских племен. На четырех островах существовали сотни так называемых Мест Перемирия, где не разрешалось вести никаких споров или военных действий. Основа каргадской религии — личное и публичное поклонение Древним Силам Земли, тем хтоническим силам, которые, как считают карги, проявляются порой в виде духов определенных священных мест. В этих местах (а также у домашних алтарей) им оказывают всяческие почести и совершают жертвоприношения в виде цветов, масел, различных кушаний, резной посуды, крови животных (а иногда и человеческой!); там же устраивают ритуальные танцы и соревнования, поют священные песни и просто почтительно молчат. Сперва поклонение Древним Силам Земли было здесь делом обыденным, повседневным. Особых ритуалов, а также института жречества не существовало. Любой взрослый человек имел право отправлять тот или иной обряд и учить его отправлению детей. Эта древняя практика, надо сказать, сохранилась — неофициально и даже тайно — и после возникновения новой религии, уже закрепленной как общественный институт и выразившейся в поклонении Богам-Близнецам и Богу-королю.

Изо всех бесчисленных священных рощ, пещер, гор, холмов, ручьев и скал на Каргадских островах самым священным местом всегда считалась пещера со стоящими вертикально огромными камнями у ее входа. Эта пещера, именуемая Гробницами Атуана и расположенная в пустыне на острове Атуан, с незапамятных времен влечет к себе пилигримов; правители Атуана даже устроили там специальный приют для тех, кто приходит поклониться Древним Богам.

Шесть или семь столетий назад на Каргадских островах начала распространяться вера в некоего небесного бога, служившая развитием идеи о Богах-Близнецах, Атва и Вулуа. Эти божества исходно были героями-демиургами и подробно описаны в героической саге, сложенной в пустынях острова Гур-ат-Гур. Небесный Отец, он же Король-бог, прибавился к пантеону как его глава; тогда же образовалась каста жрецов,

отправлявших необходимые обряды. Не подавляя веру в Древние Силы Земли, жрецы Богов-Близнецов и Небесного Отца стали постепенно превращать новую религию в свою профессию, полностью взяв на себя руководство обрядами и празднествами, строя все более дорогостоящие храмы и контролируя даже такие общественные церемонии, как заключение брака, похороны и возведение королевских чиновников в более высокий ранг.

Иерархические и централизаторские тенденции этой религии сперва были весьма выгодны для удовлетворения честолюбивых устремлений правителей королевства Гупун на острове Карего-Ат. С помощью армии и сложных дипломатических маневров Дом Гупуна всего за сто лет сумел завоевать или поглотить большую часть других каргадских королевств и княжеств — их там было более двухсот!

Когда (в 440 г. по ардическому летосчислению) Эррет-Акбе прибыл на Каргадские острова, чтобы заключить мир между ними и островами Архипелага, и привез с собой Кольцо Мира как символ самых искренних побуждений своего короля, то в первую очередь он направился в город Гупун, уже тогда считавшийся столицей Каргадской Империи, и вел переговоры с королем Торегом, тогдашним правителем этой империи.

Однако и Торег, и его предшественники уже несколько десятилетий пребывали в весьма конфликтных отношениях с Верховным Жрецом Богов-Близнецов и его сторонниками, обитавшими в Авабатхе, Священном Городе, находившемся в пятидесяти милях от Гупуна. Жрецы Богов-Близнецов стремились отнять власть у короля и превратить Авабатх в религиозный и политический центр страны. Визит Эррет-Акбе, похоже, совпал с конечной передвижкой власти от королей к жрецам. Король Торег принял его со всеми подобающими почестями, однако Верховный Жрец, Интатин, вызвал посланца Архипелага на поединок и приложил все силы, чтобы победить его хотя бы обманом. И ему это почти удалось, когда он заманил Эррет-Акбе в подземелье, где Древние Силы Земли оказали на него столь убийственное воздействие, что он чуть не умер. Кольцо же, которому предстояло соединить два королевства, Интатин сломал пополам и одну половинку похитил.

После этого поединка королевский престол в Гупуне существовал еще долго, но сам король стал уже совершенно бессилен, хотя и пользовался номинальным почетом. Управление Четырьмя Островами отныне осуществлялось из Авабатха, а Верховный жрец Богов-Близнецов превратился, по сути дела, в Жреца-короля.

В 840 г. один из таких жрецов-королей отравил своего ближайшего

помощника (и соперника!) и объявил себя земной инкарнацией Небесного Отца, т. е. Богом-королем, которому отныне и следовало поклоняться. Поклонение Богам-Близнецам, впрочем, также продолжалось, ибо отражало всеобщее поклонение Древним Силам Земли, однако религиозная и светская власть полностью перешла к Богу-королю, избираемому (частенько с применением более или менее скрытого насилия) и обожествляемому жрецами Авабатха. Четыре каргадских острова были объявлены Небесной Империей, а Бог-король приобрел официальный титул: всемогущий Император Каргада.

Последними наследниками королевского рода Гупун были родные брат и сестра, Энзар и Антиль. Стремясь на них и завершить линию каргадских королей, но не желая рисковать и совершать святотатство, проливая королевскую кровь, Бог-король приказал схватить этих детей и увезти их на далекий необитаемый островок. Но в кармашек своего нарядного платья маленькая принцесса Антиль успела спрятать половинку сломанного Кольца Мира, которое некогда привез в Каргад Эррет-Акбе. Эта половинка Кольца передавалась в их роду из поколения в поколение по женской линии, начиная от дочери короля Торега, и в итоге досталась Антиль, которая, будучи уже старухой, подарила ее молодому волшебнику Геду, когда его лодку выбросило в шторм на берег их пустынного островка. Позднее, с помощью Верховной Жрицы Гробниц Атуана, Ары-Тенар, Гед сумел воссоединить половинки сломанного Кольца и восстановить Руну Мира. Они с Тенар привезли исцеленное Кольцо в Хавнор, и оно дождалось там истинного наследника Морреда и Серриадха, короля Лебаннена.

Магия

Среди ардических народов Архипелага способность к магии часто бывает врожденной, как, например, хороший музыкальный слух, хотя встречается эта способность не так уж и часто. У большинства людей она отсутствует совершенно, зато у некоторых — их примерно один процент — это настоящий талант, который можно и нужно развивать. И у очень незначительного числа людей талант этот проявляется сам, без какого бы то ни было вмешательства и обучения.

Магический дар усиливается главным образом за счет использования Истинной Речи, или Языка Созидания, в котором название каждой вещи есть суть этой вещи.

Этот Древний Язык, родной язык драконов, люди тоже вполне могут изучать и успешно это делают. Некоторые люди от рождения уже знают несколько слов Истинной Речи, хотя, разумеется, никто их этому не учил. Суть магических знаний, собственно, и состоит в изучении Древнего Языка.

Подлинное имя человека — это одно из слов Истинной Речи. Основная составляющая таланта и мастерства ведьмы, колдуна или даже волшебника — это умение узнавать Истинные имена. Именно поэтому на них и возложено отправление такого ответственного обряда, как обряд имяположения. Умение узнавать имена может пробудиться только в определенных условиях; подлинное имя человек получает только в правильно выбранном возрасте (обычно это ранняя юность) и в правильно выбранном месте (обязательно у воды — на берегу ручья, пруда или реки).

Поскольку имя человека — это его сущность в самом общем и абсолютном смысле этого слова, то любой, кто узнает это имя, обретает вполне реальную власть над его жизнью и смертью. Чаще всего Истинного имени человека не знает никто, кроме него самого и того, кто ему это имя дал, и оба всю жизнь хранят это знание в тайне. Умение дать человеку Истинное имя и обязанность хранить его в тайне существуют нераздельно. Истинное имя может иногда выдать врагу предатель, но никогда его не выдаст тот, кто это имя узнал и дал другому.

Некоторые могущественные волшебники, получившие к тому же соответствующее образование, могут довольно легко узнать Истинное имя человека; они могут даже заставить этого человека самого назвать им свое имя. Но, поскольку среди таких людей может оказаться предатель или же знания об Истинном имени человека будут неправильно использованы, умение это считается очень опасным. Обычно люди — а также драконы — тщательно хранят тайну своего Истинного имени; волшебники же скрывают и защищают свои имена с помощью заклятий. Как известно, Морред был не в силах сразиться со своим Врагом, пока не прочел его Истинное имя, написанное дождевыми каплями в пыли. А волшебник Гед сумел подчинить себе дракона Йевода, узнав — благодаря как своим невероятным способностям, так и полученным в Школе Рока знаниям, — его Истинное имя, которое дракон этот в течение многих столетий скрывал под множеством других, фальшивых имен.

Магия была дикой и неуправляемой, пока в Земноморье не стал править великий Морред, который, будучи одновременно и магом, и королем, смог ввести ряд необходимых интеллектуальных и моральных ограничений, а также составить перечень дисциплин, необходимых для

обучения магическим искусствам и умениям, собрав у себя при дворе волшебников для совместной работы во имя всеобщего блага и для изучения этических и научных основ магического ремесла. Примеру Морреда следовал и Махарион. А вот в Темные Времена при отсутствии какого бы то ни было контроля над волшебниками и широко распространенном использовании магии в целях наживы и магия, и сами волшебники в значительной степени утратили свою, некогда весьма высокую, репутацию.

Школа на острове Рок

Школа эта была основана примерно в 690 г. В Девятку, то есть в число главных ее Мастеров, первоначально входили следующие:

Мастер Ветродуи, учивший управлять погодой;
Мастер Ловкая Рука, учивший творить иллюзии;
Мастер Травник, великий знаток растений и целительского искусства;
Мастер Метаморфоз, учивший умению трансформировать любые тела и предметы;

Мастер Заклинатель, знаток Великих Заклятий, способных призывать души живых и мертвых людей;

Мастер Ономатет, знаток Истинной Речи, заставлявший своих учеников затверживать наизусть длинные списки имен;

Мастер Путеводитель, почти постоянно живший в Имманентной Роще и обладавший таинственными знаниями о том, что говорят деревья и тени; великий мастер угадывать истинные значения и намерения;

Мастер Искатель, учивший умению отыскивать и возвращать людей и предметы;

Мастер Привратник, стороживший двери в Большой Дом и отвечавший за входящих в Школу и выходящих оттуда.

Но вскоре первый Верховный Маг Земноморья Халькель отменил титул Мастера Искателя и в Девятке заменил его на Мастера Регента, главной задачей которого было изучение и преподавание ученикам Школы народной премудрости, заключенной в фольклорных произведениях — эпосе, героических песнях, лэ и т. п. Регент учил исполнению всех этих произведений, а также — песенным заклина-ниям.

Халькель положил конец исходно вольному и грубо описательному использованию таких слов, как «ведьма», «колдун», «волшебник», и

установил строжайшую иерархию, согласно которой ведовство было предоставлено исключительно женщинам. Вся магия, которой имели право пользоваться женщины, стала называться «низшим ремеслом», даже если ведьмы пользовались некоторыми знаниями и приемами «высшего искусства» — занимались целительством, исполняли священные песни и учили этим песням других, умели изменять форму или обличье и т. п. Ведьмы должны были учиться только у других ведьм или у колдунов; им было запрещено переступить порог Школы, и Халькель всячески предостерегал волшебников от передачи ведьмам каких бы то ни было магических знаний. Под особым запретом было обучение женщин Древнему Языку, и, хотя это предписание повсеместно нарушалось, оно все же с течением времени привело к непоправимой утрате женщинами, практикующими магические ремесла, важнейших знаний и умений.

Колдовством занимались мужчины — в этом, собственно, и заключалось его единственное реальное отличие от ведовства. Колдуны обучали друг друга и обладали определенными познаниями в области Древнего Языка. Колдовство включало как «низшие ремесла» (искательство, починка бытовых предметов, лозоходство, лечение домашних животных и т. п.), так и некоторые «высшие искусства» (исцеление людей, исполнение священных песен, заклинание погоды). Ученик, проявивший талант колдуна и посланный учиться на Рок, сперва непременно должен был изучать основы высших искусств и получить диплом колдуна, а уже потом, если преуспевал в магических науках, мог продолжить свое обучение и совершенствоваться в различных умениях и искусствах, прежде всего в ономастике, в знании Великих Заклятий и умении понимать язык деревьев в Имманентной Роце. И только потом становился волшебником.

Волшебник, по определению Халькеля, должен был получить свой посох, символ магических знаний и навыков, из рук Учителя, который непременно сам является волшебником и взял на себя ответственность за обучение данного ученика. Обычно именно Верховный Маг вручал выпускнику Школы его посох, производя его таким образом в волшебники. Подобная система передачи магических знаний имела место и в других местах — прежде всего на острове Пальн, — но в итоге Мастера Школы стали с большим подозрением относиться к тем ученикам, которые уже учились где-то в другом месте.

Понятие «маг» так и осталось довольно неопределенным; в Земноморье это почти то же самое, что волшебник.

Титул Верховного Мага и его обязанности также придумал Халькель.

Верховный Маг был десятым Мастером Школы, никогда не называвшимся среди Девяти. Воплощая в себе жизненную, этическую и интеллектуальную силу, Верховный Маг всегда обладал и значительной политической властью. В целом эта власть использовалась благоприятно. Воспринимая Школу как сильную централизующую и нормализующую составляющую в обществе Архипелага, Верховный Маг во все концы света посылал учеников Школы, колдунов и волшебников, способных, соблюдая этические ценности магии, на практике защищать людей от засухи, от смертоносных эпидемий, от пиратов и драконов и от неосторожного или злонамеренного использования магических искусств.

С тех пор как был коронован король Лебаннен и восстановлен Верховный суд и народные советы в столице и крупных городах Земноморья, остров Рок оставался без Верховного Мага. Похоже, эта должность, практически не связанная более ни с управлением Школой, ни с управлением остальными островами, перестала соответствовать запросам времени, и бывший Верховный Маг Гед, которого многие считают величайшим из Верховных Магов, может, вполне вероятно, оказаться и последним из них.

Волшебство и целибат

Школу Рок создавали как мужчины-волшебники, так и женщины-волшебницы; и в течение нескольких первых десятилетий мужчины учились там вместе с женщинами. Однако в Темные Времена женщины, ведовство, связь с Древними Силами Земли и т. п. стали вдруг считаться нечистыми, и тут же широко распространилось мнение, что мужчины-волшебники должны готовиться к работе только с «высшей магией» и старательно избегать «низшей», «земляной» премудрости и... женщин. Волшебник, не желавший надевать на себя стальные оковы целомудрия, никогда не получил бы права практиковать высшие магические искусства и не смог бы подняться выше обыкновенного колдуна. И волшебники стали избегать женщин, отказываясь как учить их, так и учиться у них. Ведьмы же, по-прежнему занимавшиеся практической магией, и не думали отказываться от радостей плотской любви, получив у соблюдающих целибат волшебников Рока прозвища «порочных соблазнительниц» и «грязных развратниц» — в общем, носительниц зла и порока.

Когда в 730 г. первый Верховный Маг Земноморья, Халькель с острова Уэй, решил навсегда изгнать женщин из Школы, то из Девяти Мастеров

против этого высказались только двое — Мастер Путеводитель и Мастер Привратник; но они, разумеется, оказались в меньшинстве. Более трех веков ни одна женщина не преподавала и не училась в Школе Рока! В течение трех столетий магическое искусство считалось в высшей степени уважаемым, а сами волшебники всегда обладали достаточно высоким общественным статусом и властью, тогда как ведовство стало считаться чуть ли не проявлением невежества и суеверий, и женщины, которые им занимались, жили в основном бедно, ибо крестьяне платили им сущие гроши.

Представление о том, что волшебник непременно должен соблюдать обет безбрачия, в течение всего этого времени даже сомнениям не подвергалось и, пожалуй, превратилось в некий довлеющий психологический фактор, однако без подобного крена в убеждениях было не обойтись. Всем известно, что магические способности и сексуальная активность зависят от конкретного человека, от его конкретных занятий и от конкретных обстоятельств. И опять же нет ни малейших сомнений в том, что такой великий маг, как Морред, был прекрасным мужем и отцом.

Лет пятьсот, а может и больше, честолюбивые мужи, желавшие пользоваться не только Великими Заклятиями, но и властью, связывали себя узами абсолютного целомудрия, еще и усиленного магией. В Школе на острове Рок ученики жили под воздействием «очищающего заклęcia» с той минуты, как переступали порог Большого Дома, а получив посох волшебника, они соблюдали целибат до конца жизни.

Среди колдунов очень немногие строго соблюдают обет безбрачия; напротив, многие из них женятся и имеют кучу детей. Ведьмы порой соблюдают отдельные «посты», якобы способствующие их очищению и усилению их магической силы, но в целом ведьмы ведут весьма активную сексуальную жизнь и имеют при этом гораздо больше свобод, чем большая часть деревенских жительниц, и гораздо меньше возможностей нарваться на оскорбление. Многие из ведьм заключают некий союз (его называют «ведьминским») с другой ведьмой или даже с обыкновенной женщиной. А замуж ведьмы выходят не так уж часто, и если выходят, то предпочитают выбирать себе в мужа колдунов.

На иных ветрах

*На самом далеком западе,
Там, где кончаются земли,
Народ мой танцует, танцует,
Подхваченный ветром иным.*

Песня Женщины из Кемея

Глава I

ТРЕСНУВШИЙ ЗЕЛЕНЬКИЙ КУВШИН

Паруса, длинные и белые, точно крылья лебедя, несли корабль по заливу от Сторожевых утесов прямо к порту Гонт. Был теплый летний денек, и по тихой воде гавани судно скользнуло за мол так уверенно и легко, что горожане, сидевшие с удочками на конце старого пирса, даже встали, приветствуя корабль и его умелую команду; кроме того, им, конечно, хотелось рассмотреть получше того единственного пассажира, что стоял на носу.

Это был молодой худощавый мужчина в старом черном плаще. Скорее всего какой-то колдун или мелкий торговец — в общем, ничего особенного, решили рыбаки. Они еще немного понаблюдали за суматохой на причале, интересуясь, что за груз привезли на этом судне, но на пассажираглянули мельком, хотя и заметили, что, когда тот сходил на берег, один из моряков сделал у него за спиной особый жест, соединив пальцы левой руки — большой, указательный и мизинец, — что означало: «Чтоб тебе никогда сюда не вернуться!»

Приезжий постоял немного на пирсе, словно колеблясь, потом вскинул на плечо свой жалкий мешок и двинулся куда-то по припортовым улицам. Это были деловые шумные улицы, и почти все они вели на Рыбный рынок, где народ так и кишел. Кричали торговцы, ссорились и спорили с ними покупатели, блестели на солнце скользкие от рыбьей чешуи и внутренностей камни мостовой. Если у приезжего и был какой-то конкретный адрес, то направление в этой толчее он скоро потерял, петляя среди повозок, прилавков и груд сваленной прямо на землю рыбы, холодно

глядевшей на него мертвыми глазами.

Какая-то высокая старуха, только что закончившая доказывать «подлой торговке», что сельдь у нее несвежая, вдруг внимательно посмотрела на приезжего, и тот, заметив это, поступил не слишком мудро, спросив у нее:

— Будьте добры, скажите, пожалуйста, как мне попасть в Ре Альби?

— Что?! Да чтоб тебе в свиной луже искупаться! — вдруг завопила старуха и быстро зашагала прочь, оставив приезжего, который прямо-таки ошеломлен от неожиданности, растерянно стоять у прилавка. Однако торговка, увидев в создавшейся ситуации удачный шанс для себя и пытаясь восстановить свою пошатнувшуюся репутацию, громко вскричала:

— Тебе что в Ре Альби надо? В Ре Альби, да? Так бы и сказал. А там тебе может быть нужно только одно — дом Старого Мага! Это я точно говорю! Значит, так: вон там свернешь за угол и пойдешь вверх по улице Молодых Угрей до сторожевой башни, а потом...

Стоило приезжему выбраться с рынка, как довольно широкая улица сама привела его на холм, а затем мимо массивной сторожевой башни прямо к городским воротам. Ворота сторожили два каменных дракона почти в натуральную величину; зубы у каждого были длиной с руку, а каменные глаза слепо таращились на город и залив. Лениво развалившийся на земле у ворот стражник пояснил, что нужно подняться на вершину холма, а потом повернуть налево, и дорога сама приведет в Ре Альби.

— Потом иди все время прямо; минуешь деревню, а там и дом Старого Мага недалеко, — прибавил стражник.

Приезжий стал неторопливо подниматься в гору; подъем оказался довольно крутым, а вокруг виднелись еще более крутые склоны холмов и далекая вершина горы Гонт, нависавшая надо всем островом, точно гигантское облако.

Путь был неблизкий, а день стоял жаркий, и приезжий вскоре скинул свой черный плащ и закатал рукава рубахи. Он как-то не подумал, выходя из города, купить себе еды на дорогу и запастись водой, а может, просто постеснялся, он вообще был человеком застенчивым, не привычным к большим городам, да и с незнакомцами сходилась трудно.

Прошагав несколько миль, он нагнал какую-то телегу, которую давно уже приметил, — на большом расстоянии она показалась ему сперва просто черным пятном в густом облаке белой пыли. Телега, поскрипывая и постанывая, катилась по дороге, влекомая парой некрупных быков, которые выглядели такими старыми, морщинистыми и утратившими всякую надежду на лучшее будущее, что стали похожи на черепахи. Приезжий поравнялся с телегой, однако возница ничего ему не сказал, только

подмигнул.

— А нет ли тут поблизости какого-нибудь ручейка или родника? — спросил его путник.

Возница медленно покачал головой, долго молчал и наконец сказал:

— Нет. — Еще помолчал и прибавил: — Там — нет.

И телега загрохотала дальше по дороге. Путник, которого мучила жажда, чувствовал, что не в состоянии обогнать этих несчастных, едва тащившихся волов.

Он очень устал и не сразу заметил, что возница молча протягивает ему большой глиняный кувшин в плетеной корзинке. Он взял кувшин — тот был довольно-таки тяжел — и досыта напился. Причем кувшин стал лишь чуточку легче, когда он с благодарностью вернул его хозяину.

— Садись, коли хочешь, — обронил возница и снова умолк.

— Спасибо. Я и пешком дойду. А скажи, далеко ли еще до Ре Альби?

Колеса скрипнули. Волы тяжело вздохнули — сперва один, потом второй. Их запыленные бока под жарким солнцем источали сладковатый запах пота.

— Десять миль, — сказал наконец возница. Потом подумал и поправился: — А может, двенадцать. — Он еще помолчал и окончательно решил: — Да, никак не меньше.

— Тогда я, пожалуй, вперед пойду, — сказал приезжий.

Утолив жажду, он вполне был готов сейчас обогнать старых волов, и телега действительно довольно сильно отстала, когда он снова услышал голос возницы:

— Старому Магу идешь, значит... — Если это и был вопрос, то в ответе возница явно не нуждался, и путешественник зашагал дальше.

Когда дорога резко пошла вверх, ее по-прежнему загораживало от солнца плечо огромной горы, но когда путник повернул налево, к деревушке, решив, что это и есть Ре Альби, солнце буквально ослепило его, хотя уже клонилось к западу; внизу он увидел море — оно было стального цвета и казалось абсолютно застывшим.

Дома в деревушке вразнобой стояли вокруг маленькой пыльной площади, посреди которой был устроен фонтан — жалкая струйка воды, едва поднимавшаяся в воздух. К фонтану путник и направился, снова всласть напился из пригоршни, то и дело набирая воду в подставленные ладони, а потом подставил под струю и голову, с наслаждением впитывая холодную воду волосами и кожей головы, позволяя ей стекать по шее и течь по спине. Подсыхая после этого «купания», он некоторое время посидел на каменной чаше фонтана, заметив, что за ним внимательно и молча

наблюдают трое грязноватых малышей — два мальчика и девочка.

— И никакой это не целитель! — заявил наконец один из мальчишек.

Путник тщательно пригладил влажные волосы руками.

— Вот глупые, он же к Старому Магу идет! — презрительно заметила девочка.

— Йеррагхх! — Выкрикнув это странное слово, мальчик соорудил какую-то ужасную гримасу, одной рукой растянув себе рот, а другой, словно когтем, стал скрести воздух.

— Надо бы присмотреть за ним, Стоуни, — сказал ему второй мальчик, а девочка крикнула путнику:

— Эй, хочешь, я тебя к Старому Магу провожу?

— Спасибо, — сказал он и устало поднялся.

— Видишь, никакого посоха у него нет! — тут же сказал один мальчишка другому, а второй отозвался:

— А никто и не говорил, что он у него есть!

И оба, лениво развалившись в тени, стали смотреть, как незнакомец следом за девочкой выходит на тропу, ведущую на север меж каменистых пастбищ, круто спускавшихся вниз по склону горы.

Море под солнцем нестерпимо блестело, в глазах у путника все плыло, морская даль и постоянно дувший сильный ветер вызвали головокружение. Девочка, шедшая впереди, казалась ему крошечной подскакивающей тенью. Он остановился.

— Ну, пошли же! — сказала девочка недовольно, но тоже остановилась. Путник подошел к ней поближе и снова остановился. — Вон, — показала она, — уже и дом видно! — И он увидел на краю утеса деревянный дом, до которого оставалось совсем немного. — А я их не боюсь! — сообщила ему девочка, но он не совсем ее понял. — Я сколько раз для них куриные яйца по гнездам собирала, чтобы отец Стоуни потом эти яйца на рынок отнес. А старая госпожа меня персиками угощает! Правда, Стоуни всегда говорит, что я их ворую, но я никогда у них ничего не ворую! Ну, пошли же! Не бойся, ее там нет. И никого из них тоже.

Она снова показала ему пальцем на дом.

— Там что же, никого нет? — спросил приезжий.

— Только сам старик. Старый Ястреб. Он всегда там.

Путешественник поблагодарил ее и двинулся дальше один, а девочка осталась на тропе и смотрела ему вслед, пока он не повернул за угол дома.

Две козы, пасшиеся на огороженном лужке перед домом, так и усталились на незнакомца своими желтыми глазищами. В высокой мягкой

траве рассыпались куры и целый выводок полувзрослых цыплят, которые копались в земле среди грушевых и сливовых деревьев и тихонько переговаривались между собой. Какой-то мужчина стоял на маленькой приставной лестнице, прислоненной к стволу одного из плодовых деревьев; голова его скрывалась в листве, и путнику были видны лишь его голые смуглые лодыжки.

Путешественник поздоровался, ответа не получил и снова произнес слова приветствия, но уже несколько громче.

Листья на дереве зашуршали, и человек ловко спрыгнул на землю, прижимая к груди целую пригоршню спелых слив. Первым делом он отогнал парочку назойливых пчел, соблазненных сливовым ароматом, потом подошел к незнакомцу. Он был невысокого роста, но держался очень прямо и был еще строен; седые волосы он зачесал назад и стянул на затылке в пучок, открыв красивое лицо, носившее, впрочем, следы нелегких и Долгих прожитых лет и старые шрамы — четыре белых рубца, спускавшихся от левой скулы к подбородку. На вид ему можно было дать лет семьдесят, но взгляд его был ясен, и смотрел он прямо на незнакомца внимательно и дружелюбно.

— Вот, совсем созрели, — сказал он и протянул незнакомцу пригоршню маленьких желтых слив, — хотя к завтрашнему дню они будут еще вкуснее.

— Лорд Ястреб, — начал было путник, вдруг от волнения охрипнув, — господин мой, ты Верховный Маг Земноморья...

Старик коротко кивнул, как бы признавая все эти титулы и предлагая не перечислять их, и предложил:

— Давай-ка пойдем в тень.

Незванный гость послушно последовал за ним и сделал все, что ему было велено: сел на деревянную скамью в тени кривого дерева, росшего у самого дома, принял от хозяина сливы, теперь тщательно вымытые и сложенные в хорошенькую плетеную корзиночку, и стал их есть одну за другой. Тогда хозяин дома спросил его, голоден ли он, и путник честно признался, что весь день ничего не ел. Оставив его сидеть на скамье, хозяин сходил в дом и принес хлеб, сыр и половинку отличной луковицы. Гость съел все, даже лук, и запил еду целой кружкой холодной родниковой воды, которую тоже принес ему хозяин. Сам же Ястреб ел только сливы — за компанию с гостем.

— Ты выглядишь усталым. Издалека пришел? — спросил он путника.

— Вообще-то я с Рока...

По лицу старика трудно было что-либо прочитать. Он лишь

промолвил:

— Вот как? Никогда бы не подумал.

— А родом я с острова Таон, господин мой. Это уже потом я перебрался на Рок. А там лорд Путеводитель сказал мне, что я должен попасть на Гонт. И поговорить с тобой.

— Почему?

Потрясающий все-таки был у него взгляд!

— Потому что ты ЖИВЫМ ПРОШЕЛ ПО ТЕМНОМУ ЦАРСТВУ СМЕРТИ... — И без того хриплый голос незнакомца превратился в шепот.

Старик подхватил:

— ...И ВЫШЕЛ НАДАЛЬНИЙ БЕРЕГ ДНЯ. Так? Да, но это пророчество касалось скорее нашего короля Лебаннена.

— Ты тоже был с ним, господин мой!

— Был. И видел, как он победил в жестоком поединке и выиграл свое королевство. Но я-то свое «королевство» там оставил! Так что не называй меня больше всякими пышными титулами. Зови меня просто Ястреб или Ястреб-перепелятник — как тебе больше понравится. А как мне тебя называть?

Гость прошептал:

— Олдер.

Еда, родниковая вода и отдых в тени явно принесли ему облегчение и прояснили мысли, но выглядел он по-прежнему каким-то изможденным. Печальная усталость таилась в его глазах.

Тон старика до сих пор был, пожалуй, немного суховат, хотя держался хозяин вполне спокойно и дружелюбно. Но, посмотрев на гостя повнимательнее, он вдруг совсем миролюбиво предложил:

— Знаешь что, давай-ка на некоторое время отложим все разговоры. Ты проплыл почти тысячу миль по морю, потом целых пятнадцать миль тащился по жаре в гору. А мне еще нужно полить бобы, лук и другие овощи, поскольку мои жена и дочь оставили весь огород на меня. Так что ты пока отдохни немножко. Если хочешь, можем поговорить вечером, по холодку. Или утром, когда солнце еще не такое жаркое. Или в течение дня — времени здесь хватает.

Когда старик часа через полтора вернулся, его гость, улегшись прямо на прохладную траву под персиковыми деревьями, крепко спал.

Старик, когда-то носивший титул Верховного Мага Земноморья, постоял над ним, держа в одной руке ведро, а в другой — мотыгу, внимательно посмотрел спящему в лицо и едва слышно прошептал:

— Олдер значит «ольха». Что же за беда привела тебя сюда, Олдер?

На какой-то миг ему показалось, что, если бы он захотел узнать Истинное имя этого человека, он мог бы узнать его, лишь подумав об этом, как в прежние времена, когда был магом.

Но теперь он этого не мог. И, думай не думай, все равно ничего не узнаешь, потому что магом он больше не был.

И ничего не знал об этом Олдере. Что ж, придется подождать, пока тот сам ему все расскажет.

«Не буди лихо, пока оно тихо», — пробормотал старик про себя и отправился поливать бобы.

Как только солнце скрылось за невысокой каменной оградой на вершине ближайшего к дому холма, тень и прохлада разбудили спящего. Он сел, весь дрожа, потом испуганно вскочил, но двигался все еще довольно неуклюже; вид у него был ошалелый, в волосах запутались семена трав. Увидев, что старик набирает у колодца воду и таскает ведра в сад, он бросился ему помогать.

— Еще ведра три-четыре — и довольно, — сказал ему бывший Верховный Маг, аккуратно поливая грядку, на которой рядком росли молодые кочаны капусты. Аромат влажной земли был удивительно приятен в сухом теплом воздухе. Закатные лучи неровными золотистыми полосами ложились на склон горы.

Полив огород, они уселись на длинную скамью возле порога и стали смотреть, как садится солнце. Ястреб принес из дома бутылку вина и два низких толстостенных стакана из зеленоватого стекла.

— Это вино делал сын моей жены, — сказал он. — У него там, в Срединной долине, ферма. «Дубовая» называется. Хороший был урожай семь лет назад! — Вино было кремнисто-красноватого оттенка, и Олдер сразу почувствовал, как внутри разливается приятное тепло. Солнце в своей спокойной ясности садилось за море. Ветер улегся. Птички на ветвях садовых деревьев изредка переговаривались нежными голосами, устраиваясь на ночь.

Попав на Рок, Олдер был изумлен, когда Мастер Путеводитель сказал ему, что Верховный Маг, этот человек из песен и легенд, который привел короля Лебаннена домой из царства смерти, а потом улетел на спине дракона на остров Гонт, все еще жив. И, по словам Мастера Путеводителя, не только жив, но и преспокойно живет на своем родном острове!

— Я скажу тебе то, о чем знают немногие, — сказал тогда Путеводитель, — потому что, мне кажется, тебе это знать необходимо. И я думаю, ты сохранишь это в тайне.

— Значит, он все еще Верховный Маг Земноморья? — радостно воскликнул Олдер, ибо это было неразрешимой загадкой для всех: почему Мастера Школы, являющейся центром всех магических наук и искусств, за все годы правления короля Лебаннена так и не нашли другого волшебника, способного заменить Ястреба на посту Верховного Мага?

— Нет, — ответил Олдеру Мастер Путеводитель. — Он вообще больше уже не маг.

И поведал о том, как и почему Ястреб утратил свое могущество. С тех пор у Олдера было достаточно времени, чтобы все это обдумать. Однако здесь, в присутствии самого Ястреба, которому доводилось беседовать с драконами, который вернул в Хавнор Кольцо Рун, живым пересек царство смерти и, по сути дела, правил всеми островами Архипелага до воцарения Лебаннена, Олдеру разом вспомнились все потрясающие истории о подвигах Мага, все героические песни, посвященные ему, и он, даже видя Ястреба старым и бесконечно довольным своим замечательным садом и огородом, даже зная, что этот знаменитый волшебник теперь лишился своего могущества, все равно чувствовал вокруг него некий ореол, создаваемый, по всей вероятности, силой его души, которой довелось столько пережить и столько испытать. И в этом ореоле Ястреб по-прежнему представлялся ему великим магом. Однако его несколько смущала одна вещь: у Ястреба была жена!

Жена, дочь, пасынок... Ведь у магов и волшебников не бывает семьи! Обычный колдун, вроде самого Олдера, мог жениться или не жениться, но настоящие волшебники, обладавшие истинным могуществом, всегда хранили обет безбрачия. Олдер вполне мог вообразить себе этого человека верхом на драконе, это было совсем нетрудно, но представлять его в роли обыкновенного мужа и отца было невыносимо. С этим он справиться никак не мог, хотя и очень старался. А потому спросил:

— А твоя... жена, господин мой?.. Она, значит, живет у своего сына?

Ястреб посмотрел на него — точно издалека вернулся — и вновь уставился в морскую даль.

— Нет, — сказал он, помолчав. — Она сейчас в Хавноре. У короля.

И еще через некоторое время, словно наконец вернувшись из неведомых далеких краев, прибавил:

— Они с дочерью отправились сразу после Долгого Танца. Лебаннен специально прислал за ними корабль; ему очень нужен их совет. И, возможно, его волнует примерно то же, что и тебя привело ко мне. Посмотрим... Видишь ли, сегодня я что-то устал, и мне совсем не хочется обсуждать всякие сложные вопросы. Да и сам ты выглядишь усталым. Так

что, может, по тарелке супа да по стаканчику вина — и на боковую, а? А утром поговорим как следует.

— С удовольствием, господин мой, — отвечал Олдер. — Вот только спать я боюсь. Именно этого-то я и боюсь больше всего на свете!

Ястреб некоторое время молчал, вникая в смысл этих слов, потом уточнил:

— Ты боишься спать?

— Нет, скорее я боюсь своих снов.

— Ах так?! — Ястреб остро глянул на него своими темными глазами из-под густых полуседых бровей и заметил: — Но, по-моему, ты очень неплохо вздремнул вон там, на травке, а?

— О да! И мне снились самые приятные сны с тех пор, как я покинул остров Рок. И я очень тебе за это благодарен, господин мой! Может быть, это повторится и ночью. Но, к сожалению, обычно мне снятся такие страшные сны, что я громко кричу, просыпаюсь сам и мешаю спать тем, кто находится со мною рядом. Так что, с твоего позволения, я лучше переночую на улице.

Ястреб кивнул и сказал:

— Хорошо. Ночь будет теплая.

А ночь действительно была хороша! Прохладный легкий ветерок дул с юга, в небесах белели теплые летние звезды, и только один край неба казался черным — там, где его закрывало плечо огромной горы. Олдер расстелил на траве тюфяк и овечью шкуру, которые дал ему хозяин, точно в том же месте, где спал днем.

А Ястреб улегся спать в маленьком алькове у западной стены дома. Здесь он спал еще мальчишкой, когда хозяином этого дома был волшебник Огион, а сам он был учеником Огиона. Последние же пятнадцать лет здесь спала Техану, став его дочерью. Но сейчас Тенар и Техану не было дома, и Ястреб, ложась в супружескую постель, стоявшую в дальнем углу комнаты, особенно остро ощущал отсутствие Тенар и свое одиночество и решил пока перебраться спать в альков. Ему нравилась узкая лежанка, приделанная прямо к бревенчатой стене дома, под окном. Здесь он всегда спал хорошо. Но только не в эту ночь.

Уже миновала полночь, когда его разбудили какие-то крики, доносившиеся снаружи. Он вскочил с постели и осторожно подошел к двери, но это был всего лишь Олдер, сражавшийся с ночными кошмарами, да из курятника доносились слабые протесты разбуженных криками Олдера кур. Вдруг Олдер, крикнув еще что-то хрипло и невнятно, проснулся и сел. На лице его были написаны ужас и отчаяние. Увидев, что

Ястреб стоит на крыльце, он стал просить у него прощения за невольно причиненное беспокойство, а потом заявил, что больше спать не ляжет и просто посидит, любуясь звездным небом. Ястреб ничего не сказал, вернулся в дом и снова попытался уснуть. Олдер больше его своими криками не будил, однако на этот раз ему самому приснился весьма дурной сон.

Ему снилось, что он стоит у сложенной из камня стены на вершине какого-то холма с пологими склонами, поросшими серой сухой травой и уходящими куда-то в непроницаемую тьму, хотя вокруг царят серые сумерки. Он понимал, что когда-то уже бывал здесь, что и раньше стоял на склоне этого холма, но не мог вспомнить, когда это было и что это за место. Он заметил, что кто-то стоит по ту сторону стены чуть ниже, но совсем недалеко от него. Лица этого человека ему было не различить, но он ясно видел, что тот очень высок и закутан в плащ. Он чувствовал, что хорошо знает этого человека. И вдруг тот заговорил с ним, называя его Истинным именем: Гед.

«Ты тоже скоро окажешься здесь, Гед», — сказал он.

Похолодев до костей, Ястреб сел на постели, изо всех сил вглядываясь во тьму и стараясь различить знакомые предметы, воспроизвести столь хорошо знакомую ему действительность, способную укутать душу, точно теплым одеялом. Он выглянул в окно и посмотрел на звезды. И снова сердце его пронизал холод: то были не земные звезды, такие любимые, такие знакомые — Возничий, Сокол, Танцоры, Сердце Лебедя!.. В окно к нему заглядывали сейчас совсем другие звезды — маленькие застывшие звезды той пустынной сумеречной страны, которые никогда не двигались по темному небосклону. Когда-то он знал названия и этих звезд... Когда-то — когда знали имена самых разных вещей на свете...

«Минуй нас!» — громко сказал он и особым образом сложил пальцы, отгоняя беду. Этот жест был знаком ему с детства. И взор его невольно скользнул к распахнутой двери дома, к темному углу за открытой створкой, где, как он думал, он увидит сейчас знакомый сгусток тьмы, принявший форму человеческого тела, как бы обретший плоть и уже встающий во весь рост...

Знакомый с детства «магический» жест, хотя в нем и не было никакого волшебства, окончательно прогнал всякий сон. Тени, прятавшиеся за дверью, оказались, разумеется, всего лишь тенями. И звезды за окном были знакомыми звездами Земноморья, уже бледневшими в преддверии зари.

Ястреб сел, накинув на плечи одеяло из овечьих шкур, и стал смотреть на звезды, которые постепенно меркли, как бы сползая по небосклону к его

западному краю. Потом в небе стала разгораться заря, заиграли, все время меняясь, краски наступающего дня, но в душе Ястреба по-прежнему жила печаль. Он и сам не знал, почему она вдруг снова возникла, эта боль, тоска по чему-то дорогому и утраченному навеки. Он давно привык к ощущению огромной утраты, с которым жил уже столько лет. Некогда он обладал поистине непревзойденным могуществом и все потерял в одночасье! Да, когда-то это его печалило, но теперешняя печаль была гораздо сильнее и, похоже, не являлась его собственной печалью. Он чувствовал печаль в самом сердце вещей, чувствовал тоску даже в наступлении рассвета. Откуда она взялась? Почему так и прилипла к нему, явившись во сне? Но печаль не уходила, даже когда он встал и разжег в очаге огонь.

Тогда Гед пошел полюбоваться своими персиковыми деревьями, заглянул в курятник насчет свежих яиц на завтрак и вернулся в дом. Вскоре к дому подошел и Олдер. Он пришел по той тропе, что тянулась на север по верхнему уступу, и сказал, что на рассвете решил прогуляться и посмотреть окрестности. Выглядел он совершенно измученным, и Ястреба снова поразила та боль, что жила в его глазах, ибо она как бы перекликалась с его собственными ощущениями перепелятника, оставленными тем страшным сном.

Они выпили по чашке теплого ячменного напитка, точнее, жидкой каши, какую обычно едят по утрам крестьяне, съели по сваренному вкрутую яйцу и по персику. Они трапезничали в доме, у очага, ибо утренний воздух в тени горы был слишком холоден, чтобы устроиться завтракать на улице. Затем Ястреб покормил кур, насыпал зерна голубям, выпустил на пастбище коз, а после этого снова уселся с гостем на скамью у крыльца. Солнце еще не выглянуло из-за горы, но воздух уже достаточно прогрелся.

— Так, Олдер, а теперь расскажи: что привело тебя ко мне? Только сперва, раз уж ты добирался сюда через Рок, то скажи: все ли в порядке в Большом Доме?

— Я в него не входил, господин мой.

— Ага... — Тон был самый нейтральный, но быстрый взгляд — пронзительный.

— Я был только в Имманентной Роще.

— Ага. — Нейтральный тон, нейтральный взгляд.

— И Мастер Путеводитель сказал мне: «Передай моему повелителю, что я по-прежнему очень люблю его и глубоко уважаю. А еще передай ему, что я бы очень хотел побродить с ним вместе по Роще, как когда-то».

Ястреб печально улыбнулся, помолчал и сказал:

— Ну что ж... Однако вряд ли он послал тебя ко мне, чтобы ты передал мне только это. Рассказывай.

— Я постараюсь быть кратким...

— Послушай, парень, у нас целый день впереди. И к тому же я люблю, чтобы мне все рассказывали подробно и с самого начала.

И Олдер рассказал ему свою историю с самого начала.

Он был сыном ведьмы и родился в городке Элини на острове Таон, славящемся как остров арфистов.

Таон находится в южной части моря Эа, недалеко от тех мест, где некогда высился остров Солеа, пока волны морские не поглотили его. Все острова моря Эа — очень древние острова, самое сердце Земноморья, и все они некогда имели свои столицы, своих королей и своих волшебников; остров Хавнор в те времена был не цветущим королевством, а полем брани для враждующих племен, ну а остров Гонт считался и вовсе диким краем, где медведей больше, чем людей. Те люди, что родились на островах Эа, Эбеа, Энлад или Таон, даже если они появились на свет в семье канавокопателя или ведьмы, имели право считать себя потомками древних магов или тех знаменитых воинов, которые погибли, защищая королеву Эльфарран. Уроженцы этих островов буквально с детства обладали изысканными манерами, хоть и бывали порой чересчур высокомерными, а также их отличали любовь к музыке и поэзии, великодушие и нерасчетливость, что порой не слишком нравилось тем, кто крепко держится за землю. «Воздушные змеи с оборвавшейся бечевкой» — примерно так говорили хавнорские богачи о жителях этих островов. Они, впрочем, никогда бы не решились сказать так в присутствии короля Лебаннена, который был потомком одного из древнейших родов острова Энлад.

Самые лучшие арфы в Земноморье делали на острове Таон. На этом острове также издавна существовали специальные музыкальные школы; множество знаменитых певцов, исполнителей лэ и героических песен были либо уроженцами Таона, либо учились там. Но в городке Элини, расположенном высоко в горах, никакой музыкальной школы, разумеется, не было; главным средоточием «цивилизации» там считалась рыночная площадь, да и мать Олдера была женщиной небогатой, хотя они, конечно, не голодали. У его матери было огромное родимое пятно, красное, протянувшееся от правой брови по щеке и шее до самого плеча, захватив и ухо. Многие женщины и мужчины, имевшие подобные «знаки», а точнее, уродства, становились ведьмами или колдунами, поскольку считалось, что «у них имеется особая отметина». Мать Олдера, ведьма Блэкберри, что

значит «черная смородина», выучив несколько заклинаний, вполне справлялась со своими «ведьмиными» обязанностями. Честно говоря, никакого магического таланта у нее не было, зато вид был вполне подходящий, а для ведьмы это почти так же ценно, как и настоящий талант. В общем, на хлеб она зарабатывала, понемножку учила сына своему ремеслу и даже в итоге скопила достаточно денег, чтобы отдать Олдера в ученики одному колдуну, который впоследствии нарек его Истинным именем.

О своем отце Олдер ничего рассказать не мог, ибо не знал о нем ровным счетом ничего. Блэкберри никогда о нем даже не упоминала. Хотя ведьмы крайне редко соблюдают обет безбрачия, они реже оставляют у себя одного и того же мужчину более чем на одну-две ночи подряд, а уж замуж выходят и того реже. Гораздо чаще две ведьмы объединяются и живут всю жизнь вместе; в народе это называют «ведьминим браком» или говорят, что ведьмы дают друг другу особую «женскую клятву». В таких случаях ребенок, родившийся у одной из ведьм, имеет как бы двух матерей, но ни одного отца. Так что отсутствие отца в семье Олдера было как бы само собой разумеющимся, и Ястреб даже спрашивать ничего об этом не стал. Однако он довольно подробно расспрашивал Олдера о том, чему его учил колдун.

Колдун Ганнет, что значит «морская олуша», научил Олдера тем несколькими словам Истинной Речи, которые знал сам, и некоторым заклятиям, с помощью которых можно было, скажем, найти потерянную вещь или создать не слишком сложную иллюзию. Олдер признался Ястребу, что никаких особых способностей ни в том, ни в другом не проявил. И все же, видимо, этот Ганнет достаточно сильно заинтересовался мальчиком, пытаясь понять, в чем же его истинное призвание. Олдер оказался отличным латальщиком, он мог починить любую сломанную вещь — сломанную арфу, переломившееся лезвие ножа, треснувшую ось колеса, расколовшийся глиняный горшок или разбившуюся вдребезги миску. Все это он мог вновь сделать целым. Он умел так соединить отдельные фрагменты предмета, что не оставалось ни слабины, ни трещинки, ни следа. В итоге Ганнет послал Олдера собирать различные соединительные заклятия, которые можно было узнать в основном у таонских ведьм. Со многими из них Олдер даже поработал вместе какое-то время, учась латать и соединять части разбитых и сломанных предметов.

— Да-да, я хорошо знаком с этим умением, — сказал Ястреб. — Это, в общем-то, разновидность целительства. И, между прочим, не такой уж малый дар. Да и ремесло латальщика не из простых.

— Мне оно доставляло истинную радость! — воскликнул Олдер, и на лице его промелькнуло даже некое подобие улыбки. — Мне так нравилось придумывать самому нужные заклинания, стараясь при этом непременно использовать какое-нибудь из слов Истинной Речи... Ведь как бы оживить сосуд, который опустел и высох из-за небольшой трещинки, или починить рассыпавшуюся на отдельные дощечки бочку — это такое удовольствие! Когда видишь, что, например, такой бочонок вновь оживает, становится пузатыми, как ему и подобает, прочно стоит на донце, ожидая, когда его наполнят вином!.. Ох, это так здорово! Был у нас один арфист из Меони, большой музыкант; когда он играл, точно штормовой ветер поднимался на вершине холма, точно буря бушевала в морском просторе! Он очень жестоко порой обращался со своей арфой, рвал струны, оттягивал их во время страстной своей игры так, что в самый напряженный момент, когда мелодия словно взмывала ввысь, струны не выдерживали и лопались. И этот музыкант нанял меня, чтобы я всегда был рядом, когда он играет, и, если что случится с инструментом, мог быстро починить его, пока не успела еще отзвучать последняя нота, чтобы он мог продолжать играть.

Ястреб кивнул, ему было приятно слушать, с каким жаром этот парень рассказывает о своей профессии.

— А разбившуюся стеклянную посуду ты чинил? — спросил он.

— Приходилось. Только это очень долгое и довольно нудное занятие, — отвечал Олдер. — Больно много там всегда крошечных осколков и кристалликов.

— Но ведь штопать огромную дыру в вязаном носке куда скучнее, — заметил Ястреб, и они некоторое время со знанием дела обсуждали тонкости работы латальщика. Затем Олдер вернулся к рассказу о своей жизни.

Итак, сперва он просто чинил всякие вещи, а потом назвался колдуном, но репутацией у местных жителей пользовался весьма скромной — в соответствии со своим скромным талантом. Да и доходы у него были небольшие. И вот однажды, Олдеру тогда было уже под тридцать, они с тем арфистом отправились в столицу острова, город Меони, где арфист должен был играть на свадьбе. И в том доме, где они остановились, Олдер познакомился с одной молодой женщиной. По ее словам, у ведьм она никогда не училась, однако обладала тем же даром, что и Олдер. И очень хотела стать его ученицей. Оказалось, что талант к латанью у нее действительно есть, и куда больший, чем у него самого! Не зная ни одного слова Истинной Речи, она могла движением пальца восстановить вдребезги разбитый кувшин или перетершийся канат, помогая себе всего лишь какой-

то песенкой, каким-то практически бессловесным, едва слышным мурлыканьем. А еще она умела лечить сломанные кости как у людей, так и у зверей; Олдер заниматься подобным целительством никогда не осмеливался.

В общем, не столько он учил ее, сколько они учили друг друга, причем часто оказывалось, что еще вчера они даже не подозревали о некоторых своих умениях. Потом эта женщина вернулась вместе с Олдером в Элини и поселилась у его матери, ведьмы Блэкберри, которая научила ее всяким полезным штукам, чтобы производить на заказчиков более сильное впечатление, хотя настоящего ведовства во всех этих фокусах практически не было. Звали эту молодую женщину Лили. Они с Олдером часто работали вместе, и во всех окрестных селениях слава их как искусных латальщиков росла и упрочалась.

— А потом я ее полюбил! — сказал Олдер. Стоило ему заговорить о ней, и голос его зазвучал более уверенно и мелодично. — Она была такая красивая! Волосы темно-каштановые, но порой в них будто золотисто-красные искры вспыхивали...

Он не мог скрыть от нее свою любовь, да и не стал этого делать, и она ответила на его чувство, сказав, что ей все равно, ведьма она теперь или нет, ибо они рождены, чтобы быть вместе — в работе и в жизни, что она тоже любит его и согласна выйти за него замуж.

Они поженились и жили очень-очень счастливо первые полтора года.

— Все было хорошо, пока не подошло время родов, — сказал Олдер. — Мы слишком поздно спохватились. Повивальные бабки пытались вызвать схватки разными травами и заклинаниями, но ребенок словно не желал отделяться от матери и выходить на свет. Так и не родился. И ее забрал с собой.

Олдер помолчал и прибавил:

— Мы были так счастливы!

— Я понимаю, — откликнулся Ястреб.

— И печаль моя оказалась столь же велика, сколь велико было счастье.

Старик молча кивнул.

— Но я смог вынести это горе, — сказал Олдер. — Известно ведь, как оно бывает: кажется, нет смысла жить дальше, а все-таки живешь...

— Это верно.

— Но среди зимы, через два месяца после ее смерти, мне явился один сон... И в том сне была она...

— Расскажи, что тебе снилось.

— Я стоял на каком-то холме. Через вершину холма и дальше по его склону тянулась каменная изгородь, невысокая, такими обычно разделяют овечьи пастбища. Лили стояла по ту сторону этой изгороди и чуть ниже меня. И там было темнее...

Ястреб понимающе кивнул, и лицо его посуровело; теперь оно казалось высеченным из камня.

— Она звала меня! — продолжал рассказывать свой сон Олдер. — Я слышал ее голос. Она называла меня по имени, и я пошел к ней. Я понимал, что она мертва, я знал это даже во сне, но шел к ней с такой радостью! Мне никак не удавалось как следует разглядеть ее лицо, и я шел к ней, чтобы хоть посмотреть на нее, чтобы хоть недолго побыть с нею... И она протянула ко мне руки над этой изгородью... Изгородь была невысокая, примерно мне по грудь. Я тогда подумал, что, может, наш ребенок при ней, но она его, наверное, с собой не взяла. И все тянулась ко мне, и я тоже протянул к ней руки, и наши руки соприкоснулись...

— Соприкоснулись?

— Да. Мне очень хотелось быть с ней рядом, но я никак не мог перебраться через эту каменную стену. Ноги мои идти не желали, руки не слушались. Тогда я попытался перетащить Лили к себе, и она тоже очень хотела ко мне перебраться. В какой-то момент мне показалось даже, что она сможет это сделать, но проклятая стена по-прежнему была между нами! Мы оба не могли ее преодолеть. И тогда Лили перегнулась через эту стену и поцеловала меня в губы. И отчетливо произнесла мое имя. И попросила: «Освободи меня!»

Я подумал тогда, что если и я назову ее Истинным именем, то, может быть, мне все-таки удастся перетащить ее к себе, и я сказал: «Пойдем со мной, Мевре!» Но она ответила: «Это уже не мое имя, Хара! Это больше уже не мое имя!» И она сама выпустила мои руки, хотя я пытался ее удержать, а она все кричала: «Отпусти меня, Хара!» И уходила куда-то вниз, во тьму. У подножия этого холма все тонуло во тьме. А я все звал ее по имени, выкрикивал все ее прозвища, все те ласковые слова, которыми когда-то ее называл, но она все равно уходила от меня... И вдруг я проснулся.

Ястреб долго и очень внимательно смотрел на своего гостя.

— Ты назвал мне свое имя, Хара, — заметил он.

Олдер выглядел немного растерянным и несколько раз глубоко вздохнул, словно приходя в себя и сбрасывая груз тяжелых воспоминаний, но на Геда он посмотрел ясными глазами и с каким-то отчаянным мужеством.

— А кому еще мог бы я с большей уверенностью доверить его? — спросил он.

Ястреб сурово поблагодарил его:

— Что ж, я постараюсь отплатить тебе за доверие. Скажи, ты знаешь, что это за место?.. Эта стена знакома тебе?

В первый раз я этого не знал. Теперь знаю. И знаю, что ты бывал по ту сторону этой стены.

— Да. Я бывал на этом холме. И перебирался через стену благодаря магическому искусству, которым тогда владел. И силе, которая тогда у меня была. Я бывал и внизу, в городах мертвых, я говорил с теми, кого знал живыми, и порой они мне отвечали... Но ты, Хара, — первый человек из тех, кого я когда-либо знал, о ком слышал в Школе среди Мастеров или читал в древних книгах, что хранятся на Роке, на Пальне или на Энладских островах, который смог коснуться своей возлюбленной ЧЕРЕЗ СТЕНУ и поцеловать ее!

Олдер сидел, опустив голову и крепко переплетя пальцы лежавших на коленях рук.

— Расскажи, каково было ее прикосновение? Были ли по-человечески теплы ее руки или она была просто сгустком ледяного воздуха, тенью, похожей на живую женщину? Была ли она живой? Прости, что я задаю такие вопросы, но...

— Я бы рад был ответить на них, господин мой! На острове Рок Мастер Заклинатель спрашивал у меня то же самое. Но я не могу ответить правдиво. Я так сильно тосковал по ней, так страстно желал ее... И мне так сильно хотелось... чтобы она была такой, какой была при жизни!.. Нет, я не знаю. Во сне не все видишь достаточно ясно.

— Во сне — да. Но я никогда не слышал, чтобы хоть один человек подходил к той стене и КАСАЛСЯ ее во сне. Это такое место, подходы к которому может искать только волшебник, да и то если вынужден это делать, если его научили это делать, если он обладает достаточными для этого силами. Но без определенных знаний и сил лишь умирающие могут...

И Ястреб запнулся, вспомнив тот сон, что приснился ему прошлой ночью.

— А я считал, что это сон, — сказал Олдер. — Он встревожил меня, но был мне так дорог! Точно в пашне моего сердца провели борозду, чтобы я думал о своей любимой и не забывал ее! Было больно, но мне дорога эта боль, и я стараюсь удержать ее в себе. И потом я хотел, чтобы мне снова стало больно. Мечтал, чтобы этот сон повторился.

— Вот как?

— Да. И он повторился.

Невидящими глазами Олдер смотрел в голубую даль, где небеса соединялись с морем. Далеко-далеко в туманной дымке едва виднелись невысокие, залитые солнцем холмы острова Камебер. Яркий солнечный луч, прорвавшись сквозь туманную пелену, вдруг ярко осветил северное плечо горы.

— Это случилось на девятый день после первого сна, — снова заговорил Олдер. — Заснув, я снова оказался на том же холме, только значительно выше, почти на самой его вершине. Было хорошо видно, как ниже того места, где я стоял, каменная стена пересекает склон холма, и я бросился туда, выкрикивая имя любимой, уверенный, что увижу ее. Там действительно кто-то был! Но когда я подошел ближе, то увидел, что это не Лили, а какой-то мужчина. Он склонился над стеной так, словно чинил ее, и я спросил: «А где же она? Где моя Лили?» Он мне не ответил и даже головы не поднял. И тут я увидел, что он делает. Он совсем не чинил стену, а, наоборот, разбирал ее, выковыривая пальцами довольно крупный камень. Но камень стоял мертво, и он сказал: «Помоги мне, Хара!» И тут я увидел, что это мой учитель Ганнет, который нарек меня моим Истинным именем и который умер целых пять лет назад! Но он все стоял там и все пытался выковырять какой-нибудь камень, все нажимал на них своими пальцами, а потом опять громко произнес мое имя и сказал: «Помоги мне, выпусти меня на свободу!» И вдруг выпрямился, потянулся ко мне через стену, как в прошлом сне Лили, и схватил меня за руку. Но его рука обжигала! Был ли то огонь или мертвящий холод, не знаю, но прикосновение его было таким болезненным, что я вырвался. Боль и ужас, которые я при этом испытал, заставили меня проснуться. И сон мой прервался. Рассказывая об этом, Олдер протянул руку, показывая темные пятна и на тыльной стороне ладони, и на самой ладони, похожие на след от ожога, а может, на обыкновенные синяки.

— Так я научился не позволять им касаться меня, — прошептал он.

Гед посмотрел на его губы и заметил там похожее темное пятно.

— Ты подвергался смертельной опасности, Хара, — тоже очень тихо сказал он.

— Было и еще кое-что...

И Олдер заставил себя прервать молчание и продолжить свой рассказ.

На следующую ночь стоило ему уснуть, и он снова оказался на том же сумеречном холме. Каменная стена на этот раз виделась ему иначе: она резко уходила вниз от вершины вдоль всего склона. Он подошел к стене,

надеясь, что Лили уже там.

— Мне было все равно... Даже если бы она не смогла перебраться через стену, даже если бы я не смог перебраться к ней, я мог бы видеть ее, говорить с нею! — вырвалось у него. Но даже если Лили и была там, он не смог отыскать ее среди множества других людей, ибо на этот раз за стеной была целая толпа призрачных существ. Это были люди-тени, и некоторые из них были видны более отчетливо, а некоторые совсем неясно. Кое-кого он вроде бы знал когда-то, другие же были ему совершенно не знакомы, но все они тянулись к нему, пытались его коснуться и громко выкрикивали его имя. «Хара! Позволь нам пойти с тобой! Хара, выпусти нас на свободу!» — кричали они. — Это так ужасно, когда слышишь, как твое Истинное имя выкрикивают совершенно не знакомые тебе люди! — сказал Олдер. — Но еще страшнее, когда этим именем тебя зовут мертвые...

Он пробовал повернуть назад, отойти от стены, снова подняться на вершину холма, на, как это часто бывает во сне, его вдруг охватила ужасная слабость, ноги совершенно его не держали. Он рухнул на колени, чтобы мертвые силой не подтянули его к себе, и стал звать на помощь, хотя там, разумеется, не было никого, кто мог бы ему помочь. И в ужасе проснулся.

С тех пор каждую ночь, если ему удавалось заснуть достаточно глубоко, ему снился этот сон. И каждый раз он оказывался на том же холме среди сухих серых трав, а мертвецы внизу, которых раз от раза становилось все больше, кричали, звали его, просили о помощи...

— Я просыпался, — сказал он Ястребу, — и каждый раз оказывался в своей собственной спальне. А совсем не на том холме в стране мертвых. Но я твердо знал, что они там ждут меня, что если я засну, то снова окажусь у этой стены. Но должен же я спать! Я старался почаще просыпаться, пробовал спать при свете дня, но это не помогало. Я всегда сразу попадал ТУДА, и они всегда ждали меня. И я не могу теперь подняться вверх по склону холма. Стоит мне пошевелиться, и я сразу спускаюсь еще ниже, еще ближе к этой стене. Иногда я, правда, могу повернуться к ней спиной, но в таких случаях мне сразу начинает казаться, что среди их голосов я слышу и голос Лили, она плачет, она зовет меня, и я оборачиваюсь, начинаю ее искать, а они все тянутся ко мне...

Олдер посмотрел на свои плотно сцепленные пальцы.

— Что же мне делать? — спросил он. Ястреб не ответил.

Оба долго молчали, потом Олдер сказал:

— Тот арфист, о котором я рассказывал, был моим хорошим другом. Через некоторое время он заметил, что со мной неладно, и, когда я рассказал ему, что не могу спать, потому что боюсь своих снов о мертвецах,

он уговорил меня сесть на корабль и доплыть до острова Эа, чтобы посоветоваться там с одним волшебником в сером плаще. — Было ясно, что Олдер имеет в виду волшебника, получившего образование в Школе на острове Рок. — И, едва услышав мой рассказ, тот волшебник велел мне незамедлительно отправляться на Рок.

— Как его имя?

— Берил. Он служит князю Эа, который также является правителем острова Таон.

Ястреб понимающе кивнул.

— Он ничем не мог помочь мне, — продолжал Олдер. — Однако помог мне сесть на корабль; его слово для шкипера оказалось на вес золота. Так что я снова поплыл по морю. Это было долгое путешествие. Сперва мы плыли вокруг всего острова Хавнор, потом на юг по Внутреннему морю, и я надеялся, что, может быть, на море, далеко от моего родного острова, я смогу забыть свой сон, оставить его позади. Тот волшебник с острова Эа называл тот холм из моего сна «сухая земля», и я считал, что, уплывая все дальше в море, удаляюсь и от этой «сухой земли», но каждую ночь снова оказывался на склоне проклятого холма! А иногда и не один раз за ночь. Дважды, трижды — столько раз, сколько я засыпал снова. Стоило моим глазам закрыться, и я видел каменную стену, уходящую во тьму, слышал зовущие меня голоса... В отличие от людей, которые страдают от боли и могут обрести покой только во сне, для меня мучителем является именно сон, приносящий боль и тоску. И страх перед мертвецами, толпящимися у стены и ждущими меня...

Моряки, по словам Олдера, вскоре стали избегать его — по ночам он громко кричал и будил их, а днем был так задумчив и печален, что казалось, на нем лежит некое проклятие или же его преследуют злые духи.

— И на Роке ты никакого облегчения не обрел? — спросил Ястреб.

— Только в Роце, — признался Олдер. Все его лицо осветилось, когда он произнес слово «Роца».

И у Ястреба на мгновение тоже вспыхнули глаза.

— Мастер Путеводитель отвел меня туда, и под этими деревьями я наконец смог спокойно уснуть. Даже ночью! А днем, если солнечные лучи падали прямо на меня — как вчера здесь, когда я уснул на траве возле дома, — если я чувствовал всем телом солнечное тепло, если свет солнца просвечивал сквозь мои веки красным, меня не страшили даже сны. Там, в Роце, я вообще никакого страха не чувствовал. Там я снова полюбил красавицу-ночь.

— Расскажи мне подробнее, что было, когда ты прибыл на Рок.

И Олдер, хотя и был придавлен многодневной тоской, страхом и вынужденной бессонницей, принялся рассказывать. Обладая серебряным языком своего родного острова, он говорил о Роке так живо и так поэтично, что, даже если он что и упустил в своем рассказе, опасаясь говорить слишком долго или невольно рассказать Верховному Магу то, что тот уже и так знает, Ястребу ничего не стоило довообразить себе любые детали, ибо он хорошо помнил, как сам впервые попал на Остров Мудрых в возрасте пятнадцати лет.

Когда Олдер сошел с корабля в гавани Твила, один из моряков начертал руну Запертой Двери на верхней планке сходней, чтобы помешать этому пассажиру когда-либо снова ступить на борт судна. Олдер заметил это, но решил, что у команды корабля есть все основания опасаться его. Он чувствовал себя проклятым, осененным неким дурным знамением, зачарованным и поглощенным мертвящей тьмой. Все это заставляло его сторониться людей, а в незнакомых городах и селениях держаться еще более застенчиво, чем обычно. К тому же Твил был не просто незнакомый, но и очень СТРАННЫЙ город.

— Ты прав, — сказал Ястреб. — От улиц Твила порой начинает кружиться голова.

— Это точно, господин мой!.. Вы уж простите, что я так путано рассказываю, но мой язык подчиняется сердцу, а не...

— Не обращай на меня внимания. Я могу снова стать «лордом Козопасом», если тебе так будет проще. Продолжай.

Те, у кого Олдер спрашивал дорогу, указывали ее ему неправильно, а может, он сам неправильно понимал их разъяснения, поэтому и прослонялся по холмистому крошечному Твилу страшно долго и при этом, как ни странно, все время видел где-то невдалеке здание Школы, но никак не мог найти вход туда, пока в полном отчаянии не остановился у какой-то простенькой двери в абсолютно голой стене, выходящей на небольшую скучную площадь. Олдер некоторое время тупо смотрел на эту стену и вдруг узнал ее: это была та самая стена, за которую он так хотел попасть! Он постучался, и ему открыл какой-то человек со спокойным лицом и очень спокойными глазами. Олдер был уже готов сказать ему, что его послал сюда волшебник Верил с острова Эа, который даже специально письмо написал Мастеру Заклинателю, но не успел и рта открыть, как Мастер Привратник, пристально посмотрев на него, тихо промолвил:

— Ты не можешь привести их в этот дом, дружок.

Олдер не спросил, кого это «их». Он и так все понимал. В прошлую ночь он практически не сомкнул глаз, пытаясь заснуть и тут же в ужасе

просыпаясь, а когда задремывал уже при свете дня, то сразу видел, как та сухая серая трава расползается по залитой солнцем палубе и каменная стена возникает прямо над волнами моря... Даже когда он бодрствовал, этот сон преследовал его, и страна мертвых все время была с ним, вокруг него, хотя и как бы окутанная слабой дымкой, и он мог слышать сквозь шум ветра и волн голоса тех, что выкрикивали его имя. И уже не знал, спит он или сходит с ума от горя, страха и усталости.

— А вы не пускайте их сюда! — сказал он Привратнику. — Но молю тебя, господин мой:пусти меня, сжался! Позволь мне одному войти!

— Хорошо. Подожди здесь, — ласково сказал ему Привратник. — Вон скамья. — И он, указав ему на каменную скамью, закрыл дверь.

Олдер сел и стал ждать. Это он еще помнил. И помнил, что несколько мальчишек-подростков с любопытством посмотрели на него и скрылись за той самой дверью, за которую он войти не мог. Но что было с ним дальше, он уже мог вспомнить только кусками.

Привратник вернулся в сопровождении довольно молодого волшебника с посохом и в сером плаще. Затем Олдер каким-то неведомым образом оказался в незнакомой комнате, которая, как он догадался, была одной из комнат Большого Дома. Через некоторое время туда пришел Мастер Заклинатель и попытался с ним побеседовать. Но к этому времени Олдер был уже не в состоянии разговаривать. Пребывая между сном и бодрствованием, между залитой солнцем комнатой и окутанным сумеречным светом холмом, слыша одновременно голос Мастера Заклинателя и голоса, зовущие его из-за стены, Олдер совершенно лишился способности думать, он даже пальцем пошевелить не мог здесь, в мире живых. Но в том сумеречном мире, где звучали голоса мертвых, ему, казалось, двигаться гораздо легче и легче сделать несколько шагов вниз, к стене, где тянущиеся к нему руки наконец схватят его, завладеют им, удержат его в той стране навсегда... «Если я буду одним из них, — думал он, — они, наверное, оставят меня в покое?»

Потом, вспоминал Олдер, та залитая солнцем комната тоже куда-то исчезла, и он действительно оказался на холме, покрытом серой мертвой травой. Однако на этот раз рядом с ним стоял Мастер Заклинатель — крупный, широкоплечий и очень смуглый, с огромным тисовым посохом. В сумеречном свете посох его слабо мерцал.

Мертвые, толпившиеся у стены, звать Олдера перестали и исчезли. Из темноты еще доносилось шуршание шагов и сдавленные рыдания — это мертвецы уходили прочь.

Мастер Заклинатель подошел к стене и положил на нее руки ладонями

вниз.

Было видно, что камни в стене в нескольких местах расшатались, а некоторые даже выпали и лежали на сухой траве. Олдер чувствовал, что должен поднять эти камни и вставить на место, но почему-то так и не сделал этого.

Заклинатель повернулся к нему и спросил:

— Кто привел тебя сюда?

— Моя жена, Мевре.

— Призови ее.

Олдер от изумления онемел. Когда же он наконец открыл рот, то произнес не подлинное имя своей жены, а ее обычное имя, то, которым он называл ее при жизни. Он громко позвал ее: «Лили!» — но здесь звук этого имени нисколько не напоминал ему белую прекрасную лилию, и это имя камешком упало в серую пыль.

Вокруг была тишина. В черных небесах светили маленькие и неподвижные звезды. Олдер никогда раньше не смотрел на тамошнее небо, а теперь вдруг посмотрел. И не узнал звезд!

— Мевре!.. — произнес Заклинатель глубоким, густым голосом и прибавил еще несколько слов на Языке Созидания.

Олдер задохнулся; ему показалось, что из него выпустили весь воздух; он едва держался на ногах. Но на длинном пологом склоне, уходящем вниз в густую тьму, ничто даже не шевельнулось.

Однако через некоторое время там появилось какое-то светлое пятно и стало медленно подниматься вверх по склону, приближаясь к ним. Олдер весь задрожал от страха и желания поскорее увидеть жену и прошептал:

— О, моя дорогая! Любовь моя!

Но это оказалась вовсе не Лили. Приблизившееся к ним существо было довольно маленьким и по виду напоминало ребенка лет двенадцати, но определить, мальчик это или девочка, было невозможно. «Ребенок» не обращал на них с Заклинателем никакого внимания и даже не думал заглядывать за стену. Он устроился под стеной, и когда Олдер подошел поближе, то увидел, что «ребенок» расшатывает камни и вытаскивает их из стены один за другим.

Заклинатель что-то все время бормотал на Языке Созидания, но неведомое создание лишь один раз равнодушно посмотрело на него и продолжало весьма ловко выковыривать камни из стены своими тонкими пальцами, которые с виду казались совершенно бессильными.

Это было так ужасно, что у Олдера закружилась голова. Больше всего ему хотелось отвернуться и уйти прочь. И потом он не смог припомнить

ничего, кроме этого, когда проснулся в залитой солнцем комнате, в удобной постели, но охваченный болезненной слабостью и страшно холодный.

Пока он был болен, за ним ухаживала какая-то милая улыбчивая женщина и смуглый пожилой мужчина плотного телосложения, которого привел Мастер Привратник. Олдер сперва принял его за обыкновенного колдуна-целителя и, лишь увидев в его руках волшебный посох из оливы, понял, что это, должно быть, знаменитый Мастер Травник из Школы.

Уже одно его присутствие приносило Олдеру успокоение, а иногда он даже был способен подарить ему нормальный сон. Травник сварил какой-то особый чай и велел Олдеру выпить; потом поджег какую-то траву, и та медленно тлела, распространяя запах лесной земли, если, скажем, накопать ее где-нибудь у корней сосны. Потом Травник уселся рядом с больным и тихо запел какую-то длинную монотонную песню.

— Но я же не должен спать! — запротестовал было Олдер, чувствуя, как сон накрывает его, точно огромная темная волна. Целитель взял своей теплой рукой пальцы Олдера, и тот почувствовал, как в душу его входит покой. Он незаметно соскользнул в сон, не испытывая ни малейшего страха. Пока целитель держал его руку в своей или касался его плеча, он словно удерживал Олдера в этом мире, далеко от темного холма и страшной каменной стены.

Проснувшись, Олдер немного поел, и вскоре опять пришел Мастер Травник и подал ему чашку с тепловатым и довольно безвкусным чаем. Потом стал жечь травы, пахнущие землей, петь свою колыбельную и взял Олдера за руку; и тот смог спокойно уснуть.

В Школе у Мастера Травника тоже было немало обязанностей, так что он мог приходить к Олдеру лишь на несколько часов, ночью, однако всего за три часа ночи Олдер настолько пришел в себя и отдохнул, что к нему вернулся аппетит и он даже смог гулять понемногу в дневное время. Теперь мысли его прояснились, и он вполне разумно и последовательно отвечал на вопросы других людей. На четвертое утро сразу трое Мастеров — Травник, Привратник и Заклинатель — вошли в его комнату.

Заклинателю Олдер поклонился со страхом в сердце, почти с недоверием. Мастер Травник тоже был великим магом, но его искусство было земным и не так уж сильно отличалось от мастерства самого Олдера, да и понимали они друг друга гораздо лучше. Кроме того, великая доброта исходила от рук Травника. А Мастер Заклинатель имел дело не с существами из плоти и крови, а с душами, мыслями и волей как живых, так и мертвых людей, с какими-то непонятными духами. И все его искусство казалось Олдеру таинственным и опасным, исполненным риска и

затаенной угрозы. Да и тогда, на границе миров, у той стены он стоял рядом с Олдером не во плоти. И больше всего напоминал тень. Стоило ему подойти ближе, как к Олдеру вернулось мучительное ощущение постоянного страха перед темной страной мертвых.

Сперва все трое магов молчали. Если у них и было нечто общее, так это невероятная способность подолгу молчать.

Пришлось Олдеру заговорить первым, ибо ему хотелось открыть Великим Мудрецам то, что так тяготило его.

— Если я сделал что-то дурное и из-за этого попал в страну мертвых и потревожил душу своей жены и чьи-то еще души, то я, как смогу, постараюсь залатать ту брешь, которую невольно проделал, — сказал он. — Я непременно постараюсь! Вот только я не знаю, что именно я сотворил...

— И кто ты такой сейчас, — прибавил Заклинатель.

Олдер онемел.

— В общем-то, немногие из нас знают, кто они такие на самом деле, — спокойно сказал Привратник. — Нам ведь дано лишь ВЗГЛЯНУТЬ на этот мир, не больше.

— Расскажи, как ты впервые оказался у каменной стены, — велел Заклинатель.

И Олдер рассказал.

Маги слушали молча и, после того как он закончил свой рассказ, еще долго не произносили ни слова. Затем Заклинатель спросил:

— А ты задумывался над тем, что это значит — перебраться на ту сторону стены?

— Да, но я понял только, что тогда не смог бы вернуться.

— Лишь маги могут живыми посещать страну, лежащую за стеной, и возвращаться обратно. И лишь при крайней необходимости. Мастер Травник, например, даже пройдя со страждущим весь путь до самой стены, не следует за ним, если этот человек окажется за стеной.

Мастер Заклинатель был так высок, широкоплеч, темноволос и смугл, что Олдеру казался похожим на медведя.

— Мое искусство заклинать души дает мне силу призывать мертвых из-за стены, — продолжал Заклинатель. — Правда, лишь на несколько мгновений и если в том есть особая нужда. И теперь меня мучает вопрос: какая нужда способна оправдать столь значительную брешь в ткани мироздания, нарушившую Закон и Равновесие? Я никогда еще не произносил самого страшного Великого Заклятия и никогда еще не пересекал той заповедной черты. Наш Верховный Маг, лорд Ястреб, вместе

с королем Лебанненом сделал это, чтобы исцелить ту страшную рану, которую нанес миру волшебник по имени Коб.

— И когда наш Верховный Маг не вернулся, — подхватил Мастер Травник, — Торион, который был тогда нашим Мастером Заклинателем, отправился в ту безжизненную страну, чтобы отыскать его. Торион тоже сумел вернуться оттуда, но совершенно иным...

— Нет нужды сейчас говорить об этом! — резко заметил Мастер Заклинатель.

— А может быть, как раз есть! — возразил Травник. — Может быть, Олдеру необходимо знать это. Торион, по-моему, слишком верил в собственное могущество. Да и оставался там слишком долго. Он считал, что сможет призвать назад, к жизни, и собственную душу, но назад вернулось только его мастерство, его волшебное могущество, его честолубие — но все это настоящей жизни не дает. Но мы верили ему, потому что любили его. А он нас неторопливо уничтожал. Пока Ириан не уничтожила его самого.

Далеко от острова Рок, на острове Гонт, слушавший Олдера Ястреб прервал вдруг его рассказ:

— Как?... Какое имя ты только что произнес?

— Ириан, — повторил Олдер.

— Тебе это имя известно?

— Нет, господин мой.

— Мне тоже. — И, помолчав, Ястреб заговорил тихо и словно бы неохотно: — Дело в том, что я встретил Ториона в мертвой стране, куда он рискнул отправиться, чтобы найти меня. Велика была моя печаль, когда я увидел его там, и я сказал ему, что он может вернуться назад, перебравшись через стену. И указал ему путь. — Лицо Ястреба потемнело, посуровело. — Это был дурной совет. Все дурно, что говорится между живыми и мертвыми. Но ведь и я тоже очень любил Ториона! Они посидели молча. Ястреб вдруг резко поднялся, потянулся и принялся растирать плечи и бедра. Оба немного походили, чтобы размяться. Олдер напился воды из колодца, а Ястреб подобрал садовую лопату и приделал к ней новый черенок, отшкулив до блеска верхнюю его часть и чуть затесав нижнюю, чтобы точно вошла в гнездо. Наконец они вернулись на прежнее место, и Ястреб сказал:

— Ну, Олдер, продолжай свой рассказ.

И Олдер заговорил снова.

Мастера довольно долго молчали, после того как Травник заговорил о Торионе. И Олдер, воспользовавшись этой паузой, набрался смелости и

спросил о том, что не давало ему покоя: как смогли те, что умерли, прийти к стене и как сами маги приходят туда.

Заклинатель ответил ему очень кратко:

— Это путешествие души.

Старый Травник отвечал менее уверенно:

— Мы ведь посещаем ту стену не во плоти. Ведь и тело того, кто умер, остается здесь, верно? И если даже волшебник отправляется туда в своих видениях, то его спящее тело все равно остается здесь, остается живым, поэтому такого путешественника мы называем... Это ведь не он сам совершает путешествие в царство смерти, а только его душа, дух... — вновь повторил он.

— Но моя жена взяла меня за руку, — сказал Олдер, но не признался им, что она еще и поцеловала его в губы, — и я чувствовал ее прикосновение!

— Это тебе так казалось, — отрезал Мастер Заклинатель.

— Нет, если тела их действительно соприкасались, если возникла какая-то связь, то возможно, что и другие мертвые получили возможность подходить к нему, звать его или касаться, не так ли?

— Именно поэтому он и должен был им сопротивляться! — сердито сказал Заклинатель, быстро глянув на Олдера своими маленькими и какими-то свирепыми глазками.

Олдер почувствовал в его словах упрек, несправедливый к тому же, и ответил:

— Но я пытался им противостоять, господин мой! Я все время пытаюсь это делать. Но их так много!.. И она там, среди них... И они страдают, господин мой! Они зовут меня!

— Они не могут страдать, — уверенно заявил Заклинатель. — Смерть прекращает все страдания.

— Но ведь возможно, что тень боли тоже причиняет боль, — заметил Травник. — В той стране, как известно, есть горы, и они не зря называются Горами Горя.

Привратник, который до сих пор практически не проронил ни слова, вдруг сказал, как всегда спокойно и негромко:

— Вы забыли, что Олдер — профессиональный латальщик. Он латает бреши, а не пробивает их. Я не думаю, что он способен разрушить стену. Или сам разорвать эту связь с миром мертвых.

— Если он сумел ее создать, сумеет и разрушить, — обронил Мастер Заклинатель.

— А разве это он ее создал?

— Я не владею таким великим искусством, господин мой! — сказал Олдер, до такой степени испуганный их словами, что собственные у него прозвучали, пожалуй, даже сердито.

— В таком случае мне придется спуститься туда самому, — сказал Заклинатель.

— Нет, друг мой, ни за что! — возразил Привратник, и старый Травник тоже сказал:

— Ты — в последнюю очередь из всех нас!

— Но ведь это мое дело, мое искусство! — возмутился Заклинатель.

— И наше.

— Но кто же тогда пойдет туда?

— Похоже, — сказал Привратник, — нашим провожатым будет Олдер. Явившись к нам за помощью, он, возможно, сумеет помочь и нам. Давайте все вместе отправимся с ним в его сновидения, но границу пересекать не станем.

Итак, ночью, уже после полуночи, когда наконец Олдер, перепуганный и взволнованный, позволил сну сморить его, они все оказались в сумеречной стране — Олдер, Мастер Травник, тепло которого Олдер чувствовал даже в этом пронизывающем холоде, Мастер Привратник, чье серебристое одеяние все время меняло свой вид и переливалось, как лунный свет, и массивный, похожий на огромного медведя Мастер Заклинатель, представлявшийся Олдеру воплощением каких-то темных сил.

На этот раз они стояли не на том холме, склоны которого уходили во тьму, а на ближайшем и во все глаза смотрели на вершину соседнего холма, где каменная стена была наиболее низкой, едва по колено. Над стеной небо с редкими мелкими звездами казалось абсолютно черным.

Вокруг все застыло в полной неподвижности.

Будет, наверное, трудно попасть отсюда на ту вершину, думал Олдер, ведь придется сперва спускаться, а потом подниматься. Раньше стена всегда была ниже того места, где он стоял.

Но если на этот раз он сможет дойти туда вместе с волшебниками, то вдруг там окажется и Лили, как в самый первый раз? Вдруг ему снова удастся взять ее за руку? Тогда эти маги сумеют, наверное, отвести их обоих назад, к свету? Если же нет, то он сам перешагнет через стену там, где она такая низкая, и пойдет к Лили...

Олдер уже спустился с одного холма и начал подниматься на другой, и это оказалось совсем легко, и он уже почти добрался до цели, как вдруг его окликнули:

— Хара!

Глубокий голос Заклинателя петлей охватил его шею, ему показалось, что Мастер даже нарочно дернул за этот тугой «поводок». Олдер споткнулся, попытался сделать еще шаг и вдруг оказался почти у самой стены. Он упал на колени и потянулся к ней руками, плача и крича: «Спасите меня!» Но к кому он взывал? К магам или к мертвецам за стеной?

А потом он почувствовал у себя на плечах чьи-то живые руки, сильные и теплые, и снова оказался в своей комнате, и Травник действительно крепко держал его за плечи, и вокруг его рук ярко разливался волшебный белый свет. И еще оказалось, что теперь в комнате рядом с Олдером четыре человека, а не три!

Старый Травник сидел рядом с ним, крепко сжимая его руки и стараясь как-то его успокоить. Олдера била дрожь; тело его корчилось в судорогах, он задыхался от рыданий. «Я не могу этого сделать!» — все повторял он в отчаянии, но по-прежнему не понимал, кому он это говорит: магам или мертвым?

Когда страх и боль начали понемногу отступать, он почувствовал себя смертельно усталым и почти безо всякого интереса посмотрел на четвертого волшебника. Глаза у того были цвета льда и совершенно прозрачные, а волосы и кожа — почти белые. Откуда-нибудь с далекого Севера, с Энваса или Бересвека, подумал Олдер.

— Что это вы делаете, друзья мои? — спросил он у магов.

— Рисуем, Азвер, — откликнулся старый Травник.

— Беда на самой границе, Путеводитель! — сказал Заклинатель.

И Олдер почувствовал, с каким огромным уважением относятся к этому светлоглазому человеку все остальные и какое огромное облегчение они испытывают от того, что он здесь. Они быстро объяснили ему, в чем дело, и он спросил:

— Если он пойдет со мной, вы его отпустите? — И повернулся к Олдеру: — В Имманентной Роще тебе не нужно будет ничего бояться. Там ты будешь спать спокойно. А значит, и нам не нужно будет бояться твоих снов.

Маги согласно кивали головами. И Мастер Путеводитель, не прибавив более ни слова, кивнул им на прощание и исчез. Да его, собственно, там и не было.

Не было там его самого! Это было лишь его «послание», его двойник. Впервые в жизни видел Олдер столь яркое проявление волшебного могущества! И, вполне возможно, был бы потрясен, если бы у него еще остались силы чему-то удивляться и чего-то пугаться.

А потом они пошли куда-то с Мастером Привратником по ночным улицам Твила, мимо стен Школы, через поля, раскинувшиеся у подножия высокого округлого холма, вдоль берега речки, которая что-то тихонько и мелодично напевала в темноте. Впереди темнел какой-то лес; над вершинами высоких деревьев, точно драгоценные камни в коронах, светились звезды.

Мастер Путеводитель вышел им навстречу. Он выглядел в точности так же, как тогда в комнате. Они с Привратником поговорили о чем-то с минуту, а потом Олдер последовал за Мастером Путеводителем в Роццу.

— Знаешь, господин мой, эти деревья кажутся такими темными, — сказал Олдер Ястребу, — однако под ними даже глубокой ночью совсем не так темно, словно там есть какой-то источник света, какое-то свечение исходит от них...

Ястреб молча кивнул и слегка улыбнулся.

— И знаешь, как только я вошел под сень этих деревьев, — продолжал Олдер, — то сразу понял: здесь я смогу спать! У меня возникло такое ощущение, будто все это время я проспал и мне все время снился один и тот же дурной сон, но теперь я наконец проснулся по-настоящему, а значит, потом смогу по-настоящему и заснуть. И Мастер Путеводитель отвел меня в одно замечательное место — там, среди корней громадного дерева, вся земля была устлана опавшими листьями, и он сказал мне, что я могу лечь на эту мягкую подстилку и спать, сколько захочу. И я лег, и заснул, и не могу передать словами, сколь сладок был этот сон!

После полудня солнце стало припекать, и Ястреб пригласил своего гостя в дом. Пока он ставил на стол блюда с едой — хлеб, сыр и вяленое мясо, — Олдер огляделся. Дом состоял, собственно, из одной продолговатой комнаты с небольшим альковом у западного окна, однако помещение было просторное, хотя и темноватое, и полное воздуха. Стены в доме были прочными, половицы — крепкими и широкими; под потолком виднелись могучие балки. Внутри было очень чисто; пол вымыт до блеска, очаг аккуратно выложен камнем.

— Какой благородный дом! — с восхищением промолвил Олдер.

— И очень старый. Его называют домом Старого Мага. Но не в мою честь, конечно, и не в честь моего Учителя, Айхала, который здесь жил, а в честь его Учителя, Гелета, который вместе с Айхалом остановил страшное землетрясение. Это очень хороший дом!

Потом Олдер еще немного поспал в саду, и солнечные лучи просвечивали сквозь шелестящую листву плодовых деревьев. Ястреб тоже

передохнул, но недолго; когда Олдер проснулся, под сливовым деревом уже стояла внушительных размеров корзина, полная маленьких золотистых слив. Самого же Ястреба Олдер обнаружил высоко на козьем пастбище: он чинил изгородь в самом дальнем углу. Олдер хотел ему помочь, но делать ему было уже практически нечего. А козы уже давно ушли вниз.

— И ведь ни одной молочной нет! — проворчал Ястреб, когда они вернулись домой. — Делать этим козам больше нечего, кроме как изгородь портить! И зачем я их только держу?.. Самое первое заклятие, которое я узнал — еще в раннем детстве, — способно было заставить коз тут же бежать домой, где бы они ни шлелись. Меня тетка научила. А теперь мне от этого заклинания не больше толку, чем от любовной песенки: не слушаются они меня. Пожалуй, схожу-ка я да посмотрю, не забрались ли они в огород к вдове. Ты-то небось не знаешь таких слов, которыми этих чертовых коз собрать можно?

Две коричневые козы действительно уже вторглись в огород у самого крайнего деревенского дома и подбирались к капустным грядкам. Олдер машинально повторил то заклинание, которое только что сказал ему Ястреб:

— Нот хирт малк ман, хиолк хан мерт хан!

Козы чуть встревожились, потом презрительно посмотрели на него и чуть-чуть отошли от грядок. Крики и удары палкой заставили их убраться из чужого огорода, а на тропинке Ястребу удалось подманить их сливами, которые он вытащил из кармана. Обещая, предлагая, соблазняя, он медленно уводил проказниц на пастбище.

— Странные они все-таки существа, — сказал он, запирая ворота загона, — с ними никогда не знаешь, как себя вести!

А Олдер подумал, что так и не понял пока, как ему себя вести со своим хозяином, но вслух этого не сказал.

Когда они снова уселись в тени, Ястреб пояснил:

— Знаешь, Мастер Путеводитель — не северянин, он с Каргадских островов, как моя жена. Он был воином на Карего-Ат. Единственный известный мне человек, который когда-либо являлся из тех краев на Рок. У каргов ведь нет ни магов, ни волшебников. Они никому из них не доверяют, всех считают «злыми колдунами» и не признают ни магии, ни колдовства. Зато они гораздо больше знают о Древних Силах Земли, чем мы. Но Азвер, то есть Мастер Путеводитель, будучи еще совсем юным, услышал какие-то легенды об Имманентной Роце, и ему, не знаю уж почему, пришло в голову, что средоточие всех земных сил находится именно там. Так что он оставил своих богов, выучил новый язык и прибыл

на Рок. Встал на пороге Школы и говорит: «Научите меня жить в этом вашем лесу!» Ну, мы и научили его. Учили до тех пор, пока он сам нас учить не начал... Короче, он стал нашим Мастером Путеводителем. Он человек отнюдь не мягкий, но доверять ему можно всецело.

— Я никогда не испытывал перед ним страха, — сказал Олдер. — Быть с ним рядом — одно удовольствие! Он много раз брал меня с собой, когда гулял по лесу.

Оба, хозяин и гость, некоторое время молчали, думая о полянах и похожих на своды храмов кронах могучих деревьев в Роце. И о том, как сквозь листву этих древних деревьев просвечивает солнечный или звездный свет и листья отбрасывают на землю узорчатые тени...

— Это ведь самое сердце нашего мира, верно? — промолвил Олдер.

А Ястреб посмотрел куда-то вверх, на восток, на склоны горы Гонт, тоже покрытые густыми лесами, и сказал:

— Я собираюсь побродить там, в этих лесах, как придет осень.

И Олдер не совсем понял, какие леса он имел в виду. Ястреб еще немного помолчал и спросил:

— А какой совет дал тебе Путеводитель, когда отсылал тебя ко мне, на Гонт?

— Он сказал, господин мой, что ты знаешь больше о... той стране. Больше, чем любой человек на свете. И, стало быть, скорее сможешь понять, что означает мое общение с мертвыми во сне и почему они так просят освободить их.

— А он не говорил, что, по его мнению, с тобой могло случиться?

— Говорил. Он сказал, что, может быть, моя жена и я просто не умели расставаться; умели только встречаться и соединяться. Что происшедшее не было делом моих рук. Но, возможно, виноваты все же мы оба, потому что тянулись друг к другу, точно капельки ртути на полу. Только Мастер Заклинатель с этим мнением не согласился. Он считает, что только великий волшебник способен до такой степени изменить существующий миропорядок. Ведь мой старый учитель Ганнет тоже сумел коснуться меня через стену, и Мастер Заклинатель сказал, что, возможно, именно в нем заключена огромная магическая сила, которая скрывалась или просто была незаметна при жизни, но теперь вышла наружу.

Ястреб задумался.

— Когда я жил на Роке, — сказал он, — я бы, возможно, воспринял это именно так, как воспринимает это сейчас Заклинатель. Там я не знал более могущественной силы, чем магия, Высшие Искусства... И даже Древние Силы Земли, думал я тогда... Но неважно. Если тот Мастер Заклинатель, о

котором ты говоришь и с которым ты встречался, тот самый человек, который когда-то прибыл в Школу совсем еще ребенком, то я хорошо его знаю. Это мой старый друг Ветч с острова Иффиш направил его к нам учиться. И он больше никогда не покидал остров Рок. Между ним и Азвером Путеводителем очень большая разница. Азвер успел повзрослеть на родине; он, будучи сыном воина, и сам какое-то время был воином; он достаточно долго жил среди обыкновенных мужчин и женщин и хорошо знает жизнь. Те явления повседневности, от которых стены Школы успешно отгораживают ее обитателей, он знает не понаслышке: он испытал их на себе. Он знает, например, что мужчины и женщины влюбляются, женятся, заводят детей... Прожив пятнадцать лет вне стен Школы, я склонен думать, что Азвер мыслит более правильно, точнее — он на правильном пути к решению этой проблемы, ибо связь между тобой и твоей женой сильнее, чем то, что разделяет жизнь и смерть.

Олдер колебался. Но все же не выдержал и сказал:

— Я тоже так думал! Но ведь... это же бесстыдство — так думать. Да, мы любили друг друга так, что я не могу выразить это словами, но была ли наша любовь сильнее всех прочих любовей? Была ли она сильнее, чем любовь Морреда и Эльфарран?

— Возможно, она была не менее сильной.

— Но разве это возможно?

Ястреб посмотрел на него, точно чему-то радуясь, что-то приветствуя, и ответил так ласково, что Олдер почувствовал себя польщенным:

— Видишь ли, — сказал он, — самая страстная любовь приходит обычно весною жизни, прекрасная, цветущая, однако она обычно ведет к несчастью или даже смерти. И поскольку эта любовь умирает в самом расцвете своей красы, именно ее воспевают поэты и музыканты, именно о ней слагают легенды: это любовь, которой удалось избежать старости. Такой была и любовь Молодого Короля и Эльфарран. Такой была и твоя собственная любовь, Хара. Нет, она не была сильнее, чем любовь Морреда. Но была ли любовь Морреда сильнее, чем твоя?

Олдер, задумавшись, не ответил.

— В абсолютных вещах не бывает понятия «больше» или «меньше», — продолжал Ястреб. — Все или ничего — так говорит истинный влюбленный, и это так и есть. Моя любовь никогда не умрет, говорит он. Он утверждает вечность. И имеет на это право. Разве может умереть его любовь, когда это для него сама жизнь? Да и что мы знаем о вечности? Мы способны лишь мельком ее увидеть — когда испытываем чувства, подобные страстной любви.

Ястреб говорил негромко, но слова его обжигали, в них чувствовалась огромная энергия. Он умолк, откинулся назад и сказал, чуть усмехнувшись:

— Каждый деревенский парнишка-недотепа поет о любви. Каждая девчушка на свете грезит о ней. Но Мастера острова Рок почти не знакомы с нею. Кроме, пожалуй, Путеводителя, который, возможно, знал когда-то раньше, что такое страстная любовь. Я, например, узнал ее очень поздно. Но не слишком поздно! — Он посмотрел на Олдера; в глазах его по-прежнему горел огонь и некий вызов. — А у тебя такая любовь была, — завершил он свой монолог.

— Да... — Олдер глубоко вздохнул и сказал задумчиво: — Возможно, они и сейчас вместе там, в той темной стране, Морред и Эльфарран.

— Нет, — сказал Ястреб со спокойной уверенностью.

— Но если такая связь между людьми действительно возможна, то что же может ее разорвать?

— Там влюбленных нет.

— Но тогда кто же все эти люди? Что они делают там? Я знаю, господин мой, ты был там, по ту сторону стены, и ходил среди них, разговаривал с ними. Расскажи мне об этом!

— Непременно, — сказал Ястреб и умолк. — Я не люблю говорить об этом. Я даже думать об этом не люблю, — пояснил он. Потер виски, помрачнел, но все же заговорил снова: — Ты же сам видел... видел эти звезды, маленькие, злые звезды, которые никогда не движутся. И там нет луны. И нет зари... Там, правда, есть дороги, если спуститься дальше вниз. Дороги и города. На холме вроде бы растет трава, но это мертвая трава, а дальше — только пыль и камни. Там не растет ничего. Там только темные города. И тысячи тысяч мертвецов стоят вдоль улиц или бредут по дорогам, не имеющим конца... Они не разговаривают. И не прикасаются друг к другу. Они никогда не прикасаются друг к другу! — Он говорил каким-то тихим, бесцветным голосом. — Там Морред прошел бы мимо Эльфарран и головы бы в ее сторону не повернул! Да и она бы на него не посмотрела... Там воссоединение невозможно, Хара. Там нет связей. Там даже мать не прижимает к груди свое дитя!

— Но ведь моя жена пришла ко мне! — возразил Олдер. — И она называла меня по имени, она поцеловала меня... в губы!

— Да, я понимаю. И поскольку твоя любовь была не больше любви любого другого смертного, и поскольку ни ты, ни она не являетесь могущественными волшебниками, сила которых способна изменить законы жизни и смерти, то во всем этом кроется нечто совсем иное. Что-то происходит в мире, что-то меняется! И хотя мы узнали об этом через тебя и

это происходит именно с тобой, ты всего лишь инструмент, и не в тебе причина происходящего. Но инструмент — в чьих руках?

Ястреб встал и быстрыми шагами прошелся к началу тропы, бегущей по краю утеса, а потом вернулся к Олдеру; он был исполнен, даже почти переполнен какой-то невероятной энергией и напряжен, точно ястреб, готовый камнем упасть вниз на свою жертву.

— Разве твоя жена не сказала тебе, когда ты назвал ее Истинным именем: «ЭТО БОЛЬШЕ УЖЕ НЕ МОЕ ИМЯ»?..

— Да, сказала, — прошептал Олдер.

— Но как это получается? Мы, кто имеет Истинные имена, сохраняем их, когда умираем, забывается лишь наше обычное, повседневное имя... Это тайна, которую предстоит изучить и раскрыть, вот что я тебе скажу, но с другой стороны, насколько мы понимаем, Истинное имя — это одно из слов Истинной Речи. Именно поэтому лишь особым образом одаренный человек способен узнать имя ребенка и наречь его этим именем. И это имя связывает существо — живое или мертвое. Все искусство Заклинателя заключено в этом... И все же, когда Мастер Заклинатель призвал твою жену ее Истинным именем, она к нему не пришла. Ты позвал ее простым именем, даже прозвищем, Лили, и она к тебе явилась. Неужели она пришла к тебе как к человеку, который единственно и знал ее по-настоящему?

Он остро и внимательно вглядывался в лицо Олдера, так, словно видел куда больше, чем просто сидящего с ним рядом человека. Через некоторое время Ястреб заговорил снова:

— Когда умирал мой Учитель Айхал, моя жена была здесь, с ним рядом; и он, умирая, сказал ей: ВСЕ ПЕРЕМЕНИЛОСЬ. Он смотрел поверх той стены. Но вот с какой стороны — я не знаю. И с той поры действительно переменялось очень многое — появился король на троне Морреда, и на Роке не стало больше Верховного Мага. Но было и нечто гораздо большее, гораздо более важное. Я видел, как ребенок призвал дракона Калессина, Старейшего, и Калессин прилетел к этой девочке и называл ее дочерью, как называю ее и я. Что это означает? Почему драконы появились в небесах над западными островами? Король послал за нами, снарядил корабль в порт Гонт, прося мою дочь Техану приехать к нему на совет по поводу драконов. Люди боятся, что старое соглашение нарушено, что драконы прилетят и будут сжигать поля и города, как они делали это до тех пор, пока Эррет-Акбе не сразился с Орм Эмбаром. И теперь на границе жизни и смерти одна из душ отказывается от связи с собственным именем... Я этого не понимаю! Мне понятно только то, что происходят перемены. Вселенские перемены!

В голосе его не было страха, только яростное возбуждение.

Олдер не мог разделить его чувств. Он потерял слишком многое и был слишком измучен и истощен борьбой с теми силами, которые не мог ни понять, ни подчинить себе. Однако сердце его не осталось равнодушным к отваге Ястреба.

— Пусть же эти перемены будут к лучшему, господин мой! — промолвил он.

— Да будет так, — заключил старик. — Но они должны свершиться.

Когда к вечеру жара немного спала, Ястреб сказал, что ему нужно сходить в деревню. Он взял с собой корзину слив, в середину которой аккуратно пристроил еще и корзиночку с яйцами.

Олдер отправился с ним вместе, и по дороге они разговаривали. Когда Олдер понял, что Ястреб меняет сливы и яйца, а также кое-какие другие продукты из своего маленького хозяйства на ячмень и пшеничную муку, что тот хворост, который он сжигал в очаге, ему пришлось терпеливо собирать в лесу на склонах горы, что если его козы не дают молока, то ему приходится перебиваться прошлогодними запасами сыра, то он был просто поражен: как это может быть, чтобы Верховный Маг Земноморья жил только за счет того, что сумеет добыть или вырастить сам? Неужели его соотечественники совершенно его не уважают? Когда он пришел с ним в деревню, то увидел, как женщины захлопывают двери своих домов, заведя старика. Торговец, купивший у него яйца и сливы, отсчитал деньги и выложил их на деревянную столешницу, не промолвив ни слова; лицо у него было сердитое, он смотрел в пол. Ястреб же заговорил с ним вполне миролюбиво и вежливо, пожелал ему доброго дня, но ответа так и не дождался.

— Господин мой, — спросил Олдер, когда они шли домой, — неужели они не знают, кто ты такой?

— Нет, — сказал бывший Верховный Маг Земноморья и насмешливо, искоса глянул на него. — Ида.

— Но... — Олдер просто слов не находил от возмущения.

— Они знают, что у меня нет никакой магической силы, но все же во мне есть нечто таинственное. Для них. Они знают, что я живу с иностранкой, с каргадской женщиной. Они знают, что девушка, которую мы называем своей дочерью, не то ведьма, не то еще что-то похуже, потому что ее лицо и рука почти дочерна сожжены огнем, а также потому, что она сама сожгла лорда Ре Альби, или столкнула его с утеса, или убила, его своим дурным глазом — у них много разных историй. Они, впрочем,

уважают тот дом, в котором мы живем, потому что это дом Айхала и Гелета, а мертвые волшебники — это хорошие волшебники... Ты, Олдер, человек городской, да еще и с острова, принадлежавшего королевству Морреда. А деревушка на острове Гонт — это совсем другое дело.

— Но почему же ты остаешься здесь, господин мой? Конечно же, наш король оказал бы тебе все подобающие почести...

— Почести мне не нужны, — сказал старик и так сверкнул на него глазами, что Олдер мгновенно умолк.

Когда они подошли к дому, построенному на краю утеса, Ястреб снова заговорил:

— Вот мое единственное гнездо, настоящее неприступное гнездо, как у орла!

За ужином они выпили по стакану красного вина, а потом и еще по одному — сидя на крыльце и глядя, как садится солнце. Говорили они мало. Страх перед наступающей ночью, перед тем сном, начинал прокрадываться в душу Олдера.

— Я ведь не целитель, — сказал его хозяин, — но, возможно, и я смогу сделать то, что делал Мастер Травник, чтобы ты мог спать.

Олдер вопросительно посмотрел на него.

— Я все время думал об этом, и мне кажется, что это, возможно, вовсе не заклинание удерживало тебя вдали от того холма, а простое прикосновение живой руки. Если хочешь, мы можем попробовать. — Олдер запротестовал было, но Ястреб сказал: — Я ведь все равно большую часть ночи не сплю.

Так что его гость лег в ту ночь на низкую кровать в дальнем углу просторной комнаты, а сам Ястреб сел с ним рядом, присматривая за огнем в камине и погрузившись в легкую дремоту.

Он тоже наблюдал за Олдером и видел, что тот в конце концов уснул; и вскоре после этого Олдер начал вздрагивать и ворочаться. Ястреб протянул руку и положил ее Олдеру на плечо, поскольку молодой человек лежал, как бы чуть от него отвернувшись. Спящий слегка шевельнулся, вздохнул, расслабился и снова крепко заснул.

Ястребу было очень приятно, что он оказался способен сделать хотя бы такую мелочь. Не хуже, чем волшебник, с незлым ехидством отметил он про себя.

Спать ему совсем не хотелось; он по-прежнему чувствовал напряжение. Он думал о том, что рассказал ему Олдер, и о том, что они обсуждали днем. Он видел, как Олдер, стоя среди капустных грядок, произносил слова призывающего коз заклятия, на которое козы ответили

высокомерным презрением. А ведь это довольно могущественное заклятие! Он вспоминал, как когда-то, произнося этом заклятии имена ястреба-перепелятника, болотного ястреба, серого орла, призывал их к себе с небес, и они падали, шумя крыльями, и обматывали его запястье могучими когтями, и внимательно смотрели ему в глаза своими исполненными гнева золотистыми круглыми глазами... Ничего этого больше нет. Он может хвастаться, взывая этот дом своим «орлиным гнездом», но у то больше нет крыльев!

Зато крылья есть у Техану. У нее есть для полета крылья дракона!

Огонь в очаге догорел. Старик поплотнее закутался в свою овчину и прислонился головой к стене, по-прежнему не убирая руки с безвольно расслабленного теплого плеча Олдера. Ему нравился этот человек, ему было жаль его.

Надо бы не забыть и непременно попросить его починить завтра зеленый кувшин.

Проснулся Гед внезапно и даже привстал со своего кресла, но уже через минуту, овладев собой, вновь положил руку Олдеру на плечо и легонько его стиснул, прошептав:

— Хара! Пойдем прочь, Хара! — Олдер вздрогнул, потом тело его расслабилось, он снова вздохнул, повернулся на живот, еще больше уткнувшись лицом в подушку, и затих.

Ястреб сидел, не снимая своей руки с плеча спящего. Как это он сам-то оказался там, у каменной стены? Он ведь больше не имел волшебной силы, чтобы проникать в эту страну. И больше не знал пути туда. Как и прошлой ночью, сон Олдера или его странствующая душа потянули его за собой на границу темной страны...

Теперь Ястреб уже окончательно проснулся. Он сидел, не сводя глаз с серого прямоугольника окна, в которое смотрели яркие звезды.

Та трава под стеной... Она не росла там, дальше по склону-, где этот склон постепенно уходил в сумеречную сухую страну. Он тогда сказал Олдеру, что там, внизу, была только пыль, только камень. Мертвые русла рек, где никогда не бежала никакая вода. Ни одного живого существа. Ни птицы, ни полевой мыши, ни поблескивания крыльев и гудения мелких насекомых, солнечных созданий. Только мертвые со своими пустыми глазами и молчаливыми лицами.

Но разве птицы не умирают?

Мышь, комар, коза — бело-коричневая пряморогая бесстыдная коза Сиппи со своими желтыми глазищами, любимица Техану, которая умерла

прошлой зимой в преклонном возрасте. Где она, эта Сиппи?

Не в той сухой пустыне, не в той темной стране. Она умерла, но она не там. Она там, откуда вышла, — в своей родной стихии, в земле. В земле, на свету, на ветру, где слышатся шлепки волн о скалы и где с небес смотрит желтый глаз солнца.

Но тогда почему, почему же?..

Он смотрел, как Олдер чинит кувшин. Пузатый и темно-зеленый, кувшин этот был самым любимым у Тенар; она притащила его на себе много лет назад от самой Дубовой фермы. А тут на днях он возьми, да и выскользни у Ястреба из рук, когда тот снимал его с полки. Он подобрал с пола два больших куса и все мелкие осколки, имея смутное намерение попытаться как-то склеить их, чтобы хоть вид кувшину вернуть прежний, чтобы можно было его хоть на полку поставить, если уж пользоваться им больше нельзя будет. Каждый раз, когда он видел черепки кувшина, сложенные в корзинку, то приходил в ярость от собственной неловкости.

И теперь он, восхищенный, очарованный, следил за руками Олдера. Тонкие, гибкие, сильные, ловкие и неторопливые, они старательно восстанавливали форму кувшина, поглаживая и подбирая каждый отколовшийся кусочек, настойчиво заставляя встать на свое место и лаская. Большими пальцами латальщик подправлял и направлял самые маленькие кусочки, ставя их на место, воссоединяя их, вдыхая в них уверенность в целостности всего кувшина. Работая, он бормотал себе под нос какую-то лишенную мелодии присказку из двух-трех слов. То были слова Истинной Речи. Гед знал их когда-то, но не помнил, что именно они означают. Лицо Олдера было абсолютно безмятежным, вся тревога и печаль покинули его: это было лицо человека, настолько погруженного в любимую работу, что сквозь него просвечивало безвременное спокойствие.

Наконец руки Олдера отделились от кувшина; пальцы раскрылись, точно бутон распускающегося цветка, — кувшин стоял на дубовом столе совершенно целый!

Олдер смотрел на него с нескрываемым удовлетворением.

Когда Гед благодарил его, он сказал:

— Это было совсем нетрудно. Линии отлома были очень чистыми. Кувшин делал хороший гончар, да и глина у него была отличная. Это с грубыми поделками повозиться приходится, если разобьются.

— А знаешь, у меня возникла одна мысль насчет того, как тебе попытаться обрести нормальный сон, — сказал ему Гед.

Олдер проснулся еще на рассвете и сразу встал, чтобы его хозяин мог

бы прилечь и как следует поспать до позднего утра; но было совершенно очевидно, что подобное «расписание» долго Ястреб выдерживать не в силах.

— Пойдем-ка со мной, — сказал ему старик, и они пошли куда-то в глубь острова по тропе, огибавшей козье пастбище и вьющейся меж холмов, маленьких, наполовину обработанных полей и выступами заходивших на эти поля рощ. Гонт производил на Олдера впечатление дикого края, нищего, малонаселенного, и эта заросшая мохнатым лесом гора словно все время хмурилась и нависала над ними.

— Мне показалось, — сказал Ястреб на ходу, — что если и мне удастся так же хорошо, как Мастеру Травнику, удерживать тебя вдали от этого холма и этой стены, всего лишь прикасаясь к тебе рукой, то, может быть, и другие существа способны помочь тебе. Если только ты не имеешь ничего против животных.

— Животных?

— Видишь ли, — начал было Ястреб, но умолк, прерванный появлением какого-то странного существа, ползущего вниз по тропе им навстречу. Существо было замотано в бесчисленные юбки и шали, из головы у него во все стороны торчали перья, а ноги были обуты в высокие кожаные сапоги. Выкрикивало оно тоже нечто невразумительное: «О Учителяс, Учителяс!»

— Ну, здравствуй, Вереск. Тише, тише, — сказал Ястреб. Женщина остановилась, раскачиваясь всем телом, перья на голове у нее так и трепетали, на лице сияла улыбка во весь рот.

— Она небось знала, ты приходишь! — громовым голосом возвестила она. — Она сделала своими пальцами клюв ястреба, вот так, видишь, правда-правда, и велела мне идти, идти, своей рукой велела! Она знала, что ты идешь!

— И я действительно иду.

— Нас проведать?

— Да, проведать вас. Познакомься, Вереск, это Учитель Олдер.

— Учительолд, — прошептала она, вдруг успокоившись и словно включив Олдера в свое сознание. А потом как-то съежилась, ушла в себя, потупилась.

Никаких кожаных сапог у нее на ногах не было. Ее босые ноги до колен были покрыты гладкой коричневой подсыхающей глиной. Многочисленные грязные и рваные юбки были подхвачены на талии ремнем.

— Ты на лягушек охотилась, Вереск? — Она охотно закивала.

— Я пойду Тетушке скажу! — Она, начав произносить эти слова чуть ли не шепотом, закончила оглушительным ревом и покатилась назад, туда, откуда явилась.

— Она добрая душа, — сказал Ястреб. — Она всегда моей жене помогала. А теперь живет у нашей старой ведьмы и помогает ей. Ты ведь не против того, чтобы войти в дом ведьмы, а?

— Никогда в жизни, господин мой.

— А многие боятся. И знатные люди, и бедняки, и волшебники, и колдуны.

— Лили, моя жена, была ведьмой.

Ястреб понимающе кивнул и некоторое время шел молча, а потом спросил:

— А откуда она узнала о своем даре, Олдер?

Он у нее был врожденный. Еще совсем малышкой она могла заставить сломанную ветку дерева снова прирасти к стволу, а другие ребяташки приносили ей свои сломанные игрушки, чтобы она их починила. Но когда отец заставлял ее за этим, то всегда бил по рукам. Ее семья была очень уважаемой в наших краях. Очень уважаемой! И они не желали иметь ничего общего с ведьмами. Ибо если бы она продолжала якшаться с ведьмами, то никогда бы не вышла замуж за приличного человека. Так что она все свои занятия и уроки держала в тайне. И ведьмы ее родного города тоже не желали иметь с ней ничего общего, даже когда она просила их чему-нибудь научить ее, потому что они боялись ее отца. А потом за ней стал ухаживать один богатый человек, она ведь была красива, как я уже говорил, господин мой. Куда красивее, чем я могу описать словами. И ее отец сказал, что она вскоре должна будет выйти замуж. И в ту же ночь она убежала из дома. Она жила одна, несколько лет скиталась, бродяжничала. Иногда ее пускали к себе ведьмы, но в том, что касается ее мастерства, она держалась сама по себе.

— Но ведь Таон — не такой большой остров.

— Ее отец ни за что не стал бы ее искать. Он сказал, что его дочь не может быть какой-то ведьмой-латальщицей.

И снова Ястреб склонил голову в знак согласия.

— Значит, она прослышала о тебе и сама к тебе пришла?

— Но она научила меня куда большему, чем я мог ее научить! — искренне признался Олдер. — У нее ведь действительно большой талант был.

— Верю.

К этому времени они подошли к маленькому домику, притулившемуся

в лощине и скрытому типичным для жилища ведьмы переплетением веток и веников. С козой на крыше и с целой стаей черно-белых кур во дворе, которые с кудахтаньем кинулись прочь. Ленивая маленькая пастушья собака встала и задумалась, стоит ли ей залаять, но, явно передумав, завиляла хвостом.

Ястреб подошел к низенькой двери и, сильно пригнувшись, заглянул внутрь.

— Ну, здравствуй, Тетушка! — сказал он. — Я к тебе гостя привел. Олдера, колдуна с острова Таон. Он латальщик. Й настоящий мастер, должен тебе сказать! Я только что любовался тем, как он приводит в порядок зеленый кувшин Тенар, который я, неуклюжий старый дурак, уронил на днях и разбил вдребезги.

Он вошел в хижину, и Олдер последовал за ним. В кресле у порога сидела старая женщина, вся обложенная подушками. Отсюда ей был виден залитый солнцем двор. Перья торчали из ее курчавых седых волос. Пестренькая несущка устроилась у нее на коленях. Она улыбнулась Ястребу с чарующей лаской и вежливо кивнула второму посетителю. Курица проснулась, сказала «ко-о» и удалилась.

— Это Тетушка Мох, — сказал Ястреб, — ведьма, владеющая многими талантами и умениями, величайшим из которых является доброта.

Так, подумал Олдер, Верховный Маг Земноморья мог бы представить другому волшебнику какую-нибудь знатную даму или известную чаровницу. Он поклонился. Старушка тоже кивнула ему и засмеялась.

А потом сделала некое круговое движение левой рукой, вопросительно глядя на Ястреба.

— Тенар? Техану? — переспросил он. — Они все еще в Хавноре, у короля, насколько мне известно. Пусть немного развлекутся, посмотрят нашу прекрасную столицу, ее дворцы.

— А я сделала нам короны! — выкрикнула Вереск, роясь в весьма дурно пахнувшей темной груде каких-то неведомых вещей у дальней стены дома. — Как у королей и королев. Видите? — Она поправила куриные перья, что торчали во все стороны из ее густых спутанных волос. Тетушка Мох, только сейчас осознав, что и у нее на голове красуется подобный странноватый убор, попыталась, хотя и тщетно, вынуть перья из своих волос и поморщилась.

— Короны ваши слишком тяжелы, — сказал Ястреб, нежными движениями выбирая перья из тонких спутавшихся волос старушки.

— А кто королева, Учителяс? — крикнула Вереск. — Кто королева? Баннен — король, а королева-то кто?

— У короля Лебаннена нет королевы, Вереск.

— А почему нет? Должна быть. Почему нет?

— Возможно, он ее как раз ищет.

— Он женится на Техану! — радостно взвизгнула женщина. — Точно!

Олдер увидел, как переменилось лицо Ястреба: замкнулось и будто окаменело.

— Сомневаюсь, — только и сказал он, держа в руках перья, которые выбрал из волос Тетушки Мох, и нежно их поглаживая. — Я ведь к тебе, как всегда, за одолжением, Тетушка Мох, — сказал он.

Она протянула свою здоровую руку и с такой нежностью коснулась руки Ястреба, что Олдер был тронут до глубины души.

— Я хочу попросить у тебя займы одного из твоих щенков.

Тетушка Мох посмотрела на него с нескрываемою печалью. Вереск, суетившаяся возле нее, на минутку задумалась, а потом заорала:

— Щеночки! Тетушка Мох, щеночки! Так ведь их уже ни одного не осталось!

Старушка кивнула с печальным видом, продолжая поглаживать руку Ястреба.

— А что, они кому-нибудь понадобились?

— Самый крупный выбрался из дома и, наверное, убежал в лес, а там его съел какой-нибудь зверь, потому что больше он так и не вернулся, а потом этот старый Рэмблз... Явился и говорит, что ему нужны пастушьи собаки, что он возьмет обоих щенков и всему их обучит, и Тетушка их ему отдала, потому что они охотились на цыпляток, которых высидела Белоснежка, а еще все грызли, прямо-таки весь дом сгрызли, честное слово!

— Ну что ж, Вереск, пусть Рэмблз потрудится как следует, пока их чему-нибудь обучит, — сказал с усмешкой Ястреб. — Я очень рад, что он их взял. Однако жаль, что я сам не успел, потому что мне хотелось взять одного на денек-другой. Они ведь у тебя на постели спали, верно, Мох?

Старушка кивнула, по-прежнему очень печальная. Потом, вдруг немного просветлев лицом, склонила голову набок и мяукнула.

Ястреб непонимающе уставился на нее, но Вереск догадалась сразу.

— Ой! А котята-то! — вскричала она. — У Малышки Грей четверо родилось, а старый Черныш успел убить одного, прежде чем мы его остановили, но два или три еще живы, они с Тетушкой спят и с Бидди, особенно теперь, когда маленьких собачек забрали. Киски, киски! Где вы, киски? Кис-кис-кис! — И после довольно-таки длительных копаний, поисков в куче вещей, призывных мяуканий и прочих действий Вереск

вынырнула откуда-то с сереньким котенком, который мяукал и старался вырваться. — Вот и один! — возвестила она и кинула его Ястребу, который довольно неуклюже поймал котенка на лету, и тот немедленно его цапнул.

— Ну-ну, успокойся, — приговаривал Ястреб. Очень тихое, но весьма грозное ворчание раздалось из-под его ладони, и котенок снова попытался его укусить. Тетушка Мох похлопала себя по колену, и Ястреб отдал ей котенка. Она погладила малыша своей тяжелой медлительной рукой, и котенок тут же вытянулся, подставил ей животик, потянулся и замурлыкал.

— Можно мне взять его на некоторое время? Старая ведьма приподняла руку над котенком и совершенно королевским жестом повела ею в воздухе:

— С превеликой радостью. Он твой!

— Понимаешь, у этого вот Мастера Олдера весьма тревожные сны, и я подумал, что, может быть, если рядом с ним ночью будет какой-то зверек, это поможет ему снять тревогу.

Тетушка Мох с мрачным видом кивнула и, глянув на Олдера, подсунула ладонь под котенка, приподняла малыша и протянула ему. Олдер взял его довольно робко, но котенок не заворчал и кусаться не стал, а вскарабкался по его руке и плечу и прильнул к шее, прямо к ямке под затылком, прикрытой зачесанными назад и довольно длинными волосами.

На обратном пути котенок забрался Олдеру под рубашку, и Ястреб пояснил:

— Однажды, когда я еще только начинал заниматься искусством магии, меня попросили вылечить одного мальчика от красной лихорадки. Я понимал, что мальчик умирает, но никак не мог смириться с этим и отпустить его. И попытался за ним последовать. Вернуть его назад. Через ту каменную стену... И упал возле его постели, и лежал, словно мертвый. И там была одна ведьма, которая догадалась, в чем дело, и она велела перенести меня в мой дом и уложить там на постель. А у меня дома жил один зверек, с которым мы подружились, когда я еще совсем мальчишкой жил на Роке. Это был совсем дикий зверек, который пришел ко мне по собственной воле и остался со мной. Отак. Ты отаков-то когда-нибудь видел?

Олдер колебался и ответил не сразу:

— Я знаю о них только из легенд. И героического сказания, в котором говорится, как... один великий волшебник прибыл ко двору правителя Терренона на острове Оссил. И отак пытался предупредить его о том, что за ним гонится оборотень. А потом волшебник с оборотнем сразился и победил его, но тот маленький зверек, отак, погиб, попавшись этому

чудовищу в лапы.

Ястреб довольно долго молчат, шагая по тропе.

— Да, — промолвил он наконец. — Все верно. Но мой отак спас мне жизнь, когда я, охваченный собственными безумными устремлениями, оказался за каменной стеной; то есть тело мое осталось лежать здесь, а душа отправилась в неведомые странствия. Отак пришел и стал вылизывать меня — в точности как они вылизывают своих детенышей, как кошки вылизывают котят; он вылизывал меня своим сухим язычком терпеливо, усердно, каждым своим прикосновением возвращая меня назад, к жизни. И дар, который я получил от моего отака, — это не только жизнь, но и знание, столь же великое, как и все то, что я когда-либо узнал на Роке... Но ты же видишь, я все больше забываю то, что знал когда-то...

...Я сказал «знание», но это скорее тайна, — продолжал Ястреб. — Какова разница между нами и животными? Умение говорить? Все животные обладают той или иной формой речи, умением сказать «приходи» или «осторожнее!», да и многое другое; но они не умеют рассказывать истории, не умеют говорить лживые слова. Тогда как мы все это умеем...

Но драконы умеют говорить и пользуются Истинной Речью, Языком Созидания, на котором лгать невозможно, на котором рассказать историю уже означает создать ее в реальной действительности, выпустить в жизнь! И все же мы называем драконов животными!

Так что, возможно, разница не в языке, не в умении говорить. Может быть, она вот в чем: животные не совершают ни добрых, ни злых поступков. Они поступают так, как должны поступать. Мы можем называть их действия вредными или полезными, однако понятия «добро» и «зло» принадлежат нам, которые способны выбирать, как именно нам поступить и что сделать. Драконы опасны, это так. Они могут нанести страшный вред, и это тоже верно. Но они не являются носителями зла. Они недостижимы для нашей морали, если угодно, — как и любое другое животное, впрочем. Они выше этой морали. Или ниже ее. В этом отношении они не имеют с нами ничего общего.

Мы должны снова и снова делать свой выбор. А животным нужно только существовать. Мы под вечным ярмом, они же свободны. Так что, когда ты живешь рядом с животным, то познаешь немножко свободы...

Прошлой ночью я все думал о том, почему ведьмы так часто заводят себе какого-нибудь четвероногого друга. У моей тетки-ведьмы была старая собака, которая никогда не лаяла. Тетка называла его Гобефор, что означает «идуший впереди». А у Верховного Мага Неммерля, когда я

впервые увидел его на Роке, был ручной ворон, который ходил за ним повсюду. И еще я вспомнил одну молодую женщину, которую знал когда-то; она носила на руке в виде браслета маленького дракончика харреки... И, конечно же, я вспомнил о моем отаке. И мне пришло в голову вот что: если тебе для того, чтобы удержаться по эту сторону стены, нужно тепло живого прикосновения, то почему бы рядом с тобой не быть какому-нибудь животному? Поскольку животные ведь видят жизнь, а не смерть. Возможно, какой-нибудь пес или кот в этом отношении не хуже настоящего Мастера из Школы Рока...

Так и оказалось. Котенок, явно довольный тем, что его забрали из дома, наполненного собаками и злобными взрослыми котами и петухами, а также от этой доброй, но совершенно непредсказуемой женщины по имени Вереск, изо всех сил старался показать, какой он надежный и благовоспитанный и как хорошо умеет ловить мышей. Он с удовольствием ездил на плече Олдера, спрятавшись под его волосами, когда ему было это позволено, и с мурлыканьем устраивался спать у него на груди, как только Олдер ложился в кровать. И Олдер крепко спал безо всяких страшных снов и просыпался от того, что котенок, сидя у него на груди, с чрезвычайно добродетельным видом вылизывал ему уши.

Когда, однако, Ястреб попытался определить, какого котенок пола, тот заворчал и стал царапаться.

— Ну хорошо, — сказал Ястреб, поспешив убрать руки подальше от острых коготков. — Пусть будет по-твоему. В общем, Олдер, это либо кот, либо кошка, в этом я совершенно уверен.

— Я все равно не стану давать ему имени, — сказал Олдер. — Они уходят, будто гаснет пламя свечи, и если такому малышу дать имя, то горевать о нем будешь во много раз больше.

В тот день по предложению Олдера они отправились чинить изгородь и брели вокруг обнесенного изгородью козьего пастбища — Ястреб вдоль внутренней стороны изгороди, а Олдер вдоль внешней. Как только один из них обнаруживал, что столбики подгнили или ослабили крепления, Олдер проводил рукой по изгороди, что-то подправляя, что-то затыкая внутрь, что-то оглаживая или укрепляя, почти бессловесная и почти неслышимая песенка постоянно журчала где-то у него в горле, а лицо его становилось расслабленно-спокойным и очень внимательным.

Как-то раз, наблюдая за ним, Ястреб прошептал:

— И я когда-то принимал этот дар просто так! — Олдер, поглощенный работой, не спросил его, что он имеет в виду.

— Ну вот, — сказал он наконец, — теперь будет держаться. — И они

двинулись дальше, преследуемые по пятам двумя весьма любопытными козами, которые бодали и били копытами в те самые, только починенные места в изгороди, словно желая проверить их на прочность.

— Я вот все думаю... — сказал Ястреб. — По-моему, тебе следовало бы поехать в Хавнор.

Олдер встревоженно на него посмотрел.

— Ах, — молвил он, — а я думал, что если теперь мне можно уже быть подальше от... от того места... я мог бы поехать домой, на остров Таон. — Он и сам, казалось, перестал верить в то, что говорит, еще не успев договорить до конца.

— Ты мог бы, но я не уверен, что это было бы достаточно мудро.

Олдер неохотно пробормотал:

— Слишком много от котенка просить нельзя: ведь не может же он защитить от целого нашествия мертвецов!

— Это верно.

— Но я... что мне делать в Хавноре? — И он с неожиданной надеждой спросил: — А ты поедешь со мной?

Ястреб покачал головой:

— Я останусь здесь.

— Лорд Путеводитель...

— Послал тебя ко мне. А я посылаю тебя к тем, кому следует выслушать твою историю и выяснить, что все это значит... Уверяю тебя, Олдер, в глубине души Путеводитель считает, что я остался прежним. Он считает, что я просто скрываюсь здесь, в лесах Гонта, и непременно выйду на сцену, как только нужда станет особенно сильна. — Старик, опустив глаза, осмотрел свою пропотевшую залатанную одежку, насквозь пропылившиеся башмаки и засмеялся. — Выйду на сцену во всем своем великолепии! — прибавил он. «Бе-е», — засмеялась у него за спиной коричневая коза. — Но тем не менее, Олдер, Путеводитель был глубоко прав, послав тебя сюда, поскольку она-то была бы здесь, если б не уехала в Хавнор.

— Леди Тенар?

— ХАМА ГОНДУН — так назвал ее сам Путеводитель, — промолвил Ястреб, глядя Олдеру прямо в глаза. — Женщина с Гонта. Техану.

Глава II

ДВОРЦЫ

Когда Олдер спустился к причалам, тот корабль, на котором он прибыл на Гонт, все еще был там и на него грузили лес; однако он понимал, что эти моряки ему уж точно не будут рады, и направился к стоявшему по соседству маленькому обшарпанному суденышку под названием «Красотка Роза».

Ястреб снабдил его пропуском за подписью самого короля и с королевской печатью — Руной Мира. «Он послал его мне на тот случай, если я вдруг передумаю, — сказал с усмешкой старик. — Так пусть этот пропуск хоть тебе послужит». Шкипер, после того как ему прочитали документ, стал услужливо извиняться за беспорядок и за то, что путешествие, видимо, получится долгим: «Красотка Роза» действительно направлялась в Хавнор, однако она собиралась совершить каботажное плавание, заходя по дороге чуть ли не в каждый порт, чтобы продать или купить там небольшие партии товаров, так что ей вполне мог потребоваться целый месяц, чтобы добраться до юго-восточной оконечности Великого Острова и до его столицы.

Но Олдер сказал, что его это вполне устраивает. Ибо если он и опасался самого путешествия, то прибытие на землю страшило его гораздо больше.

С новолуния до середины лунного месяца путешествие по морю оказалось для него одним из самых спокойных периодов жизни. Серый котенок оказался путешественником весьма мужественным и целыми днями деловито ловил на судне мышей, а ночью, как верный страж, всегда сворачивался клубком у Олдера на груди или рядом с его подушкой. И Олдер не переставал удивляться тому, как этот крошечный теплый живой комочек умудряется отгородить его от той каменной стены и от голосов, чей зов слышится из-за нее. Однако совсем забыть о них он так и не мог. Они были там, с ним рядом, скрытые лишь полупрозрачной пеленой, и во тьме, и при ярком солнечном свете. Когда теплыми летними ночами Олдер спал на палубе, то часто открывал глаза и смотрел, как движутся звезды в такт покачивавшемуся на волнах кораблю и каждая следует своим собственным курсом через небосвод на запад. Но память о тех неподвижных звездах по-прежнему не давала ему покоя. Впрочем, за две недели плавания вдоль берегов островов Камебер и Барниск, где судно повернуло наконец к Хавнору, он тоже успел как бы повернуться спиной к преследующим его призракам.

Несколько дней он наблюдал, как котенок охотится на молодую крысу почти такого же размера, что и он сам. Глядя, как малыш, стараясь изо всех сил, горделиво тянет через палубу крепежный канат, один из моряков

прозвал его Буксирчиком. Олдер не возражал.

Проплыв по проливам Эбавнора, они вошли наконец в гавань Хавнора, и перед ними, по ту сторону залитого солнцем залива, прямо из воды выросли белые башни столицы, окутанные туманной дымкой. Олдер не мог оторвать глаз от самой высокой из башен, на вершине которой серебристо светился меч Эррет-Акбе.

В эти мгновения ему больше всего хотелось остаться на борту судна, никогда не сходить на берег и смотреть на этот великий город лишь издали; и не передавать знатым людям во дворце письмо, написанное Ястребом королю, ибо он понимал, что в посланники совершенно не годится. И почему столь тяжкую ношу взвалили именно на его плечи? Разве возможно, чтобы какой-то деревенский колдун, который понятия не имеет о высших материях и искусствах, был призван совершать далекие путешествия с острова на остров, от Верховного Мага к королю, из страны живых в царство мертвых?

Он и Ястребу говорил нечто подобное. «Это ведь куда выше моих возможностей», — сказал он тогда. И старый маг долго смотрел на него, а потом, назвав его Истинным именем, промолвил: «Мир действительно велик и странен, Хара, однако же он не более велик и странен, чем наши души. Подумай об этом».

За городом стеной стояли темные грозовые тучи, проливавшие дождь где-то над внутренними районами острова. И на этом черно-лиловом фоне башни дворца горели белым пламенем, а чайки металась над морем, точно гонимые ветром белые искры этого огня.

«Красотка Роза» причалила к пристани, и моряки спустили сходни и тепло попрощались с Олдером. На этот раз они желали ему всего наилучшего. Он закинул на плечо дорожный мешок, взял в руку корзинку для кур, в которой терпеливо переносил очередное перемещение в пространстве котенок Буксирчик, и сошел на берег.

Улиц оказалось слишком много, и все были забиты народом, но путь ко дворцу Олдер нашел сразу и, не сумев придумать ничего лучше, сразу отправился туда и сказал, что привез письмо для короля от Верховного Мага Ястреба.

Однако это ему пришлось повторить еще много-много раз.

От одного стражника к другому по бесчисленным лестницам и приемным, из кабинета одного придворного в кабинет другого, по роскошным коврам, мимо увешанных гобеленами стен, по полам, выложенным мраморной плиткой и драгоценными породами дерева, под украшенными лепниной потолками и резными балками шел Олдер, без

конца повторяя, точно заклинание: «Я прибыл от Верховного Мага Ястреба с письмом к королю, которое передам ему только в собственные руки». Целая толпа подозрительных придворных тащилась уже за ним следом, страшно мешая, затрудняя и без того слишком медлительное путешествие по залам и коридорам дворца.

И вдруг все исчезли. И какая-то дверь сама собой открылась перед Олдером и тут же закрылась за ним.

Он оказался в тихой просторной комнате, широкое окно которой поверх городских крыш смотрело на северо-запад. Грозовая туча рассеялась, и светло-серая округлая вершина горы Онн высилась над столицей и всеми прочими горами и холмами.

В дальней стене открылась другая дверь, и в комнату вошел молодой мужчина, примерно ровесник Олдера, одетый в черное. Двигался он легко; красивое мужественное лицо его было точно отлито из бронзы. Он подошел прямо к Олдеру и сказал:

— Здравствуй, Мастер Олдер, я — Лебаннен. И протянул правую руку, чтобы, по обычаю Энладских островов, коснуться ею руки Олдера. Олдер машинально ответил на знакомое с детства приветствие и подумал вдруг, что следовало бы не обмениваться рукопожатием, а преклонить колена или, по крайней мере, низко поклониться, однако момент для этого был уже упущен. И он застыл, совершенно онемев от смущения.

— Значит, ты от лорда Ястреба? Как он там? Здоров ли?

— Да, господин мой. И он посылает тебе... — Олдер принялся судорожно рыться в карманах куртки в поисках письма, которое намеревался подать королю, опустившись перед ним на колени в тронном зале, где король будет восседать на троне Морреда, — ...вот это письмо, господин мой.

Глаза, следившие за его действиями, смотрели живо, но взгляд оставался вежливо-спокойным, и были глаза эти почти столь же непроницаемы и остры, как и у Ястреба, только, пожалуй, в них чувствовалось больше чувства, души. Король с изысканным поклоном взял письмо, поданное ему Олдером, и благодарно заявил:

— Любой человек, принесший мне от моего Учителя хотя бы слово, навсегда обретает мою сердечную благодарность и становится желанным гостем в моем доме. Надеюсь, ты меня извинишь? Я бы хотел это прочесть.

Олдер наконец заставил себя поклониться, и король отошел с письмом в руке к окну.

Он прочитал его дважды с начала и до конца, потом аккуратно свернул и спрятал. Лицо его, однако, по-прежнему оставалось совершенно

бесстрастным. Он подошел к двери и что-то сказал тем, кто, видимо, ждал его распоряжений по ту ее сторону. Затем снова повернулся к Олдеру и сказал:

— Прошу тебя, присядь, и я сяду с тобою рядом. Сейчас нам принесут перекусить. Я знаю, ты ведь с самого утра по дворцу бродишь. Если бы у капитана дворцовой стражи хватило ума послать мне соответствующее донесение, я легко мог бы избавить тебя от многочасового лазания по лестницам и посещения бесчисленных кабинетов моих придворных. А ты что же, жил у моего Учителя? В его доме на утесе?

— Да.

— Как я тебе завидую! А вот мне там никогда жить не доводилось. Я его не видел с тех пор, как мы расстались на острове Рок, — ровно полжизни. Он не позволяет мне навещать его. И сам не пожелал прибыть даже на мою коронацию. — Лебаннен улыбнулся так, словно все сказанное не имеет для него ни малейшего значения. — Но именно он подарил мне мое королевство! — прибавил он с гордостью и грустью.

Потом встал и кивком предложил Олдеру занять место за небольшим столиком. Столешница была изысканно инкрустирована сложным орнаментом из слоновой кости и серебра: листья и цветы ясеня переплетались с тонкими шпагами, отчасти скрывая их.

— Удачным ли было твое путешествие? — спросил король и задал еще несколько подобных светских вопросов, пока слуга расставлял на столике тарелочки с закуской — холодным мясом, копченой форелью, салатом и сыром. Лебаннен, подавая Олдеру пример, ел с отменным аппетитом, то и дело подливая в тончайшие хрустальные бокалы вино, цвет которого напоминал Олдеру золотистый топаз. Через некоторое время король поднял свой бокал и сказал: — За моего Учителя и дорогого друга!

— Да, за него, — прошептал Олдер и выпил до дна.

Лебаннен также много расспрашивал его об острове Таон, который посетил несколько лет назад. Олдер помнил то возбуждение и восторг, которые царили на острове, когда король прибыл в Меони. Потом Лебаннен вспомнил, что у него во дворце есть несколько музыкантов с Таона, арфистов и певцов, и спросил, не знакомы ли Олдеру их имена. Действительно, некоторые имена оказались ему хорошо знакомы. В общем, король очень хорошо умел сделать так, чтобы в его обществе гость чувствовал себя легко и непринужденно. Ну и, конечно же, Олдеру очень помогли в этом отношении вкусная еда и замечательное вино.

Когда оба насытились, король вновь наполнил бокалы и сказал:

— Между прочим, письмо Ястреба в основном касается тебя. Ты это

знал? — Свой вопрос он задал почти таким же легким светским тоном, как и прежде, и Олдер даже несколько растерялся.

— Нет, — ответил он.

— А представляешь ли ты, о чем в этом письме может идти речь?

— Возможно, о моих снах. — Это Олдер сказал очень тихо, потупившись.

Король некоторое время испытующе смотрел на него. В его пристальном взгляде не было ничего обидного, и все же Олдеру казалось, что его выворачивают наизнанку. Затем Лебаннен вынул письмо Ястреба и протянул его Олдеру.

— Но, господин мой, я ведь почти не умею читать!

Лебаннен совсем не удивился — среди колдунов лишь некоторые умеют читать, — но явно пожалел, что так неуклюже поставил гостя в неловкое положение. Его золотисто-бронзовые щеки залил темный румянец, и он сказал:

— Прости меня, пожалуйста, Олдер! Можно, я прочту тебе, что он тут пишет?

— Пожалуйста, господин мой, прошу вас! — Смущение короля на мгновение заставило Олдера почувствовать себя как бы его ровней, и он впервые за все это время заговорил тепло и естественно.

Лебаннен пропустил слова приветствия и несколько первых строчек, а затем стал читать вслух:

— «...и Олдер с острова Таон, податель сего письма, является тем самым человеком, которого мертвецы зовут во сне — и отнюдь не по его воле — в свою страну, ту самую, которую когда-то нам с тобой довелось вместе пересечь. Он расскажет тебе о своих страданиях, которые уже стали прошлым, и о тех переменах, которые происходят непрерывно, хотя кажется, что вокруг ничто не меняется. Мы с тобой закрыли дверь, отпертую Кобом. Но теперь, возможно, расшаталась сама стена. Олдер уже побывал на Роке, но только Азвер сумел как следует услышать его. Надеюсь, что и господин мой король услышит его и поступит так, как подскажет ему его мудрость и как того потребует необходимость. Надеюсь также, что Олдер передаст мое неизбывное уважение, любовь и покорность тебе, господин мой и мой король, а также — леди Тенар и моей дорогой Техану». — Лебаннен закончил читать письмо и сказал: — А далее следует подпись в виде руны Когтя. — Он посмотрел Олдеру прямо в лицо, тот глаз не отвел. И король попросил: — Расскажи мне, что тебе снится.

И Олдер в очередной раз рассказал, что с ним произошло.

Он рассказывал об этом поспешно и не слишком складно. Когда он

рассказывал свою историю Ястребу, то хоть и испытывал перед ним страх, смешанный с восхищением, все же видел, что бывший Верховный Маг выглядит, одевается и живет, как все простые люди, как любой крестьянин или колдун вроде самого Олдера. Именно эта простота и победила в душе Олдера страх, заставила преодолеть возникшую первоначально скованность. Но каким бы добрым и вежливым ни казался король Лебаннен, он все же выглядел, как настоящий король, и вел себя тоже, как настоящий король. Он действительно был настоящим королем, и для Олдера расстояние между ними было поистине непреодолимо. Так что он спешил как можно меньше обременять своего слушателя подробностями и с облегчением вздохнул, завершив рассказ.

Лебаннен тут же задал ему несколько вопросов. Сколько раз Лили и Ганнет прикасались к Олдеру? Один или несколько? Было ли прикосновение Лили тоже обжигающим?

Олдер показал ему свою руку: под слоем месячного загара отметины на коже стали почти незаметны.

— Мне кажется, все те люди у стены хотели бы ко мне прикоснуться, — сказал он. — Если бы я, конечно, подошел поближе.

— А ты старался держаться от них подальше?

— Да.

— И все они были совершенно тебе не знакомы?

— Нет. Иногда мне казалось, что кого-то я узнаю.

— Но сам ты никогда не мог найти среди них даже свою жену?

— Их там такое множество, господин мой! Порой мне казалось, что я вижу ее в толпе. Но как следует разглядеть ее лицо я не мог.

Вопросы Лебаннена вновь как бы приблизили его к границе темной страны, и он чувствовал, что в его душе опять начинает клубиться страх. Ему вдруг подумалось, что стены дворца могут растаять, исчезнут и это вечернее небо, и плывущая в вышине вершина горы — точно это не реальность, а всего лишь декорация, и, стоит раздернуть занавес, и он, Олдер, снова окажется там, на холме, покрытом серой травой, возле каменной стены...

— Олдер!

Он вздрогнул и посмотрел на Лебаннена. Голова кружилась, комната казалась освещенной слишком ярко, однако лицо короля он воспринимал ясно: живое лицо с четкими и суровыми чертами.

— Так ты останешься здесь, во дворце?

Это было приглашение, но Олдер лишь молча кивнул, в данный момент воспринимая слова короля как приказ.

— Вот и хорошо. Я обо всем позабочусь. Завтра же ты собственноручно передашь послание моего дорогого Учителя госпоже Техану. И я уверен: наша Белая Дама тоже непременно захочет побеседовать с тобой.

Олдер поклонился. Лебаннен на него уже не смотрел.

— Господин мой...

Лебаннен тут же повернулся к нему.

— Можно мне взять с собой своего кота?

Король воспринял эту просьбу совершенно серьезно; ни тени улыбки не промелькнуло на его устах.

— Разумеется.

— Господин мой, мне до глубины души жаль, что я принес вести, которые тебя так тревожат!

— Каждое слово от того человека, который тебя послал, — это милость как для меня, так и для того, кто это слово мне передал. И, по мне, куда лучше получать дурные вести от хорошего и честного человека, чем хорошие, но лживые — от льстеца! — И Олдер, услышав в этих страстных словах Лебаннена знакомый акцент своей родины, даже немного повеселел.

Король вышел, и тут же в комнату заглянул какой-то человек и предложил:

— Я провожу вас в ваши покои, господин мой, если вам будет угодно. — Он держался с достоинством, был уже немолод и отлично одет. Олдер послушно последовал за ним, не представляя, знатен он или же это просто слуга, а потому и не решаясь спросить у него о котенке. Прежде чем войти в ту комнату, где он разговаривал с королем, он оставил корзинку с котенком за дверью — по настоянию многочисленных придворных и стражников, которые посматривали на нее с подозрением, а увидев в ней кота, стали весьма неодобрительно качать головой. Олдеру раз десять или пятнадцать подряд пришлось объяснять, что он взял котенка с собой, потому что ему негде было его оставить. Теперь та приемная, где он оставил корзинку, была далеко-далеко, они ни разу не прошли мимо нее, петляя по бесконечным коридорам, и сам он, конечно же, отыскать ее не сумеет...

Наконец они остановились. Провожатый поклонился и вышел, оставив Олдера в небольшой и очень красивой комнате с гобеленами на стенах и ковром на полу. У окна, смотревшего прямо на гавань, стояло удобное кресло с подушками, украшенными дивной вышивкой. На столе Олдер увидел блюдо со свежими фруктами и кувшин с водой. В комнате была и его корзинка с крышкой!

Он открыл ее. Котенок не спеша вылез оттуда и лениво потянулся, точно всю жизнь прожил во дворцах, понюхал пальцы Олдера, приветствуя хозяина, и двинулся в обход, осматривая каждую вещь. Обнаружив закрытый занавесом альков с широкой удобной кроватью, он тут же вспрыгнул на кровать. В дверь осторожно постучали, и вошел молодой человек с большим плоским ящиком в руках. Человек поклонился Олдеру и застенчиво сообщил:

— А это песочек, господин мой. — Он поставил ящик в дальний угол алькова, снова поклонился и вышел.

— Ну что ж, — сказал Олдер Буксирчику, садясь на кровать. Он, в общем-то, не привык еще беседовать с котенком. Пока что их отношения сводились к молчаливым доверительным прикосновениям. Но сейчас поговорить хоть с кем-нибудь было ему просто необходимо! — Вот я и познакомился с нашим королем!

А королю пришлось переговорить с огромным количеством людей, прежде чем он смог наконец сесть на свою кровать. И главными среди них были послы Верховного Правителя Кар гада. Они, собственно, уже собирались уезжать, закончив свою миссию к полному своему удовлетворению, хотя самого Лебаннена итог их встречи не удовлетворил совершенно.

Он заранее готовился к визиту этих послов. Это была кульминация, которой предшествовала многолетняя увертюра, долгое ожидание, бесконечная переписка и переговоры. В течение первых десяти лет своего правления Лебаннен не достиг ровным счетом никаких перемен во взаимоотношениях с каргами. Прежде Король-Бог, восседавший на троне в Авабатхе, отвергал любые предложения о переговорах, о заключении мирных и торговых сделок и неизменно отсылал посланников Лебаннена назад, даже не выслушав их и упорно заявляя, что боги не вступают в переговоры со смертными, испорченными колдовством, и уж в последнюю очередь они, боги, стали бы говорить с самими «проклятыми колдунами». Однако провозглашение Королем-Богом божественной Империи Каргад отнюдь не повлекло за собой очередной атаки огромного каргадского флота на западные острова, и тысячи кораблей с кровожадными воинами, украшенными перьями, на борту остались в каргадских гаванях. Даже налеты каргадских пиратов, столько веков опустошавших восточные острова Архипелага, постепенно почти прекратились, ибо пираты превратились в контрабандистов и торговцев, которых больше интересовала возможность выменять любые товары, иногда и незаконно

вывозимые с Карего-Ат, на железо, сталь и бронзу, ибо Каргадские острова всегда были бедны полезными ископаемыми, особенно рудами металлов.

Именно контрабандисты и принесли впервые весть об укреплении власти Верховного Правителя Каргада.

На большом и бедном острове Гур-ат-Гур, самом восточном из всех Каргадских островов, некий военачальник Тхол заявил, что является прямым потомком короля Торега из Гупуна, а также бога Вулуа, одного из Богов-Близнецов, и провозгласил себя Верховным Правителем. Затем он завоевал остров Атнини и, используя флот и сухопутные войска обоих островов, Гур-ат-Гура и Атнини, захватил власть и над богатым центральным островом Карего-Ат. Пока его воины с боями брали Авабатх, столицу и главный город острова, жители Авабатха подняли мятеж. Люди перерезали всех высших жрецов, изгнали из храмов всех священнослужителей, а из дворца — всех прислужников Короля-Бога и распахнули перед Тхолом двери города. Они радостно приветствовали Тхола как Верховного Правителя и сами возвели его на трон Торега, устроив пышное шествие со знаменами и танцами.

А Король-Бог бежал с остатками своих сторонников в одно из каргадских Святых Мест — в Гробницы Атуана. И там в пустыне, в храме Короля-Бога, близ разрушенной землетрясением святыни Безымянных, один из жрецов-евнухов перерезал Королю-Богу горло.

Итак, Тхол провозгласил себя Верховным Правителем четырех Каргадских островов, и Лебаннен, как только до него дошли вести об этом, направил туда своих послов, приветствуя нового короля и заверяя его в самых дружеских чувствах со стороны народов Архипелага.

Затем последовали пять лет трудных и изнурительных дипломатических переговоров. Тхол правил жестко, зачастую проявляя настоящую дикарскую свирепость, ибо его неустойчивому трону вечно грозила опасность. После крушения теократического правления Короля-Бога власть Тхола на островах, в сущности, зависела от случая, ибо здесь любой авторитет был под вопросом. Менее значительные царьки и правители не унимались и то и дело начинали тоже претендовать на королевский трон; их приходилось покупать, угрозами доводить до полной покорности или попросту убивать. Сектанты все время норовили вылезти из своих нор, разнообразных святилищ и пещер, завопить: «Горе Всемогущему!» — и предсказать землетрясения, цунами или страшную эпидемию. Управляя мятежной и раздробленной империей, Тхол вряд ли мог возлагать какие-то надежды на положительное отношение к нему жителей благополучных островов Архипелага.

И он воспринимал как совершенно пустые все разговоры короля Лебаннена о дружбе, о сохранении Кольца Мира. Да разве сами карги не имеют права владеть этим Кольцом? Это верно, когда-то в древности Кольцо Мира было сделано на одном из далеких западных островов, но верно также и то, что много веков назад король Торег из Гупуна принял это кольцо в дар от Эррет-Акбе в знак дружбы между каргадскими и ардическими землями. А потом Кольцо Мира исчезло, а между Каргадом и островами Архипелага постоянно велись войны, и никакой дружбы между ними не существовало. Но затем этот маг по кличке Ястреб отыскал Кольцо в Гробницах Атуана и выкрал его, а вместе с ним выкрал и Верховную Жрицу Гробниц, которую вместе с Кольцом увез в Хавнор. Ну и довольно с него, Тхола, разговоров о том, что жителям западных островов можно доверять!

Посылая своих эмиссаров, Лебаннен терпеливо и вежливо доводил до сведения Тхола, что Кольцо Мира было, если уж с чего-то начинать, подарком Морреда Эльфарран, драгоценной реликвией, оставшейся после смерти самых любимых народом короля и королевы Архипелага. А также — вещь в высшей степени священной, ибо на нем была начертана Связующая Руна, могущественное благословляющее заклятие. Примерно четыре столетия назад Эррет-Акбе действительно отвез Кольцо на Каргадские острова как залог нерушимого мира. Однако жрецы Авабатха нарушили договор и сломали Кольцо. И всего лет сорок назад знаменитый волшебник Ястреб с острова Рок и Тенар с острова Атуан исцелили Кольцо. Как же теперь не говорить о мире?

Таково было основное содержание его бесконечных посланий Верховному Правителю Тхолу.

И примерно месяц назад, летом, вскоре после Долгого Танца, целая флотилия кораблей вошла в проливы мимо острова Фелкуэй, поднялась по узким фьордам Эбавнора и между скалами, точно ворота охранявшими вход в гавань Хавнора, направилась к причалам. Это были длинноносые корабли, выкрашенные красной краской и с красными парусами; на борту у них были украшенные перьями воины и эмиссары Верховного Правителя Каргада в немыслимо пышных одеяниях. Также там были замечены и каргадские женщины, с головы до ног закутанные в покрывала.

«Пусть же дочь Тхола, Верховного Правителя Каргада, восседающего ныне на троне великого Торега и являющегося прямым потомком великого Вулуа, носит на своей руке Кольцо Мира, подобно королеве Эльфарран с острова Солеа, и пусть это станет знаком вечного мира между западными и восточными островами!» Так гласило послание Тхола королю Лебаннену.

Послание было написано крупными ардическими рунами на пергаментном свитке, но, прежде чем вручить его королю Лебаннену, посланник Тхола прочел его вслух — чтобы слышали все! — во время приема, устроенного в честь столь представительной делегации в королевском дворце Хавнора, где присутствовал практически весь двор. Возможно, именно потому, что посол не столько читал послание, сколько выкрикивал по памяти каждое его слово, послание это прозвучало как ультиматум.

Сама же принцесса Каргада не сказала ни слова. Она стояла, окруженная десятком своих горничных или рабынь, сопровождавших ее во время путешествия в Хавнор, и придворные дамы, торопливо сменяя одна другую, выражали ей свое почтение и предлагали разнообразные услуги. Принцесса скрывалась под покрывалом, как то и полагалось знатым женщинам с острова Гур-ат-Гур. Это легкое покрывало красного цвета с изящной вышивкой золотом спадало с полей странноватого головного убора, весьма напоминавшего шляпу, и сама принцесса в нем была похожа на красный столб — безликая, неподвижная, молчаливая.

— Верховный Правитель Тхол оказывает нам великую честь, — сказал Лебаннен своим чистым, спокойным голосом. Он немного помолчал и обратился непосредственно к закутанной в покрывало принцессе: — Добро пожаловать в Хавнор, принцесса! — Принцесса не шелохнулась. Лебаннен, словно не заметив этого, велел: — Пусть досточтимую принцессу устроят в Речном Дворце — так, как того пожелает она сама.

Речной Дворец представлял собой прекрасное небольшое здание на северной окраине столицы, встроеное прямо в старинную городскую стену и украшенное просторными балконами-террасами, нависавшими над небольшой речкой Серренен. Дворец был построен еще королевой Геру, и потому его часто называли Домом Королевы. Когда Лебаннен взошел на трон, он приказал отремонтировать здание, сменить мебель и занавеси, а затем привел в порядок дворец Махариона, который стали называть Новым Дворцом и в котором теперь обитал сам Лебаннен. Речным Дворцом он пользовался только во время летних празднеств, а также иногда удалялся туда на несколько дней, чтобы отдохнуть от шумной дворцовой жизни.

И вот сейчас легкий шепоток пролетел по толпе придворных. Как? В Дом Королевы?

Обменявшись формальными любезностями с каргадскими эмиссарами, Лебаннен покинул зал и направился в свои покои, где смог наконец остаться в одиночестве настолько, насколько это позволено королю, — при нем был только его старый слуга Оук, которого Лебаннен знал с рождения.

Король Земноморья с гневом швырнул позолоченный свиток на стол и воскликнул:

— Сыр в мышеловке! — Его трясло от гнева. Выхватив из ножен кинжал, который он всегда носил с собой, он что было сил рубанул по свитку. — Партия разыграна отлично: у нее на руке Кольцо Мира, а у меня на шее — удавка!

Оук смотрел на него в недоумении. Даже в детстве принц Энлада Аррен никогда не терял самообладания! Мог, конечно, порой уронить одну-две слезинки да разок горько всхлипнуть, но не больше. Он был слишком хорошо воспитан и прошел отличную выучку, чтобы давать волю своему гневу или обиде. Став королем — причем заслужив свое королевство тем, что пересек царство мертвых! — он мог быть порой излишне суров, но никогда, как казалось Оуку, гордость и самообладание не позволяли ему показывать другим свой гнев.

— Нет, я не дам себя использовать! — прорычал Лебаннен и снова рубанул кинжалом по свитку. Лицо его потемнело от гнева, глаза стали словно незрячими, так что перепуганный старый слуга даже отшатнулся от него.

Лебаннен, впрочем, отлично это заметил. Он всегда успевал все замечать!

Он тут же сунул кинжал в ножны и сказал уже куда спокойнее:

— Клянусь моим именем, Оук, я уничтожу Тхола и все его королевство, но не позволю превратить меня в скамеечку для ног при его троне! — Потом он наконец перевел дыхание и сел, позволив Оуку снять с его плеч тяжелый, богато расшитый золотом королевский плащ.

Оук ни словом, ни вздохом никому не обмолвился об этой сцене, однако же во дворце мгновенно поползли слухи о том, что именно король намерен сделать с этой каргадской принцессой, а может, уже и сделал.

Он ведь так и не сказал, принимает ли он предложение взять принцессу в жены! Тогда как все сходились во мнении, что она была предложена ему именно в этом качестве. Слова по поводу Кольца Эльфарран весьма слабо скрывали истинный смысл этого предложения, или сделки, или даже угрозы. Однако Лебаннен не ответил: не сказал ни «да», ни «нет». Пока что его ответ Правителю Каргада (бесчисленное множество раз повторенный придворными) заключался в том, что принцессу рады видеть в Хавноре в качестве гостыи, что все здесь будет устроено для нее так, как она сама пожелает, и что жить ей следует в Речном Дворце: в Доме Королевы. Разумеется, это было неспроста! Но, с другой стороны, почему же не в Новом Дворце? Зачем отсылать ее на

противоположный конец города?

С момента коронации Лебаннена дамы из знатных семейств и принцессы из старинных княжеских родов Энлада и Эа, а также из Шелитха приезжали с визитами в королевский дворец — просто погостить или войти в число придворных Лебаннена. Всех их принимали и развлекали поистине по-королевски, и сам король с удовольствием танцевал у них на свадьбе, когда они, одна за другой, выходили за представителей столь же знатных родов или же за людей менее знатных, но достаточно богатых. Было хорошо известно, что король любит женское общество и женские советы, что он охотно станет флиртовать с хорошенькой девушкой и пригласит себе в советчицы умную женщину, которая, впрочем, тоже сможет его и поддразнить, и утешить. Но никогда даже и намек не было на то, что король намерен на ком-то из них жениться. И ни одну из этих дам никогда не селили в Речном Дворце!

У короля должна быть королева, неустанно повторяли его советники.

«Послушай, Аррен, тебе действительно пора жениться», — сказала ему мать, когда он в последний раз видел ее живой.

«Неужели у истинного наследника Морреда будет собственного наследника?» — удивлялся простой народ.

И всем им разными словами и способами он отвечал одно: дайте мне время. Королевство лежит в руинах, его нужно восстанавливать. Дайте мне возможность построить такой дом, который будет достоин моей королевы, и такое королевство, которым сможет легко управлять мой сын. И поскольку Лебаннена действительно очень любили, поскольку все верили в него, поскольку он все еще был достаточно молод, ему всегда удавалось уйти из рук самых ловких и целеустремленных девиц и в очередной раз мрачно заявить, что еще не пора.

Интересно, а что там, под этими неподвижными красными покрывалами? Кто там, внутри этого закрытого шатра? Придворные дамы, приписанные к свите принцессы, терялись в догадках. Хорошенькая ли она? Или безобразная? Правда ли, что она высокая и худая? А может, она — приземистая коротышка, белая как молоко и вся в оспинах? Или одноглазая? Волосы у нее, конечно, этого противного желтого цвета, как у всех каргов! А может, черные? Говорят, ей уже сорок пять! Хотя кто-то сказал, что всего десять и она просто болтливая дурочка. Ходили слухи и о том, что принцесса — невероятная красавица.

Постепенно слухи приобрели как бы одно направление. Она молода, хотя уже и не ребенок; волосы у нее не желтые, но и не черные; она довольно хорошенькая, по мнению некоторых придворных дам; несколько

грубовата, говорили другие. Но все дружно утверждали, что принцесса ни слова не знает из ардического языка и учить его не желает. Обычно она прячется за спинами своих служанок, а будучи вынужденной покинуть свои покои, тут же скрывается под красным покрывалом, скорее напоминающим шатер. Стало известно, что король нанес ей визит вежливости, но она ему даже не поклонилась и опять не сказала ни слова; она даже никакого приветственного жеста не сделала! Просто стояла и молчала, «как каминная труба из красного кирпича», по словам старой леди Йесы, возмущенной поведением принцессы до глубины души.

Лебаннен попытался говорить с принцессой через переводчиков, людей, которые когда-то служили его посланниками на Каргадских островах, а также с помощью посла Каргада, который очень хорошо знал ардический. С огромным трудом ему удалось передать ей свои комплименты и вопросы относительно ее собственных пожеланий и добиться какого-то ответа. Переводчики поговорили также со служанками принцессы, у которых покрывала были гораздо короче и не такие непроницаемые. Затем служанки собрались вокруг своей госпожи, по-прежнему похожей на неподвижно застывший красный столб, долго шептались и бормотали и наконец сообщили переводчикам, а те — королю, что принцесса всем довольна и ей ничего не требуется.

Принцесса Каргада прожила в Речном Дворце уже недели две, когда в Хавнор с Гонта прибыли Тенар и Техану. Лебаннен специально отправил за ними корабль с письмом, в котором умолял их приехать, хотя тогда каргадская принцесса еще не прибыла во дворец и никаких сложностей ни с ней, ни с королем Тхолом еще не возникло. В самый же первый раз, как только Лебаннен остался с Тенар наедине, он с отчаянием воскликнул:

— И что же мне с нею делать? Как поступить?

— Расскажи-ка мне обо всем подробно, — спокойно попросила Тенар, глядя на него, впрочем, с некоторым удивлением.

За эти годы Лебаннен не так уж много раз виделся с Тенар, хотя они переписывались. Она постарела, и ему было трудно привыкнуть к ее седым волосам. И она казалась ему меньше ростом, чем он ее помнил. И все же в ее обществе он сразу почувствовал себя таким, каким был пятнадцать лет назад. И он знал, что может сказать ей все, что угодно, и она все непременно поймет.

— Целых пять лет я налаживал торговлю с Каргадом, стараясь поддерживать с Тхолом мир, ибо он прежде всего военачальник и прежде всего думает о войне, а я не хочу, чтобы мое королевство грабили, как это было при правлении Махариона, драконы с запада, а пиратствующие

правители — с востока. Я правлю под Знаком Мира! Все, в общем, шло довольно неплохо, пока не случилось вот это. Пока он не прислал эту девицу и не заявил, что если мы хотим мира, то должны надеть ей на руку Кольцо Эльфарран. Твое Кольцо, Тенар! Твое и Геда!

Помолчав, Тенар возразила:

— Но она все же, в конце концов, его дочь.

— Что значит дочь для короля варваров? Всего лишь товар! Товар, с помощью которого можно заключить удачную сделку. Ты же прекрасно это понимаешь! Ты же родилась там!

Не похоже это было на него — так говорить, — он и сам это понимал. Он опустил на колени, поймал руку Тенар и прижал к глазам в знак раскаяния.

— Тенар, прости меня! Вся эта история раздражает меня донельзя. И я совершенно не представляю, что мне делать с этой девицей!

— Ну, поскольку ты ничего с ней и не делаешь, можешь пока подрейфовать на просторе... воспользоваться свободным временем и все обдумать. А может, у этой принцессы есть какие-то свои соображения на сей счет?

— Откуда у нее какие-то соображения? Она же все время прячется в своем красном мешке! И не желает не только разговаривать, но даже выглянуть наружу. Да она отлично сыграла бы роль крепезного шеста для солдатской палатки! — Лебаннен попытался рассмеяться собственной шутке. Его беспокоило собственное отвращение к этой незнакомой девушке, и он пытался как-то его погасить. — Дело в том, что все это произошло как раз тогда, когда пришли весьма тревожные вести с запада. Я ведь из-за них и просил вас с Техану приехать. Я не собирался забивать вам голову всей этой чепухой насчет женитьбы.

— Это совсем не чепуха, — сказала Тенар, но Лебаннен решительно сменил осточертевшую ему тему и заговорил о драконах, поскольку вести с запада были действительно очень тревожные.

Какое-то время Лебаннен вообще не вспоминал каргадскую принцессу — по крайней мере, большую часть времени он был занят совсем другими делами. Однако он прекрасно понимал, что не в его привычках игнорировать одно дело государственной важности за счет другого. И через несколько дней после разговора с Тенар он попросил ее посетить принцессу и попытаться вызвать ее на разговор. В конце концов, заключил он свою просьбу, они ведь говорят на одном языке.

— Я попробую, — сказала Тенар. — Я никогда не говорила прежде с жителями острова Гур-ат-Гур. На Атуане их считали варварами.

Это был упрек, и Лебаннен отлично все понял. Однако Тенар, разумеется, сделала то, о чем он ее просил, и вскоре сообщила, что они с принцессой отлично поняли друг друга, но девушка даже не представляла себе, что в мире могут существовать какие-то еще языки, кроме ее родного, и считала, что все здесь — придворные, дамы, слуги — просто злые безумцы, которые нарочно дразнят ее, болтая по-звериному и делая вид, что не знают человеческой речи. Насколько поняла Тенар, принцесса выросла в пустыне, в родовом поместье Тхола на острове Гур-ат-Гур, и лишь очень недолго прожила в императорском дворце в Авабатхе, а потом ее отослали в Хавнор.

— Она очень напугана, — сказала Тенар.

— И поэтому скрывается под своим колпаком? Да кем она, собственно, меня считает?

— А кем ей тебя считать? Она ведь тебя совершенно не знает.

Лебаннен нахмурился.

— Сколько ей лет?

— Совсем молоденькая. Но уже не девчонка.

— Я не могу жениться на ней, — сказал он с неожиданной решимостью. — Я отошлю ее назад.

— Возвращенная назад невеста будет обещана. И Тхол, вполне возможно, просто убьет Дочь, чтобы смыть позорное пятно со своего рода. И наверняка посчитает, что ты намеренно сделал это, желая обесчестить его самого.

Лебаннен глянул на Тенар с такой яростью, что она поспешила предупредить очередной взрыв гнева и сухо заметила:

— Варварские обычаи, ничего не поделаешь.

Лебаннен, размахивая руками, несколько раз пробежался по комнате и только потом заговорил:

— Ну что ж. Но я никогда не назову эту девицу королевой и не возведу ее на трон Морреда! Скажи, можно ли научить ее говорить по-ардически? Может она выучить хотя бы несколько слов? Или ее вообще ничему научить невозможно? Я велю передать Тхолу, что король ардического государства не может взять в жены женщину, которая не говорит на его языке. И мне все равно, приятно ему это будет слышать или нет. Ничего, хорошая оплеуха ему не повредит! К тому же это даст мне некоторую отсрочку.

— И ты попросишь ее выучить ардический язык?

— Как я могу попросить ее о чем-нибудь, если она все мои слова воспринимает как бред сумасшедшего? И какой, собственно, прок от моих

визитов к ней? Я думал, что, может, ты все объяснишь ей, Тенар... Ты же видишь, какой обман пытается совершить Тхол, используя собственную дочь для того, чтобы завладеть Кольцом Мира — тем Кольцом, которое нам принесла ты! — чтобы устроить мне ловушку! Нет, тут я не способен притворяться! Я очень хотел бы оттянуть время, чтобы пока хоть как-то сохранить мир с Каргадом. И больше ничего. Но даже и это обман, а обман — это всегда зло. В общем, скажи этой девушке то, что сочтешь нужным. А я с ней не желаю иметь ничего общего.

И Лебаннен вышел, горя праведным гневом, который, медленно остывая, превращался в неприятное мучительное чувство, весьма напоминавшее стыд.

Когда каргадские эмиссары объявили, что собираются уезжать, Лебаннен подготовил, тщательнейшим образом подбирая каждое слово, ответное послание Правителю Тхолу. Он выразил свое восхищение той великой честью, которая была ему оказана в связи с пребыванием принцессы в Хавноре, и сообщил, что с удовольствием вместе со своими придворными будет учить ее манерам, обычаям и языку своего королевства. Однако он ни словом не обмолвился ни о Кольце, ни о возможностях брака с принцессой.

На следующий день после своей беседы с молодым колдуном с острова Таон, которого терзали страшные сны, Лебаннен в последний раз увиделся с каргадскими послами и передал им свое письмо к Верховному Правителю. Сперва, правда, он прочел письмо вслух, чтобы слышали все присутствующие, — в точности так же, как каргадские эмиссары читали вслух письмо Тхола к нему, Лебаннену.

Посол выслушал его весьма благосклонно.

— Верховный Правитель будет очень доволен, — сказал он.

И весь вечер, обмениваясь любезностями с каргами и демонстрируя им те дары, которые он посылает Тхолу, Лебаннен ломал голову над тем, действительно ли так легко была воспринята его явная уклончивость, и в итоге пришел к единственно возможному выводу: карги прекрасно понимают, что теперь ему от этой принцессы не отделаться, и про себя воскликнул: НИКОГДА она не будет моей женой!

Он спросил, проедут ли гости мимо Речного Дворца, чтобы попрощаться с принцессой, но на него посмотрели с таким непроницаемо-тупым изумлением, словно он спросил, не собираются ли они сказать «до свидания» посылке, которую вручили по назначению. Лебаннен почувствовал, как в душе его снова закипает гнев. Видимо, это отразилось и на его лице, потому что посол глянул на него испуганно, и на устах его

появилась осторожная, умильная улыбка. Лебаннен взял себя в руки, улыбнулся и пожелал эмиссарам доброго пути и попутного ветра до самых Каргадских островов. А после прощального ужина он прямо из столовой прошел в свои покои.

Ритуалы и церемонии страшно ограничивали его свободу и занимали большую часть времени. Будучи королем, он вообще большую часть своей жизни вынужден был проводить на публике. Но поскольку он взошел на трон, до того пустовавший веками, и оказался во дворце, где не существовало, в сущности, никакого жесткого протокола, то ему удалось кое-что устроить по своему вкусу. Во всяком случае, он сразу отменил абсолютно все церемонии в королевской, то есть своей собственной, спальне. Ночи теперь принадлежали ему одному. Лебаннен пожелал доброй ночи Оуку, который непременно желал спать у него в прихожей, захлопнул за собой дверь и сел на постель. Он чувствовал себя очень одиноким, устал и был страшно сердит.

На шее, на тонкой золотой цепочке, у него висел маленький мешочек из золотой парчи, в котором хранился некий камешек — простой кусочек черной скальной породы с острыми краями. Лебаннен вытащил камешек, посмотрел на него, стиснул в ладони и долго сидел так, задумавшись.

Он старался не думать о каргадской принцессе и о том, что связано с ее появлением в Хавноре. Куда интереснее было думать о том колдуне, Олдере, и его снах. Но единственное, о чем мог думать Лебаннен, это болезненная зависть к этому Олдеру: ведь он побывал на Гонте, он довольно долго жил у Геда, разговаривал с ним!

Вот почему он чувствовал себя таким одиноким! Человек, которого он считал и называл своим Учителем, человек, которого он любил больше всех на свете, не хотел его видеть, не позволял ему приехать на Гонт, не подпускал его к себе и сам не желал к нему приехать!

Неужели Гед думает, что из-за того, что он утратил в царстве мертвых свое волшебное могущество, Лебаннен будет меньше его ценить? Что он будет его презирать, став королем?

Да, ему, Лебаннену, действительно дана сила властвовать над умами и сердцами людей, и подобная мысль иному могла бы показаться и не такой уж невероятной, однако Гед, конечно же, должен знать его лучше. По крайней мере, должен лучше думать о нем...

А может, поскольку Гед был его настоящим Учителем и наставником, ему невыносимо теперь быть просто одним из его подданных? Ведь и в самом деле, человеку немолодому, когда-то великому волшебнику, такое вынести трудно. Слишком уж резкой была перемена в статусах их обоих.

Но Лебаннен ясно помнил, как Гед, едва живой, все же нашел в себе силы и преклонил перед ним колена на вершине Холма Рок в тени крыльев огромного дракона. На глазах у всех Мастеров, среди которых он был наипервейшим. А поднявшись с колен, он поцеловал Лебаннена и велел ему править хорошо и справедливо. И называл его при этом «господин мой» и «дорогой мой друг»...

— Он подарил мне мое королевство, — сказал Лебаннен Олдеру. — Вот именно тогда, на Холме, он его мне и подарил. Целиком и по собственной воле.

И именно поэтому, наверное, Гед ни за что не желал приезжать в Хавнор и не позволял Лебаннену приехать к нему на Гонт даже за советом. Он отдал все свое могущество целиком, добровольно, не требуя платы, и, похоже, теперь не желал более ни во что вмешиваться, не желал отбрасывать свою тень, затмевая исходящий от молодого короля свет.

«Он покончил с делами», — сказал тогда Мастер Путеводитель.

Однако история, приключившаяся с Олдером, настолько, видимо, потрясла Геда, что он прислал его в Хавнор и в письме даже попросил Лебаннена в случае необходимости действовать по обстоятельствам.

Это действительно очень странно — и сама история Олдера, и слова Геда о том, что та стена, возможно, собирается рухнуть. Что бы это могло значить? И почему сны какого-то деревенского колдуна Гед воспринимает так серьезно?

Правда, Лебаннен и сам не раз видел во сне краешек той мертвой, иссушенной земли — хотя сны эти почти прекратились после того, как они с Верховным Магом Гедом добрались до острова Селидор, самого западного из всех островов Земноморья, и он последовал за Гедом в ту темную страну. Они тогда перебрались через каменную стену и стали спускаться вниз по склону холма к едва видимым городам, где тени мертвых стояли в дверях домов или бродили бесцельно по улицам, освещаемым лишь светом недвижимых звезд. Вместе с Гедом они прошли тогда всю эту страну насквозь, а потом снова пустились в еще более утомительное странствие — по темной долине, где даже трава не росла, где были только камни да пыль, — к подножию гор, которые назывались Горами Горя...

Лебаннен раскрыл ладонь, посмотрел на маленький черный камешек и снова сжал пальцы.

А из той долины, образованной руслом сухой реки, они, совершив то, зачем и явились в эту страну, вынуждены были уходить совсем другой дорогой — подниматься по отвесным склонам гор, ибо иного пути назад

для них не было. И они прошли по пути, запретному для мертвых. Они карабкались, ползли по острым скалам, и скалы эти ранили и обжигали им руки, а потом Гед не смог идти дальше, и Лебаннен нес его на руках, пока мог. Потом полз и тащил его за собой — до самого конца, до того безнадежного утеса, повисшего над бездной ночи. И вдруг выбрался вместе с ним к свету солнца, к шуму моря, волны которого разбивались о берег жизни...

Давно уже он так живо и с такими подробностями не вспоминал их страшное путешествие. Но черный осколок камня с Гор Горя всегда носил на груди, у самого сердца.

И он понял вдруг, что память о той стране, о ее тьме, о ее мертвой пыли всегда жила в его душе прямо под тонким слоем ярких и разнообразных проявлений повседневной жизни, хотя он всегда старался от этой памяти отвернуться, ибо ему невыносимо было сознание того, что в конце концов ему все-таки придется туда вернуться — навсегда! И когда он вернется туда, никого уже не будет рядом, и он тоже станет одним из тех, что стоят с пустыми глазами, неспособные вымолвить ни слова, в тени домов этих городов-призраков... Никогда больше не видеть солнца, не пить родниковой воды, не касаться теплой живой руки ближнего...

Лебаннен резко встал, стряхивая с себя мертвящее оцепенение. Что за страшные мысли приходят порой в голову! Он спрятал камешек в парчовый мешочек, разделся, приготовился ко сну, погасил свет и лег. И сразу же снова увидел все это: сумеречную серую страну, пыль, острые камни... Страна мертвых простиралась далеко-далеко, до самых черных остроконечных вершин, но там, где он сейчас оказался, можно было идти только вниз, все время вниз, в непроницаемую тьму. «А что там, в той стороне?» — спросил он у Геда, когда они поднимались по склонам Гор Горя, и тот ответил, что не знает этого, что, возможно, путь в том направлении и вовсе не имеет конца...

Лебаннен проснулся и сел, рассерженный и встревоженный столь навязчивыми мыслями о стране мертвых. Потом нашел глазами окно и стал смотреть туда. Окно выходило на север. Ему всегда нравился вид из этого окна — не на Хавнор, а на холмы предгорий и высокую седовласую вершину Онн. А за горой Онн невидимый, затерявшийся в просторах моря Эа, лежал его родной Энлад.

Лебаннен видел ясное ночное небо, летнее созвездие Сердце Лебедя, ярко светившее среди других созвездий, поменьше. Небо его королевства. Королевства света, королевства жизни, где звезды расцветают, точно белые цветы, на востоке и закрывают лепестки, гася свой яркий свет, на западе.

Нет, не станет он больше думать о том, другом королевстве, где звезды всегда остаются неподвижными, где в руках мужчины не хватает сил, где невозможно выбрать для себя единственно верный путь, потому что ни один путь там никуда не ведет!

Он еще долго лежал без сна и смотрел на звезды, а потом решительно отогнал болезненные воспоминания о стране мертвых и о Геде. И стал думать о Тенар, о звуке ее голоса, о том, как она ласково берет его за руку. Придворные всегда так церемонны, так осторожны, так боятся ненароком коснуться короля. А она — нет. Она никогда не боялась и, смеясь, брала его за руку. И вообще вела себя с ним куда смелее, чем его собственная мать.

Мать его звали Роза. Она была наследницей старинного княжеского рода Энлада и умерла от лихорадки два года назад, когда он плыл на корабле в Берилу, столицу Энлада, намереваясь затем посетить и другие острова моря Эа. Он узнал о ее смерти, когда прибыл в Берилу и вошел в свой дом, погруженный в траур.

Теперь его мать тоже там, в той темной стране. И если он явится туда и пройдет мимо нее по улице, она на него даже не взглянет, не заговорит с ним...

Лебаннен сжал кулаки. Потом встал, поправил простыни на постели, взбил подушки, снова лег и попытался расслабиться, отвлечься, думать о таких вещах, которые могут помешать ему снова мысленно вернуться ТУДА. И он стал вспоминать о том, какой была его мать при жизни, о ее нежном голосе и дивных темных очах под арками черных бровей, о ее изящных руках.

Потом он вдруг подумал о том, почему попросил Тенар приехать к нему. Он, конечно же, пригласил ее не только для того, чтобы спросить у нее совета. Тенар всегда была ему как мать, и он жаждал этой ее чистой материнской любви, жаждал сам дарить ей свою почтительную сыновнюю любовь. Такую любовь, которая ничего не принимает в расчет, но и не ставит никаких условий. Глаза у Тенар были светлые, серые, не черные очи, как у матери Лебаннена, но она всегда смотрела так, будто видела его насквозь, и с такой пронизательной нежностью, что ее просто невозможно было бы провести. Да он никогда и не пытался.

Лебаннен знал, что поступил правильно, став королем. Он знал, что хорошо исполняет свои обязанности. Но только с матерью или с Тенар он по-настоящему осознавал, что еще умеет сомневаться в себе и что на самом деле ему очень непросто быть королем.

Тенар знала Лебаннена с тех пор, когда он был совсем еще мальчишкой; она узнала его задолго до коронации, полюбила сразу и

любила его всегда — ради него самого, ради Геда, ради себя самой. Он стал для нее таким сыном, который никогда не сможет разбить матери сердце.

Однако теперь он явно огорчал Тенар, несправедливо относясь к этой бедной девочке с острова Гур-ат-Гур и продолжая на нее сердиться.

Тенар присутствовала на церемонии прощания короля с эмиссарами из Авабатха — Лебаннен попросил ее об этом, и она рада была удовлетворить его просьбу. Она, правда, думала, что эти высокопоставленные карги будут ее сторониться или, по крайней мере, посматривать на нее косо, с явным неодобрением: ну как же — жрица-отступница, которая помогла «этому проклятому колдуну и вору» выкрасть из Сокровищницы Гробниц Атуана кольцо Эррет-Акбе, а потом предательски бежала с ним в Хавнор. Это ведь отчасти и ее рук дело, что в Земноморье вновь появился настоящий король. Так что гости с Каргадских островов вполне могли все это поставить ей в упрек.

Между прочим, правитель Тхол, который родом с Гур-ат-Гура, восстановил те древние храмы, что посвящены Богам-Близнецам и Безымянным, а она, Тенар, вместе с Гедом некогда эти храмы осквернила и разрушила. Ее предательство, таким образом, носило не только политический, но и религиозный характер.

Однако все это случилось очень давно, больше сорока лет назад, и с тех пор стало почти легендой. К тому же государственные мужи помнят обычно только то, что им хочется помнить. Посол даже специально испросил у нее аудиенции — столь почитаемой особой она ему казалась при дворе Лебаннена — и приветствовал ее изысканно, осторожно и чрезвычайно почтительно, причем, как ей показалось, почтение его было вполне искренним. Он называл ее Госпожа Ара, Поглощенная, Единственная Вечно Возрождающаяся и т. п. Ее уже много лет никто так не называл, и все эти имена звучали для нее немного странно, однако она испытывала острое и печальное наслаждение, слыша родной язык и обнаружив, что вполне способна его понимать и говорить на нем.

Так что Тенар не без удовольствия пришла попрощаться с послом и его свитой и попросила заверить Верховного Правителя Каргада, что у его дочери все хорошо и она выглядит поистине очаровательно. Тенар в последний раз с любовью смотрела на этих высоких, грубо сколоченных мужчин со светлыми волосами, заплетенными в косы, в украшенных перьями головных уборах и парадных серебряных доспехах, тоже украшенных перьями. Пока она жила в стране каргов, ей довелось видеть крайне мало мужчин: в Священном Месте, среди Гробниц Атуана, она видела только женщин да евнухов.

Когда прощальная церемония была окончена, Тенар вышла во дворцовый парк. Летняя ночь была теплой и какой-то тревожной; цветущие садовые кустарники шуршали под ночным ветерком. Звуки большого города, доносившиеся из-за высоких дворцовых стен, напоминали шелест тихих волн, набегающих на берег. Парочка молодых придворных в обнимку прогуливалась под тенистыми деревьями, и Тенар, чтобы их не тревожить, быстро прошла в противоположный конец сада, где некоторое время посидела у фонтанов и пышных кустов роз.

А Лебаннен вышел из зала, опять хмурясь, опять чем-то недовольный. Да что с ним такое творится?! Насколько знала Тенар, он никогда прежде не восставал против тех формальных обязанностей, которые должен выполнять, будучи королем. И он, конечно же, не мог не понимать, что король рано или поздно должен жениться и что у королей обычно выбор не так уж велик. Он не мог не понимать, что народ хочет иметь и королеву, и наследников трона. Но до сих пор он абсолютно ничего не предпринимал в этом направлении. Придворные дамы и служанки были просто счастливы, когда им удавалось посплетничать с Тенар насчет многочисленных возлюбленных короля; причем ни одна из этих женщин ровным счетом ничего не потеряла, когда всем стало известно, что она какое-то время была королевской любовницей. Лебаннен все подобные делишки улаживал в высшей степени успешно, но не мог же он ожидать, что так будет продолжаться вечно? И почему, интересно, его до такой степени злит предложение короля Тхола? Ведь это вполне приемлемое решение многих проблем.

А может, все же не вполне приемлемое? Особенно в том, что касается самой принцессы.

Тенар действительно собиралась научить эту девушку хотя бы нескольким предложениям ардического языка. А потом подыскать среди придворных дам таких, которые сумеют доброжелательно обучить ее придворным манерам и этикету — сама-то она этому ее научить, безусловно, не могла. Впрочем, ей куда милей была пресловутая «невоспитанность» каргадской принцессы, чем изысканная светскость и неискренность придворных.

Она негодовала, видя полную неспособность Лебаннена поставить себя на место этой несчастной девочки. Неужели он не может представить, каково ей приходится? Выросла на женской половине дворца-крепости военачальника, в безлюдной пустыне, где, возможно, других мужчин, кроме отца, дядьев да нескольких священнослужителей, ни разу в жизни не видела, а потом вдруг ее вырвали из этой монотонной, неизменной и

неподвижной жизни какие-то незнакомые люди, заставили пуститься в долгое и страшное путешествие по морю и бросили среди людей, о которых она знала одно: это не имеющие никакой веры кровожадные чудовища, они живут «на краю света» и все являются «проклятыми колдунами», то есть способны превращаться во что угодно — в животных, в птиц... Боги! И за одного из них ей предстояло выйти замуж!

Сама Тенар оказалась способна оставить родину и отправиться жить среди «этих чудовищ с запада», потому что рядом с нею был Гед, которого она полюбила и которому всецело доверяла. Но даже и при этом условии все оказалось далеко не так просто, и мужество не раз изменяло ей. Несмотря на все оказанное ей жителями Хавнора гостеприимство и почтение, несмотря на то, что толпы людей на улицах выкрикивали похвалы в ее адрес и всяческие поздравления, осыпая ее цветами и ласково-уважительными прозвищами — Белая Дама, Носительница Мира, Тенар Кольца, — она тогда тоже предпочитала прятаться в своей комнате и чувствовала себя глубоко несчастной, никому не нужной и совершенно одинокой. Никто вокруг не говорил на ее родном языке, и она не знала и не понимала большей части тех вещей, которые всем этим людям были так хорошо знакомы. Как только всеобщее ликование по поводу возвращения Кольца Мира и бесконечное празднование подошло к концу, она стала умолять Геду увезти ее из Хавнора туда, куда он ей обещал, и он свое обещание сдержал: ускользнул незаметно из дворца с нею вместе на Гонт. Там она поселилась в доме старого Огиона как верный страж, служанка и ученица и стала набираться опыта и ума. Учиться быть жительницей Архипелага пришлось долго, пока наконец она сама не увидела тот путь, по которому хотела бы пойти как взрослая и самостоятельная женщина.

Она была моложе этой принцессы — когда прибыла в Хавнор с Кольцом Мира. Но все же была уже не такой беспомощной и хорошо знала, что такое власть над людьми, хотя ее власть в качестве Единственной была скорее номинальной, связанной с отправлением различных обрядов и церемоний. По-настоящему она взяла в руки собственную судьбу, когда порвала с суровыми законами, в рамках которых выросла, и отвоевала свободу для своего узника и для себя самой. Но эта принцесса, дочь военачальника, царька, могла «властвовать» только у себя на женской половине дома. Когда отец ее стал правителем всей страны, ее начали называть принцессой, ей дарили роскошные одежды, у нее в услужении стало больше рабынь и евнухов, а в ушах и на пальцах — больше драгоценностей, но потом все равно ей предстояло и самой быть «подаренной» бы кому-нибудь в качестве платы за выгодную сделку, и ее

слово при заключении этой сделки никакого веса бы не имело. Внешний мир открывался ей только в узкие окна на женской половине дворца или же сквозь бесчисленные слои покрывал.

Думая о ней, Тенар говорила про себя, что ей самой еще здорово повезло: она родилась не на таком отсталом и варварском острове, как Гур-ат-Гур, и никогда не носила дурацких покрывал «фейяг». Однако она хорошо представляла себе, что значит расти в тисках железных традиций, и намерена была сделать все, что в ее силах, чтобы помочь принцессе. Но оставаться в Хавноре надолго она все же не собиралась.

Быстрым шагом прохаживаясь по саду и любуясь мерцавшими в лунном свете фонтанами, Тенар прикидывала, когда сможет отправиться домой.

Она не возражала против правил придворной жизни, прекрасно понимая, что под этой лощеной светскостью кипит настоящее рагу из амбиций, соперничества, страстей, тайных сговоров и соучастия в преступлениях. Она и сама выросла, невольно участвуя в бесконечных ритуальных действиях, видя неприкрытое лицемерие и тайные политические игры, и ничто из этого ее не пугало: скорее все это ей было безразлично. Она просто скучала по дому и стремилась вновь оказаться на ставшем ей родным Гонте, рядом с Гедом, в их домике на утесе.

Она приехала в порт Хавнор, потому что Лебаннен послал за ними — за ней и за Техану. И за Гедом. Но Гед поехать не пожелал. А Техану ни за что без нее не поехала бы. Вот это действительно пугало Тенар и очень ее тревожило. Неужели девочка так и не сможет от нее оторваться? Ведь Лебаннену был нужен именно совет Техану, а не ее, Тенар. Но названная дочь льнула к ней и чувствовала себя настолько же неудобно в королевском дворце Хавнора, как и та девушка с острова Гур-ат-Гур, и точно так же все время молчала и пряталась.

Так что теперь, видно, ей, Тенар, придется играть роль няньки, наставницы и компаньонки для обеих. Для двух насмерть перепуганных девчонок, которые не знают, как совладать с собственной силой. Ну, а ей самой ни силы, ни власти не нужно; ей нужна свобода, чтобы можно было немедленно отправиться домой, куда она стремилась всем сердцем, и помочь Геду возделывать их сад.

Как же ей хотелось, чтобы и у них возле дома могли расти такие же белые розы, как в этом саду! В ночном воздухе их аромат просто околдовывал. Но у них, возле водопада, место чересчур ветреное, да и солнце летом жжет совершенно безжалостно. Да и от коз нигде спасения не найдешь...

Нагулявшись и немного придя в себя, Тенар вернулась во дворец и направилась по восточному крылу в предоставленные им с Техану покои. Техану спала — было уже за полночь. Крошечный огонек — не больше крупной жемчужины — светился на дне маленького изящного светильника из белого алебаstra. Просторная комната с высокими потолками была уютной, полной ночных теней. Тенар задула огонек в светильнике, легла в постель и вскоре начала погружаться в сон.

Ей снилось, что она идет по узкому каменному коридору со сводчатым потолком и несет этот алебастровый светильник. Бледный кружок света падает от него на пол, освещая ей путь. Она, минуя какую-то незнакомую комнату, попадает в другой, более широкий коридор, который приводит ее в помещение, где множество людей с крыльями, как у птиц. У некоторых из них птичьи головы — каких-то хищников вроде ястреба. И все эти люди стоят или сидят на корточках без движения, не глядя ни на нее, ни вообще на что бы то ни было конкретно, и глаза у них тоже птичьи — круглые, обведенные бело-красным ободком. Приглядевшись повнимательнее, она видит, что крылья у них похожи на огромные черные плащи и безжизненно висят за спиной. Летать они явно не способны. И люди эти так печальны, смотрят так безнадежно, а воздух в комнате такой затхлый и противный, что она резко поворачивается, чтобы убежать прочь, но не может даже пошевелиться.

Тенар проснулась, все еще сражаясь с этим оцепенением. Вокруг качались теплые тени, за окном светили звезды. До нее доносился аромат роз, негромкий шум большого города, дыхание спящей Техану...

Она села, чтобы окончательно стряхнуть с себя кошмарный сон. Это ведь была Расписная Комната из Лабиринта! Там, под Гробницами, она впервые встретила Геда. И было это сорок лет назад. Только во сне рисунки, что были сделаны когда-то на стенах той комнаты, вдруг ожили. Хотя, конечно же, это была не жизнь. Это было бесконечное, безвременное, бессмысленное существование тех, кто умер без надежды на возрождение; тех, что были отринуты Безымянными; неверных, людей с запада, «проклятых колдунов»...

После того как умрешь, непременно нужно возродиться. Таково было твердое знание, с которым она была воспитана. Когда, еще совсем ребенком, ее взяли к себе жрицы Гробниц и стали воспитывать из нее Ару, Поглощенную, она сразу узнала, только она, единственная из всех людей, уже не раз возрождалась и будет возрождаться и проживать одну жизнь за другой. Иногда она этому верила, но не всегда; а когда стала Единственной, когда ей начали оказывать должное уважение как Верховной Жрице

Гробниц, верить перестала совсем. Но она верила в то, во что верят все обитатели Каргадских островов: когда человек умирает, он обязательно возрождается, только в новом теле, в новом обличье. Светильник, который только что погас, вновь вспыхивал где-то в тот же самый момент — младенцем во чреве женщины, или зародышем в крошечной икринке гольяна, или в несомом ветром семечке дикой травы, — каждая душа возвращалась, чтобы БЫТЬ СНОВА, чтобы, забыв о старой жизни, освеженной вступить в новую жизнь, в жизнь после жизни, в вечность.

Однако та жизнь после жизни, о которой ей рассказывал Гед, та страна, куда, по его словам, уходят люди после смерти, та безлика и никогда не меняющаяся страна, покрытая холодной пылью и населенная теньями, — разве это жизнь? Такая «жизнь» казалась Тенар просто ужасной, пугающей.

Вопросы, не имевшие ответа, теснились у нее в голове: все это произойдет и с ней, потому что она больше уже не может считать Каргад своей родиной, потому что она предала Святые Места... Неужели поэтому она будет так наказана? Должна будет отправиться в ту безжизненную темную страну? Неужели и Гед должен уйти туда? Неужели там они будут равнодушно смотреть друг на друга, не любя, ни о чем не жалея? Это же невозможно! Но если он должен будет отправиться туда, а она возродится снова, то их расставание станет вечным!

Нет, нельзя думать об этом! И совершенно ясно, почему ей приснилась та Расписная Комната. Она часто снилась ей в те годы, когда Тенар оставила позади все, что было связано с ее прошлым, с Гробницами Атуана. А теперь вот она поговорила с каргадскими посланниками на родном языке и снова все вспомнила. И все-таки тревога не утихала в ее душе. Она не хотела, чтобы возвращались кошмары ее юности. Боги, хоть бы поскорее вернуться домой, лежать по ночам рядом с Гедом, слушать сонное дыхание Техану!.. Гед спал всегда очень тихо и лежал совершенно неподвижно, как каменный; но в горле Техану огонь все-таки навсегда оставил свой след, и дыхание у нее всегда было хрипловатым, затрудненным. Тенар привыкла прислушиваться к ее дыханию ночь за ночью, год за годом. Это была жизнь, это была вернувшаяся жизнь, это был самый дорогой ее сердцу звук — чуть хрипловатое дыхание ее приемной дочери.

И сейчас, тоже слушая дыхание Техану, она наконец уснула. И во сне видела — если ей вообще что-то снилось — только потоки воздуха где-то в поднебесье и расцвеченное полосами утренней зари небо.

Олдер проснулся очень рано. Котенок всю ночь вел себя беспокойно, а потому и сам он спал плохо и был даже рад наконец встать, подойти к окну, усесться там поудобнее и с сонным видом смотреть, как над заливом разгорается заря, как выходят в море рыбацьи суденышки с повисшими от серого тумана парусами, как пробуждается навстречу дню весь город. К тому времени, как Олдер окончательно проснулся и начал подумывать о том, что стоило бы, наверное, пройти по лабиринту дворцовых залов и коридоров и выяснить, что ему делать дальше, в дверь его комнаты постучали. Вошел слуга, который принес на подносе свежие фрукты, свежий хлеб и кувшин молока, а также небольшой кусочек мяса — для котенка.

— Я еще зайду, как только пять протрубят. К королю пойдем! — торжественно сообщил он. А потом обычным тоном рассказал Олдеру, как удобнее пройти в сад, если он захочет прогуляться.

Олдер знал, конечно, что от полуночи до полудня проходит шесть часов, а от полудня до полуночи еще шесть, но он никогда не слышал, чтобы часы ТРУБИЛИ, и ему было очень интересно, что этот слуга имел в виду.

Вскоре он все узнал. Оказалось, что в Хавноре время отмечают так: четыре трубача выходят на самый верхний балкон дворца — выше его только башня, на которой красуется меч героя, — и в четвертый, а также в пятый час до полудня, ровно в полдень, а затем в первый, второй и третий час после полудня дуют в свои трубы. При этом один стоит лицом к западу, второй — к северу, третий — к востоку, четвертый — к югу. Так что придворные во дворце, купцы и шкиперы в порту, а также все жители Хавнора могут как-то приноровить свои дела и встречи к этим указателям времени. Об этой интересной традиции Олдеру рассказал какой-то мальчик, с которым он познакомился, гуляя в саду. Мальчик был маленький, худенький, в длинной рубахе, которая была ему слишком велика, но разговор вел, как взрослый. Он также объяснил Олдеру, что трубачи точно знают, когда им дуть в свои трубы, потому что в башне есть большие песочные часы, а еще — Маятник Атха, свисающий почти до полу с самой высокой точки потолка, и если этот маятник запустить одновременно с началом того или иного часа суток, то он будет качаться ровно до начала следующего часа. Мальчик сказал Олдеру, что трубачи исполняют на своих трубах различные отрывки из песни «Плач по Эррет-Акбе», которую король Махарион написал, вернувшись с Селидора, и для каждого часа исполняется какая-то одна из частей плача, а в полдень они играют всю мелодию целиком. И если тебе нужно быть в каком-то месте в

точно назначенный час, то следует поглядывать на верхний балкон башни, потому что трубачи всегда выходят на него чуть раньше, и если светит солнце, их серебряные трубы так и сверкают в солнечных лучах. Мальчик сообщил, что его зовут Роди и он приехал сюда с отцом, правителем города Метама, что на острове Арк. Этот год он проведет в Хавноре и уже поступил в школу при королевском дворце; ему девять лет, и он очень скучает по матери и сестре.

Олдер вернулся к себе как раз вовремя: слуга уже поджидал его. На этот раз Олдер волновался гораздо меньше. Видимо, беседа с мальчиком напомнила ему о том, что дети правителей — это всего лишь дети, а сами правители — всего лишь люди и бояться ему следует совсем не людей.

Провожатый долго вел его по дворцовым коридорам и наконец остановился перед дверями, за которыми был виден продолговатый и просторный светлый зал с окнами, расположенными вдоль одной из длинных стен и смотревшими прямо на башни Хавнора и на его фантастические мосты, арками повисшие над каналами или над узкими улицами города, словно перепрыгнув с крыши на крышу, с балкона на балкон. Стоя на пороге, Олдер нерешительно поглядывал на окна, но не был уверен, что ему уже можно войти. У противоположного конца комнаты он увидел группу людей и среди них короля.

Король, видимо, Олдера ждал. Заметив его в дверях, он сам подошел к нему, приветливо с ним поздоровался и по очереди представил ему всех присутствующих.

Олдер сразу выделил среди них одну женщину — лет пятидесяти, маленькую, очень светлокожую, с сидящими волосами и большими серыми глазами. Это Тенар, сказал ему, улыбаясь, король. Тенар Кольца. Тенар посмотрела Олдеру прямо в глаза и тихим голосом поздоровалась с ним.

Молодого мужчину — он показался Олдеру примерно ровесником короля, — одетого в бархатный камзол и тончайшую сорочку, Лебаннен представил как «шкипера Тослу». На перевязи у шкипера Тослы сверкали драгоценные камни, а в мочке уха красовалась серьга с огромным рубином. Лицо Тослы, темное, как древесина старого дуба, было живым и одновременно суровым.

Человек средних лет, одетый просто и смотревший на Олдера очень спокойно, оказался принцем Сеге из старинного Дома Хавнора. Олдеру сразу показалось, что этому человеку можно доверять.

У одного мужчины лет сорока был в руках деревянный посох, и Олдер сразу признал в нем волшебника с острова Рок. У волшебника было худое,

какое-то изможденное лицо, красивые руки с тонкими пальцами и несколько отчужденная, хотя и довольно приятная, манера держаться. Мастер Оникс — так представил его король.

А еще одну женщину Олдер сперва принял за служанку, потому что она была одета чуть ли не по-деревенски и скромно стояла в сторонке, даже как будто специально отвернувшись от остальных, и смотрела в окно. Ему бросились в глаза ее прекрасные волосы, которые темным блестящим водопадом спадали ей на плечи и струились по спине. Заметив взгляд Олдера, Лебаннен подвел эту женщину к нему и сказал: «А это Техану с острова Гонт», — и в голосе его зазвенела бронза, словно он кому-то бросал вызов.

Техану подняла голову и посмотрела Олдеру прямо в глаза. Она была молода; левая сторона ее лица была прелестна — нежнейшая кожа цвета спелого персика, огромный темный блестящий глаз под изогнувшейся дугой бровью, — но правая сторона оказалась совершенно изуродованной и представляла собой один сплошной корявый и страшный шрам, а глаза не было видно вообще. И правая рука ее тоже походила на воронью лапку с одним сломанным когтем.

Здороваясь с Олдером, она, как и все жители Энладских островов, а также все присутствовавшие в этом зале, протянула ему руку, но то была ее левая рука. Он приложил свою ладонь к ладони Техану и почувствовал, как горяча ее ладонь, точно у девушки сильный жар. Она снова посмотрела на него — теперь удивленно. Удивление было написано в ее единственном, поистине прекрасном глазу. Но за удивлением в этом ярком, блестящем глазу таилась странная свирепость, неведомый мрак. Потом Техану снова потупилась и чуть отступила назад, словно ей не хотелось стоять среди всех этих людей, не хотелось вообще быть здесь.

— Мастер Олдер привез тебе с Гонта привет от твоего отца, — сказал король, видя, что сам гонец безмолвствует.

Но Техану даже головы не подняла. Блестящая черная волна волос почти полностью скрывала изуродованную половину ее лица.

— Госпожа моя, — начал Олдер, чувствуя, что в горле у него совершенно пересохло и голос звучит хрипло, — Ястреб также просил меня задать тебе два вопроса... — Он умолк, чтобы облизнуть пересохшие вдруг губы, и вдруг его охватила паника: ему показалось, что он совершенно забыл, что именно должен у нее спросить. Все спокойно ждали, когда он заговорит снова, и в этой выжидающей тишине голос Техану прозвучал еще более хрипло, чем у Олдера:

— Задай их.

— Он велел сперва спросить: «КТО ОНИ ТАКИЕ, ТЕ, КТО ОТПРАВЛЯЕТСЯ В СУХУЮ СТРАНУ?» А потом, когда я уже уезжал, он сказал: «Спроси у моей дочери вот еще что: СМОЖЕТ ЛИ ДРАКОН ПЕРЕЛЕТЕТЬ ЧЕРЕЗ КАМЕННУЮ СТЕНУ?»

Техану кивнула в знак того, что поняла его вопросы, и еще немного отступила назад, словно желая унести эти загадки с собой, подальше ото всех.

— Сухая земля, — промолвил задумчиво король, — и драконы?

Он живо смотрел то на Олдера, то на Техану.

— Ну что ж, — предложил он всем, стряхнув с себя раздумья, — пойдемте сядем и поговорим как следует.

— Может быть, мы могли бы поговорить в саду? — спросила маленькая сероглазая женщина по имени Тенар, и король сразу же с этим предложением согласился. Олдер слышал, как Тенар говорила королю на ходу: — Ей немного тяжело в этот день находиться в доме. Ей хочется неба! — И Олдер догадался, что она имела в виду Техану.

Садовники принесли кресла и расставили их в тени огромной старой ивы на берегу пруда. Техану сразу прошла к воде и стала глядеть в ее зеленую глубину, где лениво кружили крупные серебристые карпы. Ей явно хотелось подумать над вопросами отца, а не вести глубокомысленные беседы, хотя и оттуда, где она сейчас стояла, ей было все отлично слышно.

Когда все удобно устроились в креслах, король велел Олдеру вновь поведать свою историю. Собравшиеся слушали его в полном молчании, но молчание это было исполнено сочувствия, и Олдер оказался вполне способен рассказывать без особого напряжения и не спеша. Когда он умолк, все тоже некоторое время молчали, потом волшебник Оникс спросил его:

— Тебе вчера ночью снились сны?

И Олдер ответил, что ТАКИХ снов ему не снилось, а других он не запомнил, если они и были.

— А мне вчера снился Мастер Заклинатель, который был моим Учителем в Школе, — сказал Мастер Оникс. — О нем еще говорят, что он «умер дважды», потому что ему удалось вернуться из той страны, что лежит за каменной стеной.

— А мне снились души тех людей, которые не обрели второго рождения, — очень тихо промолвила Тенар.

— Всю ночь, — сказал принц Сеге, — мне мерещилось, что я слышу голоса тех, кого знал еще в детстве; эти люди звали меня, окликали по имени — все как обычно. Но когда я прислушался, оказалось, что это всего

лишь сторожа на улицах города или пьяные моряки.

— А мне сны никогда не снятся, — сказал шкипер Тосла.

— Мне, правда, та страна сегодня не снилась, — сказал король, — но я ее вспоминал. И никак не мог отогнать эти воспоминания.

Он посмотрел на молчавшую Техану, но та не сводила глаз с зеленоватой воды в пруду и не промолвила ни слова.

Все снова погрузились в молчание, и Олдер не выдержал:

— Если я разношу какую-то заразу, вы должны просто отослать меня прочь! — воскликнул он.

Волшебник Оникс тут же возразил — не то чтобы властно, но очень решительно:

— Если Рок послал тебя на Гонт, а Гонт послал тебя в Хавнор, то тебе следует находиться именно в Хавноре!

— Когда умных голов слишком много, мысли порой получают слишком легкие, — язвительно заметил Тосла.

— Давайте на время отставим сны в сторону, — решительно предложил Лебаннен. — Нашему гостю, по-моему, нужно понять, что именно беспокоит нас и беспокоило задолго до того, как он сюда явился. Ведь ради этого я и просил приехать в Хавнор Тенар и Техану, ради этого заставил Тослу прервать его странствия. Может быть, ты и расскажешь Олдеру обо всем, Тосла?

Темнокожий шкипер кивнул, и рубин у него в ухе сверкнул, точно капля свежей крови.

— Все дело в драконах! — сразу заявил он. — Ты, может, знаешь, Олдер, что в Западном Пределе они вот уже несколько лет совершают налеты на острова Улли и Усидеро, сжигая порой целые деревни. Они летают низко, чуть ли не цепляясь когтями за крыши домов и до смерти пугая людей. А в Торингейтс они прилетали уже дважды и всегда во время сбора урожая. Там они сожгли все зерно, подожгли множество стогов сена и немало тростниковых крыш в селениях. На людей они прямо не нападали, но многие тамошние жители погибли в огне. Не нападали они и на дома лордов в поисках сокровищ, как делали это в Темные Времена. Нет, они нападали только на дома и поля крестьян! Примерно такие же вести принесли купцы, побывавшие на далеком острове Симой, расположенном на юго-западной окраине Земноморья. Этот остров живет продажей зерна, так драконы выжгли там все поля как раз перед самой уборкой!

— А прошлой зимой два дракона поселились на вершине вулкана горы Анданден на острове Семел, — подсказал кто-то.

— Ах! — вырвалось у Оникса, и в ответ на вопросительный взгляд короля он объяснил: — Волшебник Сеппель с Пальна рассказывал мне, что эта гора считалась у драконов священной; когда-то они специально прилетали туда, чтобы испытать огня из недр земных.

— В общем, они вернулись, — продолжал Тосла. — И теперь то и дело истребляют стада коров и овец, которые составляют главное богатство западных островов. Причем они даже не наносят животным физического ущерба; они просто пугают их настолько, что те срываются с привязи, перепрыгивают через изгородь и убегают. А потом гибнут или дичают. Люди говорят, что налеты совершают в основном молодые драконы, черные и тощие, которые, собственно, и пламя-то еще изрыгать не научились.

А на Пальне драконы теперь проживают постоянно — в гористой северной части острова, в диком краю, где нет никаких крестьянских хозяйств. Раньше охотники специально отправлялись туда, чтобы поохотиться на горных коз и баранов или поймать сокола, чтобы потом приручить его. Но охотников драконы оттуда прогнали; теперь к этим горам никто даже близко не подходит. Твой пальнийский приятель, Оникс, верно знает об этом?

Оникс кивнул.

— Он говорит, что драконы летают над этими горами стаями, как дикие гуси, — сказал он.

— Между прочим, Пальн и Семел от Хавнора отделяет только море, — заметил принц Сеге.

А Олдер подумал о том, что от Семела до Таона меньше ста миль.

— Наш Тосла плавал к островам Драконьи Бега на своем судне «Крачка», — сказал король, — и он...

— Сумел увидеть лишь очертания самых восточных из этих островов! — прервал его Тосла с недоброй усмешкой. — На меня там обрушилась целая стая этих чудовищ! Они гнали меня, как волки загоняют коров или овец. Они камнем падали вниз, цеплялись за паруса, грозили огнем, так что я в полной скорости бросился удирать. Так что ничего нового я не узнал.

Оникс снова согласно кивнул.

— Никому, кроме Повелителя Драконов, никогда не удавалось доплыть до Драконьих Бегов, — сказал он.

— Мне удавалось! — воскликнул король и улыбнулся широкой мальчишеской улыбкой. — Но я был вместе с Повелителем Драконов... И теперь я все время вспоминаю то путешествие. Когда мы с Верховным

Магом были в Западном Пределе и искали там Коба-некроманта, то, проплывая мимо острова Джесседж, который находится совсем в стороне, даже дальше, чем остров Симли, мы видели много выжженных полей. А на островах Драконьи Бега мы видели, как драконы дрались и убивали друг друга, точно вдруг заболели бешенством!..

Все снова помолчали. Потом принц Сеге спросил:

— А не может ли быть, что некоторые из тех драконов, которых вы тогда видели, так и не излечились от своего безумия?

— С тех пор прошло более пятнадцати лет, — сказал Оникс. — Впрочем, драконы живут очень долго. Может быть, для них время течет иначе, чем для нас...

Олдер заметил, что, говоря это, волшебник поглядывает на Техану, которая по-прежнему стояла отдельно ото всех на берегу пруда.

— И все же на людей они нападают лишь в последние год-два, — задумчиво сказал принц Сеге.

— Как будто они этого не делали раньше! — возразил Тосла. — Если дракон захочет уничтожить какую-нибудь крестьянскую семью или даже целую деревню, то кто его остановит? Да они всегда на людей охотились! Урожай в поле, собранное в стога сено, крестьянский дом, скотина... Им все равно. Они одно твердят: убирайтесь! Вон с нашего запада!

— Но почему они требуют этого? И почему опять опустошают наши земли, изрыгая пламя? — воскликнул волшебник. — Они ведь способны и поговорить с людьми! Язык Созидания — это их родной язык, и Морред, Эррет-Акбе и наш Верховный Маг говорили с драконами.

— Те, которых мы видели на Драконьих Бегах, — сказал король, — утратили эту способность. Страшная брешь, которую Коб проделал в ткани мироздания, утягивала из драконов их силу и разум. Как, впрочем, и из людей. Только великий дракон Орм Эмбар сохранил способность говорить. Он тогда прилетел к нам, поговорил с Верховным Магом и велел ему отправляться на Селидор... — Лебаннен помолчал, взгляд его стал туманным, мысли были где-то далеко-далеко... — Но даже и у Орм Эмбара была в итоге отнята речь еще до того, как он погиб. — В глазах Лебаннена вспыхнул какой-то странный свет, он отвернулся и горестно воскликнул: — Это ведь ради нас умер великий Орм Эмбар! Это он открыл нам путь в темную страну!

Долгое время все молчали. Затянувшееся молчание нарушил тихий голос Тенар:

— Как-то раз Ястреб сказал мне... погодите-ка, дайте вспомнить как следует, как именно он это сказал: дракон и речь дракона — это одно и то

же, единое существо, примерно так. И он еще сказал, что драконы НЕ УЧАТ Истинную Речь, она для них родная. Дракон — это и ЕСТЬ сама Истинная Речь, ее сущность — так он говорил.

— Как сущность крачки — полет. А сущность рыбы — движение в воде, — подхватил Оникс. — Да, это верно.

Техану теперь внимательно слушала, по-прежнему неподвижно стоя на берегу пруда, и все вдруг посмотрели на нее. И особенно ищущим, настойчивым был взгляд ее матери. Техану смутилась и отвернулась.

— Как можно заставить дракона говорить с тобой? — промолвил король, слегка пожав плечами, точно в шутку, однако за его словами опять последовало долгое молчание. — Ну что ж, — снова заговорил Лебаннен, — надеюсь все же, что мы можем научиться разговаривать с драконами. Мастер Оникс, раз уж речь у нас зашла о возможности с ними договориться, не расскажешь ли ты нам о той девушке, которая хотела учиться в Школе Мудрецов? Никто, кроме меня, этой истории еще не слышал.

— Девушка в Школе? — воскликнул Тосла насмешливо. — Да уж, поистине и на Роке многое изменилось!

— Это верно, — подтвердил волшебник, холодно и остро глянув на моряка. — Все произошло лет восемь назад. Эта девушка приехала с острова Уэй, переодевшись в мужское платье и желая изучать магические искусства в нашей Школе. Разумеется, ее жалкий маскарад никого обмануть не мог, но Мастер Привратник все же позволил ей войти. И вообще — он как-то сразу встал на ее сторону. В то время во главе Школы был Мастер Заклинатель, тот самый... — и Оникс на минуту запнулся, — ...тот самый, что прошлой ночью приснился мне во сне, о чем я уже упоминал.

— Расскажи нам немного о нем, Мастер Оникс, — попросил король. — Это ведь был Торион, правда? И он вернулся из царства смерти?

— Да. Это был он. Когда Верховный Маг отправился в свое путешествие и слишком долго не возвращался, мы, не получая от него вестей, стали опасаться, что он умер. И Мастер Заклинатель решил проверить с помощью своего искусства, не пересек ли Ястреб границу, что проходит у каменной стены. Но Торион так долго оставался в темной стране, что Мастера стали опасаться и за его жизнь. В конце концов он все-таки очнулся и сказал, что видел Верховного Мага среди мертвых, что он возвращаться не собирается, однако очень просил его, Ториона, вернуться и управлять делами Школы. И тут вдруг дракон принес на Холм не только Верховного Мага Ястреба, но и тебя, господин мой Лебаннен! И оба вы

были живы!.. А затем произошло вот что: как только Верховный Маг, усевшись дракону на спину, улетел на остров Гонт, Мастер Заклинатель упал замертво и лежал как мертвый много дней, и даже Мастер Травник, несмотря на все свое искусство, решил все же, что он окончательно умер. Однако, когда мы уже готовились предать Ториона земле, он шевельнулся, открыл глаза, сел и заговорил! Он рассказал, что вернулся к жизни, чтобы, по его словам, «сделать то, что непременно должно быть сделано». Итак, поскольку у нас еще был старый Верховный Маг, мы не могли выбрать нового Верховного Мага, так что Торион Заклинатель стал править Школой. — Оникс помолчал. — И когда явилась та девушка, Торион потребовал, чтобы она немедленно убиралась из Школы и с острова Рок, хотя ее и пропустил сам Мастер Привратник. Торион не желал ни говорить с нею, ни видеть ее. И тогда Мастер Путеводитель увел ее в Роцу. Там она какое-то время жила, бродила с ним вместе по тропам, слушала деревья... В общем. Путеводитель, Привратник, Травник и Курремкармеррук, наш Мастер Ономатет, полагали, что есть некая серьезная причина, заставившая ее явиться на Рок, что она то ли вестница, то ли даже вершительница некоего великого события, даже если она сама об этом и не ведает, и потому они всячески ее защищали и оберегали. Другие же мастера приняли сторону Ториона, который сказал, что женщины всегда несут с собой разлад и споры, а потому и эту женщину следует немедленно с Рока изгнать. Я был тогда еще учеником, и всем нам, ученикам, было тяжело видеть, как наши Учителя ссорятся, да еще так бездарно и сварливо.

— Да, к тому же из-за девушки! — вставил насмешник Тосла.

На сей раз Оникс бросил на него прямо-таки ледяной взгляд.

— Я прошу тишины! — потребовал он и продолжил свой рассказ: — Короче говоря, Торион послал нас, целый отряд старших учеников, чтобы мы силой заставили эту женщину покинуть остров, она вызвала его на поединок и предложила встретиться в тот же вечер на Холме Рок. Он пришел и, назвав ее Истинным именем, велел повиноваться ему. «Ириан!» — воскликнул он. Но она ответила: «Я не только Ириан!» — и, произнося эти слова, прямо на глазах стала превращаться... в дракона! А потом прикоснулась к Ториону, и тело его рассыпалось в прах. Затем она поднялась на самую вершину холма, и мы, глядя на нее, не понимали, то ли мы видим женщину, объятую пламенем, то ли крылатое чудовище. Но вскоре мы ясно увидели огромного дракона, который, сверкая своей красно-золотистой чешуей, изрыгал пламя. А потом расправил крылья и полетел на запад.

Голос Оникса стал едва слышен, на лице явственно отразилась смесь

ужаса и восхищения. Все молчали.

Волшебник помолчал, откашлялся и продолжил:

— Но, прежде чем она стала подниматься на холм, Мастер Ономатет спросил ее: «Кто ты?» — и она сказала, что не знает ДРУГОГО своего имени. Тогда к ней обратился Мастер Путеводитель и спросил, куда она теперь направится и вернется ли назад. Она сказала, что полетит на самый далекий запад, ибо хочет узнать свое подлинное имя у СВОЕГО НАРОДА, но если он, Путеводитель, позовет ее, она непременно к нему вернется.

В наступившей после этих слов Оникса тишине вдруг послышался хриплый слабый голосок — точно металлом слегка поскребли по металлу. Олдер слов не разобрал, но все же они почему-то показались ему знакомыми, как если бы он случайно забыл их, но вот-вот вспомнит и скажет, что они означают.

Это говорила Техану. Она подошла к волшебнику и остановилась совсем рядом с ним, напряженная, точно туго натянутая тетива лука. Это ее голос звучал, точно скрежет металла.

Потрясенный до глубины души тем, что сказала Техану, волшебник вскочил на ноги, отступил от нее на шаг и наконец, взяв себя в руки, промолвил, глядя на девушку:

— Да, это были ее слова: МОЙ НАРОД, С САМОГО ДАЛЬНЕГО ЗАПАДА!

— Позовите же ее! О, позовите ее! — прошептала Техану, протягивая к волшебнику руки. И снова он невольно от нее отшатнулся.

Тенар встала и свистящим шепотом спросила у дочери:

— В чем дело? Что случилось, Техану?

Техану обвела всех взглядом, и Олдеру показалось, что под этим взглядом он превращается в нечто бесплотное, как дух, и девушка эта видит его насквозь.

— Позовите ее сюда! — повторила Техану и требовательно посмотрела на короля. — Можете вы позвать ее сюда?

— Это не в моей власти, Техану, — ласково ответил Лебаннен. — Возможно, Мастер Путеводитель с Рока сможет... или ты сама...

Техану яростно замотала головой.

— Нет, нет, нет, нет, — шептала она. — Я не такая, как она! У меня же нет крыльев!

Лебаннен вопросительно посмотрел на Тенар в поисках подсказки, но Тенар не сводила глаз с дочери, и в глазах ее было отчаяние.

Техану резко отвернулась от нее и посмотрела на короля.

— Прости меня, господин мой, — сказала она своим слабым хриплым

голосом, — но мне нужно побыть одной. И подумать над тем, что сказал мой отец. Я непременно постараюсь ответить на его вопросы. Но я должна побыть одна. Пожалуйста!

Лебаннен поклонился ей и опять посмотрел на Тенар. Та подошла к дочери, обняла ее, и они медленно побрели прочь по залитой солнцем аллее мимо прудов и фонтанов.

А четверо мужчин снова уселись в кресла и некоторое время хранили полное молчание.

Наконец Лебаннен сказал:

— Ты был прав, Оникс! — И пояснил, повернувшись к остальным: — Мастер Оникс рассказал мне эту историю о женщине-драконе Ириан, когда я кое-что рассказал ему о Техану. О том, что еще совсем ребенком Техану сумела призвать на помощь дракона Калессина и разговаривала с ним на Языке Созидания. И Калессин тогда называл ее дочерью!

— Нет, все это действительно очень странно! — воскликнул Оникс. Он был потрясен и испуган и не скрывал этого. — До чего же странные настали времена! Женщина превращается в дракона, невежественная деревенская девчонка, никогда ничему не учившаяся, говорит с драконами на Языке Созидания!..

Олдер, глядя на волшебника, удивлялся: почему же он, Олдер, не испытывает ни капли страха? Может быть, потому что у него маловато знаний? И он просто не понимает, чего именно нужно бояться?

— Но ведь об этом существует немало старинных историй, — сказал Тосла. — Разве вы на Роке никогда их не слышали? Возможно, ваши стены просто не пропускают их внутрь, а? Это, конечно, всего лишь сказки, и их рассказывают самые простые люди... Даже и не сказки, а скорее песни. Например, есть у моряков песня, которая называется «Девушка из Белило», в ней говорится о том, как один моряк в каждом порту заводил себе возлюбленную и многих хорошеньких девушек заставил проливать слезы, пока одна из этих девушек не взлетела в небеса на бронзовых крыльях и не догнала корабль. Увидев своего бывшего возлюбленного на палубе, она схватила его и съела.

Оникс посмотрел на Тослу с глубочайшим отвращением. Но Лебаннен улыбнулся и сказал:

— Ну да, Женщина из Кемея... Старый Учитель нашего Верховного Мага, Айхал, которого все звали Огионом, рассказывал о ней Тенар. С виду она была обыкновенной деревенской старухой и жила, как все. Но Огион догадался, какова ее сущность, и она пригласила его в дом и угостила ухой. Это она сказала ему, что люди и драконы некогда были единым народом. А

сама она, по ее словам, и дракон, и женщина одновременно. И только Огион, будучи великим магом, сумел увидеть ее как дракона.

— Так и ты видел Ириан, Оникс, — тихо сказал Лебаннен.

С трудом выговаривая слова, словно они не шли у него с языка, и обращаясь исключительно к королю. Оникс сказал:

— После того как Ириан улетела с Рока, Мастер Ономатет показал нам, ученикам, некоторые места в старинных мудрых книгах, которые всегда оставались недостаточно ясны магам, но которые можно было бы понять, если представить, что некоторые существа являются одновременно и людьми, и драконами. И еще там говорилось о какой-то ссоре между этими существами. А может, между людьми и драконами... Ни одно из таких мест и до сих пор как следует не расшифровано.

— Я надеялся, что Техану, возможно, сумеет как-то прояснить сложившуюся ситуацию, — сказал Лебаннен.

Голос его звучал так ровно и спокойно, что Олдер не понял — то ли он все еще надеется на это, то ли всякая надежда уже умерла в его душе. И тут он заметил, что какой-то человек спешит к ним по аллее мимо фонтанов. Это был седовласый воин из числа королевских гвардейцев, и Лебаннен, узнав его, двинулся ему навстречу. Они о чем-то поговорили с минуту почти шепотом, и гвардеец быстрыми шагами пошел прочь, а король вернулся к своим собеседникам.

— Есть новости, — сказал он, и в голосе его вновь металлом зазвенел вызов. — Над западной частью Хавнора летала целая стая драконов. Они подожгли леса, и из берегового гарнизона сообщают, что люди бегут в Южный порт и всем рассказывают, что горит город Резбел.

Той ночью самое быстрое судно королевского флота уже мчалось, имея на борту короля и его соратников, вдоль берегов острова Хавнор. Судно буквально летело по волнам благодаря волшебному ветру, поднятому Мастером Ониксом, и вскоре, уже на заре, вошло в устье реки Онневы, укрытое могучим плечом горы Онн. Отряд короля сошел на берег, и для него с корабля выгрузили одиннадцать лошадей из королевской конюшни, великолепных, сильных животных со стройными ногами. Лошади редко встречались тогда на островах Земноморья; достаточно много их было только на Хавноре и Семеле. Техану, например, хорошо знала ослов, но лошадей до сих пор ни разу не видела. Она провела большую часть ночи рядом с этими прекрасными животными, помогая конюхам удерживать и успокаивать их. Это были кони хороших кровей, отлично ухоженные и обученные, но к путешествиям по морю они пока не привыкли. Когда

пришло время садиться на них верхом — на песчаном берегу реки Онневы — Оникс так испугался, что конюхам пришлось подсаживать его в седло и всячески подбадривать. Зато Техану взлетела в седло одновременно с королем и сидела на коне так, словно ездила верхом всю жизнь. Повод она подцепила своей изуродованной рукой и, похоже, не собиралась им пользоваться, объясняясь со своей кобылой каким-то иным, неведомым способом.

Маленький отряд сразу двинулся на запад, в предгорья, к лесу Фалиерн, все время сохраняя довольно приличную скорость. Это был самый быстрый способ добраться до места, по мнению Лебаннена, ибо, если плыть вдоль южной оконечности Хавнора или пробираться по берегу на лошадях, это отняло бы гораздо больше времени. А Оникс, будучи волшебником, должен был позаботиться о том, чтобы погода благоприятствовала путешествию. Он также должен был избавить путешественников от неожиданных встреч и препятствий и защитить их от любых возможных бед — кроме, разумеется, пламени, изрыгаемого драконами. Если бы они действительно столкнулись с драконами, то оказались бы совершенно беззащитными. Единственная надежда была на Техану.

Накануне, устроив совет со своими помощниками и офицерами охраны, Лебаннен быстро пришел к выводу, что нет никакой возможности ни воевать с драконами, ни защитить от них поля и селения: стрелы против них совершенно бесполезны, щиты не спасают. Он знал, что лишь величайшим магам дано порой победить дракона, но у него на службе такого мага не было, и он не знал, остался ли на свете хоть один такой маг. Однако он, король, обязан был защитить свой народ! И он не видел иного способа, кроме попытки переговоров.

Его личный слуга был потрясен, когда Лебаннен сам отправился к Тенар и Техану, а не послал кого-то за ними. Слуга считал, что король вправе приказать любому явиться к нему. «Только не тогда, когда король собирается умолять этого человека о помощи», — сказал слуге Лебаннен.

Когда изумленная горничная впустила его в покои Тенар, он смиренно спросил, нельзя ли ему переговорить с Белой Дамой, а также с Женщиной с Гонта. Впрочем, под такими именами Тенар и Техану были известны всем — и во дворце, и во всей столице. То, что обе позволяли всем открыто называть их Истинными именами, как это делал и сам король, было такой редкостью, таким отклонением от правил и обычаев, от норм собственной безопасности и понятий о добродетели, что, даже зная их имена, люди произносили их вслух неохотно, предпочитая обходиться эвфемизмами.

Разумеется, обе женщины Лебаннена тут же усадили и стали расспрашивать о причине столь внезапного появления. Он быстро пересказал все последние новости и обратился к Техану:

— Возможно, только ты, Техану, единственная во всем королевстве, можешь мне помочь, если сумеешь призвать к себе этих драконов, как когда-то призвала Калессина, имея над ними какую-то власть. Если ты сможешь поговорить с ними, то спроси: почему они воюют с моим народом? Сможешь?

Молодая женщина, услышав его слова, вздрогнула и отвернулась, точно ища защиты у матери.

Однако Тенар не стала ни обнимать, ни защищать ее. Она стояла неподвижно и молчала. А потом сказала:

— Техану, когда-то давно я сказала тебе: когда к тебе обращается король, ты должна отвечать. Тогда ты, правда, была еще ребенком и меня все-таки не послушалась. Но теперь ты уже не ребенок.

Техану испуганно отступила от них, опустила голову, точно провинившийся ребенок, и едва слышно ответила своим хриловатым голосом:

— Но я не могу их позвать. Я их не знаю.

— А Калессина ты позвать можешь? — спросил Лебаннен.

Техану покачала головой.

— Калессин слишком далеко, — прошептала она. — Я не знаю где.

— Но ведь ты — дочь Калессина! — сказала Тенар. — Неужели ты не можешь просто поговорить с этими драконами?

С несчастным видом Техану прошептала:

— Не знаю...

— И все же, Техану, если есть хоть малейший шанс, что они станут тебя слушать, — сказал Лебаннен, — то я умоляю тебя: попытайся использовать этот шанс! Пойми, я не в силах сражаться с ними. И я не знаю их языка, чтобы с ними поговорить и узнать, чего они хотят от нас, эти существа, способные уничтожить меня одним своим вздохом, одним взглядом. Пожалуйста, если сможешь, поговори с ними! Ради меня, ради нас всех. Техану долго молчала. Потом так тихо, что Лебаннен едва расслышал ее, промолвила:

— Хорошо.

— Тогда готовься к путешествию. Мы отплываем в четвертом часу вечера. Мои люди доставят тебя на корабль. Спасибо тебе! И тебе тоже спасибо, Тенар! — Лебаннен на мгновение сжал ее руку в своей, но лишь на мгновение: перед отъездом у него было еще много забот.

Когда он примчался на пристань, хрупкая фигурка в плаще с капюшоном уже виднелась у сходней. Последняя лошадь, которую предстояло ввести на палубу, храпела и упиралась, боясь воды и незнакомой обстановки, а Техану, похоже, вела с конюхом какие-то переговоры. Потом она просто взяла лошадь под уздцы, что-то ей шепнула и преспокойно поднялась с ней на палубу.

Корабль — это ведь маленький и густо населенный дом, так что Лебаннен, уже после полуночи выйдя на палубу, случайно услышал, как на корме тихо переговариваются двое конюхов.

— Верная у девочки рука, — сказал один, а второй, судя по голосу, более молодой, подтвердил:

— Да уж, это точно. Да только смотреть на нее страшно, правда?

— Ну, если лошади против нее ничего не имеют, — возразил первый, — то и ладно. Тебе-то зачем на нее смотреть?

И второй прошептал:

— Не знаю. Но все смотрю и смотрю!

А когда они уже ехали верхом от песчаных берегов Онневы, поднимаясь в гору, при первой же возможности Тосла нагнал Лебаннена и поехал с ним рядом.

— Значит, она вроде как нашим переводчиком будет, верно? — спросил он.

— Если сможет.

— Что ж, в таком случае она куда смелее, чем я думал. Если с ней в первый раз случилось такое, то ведь может случиться и снова.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ее же чуть до смерти не сожгли!

— Да, только это был не дракон.

— А кто же?

— Люди. Ее родители.

— Ох, да разве такое возможно? — поморщился изумленный Тосла.

— Бродяги, воры, что с них взять. А ей тогда было лет пять. И никому не известно, что она там натворила, только кончилось все это тем, что родители избили ее до полусмерти и сунули в еще горящий костер на стоянке. А потом спокойно ушли, думая, что она либо уже мертва, либо скоро умрет и все сочтут это просто несчастным случаем. Так и сбежали! А деревенские жители ее нашли, и Тенар взяла ее к себе.

Тосла почесал за ухом.

— Какая милая история о человеческой доброте! Так, значит, она и Верховному Магу тоже не родная дочь? Но в таком случае объясни: что это

все твердят, что она, мол, драконий приплод?

Когда-то Лебаннен немало колесил по морям вместе с Тослой, дрался с ним бок о бок во время осады Сорры и знал его как храброго, сообразительного и хладнокровного человека. И когда грубость Тослы заставляла его краснеть, он обвинял только собственную тонкокожесть. Но сейчас он рассердился.

— Не знаю, что ты имеешь в виду, — сухо и спокойно сказал он, — но сам я знаю только, что великий дракон Калессин называл ее дочерью.

— Угу. Между прочим, этот твой Оникс, этот замечательный волшебник с Рока, быстренько ушел в кусты, заявив, что в таких переговорах будет совершенно бесполезен. А ведь он точно умеет говорить на Древнем Языке! Верно?

— Да. Умеет. И запросто может с помощью нескольких слов превратить тебя в прах. И если он еще до сих пор этого не сделал, то только из уважения ко мне, но отнюдь не к тебе.

Тосла уныло кивнул:

— Это-то я знаю!

Они ехали верхом весь день, и так быстро, как могли выдержать лошади. Уже совсем в сумерках они добрались до маленького городка, спрятавшегося среди холмов, где лошадей можно было накормить и разместить на отдых. Сами наездники едва живые повалились на чрезвычайно неудобные кровати. Те из них, кто совершенно не привык к езде верхом, обнаружили, что едва могут передвигать ноги. Выяснилось, что здешние жители о драконах и слыхом не слыхивали. Больше всего их поразило появление целого отряда богатых незнакомцев на лошадях, которые потребовали всего лишь овес да постели и заплатили за это серебряными и золотыми монетами.

Задолго до рассвета всадники вновь двинулись в путь. От песчаных отмелей Онневы до Резбела было почти сто миль. За этот второй день они рассчитывали добраться до нижнего перевала в Фалиернских горах и спуститься по западным склонам в долину. Йенай, один из самых надежных офицеров Лебаннена, ехал впереди, на довольно значительном расстоянии от остального отряда; Тосла составлял арьергард; сам Лебаннен вел основную группу. Он трясся в седле, то и дело задремывая, погруженный в предрассветный покой, как в тихую воду, когда его разбудил громкий конский топот несущегося навстречу ездока. Это был Йенай, который возбужденно куда-то указывал. И Лебаннен тут же туда посмотрел.

Они как раз выехали из леса, и с вершины очередного холма перед ними открывался прекрасный вид на далекий еще перевал, который в

неярком утреннем свете был виден довольно отчетливо. Горы по обе стороны от прохода высились могучими черными стенами на красно-золотистом фоне разгорающейся зари.

Однако Йенай показывал королю на запад.

— Это ближе, чем Резбел, — говорил он. — Отсюда миль пятнадцать, наверное.

Кобылка Техану хоть и была самой маленькой, но шла удивительно резво и была совершенно уверена, что именно она и должна вести за собой всех остальных. Если бы Техану ее не сдерживала, лошадка, наверное, перекусала бы всех остальных коней. Она все время отталкивала кого-то, пробираясь вперед, наконец оказалась все же впереди всего отряда и тут же успокоилась. Поэтому Техану мгновенно оказалась рядом, стоило Лебаннену натянуть поводья своего жеребца, и стала смотреть в ту же сторону, что и он.

— Лес горит, — сказал он ей.

Ему была видна только изуродованная половина ее лица, и он не был уверен, что она видит достаточно хорошо. Но она видела все и сама; ее изуродованная, похожая на коготь рука, державшая поводья, дрожала. «Она боится пожара — еще бы, ее так страшно обожгли в детстве», — подумал Лебаннен.

До чего же он был труслив и жесток, когда — о безумец! — упрасивал эту девочку: «Иди, поговори с драконами! Спаси мою шкуру!» И что теперь? Вот он притащил ее — прямо к лесному пожару!

— Хорошо. Мы сейчас поворачиваем обратно, — сказал он ей.

Техану подняла здоровую руку, показывая: «Смотри! Смотри!»

Ему показалось, что это просто искра от пожара, горящий пепел, взлетевший над черным шрамом перевала. Потом искра превратилась в подобие огненного орла, парящего в небесах... Это был дракон, и он летел прямо на них!

Техану, привстав в стременах, испустила пронзительный гортанный крик, похожий на крик морской птицы или ястреба, но это было человеческое слово, одно лишь слово: «МЕДЕУ!»

Огромный ящер подлетел ближе; он мчался на чудовищной скорости, хотя его длинные тонкие крылья шевелились почти лениво. Вблизи он утратил весь свой фантастический блеск; чешуя его уже не сверкала так в отблесках пожара, и теперь он казался абсолютно черным, черным с бронзовым отливом, и все равно был невероятно красив и ужасен в свете разливавшейся по небу зари.

— Смотрите за лошадьми! — предупредила Техану своим

надтреснутым голосом, и в ту же минуту серый жеребец Лебаннена, увидев перед собой дракона, начал яростно биться, вставать на дыбы и откидывать голову. Лебаннен вполне способен был с ним справиться, но из задних рядов вдруг донеслось испуганное ржание, и он услышал топот копыт и окрики конюхов. Волшебник Оникс тут же спешил, бегом бросился к Лебаннену и встал возле него, держась за его стремя. Кое-кто остался в седле, остальные успели спешиться, но все, оцепенев, стояли и смотрели, как к ним подлетает дракон.

Техану опять что было сил выкрикнула слово «медеу». Дракон резко сменил направление полета, сбросил скорость и, подлетев еще ближе, как бы завис в воздухе, паря над отрядом на высоте примерно пятидесяти футов.

— МЕДЕУ! — снова позвала Техану, и в ответ услышала что-то вроде протяжного эха: «МЕ-ДЕ-УУУ!»

— Что это значит? — спросил Лебаннен, наклоняясь к Ониксу.

— Сестра, брат, — прошептал волшебник. Техану соскочила с лошади, бросив поводья Йенаю, и быстро пошла вперед по пологому склону точно к тому месту, над которым парил дракон. Его длинные крылья били по воздуху быстрыми, почти незаметными рывками, точно крылья парящего ястреба, вот только крылья эти были пятьдесят футов в длину от плеч и погромыхивали так, словно в воздухе кто-то бил в литавры или неведомое дитя играло огромной бронзовой погремушкой. И чем ближе подходила к дракону Техану, тем явственнее был виден тонкий завиток пламени, выползавший из разинутой длинной пасти с огромными зубами.

Она подняла руку. Не красивую, тонкую и смуглую руку, а другую, изуродованную, обожженную, похожую на коготь. Но страшные шрамы на плече и предплечье не позволяли ей как следует поднять руку, и она приподняла ее лишь примерно на уровень подбородка.

Дракон опустил ниже, вытянул шею и легко коснулся ее руки своей гладкой, сверкающей, чешуйчатой мордой. «В точности как собака, когда она приветствует своего хозяина, — подумал Лебаннен, — как сокол, когда садится хозяину на запястье; как король, когда он склоняет голову перед своей королевой».

Техану что-то сказала, дракон что-то ей ответил; оба говорили очень коротко, отрывисто, и голоса их походили на дрожащий звон цимбал. Снова обмен несколькими словами и снова пауза. Но вот заговорил дракон. Оникс весь превратился в слух. Еще один короткий диалог. Облачко дыма вырвалось из драконьих ноздрей; Техану неловко, но повелительно махнула своей изуродованной, скрюченной рукой и отчетливо произнесла два слова.

«Приведи ее!» — перевел шепотом волшебник.

Дракон тяжело взмахнул крыльями, опустил свою длинную голову и что-то прошипел, потом снова что-то сказал, потом подпрыгнул в воздух и сразу оказался где-то высоко над Техану, надо всеми, развернулся, описал над ними еще один круг и стрелой понесся к западу.

— Он называл ее Дочерью Старейшего, — прошептал волшебник Лебаннену.

Техану стояла неподвижно и смотрела вслед улетающему дракону. Потом обернулась и улыбнулась Лебаннену. Она казалась ему такой маленькой и хрупкой на фоне этого огромного холма, поросшего лесом, что он птицей слетел с коня и бросился к ней. Он думал, что она совершенно обессилена, перепугана до смерти, и уже протянул ей руку, чтобы поддержать ее, помочь идти, но она по-прежнему улыбалась, и ее лицо, разделенное на две половины — ужасную и прекрасную, — сияло розовым светом разливавшейся по небу зари.

— Они больше не будут нападать. Они обещали ждать там, в горах, — сказала она спокойно.

И с изумлением огляделась, словно не понимала, где она и как сюда попала. А когда Лебаннен взял ее за руку, она ему это позволила, хотя прежде она никому не позволяла себя касаться. Отблеск огня и победоносная улыбка по-прежнему освещали ее лицо, и шла она удивительно легко.

Конюхи отвели коней попасть на мокрой от росы траве, а Оникс, Тосла и Йенай собрались вокруг Техану и Лебаннена, хотя и держались от девушки на почтительном расстоянии.

— Госпожа моя Техану, мне никогда еще не приходилось видеть поступок такой смелости! — восхищенно сказал Оникс.

— Признаюсь, мне тоже, — поддержал его Тосла.

— Мне было очень страшно! — призналась Техану своим хриплым, невыразительным голосом. — Но я называла его братом, а он называл меня сестрой...

— Я не все понял из того, о чем вы говорили, — сказал ей волшебник. — Я ведь не так уж и хорошо владею Языком Созидания. Может быть, ты расскажешь нам, что все же произошло между вами?

Техану говорила медленно и по-прежнему не сводила глаз с западного края неба, где скрылся улетевший дракон. Тускло-красный отблеск далекого огня все больше бледнел по мере того, как все ярче разливалась заря.

— Я спросила у него: «Почему вы выжигаете земли, принадлежащие

королю Земноморья?» И он ответил: «Настала пора нам вернуть себе наши земли!» И я спросила: «А что, это Старейший просил вас захватить их? И уничтожить на них все живое с помощью огня?» И тогда он сказал, что Старейший, то есть Калессин, улетел с Орм Ириан на самый далекий запад, где драконы любят кружить в потоках иного ветра. И еще он сказал, что молодые драконы, которые остались парить в этих небесах, на здешних ветрах, утверждают, что все люди — клятвопреступники и воры, что они похитили законную собственность драконов. И еще они уверены, что Калессин никогда не вернется, а потому не желают больше ждать и намерены прогнать людей со всех западных островов. Но недавно вернулась Орм Ириан; она сейчас на острове Пальн. И я сказала, чтобы он попросил ее прилететь сюда. И он обещал, что передаст ей мои слова и что она непременно прилетит к дочери Калессина.

Глава III

СОВЕТ ДРАКОНОВ

Из окна своей комнаты во дворце Тенар видела, как корабль уносит в ночь Техану и Лебаннена. Она не пошла провожать Техану на пристань. Это ей далось нелегко, очень нелегко — отказаться от этого путешествия, не поехать вместе с дочерью. А ведь Техану просила, умоляла ее — это она-то, никогда ни о чем не просившая! Техану никогда не плакала, она не могла плакать, но в голосе ее явственно слышались рыдания, когда она говорила:

— Но я же не могу, НЕ МОГУ ехать одна! Поедем со мной, мама! Прощу тебя!

— Любовь моя, сердце мое, если бы я могла избавить тебя от этого ужаса, я бы, конечно, поехала с тобой! Но неужели ты не "понимаешь", что сейчас я ничего изменить не в силах? Я уже сделала для тебя все, что могла, звездочка ты моя огненная. Король прав: только ты, ты одна можешь помочь ему.

— Но если бы ты была там, если бы я знала, что ты рядом...

— Я буду рядом. Я всегда рядом с тобой. Да и что я буду делать в отряде? Служить вам помехой? Вы должны как можно быстрее добраться туда; это будет трудное путешествие, и я бы только задерживала вас. Вы стали бы за меня опасаться, останавливаться. Нет, на этот раз я вам не нужна. Я в данном случае совершенно бесполезна, и ты должна это понять. Ты должна поехать одна, Техану.

И она, отвернувшись от своей дорогой девочки, принялась собирать Техану в дорогу, приготовила ей простое удобное платье, грубые башмаки, хороший теплый плащ. Если она и плакала, занимаясь сборами дочери, то ей она не позволила увидеть ни единой своей слезинки.

Техану же так и застыла на месте, ошеломленная, парализованная страхом. Когда Тенар велела ей переодеться, она послушно переоделась. Но когда королевский офицер Йенай постучался и спросил, можно ли ему уже проводить госпожу Техану к причалу, она не двинулась с места и молча смотрела на него с видом перепуганного зверька.

— Ступай, — сказала Тенар и обняла ее, ласково погладив изуродованную щеку Техану. — Ты ведь дочь Калессина в не меньшей степени, чем моя.

Девушка некоторое время еще цеплялась за нее, еще обнимала ее за шею, но потом решительно отстранилась, молча повернулась и пошла следом за Йенаем к двери.

И Тенар почувствовала пронизывающий холод ночи всем своим телом, к которому только что прижималась Техану.

Она подошла к окну. Огни на причале, мелькающие фигуры людей, стук копыт — это лошадей сводили по узким, крутым улицам к пристани. У пирса виднелись высокие мачты корабля; этот корабль она хорошо знала: «Дельфин». Она продолжала смотреть из окна и видела, как Техану поднялась на борт судна, ведя в поводу лошадь, которая то и дело взбрыкивала. И еще она увидела Лебаннена, который шел за ними следом. Она видела, как отдают швартовы, как стучатся бортами о причал корабль, который на веслах выводят на простор залива, а затем на воде точно расцвел белый цветок — это подняли паруса. Свет кормового фонаря был виден еще долго; он дрожал на темной воде, постепенно дробясь на все более мелкие пятнышки, а потом исчез совсем.

Тенар прошла по комнате, складывая вещи, которые сбросила с себя Техану, — шелковую рубаху, юбку, легкие сандалии. На минутку она прижала их к щеке и убрала в сундук.

А потом долго лежала без сна на широкой постели, и перед глазами у нее стояло одно и то же видение: пустынная дорога, по которой Техану идет совершенно одна, и падающий с неба страшный черный узел, превращающийся в сеть, в извивающуюся, свивающуюся в кольца сеть — это стая драконов, окруженных языками пламени, — и драконы устремляются прямо к Техану, и вот уже вспыхивают ее волосы, горит ее одежда... Нет! Нет! Этого не будет! Тенар заставила себя не думать об этом, открыла глаза, но стоило ей их закрыть, и она снова увидела

пустынную дорогу и Техану, идущую по ней в одиночестве, и черный клубок драконов в небесах, объятый пламенем, подлетающий все ближе и ближе...

Когда мрак ночи сменился предрассветными сумерками, Тенар наконец заснула, совершенно измученная, и ей снилось, что она находится в доме Старого Мага у водопада, что она вернулась наконец домой и до смерти рада этому. Ей снилось, что она берет веник из-за двери, чтобы подмести дубовый пол, ибо Гед явно не слишком много времени уделял уборке, и вдруг видит в дальней стене дома дверь, которой там раньше не было. Она открывает эту дверь и обнаруживает за ней маленькую, низенькую пристройку из камня с побеленными стенами. И в этой комнатке на четвереньках стоит Гед, нет, не стоит, а как-то странно, скрючившись, сидит, и руки его безжизненно лежат у него на коленях, а голова у него не человеческая, а птичья, маленькая темная голова стервятника с хищно изогнутым клювом. И Гед говорит ей тихим, хриплым голосом: «Тенар, у меня же нет крыльев!» И при этих словах в душе ее поднимается такой гнев и такой ужас, что она... Тенар проснулась, задыхаясь и хватая ртом воздух, и увидела солнечный луч, скользивший по стене спальни, и вспомнила, что находится в королевском дворце, и слышала нежное чистое пение труб, сообщавших о наступлении четвертого утреннего часа.

Принесли завтрак. Она немножко поела, беседуя с Берри, пожилой горничной, которую она предпочла целому полку других горничных и благородных придворных дам, представленных ей Лебанненом. Берри была женщина умная, опытная, хорошо знавшая свое дело и к тому же деревенская, родом из внутренних земель острова Хавнор, и с ней Тенар сошлась куда лучше, чем с чопорными придворными дамами. Дамы, разумеется, были хорошо воспитаны и обращались с Тенар вежливо и учтиво, однако понятия не имели, как им разговаривать с особой, которая то ли бывшая каргадская жрица, то ли просто жена обыкновенного крестьянина с Гонта. Тенар видела, что им гораздо проще быть ласковыми с Техану, которая упорно хранила застенчивое молчание. Ее они, по крайней мере, могли жалеть. Тенар им жалеть было не за что.

А вот Берри могла ее пожалеть и жалела. И в то утро она очень хорошо утешила Тенар, сказав:

— Не волнуйся. Наш король непременно привезет девочку назад живой и здоровой. Неужели ты думаешь, что он потащил бы ее в такое опасное путешествие, если б знал, что не сможет уберечь от любой беды? Да никогда в жизни! Только не он! — Все это, конечно, было вранье, но Берри так страстно утешала Тенар и так верила в истинность своих слов,

что она просто вынуждена была с нею согласиться. Но это, к сожалению, не принесло ей душевного спокойствия.

Ей необходимо было чем-то заняться, ибо отсутствие Техану чувствовалось повсюду, и Тенар решила сходить к этой каргадской принцессе и посмотреть, не хочет ли та выучить пару-другую ардических слов или, по крайней мере, сказать Тенар, как ее зовут.

На Каргадских островах люди не хранят свои подлинные имена в тайне, как жители ардических земель. Как и здешние прозвища или «домашние» имена, имена каргов зачастую были обыкновенными значимыми словами: Роза, Ольха, Слава, Надежда. Иногда имя ребенку выбирали, согласно традиции, в честь какого-нибудь далекого предка. Но люди на Каргадских островах открыто называли свое имя и гордились тем, что оно, например, старинное или, скажем, передается из поколения в поколение по женской или мужской линии. Сама Тенар, правда, была слишком рано разлучена с родителями и так и не узнала, почему они называли ее Тенар, но думала, что скорее всего так звали одну из ее бабушек или прабабушек. Это имя было у нее вскоре отнято, и жрицы стали называть ее только Ара, Поглощенная или Возродившаяся, и она вспомнила свое настоящее имя только тогда, когда его вернул ей Гед. Для него, как и для нее, оно было ее Истинным именем, хотя и не являлось словом Истинной Речи и не способно было обеспечить кому-то власть над нею. Так что она никогда его не скрывала.

И теперь она терялась в догадках: почему же принцесса скрывает свое имя? Прислужницы называли ее только Принцесса, или Госпожа, или Хозяйка, а послы — Принцесса, дочь Тхола, Хозяйка Гур-ат-Гура и тому подобное. Если у этой бедной девочки есть только титулы, то пора ей иметь и настоящее имя!

Тенар понимала, что не пристало гостье короля идти одной по улицам Хавнора, однако Берри и без нее забот хватало, так что она попросила дать ей в сопровождающие кого-нибудь из слуг, и провожать ее отправился очаровательный мальчик лет пятнадцати, видимо, паж, который так заботился о ней, особенно на перекрестках, словно она была дряхлой старухой, выжившей из ума и трясущейся от старости. Тенар всегда нравилось гулять по Хавнору. Она давно обнаружила — и примирилась с этим, — что по улицам без Техану ходить куда проще. Люди, стоило им взглянуть на Техану, обычно тут же отворачивались, и Техану шла по улице вся зажатая, сплошное воплощение страдающей гордости, ненавидя и тех, кто глазел на нее, и тех, кто от нее отворачивался. И Тенар всегда страдала вместе с нею, а может, и больше, чем она.

Но на этот раз она могла никуда не торопиться, спокойно разглядывать витрины магазинов, рыночные прилавки, лица людей и их одежду. В порту Хавнор всегда было полно приезжих со всех островов Архипелага. Тенар с удовольствием отклонилась от основного маршрута и позволила своему юному провожатому показать ей улицу, где расписные мостики, перекинутые с одной крыши на другую, создавали ощущение какого-то волшебного воздушного сводчатого потолка; с мостиков во множестве свешивались какие-то вьющиеся растения, покрытые красными цветами, и во все стороны торчали длинные шесты с птичьими клетками, и птицы в этих воздушных зарослях чувствовали себя, как в саду, да и все это в целом казалось дивным садом, повисшим между небом и землей.

«Ах, как жаль, что Техану не может этого видеть!» — думала Тенар. Но о самой Техану или о том, где та сейчас находится, она старалась не думать.

Речной Дворец, как и Новый Дворец, были построены королевой Геру пять столетий назад. Речной Дворец лежал в руинах, когда Лебаннен взошел на трон; и он тщательнейшим образом отстроил его заново. Теперь это было прелестное тихое местечко, комнаты изысканно обставлены, но просторны и не загромождены мебелью; на темных, отполированных до блеска полах никаких ковров. Ряды узких застекленных дверей легко позволяли той или иной комнате превратиться в веранду, одной стороной выходящую на поросший ивами берег реки, и достаточно было сделать шаг, чтобы оказаться на широком деревянном балконе, нависшем над самой водой. Придворные дамы рассказали Тенар, что это самое любимое место короля, он порой незаметно ускользает сюда, чтобы провести здесь ночь в одиночестве или с очередной возлюбленной. А потому, намекали дамы, неспроста, видно, Лебаннен поселил принцессу именно в Речном Дворце! Что же касается самой Тенар, то она была уверена, что Лебаннен просто не захотел оставаться с принцессой под одной крышей и поселил ее в первое же пришедшее ему на ум место, которое вполне соответствовало бы ее статусу. Хотя кто знает, может быть, придворные дамы и правы?

Стражники в сияющих доспехах, разумеется, тут же узнали Тенар и пропустили ее. Лакеи, объявив принцессе о ее приходе, прихватили с собой мальчика-пажа и отправились грызть орехи и сплетничать, что, похоже, составляло их основное занятие. Приветствовать гостью вышли придворные дамы. Дамы скучали здесь и были рады любому гостю, который мог им поведать хоть какие-то новости о походе короля против драконов. Тенар пришлось испить эту чашу до дна, и только тогда наконец дамы отпустили ее и проводили в покои принцессы.

Во время двух предшествующих кратких визитов ее сперва заставляли, правда некоторое время, ждать в приемной, а потом служанки с закутанными в покрывала лицами провожали ее в будуар принцессы — единственную темную комнату во всем этом просторном доме, полном воздуха и света. И принцесса всегда стояла посреди этой темной комнаты в своей нелепой шляпе с широкими полями, с которых до самого пола свисало красное покрывало, и выглядела так, словно ее прибили к этому месту гвоздями. В такие минуты она действительно своей неподвижностью напоминала кирпичную каминную трубу, как справедливо заметила леди Йеса.

Но на этот раз все было по-другому. Как только Тенар вошла в приемную, где-то далеко раздался пронзительный визг и топот ног, словно кричавшие люди разбежались в разные стороны. Потом в дверь буквально влетела принцесса и с диким криком, широко раскинув руки, бросилась к Тенар и крепко ее обняла. Тенар была маленького роста, и принцесса, девушка высокая и сильная, да еще и чем-то перепуганная, чуть не сбила ее с ног, однако успела подхватить и буквально удержала на весу своими сильными руками.

— О, госпожа Ара, госпожа Ара! Спасите, спасите меня! — кричала принцесса.

— А что случилось?

Принцесса разрыдалась — то ли от неведомого ужаса, то ли от облегчения, то ли от того и другого сразу. Тенар из ее нечленораздельных и горестных жалоб и просьб удалось понять лишь отдельные слова насчет дракона и жертвы.

— Никаких драконов рядом с Хавнором нет, — строго сказала она, высвобождаясь из объятий принцессы. — И никого здесь в жертву не приносят. И вообще, о чем идет речь? Что тебе такого наговорили?

— Эти женщины сказали, что сюда летят драконы и что в жертву им принесут королевскую дочь, а вовсе не козу, потому что они колдуны, и я очень испугалась! — Выпалив все это, принцесса вытерла слезы, сжала кулаки и изо всех сил постаралась взять себя в руки. Она была действительно охвачена ужасом, неподдельным и неуправляемым. Тенар стало жаль ее. Однако она не позволила себе проявить эту жалость. Этой девочке пора научиться вести себя достойно в любой ситуации!

— Твои служанки невежественны и плохо знают здешний язык, так что просто ничего не поняли и черт знает что тебе наговорили! — сердито сказала Тенар. — Между прочим, сама ты и вовсе не знаешь ни слова по-ардически. А если б знала, то сразу поняла бы, что бояться нечего. Разве ты

видела, чтобы кто-нибудь еще здесь метался от страха с воплями и слезами?

Принцесса не сводила с Тенар глаз. На сей раз на ней не было ни дурацкой шляпы, ни покрывал, она была одета в легкий воздушный наряд, ибо день был жаркий, и Тенар впервые видела перед собой не какой-то неясный силуэт под бесчисленными красными покрывалами. Принцесса была удивительно хороша собой, хотя глаза ее и опухли от слез, а лицо было покрыто красными пятнами. Рыжевато-каштановые волосы, карие с рыжими искорками глаза, округлые плечи и руки, полные красивые груди, тонкая гибкая талия — короче, прелестная юная женщина в самом расцвете своей красоты и силы.

— Но ведь никого из этих людей и не собираются приносить в жертву, — промолвила она наконец нерешительно. — Только меня!

— Никаких жертв! — отрезала Тенар.

— Но тогда зачем же сюда летят драконы? Тенар тяжело вздохнула, набралась терпения и сказала:

— Знаешь, девочка, нам с тобой нужно обсудить множество самых различных вещей. И если ты станешь воспринимать меня как своего друга...

— А я и воспринимаю! — воскликнула принцесса и что было сил стиснула правую руку Тенар. — Ты и есть мой друг, у меня никаких других друзей нет, и я готова пролить ради тебя свою кровь!

И, как бы смешно это ни звучало, Тенар знала: она говорит чистую правду.

Она постаралась столь же крепко пожать девушке руку и сказала:

— Хорошо. Значит, мы с тобой друзья. Назови же мне свое имя.

Принцесса широко распахнутыми глазами смотрела на нее. Из носа у нее все еще немного подтекало, верхняя губа была прикушена, а нижняя дрожала. Судорожно, как ребенок, вздохнув, она произнесла:

— Сесеракх.

— Вот и отлично, Сесеракх. А меня зовут не Ара, а Тенар.

— Тенар, — повторила девушка и еще крепче сжала ее руку.

— А теперь, — Тенар говорила очень медленно и спокойно, пытаясь полностью овладеть обстановкой, — вели подать мне напиток. Я пришла издалека, и меня мучает жажда. И давай-ка присядем. Я немного передохну, а потом мы обо всем поговорим.

— Я сейчас! — крикнула принцесса и в несколько прыжков оказалась за дверью. Точно молодая львица на охоте, подумала Тенар. Где-то во внутренних помещениях слышались окрики и плач, затопали бегущие

ноги, потом появилась одна из служанок принцессы, дрожащими руками поправила свое покрывало и что-то забормотала на таком дремучем северном диалекте, что Тенар понять ее оказалась не в силах.

— Говори на здешнем языке! — донесся откуда-то из дальней комнаты голос принцессы, и служанка жалобно пискнула на ардическом:

— Сидеть, пить, госпожа?

Вскоре принесли два кресла и установили их ровно посреди темноватой и душной комнаты — одно напротив другого. Следом явилась Сесеракх и встала возле одного из кресел.

— Знаешь, дорогая, я бы предпочла выйти на воздух и посидеть где-нибудь в тени, у воды, — сказала Тенар. — Если, конечно, это доставит удовольствие и тебе, госпожа моя.

Принцесса снова что-то рывкнула, женщины заметались, кресла перенесли на просторный балкон, и Тенар с принцессой наконец уселись там рядышком.

— Так безусловно лучше, — удовлетворенно сказала Тенар. Ей все еще казалось немного странным, что она говорит по-каргадски. Это не доставляло ей ни малейших трудностей или неудобств, однако она чувствовала себя актрисой, хорошо играющей свою роль.

— Неужели ты любишь воду? — спросила принцесса. Ее лицо уже успело приобрести свой естественный цвет — цвет густых сливок; глаза тоже больше не были припухшими и оказались не карими, а золотисто-голубыми или, точнее, голубыми с золотистыми крапинками.

— Да, очень. А ты нет?

— Я ее ненавижу! Там, где я жила, воды не было.

— Ты жила в пустыне? Я тоже. До шестнадцати лет. А потом я пересекла море и приплыла на западные острова. Я очень люблю всякую воду — море, реки, ручьи.

— Ой, море! — Сесеракх даже поежилась и закрыла лицо руками. — До чего же я его ненавижу! На корабле меня все время выворачивало наизнанку. Без конца! День за днем, день за днем. Нет, я даже видеть никогда не желаю это море! — Она быстро глянула сквозь ветви ив на спокойную мелкую реку под ними. — Ну, эта вот река еще ничего, — с некоторым недоверием сказала она.

Служанка принесла поднос, на котором стоял кувшин с холодным питьем и чашки. И Тенар наконец-то напилась вдоволь.

— Принцесса, — сказала она, — мне нужно о многом рассказать тебе. Во-первых, драконы по-прежнему находятся отсюда довольно далеко, на Дальнем западе. Во-вторых, король Лебаннен и моя дочь Техану

отправились с ними на переговоры.

— На ПЕРЕГОВОРЫ? С драконами?!

— Да. — Тенар хотела было объяснить поподробнее, но передумала и сказала: — А теперь расскажи мне, пожалуйста, о драконах с Гур-ат-Гура.

Еще девочкой на Атуане Тенар слышала о том, что на острове Гур-ат-Гур есть драконы. Драконы угрожали тамошним жителям в горах, а разбойники — в пустыне. Гур-ат-Гур был остров бедный и очень далекий, и оттуда ничего хорошего никогда не привозили, разве что опалы, бирюзу и кедровые бревна.

Сесеракх глубоко и горько вздохнула и понурилась. На глазах у нее опять показались слезы.

— Это я просто о доме вспомнила, — попыталась оправдаться она и сказала это так по-детски искренне, что и у Тенар на глаза тоже навернулись слезы. — Ну, драконы вообще-то живут высоко в горах. В двух или трех днях пути от Месретха. Там кругом одни скалы, и никто этих драконов не тревожит, и они тоже никого не тревожат. Но раз в год они спускаются со своих вершин, сползают на животе по какой-то особой тропе. Тропа эта совершенно мягкая, потому что покрыта толстым слоем пыли — они ведь сползают по ней с начала времен. Эта тропа так и называется: Путь Драконов. — Принцесса видела, что Тенар слушает с величайшим вниманием, а потому вдохновенно продолжала: — Пересекать Путь Драконов запрещено. Это табу. На эту тропу человеку даже ступить нельзя! Ее нужно обходить как можно дальше, с южной стороны от того места, где совершаются жертвоприношения. Драконы начинают сползать вниз в конце весны. На четвертый день пятого месяца года они все собираются возле жертвенных камней. Никто из них никогда не опаздывает. И все жители Месретха и окрестных деревень тоже собираются там и ждут их. А когда они все наконец спустятся по Пути Драконов, жрецы приступают к жертвоприношениям. И это... А у вас на Атуане разве не совершаются весенние жертвоприношения? Тенар покачала головой.

— Я ведь поэтому так и испугалась, — сказала Сесеракх. — Понимаешь, в жертву ведь могут и людей приносить! А если дела идут совсем плохо, то жрецы приносят в жертву королевскую дочь. В иных случаях это бывает обыкновенная девушка, но жрецы давно уже этого не делали. Во всяком случае, в последний раз это случилось, когда я была еще совсем маленькая. С тех пор как мой отец победил всех остальных правителей, жрецы приносили в жертву только одну козу и одну овцу. Они собирали кровь жертвенных животных в чаши, а жир бросали в священный костер и зывали к драконам. И все драконы собирались, пили кровь и

глотали огонь костра. — Сесеракх даже на мгновение зажмурилась. Тенар тоже. — А потом драконы возвращались к себе, в горы, а мы — в Месретх.

— А эти драконы были очень большие? Сесеракх раскинула руки примерно на метр в каждую сторону.

— Вот такие. Иногда и больше, — сказала она.

— А они умеют летать? Или говорить?

— Ой, нет! У них даже и не крылья, а просто такие... отростки. И они издают что-то вроде шипения, а говорить не умеют, как и все прочие животные. Хотя, конечно, драконы — животные священные. У нас дракон — это знак жизни, потому что огонь — это сама жизнь, а драконы глотают огонь и плюются огнем. И они священны, потому что приходят на весеннее жертвоприношение. Даже если никто из людей не придет, драконы все равно обязательно соберутся в этом месте! А мы приходим туда, потому что так делают драконы. Жрецы всегда разъясняют нам это перед тем, как совершить жертвоприношение.

Тенар некоторое время обдумывала услышанное, потом сказала:

— Здесь, на западе, драконы гораздо крупнее. Они просто огромные и умеют хорошо летать. Может быть, это действительно животные, но они умеют говорить! И тоже в какой-то степени считаются священными. И они очень опасны!

— Ну да, — подхватила принцесса, — я тоже думаю, что драконы, хоть они и животные, гораздо больше похожи на нас, людей, чем эти проклятые колдуны!

Она произнесла «проклятые колдуны» скороговоркой, как одно слово и без какого-либо конкретного ударения в той или иной его части. Тенар помнила эти слова с раннего детства. Этими словами обозначали Темный народ, людей с ардических островов Архипелага.

— Это почему же? — спросила Тенар принцессу.

— Потому что драконы могут возрождаться! Как и все животные. Как и мы. — Сесеракх смотрела на Тенар с искренним удивлением. — А я думала, что раз ты была жрицей в самом Святом Месте, в Гробницах, то должна знать об этом куда больше, чем я!

— Нет, у нас там никаких драконов не было, — сказала Тенар. — И мне ничего о них не рассказывали, и я совсем ничего о них не знала.

Пожалуйста, дорогая, расскажи мне то, чему учили тебя.

— Ну... надо сперва постараться припомнить все по порядку... Это ведь зимняя история, но, я думаю, ее вполне можно рассказать и летом: все равно ведь здесь, у вас, все неправильно! — Сесеракх вздохнула. — Итак, в самом начале, как ты знаешь, все мы были одним народом — все люди и

все животные. И делали одно и то же. А потом мы научились умирать и возрождаться в разных обликах — иногда в образе одного живого существа, иногда — совсем другого. Но особого значения это не имело, потому что, так или иначе, все равно умрешь, возродишься и сможешь стать кем угодно.

Тенар кивнула. Пока что эта история была ей хорошо знакома.

— Но лучше всего возрождаться, как возрождаются люди и драконы, — продолжала Сесерах, — потому что драконы — существа священные. Вот все и стараются не нарушать запретов и обязательно соблюдать предписания жрецов, благодаря которым у человека больше шансов возродиться в человеческом облике или уж, по крайней мере, в облике дракона. Если, как ты говоришь, драконы здесь огромные и умеют говорить, то, по-моему, если возродишься в таком облике, это нужно воспринимать даже как некое вознаграждение. Потому что стать одним из наших драконов не такая уж большая радость, во всяком случае, мне всегда так казалось.

Но самое главное — это то, что ПРОКЛЯТЫЕ КОЛДУНЫ в итоге обнаружили Ведурнан. Это такая вещь... Я, в общем-то, и не знаю толком, что это такое. Ведурнан говорил людям, что если они согласятся никогда не умирать и никогда не возрождаться, то смогут научиться творить всякое волшебство. И эти люди выбрали именно такую судьбу, выбрали Ведурнан. И отправились на запад. И Ведурнан и волшебство сделали их темными. И с тех пор они живут здесь, на западных островах. Все здешние люди — это потомки тех, кто выбрал Ведурнан. Они могут творить свое ПРОКЛЯТОЕ колдовство, но умереть они не могут. И возродиться тоже. Умирают только их тела. А остальное остается в темном месте и никогда больше не возрождается. И они похожи на птиц. Но летать не могут.

— Да-да... — прошептала Тенар.

— Неужели вы ничего не знали об этом на своем Атуане?

— Нет.

Тенар мысленно вспоминала историю, которую Женщина с острова Кемей некогда рассказала Огиону. О том, что в самом начале времен люди и драконы были единым народом, а потом разделились, и драконы выбрали дикую жизнь и свободу, а люди — богатство, власть и оседлость. Произошло Великое Разделение. А может, это та же самая история?

Но перед ее мысленным взором стоял иной образ: Гед, сидящий на корточках в каменной комнатке, и голова у него птичья — маленькая, черная, с хищным клювом...

— Ведурнан — это ведь не Кольцо, о котором тут все твердят, правда?

Все говорят, что я буду должна носить его.

Тенар с огромным трудом вернулась к действительности, оторвавшись от воспоминаний о Расписной Комнате и своем вчерашнем сне, и переспросила:

— Кольцо?

— Ну да, Кольцо Уртакби.

— Эррет-Акбе. Это Кольцо Мира, Сесеракх. И ты будешь носить его только в том случае, если станешь здешней королевой, женой короля Лебаннена. Между прочим, ты стала бы счастливейшей из женщин, выйдя за него замуж!

Выражение лица Сесеракх невозможно было истолковать как-то однозначно. Оно не было сердитым или язвительным. Скорее оно было безнадежным, но каким-то забавно безнадежным и очень терпеливым — в общем, лицо женщины лет на двадцать-тридцать старше.

— Никакого особого счастья в этом нет, дорогая Тенар, — с горечью промолвила она. — И удачи тоже. Я знаю, что должна выйти за него замуж. И погибнуть.

— Это почему же ты погибнешь, выйдя за него замуж?

— Если я выйду за него замуж, то должна буду, конечно же, назвать ему свое имя. А он, всего лишь произнеся мое имя вслух, украдет мою душу. Именно так всегда поступают проклятые колдуны! И именно поэтому сами они всегда свои имена скрывают! Но если он украдет мою душу, я не смогу умереть. Я буду вынуждена жить вечно, но лишённая тела — точно птица, которая не может летать, — и никогда не смогу возродиться!

— Так ты поэтому скрывала свое имя?

— Но я же назвала его тебе, дорогая Тенар!

— Да, конечно, и это драгоценнейший дар для меня, милая принцесса! — пылко заверила ее Тенар. — Но ты можешь сказать свое имя здесь любому, кому захочешь. Никто здесь не может украсть твою душу, поверь. И Лебаннену ты можешь вполне доверять. Он никогда... никогда не сделает тебе ничего дурного.

Однако девушка заметила ее запинку.

— Но он очень этого хотел бы! — запальчиво возразила она. — Ах, Тенар, дорогой мой друг, я знаю, кто я такая! В том большом городе Авабатхе, где живет мой отец, я была всего лишь глупой, невежественной женщиной, которую привезли в столицу из пустыни. Этакой «фейягат». Столичные дамы фыркали, переглядывались и толкали друг дружку локтями, стоило им меня увидеть. Ох уж эти шлюхи с обнаженными

лицами! А здесь еще хуже. Я не могу понять, что за бессмыслицу бормочут эти люди и почему они не говорят нормально! И все, все здесь совсем не такое, как у нас! Я не знаю даже, что за еду мне предлагают. А питье! Должно быть, это какое-то колдовское питье — от него у меня кружится голова. Я не знаю здешних запретов и правил, и здесь нет ни одного жреца, у которого я могла бы спросить, как себя вести. Вокруг меня только женщины-колдуньи, все черные и с обнаженными лицами! И потом, я заметила, как король смотрел на меня. Знаешь, когда ты «фейягат», то всегда можешь это почувствовать по лицам других! Я же видела его лицо. Да, он очень хорош собой, он похож на воина, но он черный, он колдун, и он меня ненавидит! И не говори, что это не так, потому что я знаю: ненавидит! И, наверное, как только он узнает мое имя, то сразу отошлет мою душу в то страшное место!

Помолчав, любуясь тонкими ветвями ив, качающимися над спокойно текущей рекой, и чувствуя в душе усталость и печаль, Тенар сказала:

— В такой ситуации, милая принцесса, тебе нужно прежде всего научиться заставлять других любить тебя. И в первую очередь — короля. Ничего другого тебе не остается.

Сесеракх безнадежно пожала плечами и промолчала.

— Очень помогло бы, например, если бы ты понимала его язык, — продолжала Тенар.

— Багабба-багабба! Это же не язык, а тарабарщина какая-то!

— Это просто совсем другой язык. Наш язык для них тоже звучит как тарабарщина. Ну, хватит горевать, принцесса! Подумай лучше, как ты можешь ему понравиться. Неужели ты способна сказать ему только это «багабба-багабба»? Вот смотри, — и Тенар вытянула одну руку, указала на нее другой рукой и сказала «рука» сперва на каргадском языке, а потом на ардическом.

Сесеракх старательно повторила оба слова. После нескольких вполне успешных попыток выучить названия частей тела она, вдруг осознав великие возможности перевода с одного языка на другой, приободрилась, села прямо и с любопытством спросила:

— А как на этом колдовском языке будет «король»?

— Агни. Это слово из Древнего Языка. Я узнала его от своего мужа.

И, уже сказав это, Тенар поняла, что глупо на данном этапе примешивать к процессу обучения еще и какой-то неведомый третий язык. Однако принцесса, казалось, не обратила на слова «Древний Язык» никакого внимания. Ее потрясло другое.

— У тебя есть муж? — Сесеракх уставилась на Тенар своими

светящимися глазами львицы и громко рассмеялась. — О, как это замечательно! А я-то думала, что ты жрица! Ой, пожалуйста, Тенар, дорогая, расскажи мне о нем! Он воин? А он красивый? А ты его любишь?

Когда король уехал охотиться на драконов, Олдер совсем растерялся. Он просто не знал, куда ему деть себя, что делать, и чувствовал себя абсолютно бесполезным, неоправданно долго живущим в роскоши, в королевском дворце и к тому же виновным в беспокойстве, которое причинил всем своими историями. Он был не в состоянии целый день сидеть у себя в комнате и уходил в город, однако великолепие и бурная деловая жизнь столицы действовали на него угнетающе, и он, не имея ни денег, ни конкретной цели, мог только одно: бродить и бродить без конца по улицам, пока держат ноги. И каждый раз, возвращаясь во дворец Махариона, удивлялся, что стражники с суровыми лицами спокойно пропускают его. Лучше всего он чувствовал себя во дворцовом парке. Ему очень хотелось снова встретить там мальчика Роди, но тот не появлялся, и, возможно, это было даже к лучшему. Олдер считал, что с людьми ему разговаривать вообще не стоит, ибо те руки, что так стремились дотянуться до него из царства смерти, вполне могли дотянуться и до них.

На третий день после отъезда Лебаннена Олдер спустился в сад, чтобы погулять среди прудов и фонтанов. День был очень жаркий, а вечер тихий и душный. Олдер взял с собой Буксирчика и позволил котенку побегать и половить насекомых, а сам сел на скамью под раскидистой ивой и стал смотреть на воду, в которой мелькала порой серебристая чешуя жирных карпов. Он ощущал себя очень одиноким и несчастным, чувствовал, как слабеет та защитная стена, что отделяет его от тянущихся к нему рук мертвых, от их голосов. Да и пребывание здесь в конце концов не принесло ему никакого облегчения. Может быть, ему стоит просто нырнуть в тот сон и навсегда в нем исчезнуть? Спуститься вниз по склону холма и раствориться во тьме? Никто на свете о нем не пожалеет, зато его смерть избавит многих от этой странной «болезни», которую он принес с собой. А у живых и без него забот хватит. Особенно теперь, когда, возможно, предстоит война с драконами. К тому же в темной стране он может снова встретить Лили...

Если он тоже будет мертв, то они не смогут даже коснуться друг друга. Все волшебники утверждают, что им этого даже и не захочется. Они говорят также, что мертвые забывают, что значит быть живым. Но ведь Лили тогда коснулась его! Она его поцеловала! Что, если они все-таки — пусть ненадолго — вспомнят, что такое жизнь, увидят друг друга, даже

если и не смогут друг друга коснуться?..

— Олдер!

Он медленно поднял глаза и увидел рядом женщину. Маленькую седую женщину. Тенар. В ее глазах он прочел самое искреннее сочувствие и грусть, но никак не мог понять, чем она так расстроена. Потом вспомнил: ее дочь, та девушка с обожженным лицом, уехала вместе с королем. Возможно, оттуда пришли дурные вести. А что, если все они погибли?

— Ты не болен, Олдер? — участливо спросила его Тенар.

Он покачал головой. Говорить ему было тяжело. Ах, как легко было бы в той, другой стране! Не нужно ни с кем говорить. Не нужно встречаться ни с кем глазами. Не нужно ни о чем беспокоиться...

Тенар тоже присела на скамью.

— Тебя явно что-то тревожит, — сказала она. Он только рукой махнул — да нет, все в порядке, не обращай внимания.

— Ты ведь какое-то время жил на Гонте, у моего мужа Ястреба. Как он там? О себе-то заботится?

— Да, — с трудом вымолвил Олдер. И тут же заставил себя ответить получше: — Он был для меня самым лучшим, самым гостеприимным хозяином!

— Рада это слышать, — кивнула она. — Я вообще-то о нем беспокоюсь. Он умеет вести дом и все хозяйство не хуже меня, и все же я очень не люблю оставлять его одного... Прощу тебя, скажи, чем он занимался, пока ты был там?

Он рассказал ей, что Ястреб собрал сливы и продал их в деревне, что они вместе чинили ограду, что Ястреб помогал ему спать, а потом придумал эту штуку с котенком...

Тенар слушала внимательно, серьезно, словно все эти мелочи были невероятно важны, не менее важны, чем те странные события, о которых они говорили здесь три дня назад, — о мертвых, взывающих к живому, о девушке, превратившейся в дракона, о драконах, сжигающих западные острова.

Но Олдер действительно не смог бы сказать, что, в конце концов, имеет для него больший вес: дела великие, но непонятные и странные или самые обычные, повседневные дела.

— Мне бы так хотелось сейчас уехать домой! — сказала Тенар.

— Мне тоже, только вряд ли это было бы хорошо. Я думаю, мне лучше никогда домой не возвращаться. — Олдер и сам не знал, зачем сказал это, но, слыша собственный голос, решил, что сказанные им слова в высшей степени справедливы.

Тенар с минуту смотрела на него своими спокойными серыми глазами, словно желая что-то спросить, но так ничего и не спросила.

— А еще мне хочется, чтобы и моя дочь вернулась домой со мною вместе, — сказала она. — Но, видно, зря я на это надеюсь. Я понимаю, она должна идти дальше. Но не знаю — куда!

— А ты не могла бы объяснить мне, что это за дар, которым она обладает? И что она за женщина такая, что сам король послал за нею и взял ее с собой на переговоры с драконами?

— Ох, если б я сама это знала! — воскликнула Тенар голосом, полным любви, печали и затаенной горечи. — Тогда бы я, конечно же, рассказала тебе об этом. Она ведь не родная дочь мне, как ты, наверно, уже догадался или узнал. Она попала ко мне совсем малышкой. Мы тогда буквально вытащили ее из огня, да только спасти ее удалось с превеликим трудом... И следы все-таки остались. Когда мы с Ястребом стали жить вместе, Техану стала и его дочерью тоже. А потом именно она спасла нам жизнь, спасла нас обоих от страшных мучений, призвав на помощь дракона Калессина, которого еще называют Старейшим. И этот дракон называл ее дочерью! Так что Техану — дитя многих и никого конкретно. Кто она такая на самом деле, я, возможно, не узнаю никогда. Но мне все равно. Больше всего сейчас мне хочется, чтобы она была здесь, рядом со мной, в безопасности!

Олдеру очень хотелось подбодрить ее, успокоить, однако и его собственная душа сейчас слишком сильно нуждалась в поддержке.

— Расскажи мне немного о твоей жене, Олдер, — попросила вдруг Тенар.

— Я не могу, — сказал он в той тишине, что так легко лежала меж ними. — Я бы непременно рассказал, если б мог, госпожа Тенар! У меня сегодня так тяжело на душе, меня терзает такой страх, что я пытаюсь думать о Лили, но вижу только ту темную пустыню, склон того холма, уходящий во тьму, и не могу разглядеть ее среди других теней. Все воспоминания о ней, которые были для меня все равно что воздух и вода, ушли в эту сухую землю! У меня ничего не осталось.

— Ох, прости, — прошептала она, и оба снова некоторое время сидели в полной тишине и молчании. Сумерки сгущались. По-прежнему было очень тепло, не чувствовалось ни малейшего ветерка. Горевшие во дворце огни просвечивали сквозь резные ставни на окнах и поникшие ветви плакучих ив.

— Что-то происходит, — сказала Тенар. — Я чувствую: в мире происходят великие перемены. И, возможно, скоро не останется ничего из того, что мы помнили и знали.

Олдер посмотрел в темнеющие небеса, на фоне которых отчетливо выделялись башни дворца; белый мрамор и алебастр, казалось, впитали в себя дневной свет и те последние закатные лучи, которые еще просачивались из-за западного горизонта. Олдер отыскал глазами меч, вознесенный на вершину самой высокой башни, и увидел, как его острие слабо светится серебром.

— Смотри! — воскликнул он. На самом конце этого острия сияла звезда — точно бриллиант или капля воды. И пока они, не отрываясь, смотрели на это чудо, звезда потихоньку отделилась от меча и, поднявшись чуть выше, повисла прямо над ним.

Вдруг они услышали, что во дворце поднялся переполох, а за стенами его звучат громкие голоса, звуки горна, кто-то громким голосом отдает приказы.

— Они вернулись! — Тенар вскочила. Воздух наполнился тревожным возбуждением. Олдер тоже вскочил, и они бросились во дворец, но Олдер, прежде чем сунуть котенка за пазуху, все же еще раз взглянул на тот меч, теперь похожий на слабо мерцающий лучик света, и на звезду, что плыла, ярко сияя, прямо над ним.

Действительно, «Дельфин» на всех парусах влетел в гавань. Несмотря на душную летнюю ночь и полный штиль, волшебный ветер туго надувал его паруса. Никто во дворце не ожидал, что король вернется так скоро, однако же все было готово к его появлению в любой момент; нигде не наблюдалось ни малейшего беспорядка. На пристань мгновенно высыпали придворные, свободные от службы гвардейцы и простые горожане. Все были рады приветствовать своего короля, а песенники и арфисты уже готовились слушать историю о том, как он бился с драконами и победил их, чтобы потом сочинять об этом песни и баллады.

Однако встречавших постигло разочарование: король и сопровождавшие его лица направились напрямик во дворец, а гвардейцы и моряки с корабля повторяли одно и то же: «Они поднялись прямо в горы от песчаных отмелей Онневы, а через два дня вернулись. Волшебник Оникс даже специально послал к нам почтового голубя с приказом короля спуститься к выходу из залива, хотя сперва предполагалось, что мы встретимся с ними в Южном порту. Когда мы подошли к условленному месту в устье реки, они уже поджидали нас. И были целехоньки! Мы видели, как горят леса над южным Фалиерном, и очень беспокоились».

Тенар тоже была среди собравшихся на пристани, и Техану бросилась к ней и крепко ее обняла. Но, когда они уже поднимались по улице ко дворцу, а вокруг мелькали огни и слышались радостные крики, Тенар по-

прежнему думала: «Все переменялось. И она переменялась. Она никогда не вернется домой!»

Лебаннен шел, окруженный стражей. Напряженный и энергичный, он выглядел весьма воинственно и весь будто светился. «Эррет-Акбе! — кричали из окон люди, видя его. — Сын Морреда!» На ступенях королевского крыльца он обернулся — лицом сразу ко всей толпе, — и его звучный голос перекрыл крики и прочий шум.

— Слушайте меня, жители Хавнора! Эта Женщина с Гонта выступила в нашу защиту, призвав к себе самого главного из драконов, нападающих на побережье Хавнора! Они условились о перемирии, и вскоре один из драконов прилетит к нам, в столицу. Да, во дворец Махариона прилетит дракон! Но не для того, чтобы его разрушить, а для того, чтобы договориться с людьми. Пришло время, когда люди и драконы должны встретиться и спокойно поговорить. Предупреждаю вас: когда увидите летящего сюда дракона, не бойтесь и не стремитесь с ним сразиться. Не убегайте, не прячьтесь, а приветствуйте его в знак мира. Приветствуйте его так, как приветствовали бы великого правителя, который с миром прибыл к нам из далекой страны. И ничего не бойтесь! Ибо мы хорошо защищены мечом Эррет-Акбе, Кольцом Эльфарран и именем Морреда. И я своим собственным именем клянусь, что до конца своей жизни буду защищать и свою столицу, и свое королевство!

Люди слушали Лебаннена затаив дыхание. Когда же он повернулся и легкими широкими прыжками стал подниматься по лестнице, разразились приветственными криками и радостными восклицаниями.

— Я подумал, что лучше все же как-то предупредить их, — сказал он самым обычным голосом, обращаясь к Техану, и та молча кивнула. Он советовался с ней, как с другом, как с боевым товарищем, и она вела себя с ним соответственно. Тенар и находившиеся поблизости придворные не могли не заметить этого.

Лебаннен приказал собрать завтра, в четыре часа утра, полный Королевский Совет, и все разошлись, а он ненадолго задержал Тенар и сказал вслед удалявшейся Техану:

— Это она нас защищает!

— Одна?

— Не бойся за нее. Она дочь дракона и сестра драконов. Ей доступны такие дали, куда нам путь заказан. Не бойся за нее, Тенар!

И она склонила голову, принимая его заверения.

— Благодарю тебя, что привез ее ко мне невредимой, — сказала она. — Пусть хоть ненадолго.

Они были в эти минуты одни в том коридоре, что вел в западные покои дворца. Тенар подняла на короля глаза и сказала:

— Я поговорила о драконах с принцессой.

— С принцессой? — непонимающе переспросил он.

— У нее есть имя. Я не могу назвать его тебе, пока она верит, что ты способен им воспользоваться, чтобы уничтожить ее душу.

Лебаннен нахмурился, но промолчал.

— Дело в том, — продолжала Тенар, — что на острове Гур-ат-Гур издавна живут драконы. Довольно маленькие, по словам принцессы, и бескрылые. И говорить они тоже не умеют. Но они там считаются существами священными. Этаким живым символом смерти и непрямого возрождения. Принцесса, кстати, напомнила мне, что мой народ после смерти не уходит в ту страну, о которой рассказывает Олдер. Нет, мы уходим совсем не туда! И эта принцесса, и я, и драконы — все мы после смерти вновь обретем жизнь!

Лицо Лебаннена было исполнено самого пристального внимания.

— Гед задавал эти вопросы Техану, — очень тихо сказал он. — Неужели это ответ?

— Я рассказываю только то, о чем принцесса напомнила мне. И сегодня же непременно поговорю об этом с Техану.

Лебаннен снова нахмурился, явно размышляя. Потом его лицо прояснилось, он наклонился, поцеловал Тенар в щеку, пожелал ей спокойной ночи и быстрыми шагами пошел прочь. А она еще долго смотрела ему вслед.

Тронный зал был старейшим залом дворца еще при Махарионе. А во времена Гемаля, Морем Рожденного, принца Дома Илиен, впоследствии ставшего королем Хавнора, это был самый главный зал дворца. Потомками Гемаля были и королева Геру, и ее сын Махарион. В одном из многочисленных хавнорских лэ есть такие строки:

Сотня воинов и сотня женщин
За стол садились в Тронном зале
Гемаля, что рожден был морем.
И сыновья родов древнейших
Изысканно вели беседу.
Нет в мире воинов храбрее!
И в мире нет прекрасней женщин!

Этот зал являлся как бы центром всего дворца, и вокруг него более ста лет наследники Гемаля размещали другие залы, соединяя их переходами, и дворец все разрастался, пока Геру и Махарион не построили самую высокую башню, Алебастровую, или Башню Королевы, которая потом стала называться Башней Меча.

Всем этим башням было уже много веков, однако жители Хавнора упорно называли все это вместе Новым Дворцом, — собственно, «Новым» дворец стали называть со дня смерти Махариона. На самом деле, когда начал править Лебаннен, дворец был очень стар и наполовину разрушен. Он перестроил его практически полностью, не жалея средств. Купцы с Внутренних островов, ошалев от радости, что у них наконец появился настоящий король и настоящие законы, способные защитить их, сами стали платить королю необычайно высокую торговую пошлину, а кроме того, предлагали дешево или бесплатно самые различные строительные материалы для дворца. И в течение нескольких первых лет даже ни разу не пожаловались на слишком высокие налоги и на то, что, мол, дети их останутся нищими. Все это оказалось очень кстати, и Лебаннен сумел сделать Новый Дворец действительно новым и прекрасным. Однако Тронный зал — сменив в нем лишь сгнившие балки и покрыв слоем свежей штукатурки старинные каменные стены, а также вставив стекла в узкие, расположенные почти под потолком окна, — он оставил во всей его невзрачной и мрачноватой неприкосновенности.

Во времена краткого правления представителей различных лжединастий, а также в Темные Годы, когда страной правили тираны и узурпаторы, выдержав все катаклизмы, королевский трон так и остался стоять на возвышении в дальнем конце длинного зала. Трон был деревянный, с высокой спинкой; некогда он был обит золотом, но теперь, разумеется, золота не осталось и в помине; вынули даже мелкие золотые гвозди, оставив в дереве дырочки; впрочем, кое-где гвозди все же застряли в древесине, особенно там, где золотую обшивку пришлось отдирать, что называется, «с мясом». Шелковые подушки и занавеси были украдены или сожраны молью, мышами и плесенью. И невозможно было даже представить себе, как выглядел этот трон когда-то. Неизменным осталось только место, где он стоял, да резьба на спинке — летящая цапля с веточкой ясеня в клюве, символ Дома Энлада.

Первые короли этого Дома прибыли с Энлада на Хавнор восемьсот лет назад. Там, где высится трон Морреда, говорили они, и есть наше королевство.

Лебаннен велел вычистить трон, заменить все сгнившие деревянные

детали, покрыть дерево несколькими слоями олифы и отполировать, и трон снова засиял, точно темный атлас. Однако Лебаннен оставил его некрашеным, не стал обивать золотом и класть на него шелковые подушки — оставил его, можно сказать, голым. Кое-кто из богатых людей, приходивших полюбоваться заново отстроенным дворцом, был недоволен видом Тронного зала и самого трона. «Как в амбаре! — презрительно восклицали они. — Неужели это трон великого Морреда? Больше похоже на любимое кресло старого фермера!» А Лебаннен на это отвечал: «Что за королевство без амбаров! Ведь крестьяне со своими амбарами его и кормят!» Другие, правда, утверждали, что он говорил не так: «Неужели все мое королевство — лишь пустячная игрушка из золота и бархата? Или все же оно покоится на прочном фундаменте из бревен и камня?» А третьи считали, что Лебаннен и вовсе не стал отвечать на замечания недовольных, разве что сказал, что «ему так нравится». И продолжал своими королевскими ягодицами усаживаться на жесткий, не покрытый ни коврами, ни подушками трон. Так что критикам его все равно не дано было сказать в этом споре последнее слово.

Вот в этот-то строгий зал с балками под потолком в конце лета, ранним холодным утром, окутанным морскими туманами, вереницей вошли члены Королевского Совета: девяносто один человек, мужчины и женщины. Их должно было быть сто, но в полном составе им никогда не удавалось собраться. Все эти люди были выбраны королем. Одни из них представляли знатные княжеские дома Внутренних островов, давно присягнувшие королю и короне; другие стремились выразить интересы отдельных островков и городов. Некоторых король ввел в Совет потому, что надеялся увидеть их в роли полезных и надежных помощников. В Совет входили также представители купечества, судовладельцы, хозяева фабрик, не так давно появившихся в Хавноре и других крупных портовых городах моря Эа и Внутреннего моря. Все это были люди известные, поистине великолепные в своей умышленной тяжеловесности и темных одеждах из тяжелого шелка. Были в Совете представлены и мастера из различных ремесленных гильдий, а также хитрые торговцы, умеющие заключить любую сделку. В толпе выделялась светлоглазая женщина с заглубленными тяжелыми руками — она возглавляла женщин-рудокопов Осскила. Пришли на Совет и волшебники с Рока в таких же, как у Мастера Оникса, серых плащах и с деревянными посохами. Прибыл также волшебник с острова Пельн по имени Мастер Сеппель; у этого волшебника никакого посоха не было, но люди старались держаться от него подальше, хотя вид у Сеппеля был самый дружелюбный. Были там и знатные дамы, старые и молодые, из

королевских фьефов и княжеств, разодетые в шелка с острова Лорбанери и жемчуга с Песочных островов. Две женщины представляли самые дальние острова Восточного Предела — одна из них была с острова Иффиш, а другая с острова Корп. Обе они были плотные, коренастые, исполненные чувства собственного достоинства. Были на Совете также поэты и ученые из старинных университетов Энладских островов, а также некоторые капитаны сухопутных войск и королевского флота.

Всех этих советников, как уже говорилось, выбрал сам король. Каждые два-три года он непременно собирал их и просил еще послужить ему, а кого-то отсылал домой с благодарностями и почестями и заменял другими избранниками. Все законы, все налоги, все судебные дела он непременно обсуждал на Совете, прислушиваясь к словам людей, и окончательное решение принимал лишь с согласия большинства. Существовали, конечно, и такие, кто заявлял, что Совет ничего не значит, что советники — это всего лишь королевские марионетки, но на самом деле все обстояло иначе. Король действительно мог настоять на своем, особенно если приводил веские аргументы. Однако он избегал таких ситуаций, часто вообще не высказывал свое мнение и всегда давал возможность Совету самому принять то или иное решение. И многие члены Совета давно уже поняли, что если имеется достаточно доказательств правоты того или иного суждения, то вполне можно не только перетянуть на свою сторону других, но даже и убедить самого короля. Так что дебаты внутри различных подразделений и особых отделов Королевского Совета зачастую бывали жаркими, а во время сессий, когда весь Совет заседал целиком, королю не раз выдвигались весьма серьезные возражения, и в результате голосования он проигрывал. Впрочем, Лебаннен был хорошим дипломатом, а вот политиком — довольно равнодушным.

И потому находил, что Совет отлично ему служит. Кроме того, наиболее знатные и могущественные семейства королевства давно уже стали относиться к Совету с должным уважением. А вот простой народ на советников особого внимания не обращал. Эти люди все свои надежды, все свое внимание сосредоточили на личности самого короля. Были сложены тысячи лэ и баллад о «сыне Морреда», о «принце, верхом на драконе пересекавшем царство смерти», о «герое Сорры, держащем в руках Меч Серриадха», о «ветви священной рябины» и о «высоком Ясене Энлада» — в общем, о всенародно обожаемом короле, который правил Земноморьем под Знаком Мира. И, согласитесь, трудноато складывать песни о советниках, которые спорят по поводу портовых налогов.

Итак, не воспеваемые в народе, советники цепочкой тянулись в

Тронный зал и занимали свои места на покрытых коврами скамьях, стоявших лицом к голому деревянному трону. Все встали, когда в зал вошел король. И вместе с ним вошла та самая Женщина с Гонта. Ее большая часть присутствующих видела и раньше, так что ее появление не вызвало в зале ни малейшего шума. За королем и Техану следовал какой-то хрупкий человек в черных, порыжевших от времени одеждах. «Выглядит как деревенский колдун», — заметил купец из Кемери судовладельцу с острова Уэй, и тот добродушно откликнулся: «Точно!» Короля Лебаннена любили почти все члены Совета или уж, по крайней мере, симпатизировали ему; ведь, в конце концов, именно он дал им власть, и немалую, и даже если они не чувствовали себя обязанными быть ему за это благодарными, то суждения его они безусловно уважали.

Пожилая леди Эбеа, запаздывая, вбежала в зал, и принц Сеге, который в этот день председательствовал, велел всем садиться, а потом сказал:

— Послушайте, уважаемые члены Совета, что нам расскажет наш король! — И в зале наступила полная тишина.

Лебаннен рассказал — и для многих это было буквально откровением — о нападении драконов на Западный Хавнор и о том, как ему вместе с Женщиной с Гонта, Техану, удалось вступить с ними в переговоры.

Некоторое время он специально держал аудиторию в напряжении, пространно рассказывая о более ранних нападениях драконов на острова Западного Предела, а заодно поведав собравшимся историю, которую рассказывал Оникс о той девушке, что превратилась в дракона на вершине Холма Рок. Он также напомнил советникам, что Техану считается как дочерью Тенар и Ястреба, бывшего Верховного Мага, так и дочерью дракона Калессина, на спине которого сам король был доставлен с далекого острова Селидор.

Затем наконец Лебаннен рассказал и о том, что произошло близ перевала в Фалиернских горах три дня назад, на рассвете.

А закончил он следующими словами:

— И дракон пообещал передать послание Техану Орм Ириан, которая находится сейчас на острове Пальн. Теперь ей еще придется преодолеть довольно большое расстояние до нашего острова — не менее трех сотен морских миль. Но, как известно, драконы способны преодолевать большие расстояния куда быстрее любого судна, даже подгоняемого волшебным ветром, так что мы можем ожидать появления Орм Ириан даже в самое ближайшее время.

Принц Сеге первым задал Лебаннену вопрос, зная, что вопрос этот будет ему приятен:

— А что ты надеялся выиграть, господин мой, вступая в переговоры с драконами?

Ответ прозвучал незамедлительно:

— Гораздо больше, чем мы когда-либо могли бы выиграть, пытаясь с ними сражаться! Это трудно выразить словами, но это чистая правда: против гнева драконов нет защиты, и если они действительно намерены напасть на нас, то мы погибли. По мнению мудрецов, лишь одно место, возможно, сумеет выдержать их натиск: остров Рок. Но на самом Роке вряд ли есть хотя бы один человек, способный противостоять разгневанному дракону. А потому мы должны непременно выяснить причину их гнева и, устранив ее, заключить с ними мир.

— Но ведь это животные! — сказал старый правитель острова Фелкуэй. — Они лишены разума! Люди не могут договориться с животными и заключить с ними мир.

— Но разве у нас нет меча Эррет-Акбе, которым был убит Великий Дракон?! — вскричал кто-то из самых молодых членов Совета.

Ему тут же возразили:

— А кто убил самого Эррет-Акбе?

Дебаты в Совете всегда проходили шумно и беспорядочно, хотя принц Сеге придерживался строгих правил и не позволял никому прерывать выступающего или же говорить дольше, чем сыплется песок в двухминутных песочных часах. Болтуны и нытики тут же умолкали, стоило принцу Сеге ударить об пол своим посохом с серебряным наконечником и предложить выступить следующему докладчику. Так что, в общем, каждый говорил или кричал весьма недолго, однако сказано было много — и того, что действительно должно было быть сказано, и того, чего говорить не нужно было совсем. Спорили главным образом из-за того, стоит ли вступать в войну с драконами и стремиться их победить.

— Да отряд лучников с любого боевого корабля перестреляет их над морем, как стаю уток! — горячился багровый купец из Уотхорта.

— Неужели мы должны пресмыкаться перед какими-то безмозглыми чудовищами? Неужели у нас совсем не осталось героев? — высокомерно вопрошала королева Отокне.

На эти слова весьма резко ответил волшебник Оникс:

— Безмозглые? Драконы говорят на Языке Созидания, знание которого является основой всех магических искусств и умений! Да. Они кажутся нам чудовищами, но они не более чудовищны, чем мы, люди. Между прочим, люди — это тоже всего лишь говорящие животные!

Ониксу возразил шкипер, старый морской волк, совершивший немало

дальних странствий:

— В таком случае разве не вы, мудрецы и волшебники, должны были бы с ними разговаривать? Раз уж вы знаете их язык и, возможно, разделяете их могущество? Наш король только что рассказывал, что какая-то юная, нигде не учившаяся волшебству девушка взяла да и договорилась с драконом. Разве не могли бы Мастера с острова Рок поговорить с этими драконами или принять их обличье и сразиться с ними? На равных, а?

И тут встал волшебник с острова Пальн. Он был невысок и говорил тихим голосом:

— Принять чье-то обличье — это означает СТАТЬ этим существом, капитан, — сказал он вежливо. — Маг действительно может порой выглядеть как настоящий дракон. Однако Истинное Превращение — искусство очень рискованное. Особенно сейчас. Ибо даже одна маленькая перемена среди множества других перемен сравнима со слабым дыханием, которое пробуждает страшный ветер... Среди нас сейчас есть такой человек, которому никакой магии не нужно, чтобы разговаривать с драконами от нашего имени. И он умеет разговаривать с ними гораздо лучше, чем кто-либо другой. Если, конечно, пожелает говорить с ними от нашего имени, — прибавил он, помолчав.

И тут со своей скамьи, стоявшей возле тронного возвышения, поднялась Техану и громко сказала:

— Я буду говорить с ними! — И снова села.

После этих слов все споры прекратились и некоторое время стояла полная тишина, но вскоре все началось сначала.

Король слушал молча. Ему хотелось узнать, какие настроения преобладают у его подданных.

Нежными голосами пропели серебряные трубы, сыграв свою мелодию целых четыре раза, и это означало, что уже наступил час шестой, полдень. Король встал, и принц Сеге объявил перерыв до начала первого часа пополудни.

Завтрак, состоявший из свежего сыра, фруктов, зелени и овощей, был подан в одной из комнат в башне королевы Геру. Сюда Лебаннен пригласил Техану и Тенар, Олдера и Оникса, который, с разрешения короля, привел с собой также пельнийского волшебника Сеппеля. Все с аппетитом ели и разговаривали очень мало и тихо. В окна был виден залив и его дальний, северный, берег, тонувший в голубоватой дымке — то ли в остатках утреннего тумана, то ли в дыму лесных пожаров на западе острова.

Олдер по-прежнему недоумевал по поводу того, почему король включает его в круг самых близких людей и даже пригласил на Совет.

Какое он-то имеет отношение к драконам? Он бы не смог не только сражаться с ними, но и просто беседовать. Сама мысль о столь могучих существах пугала его. Временами хвастливые и вызывающие крики членов Совета напоминали Олдеру лай собак. Он однажды видел, как одна молодая собака, стоя на берегу, все лаяла на океан, все сердилась, все пыталась укусить набегавшую волну и тут же отскакивала, поджав хвост, стоило волне намочить ей лапы.

Однако ему было очень приятно побыть в обществе Тенар. Рядом с ней ему всегда становилось легче, и он к тому же очень полюбил ее за доброту и мужество. К своему удивлению, он обнаружил, что почти так же легко ему и в обществе Техану.

Ее уродство заставляло его порой думать, что у нее два лица и он просто не может увидеть их оба одновременно — либо одно, либо другое. Но Олдер уже привык к необычной внешности девушки, и это его совершенно не смущало. Ведь лицо его матери тоже было наполовину закрыто уродливым темно-красным родимым пятном, и лицо Техану напоминало ему об этом.

Теперь она казалась уже не такой беспокойной и встревоженной, как прежде. Сидела тихонько и пару раз даже заговорила с Олдером, который оказался ее соседом. В голосе ее слышалось какое-то застенчивое дружелюбие. Олдер чувствовал, что Техану, как и он, попала сюда не случайно, что состоялся некий ВЫБОР и она теперь должна следовать тем путем, которого пока что и сама не знает. Возможно, и ей, и ему уготован один и тот же путь? На некоторое время, во всяком случае. Мысль об этом придала Олдеру мужества. Понимая лишь одно — что ему предстоит закончить нечто давно уже начатое, — он инстинктивно чувствовал, что, чем бы это задание ни оказалось, его лучше будет выполнить вместе с Техану. Возможно также, их тянуло друг к другу просто по причине одиночества.

Однако в разговорах с ним Техану столь глубоких проблем не касалась.

— Мой отец, кажется, подарил тебе котенка? — спросила она, когда они вышли из-за стола. — Он его у Тетушки Мох взял?

Олдер кивнул, и она спросила:

— Серого?

— Да.

— Это самый лучший котенок!

— Да, хорошая кошка, — согласился Олдер. — Все толстеет тут.

И Техану застенчиво поправила его:

— Я думаю, это «он».

Олдер и сам не заметил, что улыбается.

— Верно. Это мой маленький дружок. Один моряк на корабле прозвал его Буксирчиком.

— Буксирчик... — повторила Техану с удовлетворением.

— Техану! — Король подошел к ним и сел рядом с девушкой у окна. — Я тебя во время заседания не стал спрашивать и не стал просить, чтобы ты ответила при всех на те вопросы, которые лорд Ястреб задал тебе. Там это было неудобно, пожалуй. А здесь тебе удобно на них ответить?

Олдер с любопытством посмотрел на Техану. Она заговорила не сразу. Подумала немного, потом разок глянула на мать, которая, впрочем, никакого знака ей не подала, и наконец сказала:

— Хорошо, я отвечу тебе здесь, господин мой.

— Но нельзя ли также пригласить и принцессу с острова Гур-ат-Гур?

Король поперхнулся, но все же любезно предложил:

— Послать мне за ней?

— Нет, не нужно. Я сама потом к ней схожу. Мне, в сущности, не так уж много нужно ей сказать. Итак, мой отец спросил: «Кто после смерти уходит в темную страну?» Мы с мамой много говорили об этом. И мы думаем, что туда уходят люди. А вот уходят ли туда животные? Разве там летают птицы? Разве растут там деревья и трава? Олдер, ты же все это сам видел!

Застигнутый ее вопросом врасплох, он мог сказать лишь:

— Там... там есть трава по обе стороны стены, но она кажется мертвой. А дальше — я не знаю.

Техану посмотрела на короля.

— Ты прошел через всю эту страну, господин мой.

— Я не видел ни зверя, ни птицы и ни одного растения.

И Олдер поддержал его:

— Да, и мне лорд Ястреб говорил, что там только пыль да камни.

— Я думаю, что ни одно живое существо не попадает туда после смерти, кроме людей, — сказала Техану. — Но и не все люди попадают туда. — И она снова посмотрела на мать и на этот раз глаз от ее лица не отвела.

И Тенар заговорила:

— Карги в этом отношении похожи на зверей. — Голос ее был сух и бесцветен. — Они умирают, чтобы возродиться вновь.

— Это предрассудки! — воскликнул Оникс. — Прости меня, леди Тенар, но ведь и ты сама... — Он запнулся.

— Я больше не верю в то, что являюсь той, кем они меня считали — Арой, Поглощенной, Вечно Возрождающейся Жрицей, той Единственной, кому дана возможность бесконечного возрождения, а потому бессмертной. Я верю в то, что после смерти, как и любое смертное существо, воссоединюсь с величайшей сущностью нашего мира. Как эта трава, как эти деревья, как животные в этих лесах. Люди ведь тоже всего лишь животные, просто они умеют говорить. Ты ведь и сам сказал это сегодня утром, господин мой.

— Но мы можем говорить и на Языке Созидания, — запротестовал волшебник. — Изучая слова, с помощью которых Сегой создал наш мир, Истинную Речь нашей жизни, мы учим свои души побеждать смерть.

— Значит, страна, где нет ничего, кроме пыли и теней, это и есть ваши завоевания? — Теперь в голосе Тенар звучала насмешка, глаза ее сверкнули.

Оникс не нашелся что ответить. На лице его было написано возмущение. Пришлось вмешаться королю.

— Лорд Ястреб задал и второй вопрос, — сказал он. — «Может ли дракон перелететь через ту каменную стену?» — И он посмотрел на Техану.

— Ответ на второй вопрос есть в ответе на первый, — сказала она. — Если драконы — всего лишь животные, умеющие говорить, то животные в темную страну после смерти не попадают. Видел ли хоть один из магов в той сухой стране дракона? Или, может быть, ты его там видел, господин мой? — Она посмотрела на Оникса, затем перевела взгляд на Лебаннена. Оникс, не задумываясь, выпалил:

— Нет!

Король был потрясен.

— Как это мне самому никогда такой простой мысли и в голову не пришло? — пробормотал он. — Нет, мы не видели там ни зверей, ни драконов. По-моему, их там нет.

— Господин мой, — вдруг очень громко сказал Олдер, — посмотри! Вон там, совсем близко, дракон! — И он, повернувшись лицом к окну, показал в небеса.

Все тут же повернулись к нему и... в небе над заливом увидели дракона, летевшего с запада. Его длинные, как лопасти ветряной мельницы, крылья медленно поднимались и опускались, отливая красным и золотым. За драконом в легком жарком мареве летел завиток дыма.

— Так-так, — промолвил король. — И какие же апартаменты мне приготовить для этого гостя?

Он смотрел на дракона восхищенными глазами, точно зачарованный. Однако, заметив, что дракон развернулся и теперь летит прямо к Башне Меча, Лебаннен бросился вон из комнаты, вниз по лестнице, расталкивая изумленных стражников, и успел-таки выбежать на просторную террасу перед белой башней до того, как дракон приземлился.

Собственно, терраса эта была крышей большого парадного зала и представляла собой довольно большой прямоугольник, покрытый мраморной плиткой и огражденный низенькой балюстрадой; Башня Меча возвышалась прямо над этой террасой и рядом — Башня Королевы. Дракон загрохотал когтями по мраморному полу, с громким металлическим шелестом сворачивая свои длинные крылья, и король вышел ему навстречу. В тех местах, где дракон тормозил, его огромные когти оставили в мраморе глубокие борозды.

Длинная морда, покрытая золотистой чешуей, покачиваясь, поворачивалась по кругу, точно у птицы. Дракон смотрел прямо на короля.

Король же, опустив глаза и не желая встретиться с ним взглядом, четко произнес:

— Добро пожаловать, Орм Ириан! Я — Лебаннен.

— АГНИ ЛЕБАННЕН! — оглушительно прошипел или просвистел дракон, приветствуя его; так когда-то, очень давно, приветствовал его и дракон Орм Эмбар на самом далеком западном берегу Земноморья еще до того, как он стал королем.

Следом за Лебанненом на террасу выбежали и тут же остановились Оникс и Техану, а также несколько гвардейцев. Один стражник уже выхватил меч, и Лебаннен заметил, что из окна Башни Королевы высунулся другой стражник с луком и тяжелой стрелой, нацеленной дракону прямо в грудь.

— Сложите свое оружие! — вскричал он таким голосом, что эхо прозвенело по всему дворцу, и стража повиновалась с такой поспешностью, что тот стражник, с мечом, чуть не выронил свой клинок. Впрочем, лучник опустил свой лук весьма неохотно, с трудом заставляя себя оставить своего короля совсем беззащитным.

— МЕДЕУ! — прошептала Техану, подходя к Лебаннену и становясь с ним рядом; она-то глаз не сводила с дракона. Огромная голова чудовища снова качнулась, повернулась, и невероятных размеров янтарный глаз в сияющей глазнице, покрытой морщинистой чешуей, уставился на Техану.

А потом дракон заговорил.

Оникс, понимая Истинную Речь, шепотом переводил королю, что сказал дракон и что ему ответила девушка.

— Дочь Калессина, моя сестра! — сказал дракон. — Ты не можешь летать?

— Да, я не могу перемениться, сестра, — ответила Техану.

— Так, может быть, мне?..

— Ненадолго. Если захочешь.

И те, что были на террасе, и те, что смотрели из окон башен, увидели одну из самых странных вещей, какую только могли увидеть люди, сколько бы они ни прожили в мире волшебников и всяких чудес: дракон, огромное чудовище, покрытое чешуей, с огромным шипастым хвостом, занимавшим практически всю террасу, с украшенной красными рогами головой, которая раза в три превосходила своими размерами стоявшего рядом короля, вдруг склонил голову и задрожал; при этом крылья его зазвенели, точно цимбалы, и не дым, а лишь туман облаком вылетел из его глубоких ноздрей, собравшись в некую определенную форму и окутав всего дракона, так что и сам он стал полупрозрачным, точно помутневшее от старости стекло, а потом исчез. Полдненное солнце изливало свои жаркие лучи на изборозженный когтями дракона мраморный пол, но дракона там больше не было. Там стояла женщина! И стояла она шагах в десяти от Техану и короля. И в точности там, где должно было бы быть сердце дракона.

Женщина была молода, высока ростом и довольно крепкого сложения, очень смуглая, темноволосая, одетая в женскую крестьянскую рубаху и мужские штаны, босая. Она стояла неподвижно, словно растерявшись, и, опустив голову, рассматривала свое тело. Потом подняла руку и осмотрела ее.

— Какая маленькая! — промолвила она на обычном ардическом языке и, рассмеявшись, весело глянула на Техану: — Похоже знаешь на что? Так бывает, когда берешь в руки башмачки, которые были у тебя в далеком детстве, — сказала она.

И обе женщины двинулись навстречу друг другу, торжественно, точно воины в полном боевом облачении, приветствующие друг друга, или корабли, встречающиеся в морском просторе. Потом обнялись. Некрепко, но долго не размыкали объятий. А потом обе повернулись лицом к королю.

— Леди Ириан, — промолвил он и поклонился.

Ириан, казалось, была в некотором замешательстве, потом неуклюже, по-деревенски, сделала книксен. Когда она наконец подняла глаза, Лебаннен увидел, что глаза у нее цвета янтаря. Он заглянул в них и тут же отвернулся.

— В этом обличье я не причиню тебе никакого вреда, — сказала она, широко улыбаясь и показывая ровные белые зубы, — господин мой

король, — прибавила она, словно стараясь быть вежливой.

Лебаннен снова поклонился ей. На самом деле в замешательстве был именно он. Он вопросительно посмотрел на Техану, потом на Тенар, которая как раз вышла на террасу вместе с Олдером. Но все молчали.

Глаза Ириан скользнули по Мастеру Ониксу, который стоял в своем сером плаще за спиной у короля, и лицо ее снова просветлело.

— Господин мой, — спросила она, — ты ведь с острова Рок? Да? А знаешь ли ты лорда Путеводителя?

Оникс то ли поклонился ей, то ли просто кивнул. Он тоже избегал смотреть ей в глаза.

— Здоров ли он? Гуляет ли по-прежнему среди своих деревьев?

И снова волшебник молча кивнул ей.

— А как там Мастер Привратник, и Мастер Травник, и Курремкармеррук? Они стали моими друзьями, они с самого начала были на моей стороне, они готовы были меня защищать! Если ты когда-нибудь вернешься на Рок, то передай им, пожалуйста, мой привет, мою любовь и мое уважение.

— Непременно передам, — пообещал волшебник.

— Здесь моя мать, — тихонько сказала Техану, — Тенар с острова Атуан.

— Тенар с острова Гонт, — поправил ее Лебаннен, и в голосе его уверенностью зазвенел металл.

С нескрываемым любопытством и восхищением глядя на Тенар, Ириан сказала:

— Так это ты вместе с Верховным Магом вернула Кольцо Мира из далекой страны Седых Людей?

— Да, — сказала Тенар, так же прямо глядя Ириан в глаза, как и Техану.

Высоко над ними, на балконе, опоясывавшем Башню Меча, почти у самой ее вершины, произошло вдруг некоторое замешательство: трубачи вышли на балкон, чтобы протрубить наступление очередного часа, но замешкались, все четверо сгрудившись на южной стороне балкона, глядя вниз, на террасу, и тщетно надеясь разглядеть там дракона. Лица людей виднелись в каждом окне, шум голосов с улиц доносился сюда, точно гул близкого приюта.

— Когда они протрубят первый час, — сказал Лебаннен, — Совет соберется снова. Члены Совета, должно быть, видели, как ты прибыла сюда, госпожа моя, или, по крайней мере, слышали. Так что, если не возражаешь, мы пройдем прямо к ним и позволим им полюбоваться тобой.

И если ты захочешь что-то сказать им, то обещаю тебе: они будут слушать очень внимательно.

— Отлично, — сказала Ириан и вдруг застыла. На какое-то мгновение в ней чувствовалась задумчивая пассивность рептилии, но стоило ей сделать шаг, и это впечатление сразу исчезло. Теперь она казалась просто очень высокой молодой женщиной, решительно и довольно неуклюже шедшей впереди всех.

— У меня такое ощущение, — говорила она с улыбкой, обращаясь к Техану, — словно я вот-вот взлечу, точно искорка: во мне ведь совсем не осталось веса!

Четверо трубачей на башне, обернувшись лицом к западу, северу, востоку и югу, протрубили одну музыкальную фразу из знаменитого плача, сочиненного пятьсот лет назад.

И на какое-то мгновение перед Лебанненом возникло лицо Эррет-Акбе — он был таким тогда, на берегу острова Селидор: темные, исполненные печали глаза, смертельная бледность. Весь израненный, он стоял рядом с останками дракона, убитого им в страшном поединке и убившего его самого. Лебаннену казалось очень странным то, что он именно сейчас вспомнил об этой давней встрече, и все же в этом была некая закономерность, ибо сейчас все, живые и мертвые, люди и драконы, собрались вместе, чтобы присутствовать на некоем великом событии, смысл которого Лебаннен постигнуть пока не мог.

На лестнице он подождал, пока его догонят Ириан и Техану, и, поднимаясь вверх с ними вместе, сказал:

— Леди Ириан, я бы хотел задать тебе множество вопросов, но есть среди них один, самый главный, и ответа на этот единственный вопрос мой народ и боится, и более всего желает знать его: собирается ли твой народ воевать с людьми, и если собирается, то по какой причине?

Ириан медленно склонила голову в знак согласия:

— Я расскажу членам твоего Совета все, что знаю.

Они прошли в Тронный зал через специальную, скрытую занавесями дверцу, находившуюся за тронном. В зале царил жуткий беспорядок и стоял такой шум, что, когда принц Сеге решительно постучал своим посохом об пол, этого сухого стука почти никто не услышал. А потом вдруг на аудиторию словно обрушилась тишина: все умолкли и обернулись, чтобы посмотреть на короля, вошедшего в зал вместе с женщиной-драконом.

Лебаннен на трон не сел, а остался стоять перед ним; Ириан встала рядом, по левую руку от него.

— Слушайте короля! — провозгласил Сеге в мертвой тишине.

— Друзья мои и советники! — начал король. — Этот день еще долго будет воспеваться в сказаниях и песнях! Дочери ваших сыновей и сыновья ваших дочерей будут говорить: «Я внук или внучка того, кто присутствовал в тот день на Совете Драконов!» Так что отдайте честь той, чье присутствие здесь — великая честь для всех нас! Слушайте Орм Ириан!

Некоторые из тех, кто был на Совете Драконов, утверждали потом, что, когда они смотрели прямо на Ириан, она казалась им всего лишь обыкновенной женщиной высокого роста, но если посмотреть на нее чуть искоса, то уголком глаза можно было заметить, что вокруг нее колыхнется некое золотистое марево, имеющее вполне определенные очертания, и рядом с этим туманным силуэтом совсем крошечными казались и король, и его трон. Многие из присутствовавших, зная, что человек не должен смотреть дракону в глаза, старались смотреть в сторону, но не выдерживали и все же украдкой поглядывали на Ириан. А женщины — так просто откровенно рассматривали ее, и некоторые из них находили ее простоватой, Другие же — прекрасной, а третьи жалели «бедняжку», которой «пришлось явиться в королевский дворец босиком». А отдельные члены Совета, видимо, чего-то так и не поняв, все удивлялись: что это за женщина такая и когда же наконец прилетит дракон?

Во время выступления Ириан в зале стояла мертвая тишина. Голос у нее был достаточно звонкий, чисто женский, и его хорошо было слышно даже в самых дальних уголках зала. Ириан говорила медленно, очень четко выговаривая слова и очень разумно строя фразы, но почему-то казалось, что она не просто говорит, а переводит свои мысли в уме на ардический язык с какого-то иного языка.

— Раньше меня звали Ириан, — начала она, — Ириан из домена Старая Ирия, что на острове Уэй. Теперь же мое настоящее имя — Орм Ириан. Калессин, наш Старейший, называет меня дочерью. Я сестра Орм Эмбара, которого хорошо знает ваш король Лебаннен, и внучка великого дракона Орма, который убил Эррет-Акбе и сам был смертельно им ранен. Я здесь потому, что меня призвала моя сестра Техану.

Когда Орм Эмбар погиб на острове Селидор, уничтожив при этом смертное тело волшебника Коба, Калессин, прилетев туда с самого дальнего запада, отнес Лебаннена и Верховного Мага на остров Рок. Затем, вернувшись на Драконьи Бега, Старейший созвал наш народ, которого проклятый Коб лишил способности говорить и который из-за этого пребывал в страшнейшем замешательстве, и сказал: «Вы позволили злу одержать над вами верх и превратить вас в своих помощников. Однако вы были тогда лишены разума, но теперь вы вновь обрели способность

мыслить здраво и говорить. Однако, пока дуют восточные ветры, вы никогда уже не сможете быть такими, какими были когда-то, — свободными и от добра, и от зла!»

И еще Калессин сказал так: «Когда-то давно мы сделали свой выбор. И выбрали свободу. А люди выбрали ярмо. Мы выбрали огонь и ветер, а они — воду и землю. Мы выбрали запад, они — восток. Но среди нас всегда находятся такие, кто завидует благополучию людей и их богатству, а среди людей всегда находится кто-то, завидующий нашей свободе. Вот в чем причина того, что зло сумело подчинить нас себе и войти в наши души. И оно снова сумеет одержать над нами верх, если мы не сделаем окончательный выбор — не решим раз и навсегда быть свободными! Вскоре я собираюсь на самый далекий запад — покружить в порывах иного ветра, подумать. Если хотите, я отведу вас туда. Или же подожду вас там, если вы решитесь последовать за мной».

И тогда некоторые драконы сказали: «Люди, с давних пор завидуя нам, украли у нас половину нашего царства! Ту, что лежит за западными границами их законной территории, и отгородили эти земли волшебными стенами, чтобы сделать их недоступными для нас. Давайте же теперь отгоним их далеко на восток и отберем у них наши острова! Люди и драконы не могут делить один и тот же ветер!»

И Калессин ответил им так: «Когда-то мы и люди были единым народом. И в знак этого в каждом поколении людей рождаются такие существа, которые одновременно являются и людьми, и драконами. И в каждом поколении драконов — а это куда более долгий срок, ибо жизнь человеческая значительно короче нашей, — рождается один такой, который одновременно является и драконом, и человеком. Один из них живет сейчас на Внутренних островах. Но есть и еще один. И эти двое — вестники будущего; именно они несут нам возможность выбора. Но более на свете уже не будет таких существ — ни у драконов, ни у людей. Ибо равновесие меняется! Выбирайте же. Отправляйтесь со мной, чтобы летать на иных ветрах по ту сторону этого мира, или же оставайтесь здесь и наденьте на себя вечное ярмо представлений о добре и зле. Или же превращайтесь в животных, в жалких, малорослых, лишенных способности говорить тварей!»

А под конец Калессин сказал еще так: «Последней, кто сделает свой выбор, будет Техану. После нее возможности выбирать уже не будет. И не будет пути на самый далекий запад. И только Лес останется, как это было всегда, в центре нашего мира».

Слушая Ириан, члены Королевского Совета застыли, как каменные

изваяния. Да и сама Ириан напоминала говорящую статую, ибо стояла неподвижно и, произнося свою речь, глядела в одном направлении, словно не видя этих людей.

— С тех пор прошло несколько лет, — продолжала она. — Калессин улетел на самый далекий запад, и некоторые драконы последовали за ним, другие же нет. Когда мне наконец удалось воссоединиться со своим народом, я тоже последовала за Калессином. Но мне приходится все время и возвращаться обратно, и так будет до тех пор пока здешние ветры способны нести меня.

Вы знаете, что нрав у представителей моего народа тяжелый. Те драконы, что остались здесь, на ветрах этого мира, стали летать стаями и поодиночке к островам, населенным людьми, снова заявляя: «Они украли половину нашего царства! И теперь мы отнимем у них все западные острова! Мы навсегда прогоним людей на восток, чтобы они больше не могли насаждать среди драконов свои понятия — ни о добре, ни о зле. Мы не сунем шею в их проклятое ярмо!»

Однако они стараются не убивать жителей западных островов, потому что еще помнят, как были безумны и убивали друг друга. Они ненавидят вас, это правда, но убивать людей не начнут, пока вы сами не попытаетесь убить кого-то из них.

Одна из этих стай явилась сейчас на остров Хавнор, который мы называем Золотым Холмом. Тот дракон, который прилетел раньше всех и разговаривал с Техану, — это мой брат Аммауд. Аммауд сказал мне, что драконы по-прежнему намерены отогнать вас далеко на восток, но сам он, как и я, воплощает волю Калессина, стремясь освободить весь мой народ от того ярма, которое вы, люди, носите вечно. Если он, я и другие дети Калессина сможем предотвратить то зло, которое угрожает и вам, и нам, то мы сделаем это во что бы то ни стало. Но у драконов нет ни короля, ни правителя, они никому не подчиняются, они летают, где хотят, и, может быть, пока что будут вести себя так, как их просили я и мой брат, заклиная их именем Калессина, но долго это не продлится. Ведь драконы ничего не боятся — кроме, может быть, того вашего колдовства, которое связано со смертью.

Эти последние слова Ириан тяжело прозвенели в той тишине, что стояла в огромном зале.

Ириан умолкла, и слово взял король. Он поблагодарил ее и сказал:

— То, что ты выступила на нашем Совете, огромная честь для нас! Благодарю тебя за твой удивительно правдивый рассказ и клянусь собственным именем, что и мы будем говорить здесь только правду. Но я

умоляю тебя, дочь Калессина, который принес меня с берегов смерти на родину, скажи нам еще раз: чего именно боятся драконы? Я всегда считал, они не боятся ничего ни в нашем мире, ни за его пределами.

— Мы боимся ваших заклинаний, связанных со смертью и бессмертием, — отвечала Ириан.

— Так все же со смертью или с бессмертием? — никак не мог понять Лебаннен. — Я ведь не волшебник. Пусть лучше вместо меня с тобой говорит Мастер Оникс, если ты, дочь великого Калессина, позволишь, конечно.

Оникс встал. Ириан посмотрела на него холодно и равнодушно и склонила голову в знак согласия.

— Леди Ириан, — начал волшебник, — мы не пользуемся заклятиями, якобы дающими бессмертие! Один лишь Коб пытался стать бессмертным с помощью созданных им заклятий и полностью извратил все наше магическое искусство. — Оникс говорил медленно и с очевидной осторожностью, тщательно подбирая каждое слово и как бы сперва мысленно пробуя его на вкус. — Наш Верховный Маг Ястреб и наш король Лебаннен с помощью Орм Эмбара уничтожили Коба и то зло, которое он сотворил. И наш Верховный Маг отдал всю свою силу, чтобы исцелить мир и восстановить Великое Равновесие. И ни один волшебник в последнее время даже не пытался... — Оникс вдруг запнулся и умолк.

Ириан смотрела прямо на него. Он опустил глаза.

— А тот волшебник, которого уничтожила я, — медленно промолвила она, — тот Заклинатель с Рока по имени Торион — что же в таком случае пытался сделать он?

Оникс, потрясенный, молчал.

— Он сумел вернуться назад из царства смерти, — продолжала Ириан, — но не живым, как Верховный Маг и ваш король, а мертвым! И все же он вернулся, перебрался через стену и стал править Школой — и все это благодаря своей магии, вашей магии, Мастера Рока! Как же может мой народ верить вашим словам? Это ведь вы нарушили Великое Равновесие! Но можете ли вы восстановить его?

Оникс казался просто уничтоженным. Он посмотрел на короля и смиренно пробормотал:

— Господин мой, я не думаю, что это подходящее место для обсуждения подобных проблем... пока мы сами еще окончательно не поняли, что, собственно, должны сделать...

— О да, остров Рок хранит свои тайны! — заметила Ириан спокойно и презрительно.

— Но ведь на Роке... — начала было Техану, Даже забыв встать, однако ее слабый голос тут же прервался, хотя принц Сеге и король одновременно посмотрели на нее и жестами предложили продолжить.

Техану встала и некоторое время молчала, словно нарочно оборотившись своей изуродованной щекой к членам Совета, которые так и застыли в ужасе на своих скамьях, «точно камни с глазами», по выражению Тенар.

— На острове Рок есть Имманентная Роща, — сказала Техану. — Скажи, сестра, разве не ее имел в виду Калессин, когда говорил о Лесе, который является центром нашего мира? — И она, повернувшись к Ириан и откинув назад густые волосы, показала наконец присутствующим все свое лицо целиком, явно забыв о том, что они на нее смотрят во все глаза. — Может быть, нам следует отправиться именно туда, ибо оттуда начинается все на свете?

Ириан улыбнулась:

— Хорошо. Я с удовольствием туда отправлюсь, — сказала она.

И обе сестры посмотрели на короля.

— Прежде чем я пошлю тебя на Рок или сам отправлюсь с тобой, Ириан, — медленно проговорил Лёбаннен, — я должен знать, ЧТО поставлено на карту. Мастер Оникс, мне очень жаль, что столь мрачные и важные для судьбы Земноморья проблемы мы вынуждены обсуждать так открыто. Однако же я доверяю своим советникам и надеюсь, что они поддержат меня, если я сумею найти верный курс. А вам, мои дорогие советники, следует усвоить одно: нашим островам нет необходимости бояться Западного Народа, ибо перемирие, по крайней мере пока, сохраняет свою силу.

— Да, это так, — подтвердила Ириан.

— Ты можешь сказать, надолго ли?

— Ну... полгода? — предположила она беспечно, словно речь шла об одном-двух днях.

— Хорошо. В таком случае и мы станем соблюдать перемирие в течение полугода и надеяться на то, что временное перемирие это сменится заключением долгосрочного мира. Прав ли я, леди Ириан, говоря следующее: заключая мир с нами, твои братья и сестры хотят быть уверены, что наши волшебники не поставят их под угрозу своими... научными опытами, которые способны изменить извечные законы жизни и смерти?

— Что они не поставят под угрозу жизнь всех нас, — поправила его Ириан. — Да, именно этого мы и опасаемся.

Лёбаннен обдумал ее ответ и вдруг заговорил легким светским тоном, любезно улыбаясь при этом:

— Ну что ж, в таком случае, я полагаю, и мне следует отправиться вместе с вами на Рок! — Он повернулся к залу. — Итак, уважаемые члены Совета, поскольку перемирие объявлено, нам остается только стремиться к заключению постоянного мира. И я, чтобы достигнуть этой цели, готов отправиться куда угодно, выполнить любую работу, ибо я правлю в Земноморье под Знаком Мира. Если же вы видите какую-либо помеху для нашего путешествия на Рок, то говорите об этом открыто здесь и сейчас. Вполне возможно, равновесие сил в пределах Архипелага, как и все великое Равновесие, находится сейчас под вопросом. Но учтите: в это путешествие следует отправляться немедленно, ибо близится осень, а до острова Рок путь неблизкий.

«Камни с глазами» ответили королю не сразу, пока, наконец, не вмешался принц Сеге.

— Отправляйся же туда поскорее, господин мой король! — сказал он. — Отправляйся, и да пребудет с тобой наша надежда и наше доверие! И пусть лишь попутный ветер наполняет твои паруса! — По рядам членов Совета прошелестело невнятное: да, да, верно, слушайте, принц Сеге говорит именно то, что нужно.

А принц Сеге уже предложил перейти к обсуждению второго вопроса или же сразу к дебатам. Но никто в зале так и не сказал ни слова. И ему пришлось объявить заседание Совета закрытым.

Выходя вместе с ним из Тронного зала, Лебаннен сказал:

— Спасибо тебе, Сеге! — И старый принц ответил:

— Ах, Лебаннен, что же еще мог сказать я — жалкий смертный, стоявший между королем и драконом?

Глава IV

«ДЕЛЬФИН»

Множество дел нужно было завершить, множество сделать приготовлений, прежде чем король смог покинуть свою столицу. Важным был также вопрос, кому следует плыть вместе с ним на Рок. Разумеется, Ириан и Техану, но Техану непременно хотела, чтобы с нею поехала ее мать, Тенар, а Оникс сказал, что и Олдер в любом случае должен поехать туда, а также пальнийский волшебник Сеппель, ибо, как известно, вся пальнийская премудрость связана именно с проблемой жизни и смерти и

возможностью перехода из одного мира в другой. Король назначил капитаном своего знаменитого судна «Дельфин» шкипера Тослу, с которым и раньше немало путешествовал вместе. Управлять королевством во время своего отсутствия он поручил принцу Сеге, что принцу тоже было не впервой, а в помощники ему назначил нескольких избранных членов Совета.

Итак, все как будто уже было решено, но за два дня до отплытия к Лебаннену пришла Тенар и сказала:

— Ириан говорит, что ты намерен обсуждать с Драконами вопросы войны и мира, а также многие другие жизненно важные вопросы, касающиеся равновесия во всем Земноморье. Мне кажется, жителям Каргадских островов тоже неплохо было бы принять участие в этих переговорах.

— Ну так ты и будешь их представительницей.

— Нет. Я давно уже не подданная Верховного Правителя Каргада. Единственный человек здесь, который действительно может представлять каргов на этих переговорах, это дочь Верховного Правителя.

Лебаннен даже отшатнулся от нее. Он отвернулся, стараясь подавить гнев, а потом с трудом выдавил:

— Но она же совершенно не в состоянии вынести столь длительное путешествие, ты и сама это прекрасно знаешь.

— Ничего подобного я не знаю.

— К тому же она на редкость невежественна и, по-моему, довольно глупа.

— Неправда, она умная, практичная и смелая девушка. И прекрасно понимает, чего требует от нее статус принцессы Каргада. Править государством ее, конечно, не учили, но разве она может научиться этому, будучи заперта в Речном Дворце и общаясь только со служанками и тупоголовыми придворными дамами?

— Во-первых, она не знает нашего языка, а во-вторых...

— Она уже учит наш язык. А кроме того, я буду рядом и смогу что-то ей перевести при необходимости.

Лебаннен немного помолчал и осторожно сказал:

— Я, конечно, понимаю твою озабоченность относительно участия каргов в этих переговорах и постараюсь что-нибудь придумать. Но принцессе в этой экспедиции не место.

— Техану и Ириан тоже считают, что она должна поехать с нами. Да и Мастер Оникс говорит, что и приезд Олдера, и приезд каргадской принцессы сейчас — это отнюдь не случайность.

Лебаннен еще немного отступил от Тенар и, выслушав ее, возразил с каким-то вымученным терпением:

— Я не могу разрешить этого. Невежество и неопытность принцессы могут привести к тому, что она превратится в серьезную обузу для всех. И я не могу подвергать ее жизнь такой опасности. Взаимоотношения с ее отцом...

— Между прочим, будучи столь «невежественной», как ты говоришь, именно она, по сути дела, сумела первой ответить на вопросы Геда. Ты просто относишься к ней с тем же неуважением, что и ее отец! Ты говоришь о ней, как о неодушевленном предмете, как о безмозглой дурочке! — Тенар даже побледнела от гнева. — А если ты так боишься подвергать ее риску, то сперва спроси: не хочет ли она сама рискнуть?

Лебаннен молчал. А потом заговорил с тем же деревянным спокойствием и терпением в голосе, стараясь не смотреть Тенар в глаза:

— Хорошо, если ты, Техану и Орм Ириан полагаете, что эта особа должна отправиться с нами на Рок, и Оникс тоже с вами согласен, то я готов подчиниться вашему решению, хоть и считаю его ошибочным. Пожалуйста, передай принцессе, что если она хочет плыть с нами, то я разрешаю ей присоединиться к экспедиции.

— Это ей сказать должен ты!

Лебаннен не ответил. Он некоторое время постоял, по-прежнему не глядя на Тенар, и, не говоря ни слова, вышел из комнаты.

Хотя он на Тенар и не смотрел, но все же успел заметить, какой она выглядит постаревшей и измученной. У нее даже руки дрожали, и ему стало жаль ее до слез и безумно стыдно за свое упрямство. Хорошо еще, что разговаривали они наедине! Однако мысли о Тенар были не более чем искорками света в той огромной тьме гнева, которая им владела: гнева на Тенар, на принцессу, на всех и каждого, кто возложил обязанность заботиться о ней именно на него. Выйдя из комнаты, Лебаннен рывком распахнул ворот рубахи, словно тот душил его.

Его дворецкий, человек медлительный и спокойный, совсем не ожидал, что король вернется так скоро и именно через эту дверь, и даже вскочил, изумленно уставившись на Лебаннена, но тот, бросив на него ледяной взгляд, сказал:

— Немедленно вели послать за принцессой; я желаю встретиться с нею здесь нынче в полдень.

— За какой принцессой?

— А что, у нас во дворце есть еще принцессы? Или ты не знаешь, что у нас гостит дочь Верховного Правителя Каргада?

Потрясенный слуга, заикаясь, пролепетал извинения, но Лебаннен прервал его:

— Нет. Лучше я поеду в Речной Дворец сам. — И он широкими шагами двинулся дальше, не обращая на спешившего за ним слугу с его надоедливymi вопросами о том, какую лошадь приготовить и кого назначить в сопровождение королю, а также что сказать людям, явившимся во дворец с различными петициями и ожидавшими в Большом Зале, ибо встреча короля с ними явно откладывалась. Но сейчас Лебаннен воспринимал все эти повседневные обязанности и ритуалы, в которых непременно должен был участвовать сам король, как некие силки, сети, которые утягивали его на дно, как зыбучие пески, в которые он случайно попал и которые не давали ему дышать!..

Когда к нему подвели его любимого жеребца, он так резко вскочил в седло, что конь, уловив его настроение, тут же попятился и встал на дыбы. Конюхи и адъютанты в ужасе шарахнулись в стороны. Это зрелище, однако, неожиданно вызвало у Лебаннена чувство глубокого удовлетворения, и он решительно направил коня прямо к воротам, даже не посмотрев, успела ли сесть на коней его свита, и гнал жеребца галопом по городским улицам, оставив сопровождавших его людей далеко позади. В голове у него крутилась, правда, мысль о том, что все-таки следовало пропустить вперед того молодого офицера, который должен был кричать: «Дорогу королю!» — но был также оставлен позади и теперь не осмеливался не только обогнать Лебаннена, но и поравняться с ним.

Близился полдень; улицы и площади Хавнора были раскалены солнцем и почти безлюдны. Заслышав грохот копыт, люди шарахались в стороны, прятались в дверях маленьких темных лавок и уже оттуда с изумлением узнавали своего короля и приветствовали его. Женщины высовывались в окна, обмахиваясь платками и веерами, а заодно и сплетничая прямо через улицу, и тоже смотрели, как мчался Лебаннен. Они махали ему, а одна даже бросила королю цветок. Копыта его жеребца прозвенели по каменным плитам широкой, насквозь пропеченной солнцем площади, которая была абсолютно пустынная, если не считать собаки с пушистым хвостом, трусившей куда-то на трех лапах и совершенно равнодушной к присутствию королевской особы, и Лебаннен свернул в узкий проезд, по которому выехал прямо на вымощенную плиткой набережную Серренен. Теперь он поехал немного медленней, стараясь держаться в тени раскидистых ив, что росли у старой городской стены.

Эта скачка несколько подняла ему настроение. Жара и тишина улиц прекрасного старого города, ощущение живой насыщенной жизни,

кипевшей за стенами и закрытыми ставнями домов, улыбка той женщины, что бросила ему цветок, тщеславное чувство удовлетворения от того, что он далеко обогнал охранников и глашатаев, и, наконец, запах и прохлада реки, а потом и того тенистого двора, где он знал дни и ночи истинного блаженства и покоя, — все это утишило гнев в душе Лебаннена, осталось лишь странное ощущение некоторой опустошенности.

Его свита еще только въезжала во двор, а он уже соскочил с седла и поднимался на крыльцо. Его жеребец стоял спокойно, довольный тем, что наконец оказался в тени. Лебаннен решительно вошел во дворец, вспугнув стайку дремлющих пажей и лакеев. Его приезд был словно брошенный в застывший пруд камень, от которого быстро расходятся, все расширяясь, круги ужаса и паники.

— Сообщите принцессе, что я здесь, — бросил он.

Леди Опал из Старого поместья, что на острове Илиен, исполнявшая обязанности старшей фрейлины принцессы, появилась рядом с ним почти мгновенно. Она изысканно вежливо поздоровалась с королем, предложила ему прохладное питье и фрукты — в общем, вела себя так, словно визит Лебаннена в Речной Дворец отнюдь не был такой уж неожиданностью. Подобное лукавство отчасти льстило ему, отчасти его раздражало. Какие же все они лицемеры! Но, с другой стороны, как, собственно, должна была вести себя леди Опал? Стоять, разинув рот, точно вытасченная на берег рыба (именно так, кстати, и вела себя одна совсем молоденькая фрейлина), только потому, что король наконец, причем совершенно неожиданно, явился с визитом к принцессе?

— О, как жаль, что госпожи Тенар здесь нет! — сказала леди Опал. — С ее помощью было бы гораздо проще общаться с принцессой. Однако же и сама принцесса делает восхитительные успехи в изучении нашего языка!

О проблеме языка Лебаннен совсем позабыл. Он молча выпил предложенный ему прохладительный напиток, леди Опал еще пощebetала немного, прибегая также к помощи других придворных дам, чтобы расшевелить короля, но тот словно воды в рот набрал. Вообще-то Лебаннен уже подумывал о том, что ему, возможно, ничего другого не остается, как беседовать с принцессой в обществе всех ее фрейлин и служанок, что, собственно, полностью соответствовало этикету. Вряд ли он сам сумеет сказать то, что намеревался. Все было напрасно. Он уже готов был встать, извиниться и уехать, но тут в дверях показалась какая-то женщина, с головы до ног плотно укутанная в красное покрывало, и плюхнулась перед ним на колени, пролепетав:

— Пожалуйста! Король? Принцесса? Пожалуйста!

— Принцесса примет тебя в своих апартаментах, господин мой, — перевела леди Опал. И махнула рукой пажу, который повел Лебаннена вверх, через зал, через приемную, через большую темную комнату, которая показалась ему битком набитой женщинами в красных покрывалах, а затем на балкон, который нависал прямо над рекой. И там он снова увидел ту же загадочную фигуру, похожую на красную кирпичную трубу, что и в день самой первой их встречи с принцессой.

Ветерок с реки заставлял ее покрывала слегка шевелиться и трепетать, и сейчас фигура эта казалась Лебаннену уже не такой громоздкой; напротив, под покрывалами даже угадывалось женское тело, причем достаточно изящное, подвижное, но дрожащее от страха, точно ивовая листва над рекой. И еще ему казалось, что принцесса время от времени как бы становится меньше ростом! «Это она приседает передо мной», — догадался Лебаннен. Он тоже учтиво ей поклонился, и оба, выпрямившись, застыли в растерянном молчании.

— Принцесса, — сказал наконец Лебаннен и умолк. От ощущения полной нереальности происходящего у него даже немного кружилась голова. — Я здесь для того, чтобы просить тебя отправиться с нами на остров Рок.

Она ничего не ответила. Но тонкие красные покрывала вдруг раздвинулись, и в образовавшемся овале показались ее руки. Руки были хороши: тонкие длинные пальцы, золотистая кожа. А за ними, как бы в красной тени, просвечивало ее лицо, но как следует рассмотреть его черты было невозможно. Принцесса была почти одного роста с королем, и глаза ее смотрели прямо на него.

— Мой друг Тенар, — сказала она по-ардически, — говорит: король видеть короля. Лицо и лицо. Я говорю: да. Я буду видеть.

Не очень хорошо поняв, что она хотела этим сказать, Лебаннен снова поклонился:

— Это для меня большая честь, госпожа моя.

— Да, — сказала она. — Я удостоила тебя чести. Мда-а... Лебаннен смутился. Это действительно была ее территория.

Принцесса стояла по-прежнему очень прямо и совершенно неподвижно. Чуть трепетала на ветру золотистая кромка ее красного покрывала, а из красной тени на него в упор смотрели огромные глаза.

— Тенар, Техану и Орм Эмбар единодушны в том мнении, — осторожно начал Лебаннен, — что было бы очень хорошо, если бы с нами на острове Рок была и принцесса Каргадских островов. И я приехал просить тебя отправиться с нами.

— Отправиться?

— Ну да, на остров Рок.

— На корабле? — спросила она и вдруг, жалобно всхлипнув, шмыгнула носом. Но тут же взяла себя в руки и твердо ответила: — Я буду отправляться. С вами.

Он просто не знал, что ей на это ответить, и сказал просто:

— Благодарю, госпожа моя.

Она кивнула — один раз, как равный равному.

Он низко поклонился ей. И двинулся к дверям — так, как его еще в детстве учили выходить из покоев отца, князя Энлада, особенно в присутствии чужих людей: не поворачиваясь спиной к присутствующим, а неторопливо пятясь назад.

Она стояла лицом к нему, по-прежнему приподняв большую часть своих покрывал, пока он не достиг двери. Потом опустила руки, покрывала упали, скрыв ее под собой, и Лебаннен успел услышать, как она глубоко вздохнула от облегчения, освободившись наконец от мучительной необходимости совершать над собой такое насилие.

Смелая, мужественная — так говорила про нее Тенар. Он не совсем понимал ее речь, зато хорошо понимал, что ему только что дали урок настоящего мужества. Весь тот гнев, который еще недавно переполнял его душу, заставив его стрелой мчаться сюда, совершенно испарился. При этом Лебаннен отнюдь не чувствовал себя измученным или униженным. Нет, ему просто показали его место, и совершенно справедливо показали — место обыкновенного человека в сравнении с горной вершиной, царящей в чистых воздушных потоках.

Он миновал темную комнату, полную надушенных, закутанных в покрывала и что-то друг другу шепчущих женщин, которые так и шарахались от него, и спустился вниз. Потом немного дружески поболтал с леди Опал и другими дамами, успел сказать несколько ласковых слов той перепуганной двенадцатилетней фрейлине, которая так и стояла с разинутым от изумления ртом, и, настроенный вполне дружелюбно, вышел во двор, где его дожидалась свита. Затем он спокойно сел на своего крупного серого жеребца и медленно поехал назад, во дворец Махариона, погрузившись в глубокие раздумья.

Олдер с фаталистической покорностью отнесся к тому, что ему снова предстоит вернуться на Рок. Жизнь в периоды бодрствования стала казаться ему настолько странной, даже более странной, чем его сны, что у него почти не было сил ни задавать вопросы, ни протестовать. Если судьба

велит ему провести остаток своей жизни в странствиях от острова к острову, то, значит, так тому и быть. Олдер понимал, что домой для него теперь пути нет. Ну что ж, по крайней мере, на корабле он будет в обществе госпожи Тенар и госпожи Техану, в присутствии которых у него всегда становилось легче на душе. Да и волшебник Оникс уже продемонстрировал ему свое доброе отношение.

Олдер был человеком застенчивым, а Оникс — в высшей степени сдержанным. К тому же между ними была огромная разница в уровне знаний и в статусе, и преодолеть эту пропасть было непросто. Однако Оникс вел себя уважительно, сам неоднократно подходил к Олдеру и беседовал с ним, выказывая достаточное почтение, и это обстоятельство Олдера особенно озадачивало и заставляло еще больше смущаться. Однако лишь Ониксу он решился задать тот вопрос, который не давал ему покоя.

— Дело в том, — начал он смущенно, — что, как мне кажется, будет неправильно, если возьму с собой этого котенка. Мне ведь придется долго держать его взаперти, а это совершенно неестественно для любого юного существа. И я все думаю: что же с ним теперь будет?

Оникс не стал спрашивать, какого котенка Олдер имеет в виду. Он спросил лишь:

— А котенок по-прежнему помогает тебе не видеть этих ужасных снов?

— Ну да, во всяком случае, очень часто. Оникс задумался.

— Тебе, безусловно, нужна какая-то защита, пока мы не доберемся до Рока. Я уже думал об этом... А кстати, ты не говорил на эту тему с волшебником Сеппелем? Он ведь еще здесь.

— С пальнийским волшебником? — В голосе Олдера послышался страх.

Пальн, самый крупный остров к западу от Хавнора, расположенный в Пальнийском море, пользовался славой места весьма таинственного. Пальнийцы говорили на диалекте ардического языка, но с очень странным акцентом, вплетая в речь немало местных слов. Их правители с давних времен отказывались присягнуть на верность королям Энлада и Хавнора. Их волшебники никогда не совершали путешествий на Рок и не посылали свою молодежь учиться в тамошней Школе. Пальнийская премудрость и магия основывались на знании Древних Сил Земли и повсеместно считались опасными, даже зловредными. Некогда Серый Маг уничтожил почти все население своего острова, призвав себе в советники души мертвых. История об этом непременно изучалась всеми, кто имел отношение к магии. «Живые не должны советоваться с мертвыми!» —

таков был основной вывод, сделанный Мудрецами с Рока, и с тех пор не одна дуэль состоялась между волшебниками Рока и Пальна. Во время одного из таких магических поединков — а случилось это двести лет назад — на жителей островов Пальн и Семел обрушилась страшная эпидемия чумы, невольно выпущенной на волю одним из волшебников; тогда обезлюдела половина городов и селений на обоих островах. А пятнадцать лет назад волшебник Коб решил воспользоваться Пальнийской премудростью, чтобы свободно переходить из царства жизни в царство смерти и обратно. Тогда Верховному Магу Ястребу пришлось отдать все свои силы и могущество, чтобы победить Коба и исправить то зло, которое он принес.

Олдер, как и почти все придворные и члены Королевского Совета, избегал встреч с волшебником Сеппелем, хотя и был с ним всегда очень вежлив.

— Я просил короля взять его с нами на Рок, — сказал ему Оникс.

Олдер только глазами захлопал от удивления.

— На Пальне гораздо больше нас знают обо всех этих вещах, — продолжал Оникс. — Да и все наше искусство Истинных Превращений и Заклинаний корнями своими уходит в Пальнийскую премудрость. Торион был настоящим мастером своего дела... А теперешний Мастер Заклинатель, Бранд с острова Венвей, не желает иметь с этой премудростью ничего общего. Однако, оставаясь совсем не использованной или будучи использованной неправильно, премудрость эта способна принести неисправимые несчастья. Возможно, лишь наше собственное незнание, наше невежество приводит к тому, что мы неправильно используем ее. Она ведь восходит к глубокой древности; возможно, в ней содержатся и такие знания, которые мы давно утратили или не имели совсем. Сеппель — очень мудрый человек и настоящий волшебник. Я уверен, что ему нужно плыть с нами. И, мне кажется, он мог бы помочь тебе, если, конечно, ты захочешь ему довериться.

— Если ты ему доверишься, — сказал Олдер, — то и я буду доверять.

Стоило Олдеру заговорить так, и Оникс сразу вспоминал о знаменитом «серебряном языке Таона». Волшебник улыбнулся своей суховатой улыбкой и сказал:

— Ты прав, Олдер, и я надеюсь, что вскоре ты оценишь Сеппеля столь же высоко, как и я. Или даже выше. Если хочешь, я провожу тебя к нему.

Они вместе вышли из дворца и направились в город. Сеппель жил в старой его части, возле самого порта, на Лодочной улице; там существовало нечто вроде маленькой колонии пальницев, которые

работали на королевских верфях, ибо жители Пальна всегда славились как искусные кораблестроители. Дома здесь были старинные, построенные тесно и густонаселенные; от одной крыши дома к другой были перекинuty мостики, что придавало этим кварталам вид совершенно фантастический, ибо высоко над обычными улицами, вымощенными булыжником или плиткой, раскинулась целая сеть улиц воздушных.

Квартира Сеппеля, до которой еще нужно было преодолеть целых три лестничных пролета, состояла из трех комнат, затемненных и с закрытыми окнами, что спасало от жары, которая в эти последние дни уходящего лета никак не хотела спадать. Сеппель предложил гостям подняться еще на один пролет лестницы и выйти на крышу. Крыша тоже была соединена с соседней мостиком. Здесь, наверху, подумал Олдер, свои вполне оживленные пути и перекрестки. У низеньких парапетов были прикреплены матерчатые навесы, дававшие благодатную тень; ветерок, дувший с залива, также приносил прохладу. И гости вместе с хозяином уселись в тени на полосатые полотняные подушки в том уголке крыши, который, как считалось, принадлежал квартире Сеппеля, и он угостил их холодным, чуть горьковатым чаем.

На вид Сеппелю было около пятидесяти. Он был кругленьким коротышкой с маленькими ручками и ножками, с непокорными курчавыми волосами и, что уж совсем редко встречалось у жителей Архипелага, с гладко выбритым лицом, которое, впрочем, уже успело с утра покрыться густой черной щетиной. Манера держаться у него была очень приятная, и говорил он тихо и ласково, с певучим пальнийским акцентом.

Волшебники довольно долго говорили о чем-то друг с другом, а Олдер слушал, но не особенно прислушивался. Мысли его все время уплывали куда-то в сторону, ибо Оникс и Сеппель говорили о людях и проблемах, которые были Олдеру совершенно незнакомы. Он смотрел вдаль, поверх крыш и разбитых на крышах садов, поверх выгнувшихся дугой резных мостиков, — на север, на гору Онн, огромный бледно-серый купол которой возвышался над подернутыми жарким маревом холмами. И прервал свои мечтания, только услышав, как пальнийский волшебник говорит:

— ...и возможно, даже сам Верховный Маг не: мог полностью исцелить ту рану в ткани мироздания!

Рана в ткани мироздания. Да, подумал Олдер, да. Он внимательно посмотрел на Сеппеля, и тот гоже посмотрел на него. И, каким бы ласковым ни было выражение его лица, глаза его смотрели очень остро.

— Возможно, не только наше желание жить вечно заставляет эту рану оставаться открытой, — снова заговорил Сеппель, — но и желание

мертвых умереть совсем.

Странные слова! И снова Олдер почувствовал, что знает, о чем идет речь, даже не понимая смысла сказанных слов. И снова Сеппель быстро и остро глянул на него, словно ожидая какого-то ответа.

Однако Олдер не сказал ни слова. Молчал и Оникс. И тогда Сеппель спросил:

— А когда ты стоишь на самой границе, мастер Олдер, то слышишь, О ЧЕМ они тебя просят?

— Они просят освободить их, — прошептал Олдер едва слышно.

— Освободить! — шепотом повторил Оникс.

И все трое надолго замолчали. Две девочки и мальчик со смехом и криками промчались мимо и исчезли в переплетении мостов и крыш. «На следующей — вниз!» — крикнул кто-то. Дети явно играли во что-то вроде прятков; в такие игры всегда любили играть городские дети, снующие в лабиринте улиц и каналов, лестниц и мостов.

— Возможно, это с самого начала была неудачная сделка, — промолвил Сеппель и, когда Оникс, не понимая, о чем он, вопросительно посмотрел на него, прибавил: — ВЕРВ НАДАН.

Олдер знал, что это слова из Древнего Языка, но значение их было ему неизвестно. Оникс, заметно помрачнев, сказал:

— Ну что ж, я надеюсь, мы сможем добраться до истинного смысла этой сделки, и очень скоро.

— Ну да, на Холме, где все обретает свое истинное лицо, — сказал Сеппель.

— Я рад, что и ты будешь там с нами вместе, — заметил Оникс. — А теперь обрати, пожалуйста, свое внимание на Олдера. Его призывают к самой границе царства смерти каждую ночь, и ему бы нужна хоть какая-то передышка. Я сказал, что ты, возможно, знаешь, как помочь ему.

— Неужели ты согласишься соприкоснуться с пальнийским колдовством? — спросил Сеппель Олдера. В вопросе его явно звучала насмешка, а глаза волшебника ярко сияли и были черны как смоль.

У Олдера тут же пересохли губы.

— Мастер Сеппель, — сказал он, — у нас на острове есть поговорка: тонущий не спрашивает, сколько стоит протянутая ему веревка. Если ты, господин мой, сможешь избавить меня от этого кошмара хотя бы на одну ночь, то заслужишь самую сердечную мою благодарность, хоть благодарность и стоит немного.

Оникс слушал Олдера с легкой, доброжелательной улыбкой.

Сеппель же и не думал улыбаться.

— Благодарность — очень редкое явление в моем ремесле, — сказал он. — Ради благодарности я, пожалуй, готов на многое. Мне кажется, я могу помочь тебе, Мастер Олдер. Но должен признаться: веревка эта очень дорого стоит!

Олдер лишь покорно склонил голову.

— Так, значит, ты приходишь на границу миров во сне и не по собственной воле?

— Так мне представляется.

— Мудрый ответ. — Сеппель посмотрел на него одобрительно. — Кто из нас способен совершенно точно определить собственные побуждения? Но если ты отправляешься туда во сне, я могу просто избавить тебя от этих снов — на некоторое время, конечно. И цену за это спрошу немалую, как и сказал.

Олдер вопросительно посмотрел на него.

— Цена — твое волшебное могущество! Сперва Олдер его совсем не понял. Потом спросил растерянно:

— Мой дар, ты хочешь сказать? Мое ремесло? Сеппель кивнул.

— Но я ведь только латальщик! — удивился Олдер. — Какое же это могущество!

Оникс протестующе взмахнул рукой, но, посмотрев Олдеру в лицо, ничего не сказал.

— Ты ведь за счет этого живешь? — спросил Сеппель.

— Да. И когда-то это составляло смысл моей жизни. Но это в прошлом.

Возможно, твой дар еще вернется к тебе, когда случится то, что должно случиться, — непонятно сказал Сеппель. — Я не могу этого обещать. Но я попытаюсь исправить то, что смогу, и для этого кое-что возьму у тебя. Но сейчас все мы идем во тьме, по неведомой земле... Когда наконец наступит рассвет, мы, может быть, и пойдем, где находимся, а может быть, и нет. Ну так что, если я избавлю тебя от твоих снов за ТАКУЮ цену, ты тоже будешь мне благодарен?

— О да! — воскликнул Олдер. — Разве можно сравнивать ту крошечную пользу, которую приносит людям мой дар, со страшным злом, которое может принести мое незнание? Если ты избавишь меня от страха, который владеет мной постоянно, от страха, что я могу сотворить это великое зло, я буду бесконечно благодарить тебя до конца своей жизни.

Сеппель глубоко вздохнул.

— Мне всегда говорили, что у арф Таона очень чистый голос, — сказал он. И посмотрел на Оникса. — Но неужели Рок совсем не

возражает? — Этот вопрос он задал уже прежним своим, чуть насмешливым тоном.

Оникс покачал головой, но лицо его опять помрачнело.

— В таком случае, — Сеппель вновь обратился к Олдеру, — мы направимся в пещеру близ Ауруна. Сегодня же ночью.

— Но почему именно туда? — спросил Оникс.

— Потому что Олдеру буду помогать не я, а сама Земля. Аурун — священное место, исполненное могущества. Просто жители Хавнора давно позабыли об этом и пользуются пещерами только для того, чтобы их осквернять.

Прежде чем они последовали за Сеппелем вниз, Оникс отвел Олдера в сторонку и сказал:

— Тебе совершенно не обязательно идти туда, Олдер, и подвергать себя неведомым испытаниям. Я думал, что Сеппелю можно полностью доверять, но теперь я совсем в этом не уверен.

— Ну, а я доверюсь ему, — промолвил Олдер. Он понимал, какие сомнения терзают Оникса, однако он давно уже решил, что пойдет на что угодно, лишь бы избавиться от страха перед возможностью совершить непоправимое. Каждый раз, когда его во сне влекло к той каменной стене, он чувствовал, как НЕЧТО пытается, используя его, проникнуть из мира мертвых в мир живых, но понимал, что ОНО сможет это сделать, только если он, Олдер, будет прислушиваться к голосам мертвых, взывающих к нему. И каждый раз, когда он слышал эти голоса, он становился слабее и ему было все труднее противиться их зову.

Итак, трое мужчин, проделав довольно долгий путь по улицам города, жарким летним днем вышли наконец на простор полей и холмов, которые ступенями спускались к заливу. Здесь были довольно бедные земли: болотистые низины между холмами да узкие полоски пахотной земли на каменистых склонах. Городская стена сухой кладки на южной окраине была очень старой; крупные камни для ее строительства брали, видимо, прямо на склонах ближайших холмов. Вблизи не было видно ни пригородов, ни деревень, лишь вдали виднелось несколько разрозненных крестьянских хозяйств.

Проселочная дорога была просто отвратительной. Извиваясь, она поднималась на ближайший холм и с его вершины резко поворачивала к востоку, к другим, более высоким холмам. Поднявшись на вершину первого холма, путники увидели, что к северу, насколько хватал глаз, раскинулась в золотистой дымке столица, а дорога на самом деле образует здесь перекресток, точнее, целый лабиринт пеших троп самой разнообразной

ширины. Они пошли точно на восток, и внезапно перед ними открылась огромная трещина в земле, черный провал шириной футов двадцать, а то и больше. Трещина эта лежала точнехонько поперек их тропы.

Было похоже, что гребень скалы, чуть выступающей из земли в этом месте, был переломлен или вывихнут во время какого-то землетрясения, да так никогда и не сросся как следует. Лучи закатного солнца, освещавшие края трещины, позволяли увидеть каменную поверхность ее внутренних стен, почти вертикально уходявших вниз; но чуть глубже видна была уже только тьма.

К южному склону холма, в долине, притулилась сыромятня, и дубильщики кож явно с давних пор повадились сносить сюда отходы своего производства и сбрасывать их в эту трещину, ничуть не заботясь о последствиях, так что вокруг все было буквально завалено обрывками вонючей полуобработанной кожи и пропитано запахами гниения и мочи. И еще какой-то запах доносился из глубин трещины, стоило заглянуть за ее край. Холодный, острый, землистый, запах этот заставил Олдера отпрянуть назад.

— О, как все это печально! Какой стыд! — громко воскликнул Сеппель, с отвращением глядя на кучи вонючего мусора и видневшуюся вдали крышу сыромятни. Выражение лица у него при этом было, надо сказать, весьма странное. Но уже через несколько минут он заговорил с Олдером как всегда ласково и мягко:

— Эта пещера, или расселина, называется Аурун. На Пальне она известна с давних времен и помечена даже на самых древнейших картах. У нас ее называют также Губы Паор. Когда-то, когда первые люди пришли сюда с запада, пещера говорила с людьми. Но это было очень давно. И люди с тех пор изменились. Она же осталась такой, какой и была. И здесь ты сможешь наконец снять с себя свою неподъемную ношу, если хочешь именно этого.

— Что я должен сделать? — просто спросил Олдер.

И Сеппель подвел его к южному концу огромной трещины, где она сужалась и острыми морщинами уходила прямо в скальную породу. Он велел Олдеру лечь ничком и вглядываться в темные глубины, осторожно вытягиваясь и как бы проникая внутрь пещеры, опускаясь все ниже, все дальше от света дня.

— Держись за землю, прильни к ней, — сказал волшебник. — Это единственное, что может тебе помочь. Даже если она шевельнется, не бойся и держись за нее.

Олдер лег на землю, вглядываясь во тьму в узком каменном колодце

пещеры. Он чувствовал, как толкают и колют его в грудь и бедра камни. Потом услышал, как Сеппель запел что-то высоким голосом, и понял лишь, что это Язык Созидания. Он чувствовал тепло солнечных лучей у себя на плечах и чуял трупный запах гнилых кож, доносившийся из трещины и от дубильни. Потом пещера словно глубоко вздохнула, и от резкого запаха земных недр у Олдера перехватило дыхание-, начала кружиться голова, и тьма словно ринулась вверх, ему навстречу, а земля под ним задвигалась, запрыгала, затряслась. И он прильнул к ней, слушая высокий голос поющего и дыша дыханием земли. А потом тьма поднялась до самого верха, охватила его целиком, и солнечный свет померк в его глазах.

Когда Олдер очнулся, солнце висело совсем низко над землей — красный шар, окутанный туманной дымкой, над западным берегом залива. Солнце он видел ясно, видел он и Сеппеля, который сидел с ним рядом на земле и выглядел очень усталым и каким-то печальным. Длинная черная тень тянулась от него по каменистой земле среди других таких же длинных теней, отбрасываемых скалами.

— Ну вот ты и пришел в себя! — услышал Олдер голос Оникса.

И только сейчас осознал, что лежит на спине, а голова его покоится у Оникса на коленях. Какой-то камень больно впился ему в спину, и он сел, извинившись за причиненное беспокойство; голова у него кружилась.

Они пустились в обратный путь сразу, как только Олдер смог стоять на ногах, потому что путь был неблизкий и было ясно, что быстро идти не сможет ни он, ни Сеппель. Уже глубокой ночью они добрались наконец до Лодочной улицы и распрощались с Сеппелем, стоя в полосе света, падавшей из раскрытых дверей соседней таверны. Сеппель все время вопросительно поглядывал на Олдера, а на прощание сказал с несчастным видом:

— Я сделал, как ты просил.

— И я очень тебе за это благодарен, — ответил Олдер и протянул волшебнику свою правую руку, как это принято на Энладских островах. И через мгновение Сеппель неуверенно коснулся его протянутой руки, и они расстались.

Олдер настолько устал, что с трудом переставлял ноги. Он все еще чувствовал во рту и в горле тот острый, пугающий запах земных недр, струившийся из пещеры; казалось, он надышался этих испарений и потому теперь стал таким странно легким, легким до головокружения, каким-то совершенно пустотелым. Когда они вошли во дворец, Оникс заявил, что непременно проводит Олдера до самой спальни, но тот сказал, что прекрасно дойдет и сам, с ним все в порядке и ему просто нужно

отдохнуть.

Когда он вошел в свою комнату, Буксирчик радостно прыгнул ему навстречу.

— Ах, милый, теперь ты мне уже не нужен, — сказал Олдер, наклоняясь, чтобы погладить котенка по пушистой серой спинке. Слезы показались у него на глазах, но он решил, что это просто слезы усталости. Он улегся на кровать, и котенок тут же вспрыгнул туда и свернулся, мурлыча, у него на плече.

И Олдер заснул: черным, тупым сном, совершенно лишенным сновидений. Во всяком случае, он ни одного сна вспомнить не мог, и ничей голос не звал его по имени, и не было никакого холма, покрытого сухой травой, и той стены из камня — ничего не было.

Прогуливаясь вечером, накануне того дня, когда они должны были отплыть на юг, по дворцовым садам, Тенар чувствовала беспокойство и странную тяжесть на сердце. Ей не хотелось плыть на Рок, на этот Остров Мудрецов, на этот Остров Волшебников («этих проклятых колдунов!» — казалось, услышала она знакомое каргадское выражение). Что ей там делать? Какая от нее там может быть польза? Ей хотелось домой, на Гонт, к Геду. В свой собственный дом, к своим собственным делам, к своему любимому мужу.

Она сознательно отдалила от себя Лебаннена. Ей казалось, что она его потеряла. Он теперь стал с ней особенно вежливым и любезным: не простил!

До чего же все-таки мужчины боятся женщин, думала Тенар, бродя среди кустов поздних, все еще цветущих роз. Не какой-то одной, а вообще, всех женщин, особенно если они говорят одно и то же, работают вместе, заступаются друг за друга — в таких случаях мужчины всегда видят какой-то заговор, колдовство, ловушки и западни...

Разумеется, они, в какой-то степени, правы. Женщины — они такие! Они, похоже, готовы сыграть роль и следующего поколения или, по крайней мере, определить ее и для этого плетут тонкие сети, которые мужчины воспринимают как ловушки для себя или как кандалы у себя на руках. А когда женщины устанавливают с мужчинами сложные духовные связи, мужчины воспринимают это как рабство. Она, Тенар, и Сесеракх Действительно заключили против Лебаннена некий союз и готовы «предать» его, если он действительно окажется ничем, если он не проявит должной решительности и независимости. Если он состоит всего лишь из воздуха и огня и не имеет ни основательности земли, ни терпения и гибкости водяных струй...

Но не таков был Лебаннен! Как, впрочем, не такой оказалась и Техану. Ее неземная, крылатая душа, жившая в девочке Терру, все еще стремилась к Тенар, все еще цеплялась за нее, однако это будет продолжаться недолго: вскоре — и Тенар это отлично понимала — Техану должна будет ее покинуть. От огня к огню.

Но какова оказалась эта Ириан, с которой вскоре уйдет Техану! Что, казалось бы, общего у столь яркого и столь свирепого существа с каким-то старым человеческим домом, который нуждается в уборке и ремонте, с каким-то старым пьяницей, который нуждается в уходе? Как вообще случилось, что Ириан способна понимать подобные вещи? Какое для нее, дракона, имеет значение то, что человек вынужден всегда выполнять свой долг, вступать в брак, заводить детей, нести свое земное ярмо?

Чувствуя себя одинокой и бесполезной среди существ столь высокой нечеловеческой судьбы, Тенар еще сильнее затосковала о доме. И не просто о доме — о Гонте. Вот почему бы ей, скажем, не вступить в дружеские отношения с Сесеракх? Возможно, та и принцесса, но ведь и сама она, Тенар, когда-то была Верховной жрицей Гробниц Атуана. Зато Сесеракх не собирается никуда улетать на волшебных крыльях, она душой и телом совершенно земная, истинная женщина. И к тому же говорит на родном языке Тенар! Тенар прилежно учила девушку ардическому языку, и ее очень радовали быстрые успехи Сесеракх. Она только теперь осознала, что на самом деле самое большое удовольствие для нее — просто поговорить по-каргадски, просто слушать и произносить слова, в которых для нее заключалось все утраченное детство.

Когда Тенар вышла на ту дорожку, что вела к рыбным прудам под большими ивами, то увидела Олдера. С ним был какой-то маленький мальчик, и они беседовали — тихо, серьезно. Тенар всегда была рада видеть Олдера. Она жалела его за ту боль и страх, которые ему постоянно приходилось выносить, и уважала его за это невероятное терпение. Ей нравилось его честное красивое лицо, его серебристый голос, напоминавший голос арфы, и его речь. Что плохого, если добавить к обычным словам несколько милых сердцу красивых слов? Да и Гед ему доверял.

Остановившись на некотором расстоянии, чтобы не помешать их разговору, она смотрела, как Олдер и мальчик, опустившись на колени, заглядывают куда-то к гуще кустарника. Вскоре из-под кустов вылез серый котенок, который не обратил на них ни малейшего внимания и, сверкая глазами, осторожно переставляя лапки и низко припадая брюшком к земле, продолжил охоту на того мотылька, которого пытался поймать в кустах.

— Ты можешь отпускать его охотиться на всю ночь, если хочешь, — сказал Олдер мальчику. — Он не заблудится и никому ничего плохого не сделает. Он волю очень уважает. Понимаешь, эти огромные сады для него — все равно что весь Хавнор. Или, если хочешь, можешь выпускать его на волю только по утрам. И тогда, если тебе это понравится, он может спать рядом с тобой.

— Мне бы это очень понравилось! — сказал мальчик застенчиво, но решительно.

— В таком случае, ты, наверное, это знаешь, поставь в своей комнате коробку с песком и плошку с чистой водой. Воду нужно часто менять, и ее всегда должно быть достаточно.

— И еще нужно поставить ему плошку с едой!

— Да, конечно; один раз в день обязательно корми его. Только не очень обильно. Он вообще-то немножко обжора.

— А он рыбу в пруду не ловит? — Кот в этот момент находился как раз рядом с одним из прудов с карпами; сидел себе на травке и беспечно озирался; тот мотылек, видно, куда-то улетел.

— Он любит за рыбками наблюдать, но не ловит их.

— И я это тоже очень люблю! — сказал мальчик. Они встали и вместе направились к прудам.

Тенар была тронута до глубины души. Была в Олдере такая невинность, но не детская, а невинность взрослого мужчины и доброго, хорошего человека. Ему бы следовало иметь своих детей. Он безусловно был бы им хорошим отцом.

Тенар подумала о своих детях и маленьких внуках — хотя старшей дочке Яблочка, Пиппин, скоро двенадцать. Неужели это возможно? Двенадцать лет? Пиппин? Так ведь она уже в этом году или, в крайнем случае, в следующем должна пройти обряд наречения именем! Ох, пора, пора отправляться домой! Пора сходить в гости в Срединную долину, отнести подарок старшей внучке по случаю скорого наречения именем, а малышам — игрушки. Пора убедиться, что Искорка при его беспокойном характере не слишком сильно подрезал грушевые деревья, как это уже бывало. Пора посидеть и спокойно поговорить с Яблочком, ее милой, доброй доченькой... Истинное имя Яблочка было Хайохе, его ей дал еще Огион... Вспомнив об Огионе, Тенар, как всегда, испытала резкий приступ страстной любви и тоски и увидела перед собой знакомый очаг и сидящего у очага Геда. Увидела, как он поворачивает к ней свое смуглое лицо, собираясь задать ей какой-то вопрос, и тут же ответила на этот его вопрос

— во весь голос, нарушив тишину королевского сада: — Так скоро, как только смогу!

Ярким летним утром они спустились от дворца к пристани, чтобы погрузиться на борт «Дельфина». Население Хавнора устроило по случаю их отплытия настоящий праздник. Люди так и кишели на улицах и у причалов, все каналы, бухты и проливы были буквально забиты маленькими суденышками, которые здесь называли скорлупками. На мачтах суденышек развевались разноцветные паруса и яркие флажки; флаги и знамена реяли также на башнях больших домов, принадлежащих знати, и на флагштоках мостов — как на земле, так и над крышами. Проходя сквозь ликующую толпу, Тенар думала о том давнишнем дне, когда она впервые приплыла в Хавнор, когда они с Гедом вернули на родину Кольцо Эльфарран с написанной на нем Руной Мира. Тогда Кольцо было у нее на руке, и она подняла руку как можно выше, чтобы солнце ярко засияло на серебре, чтобы все увидели его, и люди увидели его и возликовали. Они, как и теперь, тянули к ней руки, словно хотели ее обнять... Тенар даже улыбнулась, вспомнив об этом, и все еще улыбалась, когда поднялась по сходням на борт корабля и поклонилась Лебаннену.

Он приветствовал ее традиционным шкиперским приветствием:

— Добро пожаловать на борт, госпожа Тенар! — И она ответила, сама не зная, что именно заставило ее произнести эти слова:

— Благодарю тебя, сын Эльфарран! — Лебаннен некоторое время удивленно смотрел на нее, озадаченный подобным обращением, но тут на борт поднялась не отстававшая от матери Техану, и он повторил свое шкиперское приветствие:

— Добро пожаловать на борт, госпожа Техану! — Тенар сразу прошла на нос корабля, помня, что там, возле кабестана, есть местечко, где пассажир вполне может устроиться так, чтобы не мешать работе моряков, но все же видеть все, что творится на палубе и на забитых народом причалах.

Вдруг на главной улице, ведущей в порт, толпа всколыхнулась: прибыла принцесса Каргада. Тенар с удовлетворением отметила, что Лебаннен, а может, его дворецкий устроил для принцессы прямо-таки великолепный прием. Конный эскорт прокладывал путь, кони похрапывали и изящно переступали ногами. Высоченные красные перья — такие перья каргадские воины носят на своих шлемах — качались на крыше закрытой повозки, позолоченной и ярко разукрашенной, в которой принцесса проехала через весь город; таким же плюмажем были украшены и головы

четырех серых коней, что тащили повозку. Группа музыкантов, поджидавших у самой воды, тут же взялась за трубы, барабаны и тамбурины. И собравшиеся, поняв, что сейчас им будет предоставлена возможность видеть каргадскую принцессу, приветствовали ее с таким восторгом и так близко обступили карету, что конной и пешей охране пришлось их немного отогнать. Но люди все равно были исполнены восторга и время от времени начинали выкрикивать:

— Да здравствует королева каргов! — хотя кое-кто все же сомневался, что это и есть королева.

— Глянь-ка, глянь-ка! — услышала Тенар. — Они тут все в красное одеты! С ног до головы закутаны. Вот красота, точно самоцветы! Так которая ж она-то?

А более осведомленные кричали:

— Да здравствует принцесса!

Наконец Тенар увидела Сесеракх — разумеется, укутанную в покрывала с ног до головы. Она сразу узнала ее по высокому росту и горделивой осанке; принцесса с достоинством вылезла из повозки и проплыла по направлению к сходням. Две из ее служанок в менее длинных покрывалах семенили за нею следом; за ними шла леди Опал с острова Илиен. Сердце Тенар упало: Лебаннен строго-настрого запретил брать на борт каких бы то ни было служанок или компаньонов принцессы, ибо им предстояла отнюдь не увеселительная прогулка, и те, кто будет на борту «Дельфина», Должны действительно иметь на это полное право. Неужели Сесеракх этого не поняла? Или она настолько не способна обойтись без своих глупых соплеменниц, что собирается нарушить указ короля? Это было бы самым неудачным началом путешествия, огорчилась Тенар.

Но у самых сходен переливающийся золотом красный цилиндр остановился. Из-под покрывал высунулись изящные золотисто-смуглые руки принцессы, сверкающие от обилия золотых колец и браслетов, и она обняла по очереди всех своих прислужниц, явно прощаясь с ними. Она обняла и леди Опал — очень отстраненно и изысканно, как и подобает принцессе прилюдно обнимать знатную даму. Затем леди Опал, точно пастушка овец, погнала служанок назад к повозке, а сама принцесса вновь повернулась лицом к сходням.

И тут возникла некоторая заминка. Тенар видела, как безлика красная золотая колонна качнулась: принцесса глубоко вздохнула и от страха набрала в грудь столько воздуха, что даже стала чуть-чуть выше ростом.

А потом она медленно, но решительно двинулась по сходням на борт. Как раз наступило время прилива, так что сходни висели высоко и подъем

по ним был довольно крут, но принцесса не колеблясь и с неизменным достоинством шла по ним, и вся толпа на берегу замолкла, наблюдая за ней и восхищаясь.

Наконец фигура в красных покрывалах достигла палубы и остановилась прямо перед королем.

— Добро пожаловать на борт, ваше высочество! — звенящим голосом приветствовал ее Лебаннен, и толпа тут же взорвалась ликующими криками:

— Ура! Да здравствует принцесса Каргада! Да здравствует наша королева! Отлично прошла, Красненькая!

Лебаннен что-то сказал принцессе, но остальным из-за царившего вокруг радостного шума слов его было не разобрать. Красная колонна повернулась к толпе на набережной и поклонилась — весьма изящно, хотя и несколько скованно.

Техану, давно поджидавшая Сесеракх, теперь вышла вперед и заговорила с ней, а потом повела ее в каюту, расположенную на корме, где молодая женщина в тяжелых, мягко струящихся красных с золотом покрывалах и скрылась. Толпа на пристани ликовала и с еще большим восторгом продолжала орать:

— Вернись, принцесса! Где ты, Красненькая? Куда ты скрылась, дорогая ты наша госпожа? Где наша королева?

Тенар, выглянув из каюты, посмотрела на Лебаннена. О своих обидах и лежавшей на сердце тяжести она сразу забыла; неудержимый смех рвался наружу, и она, усмехнувшись, подумала: бедный мальчик, что же тебе теперь-то делать? Вон смотри, люди на пристани влюбились в нее с первого взгляда, а ведь они и увидеть ее как следует не могли... Ох, Лебаннен, все мы, женщины, в заговоре против тебя!

«Дельфин» был судном не только удивительно пропорциональным и изящным, но и вполне способен был доставить короля на любой остров Земноморья, и притом с должным комфортом. Это было отличное, крепкое судно, призванное не плыть, а лететь под парусами и быстро доставлять своих пассажиров к месту назначения. Впрочем, особыми удобствами «Дельфин», как и все современные ему корабли, не отличался, да на нем и плавали обычно, помимо короля и его немногочисленной свиты, лишь сами моряки, несколько офицеров и матросы. Путешествие на остров Рок на этот раз оказалось менее комфортабельным, чем обычно, потому что пассажиров было слишком много. Матросы, разумеется, как всегда, спали в своем кубрике в три фута высотой, расположенном в переднем трюме, а вот офицерам пришлось потесниться и кое-как разместиться в общем

грязноватом помещении под полубаком. Что же касается пассажиров, то четырех женщин поместили в ту каюту, которая считалась «королевской», а в каюте под нею, обычно занятой шкипером и двумя офицерами, устроились сам король, два волшебника, Олдер и шкипер Тосла. Возможностей для мелких обид и дурного настроения будет хоть отбавляй, сразу подумала Тенар. И одной из весьма существенных проблем оказалось то, что принцессу постоянно укачивало.

Они пересекали Большой Залив при легком попутном ветерке и спокойном море; корабль скользил по воде, точно лебедь по глади садового пруда, но Сесеракх скорчилась на своей койке и плакала от отчаяния, стоило ей выглянуть из-под своих покрывал и увидеть в широкое кормовое окно солнечную, мирную морскую гладь и легкий белый бурун за бортом корабля.

— Теперь так все время и будет — вверх-вниз, вверх-вниз, — причитала она по-каргадски.

— И совсем не все время, — успокаивала ее Тенар. — Море совершенно спокойное. Ты головой-то подумай!

— Дело в моем животе, а вовсе не в голове, — хныкала Сесеракх.

— Никто никогда не страдает морской болезнью при таком спокойном море. Ты просто боишься!

— Мама, — вмешивалась Техану, не понимая, что они говорят, но догадываясь по интонациям, — не ругай ее. Это так унижительно, когда тошнит!

— Ее вовсе не тошнит! — сердилась Тенар, абсолютно уверенная в том, что тошнить принцессу никак не может. — Тебя ведь не тошнит, Сесеракх? Ты просто боишься, что тебя будет тошнить! Ну, возьми же себя в руки! Выйди на палубу. Свежий воздух тебе непременно поможет. Свежий воздух и смелость — вот твои главные помощники.

— Ах, друг мой, дорогая Тенар, — прошептала Сесеракх. — Ты такая смелая, так дай и мне немного смелости!

Тенар даже оторопела.

— Ты должна сама набраться смелости, милая, — сказала она чуть мягче. — Ну, давай попробуем выйти на палубу, детка, хотя бы на минутку! Техану, попытайся хоть ты уговорить ее. Подумай, что с ней будет, если мы действительно попадем в шторм!

Наконец им удалось убедить Сесеракх встать с постели, надеть красный цилиндр из покрывал, без которого она, конечно же, была не в силах появиться мужчинам на глаза, и с огромным трудом вытолкнули ее из каюты. Потом все вместе они уселись под стеной каюты, в тени, на

безупречно, до белизны выскобленной палубе и стали смотреть в синий, сверкающий на солнце морской простор.

Сесеракх даже сподобилась раздвинуть свои покрывала и теперь смотрела прямо перед собой куда-то себе в колени, лишь изредка бросая испуганный взгляд на воду, после чего закрывала глаза и снова утыкалась взором в собственные колени.

Тенар и Техану время от времени переговаривались, указывая на проплывающие мимо суда, на птиц, на какой-нибудь островок.

— До чего же хорошо! Я и забыла, до чего хорошо плавать по морю! — воскликнула Тенар.

— Да, мне тоже нравится, особенно если забыть, что кругом вода, — сказала Техану. — Это похоже на полет...

— Эх вы, драконы! — только и промолвила Тенар.

Она сказала это легко, и звучали ее слова вполне безобидно, однако они имели глубокий смысл. Впервые Тенар сказала нечто подобное своей приемной дочери. Она сразу почувствовала, что Техану повернулась так, чтобы видеть ее своим зрячим глазом, и внимательно на нее смотрит. Сердце Тенар тяжело билось в груди.

— Вам подавай воздух и огонь, — прибавила она.

Техану молчала. Но ее здоровая рука, смуглая и тонкая, крепко сжала руку Тенар.

— Я еще не знаю наверняка, кто я такая, мама, — прошептала она.

— А я знаю! — сказала Тенар. И сердце ее забилося еще сильнее и тяжелее, чем прежде.

— Я не такая, как Ириан, — попыталась Техану успокоить мать. Ей хотелось сказать Тенар что-то приятное, дать ей какое-то обещание — наверное, никогда не покидать свою приемную мать, — но в голосе ее звучало такое страстное желание летать, такая мучительная зависть, такая глубинная страсть...

— Подожди, подожди, скоро все окончательно выяснится, — сказала Тенар. Оказалось, ей тоже очень трудно говорить. — И ты узнаешь, что тебе делать... и кто ты такая...

Они говорили так тихо, что принцесса, пожалуй, не смогла бы расслышать, о чем они говорят, даже если бы понимала ардический язык. О ней они совсем забыли. Однако Сесеракх, услышав имя Ириан, еще шире раздвинула покрывала, выпростала свои прекрасные руки и, повернувшись к Тенар и Техану, спросила на ардическом:

— Ириан, она есть где? — Глаза принцессы ярко блестели в красноватой полутени последнего покрывала.

— Где-то вон там... — Тенар махнула рукой в сторону носа корабля.

— Она... притворяется смелой, да? Тенар помолчала минутку и ответила:

— Ей не нужно притворяться смелой, Сесеракх. Она и так совершенно бесстрашна.

— Ах... — вздохнула принцесса, оглядывая весь корабль и наконец увидев Ириан, которая стояла на носу рядом с Лебанненом. Король показывал куда-то вперед, яростно жестикулировал, говорил с большим воодушевлением и смеялся. Ириан тоже смеялась. Она была почти того же роста, что и король.

— Гололица! — сердито пробурчала Сесеракх по-каргадски. А потом прибавила на ардическом — задумчиво и почти неслышно: — Бесстрашная.

И скрылась под своими покрывалами. Больше она не двигалась и вопросов не задавала — застыла, как каменное изваяние.

Длинная береговая линия Хавнора за кормой корабля стала таять в синей дымке. На севере в вышине еще плыла неясно видимая вершина горы Онн, но ее уже заслоняли черные базальтовые скалы острова Омер, которые высились по правому борту, когда «Дельфин» пробирался по узким проливам Эбавнора во Внутреннее море. Солнце ярко светило, дул свежий ветер — наступал еще один отличный ясный денек. Женщины, как всегда, устроились под парусиновым навесом, который моряки натянули позади каюты. Эти женщины явно принесли судну удачу, и моряки старались, как могли, угодить им хотя бы в мелочах — старались от чистого сердца. С волшебниками, которые способны принести кораблю в равной степени и удачу, и неудачу, моряки тоже обращались очень хорошо и тоже устроили для них навес на юте, где им было удобно смотреть вперед. Для женщин моряки даже раздобыли где-то бархатные подушки, попавшие на судно, видимо, заботами короля или его дворецкого. Волшебники же вполне удовлетворились свернутой в несколько раз парусиной.

Олдер видел, что его здесь считают тоже одним из волшебников, но ничего с этим заблуждением поделать не мог, хотя это его весьма смущало: ведь Оникс и Сеппель могли подумать, что он считает себя им равным. Эта мысль тревожила его особенно сильно еще и потому, что теперь он даже и колдуном-то больше не был, ибо дар его бесследно исчез. У него не осталось ни капельки волшебной силы. Он знал это так же точно, как знал бы, например, что утратил зрение или способность двигать руками и ногами. Теперь он бы даже разбитый кувшин починить не смог, разве что с

помощью обыкновенного клея. Но для этого, разумеется, особого мастерства не требуется.

Но у него было такое ощущение, что, помимо мастерства латальщика, он потерял и еще что-то очень важное. И теперь из-за этой неведомой утраты — в точности как и после смерти жены — пребывает в какой-то тупой прострации, где нет места радости, где с ним не может случиться ничего нового, где все застыло в оцепенении и ничто никогда не переменится.

Видимо, это ощущение было связано с каким-то более широким аспектом его дара. Олдер все время думал об этом, пытаясь разгадать, какова же была истинная природа его мастерства. «Похоже, что раньше я всегда знал, куда должен идти и в каком направлении находится мой дом, а теперь это знание потерял». Это ощущение, впрочем, не было достаточно конкретным, его невозможно было бы как-то определить или кому-то рассказать о нем, но Олдер понимал, что утратил некое важнейшее качество, от которого зависело все остальное в его жизни. И без него он стал совершенно бесполезен и никому не нужен.

Зато он, по крайней мере, никому не причинял никакого вреда. Сны его стали какими-то мимолетными и совершенно бессмысленными. И он больше не попадал во сне на тот холм с мертвой травой, к той стене, и ничьи голоса больше не звали его во тьму.

Он часто думал о Ястребе. Он мечтал о возможности поговорить с ним! Бывший Верховный Маг отдал все свое могущество людям, но все равно остался самым великим среди прочих великих, думал Олдер, хотя и доживает свой век в бедности и безвестности. Однако бедность и безвестность Ястреб предпочел королевским почестям по собственной воле. А ведь Лебаннен до сих пор мечтает сложить к его ногам самые высокие полномочия и любые почести. Возможно, решил Олдер, богатство и высокое положение в обществе и не нужны человеку, который ТАК и В ТАКОМ МЕСТЕ утратил и бывшее могущество, и бывшее благополучие.

Олдер часто замечал, что волшебник Оникс явно жалеет о том, что способствовал заключению его странной сделки с Сеппелем. Оникс и прежде был с Олдером вежлив и учтив, но теперь проявлял к нему какое-то особое внимание и сочувствие. А вот его отношение к волшебнику с острова Пальн стало более прохладным, почти отчужденным. Сам же Олдер никакой неприязни по отношению к Сеппелю не испытывал и не сомневался в искренности его намерений. С Древними Силами Земли шутить не будешь. Их помощи люди просят всегда на свой страх и риск. И всегда риск очень велик. Сеппель же сразу предупредил его, что цена будет

высокой. И разъяснил, какова будет эта цена, хотя сам Олдер тогда не очень-то его предостережения понял. Но вины Сеппеля в том нет никакой. Он сам во всем виноват, ибо никогда не ценил свой дар как нечто действительно стоящее.

И Олдер, сидя рядом с двумя волшебниками, чувствовал себя фальшивой монетой, которую положили в один кошелек с двумя настоящими золотыми. Впрочем, это не мешало ему с интересом прислушиваться к разговорам волшебников, а они, полностью ему доверяя, говорили при нем совершенно свободно. Олдеру эти разговоры служили такими прекрасными уроками, о каких он даже и не мечтал, будучи простым колдуном.

Оникс и Сеппель, сидя в полупрозрачной тени, отбрасываемой парусиновым пологом, говорили тоже о сделке, но о куда более значительной, чем та, которую заключил Олдер, желая прекратить свои сновидения. И Олдер много раз слышал, как Оникс произносит те же самые слова Истинной Речи, которые сказал ему тогда Сеппель: ВЕРВ НАДАН. И чем дальше, тем больше Олдер начинал понимать значение этих слов: некий выбор, или разделение одного и другого, или превращение одной вещи в две совершенно различные, Давным-давно, еще до того, как в Земноморье стали править короли Энлада, еще до изобретения ардической письменности и, может быть, даже до возникновения ардического языка, когда существовал только один язык, Язык Созидания, люди, как теперь представлялось Олдеру, сделали некий трагический выбор, отказавшись от великого могущества во имя чего-то другого.

Ему было трудноато разобраться в корнях спора волшебников, и не потому, что они что-то от него скрывали, но потому, что они и сами как бы оцупью искали то, что затерялось в туманном прошлом, в тех немисливо далеких временах, что предшествуют памяти человечества. Слова Истиной Речи часто по необходимости вплетались в их беседу, а Оникс порой вообще говорил только на этом языке, хотя Сеппель, понимая его отлично, предпочитал все же отвечать на ардическом. Сеппель вообще скуппо пользовался словами Древнего Языка. Однажды он даже предостерегающе поднял руку, желая остановить дальнейшие рассуждения Оникса, и, заметив его вопросительный взгляд, мягко пояснил: «Слова заклятий иногда начинают действовать сами собой».

Учитель Олдера, Ганнет, тоже называл слова Древнего Языка «словами заклятий». «Каждое из них есть проявление великого могущества, — говорил он, — ибо каждое слово Истинной Речи заставляет истину существовать в реальной действительности». Ганнет также весьма

скупо пользовался «словами заклятий», которые знал; он произносил их только при абсолютной необходимости, а если писал какую-нибудь Истинную Руну, то стирал ее практически сразу, едва успев дописать. Да и большая часть известных Олдеру колдунов вели себя столь же осторожно, то ли стремясь сберечь собственные знания, то ли просто уважая могущество и волшебную силу Языка Созидания. Даже Сеппель, который был настоящим волшебником и обладал куда более обширными знаниями, чем обыкновенные колдуны, предпочитал не пользоваться словами Истинной Речи в повседневных беседах, считая, что если обычные языки вполне допускают ложь, то их можно использовать и для всяких недомолвок, а также в том случае, когда не очень уверен в правильности своих суждений.

Возможно, это было частью того выбора, который люди сделали когда-то давно — отказаться от врожденного знания Древнего Языка, хотя этим языком они некогда владели так же, как и драконы. Интересно, думал Олдер, они поступили так специально, желая иметь свой собственный язык, более подходящий людям и дающий возможность лгать, нести всякую чушь и выдумывать чудеса, которых никогда не было и не будет на свете?

Драконы же говорили только на Древнем Языке. Однако всем было известно, что драконы не только способны, но любят лгать и обманывать. Прежде всего людей, конечно. А правда ли это? Ведь если «слова заклятий» истинны, думал Олдер, то вряд ли даже дракон способен использовать их для того, чтобы солгать!

Сеппель и Оникс дружно умолкли. Это была самая обычная пауза в их бесконечном разговоре: оба, видимо, несколько устали. Заметив, что Оникс даже вроде бы задремал, Олдер тихонько спросил пальнийского волшебника:

— А это правда, что драконы могут лгать, хотя и используют только Истинную Речь?

Сеппель улыбнулся.

— Это — как говорим мы на Пальне — «тот самый вопрос»! Его великий Атх задал дракону Орму тысячу лет назад в руинах Онтуэго. «Может ли дракон солгать?» — спросил волшебник. И Орм ответил: «Нет», — идохнул на него огнем, оставив от Атха горстку пепла... Но стоит ли нам верить этой истории? Ведь что там было на самом деле, знает один лишь Орм.

«Бесконечны споры магов между собой», — подумал про себя Олдер, но вслух этого не сказал.

Оникс явно решил поспать как следует; голова его откинулась назад, суровое напряженное лицо расслабилось.

И Сеппель сказал еще тише, чем обычно:

— Олдер, я надеюсь, ты не жалеешь о том, что мы сделали в пещере Аурун? Я знаю, наш общий друг считает, что я недостаточно внятно предупредил тебя.

И Олдер, не колеблясь, ответил:

— Я ни о чем не жалею!

Сеппель молча поклонился, а Олдер быстро прибавил:

— Я понимаю, что все вы, волшебники, стараетесь сохранить Великое Равновесие. Но Древние Силы Земли ведут свой собственный отсчет, верно?

— Да. И «справедливость» их такова, что людям трудно ее понять.

— В том-то и дело. Вот и я пытаюсь понять: почему я должен был отказаться от своей профессии, чтобы мне перестали сниться сны о царстве мертвых? Какое отношение одно имеет к другому?

Некоторое время Сеппель молчал, а затем ответил — вопросом на вопрос:

— Но ведь не благодаря своему мастерству ты пришел к той каменной стене?

— Нет, конечно! — уверенно ответил Олдер. — У меня было не больше возможностей пойти туда, чем не пойти.

— Так как же ты все-таки попал туда?

— Жена позвала меня, и душа моя устремилась к ней.

Последовало длительное молчание. Затем волшебник промолвил:

— Другие тоже теряют горячо любимых жен и мужей...

— И я так говорил лорду Ястребу, но он сказал: это верно, но все же связь между двумя истинно любящими друг друга бывает порой столь тесна, что может длиться почти вечно...

— Ни одна связь не может длиться вечно, если люди разделены той каменной стеной!

Олдер посмотрел прямо в пронизательные глаза волшебника, ярко горевшие на его добром смуглом лице.

— Но почему это так? — спросил он, помолчав.

— Потому что смерть прерывает всякую связь между людьми и их душами.

— Но тогда почему же эти мертвые никак не могут умереть?

Сеппель, явно застигнутый этим вопросом врасплох, изумленно уставился на Олдера.

— Прости, — сказал Олдер. — Я просто неправильно выразился. Я хотел сказать вот что: я знаю, смерть прерывает связь души и тела, и тело умирает, возвращаясь обратно в землю, а душа должна отправиться в ту темную страну, имея прежнюю телесную оболочку; но как долго душе терпеть это существование? Неужели вечно? Вечно — среди холодных камней, покрытых серой пылью, вечно в сумерках, во тьме, без единого лучика света, без любви, без малейшей радости? Мне невыносимо думать о том, что Лили останется там навечно! Почему она должна оставаться там? Почему она, точнее, ее душа, не может... — он невольно запнулся, — ... быть свободной?

— Потому что там не бывает ветра! — сказал Сеппель. Взгляд у него был очень странный, а голос звучал жестко. — Искусство человека виновато в том, что ветры никогда не дуют в темной стране.

Он внимательно посмотрел на Олдера, но, казалось, видит его не очень хорошо. Лишь постепенно взгляд его проявился, выражение лица переменилось, и он отвернулся, словно любясь изящно выгнутым фок-марселем, полным свежего северо-западного ветра. Потом Сеппель опять быстро глянул на Олдера и сказал почти так же мягко и ласково, как всегда:

— Впрочем, об этом ты знаешь не меньше меня, друг мой. Даже больше — ты узнал все это собственной плотью, собственной кровью, и это знание стучит в твоём сердце. А я знаю только на словах. Но это старинные слова!.. Давай-ка лучше сперва доберемся до Рока, и, возможно, тамошние Мудрецы сумеют объяснить нам то, что мы тщетно пытаемся понять. А если этого не смогут разъяснить и они, то, может быть, расскажут драконы. А может быть, именно ты станешь тем человеком, который покажет нам верный путь.

— Ну да, и буду как тот самый слепец, который ведет зрячих к краю пропасти! — воскликнул с горьким смехом Олдер.

— Ах, мы и так уже стоим на самом краю пропасти! И глаза наши закрыты, — промолвил Сеппель.

Лебаннен вскоре понял, что корабль слишком мал, чтобы вместить то невероятное беспокойство, что переполняло его. Женщины целыми днями сидели под своим крошечным навесом, а волшебники — под своим, как утки в рядок, а он мерил шагами палубу, метался вверх и вниз по трапу и постоянно терял терпение из-за того, что палуба слишком узка и мала. Ему казалось, что именно его нетерпение, а вовсе не волшебный ветер заставляет «Дельфина» бежать так быстро. И все же недостаточно быстро! Лебаннен мечтал, чтобы это путешествие закончилось как можно скорее.

— А помнишь тот флот близ Уотхорта? — спросил Тосла, вместе с Лебанненом склоняясь над картой. — Великолепное было зрелище! Тридцать кораблей в ряд!

— Хотелось бы мне, чтобы мы сейчас плыли не на Рок, а на Уотхорт! — вырвалось у Лебаннена.

Да, я тоже никогда Рок не любил, — понимающе кивнул Тосла. — К тамошним берегам порой и на двадцать миль не подойти — ни тебе нормального ветра, ни нормального течения, только тот «бульон», который эти волшебники сварили! И скалы, что торчат из воды к северу от Рока, тоже никогда на одном месте не бывают. А город полон всяких мошенников и трюкачей, которые только и делают, что обличье меняют! — И старый морской волк Тосла сплюнул в воду. — Я бы, пожалуй, предпочел снова встретиться со стариком Гором и его работоторговцами, чем с этими Мудрецами!

Лебаннен кивнул, но сам ничего не сказал. В этом-то и была прелесть бесед с Тослой: он запросто говорил вслух то, что Лебаннену, он сам это чувствовал, лучше было вслух не говорить, даже если он полностью разделяет мнение Тослы.

— А кто был тот немой, помнишь? Точнее, безъязыкий? — спросил Тосла. — Тот, что убил Сокола на городской стене?

— Эгре. Пират и работоторговец.

— Вот-вот. Он сразу узнал тебя — там, в Сорре. Прямо к тебе направился. Интересно, откуда он тебя знает?

— Однажды я попался ему в руки. И стал его рабом.

Удивить чем-нибудь Тослу было нелегко, но после этих слов моряк устался на Лебаннена, разинув рот. Он явно ему не верил, но сказать, что не верит, не мог, а потому и молчал. Лебаннен с минуту наслаждался произведенным эффектом, но потом все же сжалился над шкипером.

— Когда Верховный Маг взял меня на охоту за Кобом, мы сперва отправились на юг. И какой-то тип в городе Хорте подло заманил нас прямо в логово работоторговцев. Ястреба они тут же свалили ударом по голове, и я бросился бежать, надеясь, что смогу увести их от него. Но оказалось, что охотились они именно за мной — за меня можно было получить куда более высокую цену. В общем, очнулся я в цепях на галере, направлявшейся в Соул. Но Ястреб спас меня еще до исхода ночи. И всех остальных рабов тоже. Оковы упали с нас, точно сухие листья, сорванные ветром. А потом он велел Эгре замолчать и молчать до тех пор, пока не найдет что-нибудь, заслуживающее того, чтобы об этом говорить вслух... Верховный Маг тогда приблизился к нашей галере в виде огромного столба света над

черной водой!.. Тогда я впервые понял, Каков он на самом деле. И каково его могущество!

Тосла некоторое время переваривал услышанное.

— Значит, он снял оковы со всех рабов? Но почему же никто не прикончил этого Эгре?

— Возможно, они считали, что теперь пришел их черед, заковали его в кандалы, а потом продали на рынке рабов в Соуле, — пожал плечами Лебаннен.

Тосла снова некоторое время обдумывал подобную возможность, потом спросил:

— Так, значит, ты поэтому так стремился поскорее покончить с работорговлей?

— Это одна из причин.

— М-да-а, как показывает практика, рабство обычно плохо сказывается на характере человека. — Тосла внимательно посмотрел на карту Внутреннего моря, висевшую на стене слева от рулевого, и сказал: — Остров Уэй. Между прочим, оттуда родом эта женщина-дракон.

— Ты, похоже, с нее глаз не спускаешь?

Тосла уже сложил губы дудкой, собираясь присвистнуть, но свистеть не стал — на корабле это уж и вовсе было недопустимо.

— Помнишь, я как-то говорил тебе, что есть акая песня «Девушка из Белило»? Я ее прежде всегда считал чем-то вроде сказки. Пока эту Ириан не увидел.

— Вряд ли она захочет тебя съесть, Тосла, — поддразнил моряка Лебаннен.

— А что, это была бы славная смерть! — Но тон у Тослы был довольно кислый.

Король рассмеялся.

— Смотри, счастье свое не спугни, — сказал Тосла.

— Да я не боюсь.

— Ты с этой Ириан разговариваешь так свободно и легко... А по-моему, это все равно что с вулканом говорить! Но я вот что тебе скажу: интересно было бы все-таки как следует рассмотреть тот подарочек, который тебе карги прислали. Если судить по ступням, посмотреть там есть на что! Вот только как ее из этого дурацкого «шатра» выманить? Ступни-то — просто прелесть, но мне бы хотелось увидеть для начала еще хотя бы щиколотки и чуть-чуть повыше.

Лебаннен почувствовал, что невольно мрачнеет, и отвернулся, чтобы Тосла этого не заметил.

— Если бы мне кто-нибудь прислал такую посылку, — продолжал Тосла мечтательно, — я бы ее непременно сразу открыл!

Лебаннен не смог сдержать легкий жест нетерпения. Это Тосла все-таки заметил — у него вообще глаз был острый. Он усмехнулся и больше не прибавил ни слова.

На палубу вышел помощник капитана, и Лебаннен тут же обратился к нему:

— Облачность, по-моему, сгущается. Будет шторм?

Моряк кивнул:

— Точно. На юго-западе уже погромыхивает. К ночи как раз под грозу попадем.

Море к полудню подернулось рябью, солнечный свет приобрел какой-то красноватый оттенок, ветер порывами налетал то с одной стороны, то с другой. Тенар не раз говорила Лебаннену, что принцесса боится моря и страдает морской болезнью, и он раза два невольно посмотрел в сторону «женской» каюты, где под навесом все эти дни постоянно сидели Тенар с Техану и принцесса. Он думал, что принцесса уже ушла в каюту, но оказалось, что знакомая фигура, закутанная в красные покрывала, все еще там, а внутрь ушли как раз Тенар и Техану. Рядом с принцессой Лебаннен увидел Ириан. Они о чем-то увлеченно беседовали. Интересно, о чем это женщина-дракон родом с острова Уэй может беседовать с выросшей в гареме пугливой особой с острова Гур-ат-Гур? И на каком языке они объясняются друг с другом? Последний вопрос настолько заинтересовал Лебаннена, что он даже подошел к девушкам.

Ириан тут же подняла на него глаза и приветливо улыбнулась. У нее было открытое лицо с крупными выразительными чертами и широкая улыбка. А еще ей, видно, очень нравилось ходить босиком, она была совершенно равнодушна к тому, во что в данный момент одета, и позволяла ветру сколько угодно трепать ее волосы. И тем не менее она производила впечатление обыкновенной деревенской девушки, пусть хорошенькой, темпераментной и умной, но совершенно неотесанной, пока не заглянешь ей в глаза. Глаза у нее были цвета дымчатого янтаря, и когда она смотрела прямо на Лебаннена, как сейчас например, он не мог выдержать ее взгляда и опускал глаза.

Лебаннен давно уже дал всем понять, что на корабле не место придворной куртуазности, всяким поклонам и приседаниям; никто не обязан был немедленно вскакивать, если к нему подходил даже сам король, однако эта принцесса, конечно, тут же вскочила. Ножки у нее, как справедливо заметил Тосла, действительно были прелестны: не слишком

малы, с красивым высоким подъемом, сильные, но изящные. Лебаннен смотрел на две босые узкие ступни на выбеленных досках палубы и не мог отвести глаза. А когда наконец поднял голову, то увидел, что принцесса, как и во время их предыдущего разговора, раздвигает свои покрывала, но так, чтобы только он — и никто другой! — смог бы увидеть ее лицо. И Лебаннен был поражен суровой, почти трагической красотой этого лица, скрывавшегося в красноватой тени.

— Все ли... все ли хорошо, принцесса? — спросил он, запинаясь, что случилось с ним крайне редко.

— Мой друг Тенар сказала: дыши ветром, — промолвила она в ответ.

— Да-да, — пробормотал он невпопад.

— А не могут ли наши волшебники что-нибудь сделать для принцессы, господин мой? — обратилась к нему Ириан и встала, распрямив свои длинные ноги. Обе эти женщины были почти одного роста с Лебанненом.

Лебаннен тщетно пытался угадать, какого цвета у принцессы глаза, поскольку в данный момент имел возможность смотреть прямо в них.

Голубые, решил он, но похожи на голубые опалы, потому что меняют цвет, словно в глубине их скрывается множество иных оттенков. Впрочем, может быть, виновато солнце, просвечивавшее сквозь ее красное покрывало?..

— Сделать для принцессы? — рассеянно переспросил он.

— Ну да, ей бы очень хотелось, чтобы морская болезнь не мучила ее так сильно. Она ведь просто ужасно чувствовала себя на пути в Хавнор с Каргадских островов.

— Я бояться ни за что! — заявила принцесса и с вызовом посмотрела прямо на Лебаннена. «Чего это она?» — удивился он и сказал:

— Да, разумеется, я сейчас попрошу Оникса что-нибудь сделать. Я уверен, что он сможет ей помочь хоть немного. — Он поспешно поклонился и пошел разыскивать волшебника.

Оникс и Сеппель обсудили его просьбу и посоветовались с Олдером. Заклятие от морской болезни было скорее из арсенала колдунов-целителей или профессиональных латальщиков, а не могущественных волшебников. Сам Олдер, к сожалению, абсолютно ничем не смог бы помочь принцессе, разве что припомнить слова заклатья, но, увы, он их вспомнить не смог. Да ему и не приходилось никого лечить от морской болезни, он никогда даже и не помышлял о путешествии по морю, пока не начались его беды. Что же касается Сеппеля, то он признался, что и сам всегда страдает от морской болезни — особенно на небольших суденышках или при сильной качке. В

итоге Ониксу пришлось отправиться к принцессе под навес и в изысканных выражениях просить у нее прощения, ибо никто из них ничем не мог ей помочь, сам Оникс никогда даже не знал заклятия от морской болезни. Он мог предложить ей — и это Оникс сказал совсем уж извиняющимся тоном — только некий амулет, который один из моряков, слышавший ее просьбу — а моряки ведь все слышат! — буквально насильно сунул ему в руку.

Изящная, с длинными пальцами рука принцессы появилась из-под красного покрывала, и волшебник вложил в ее ладошку странноватый черно-белый амулет: птичью «вилочку», оплетенную сухими морскими водорослями.

— Это «вилочка» буревестника, ибо ему дано оседлать любой штормовой ветер, — пояснил Оникс, весь красный от стыда.

Принцесса качнула невидимой головой, прошептала по-каргадски какие-то слова благодарности, и амулет исчез под покрывалами, а сама она встала и пошла в каюту. А Оникс отправился извиняться перед королем за то, что ничем не сумел помочь принцессе. Корабль уже весьма энергично качало, по морю шла ровная сильная зыбь, и Оникс сказал, желая оправдаться:

— Я бы мог, господин мой, шепнуть словечко ветрам...

Лебаннен хорошо знал, что у волшебников есть два типа представлений о возможности воздействия на погоду с помощью магии: согласно одним — их исповедовал еще Багмен, — можно приказывать ветрам служить тебе, как служат пастухам пастушьи собаки, которым то и дело приходится бегать туда-сюда по приказу хозяина; но, согласно относительно недавним воззрениям — возникшим от силы несколько столетий назад на острове Рок, — волшебный ветер, например, следовало вызывать только в случае крайней необходимости, предоставляя возможность естественным ветрам дуть, как им заблагорассудится. Лебаннен знал, что Оникс — преданный сторонник теории Рока.

— Ты уж сам решай, Оникс, — сказал он. — Похоже, нам действительно предстоит нелегкая ночь... Но если буря будет не слишком сильной...

Оникс посмотрел на почерневшее небо, где то и дело вспыхивали зигзаги молний. В сгущавшейся тьме вдоль всего южного горизонта горделиво погромыхивал гром. А за кормой еще догорал последний дрожащий луч заката, освещая высокие волны.

— Ну что ж, посмотрим, — сказал Лебаннен довольно мрачным тоном и пошел вниз, в маленькую перенаселенную каюту.

Он старался там практически не бывать и все время проводить на

палубе. На палубе он и спал, если ему вообще удавалось уснуть. Но сегодняшняя ночь явно грозила быть такой, что вряд ли кто-то на борту «Дельфина» будет спать спокойно. Это был не просто сильный ветер, не просто шквал, а целая череда яростных штормовых атак, какие часто случаются в Земноморье в конце лета, обрушиваясь на море с юго-запада. В такие минуты над вздыбленной стеной морем, которое кажется кипящим, без конца сверкают молнии, а гром гремит так, словно вот-вот расколется пополам попавший в бурю корабль. Сумасшедшие порывы ветра заставляют судно нырять, крутиться, совершать немыслимые прыжки — в общем, это была долгая ночь, и весьма, надо сказать, шумная.

Оникс только раз пришел к Лебаннену посоветоваться: не стоит ли ему все же «шепнуть словечко» ветру? Лебаннен вопросительно посмотрел на шкипера, который только пожал плечами. И шкипер, и вся его команда были страшно заняты, но особой озабоченности на корабле не чувствовалось. Что же касается женщин, то Лебаннену сообщили, что они сидят у себя в каюте и играют в какие-то игры. Ириан и принцесса попытались было выйти на палубу, но там даже на ногах трудно было удержаться, и они, поняв, что только мешают команде, снова убрались в каюту. Сообщение о том, что «дамы играют в азартные игры», поступило от поваренка, которого послали в каюту, чтобы узнать, не желают ли дамы чего-нибудь поесть. Они желали! Мало того, они готовы были съесть все, что угодно.

Лебаннена охватило любопытство. Тем более что «женская» каюта буквально сияла огнями, и сияние ламп замечательным образом отражалось в кипящей воде за бортом. Около полуночи он набрался храбрости и все-таки постучался.

Дверь открыла Ириан. После грохота бури и непроглядной темноты освещенная лампами каюта казалась средоточием уюта и спокойствия, хотя раскачивавшиеся лампы отбрасывали на стены уродливые, кривляющиеся тени. Лебаннен вдруг смутился: его со всех сторон окружали женщины, их разноцветные наряды, их нежные лица, их смугло-золотистая и белорозовая кожа, их прекрасные волосы, черные, седые, каштановые, их выразительные глаза... Глаза принцессы неотрывно смотрели на него; она была настолько потрясена его неожиданным появлением, что даже не сразу подхватила какой-то шарф или покрывало, чтобы прикрыть лицо.

— О, а мы-то думали, это поваренок! — со смехом воскликнула Ириан.

Техану посмотрела на Лебаннена и спросила, как всегда застенчиво и дружелюбно:

— Что-нибудь случилось?

И он понял, что так и стоит на пороге, глядя на них, словно безмолвный посланник безжалостной судьбы.

— Нет... совсем ничего, правда!.. Я просто хотел... узнать: как вы тут? Просту прощения, я ведь без приглашения к вам ворвался...

— Вряд ли ты виноват в том, что погода так испортилась, — сказала Тенар. — Просто нам было не уснуть, вот мы с принцессой и решили обучить остальных одной весьма азартной каргадской игре.

Лебаннен увидел на столе пятигранные игральные кости, по всей видимости принадлежавшие Тосле.

— Мы играли на острова, — пояснила Ириан. — Но Техану и я все время проигрывали. А эти противные карги уже выиграли Арк и Илиен.

Принцесса вдруг опустила свой шарф, которым все старалась прикрыть лицо, и повернулась к Лебаннену. Решительная, чрезвычайно напряженная, она была похожа на юного фехтовальщика, пожелавшего сразиться с более опытным противником на ответственной поединке. В каюте было тепло, и все женщины были босиком, с обнаженными руками и вообще полуодеты, но Лебаннен не мог отвести глаз от принцессы. Уже одно то, что она решилась открыть перед ним лицо, притягивало его внимание к ней столь же сильно, как магнит притягивает затерявшуюся иголку.

— Просту прощения, что я так, без спросу, к вам ворвался... — снова, как полный идиот, повторил он и бросился вон, тщательно закрыв за собой дверь. Уже прислонившись к двери с той стороны и с трудом переводя дух, он услышал, как женщины дружно смеются.

Чтобы прийти в себя, Лебаннен немного постоял рядом с рулевым. Глядя в исхлестанную ветром и дождем тьму, временами освещаемую вспышками далеких молний, он по-прежнему видел перед собой черный водопад волос Техану, милое, доброе лицо Тенар и ее насмешливую улыбку, игральные кости на столе, округлые руки принцессы, ее нежную кожу цвета меда, изящный изгиб ее шеи, белеющей на фоне густых каштановых волос... Или золотистых?.. Он не запомнил, какого цвета у нее волосы, он видел только эти прекрасные руки и шею, только ее лицо и глаза, в которых читались открытый вызов и отчаяние. Чего так боится эта девочка? Неужели она думает, что он способен причинить ей зло?

Одна или две звезды вспыхнули высоко в небесах. Буря миновала. Лебаннен пошел в свою каюту, повесил гамак, потому что на койках места не было, и на несколько часов провалился в сон. Проснулся он еще до зари — как всегда, от ощущения странного беспокойства — и поднялся на

палубу.

День наступал такой ясный и спокойный, словно никакого шторма не было и в помине. Лебаннен стоял на носу и смотрел, как первые солнечные лучи полосами ложатся на воду, и ему вдруг вспомнились слова:

Радость моя! Лети, будь свободна!
Прежде, чем светлый Эа возник, и прежде,
Чем великий Сегой повелел Земноморью быть,
Утренний ветер уже гулял над морем бескрайним.
Радость моя! Лети, будь свободна!

Это был отрывок из какой-то баллады или колыбельной песни времен его детства. Больше он не смог припомнить ни слова, но мелодия была прекрасна, и он тихонько напевал ее, позволяя ветру тут же уносить звуки, срывавшиеся с его губ.

Из каюты на корме показалась Тенар и, заметив Лебаннена, подошла к нему.

— Доброе утро, дорогой мой! — сказала она, глядя на него с любовью, и он тоже нежно приветствовал ее. Он уже с трудом припоминал теперь, почему тогда так на нее разозлился, и удивлялся, как это вообще могло случиться, что он разозлился на Тенар.

— Ну что, остров Хавнор вчера выиграли, конечно же, «противные карги»? — спросил он.

— Нет, Хавнор можешь оставить себе. Мы вскоре после твоего ухода спать легли. И девочки до сих пор сладко спят. А что, мы до Рока сегодня доберемся?

— Нет, разве что завтра к утру. Но сегодня еще До полудня мы уже должны войти в гавань Твила. Если, конечно, нам разрешат приблизиться к острову.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Рок хорошо защищен от непрошенных гостей.

— Ах да! Гед мне об этом рассказывал... Рассказывал, как он плыл на корабле, собираясь вернуться в Школу, и они послали против него свой ветер. Ветер Рока — так он говорил.

— Против НЕГО?

— Это было очень давно. — Тенар улыбнулась, пытаясь его успокоить. Ей было приятно это неверие Лебаннена в возможность того, что Геду кто-то мог нанести обиду, тем более незаслуженную. — Гед тогда еще совсем

мальчишкой был. И вздумал помериться силами с самой Тьмой. Так он сам рассказывал.

— И когда он стал уже взрослым мужчиной, он все еще мерился с нею силами.

— Зато теперь перестал, — спокойно сказала Тенар.

— Нет. Теперь нам всем опять придется помериться с нею силой. — Лицо Лебаннена посуровело. — Хотелось бы мне знать, с кем нам все-таки придется иметь дело! Я уверен, нас ждут великие перемены, нам предстоит выбрать новый путь — как предсказывал Огион, как Гед говорил Олдеру. И я уверен, что Рок — это то самое место, где мы должны встретиться с нашим врагом лицом к лицу. И с ожидающими нас переменами. Но, кроме этого, у меня нет никакой уверенности ни в чем! Я понятия не имею, что нас ждет, с чем нам предстоит столкнуться. Когда Гед взял меня с собой в темную страну, мы, по крайней мере, знали, кто наш враг. Когда я повел свой флот в Сорру, я знал, какое зло хочу уничтожить. Но теперь... Интересно, драконы все-таки наши враги или союзники? Что именно в мире пошло наперекосяк? Что нам необходимо создать или уничтожить? Смогут ли предсказать это Мастера? Да и согласятся ли они встретиться с нами? Или просто повернут свой ветер нам навстречу?

— Опасаясь?..

— Опасаясь дракона, конечно. Того, которого знают. Или же того, которого еще ни разу не видели...

Тенар, слушавшая его очень напряженно, улыбнулась.

— Да уж, хорошенький мешок с подарками ты им везешь! — сказала она. — Колдуна, которого во сне преследуют мертвецы, волшебника с острова Пальн, двух драконов и двух каргов в придачу. Единственные приличные пассажиры на этом корабле — это вы с Ониксом.

Лебаннен даже не улыбнулся.

— Если бы только ОН был с нами... — промолвил он задумчиво.

Тенар положила руку ему на плечо и хотела было что-то сказать, но, видно, передумала.

Лебаннен накрыл своей ладонью ее руку, и они некоторое время стояли молча, рядышком, глядя в безбрежные пляшущие волны.

— Принцесса хотела тебе кое-что рассказать, прежде чем мы приплывем на Рок, — сказала Тенар. — Это одна очень любопытная история с острова Гур-ат-Гур. Они там, в своей пустыне, хорошо помнят всякие древние истории. А эта, по-моему, повествует о таких давних временах, что мне не с чем даже ее сравнить, разве что с легендой о Женщине с Кеменя. Там речь идет о драконах... Было бы очень мило с твоей

стороны, если бы ты сам пригласил ее на беседу, чтобы ей не пришлось просить об этом тебя.

Чувствуя, с какой любовью и осторожностью она говорит, Лебаннен ощутил легкое раздражение и тут же — укол стыда. Глядя вдаль, он видел, как далеко на юге, почти у самого горизонта, быстро плывет какая-то галера, держа курс на Кемери или Уэй. В солнечных лучах были заметны даже легкие вспышки там, где поднимались и опускались в воду могучие весла. Лебаннен повернулся к Тенар и сказал весело:

— Ну конечно, я с удовольствием с ней побеседую! Спроси у нее, пожалуйста, в полдень ей будет удобно?

— Да, вполне. Спасибо.

Около полудня он послал молодого матроса в каюту на корме спросить, не соблаговолит ли принцесса присоединиться к нему на палубе. Он ждал ее, стоя на носу корабля. Принцесса вышла из каюты сразу же, и, поскольку корабль был всего шагов пятьдесят в длину, Лебаннену было хорошо видно каждое ее движение, пока она шла к нему. Теперь к нему приближался уже не безликий красный цилиндр, а высокая и красивая молодая женщина, одетая в мягкие белые шаровары и длинную рубаху приглушенного красного цвета. Золотой обруч придерживал тончайшую красную вуаль, которой она прикрывала лицо. Вуаль трепетала на морском ветру. Матрос старательно помогал принцессе преодолевать многочисленные препятствия, заботясь, чтобы она не споткнулась, да и палуба была узковата. Принцесса шла босиком, медленно и осторожно ставя красивые узкие ступни и так горделиво подняв прекрасную голову, что от нее невозможно было отвести глаз.

Наконец она подошла к Лебаннену и застыла перед ним как вкопанная. Лебаннен учтиво поклонился ей и сказал:

— Госпожа моя, ты оказываешь мне неслыханную честь!..

Она склонилась в глубоком реверансе, держа спину удивительно прямо, и спокойно его поблагодарила.

— Надеюсь, прошлой ночью буря не слишком тебя потревожила?

Принцесса коснулась амулета, висевшего у нее на шее, — маленькой птичьей косточки, обвитой черными водорослями, и сказала по-каргадски:

— Керез акатх акатхарва ереви, — сказала она. Он знал, что слово «акатх» значит «колдун» или «колдовство».

Лебаннен понимал, что за ними отовсюду следят глаза — из каюты, из трюмов, с мачт...

— Если хочешь, госпожа моя, мы можем пройти на самый нос, —

предложил он принцессе. — Тогда вскоре можно будет увидеть и остров Рок, я надеюсь. — Он точно знал, что никакого Рока они не увидят и сияние Холма в небесах будет заметно не раньше следующего утра. Поддерживая принцессу под локоть, но почти ее не касаясь, он повел ее в носовую часть судна, где между кабестаном, бушпритом и поручнями был маленький треугольник свободного пространства, где они — когда какой-то матрос убрался оттуда вместе с Цепью, которую чинил, — наконец остались более или менее наедине, хотя по-прежнему были видны всем и каждому на корабле. Зато здесь можно было, по крайней мере, повернуться ко всем спиной!

Когда они наконец обрели относительный покой, принцесса повернулась к Лебаннену и откинула с лица вуаль. Он хотел было спросить, чем может ей служить, но это показалось ему совершенно неуместным, и он промолчал.

Зато заговорила принцесса:

— Господин мой, на нашем острове Гур-ат-Гур я считаться «фейягат». А на острове Рок я считаться дочь Правителя Каргада. Для этого я сейчас не есть «фейягат». Я — гололица! Если тебе угодно.

Не сразу, но все же он сумел ответить:

— Да, конечно. Ты права, госпожа моя. И это... очень здорово!

— Тебе нравится?

— Очень! Да, очень! Я... Спасибо тебе, принцесса!

— Баррезу, — сказала она, по-королевски принимая его благодарность. Ее достоинство и умение держать себя в руках совершенно ошеломили Лебаннена. Ведь лицо этой девочки прямо-таки пылало от стыда, когда она впервые при нем откинула свою вуаль; теперь же в нем не было ни кровинки. Она стояла абсолютно прямо и спокойно, словно собирая силы для дальнейшего разговора.

— Тоже... — сказала она, — также... Мой друг Тенар также.

— Наш друг Тенар! — поправил он с улыбкой.

— Хорошо. Наш друг Тенар. Она говорит, я должна рассказать королю Лебаннену про Ведурнан.

И Лебаннен невольно повторил это слово.

— Давно-давно... нет, давным-давно... были люди-карги, люди-колдуны, люди-драконы, а? Да?.. Все люди — один народ! Все говорить один...один... О, Вулуа мекревт!

— Говорили на одном языке?

— Ха! Да! Был один язык! — В своем страстном стремлении непременно говорить на ардическом, она временами теряла свое

невероятное самообладание; ее лицо пылало, глаза сияли. — Но потом люди-драконы сказали: пусть, пусть все уходят, все вещи, все люди! Улетают!.. Но мы, люди, сказали: нет, мы все сохраним! Сохраним все вещи, будем трудиться!.. Так что мы разошлись, ага? Люди-драконы и мы, люди, так? И они создали Ведурнан. Эти пусть уходят, а эти пусть сохраняют. Да? Но чтобы сохранить все вещи, мы должны были отпустить и тот язык. Тот язык людей-драконов.

— Истинную Речь?

— Да! Так что мы, люди, отпустили тот язык Древняя Речь и сохранили все вещи. А люди-драконы отпустили все вещи, но сохранили тот язык. А? Сейнеба? Понимать? Вот это и есть Ведурнан! — Ее прекрасные крупные руки с длинными пальцами яростно жестикулировали; она жадно вглядывалась в его лицо, страстно надеясь, что он ее понял. — Мы идем на восток, на восток, на восток. А люди-драконы идут на запад, на запад, на запад. Мы трудимся, они летают. Некоторые Драконы приходят с нами на восток, но не сохраняют тот язык. Они его забывают и забывают, как летать. Как народ каргов. Народ каргов говорит на языке Каргада, не на языке драконов. Но все хранят верность Ведурнану, на востоке, на западе Сейнеба? Но в...

Не найдя подходящего слова, принцесса соединила руки — «восток» и «запад», — и Лебаннен подсказал:

— В центре? Посредине?

— А? Да! Посредине! — Она даже засмеялась от удовольствия, что слово наконец нашлось. — Посредине — вы! Люди-колдуны! Ага? Вы, посрединные люди. Вы говорите на ардическом языке, но также, нет, тоже говорите на языке Древняя Речь. Вы УЧИТЕ этот язык! Как я учу ардический, а? Учите, чтобы говорить. И... это-то и есть плохо! Самое плохо! А потом вы говорите... на колдовском языке, который есть Древняя Речь: МЫ НИКОГДА НЕ УМРЕМ. И так оно и случается. И Ведурнан есть нарушен!

Глаза ее были как синий огонь. Она помолчала немного и спросила:

— Сейнеба?

— Да, я понял. Но не уверен, что все понял правильно.

— Вы хранить жизнь! Хранить слишком долго. Вы никогда не отпускаете. Но умереть — это... — Она выбросила руки вперед широким, открытым жестом, словно отталкивая что-то от себя — в небо, за море.

Лебаннен грустно покачал головой.

— Ах... — сказала она. Подумала минутку, но больше слов не нашла и, сдавшись, только развела бессильно руками. — Я должна учить больше

ваших слов! — сказала она.

— Госпожа моя, на острове Рок есть Мастер Путеводитель, он живет в Имманентной Роще... — Лебаннен следил за ее лицом, но она явно его не понимала, и он начал снова: — На острове Рок есть один человек, великий маг, и он тоже карг, как и ты. Ему ты сможешь рассказать все то, что рассказала мне, на своем родном языке.

Она слушала очень внимательно, потом кивнула и сказала:

— Это друг Ириан. Я от всего сердца желаю говорить с другом Ириан. — И все ее лицо осветилось.

Лебаннен был тронут.

— Мне очень жаль, что тебе было у нас так одиноко, принцесса, — сказал он.

Она смотрела на него; глаза ее весело сияли, но она не сказала ни слова.

— Я надеюсь, что со временем... когда ты выучишь наш язык...

— Я учусь быстро! — заявила она. И он не понял — это утверждение или предсказание.

Они смотрели друг другу прямо в глаза.

Принцесса вновь вспомнила, что ей подобает держаться по-королевски, и заговорила иным, официальным тоном, как в самом начале:

— Я благодарна тебе, господин мой, что ты меня слушал. — Она чуть склонила голову набок и прикрыла глаза рукой — традиционный знак Уважения у каргов. Затем последовал глубокий реверанс, и она что-то тихо промолвила по-каргадски.

— Пожалуйста, — попросил он, — повтори то, что ты сейчас сказала, на ардическом.

Она помолчала, явно колеблясь, подумала и ответила:

— Твои... твои, как это?., а, маленькие короли... Сыновья! Сыновья, твои сыновья пусть будут драконами и повелителями драконов! А? — Она просияла радостной улыбкой, вновь опустила вуаль на лицо, попятилась шага на четыре, повернулась и пошла прочь — стройная, гибкая, ступающая спокойно и уверенно. Лебаннен остался стоять на прежнем месте, и у него было такое ощущение, будто одна из тех ночных молний все-таки попала прямо в него.

Глава V

ВОССОЕДИНЕНИЕ

Последняя ночь морского путешествия была тихой, теплой и беззвездной. «Дельфин» легко бежал по чуть колышущимся волнам к югу. Спать было одно удовольствие.

Олдеру снился какой-то маленький зверек, который сам пришел к нему в темноте и коснулся его руки. Он не мог его рассмотреть, а когда протянул руку, чтобы его погладить, зверек исчез. Но вскоре Олдер снова почувствовал, как маленькая бархатистая мордочка касается его руки. Он даже приподнялся немного, чтобы увидеть зверька, однако сон тут же ускользнул, и в душе осталась пронзительная боль утраты.

На нижней койке, прямо под ним, спал Сеппель и видел во сне, что он у себя дома, в Ферао, на острове Пальн, и читает старинную мудрую книгу, написанную в Темные Времена. Ему очень интересно читать ее, он доволен, что работа у него спорится, но тут его прерывают и сообщают, что кто-то хочет его видеть. «Ничего, это на минутку», — говорит он себе и идет разговаривать с пришедшим. Это женщина; волосы у нее темно-каштановые с легким рыжеватым оттенком, на прекрасном лице написана сильная тревога. «Ты Должен послать его ко мне! — говорит она. — Ты ведь пошлешь его, правда?» «Интересно, кого это я должен к ней послать, — думает он. — Впрочем, притворюсь, будто знаю это». И он отвечает женщине: «Это будет нелегко, ты же понимаешь». И при этих словах женщина вдруг вытаскивает из-за спины тяжелый камень. Изумленный, он думает, что она хочет швырнуть в него этим камнем или ударить его по голове, отшатывается и... Сеппель тут же проснулся в знакомой темной каюте и после этого еще долго не мог уснуть и лежал, прислушиваясь к дыханию спящих людей и шепоту волн, трущих о борта корабля.

А напротив него на другой койке лежал Оникс. Он лежал на спине и смотрел во тьму. Точнее, он думал, что глаза его открыты и он не спит, а на самом деле ему виделось, как множество маленьких тонких шнурков или веревок обвивают его плечи, ноги, руки, голову, туго стягивают их, а концы всех этих веревок уходят куда-то во тьму, распростершуюся над морем и над сушей, надо всем миром. И эти веревки куда-то тянут его. Оникса, да с такой силой, что и сам, и этот корабль вместе со всеми своими пассажирами тоже потихоньку, незаметно подтягиваются к тому месту, где море превращается в обширную песчаную отмель, и вот уже корабль проплывает неслышно прямо по этим пескам, и это очень странно, и Ониксу хочется крикнуть, но он не может ни заговорить, ни что-либо сделать, потому что веревки намертво впились в его губы, стянули челюсти, превратили в узкие щелки глаза...

Лебаннен спустился в каюту уже за полночь и лег, чтобы хоть немного поспать до рассвета. Ему хотелось, чтобы к тому моменту, когда покажется вершина Холма Рок, голова у него была свежая.

Он заснул быстро и крепко, и сны его были мимолетны и переменчивы: высокий зеленый холм над морем... какая-то женщина, которая ему улыбается и, подняв руку, показывает ему, что может заставить солнце подняться... некий истец во дворце правосудия в Хавноре, от которого он, король, к своему ужасу и стыду, узнает, что половина населения королевства умирает от голода в запертых подвалах собственных домов... какой-то ребенок, который громко зовет: «Иди ко мне!» — но он так и не может отыскать это дитя... Во сне Лебаннен крепко сжимал правой рукой тот камешек-амулет, что всегда носил на груди.

В каюте на корме, прямо над спящими мужчинами, спали женщины, и им тоже снились сны. Сесеракх поднималась в горы; это были прекрасные пустынные горы ее любимой родины, но шла она по запретной драконьей тропе. Человек не смел даже ступить на эту тропу, даже пересекать ее. Но пыль на тропе была такой мягкой и теплой под ее босыми ногами, что она продолжала подниматься по драконьей тропе, хотя и понимала, что не должна этого делать. А потом посмотрела вверх и увидела, что горы вокруг совсем иные, незнакомые ей, черные, страшные, отвесные скалы сменяются бездонными пропастями... На такие вершины ей ни за что не взобраться! И все же она должна взобраться на них!..

А Ириан снилось, что она радостно парит на штормовом ветру, а буря злится и швыряет целые пучки молний прямо в ее крылья, заставляя спускаться все ниже и ниже, к самым тучам, и она, чувствуя это, видит вдруг, что это вовсе не тучи, а черные скалы, черная извилистая горная гряда с отвесными кручами. И тут оказывается, что крылья ее окончательно прибиты к телу молниями, и она падает...

Техану видела во сне, что ползет на четвереньках по какому-то туннелю глубоко под землей. Там не хватает воздуха, трудно дышать, да и сам туннель становится все уже, все теснее, и повернуть назад невозможно. Но сверкающие корни деревьев, проросшие сквозь стены туннеля и уходящие куда-то вглубь, дают ей возможность еще немного подтянуться, еще немного проползти вперед, в темноту...

А Тенар снилось детство. Она карабкалась по ступеням Трона Безымянных в священных Гробницах Атуана и была такая маленькая, а ступеньки — такие высокие, и она всползала на них с огромным трудом. Но когда она достигла четвертой ступени, то не стала оборачиваться и ждать, как ей велели жрицы, а поползла дальше — еще одна ступень, еще

одна и еще... Ступени были покрыты такой густой пылью, что в ней скрывались всякие следы, и Тенар чувствовала, что добралась уже до таких ступеней, на которые никогда не ступала ничья нога. Она торопилась, зная, что за Незанятым Троном Гед что-то оставил или потерял, что-то очень важное для миллионов людей, и она должна непременно это найти. Вот только она не знала, что это такое. «Камешек, камешек», — твердила она про себя, но за троном, когда она наконец поползла, была только пыль. Засохший совиный помет и пыль.

В своем алькове, в доме Старого Мага над водопадом, на острове Гонт, спал Гед, и ему снилось, что он по-прежнему Верховный Маг Земноморья и разговаривает со своим другом Торионом. Они неторопливо идут по коридору, стены которого расписаны рунами, к той просторной комнате, где всегда собираются Девять Мастеров. «У меня совершенно не осталось волшебного могущества, я истратил всю свою силу, — честно признается он Ториону. — Это продолжалось долгие годы, но теперь...» И Заклинатель говорит ему с улыбкой: «То был всего лишь сон, ты же знаешь». Но Геда почему-то очень тревожат длинные черные крылья у него за спиной, которые волочатся по полу. Он все время пожимает плечами, пытаясь их приподнять, но они висят совершенно безжизненно, точно пустые мешки. «А у тебя крылья есть?» — спрашивает он Ториона, и тот благодушно отвечает: «Да, конечно, — и показывает, как крепко эти крылья привязаны у него к спине и к ногам множеством маленьких тонких веревочек или шнурков. — Вот. Меня отлично запрягли!» — говорит он.

А в Имманентной Роще на острове Рок спал под деревьями Азвер Путеводитель — он спал прямо под открытым небом на поляне, как часто делал летом. На ночлег он устроился ближе к восточной опушке леса, где сквозь листву можно было видеть небо и звезды. Там его сон всегда был легкий и прозрачный, и душа легко переходила из состояния задумчивости к состоянию сна и обратно, направляемая перемещением звезд на небосклоне и шорохом листьев, когда они как бы менялись местами в своем нескончаемом танце. Но сегодня ночью в небе не было звезд, и листья висели совершенно неподвижно, и, посмотрев вверх, Азвер увидел абсолютно черное небо, подернутое дымкой, сквозь которую просвечивали звезды — маленькие, яркие и совершенно неподвижные. И он почему-то знал, что и восхода солнца тоже не будет.... И сразу сел, проснувшись, и стал пристально вглядываться в слабый мягкий полусвет, что всегда царил под деревьями в Роще. Сердце его билось медленно и тяжело.

В Большом Доме спящие ученики Школы вертелись во сне и громко вскрикивали: им снилось, что они должны идти сражаться с целой армией

неприятеля и бой состоится на какой-то обширной, покрытой серой пылью долине, но воины, с которыми им предстоит сразиться, все сплошь старики, слабые, больные люди или плачущие дети...

Мастерам Рока снилось, что какой-то корабль плывет к ним по морю, нагруженный тяжело и низко осевший в воде. Одному из волшебников снилось, что груз корабля — это черные камни. Другому — что это пылающий огонь. А третьему — что этот корабль нагружен снами или мечтами.

Семеро Мастеров, что спали в Большом Доме, проснулись один за другим в своих каменных кельях, зажгли волшебные огоньки, встали и обнаружили, что Мастер Привратник давно поднялся и ждет у дверей. «Король приедет на рассвете», — сказал он им с улыбкой.

— А вот и Холм Рок! — сказал Тосла, указывая на далекую, светлую и странно неподвижную волну, поднявшуюся на юго-западе над другими, более темными морскими волнами. Лебаннен, стоявший с ним рядом, промолчал. Облака совершенно рассеялись, и рассветное небо вздымалось чистым, бесцветным куполом над бескрайним пространством вод.

Восточный край неба медленно желтел. Лебаннен посмотрел на корму. Две молодые женщины уже проснулись и вышли из каюты на палубу; высокие, босоногие, они стояли у поручней и смотрели на восток.

Вершину округлого зеленого Холма солнце осветило в первую очередь, и они неотрывно смотрели на нее. А когда солнце поднялось уже довольно высоко, они между двумя Сторожевыми утесами вошли наконец в гавань Твила. Все высыпали на палубу, глядя на берег. Но говорили мало.

Уже в гавани ветер совершенно стих. Наступил такой штиль, что в воде залива, как в зеркале, отражались маленький городок на берегу и высокие мощные стены Большого Дома. Корабль медленно скользил по воде к причалам.

Лебаннен быстро посмотрел на шкипера Тослу и на Оникса. Шкипер кивнул, а волшебник медленно поднял широко раскинутые руки и прошептал какое-то заклятие.

Корабль продолжал скользить по глади вод, пока не поравнялся с самым длинным из пирсов. Капитан тут уже отдал приказ, большой парус был мгновенно спущен, и матросы с борта бросили чалку стоявшим на пристани. Теперь уже торжественная тишина была безнадежно нарушена их деловитыми криками.

На пристани оказалось немало встречающих; это были жители города, а также группа юных учеников Школы, среди которых выделялся огромный

широкоплечий человек с очень смуглой кожей. Он держал в руках высокий, тяжелый посох.

— Добро пожаловать на Рок, господин мой король Западных Земель! — сказал он торжественно, выходя вперед, как только были спущены и закреплены сходни. — И добро пожаловать всей честной компании!

Молодые люди, пришедшие с ним, и все горожане тут же принялись выкрикивать приветствия королю, и Лебаннен весело отвечал им, спускаясь по сходням. Затем король радостно и почтительно приветствовал Мастера Заклинателя, ибо то был, конечно же, он, и немного поговорил с ним. Те, кто внимательно наблюдали за их беседой, могли заметить, что Мастер Заклинатель то и дело хмуро поглядывает на корабль, особенно на тех женщин, что стоят у поручней, а ответы его явно не нравятся королю.

Вскоре Лебаннен еще раз поклонился Заклинателю и снова вернулся на корабль. К нему сразу же подошла Ириан и сказала:

— Господин мой, ты можешь сказать Мастерам Школы, что я не имею желания входить в их дом — во всяком случае, на этот раз. Я не войду туда, даже если они меня об этом попросят!

Но лицо Лебаннена оставалось исключительно суровым.

— Мастер Путеводитель приглашает тебя к себе, в Рощу, — сказал он.

Ириан, радостно засмеявшись, воскликнула:

— Я знала, что он меня позовет! И Техану пойдет со мной.

— И моя мать, — прошептала Техану. Лебаннен посмотрел на Тенар; та кивнула.

— Хорошо, — сказал он. — В таком случае остальные разместятся в Большом Доме, если только кто-то из вас, разумеется, не предпочитает иное жилище.

— С твоего разрешения, господин мой, — сказал Сеппель, — я тоже попрошу Мастера Путеводителя приютить меня.

— Но в этом нет никакой необходимости, Сеппель! — резко возразил Оникс. — Ты пойдешь со мною вместе в мой дом!

Пальнийский волшебник только слабо махнул рукой, как бы желая его успокоить.

— Я не хочу обижать твоих соратников, друг мой, — сказал он. — К тому же я всю жизнь страстно мечтал прогуляться по Имманентной Роще. И мне, конечно же, будет там проще и удобнее, чем где бы то ни было еще.

— Возможно, двери Большого Дома по-прежнему закрыты и для меня, как это уже было прежде, — неуверенно сказал Олдер, и желтоватое лицо Оникса залила краска стыда.

Обернутая вуалью головка принцессы поворачивалась от одного говорившего к другому; Сесеракх жадно вслушиваясь в их речь, стараясь понять, что они обсуждают. А потом заговорила сама:

— Прошу, господин мой король! Я желаю быть с моим другом Тенар, хорошо? И с моим другом Техану, хорошо? И с Ириан, хорошо? И еще — поговорить с тем каргом, хорошо?

Лебаннен посмотрел на них, потом быстро оглянулся на Мастера Заклинателя, массивная фигура которого возвышалась у нижнего конца сходней, и рассмеялся. А потом, прямо с палубы обращаясь к волшебнику, сказал своим ясным голосом и в высшей степени любезно:

— Мои спутники слишком долго томились в тесных корабельных каютах, Мастер Заклинатель, и, похоже, очень соскучились по травке под ногами и листве над головой. Если все мы попросим Мастера Путеводителя приютить нас и он согласится, простят ли нам Мастера подобное пренебрежение их драгоценным гостеприимством? Позволь же нам пожить в Роще, а не в Большом Доме хотя бы некоторое время!

Помолчав, Заклинатель медленно и словно нехотя склонил голову в знак согласия.

Лебаннен давно уже заметил рядом с Мастером Заклинателем невысокого плотного человека, который все время как-то странно поглядывал на него, Лебаннена, и чему-то улыбался. Наконец он поднял свой посох из серебристого дерева и торжественно произнес:

— Сир, как-то раз, это, правда, было уже довольно давно, мне довелось сопровождать вас в прогулках по Большому Дому. Я тогда немало наплел вам всяких небылиц, так что...

— Гэмбл! — воскликнул Лебаннен, узнав старого приятеля. Они бросились навстречу друг другу и обнялись, стоя прямо на сходнях, а потом, оживленно беседуя, двинулись дальше по пристани.

Следующим на сходни ступил Оникс; он довольно сдержанно и весьма церемонно поздоровался с Мастером Заклинателем, а потом повернулся к человеку по прозвищу Гэмбл, что, как известно, означает «риск».

— Так, значит, ты теперь у нас Мастер Ветродуй, да? — спросил Оникс, и, когда Гэмбл рассмеялся и ответил утвердительно, Оникс крепко обнял его и сказал: — И отличный Мастер, надо признать! — Извинившись перед Лебанненом, он отвел Гэмбла в сторонку и о чем-то быстро переговорил с ним; лица у обоих при этом были взволнованные и довольно мрачные.

Лебаннен махнул рукой остальным пассажирам, приглашая их сойти на берег. Каждого, кто ступал на причал, он тут же представлял двум

Мастерам Рока — Бранду Заклинателю и Гэмблу Ветродную.

На большей части островов Архипелага люди не касаются друг друга ладонями в знак приветствия, как это с давних пор заведено на Энладе и других Энладских островах; они лишь кланяются, держа обе ладони открытыми перед сердцем, словно делая подношение. Но, когда встретились Ириан и Заклинатель, ни один из них не только не поклонился, но и вообще никакого приветственного жеста не сделал. Они просто на мгновение замерли друг напротив друга, опустив руки по швам.

Принцесса же приветствовала встречающих глубоким, изящным реверансом.

Тенар поздоровалась с Заклинателем совершенно спокойно, приветствуя его традиционным жестом, как и он ее.

— А это та самая Женщина с Гонта! Дочь нашего Верховного Мага, Техану, — сказал Лебаннен Заклинателю. Техану едва заметно кивнула и приветствовала волшебника тем же традиционным жестом, что и Тенар. Однако он на приветствие не ответил. Он долго и внимательно смотрел на девушку, потом издал какой-то странный звук, будто поперхнулся, и понуро, словно она ударила его, отступил назад.

— Госпожа Техану, — сказал Гэмбл, быстро выходя вперед и становясь между нею и Заклинателем, — мы рады приветствовать тебя на острове Рок. Добро пожаловать! Да будут славиться вовек твой отец и твоя мать! А также и ты сама. Надеюсь, путешествие твое было приятным?

Техану, удивленно посмотрев на него, смутилась и скорее присела, чем поклонилась, пряча свое лицо, но все же умудрилась прошептать более или менее удовлетворительный ответ.

Лебаннен, лицо которого в эти мгновения более всего напоминало бронзовую маску, спокойно и неторопливо ответил за нее:

— Да, Гэмбл, путешествие наше было очень приятным, хотя конец его все еще представляется мне не совсем понятным. Ну что, не прогуляться ли нам теперь напрямик через город, а? Ты как, Тенар?.. Техану?.. принцесса?.. Орм Ириан? — Он посмотрел на каждую из женщин, произнося ее имя, а имя последней произнес особенно громко и отчетливо.

И двинулся в путь рядом с Тенар, остальные последовали за ними, причем Сесеракх, едва сойдя с корабля на пристань, решительно отбросила с лица свои бесконечные красные покрывала. Гэмбл шел рядом с Ониксом, Олдер — с Сеппелем. Тосла остался на корабле. Последним, кто покинул пристань, был Бранд Заклинатель. Он шел один, позади всех, тяжело ступая.

Тенар не раз расспрашивала Геда о Роще, ей нравилось слушать, как он описывает ее.

— С первого взгляда она кажется самой обыкновенной рощей, — говорил он. — Не очень-то и большой. Поля подступают к самым ее опушкам с севера и с востока, а с юга ее окружают холмы. И еще иногда с запада... Она ведь не стоит на месте. В общем, выглядит она обыкновенно. Но отчего-то притягивает к себе внимание. А порой, если глядеть на нее с вершины Холма, то она кажется настоящим лесом, которому конца-края не видно. Пытаешься определить, где же этот лес кончается, а не можешь. Он простирается далеко на запад... А когда просто идешь по Роще, то она снова становится самой обыкновенной рощей, хотя деревья в ней такие, каких больше нигде не встретишь. Высокие, с бурыми стволами, чем-то похожие на дубы или на каштаны.

— А как они называются?

— АРХАДА, — с улыбкой отвечал Гед. — На Языке Созидания это означает просто «деревья». Их листья осенью желтеют и опадают не все сразу, а лишь некоторые, так что листва там меняется каждый сезон, и в любое время года среди зеленых листьев встречаются и желтые, так что листва там всегда будто просвечена золотом. Даже в сумрачный день эти деревья как будто сами испускают солнечный свет. Да и ночью под ними никогда не бывает совершенно темно. В темноте их листья мерцают и светятся, точно звезды или лунный свет. Там растут и обычные деревья: ивы, дубы, ели и другие тоже, но если зайти глубже, то там в основном именно «архада» попадаются. Их корни уходят в землю глубже, чем корни самого острова. Некоторые из этих деревьев поистине огромны, но есть и потоньше, а вот упавших от старости деревьев там почти не встречается, как и молодых побегов. Они живут долго, очень долго... — Когда Гед говорил о деревьях, голос его всегда становился тихим и мечтательным. — Можно идти и идти в узорчатой тени, которую отбрасывают на землю их листья, но так и не дойти до конца леса.

— Но разве Рок — такой уж большой остров? — спрашивала Тенар.

И Гед, снисходительно улыбаясь, говорил:

— Тот лес, что растет на склонах горы Гонт, — это тоже продолжение Рощи, того великого Леса. Как и все остальные леса, впрочем.

И теперь эта знаменитая Роща была прямо перед ней! Следуя за Лебанненом, они уже миновали город, пройдя по его извилистым улочкам и собрав по пути целую толпу взрослых и детей, которые вышли посмотреть на своего короля и поприветствовать его. Этот веселый эскорт постепенно отстал, и путники вышли на проселочную дорогу, которая меж изгородей и

крестьянских полей вела прямо на вершину Холма Рок, постепенно превращаясь в обычную тропу.

Об этом Холме Гед ей тоже рассказывал. Там, говорил он, любое волшебство обретает особую силу, и там раскрывается истинная сущность всех людей и вещей. «Там, — сказал он однажды Тенар, — наша магическая премудрость и Древние Силы Земли встречаются и сливаются воедино».

Ветер шевелил уже побуревшую траву на Холме. Какой-то юный осленок на совсем еще пряменьких ножках носился галопом по сжатому полю, весело помахивая хвостиком. Стадо коров следовало неторопливо вдоль изгороди, пересекая небольшой ручей. А впереди виднелись деревья — темные, тенистые.

Перебравшись следом за Лебанненом через перелаз и пройдя по маленькому мостику, они оказались на залитом солнцем лугу у самой опушки Роци. Маленький домик-развалюшка притулился у ручья. И вдруг Ириан, не обращая внимания на своих спутников, со всех ног бросилась к этому домику прямо через луг, по пожухшей траве, и так нежно погладила дверной косяк, как гладят после долгой разлуки любимого коня или собаку.

— Дорогой мой дом! — сказала она. И, повернувшись к подоспевшим спутникам, с улыбкой прибавила: — Я жила здесь, когда меня еще звали Стрекозой.

Она огляделась, осматривая опушку, и снова убежала куда-то с криком: «Азвер!»

На ее крик из тени деревьев вышел какой-то мужчина и остановился на опушке в солнечном пятне. Светлые волосы его сияли, точно посеребренные. Он так и застыл там и, когда Ириан бросилась к нему, поднял руки и раскрыл ей свои объятия. Держа обе его руки в своих, она торопливо говорила, смеясь и плача:

— Не бойся, на этот раз я не обожгу тебя! — Но слез у нее на глазах видно не было. — Я уже научилась сдерживать огонь!

Они стояли так, лицом к лицу, довольно долго, а потом он промолвил ласково и торжественно:

— Добро пожаловать домой, дочь Калессина!

— Со мной приехала моя сестра, Азвер. — И она указала ему на Техану.

Мастер Путеводитель обернулся — у него было светложее и довольно жестокое на вид лицо типичного карга — и посмотрел на Техану. Потом подошел к ней и опустился перед ней на колени. — ХАМА ГОНДУН! — сказал он. — Дочь Калессина!

Техану несколько мгновений стояла совершенно неподвижно, потом неуверенно протянула ему руку — свою правую руку, сожженную дочерна, свой «коготь». И он взял эту изуродованную руку и поцеловал ее, почтительно склонив голову.

— Мне была дана великая честь быть твоим провозвестником, Женщина с Гонта, — сказал Азвер с какой-то ликующей нежностью и, поднявшись с колен, повернулся наконец к Лебаннену и низко ему поклонился: — Добро пожаловать, мой король!

— Как же я рад снова видеть тебя, Мастер Путеводитель! Но прости: я ведь привел с собой целую толпу и нарушил твоё одиночество.

— Мое одиночество и без того уже было нарушено, — сказал Путеводитель. — И какие-то пять-шесть человек будут только кстати.

Его глаза, светлые, серо-зелено-голубые, ласково смотрели на столь многочисленных гостей, он улыбался, и улыбка эта была удивительно теплой и совершенно неожиданной на его суровом лице.

— Однако, я вижу, здесь есть женщины из моего народа! — сказал он по-каргадски и подошел к Тенар и Сесеракх, стоявших рядышком.

— Да, я — Тенар с острова Атуан... с острова Гонт! — поправилась она. — А рядом со мной — принцесса Каргада. Она с острова Гур-ат-Гур.

Азвер низко поклонился им обоим. Сесеракх, держась очень прямо, сделала реверанс, но потом не выдержала: из ее уст буквально хлынул поток каргадских слов:

— О Верховный Жрец, как я рада, что ты здесь! Если бы не мой друг Тенар, я бы давно сошла с ума, я ведь уже считала, что на свете не осталось никого, кто может говорить по-человечески! Ну, если не считать тех глупых служанок, которых прислали вместе со мной из Авабатха. Но, ты знаешь, я уже учусь говорить на здешнем языке! И еще я учусь быть смелой. Тенар — мой друг и мой учитель. Вот только прошлой ночью я нарушила запрет... Скажи, Верховный Жрец, что я должна сделать, чтобы искупить свою вину? Я ведь ходила по Пути Драконов!

— Ну что ты говоришь? — удивилась Тенар. — Вчера ты ведь была на корабле!

— Мне снился сон! — нетерпеливо объяснила ей Сесеракх, но Тенар продолжала:

— К тому же Мастер Путеводитель — вовсе не жрец, а... здешний колдун...

— Принцесса, — сказал Азвер, — по-моему, все мы сейчас идем по Пути Драконов. Сейчас нарушаются все запреты, так что их вполне можно было бы и отменить. И это происходит отнюдь не только во сне. Но мы еще

поговорим об этом — позже, под деревьями. Главное, ничего не бойся. А сейчас позволь мне поздороваться с моими друзьями, хорошо?

Сесеракх величественно кивнула, и Путеводитель отвернулся от нее, чтобы поздороваться наконец с Олдером и Ониксом.

Принцесса внимательно наблюдала за ним. — Он — воин! — с удовлетворением заявила она Тенар по-каргадски. — Не жрец. У жрецов друзей не бывает!

А потом все они как-то незаметно оказались под сенью огромных деревьев.

Тенар огляделась. Над головой вздымались зеленые аркады и стрельчатые своды неведомого храма; полосы света, испещренные узорчатыми тенями, лежали на земле. Здесь были и раскидистые дубы, и огромные ясени, но больше всего — тех самых «просто деревьев из Рощи», широкие листья которых легко колыхались в воздухе, отчасти напоминая листья ясеня или клена; среди зеленых листьев виднелись и желтые, а кое-где и золотисто-коричневые, особенно много было их на земле, у корней деревьев, но в целом листва в Роще, пронизанная лучами утреннего солнца, была зелена, как летом, и полна теней и затаенного света.

Путеводитель вел их по тропе в чащу, и Тенар снова вспомнила Геда, его голос, когда он рассказывал ей об Имманентной Роще. Здесь она чувствовала себя гораздо ближе к нему, чем, скажем, в начале лета в порту Гонт перед тем, как сесть на королевский корабль и плыть в Хавнор. Она знала, что Гед когда-то давно тоже жил здесь вместе с Путеводителем Азвером и немало бродил по этому лесу. Она знала, что эта Роща является для него самым главным, самым священным местом в Земноморье, средоточием мира и покоя. И ей казалось, что она может поднять глаза и увидеть его на противоположном конце хотя бы вон той пронизанной солнцем поляны... И от этого ощущения у нее сразу полегчало на душе.

Ибо тот сон, что приснился ей прошлой ночью, очень ее тревожил, а когда Сесеракх бросилась взволнованно рассказывать о своем сне, в котором она якобы нарушила какой-то вековой запрет, то это потрясло ее до глубины души. Она ведь тоже во сне нарушила запрет! Преступила заповедную черту и взобралась на Незанятый Трон по трем запретным ступеням, на которые никогда еще не ступала нога человека! Гробницы Атуана были сейчас очень далеко от нее, и по тем ступеням она поднималась когда-то очень давно, и, может быть, то землетрясение вообще не оставило камня на камне ни от Незанятого Трона, ни от самого храма, где у нее еще в раннем детстве было отнято ее имя, но Древние Силы Земли были по-прежнему там. И здесь их присутствие тоже явственно

ощущалось. Уж они-то ничуть не переменились, на них ничто не способно было подействовать. Они сами были и тем землетрясением, и обрушившимся храмом, и... землей. Их справедливость не имела ничего общего со справедливостью людей. И Тенар, еще тогда, на тропе, ведущей на вершину Холма Рок, знала, что идет туда, где встречаются все магические силы на свете.

Когда-то она бросила вызов Древним Силам Земли; она убежала из Гробниц, украла хранившееся там сокровище, скрылась на Западных островах. Но ОНИ были повсюду. Здесь, у нее под ногами. В корнях этих деревьев, в корнях этого Холма...

Здесь, в самом центре Земноморья, в этой Роще, встретились сейчас все — силы земные и человеческие, король и принцесса двух государств, великие Мастера волшебных искусств. И драконы.

И еще — жрица-воровка, превратившаяся в крестьянку, а также деревенский колдун с разбитым сердцем и странными снами...

Тенар оглянулась в поисках Олдера. Он шел рядом с Техану, и они тихо о чем-то беседовали. Техану вообще гораздо охотнее разговаривала с Олдером, чем с другими. Его общество она предпочитала даже обществу Ириан. И сейчас она тоже выглядела совершенно спокойной и даже веселой. Тенар немного приободрилась и повеселела, увидев их. Она не стала им мешать, а прошла чуть дальше в узорчатой тени огромных деревьев, позволяя тревоге излиться из души и раствориться в этом зеленом полумраке. Она даже немного огорчилась, когда Путеводитель вскоре остановился. Ей казалось, что она могла идти по этой тропе вечно!

Все собрались вокруг Азвера на заросшей травой поляне, залитой солнцем. До того места, где они стояли, не дотягивались даже самые длинные из теней. Ручей, видимо, какой-то приток речки Твилберн, пробежал совсем рядом с этой просторной поляной; на берегу ручья росли ивы и ясени, а неподалеку виднелась крошечная покосившаяся хижина, сложенная из камня и понизу обложенная дерном. У одной из стен хижины был сделан плетеный навес из ивовых прутьев; земля под навесом была устлана тростниковыми циновками.

— Это мой зимний дворец, — сказал Азвер, указывая на хижину, — а это — летний. — И он указал на плетеный навес.

Оникс и Лебаннен смотрели на все это с некоторым удивлением, а Ириан сказала:

— А я и не знала, что у тебя есть дом!

— А у меня его тогда и не было, — откликнулся Путеводитель. — Но мои кости, увy, стареют.

После того как кое-что было собрано в лесу, а кое-что перенесено с корабля, домик превратился в спальню для женщин, а навес — в спальню для мужчин. Ученики Школы то и дело приносили огромные корзины, полные всяческих яств и припасов, заботливо приготовленных в кухне Большого Дома. А после полудня по приглашению Мастера Путеводителя на встречу с королем и его спутниками пожаловали и сами Мастера Школы.

— Это здесь Мастера собираются, чтобы выбрать нового Верховного Мага? — спросила Тенар Оникса, ибо Гед рассказывал ей и об этой потаенной поляне.

Оникс покачал головой.

— Вряд ли, — сказал он. — Король бы узнал ее, он ведь тоже присутствовал, когда мы собирались в последний раз. Но точно тебе сможет сказать это только сам Путеводитель. Видишь ли, в этом лесу все постоянно меняется... Ты и сама это знаешь. Да и сама Роцца, как известно, «не всегда там, где мы ее видим». Как и ее тропы, и ее поляны...

— Но ведь это, должно быть, ужасно! — воскликнула Тенар. — Значит, здесь очень легко заблудиться? Но мне и в голову не приходит бояться!..

Оникс улыбнулся.

— Так уж оно здесь устроено, — сказал он.

Тенар смотрела, как на поляну выходят Мастера. Впереди всех шли огромный, похожий на медведя Мастер Заклинатель и Гэмбл, молодой Мастер Ветродуи. Оникс по очереди назвал ей остальных: Метаморфоз, Регент, Травник, Ловкая Рука — все уже немолодые, седовласые, а Метаморфоз, прямо-таки хрупкий от старости, пользовался своим волшебным посохом как самой обыкновенной палкой, тяжело опираясь на него при ходьбе. Мастер Привратник, гладколицый, с миндалевидными глазами, не казался ей ни молодым, ни старым. А Мастеру Ономатету, который пришел последним, Тенар дала бы не больше сорока. Лицо у Ономатета было спокойное, но довольно замкнутое. Он отдельно от остальных подошел к королю и представился: Курремкармеррук.

И тут Ириан вдруг гневно воскликнула:

— Ничего подобного! Это не твое имя!

Он посмотрел на нее и ровным тоном произнес:

— Мое. Так всегда зовут Мастера Ономатета.

— Значит, МОЙ Курремкармеррук умер? Волшебник кивнул.

— Ах, как горько мне это слышать! — воскликнула она. — Он был моим другом, когда друзей у меня здесь почти не было! — Она

отвернулась, словно не желая больше смотреть на нового Ономатета, огорченная и рассерженная, но не в силах пролить ни слезинки. Потом она с любовью приветствовала Мастера Травника и Мастера Привратника, но с остальными Мастерами разговаривать не пожелала.

Тенар видела, что и они недобрыми глазами следят за Ириан из-под своих седых бровей.

Потом они дружно перевели взгляд на Техану и сразу же отвернулись, то и дело все же поглядывая на нее исподтишка. «Интересно, — подумала Тенар, — ЧТО видят эти волшебники, когда смотрят на Ириан и Техану?» И решила, что Мастера видят совсем иначе, чем обыкновенные люди, а потому следует простить Мастера Заклинателя за проявление столь неприкрытого, даже непристойного страха, когда он впервые увидел Техану. А может быть, это был даже и не страх... Может быть, он испытывал священный трепет?

Когда всех наконец представили друг другу, гости расселись в кружок на принесенных из Большого Дома подушках, табуретках, плетеных стульях и просто на траве, и Путеводитель начал разговор:

— Ну что ж, братья мои Мастера, если нашему королю будет угодно выступить первому, то давайте сперва послушаем его.

Лебаннен встал. И Тенар слушала его речь с нескрываемой гордостью: он был так прекрасен, так мудр в свои молодые еще годы! Сперва она понимала не все, что он говорил, улавливая только смысл и страсть, заключенные в его словах.

Потом он коротко и ясно изложил Мастерам то, что, собственно, и привело его на Рок: драконы и сны.

И закончил такими словами:

— Нам казалось, что ночь за ночью все эти события и явления сливаются в единое целое, уверенно готовясь стать неким великим переворотом в нашей судьбе, а может быть, и нашим концом. Нам казалось, что здесь, на Роке, на этом Холме, в Роце, при ваших знаниях и вашем могуществе, мы совместными усилиями могли бы как-то предвидеть судьбу и достойно встретить ее удары, не позволяя ей лишать нас разума и способности чувствовать. Самый мудрый из магов Земноморья предсказывал: грядут великие перемены! И мы должны объединиться, чтобы узнать, что это за перемены, каковы их причины и направленность и как нам повернуть свою жизнь от возможности разрушения к гармонии и миру, под знаком которых я ныне правлю!

Бранд Заклинатель встал, чтобы произнести ответную речь, которую начал традиционными приветствиями гостям и особенно принцессе

Каргада. А потом сказал:

— То, что сны людей — и не только их сны! — предупреждают нас о грядущих переменах, безусловно, так и есть. С этим согласны все Мастера и волшебники Рока. И мы подтверждаем: на границе миров жизни и смерти беспокойно! Оттуда нам грозит некая страшная опасность, природу которой нам пока установить не удалось. Но мы сомневаемся в том, что все это может быть понято или взято под контроль кем-то еще, кроме Мастеров Школы. А также должны быть понятны наши глубочайшие сомнения в том, что драконам, жизнь и смерть которых столь сильно отличны от жизни и смерти людей, когда-либо можно будет доверять, что они захотят смирить свой дикий гнев и давнюю зависть и станут служить Добру!

Послушай, господин мой, — прервал его Лебаннен, не давая разгневанной Ириан вставить ни слова, — дракон Орм Эмбар умер ради нас на Селидоре. Дракон Калессин принес Верховного Мага и меня на родину, ему я обязан тем, что теперь сижу на троне в Хавноре. И сейчас здесь, на этой поляне, представлены три главных народа Земноморья: каргадский, ардический и Народ Запада.

И все они когда-то были одним народом, — сказал Ономатет своим ровным голосом, который казался даже бесцветным.

— Но теперь-то они единым народом не являются! — возразил Мастер Заклинатель, произнося каждое слово как бы отдельно от остальных. — Нет, не поймите меня неправильно! Я знаю о том, что было когда-то, но сейчас я говорю суровую правду, господин мой! Я глубоко чту перемирие, которое было заключено с драконами, и, когда минует главная для нас опасность, Мастера Рока, безусловно, помогут Хавнору заключить с ними более длительный мир. Однако драконы не имеют никакого отношения к тем переменам, которые грозят нам. Как, впрочем, не имеет к ним отношения и восточный народ, давно отрекшийся от своих бессмертных душ, забывший Язык Созидания.

— ЭС ЭЙЕМРА! — послышался вдруг свистящий шепот: это был голос Техану. Она встала и смотрела Заклинателю прямо в глаза.

Тот остолбенело молчал.

— Наш язык! — повторила она на ардическом, по-прежнему не сводя с него глаз.

Ириан рассмеялась.

— ЭС ЭЙЕМРА, — подхватила и она.

— Ты не бессмертен! — воскликнула Тенар, обращаясь к Мастеру Заклинателю. Она совершенно не собиралась говорить и даже встать не успела, когда слова брызнули из нее, как искры огня из рассеченной

молотом гранитной глыбы. — А мы — да! Мы бессмертны, ибо умираем, чтобы вновь и вновь воссоединяться с неумирающим миром. Это не мы, а ты отказался от бессмертия!

Все замерли. Путеводитель, правда, успел сделать какое-то незаметное движение.

Лицо Азвера было задумчивым, но отнюдь не встревоженным; он изучающе смотрел на странный рисунок, выложенный им из листьев и прутиков на траве, рядом со своими скрещенными ногами. Он поднял голову, обвел собравшихся взглядом и промолвил:

— Я думаю, нам скоро придется туда отправиться...

Все молчали. Потом Лебаннен спросил:

— Куда отправиться, господин мой?

— Во тьму, — только и сказал Путеводитель.

Олдер внимательно слушал этот спор, когда вдруг, почувствовал, что голоса окружающих его людей слабеют, отдаляются, а теплое полдневное солнце позднего лета заволакивает темная мгла. Вокруг он больше не видел ничего, только деревья Рощи — высокие слепые свидетели наступления пустоты, стремящейся захватить все пространство между землей и небом. Самые старые из живых детей земли. «О Сегой, — молил про себя Олдер, — созданный и создавший, позволь мне прийти к тебе!»

Тьма, расползаясь за этими деревьями, скрывала под собой все.

И на фоне этой пустоты он вдруг увидел Холм, тот самый Холм Рок, который был справа от них, когда они поднимались из города к Роще. Он отчетливо видел пыль на дороге, мелкие камешки, тропу, что сворачивала в сторону Рощи.

И, оставив остальных, он решительно стал подниматься прямо на вершину Холма.

Травы там были зелены и высоки. Шуршали пустые коробочки соцветий травы-огневки, качались головки каких-то цветов... Олдер выбрался из густой травы на тропинку и пошел по ней. «Вот теперь наконец я становлюсь самим собой, — думал он. — Ах, Сегой, до чего прекрасен этот мир! Позволь же мне пройти через этот мир — к тебе! Ибо я снова могу делать то, к чему имел предназначение в этой жизни, — я вернул свое мастерство, я опять могу починить сломанное, воссоединить разрозненные части целого...» Остановившись на вершине Холма, на ярком солнце, на ветру, среди колышущихся трав, Олдер видел справа от себя поля, крыши Твила и Большой Дом, а дальше — сверкавший на солнце залив и за ним море. Но стоило ему обернуться, и совсем рядом,

буквально у себя за спиной, он увидел деревья бескрайнего леса, уходящего куда-то в голубоватую даль. Когда же он опустил глаза, то увидел, что склон Холма перед ним окутан серыми сумерками, а внизу виднеется каменная стена, за которой лишь непроглядная тьма. У стены толпились знакомые тени, звали его, и он сказал им: «Я приду! Я непременно приду!»

Теплое солнце освещало плечи и руки Олдера. Ветерок шевелил листву у него над головой. Он слышал голоса, но никто его не звал, не выкрикивал громко его имя. На поляне продолжался разговор, но Олдер заметил, что глаза Мастера Путеводителя, сидевшего в густой траве, внимательно следят за ним. Мастер Заклинатель тоже смотрел на него, и он совсем растерялся и потупился. Потом взял себя в руки, собрался с мыслями и стал слушать.

Говорил король. Он пустил в ход все свое умение убеждать, все свои душевные силы, чтобы направить к одной цели всех этих сильных и самолюбивых людей.

— Позвольте мне, — говорил Лебаннен, — рассказать вам, Мастера Рока, историю, которую я узнал от принцессы Каргада на пути сюда. Ты разрешишь мне рассказать эту историю вместо тебя, госпожа моя?

Сесеракх, не прикрывая лица, поднялась, посмотрела прямо на него и с суровым видом кивнула в знак согласия.

— История эта вкратце такова: давным-давно люди и драконы были одним народом и говорили на одном языке. Однако в итоге их жизненные устремления разошлись, и они решили расстаться и дальше следовать разными путями. Это соглашение было названо ВЕДУРНАН.

Оникс резко вскинул голову, а яркие черные глаза Сеппеля даже расширились от изумления.

— ВЕРВ НАДАН! — прошептал он.

— Итак, люди отправились на восток, драконы — на запад, — продолжал Лебаннен. — Люди отказались от знания Древнего Языка, но обрели различные умения и ремесла, а также владение всеми рукотворными вещами. Драконы же отказались от всего этого, однако сохранили для себя Истинную Речь.

— И крылья, — вставила Ириан.

— И крылья, — согласился Лебаннен. Он перехватил взгляд Азвера и предложил: — Может быть, ты, Путеводитель, расскажешь лучше, чем я?

— Деревенские жители Гонта и Гур-ат-Гура помнят то, о чем забывают мудрецы Рока и жрецы Карего, — сказал Азвер. — Когда я был совсем маленьким, мне тоже рассказывали эту историю или, может быть, нечто подобное. Но в ней почти ничего не говорилось о драконах. Они были

забыты. Главной темой этой истории было то, как Темный Народ Архипелага нарушил свою клятву. В ней говорилось, что все люди когда-то пообещали отказаться от магии, колдовства и заклятий, говорить только на обычных, человеческих, языках, не давать детям никаких Истинных имен и не пытаться овладеть Высшими Искусствами. Люди поклялись довериться Сегою и силам Матери-земли и наших Богов-Близнецов, но Темный Народ нарушил это обещание. Жители Западных островов стали использовать Язык Созидания как один из инструментов своего колдовского мастерства, записывая заклятия с помощью Истинных Рун. Они старались непременно сохранить те знания о Древнем Языке, которыми владели, и учили этому языку своих последователей. Они составлял с его помощью заклятия, помогая себе своими умелыми руками и лживыми языками, произносившими слова Истинной Речи. Так что карги с тех пор никогда уже не доверяли им и считали их своими заклятыми врагами. Так говорилось в той истории, которую я слышал в детстве. И снова послышался голос Ириан:

— Люди боятся смерти в той же степени, в какой драконы ее НЕ боятся. Люди хотят владеть жизнью, обладать ею, как если бы она была драгоценностью, которую можно запереть в ларце! И прежде ваши маги тоже страстно желали вечной жизни. Это они научились использовать Истинные имена, желая уберечь людей от смерти. Но те, кто не может умереть, никогда не смогут и возродиться!

— Имя и дракон едины, — сказал Курремкармеррук. — Мы, люди, утратили свои Истинные имена, когда было заключено соглашение ВЕРВ НАДАН, но научились вновь обретать их. Имя — это сущность человека. Как может смерть менять его сущность?

Он посмотрел на Заклинателя, но Бранд сидел, тяжело опустив плечи, очень мрачный, внимательно слушая других, но сам не говоря ни слова.

— Расскажи нам об этом подробнее, Мастер Ономатет, прошу тебя! — сказал Лебаннен.

— Я говорю о том, что наполовину является всего лишь моей догадкой. Хотя многое мне удалось узнать — но не из деревенских сказок, а из старинных рукописей, хранящихся в Одинокой Башне. За тысячу лет до первых королей Энлада на Эа и Солеа уже существовали великие правители, первые и самые могущественные из магов, считавшиеся создателями Рун. Это они научились записывать Древний Язык. Они придумали для него письменность, которой драконы так никогда и не постигли. Они научили нас давать каждой душе ее Истинное имя, воплощающее в себе сущность того или иного человека, предмета или

явления. И своим могуществом они дарили тех, кто носит Истинное имя, давая им жизнь души после смерти тела.

— Бессмертная жизнь! — слышался тихий голос Сеппеля. Легкая улыбка блеснула на его устах. — В дивной стране, где текут широкие реки, высятся белоснежные вершины гор, где существуют прекрасные города, где нет ни страданий, ни боли, где сущность человеческая продолжает существовать вечно, неизменная, не меняющаяся... Такова мечта, воплощенная в древней мудрости острова Пальн.

— Но где она, — вырвалось вдруг у Мастера Заклинателя, — где эта страна?!

— Там, где дуют ИНЫЕ ветры, — сказала Ириан. — На самом далеком западе. — Она сердито и насмешливо оглядела всех присутствующих по очереди. — Неужели вы думаете, что мы, драконы, летаем только на ветрах ЭТОГО мира? Неужели вы думаете, что наша свобода, за которую мы заплатили столь высокую цену, отказавшись почти от всего, что имели, равна всего лишь той свободе, какой обладают безмозглые чайки? Что наше царство — это несколько голых скал на самом краешке ваших богатых земель? Но мы несем в себе огонь солнца! Мы способны управлять ветрами! Вы, люди, хотели получить землю, хотели владеть ею. Вы хотели научиться делать и хранить разные полезные вещи. И все это вы получили, всему этому научились. Таков был договор ВЕРВ НАДАН. Но вам было мало своей доли! Вам захотелось иметь не только свои, земные, заботы, но и нашу свободу. Вам захотелось иного ветра! И с помощью заклятий и магии своих волшебников — этих самых главных клятвопреступников! — вы выкрали у нас половину нашего царства, отгородив ее стеной от жизни и от солнечного света, чтобы там ваши души могли жить вечно. Воры, предатели!

— Сестра! — попыталась вмешаться Техану. — Это ведь совсем не те люди, которые украли у нас то, о чем ты говоришь. Этим приходится лишь расплачиваться за преступление, совершенное ранее другими, и цена, которую они заплатят, очень высока!

Она, как всегда, говорила хриплым, тихим голосом, почти шепотом, и вокруг воцарилась полная тишина.

— Какова же эта цена? — прозвучал в тишине голос Ономатета.

Техану посмотрела на Ириан, но та молчала и явно колебалась. Потом все же промолвила уже более спокойно:

— «Алчность застигает свет солнца». Так говорит Калессин.

И тут слово опять взял Азвер. И, говоря, все время смотрел на кроны деревьев, словно боясь пропустить малейшее движение листвы.

— Древние хорошо понимали, что границы царства драконов поистине беспредельны. Что драконам дано пересекать... пределы времени и пространства, пределы возможного. И, завидуя их свободе, они последовали путем драконов на самый дальний запад. И там заявили, что им принадлежит и некая часть пространства — царство, где нет времени, где можно было бы, казалось, существовать вечно, но не во плоти, как существуют драконы, а лишь в виде бесплотных духов... В общем, люди построили каменную стену, которую ни одно живое существо пересечь не могло — ни человек, ни дракон. Ибо они страшно боялись гнева драконов. А уже потом магическая способность давать Истинные имена помогла людям создать целую паутину заклятий, которыми они и опутали все западные земли так, чтобы умершие приходили только туда, на самый далекий запад, и жили бы там в обличье духов вечно.

Но когда стена была построена и наложена была сеть заклятий, ветер в огороженном пространстве вдруг дуть перестал. И море куда-то ушло. И пересохли ручьи. И горы, из-за которых вставало солнце, превратились в черные горы вечной ночи. Так что те, кто умирал, приходили в темную, страшную, иссушенную безводьем страну.

— Некогда мне довелось там побывать, — тихо промолвил Лебаннен. — Я не боюсь смерти, но этой страны я боюсь!

Наступила тишина.

— Коб и Торион, — словно нехотя пробормотал Мастер Заклинатель, — пытались разрушить эту стену и вернуть мертвых назад, к жизни.

— Не к жизни, Мастер Заклинатель! — воскликнул Сеппель. — Как и Создатели Рун, они стремились воссоздать не людей, а некие бестелесные бессмертные сущности!

— Однако именно их заклятия нанесли столь серьезный урон темной стране, — задумчиво и грустно сказал Заклинатель, — что даже драконы начали вспоминать, когда именно что-то пошло в нашей общей жизни не так... Ведь из-за этого души умерших теперь приходят к стене и тянутся к живым, стремясь вернуться назад!

Олдер встал.

— Они стремятся не к жизни, — сказал он, — а к смерти. Они хотят вновь соединиться с землей, из которой вышли. Воссоединиться с нею!

Все смотрели только на него, но он вряд ли сознавал это. Лица присутствующих он замечал лишь отчасти, а перед ним была сухая темная страна, и трава, которая только что была зелена и залита солнцем, теперь стала серой и мертвой. И хотя живые листья деревьев по-прежнему

шелестели у него над головой, низкая каменная стена была совсем рядом, в нескольких шагах от него. Собственно, из всех присутствующих Олдер ясно видел только Техану; даже скорее не видел, а точно знал, что она стоит между ним и той стеной. И теперь он обращался только к ней:

— Они построили эту стену, но уничтожить ее так и не смогли, — сказал он. — Ты мне поможешь, Техану?

— Конечно, Хара, — сказала она.

Какая-то тень метнулась меж ними. Это было нечто огромное, темное и очень сильное. Тень скрыла от него лицо Техану, а сам он оказался в чьих-то цепких руках или лапах. Он забился, пытаясь вырваться и хватая ртом воздух, но вздохнуть полной грудью так и не сумел. Красный свет мелькнул перед ним во тьме, и все померкло.

* * *

Они встретились при свете звезд на опушке леса — король западных островов и один из великих Мастеров острова Рок, представители двух главных сил Земноморья.

— Он будет жить? — спросил Заклинатель, и король ответил:

— Да, наш дорогой Мастер Травник говорит, что он вне опасности.

— Я поступил плохо, неправильно! — воскликнул Заклинатель. — Мне очень жаль, что я это сделал!

— Зачем же ты заклятием призвал его обратно? — спросил король, не упрекая, а просто желая получить ответ.

Заклинатель долго молчал, потом буркнул:

— Потому что я обладал такой властью!

Некоторое время они шли молча по широкой тропе, вьющейся меж огромных деревьев. По обе стороны от тропы было темно, но сама она была хорошо видна под звездным небом.

— Я был не прав, согласен, — снова заговорил Мастер Заклинатель. — Но неправильно и желать кому-то смерти! — Легкая картавость, свойственная уроженцам Восточного Предела, слышалась в его голосе все более отчетливо. Говорил он медленно, и тон у него был, как ни странно, почти умоляющим: — Для очень старых, очень больных, предположим, возможно желать смерти. И все же нам была дарована жизнь — драгоценный дар! — как же не постараться удержать ее, не сберечь?

— Но нам была дарована также и смерть! — возразил король.

Олдер лежал под открытым небом на тюфяке, положенном прямо на траву. Мастер Путеводитель сказал, что так ему и следует лежать — в Роще, под звездами, и старый Мастер Травник с этим согласился. Олдер то и дело засыпал, но успевал заметить, что Техану неподвижно и неотлучно сидит возле него.

А Тенар сидела на пороге низенького каменного дома Азвера и наблюдала за дочерью. Над поляной сияли крупные звезды позднего лета, и самой яркой из них была звезда Техану, или Сердце Лебеда, чека всего небесного колеса.

Из дома неслышно вышла Сесеракх и присела на порожек рядом с Тенар. Она сняла обруч, который обычно удерживал покрывало у нее на голове, и густые рыжевато-каштановые волосы густой волной падали ей на плечи.

— Ах, друг мой, — прошептала она, — что с нами будет? Мертвые идут сюда! Ты их чувствуешь? Это — как прилив. Волна через ту стену. Я думаю, никто их не остановит. Все мертвые люди из могил на всех Западных островах, закопанные в землю давно и недавно...

Тенар чувствовала биение какого-то пульса, какой-то зов — в мыслях и в крови — и понимала теперь, и все они теперь понимали то, что Олдер давно ЗНАЛ. Но она привыкла держаться того, чему всегда верила, даже если это доверие и превратилось всего лишь в призрачную надежду. И она сказала:

— Но это же всего лишь мертвые, Сесеракх. Да, мы построили неправильную стену, и эта стена должна быть разрушена. Но ведь существует и стена Истинная.

Техану тихонько подошла к ним и тоже села — на самую нижнюю ступеньку крыльца.

— С ним все в порядке, он сейчас спит, — прошептала она.

— А ты была с ним... там? — спросила Тенар.

Техану кивнула.

— Мы все были там, у стены.

— Что же все-таки сделал Заклинатель?

— Он призвал его с помощью заклятия. Вернул назад силой.

— К жизни?

— Да. К жизни.

— Уж и не знаю теперь, чего мне больше бояться — смерти или жизни, — сказала Тенар. — Ах, как мне бы хотелось покончить с этими страхами!

Сесеракх лицом и густой волной своих теплых волос на мгновение

ласково прижалась к ее плечу.

— Ты храбрая, храбрая, — прошептала она. — А вот я!.. Ох, как же я боюсь моря! И еще — смерти!

Техану молчала. В мягком свете луны, висевшей среди деревьев, Тенар была видна ее тонкая, изящная рука, лежавшая поверх другой — обожженной, искалеченной.

— Я думаю, — тихо промолвила через некоторое время Техану, — что когда я умру, то смогу наконец выдохнуть то дыхание, что дает мне жизнь. И тогда я отдам этому миру все свои долги, все, чего я для него не сделала. Все, чем я могла бы стать, но не стала. И тот главный выбор, который я должна была сделать, но не сделала. Все то, что я утратила, отдала даром, пропустила. Я смогу все это вернуть миру жизни. Точнее, тем жизням, которые еще не прожиты. Пусть этот мир получит обратно жизнь, которую я прожила, любовь, которую я испытала, дыхание, которое вырывалось из моей груди... — Техану посмотрела вверх, на звезды, и вздохнула. — Недолго осталось, — прошептала она. И оглянувшись на Тенар. Сесерах нежно погладила Тенар по голове, тихонько поднялась и, ни слова не говоря, ушла в дом.

— Мама, я думаю, очень скоро...

— Я знаю.

— Я не хочу покидать тебя!

— Ты должна меня покинуть.

— Я знаю.

И они долго еще сидели в мерцающей темноте Имманентной Роши и молчали.

— Смотри, — прошептала вдруг Техану. Падающая звезда пересекала небосвод, оставляя тающий на глазах световой след.

Пятеро волшебников сидели под звездным небом.

— Смотрите, — сказал один, указывая на светящийся след упавшей звезды.

— Это душа дракона умирает, — сказал Азвер Путеводитель. — Так на Карего-Ат говорят.

— Неужели драконы умирают? — задумчиво спросил Оникс. — Наверное, все же не так, как мы?

— Они и живут не так, как мы. Они переходят из одного мира в другой. Так говорит Орм Ириан. С ветров этого мира на иные ветра.

— Как это пытались сделать и мы, — сказал Сеппель. — Но потерпели неудачу.

Гэмбл с любопытством посмотрел на него.

— А что, эта история была известна у вас, на Пальне? Та, которую мы узнали сегодня, — о разделении драконов и людей и о создании темной страны за стеной?

— Да, но она немного отличается от того, что мы слышали сегодня. Меня, например, учили, что ВЕРВ НАДАН был первой великой победой искусства магии. И что самая главная цель всякого волшебства — это победа над временем, обретение вечной жизни... Отсюда и все то зло, которое принесла миру пальнийская магическая премудрость.

— Зато вы сохранили знания о Матери-земле, которые мы давно утратили из-за своего глупого презрения, — заметил Оникс. — Как и твой народ, Азвер.

— Что ж, зато у вас хватило здравого смысла построить Большой Дом именно на Роке, — улыбаясь, сказал Мастер Путеводитель.

— Но построили мы его неправильно! — возразил Оникс. — Все, что мы строим, мы строим неправильно.

— Значит, по-твоему, мы должны его разрушить? — спросил Сеппель.

— Нет, — вмешался Гэмбл. — Мы же не драконы! Мы в домах действительно ЖИВЕМ. И нам нужны хоть какие-то стены.

— Но в этих стенах должны быть окна, чтобы в них мог свободно залетать ветер! — сказал Азвер.

— А кто тогда сможет войти через дверь? — спросил Привратник своим вкрадчивым, ласковым голосом.

Возникла пауза. Где-то по ту сторону поляны неумолчно и неумоимо пела цикада; потом умолкла и снова запела.

— Драконы? — предположил Азвер.

Привратник покачал головой.

— Я думаю, что, может быть, то Разделение, которое было начато, а потом предательски прервано, будет наконец завершено, — сказал он. — Драконы обретут свободу и улетят, оставив нас с тем, что мы выбрали сами.

— С нашими представлениями о добре и зле, — сказал Оникс.

— С той радостью, которую дает созидание, умение придать нужную форму, — сказал Сеппель. — И с нашим мастерством.

— И с нашей алчностью, нашей слабостью, нашими страхами, — прибавил Азвер.

Сверчку откликнулся второй, ближе к ручью. Два пронзительных голоса вибрировали и пересекались, то совпадая, то противореча друг другу в избранном ими ритме.

— А я боюсь, — сказал Гэмбл, — причем боюсь настолько, что мне даже говорить об этом страшно, что, когда драконы улетят, вместе с ними уйдет и наше мастерство. Наше искусство. И наша магия.

Молчание остальных как бы подтверждало то, что и они опасаются того же. Однако когда Привратник наконец заговорил, то в его тихом и ласковом голосе звучала твердая уверенность:

— Нет, я думаю, этого не произойдет. Они — это само Созидание, они его современники, но и мы постигли законы Созидания. Мы приручили его, сделали своим с помощью наших знаний. И теперь его невозможно у нас отнять. Чтобы потерять способность созидать, мы должны забыть о ней, отказаться от нее.

— Как это сделал мой народ, — сказал Азвер.

— Неправда, твой народ всегда помнил, что такое земля, что такое вечная жизнь, — сказал Сеппель. — А вот мы забыли.

И снова повисло длительное молчание.

— Мне кажется, я мог бы протянуть руку и коснуться той проклятой стены, — сказал Гэмбл очень тихо, и Сеппель подхватил:

— Да, они близко, они очень близко!

— Как же нам узнать, что следует делать? — спросил Оникс.

— Однажды, когда господин мой Верховный Маг был со мною здесь, в Роще, — снова взял слово Азвер, — он сказал мне, что всю жизнь пытался узнать, как сделать свой единственно правильный выбор, как сделать в жизни именно то, для чего ты и был предназначен...

— Как бы мне хотелось, чтобы он был сейчас здесь! — вырвалось у Оникса.

— Нет, он покончил с делами, — прошептал, улыбаясь, Привратник.

— Но мы-то не покончили! Однако сидим здесь и мирно беседуем, понимая, что оказались на самом краю смертельно опасной пропасти... — Оникс оглядел залитые лунным светом лица волшебников. — И все-таки, чего же хотят от нас мертвые?

— А чего хотят от нас драконы? — спросил Гэмбл. — И зачем эти женщины, которые являются драконами, или эти драконы, которые являются женщинами, явились сюда? И можем ли мы доверять им?

— А что, разве у нас есть выбор? — спросил Привратник.

— По-моему, никакого выбора у нас нет, — отрезал Азвер, — и нам остается только следовать тем путем, который...

— Укажут драконы? — закончил за него Гэмбл.

Но Азвер покачал головой:

— Нет, Олдер.

— Но разве он Мастер Путеводитель? — удивился Гэмбл. — Он же просто деревенский колдун!

— Олдер обладает большой мудростью, — возразил ему Оникс, — только мудрость эта у него в руках, а не в голове. И он всегда следует велению своего сердца. И уж, разумеется, совсем не стремится вести нас куда-то.

— И все же именно он был избран! Из всех нас? — Гэмбл был явно уязвлен.

— Кто же его выбирал? — тихо спросил Сеппель.

— Мертвые, — ответил Мастер Путеводитель.

И они опять надолго замолчали. Вокруг стояла абсолютная тишина, даже цикады перестали петь, и в этой тишине к ним по траве, освещенные серебристо-серым светом звезд, приблизились две высокие, закутанные в плащи фигуры.

— Можно нам с Брандом посидеть с вами немного? — раздался голос Лебаннена. — Сегодня, видно, никому не спится.

А на пороге своего дома сидел в эти минуты Гед и наблюдал за движением звезд над морем. Уже больше часа назад он улегся было в постель, но стоило ему закрыть глаза, и он видел тот холм в темной стране и слышал голоса мертвых, волной поднимавшиеся ему навстречу. Полежав немного, он встал и вышел на крыльцо, откуда были видны звезды, движущиеся по небосводу, и море.

Он устал, ему хотелось спать, глаза закрывались сами собой, но стоило ему слегка задремать, и он мгновенно оказывался у той каменной стены, и сердце его леденело от страха, что он останется там навсегда, не зная пути назад. Наконец, потеряв терпение и устав бояться, он снова встал, принес из дому фонарь, зажег его и пошел по тропе к дому Тетушки Мох. Мох, конечно, тоже могли сниться страшные сны, но она могла и не испугаться: она и так в последние дни жила совсем рядом с той каменной стеной. Но если что-то подобное приснится Вереск, та, конечно же, будет в полной панике, и даже Тетушка Мох не сможет ее успокоить. Ну что ж, в крайнем случае он хотя бы успокоит эту несчастную дурочку и объяснит ей, что это всего лишь сны.

В темноте идти было трудно, фонарь качался, отбрасывая на тропу огромные уродливые тени. Гед шел гораздо медленнее, чем хотел бы, и несколько раз споткнулся и чуть не упал.

Он еще издали увидел свет в домике вдовы, хотя было уже далеко за полночь. Где-то в деревне плакал ребенок, и Гед услышал, как он громко

кричит: «Мама, мама, почему люди плачут? О ком плачут люди, мама?» Во многих домах горел свет, там тоже никто не спал. Сегодня ночью, подумал Гед, в Земноморье, пожалуй, никто по-настоящему не спит. Он усмехнулся своим мыслям, потому что ему всегда нравилось затишье перед бурей — эта страшноватая пауза, эти краткие мгновения перед тем, как все в мире вдруг встает с ног на голову.

Проснувшись, Олдер понял, что лежит на земле, чувствуя под собой всю ее глубину. Над ним раскинулось звездное летнее небо; яркие звездочки выглядывали то из-за одного листка, то из-за другого — в зависимости от направления легкого переменчивого ветерка. Но все звезды в этих небесах двигались правильно — с востока на запад, в полном соответствии с законами вращения Земли. Олдер еще немного полюбовался звездами и отпустил их пастись в небесных лугах.

Техану уже ждала его на том холме.

— Что мы должны делать, Хара? — спросила она.

— Нам придется латать прореху в ткани мироздания, — ответил ей Олдер и улыбнулся, потому что на сердце у него стало теперь совсем легко. — И еще ломать стену.

— А они могут помочь нам? — спросила она, глядя вниз, где уже собрались мертвые, бесчисленные, как стебли сухой травы на склонах холма, или звезды в небесах, или песчинки на морском берегу. Только теперь мертвые молчали; их толпа застыла, точно огромная песчаная отмель в море тьмы. — Нет, — сказал Олдер. — Но, может быть, смогут другие. — Он прошел вниз по склону к стене. В этом месте стена была примерно ему по пояс. Он положил руки на один из камней верхнего, перекрывающего ряда и попытался сдвинуть его с места. Но камень был закреплен прочно или, может быть, обладал большим весом, чем обыкновенные камни. Во всяком случае, Олдер даже сдвинуть с места его не смог. И тут к нему подошла Техану.

— Помоги мне, — сказал он, и она положила руки на этот упрямый камень — одна рука была человеческая, а вторая, обожженная, напоминала коготь. Как следует упершись, они что было силы нажали и вместе попытались сдвинуть камень с места. И камень наконец подался! Они сдвинули его еще немного, и Техану крикнула:

— Толкай! — И они в несколько толчков сбросили камень на землю, и он тяжело загрохотал по скалистому склону за стеной, скатываясь во тьму.

Следующий камень оказался поменьше, и вместе они довольно легко сдвинули его с места и сбросили в пыль по ту сторону стены.

И вдруг по земле, что была у них под ногами, прошла дрожь. Мелкие камешки в стене затряслись, загремели, и тысячи тысяч мертвых, тяжело вздыхая, подошли ближе к пролому в стене.

Мастер Путеводитель вскочил и прислушался. Листья на деревьях, росших вокруг поляны, шумели, точно начиналась буря, деревья раскачивались, склоняя вершины, а ветви их трещали так, словно их треплет ураганный ветер. Но никакого ветра в Роще не было!

— Так. Перемены начинаются, — сказал Путеводитель и пошел прочь от остальных — во тьму, под деревья.

Заклинатель, Привратник и Сеппель молча поднялись и последовали за ним. Последними и не так торопливо уходили с поляны Гэмбл и Оникс.

Лебаннен тоже встал было и уже сделал несколько шагов вслед за ними, но вдруг опомнился и бегом бросился через всю поляну к низенькому каменному домику.

— Ириан! — крикнул он, наклонив голову и всовываясь в низкий дверной проем, за которым было совершенно темно. — Ты возьмешь меня с собой, Ириан?

Ириан вышла из домика; она улыбалась; она вся светилась каким-то яростным светом!

— Хорошо. Но идем, идем скорее! — сказала она и взяла Лебаннена за руку. И рука ее была горяча, точно раскаленные уголья, когда она подняла его с земли на крыльях иного ветра.

Через несколько минут из дома на залитую лунным светом поляну выбежала Сесеракх, следом за ней вышла Тенар. Женщины стояли, озирались, но никого не видели. И все вокруг опять словно застыло; на деревьях не шевелился ни один листок.

— Они все ушли! — прошептала Сесеракх. — Ушли по Пути Драконов! — И она сделала шаг вперед, вглядываясь во тьму. — Что же нам теперь делать, Тенар?

— Ничего. Нам осталось только следить за домом, — ответила Тенар.

— Ах! — прошептала Сесеракх, падая на колени. Она заметила Лебаннена, который, вытянувшись, лежал ничком возле крыльца. — Он ведь не умер, а?.. Я надеюсь?.. О, мой дорогой король, не уходи! Не умирай!

— Он сейчас вместе с ними. А ты останься с ним рядом и постарайся его согреть. Следи за домом, Сесеракх! — сказала ей Тенар и прошла к тому месту, где лежал Олдер. Его невидящие глаза были устремлены к звездам. Тенар села с ним рядом, накрыла своей рукой его руку и стала ждать.

Олдер вряд ли смог бы сдвинуть тот большой камень, на который положил сейчас руки, но вдруг рядом с ним оказался Мастер Заклинатель, который приналег плечом и сказал: «Давай!» Вместе они, хотя и с трудом, все же столкнули и этот камень, и он глухо загрохотал где-то во тьме.

Теперь Олдер увидел и других, и все они старались помочь ему, все толкали камни, раскачивали их, сбрасывали вниз за стену. На мгновение Олдеру показалось, что руки его опять отбрасывают тень: рядом был источник какого-то красноватого света. Орм Ириан! Такой он видел ее впервые. Огромный дракон во всей своей красе, дыша пламенем, попытался вытолкнуть каменную глыбу из самого нижнего ряда. Глыба глубоко ушла в землю, и сперва когти Орм Ириан тщетно скребли по ней, высекая искры, а украшенная огромными острыми шипами спина изгибалась дугой. Но усилия дракона были не напрасны: каменная глыба все-таки вылетела с грохотом из своего гнезда, и в стене образовалась широкая брешь!

По толпе мертвых, стоявших по ту сторону, пролетел едва слышный вопль — точно морская волна набежала на пологий берег и схлынула. Олдеру показалось, что теперь в образовавшийся проем хлынет скопившаяся за стеной тьма, но, подняв глаза, он увидел, что и за стеной теперь не так уж темно. Странный свет горел и двигался в тех небесах, где никогда ничто не двигалось, даже звезды. Огненные искры вспыхивали и гасли далеко над темным западным краем неба.

— Калессин!

Это был голос Техану. Олдер посмотрел на нее. Она не сводила глаз с небес. На землю она не посмотрела ни разу.

И вдруг Техану вскинула руки вверх, и по ним пробежал огонь — по вытянутым пальцам, по плечам, по волосам, по лицу и телу Техану бежали искры, потом снова полыхнул огонь, и два огромных крыла раскрылись у нее за спиной и подняли ее в воздух. Это было совершенно огненное существо, ослепительное, прекрасное. Казалось, она вся сейчас состоит из огня.

Техану что-то громко крикнула ясным, но лишенным привычного звучания голосом и взмыла высоко в небо, где все ярче разливался свет и где неведомый белый ветер словно смел с поверхности небес бессмысленные, ничего не значащие, неподвижные звезды.

И в толпе призрачных мертвых существ тоже творилось нечто невообразимое: то тут, то там кто-то, подобно Техану, взмывал в небеса, превращаясь в дракона и сверкая огнем и чешуей, а потом улетал на

крыльях иного ветра.

Но большая часть мертвых приближалась к ним на своих ногах. Они теперь не спешили, не толкались, не плакали, а просто шли с неторопливой уверенностью к образовавшемуся провалу в стене — огромная толпа мужчин, женщин и детей, которые, ни секунды не колеблясь, перешагивали через стену и тут же исчезали, и после них оставалось лишь крошечное облачко пыли — точно прощальный вздох. А небеса над головой все больше и больше светлели.

Олдер внимательно следил за ними, по-прежнему сжимая в руке тот заостренный камень, который вытащил из стены, чтобы, действуя им как рычагом, расшатать более крупную глыбу. Он смотрел, как мертвые уходят на свободу, и не мог оторвать от этого зрелища глаз. Наконец он увидел среди них ЕЕ. Отшвырнув камень в сторону, он шагнул к ней с криком: «Лили!» — и она увидела его, улыбнулась и протянула к нему руки. Он взял ее за руку, и они вместе переступили через стену навстречу солнечному свету.

Лебаннен стоял у разрушенной стены и смотрел, как на востоке разгорается заря. Ибо в темной стране теперь были восток и запад — там, где когда-то вообще не было направлений! Где невозможно было определить свой путь! Да, там теперь были восток и запад, свет и движение. Сама земля, казалось, двигается, дрожит, словно огромный неповоротливый зверь, и от этой дрожи каменная стена чуть дальше того места, где они пробили брешь, вдруг качнулась и рассыпалась. Столбы огня взметнулись над вершинами далеких черных гор, которые люди называли Горами Горя. Это был тот огонь, что горит в самом сердце земли, тот огонь, что питает драконов.

Лебаннен посмотрел в небо, раскинувшееся над этими горами, и увидел драконов, парящих на утреннем ветру. И вспомнил, что когда-то они с Гедом видели, как драконы танцуют в небесах над западными островами...

Три дракона на полной скорости мчались к тому месту, где он стоял, — к вершине холма близ разрушенной каменной стены. Двух он узнал сразу — Орм Ириан и Калессина. У третьего была совершенно золотая, сияющая чешуя и золотистые крылья. Этот летел выше других и не спускался так низко, как они. Орм Ириан покружила вокруг золотистого дракона, словно играя с ним, и они взмыли ввысь, поднимаясь кругами все выше и выше, и, когда первые лучи встающего солнца осветили золотистого дракона и он весь вспыхнул, подобно своему имени, подобно яркой большой звезде,

Лебаннен понял наконец, что это Техану.

Огромный Калессин, сделав еще круг, пролетел совсем низко и приземлился среди развалин стены.

— АГНИ ЛЕБАННЕН, — сказал дракон королю.

— Старейший, — поклонился в ответ король.

— АИССАДАН ВЕРВ НАДАННАН, — снова послышался могучий голос, звонкий и шипящий одновременно, словно ударили сразу в несколько десятков цимбал.

Рядом с Лебанненом стоял, крепко упершись в землю, Бранд, Мастер Заклинатель. Он сперва повторил слова дракона на Языке Созидания, а потом перевел сказанное им на ардический язык:

— То, что некогда было разделено, таким и останется.

Мастер Путеводитель стоял рядом с Брандом. Его светлые волосы светились в лучах разгоравшегося солнца. Он тихо сказал:

— То, что было построено, теперь разрушено.

То, что было разрушено, теперь вновь стало целым.

И с тоской посмотрел в небо на двух драконов — золотистого и красновато-бронзового, — которые уже почти скрылись вдаль, широкими кругами уходя за бесконечный горизонт, где в ярких солнечных лучах опустевшие города-тени таяли, превращаясь в ничто.

— Скажи, о Старейший, — обратился Мастер Путеводитель к дракону, и огромная голова медленно качнулась в его сторону, — сможет ли она хоть иногда возвращаться обратно — через лес? — Азвер говорил на языке драконов, и узкий желтый глаз Калессина внимательно следил за каждым его движением. Гигантская пасть дракона, очень похожая на пасть любой мелкой ящерицы, была закрыта так, что казалось, будто Калессин улыбается. Но в ответ он не произнес ни слова.

А затем, с силой ударив всем своим длинным телом по стене, так, что те камни, что еще стояли, с грохотом посыпались вниз по склону под тяжестью его закованного в железную броню брюха, Калессин резко дернулся, с шумом и грохотом раскрыл крылья, оттолкнулся и полетел низко над землей к тем горам, вершины которых теперь сверкали в облаках светлого дыма и пара, просвеченных солнцем.

— Идемте, друзья, — сказал Сеппель своим тихим, ласковым голосом. — Наше время быть свободными еще не наступило.

Солнечный свет лился с небес. Солнце поднялось уже выше макушек самых высоких деревьев, но поляна все еще хранила следы холодной серой утренней росы. Тенар по-прежнему сидела, положив свою руку на руку

Олдера и низко склонив к нему голову. Она смотрела, как холодная росинка ползет по узкому длинному листку, как она повисает крошечной капелькой на самом конце и в этой капельке отражается весь окружающий ее, Тенар, мир.

Кто-то окликнул ее по имени, но она даже головы не подняла.

— Он ушел, — сказала она.

Мастер Путеводитель опустился рядом с ней на колени и нежно погладил Олдера по лицу.

Он еще некоторое время постоял на коленях, помолчал, а потом сказал Тенар по-каргадски:

— Госпожа моя, я видел Техану. Она летела, прекрасная и вся золотая, на крыльях иного ветра!

Тенар быстро и остро глянула на него: он был очень бледен, лицо измученное, но в глазах все же сиял огонь победы.

Она не сразу сумела заставить губы произносить слова, но, справившись с собой, хриплым, почти неслышным голосом спросила:

— А она... исцелилась?

Азвер кивнул.

Тенар погладила Олдера по руке; это были прекрасные руки, которые умели все так хорошо чинить и латать! Слезы выступили у нее на глазах.

— Позволь мне побыть с ним еще немного, — сказала она Азверу и заплакала, закрывая руками лицо. Плакала она горько, тяжело, но почти неслышно.

Азвер оставил ее и подошел к маленькой группке людей у входа в дом. Оникс, Гэмбл и Заклинатель, грузный и чем-то встревоженный, собрались возле каргадской принцессы. А принцесса лежала на земле, обхватив Лебаннена руками, защищая его ото всех на свете и не позволяя никому из волшебников даже прикоснуться к нему. Глаза ее так и сверкали, а в руке она отчаянно сжимала короткий стальной кинжал Лебаннена.

— Я вернулся с ним вместе, — сказал Бранд Азверу, — и хотел остаться с ним, ибо не был уверен, что мы шли правильным путем. Но теперь она меня к нему не подпускает!

— Ганаи! — громко окликнул девушку Азвер. По-каргадски это означало «принцесса».

Глаза Сесеракх снова свирепо сверкнули, и она наконец посмотрела на него.

— А, это ты! Да услышат мою благодарность Атва и Вулуа! Да восславится наша Мать-земля! — воскликнула она. — Господин мой

Азвер! Пусть все эти проклятые колдуны немедленно убираются прочь! Убей их! Это они убили моего короля! — И она направила на Азвера свой короткий острый кинжал.

— Нет, принцесса. Лебаннен улетел с драконом Ириан, но вот этот волшебник привел его обратно в наш мир. Дай-ка я его осмотрю. — И Азвер опустился возле короля на колени и немного повернул его к себе. Приложив руку ему к сердцу, он сказал: — Ему просто холодно, принцесса. Путь назад очень труден, и он устал. Обними его. Согрей.

— Я уже пробовала! — в отчаянии воскликнула Сесеракх, кусая губы. Она отшвырнула кинжал и склонилась над бесчувственным телом Лебаннена. — О мой бедный король! — Это она сказала на ардическом, хотя и очень тихо. — Мой дорогой, мой бедный король!

Азвер поднялся и сказал Заклинателю:

— Я думаю, что с ним все будет в порядке, Бранд. Теперь от нее куда больше пользы, чем от нас.

Заклинатель крепко взял его за плечо своей огромной рукой и сказал:

— А теперь спокойно.

— Что? Привратник? — спросил Азвер, бледнея и оглядывая поляну.

— Нет, он вернулся вместе с пальницей, — сказал Бранд. — Сядь, Азвер.

Путеводитель подчинился и сел на деревянный чурбачок, который старый Метаморфоз поставил здесь еще вчера, когда они все сидели кружком и спорили. Теперь ему казалось, что это было тысячу лет назад! Старики вечером вернулись в Школу, а потом... началась эта долгая ночь! Ночь, которая приблизила к ним ту каменную стену настолько, что уснуть означало попросту оказаться по ту ее сторону, и поэтому практически никто не спал. Никто, может быть, на всем острове Рок, а может быть, и на всех островах Земноморья... И только Олдер, который вел их... Азвер почувствовал, что его бьет дрожь и страшно кружится голова.

Гэмбл все пытался заставить его пойти в зимний домик и отдохнуть, но он отказывался. Говорил, что должен быть рядом с принцессой, чтобы служить ей переводчиком. И рядом с Тенар, чтобы защитить ее, подумал он, но вслух этого не сказал. Чтобы дать ей возможность выплакать свое горе. А вот Олдер со своим горем покончил. Он передал им и свое горе, и свою радость...

Из Школы явился Травник и засуетился вокруг Азвера, накиннул ему на плечи зимний плащ. Азвер сидел, нахохлившись, на своем чурбачке, пребывая словно в каком-то лихорадочном полусне — никого не замечая, но чувствуя неясное раздражение от присутствия столь большого

количества людей на его милой тихой поляне, — и смотрел, как солнечный свет, крадучись, прячется в листве деревьев. Его бодрствование, впрочем, было вознаграждено, когда сама принцесса подошла к нему, опустилась возле него на колени, заглянула в лицо с беспокойством и уважением и сказала по-каргадски:

— Лорд Азвер, король желает поговорить с тобой.

Она заботливо помогла ему встать, словно он вдруг превратился в глубокого старика. Он против ее помощи не возражал.

— Спасибо тебе, гаинба, — сказал он.

— Я еще не королева! — возразила она со смехом.

— Ты будешь ею, — заверил ее Путеводитель.

Прилив был высокий, как всегда в полнолуние, и «Дельфину» пришлось подождать, пока сойдет вода, чтобы пройти между Сторожевыми утесами. Тенар смогла высадиться в порту Гонт лишь ближе к полудню, а потом еще долго пришлось подниматься в гору, так что уже близился закат, когда она прошла по улице Ре Альби и свернула на знакомую тропинку, ведущую по краю утеса к дому.

Гед поливал капусту, которая, надо сказать, здорово подросла.

Заметив ее, он выпрямился и смотрел, как она идет к нему, как всегда, взглядом ястреба, чуть насупившись.

— Ага! — только и сказал он.

— Ах, мой дорогой! — воскликнула Тенар и пробежала последние несколько шагов, пока он, шагнув ей навстречу, не подхватил ее.

Ох как она устала! И была страшно рада просто посидеть с Гед ом на крыльце, попивая отличное вино, сделанное Спарком, глядя, как заря ранней осени из красноватой становится золотистой, разливаясь над всем западным краем неба.

— Как же мне все сразу тебе рассказать? — озадаченно спросила она.

— А ты рассказывай задом наперед, — предложил он.

— Хорошо. Я попробую. Они хотели, чтобы я осталась еще, но я заявила им, что мне пора домой. Там еще состоялось заседание Совета, знаешь, Королевского. По поводу помолвки. Будет великолепная свадьба, и нас приглашали, но вряд ли я туда поеду. Ведь по-настоящему-то они уже поженились. Когда были обручены Кольцом Эльфарран. Нашим с тобой кольцом!

Гед посмотрел на нее и улыбнулся — своей широкой и очень доброй улыбкой, которой, как считала Тенар (хотя, может быть, она была и не

права) никто, кроме нее, никогда больше на его лице не видел.

— Да? — подбодрил он ее. — А дальше?

— Лебаннен пришел и встал вот так, смотри: слева от меня, а Сесеракх — справа. И все мы стояли перед тронем Морреда. И я высоко подняла Кольцо. В точности как когда мы привезли его в Хавнор, помнишь? Еще солнце тогда так ярко светило... Лебаннен взял Кольцо и поцеловал его и снова отдал мне. И я надела его на руку принцессы, и оно легко так наделось, а ведь Сесеракх — женщина довольно крупная! Ох, тебе бы посмотреть на нее, Гед! Какая она красавица, настоящая львица! Лебаннен встретил наконец достойную подругу... Ну и тут все закричали. А потом начались всякие праздники и тому подобное. И я смогла наконец уехать.

— Продолжай.

— Задом наперед?

— Да.

— Хорошо. А перед этим был Рок.

— Рок — это всегда непросто.

— Да уж.

Они помолчали, попивая красное вино.

— Расскажи мне о Путеводителе.

Она улыбнулась.

— Сесеракх называет его Воином. Она говорит, что только настоящий воин может влюбиться в дракона.

— Кто пошел за ним в сухую страну — в ту ночь?

— Он, как и все мы, последовал за Олдером.

— Ага? — сказал Гед с удивлением и явным удовлетворением.

— За Олдером пошли не только Мастера. И Лебаннен, и Ириан...

— И Техану.

Она промолчала.

— Она вышла из дома первой, — снова заговорила Тенар. — А когда вышла я, ее уж не видно было... — Она снова долго молчала. — А потом Азвер видел ее. На заре. Она парила на крыльях иного ветра!

Воцарилось молчание.

— И они все улетели. Больше не осталось драконов ни на Хавноре, ни на западных островах. Оникс сказал: раз темная страна и все, кто там находились, вновь воссоединились с миром света, то и драконы получили обратно свое царство.

— Итак, мы разрушили наш мир, чтобы сделать его целым, — промолвил Гед.

Она кивнула. Они снова долго молчали, потом Тенар сказала очень тихо:

— Путеводитель верит, что Ириан вернется в Рощу, если он позовет ее.

Гед ничего не сказал; они снова помолчали, и вдруг он воскликнул:

— Смотри-ка вон туда, Тенар!

Она посмотрела, куда он показывал, — в затянутую дымкой западную сторону морского простора.

— Если она прилетит, то только оттуда, — сказал Гед. — А если и не прилетит, то мы будем знать, что она там.

Тенар кивнула.

— Я знаю. — Глаза ее были полны слез. — Лебаннен спел мне одну песенку, когда мы плыли на корабле, возвращаясь в Хавнор. — Петь она не могла, она лишь прошептала слова: «О радость моя! Лети, будь свободна!...»

Гед отвернулся и долго смотрел на темный, поросший лесом склон горы.

— Скажи, — спросила Тенар, — а что ты делал, пока меня не было?

— За домом присматривал.

— А в лес ходил?

— Пока еще нет, но собираюсь, — сказал Гед.

Шкатулка, в которой была тьма

По мягкому песку, по самой кромке моря шел, не оставляя следов, маленький мальчик. В ярко-синем, лишенном солнца небе кричали чайки, в несоленом море плескалась и играла форель. Далеко, почти у самой линии горизонта, гигантский морской змей на миг взвился над водой, изогнувшись семью великолепными арками, и тут же снова исчез в море. Мальчик посвистел ему, но змей больше не появился — был занят охотой на китов. Мальчик пошел дальше, не отбрасывая тени, не оставляя следов, по узкой полоске песка, намытого между прибрежными утесами и морем. Впереди показался поросший травой, далеко выдающийся в море мыс. На нем примостилась хижина. Пока мальчик карабкался к ней по крутой тропинке, хижина, поджидая его, радостно подпрыгивала и потирала одну об другую свои передние лапы. При этом она была похожа то ли на большую муху, то ли на довольного адвоката в зале суда. А вот стрелки часов в домике никогда даже не шевелились и вечно показывали десять минут одиннадцатого.

— Что это у тебя там, Дики? — спросила мальчика его мать и бросила в рагу из кролика веточку петрушки и щепоть перца. Рагу на плите исходило аппетитным паром.

— Коробочка, ма.

— Где ж ты ее нашел?

Еще один член семьи, материн черный кот, тихо скользнул вниз с балки, украшенной связками лука, и, словно лисий воротник, обвился вокруг шеи ведьмы, сообщив:

— У моря.

Дики кивнул:

— Это правда. Море выкинуло ее на берег.

— А что там внутри?

Кот говорить ничего не стал, только замурлыкал. Ведьма обернулась и глянула в круглое лицо сынишки.

— Что же там внутри? — повторила она.

— Тьма.

— Да? Дай-ка посмотреть.

Она нагнулась, и кот, по-прежнему мурлыча, зажмурился. Осторожно прижимая шкатулочку к груди, мальчик чуть-чуть приоткрыл крышку.

— Верно, — подтвердила его мать. — Убери-ка ее подальше, чтобы

кто-нибудь нечаянно на пол не уронил. Интересно, куда это ключ от нее подевался... А теперь беги и мой руки. Столик, накройся!

И пока малыш возился во дворе с тяжелым насосом, мыл руки и лицо, домик наполнился звоном тарелок, вилок, ножей.

Потом мать прилегла отдохнуть, а мальчик потихоньку взял с полки, где хранились его сокровища, отполированную морем и инкрустированную песком и ракушками шкатулочку и пошел с ней куда-то в дюны, в противоположную от моря сторону. По пятам за ним следовал черный материн кот, терпеливо пробираясь по песку между стеблями колючей травы. Тень была только у него.

На вершине холма принц Рикард обернулся в седле и посмотрел назад, на плюмажи и знамена своего войска, узкой лентой растянувшегося по дороге. Дорога вела от украшенных башнями крепостных стен столицы к морю. Правителем этого королевства был отец Рикарда. Под лишенными солнца синими небесами город в долине мерцал и переливался подобно жемчужине и казался таким же хрупким. Здания и крепостные стены не отбрасывали тени. Снова увидев, сколь прекрасна столица, Рикард твердо решил, что она никогда и никем не будет захвачена! Сердце его запело от гордости. Он велел офицерам двигаться быстрее и поторопить воинов, а сам пришпорил своего белого коня, тот заржал и, словно ветер, рванул вперед. Грифон, любимец принца, с пронзительным воплем тут же спикировал с высоты, злобно щелкнув клювом прямо перед носом у жеребца, — он вечно дразнил его, успевая, однако, каждый раз увернуться, когда разъяренный конь пытался укусить грифона за змеиный хвост или ударить своими серебряными копытами. Потом грифон с чудовищным кудахтаньем и ревом совершил над дюнами круг и снова стремительно спикировал. Так он мог забавляться без конца. Опасаясь, что зверь переутомится еще до начала битвы, Рикард привязал его, и тот полетел с ним рядом вполне спокойно, то что-то мурлыча по-кошачьи, то щебеча по-птичьи.

Наконец перед Рикардом открылось море; где-то там, среди утесов, скрывался отряд врага под предводительством его родного брата. Дорога теперь шла вниз по песчаным дюнам, море мелькало то справа, то слева, все ближе и ближе. Внезапно дорога кончилась; белый конь взлетел над трехметровым обрывом и с топотом приземлился на песчаном пляже. Дюны остались позади; перед Рикардом длинной стеной стояло вражеское войско, а в море виднелись три корабля под черными парусами. Его собственные воины пока еще не все миновали обрыв. Один за другим

скатывались они на пляж, и голубые флаги в их руках колыхал морской ветер, а шум волн заглушал голоса. Без малейшего предупреждения, без какого бы то ни было сигнала оба отряда сошлись врукопашную. С громким пронзительным воплем грифон взмыл в воздух, выдернув из рук Рикарда поводок, и, словно ястреб, разинув клюв, распростерши крылья, ринулся с небес на высокого человека в сером плаще, предводителя вражеского войска. Однако тот успел выхватить меч. И когда железный клюв грифона, скользнув по его плечу, попытался достать горло, стальной клинок взлетел и вонзился в грифоновое брюхо, испарывая его. Грифон конвульсивно дернулся, согнулся в воздухе пополам и рухнул прямо на человека в сером, выбив его из седла. Чудовищный зверь беспорядочно хлопал мощными крыльями, пронзительно кричал и пятнал песок черной кровью. Высокий человек в сером, шатаясь, поднялся на ноги и, взмахнув мечом, отсек грифону голову и крылья. Сам он ничего не видел из-за запорошившего глаза песка и заливавшей лицо крови, так что заметил Рикарда только тогда, когда меч его уже завис над ним. По-прежнему молча человек в сером обернулся и своим еще дымящимся от крови грифона мечом отразил удар. Потом попытался рубануть по ногам белого коня, но это ему не удалось: конь попятился, заржал и, встав на дыбы, ринулся на врага. Снова меч Рикарда блеснул в воздухе над головой высокого человека, и тот вдруг почувствовал, как руки его наливаются свинцовой усталостью, а легкие с трудом хватают воздух. Рикард пощады не знал. В последний раз высокий человек сделал выпад, и тут же разящий меч брата ударил его прямо в лицо. Он упал совершенно беззвучно. Коричневатые фонтанчики песка, взметнувшись из-под копыт белого жеребца, засыпали его распростертое тело, а Рикард, развернувшись, направил коня в самую гущу сраженья.

Вражеские воины упорно наступали, но ряды их редели, их теснили к воде, и наконец последние человек двадцать, рассыпавшись в разные стороны, что было сил бросились к кораблям, навстречу высоким волнам прибоя. Рикард громко приказал своим воинам собраться вокруг него, и все живые подошли к нему, перешагивая через трупы врагов, а тяжелораненые подползли на четвереньках. Все, кто мог стоять на ногах, построились у подножия дюны, на вершине которой стоял Рикард. За его спиной на волнах моря покачивались три черных корабля, весла были спущены на воду.

В полном одиночестве Рикард сел на густую траву, покрывавшую вершину холма, и закрыл руками лицо. Рядом с ним, словно каменное изваяние, застыл белый жеребец. Внизу молча стояло его войско. На песке

у воды лежал с окровавленным лицом высокий человек, а рядом — мертвый грифон. Чуть поодаль лежали еще мертвые, их остановившиеся глаза глядели в ясное небо, где никогда не бывало солнца.

Легкий ветерок с шуршанием прошелся меж песчаных холмов. Рикард поднял голову, юное лицо его было мрачно. Он подал знак своим офицерам, вскочил в седло и неспешно пустился в обратный путь, к столице, не оглядываясь и не желая видеть ни того, как пристанут к берегу черные корабли, ни того, как его войско, окончив построение, двинется за ним следом. Когда оживший грифон с пронзительным криком снова ринулся к нему с высоты, он привычно поднял обтянутую перчаткой руку, улыбаясь огромному зверю, который пытался угнездиться на запястье хозяина, хлопая крыльями, как курица, и вопя, словно мартовский кот.

— Эх ты, непослушный! — сказал Рикард. — Ну что раскудахтался? Ступай-ка к своим цыплятам! Тоже мне, наседка.

Чудовище, оскорбившись, взмыло в небеса и понеслось на широких своих крыльях к столице. За принцем, немного отставая, тянулось его войско, но никто не оставлял на песчаной дороге ни единого следа. И позади светло-коричневый песок на берегу снова лежал плотным слоем: на нем не осталось ни единого следочка, ни единого пятнышка. Черные корабли с черными поднятыми парусами уже готовы были к отплытию. На носу первого стоял мрачный высокий человек в сером плаще.

Желая поскорее попасть домой, Рикард свернул и проехал мимо хижины на четырех птичьих ногах, стоящей на мысу. Ведьма махнула ему рукой с порога. Рикард еще раз свернул и, натянув поводья, остановился точно у ворот. Он смотрел на молодую ведьму. Она была очень красива, с черными, как уголь, волосами, развевавшимися на морском ветру. И смотрела прямо на принца в белых доспехах, верхом на белом коне.

— Принц Рикард, — сказала вдруг ведьма, — что-то уж больно часто участвуешь ты в сражении.

Он рассмеялся:

— Что же мне делать? Позволить брату осадить столицу?

— Да, позволь. Все равно ведь никто не может взять столицу штурмом.

— Я знаю. Но отец мой и наш государь сослал брата, и теперь тот не смеет даже ногой ступить на берег нашего королевства. А я — солдат. Я подчиняюсь своему королю. И своему отцу. По его приказу иду я в бой.

Ведьма долго смотрела в морскую даль, потом снова взглянула на юношу. Ее темнокожее лицо вдруг как-то осунулось, высокий лоб от переносицы вздымался, словно корона, глаза сверкали.

— Подчиняйся, но заставляй и других подчиняться себе. Командуй другими, но слушайся и чужих приказов... Твой брат не пожелал ни подчиняться, ни командовать... Ой, принц, берегись... — Лицо ее снова помолодело, потеплело и стало очень красивым. — Нынче утром море дарит странные подарки, дуют странные ветры, трескаются мои магические кристаллы... Берегись!

Мрачно, но благодарно поклонился он ей, пришпорил коня и скрылся вдали — весь в белом, похожий на чайку над длинной дюной.

Ведьма вернулась в дом и стала проверять, все ли там в порядке: летучие мыши и связки лука под потолком, котелки на плите, коврики на полу, метлы в углу, сушеные мухоморы и волшебные прозрачные кристаллы, которые сегодня вдруг все покрылись трещинами, тоненький серпик месяца, подвешенный к каменной трубе, древние Книги и старинный ее приятель кот... Она еще раз все осмотрела, а потом вдруг выбежала на улицу с криком:

— Дики!

С запада дул сильный холодный ветер, низко клонил к земле пышные травы.

— Дики!.. Кис-кис-кис!..

Ветер сорвал с губ ее голос, подхватил его, разодрал на клочки и унес прочь.

Ведьма щелкнула пальцами. Из двери со свистом вылетела метла и замерла, зависнув невысоко над землей, а сам домишко, словно от волнения, затрясся и закудахтал.

— Заткнись! — рывкнула ведьма; дверь домика тут же послушно закрылась, кудахтанье стихло. Сев на метлу верхом, ведьма плавно взлетела и понеслась над песчаным пляжем на юг, то и дело призывая: — Дики!.. Эй, котик! Кис-кис-кис!

Молодой принц, нагнав свое войско, спешил и пошел рядом со всеми. Выйдя за последний поворот, они увидели внизу, в долине, столицу. Неожиданно кто-то потянул принца за плащ.

— Принц Рикард...

Маленький мальчик — совсем малыш, еще не успевший утратить младенческую пухлость и розовощекость, — стоял и чуть-чуть обиженно смотрел на него, держа в руках старенькую, потертую, облепленную песком шкатулочку. Рядом с ним сидел какой-то странный черный кот и во весь рот улыбался.

— Море принесло ее... для нашего принца — правда, правда!..

Пожалуйста, возьми ее! — И мальчик протянул шкатулку Рикарду.

— А что в ней такое?

— Тьма, господин мой.

После недолгих колебаний Рикард чуть приоткрыл шкатулку и заглянул в щелку.

— Она просто изнутри выкрашена черным, — сказал он с усмешкой.

— Нет, принц, честное слово, не выкрашена! Открой пошире!

Рикард осторожно приподнял крышечку на палец и снова глянул внутрь. Потом быстро захлопнул шкатулку, потому что малыш испуганно вскрикнул:

— Только смотри, чтобы ветер не унес ее, принц!

— Я передам это нашему королю.

— Но я подарил ее тебе, господин мой...

— Все подарки моря принадлежат королю. И все равно — спасибо, малыш. — Они некоторое время внимательно смотрели друг на друга — маленький пухлощекий мальчик и сильный, стройный, красивый юноша. Потом Рикард повернулся и быстро пошел дальше, а Дики потащился назад, вниз по склону холма, молчаливый, подавленный и безутешный. Еще издалека, откуда-то с юга, услышал он зов матери и попробовал ей ответить, но ветер нарочно унес все слова в другую сторону, да и приятель его, кот, куда-то вдруг запропастился...

Бронзовые ворота распахнулись перед входящим в город войском. Залаяли сторожевые псы, стражники подтянулись и выпрямились, городской люд низко кланялся, когда белый конь Рикарда промчался, стуча копытами, по мраморным улицам прямо во дворец. Там принц, как всегда, взглянул на большие бронзовые часы на самой высокой из девяти белых башен, украшавших стены королевского дворца. Недвижимые стрелки показывали десять минут одиннадцатого.

В Тронном зале принца ждал отец — свирепого вида седовласый человек в железной короне. Он восседал на троне, вцепившись пальцами в железные подлокотники, которые оканчивались головами чудовищных химер. Рикард преклонил колена, низко опустил голову и, даже не взглянув в лицо отцу, сообщил ему об одержанной победе:

— Изгнанник мертв, погибла большая часть его войска, остальные бежали на своих кораблях.

В ответ послышался скрипучий голос короля — будто дверь отворилась на ржавых, давно не смазанных петлях:

— Поздравляю с удачей, принц.

— Я принес тебе подарок моря, о мой король. — По-прежнему не

поднимая головы, Рикард протянул отцу деревянную шкатулку.

Глухое рычание донеслось из пасти одной из железных химер.

— Да, это моя шкатулка! — Король так резко выкрикнул это, что Рикард даже на минутку поднял глаза и с изумлением увидел, что у всех химер оскалены пасти, а глаза короля яростно сверкают.

— Потому-то я и принес ее тебе, о мой король.

— Она моя... это я подарил ее морю, я принес ему этот дар! А море выплюнуло его обратно... — Король долго молчал, потом сказал, как бы чуть смягчившись: — Что ж, возьми ее себе, мой принц. Морю она не нужна, мне — тоже. Теперь шкатулка в твоих руках! Храни же ее... закрытой. Храни ее закрытой, принц!

Рикард, по-прежнему не поднимаясь с колен, еще ниже склонил голову, рассыпаясь в благодарностях, потом поднялся и пошел к дверям, так больше ни разу и не посмотрев на короля, своего отца. Когда он спустился по ярко освещенной парадной лестнице, офицеры и придворные сразу же собрались вокруг, как всегда готовые расспросить его о результатах битвы, пошутить, поболтать и выпить. Но принц прошел мимо, не сказав ни единого слова и ни на кого не посмотрев. В полном одиночестве направился он прямо к себе, бережно прижимая к груди шкатулку.

Очень светлая, лишенная теней и окон комната его была вся разукрашена золотом, топазами, опалами и другими камнями, но самой большой драгоценностью здесь были горящие живым пламенем свечи, но и пламя недвижимо застыло над золочеными подсвечниками. Принц поставил шкатулку на стеклянный столик, небрежно бросил плащ на кресло, отстегнул перевязь, сел и вздохнул. Из спальни тут же притащился, стуча когтями по мозаичному полу, грифон и положил тяжелую голову хозяину на колени, ожидая, чтобы тот почесал его покрытый перьями загривок. А еще по комнате, тихо ступая, ходил огромный кот — тот самый, ведьмин, с черной лоснящейся шерстью. Рикард не обратил на него ни малейшего внимания. Дворец был полон всяких животных — котов, собак, обезьян, белок, молодых гиппогрифов, белых мышей, тигров... У каждого придворного имелась по крайней мере дюжина ручных зверьков; у каждой дамы непременно был собственный ручной единорог. У принца же — только грифон, он всегда помогал Рикарду в бою. Он был, по сути дела, его единственным, никогда не задающим лишних вопросов другом. Принц почесал грифону загривок, поглядывая на него и ловя ответный взгляд любящих золотистых круглых глаз. Время от времени Рикард посматривал на шкатулку, спокойно стоявшую на столике. Ключа, чтобы запереть ее, у

него не было.

Где-то в одной из дальних комнат тихонько играла музыка, нескончаемое монотонное переплетение звуков было подобно журчанию воды в фонтане.

Принц обернулся и посмотрел на каминные часы — их золотой циферблат был отделан синей эмалью. Часы показывали десять минут одиннадцатого: время вставать, снова надевать перевязь, созывать войско и отправляться на битву. На родную землю возвращался изгнанник, одержимый намерением захватить столицу и предъявить свои наследные права на трон. Его черные корабли под черными парусами должно отогнать прочь от берегов королевства. Братья неминуемо должны сразиться, один из них — пасть в бою, а второй — спасти город. Рикард решительно встал, и грифон, разумеется, тоже немедленно вскочил и завилял змеиным хвостом, готовый идти в бой.

— Ну хорошо, пойдем! — сказал ему Рикард, хотя голос его прозвучал невесело и холодно. Он пристегнул меч в разукрашенных жемчугом ножнах, а грифон, посвистывая от нетерпения, потерся клювом о руку принца. Но принц не обратил на своего любимца внимания. Он очень устал, странная печаль, невнятная тоска снедали его... Но отчего он грустил? Ему захотелось вдруг вновь услышать ту музыку, которая больше не была слышна, ему захотелось вновь хоть раз поговорить со своим братом, прежде чем они сойдутся в бою как смертельные враги... Он не знал, чего именно ему хочется. Наследник и защитник королевства, он обязан был подчиняться своему королю. Он надел серебряный шлем и обернулся, чтобы взять плащ, небрежно брошенный на кресло. Украшенные жемчугом ножны при этом звонко стукнулись обо что-то, он обернулся и увидел, что шкатулка, открытая, лежит на полу. Он стоял и смотрел на нее в оцепенении холодным, отсутствующим взглядом, а из шкатулки меж тем, подобно облачку дыма, поднималась темная мгла. Принц наклонился, поднял открытую шкатулку, и Тьма потекла между его пальцами.

Грифон, жалобно свистя, попятился назад.

Высокий, светловолосый, в белых доспехах и серебряном шлеме, стоял принц Рикард посреди сверкающей светом комнаты и, держа в руках открытую шкатулку, смотрел, как оттуда капля за каплей медленно сочится густой полумрак. Теперь все вокруг него было погружено в сумерки. Сначала он стоял неподвижно. Потом медленно поднял шкатулку и перевернул ее доньшком вверх точно над своей головой.

Тьма потекла по его лицу. Он огляделся: теперь стихла не только та

далекая музыка, но и все вокруг было наполнено странной тишиной. Горели свечи, огоньки их отражались в золотых украшениях и разноцветных камнях, вделанных в стены; радужные зайчики прыгали по полу и потолку. Но в углах комнаты была густая Тьма, Тьма притаилась за каждым креслом, а когда Рикард повернул голову, то по стене метнулась его тень. Он выронил шкатулку и быстро подошел к одному из темных углов — там ярко блестели чьи-то красные огромные глаза... Ну конечно, это грифон! Принц протянул к своему любимцу руку и нежно заговорил с ним. Грифон не пошевелился, но издал странный металлический клекот.

— Ну хватит, выходи! Ты что же, темноты испугался? — сказал ему принц и тут же сам ощутил страх. Тогда он вытащил меч. Все вокруг было недвижимо. Рикард осторожно отступил к двери, и тут чудовищный зверь прыгнул. Принц успел увидеть, как потолок закрыли два огромных черных крыла, услышал, как щелкнул страшный железный клюв, звякнули об пол железные когти; грифон навалился на него всей тушей прежде, чем он успел нанести удар мечом снизу вверх. Он что было сил боролся с грифоном, но железный клюв щелкал уже у самого его горла, а страшные когти терзали ему руки и грудь. Наконец принцу удалось высвободить одну руку с мечом и нанести первый удар. Потом он снова замахнулся и ударил... Вторым ударом он почти отсек грифону голову. Чудовище разжало лапы и рухнуло на пол, извиваясь среди черных теней и ярких световых пятен, отраженных зеркалами, хрусталем и драгоценными камнями. Через некоторое время грифон перестал биться и застыл.

Рикард со стуком уронил меч на пол. Руки принца были покрыты коркой — его собственной запекшейся кровью. В комнате с трудом можно было что-либо рассмотреть: мощные крылья грифона загасили, сбив на пол, почти все свечи. Горела только одна. Принц ощупью добрался до стула и сел, жадно хватая ртом воздух. А потом сделал то же самое, что и тогда, после сражения, на вершине дюны: опустил низко голову и закрыл руками лицо. Вокруг стояла полная тишина. Последняя свеча слабо мерцала в золотом подсвечнике; свет ее отражался, дробясь, в гранях топазов и аметистов, украшавших стены. Наконец Рикард поднял голову.

Грифон по-прежнему лежал неподвижно. Под ним на полу натекла целая лужа крови, такой же черной, как та собранная в комок Тьма, что была в маленькой шкатулке. Железный клюв чудовища был разинут, открытые глаза напоминали два красных камня.

— Он мертв, — сказал негромкий голосок, и вошел ведьмин кот, осторожно пробираясь среди осколков разбитого вдребезги стеклянного столика. — Теперь уже навсегда. Послушай, принц! — Кот сел и аккуратно

обвил хвостом передние лапки.

Рикард стоял неподвижно, с отсутствующим выражением лица, пока какой-то странный звук не вывел его из глубокой задумчивости. То был слабый звон, раздававшийся совсем рядом. Потом вдруг в башне высоко над дворцом прозвучал глубокий глухой удар колокола, эхом отозвавшийся в каменных стенах дворца, в ушах принца, в его крови. Часы на башне били десять!

За дверью вдруг послышался топот, по коридорам разнеслись чьи-то голоса, чьи-то испуганные крики, заглушая последние гулкие удары колокола, — там словно метались насмерть перепуганные животные. Кто-то к чему-то призывал, кто-то спешно отдавал приказы...

— Ты опоздаешь на битву, принц, — сказал кот.

Рикард, пошарив на полу, отыскал в луже крови, в густой тени свой меч, пристегнул его к перевязи, накинул плащ и пошел к двери.

— Сегодня будет настоящий полдень, — сказал кот ему вслед, — и будут сумерки, и наступит ночь. И тогда один из вас вернется домой, в столицу, — ты или твой брат. Но только один из вас, принц.

Рикард на мгновение застыл как вкопанный.

— А светит ли сейчас там, снаружи, солнце?

— Да, сейчас светит.

— Ну, тогда все хорошо! Тогда все это было не напрасно, — с облегчением вздохнув, сказал юноша и, открыв дверь, прошел по залитым солнечным светом залам и коридорам дворца, где царили паника и суматоха. А следом за ним двигалась его черная тень.

Одержавший победу

Он стоял на берегу моря и смотрел вдаль, за пенную гряду облаков на горизонте, где поднимались или скорее угадывались неясные очертания Островов. Там, сказал он морю, там — мое королевство. Ну а море сказало ему в ответ те же слова, которые говорит всем людям. По мере того как из-за спины Лифа на море напал вечер, пенные облака на горизонте бледнели, ветер стихал, а где-то далеко засветилась уже то ли звезда, то ли огонек, то ли свет его надежды.

Снова был уже поздний вечер, когда он поднимался по улицам родного города к себе домой. Теперь знакомые магазинчики и дома соседей выглядели совсем пустыми, заброшенными; товары и домашняя утварь были вывезены или упакованы: люди готовились к Концу. Большая часть горожан участвовала сейчас в очередной церемонии покаяния в Храме на холме, остальные, из числа «гневных», ушли с Рейджером в поля. А Лиф пока не решался ни уйти из собственного дома, ни собрать и вынести на двор вещи; его изделия и все в его доме было слишком тяжелым, чтобы с ним так просто было расправиться, слишком прочным, чтобы сломать или сжечь. Только время, долгие века разрушат все это. Когда его изделия складывали в аккуратные штабеля, или роняли с высоты, или даже специально швыряли оземь, надеясь разбить, они все равно образовывали нечто, напоминающее или даже очень похожее на обитаемый город. Так что Лиф и не пытался избавиться от них. Его двор по-прежнему был завален множеством кирпичей — тысячами и тысячами прекрасных кирпичей, сделанных его руками. Печь для обжига была холодна, однако полностью готова к работе, бочки с глиной, сухой известью и известковым раствором, творило, строительный инструмент: лотки, тачки, лопатки, мастерки — все было на месте. Один из парней с улицы Ростовщиков как-то спросил его, усмехаясь:

— Ты никак собираешься кирпичную стену построить да и спрятаться за ней, когда миру Конец придет, а, старик?

Другой его сосед остановился по пути в Храм и некоторое время задумчиво смотрел на бесконечные штабеля, кучи, груды, курганы отлично сформованных, прекрасно обожженных кирпичей золотисто-красного цвета — того, каким бывает солнце на закате, — а потом вздохнул, ибо тяжело даже ему было смотреть на всю эту красоту:

— Вещи, вещи!.. Освободись от вещей, Лиф, освободись от того груза,

что тянет тебя вниз! Пойдем с нами — и мы вместе поднимемся над Концом этого мира!

Лиф взял из кучи один кирпич, аккуратно положил его в ряд уже почти готового штабеля и лишь смущенно улыбнулся в ответ.

Когда все наконец разошлись кто куда, сам он не пошел ни в поля — уничтожать посевы и скот, ни в Храм — молиться; он двинулся вниз, на берег моря, на самый краешек этого гибнущего мира, дальше которого была только вода.

Вот и сегодня: когда он вернулся на заваленный кирпичом двор, то не захотел с безумным хохотом предаваться разрушительному отчаянию, подобно его соседям Рейджерам, не захотел облегчать тоску в слезах вместе с теми, кто молился в Храме на холме. В душе своей он ощущал пустоту, а еще ему очень хотелось есть. Лиф был плотным коренастым мужчиной, прочно стоявшим на земле, так что даже яростный морской ветер здесь, на самом краю земли, оказался не в силах сдвинуть его с места.

— Привет, Лиф! — поздоровалась с ним вдова с улицы Ткачей, она попалась ему навстречу почти у самого дома. — Я видела, как ты поднимаешься от моря, а больше никого не видала с тех пор, как солнце село. Здесь вечерами становится так темно и тихо, гораздо тише... — Она так и не договорила, зато спросила: — Ты ужинал? А то я как раз собираюсь доставать жаркое из духовки, нам с малышом никогда в жизни не справиться с таким кусищем мяса до наступления Конца. Будет очень жаль, если такая прекрасная еда пропадет зря.

— Что ж, спасибо тебе большое за приглашение, — сказал Лиф, снова надел свою куртку, и они стали спускаться по улице Каменщиков на улицу Ткачей. Вокруг было темно, ветер с моря продувал крутые улочки насквозь.

В уютном, освещенном лампой домике вдовы Лиф поиграл с ее сынишкой, последним рожденным в городе ребенком. Пухлый малыш как раз пытался вставать. Лиф поставил его на ножки, мальчик засмеялся и упал, а вдова тем временем накрывала на стол: достала хлеб, вытащила из духовки жаркое. Потом они уселись ужинать, и даже малыш старательно трудился с помощью четырех новеньких зубов над горбушкой хлеба.

— Что ж это ты не пошла вместе со всеми на холм или в поля? — спросил Лиф, и вдова ответила так, словно причина у нее была более чем уважительная:

— О, так ведь у меня же маленький!

Лиф осмотрелся: этот уютный домик построил когда-то ее муж, каменщик, один из его заказчиков.

— Хорошо тут у вас, — сказал он. — Я уж, по-моему, с год такого мяса

не пробовал.

— Да-да, я понимаю! Домов ведь больше не строят...

— Ни единого! — сказал он. — Ни одной стеночки не поставили, ни одного курятника, даже дырки ни одной не залатали. Ну а твое ремесло как? Ткать-то еще приходится?

— Да, кое-кто непременно хочет встретить Конец во всем новом. Это вот мясо я купила у Рейджера, который всех своих овец разом прирезал. А заплатила ему теми деньгами, что получила за кусок тонкого полотна от княжеской дочери. Ей хочется сшить по случаю Конца новое платье! — Вдова как-то не то насмешливо, не то сочувственно фыркнула и продолжала: — Но теперь не осталось больше ни льна, ни шерсти, так что ни прясть, ни ткать не из чего. Поля сожжены, овец всех прирезали...

— Да, — сказал Лиф, наслаждаясь прекрасно приготовленной бараниной. — Черные времена наступили, хуже не бывает.

— Да и хлеб-то, — продолжала вдова, — теперь откуда возьмешь? А воду? Люди ведь в колодцы отраву подсыпают! Что-то и я заговорила, как те, что плачут да каются в Храме, да? Ешь, пожалуйста, еще, Лиф. Молодой барашек — самое вкусное блюдо на свете, так и муж мой всегда говорил, пока осень не наступала. А уж осенью он начинал говорить, что нет ничего вкуснее жареной свининки. Давай-давай! Отрезай еще кусок, да побольше!..

В ту ночь Лифу приснился сон. Обычно он спал как мертвый, без сновидений — так спят во дворе сделанные им кирпичи. Но на этот раз он плыл и плыл по волнам снов, всю ночь напролет плыл к тем желанным Островам, а когда проснулся, неопределенности как не бывало: все его неясные догадки словно высветило солнцем, которое неизбежно затмевает свет звезд. Теперь ему все стало ясно, он знал, что делать дальше. Но как же он во сне перенесся туда, на Острова? Он ведь не летел над водой, не шел по ее поверхности, не плыл в ее глубине, подобно рыбе; и тем не менее пересек серо-зеленые, волнуемые ветром водяные холмистые просторы и попал на Острова! Он слышал зовущие его голоса, видел огни городов...

Одна мысль занимала его теперь: как человеку перебраться через море? Он вспомнил, как полые стебли травы легко плывут по ручью, и догадался, что можно, наверное, сплести из травы большой матрас, лечь на него и грести руками; однако почти сразу в его пробном изделии стали образовываться дыры, стебли рассыпались, разваливались под напором воды — они были слишком тонкими и непрочными, а связки ивовых прутьев, что горой лежали когда-то во дворе корзинщика, теперь уже были все сожжены. На тех Островах, во сне, он видел то ли тростник, то ли

какую-то еще гигантскую траву высотой метров в пятнадцать, с коричневыми толстыми стеблями — пальцами не обхватишь. Стебли тянулись к солнцу, и на них трепетали бесчисленные продолговатые зеленые листья. Вот это да! Если бы ему такие стебли приспособить, так можно бы и за море поплыть. Только у них-то подобных растений нету. Здесь вообще, кроме травы, ничего не растет. Хотя в Храме на холме с давних пор хранилась ручка от ножа, сделанная из твердого коричневого материала, который, по слухам, назывался деревом; только вот деревья эти произрастали где-то далеко, в иных землях. Не плыть же, в самом деле, по бурным морским волнам на ручке от ножа?

Промасленные шкуры тоже неплохо держатся на воде, вот только дубильщики кож уже несколько недель бездельничали — больше шкур для продажи не приносили. Все. С тем, что здесь осталось, ничего не придумаешь. Туманно-белым ветреным утром он перетащил лоток и самую большую тачку на берег моря и опустил их на поверхность тихих вод залива. И они поплыли, по-настоящему поплыли! Правда, чуть-чуть погрузившись в воду. А стоило ему одной рукой слегка нажать на них сверху, как и лоток, и тачка сразу наполнились водой и затонули. Да, это не то, подумал он. Тяжести они не выдержат.

Тогда он снова поднялся на крутой берег, прошел по улицам, у себя во дворе наполнил тачку прекрасно обожженными, но бесполезными теперь кирпичами и покатил ее вниз. В последние годы рождалось совсем мало детей, так что любопытная ребятня вокруг не собиралась. Только двое типов из семейства Рейджеров, все еще не протрезвевшие после вчерашнего чудовищного пира, исподлобья глянули на него, стоя в темном дверном проеме, когда он шел по залитой солнцем улице. Весь тот день он возил на берег кирпичи, готовил раствор, а на следующее утро — хотя сон про Острова так больше и не приснился — начал что-то строить на исхлестанном ветрами и мартовским дождем берегу. Здесь под рукой было достаточно песка для раствора. Он сложил нечто вроде небольшого сосуда, хитро выложенного, с закругленными боками и похожего на рыбу. Кирпичи для этого приходилось класть как бы по спирали, что оказалось довольно сложно. Если на воде может держаться наполненная воздухом тачка, то почему не сможет эта кирпичная рыбка? Она к тому же будет и очень прочной. Но, когда застыл раствор и Лиф, напрягшись, с трудом перевернул свое произведение и столкнул в набегающие волны, кирпичная рыба сразу же стала погружаться все глубже и глубже и зарылась во влажный песок, словно морской моллюск или песчаная муха. Волны заливали ее, отбегали назад и снова набегали, а он все пытался вычерпать из своей «рыбки» воду,

пока огромная волна, зеленая с белой шапкой, не налетела на нее и не поволокла за собой. Волна ударила «рыбку» о берег, и на песке в полосе прибоя осталась лишь груда кирпичей. Лиф стоял рядом, мокрый до ушей, вытирая соленую влагу с лица. Ничего там, на западе, нет! Только гигантские морские валы да дождевые облака... Нет! Острова все-таки там! Он точно знал это, он сам видел их — они были покрыты высоченными травами, раз в десять выше человеческого роста. Там золотились поля, по которым волнами проходил морской ветерок; там высились белые прекрасные города, стройные башни смотрели с холмов в морскую даль, слышались голоса пастухов, что пасли стада на сочных пастбищах...

«Все-таки мое ремесло — кирпичи делать да строить, а не с морем сражаться», — решил Лиф, внимательно обдумав свои действия. Теперь они казались ему довольно-таки глупыми, и он торопливо двинулся по мокрой от дождя боковой тропе наверх, за новой тачкой кирпичей.

Теперь, освободившись от власти дурацкой затеи с плаванием по воде, он заметил наконец, что Кожевенная улица совершенно опустела. Дубильня тоже разворочена и пуста. Лавки кожевников зияют разверстыми черными пастями, а окна жилых комнат над лавками темны и слепы. В конце улицы какой-то старый сапожник жег костер, в котором с ужасающей вонью горела целая куча новых, ненадеванных башмаков. Рядом с сапожником терпеливо ожидал оседланный ослик, прядая ушами и фыркая от противного дыма.

Во дворе Лиф снова наполнил тачку кирпичами. На этот раз, когда он покатиł ее вниз на берег, откидываясь назад и с трудом осаживая на крутых улицах свой тяжелый груз, скользя и едва сохраняя равновесие на извилистой тропе, спускающейся к морю, где его чуть не сдуло сильным ветром, за ним увязались двое. Потом подошли еще человека два-три с улицы Ростовщиков, потом — еще несколько с тех улиц, что возле рыночной площади, так что, когда Лиф смог наконец выпрямиться и вздохнуть — у самой кромки моря, где черная пенящаяся вода лизала его босые грязные ноги и пот высыхал на разгоряченном лице, — на берегу уже собралась небольшая толпа. Люди стояли вдоль глубокой колеи, продавленной колесом его тяжелой тачки. У них был тот же равнодушно-праздный вид, что и у пьяноватых Рейджерсов тогда, утром. Так что Лиф и внимания на них обращать не стал, хотя заметил, что на вершине утеса стоит вдова с улицы Ткачей и смотрит вниз с перепуганным лицом.

Он закатил тачку в море и, когда вода достигла его груди, опрокинул кирпичи в воду, а потом легко выбрался на берег с сильной приливной волной, волоча за собой полную пены морской тачку.

Кое-кому из семейства Рейджерсов это уже надоело, и он пошел прочь по берегу. Высокий парень с улицы Ростовщиков, окруженный кучкой таких же, как сам он, лентяев, усмехаясь, спросил Лифа:

— Что ж ты их прямо с утеса не сбросишь, старина?

— Так они тогда только на песок упадут, — пояснил Лиф.

— А, так ты их утопить хочешь! Прекрасно! Знаешь, кое-кто уж решил, что ты что-то из них строить задумал здесь, на берегу! Так парни из тебя самого раствор сделать были готовы. Пусть-ка эти кирпичи в холодной водичке помокнут! А ты молодец, старина!

И тип с улицы Ростовщиков, ухмыляясь, двинулся со своей компанией дальше, а Лиф пошел по тропе вверх за новой порцией.

— Приходи ужинать, Лиф, — встревоженным голосом сказала ему вдова на вершине утеса; сынишку она крепко прижимала к груди — уж больно ветер был сильным.

— Приду, — сказал он. — И буханку хлеба принесу. Осталась парочка про запас — с тех пор, когда хлебопеки еще здесь были. — И он улыбнулся вдове, но та не ответила на его улыбку.

Они пошли рядом, и через некоторое время она спросила:

— Ты выбрасываешь свои кирпичи в море, да, Лиф?

Он громко рассмеялся и ответил:

— Да.

И на лице у нее появилось странное выражение — одновременно печальное и успокоенное. Впрочем, за ужином в своем уютном светлом домике она казалась спокойной и естественной, как всегда. Они с аппетитом ели сыр с черствым хлебом.

Весь следующий день он продолжал возить кирпичи на берег — тачку за тачкой. Если даже Рейджерсы и видели это, то наверняка считали, что и он тоже занят — как и они сами, как и все вокруг — разрушением. Прибрежная отмель была довольно пологой, так что до настоящей глубины было еще далеко, и он мог заниматься своим делом почти незаметно для посторонних, так как кирпичи все время находились под водой — он начал укладывать их во время отлива, при низкой воде. Правда, во время прилива работать было очень тяжело, потому что море вокруг кипело, плевало ему прямо в лицо и волны с грохотом обрушивались ему на голову. Однако он продолжал работать. Ближе к вечеру, в сумерках, он принес на берег длинные железные прутья и сделал крепежные скобы, чтобы волны не подмыли и не разрушили его стену, в которой было уже целых два с половиной метра. Даже при отливе никто из «гневных» не смог бы ничего заподозрить. Парочка пожилых горожан, возвращавшихся из Храма с

очередного покаяния, встретила́сь ему, когда он с лязгом и скрипом тащил пустую тачку по камням мостовой; люди мрачно улыбу́лись Лифу.

— До чего же хорошо освободиться наконец от власти вещей, — сказал один тихонько, а второй согласно кивнул.

На следующий день — хотя снов про Острова так больше и не было — Лиф продолжал строить. Отмель начала резко уходить вглубь, и теперь он делал так: вставлял на ту часть стены, которую только что сложил, и рядом с собой вываливал в море из тачки аккуратно уложенные кирпичи; потом вставал на кучу кирпичей и продолжал работу по горло в воде, задыхаясь, выныривая на поверхность и вновь погружаясь, но стараясь класть кирпичи точно в том направлении, которое заранее определил воткнутыми в дно железными прутами. Потом снова шел по серому пляжу, поднимался по тропе, грохотал по затихшим улицам города, направляясь за очередной порцией строительного материала.

Вдова, встретившись с ним у кирпичного двора, сказала вдруг:

— Разреши мне помогать тебе, хотя бы сбрасывать их с утеса; это ведь по крайней мере раза в два сократит тебе время.

— Грузеная тачка слишком тяжела для тебя, — отвечал он.

— Ой, да ничего! — воскликнула она.

— Ну ладно, помогай, если хочешь. Но кирпичи-то, они, черти, тяжелые! Так что ты особенно много не нагружай. Я тебе и тачку поменьше дам. А твой мышонок зато сможет тоже прокатиться.

Итак, вдова начала помогать ему. Стояли красивые дни; серебристый туман по утрам застилал берег моря, рассеиваясь к полудню, когда начинало пригревать весеннее солнце. На прибрежных утесах и в расселинах зацвели травы. Больше на берегу не осталось ничего, что могло бы цвести. Теперь дамба уходила в море уже на много метров, и Лифу пришлось выучиться тому, чего раньше не умел никто, разве что рыбы: теперь он мог плавать как на поверхности воды, так и под водой, не касаясь при этом земной тверди.

Он никогда прежде не слыхивал, чтобы человек плавал в море, однако не слишком над этим задумывался — был занят весь день напролет. Вокруг него крутилась морская пена, всплывали пузырьки воздуха, когда он нырял, и капли воды оставались на коже, когда он выныривал, и приползали туманы, и шел апрельский дождь, и влага небесная сливалась с влагой морской. Порой Лиф чувствовал себя почти счастливым в этом мрачноватом зеленом мире, где невозможно было дышать; он упорно укладывал ставшие под водой странно твердыми и странно легкими кирпичи вдоль намеченного курса, и лишь потребность в воздухе

заставляла его выныривать на волнующуюся под сильным ветром поверхность моря, задыхаясь и поднимая тучи брызг.

Он строил с утра до ночи. Ползал по песку, собирая кирпичи, которые его верная помощница сбрасывала ему с обрыва, потом нагружал тачку и тащил ее по дамбе в море; дамба была совершенно прямая, сверху — с полметра воды. Добравшись до ее конца, он сбрасывал кирпичи в море, нырял и начинал кладку; потом возвращался на берег за новой порцией. В город он поднимался только вечером, совершенно измотанный, изъеденный соленой водой до чесотки, голодный, как акула. Он делил с малышом и вдовой ту нехитрую трапезу, которую ей удавалось приготовить. Была уже поздняя весна, стояли долгие теплые тихие вечера, но город казался очень мрачным, темным и каким-то застывшим.

Как-то раз, когда он, несмотря на усталость, все же заметил разительные перемены в городе и заговорил об этом, вдова пояснила:

— Ой, так ведь они же давно все уехали! Мне кажется...

— Все? — Он помолчал. — И куда же они уехали?

Она пожала плечами. И подняла на него свои темные глаза. Они сидели за освещенным столом напротив друг друга в полной тишине. Она долго и задумчиво смотрела на него.

— Куда? — переспросила она. — А куда ведет твоя морская дорога, Лиф?

Он вздрогнул и застыл.

— На Острова, — наконец промолвил он, потом с облегчением рассмеялся и тоже посмотрел ей в глаза.

Она даже не улыбнулась. Только сказала:

— А они там есть? Неужели это правда: там есть Острова?

Потом оглянулась и посмотрела на спящего мальчика. В открытую дверь вливалось тепло позднего весеннего вечера, темным покрывалом окутавшего улицы, по которым больше никто не ходил, где никто больше не жил и не зажигал света в своем доме. Потом женщина наконец снова взглянула на Лифа и сказала:

— Знаешь, Лиф, кирпичей ведь совсем мало осталось. Всего несколько сотен. Тебе, наверное, придется сделать еще. — И она тихонько заплакала.

— О, господи! — сказал Лиф, подумав о том, что его подводная дорога — длиной всего метров в сорок, а в этом море от берега до берега... — Так я поплыву туда! Ну успокойся, не плачь, милая. Неужели ты думаешь, что я могу оставить вас с мышонком одних? После того, как ты столько кирпичей мне на берег перетаскала? Ведь ты так старалась, что чуть ли не на голову мне их высыпала!.. После того, как ты бог знает из каких

загадочных трав и ракушек готовила нам еду? После того, как мы с тобой столько раз сидели за этим вот столом, греясь у разожженного тобой огня? Неужели я могу забыть твои ласковые руки, твой смех? И оставлю тебя одну, в слезах? Ну успокойся, не плачь. Дай мне подумать, как нам всем вместе добраться до Островов.

Но он знал, что добраться ему туда не на чем. Во всяком случае, кирпичей ему не хватит. Все, что было в его силах, он уже сделал: сорок метров дамбы, уходящей в море.

— Как ты думаешь, — спросил он после долгого молчания — она за это время успела уже вытереть со стола и перемыть посуду: теперь, когда Рейджеры уехали, вода в их колодце снова, вот уже много дней, была чистой и прозрачной, — как ты думаешь: может быть, это... это... — Ему оказалось очень трудно договорить последнее слово, но она стояла рядом, притихнув, и ждала, так что он все-таки выговорил: — Это и есть Конец?

И сразу стало очень тихо. И в этой единственной освещенной комнате города, и во всех остальных темных комнатах темных домов, и на всех улицах, и на сожженных полях, и на заброшенных землях — замерло все. Замер, казалось, сам воздух. Все замерло и в Храме на холме, и даже на небесах. Повсюду разлилось молчание, нерушимое, всеобъемлющее, не дающее ответа. И только издали доносились живые звуки моря и еще — гораздо ближе — слышалось тихое дыхание спящего ребенка.

— Нет, — сказала женщина. И снова села напротив него, положив руки на стол, тонкие, загорелые до черноты руки с нежными, цвета слоновой кости ладонями. — Нет, — повторила она. — Конец и будет всему концом. А это — все еще ожидание Конца.

— Тогда почему же здесь остались... только мы одни?

— Ах вот что! — удивилась она. — Но ты же все время был занят своими кирпичами, а я — малышом...

— Завтра мы должны уходить, — сказал он, еще немного помолчав. Она только согласно кивнула.

Они поднялись еще до рассвета. Есть в доме было нечего, так что она сложила в сумку кое-какие детские вещички, а он сунул за ремень нож и мастерок, оба надели теплые плащи — он взял плащ, принадлежавший раньше ее мужу, — и, покинув домик, пошли под холодными еще лучами едва проснувшегося солнца по заброшенным улицам вниз, к морю. Он впереди, она следом, на руках она несла спящего ребенка, прикрыв его полрой плаща.

Лиф, не сворачивая ни на северную дорогу, ни на южную, прошел прямо, мимо рыночной площади, к утесу и по каменистой тропе стал

спускаться на берег. Она не отставала. Оба молчали. У самой кромки воды он обернулся к ней.

— Я буду поддерживать тебя над водой, пока хватит моих сил, — сказал он.

Она кивнула и тихонько ответила:

— Да, мы пойдем по той дороге, которую ты построил, как можно дальше.

Он взял ее за руку и повел прямо в воду. Вода была холодна. Обжигающе холодна. Холодный свет зари играл на пенистых гребнях волн, с шипением лизавших песок. Когда они ступили на дамбу, то почувствовали, какая она на удивление прочная и ровная, так что мальчик, проснувшийся было, снова уснул у женщины на плече, прикрытый полой плаща.

Они шли дальше, а волны все яростнее били в стену из кирпича: начинался прилив. Потом высокие валы стали окатывать их с головы до ног; одежда, волосы — все теперь промокло насквозь. Но вот они достигли конца дамбы, которую он столь упорно строил. Совсем недалеко, почти у них за спиной, виден был песчаный берег; песок в тени утеса казался черным; над утесом высились молчаливые бледные небеса. Вокруг кипели дикие волны, несли на гребнях клочья пены. А впереди — лишь безбрежное, беспокойное море, немыслимая бездна, темная пропасть.

Огромная приливная волна, стремясь к берегу, ударила их с такой силой, что они едва устояли на ногах; ребенок проснулся, разбуженный грубым шлепком моря, и заплакал. Станным был этот слабый жалобный плач в безбрежности холодного, злобно шипящего моря, которое всегда говорит людям одно и то же.

— Нет, я не могу! — заплакала мать, но только крепче сжала руку мужчины и еще теснее прижалась к нему.

Подняв голову, чтобы сделать последний шаг туда, где не было ни границ, ни пределов, он увидел вдруг на западе, на вздымающихся волнах, какой-то темный силуэт, потом — подпрыгивающий в воздухе огонек, мелькание белого паруса, напоминающего грудку ласточки в ярких лучах солнца. Ему показалось, что над морской далью раздаются голоса.

— Что это? — спросил он, но женщина не ответила: склонив голову к ребенку, она пыталась унять его слабый плач, словно бросавший вызов неумолчному шуму моря. Лиф застыл, вглядываясь в безбрежную даль, и снова увидел белизну паруса и танцующий над волнами огонек. Огонек этот, покачиваясь, приближался к ним, навстречу великому свету зари, что разгоралась у них за спиной.

— Подождите! — донеслось до них с той загадочной штуковины, что плыла по серым, с пенными гребнями волнам. — Подождите немного! — Голоса людей сладкой музыкой звучали над морем, и парус уже белым крылом почти склонялся над головой Лифа, и он уже видел лица, видел тянущиеся к нему руки, слышал, как незнакомцы зовут его: — Идите к нам, на судно, не бойтесь! И мы вместе поплывем на Острова...

— Держись, милая, — нежно сказал он женщине, и они сделали последний шаг.

Правило имен

Мистер Горовик стоял у подножия своей горы, улыбаясь и глубоко вдыхая прохладный зимний воздух. С каждым выдохом из ноздрей его вылетали две белые струйки пара, серебрившиеся в солнечных лучах. Мистер Горовик глянул вверх, на ясное декабрьское небо, и еще шире улыбнулся, показав свои белоснежные зубы. А потом пошел по дороге вниз, в деревню.

— Доброго вам утречка, мистер Горовик! — здоровались с ним деревенские жители, когда он шел по неширокой улице между домами с красными островерхими крышами, похожими на шляпки мухоморов.

— И вас с наступающим днем! — отвечал он каждому. Всем известно, что нет хуже приметы, чем желать кому-то доброго утра; вполне достаточно просто указать, какое сейчас время суток; нужно осторожнее обращаться со словами, тем более на Сатиновых островах, весьма подверженных различным волшебным Влияниям и сглазу; здесь ведь любое необдуманно произнесенное прилагательное может, например, вызвать затяжной, на целую неделю, дождь.

Все встречные непременно здоровались с ним — одни ласково, другие чуть пренебрежительно. Он был единственным волшебником на этом маленьком островке и хотя бы уже поэтому заслуживал уважения — но, скажите на милость, как можно всерьез уважать пожилого толстого коротышку, что ковыляет по дороге, нелепо загребая ногами и выдыхая длинные белые струи пара, да еще чему-то улыбается? К тому же волшебником он тоже был не ахти каким. Всякие его фокусы с огнем, правда, удавались на славу, зато зелья почти не действовали. Когда он сводил бородавки, то они чаще всего вырастали снова уже дня через три. Заговоренные им помидоры были не крупнее мелких дынь. А в те редкие дни, когда в порту Сатинового острова пришвартовывался иноземный корабль, мистер Горовик и носа не высывал из своей норки под горой: говорил, что боится сглаза. Иными словами, он был примерно таким же волшебником, как пьянчуга Ган — плотником: с тем и другим приходилось мириться за неимением лучшего. Приходилось мириться и с плохо пригнанными дверями, и с недействующими заклятьями. Так уж оно получилось. Ну, жители зато и обращались с мистером Горовиком по-свойски, по-соседски, совсем его не боялись, а иногда даже приглашали к себе пообедать. Однажды и он пригласил нескольких человек и устроил

замечательное пиршество — на столе серебряные приборы, хрусталь, дорогая скатерть, жареный гусь, искристое андрадское вино, которому не менее шестисот лет, а на десерт сливовый пудинг с роскошным соусом. Но мистер Горовик так нервничал во время трапезы, что веселья не получилось. К тому же уже через полчаса все были снова голодны как волки. А вообще-то он гостей не любил; в его пещеру редко кто заходил, да и то не дальше прихожей. Когда мистер Горовик видел, что к нему кто-то идет, он тут же проворно выбегал навстречу гостю.

— Давайте посидим лучше вон там, под соснами! — говорил он в таких случаях, с улыбкой указывая в сторону сосновой рощи; а если шел дождь, предлагал: — А может, лучше чего-нибудь выпьем в харчевне? Как вы на этот счет? — Хотя все знали, что он не пьет ничего крепче колодезной воды.

Деревенские мальчишки никак не могли смириться с вечно запертой дверью пещеры под горой; они все время вынюхивали да высматривали, нельзя ли попасть туда, пока мистера Горовика нет дома; но маленькая дверца всегда была накрепко затворена заклятьем, которое в кои-то веки оказалось вполне действенным. Однажды двое мальчишек, зная, что волшебник отправился на западный берег острова лечить заболевшего ослика миссис Рууны, притащили к дверям его жилища лом и топор. Однако после первого же удара изнутри донесся чудовищный гневный рев и вырвалось облако ярко-красного дыма. Видно, мистер Горовик успел вернуться домой раньше обычного. Мальчишки сбежали. Впрочем, мистер Горовик так и не вышел из дому, так что им даже и не попало ничуть. Они только все удивлялись, как это такой маленький толстячок мог издавать столь ужасные звуки — рев и жуткое шипение.

А сегодня у мистера Горовика были в деревне дела: нужно было купить три дюжины яиц и фунт печенки, а кроме того — заглянуть к капитану Фогено и подновить чары, с помощью которых волшебник пытался вылечить ему глаза — занятие довольно бессмысленное при отслоении сетчатки. Однако мистер Горовик упорно продолжал лечение. А под конец он намеревался зайти поболтать к своей старой приятельнице Гуди Гульд, вдове мастера, изготовлявшего концертино. Друзьями мистера Горовика в основном были люди немолодые. Он очень смущался в присутствии сильных молодых мужчин; а девушки при нем почему-то сами начинали смущаться и нервничать. «Мистер Горовик действует мне на нервы — слишком уж часто он улыбается!» — говаривали они все как одна и при этом недовольно надували губы и начинали накручивать на палец шелковистые локоны. «Действовать на нервы» было выражение

новомодное, так что матери отвечали им сурово: «Нервы — надо же! Драть вас некому! Глупость, вот как это называется. Мистер Горовик — очень уважаемый волшебник!»

Переделав все дела и посетив Гуди Гульд, мистер Горовик проходил мимо школы. В тот день ученики занимались прямо на лужайке. Поскольку грамотных людей на Сатиновых островах не было, то не было и книг, по которым можно было бы научиться читать; не было и школьных досок, на которых можно было бы научиться писать буквы; не было и парт, где можно было бы вырезать первые буквы своего имени, а потом не было и самой школы. В дождливые дни дети занимались на чердаке общинного амбара и вечно вылезали оттуда покрытые сенной трухой; а когда светило солнышко, школьная учительница Палани сама выбирала место для занятий. Сегодня на лужайке три десятка любознательных ребятишек не старше двенадцати в окружении сорока совершенно равнодушных к знаниям овец (не старше пяти лет) изучали одну из важнейших тем школьной программы: правило имен. Мистер Горовик, застенчиво улыбаясь, остановился на минутку послушать и посмотреть. Палани, хорошенькая пухленькая девушка лет двадцати, окруженная детьми и овечками на залитой солнцем лужайке под большим дубом с облетевшей уже листвой, являла собой дивную картинку. За ее спиной расстилались море, песчаный берег, ясное бледное зимнее небо. Она говорила с жаром, лицо ее порозовело от ветра и от значимости произносимых слов.

— Ну вот, дети, теперь вы уже знаете все правила имен. Их всего два, и на всех островах Земноморья они одинаковы. Каково же первое из них?

— Невежливо спрашивать человека, каково его имя! — выкрикнул толстый шустрый мальчуган, но ему не дала договорить какая-то девчонка, пронзительно завопив:

— А вот уж что никогда нельзя, так это говорить свое собственное имя! Кто бы тебя ни спросил! Так мне моя ма сказала!

— Верно, Суба. Верно, Попи, дорогая, только не визжи так. Вы оба верно ответили. Никогда не спрашивайте человека о его имени. Никогда не называйте своего. А теперь подумайте минутку и скажите: почему мы называем нашего волшебника мистер Горовик? — Она улыбнулась, глядя поверх кудрявых головок своих учеников, одетых в теплые меховые и шерстяные безрукавки, на мистера Горовика, который прямо-таки сиял, нервно прижимая к груди кошелку с яйцами.

— Потому что он живет под горой! — громко ответили дети.

— А как вы думаете, это его подлинное имя?

— Нет! — сказал тот же толстый мальчик, и ему эхом откликнулась

визгливая маленькая Попи:

— Нет!

— А почему вы решили, что нет?

— Потому что прибыл он на наш остров совсем один и никто не знал тогда его подлинного имени и не мог назвать его, чтобы все остальные узнали, а сам мистер Горовик этого сделать не мог...

— Очень хорошо, Суба. Попи, не кричи! Верно. Даже волшебник не может никому говорить своего подлинного имени. Когда вы, дети, окончите школу и пройдете обряд посвящения, то расстанетесь со своими детскими именами и получите настоящие, подлинные ваши имена, которые нельзя никому говорить и ни у кого нельзя спрашивать. А откуда взялось такое правило?

Дети молчали. Тихонько проблеяла овца. На этот вопрос ответил мистер Горовик.

— Это потому, — застенчиво сказал он своим тихим хриловатым голосом, — что подлинное имя воплощает самую суть вещи. Назвать имя — значит обрести над этой вещью власть. Я верно отвечаю, госпожа учительница?

Она улыбнулась ему и склонилась в реверансе, хотя и была сильно смущена его неожиданным участием в уроке. Так что мистер Горовик поспешил прочь, прижимая к груди кошелку с яйцами. Почему-то за те несколько минут, в течение которых он наблюдал за Палани и детьми, в нем пробудился страшный голод. Торопливо произнесенным заклятьем мистер Горовик запер за собой дверь, но, должно быть, в произнесенном заклятии чего-то не хватило: дверь закрылась недостаточно плотно, и сквозь щели вскоре просочились аппетитные запахи яичницы и жареной печенки.

В тот день с запада дул легкий прохладный ветерок и к полудню пригнал в порт небольшую лодку под парусом, сверкавшим на солнце. Не успела лодка войти в бухту, как какой-то остроглазый мальчишка, издали заметив ее и отлично зная, как, впрочем, и все дети на острове, паруса всех сорока имевшихся в гавани лодок, бросился по улице с криком: «Чужая лодка, чужая лодка!» Очень-очень редко посещали этот уединенный уголок Земноморья суда — как с других островов Восточного Предела, так и с Архипелага. Когда лодка пришвартовалась наконец у пирса, там собралась по меньшей мере половина деревни, чтобы приветствовать смелого путешественника. Гостеприимные рыбаки повели его к себе домой, а пастухи, землекопы и местные травники — все как один — торчали на окрестных холмах вдоль дороги, ведущей от гавани в деревню.

Но дверь мистера Горовика так и осталась запертой.

На лодке приплыл один-единственный человек. Старый капитан Фогено, когда ему об этом сообщили, высоко задрал брови над своими невидящими глазами.

— Во Внешние Пределы в одиночку плавают только колдуны, волшебники да Великие Маги... — сказал он.

Так что теперь жители деревни, затаив дыхание, надеялись, что в кои-то веки смогут полюбоваться на настоящего Мага, одного из тех могущественных волшебников, которых много на внутренних островах Архипелага. Впрочем, они были несколько разочарованы, ибо путешественник оказался молодым, чернобородым и красивым парнем, который весело махнул им рукой из своей лодки и с радостным нетерпением выскочил на пирс — как и все моряки, добравшиеся до долгожданной земли. Он поздоровался и назвался бродячим морским торговцем. Но, когда люди рассказали об этом капитану Фогено, прибавив, что у незнакомца есть дубовый посох, с которым тот не расстается, старик только головой покачал:

— Два волшебника в одном городе... Плохо дело! — И, пожевав губами, как старый карп, замолчал.

Поскольку приезжий не мог назвать им своего имени, они тут же дали ему прозвище сами: Чернобородый. Гость был окружен всеобщим вниманием. Он привез кое-какие товары: одежду, сандалии, пушистые перья писви для оторочки плащей, недорогие благовония, волшебные камни, якобы дающие способность летать, разные лечебные травы, а еще крупные стеклянные бусы с острова Венвей — обычный набор бродячих торговцев. Не было на острове человека, что хоть раз не зашел бы к Чернобородому: просто поболтать, посмотреть товары, а то и купить что-нибудь. «Хотя бы просто на память!» — скрипела старая Гуди Гульд, которая, как и все женское население деревни, была сражена красотой и умными речами Чернобородого. Что же касается мальчишек, то те просто целыми днями готовы были толочься возле него и слушать рассказы о путешествиях на неведомые острова Дальних Пределов или на богатые острова Архипелага, во внутренние моря, где пересекаются пути многочисленных судов с белоснежными парусами, где золотятся шпили прекрасных башен столицы Земноморья — Хавнора. Люди охотно слушали его истории, но некоторые удивлялись: зачем Чернобородому понадобилось плавать по дальним морям в одиночку? — и не сводили глаз с его дубового посоха.

А мистер Горовик по-прежнему отсиживался в пещере под горой.

— Впервые попадаю я на остров, где нет своего волшебника, — сказал

Чернобородый как-то вечером в гостях у Гуди Гульд. Она пригласила заморского гостя, своего племянника Берта и учительницу Палани на чашку чая. — Как же вы обходитесь, если зуб заболит или у коровы молоко пропадет?

— Как же! У нас ведь для этого мистер Горовик есть! — ответила старуха.

— Да уж, на это его волшебства только-только и хватает, — пробормотал ее племянник, рыбак Берт, смутился, покраснел и пролил чай на скатерть. Берт был крупным, сильным, очень храбрым, но чрезвычайно молчаливым молодым мужчиной. Он давно был влюблен в школьную учительницу, но самое большее, на что он осмеливался, — это в знак великой любви преподносить полные корзины свежепойманной макрели кухарке ее отца.

— О, так у вас есть волшебник? — спросил Чернобородый. — Он что же, невидимка?

— Нет, он просто очень застенчивый, — сказала Палани. — Вы ведь здесь всего неделю живете, а у нас, знаете ли, чужеземцы редко бывают... — Она тоже слегка покраснела, но чаем заливать свое смущение не стала.

Чернобородый улыбнулся ей.

— Он, наверное, здешний? Уроженец Сатиновых островов, да?

— Нет, — ответила ему Гуди Гульд, — он такой же здешний, как и вы. Еще чашечку, племянник? Только уж постарайся на этот раз чай выпить. Нет, дорогой мой, он, знаете ли, приплыл сюда один, в маленькой лодчонке, года четыре назад. Так ведь? Как раз через день после того удачного лова сельди, когда сети тащили всей деревней, а пастух Понди еще ногу сломал, — должно, теперь уж пять лет будет? Нет, четыре все-таки... Да нет, пять, пожалуй: это ведь в тот год было, когда чеснок не пророс? Ну, стало быть, приплывает он сюда на утлой лодчонке, доверху загруженной всякими сундуками да шкатулками, и говорит капитану Фогено, который тогда еще не совсем ослеп, хоть и был совсем старым, так что мог бы успеть и дважды ослепнуть: «Я слышал, что у вас здесь нет ни колдуна, ни волшебника, так что, может, он вам требуется?» — «Конечно, требуется, — говорит капитан, — только чтоб магия его непременно белой была!» В общем, мы и глазом моргнуть не успели, как мистер Горовик поселился в пещере под горой и начал заклинаниями лечить от чесотки рыжего кота Гуди Белтоу. Чесотка и впрямь прошла, только шерсть у кота на облысевших местах выросла серая, так что масти он стал — не разбери поймешь. Помер этот кот прошлой зимой, в холода. И уж так Гуди Белтоу,

бедняжка, по нем убивалась — куда больше, чем по мужу, когда тот на Долгой Отмели утонул!.. Это еще когда селедка хорошо ловилась, а племянник мой Берт в пеленках лежал.

Тут Берт от смущения снова пролил чай, Чернобородый ухмыльнулся, но Гуди Гульд и бровью не повела, так что разговор затянулся до темноты.

На следующий день Чернобородый отправился к причалу и извлек со дна своей лодки кусок старой обшивки какого-то судна, который, похоже, давно возил с собой. Словоохотливые жители тут же окружили его.

— Скажите, а какая из этих лодок принадлежит вашему волшебнику? — спросил Чернобородый. — Или, может, он на волшебной лодке приплыл? Маги превращают ее в ореховую скорлупку, когда она им без надобности.

— Нет, — флегматично ответил ему один рыбак, — лодку свою он прячет у себя в пещере, под горой.

— Он что же, отнес лодку, на которой приплыл, к себе в пещеру?

— Ну да. Точно. Я сам ему помогал. Ох и тяжелая же она была, прямо будто свинцом налита! Доверху набита всякими сундучками да шкатулками, а в шкатулках, он говорил, всё книги с заклинаниями. Да уж, как только руки не оторвались — такую тяжесть тащить! — И флегматичный рыбак покачал головой и меланхолично вздохнул.

Племянник Гуди Гульд, Берт, возившийся с сетью неподалеку, поднял голову и спросил спокойно и безмятежно:

— А может, вы хотите с самим мистером Горовиком потолковать?

Чернобородый посмотрел прямо на него. Умные черные глаза его встретились с открытым взглядом честных голубых глаз Берта. Они долго смотрели друг на друга, потом Чернобородый улыбнулся и сказал:

— Да, хотелось бы. Может, ты меня проводишь к нему, Берт?

— Конечно, провожу. Вот только сперва с работой покончу, — ответил рыбак.

И когда сеть была починена, они с заморским гостем двинулись по деревенской улице к высокому зеленому холму, что виден был сразу за деревней. Когда они шли через выгон, Чернобородый вдруг сказал:

— Погоди-ка минутку, друг мой Берт. Надо мне кое-что рассказать тебе, прежде чем мы с вашим волшебником встретимся.

— Ну рассказывай, — сказал Берт, усаживаясь под огромным дубом.

— История эта началась сто лет назад, и конца ей пока не видно... Но он скоро наступит, очень скоро! Среди островов Архипелага, которые сидят в море так густо, как мухи на меду, есть небольшой остров под названием Пендор. Правители Пендора обладали силой и властью в те дни, когда в

Земноморье еще часто случались войны и мир меж островами не был заключен. Награбленное и полученное в виде дани добро суда свозили на Пендор, где в итоге собрались несметные богатства. Так оно было в давние времена. Потом откуда-то с запада, с тех голых островов, покрытых лавой, где драконы живут и выводят свое потомство, прилетел один из них — огромный и могучий. Он не имел ничего общего с теми ящерицами-переростками, которых вы, обитатели Восточного Предела, называете драконами. Это было огромное, чернокрылое и чертовски умное чудовище, полное сил и коварства. Как и все драконы, он больше всего на свете любил золото и драгоценные камни. И убил правителей Пендора, уничтожил их войско, а мирные жители, оставшиеся в живых, под покровом ночи бежали за море. Все до одного люди покинули остров Пендор, оставив свернувшегося кольцом дракона среди разрушенных башен. И целых сто лет дракон бродил, волоча свое отвратительное брюхо, по россыпям изумрудов, сапфиров и золотых монет. Он покидал остров лишь раз в один-два года, когда начинал чувствовать голод. Тогда он летел к населенным островам... ты знаешь, Берт, что едят драконы?

Берт кивнул и ответил шепотом:

— Девушек.

— Верно, — подтвердил Чернобородый. — Ну так вот, не век же было терпеть выходки дракона, тем более людям даже думать было противно, как он там сидит, на своих сокровищах. И когда в Земноморье установился мир, прекратились войны и пиратские налеты, жители островов решили атаковать Пендор, прогнать дракона и забрать все золото и драгоценности в казну правителей Земноморья. Итак, пятьдесят крупных островов прислали свои корабли, и огромная флотилия двинулась к Пендору. Семеро Великих Магов стояли на носу самых больших и крепких судов... Когда они высадились на берег, то нашли остров мертвым и опустевшим. В заброшенных домах на накрытых к обеду столах тарелки были полны столетней пыли. Побелевшие от времени кости правителя Пендора и его придворных валялись в залах дворца и на лестницах. Главная башня пропиталась драконьей вонью. Но самого дракона не было нигде. И нигде не находили они никаких сокровищ — ни одного, даже самого малюсенького, с маковое зернышко, алмаза, ни одной серебряной монетки... Видимо, вовремя осознав, что не сможет противостоять могуществу семи Великих Магов, дракон бежал и унес с собой свое сокровище. Люди пошли по его следу и обнаружили, что дракон перебрался на пустынный северный островок под названием Удратх; там было множество его следов и... снова побелевшие кости. То были его кости

— кости дракона. Однако сокровища люди так и не нашли. Видимо, какой-то неведомый волшебник сумел не только уничтожить дракона в бою, но и увез все сокровища Пендора прямо из-под носа у посланников Земноморья!

Рыбак слушал довольно внимательно, хотя выражение его лица оставалось бесстрастным.

— Ну и, разумеется, это должен был быть весьма могущественный и умный волшебник — чтобы сначала убить дракона, а потом вот так скрыться, не оставив никаких следов! Правители Архипелага и Великие Маги так и не смогли выследить его, так и не узнали, ни откуда он приплыл, ни куда делся потом. А прошлой весной, когда после трехлетнего плавания в Северный Предел я вернулся домой, они попросили меня помочь им. Обратились они точно по адресу: я ведь не только волшебник — как кое-кто на вашем острове правильно догадался, — но еще и потомок правителей Пендора. Так что сокровище принадлежит мне. И знает, кто его хозяин. А глупцы с Архипелага не смогли отыскать его потому, что оно принадлежит не им, а роду моих предков. Звезда нашей сокровищницы, знаменитый изумруд Иналкиль, знает своего властелина. Смотри! — Чернобородый поднял свой дубовый посох и громко крикнул: — Иналкиль! — И верхушка посоха начала наливать зеленым светом, вокруг повисла зеленая дымка цвета апрельской травы, и посох склонился в руках волшебника, указав точно на холм, что возвышался перед ними. — Там, в Хавноре, далеко отсюда, свечение не было, разумеется, таким сильным, — прошептал Чернобородый, — но и там посох мой указал верное направление! Иналкиль всегда отзывался мне. Этот камень хорошо меня знает, а я знаю, кто его украл, и вызову вора на поединок! Да, это могущественный волшебник, раз смог одолеть дракона. Но я все-таки сильнее его! Хочешь знать, почему, парень? Потому что я знаю его имя!

Чернобородый говорил все заносчивее, вид у него становился все более высокомерным, а Берт, наоборот, смотрел все более тупо и бесстрастно. Однако, услышав последние слова Чернобородого, он вздрогнул, закрыл разинутый от удивления рот и недоуменно уставился на гостя с Архипелага.

— Как же... тебе удалось... узнать его имя? — очень медленно проговорил он.

Чернобородый только усмехнулся, но не ответил.

— Благодаря Черной Магии?

— Ну а как же еще?

Берт побледнел и ничего больше не спросил.

— Я правитель острова Пендор, парень, и я получу то золото, которое завоевали мои предки, и драгоценности, которые носили женщины нашего рода, и Зеленый Камень Иналкиль! Ибо все это принадлежит мне по праву!.. А ты теперь сможешь рассказать деревенским простакам мою историю — но только после того, как я, одержав победу над этим волшебником, покину ваш остров. Подожди здесь. Впрочем, можешь пойти со мной и посмотреть, если не боишься. Иной возможности увидеть поединок двух великих волшебников у тебя не будет! — Чернобородый резко повернулся и, даже не взглянув на Берта, быстро пошел к основанию холма, где виден был вход в пещеру.

Очень медленно двинулся за ним следом и Берт. На довольно большом расстоянии от пещеры он остановился, спрятался за кустом боярышника и стал ждать. Гость с Архипелага стоял перед разверстой пастью пещеры; его темная фигура отчетливо выделялась на зеленом склоне. На какое-то мгновение он застыл в полной неподвижности, а потом вдруг, взмахнув посохом над головой, отчего вокруг разлилось изумрудное сияние, крикнул:

— Эй, вор, похититель сокровища Пендора, выходи!

Внутри пещеры что-то зазвенело, загремело, словно разбили большой глиняный сосуд, и оттуда вылетело целое облако черной пыли. Пыль запорошила Берту глаза, он закашлялся, а когда снова смог видеть, то Чернобородый по-прежнему неподвижно стоял у входа в пещеру, откуда, весь засыпанный пылью и взъерошенный, вышел мистер Горовик. Он выглядел маленьким, жалким, косолапым; ножки, обтянутые черными штанами, были коротенькие и кривые; и посоха у него в руках не было — у него вообще никогда не было никакого посоха, вдруг подумал Берт. И тут мистер Горовик заговорил.

— Кто ты такой? — спросил он своим глухим слабым голосом.

— Я повелитель Пендора, а ты — вор, и я пришел потребовать назад свои сокровища!

Щеки мистера Горовика медленно порозовели, как всегда, когда люди разговаривали с ним грубо. Но потом он вдруг совершенно изменился: как-то пожелтел, волосы у него встали дыбом, он не то кашлянул, не то странно рыкнул — и вот уже желтый лев прыгнул прямо на Чернобородого, сверкнули страшные клыки зверя...

Но Чернобородого там не оказалось: огромный тигр цвета изрезанной молниями ночи бросился льву навстречу...

Лев исчез. Чуть ниже пещеры вдруг откуда ни возьмись выросла целая роща деревьев с черными в зимнем свете солнца стволами. Тигр, зависнув в воздухе посредине прыжка, превратился в пламя, которое стало жадно

пожирать сухие черные ветви...

И сразу там, где только что стояли деревья, земля начала вспучиваться, и оттуда серебристой аркой вылетела мощная струя воды, с шумом устремившаяся по склону на бушующее пламя. Но и пламя исчезло...

И тут прямо на глазах у изумленного рыбака выросли два холма — один зеленый, давно знакомый, и новый, голый, коричневый, готовый впитать мощные струи воды. Все произошло настолько быстро, что Берту пришлось как следует протереть глаза, а когда он их снова открыл, то не только изумленно захлопал ресницами, но даже застонал: то, что он видел теперь, было куда страшнее. Вместо коричневого холма, точнее, на его вершине, закрывая черными крыльями его целиком, возвышался дракон. Чудовищные стальные когти бороздили землю, а из темной, покрытой чешуей пасти вырывались языки пламени и клубы дыма.

Перед чудовищем у подножия зеленого холма стоял Чернобородый и смеялся.

— Можете превращаться во что угодно, мистер Горовик! — дразнил он противника. — Я вас все равно узнаю. Однако игра ваша, милый толстячок, начинает меня утомлять. Теперь я желаю взглянуть на сокровища Пендора, на свой Иналкиль. Да, большой ты дракон, да волшебник маленький! А ну-ка прими свое истинное обличье! Приказываю это тебе и заклинаю истинным твоим именем — Йевод!

Берт будто окоченел — даже моргнуть не мог. Дрожа от страха, смотрел он на происходящее, хотя смотреть ему вовсе не хотелось. Он видел, как чудовищный черный дракон завис в воздухе над Чернобородым. Он видел, как из пасти его вырывается пламя, а из красных ноздрей валит дым. Он видел, как лицо Чернобородого побледнело, побелело как мел и губы его, прикрытые черной бородой, задрожали.

— Твое имя Йевод!

— Да, — хрипло прошипел могучий дракон. — Мое подлинное имя действительно Йевод, а мое подлинное обличье — вот это.

— Но ведь дракон был убит... они же нашли кости дракона на острове Удратх...

— То были кости другого дракона, — проревело чудовище и, словно ястреб, вытянув когти, ринулось вниз. Берт зажмурился.

Когда же он наконец открыл глаза, небо над головой у него было пустым и чистым. И склон холма тоже опустел, лишь красновато-черное пятно осталось на нем — словно кого-то вдавили там в землю — да вокруг на примятой траве виднелись следы от когтистых драконьих лап.

Когда Берт смог подняться на ноги, он бросился бежать — через

выгон, разгоняя овец во все стороны, прямо в деревню, к дому отца Палани. Сама Палани оказалась в саду: сажала настурции.

— Идем со мной! — задыхаясь, проговорил Берт.

Она удивленно уставилась на него, но он схватил ее за руку и потащил за собой. Она для порядка возмутилась, однако особенно сопротивляться не стала. Они примчались на пристань, Берт толкнул девушку в свою рыбацью лодку по имени «Королевна», схватил весла и стал грести как бешеный. В последний раз увидели Сатиновые острова парус «Королевы», стремительно удалявшийся в сторону западных островов. Больше ни Берта, ни Палани жители деревни не встречали.

Сперва новость о том, как Берт, племянник старой Гуди Гульд, потеряв разум, уплыл неведомо куда со школьной учительницей, потрясла деревню. Тем более что в тот же день бесследно исчез и молодой торговец по кличке Чернобородый, бросив все свои драгоценные перья и бусы. Однако тема эта оказалась исчерпанной уже дня через три, ибо мистер Горовик вышел наконец из своей пещеры, и теперь у жителей деревни хватало иных тем для разговоров.

А мистер Горовик решил, что раз уж его подлинное имя стало всем известно, то можно больше не скрывать и своего подлинного обличья. Ходить ему всегда было куда труднее, чем летать, а кроме того, уже давненько он по-настоящему не обедал...

Освобождающее заклятье

Где же это он? Жесткий, покрытый слизью пол, воздух черен и пропитан зловонием. Остальное совершенно неясно. Вот только голова очень болит.

Лежа на ледяном полу, Фестин со стоном приказал: «Эй, посох!» Но ольховый волшебный посох так и не появился. И тут Фестин понял, что ему угрожает страшная опасность. Он сел и, поскольку посоха у него не было, и он не мог зажечь настоящий волшебный огонь, щелкнул пальцами и пробормотал нужное заклинание. Слабый голубоватый огонек — частица его души, — вызванный к жизни волей волшебника, вспыхнул в воздухе, рассыпая искры. «Поднимись-ка повыше», — сказал ему Фестин, ощущая в парящем огоньке частицу самого себя, и светящийся шарик поплыл вдоль стены к потолку, все выше и выше, пока наконец не осветил крышку люка — метрах в пятнадцати от пола. С этой высоты лицо самого Фестина казалось бледным пятном на дне темного колодца. Огонек не отражался в сочащихся влагой стенах: они с помощью магии были сотканы из ночной тьмы, поглощающей всякий свет. Потом светящаяся частица души Фестина вернулась в его тело, и волшебник сказал огоньку: «Погасни», и тот погас. А Фестин сидел в темноте и, отчаянно ломая пальцы, думал.

Наверняка его застали врасплох, подло подкравшись сзади. Последнее, что осталось в памяти, — обычный вечерний разговор с деревьями в лесу. В его любимом лесу. Недавно, достигнув середины жизненного пути и долгие годы проведя в одиночестве, Фестин вдруг понял, что время потрачено зря; неизрасходованные силы томили его. Желая запастись терпением и не совершать более бессмысленных поступков, покинул он тогда мир людей и ушел в леса. С тех пор он общался только с деревьями, в основном с дубами, каштанами и серыми ольховинами, чьи корни близки глубинным источникам, бьющим из-под земли. С человеком он в последний раз разговаривал примерно полгода назад. Все это время он был занят подлинными, жизненно важными вещами, никого не беспокоил, не произнес даже ни единого заклятия. Так кому же он понадобился? Кто лишил его силы и бросил в этот вонючий колодец? «Кто?» — спросил он у стен, и на них медленно проступило имя и стекло вниз, подобно тяжелой черной капле влаги, выделяемой порами камня и мерзкой плесенью: Волл.

Фестин почувствовал, как покрывается холодным потом. О Волле Беспощадном он слышал уже давно; ходили слухи, что он больше, чем

волшебник, но меньше, чем человек; говорили также, что на своем пути с острова на остров, вплоть до самых Дальних Пределов, он разрушает все древние творения человека, превращает людей в рабов, вырубает леса и отравляет поля, пряча в страшных подземных колодцах-могилах любого волшебника или Мага, пытающегося с ним сразиться. Люди, спасшиеся с разоренных им островов, всегда рассказывали одно и то же: Волл прилетел под вечер на темной туче, влекомой морским ветром; его рабы следовали за ним на кораблях. Рабов эти люди видели собственными глазами, но никто никогда так и не смог как следует разглядеть самого Волла... Однако в Земноморье хватало и злодеев, и загадочных существ, так что Фестин, молодой еще волшебник, жаждущий знаний, не стал обращать особого внимания на страшные истории о Волле Беспощадном. «Свой остров я пока защитит в силах», — думал он, уверенный в собственном волшебном могуществе, и жил среди дубов и каштанов, слушал шорох их листьев на ветру, музыку играющих в стволах и ветвях соков, вместе с деревьями ловя солнечный свет и ощущая вкус подземных вод, питающих их корни... Где-то они теперь, старые верные друзья? А что, если Волл уничтожил его лес?

Очнувшись от грез, Фестин встал, выпрямился во весь рост, сделал два широких жеста негнувшимися руками и громко произнес то слово Истинной Речи, которое непременно должно было разрушить любые запоры, настежь распахнуть любые, созданные человеком двери. Но эти стены, пропитанные ночной тьмой и укрепленные именем своего создателя, не поддавались, они даже не дрогнули. Произнесенное заклятие вернулось столь громогласным эхом, что Фестин, чуть не потеряв сознание, упал на колени и зажал руками уши. Потом, когда снова наступила тишина, он, еще не оправившись от потрясения, сел и стал думать.

Слухи оказались верны: Волл действительно был необычайно силен. Здесь, в его владениях, в глубине подземной темницы, выстроенной с помощью страшных заклятий, просто так с ним не справиться, тем более что могущество самого Фестина уменьшилось вдвое с утратой посоха. Но никто, даже пленивший его злодей, не смог бы отнять у него способности мысленно переноситься куда угодно, в любое место, а еще — способности к Превращениям. Фестин потерял виски — их нестерпимо ломило — и начал первое Превращение. Медленно, неощутимо тело его расплылось облаком тумана.

Лениво обвисая по краям, туман поднялся над полом и поплыл вверх, вдоль осклизлых стен туда, где арка кровли соединялась со стеной. В этом месте была тоненькая, не толще волоса, трещинка. Через нее туман капля за каплей просочился наружу. Он уже почти вырвался на свободу, когда

вдруг налетел горячий ветер — горячий, словно воздух над раскаленной плитой, — и стал безжалостно высушивать туман. Он поспешно втянулся назад, в трещинку под сводом, стек по стенам на пол и обрел свое подлинное обличье. Потом Фестин, еле дыша, вытянулся на холодном каменном полу. Превращение всегда требует огромного душевного напряжения и расхода физических сил, когда же к этому примешивается ужасное предвкушение гибели в нечеловеческом обличье, то пережить столь чудовищное испытание непросто. Некоторое время он был почти без чувств. К тому же злился на самого себя. Слишком это просто — превращаться в туман. Любому дураку подобный фокус известен. Вполне возможно, Волл, предвидя это, что называется, на всякий случай оставил на страже горячий ветер. Фестин еще немного подумал, потом собрал свое тело в маленький черный комок, превратился в летучую мышь, взлетел к потолку и, обернувшись тонкой струйкой воздуха, просочился сквозь трещину наружу.

На этот раз освободиться из темницы ему удалось.

Невидимый и прозрачный, поплыл он через зал, в котором оказался, к окну; и тут острое чувство опасности заставило его снова превращаться — в первую пришедшую на ум вещь: золотое колечко. И вовремя. Налетевший ледяной смерч тут же превратил бы легкую струйку воздуха в ничто. Даже упавшее на пол колечко чуть покрылось инеем. Когда смерч миновал, Фестин-кольцо лежал на мраморном полу и раздумывал: в каком бы виде выбраться наружу через окно?

Однако он думал слишком долго и слишком поздно решил убраться с того места, где лежал. Чудовищный тролль с черным лицом вихрем промчался через зал и успел схватить кольцо своей огромной, белой, словно из извести сделанной, лапой. Потом подбежал к люку, поднял крышку за железную рукоять и, пробормотав заклятие, бросил кольцо в темный колодец. Фестин камешком пролетел все пятнадцать метров и звонко ударился о каменный пол.

Обретя свое истинное обличье, он сел, мрачно потирая разбитый локоть. Ну ладно, довольно превращений на голодный желудок. Больше всего ему сейчас хотелось вернуть свой посох: тогда он по крайней мере смог бы как следует пообедать. Без посоха он, хотя и мог изменять собственное обличье, поскольку сохранил еще волшебную силу, однако не имел возможности вызвать заклинанием ни одно материальное тело — будь то молния или баранье ребрышко.

«Ничего, потерпишь», — сказал себе Фестин и, отдышавшись, растворил свое тело в бесконечно сладостных запахах жаркого из барашка.

Потом еще раз попробовал просочиться сквозь щель. Поджидавший снаружи тролль подозрительно потянул было носом, но Фестин уже успел сменить обличье и, превратившись в сокола, устремился прямо к окну. Тролль бросился за ним, но промахнулся и взревел — словно камни загрохотали — «Ловите! Ловите сокола!», но было поздно. Взмыв в небеса с потоками ветров Фестин покинул заколдованный замок и полетел к своему родному лесу, что лежал на западе, как бы окутанный темной пеленой. Он летел стрелой, однако иная стрела, более быстрая и смертоносная, настигла его. И Фестин, вскрикнув, стал падать. Солнце, и море, и башни закуружились у него перед глазами и исчезли.

Он очнулся все в той же сырой темнице, на полу. Волосы намокли от крови, рот тоже был окровавлен. Стрела ранила сокола в основание крыла — то есть в человеческое плечо. Стараясь не шевелиться, Фестин пробормотал заклятие, и рана стала затягиваться. Вскоре он уже смог сесть и, наконец собравшись с силами, выговорил более сильное и многословное заклятие — исцеляющее раны. Однако он потерял слишком много крови, а вместе с ней и сил, и теперь холод пробирал его до костей. Даже исцеляющее заклятие не могло согреть его. Перед глазами плыла темная пелена, хотя он все-таки сумел зажечь крохотный волшебный огонек; то была такая же черная пелена, что окутывала теперь его лес и селенья его острова.

Он должен был защитить эту землю!

Но впрямую больше действовать он не мог. Так ему отсюда не спастись: он слишком ослабел и устал. И слишком много растратил волшебных сил. Теперь он будет слаб в любом обличье и непременно попадет в очередную ловушку Волла.

Дрожа от холода, Фестин скрючился на полу и погасил волшебный огонек. Тот с шипением погас, испустив слабый запах болотного газа. Этот запах напомнил Фестину о болотах, что тянутся между стеной леса и морем у него на острове. То были его любимые болота, куда не ступала нога человека; осенью над ними длинной вереницей низко пролетали лебеди, а между озерцами стоячей воды и заросшими тростником островками по направлению к морю всегда бежали быстрые тихие ручейки. Ах, вот бы стать рыбкой в одном из этих ручьев! А еще лучше — оказаться у их истоков, под сенью деревьев, в тех темных водах, что омывают корни ольховин, в загадочных водах, питаемых подземными источниками...

Здесь требовалось Великое Заклятие. Фестин редко произносил их. Но он мечтал, как и любой другой человек, оказавшись в изгнании или в опасности, — мечтал коснуться родной земли, испытать воды из ее

источников, увидеть перед собой двери милого сердцу дома, знакомый обеденный стол, ветви дерева за окном своей спальни... Лишь во сне удастся немногим, кроме разве Великих Магов, воплотить в жизнь мечту об утраченном доме... Но Фестин все же был настоящим волшебником, а потому, несмотря на пробирающий до костей холод, сковавший даже его нервы и жилы, все же поднялся на ноги, собрал всю свою волю и в молчании, меж страшных темных стен, начал творить Великое Заклятие.

И стены исчезли. Теперь он находился как бы внутри земли; скалы и гранитные жилы были ее костями, подземные воды — кровью, корни деревьев и вещей — нервами.

В обличье слепого червя медленно продвигался Фестин сквозь землю — на запад. Сзади и спереди — со всех сторон его окружала тьма. И вдруг неожиданно его спины и живота коснулся бодрящий, не оказывающий сопротивления, не истощающий силы ласковый холодок. Он попал в воду, почувствовал ее течение. Превратившись в серебристую рыбку, глазами, лишенными век, увидел он, что находится в глубоком пруду с коричневатой водой, среди мощных корней ольховин. Фестин, отсвечивая серебром, нырнул поглубже, в тень. Он все-таки обрел свободу! Он был дома.

Вода текла и текла из неиссякающего чистого родника... Фестин лежал на песчаном дне озерца: пусть родниковая вода, что действует сильнее любого исцеляющего заклęcia, залечит его раны; пусть ее прохлада придет на смену мертвящему холоду темницы, пропитавшему его тело... Но, отдыхая, он слышал, как дрожит под чьими-то тяжелыми шагами земля в лесу. Кто это ходит там? Он был еще слишком слаб, чтобы снова сменить обличье, и скрыл свое серебристое тело — тело форели — за толстым корнем ольхи. Спрятавшись, он стал ждать.

Огромные серые пальцы шарили в воде, перетирали песок. Сквозь замутившуюся воду было видно, как над озерцом склоняются чьи-то бледные лица, чьи-то немигающие глаза пытаются кого-то разглядеть в глубине. Сетка и руки упорно делали свое дело. Сначала они, правда, упустили его, но потом все-таки вытащили на берег. Форель извивалась на песке. Фестин тщетно пытался обрести прежнее обличье — и не мог: был связан Великим Заклęтием, что привело его домой. Он мучительно дергался в сетях, ловил ртом сухой, прозрачный, ужасный воздух суши, он погибал. Агония казалась бесконечной, и все желания в нем постепенно гасли. Прошло очень много времени, прежде чем Фестин потихоньку начал осознавать, что вновь обретает человеческое обличье. Какая-то острая, горькая жидкость против его воли лилась ему в горло. Время как бы остановилось... Потом он обнаружил, что лежит ничком на полу все той же

темницы. Он снова оказался во власти своего врага. И хотя теперь он снова мог нормально дышать, но был уже на самом пороге смерти.

Теперь холод окутывал его со всех сторон; тролли, слуги Волла, должно быть, превратили в месиво хрупкое тело форели, потому что, когда Фестин шевельнулся, боль в груди и в плече буквально оглушила его. С переломанными костями, совсем без сил лежал он в этом колодце с магическими страшными стенами. У него не осталось более волшебного могущества, и обличье свое он изменить больше не мог. Оставался лишь один путь к освобождению.

Лежа неподвижно и стараясь по мере сил не думать о терзающей его боли, Фестин размышлял: почему же он все-таки не убил меня? Зачем держит меня в темнице, сохраняя мне жизнь?

Почему я ни разу его не видел? Чьи же глаза способны увидеть его? И ходит ли он по этой земле?

Он боится меня, хотя я совсем обессилел.

Говорят, что все волшебники и просто люди с сильной волей, которых он сумел победить, заживо похоронены в тайниках, в таких вот колодцах, как этот; они живут там долгие годы, тщетно пытаясь освободиться...

А если избрать иной путь: отказаться от жизни?

И Фестин решился. Последняя мысль: если я ошибся, то люди подумают, что я просто трусил, — ненадолго задержалась в его мозгу. Чуть повернув голову набок, он закрыл глаза, глубоко вздохнул и прошептал Великое Слово, дающее вечную свободу. Слово, которое произносят лишь раз в жизни.

Это было не Превращение. Фестин совсем не изменился. Его тело, его длинные руки и ноги, его умные, послушные пальцы, его глаза, что так любили смотреть на деревья и ручьи, — все было тем же. Но только неподвижным, застывшим, источающим хлад. Черные стены исчезли. Исчезли и созданные магией мрачные своды, исчезли залы и башни, исчезли море и дальний лес, исчезло вечернее небо. Все исчезло, и Фестин медленно побрел куда-то вниз по длинному склону Холма Жизни, над которым светили иные звезды.

Когда-то он обладал великим могуществом — и еще не забыл об этом. Подобно свету свечи двигался он по безбрежным пустынным просторам. И, словно вдруг что-то вспомнив, громко назвал имя своего врага: Волл!

Призванный подлинным именем, не в силах сопротивляться этому зову, Волл явился — настоящий, только очень бледный человек, ясно видимый в свете звезд. Фестин подошел к нему вплотную, и Волл, в ужасе отшатнувшись, вскрикнул так, словно обжегся. Потом бросился бежать.

Фестин следовал за ним по пятам. Они долго бежали по остывшим потокам лавы, вытекшей когда-то из давно потухших вулканов, что вздымали свои вершины к безымянным звездам; по каменистым склонам молчаливых холмов; по долинам, заросшим короткой черной травой; мимо пустых городов, по неосвещенным улицам, между домами, в окнах которых не появилось ни одно лицо. Звезды неподвижно висели в небе — ни одна не скатилась с небосклона, ни одна новая не появилась там. Здесь ничто никогда не менялось. И никогда не наступил бы день. Они шли все дальше и дальше, и Фестин по-прежнему преследовал своего врага. Но вот перед ними оказалось высохшее русло реки. Когда-то очень, очень давно эта река текла сюда из царства живых. В ныне сухом ее русле среди валунов лежало обнаженное тело — тело старика. Его остановившиеся глаза были обращены к неподвижным звездам, которые и перед смертью безгрешны.

«Вот твоя плоть. Войди в нее!» — приказал Фестин душе Волла. Тень взвыла. Фестин подошел ближе, и Волл пополз было на четвереньках прочь, но споткнулся и нырнул прямо в разверстый рот мертвого тела.

И труп тут же исчез. На сухих валунах при свете звезд не было заметно ни малейших следов, ни единого пятнышка. Фестин некоторое время еще постоял неподвижно, потом медленно опустился на один из камней, чтобы немного отдохнуть. Пока только отдохнуть; спать было нельзя: он должен быть начеку до тех пор, пока тело Волла не истлеет в своей могиле, не превратится в прах; пока не иссякнет вся заключенная в нем злая сила, пока прах его не разнесет ветер, не смоют в море дожди. Фестин должен стеречь это место — ведь когда-то именно здесь смерть нашла лазейку в мир живых. Исполненный бесконечного терпения, Фестин сидел и ждал среди валунов, где никогда больше не побежит живая вода, ибо в этой стране никогда не было выхода к морю. Звезды у него над головой застыли в вечной неподвижности; он все смотрел на них, и медленно, постепенно из памяти его уходили голоса ручьев, шум падающего дождя, шорох дождевых капель, стекающих по листьям в лесу его жизни.

Траву моли Одиссей получил от Гермеса и, подмешав в напиток, одержал победу над волшебницей Киркой (Цирцеей). — *Здесь и далее прим. перев.*

Английские слова *dragon* и *dragonfly* являются однокоренными, так что детское прозвище главной героини — Стрекоза (Dragonfly) носит дополнительный смысл, ибо впоследствии эта девушка превращается в дракона. (Прим. пер.)

Следует помнить, что слова «dragon» (дракон) и «dragonfly» (стрекоза) являются однокоренными. (Прим. пер.)